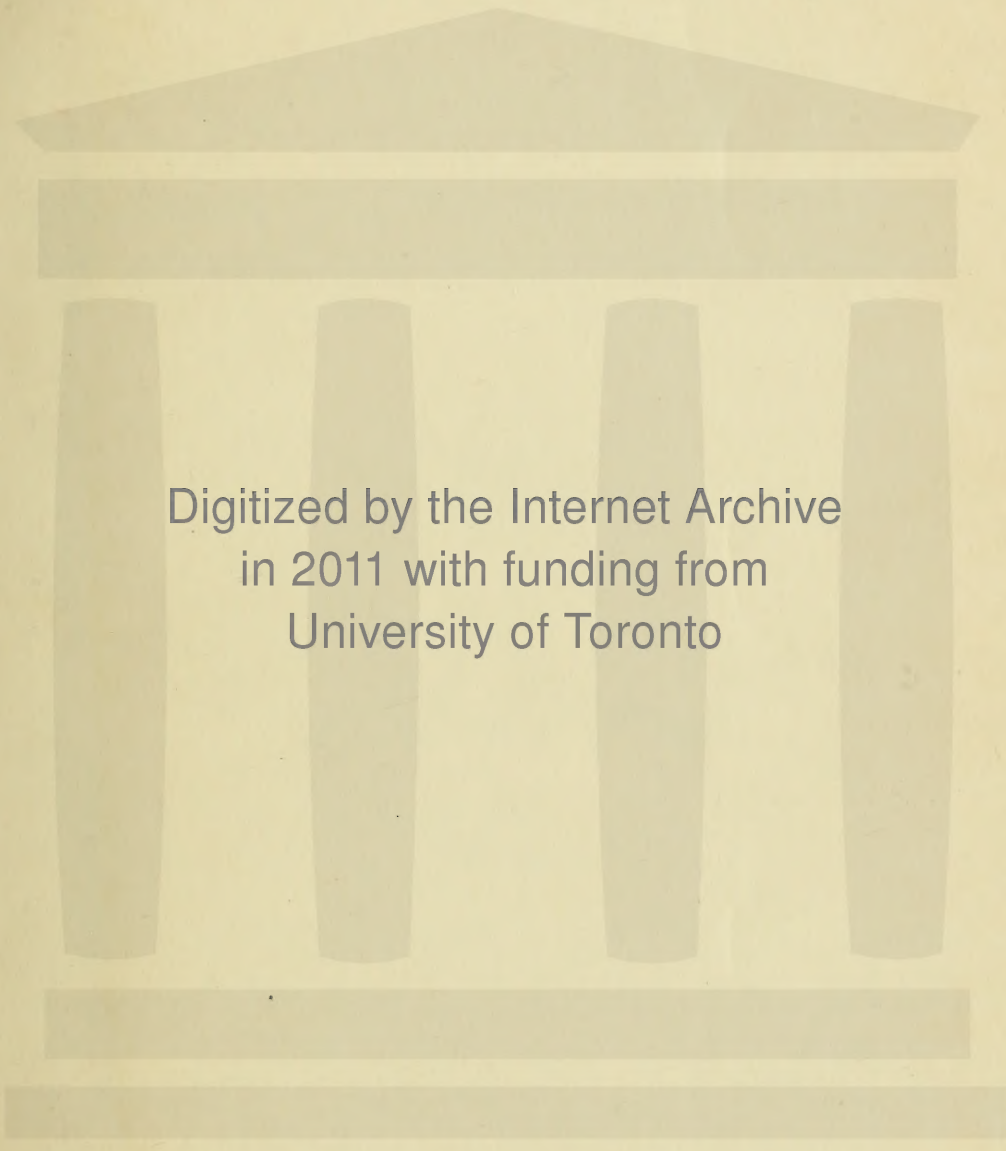
3 1761 08821004 2


Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso10mami

M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

(V 10) 163cv

494378

7.7.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1917 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф МАКРСЪ. Петротрадъ, Измайловскій пр., № 29.

БУРНЫЙ ПОТОКЪ

(НА УЛИЦѢ).

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сегодня для редакціи ежедневной уличной газетки „Искорки“ былъ положительно счастливый день, даже слишкомъ счастливый, потому что пріемная редакціи была биткомъ набита посѣтителями.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—съ заученнымъ достоинствомъ и холодною любезностью обращался секретарь редакціи къ очередному посѣтителю.

Эта стереотипная фраза, смотря по очереди, замѣнялась другими, не менѣе офиціально-безсодержательными, а посѣтителямъ попроще секретарь съ сдержанною ироніей человѣка, привыкшаго быть постоянно на виду, довольно развязно бросалъ безцеремонную фразу: „Что прикажете?“. Вообще, несмотря на свою молодость, секретарь держалъ себя въ качествѣ представителя прессы и журналиста вполнѣ безукоризненно и умѣлъ необыкновенно эффектно и складно въ тактъ разсказа кліента повторять ничего не выражавшее: „Да, да... та-акъ!“. Этотъ министерски-неопредѣленный, не то отрицательный, не то утвердительный звукъ сильно смущалъ новичковъ, а болѣе проницательные и бывалые субъекты относились къ нему совершенно безразлично, какъ къ жужжанью двухъ зеленыхъ осеннихъ мухъ, напрасно колотившихся зелеными головками въ окно пріемной. Въ критическихъ случаяхъ, когда посѣтитель съ непривычки или отъ волненія совсѣмъ терялъ нить разсказа или начиналъ просто нести околесную, секретарь или наводилъ его на потерянную мысль, или просто обрывалъ одной изъ тѣхъ условныхъ фразъ, какія неизбѣжно вырабатываются каждою спеціальностью.

Посѣтители ждали своей очереди съ терпѣніемъ порядочныхъ людей и дѣлали видъ, что совсѣмъ не слушаютъ бесѣды секретаря съ очереднымъ кліентомъ. Натянутое молчаніе собравшейся публики и взаимное, осторожное и подозрительное разглядыванье придавало пріемной видъ какой-то исповѣдальни или свидѣтельской комнаты окружнаго суда. Дамы отъ-нечего-дѣлать до тонкости изучали наружность секретаря и находили, что именно такимъ и долженъ быть настоящій секретарь: безукоризненный костюмъ, немного помятое, но еще красивое лицо, великолѣпная русая борода, дымчатыя очки, бѣлыя руки поразительной чистоты съ безукоризненными ногтями, — все было необыкновенно

хорошо и производило надлежащее впечатлѣніе. Громадный письменный столъ, занимавшій средину комнаты, былъ заваленъ кипами газетъ, дѣловыми бумагами, распечатанными и нераспечатанными письмами, папками и еще свѣжими корректурами; секретарь задумчиво игралъ синимъ карандашомъ и время отъ времени размашисто дѣлалъ имъ какія-то помѣтки на листѣ бѣлой бумаги.

Мужчины совсѣмъ не интересовались личными достоинствами и недостатками секретаря и машинально осматривали обстановку пріемной, смахивавшей отчасти на ссудную кассу, отчасти на плохой трактиръ. Запыленный потолокъ съ паутиной по угламъ, выцвѣтшіе синіе обои, измызганный бархатный коверъ на полу, сборная мебель съ попорченною обивкой и захватанныя двери,—все это, взятое вмѣстѣ, не могло особенно подкупить въ свою пользу, если бы до извѣстной степени не скрашивалось изящностью и безукоризненными манерами секретаря. Одна дверь изъ пріемной вела въ помѣщеніе конторы, гдѣ виднѣлось нѣсколько березовыхъ конторокъ со служащими и металлическая рѣшетка, за которой помѣщался кассиръ; другая дверь позволяла видѣть часть кабинета редакціи, длинной, узкой комнаты, выходившей, какъ и пріемная, окнами на Караванную улицу. Редакція „Искорокъ“ помѣщалась во второмъ этажѣ, и катившіеся по улицѣ экипажи заставляли вздрагивать стекла въ рамахъ, на одно мгновеніе прерывая глухую ровную полосу смѣшанныхъ звуковъ, тянувшуюся со стороны Невскаго.

Набравшаяся въ пріемную публика была, что̀ называется, „съ бору да изъ-подъ сосенки“. Былъ военный генералъ въ отставкѣ, въ подержаномъ мундирѣ безъ погоновъ и съ ученымъ значкомъ на груди; рядомъ съ нимъ сидѣлъ приличный господинъ съ смуглою физіономіей, по всей вѣроятности, изъ одесскихъ грековъ или караимъ; дальше небрежно одѣтый старикъ съ длинными сѣдыми волосами, какіе еще носятъ старые профессора, молодой человѣкъ съ бойкимъ лицомъ, въ цвѣтномъ галстукѣ и перчаткахъ, какой-то цивилизованный купчикъ средней руки, нѣсколько сомнительныхъ личностей съ сомнительнымъ бѣльемъ и ногтями въ траурѣ и т. п. Чопорная старушка съ кожанымъ несессеромъ на стальной цѣпочкѣ сидѣла въ уголкѣ и брезгливо отодвигалась отъ молодой особы въ лѣтней соломенной шляпѣ, очень развязно поглядывавшей на кокетничавшаго секретаря; нѣсколько другихъ дамъ сидѣли вперемежку съ мужчинами и тоскливо бродили глазами по всѣмъ уголкамъ пріемной, которую, какъ тяжело больные, прикованные къ своей кровати, успѣли изучить до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Передъ секретаремъ успѣли продефилировать уже до десяти кліентовъ,—какой-то издатель брошюры о несгораемыхъ постройкахъ, потомъ ветеринарный врачъ, претендовавшій на какую-то замѣтку въ „Искоркахъ“, дальше слѣдовали провинціальный корреспондентъ, чиновникъ въ отставкѣ, старикъ-еврей, обличавшій злоупотребленія правленія какого-то промышленнаго общества. Теперь стоялъ предъ письменнымъ столомъ молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ и непромокаемомъ пальто; блуждающіе сѣрые глаза, блѣдное лицо и взъерошенные волосы придавали ему немного сумасшедшій видъ, особенно когда онъ начиналъ дѣлать отчаянные жесты руками и улыбался странною, разсѣянною улыбкой.

— Въ чемъ же, собственно, заключается основная ваша идея,—допрашивалъ секретарь, растягивая слова,—т.-е. идея воздухоплаванія?

— Моя идея? Знаете, этого я не могу вамъ объяснить, потому что это мой секретъ. Я надѣюсь въ непродолжительномъ времени взять привилегію.

— Въ такомъ случаѣ, чѣмъ же можетъ быть вамъ полезна редакція?

— А вотъ сейчасъ... У меня составлены нѣкоторыя предварительныя соображенія,—говорилъ воздухоплаватель, запуская руку въ боковой карманъ

и вытаскивая оттуда объемистую тетрадку.—Ничего гадательнаго и фантастическаго я не допускаю, а иду строго-научнымъ математическимъ путемъ и желалъ бы познакомить публику съ этими соображеніями

Секретарь равнодушно перелистовалъ испещренную математическими формулами и чертежами тетрадку и, возвращая ее, холодно проговорилъ:

— Вамъ всего лучше обратиться куда-нибудь въ спеціальный журналъ, а мы не имѣемъ права одолѣвать публику математическими формулами.

— Помилуйте!—горячо вступился молодой человѣкъ.—Это именно дѣло текущей прессы знакомить публику съ послѣднимъ словомъ науки! Я увѣренъ, что за границей мою статью напечатала бы любая газета, потому что тамъ...

— Вотъ именно вамъ и слѣдуетъ обратиться въ одну изъ заграничныхъ газетъ,—замѣтилъ секретарь.

Воздухоплаватель молча сунулъ тетрадку въ карманъ и, не поклонившись, съ видомъ обиженнаго человѣка вышелъ изъ пріемной. Публика проводила его полунасмѣшливыми взглядами, а секретарь, не обращаясь собственно ни къ кому, проговорилъ:

— Это просто ужасно: на этой недѣлѣ имѣю удовольствіе выслушивать уже десятаго воздухоплавателя...

Въ публикѣ послышался сдержанный смѣхъ, а генералъ проворчалъ:

— Слѣдовало бы этихъ негодяевъ гонять метлой, только напрасно публику задерживаютъ... Не знаю, чего смотритъ полиція!

Этотъ маленькій эпизодъ вызвалъ появленіе новаго лица: въ дверяхъ кабинета редакціи показался джентльменъ въ сѣрой лѣтней парѣ и въ золотомъ пенснэ; онъ испытующе обвелъ глазами шушукавшуюся и улыбавшуюся публику, переглянулся съ секретаремъ и, мягко повернувшись на низкомъ каблукѣ, ушелъ назадъ. Это былъ хроникеръ и фельетонистъ „Искорокъ“, Романъ Ипполитовичъ Покатиловъ, модель и недосягаемый идеалъ для секретаря.

— Все то же и потому же...—лѣниво проговорилъ фельетонистъ, шагая по кабинету съ заложенными за спину руками.—Ужъ только и публика!

Распахнувъ окно, онъ долго смотрѣлъ на улицу, гдѣ сѣялъ мелкій осенній дождь. По мокрому тротуару напротивъ торопливо бѣжала дѣловая публика, потому что было самое дѣловое время дня—два часа. Купеческіе молодцы неслись съ какими-то свертками подъ мышкой, подростки-модистки шмыгали съ большими картонами, облицованными клеенкой, устало брели чиновники, бодро шагали заученнымъ шагомъ солдатики, черезъ улицу, подобравъ юбки, перебирались какія-то дамы, мальчикъ-разносчикъ надрывавшимъ душу голосомъ выкрикивалъ: „Вотъ спички хорошія... хо-ор-рошія спички!“. Узкая и глубокая улица походила на громадный каменный коридоръ, всегда темный и всегда полный народа. Экипажи сновали взадъ и впередъ постоянно; съ трескомъ катилась карета, дребезжали убогіе ваньки, медленно и тяжело катились ломовики. На углу стояли два извозчика и зорко высматривали сѣдоковъ. Со стороны Невскаго съ мягкимъ шуршаньемъ пролетѣла щегольская коляска на резиновыхъ шинахъ. Прохожіе смѣнялись новыми прохожими, экипажи новыми экипажами, и такъ безъ конца, точно катилась сплошная живая человѣческая волна, захлестывавшая съ Невскаго, гдѣ всѣ звуки сливались въ одну смѣшанную полосу.

Напротивъ редакціи „Искорокъ“ всѣ дома были заняты разными заведеніями: въ подвалахъ овощныя лавки, выше колоніальные магазины, часовой магазинъ, булочная, во второмъ этажѣ — трактиръ, модный магазинъ, въ третьемъ—квартиры, въ четвертомъ—фотографія. Мѣсто было бойкое, на юру, и торговый людъ старался облюбовать здѣсь каждый уголокъ, выживая мир-

ныхъ жильцовъ. Изъ окна кабинета „Искорокъ“ можно было наблюдать, какъ въ панорамѣ, рѣшительно все, что дѣлалось напротивъ: какъ входили и выходили изъ магазиновъ покупатели, какъ по утрамъ пили чай въ трактирѣ купцы, какъ работали у оконъ на швейныхъ машинахъ дѣвочки съ блѣдными лицами, какъ поднимали и открывали шторы, зажигали огни, выглядывали на улицу мужскія и женскія головы и т. д. Жизнь кипѣла ключомъ, и все было нараспашку, потому что спеціальная публика, населявшая эти этажи, привыкла жить на виду у всѣхъ и, не стѣсняясь, дѣлала свое ежедневное дѣло. Всѣ знали другъ друга, родъ занятій, привычки и даже слабости, какъ знали обычную публику, въ извѣстное время дня бѣжавшую по тротуарамъ или подъѣзжавшую къ магазинамъ. Конечно, каждый сезонъ имѣлъ здѣсь свою физіономію, но самое бойкое время было все-таки осенью, когда происходилъ наплывъ провинціальной публики, спѣшившей опростать свои карманы и накупить по магазинамъ всякой всячины для родного захолустья.

Покатиловъ любилъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть на улицу, что доставляло ему такое же удовольствіе, какъ другимъ слушать хорошую музыку. Это безконечное движеніе служило видимымъ проявленіемъ какой-то странной силы, клокотавшей, дробившейся и разливавшейся въ тысячахъ отдѣльныхъ частицъ. Покатилову было пріятно сознавать себя дѣятельною точкой въ этомъ клокочущемъ морѣ, тою каплей, микрокосмомъ, въ которомъ отражается цѣлый міръ; онъ былъ живою частицей этого громаднаго цѣлаго и любилъ отдаваться созерцанію его кипучей жизни.

Стоя теперь передъ раскрытымъ окномъ, Покатиловъ обдумывалъ свой ближайшій воскресный фельетонъ, а кипѣвшая людьми и экипажами улица точно помогала ему въ этой работѣ. Темные, живые глаза Покатилова сосредоточенно были устремлены на одну точку, брови сдвинуты, на крутомъ, хорошо развитомъ лбу всплыло нѣсколько морщинокъ; онъ нѣсколько разъ ерошилъ слегка завитые русые волосы, уже рѣдѣвшіе на макушкѣ, и принимался даже обкусывать кончики русыхъ усовъ. Лицо у него было свѣжее и, пожалуй, красивое, но вѣрнѣе было назвать его типичнымъ, особенно, когда онъ начиналъ улыбаться. Окладистая темная бородка, правильный носъ и свѣжія губы очень нравились пожилымъ дамамъ, хотя въ лицѣ Покатилова часто являлось усталое непріятное выраженіе, точно онъ въ одинъ часъ старѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Это отъ проклятаго петербургскаго климата,—объяснялъ Покатиловъ.

На видъ ему можно было дать за тридцать, хотя онъ еще считалъ себя совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и всегда обращалъ особенное вниманіе на свой туалетъ. Въ этой щепетильности виднѣлся зарождавшійся неисправимый холостякъ.

— Мечтаете, Романъ Ипполитычъ?—раздался за спиной Покатилова жирный басокъ редактора „Искорокъ“, который теперь снималъ съ лѣвой руки шведскую перчатку.—Ну, и погода... Въ пріемной бѣднаго Павла Павлыча совсѣмъ замучили кліенты, хоть бы вы ему помогли. Кстати, вамъ интересно послушать, что-нибудь новенькое навернется...

— Да нечего слушать, Семенъ Гавриловичъ, — недовольнымъ тономъ отозвался Покатиловъ, не поворачивая головы.—Я впередъ могу вамъ разсказать все, что эти господа принесли намъ... Все вздоръ, отъ начала до конца.

— Нѣтъ, вы ужъ слишкомъ...—наставительно заговорилъ редакторъ, поправляя галстукъ на своей бычачьей шеѣ.—Такъ нельзя-съ, Романъ Ипполитычъ... Наша прямая обязанность служить публикѣ. Это своего рода рабство... да!.. Вотъ я сейчасъ проходилъ черезъ пріемную, такъ одинъ старичокъ-художникъ открытіе сдѣлалъ, именно, видите ли, до сихъ поръ всѣ рисовали небо

синимъ, а траву зеленой, а по его мнѣнію, нужно небо рисовать зеленымъ, а траву синей. И доказательно говоритъ, даже по химіи и спектральному анализу прошелся...

— Да вѣдь онъ въ третій разъ приходитъ къ намъ съ этимъ открытіемъ! Видѣли старика-генерала? Ну, этого же поля ягода: помѣшался на полевой фортификаціи и земляныя укрѣпленія хочетъ непремѣнно замѣнить снѣжными. Вотъ подите, потолкуйте съ нимъ... Человѣка нужно въ клинику для душевно-больныхъ, а онъ насъ одолѣваетъ.

— Все-таки необходимо выслушать: публика нашъ тиранъ и любитъ деспотически распоряжаться нашимъ временемъ... Ахъ, знаете, какихъ я сейчасъ устрицъ ѣлъ... пссъ!..

Редакторъ вытянулъ свои толстыя губы, закрылъ глаза и, захлебываясь, потянулъ къ себѣ воздухъ; его широкое лицо точно подернулось жирнымъ налетомъ и потомъ расплылось блаженною улыбкой. Въ наглухо застегнутой черной суконной парѣ моднаго англійскаго покроя и въ манерѣ себя держать такъ и чувствовалась военная выправка, хотя завѣтною мечтой Семена Гавриловича было походить непремѣнно на дипломата, для чего онъ брилъ себѣ починовничьи подбородокъ и носилъ бакенбарды котлетами. Вѣроятно, съ этою же цѣлью онъ предпочиталъ прическу съ англійскимъ проборомъ назади и туго подпиравшіе шею стоячіе воротнички. Общее впечатлѣніе портилъ только лѣвый косой глазъ, но Семенъ Гавриловичъ такъ умѣлъ его прищуривать, что еще болѣе убѣждался въ своемъ сходствѣ съ настоящимъ дипломатомъ. Одинъ окулистъ-жидокъ, подбирая очки Семену Гавриловичу, выразился объ этомъ глазѣ, что онъ „немного заинтересованъ въ другую сторону“.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени на стоявшаго у окна фельетониста, Семенъ Гавриловичъ поднялъ кверху свои жирныя плечи и сѣлъ на свое редакторское кресло въ концѣ громаднаго стола, заваленнаго цѣлыми кипами бумагъ, папками и портфелями.

— Послушайте, Романъ Ипполитовичъ,—заговорилъ онъ совсѣмъ мягко, перелистывая какую-то подшитую рукопись.—Ваше описаніе послѣднихъ царскосельскихъ скачекъ произвело впечатлѣніе. То-есть, собственно, не самыхъ скачекъ, конечно, а типичной скаковой публики и особенно этихъ царицъ русскаго спорта. Да, у васъ великолѣпно вышла эта новая звѣздочка, знаете, эта дама восточнаго типа. Я сегодня подъ рукой собралъ о ней кое-какія свѣдѣнія. Представьте себѣ: изъ провинціи вывезена, да еще изъ какой? Цѣлая исторія, батенька... Котлецовъ тоже былъ на скачкахъ, но его фельетонъ рѣшительно ничего не стоитъ... Вообще онъ страшно опускается, и, повѣрьте мнѣ, его конецъ не далекъ. Это я давно предсказываю.

— Однако „Прогрессъ“ Котлецова имѣетъ уже за десять тысячъ подписчиковъ и бойко идетъ розничною продажей.

— Э, батенька, нашли чѣмъ удивить!—оживленно заговорилъ Семенъ Гавриловичъ, вскакивая со своего кресла.—Какъ хотите, масса вездѣ останется массой, и хотя мы ея покорнѣйшіе слуги, а все-таки масса всегда будетъ глупа. Да-съ. Велика важность „Прогрессъ“! Казовыми концами Котлецовъ только и беретъ: сдѣлалъ изъ газеты какія-то простыни, потомъ навалился на хронику, создалъ этихъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ... и только. А сути-то, настоящаго смаку у него и нѣтъ. Я говорю о настоящемъ читателѣ, который понимаетъ толкъ въ газетахъ, а Котлецовъ спекулируетъ именно на публикѣ низшаго разбора... Ахъ, да, представьте себѣ, Котлецовъ ударился въ собираніе рѣдкостей, покупаетъ старинную мебель, ковры, матеріи, сарафаны. Всѣ смѣются. Ей-Богу! Я заѣзжалъ сегодня къ Нилушѣ, тамъ былъ о немъ раз-

говоръ. Вотъ человѣкъ, этотъ Нилушка! Просто, чортъ его возьми совсѣмъ, такъ въ гору и лѣзетъ. И откуда это у него все берется? Удивительно!

— Умный человѣкъ, вотъ и берется.

— „Умный“! Да вѣдь умъ уму рознь, а у Нилушки даже не умъ, а такъ, чортъ знаетъ что̀ такое, какое-то дикое счастье. Да, чуть не забылъ, новость: къ намъ ангажирована Жюдикъ и цѣлая плеяда полузвѣздочекъ. Вотъ вамъ матеріалъ для слѣдующаго фельетона. Публика это любитъ, а у васъ эти мелочи недурно выходятъ.

Покатиловъ посмотрѣлъ на редактора и улыбнулся. Хорошо сказано: „эти мелочи недурно выходятъ“! Эта фраза задѣла его за живое, какъ спеціалиста и тонкаго знатока. За эти мелочи Котлецовъ ему, Покатилову, предлагалъ восемь тысячъ годовыхъ, но онъ, Покатиловъ, не пошелъ, потому что ему было выгоднѣе остаться въ маленькой газеткѣ большимъ сотрудникомъ, чѣмъ быть маленькимъ фельетонистомъ при большой.

Редакторъ, отдуваясь и вытягивая губы, нѣсколько времени перебиралъ старыя корректуры, а потомъ быстро поднялся съ мѣста и, размахивая руками, заговорилъ со своею обычной живостью:

— Ахъ, да, чуть не забылъ, Романъ Ипполитовичъ... Съ какимъ человѣкомъ я познакомился у этого Нилушки: онъ, кажется, служитъ повѣреннымъ у этого заводчика Теплоухова, а раньше два трехлѣтія былъ предсѣдателемъ какой-то земской управы. Богомоловъ по фамиліи. Необыкновенно свѣтлая голова, и Нилушка зоветъ его „человѣкомъ земли“. Очень и очень интересный субъектъ. Хорошо-съ. Мы разговорились и сейчасъ сошлись характерами. А этотъ Богомоловъ администраторская голова и, кажется, хочетъ повести дѣло очень широко, т.-е. свое дѣло. Онъ хлопочетъ теперь о повышеніи заграничныхъ пошлинъ на привозный чугунъ и желѣзо. Очень убѣдительно и толково говоритъ и сильно вербуетъ къ себѣ Нилушку, который пока ни пишетъ ни пороетъ, а только посмѣивается. Я убѣжденъ, что они споются. Богомолову необходимо перетянуть Нилушку на свою сторону, потому что Нилушка имѣетъ свои связи по ученымъ обществамъ и можетъ пропагандировать съ большимъ успѣхомъ промышленныя идеи.

— Да что̀ жъ могутъ помочь ученыя-то общества, Семенъ Гаврилычъ?— пожавъ плечами, замѣтилъ Покатиловъ.—Воду толкутъ они у насъ.

— Ну, нѣтъ, батенька, ошибаетесь! Сегодня ходатайство, да завтра ходатайство, да послѣзавтра ходатайство отъ ученаго общества,—глядишь, вопросъ и поднятъ и пошелъ гулять по министерствамъ, а тамъ ужъ только слѣдуетъ его направлять. Техническое общество и общество для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности будутъ всегда имѣть извѣстный успѣхъ въ своей спеціальности, особенно, если удачно подняты вопросы. Извѣстно, поддержка!.. Ахъ, да, Богомоловъ довольно откровенный человѣкъ и прямо высказался, что у него есть сильная протекція, и, представьте себѣ, онъ разсчитываетъ на эту даму, которую вы описали въ скачкахъ. Да! Тутъ получается длинная исторія: эта дама имѣетъ сильное вліяніе на Теплоухова и на другихъ заводчиковъ, которые собираются у нея запросто, и тутъ же устраиваются маленькіе интимные вечера, гдѣ бываютъ только избранные. Фамилія этой дамы Морозъ-Доганская, она замужемъ за этимъ... ну, извѣстный Морозъ-Доганскій, какой-то агентъ или повѣренный, чортъ его знаетъ. А propos, Котлецовъ печатаетъ рядъ статей въ защиту свободной торговли, и Богомоловъ просилъ меня напечатать нѣсколько статей въ защиту протекціонизма. Понимаете? Это отличный случай отшлифовать Котлецова съ его „Прогрессомъ“ на всѣ корки, и притомъ такая полемика придастъ извѣстный вѣсъ нашей газетѣ. Да. Что̀ же вы молчите?

— Да что же я могу сказать? Тутъ дѣло спеціалистовъ, а наша хата съ краю.

— Вотъ и вздоръ. Извините за откровенность! Именно мы можемъ въ этомъ дѣлѣ сыграть очень видную роль... Да-съ, это даже наша прямая задача... Возьмите заграничную прессу... Мы обязаны стоять на высотѣ нашего призванія и должны вполнѣ оправдать лестное довѣріе публики къ печатному слову. Въ наше время пресса—сила, батенька. И, главнымъ образомъ, сила на сторонѣ вотъ такихъ газетъ, какъ „Искорки“, потому что ежемѣсячныя изданія и большія газеты слишкомъ дороги для публики и поэтому имѣютъ ограниченный кругъ читателей. Да-съ.

II.

— Романъ Ипполитовичъ, вотъ поручаю вашему вниманію m-r... m-r...— говорилъ секретарь, вводя въ кабинетъ редакціи низенькаго лысаго старичка съ улыбающимся живымъ лицомъ.—Извините, я забылъ вашу фамилію.

— Мостовъ...—отрекомендовался старичокъ, разглядывая Покатилова черезъ свои выпуклыя очки.—Ахъ, очень пріятно, очень пріятно!

— Чѣмъ могу служить вамъ, господинъ Мостовъ?—съ вѣжливою улыбкой указывая на кресло, спрашивалъ Покатиловъ.—Я къ вашимъ услугамъ.

Секретарь, остановившись въ дверяхъ, многозначительно улыбался въ сторону редактора, который внимательно смотрѣлъ, прищуривъ косой глазъ, на пришельца черезъ развернутую газету. Въ редакціи „Искорокъ“ было принято особенно интересныхъ субъектовъ представлять фельетонисту, какъ живой матеріалъ для потѣшной воскресной хроники, и г. Мостовъ попалъ въ число этихъ ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, не подозрѣвая, какую роль ему приходится разыгрывать.

— Я, знаете, провинціалъ... да-съ, изъ далекой провинціи,—началъ лысый старичокъ, оглядывая мѣсто на столѣ, чтобы не замарать рукавъ старомоднаго сюртука. — У меня, знаете, есть одна счастливая мысль, даже немного больше, чѣмъ мысль... Да. Однимъ словомъ, когда я служилъ въ Сибири...

— Ага...—промычалъ Покатиловъ.—Въ Сибири?

— Да, да... очень далеко отсюда. И вотъ-съ (старичокъ поднялъ брови) я изобрѣлъ электрическій подсѣкатель къ удочкѣ; только предупреждаю васъ, что мое открытіе ничего общаго не имѣетъ съ извѣстною электрическою удочкой. Собственно, я любитель-рыболовъ и совершенно случайно набрелъ на счастливую мысль, которой желалъ бы подѣлиться съ читателями вашей уважаемой газеты.

„Навѣрное, этотъ сумасшедшій обѣжалъ нѣсколько другихъ редакцій и теперь прибѣжалъ къ намъ“,—думалъ Покатиловъ, внимательно разглядывая суетливо разсказывавшаго свою счастливую идею старичка, въ которомъ было что-то такое странное, отчасти ребячье, отчасти сумасшедшее.

— Знаете, сидя въ глуши, чего-чего ни передумаешь,—добродушно болталъ старичокъ, не переставая улыбаться.—Есть изобрѣтенія, которыя, такъ сказать, составляютъ только вопросъ времени. Раньше открытія дѣлались ощупью, по игрѣ слѣпого случая, а теперь можно предугадывать, какое изобрѣтеніе на очереди: воздухоплаваніе, новый музыкальный инструментъ, который замѣнилъ бы, вѣрнѣе сказать, совмѣстилъ бы и струнные и духовые инструменты, наконецъ новый типъ оружія, который долженъ замѣнить нынѣшнее огнестрѣльное. Знаете, у меня даже есть проектъ, собственный методъ, какимъ образомъ слѣдуетъ итти навстрѣчу этимъ изобрѣтеніямъ...

— Послушайте, васъ зовутъ Симономъ Денисычемъ?—прервалъ Покатиловъ этотъ неудержимый потокъ рѣчи.—А вашу жену Калеріей Ипполитовной?

— Положимъ, что такъ... что же изъ этого?—какъ-то испуганно забормоталъ болтливый старецъ, точно пойманный за ухо школьникъ.—Мы только-что пріѣхали... да.

— Позвольте отрекомендоваться: вашъ beau frère, Романъ Ипполитовичъ Покатиловъ...

— Скажите, пожалуйста... Вотъ пріятная неожиданность!—бормоталъ старичокъ, протягивая свою руку Покатилову.—Какъ будетъ рада Калерія... А мы только-что вчера пріѣхали и пока остановились въ отелѣ „Дагмаръ“, сейчасъ противъ Николаевскаго вокзала.

— Надѣюсь, сестра здорова?

— О, совершенно здорова... да. Знаете что, мы сейчасъ же отправимся къ ней и сдѣлаемъ ей настоящій сюрпризъ. Вы располагаете временемъ?

— Да, я свободенъ.

— Странно, знаете, что я сразу не обратилъ вниманія на ваше имя, когда господинъ секретарь отрекомендовалъ меня вамъ... Какая-то забывчивость или разсѣянность у меня, вѣроятно, послѣ этой безконечной дороги.

„Нашли, гдѣ остановиться... въ отелѣ „Дагмаръ“,—сердито думалъ Покатиловъ, отыскивая свою шляпу и перчатки.—Провинціалы такъ провинціалы и есть... не могли остановиться въ „Демутѣ“ или въ „Бель-Вю“. И, главное, кричитъ, какъ пѣтухъ“.

„Пѣтухъ“ въ это время съ чисто-провинціальнымъ любопытствомъ разсматривалъ обстановку редакціоннаго кабинета, на которую теперь обратилъ особенное вниманіе въ качествѣ такого близкаго родственника хроникера „Искорокъ“. Старичку понравились и стѣны, оклеенныя сѣрыми обоями съ розовыми полосками, и драпировки на окнахъ, и столъ, у котораго онъ сидѣлъ, и шкапы съ книгами у внутренней стѣны, и даже самъ редакторъ, углубившійся въ чтеніе газеты.

— До свиданія, господинъ редакторъ, — проговорилъ Мостовъ, фамильярно протягивая руку Семену Гавриловичу, что опять покоробило Покатилова.

Павелъ Павловичъ былъ немало удивленъ, когда черезъ пріемную г. Мостовъ прослѣдовалъ въ сопровожденіи Покатилова и дружелюбно кивнулъ ему головой, какъ старому знакомому. Посѣтителей поубавилось, но ихъ замѣняли новые. Покатиловъ надѣлъ въ передней мохнатое осеннее пальто и быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ на улицу.

— Мы пѣшкомъ дойдемъ,—коротко проговорилъ онъ, рѣшивъ про себя, что съ г. Мостовымъ церемониться особенно нечего.—Кстати, дождь пересталъ совсѣмъ. Я, по крайней мѣрѣ, отлично пройдусь.

— Да, да... Это даже необходимо человѣку, который живетъ умственнымъ трудомъ,—тараторилъ Мостовъ, стараясь забѣжать немного впередъ.—А знаете, когда долго не бываешь въ столицѣ, все это производитъ такое сильное впечатлѣніе... знаете, панели, газовое освѣщеніе, блестящіе магазины, движеніе. Однимъ словомъ, всякіе пустяки...

Отъ непривычки ходить по люднымъ улицамъ старикъ нѣсколько разъ сталкивался со встрѣчными, путался и копчилъ тѣмъ, что чуть не сбилъ съ ногъ какую-то даму, проходившую панель съ покупками въ рукахъ. Покатиловъ обругался про себя, но ничего не сказалъ, а только прибавилъ шагу. Спускались осеннія сумерки: Невскій оживлялся наплывомъ той спеціальной публики, которая въ это время нагуливаетъ себѣ аппетитъ. Гдѣ то въ глубинѣ Невскаго колебавшемся искоркой загорѣлся первый фонарь, за нимъ другой,

третій, въ магазинахъ тоже начали появляться огни. На углу у магазина стеклянныхъ издѣлій Мальцевскихъ заводовъ Мостовъ чуть не попалъ подъ извозчика и со страха замолкъ на нѣсколько времени. Начали попадаться подозрительныя дамы, вызывающе заглядывавшія на встрѣчавшихся мужчинъ; разносчикъ выкрикивалъ что-то о хорошихъ яблокахъ и сливахъ, у фонаря торчала неподвижная фигура городового, а мимо него непрерывною полосой мягко плыла по осклизлой торцовкѣ цѣпь экипажей. На Аничковомъ мосту букинисты закрывали свои лавчонки, а разбитной торговецъ съѣстными припасами, примостившійся со своею будкой къ углу моста, напротивъ дома княгини Бѣлосельской, зажегъ небольшую жестяную лампочку.

— Слава Богу, здѣсь, кажется, меньше народа,—съ облегченнымъ вздохомъ проговорилъ Мостовъ, когда они спустились съ Аничкова моста.— Ужасно, какъ Петербургъ измѣнился за эти двадцать лѣтъ, просто многаго узнать нельзя... Сколько новыхъ домовъ, какіе магазины!

— И мы съ вами за двадцать лѣтъ тоже немало измѣнились, — замѣтилъ Покатиловъ, улыбнувшись наивности своего провинціальнаго родственника.—Ахъ, да, я и не спросилъ васъ, Симонъ Денисычъ, надолго ли вы пріѣхали сюда? До послѣднихъ пароходовъ, вѣроятно?

— А вотъ и нѣтъ: совсѣмъ пріѣхали,—съ какою-то радостью проговорилъ старикъ, наталкиваясь на кого-то.

— Какъ совсѣмъ?

— Да такъ... Будетъ ужъ прозябать по медвѣжьимъ-то угламъ; а впрочемъ, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Да...

— Вы вѣдь, кажется, на заводахъ Теплоухова служили?—спросилъ Покатиловъ такимъ тономъ, какимъ пыталь въ кабинетѣ редакціи представляемыхъ секретаремъ разныхъ unicus'овъ.

— Да, въ Заозерскомъ горномъ округѣ. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ выслужилъ главнымъ управляющимъ.

— Кажется, мѣсто хорошее?

— О, да... двѣнадцать тысячъ жалованья, отопленіе, освѣщеніе,—пылко проговорилъ Мостовъ, лихорадочно перебѣгая рукой по пуговицамъ своего верхняго пальто.—Главное, привычка. Это самое скверное въ нашемъ положеніи. Обсидишься, привыкнешь, и вдругъ долженъ все бросить. Знаете что,— заговорилъ старикъ, осторожно оглядываясь кругомъ,—тутъ вышла цѣлая интрига... да. Представьте себѣ... У насъ была всего одна дочь, и Калерія взяла къ себѣ воспитанницу, такъ, бѣдная дѣвушка, хотя изъ хорошей фамиліи. Отецъ у ней ташкентскій офицеръ, а мать умерла. Ну-съ, знаете, офицеру возиться съ дѣвчонкой совсѣмъ неудобно, да тогда еще началась эта война съ Хивой.

Покатиловъ попробовалъ-было остановить болтливаго старика какимъ-то постороннимъ вопросомъ, потому что изъ принципа не любилъ вмѣшиваться въ чужія дѣла интимнаго характера, но Мостовъ, какъ истый провинціалъ, обрадовался случаю повѣрить петербургскому родственнику свои семейныя дѣла и ничего не хотѣлъ замѣчать.

— Ее звали Сусанной, славная такая дѣвочка,—неудержимо продолжалъ свои изліянія Мостовъ.—Знаете, даже особенная дѣвочка... по матери восточнаго происхожденія... глаза этакіе у ней... вообще оригинальная особа. Ну, мы ее воспитывали, какъ родную дочь, что не составляло особеннаго труда, потому что Сусанночка поступила къ намъ уже двѣнадцати лѣтъ и необыкновенно понятливая дѣвочка была. Знаете, ласковая такая, хотя и не безъ странностей въ характерѣ. Въ походахъ съ отцомъ бывала, этакій ди-

чокъ, настоящая дочь полка... Хорошо-съ. Калерія къ ней ужасно привязалась, больше, чѣмъ родную дочь, любила. У насъ теперь есть и своя дочь, да, Юленька... какъ же, четырнадцать лѣтъ ей, въ институтъ отдавать придется.

— Скажите... а я даже не подозрѣвалъ!—искусственно удивлялся Покатиловъ, жалѣя про себя, что не взялъ извозчика.—На кого же она походитъ?

— Сусанночка?

— Нѣтъ, ваша дочь.

— Юленька? Ни на кого, или, вѣрнѣе, сама на себя. Такъ вотъ-съ эта Сусанночка была уже настоящею дѣвицей, когда къ намъ въ Заозерье пріѣхалъ уполномоченный Теплоухова, нѣкто Морозъ-Доганскій, очень и очень солидный человѣкъ... Хорошо-съ. И представьте себѣ, Сусанночка...

— Вышла замужъ за Доганскаго? Я слыхалъ эту фамилію.

— Да, да... И что могло ему понравиться въ этой Сусанночкѣ? Мы съ Калеріей до сихъ поръ не можемъ понять. Провинціалка-дѣвушка, воспитанная въ глуши съ грѣхомъ пополамъ, и вдругъ m-me Морозъ-Доганская. Право, это такъ странно все случилось.

Они уже перешли Литейный и быстро приближались къ Знаменскому мосту. Движеніе здѣсь было значительно слабѣе, чѣмъ за Аничковымъ; попадавшаяся публика имѣла случайный или дѣловой характеръ. Толкотни здѣсь совсѣмъ не было. Блестящіе магазины смѣнялись просто магазинами, чувствовалось что-то мѣщанское и жалкое въ этомъ безсильномъ подражаніи недалеко гудѣвшему и переливавшемуся тысячами огней центру. Покатиловъ всегда испытывалъ какое-то тяжелое чувство, когда ему вечеромъ случалось проходить здѣсь: контрастъ былъ слишкомъ силенъ, и его всегда такъ и тянуло въ ту сторону, гдѣ сосредоточивалось главное движеніе и всемірная улица глядѣла на снующую мимо публику своими саженными зеркальными стеклами.

— А главное вотъ въ чемъ заключается, — оглядываясь, продолжалъ Мостовъ,—изъ-за этой самой Сусанночки я и мѣсто потерялъ... Да, представьте себѣ такой случай!.. Какъ она только вышла за Доганскаго и уѣхала въ Петербургъ, меня сейчасъ по шапкѣ, а намъ одинъ петербургскій знакомый и пишетъ, что это все наша Сусанночка устроила. Ей-Богу... Вотъ чего никогда не пойму: ну что мы ей такое сдѣлали, кромѣ добра, и вдругъ такая черная неблагодарность. Да вотъ Калерія вамъ лучше все разскажетъ... Ахъ, знаете, какіе фрукты я давеча видѣлъ въ магазинѣ Елисеева, ну, это просто роскошь, просто языкъ проглотишь. Я, грѣшный человѣкъ, большой гастрономъ... У насъ тамъ въ Сибири ягодъ ужасно много, есть особенная такая, княженикой называется. Ну-съ, такъ изъ этой княженики наливки... Боже мой, Боже мой!..

Шагая по панели, Покатиловъ испытывалъ смѣшанное чувство удовольствія и какой-то непріятности: онъ, съ одной стороны, былъ радъ видѣть сестру послѣ двадцатилѣтней разлуки, а съ другой—онъ точно чего-то боялся, какъ настоящій старый холостякъ, слишкомъ привыкшій къ одинокому существованію. Эти провинціальные родственники просто пугали Покатилова, и онъ нѣсколько разъ очень косо посматривалъ черезъ плечо на сѣменившаго зятя, который беззаботно зѣвалъ по сторонамъ и ахалъ передъ освѣщенными окнами магазиновъ, какъ кормилица.

„И чортъ меня дернулъ за языкъ!—думалъ Покатиловъ, когда они переходили Знаменскій мостъ на Литовкѣ.—Впрочемъ, все равно разыскали бы“.

— А мнѣ очень понравилась ваша редакція,—болталъ Мостовъ, размахивая руками.—Сейчасъ чувствуешь себя въ столицѣ... въ средоточіи интеллигенціи... и редакторъ у васъ такой представительный, сейчасъ видно сто-

личнаго журналиста. У меня съ дѣтства была слабость къ литературѣ, и я очень радъ, что успѣлъ познакомиться съ настоящимъ редакторомъ... Какъ его зовутъ, вашего редактора?

— Семенъ Гаврилычъ.

— А по фамиліи?

— Гладышевъ... Неужели васъ дѣйствительно интересуютъ такіе пустяки?—спрашивалъ Покатиловъ, напрасно стараясь сдержать душившую его злость.

— Какъ пустяки? Я васъ не понимаю...

— Очень просто: редакція „Искорокъ“ просто кабакъ, а редакторъ—брикабракъ... то-есть это мы его такъ называемъ между собой.

— Bric-à-brac... позвольте, вѣдь это, кажется, называется такъ страсть къ собиранію рѣдкостей или что-то въ этомъ родѣ.

— Да, да, я вамъ объясню это какъ-нибудь послѣ, а теперь мы уже подходимъ къ вашему отелю.

— Ахъ, это очень интересно: редакторъ Bric-à-brac... Вотъ Калерія будетъ довольна, когда все это узнаетъ... Вѣдь это, вѣроятно, очень остроумно сказано... да?

— Послѣ, послѣ,—говорилъ Покатиловъ, входя въ подъѣздъ „Дагмаръ“.—Который у васъ номеръ?

— Въ четвертомъ этажѣ, девяносто шестой.

„Экъ ихъ куда занесло!—сердито думалъ Покатиловъ, быстро взбѣгая по лѣстницѣ.—И я-то хорошъ: болтаю съ этимъ идіотомъ...“

Отъ вниманія Покатилова не ускользнуло, какъ Мостовъ фамильярно улыбался лакеямъ, точно онъ въ чемъ былъ виноватъ. Это уже было слишкомъ даже для провинціала.

— Не правда ли, какой отличный отель?—спрашивалъ Мостовъ, тяжело дыша.—Немного высоко, конечно, но зато такъ близко отъ всего, и прислуга такая приличная... Я очень доволенъ. Еще остался одинъ этажъ. Эй, Семенъ, барыня дома?—обратился онъ къ проходившему мимо коридорному.

— Точно такъ-съ. Онѣ приказали подавать самоваръ.

— Вотъ и отлично, прямо, значитъ, къ чаю поспѣли,—восклицалъ Мостовъ.—Мы, сибиряки, по четыре раза въ день пьемъ чай... Привычка—вторая натура!

Въ порывѣ родственныхъ чувствъ, Мостовъ даже потрепалъ Покатилова по спинѣ и чуть не обнялъ.

III.

— Калерія, какого я тебѣ гостя привелъ! — съ восторгомъ объявлялъ Мостовъ, распахивая дверь своего номера.—Угадай, кого? Я тебѣ сюрпризъ сдѣлалъ...

— Ахъ, Боже мой, — брезгливо отозвалась полная, высокая женщина, стоявшая посреди комнаты въ одномъ лифѣ.—Simon, это наконецъ невозможно!.. У тебя вѣчно эти знакомства сюрпризомъ... Не успѣлъ человѣкъ пріѣхать въ незнакомый городъ и тащитъ Богъ знаетъ кого. Притомъ врывается въ номеръ безъ доклада, точно помѣшанный... Сколько я разъ просила тебя избавить меня отъ подобныхъ сюрпризовъ!

Все это было высказано тѣмъ французскимъ языкомъ, какимъ говорятъ только пріѣзжающіе въ столицу провинціалы. Калерія Ипполитовна была въ одной юбкѣ; около нея ползала на колѣняхъ шустрая столичная модистка съ рябымъ лицомъ и торопливо примѣряла коленкоровый лифъ, прикалывая от-

дувавшіяся мѣста булавками, которыя вынимала изо рта. Можно было подумать, что у модистки ротъ былъ набитъ булавками, хотя она ухитрялась съ ними говорить и даже смѣяться.

Безпорядокъ въ номерѣ былъ страшный: распаковавшіеся чемоданы, груды бѣлья, выкройки, штуки только-что купленной матеріи по столамъ, недошитое, принесенное примѣривать платье на креслѣ, чай въ бумажкѣ, сахаръ въ пестромъ шелковомъ мѣшечкѣ, только-что начатый ящикъ съ сигарами на окнѣ, тутъ же арбузъ, разбросанныя кругомъ мелочи дамскаго туалета, цѣлая серія кулечковъ, картонокъ и т. д. Словомъ, получался настоящій хаосъ, благодаря которому засидѣвшійся провинціалъ превращается въ столичнаго обывателя. Раздѣваясь въ передней, Покатиловъ уже почувствовалъ этотъ дорожный безпорядокъ, и на него повѣяло чѣмъ-то такимъ безконечно-роднымъ и знакомымъ, что̀ перенесло сразу во времена золотого дѣтства, нагоняя воспоминанія о поѣздкахъ на долгихъ съ безконечными станціями, импровизованными закусками, крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ тутъ же за чайнымъ столомъ, знакомымъ станціоннымъ смотрителемъ и безъ конца позвякивающимъ подъ дугой колокольчикомъ.

— Ты напрасно протестуешь на меня, Калерія,—разсчитанно-громкимъ голосомъ заявлялъ Мостовъ, заглядывая въ двери передней.—Я хотѣлъ преподнести тебѣ нѣкоторый сюрпризъ...

Калерія Ипполитовна сдѣлала сердитое лицо и уже раскрыла ротъ, чтобы возразить что-то мужу, какъ услышала въ передней предупредительное покашливаніе и съ институтскимъ визгомъ скрылась за перегородкой, гдѣ стояла широкая кровать. Дремавшая на диванѣ дѣвочка лѣтъ четырнадцати проснулась и широко раскрытыми глазами посмотрѣла на дверь въ переднюю, куда свѣтъ лампы, поставленной на комодѣ, почти не достигалъ. Изъ-за драпировки выглянуло строгое старушечье лицо старой няньки Улитушки, которая съ утра рылась по чемоданамъ. Мостовъ не хотѣлъ замѣчать произведеннаго переполоха и улыбался самою блаженною улыбкой.

— Милости просимъ... m-r Брикабракъ... — шутилъ онъ, выводя подъ руку Покатилова изъ передней.—Вы ужъ извините насъ, провинціаловъ, что застали въ самый критическій моментъ: кожу мѣняемъ...

Мостовъ засмѣялся сухимъ, скрипучимъ смѣшкомъ и даже погладилъ свою лысину. Дѣвочка вопросительно смотрѣла то на отца, то на гостя и инстинктивнымъ движеніемъ поправила короткое фланелевое платьице, изъ-подъ котораго выставлялись уже недѣтски-полныя ноги, туго обтянутыя дорожными чулками изъ сѣрой шерсти. Улитушка, всмотрѣвшись въ гостя, неожиданно вскрикнула, опустила руки и съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываніемъ бросилась къ ручкѣ оторопѣвшаго барина.

— Голубчикъ... Рома... Романъ Ипполитычъ... батюшка! — причитала Улитушка, цѣлуя руку барина, котораго выкачивала когда-то на рукахъ.

„Они тамъ, кажется, всѣ съ ума сошли“,—по-французски подумала Калерія Ипполитовна, второпяхъ не попадая рукой въ платье.

— Ну вотъ, ну вотъ... я говорилъ! — самодовольно повторялъ Мостовъ, бѣгая по комнатѣ маленькими шажками.—Юленька, это твой дядя... oncle,—объяснилъ онъ дочери.—Совершенно случайно встрѣтилъ его... именно, гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда встрѣтится.

— Не узнаёшь?—проговорилъ Покатиловъ, обращаясь къ появившейся въ дверяхъ сестрѣ.—Извини, пожалуйста, что не во-время... это все твой супругъ виноватъ.

Калерія Ипполитовна бросилась на шею къ брату и горячо обняла его

своими полными руками; она говорила что-то такое безсвязное и даже въ порывѣ чувства приложила нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ.

— Вѣдь двадцать лѣтъ не видались, Романъ,—говорила она, разсматривая брата.—Ты, пожалуйста, не обращай вниманія на безпорядокъ... Вотъ твоя племянница, Юленька...

— Очень пріятно познакомиться,—ласково проговорилъ Покатиловъ, протягивая Юленькѣ руку.

Дѣвочка стояла теперь около него и колебалась, слѣдуетъ ей поцѣловать дядю или нѣтъ.

— Что же ты, Юленька, не поцѣлуешься съ дядей?—разрѣшилъ ея сомнѣнія отецъ и опять засмѣялся.—Это нашъ русскій обычай...

Покатиловъ съ удовольствіемъ поцѣловалъ протянутыя пухленькія губки хорошенькой племянницы и почувствовалъ, что онъ начинаетъ потѣть. Въ номерѣ было жарко, да и проявленія родственныхъ чувствъ для него были такою неожиданностью.

— Однако куда вы забрались, господа?—съ усталымъ видомъ проговорилъ онъ, очищая себѣ мѣсто на диванѣ.—Я хочу сказать, что ужъ слишкомъ высоко... Я просто задохся, пока поднимались по лѣстницѣ.

— Мы это только на время,—оправдывалась Калерія Ипполитовна, поправляя какую-то упрямую пуговицу, никакъ не хотѣвшую застегнуться на ея полномъ бюстѣ.—Просто не знали, гдѣ остановиться... Впрочемъ, это пустяки, устроимся помаленьку.

— Я могу вамъ рекомендовать очень приличныя chambres garnies,—проговорилъ Покатиловъ, внимательно разсматривая сестру.—Почти въ центрѣ города и недорого.

Произошла неловкая сцена, какая переживается при встрѣчѣ давно не видавшихся родственниковъ. Не знали, что говорить, или говорили тѣ безсвязные пустяки, какіе повторяются въ такихъ случаяхъ; неловкія паузы смѣнялись взрывами общаго разговора, когда начинали говорить всѣ разомъ и перебивали другъ друга.

Лакей принесъ кипѣвшій самоваръ, и этимъ окончательно разрѣшилась общая суматоха. Пока Калерія Ипполитовна была занята около самовара, Покатиловъ внимательно разсматривалъ ее черезъ пенснэ и въ результатѣ пришелъ къ тому заключенію, что отъ прежней красавицы въ сорокъ лѣтъ не осталось почти ничего: фигура заплыла, лицо было черезчуръ полно дряблою полнотой, около глазъ и рта появились мелкія морщинки, темные глаза потеряли влажный блескъ, кожа на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ утратила прежнюю матовую свѣжесть. Но что всего хуже—Калерія Ипполитовна, кажется, еще не могла помириться съ скромною ролью солидной семейной женщины и держала себя, какъ всѣ отставныя красавицы, слишкомъ привыкшія быть всегда красивыми. Покатиловъ даже пожалѣлъ про себя сестру, особенно ея темные глаза—фамильную покатиловскую особенность; всѣ Покатиловы хвалились красивыми глазами, и Юленька напоминала мать именно съ этой стороны.

„Неужели и я такъ же страшно состарился за эти двадцать лѣтъ?“—думалъ Покатиловъ, принимая налитый стаканъ чая изъ рукъ сестры и чувствуя на себѣ ея пристальный взглядъ.

— Какъ ты однако постарѣлъ, Романъ,—заговорила Калерія Ипполитовна, точно отвѣчая на мысли брата.—Я, право, не узнала бы тебя, если бы встрѣтила гдѣ-нибудь на улицѣ.

Покатиловъ почувствовалъ первую родственную царапину, но Симонъ

Денисычъ такъ преуморительно началъ разсказывать о своемъ путешествіи по Петербургу, о редакціи „Искорокъ“, о „Брикабракѣ“, что всѣ невольно улыбались, и даже Юленька лѣниво щурила свои большіе бархатные глаза.

— Это у насъ вѣчная исторія: пріятныя неожиданности, знакомства сюрпризомъ...—слегка журила мужа Калерія Ипполитовна.—Ахъ, да, собственно зачѣмъ же ты, Simon, попалъ въ редакцію „Искорокъ“?

— Я? А нужно было сдѣлать подписку, я и рѣшилъ,—вралъ Simon, причемъ лицо у него какъ-то вытянулось и сдѣлалось такое жалкое.

„Эге! вретъ да и боится“,—подумалъ про себя Покатиловъ, улыбаясь глазами.

За чаемъ долго перебирали петербургскихъ родственниковъ и общихъ знакомыхъ: tante Агнеса все возится со своими канарейками и собачками, oncle Николай Григорьевичъ скоро займетъ видный постъ при министерствѣ, belle soeur Barbare вышла замужъ за второго мужа и т. д.

— Я вѣдь рѣдко бываю у нихъ и, право, немного могу сообщить вамъ новаго,—говорилъ Покатиловъ.—А ты, Калерія, когда отправишься къ maman?

— Да я уже была у ней... все такая же,—какъ-то неохотно отвѣтила Калерія Ипполитовна.—У другихъ я еще ни у кого не была, потому что нельзя же въ нашихъ костюмахъ смѣшить добрыхъ людей, а къ maman заверпула по пути. Она все на тебя жалуется, Романъ.

— О, это безконечная исторія. Насъ съ maman трудно и разсудить,—съ легкою гримасой отвѣтилъ Покатиловъ, предчувствуя ударъ.

— Да, кстати, что твой журналъ?—спрашивала Калерія Ипполитовна съ самою невинною физіономіей.

— Какой журналъ?

— Ахъ, да, виновата: газета, а не журналъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ, которое я получила отъ тебя ровно пять лѣтъ тому назадъ, ты писалъ о „своей“ газетѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, потому я и...

— Это тебя, вѣроятно, maman научила?—вспыхнувъ, спросилъ Покатиловъ.

— Чему научила?

— Надѣюсь, что мы отлично понимаемъ другъ друга и безъ объясненій... Тебѣ просто нравится по старой привычкѣ запускать шпильки. Мало ли есть неудавшихся проектовъ и предположеній, что еще не говоритъ за ихъ несостоятельность или за то, что они не сбудутся. У меня и теперь есть свои виды и надежды...

Произошла маленькая размолвка. Покатиловъ не остался въ долгу и отплатилъ сестрѣ тою же монетой, намекнувъ ей на ея собственное положеніе не у дѣлъ. Калерія Ипполитовна вспыхнула и тоже замолчала. Симонъ Денисычъ попытался-было ихъ помирить, но жена такъ взглянула на него, что онъ только запыхтѣлъ носомъ. Юленька давно уже дремала въ уголкѣ дивана и смотрѣла на дядю слипавшимися влажными глазами и кончила тѣмъ, что заснула тутъ же на диванѣ, такъ что Улитушкѣ пришлось увести ее за драпировку въ безсознательномъ состояніи крѣпкаго дѣтскаго сна.

— А вѣдь я не знаю хорошенько, почему и какъ вы сюда пріѣхали,—спрашивалъ Покатиловъ.

— Я все, Лерепька, разсказалъ,—поспѣшилъ предупредить Мостовъ виноватымъ голосомъ,—и про Сусанну и про Дсганскаго. Роману все это необходимо знать, потому что... потому что...

— Потому что ты, Симонъ, неисправимый болтунъ,—докончила Калерія Ипполитовна, пожимая плечами.—Кому-то интересно слушать наши семейныя

дрязги? Конечно, Романъ не осудитъ тебя, а всякій другой просто посмѣялся бы надъ тобой. Ты,—я это предчувствую,—непремѣнно уронишь и себя и насъ въ общественномъ мнѣніи.

— Да вѣдь я только Роману это сообщилъ, а чтобы постороннему человѣку—никогда! Я умѣю молчать, сдѣлай одолженіе...

Калеріи Ипполитовнѣ самой хотѣлось разсказать все брату, но теперь она сочла своимъ долгомъ немного поломаться, прежде чѣмъ приступила къ изложенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Разсказъ Мостова подтвердился въ главныхъ чертахъ, конечно, съ той разницей, что былъ расцвѣченъ и раскрашенъ мастерски, какъ умѣетъ разсказывать глубоко и безповоротно обиженная женщина.

— Собственно говоря, я, пожалуй, на Сусанну и не сержусь,—говорила Калерія Ипполитовна, дѣлая безстрастное лицо,—потому что развѣ возможно сердиться на дѣвчонку, которая сама не знаетъ, что̀ дѣлаетъ?.. Да дѣло и не въ ней, а тутъ есть нѣкто Богомоловъ, онъ тоже недавно сюда пріѣхалъ, ну, у насъ съ нимъ были свои счеты, вотъ онъ все и устроилъ. Втерся какимъ-то образомъ къ Теплоухову и теперь вертитъ имъ, какъ куклой... да!..

— Но вѣдь у Теплоухова главнымъ повѣреннымъ по всѣмъ заводамъ, кажется, Морозъ-Деганскій?—спросилъ Покатиловъ.

— Да, но это ничего не значитъ, потому что этотъ Морозъ-Деганскій такой человѣкъ... однимъ словомъ, самъ чортъ его не разберетъ! Мы всегда были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и вдругъ такой пассажъ...

— Дѣйствительно, странно... А какіе у васъ счеты съ Богомоловымъ были?

— Съ Богомоловымъ?.. Ахъ, даже разсказывать не хочется: совершенные пустяки. Онъ, собственно, юристъ, ну, и въ пику заводамъ Теплоухова подпялъ дѣло о какой-то киргизской землѣ, будто бы захваченной Заозерскими заводами. Но это все вздоръ. Богомолову только нуженъ былъ предлогъ, чтобы заявить себя. Онъ самолюбивъ до крайности и мечтаетъ о себѣ Богъ знаетъ что̀ и, кажется, думалъ занять мѣсто Симона, но ошибся въ расчетахъ.

— Къ этому нужно прибавить только то,—заговорилъ Симонъ Денисычъ, начинавшій уже дремать,—что Леренька, когда Богомоловъ пріѣхалъ къ намъ въ Заозерье еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, приняла и обласкала его, какъ родного... Леренька вообще покровительствуетъ молодежи, потому что отъ молодежи зависитъ все будущее государства. Такъ, Леренька?

Этотъ разсказъ заставилъ Калерію Ипполитовну закусить губу, чтобы не выдать своихъ чувствъ: этотъ Simon сегодня положительно невозможенъ и несетъ чортъ знаетъ какую чушь.

— Однимъ словомъ, у насъ вышла довольно крупная исторія,—продолжала Мостова, не отвѣчая на вопросъ мужа.—Богомоловъ проигравъ дѣло о землѣ и бросился хлопотать въ Петербургъ, а здѣсь какимъ-то образомъ успѣлъ познакомиться съ Теплоуховымъ, втерся къ нему въ довѣріе и, конечно, постарался первымъ дѣломъ отблагодарить насъ за старую хлѣбъ-соль. Это вѣдь всегда такъ бываетъ...

— А по-моему тутъ самъ Теплоуховъ больше всѣхъ виноватъ,—вставилъ свое слово Симонъ Денисычъ.—Помилуйте, позволить себя водить за носъ первому встрѣчному прощалыгѣ... Моя совѣсть, по крайней мѣрѣ, совершенно чиста, и я ни въ чемъ не могу себя обвинить: я служилъ двѣнадцать лѣтъ на Заозерскихъ заводахъ вѣрой и правдой... да!..

— Simon, развѣ кто-нибудь сомнѣвается въ твоей честности?—устало

замѣтила Калерія Ипполитовна.—Если противъ насъ сложились такъ обстоятельства, то нужно переносить терпѣливо всѣ невзгоды.

— Что же, вы здѣсь думаете совсѣмъ остаться или только на время?—спрашивалъ Покатиловъ.

— Конечно, на время!—съ живостью отвѣтила Калерія Ипполитовна.—Мы уже отвыкли настолько отъ жизни въ столицѣ, что она насъ будетъ просто тяготить... А пока, конечно, можно устроиться и въ Петербургѣ; къ тому же и Юленькѣ необходимо докончить свое образованіе. Ты куда это, Романъ? Оставайся ужинать съ нами...

— Нѣтъ, благодарю, какъ-нибудь ужъ въ другой разъ,—отговаривался Покатиловъ, взглянувъ на часы.—Да у меня и дѣло есть...

— Какія же дѣла могутъ быть ночью?—спросила Мостова.

— Ахъ, какая ты странная, Калерія!—вступился Мостовъ.—Да вѣдь Романъ журналистъ, и у него всегда работа кипитъ...

— Да, я и забыла... Однако, Романъ, скоро ли мы будемъ читать свою собственную газету, а? Я дала себѣ слово не выписывать никакой газеты до тѣхъ поръ, пока ты не сдѣлаешься самъ редакторомъ...

— Дѣло за пустяками, Леренька,—отпучивался Покатиловъ.—Ты тамъ въ Сибири, навѣрное, накопила денегъ, вотъ и подѣлись ими со мной, и газета будетъ у насъ завтра же.

— А много тебѣ нужно на газету?

— Да на первый разъ тысячъ пятьдесятъ за глаза будетъ, Леренька... Дѣло самое вѣрное и дастъ, по крайней мѣрѣ, триста процентовъ на затраченный капиталъ.

— Какъ жаль, что я не имѣю возможности воспользоваться [illegible] удобнымъ случаемъ нажить себѣ милліонъ, — ядовито замѣтила Калерія Ипполитовна.

— А вотъ Симонъ Денисычъ разскажетъ, сколько у тебя денегъ,—кольнулъ, въ свою очередь, Покатиловъ, выходя въ переднюю.

— Я ему не могу запретить говорить,—обидчиво отвѣтила Калерія Ипполитовна.

Когда дверь затворилась за петербургскимъ братцемъ, Калерія Ипполитовна сдѣлала злое лицо и, грозя пальцемъ, проговорила:

— Если да ты когда-нибудь разболтаешься о нашихъ средствахъ кому-нибудь, я уеду отъ тебя сейчасъ же... Понялъ? Постарайся не доводить меня до крайности и всего больше старайся не развязывать языка вотъ съ этимъ братцемъ Романомъ. Мы вѣдь совсѣмъ не знаемъ его, а мнѣ онъ кажется такимъ подозрительнымъ, и maman то же самое говоритъ. Ужъ одна профессія чего стоитъ...

— Помилуй, Леренька, что можетъ быть почетнѣе профессіи журналиста?

— Ахъ, отстань, ради Бога... Ты ничего не понимаешь!

IV.

Возвращаясь обратно по Невскому, Покатиловъ могъ на свободѣ обдумать свою встрѣчу съ родными. Чортъ его дернулъ давеча отрекомендоваться этому дураку Симону Денисычу, а потомъ нужно было непремѣнно тащиться въ этотъ отель „Датмаръ“, чтобы выслушивать колкости Калеріи Ипполитовны. Maman уже успѣла надуть ей въ уши, а сестрица не такой человѣкъ, чтобы не воспользоваться удобнымъ случаемъ и не кольнуть.

— „Своя газета“!.. Что же, дайте время, будетъ и у насъ своя газета,—

бормоталъ про себя Покатиловъ, шагая по мокрой панели.—Мы не то, что Брикабраку, а и Котлецову носъ утремъ... да!..

Гдѣ-то пробило десять часовъ; Покатиловъ даже выругался, что такъ долго засидѣлся у родственниковъ; главное, и сидѣть-то не стоило. Онъ теперь припоминалъ давешнюю болтовню зятя, а потомъ свой разговоръ съ сестрой и все-таки не могъ понять, зачѣмъ они пріѣхали въ Петербургъ. Калерія Ипполитовна не такой человѣкъ, чтобы напрасно тащиться за пять тысячъ верстъ; или у нихъ дѣла совсѣмъ плохи, или что-нибудь затѣвается. Невскій уже начиналъ замѣтно пустѣть. Свѣтъ и движеніе сосредоточивались только на пространствѣ между Полицейскимъ и Аничковымъ мостами; магазины были освѣщены, какъ волшебные фонари, по панелямъ торопливо сновала взадъ и впередъ спеціально-ночная публика, по торцовкѣ экипажи катились уже не сплошнымъ рядомъ. Александринскій театръ былъ ярко освѣщенъ; у подъѣзда полукругомъ стояли кареты и крытые экипажи: сегодня шла свѣженькая пьеса моднаго драматурга. Покатиловъ любилъ именно это переходное время отъ вечера къ ночи, когда весь Петербургъ отдыхаетъ отъ дневной сутолоки и когда жизнь сосредоточивается по завѣтнымъ уголкамъ. Если днемъ трудно разобраться въ общемъ смѣшеніи языковъ, зато теперь подраздѣленія и группы точно были отцѣжены, какъ сортированное зерно; всякій спѣшилъ въ свой уголъ, къ своимъ, оставивъ на улицахъ, въ театрахъ, трактирахъ и другихъ веселыхъ мѣстахъ только свои подонки. Покатиловъ любилъ проводить это время на улицѣ; если не бывалъ въ театрѣ, гулялъ по панелямъ Невскаго, заходилъ въ Пассажъ, куда-нибудь въ трактиръ и т. д. Своеобразная жизнь улицы всегда интересовала его, и онъ чувствовалъ себя здѣсь необыкновенно хорошо. Теперь онъ испытывалъ настоятельную потребность немного освѣжиться и направился въ Пассажъ, наверхъ, гдѣ подавали отличное пиво и можно было наблюдать самую разношерстную публику.

Поднявшись по боковой лѣсенкѣ во второй этажъ, Покатиловъ долго стоялъ на площадкѣ надъ входомъ въ Пассажъ и смотрѣлъ внизъ, гдѣ толпой двигалась спеціально-пассажная публика: какія-то подозрительныя барыни, самыя темныя личности въ цилиндрахъ и моноклякъ, молодые чиновники, пьяные купцы, рѣдкіе покупатели и т. д. Затхлый воздухъ былъ насыщенъ пылью и запахомъ газа; лихорадочно стучали сотни швейныхъ машинъ, точно пульсъ безнадежнаго больного, изъ оконъ и форточекъ второго этажа выглядывали дѣвочки-подростки съ блѣдными, утомленными лицами и съ кѣмъ-то пересмѣивались; толпы столичныхъ молодыхъ людей бродили по галлереямъ второго этажа, нахально заглядывали въ окна, останавливались и дѣлали какіе-то таинственные знаки по направленію отворявшихся форточекъ.

Въ ресторанѣ шла, по обыкновенію, жестокая игра на знаменитыхъ двѣнадцати бильярдахъ, щелкали шары, раздавались возгласы игроковъ, маркеры, съ „машинками“ въ рукахъ, выкрикивали число очковъ; пестрая картина уличнаго ресторана, какъ флеромъ, была затянута волнами табачнаго дыма. Публика распивала пиво за мраморными столиками, въ двухъ-трехъ мѣстахъ пестрыми пятнами выдѣлялись женскія фигуры; слышался пьяный смѣхъ, вскрикиванья, и все это тонуло въ общемъ гулѣ „работавшаго“ Пассажа.

— Ахъ, ты здѣсь,—проговорилъ голосъ за спиной Покатилова, и знакомая рука ударила по плечу.—А мы ждали тебя въ „Старомъ Фениксѣ“... Вотъ и капитанъ, хоть спроси его. Ну, куда сегодня отправимся?

Это былъ Павелъ Павлычъ Бодяга, секретарь „Искорокъ“; рядомъ съ нимъ стоялъ „капитанъ“, средняго роста отставной пѣхотинецъ, въ заношенной военной шинели съ петличками отъ погоновъ, въ заношенномъ двуборт-

помъ мундирѣ и партикулярныхъ штанахъ съ выдавшимися колѣнками. Отекшее лицо капитана, съ слезившимися сѣрыми глазами, обличало стараго питуха; онъ молодецки закручивалъ длинные, сѣдые усы и постоянно выпячивалъ грудь впередъ. Зеленая армейская фуражка, надѣтая набекрень, обличала стараго ташкентца. Капитанъ при редакціи „Искорокъ“ состоялъ въ качествѣ репортера, доставлявшаго всевозможныя свѣдѣнія со всѣхъ концовъ столицы.

— Въ самомъ дѣлѣ, куда мы двинемся сегодня?—спрашивалъ хриплымъ теноромъ капитанъ, подрыгивая отставленною лѣвою ногой.

— Да куда теперь двинешься? Къ Бергу поздно, въ другіе театры тоже,—отвѣчалъ въ раздумьѣ Покатиловъ,—лучше всего, если мы посидимъ пока здѣсь, выпьемъ пива, а потомъ отправимся въ „Зимній садъ“.

— Что же, диспозиція недурно составлена,—согласился капитанъ.

Компанія заняла столикъ недалеко отъ буфета и сосредоточенно принялась за кружки съ пивомъ; капитанъ постоянно вытиралъ свои длинные усы и все поглядывалъ на Покатилова, который сегодня находился въ самомъ молчаливомъ настроеніи духа.

— Съ кѣмъ это ты давеча ушелъ?—спрашивалъ Бодяга, принимаясь за вторую кружку.—Чортъ знаетъ, что такое придумаетъ человѣкъ: электрическій подсѣкатель... ха-ха!.. Я нарочно послалъ къ тебѣ этого дурака, отличный матеріалъ для фельетона.

— Да, ничего,—уклончиво отвѣтилъ Покатиловъ.

— И, навѣрное, изъ провинціаловъ, по физіономіи замѣтно,—не унимался развеселившійся секретарь.—Только и народецъ: настоящіе пещерные человѣки.

— Ахъ, кстати, капитанъ,—заговорилъ Покатиловъ,—какъ вы думаете, у Зинаиды Тихоновны найдется мѣсто для семейства въ четыре души? Такъ, комнаты три нужно, съ прислугой и со столомъ.

— Какъ разъ есть такая... А вамъ ужъ не для себя ли гнѣздышко нужно?—лукаво прищурившись, спрашивалъ капитанъ.—Можетъ-быть, подцѣпили гдѣ-нибудь этакую канальскую штучку... хе-хе!

— Нѣтъ, дѣло гораздо проще, капитанъ, безъ всякой канальской штуки. Привалили родственники изъ провинціи, такъ ихъ опредѣлить нужно. Полагаю, что у Зинаиды Тихоновны имъ будетъ хорошо.

— Такъ-съ... у насъ, т.-е. у Зинаиды Тихоновны, живутъ больше все разные короли въ изгваніи.

— Какъ вы сказали: короли въ изгнаніи?.. Очень недурно сказано, и мои родственники подходятъ подъ эту же рубрику, такъ что имъ даже совсѣмъ весело будетъ жить съ себѣ подобными.

— А вотъ и нѣтъ!—подхватилъ капитанъ.—Вѣдь это настоящая комедія, какъ они держатъ себя между собою. По годамъ живутъ у Зинаиды Тихоновны, постоянно встрѣчаются, знаютъ другъ о другѣ рѣшительно всю подноготную и дѣлаютъ постоянно такой видъ, что никого не знаютъ. Они даже ненавидятъ другъ друга, хотя и принято считать истинными друзьями только товарищей по несчастію. Это неправда-съ.

Капитанъ умѣлъ разсказывать и мастерски набросалъ картину жизни въ chambres garnies Зинаиды Тихоновны Квасовой, гдѣ „короли въ изгнаніи“ находили свой послѣдній пріютъ.

— И въ заключеніе всей этой компаніи ташкентскій капитанъ Пуховъ?—шутилъ Покатиловъ.—Послушайте, капитанъ, противъ васъ есть серьезныя улики въ покушеніи на довѣрчивое сердце кронштадтской мѣщанской дѣвицы

Зинаиды Тихоновны Квасовой, какъ-то: частое упоминаніе имени упомянутой мѣщанки, затѣмъ припошеніе ей подарковъ въ родѣ бонбоньерокъ отъ Кочкурова, нѣкоторая таинственность въ поведеніи и т. д. Что вы на это скажете, а?

— Нѣтъ, ужъ вы, Романъ Ипполитычъ, пожалуйста... это такой предметъ, такой предметъ!—серьезно заговорилъ капитанъ, выпивая кружку залпомъ.—Зинаида Тихоновна рѣдкой души женщина, хотя и мѣщанскаго званія. Даже, знаете, какъ-то неловко шутить на ихъ счетъ. Да-съ.

— Послушайте, господа, я вижу, что разговоръ начинаетъ принимать щекотливый оборотъ, — вмѣшался Бодяга, — а такъ какъ Зинаида Тихоновна рѣдкость въ своемъ родѣ, то слѣдуетъ ее передать нашему Брикабраку. Такъ?

Несчастный Семенъ Гаврилычъ служилъ постоянною мишенью для насмѣшекъ своихъ сотрудниковъ по редакціи, а его слабость къ собиранію рѣдкостей являлась неистощимымъ источникомъ остроумія. Теперь, какъ и всегда, редактора разбирали по косточкамъ, повторяя въ сотый разъ надоѣвшіе всѣмъ анекдоты о его глупости и ненаходчивости.

Составъ редакціи „Искорокъ“ былъ самый разношерстный и постоянно грозилъ распаденіемъ, но продолжалъ существовать точно на зло всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Эта газетка была истиннымъ созданіемъ петербургской улицы, соединивъ воедино, повидимому, несоединимое: во главѣ стоялъ Брикабракъ, бывшій портупей-юнкеръ, примазавшійся къ газетному дѣлу неизвѣстно какъ и зачѣмъ; его правою рукой былъ Покатиловъ—главная рабочая сила редакціи; секретарь Бодяга, прямой потомокъ какого-то малороссійскаго коронаго гетмана, по профессіи онъ былъ пѣвецъ, но потерялъ голосъ и теперь пріютился въ редакціи „Искорокъ“; капитанъ Пуховъ — ташкентскій офицеръ и т. д. Замѣчательно было то, что почти всѣ сотрудники ненавидѣли Брикабрака и все-таки продолжали работать у него; въ минуты интимности они сообщали другъ другу подъ величайшимъ секретомъ о своемъ непремѣнномъ рѣшеніи навсегда бросить „Искорки“ но это рѣшеніе не шло дальше словъ.

— Брикабракъ что-то сильно ухаживаетъ за тобой, — говорилъ Бодяга Покатилову.—Что-нибудь не спроста... я ему не вѣрю ни на грошъ ни въ чемъ.

— О, да... я ему сказалъ наотрѣзъ, что ухожу къ Котлецову, если онъ не уступитъ мнѣ театральную хронику; будетъ ему, попользовался въ свою долю.

— Не отдастъ, Романъ Ипполитычъ,—замѣтилъ капитанъ.—Брикабраку театральная хроника дороже всего, потому что открываетъ входъ въ театральный міръ... ну, конечно, главнымъ образомъ, къ этимъ маленькимъ театральнымъ дамамъ, которыя готовы платить за каждую похвалу натурой.

— Отдастъ! — упрямо утверждалъ Покатиловъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Или не я буду!

— А теперь онъ какъ разъ ухаживаетъ за маленькой Фанни изъ кордебалета,—говорилъ Бодяга, закусывая свои длинные казацкіе усы.—Она ему дорого будетъ стоить.

Амурныя похожденія Брикабрака всегда представляли богатый матеріалъ для бесѣдъ его тайныхъ враговъ, а теперь въ особенности, потому что Брикабракъ посягнулъ урвать извѣстную долю радостей изъ того совершенно исключительнаго міра, гдѣ счетъ идетъ десятками тысячъ рублей.

— Интересно, гдѣ онъ возьметъ денегъ для Фанни?—спрашивалъ Покатиловъ.—Вѣдь это безуміе чистѣйшей воды.

— Не безпокойтесь, Брикабракъ знаетъ отлично свое дѣло, — отвѣчалъ Бодяга и потомъ прибавилъ вполголоса: — онъ разсказывалъ тебѣ о своемъ

знакомствѣ съ какимъ-то Богомоловымъ? Ну, тутъ и Нилушка запутанъ, да и не одинъ Нилушка.

— Я слышалъ мелькомъ, но что-то плохо вѣрится,—сомнѣвался Покатиловъ.—Мнѣ сегодня разсказывалъ Брикабракъ объ этомъ Богомоловѣ, но я что-то не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

— А я узналъ всю исторію совершенно случайно... отъ одной дамы, которая знакома съ Бѣгичевымъ, ну, этотъ летучій котлецовскій корреспондентъ, знаешь?

— Даже очень хорошо. А какая дама разсказывала?

— Ахъ, это все равно для тебя; это еще остатки старой роскоши, когда дамы меня на рукахъ носили,—съ грустью проговорилъ Бодяга, отхлебывая пива. — Я и самъ хорошенько ея не знаю, что̀ она такое, но очень богатая и красивая. Она меня затащила къ себѣ послѣ перваго же концерта, когда я спѣлъ арію изъ „Тангейзера“. Да, барыня бѣдовая. Ну, да это все равно...

— Однако, чортъ возьми, это очень интересно, — вступился молчавшій до этого времени капитанъ,—какъ это у васъ съ дамами бываетъ... т.-е. какъ онѣ забираютъ пѣвцовъ и различныхъ артистовъ въ свои лапки.

— Очень просто; есть такіе милые люди, которые спеціально занимаются устройствомъ счастливыхъ комбинацій, — коротко объяснилъ Покатиловъ. — Теперь бы нашъ Бодяга получалъ пятнадцать тысячъ годовыхъ въ оперѣ и катался бы какъ сыръ въ маслѣ, если бы не прокутилъ весь голосъ сразу.

— Молодъ былъ и горячъ... Да!—глубокомысленно согласился капитанъ.— Человѣкъ, три кружки пива... Да-съ, большую силу имѣютъ дамы!

— Ну, такъ что̀ тебѣ разсказывала эта дама, знакомая Бѣгичева? — спрашивалъ Покатиловъ задумчиво сидѣвшаго Бодягу.

— Эта дама?.. Гм... да,—спохватился замечтавшійся пѣвецъ въ отставкѣ.— Бѣгичевъ вѣдь болтунъ, особенно когда раскутится, ну и разболталъ все... Видишь ли, этотъ Богомоловъ изъ молодыхъ да ранній, примазался къ Теплоухову и теперь хочетъ упрочить себѣ извѣстное положеніе въ мірѣ этихъ крупныхъ заводчиковъ, а для этого на первый разъ хочетъ подарить имъ нѣсколько милліоновъ.

— Богомоловъ?!

— Да... то-есть, собственно, конечно, не самъ Богомоловъ, а какъ бы онъ самъ. Однимъ словомъ, онъ затѣваетъ крупную игру и для первыхъ ходовъ затянулъ въ нее Нилушку Чвокова и нашего Брикабрака, потому что самъ Богомоловъ совершенно неизвѣстное лицо, а Нилушка — извѣстный дѣлецъ, Брикабракъ—представитель какой ни на есть столичной прессы. Сначала Богомоловъ хотѣлъ завербовать себѣ Котлецова и даже велъ переговоры объ этомъ черезъ Бѣгичева, но Котлецовъ запросилъ очень дорого за свое сочувствіе, ну, и Богомоловъ помирился пока на нашемъ Брикабракѣ. Не знаю, сколько ему дали для перваго раза.

— Въ чемъ же заключается самое-то дѣло? — спрашивалъ Покатиловъ.

— А этого ужъ я, право, не умѣю объяснить, — откровенно сознался Бодяга,—что-то о протекціонизмѣ и о конкуренціи съ заграничными заводчиками, потомъ о земствѣ... о какихъ-то лѣсахъ. Чортъ ихъ разберетъ тамъ, но только Богомоловъ лѣзетъ въ гору, и сильно лѣзетъ, это ужъ вѣрно.

— Странно... мнѣ Брикабракъ говорилъ давеча объ этомъ, но я совсѣмъ пропустилъ мимо ушей,—думалъ вслухъ Покатиловъ, начиная замѣтно пьянѣть. — Гм... и сестра что-то такое говорила объ этомъ же Богомоловѣ, чортъ его возьми!

— Однимъ словомъ, Брикабраку на первый случай будетъ чѣмъ запла-

тить этому чертенку Фанни, — весело проговорилъ Бодяга, надвигая шапку на затылокъ.—Я ее помню еще по сценѣ, когда она только-что изъ театральнаго училища выскочила, а я вышелъ изъ консерваторіи. Необыкновенно бойкая и веселая дѣвчонка.

Кружки пустѣли, наполнялись и снова пустѣли, такъ что собесѣдники успѣли уже порядкомъ нагрузиться, когда пьяный капитанъ, пошатываясь на мѣстѣ, спросилъ Покатилова:

— Послушайте, г. Романъ Ипполитычъ, если Зинаида Тихоновна спроситъ, кто новые жильцы, какъ я ей долженъ буду отвѣчать, а?

— Такъ и отвѣчайте: родственники г. Романа Ипполитыча Покатилова.

— Нѣтъ, безъ шутокъ... Зинаида Тихоновна вѣдь всегда съ расчетомъ принимаетъ жильцовъ; у ней насчетъ этого даже очень строго-съ. А вдругъ она спроситъ, тогда какъ я?

— Ну, скажите, что Мостовы, изъ Сибири.

— Такъ-съ... Мостовы... А кто же они будутъ по образу жизни?

— Ахъ, Господи! Вы, капитанъ, совсѣмъ подъ башмакомъ у Зинаиды Тихоновны, когда выспрашиваете подобныя глупости, — сердито заговорилъ Покатиловъ, поднимаясь съ мѣста.—По образу жизни люди дѣлятся на осѣдлыхъ, кочующихъ и просто дикарей, ну, такъ Мостовы принадлежатъ къ осѣдлымъ. Такъ и Зинаидѣ Тихоновнѣ скажите. Впрочемъ, лучше будетъ ужъ мнѣ самому къ ней завернуть.

— Изъ Сибири... да... гм! — переминался капитанъ, сдвигая свою фуражку совсѣмъ на затылокъ. — Позвольте-съ, Романъ Ипполитычъ, вѣдь Мостова зовутъ Симономъ Денисычемъ, а его супругу Калеріей Ипполитовной?

— Да, какъ меня Романъ Ипполитовичъ, потому что Калерія Ипполитовна мнѣ родная сестра.

— Вотъ, скажите, пожалуйста, сколько времени васъ знаю и ни разу даже не пришло въ голову, что Калерія Ипполитовна ваша родная сестра,— заговорилъ капитанъ, дергая себя за усы. — Правс, странно. А я ихъ очень хорошо знаю, то-есть зналъ-съ, даже живалъ у нихъ. Какъ же... гм... Знаете, тутъ даже вышла цѣлая исторія, благодаря Калеріи Ипполитовнѣ. Можно сказать, романъ-съ.

— Послушайте, господа, я не охотникъ до фамильныхъ тайнъ,—протестовалъ Бодяга, поднимаясь съ мѣста. — Вы тутъ пока побесѣдуете, а я въ „Зимній садъ“ отправлюсь. Тамъ, надѣюсь, встрѣтимся.

Капитанъ выпилъ еще кружку пива и посмотрѣлъ на Покатилова совсѣмъ пьяными, осовѣлыми глазами.

— Прикажете говорить-съ всю правду?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— По возможности,—сухо отвѣтилъ Покатиловъ.—Вы знаете, что я не охотникъ до изліяній и вообще нѣжныхъ чувствъ.

— Да-съ... но это все равно-съ. Я ужъ начну съ конца, т.-е. съ начала, съ яицъ Леды. Такъ, кажется, говорятъ? Хорошо-съ. Человѣкъ, двѣ кружки пива! Ну-съ, служилъ я въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на восточной границѣ, въ Красноводскѣ-съ. Понимаете-съ? Степь, песокъ, коньякъ — и больше ничего-съ. Тоска смертная! А у батарейнаго командира была воспитанница. Да. Она изъ Бухары родомъ и попала въ плѣнъ къ текинцамъ такой еще малюткой, а тогда нашъ батарейный ее и купилъ себѣ у азіатцевъ, проще сказать, на иноходца выменялъ. Женатый былъ человѣкъ, своихъ дѣтей нѣтъ, вотъ и любопытно дѣвочку-съ. А у ней глазенки, понимаете, настоящая Азія-съ, и все прочее въ восточномъ вкусѣ. Хорошо-съ. Дѣвочка такъ и подросла въ батареѣ, въ пескѣ, дичкомъ этакимъ и въ тринадцать лѣтъ была

вполнѣ-съ. Всѣ офицеры отъ нея безъ ума сдѣлались, одинъ юнкеръ даже повѣсился, потомъ дуэли; [горячій все народъ, да и скука смертная. Бухарочку Сашенькой звали; она въ православіи крещена была. Уменьшительно, значитъ, Шура-съ. Ну-съ, а я тогда еще былъ молодецъ хоть куда. И представьте себѣ, эта самая бухарочка мнѣ предпочтеніе сдѣлала... все это по-восточному, конечно, чертовски этакъ! Огонь была женщина...

Капитанъ сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ глотковъ и энергичнымъ жестомъ вытеръ сѣдые сивые усы.

— Такъ-съ. Женился я на этой бухарочкѣ Шурѣ и прожилъ два года вполнѣ счастливо, даже блаженствовалъ, какъ какой ханъ. Удивительная женщина: ласковая, внимательная, а то разсердится и чѣмъ попало. Ну, это бываетъ, знаете, даже и въ столицахъ, не то что въ степи, гдѣ и развлеченій никакихъ нѣтъ-съ. Да-съ... А потомъ моя Шура сдѣлалась, какъ свойственно женщинѣ, беременной и подарила мнѣ, какъ выражаются, дочку-съ, этакую маленькую дѣвчурку и, представьте себѣ, съ такими же глазами удивительными. То-есть, виноватъ-съ, глаза у Сусанночки, — я ее Сусанной назвалъ,—были ужъ другого рода, совсѣмъ перламутровые. Только моя Шура вскорѣ и умерла, а я и остался съ Сусанночкой. Ну, понимаете, офицеръ при полевой батареѣ, и вдругъ этакая крошечная дѣвочка. Возился я, возился съ ней, таскалъ ее за собой вездѣ, ну, натурально, она выросла, а глаза... ахъ, какіе, я вамъ скажу, глаза у нея были! До неистовства хороши... просто я даже боялся за нее, потому кругомъ песокъ, солдаты, коньякъ, ну, въ мѣшокъ и кунчалъ башка. Въ Азіи это, понимаете, даже очень просто-съ. За сто барановъ можно ханшу купить, а не то что какую-нибудь дѣвчонку! А тогда эта война съ Хивой готовилась, насъ на Сыръ-Дарью погнали. И я съ своею Сусанночкой тронулся. И между прочимъ, намъ пришлось на одной станціи въ степи встрѣтиться съ вашей сестрицей, онѣ тогда на заводы проѣзжали. Увидѣли у меня дѣвочку и пристали ко мнѣ, да вѣдь какъ пристали: на колѣняхъ ползали, со слезами просили отдать имъ на воспитаніе. Знаете, какой характеръ у Калеріи Ипполитовны?.. Человѣкъ, двѣ кружки!.. Ну-съ, такъ я и отдалъ Сусанночку вашей сестрицѣ-съ, — продолжалъ капитанъ послѣ длинной паузы,—а самъ пошелъ дальше съ батареей. Да-съ, было похоронено! Прошло нѣсколько лѣтъ-съ, а меня ужъ тоска грызетъ; ну, сейчасъ отпускъ и получилъ, полетѣлъ къ Сусанночкѣ; кровь заговорила. Никого вѣдь у меня на бѣломъ свѣтѣ не было, одна Сусанночка. Плакала, когда прощалась, а я ее перекрестилъ по-солдатски, образокъ на шею надѣлъ, а ужъ свои-то слезы послѣ кулакомъ вытиралъ. Такъ-съ... Калерія Ипполитовна была очень любезны со мной и всегда подробно-съ извѣщали меня письмами, и Сусанночка писала. Воспитаніе у гувернантки получала: французскій языкъ, фортепіано и прочее, по штату. Хорошо-съ... Вотъ я и полетѣлъ на Заозерскіе заводы къ Сусанночкѣ, на побывку. И дѣйствительно прилетаю и, какъ былъ въ дорогѣ,—въ пыли, въ грязи, чортъ-чортомъ, такъ и ввалился въ хоромы Калеріи Ипполитовны; такъ и такъ, желаю дочь видѣть. Понимаете, загорѣлъ, бронзовый весь, мундиръ засаленъ, ну, однимъ словомъ, напугалъ весь домъ, а Калерія Ипполитовна даже уговаривала меня принять болѣе приличный видъ, чтобы явиться къ дочери. Это ужъ меня, извините, взорвало. Какъ? Отецъ, прямо изъ кампаніи... дочь... „Что же это такое,—думаю,—вѣдь не смотръ какой, не къ начальству съ рапортомъ!“ И сдѣлалъ ошибку-съ, очень большую-съ ошибку. Выходитъ ко мнѣ Сусанночка, хотѣла на шею броситься и отшатнулась, въ лицѣ перемѣнилась даже, потому деликатная этакая барышня, воздушная, и вдругъ этакая рожа, съ позволенія сказать.

Не поняли мы тогда другъ друга, и то моя ужъ ошибка. „Ты, — говорю, — солдатская дочь, на лафетѣ родилась, а я не адъютантъ генеральнаго штаба съ этакими усиками, шильцемъ“... Да-съ. А Сусанночка... ахъ, какъ она тогда хороша была, Романъ Ипполитовичъ! Вся въ мать, нѣтъ, лучше, потому что въ ней не было ужъ этой дикости, этой Азіи-то, потому какъ фортепіано и прочее. Пожилъ я у нихъ съ недѣлю и понялъ, что мнѣ не слѣдовало отдавать Сусанночки Калеріи-то Ипполитовнѣ, совсѣмъ не слѣдовало-съ, потому тутъ совсѣмъ ужъ другая музыка пошла.

Покатиловъ слушалъ этотъ разсказъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и старался согласить его съ тѣмъ, что слышалъ отъ зятя о воспитанницѣ.

— Послушайте, я, кажется, знаю эту исторію дальше, — заговорилъ онъ и передалъ все, что слышалъ сегодня отъ зятя и отъ сестры.

— Все такъ-съ, истинная правда, — согласился капитанъ, заламывая свою ташкентскую фуражку набекрень. — Вотъ что надѣлали Калерія Ипполитовна: и Сусанночку загубили, и меня, и себя. Я ее проклялъ-съ, свою-то Сусанночку! Да-съ... А знаете, за что? За то, что это не настоящій былъ у ней бракъ, а фиктивный-съ. Дѣло все въ Теплоуховѣ, а мужъ только какъ деревянный болванъ. Вотъ за это-съ... Въ бракѣ прежде всего любовь-съ, а если нѣтъ любви, то одно свинство получается. Извините меня, а я такъ понимаю вещи-съ и самъ бухарочку свою любилъ, любилъ больше всего на свѣтѣ. Да, свинство... Человѣкъ, двѣ кружки... нѣтъ, не нужно.

— Такъ эта особа и есть ваша дочь? — думалъ вслухъ Покатиловъ, припоминая свой разговоръ съ Брикабракомъ. — Знаете, она имѣетъ успѣхъ. Я сегодня слышалъ о ней отзывы, какъ о восходящемъ свѣтилѣ, только въ совершенно новомъ родѣ. Въ Петербургѣ это еще небывалое явленіе; она держитъ себя, какъ...

— И все-таки свинство! — крикнулъ капитанъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Вы думаете, мнѣ-то легко было ее проклясть? Каждый разъ, какъ ложусь спать и осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ, всегда вспоминаю Сусанночку и плачу-съ... да-съ, слезами плачу, хотя закаленный человѣкъ и солдатскаго Егорія имѣю. Плачу о той Сусанночкѣ, которую потерялъ, а эта...

Капитанъ и теперь плакалъ, роняя слезы въ кружку съ пивомъ; онъ не замѣчалъ своихъ слезъ и разсѣянно смотрѣлъ на толкавшуюся у бильярдовъ ночную публику, на волны табачнаго дыма, на бѣгавшихъ лакеевъ.

V.

Въ свою квартиру, на Моховой, Покатиловъ вернулся уже въ третьемъ часу ночи, вернулся усталый и разбитый, съ тяжелою головой; онъ долженъ былъ крѣпко держаться за перила, взбираясь по лѣстницѣ въ третій этажъ. Проходя мимо швейцарской, онъ хотѣлъ немного пріосаниться, но, вмѣсто этого, сильно качнулся въ сторону и чуть не упалъ; хитрый швейцаръ Григорій долго смотрѣлъ вслѣдъ писавшему вензеля барину и ядовито подумалъ:

„Ужо вотъ тебѣ, путанику, Лизавета-то Ивановна пропишетъ два неполныхъ. Позабылъ, видно, какое сегодня число-то?“

Номеръ Покатилова дѣлился, какъ большинство номеровъ средней руки, дощатою перегородкой на три комнаты: переднюю, пріемную и спальню; обстановка въ такихъ chambres garnies вездѣ одинакова, какъ на заказъ: передняя пустая, въ спальнѣ кровать и умывальникъ, въ пріемной полдюжины вѣнскихъ стульевъ, репсовый диванъ, два кресла, круглый столъ предъ диваномъ и ломберный у стѣны. Немного, но для одинокаго человѣка совершенно достаточно, чтобы изъ этого немногаго производить вѣчный безпоря-

докъ, который создалъ вмѣстѣ съ холостяками. Покатиловъ проживалъ здѣсь уже около десяти лѣтъ, хотя постоянно собирался переѣхать въ Квасовой, но здѣсь удерживало его одно совершенно особенное обстоятельство.

— Гм... не спитъ, чортъ возьми! — ворчалъ Покатиловъ, съ трудомъ отворяя дверь своего номера и разглядывая желтую полоску свѣта, выползавшую въ его пріемную изъ-подъ дверей сосѣдняго номера. — Бэтси, ты не спишь?

— Нѣтъ!—отдалось послѣ короткой паузы въ сосѣднемъ номерѣ.

Снимая въ передней пальто, Покатиловъ ударилъ себя по лбу и растерянно забормоталъ:

— Боже мой, вѣдь сегодня двѣнадцатое число, а я шлялся чортъ знаетъ гдѣ!

Въ первую минуту онъ сильно струсилъ, но потомъ успокоился, потому что налицо у него было готовое оправданіе. Умывшись на скорую руку и напрасно стараясь принять видъ трезваго человѣка, Покатиловъ осторожно отворилъ дверь въ сосѣдній номеръ и на порогѣ еще разъ спросилъ:

— Можно войти, Бэтси?

— Боже мой, въ какомъ видѣ, а я сколько разъ просила васъ! — въ ужасѣ проговорила по-англійски высокая женщина лѣтъ тридцати, съ блѣднымъ лицомъ. — Вы забыли, Романъ, какое сегодня число, чтобы посмѣяться надъ моими привычками.

— Ахъ, Бэтси, тысячу разъ виноватъ! — извинялся Покатиловъ заплетавшимся языкомъ, напрасно стараясь поцѣловать руку Бэтси. — Но вышелъ совершенно особенный случай, Бэтси, и ты извинишь меня. У меня пріѣхала изъ Сибири сестра, съ которою я не видался цѣлыхъ двадцать лѣтъ, ну, я у нихъ просидѣлъ весь вечеръ. Ты пойми только: двадцать лѣтъ не видались, да!

Англичанка пытливо смотрѣла на улыбавшагося пьяною улыбкой друга и, покачавъ отрицательно головой, проговорила съ подавленнымъ вздохомъ:

— Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы вы явились отъ сестры въ такомъ ужасномъ видѣ; сестра никогда не позволитъ.

— Увѣряю тебя, Бэтси.

— У васъ совершенно неорганизованный характеръ, — рѣшила Бэтси, закрывая даже глаза отъ ужаса.

Эта фраза была на языкѣ Бэтси чѣмъ-то въ родѣ смертнаго приговора, и она пускала ее въ ходъ только въ самыхъ рѣшительныхъ случаяхъ, въ родѣ сегодняшняго, когда прождала Покатилова съ восьми часовъ вечера до половины третьяго.

Номеръ Бэтси былъ точно такой же, какъ и у Покатилова, но онъ былъ такъ мило и уютно убранъ, что походилъ на какое-то гнѣздышко: мебель у Бэтси была вся своя — настоящая англійская мебель, приспособленная къ домашнему комфорту. Мягкіе ковры на полу, драпировки на окнахъ и на дверяхъ, много цвѣтовъ, альбомы на столѣ предъ диваномъ, орѣховый шкапъ съ серебромъ и фарфоромъ, письменный орѣховый столъ съ разными бюварами и кипсэками, бѣлоснѣжная кровать въ спальнѣ, мраморный умывальникъ, — однимъ словомъ, все здѣсь до послѣдняго гвоздя было настоящее англійское, обязанное напоминать своей хозяйкѣ о дальней родинѣ, о той старой Англіи, которая разсылаетъ много такихъ Бэтси по всѣмъ частямъ свѣта. Этотъ номеръ среди остальныхъ квартиръ казался какимъ-то островомъ, и даже швейцаръ Григорій, этотъ завзятый скептикъ и нигилистъ, считавшій одною изъ своихъ обязанностей относиться ко всѣмъ жильцамъ

свысока, даже онъ относился къ углу Бэтси съ невольнымъ уваженіемъ, а хозяйку называлъ не иначе, какъ Лизавета Ивановна, хотя отца Бэтси звали Альбертомъ. Каждое утро Григорій непремѣнно караулилъ, когда пойдетъ Бэтси на уроки, стремительно выскакивалъ изъ своей сторожки и, снявъ фуражку съ золотымъ околышемъ, торжественно распахивалъ двери подъѣзда.

— Сегодня страшенная мокреть на дворѣ, Лизавета Ивановна,—докладывалъ Григорій, желая быть непремѣнно любезнымъ.

Сегодня, какъ и каждое двѣнадцатое число, номеръ Бэтси принялъ особенно праздничную обстановку: зажжена была стѣнная лампа, на столѣ предъ диваномъ въ закрытыхъ блюдахъ былъ приготовленъ ужинъ, тутъ же стояла бутылка настоящаго англійскаго кларета и два прибора для чая по-англійски, т.-е. со спиртовою лампочкой, надъ которой чай варится такъ же, какъ мы варимъ кофе.

Сама Бэтси была тѣмъ, чѣмъ бываютъ въ тридцать лѣтъ одинъ англичанки: сухощавая, строгая, безукоризненно чистоплотная, какъ кошка. Лицо у нея, вытянутое, съ прямымъ короткимъ носомъ и выставлявшимися передними зубами, было красиво и симпатично именно въ англійскомъ вкусѣ—своимъ прелестнымъ тономъ кожи, свѣжестью сѣрыхъ глазъ, серьезною простотой въ выраженіи рта; простая прическа бѣлокурыхъ волосъ съ золотистымъ отливомъ и всегда чистый и свѣжій, какъ только-что расколотый мраморъ, воротничокъ дополняли портретъ Бэтси. Вотъ относительно своихъ костюмовъ Бэтси постоянно грѣшила противъ основныхъ требованій эстетики, потому что рѣшительно не умѣла одѣваться, какъ всѣ англичанки, и притомъ имѣла привычку всегда носить широкій кожаный поясъ, придававшій ея фигурѣ что-то такое монашеское. Сегодня Бэтси нарядилась въ какое-то необыкновенное шерстяное платье, цвѣта бордо, и повязала шею ярко-желтымъ шарфикомъ, что̀ ее дѣлало ужасно похожею на попугая.

— Нѣтъ ли у тебя спирта какого-нибудь?—спрашивалъ Покатиловъ, чувствуя, какъ у него предъ глазами вся комната пошла кругомъ.—Я черезъ полчаса буду здоровъ. Ты на меня, пожалуйста, не сердись, голубчикъ, потому что... понимаешь: сестра.

— Да, я понимаю такое поведеніе со стороны швейцара Григорія, который, по случаю пріѣзда сестры, напьется, какъ сапожникъ, и приколотитъ жену,—говорила Бэтси, подавая какой-то флаконъ,—а вамъ, образованному человѣку... нѣтъ, русскіе положительно низшая, совсѣмъ неорганизованная раса!

— Ну, Бэтси, и англичане тоже бываютъ иногда хороши: пьяные лорды постоянно бьютъ женъ каминными щипцами, а то и каблукомъ въ животъ. Въ этомъ родѣ былъ цѣлый рядъ процессовъ.

— Намъ лучше всего прекратить этотъ разговоръ,—печально проговорила Бэтси, дѣлая необходимыя приготовленія къ чаепитію.—Вы не убѣдите меня вашими анекдотами, я не сумѣю убѣдить васъ, слѣдовательно намъ лучше обходить молчаніемъ эту щекотливую тему. Вы хотите ѣсть?.. Вотъ здѣсь холодная телятина, индѣйка, языкъ.

Спиртъ, которымъ Покатиловъ натиралъ себѣ виски, произвелъ надлежащее дѣйствіе и понемногу привелъ его въ себя. Покатиловъ нѣсколько разъ внимательно осмотрѣлъ всю обстановку, точно видѣлъ ее всего въ первый разъ, встряхнулъ волосами и въ раздумьѣ проговорилъ:

— Бэтси, голубушка, гони меня, потому что я вѣчная неисправимая свинья... погибшій человѣкъ... человѣкъ улицы... Улица?! Если бы ты только знала, Бэтси, какое это страшное слово... улица не знаетъ пощады, какъ не

знаетъ площади болото, которое медленно засасываетъ всякаго, кто имѣлъ несчастіе попасть въ него. А я... я органически приросъ къ улицѣ, душой приросъ, и мы, кажется, отлично понимаемъ другъ друга: улица мнѣ аплодируетъ... она любитъ меня по-своему, какъ мать своего ребенка.

— Послушайте, вы сходили бы переодѣться,—предлагала Бэтси, не понимавшая этихъ изліяній,—а то отъ васъ пахнетъ чѣмъ-то такимъ...

— Улицей пахнетъ, голубушка Бэтси... да, улицей, т.-е. пивомъ, табакомъ, пòтомъ и еще... гм... Дѣйствительно, всего лучше будетъ переодѣться.

„Погибшій, несчастный человѣкъ!—съ тоской думала Бэтси, оставшись одна.—А самое страшное то, что Романъ добрый человѣкъ... Боже, Боже!.. Чего я только ни прощала этому жалкому человѣку? Каждый разъ раскаивается точно для того только, чтобы сейчасъ же начать свои уличныя похожденія. И вся нація у русскихъ такая—самые неорганизованные характеры... И главное, ничѣмъ нельзя помочь!“

И, за всѣмъ тѣмъ, эта цѣломудренно-суровая и неприступно-чистая Бэтси любила человѣка съ его „совершенно неорганизованнымъ характеромъ“ и даже теперь нѣсколько разъ повторила про себя это ласковое слово, которымъ называлъ ее Романъ. „Голубушка... голубушка...“—шептала Бэтси, и по ея блѣдному лицу разлился горячій румянецъ, такъ что, когда Покатиловъ вошелъ опять въ комнату, ему показалось, что Бэтси плакала.

— Бэтси... что̀ съ тобой?—съ участіемъ спрашивалъ онъ, останавливаясь.—Слезы?

Вмѣсто отвѣта, Бэтси стремительно бросилась къ нему на шею и съ какимъ-то шопотомъ принялась его цѣловать, какъ цѣлуются между собой институтки; эти порывы какой-то дѣтской нѣжности всегда смущали Покатилова, вызывая въ душѣ вереницу его собственныхъ некрасивыхъ проступковъ противъ этой чистой любви. Но теперь Покатиловъ не могъ удержаться отъ невольной улыбки, потому что Бэтси, цѣлуя ему шею, въ то же время обнюхивала его, какъ кошка...

Черезъ четверть часа они сидѣли на диванѣ и бесѣдовали самымъ мирнымъ образомъ. Бэтси, несмотря на всю свою англійскую выдержку характера, любила послушать разсказы неорганизованнаго человѣка объ его неорганизованныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Покатиловъ, въ свою очередь, любовался Бэтси, когда она слушала что-нибудь внимательно; лицо у нея принимало такое наивное, дѣтское выраженіе, что невольно хотѣлось его цѣловать безъ конца. И теперь, пока Покатиловъ разсказывалъ о сестрѣ и своемъ зятѣ, Бэтси слушала его, вся вытянувшись, какъ насторожившаяся птица. Разсказывая о сестрѣ, Покатиловъ передалъ въ яркихъ краскахъ эпизодъ о томъ, какъ отплатила за свое воспитаніе Сусанна, а потомъ разсказъ Пухова. Бэтси въ тактъ разсказа покачивала своею головкой и все время, не спуская глазъ, смотрѣла Роману прямо въ лицо, точно боясь, что онъ вотъ-вотъ вспорхнетъ и улетитъ.

— Что̀ же твоя сестра?—спрашивала Бэтси задумчиво.—Будетъ она мстить этой Доганской или...

— Ты развѣ ее знаешь?

— Я?.. Нѣтъ.

— Какъ же ты знаешь фамилію этой дамы, когда я совсѣмъ не называлъ ее?

— Ты забылъ, что сейчасъ только назвалъ... Морозъ-Доганская.

— Гм... это иногда со мной случается, а все-таки странно, что я забылъ.

Бэтси вся вспыхнула и даже опустила глаза: она сегодня солгала, солгала, чтобы отмстить хотя чѣмъ-нибудь за постоянное вранье Покатилова. Она только-что познакомилась на-дняхъ съ этою Доганской и теперь съ особеннымъ интересомъ слушала ея біографію. Бэтси казалось, что Покатиловъ начинаетъ увлекаться этою неизвѣстною ему женщиной, такъ романически начавшей свою молодую жизнь. Вѣдь такіе люди, какъ Романъ, способны на самыя дикія выходки и могутъ увлечься женщиной, которой даже не видали ни разу. Въ душѣ Бэтси, какъ грозовое облачко, всплыло нехорошее и тяжелое чувство: она впередъ ревновала Покатилова къ этой Доганской, хотя отлично знала, что на серьезное и глубокое чувство онъ не былъ способенъ. Сколькими женщинами увлекался онъ, живя съ ней, но она смотрѣла на слабость къ женщинамъ сквозь пальцы и старалась, по возможности, не думать объ этомъ.

— Сестра у меня совсѣмъ ужъ не такая, какъ я,—разсказывалъ Покатиловъ, отвѣчая на вопросъ Бэтси.—У сестры вполнѣ организованный характеръ, даже слишкомъ, можетъ-быть, потому что она, видимо, держитъ мужа подъ башмакомъ... А что̀ касается этой Доганской, то сестра не такой человѣкъ, чтобы попуститься ей: она ее доймета, непремѣнно доймета. Вотъ и интересно, какъ это она устроитъ. Ахъ, Бэтси, какъ смѣшно этотъ капитанъ назвалъ квартирантовъ въ chambres garnies у Квасовой: короли въ изгнаніи... Ха-ха!.. Это очень смѣшно, голубушка...

Покатиловъ, благодаря спирту, совсѣмъ протрезвился и теперь шутилъ и смѣялся со своею обыкновенною непринужденностью, какъ самый любезный кавалеръ. Ѣсть онъ, пожалуй, не хотѣлъ, но поужиналъ очень плотно, чтобы хотя этимъ загладить свой проступокъ: оставить нетронутымъ ужинъ Бэтси было равносильно кровному оскорбленію, котораго она не умѣла прощать. Обѣды и ужины въ глазахъ Бэтси носили какое-то патріархальное значеніе, какъ домашнее таинство, и на нее всегда производили извѣстное впечатлѣніе даже такіе пустяки, какъ чистое столовое бѣлье и сервировка, напоминая о торжественной солидности столовыхъ старой Англіи.

— Ну, а что̀ же ты ничего не разскажешь мнѣ о себѣ, Бэтси?—спрашивалъ Покатиловъ, запивая телятину рюмкой портвейна.

— Что̀ же мнѣ разсказывать когда у меня вѣчно одна и та же новость: уроки.

— Ахъ, да... чуть не забылъ. У сестры есть дочь, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, ее нужно будетъ учить по-англійски; вотъ я и отрекомендую тебя.

— Не знаю, удобно ли это будетъ,— отвѣтила Бэтси, немного смутившись.—Какъ еще взглянетъ твоя сестра, когда узнаетъ о нашихъ отношеніяхъ, потому что какой это будетъ примѣръ для дѣвочки?

— Пустяки, Бэтси. У насъ смотрятъ и не на такія вещи сквозь пальцы, а до этого рѣшительно никому дѣла нѣтъ: всякій живетъ по-своему.

— Все-таки... я не хочу красть ничьего довѣрія.

— Ахъ, какая ты иногда бываешь... упрямая!

Они такъ проболтали до четырехъ часовъ, когда Покатиловъ распростился, чтобы итти въ свою комнату. Бэтси чувствовала себя очень утомленной послѣ тревогъ одиноко проведеннаго вечера и на прощанье проговорила усталымъ голосомъ:

— Все-таки, Романъ, хотя я люблю тебя и все прощаю тебѣ, но у тебя совершенно неорганизованный характеръ...

— Бэтси, клянусь тебѣ, что это въ послѣдній разъ!.. А впрочемъ, я все-таки свинья...

Раздѣвался, Покатиловъ нѣсколько разъ повторилъ:

„Какая славная эта Бэтси... и какой я мерзавецъ, ежели разобрать!“

Покатиловъ и Бэтси составляли одну изъ тѣхъ странныхъ паръ, какія создаетъ петербургская жизнь. Обыкновенно Покатиловъ рѣдко гдѣ уживался на квартирѣ больше года и, вѣроятно, въ номерахъ Баранцева, гдѣ жилъ теперь, тоже прожилъ бы не дольше, если бы случайно не встрѣтился съ Бэтси. Онъ проживалъ въ номерахъ Баранцева второй мѣсяцъ, когда въ сосѣди къ нему переѣхала молоденькая англичанка, учительница миссъ Кэй, какъ она была записана на черной доскѣ въ передней. Молодые люди иногда встрѣчались въ коридорѣ и на лѣстницѣ. Покатиловъ вѣжливо раскланивался каждый разъ, но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни родственниковъ ни знакомыхъ у Кэй не было во всемъ городѣ ни души, и жила она въ своемъ номерѣ, какъ монахиня, или, вѣрнѣе, какъ заведенные разъ и навсегда часы: утромъ вставала въ шесть часовъ, убирала сама свою комнату, пила чай, занималась, въ девять часовъ уходила на урокъ, возвращалась въ три, обѣдала и затихала до слѣдующаго утра. Что дѣлала молодая особа вечеромъ, Покатиловъ не могъ себѣ даже представить и только удивлялся спокойному и выносливому характеру красивой сосѣдки, причемъ невольно сравнивалъ жизнь этой добровольной отшельницы со своею собственной: онъ никогда и ни въ чемъ не любилъ себѣ отказывать, а тогда жилъ ужъ совсѣмъ нараспашку, прокучивая до послѣдней копейки весь свой заработокъ. Разъ только, возвращаясь откуда-то съ очень веселаго вечера, Покатиловъ неожиданно столкнулся съ миссъ Кэй въ коридорѣ, и ему показалось, что у ней глаза были заплаканы.

— Что съ вами, m-lle?—съ непритворнымъ участіемъ спросилъ онъ ее.—Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ?..

Это слово участія, брошенное на вѣтеръ, заставило миссъ Кэй остановиться и внимательно посмотрѣть на своего сосѣда; она какъ-то вдругъ смутилась и, опустивъ еще не остывшіе отъ слезъ глаза, проговорила:

— Вы ошибаетесь, я не дѣвушка, а вдова... притомъ я привыкла обходиться во всемъ безъ посторонней помощи. Впрочемъ, я очень благодарна вамъ за ваше участіе...

„Какая странная женщина!—невольно подумалъ Покатиловъ, удаляясь въ свой номеръ. — И вѣдь кто могъ бы подумать, что она вдова! Да, предметъ довольно интересный для изслѣдованія“.

На другой день,—это было двѣнадцатаго мая,—Покатиловъ получилъ лаконическую записку отъ мистрисъ Кэй, которая приглашала его къ себѣ по очень важному дѣлу. Зайти къ молоденькой вдовушкѣ для Покатилова ничего не составляло, и онъ отправился къ ней съ самымъ беззаботнымъ видомъ, насвистывая какую-то оперетчную арію. Англичанка встрѣтила его очень чопорно и провела въ парадную комнату, убранную, какъ и сегодня; дѣло было вечеромъ, и на столѣ былъ холодный ужинъ для двоихъ, два чайныхъ прибора, двѣ рюмки для вина и даже двѣ свѣчи.

— Вы не откажетесь со мной поужинать?—предложила мистрисъ Кэй.—Мнѣ сегодня ужасно скучно... я не привыкла этотъ день проводить одна.

Такой пріемъ смутилъ даже Покатилова, который долго не зналъ, какъ себя держать съ странною вдовушкой. За ужиномъ она откровенно разсказала свою несложную біографію: родилась она въ Англіи, гдѣ и получила воспитаніе, а потомъ вышла замужъ за мистера Кэй, механика на чугунно-литейномъ заводѣ англичанина Зоста въ Петербургѣ, и переѣхала съ мужемъ въ Россію. Черезъ три года мистеръ Кэй умеръ, и она осталась попреж-

нему въ Петербургѣ, гдѣ Зостъ предложилъ ей занятія въ своемъ семействѣ и рекомендаціи въ другіе дома.

— Въ Англію мнѣ ѣхать было незачѣмъ, потому что тамъ и безъ меня много голодныхъ женскихъ ртовъ,—заключила свой разсказъ вдовушка.—А здѣсь еще можно жить...

— Вы меня извините, если я не могу быть съ вами настолько же откровеннымъ,—отвѣчалъ Покатиловъ,—но я постараюсь разсказать все изъ моего прошлаго, что̀ для васъ будетъ интересно.

Свою біографію Покатиловъ передалъ въ шутливомъ тонѣ, и молодые люди провели ужинъ самымъ непринужденнымъ образомъ. Когда нужно было уже прощаться, Покатиловъ вспомнилъ, что онъ былъ приглашенъ по какому-то важному дѣлу, а между тѣмъ никакого серьезнаго разговора еще не было.

— Однако я порядкомъ засидѣлся у васъ,—проговорилъ нерѣшительно Покатиловъ, посматривая на часы.—Вы, кажется, рано ложитесь спать?

— О, нѣтъ, вы не безпокойтесь... я ничего...

— Кстати, вы писали о какомъ-то важномъ дѣлѣ?..

— Да... сегодня двѣнадцатое число,—смутившись, объяснила мистрисъ Кэй.—Мнѣ просто было скучно провести этотъ вечеръ одной. Впрочемъ, я объясню значеніе этого числа послѣ.

Эта наивная сцена кончилась тѣмъ, что раздѣлявшая два сосѣднихъ номера дверь теперь соединила ихъ, и молодые люди обязательно праздновали двѣнадцатое число каждаго мѣсяца. Покатиловъ полюбилъ свою сосѣдку, которая черезъ восемь лѣтъ совмѣстнаго сожительства была все такою же, какою онъ узналъ ее въ первый день знакомства; въ ней было что-то идеально [illegible]е чистое, чему трудно прибрать подходящее названіе. Нѣсколько разъ Покатиловъ предлагалъ ей обвѣнчаться, но Бэтси отказывалась самымъ упорнымъ образомъ отъ этой чести и не согласилась быть m-me Покатиловой даже тогда, когда у ней родился ребенокъ. Впрочемъ, этотъ ребенокъ скоро умеръ.

— Отчего же ты не хочешь быть моею офиціальною женой, Бэтси?—спрашивалъ много разъ Покатиловъ.

— Не хочу себя стѣснять... теперь я свободна, а свобода дороже всего на свѣтѣ. Притомъ мнѣ кажется, что офиціальныхъ женъ, право, меньше любятъ и уважаютъ, потому что тамъ мужъ обязанъ быть мужемъ, а здѣсь ты ничѣмъ не стѣсненъ и можешь завтра же меня оставить. У меня теперь спокойна совѣсть, а это главное.

— Ты, Бэтси, лучшая изъ женщинъ!—восторженно провозглашалъ Покатиловъ,—но нехорошо только вотъ что̀: при такихъ сожительствахъ извѣстныя неловкія отношенія падаютъ всею своею тяжестью на женщину, а я этого совсѣмъ не желаю.

— Да... но вѣдь не ты виноватъ, что общество вездѣ не въ силахъ стрѣшиться отъ извѣстныхъ предразсудковъ... Да и что̀ я могу представлять для общества? Гувернантка, которая работаетъ за извѣстныя деньги, и только. Я живу сама по себѣ, и потому до меня дѣла нѣтъ, а тѣмъ болѣе до моей интимной жизни. Это счастливая привилегія всѣхъ маленькихъ людей, незамѣтныхъ, какъ букашки...

Покатиловъ часто сравнивалъ себя и свое поведеніе съ жизнью Бэтси и каждый разъ долженъ былъ „казниться“, какъ говорилъ швейцаръ Григорій. По происхожденію онъ былъ изъ богатой чиновничьей семьи; избалованный дома, онъ не могъ получить правильнаго образованія и до двадцати

лѣтъ переходилъ изъ одного заведенія въ другое, нигдѣ не кончилъ курса и проболтался нѣсколько лѣтъ вольнослушателемъ при университетѣ, тоже безъ особенныхъ результатовъ. Безспорно способный человѣкъ, онъ нигдѣ не могъ себѣ найти мѣста, поперемѣнно мѣняя всевозможныя профессіи. Покатиловъ думалъ быть сначала музыкантомъ, потомъ юристомъ, учителемъ какой-нибудь женской гимназіи, стенографомъ, чиновникомъ и т. д. Гдѣ онъ ни побывалъ и чего ни попробовалъ на своемъ вѣку, но его всегда неудержимо тянуло въ столицу, въ шумную столичную жизнь, къ которой онъ чувствовалъ какое-то болѣзненное пристрастіе, потому что сроднился съ вѣчною суетою, движеніемъ и какою-то оторопью спеціально-столичнаго существованія. Слишкомъ раннее знакомство съ добромъ и зломъ бойкой уличной жизни оставило въ характерѣ Покатилова глубокій слѣдъ, и онъ самъ сознавалъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неисправимъ; у него выработались вкусы и привычки постояннаго посѣтителя трактировъ, танцклассовъ и кафе-шантановъ. Такихъ столичныхъ молодыхъ людей, успѣвшихъ въ двадцать лѣтъ переиспытать все и, вслѣдствіе такой преждевременной опытности, пропитанныхъ чисто-уличнымъ скептицизмомъ и уличной taedium vitae,—такихъ молодыхъ людей, не знавшихъ молодости, въ Петербургѣ слишкомъ много, и всѣ они кончаютъ въ большинствѣ случаевъ очень скверно.

По своей увлекающейся, непостоянной натурѣ Покатиловъ, вѣроятно, очень скоро кончилъ бы свою карьеру трактирнымъ героемъ, но его спасла газетная работа, на которой онъ и остановился окончательно.

Для такой уличной газетки, какъ „Искорки“, Покатиловъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ, потому что собственнымъ опытомъ зналъ всѣ вкусы, привычки, слабости, недостатки и пороки той улицы, которой служила уличная пресса. Другимъ обстоятельствомъ, сильно поддерживавшимъ Покатилова, была его совмѣстная жизнь съ Бэтси; онъ отъ души любилъ и уважалъ эту женщину и всегда преклонялся предъ ней. Но и Бэтси не могла спасти Покатилова отъ вліянія неудержимо тянувшей его къ себѣ улицы. Покатиловъ часто исчезалъ совсѣмъ на нѣсколько дней, пропадалъ въ обществѣ самыхъ подозрительныхъ личностей Богъ знаетъ по какимъ притонамъ и являлся, измятый и разбитый, съ вѣчнымъ раскаяніемъ, клятвами, обѣщаніями исправиться и съ новыми силами для веденія уличной хроники. Подобныя грѣхопаденія Покатиловъ называлъ „собираніемъ матеріала“ и по-своему, пожалуй, былъ правъ, потому что газетное дѣло любилъ и велъ свой отдѣлъ образцово, такъ что въ спеціально-уличной литературѣ пользовался большою популярностью и даже составилъ себѣ нѣкоторое имя.

— Ежели бы Петербургъ былъ Парижемъ, то ты теперь уже составилъ бы себѣ состояніе своей профессіей,—объяснялъ ему дядя Бередниковъ,—а такъ какъ Петербургъ только Петербургъ, то и тебѣ цѣна грошъ... Не огорчайся, пожалуйста, моею откровенностью: все на бѣломъ свѣтѣ относительно. Ты, по крайней мѣрѣ, можешь утѣшиться тѣмъ, что у тебя несомнѣнный талантъ, а ужъ не твоя вина, что ты имѣлъ ошибку родиться въ Петербургѣ.

VI.

Первою заботой Калеріи Ипполитовны по пріѣздѣ въ Петербургъ, конечно, былъ костюмъ. Далекая провинція донашивала старыя моды. Освоившись съ новыми комбинаціями модъ, Калерія Ипполитовна не могла воспользоваться лучшею ихъ стороной, потому что ей было уже сорокъ лѣтъ. Необходимо было остановиться на нѣкоторомъ компромиссѣ, который помирилъ бы требованія недавней красавицы съ приличіями солиднаго возраста.

Подъ разными предлогами Калерія Ипполитовна побывала у лучшихъ модистокъ-француженокъ, выбрала себѣ фасонъ и отдала сдѣлать нѣсколько платьевъ простой русской швеѣ, которая совсѣмъ лишена была творческаго дара въ своей спеціальности и могла только исполнять чужія приказанія. На первый разъ было сдѣлано черное шелковое платье для визитовъ, шерстяное осеннее для домашнихъ пріемовъ и т. д. Когда вопросъ о костюмахъ пришелъ къ благополучному концу, Калерія Ипполитовна отправилась съ визитами, причемъ, конечно, былъ составленъ самый точный маршрутъ, пересмотрѣнный и дополненный нѣсколько разъ. Отъ этихъ первыхъ визитовъ зависѣло слишкомъ много, чтобы отнестись къ нимъ легко: это была настоящая военная рекогносцировка, составленная по всѣмъ правиламъ стратегики. Какъ всѣ провинціалы, потерявшіе мѣсто, Мостовы отправились прямо въ Петербургъ съ тѣми надеждами и расчетами, какіе неизбѣжно являются въ такихъ исключительныхъ случаяхъ. Люди, выбитые изъ позиціи, всѣ похожи другъ на друга, несмотря на различіе характеровъ, воспитанія и общественнаго положенія, — всѣ они какъ-то вдругъ теряются, начинаютъ заискивать, унижаются, жалуются, всѣмъ надоѣдаютъ и кончаютъ большею частью тѣмъ, что попадаютъ наконецъ въ разрядъ неудачниковъ и непризнанныхъ геніевъ. Замѣчательно то, что въ этомъ противоестественномъ положеніи даже самые твердые душой люди теряютъ спасительное чувство мѣры и начинаютъ думать какъ-то совсѣмъ по-дѣтски, чтобы не сказать больше. Мостовы въ этомъ случаѣ не были исключеніемъ и тѣшили себя самыми несбыточными надеждами и мечтами, по пальцамъ пересчитывая своихъ петербургскихъ знакомыхъ и особенно людей съ вѣсомъ. Въ самомъ дѣлѣ, князь Юклевскій, баронъ Шебекъ, Андрей Евгеньичъ... кажется, достаточно?

— Прежде всего, конечно, къ maman,—думала вслухъ Калерія Ипполитовна, натягивая шведскія перчатки. — Тамъ оставлю Юленьку и поѣду дальше. Maman можетъ быть очень полезной, если только захочетъ.

Maman жила въ собственномъ домикѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ восьмой линіи. Это было далеконько, но, все равно, карета была нанята на цѣлый день. Юленька, одѣтая въ короткое фланелевое платьице, все время вопросительно посматривала на мать, предчувствуя, что совершается что-то очень важное. Это была умная дѣвочка, не нуждавшаяся въ объясненіяхъ.

— Мама, я не люблю бабушку,—проговорила Юленька, когда онѣ уже садились въ извозчичью карету.

— Глупости!—проговорила мать, слишкомъ занятая собственными соображеніями, но потомъ прибавила:—отчего не любишь?

— Такъ...

— Ахъ, сколько разъ я просила тебя никогда не повторять этого глупаго слова! Ты не ребенокъ, Юленька.

— Да она, мама, такъ странно улыбается и потомъ... все что-то шепчетъ про себя.

Домикъ бабушки былъ всего въ одинъ этажъ и казался такимъ маленькимъ среди своихъ четырехъэтажныхъ сосѣдей; на улицу онъ выходилъ пятью свѣтлыми окнами, заставленными цвѣтами. Парадное деревянное крыльцо вело въ темную переднюю, гдѣ сразу охватывало совершенно особенною, какою-то тепличною атмосферой: пахло зеленью, какими-то необыкновенными, старинными духами и чѣмъ-то такимъ хорошимъ, чѣмъ пахнетъ въ старинныхъ барскихъ домахъ. Маленькая, уютная зала, потомъ такая же гостиная, столовая, спальня, — все было разсчитано на удобства существованія, и не было въ домѣ рѣшительно ничего, что говорило бы объ экономи-

ческихъ расчетахъ. Старинная, неудобная мебель, старинные ковры, старинныя драпри, старинныя картины, старинный фарфоръ въ горкахъ, двѣ старыхъ собачки-крысоловки, старыя канарейки на окнахъ, старый лакей Осипъ въ передней, пара старыхъ шведокъ въ конюшнѣ, нѣсколько старинныхъ экипажей въ каретникѣ и въ дополненіе ко всему этому старинная бабушка Анна Григорьевна Покатилова, низенькая, немного сутуловатая, но еще очень бодрая старушка, съ свѣжимъ для своихъ семидесяти лѣтъ лицомъ и живыми глазами. Бабушка любила все маленькое: ходила маленькими шажками, пила чай изъ маленькой китайской чашечки маленькими глотками, крестилась маленькими крестиками и даже говорила маленькими отчетливыми фразами. Въ разговорѣ она никогда не употребляла длинныхъ словъ и читала только маленькія французскія книжки, походившія на молитвенники. Единственною большою вещью въ домѣ бабушки былъ ея покойный мужъ, отставной, точно замороженный николаевскій генералъ, да и тотъ догадался рано умереть, чтобы не нарушать своимъ существованіемъ гармоніи бабушкина дома, который сама Анна Григорьевна называла скорлупкой. Злые языки говорили, что въ свое время, когда Анна Григорьевна была въ числѣ первыхъ красавицъ, она любила только рослыхъ мужчинъ. Впрочемъ, въ веселую минуту maman и сама не стѣснялась разсказывать о своихъ приключеніяхъ; она пожила въ свою долю и теперь говорила о себѣ, какъ о постороннемъ человѣкѣ. Да и изъ кавалеровъ ея времени почти никого уже не осталось въ живыхъ.

— Ахъ, Julie, какія у тебя громадныя ноги, — ужаснулась [illegible], наблюдая, какъ внучка стягивала съ ногъ калоши.—Я, кажется, [illegible] со страха, если бы у меня были такія калоши...

— Maman, я къ вамъ только на минутку, — предупредила [illegible] Ипполитовна, не снимая перчатокъ. — Насилу собралась съѣздить съ визитами... Совсѣмъ отвыкла отъ этихъ церемоній. Ахъ, да, у насъ былъ Романъ.

— А, былъ... Ну что, хорошъ? — оживленно заговорила Анна Григорьевна, и по ея лицу пробѣжала ироническая улыбка. — Все еще великаго человѣка изображаетъ изъ себя... да? Онъ сдѣлалъ, mon ange, только одну непоправимую ошибку: родился немного поздно, когда всѣ великія дѣла уже были сдѣланы.

Говорила бабушка тихимъ нѣвучимъ голоскомъ и смѣялась неслышнымъ ядовитымъ смѣхомъ, разгонявшимъ по ея лицу цѣлую сѣть морщинъ; ея лицо портило отсутствіе переднихъ зубовъ, отчего ротъ совсѣмъ ввалился и подбородокъ подходилъ къ загнутому орлиному носу. Нужно замѣтить, что бабушка нюхала табакъ изъ маленькой финифтяной табакерки, завернутой въ маленькій носовой платокъ съ маленькими мѣтками, и отъ нея вѣчно пахло одними и тѣми же духами.

— Да, онъ какой-то такой странный, maman, — уклончиво отвѣтила Калерія Ипполитовна, поправляя прическу передъ маленькимъ зеркаломъ.— Его даже не поймешь хорошенько.

— Трудно, трудно понять, — лепетала старушка, усаживая внучку на круглый диванчикъ въ формѣ раковины.—Бѣда въ томъ, что онъ и самъ-то, кажется, не понимаетъ себя... Много нынче такихъ людей развелось... А вотъ ты съѣзди къ Чвоковымъ и посмотри... Нилушка-то какъ шагаетъ... да. Julie, ты берешь въ ротъ такіе большіе куски...

Юленька дѣйствительно только-что расположилась полакомиться изъ бабушкиной бонбоньерки, какъ бабушкино замѣчаніе заставило ее поперхнуться.

— Вотъ я говорила... говорила... у тебя ротъ будетъ больной, какъ у щуки.

— Maman, я, право, не знаю, ѣхать ли мнѣ къ Чвоковымъ... Мнѣ что-то не хочется совсѣмъ, да и я такъ мало была съ ними знакома.

— Ахъ, mon ange, нельзя, совсѣмъ нельзя... Нилушка теперь сила... Можетъ пригодиться. Я его очень уважаю... изъ ничего человѣкъ пошелъ въ гору Да... за нимъ всѣ ухаживаютъ.

Бабушка торопливо сыпала коротенькими фразами и въ то же время гладила внучкѣ руки и колѣна и нѣсколько разъ цѣловала ее своими тонкими и сухими губами въ затылокъ, что очень сконфузило Юленьку, у которой еще стояли въ глазахъ слезы отъ сдержанной перхоты въ горлѣ.

— Къ Агнесѣ можешь и не ѣздить... и къ Barbe тоже, — предупреждала старушка. — Онѣ всѣ тамъ занѣсневѣли въ своихъ канцеляріяхъ... Oncle Nicolas изъ конюшни не выходитъ... Пожалуй, заверни къ Берестовскимъ, къ Даниловымъ. Такъ все, пустой народъ... Нынче другое, mon ange. Все какіе-то неизвѣстные люди... И Богъ знаетъ, откуда они берутся? Да, чуть не забыла: ты помнишь Густомѣсовыхъ? Кадетъ былъ Густомѣсовъ, еще за тобой ухаживалъ и часто сидѣлъ въ карцерѣ.

Калерія Ипполитовна сдѣлала движеніе головой въ сторону дочери, но старушка совсѣмъ не желала понимать этого предупрежденія и продолжала въ томъ же духѣ:

— Что жъ такое?.. Это въ порядкѣ вещей... Всѣ кадеты таковы... Конечно, Julie это еще рано знать, да нынче и прежнихъ кадетъ ужъ нѣтъ... да. Такъ я про Ѳедю Густомѣсова начала... у него въ головѣ не совсѣмъ, а ничего, ласковый былъ мальчикъ. Всѣмъ угождать умѣлъ, а теперь себѣ угодилъ... Пятьсотъ десятинъ на Кавказѣ получилъ да двѣ тысячи въ Уфимской губерніи. Невѣсту богатую все ищетъ, пожалуй, какъ разъ Julie дождется...

— Ахъ, maman... право, ужъ вы...

— Что же я такое сказала, mon ange?.. Julie сложена очень хорошо, а старые холостяки такихъ женщинъ любятъ... я знаю толкъ въ этихъ вещахъ.

— Довольно, довольно, maman... Я сейчасъ уѣзжаю, а вы не очень тормошите безъ меня Юленьку. Она и то на васъ жалуется...

— Вотъ еще какая недотрога!.. Нехорошо ссориться съ бабушкой, Julie... бабушку всѣ любили... т.-е. прежде любили, конечно, когда она не была такой старухой.

Калеріи Ипполитовнѣ ужасно не хотѣлось ѣхать ни къ Чвоковымъ ни къ Густомѣсовымъ: у Чвоковыхъ она могла столкнуться носомъ къ носу съ Богомоловымъ, а смотрѣть на Ѳеденькино счастье ей было тяжело теперь въ особенности, потому что когда-то давно она мечтала быть m-me Густомѣсовой. Но дѣлать было нечего, приходилось покориться необходимости.

— Конечно, я, съ своей стороны, постараюсь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ,—говорила Анна Григорьевна, не слушая дочери, — она привыкла, чтобы всѣ ее слушали.—Князь Юклевскій... баронъ Шебекъ... наконецъ Андрей Евгеньичъ, если на то пошло, помогутъ намъ.

— А я, право, начинаю думать, maman, что никто ужъ намъ не поможетъ,—капризно заговорила Калерія Ипполитовна, хотя сама думала совсѣмъ другое,—ей просто хотѣлось немного побѣсить maman.—Очень нужно кому-то хлопотать за насъ... Да и то сказать, maman, нынче ужъ вездѣ новые люди, а у насъ связи со стариками. Право, я думаю, что ничего не выйдетъ изъ нашихъ хлопотъ.

— По-твоему, значитъ, и Андрей Евгеньичъ ужъ ничего не значитъ?— прищуривши, спрашивала старушка. — Андрей Евгеньичъ... а?.. „Молодые вездѣ“... ну, это еще дудки, ma chère!

Разсердившись, Анна Григорьевна выражалась иногда чрезвычайно вульгарно, и теперь у ней на самомъ кончикѣ языка висѣло одно такое словечко, котораго нѣтъ ни въ одномъ академическомъ словарѣ, но присутствіе внучки и умоляющій жестъ Калеріи Ипполитовны вѣ-время удержали расходившуюся старушку.

— А Ѳедька Густомѣсовъ, по-твоему, черезъ кого жить пошелъ? — заговорила Анна Григорьевна, сверкая глазами.—А Берестовскіе? А Даниловы какъ примазались къ золотому департаменту... а?.. Ну, ну, ну?.. Молодые! Что молодые значатъ, когда Андрею Евгеньичу стоитъ только плюнуть, и все будетъ по-его? Молодые-то, которые поумнѣе, какъ ухаживаютъ за Андреемъ-то Евгеньичемъ... да!..

— Maman, на что же вы сердитесь? — говорила Калерія Ипполитовна, дѣлая видъ, что не понимаетъ причинъ волненія maman.—Я развѣ оспариваю ваше мнѣніе, я только про себя говорю... Вѣдь вы сами же въ прошлый разъ говорили мнѣ, что Андрей Евгеньичъ все рѣже ѣздитъ къ вамъ, ну, я поэтому и сказала.

— Что же изъ этого, что Андрей Евгеньичъ рѣже сталъ ѣздить ко мнѣ?—кипятилась старушка, начиная бѣгать по комнатѣ маленькими шажками, точно она каталась по полу, какъ пружинная куколка.—Очень понятно: кому пріятно ѣздить къ старухамъ-то? Была моложе, тогда Андрей Евгеньичъ часто ѣздилъ... А теперь я состарилась, очень понятно, что Андрей Евгеньичъ ѣздитъ туда, гдѣ есть молодыя да хорошенькія... о, онъ еще бѣдовый!.. А вотъ ты угадай, куда онъ ѣздитъ нынче, молодецъ будешь.

— Гдѣ же мнѣ, maman, угадать, когда я и старыхъ-то знакомыхъ перезабыла?

Анна Григорьевна посмотрѣла на дочь своими прищуренными глазками и тихо произнесла всего только одно французское слово, которое почти уколола иглой Калерію Ипполитовну и заставило съ ужасомъ оглянуться на Юленьку.

— Maman, это ужъ слишкомъ, наконецъ, — вспылила Калерія Ипполитовна, поблѣднѣвъ.—Вы забываетесь... наконецъ мы не однѣ здѣсь.

— Э, пустяки... я въ Юленькины-то года и не такія слова знала, ma chère, да ничего, какъ видишь, не умерла. Да и ты ихъ отъ того же Андрея Евгеньича тоже, я полагаю, слыхала не разъ.

— То Андрей Евгеньичъ, а то вы, maman.

— Ну, ну, будетъ, сама виновата, зачѣмъ поджигаешь,—торопливо говорила Анна Григорьевна, стараясь принять добродушный, улыбающійся видъ.— Очень я вспыльчива была, да и теперь не могу отвыкнуть отъ этой дурной замашки... Ну, тебѣ пора, а мы тутъ съ Julie постараемся повеселѣе провести время. Да, моя кошечка?

Юленька вопросительно смотрѣла на мать и неопредѣленно улыбнулась, когда та сдѣлала сердитое лицо.

VII.

Къ кому первому ѣхать? Этотъ вопросъ немного затруднилъ Калерію Ипполитовну, и она еще разъ перебрала въ умѣ захваченные у тетки адреса знакомыхъ.

— Конечно, къ Берестовскимъ сначала,—рѣшила она вслухъ и громко сказала кучеру:—Въ первую линію!

Карета съ грохотомъ покатилась къ Среднему проспекту, а Калерія Ипполитовна тяжело перевела духъ и даже закрыла глаза. Противъ собственнаго желанія она разсердилась на maman. Нужно было успокоиться, а то Калерія Ипполитовна чувствовала, что у ней на лицѣ выступили красныя пятна. Нехорошо въ такомъ видѣ явиться въ чужой домъ, хотя сегодняшніе визиты имѣли значеніе только рекогносцировки, чтобы собрать нѣкоторыя справки и вообще произвести предварительныя развѣдки.

„Теперь еще рано и дома однѣ бабы,—думала про себя Калерія Ипполитовна, равнодушно глядя на мелькавшіе по сторонамъ дома.—Отъ Берестовскихъ надо ѣхать къ Даниловымъ... Нѣтъ, Даниловы живутъ гдѣ-то на Литейной. Лучше сначала заѣхать къ Чвоковымъ въ Галерную, отъ Чвоковыхъ на Гороховую къ Густомѣсовымъ, а послѣ всѣхъ уже къ Даниловымъ“.

Петербурга Калерія Ипполитовна еще не забыла и, взглянувъ на адресъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, могла безошибочно опредѣлить впередъ общественное положеніе семьи, размѣры средствъ, кругъ знакомства и даже количество дѣтей. Васильевскій островъ служилъ пріютомъ артистовъ, ученыхъ и иностранныхъ негоціантовъ, на Литейной жили чиновники покрупнѣе и военные, громадный крестъ, составлявшійся изъ Большой Садовой и Гороховой, кипѣлъ торговлей, на Владимирской и Казанской улицахъ жались ремесленники и мелкіе торговцы. Другія улицы, а тѣмъ болѣе окраины совсѣмъ не интересовали Калерію Ипполитовну, какъ и Невскій, который превратился въ какой-то сплошной магазинъ, вѣрнѣе — громадный пассажъ. Въ такихъ архиаристократическихъ улицахъ, какъ Милліонная, Англійская набережная, Большая Морская, Галерная и Сергіевская, пока было нечего дѣлать.

— Ахъ, да, вѣдь Чвоковы живутъ въ Галерной,—вслухъ проговорила Калерія Ипполитовна.—Значитъ, дѣйствительно они пошли сильно въ гору... да. Вѣдь вотъ везетъ же людямъ счастье!.. А раньше Чвоковы жили гдѣ-то на Пескахъ, кажется, въ Слоновой улицѣ. Съ Машенькой Чвоковой я училась вмѣстѣ въ институтѣ... Бѣдняжка, она изъ-за своего кривого бока такъ и осталась Христовою невѣстой.

Берестовскіе занимали большую квартиру въ бельэтажѣ шестиэтажнаго дома. Швейцаръ выбѣжалъ отворить дверцу кареты и почтительно вытянулся, когда Калерія Ипполитовна начала подниматься по лѣстницѣ. Дома была одна старуха Елена Петровна, которая сначала не узнала гостьи, а потомъ расцѣловала ее.

— Нѣтъ, не узнать... Неужели это вы, Калерія Ипполитовна? — удивлялась бойкая и живая старушка, отходя нѣсколько въ сторону, чтобы издали лучше разсмотрѣть гостью. — Давно ли, подумаешь, вы замужъ успѣли выскочить. Какъ сейчасъ помню... Ахъ, какъ я рада за Анну Григорьевну: она такъ часто вспоминала васъ. Давно ли вы въ институтѣ съ Сашей моей учились... а?

— Какъ видите, я успѣла совсѣмъ состариться,—съ улыбкой отвѣчала Калерія Ипполитовна, не снимая перчатокъ.—Дочь-невѣсту привезла...

— Скажите!.. Нѣтъ, вы шутите... А у насъ, какъ на зло, никого сегодня дома нѣтъ: мужъ, знаете, вѣчно корпитъ въ своей опекѣ, Саша уѣхала къ сестрѣ, внучки разбрелись по гимназіямъ... Охъ, у меня съ этими внучками заботъ полонъ ротъ. Да пожалуйте... Я сейчасъ велю приготовить кофе.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я къ вамъ на одну минутку, а кофе я пила у maman...

За двадцать лѣтъ Елена Павловна совсѣмъ успѣла состариться, но лицо у ней осталось такое же доброе, и улыбалась она, попрежнему, такою хоро-

тою улыбкой. Болтая съ этою милою старушкой, Калерія Ипполитовна успѣла въ тонкостяхъ разсмотрѣть обстановку квартиры, что для нея имѣло большое значеніе. По-чиновничьи Берестовскіе жили очень хорошо, тысячъ на восемь, и обстановка у нихъ была богатая, но опытный глазъ Калеріи Ипполитовны сразу опредѣлилъ, что ей здѣсь дѣлать нечего: это была мертвая чиновничья обстановка, слишкомъ хорошо ей знакомая, и пока этого было достаточно.

— Какъ жаль, право, что Саши нѣтъ дома,—повторила Елена Петровна среди обыкновенной болтовни.—Она будетъ такъ жалѣть... Вѣдь вы вмѣстѣ съ ней изъ института тогда вышли и Машенька Чвокина... Да позвольте, я пошлю за Сашей?

— Нѣтъ, я лучше въ другой разъ заѣду къ вамъ.

— А вы надолго къ намъ въ Петербургъ пріѣхали?

— Какъ вамъ сказать? Хорошенько и сами не знаемъ. Мужъ оставилъ службу на заводахъ Теплоухова...

— Что вы?.. Да какъ же это такъ?.. А вѣдь онъ, говорятъ, получалъ тамъ до тридцати тысячъ?

— Нѣтъ, всего двѣнадцать. Собственно говоря, и жалѣть объ этомъ мѣстѣ нечего: Теплоуховъ не-сегодня-завтра ликвидируетъ дѣла... Мужу предлагаютъ мѣсто на Уралѣ и жалованья большіе, но, знаете, у насъ дочь на рукахъ: ей нужно дать воспитаніе, а потомъ и самимъ необходимо освѣжиться немного.

— Да, конечно,—прищуривъ глаза, согласилась старушка.—Помилуйте, что же за неволя похоронить себя Богъ знаетъ гдѣ!

Калеріи Ипполитовнѣ показалось, что и лицо у Елены Петровны какъ-то измѣнилось и голосъ сдѣлался фальшивый: старушка не вѣрила своей гостьѣ и, вѣроятно, заподозрѣла жалкую истину.

— Извините, я тороплюсь, Елена Петровна,—заговорила Калерія Ипполитовна.—Пока я не приглашаю къ себѣ, потому что мы остановились въ номерахъ... Поцѣлуйте за меня Сашу. Такъ жаль, что мы не встрѣтились...

— Да, да... Такъ жаль, такъ жаль!—повторяла Елена Петровна, провожая гостью въ переднюю.

„Эта старушонка или ужъ очень ловко притворяется, что ничего не знаетъ,—думала Калерія Ипполитовна, когда сидѣла опять въ каретѣ,—или... Да нѣтъ, конечно, знаетъ всю исторію съ Сусанной и все остальное!.. Удивляюсь, что это за фантазія была у папаши посылать меня къ этимъ Берестовскимъ! Только даромъ время теряю... Чиновники и больше ничего. Мелюзга какая-то“.

Однимъ словомъ, это было совсѣмъ не то, что было нужно Калеріи Ипполитовнѣ. Она еще разъ припомнила обстановку Берестовскихъ и невольно сравнила съ тѣмъ, что осталось тамъ, въ Заозерскихъ заводахъ. Это воспоминаніе кольнуло ее. А зачѣмъ она ѣхала предъ этою старухой? Вѣдь это было совсѣмъ лишнее, притомъ не-сегодня-завтра все будетъ извѣстно и Берестовскамъ, и Дапиловымъ, и Густомѣсовымъ

Чвоковы были дома. Они занимали великолѣпную квартиру, которая дѣлилась на двѣ половины: въ одной жилъ самъ Ванюшка, а въ другой — его мать съ дочерью. Кривобокая Машенька показалась Калеріи Ипполитовнѣ совсѣмъ старухой. Институтскія подруги встрѣтились довольно сухо, хотя старушка Чвокова старалась изо всѣхъ силъ быть любезной. Обстановка ихъ половины не оставляла желать ничего лучшаго,—все было такое массивное, дорогое, сдѣланное на заказъ. И одѣты были Чвоковы съ тою дорогою простотой, какъ могутъ одѣваться только очень богатые люди.

„Эхъ, какъ ихъ раздуваетъ!—невольно подумала Калерія Ипполитовна, принимая въ умѣ стоимость чвоковской обстановки.—Вотъ эти живутъ широко".

Продолжалась та же болтовня, что и у Елены Петровны, и Калерія Ипполитовна повторила безъ запинки ту же ложь. Но Чвоковымъ, очевидно, было все равно: они мало интересовались чужими дѣлами.

— Какъ у васъ хорошо все,—льстила Калерія Ипполитовна, обводя глазами уютную маленькую гостиную, съ шелковою мебелью и такими же драпировками.—Ты счастливая, Машенька, не знаешь этихъ вѣчныхъ хлопотъ, заботъ и дрязгъ, отъ которыхъ у насъ, замужнихъ женщинъ, голова идетъ кругомъ...

— Да...—непредѣленно говорила Машенька, поднимая на гостью свои потухшіе сѣрые глаза.

У бѣдной дѣвушки только и были красивыми одни глаза, да и тѣ умирали; лицо пожелтѣло и было покрыто преждевременными морщинами.

— Ахъ, я слышала, какіе успѣхи дѣлаетъ твой братъ!—не унималась Калерія Ипполитовна, закатывая глаза.—Всѣ говорятъ...

— Много лишняго говорятъ,—прибавила старушка Чвокова, очень полная особа, съ самымъ вульгарнымъ лицомъ.

Чвоковы приняли довольно сухо Калерію Ипполитовну, и она уѣхала отъ нихъ недовольная. Вообще что-то не ладилось, и у Калеріи Ипполитовны даже заболѣла голова.

Густомѣсовыхъ не было дома. Это было даже хорошо. Калерія Ипполитовна хотѣла уже ѣхать домой, какъ вспомнила про дядю Николая Григорьевича и, высунувъ голову въ окно кареты, проговорила:

— Къ Египетскому мосту.

Николай Григорьевичъ Бородинковъ, родной братъ Анны Григорьевны, составлялъ гордость фамиліи, потому что именно онъ долженъ былъ занять видный постъ при министерствѣ. Въ послѣднемъ всѣ были такъ увѣрены, что даже многолѣтнія неудачи oncl'я не могли поколебать фамильнаго довѣрія къ провиденціальному назначенію Николая Григорьича, который пока перебивался при какихъ-то благотворительныхъ учрежденіяхъ въ какой-то должности безъ названія. У него были сильныя связи. Въ ожиданіи виднаго поста, oncle всѣ свои средства закладчивалъ въ лошадей.

— Oncle можетъ быть очень полезенъ,—соображала Калерія Ипполитовна.—Во-первыхъ, онъ все и всѣхъ знаетъ, во-вторыхъ, черезъ него можно пристроить Симона въ какой-нибудь комитетъ, наконецъ я могу записаться въ члены благотворительныхъ обществъ.

Калеріи Ипполитовнѣ створилъ усатый вахмистръ, исполнявшій должность берейтора и швейцара; oncle Николай Григорьичъ былъ, конечно, въ конюшнѣ. Пока вахмистръ бѣгалъ за нимъ, Калерія Ипполитовна могла еще разъ убѣдиться въ той печальной истинѣ, что oncle былъ рѣшительно неисправимъ, и все у него въ квартирѣ было то же: тотъ же отчаянный холостой безпорядокъ, что-то такое подозрительное во всей обстановкѣ, такъ что Калерія Ипполитовна никогда не рѣшилась бы заглянуть за портьеру слѣдующей комнаты.

— А, это ты, Леренька,—грубымъ басомъ проговорилъ oncle такимъ тономъ, точно они вчера разстались.—Здравствуй, милочка... Ого, да какъ ты постарѣла!

Oncle всегда любилъ бойкую племянницу и теперь съ искреннимъ сожалѣніемъ покачалъ своею остриженною подъ гребенку, сѣдою, но все еще кра-

сивою головой, съ выгнутою красною шеей и прямымъ затылкомъ, какъ у всѣхъ отставныхъ военныхъ. Николаю Григорьевичу было за пятьдесятъ, но въ своей англійской куркѣ, съ голою могучею шеей, онъ былъ еще настоящимъ молодцомъ; небольшіе, темные, безцвѣтные глаза смотрѣли, какъ всегда, добродушно и весело, гладко выбритое лицо даже лоснилось здоровымъ румянцемъ, брови и подстриженные усы oncle подкрашивалъ какимъ-то чернымъ снадобьемъ, и они имѣли у него такой видъ, точно были наклеены.

— Ты ужъ меня извини, Леренька,—извинялся oncle, расцѣловавъ племянницу изъ щеки въ щеку такими звонкими поцѣлуями, что у Калеріи Ипполитовны даже въ ушахъ зазвенѣло.—Я сейчасъ былъ въ конюшнѣ, у меня тамъ такая есть штучка... Д-да-съ, на призъ готовлю къ зимѣ. Да ты что же это не садишься... а?.. Вотъ сюда... я вѣдь тебя на колѣна къ себѣ сажалъ не Богъ знаетъ какъ давно. Ну что, успѣла уже облетѣть всѣхъ?

— Нѣтъ, была только у maman, а потомъ почти нигдѣ... Къ Берестовскимъ заѣзжала, потомъ къ Чвоковымъ, была у Густомѣсовыхъ.

— Ужъ и нашла къ кому ѣхать. Ну, еще къ Чвоковымъ слѣдовало навѣдаться, а то Берестовскіе, Густомѣсовы!.. Это тебя maman подвела? Ха-ха...

Пріемъ дяди сначала немного смутилъ Калерію Ипполитовну, его откровенное сожалѣніе о ея старости даже заставило ее покраснѣть, но потомъ она какъ-то вдругъ почувствовала себя необыкновенно легко, легко, какъ у себя дома, даже легче, чѣмъ дома. Съ oncl'емъ она могла поговорить по душѣ, какъ ни съ кѣмъ другимъ, хотя самъ по себѣ онъ былъ безполезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она испытывала теперь жгучую потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться всѣмъ, что у нея наболѣло на душѣ. Снявъ шляпу и помѣстившись на громадный диванъ, какіе бываютъ только у старыхъ холостяковъ, Калерія Ипполитовна съ особеннымъ удовольствіемъ еще разъ оглянула знакомую обстановку—пустую гостиную, въ которой теперь сидѣла, и кабинетъ, отдѣленный широкою аркой. Этотъ кабинетъ maman называла кузницей: такъ онъ былъ загроможденъ разнымъ хламомъ.

— Я тебя даже кофе угощу,—говорилъ oncle, шагая по комнатѣ своими тяжелыми шагами.—А пока ты мнѣ разскажешь о себѣ... да?.. Вижу, вижу, что у тебя накипѣло. Ужъ моя судьба такая, чтобы быть повѣреннымъ въ семейныхъ дѣлахъ. Ей-Богу, не лгу... ко мнѣ многія дамы обращаются чуть не съ исповѣдью, потому что рожа у меня добродушная. Впрочемъ, это къ тебѣ, Леренька, не относится; ты у меня на особомъ счету всегда была... Ахъ, да, а что Симонъ? Виноватъ, я не спросилъ даже, давно ли ты пріѣхала сюда и такъ далѣе... Ты ужъ, пожалуйста, сама разсказывай, а потомъ я тебѣ свое разскажу... Вотъ и кофе.

Смазливая горничная внесла на серебряномъ подносѣ серебряный кофейникъ и двѣ чашки: oncle всегда самъ варилъ кофе и любилъ похвастаться своимъ искусствомъ. Горничная поставила подносъ на столъ и, скромно опустивъ глаза, вышла изъ комнаты; она чувствовала на себѣ пытливый и презрительный взглядъ гостьи и вся раскраснѣлась. Oncle тоже немного смутился и съ особеннымъ усердіемъ принялся за свою спеціальность. Чтобы выручить старика изъ неловкаго положенія, Калерія Ипполитовна подробно принялась разсказывать свою исторію, но Николай Григорьичъ прервалъ ея разсказъ на половинѣ.

— Да вѣдь я же знаю остальное, Леренька,—говорилъ онъ, разливая чашки.—И всѣ другіе знаютъ, кромѣ, можетъ-быть, Романа, который вообще нашими семейными дѣлами мало интересуется... А что maman?

— По обыкновенію... не поймешь ее. Однако что же ты знаешь?

— Да рѣшительно все... Я „ей“ недавно лошадь выбралъ подъ дамское сѣдло, ну, и Богомоловъ тамъ, конечно, и Нилушка. Вообще, долженъ тебѣ сказать, твоя игра совсѣмъ проиграна, Леренька, т.-е. проиграна для теплоуховскихъ заводовъ. Ты, конечно, не виновата, что твой Симонъ глупъ, но ты и не права... Вѣдь въ твоихъ рукахъ была эта Сусанна Антоновна, и ты не умѣла ею воспользоваться, а она чертовски хороша и сразу такъ себя поставила здѣсь... То-есть я понимаю, что ее поставилъ такъ мужъ, Морозъ-Доганскій, но этого еще мало: у нея есть выдержка, есть кровь. Ее сразу замѣтили. Да вотъ, недалеко ходить, прочитай фельетонъ Романа, онъ ее мастерски описалъ... у Романа великолѣпный слогъ, когда онъ въ ударѣ. Жаль только, что все ему не везетъ, не можетъ онъ выбиться въ настоящіе люди, какъ Нилушка... У меня этотъ и номеръ „Искорокъ“ есть, нарочно купилъ, чтобы Сусаннѣ Антоновнѣ показать при случаѣ.

Калерія Ипполитовна развернула номеръ „Искорокъ“ и начала разсматривать фельетонъ, но oncle указалъ ей на хронику, гдѣ было описаніе послѣднихъ скачекъ въ Царскомъ Селѣ, причемъ больше говорилось о публикѣ, чѣмъ о лошадяхъ.

„На скачкахъ былъ весь Петербургъ,—читалъ oncle черезъ плечо Калеріи Ипполитовны,—и мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе на нашемъ бѣдномъ сѣверномъ небѣ новой яркой звѣздочки—это типичная красавица М.-Д—ая, которая своимъ присутствіемъ оживляетъ однообразную толпу нашихъ спортсменовъ...“

Дальше слѣдовало описаніе костюма „звѣздочки“.

— Что же тутъ особеннаго?—удивилась Калерія Ипполитовна, машинально просматривая хронику „Искорокъ“ дальше.—Сейчасъ за описаніемъ скачекъ слѣдуетъ извѣстіе о юнкерѣ, который на пари съѣлъ десять порцій мороженаго и умеръ передъ скачками; извѣстіе о необыкновенной болѣзни, которая появилась въ Саратовѣ—икота женщинъ; ниже—какая-то непонятная сплетня и т. д. Вообще попасть въ сосѣдство съ объѣвшимся юнкеромъ и саратовскою икотой не особенная честь...

— Ты ошибаешься, Леренька; извѣстность въ нѣкоторыхъ положеніяхъ—это все, громадный капиталъ, а особенно для хорошенькой женщины. Люди ужъ такъ устроены, что имъ нужно извѣстное имя... Посмотри хоть на актеровъ или на актрисъ: чуть-чуть смазливая рожица появляется на подмосткахъ, и сейчасъ всѣ въ восторгѣ, а въ то же время совершенно равнодушно проходятъ мимо женщинъ и мужчинъ, которые въ десять разъ красивѣе. Извѣстность, даже сомнительная, въ тысячу разъ лучше самой благородной неизвѣстности, поэтому ничего такъ и не добиваются, какъ этой извѣстности.

— Но вѣдь такая извѣстность можетъ довести Богъ знаетъ до чего, и я никогда не желала бы быть на мѣстѣ Сусанны... Для порядочной женщины оскорбленіе, когда о ней начнутъ трактовать въ уличной газетѣ, какъ о какой-нибудь скаковой лошади. Сегодня описываютъ „звѣздочку“, завтра будутъ описывать твою горничную.

Oncle только пожалъ плечами.

— Леренька, ты напрасно такъ волнуешься,—заговорилъ Николай Григорьичъ, допивая свою чашку.—Мы, кажется, немножко не понимаемъ другъ друга: вѣдь за двадцать лѣтъ много воды утекло...

— Ты, кажется, хочешь говорить о моей старости?

— Нѣтъ, о другомъ... Видишь ли, теперь совсѣмъ другое время и другіе люди, такъ что многое, пожалуй, и понять трудно. Мы съ тобой—люди отжившіе, на сценѣ новые герои и героини. Прежде, когда ты уѣхала изъ Пе-

тербурга, только было и свѣта въ окнѣ, что помѣщики, чиновники да военные, а нынче все это осталось въ сторонѣ, какъ наша шашка или я... Всѣ эти чиновныя семьи, которыя еще такъ недавно гремѣли въ Петербургѣ, теперь за штатомъ. Конечно, есть свои исключенія, какъ вездѣ. Берестовскіе приклеились къ опекѣ, Даниловы жмутся къ золотопромышленникамъ... да мало ли есть такихъ исключеній... Главное, прежняго чиновничьяго духа не стало: чуть человѣкъ поталантливѣе и побойчѣе — сейчасъ бѣжать изъ коронной службы, потому что на частной больше заработаешь. Если нѣкоторые чиновники рвутъ куши, какъ Ѳеденька Густомѣсовъ, то вѣдь не у всякаго еще душа повернется, Леренька, на всякую пакость. Ежели разобрать, такъ всѣ эти наши старые знакомые, у которыхъ ты сейчасъ была и которымъ даже, можетъ-быть, позавидовала въ душѣ,—всѣ они существуютъ, такъ сказать, нелегальными средствами... да! Не люблю я про другихъ дурно говорить, а тебѣ долженъ сказать, чтобы ты скорѣе освоилась со своимъ новымъ положеніемъ. А вотъ другое дѣло взять того же Нилушку: этотъ у живого дѣла стоитъ и тоже получилъ извѣстность.

— Тебя послушать, такъ намъ только и остается, что лечь да умереть,— замѣтила Калерія Ипполитовна съ плохо сдержанною досадою.

— Пожалуй, и такъ, Леренька... Что̀ дѣлать?.. Теперь нужно пристраиваться къ банкамъ, къ желѣзнымъ дорогамъ, къ разнымъ акціонернымъ компаніямъ или уходить въ глушь: въ Сибирь, на Кавказъ, въ Туркестанъ, гдѣ еще можно спокойно дожить вѣкъ. Вотъ Сусанна Антоновна избрала благую часть: это, Леренька, настоящій дѣлецъ, да еще какой дѣлецъ... Дайте время, она на Теплоухова и смотрѣть не станетъ, а что̀ касается репутаціи, такъ вѣдь это же вещь условная: у Сусанны будетъ свое и самое отборное общество, потому что она умѣетъ себя держать. Это не кокотка, не содержанка, а совершенно новое явленіе, которому даже не приберешь и названія... Вотъ maman скорѣе тебя раскусила дѣло и просто въ восторгѣ отъ Сусанны и даже хотѣла съ ней познакомиться.

— Жалѣю, что я не могу быть другой, чѣмъ я есть,—сухо проговорила Калерія Ипполитовна, подымаясь съ дивана.

— Ты, пожалуйста, не обижайся, Леренька,—оправдывался oncle, загораживая дорогу гостьѣ.—Заходи потолковать... Кстати, гдѣ вы остановились?

— Я тебя сейчасъ не приглашаю, oncle, потому что мы остановились въ отелѣ „Дагмаръ“ и занимаемъ какую-то конуру,—говорила уже спокойнымъ тономъ Калерія Ипполитовна, натягивая перчатку.—Романъ обѣщалъ найти квартиру... кажется, chambres garnies, ну, тогда и приходи.

— А что̀ твой Симонъ? Ты мнѣ о немъ ни слова не сказала.

Калерія Ипполитовна только пожала плечами, какъ докторъ, котораго спросили о безнадежномъ больномъ.

— Погоди, мы его пристроимъ куда-нибудь къ банкъ или на желѣзную дорогу.

— Да вѣдь онъ горный инженеръ по спеціальности!

— А это рѣшительно все равно, хоть будь акушеръ или мозольный операторъ,—мы пустимъ его въ ходъ. Я тоже вѣдь подумываю пристегнуть себя къ этимъ дѣльцамъ... честное слово!..

VIII.

Подъѣздъ театра Буффъ было ярко освѣщенъ цѣлою гирляндой газовыхъ фонарей; ночь была ясная и морозная, какія бываютъ иногда въ началѣ октября. Мостовая такъ и гремѣла подъ колесами бойко подкатывавшихъ

въ подъѣзду каретъ; по тротуарамъ спѣшила та спеціальная публика, которая никогда не пропуститъ ни одного спектакля съ знаменитостью. Сегодня на театральной афишѣ стояло имя Жюдикъ въ „Невчихъ птичкахъ“, и ею, какъ магнитъ, стягивало въ Буффъ самую отборную публику. Когда дверь распахивалась, на подъѣздъ вырывалась изъ передней мутная полоса свѣта, вынесшая съ собой далекій и неопредѣленный гулъ, точно приподнимали крышку громаднаго котла, въ которомъ глухо начинала закипать вода. Что-то чувствовалось такое лихорадочное кругомъ, и люди походили на какія-то тѣни, скользившія неслышными шагами.

Еще задолго до занавѣса театръ уже былъ полонъ: партеръ, ложи и галлерея были усыпаны публикой; подавляющее большинство были мужчины, дамы являлись только исключеніемъ. Покатиловъ, въ качествѣ завсегдатая первыхъ представленій, спектаклей съ гаввжими знаменитостями и спеціальнаго любителя Буффа, былъ, конечно, въ театрѣ и разсматривалъ изъ второго ряда креселъ собравшуюся публику, преимущественно дамъ; большая часть этой публики была ему хорошо извѣстна, даже успѣла порядкомъ надоѣсть, но онъ систематически разсматривалъ ложу за ложей, одинъ рядъ креселъ за другимъ, настойчиво отыскивая что-нибудь новое, потому если что-нибудь было новаго въ Петербургѣ, то оно непремѣнно должно было попасть на „Нѣвчихъ птичекъ“. Бывая въ театрахъ, Покатиловъ любилъ такимъ образомъ изучать публику, и это изученіе всегда доставляло ему пользу и удовольствіе, какъ самая лучшая живая картина текущей дѣйствительности со всѣми ея злобами дня. Теперь Петербургъ былъ налицо почти весь, т.-е. тотъ именно Петербургъ, который дѣйствительно живетъ, обдѣлываетъ дѣла и всѣмъ ворочаетъ: сановитая бюрократія, всѣ роды оружія, рѣдкіе представители коренной русской аристократіи, биржевики, банковскіе воротилы, желѣзнодорожники, свѣтила адвокатуры, представители прессы, науки, искусства, клубные шуллера, охотники, досточные человѣки, совсѣмъ темныя личности, которыхъ можно встрѣтить вездѣ, и т. д.

Изъ знакомыхъ Покатиловъ успѣлъ разсмотрѣть Брикабрака, который притаился въ ложѣ бельэтажа вмѣстѣ со своей Фанни, потомъ Нилушку Сокова, двухъ-трехъ газетчиковъ, но онъ все искалъ кого-то, особенно настойчиво разсматривая ложи, изъ которыхъ оставались незанятыми всего три.

Заигралъ плохонькій оркестръ, и публика колыхавшеюся волной двинулась изъ фойе и коридоровъ занимать свои мѣста. Въ первомъ ряду Покатиловъ особенно внимательно разсматривалъ высокую фигуру заводчика Теплоухова, разговаривавшаго съ извѣстнымъ Петербургу золотопромышленникомъ Ахлестышевымъ, у котораго было до десятка золотыхъ пріисковъ въ Сибири. Теплоухову на видъ было подъ сорокъ, но его безцвѣтное, утомленное лицо съ подстриженными усами казалось гораздо старше; сѣрые больные глаза, обложенные тонкими морщинами, смотрѣли какъ-то вяло и подозрительно, а въ опущенныхъ углахъ рта притаилось какое-то больное, почти страдальческое выраженіе; онъ стоялъ у барьера, спиной къ сценѣ, заложивъ правую руку за бортъ длиннаго сюртука, и съ равнодушною улыбкой выслушивалъ оживленный разсказъ Ахлестышева о послѣдней медвѣжьей охотѣ. Во второмъ ряду креселъ сидѣлъ извѣстный разорившійся уральскій заводчикъ Мамуровъ, заводы котораго за казенные долги находились подъ опекой: это былъ высокій, широкоплечій мужчина съ окладистою бородой. Онъ внимательно разсматривалъ ложи, занятыя дамами полусвѣта, и съ кѣмъ-то здоровался едва замѣтными кивками головы,

Покатиловъ искалъ Морозъ-Догапскую, но ея не было въ ложахъ, хотя,

какъ Покатиловъ былъ убѣжденъ, она должна была быть въ театрѣ. Занавѣсъ, разрисованный въ формѣ громаднаго вѣера, наконецъ поднялся, и вся публика прильнула глазами къ сценѣ, выжидая появленія опереточной дивы. Сегодняшній составъ актеровъ былъ великолѣпенъ самъ по себѣ: губернатора игралъ Ру, Пикилло—Жюто, даже кабачекъ трехъ сестрицъ былъ обставленъ вполнѣ безукоризненно. Театръ глухо застоналъ, когда на подмостки выпорхнула сама Жюдикъ въ эффектномъ костюмѣ уличной пѣвицы и съ своею неподражаемою граціей принялась раскланиваться и посылать воздушные поцѣлуи неистово аплодировавшей публикѣ. Эта дочь парижской улицы являлась теперь всемогущимъ центромъ, приковывавшимъ къ себѣ всѣ симпатіи и желанія: каждый жестъ, каждое слово, каждая улыбка отражались на тысячѣ жадныхъ лицъ, представлявшихъ собой одно громадное „чувствующее полотно“, спаянное лихорадочнымъ чувствомъ. Публика превратилась въ одно громадное чудовище, съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдившее тысячью глазъ за двигавшеюся на подмосткахъ улыбавшеюся приманкой.

— Дива, дива, дива,—шепталъ Покатиловъ, сжимая челюсти.—Вотъ какъ нужно ходить, говорить, улыбаться... Да, это совершенство, нѣтъ... божество!

У него даже мурашки побѣжали по спинѣ отъ восторженнаго чувства. Да, вотъ она настоящая улица, нѣтъ... апоѳеозъ улицы... И всѣ такъ чувствуютъ, что̀ чувствуетъ теперь онъ, Покатиловъ, хотя не сознаютъ хорошенько своихъ чувствъ и не въ состояніи дать отчета въ нихъ, а между тѣмъ въ этомъ и вся суть. Покатиловъ просто задыхался отъ волненія, переживая то специфическое чувство, которое знакомо только настоящимъ охотникамъ, когда они выслѣживаютъ дичь на глазахъ.

Въ антрактѣ Покатиловъ отправился въ буфетъ, набитый курившею публикой. Много было знакомыхъ. Въ одномъ углу, на диванчикѣ сидѣлъ Котлецовъ, редакторъ „Прогресса“; это былъ бѣлокурый худой господинъ съ подвижническою физіономіей и остановившимися глазами. Предъ нимъ юлилъ летучій корреспондентъ Бѣгичевъ, постоянно вздергивавшій своею головою и поправлявшій сползавшее съ носа пенснэ.

— Конечно, у нея діапазонъ голоса не великъ,—ораторствовалъ Бѣгичевъ своимъ жиденькимъ гнусливымъ теноркомъ,—но какая фразировка, какая выдержка музыкальной фразы. Наконецъ нюансы... Можетъ-быть, это немножко сильно сказано, но положительно Жюдикъ—великое историческое явленіе!

Въ другомъ углу разговаривалъ Нилушка Чвоковъ, по своей привычкѣ жестикулируя самымъ отчаяннымъ образомъ, какъ это дѣлали нѣкоторые профессора старой школы.

Небольшого роста, худощавый, съ подвижнымъ тонкимъ лицомъ и красивою тихою улыбкой, этотъ Нилушка, дѣлецъ и воротила, имѣлъ въ себѣ что-то необыкновенно привлекательное, и Покатиловъ любилъ издали наблюдать его. Вотъ человѣкъ, который сдѣлалъ себѣ карьеру изъ ничего. И чѣмъ взялъ? Конечно, говорилъ Нилушка складно и подчасъ даже остроумно, но такими людьми хоть прудъ пруди въ столицѣ. Секретъ его успѣха всегда интересовалъ Покатилова, составляя для него неразрѣшимую загадку.

Какъ всегда, около Нилушки собралась цѣлая толпа слушателей. На первомъ планѣ стоялъ сѣдой коренастый старикъ Зостъ, тотъ самый, у котораго занималась Бэтси. Подкупающей особенностью въ этой стариковской фигурѣ были ясные голубые глаза и твердый складъ рта; говорилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ и имѣлъ дурную привычку брать своего собесѣдника за пуговицу сюртука. Въ кругу заводчиковъ Зостъ пользовался громадною популярностью, и ему предсказывали блестящую будущность. Въ Россію онъ явился

простымъ машинистомъ, потомъ открылъ маленькую мастерскую, а теперь былъ владѣльцемъ передѣлочнаго чугунолитейнаго завода и стоялъ во главѣ иностранныхъ заводчиковъ, работавшихъ въ Россіи.

„Кто кого у нихъ обманываетъ?—подумалъ Покатиловъ, прислушиваясь къ разговору.—И мѣсто нашли для разговора!“

— Вы подтасовываете научные факты,—горячился Зостъ, наступая на Нилушку.—Я не говорю, что вы это дѣлаете съ намѣреніемъ, но, къ сожалѣнію, вы идете противъ всѣхъ освободительныхъ идей вѣка... Вы желаете отодвинуть насъ къ темнымъ средневѣковымъ порядкамъ, когда процвѣтало цеховое устройство, внутреннія таможни, крайняя правительственная регламентація. Да-съ... Вотъ что̀ значитъ вашъ протекціонизмъ!.. Русская горная промышленность полтораста лѣтъ идетъ на чужихъ помочахъ и, какъ больной человѣкъ, живетъ только лѣкарствами, а вы настаиваете на продолженіи такого порядка.

— Позвольте г. Зостъ, сначала необходимо разобраться въ этой массѣ, такъ сказать, научнаго суевѣрія,—спокойно оппонировалъ Нилушка, довольный тѣмъ, что его слушаютъ.—И въ наукѣ есть свои раскольничьи начетчики, для которыхъ дороже всего экономическія хожденія по-солонь или двуперстное сложеніе, но я думаю, что здѣсь споръ идетъ уже о словахъ, а дѣйствительность давно выросла изъ этихъ искусственныхъ рамокъ и создала новыя формы. Необузданный индивидуализмъ въ духѣ экономическаго либерализма отжилъ свой вѣкъ, хотя я нѐ стою и за воинствующія пошлины дальше того, пока онѣ являются только въ качествѣ прогрессивнаго дѣятеля, т.-е. пока служатъ школой для подготовки крупной организаціи труда и максимальнаго возвышенія производительнаго уровня всякаго труда. Замѣтьте, я защищаю капитализмъ только по его общественно-исторической задачѣ, какъ начало, обобществляющее трудовые элементы и внѣдряющее принципы коллективизма.

Слушатели были пріятно оглушены этимъ потокомъ ученыхъ фразъ и улыбающимися глазами смотрѣли на старика Зоста, который держалъ Нилушку за лацканъ сюртука и все раскрывалъ ротъ, чтобы высказать что-то очень горячее своему противнику.

— Обобществляющее... внѣдряющее...—повторялъ Покатиловъ съ улыбкой и качалъ головой.—Ай да Нилъ Кузьмичъ... ха-ха!.. Связался чортъ съ младенцемъ... Впрочемъ, оба лучше.

— Ахъ, и ты здѣсь,—проговорилъ Чвоковъ, оборачиваясь къ Покатилову.

— Да, и я здѣсь... Продолжайте, я съ удовольствіемъ слушаю.

— Нѣтъ, мы ужъ кончили,—усталымъ голосомъ отвѣтилъ Чвоковъ и прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:—Ну что̀, какъ Жюдикъ по-твоему?

— По-моему? По-моему это великое обобществляющее начало, внѣдряющее въ насъ принципъ коллективизма.

— Ахъ, ты, шутъ гороховый!—засмѣялся Нилушка, скашивая глаза на Зоста, который, видимо, еще не прочь былъ сразиться.

— Что̀ это у васъ, репетиція, что ли, для представленія въ какомъ-нибудь ученомъ обществѣ?—спрашивалъ Покатиловъ, когда они выходили изъ буфета.

— Да, готовимся къ сраженію въ техническомъ обществѣ,—устало говорилъ Чвоковъ, поддерживая Покатилова подъ локоть.—Надоѣло, признаться сказать... И этотъ старичишка привязался, какъ пластырь. Неглупый человѣкъ, но только очень горячится.

— Мѣсто-то для дебатовъ вы хорошее нашли,—смѣялся Покатиловъ.—Въ буфетѣ цѣлый парламентъ устроили, ха-ха!

— Ну, что значитъ мѣсто? Не все ли равно? Не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто.

— Нечего сказать, украсила! А главное, ты-то изъ-за чего тутъ распинаешься, я? Вѣдь тебѣ рѣшительно все равно, если разобрать: Зостъ ли возьметъ верхъ, или Теплоуховъ.

— Нѣтъ, меня интересуетъ принципіальная сторона дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, если разобрать...

— Довольно, довольно. Будетъ корочить добрыхъ-то людей.

Чвоковъ посмотрѣлъ на Покатилова и только улыбнулся.

Публика съ шумомъ занимала мѣста.

— Этакая ворона!—бранился про себя Покатиловъ, начиная разглядывать ложи въ бинокль.—Еще двѣ пустыхъ ложи остаются.

Поднялся занавѣсъ. Успѣхъ примадонны росъ вмѣстѣ съ ходомъ пьесы.

Въ самый разгаръ дѣйствія Покатилова точно что кольнуло, и онъ инстинктивно повернулъ голову къ пустымъ ложамъ; въ одной изъ нихъ выставлялась сѣдая голова oncl'я, а у барьера ложи, вся на виду у публики, сидѣла Морозъ-Доганская. Да, это была она, хотя Покатиловъ видѣлъ только ея плечо, затылокъ и часть лица. Онъ узналъ бы ее изъ тысячи женщинъ по той свободной граціи, которая поразила его еще на царскосельскихъ скачкахъ. Странное дѣло, Покатиловъ, этотъ слишкомъ много для своихъ лѣтъ пожившій человѣкъ, теперь испытывалъ волненіе, точно школьникъ, который пришелъ въ первый разъ на любовное свиданіе. Правда, онъ въ послѣднее время столько слышалъ о ней и отъ Брикабрака, и отъ зятя, и отъ сестры, и отъ капитана, и даже отъ Бэтси. Доганская была въ бархатной накидкѣ и въ осенней шляпѣ изъ черныхъ кружевъ; она сидѣла съ тою самоувѣренною граціей, какая дается рѣдкимъ женщинамъ; это было что-то совсѣмъ особенное, совершенно свободное отъ всякихъ условностей, заученныхъ жестовъ и вымученныхъ позъ. Нѣсколько разъ она поворачивала свою голову къ публикѣ, и Покатиловъ видѣлъ въ профиль это оригинальное лицо, которое нельзя было даже назвать красивымъ. Скулы были слишкомъ приподняты, мягкій носъ точно придавленъ, и только хороша была неправильная овальная линія, очерчивавшая щеку и подбородокъ.

Для Покатилова пьеса больше не существовала, и даже божественная Жюдикъ стушевалась въ охватившей его тревогѣ, отъ которой у него похолодѣли руки. Въ первый разъ Покатиловъ только замѣтилъ эту эффектную женщину, какъ замѣчалъ тысячи другихъ красивыхъ женскихъ лицъ, но теперь онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, точно очарованный, чувствуя, какъ въ душѣ у него накопляется та совершенно особенная, тихая, пріятно волновавшая тоска, съ какой начинались всѣ безчисленныя его увлеченія женщинами. Музыка, сцена, публика—все это было только декораціей, оправой, въ какой нуждается даже рѣдкой цѣны камень.

„Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?“—съ какимъ-то ужасомъ подумалъ Покатиловъ, оглядываясь кругомъ, точно онъ искалъ невидимой помощи.

А тамъ, въ душѣ, такъ и накипало то мучительно-пріятное чувство, которое неудержимо тянуло взглянуть въ ложу направо. Неисправимые пьяницы чувствуютъ такое же тяготѣніе къ первой роковой рюмочкѣ. Oncle замѣтилъ Покатилова и издали улыбался ему своею покровительственною, добродушною улыбкой.

Второе дѣйствіе кончилось, и Покатиловъ въ какомъ-то туманѣ побрелъ въ буфетъ, гдѣ встрѣтился съ oncl'емъ.

— Здравствуй, племяшъ,—громко заговорилъ oncle, крѣпко пожимая руку Покатилова.—Что ты такой кислый?

— Ничего...

— Ахъ, да, Сусанна Антоновна желаетъ съ тобой познакомиться. Она два раза спрашивала меня про автора царскосельскихъ скачекъ... Ну, доволенъ, плутишка?.. Пойдемъ, я тебя сейчасъ же представлю ей.

— Съ удовольствіемъ... только удобно ли это будетъ?.. Тамъ, кажется, есть кто-то... въ ложѣ?

— Это еще что такое?.. Всѣ свои: Нилушка, какой-то Богомоловъ.

Oncle подхватилъ Покатилова за руку и потащилъ въ бельэтажъ, въ ложу Догапской; при входѣ они столкнулись съ Нилушкой и Бѣгичевымъ. Догапская разговаривала съ Богомоловымъ и въ то же время едва замѣтно улыбалась кому-то въ партерѣ. Покатиловъ поймалъ эту улыбку и ревниво посмотрѣлъ по ея направленію: тамъ виднѣлось блѣдное лицо Теплоухова.

— Сусанна Антоновна, позвольте представить вамъ молодого человѣка, подающаго большія надежды,—громко заговорилъ oncle, выдвигая впередъ Покатилова.—Мой племянникъ, Романъ Ипполитовичъ Покатиловъ.

— Очень рада, очень рада,—спокойно отвѣтила Догапская, протягивая свою руку Покатилову.—Я уже слышала о васъ, Романъ Ипполитовичъ.

— Отличный малый и владѣетъ чертовски слогомъ,—не унимался oncle, выпячивая грудь,—вообще человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, Сусанна Антоновна.

— Пожалуйста, довольно,—взмолился Покатиловъ.—Во-первыхъ, ты испугаешь Сусанну Антоновну перечисленіемъ моихъ добродѣтелей, а во-вторыхъ, [illegible] не желаю быть раздавленнымъ такою массою достоинствъ.

[illegible]е молодцовато вскинулъ пенснэ на свой носъ и побѣдоноснымъ взглядомъ [illegible]отрѣлъ на Догапскую—дескать, каковъ малый... недурно сказано, [illegible] душу возьми! По лицу Догапской мелькнула довольная улыбка. Она [illegible]янула на Покатилова своими необыкновенными, изсѣра-зеленоватыми глазами съ широкимъ зрачкомъ и молча пожала ему руку еще разъ. Это невольное движеніе смутило Покатилова, и онъ глупо замолчалъ, какъ попавшійся школьникъ. Онъ успѣлъ разсмотрѣть ея лицо. Оно было, пожалуй, даже некрасиво. Хороши были только своею загадочною красотой глаза, сросшіяся темныя брови, оригинальный разрѣзъ рта, бѣлый маленькій лобъ и матовый тонъ кожи съ легкимъ смуглымъ просвѣтомъ.

— Я пойду побродить,—заявилъ oncle, подхватывая подъ руку молчавшаго Богомолова; это была одна изъ милыхъ привычекъ старика.

Богомоловъ почтительно раскланялся съ Догапской и покорно послѣдовалъ за своимъ мучителемъ. Широкая, плотная фигура Богомолова, съ короткой шеей и негладко остриженной головой, несмотря на безукоризненный костюмъ, все еще отдавала тѣмъ мужикомъ, который сидѣлъ въ немъ. Широкое бородатое лицо съ умными, злыми глазами не понравилось Покатилову, особенно когда Богомоловъ дѣлалъ усиліе улыбнуться. Догапская проводила его глазами, чуть замѣтно сморщилась и съ улыбкой взглянула на Покатилова.

— Они меня здѣсь, кажется, рѣшились уморить своими умными разговорами,—заговорила она первая такимъ простымъ тономъ, точно была давно знакома съ Покатиловымъ.—Если бы не Николай Григорьичъ... онъ дядя вамъ?

— Да...

Покатиловъ едва разговорился, хотя никакъ не могъ попасть въ свой обыкновенный, шутливо-серьезный тонъ, который такъ нравится женщинамъ. По лицу своей собесѣдницы онъ замѣтилъ, что начинаетъ нести скучнѣйшія вещи, и это еще сильнѣе смутило его. Антрактъ самое большее продолжается десять минутъ, и изъ этихъ десяти минутъ онъ уже успѣлъ потерять цѣлыхъ пять.

— Послушайте, вы, кажется, хотите занимать меня?—со своею странною улыбкой спросила Доганская.

— Нѣтъ, гораздо проще: я хочу показаться непремѣнно остроумнымъ человѣкомъ, а никакъ не выходитъ...

— Да?.. Что же, по крайней мѣрѣ, откровенно. Можетъ-быть, въ другой разъ я буду счастливѣе... Это васъ Николай Григорьичъ испортилъ своими похвалами. Ахъ, знаете, мнѣ сегодня такъ скучно... такъ тяжело. Говорите, ради Бога, что хотите, только снимите съ меня это гадкое чувство, когда сама начинаешь сознавать, что дѣлаешься въ тягость и себѣ и другимъ. Знаете, что мнѣ кажется: мы точно давно-давно знакомы съ вами... не правда ли?..

— Я думалъ это же, но боялся высказать...

— Скажите, кто вонъ въ той ложѣ сидитъ... мужчина и дама?

Это была ложа Брикабрака, и Покатиловъ расписалъ своего патрона въ такихъ краскахъ, что Доганская даже засмѣялась. Это было счастливымъ началомъ, тонъ былъ найденъ. Покатиловъ ложа за ложей перебралъ всю публику, а затѣмъ перешелъ къ партеру. Онъ дѣлалъ такія остроумныя характеристики и такъ смѣшно описывалъ наружность каждаго. У Доганской слегка вздрагивалъ лѣвый уголъ рта, и она сдвигала брови, чтобы не расхохотаться.

— Да вы тутъ рѣшительно всѣхъ знаете, Романъ Ипполитовичъ,—удивлялась Доганская.

— Это моя спеціальность...

— Кстати, это вы описывали скачки?

— Да, я.

— Что у васъ была за фантазія описывать одну даму... т.-е. меня?

— Мудреный вопросъ... Вы меня вызываете на комплиментъ...

— Я позволяю, говорите. Всѣ женщины увѣряютъ, что не выносятъ комплиментовъ, но вѣдь это неправда, какъ хорошо извѣстно каждому. Но помимо этого...

Поднявшійся занавѣсъ прекратилъ этотъ разговоръ. Когда Покатиловъ уходилъ, Доганская съ улыбкой проговорила:

— Чтобы не откладывать нашего знакомства, Романъ Ипполитовичъ, я приглашаю васъ къ себѣ... Послѣ спектакля вы отправитесь прямо за нами. Мой неизмѣнный спутникъ—Николай Григорьичъ.

Покатиловъ расклапялся. Это преувеличенное вниманіе не обмануло Покатилова: онъ видѣлъ, что обязанъ имъ не своимъ достоинствамъ, а чему-то постороннему. Можетъ быть, Доганская пригласила его въ пику другимъ.

Вторая половина спектакля прошла для Покатилова въ какомъ-то полуснѣ. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, какъ пьяный. Сцена слилась въ одно мутное пятно; Покатиловъ былъ полонъ сознаніемъ того, что *она* была въ театрѣ.

IX.

Сейчасъ послѣ спектакля вся компанія отправилась на Сергіевскую улицу, гдѣ была квартира Морозъ-Доганскихъ. Oncle уѣхалъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Сусанной Антоновной, Чвоковъ и Богомоловъ потащились за ними на извозчикѣ, Покатиловъ ѣхалъ одинъ. Квартира Доганскихъ была почти у самаго Таврическаго сада, въ двухъэтажномъ старомъ барскомъ домѣ. На подъѣздѣ встрѣтилъ старый швейцаръ Ефимъ, самой внушительной наружности; лѣстница была убрана мягкими коврами и экзотическою зеленью.

— Вы, petit papa, постарайтесь занять гостей,—говорила Доганская помогавшему подняться ей по лѣстницѣ oncl'ю, крѣпко опираясь на его руку.

Обстановка всей квартиры Доганскихъ дышала настоящею роскошью, но

торая не знаетъ счета деньгамъ. Особенно хороша была небольшая гостиная въ стилѣ Людовика XVI, походившая на бонбоньерку: свѣтло-сѣрая мебель съ золотыми полосками была обита розовымъ шелкомъ необыкновенно нѣжнаго тона, тяжелыя драпировки, роскошная бронза, картины въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ, мягкіе ковры—все было великолѣпно этою необыкновенною вычурностью рѣзныхъ украшеній, всюду блестѣвшихъ золотомъ, гармоническимъ сочетаніемъ красокъ и свѣжестью тѣней. Кабинетъ хозяина и библіотека были отдѣланы подъ дубъ, а будуаръ хозяйки походилъ на гнѣздышко, вытканное цѣликомъ изъ голубого шелка. Мебель изъ цѣльнаго чернаго дерева съ серебряными инкрустаціями выдѣлялась на этомъ голубомъ фонѣ очень эффектно.

Въ громадной залѣ, отдѣланной въ сѣрый цвѣтъ съ серебряными полосками, обращалъ на себя вниманіе потолокъ, точно задрапированный какими-то необыкновенно тяжелыми кружевами: такъ онъ былъ залѣпленъ арабесками.

Въ простѣнкахъ между окнами матовыми пятнами теплились узорчатыя полосы поддѣльныхъ гобеленовъ, сдѣланныхъ всего въ два тона. Палисандровый концертный рояль Шредера стоялъ у внутренней стѣны. Рядомъ съ библіотекой помѣщалась бильярдная, служившая курительною комнатою.

— Мы прямо въ столовую отправимся, господа,—приглашалъ oncle на правахъ хозяина.—Ближе къ цѣли.

— Да, я, по крайней мѣрѣ, очень проголодался,—отозвался Нилушка Чвоковъ, потирая руки.—Конечно, Жюдикъ великолѣпна и несравненна, но она, къ сожалѣнію, не можетъ замѣнить хорошаго ужина.

Oncle, при одномъ имени Жюдикъ, сладко закрылъ глаза и фальшивымъ голосомъ запѣлъ:

O, mon cher amant, je te jure
Que je t'aime de tout mon coeur...

Въ дверяхъ показалась хозяйка, успѣвшая переодѣться къ ужину въ шелковое оливковое платье, особенно удачно оттѣнявшее смуглый цвѣтъ ея кожи. Въ чемъ была одѣта Доганская въ театрѣ, Покатиловъ теперь рѣшительно не могъ припомнить.

— Извините, господа, что я заставила васъ ждать,—проговорила она, занимая мѣсто въ концѣ стола.—Романъ Ипполитовичъ, вамъ, какъ новому гостю, я предложила бы мѣсто по правую руку, но petit papa немного ревнивъ и не любитъ уступать своихъ преимуществъ.

— Да, я согласенъ все уступить въ жизни, кромѣ своего мѣста за столомъ,—подтвердилъ oncle, занимая стулъ по правую руку хозяйки.—Впрочемъ, это мое единственное преимущество, за которое иногда, какъ сегодня, приходится платить очень дорого.

— Именно?—спрашивала Доганская, указывая Покатилову стулъ.

— А какъ же? Сегодня Сусаннѣ Антоновнѣ угодно было быть весь вечеръ не въ духѣ, и она вымещала на мнѣ свое недовольство, какъ это умѣютъ дѣлать однѣ женщины.

Гости, за исключеніемъ Покатилова, кажется, чувствовали себя въ этой столовой какъ дома и совсѣмъ не думали стѣсняться присутствіемъ хозяйки. Чвоковъ и Богомоловъ продолжали еще начатый въ театрѣ споръ по поводу послѣднихъ дебатовъ въ техническомъ обществѣ, причемъ Нилушкѣ приходилось вплотную защищаться отъ нападеній юркаго провинціальнаго дѣльца.

— Необходимо было выражаться рѣзче,—ораторствовалъ Богомоловъ,

начиная горячиться,—потому что положеніе нападающаго всегда выгоднѣе положенія защищающагося. Это слишкомъ избитая истина, чтобы еще разъ доказывать ее, тѣмъ болѣе, что наше дѣло правое и за насъ послѣднее слово науки.

— Я, кажется, и то не особенно стѣснялся,—говорилъ Чвоковъ, начиная краснѣть.—Оставалось только вступить въ рукопашную.

— Нѣтъ, позвольте-съ...—задорно отчеканивая каждое слово, зудилъ Богомоловъ.—Вы просто-напросто струсили этого старика Зоста и Котлецова... да!.. Э, батенька, все это вздоръ, дайте срокъ, вотъ соберемъ съѣздъ горнопромышленниковъ, тогда насъ не такъ-то легко будетъ запугать.

— Что же, можно будетъ устроить другой докладъ,—виновато бормоталъ Чвоковъ,—хоть въ томъ же обществѣ покровительства русской промышленности и торговлѣ.

— Нашъ Нилушка потерялъ всякую невинность,—шепнулъ oncle на ухо Покатилову.—Вотъ что значитъ продать себя: изображай изъ себя послѣднее слово науки для подобныхъ господъ, какъ вотъ этотъ сибирскій джентльменъ.

Доганская сосредоточенно чертила вилкой какіе-то узоры у себя на тарелкѣ и, повидимому, совсѣмъ забыла о присутствующихъ. Положеніе Покатилова, какъ новаго человѣка въ домѣ, было не изъ особенно пріятныхъ, и онъ началъ чувствовать себя лишнимъ въ этой роскошной англійской столовой. Рѣшительно и въ этой странной женщинѣ, и въ обстановкѣ дома, и въ собравшемся здѣсь обществѣ было что-то загадочное и недосказанное. Покатилову припомнился разсказъ капитана Пухова о бухарочкѣ Шурѣ и его откровенное объясненіе семейныхъ отношеній Доганскихъ. Неужели это правда? Во всякомъ случаѣ, эта Сусанна Антоновна совсѣмъ не то, чѣмъ она казалась ему всего какой-нибудь часъ назадъ: у ней на душѣ или слишкомъ сильное горе, или какая-нибудь тяжелая тайна. Покатиловъ уже хотѣлъ прощаться, когда Доганская точно проснулась отъ своего раздумья и проговорила:

— М-г Покатиловъ, налейте мнѣ, пожалуйста, краснаго вина. Я сегодня просто невыносима, благодаря вотъ этимъ господамъ, которые хоть кого угодно доведутъ своими умными разговорами до сумасшествія. Вы ужъ извините меня. Будемте говорить о Жюдикъ, о чемъ угодно, я хочу веселиться.

— Вотъ это дѣйствительно хорошо,—согласился oncle, тоже наливая себѣ вина.—Давно бы такъ, Сусанна Антоновна, а то, въ самомъ дѣлѣ, оставалось только взять веревку и повѣситься.

— Ужъ если кому дѣйствительно стоитъ повѣситься, такъ это мнѣ,—съ нервною улыбкой замѣтила Доганская.—Ну, да это все равно... М-г Покатиловъ, вы какое вино любите? Послушайте, да вы, кажется, сидите съ пустымъ стаканомъ. Нѣтъ, я рѣшительно не за тѣмъ приглашала васъ, чтобы заставлять скучать.

— Сусанна Антоновна, съ вашего позволенія, можно закурить папиросу?—спросилъ Чвоковъ.

— Кажется, есть курильня, и отправляйтесь туда.

Oncle ушелъ въ курильню вмѣстѣ съ Нилушкой и Богомоловымъ, а Покатиловъ остался въ столовой съ глазу на глазъ съ хозяйкой. Онъ только-что хотѣлъ что-то разсказывать изъ закулисной хроники театра Буффъ, но, взглянувъ на Доганскую, такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ; она положила свою голову на руки и горько плакала.

— Сусанна Антоновна, вамъ дурно?—суетился Покатиловъ, второпяхъ проливая стаканъ съ водой.

— Ахъ, ради Бога, тише...—умоляющимъ голосомъ просила Доганская, протягивая руку.—Они опять могутъ прійти сюда... Это со мной случается... Пожалуйста, не обращайте никакого вниманія на мои дурацкія слезы. Этимъ должно было кончиться, потому что съ самаго утра меня давила страшная тоска...

Покатиловъ держалъ въ своихъ рукахъ маленькую смуглую руку Доганской, холодную, какъ ледъ, и мокрую отъ слезъ.

— Господи, какъ я глупа... и какъ мнѣ скучно...—шептала Доганская, лихорадочно глотая воду изъ стакана.—Это даже не скука, а тоска... смертная тоска. Если бы вы только могли испытать хоть частицу... Вездѣ ложь и во всемъ ложь, а я еще молода... что же это за жизнь?

Она съ какимъ-то ужасомъ обвела глазами столовую и вся вздрогнула. Покатиловъ слышалъ, какъ у ней стучали зубы отъ начинавшейся лихорадки, а смоченное слезами лицо сдѣлалось еще свѣжѣе, и, кажется, никогда это лицо не было такъ красиво, какъ сейчасъ: глаза теплились глубокимъ влажнымъ огнемъ, розовыя губы были полураскрыты, все лицо вздрагивало отъ пробѣгавшихъ по немъ тѣней. Покатилову страстно захотѣлось покрыть горячими поцѣлуями эти заплаканные глаза и эти холодныя маленькія руки.

— Знаете, Романъ Ипполитычъ, я смотрю на васъ, какъ на родного, какъ на своего старшаго брата,—заговорила Доганская, немного успокоившись.—Когда я была подросткомъ и жила у вашей сестры, часто разговоръ заходилъ о васъ. Для меня съ Юленькой вы являлись какимъ-то полумиѳическимъ существомъ, какъ литераторъ, какъ будущая знаменитость. Я отъ души вамъ завидовала тогда, какъ завидую и теперь, хотя по другимъ причинамъ. У меня нѣтъ ни родныхъ ни друзей. Въ самомъ дѣлѣ, довольно странная встрѣча для перваго раза. Кстати, гдѣ Юленька? Вотъ кого я желала бы видѣть, хотя сознаю полную невозможность подобнаго желанія.

Покатиловъ разсказалъ все, что зналъ относительно Юленьки, и прибавилъ, что въ желаніи Доганской видѣть ее нѣтъ ничего невозможнаго, и что онъ даже возьмется переговорить объ этомъ съ сестрой.

— О, вы не знаете совсѣмъ Калеріи Ипполитовны,—глухо проговорила Доганская и какъ-то подозрительно посмотрѣла на Покатилова.—Нашихъ бабьихъ счетовъ самъ чортъ не разберетъ. Легче собрать пролитую воду, чѣмъ помирить двухъ женщинъ... да. Вы лучше и не вмѣшивайтесь въ эту кашу.

— Но я, кажется, ужъ невольно узналъ больше, чѣмъ слѣдуетъ постороннему человѣку,—заговорилъ Покатиловъ и откровенно передалъ свой послѣдній разговоръ съ капитаномъ Пуховымъ.—Я и теперь не зналъ бы, Сусанна Антоновна, что это вашъ отецъ, если бы онъ самъ не разсказалъ.

Доганская выслушала разсказъ Покатилова, не моргнувъ бровью, и только спросила, когда онъ кончилъ:

— Что же, вы лично вѣрите тому, что вамъ разсказывалъ мой отецъ?

— Нѣтъ... То-есть я думаю, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе.

— Да, это вѣрно. Во всей этой исторіи есть много такого, чего не разсказываютъ отцамъ, а пока замѣчу только вотъ что: отецъ говоритъ, что я вышла за Доганскаго только фиктивнымъ образомъ, чтобы этимъ фиктивнымъ бракомъ прикрыть свои отношенія къ Теплоухову; но какимъ образомъ это могло случиться, когда Теплоуховъ увидалъ меня въ первый разъ только m-me Морозъ-Доганской? Слишкомъ очевидная нелѣпость, чтобы опровергать ее. Но въ обвиненіяхъ отца есть извѣстная доля правды: я дѣйствительно про-

дала себя, какъ продаются тысячи другихъ дѣвушекъ, имѣвшихъ несчастіе родиться красивыми. Только я поступила въ этомъ случаѣ совершенно сознательно и никого не могу обвинять въ собственной ошибкѣ, или какъ хотите назовите мой поступокъ. Я хотѣла быть непремѣнно богатой, замѣтной въ обществѣ, имѣть поклонниковъ и еще больше людей, которые будутъ мнѣ завидовать, и, какъ видите, не ошиблась въ своихъ расчетахъ. Ну, а теперь я желаю слышать ваше откровенное мнѣніе лично обо мнѣ. Ваше мнѣніе для меня особенно интересно потому, что вы человѣкъ совершенно посторонній.

Покатиловъ былъ непримиримымъ врагомъ всякихъ сердечныхъ изліяній, но въ данномъ случаѣ почувствовалъ непреодолимую потребность высказаться.

— И вы, и я, и Нилушка Чвоковъ, и m-r Богомоловъ, и вашъ отецъ, и сама несравненная Жюдикъ—всѣ мы одинаково жертвы „улицы“,—заговорилъ Покатиловъ, глядя прямо въ лицо своей слушательницѣ.—Это вотъ что̀ значитъ, Сусанна Антоновна: есть извѣстный средній уровень, который давитъ все и всѣхъ. Ученый несетъ сюда послѣднее слово науки, артистъ и художникъ—плоды своего вдохновенія, общественные дѣятели—свою энергію, женщины—молодость и красоту. Улица всесильна, и у нея есть на все запросъ: всякая микроскопическая особенность на этомъ всеобщемъ рынкѣ находитъ себѣ самый вѣрный сбытъ. Пѣвецъ сюда несетъ какое-нибудь необыкновенное верхнее do, литературный талантикъ—послѣднее созданіе фантазіи, нашъ братъ, газетчикъ тащитъ всякій выдающійся фактъ, даже добродушіе oncl'я имѣетъ цѣну и сбытъ. Вы слышали сегодня Жюдикъ? Вотъ олицетвореніе улицы, хотя и болѣе широкой, чѣмъ наша петербургская. Къ особенностямъ улицы принадлежитъ, между прочимъ, и то, что она все, что̀ попадетъ на нее, передѣлываетъ по-своему, т.-е. искажаетъ: есть спеціально-уличная музыка, какую мы слышали сегодня, есть уличные актеры, уличная наука, уличная литература и т. д. Улица на все даетъ свою моду, и эта мода безмолвно выполняется всѣми, строже всякихъ уголовныхъ законовъ. Нужно замѣтить, что наше несчастное время есть время господства улицы по преимуществу, и нужно обладать настоящимъ геройствомъ, чтобы не поддаться этому всесильному вліянію. Есть, конечно, истинная и великая наука, есть великіе честные дѣятели, есть красота, поэтическое вдохновеніе, энергія, таланты, которые остаются не зараженными этою уличною атмосферой, но вѣдь геройство не обязательно, и мы, обыкновенные люди, платимъ тяжелую дань своему времени. Въ этомъ заключается главный источникъ душевнаго разлада, борьбы совѣсти, явнаго и тайнаго протеста чувства, мукъ и настоящихъ страданій. Бороться съ требованіями улицы не всякому по силамъ, когда маленькая сдѣлка съ совѣстью даетъ извѣстность, имя, успѣхъ, богатство. Улица по преимуществу эксплоатируетъ дурные инстинкты, наши слабости, животную сторону нашего существованія. Вашъ покорный слуга, въ данномъ случаѣ, не лучше другихъ и, по возможности, иллюстрируетъ жизнь улицы—самая благодарная работа, потому что улица любитъ потѣшиться сама надъ собой.

— Я, кажется, начинаю понимать васъ, — замѣтила Доганская. — Да, именно улица... это вѣрно.

— Есть другой, не менѣе рельефный примѣръ, Сусанна Антоновна,— продолжалъ Покатиловъ.—Нынѣшнія модныя пьесы часто имѣютъ успѣхъ только благодаря чудовищной роскоши своей сценической обстановки, а

актрисы пріобрѣтаютъ извѣстность своими костюмами... Даже парижскія сцены не въ состояніи назначать такое жалованье актрисамъ, чтобы его доставало на костюмы, такъ что эти представительницы искусства принуждены зарабатывать деньги на костюмы другими путями. Сравните шекспировское время, когда пьесы ставились чуть не въ сараяхъ и сцена освѣщалась сальными огарками... Вотъ до чего доводитъ улица даже такое, повидимому, свободное искусство, какъ сцену! Если разобрать, вся наша жизнь—тоже своего рода театральная пьеса, притомъ очень скучная, и мы тоже обманываемъ и себя и другихъ нашими костюмами... Извиняюсь впередъ, что я и васъ поставилъ въ зависимость отъ требованій улицы.

— Интересно, какъ вы дошли до этой характеристики?

— Право, это довольно трудно объяснить... Вѣдь каждая спеціальность образуетъ такихъ знатоковъ, которые получаютъ почти невѣроятную тонкость ощущеній въ своей области. Вѣдь вы слыхали о кассирахъ, которые съ закрытыми глазами выбрасываютъ изъ пачки фальшивыя ассигнаціи? Такъ и въ нашемъ дѣлѣ образуется какое-то чутье.

— Послушайте, Романъ Ипполитычъ, я удивляюсь только одному,— заговорила Доганская, перебивая,—какъ вы, съ вашими знаніями и съ вашею головой, до сихъ поръ не можете выбиться изъ этой литературной поденщины?

— Выхода три: деньги, имя или счастливый случай... я больше всего надѣюсь на послѣднее. А газета у меня будетъ и пойдетъ, потому что я слишкомъ хорошо знаю требованія, вкусы, слабости и пороки улицы. Конечно, послѣднее слишкомъ смѣло сказано, но вѣдь сегодня у насъ вечеръ объясненій.

— Послушайте, Сусанна Антоновна, вы здѣсь такъ тихо сидѣли, что Богъ знаетъ, что̀ можно было подумать,—откровенно заявилъ oncle, появляясь въ дверяхъ столовой.—По меньшей мѣрѣ можно было объясниться въ любви... Такъ, Романъ? А мы тамъ, въ курильной, чуть было не разодрались, вѣрнѣе, вотъ эти господа чуть не отколотили меня и, навѣрное, отколотили бы, если бы во̀-время съ похвальнымъ благоразуміемъ не вспомнили, что вѣдь Николай Бередниковъ когда-то былъ отчаяннымъ рубакой.

Гости начали прощаться. Доганская вышла провожать ихъ до порога залы, гдѣ они столкнулись съ самимъ Доганскимъ. Онъ поцѣловалъ жену въ лобъ и, не давъ ей кончить рекомендацію новаго гостя, схватилъ руку Покатилова обѣими руками и заговорилъ:

— Очень радъ, очень радъ... я такъ много слышалъ о васъ... да! Какой-то философъ и гдѣ-то сказалъ, что считаетъ счастливымъ тотъ день, когда пріобрѣтаетъ новаго друга; это и моя философія, а рекомендація Сюзи для меня больше, чѣмъ аттестатъ зрѣлости... Господа, куда же это вы? Сюзи, прикажи имъ оставаться.

— Нѣтъ, ужъ скоро три часа, Юрій Петровичъ,—заявилъ oncle, вынимая часы,

— Ну, какъ знаете, — согласился Доганскій и, подмигнувъ oncl'ю, запѣлъ:

O, mon cher amant, je te jure
Que je t'aime de tout mon coeur...

Доганская оперлась на руку мужа и старалась не смотрѣть на Покатилова.

Очутившись на подъѣздѣ, Покатиловъ долго стоялъ въ раздумьѣ. Ему

все мерещилась вытянутая фигура Доганскаго съ его длинными ногами и длиннымъ безжизненнымъ лицомъ. Покатиловъ видалъ его много разъ прежде этого, но особеннаго вниманія не обращалъ, а теперь... теперь они сидятъ вдвоемъ въ своей англійской столовой, онъ разсказываетъ, а она слушаетъ. Въ головѣ Покатилова вмѣстѣ съ этою картиной вертѣлось письмо Периколы, и онъ шагалъ къ себѣ на Моховую въ какомъ-то забытьѣ, нѣсколько разъ вынимая изъ кармана руку, которую крѣпко пожала ему на прощанье Доганская.

— Нѣтъ, у меня будетъ своя газета!—громко проговорилъ Покатиловъ и самъ удивился, какимъ образомъ именно эта мысль вынырнула изъ его головы, занятой совершенно другими соображеніями.—Да, она должна быть... Вѣдь устроился же Нилушка, наконецъ этотъ Богомоловъ, а, кажется, ничего особеннаго... Да, да, газета... все будетъ зависѣть отъ газеты.

X.

Калерія Ипполитовна не повѣрила своему дядѣ, хотя смутно и сознавала, что онъ правъ. Ей такъ еще хотѣлось жить.

„Еще посмотримъ!“—повторяла она самой себѣ.

Не теряя напрасно дорогого времени, Калерія Ипполитовна дѣятельно принялась развѣдывать петербургскую почву, точно она попала на какой-то новый материкъ. Въ теченіе двухъ недѣль она успѣла побывать у всѣхъ старыхъ знакомыхъ и завела нѣсколько новыхъ знакомствъ, конечно, съ большимъ разборомъ, потому что прежде всего дѣло. Снова была она у Берестовскихъ и Чвоковыхъ, но ничего, кромѣ скуки, не нашла, какъ у Даниловыхъ и Густомѣсовыхъ. Калерія Ипполитовна точно заразъ хотѣла выпить всю чашу испытаній; эти визиты съ рѣжущею ясностью выяснили ея собственное фальшивое положеніе. Иногда ей начинало казаться, что къ ней относятся свысока или съ обиднымъ снисхожденіемъ. Другіе встрѣчали ее съ тѣмъ безцвѣтнымъ участіемъ, какъ это умѣютъ дѣлать только коренные петербуржцы. Да, она чувствовала себя лишней на этихъ бойкихъ улицахъ, гдѣ жизнь катилась широкою волной, но, какъ утопающій хватается за соломинку, продолжала продѣлывать все то, что продѣлываютъ и другіе въ ея положеніи. Было время, когда Калерія Ипполитовна сама смѣялась надъ подобными мышиными хитростями, а теперь даже не замѣчала, что продѣлываетъ то же. Она всѣмъ разсказывала, что Симонъ Денисычъ самъ отказался отъ мѣста, что ему предлагаютъ мѣсто на Уралѣ, что они въ Петербургѣ только на время, пока устроятъ Юленьку, и т. д. Эта ложь такъ часто повторялась, что наконецъ Калерія Ипполитовна сама стала вѣрить ей и страшно сердилась, когда замѣчала хотя самую легкую тѣнь недовѣрія къ своимъ словамъ.

„Всѣ пристроились... всѣ плотно сидятъ на своихъ мѣстахъ,—со злобой думала Калерія Ипполитовна, перебирая своихъ знакомыхъ.—И главное, они же и боятся, чтобы кто не отнялъ у нихъ готовый кусокъ!“

Въ своемъ исключительномъ положеніи она походила на пассажира, который опоздалъ на поѣздъ и безтолково бѣгаетъ по платформѣ, заглядывая въ окно, гдѣ сидѣли съ билетами въ рукахъ болѣе предусмотрительные и счастливые путешественники. Банки, акціонерныя компаніи, уфимскія земли, кавказская нефть, концессіи—вотъ чѣмъ живутъ люди и къ чему такъ трудно было присосаться постороннему человѣку. Иногда Калерія Ипполитовна невольно вспоминала доброе старое время, когда все на свѣтѣ зависѣло отъ тѣхъ важныхъ старичковъ, которые когда-то ѣздили къ maman. И такіе

смѣшные были старички: въ бархатныхъ и шелковыхъ жилетахъ, въ сюртукахъ съ узкими рукавами и широкимъ воротникомъ, въ шелковыхъ косынкахъ, туго намотанныхъ на шеѣ. Эти старики все могли, и если бъ они были живы, не металась бы Калерія Ипполитовна по Петербургу, какъ угорѣлая, и не обивала бы чужихъ пороговъ.

„Нашлось бы и моему Симону теплое мѣстечко гдѣ-нибудь по провіантской части, въ откупѣ, въ интендантствѣ“,—думала Калерія Ипполитовна и сама улыбалась своему ребячеству.

Свои визиты къ барону Шебеку, къ князю Юклевскому и знаменитому Андрею Евгеньичу она оставляла въ запасѣ, какъ игрокъ оставляетъ до послѣдней возможности самый сильный и рѣшительный ходъ. Единственное, что Калерія Ипполитовна сдѣлала за это время,—это записалась членомъ разомъ въ нѣсколько благотворительныхъ обществъ, чтобы завести нѣсколько хорошихъ знакомствъ въ исключительномъ міркѣ сановитыхъ и богатыхъ благотворительницъ.

— Что же, Леренька, устроимся понемногу,—говорилъ Симонъ Денисычъ, стараясь успокоить жену.—Вѣдь живутъ же другіе... Буду работать въ ученыхъ обществахъ, въ спеціальныхъ изданіяхъ; въ столицѣ всегда спросъ на рабочія руки, Леренька.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, и онъ еще говоритъ!—стонала Калерія Ипполитовна, ломая руки.—Это ты-то будешь работать?.. Ха-ха... Подшивать бумаги въ какомъ-нибудь департаментѣ, да и на то толку не хватитъ. Господи, за что Ты меня наказываешь?

— Леренька, успокойся, ради Бога...

— И онъ еще говоритъ?! Вѣдь тебя даже послать никуда нельзя, а вездѣ я должна сама... Если бы не Юленька, я давно бросила бы тебя. И брошу...

— Леренька!

— А ты разболтай только Роману про наши средства, и брошу сейчасъ же. Ты воображаешь, что наши шестьдесятъ тысячъ очень велики, а это всего три тысячи годового дохода, да и тѣхъ нѣтъ. Развѣ возможно жить въ столицѣ на три тысячи, когда дочь на шеѣ? Нѣтъ, я чувствую, что совсѣмъ схожу съ ума.

Симонъ Денисычъ хваталъ себя за голову и начиналъ бѣгать по комнатѣ, какъ сумасшедшій, проклиная все на свѣтѣ, а больше всего свой проклятый языкъ. И нужно было соваться съ утѣшеніями, когда Леренька сердится! Она вообще не выноситъ возраженій, особенно, когда бываетъ взволнована.

— Ну, пошла наша воевода пыль подымать,—ворчала старая Улитушка, которой тоже доставалось при случаѣ на орѣхи.—Охъ, горе наше великое съ этимъ самымъ Петербургомъ! Жить бы да жить въ Заозерьѣ-то, кабы не эта бухарская змѣя.

Бухарской змѣей Улитушка называла Сусанну, которую возненавидѣла съ перваго раза и такъ относилась къ ней до самаго конца. Это была та холопская беззавѣтная ненависть, съ которой относятся въ старинныхъ барскихъ домахъ старые, вѣрные слуги къ разнымъ приживалкамъ и воспитанницамъ.

Являясь домой, чтобы перевести духъ, Калерія Ипполитовна не считала нужнымъ дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими впечатлѣніями. Но за ней упорно слѣдили два старыхъ, слезившихся глаза Улитушки; отъ нихъ было трудно

скрыться. Взглянувъ мелькомъ на усталое лицо барыни, старуха только печально качала головой, и этотъ нѣмой укоръ являлся для Калеріи Ипполитовны лишнею тяжестью, хотя она ничего не смѣла сдѣлать своей старой нянькѣ, изжившей свой вѣкъ въ покатиловской семьѣ. Улитушка знала всю подноготную не только про Калерію Ипполитовну, но и всѣ похожденія Анны Григорьевны, когда та была еще молода.

— Нѣтъ, видно, нашей Калеріи Политовнѣ далеко не вплоть будетъ до мамыньки,—ворчала Улитушка, прибирая номеръ.—Конечно, кто Богу не грѣшенъ, свѣтленько умѣла пожить Анна Григорьевна, зато и концы схоронила. Все шито и крыто... Ежели Богъ вѣку пошлетъ, такъ еще успѣетъ всѣ грѣхи замолить. Покойный-то баринъ и думушки никакой не зналъ думать, а что̀ этого грѣха и я напринималась изъ-за Анны-то Григорьевны!.. Охо-хо-хо... Тоже съ записочками-то бѣгала, какъ брынская коза... Только и господа были на отличку: генералы въ звѣздахъ, съ лентами... Смѣла была Анна-то Григорьевна и ловка на руку, а у Калеріи Политовны мамынькиной ухватки совсѣмъ нѣтъ, да и годки ужъ не тѣ: ушло золотое-то времечко.

Улитушка долго охала и вздыхала и даже принималась креститься, отгоняя отъ своего старческаго ума всякое „неподобное окаянство“. Тоже и сама была молода, сама глупа; барыня Анна Григорьевна „проклажалась“ со своими сударіками и мужа къ себѣ очень рѣдко допускала, даромъ что заправскій былъ генералъ, ну, терпѣлъ-терпѣлъ генералъ отъ жены, да и взглянулъ милостиво на Улитушку. Когда баринъ умеръ, Улитушка во всемъ покаялась Аннѣ Григорьевнѣ, а та хоть бы глазомъ сморгнула.

„Ужъ хорошъ былъ баринъ покойный, а не побоялся дѣвичьяго стыда,— раздумывала Улитушка.—Симонъ-то Денисычъ развѣ такой? Ужъ, кажется, проще да жалостливѣе съ огнемъ не сыскать... Ловко Калеріи Политовнѣ надъ нимъ мудрить“.

Улитушка вообще являлась живымъ синодикомъ покатиловскихъ прегрѣшеній, причемъ по странной старушечьей логикѣ она все прощала и извиняла Аннѣ Григорьевнѣ, а Калерію Ипполитовну обвиняла.

— Простъ Симонъ-то Денисычъ... А Калерія Политовна по мамынькѣ издалась насчетъ мужчинъ: такая же завидущая. И съ анжинерами, и съ офицерами, и съ кѣмъ, съ кѣмъ ни путалась... А то не хорошо, зачѣмъ съ этимъ Морозомъ связалась да бѣгала за нимъ, какъ телка. И дочь отъ него, отъ змѣя, прижила, а теперь и погляди, какъ Морозъ-то съ *той*, съ бухарской-то змѣей охорашивается! И Юленька-то, еще отъ земли не видать, а ужъ какъ поглядитъ въ другой разъ: змѣиная-то кровь сказывается.

Разъ, когда Калерія Ипполитовна вернулась откуда-то изъ своихъ ежедневныхъ путешествій, Улитушка встрѣтила ее на лѣстницѣ и съ испуганнымъ лицомъ прошептала:

— Не ладно у насъ, родимая барыня... Ужъ я не знаю, что̀ и дѣлать!

— Да говори толкомъ, ради Бога, что̀ такое случилось? — спрашивала Калерія Ипполитовна, порываясь впередъ.—Юленька больна?

Улитушка оглянулась впередъ и прошептала:

— *Онъ* тамъ сидитъ...

— Кто „онъ“?

— Ну, извѣстно, кто... Морозъ.

— Не можетъ быть!—машинально проговорила Калерія Ипполитовна, чувствуя, какъ у ней захватываетъ духъ.—Ты ошиблась... не можетъ быть!

— Накося, ошиблась!—обидѣлась Улитушка.—Слава тѣ, Господи, не

впервой его видѣть-то. Прямо сказать: безстыжіе глаза... Баринъ-то дома былъ, какъ онъ налетѣлъ. Барыня, голубушка, прогоните вы этого змѣя... не съ добромъ онъ. Глазищами-то безстыжими такъ и поводитъ, а самъ ласковый такой... Какъ разъ обойдетъ барина-то нашего!

Калерія Ипполитовна совсѣмъ не слушала болтовни расходившейся старухи и нѣсколько мгновеній не рѣшалась, итти ей впередъ или вернуться. Но ее толкала впередъ какая-то сила. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ могъ пріѣхать Доганскій, какъ онъ могъ на это рѣшиться, и наконецъ какими глазами онъ будетъ смотрѣть на нее? Поправивъ волосы, выбившіеся изъ-подъ шляпы, Калерія Ипполитовна вошла въ свой номеръ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Я только-что услыхалъ о вашемъ пріѣздѣ сюда и вотъ у вашихъ ногъ,—на самомъ чистѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ по-французски проговорилъ Морозъ-Доганскій, встрѣчая Калерію Ипполитовну въ передней.—Ваше здоровье, madame?

— Юрій Петровичъ... мнѣ кажется страннымъ... что вы... послѣ всего случившагося...—бормотала по-французски Калерія Ипполитовна, отыскивая глазами мужа, который смущенно улыбался и застегивалъ пуговицы жилета.

— Это не я, Леренька...—оправдывался Мостовъ.—Это все oncle... да.

— Въ такомъ случаѣ, Юрій Петровичъ,—строго заговорила Калерія Ипполитовна, опуская глаза,—намъ лучше всего не поднимать стараго знакомства... Надѣюсь, вы меня отлично понимаете и постараетесь не возобновлять своего визита.

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то!—говорилъ Морозъ-Доганскій, дѣлая театральный жестъ отчаянія.—Недоразумѣніе, Калерія Ипполитовна... да, недоразумѣніе, и я во всемъ этомъ дѣлѣ не виноватъ ни душой ни тѣломъ! Честное и благородное слово порядочнаго человѣка... Позволите сѣсть, madame?

Калерія Ипполитовна улыбнулась улыбкой человѣка, который ничему не вѣритъ, и молча показала гостю на кресло.

— Если бы я дѣйствительно былъ виноватъ передъ вами, madame, да развѣ я смѣлъ бы явиться къ вамъ на глаза?—уже веселымъ тономъ продолжалъ Доганскій, не торопясь снимая перчатку съ лѣвой руки.—Я скорѣе являюсь потерпѣвшею стороной, и мнѣ нужно сердиться, а не вамъ, madame...

— И вы пришли сюда, вѣроятно, за утѣшеніемъ... да?—съ разстановкой проговорила Калерія Ипполитовна.—Вы даже замѣтно похудѣли съ того времени, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ.

— О, будемте говорить серьезно. Я пришелъ просить пощады, а не пикироваться.

Калерія Ипполитовна съ презрѣніемъ пожала плечами и проговорила подавленнымъ шопотомъ:

— А я вамъ никогда и ни въ чемъ не вѣрила... и теперь вѣрю меньше, чѣмъ когда-нибудь!

— Въ вашихъ словахъ противорѣчіе, madame, такое рѣшительное недовѣріе уже заключаетъ въ себѣ зерно вѣры. Но дѣло не въ этомъ, madame, потому что все это пустяки... Не такъ ли, Симонъ Денисычъ?

— О, совершенно вѣрно, Юрій Петровичъ,—торопливо соглашался Мостовъ, размахивая руками.—Я не понимаю, зачѣмъ Леренька такъ безпокоитъ себя... Именно, какъ вы изволили сказать, Юрій Петровичъ, произошло недоразумѣніе, и я увѣренъ, что все должно устроиться.

— Да, да,—авторитетно поддакивалъ Доганскій, закладывая ногу на ногу.

Калерія Ипполитовна, прищуривъ глаза, внимательно разсматривала

своего гостя, который казался ей такимъ маленькимъ-маленькимъ и такимъ ничтожнымъ вмѣстѣ съ своими длинными ногами, испаньолкой, улыбавшимися сѣрыми глазами и подвижною, вытянутою, никогда ничего не выражавшею физіономіей. Къ какой національности принадлежалъ Доганскій, сколько было ему лѣтъ, въ какомъ положеніи находились его дѣла,—все это составляло, впрочемъ, неразрѣшимую загадку для всѣхъ его знакомыхъ, которые, впрочемъ, не особенно интересовались его генеалогіей. Калерія Ипполитовна слишкомъ давно и слишкомъ хорошо знала Доганскаго, чтобы стараться разгадать эту живую загадку, и теперь машинально разсматривала его длинныя кисти рукъ съ напружившимися синими жилами, длинное нерусское лицо съ развитою нижнею челюстью, открытый, немного сдавленный на вискахъ лобъ, вытянутый носъ, вѣчную улыбку на широкихъ поблекшихъ губахъ. Въ костюмѣ и манерѣ себя держать у Доганскаго совмѣщалось нѣсколько человѣкъ: аристократъ съ англійскою складкой, отставной красавецъ изъ цирковыхъ наѣздниковъ, биржевой заяцъ, жуиръ и т. д.

— Это все напуталъ этотъ вашъ Богомоловъ,—продолжалъ Доганскій, раскуривая сигару.—А я что же? Я узналъ все это уже послѣ всѣхъ, когда дѣло было совершенно непоправимо.

— Однако этотъ Богомоловъ теперь вашъ лучшій другъ?—прервала его Калерія Ипполитовна съ нетерпѣливымъ жестомъ.—Тоже, вѣроятно, недоразумѣніе?.. Ахъ, Юрій Петровичъ, я думала гораздо лучше о васъ, именно настолько лучше, что вы не рѣшитесь сваливать собственную вину на перваго попавшагося подъ руку человѣка.

— Я?.. Калерія Ипполитовна, неужели вы могли подумать такъ обо мнѣ? Что я такое во всемъ этомъ дѣлѣ, если разобрать серьезно? Полное ничто... Евстафія Платоныча считаютъ всѣ безхарактернымъ, слабымъ человѣкомъ, а попробуйте сломить его, когда онъ заупрямится! Такъ и въ этомъ дѣлѣ: Богомоловъ какими-то путями пробрался къ Евстафію Платонычу, ну, и устроилъ такъ, что я уже ничего не могъ сдѣлать для васъ.

— Послушайте, будетъ ужъ разсказывать эти сказки, — обрѣзала Калерія Ипполитовна, поднимаясь съ мѣста.—Я не понимаю только одного, что заставляетъ васъ разыгрывать предо мной всю эту жалкую комедію... чтобы не сказать больше?

— Что заставляетъ? Моя полная невинность, madame, въ которой вы убѣдитесь, можетъ-быть, скорѣе, чѣмъ можно предположить по теоріи вѣроятности.

— Именно? Право, къ вамъ, Юрій Петровичъ, не идетъ совсѣмъ этотъ трагическій тонъ... Вы что-то хотѣли сказать, кажется?

— Да... я хотѣлъ сказать вамъ пока только то, что вы въ моей невинности убѣдитесь въ очень непродолжительномъ времени, когда *мой новый* другъ Богомоловъ замѣнитъ меня Евстафію Платонычу во всѣхъ отношеніяхъ.

— Боже мой, какъ это страшно сказано... ха-ха!—смѣялась Калерія Ипполитовна.—Вы меня пугаете, Юрій Петровичъ!

Доганскій, потирая руки, тоже смѣялся и совершенно другимъ тономъ, тономъ своего человѣка въ домѣ, проговорилъ:

— Послушайте, madame, я ужасно хочу ѣсть... Ну, побранились—и достаточно для перваго раза, нужно же что-нибудь оставить для слѣдующихъ, а пока я даю вамъ честное слово, что все устрою для васъ.

— То-есть?

— Ну, все, что̀ зависитъ отъ меня и что̀ въ состояніи я сдѣлать, не больше. Невозможнаго ни отъ кого нельзя требовать...

— А для васъ самое невозможное—это оставить скверную петербургскую привычку обѣщать все на свѣтѣ, кромѣ того, что̀ дѣйствительно можно сдѣлать,—замѣтила Калерія Ипполитовна, прижимая пуговку электрическаго звонка.

— Однако, чортъ возьми, неужели вы не могли въ Петербургѣ найти ничего хуже этой дыры?—говорилъ Доганскій оглядывая номеръ.—Что̀ стоило обратиться ко мнѣ...

— Никогда этого не было и никогда не будетъ, чтобы мы обратились къ вамъ съ просьбой,—съ гордостью проговорила Калерія Ипполитовна, отпуская лакея съ необходимыми приказаніями относительно завтрака.—А въ особенности теперь, когда вы даже не хотите сознаться въ собственной винѣ...

— Нѣтъ, это уже слишкомъ, чортъ возьми!—весело крикнулъ Доганскій, чувствуя начинающееся отпущеніе прегрѣшеній.—Заставлять человѣка взваливать на себя несуществующія преступленія—это, воля ваша... я даже не умѣю назвать это, Калерія Ипполитовна.

Мостовъ, когда рѣчь зашла о завтракѣ, совсѣмъ успокоился и теперь только улыбнулся, многозначительно поглядывая то на жену, то на гостя: онъ отлично зналъ, что ѣда предвѣщала хорошій исходъ и гроза минуетъ сама собой. Въ ожиданіи завтрака Доганскій разспрашивалъ Калерію Ипполитовну о томъ впечатлѣніи, какое на нее произвелъ Петербургъ.

— Очень хорошее,—говорила Мостова съ дѣланымъ равнодушіемъ.—Много новыхъ блестящихъ построекъ, еще больше блестящихъ магазиновъ, богатыхъ экипажей, богатыхъ людей, и все это новое съ иголочки, такъ что невольно чувствуешь себя вдвое старѣе рядомъ съ этими новостями. Вдобавокъ боишься въ чужомъ домѣ ротъ раскрыть со своимъ сибирскимъ говоромъ, особенно я боюсь за Юленьку... Мы свое, худо ли, хорошо ли, прожили, а ей еще нужно жить.

— У васъ сегодня какое-то похоронное настроеніе,—вмѣшался Доганскій.—Кстати, что̀ же я не вижу ma belle Julie?

— Она у maman гоститъ...

— Какъ жаль, что я не увижу ея... Мы съ ней были всегда друзьями,—отвѣчалъ Доганскій, не замѣчая строгой мины хозяйки.—Кстати, Калерія Ипполитовна, куда вы думаете помѣстить Julie, то-есть въ какой пансіонъ или институтъ?

— Право, я еще не успѣла подумать объ этомъ... Пока своего дѣла по горло,—уклончиво отвѣчала Мостова.—Сама я очень плохая воспитательница!

— Позвольте не согласиться съ послѣднимъ.

— Ахъ, пожалуйста, избавьте меня отъ комплиментовъ.

За завтракомъ Доганскій, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ болтать о всевозможныхъ пустякахъ; онъ любилъ пить черный кофе изъ маленькой чашки и теперь прихлебывалъ его аппетитными маленькими глотками.

„Что̀ этому отвратительному чудовищу нужно отъ меня?—думала Калерія Ипполитовна, разсматривая своего гостя съ боку.—Ужъ не даромъ онъ вертится, какъ ртуть“.

Перебирая въ умѣ все, чего могъ пожелать Доганскій, Калерія Ипполитовна приходила въ окончательное недоумѣніе: сегодняшній визитъ Юрія Петровича и его необыкновенная любезность просто сбивали ее съ толку.

„Можетъ-быть, въ немъ проснулась совѣсть,—подумала Калерія Ипполитовна.

литовна и сама улыбнулась своему ребячеству.—Развѣ у такихъ людей когда-нибудь бываетъ совѣсть?“

— Вы чему это улыбаетесь, madame?—освѣдомился Доганскій, поймавъ улыбку Калеріи Ипполитовны.

— Я?.. Ахъ, да, я подумала о томъ, какъ иногда бываютъ любезны люди, которымъ все на свѣтѣ трынъ-трава.

— Еще разъ, madame, вы ошибаетесь, если это относится ко мнѣ.

— Зачѣмъ такъ много думать о своей особѣ, Юрій Петровичъ? Неужели, если думать, такъ можно только думать о васъ...

— Ахъ, да, я и забылъ: вы все еще сердитесь, а всѣ люди въ этомъ состояніи рѣдко бываютъ справедливы.

— Что же дѣлать? Не всѣмъ выпадаетъ такое голубиное сердце, какъ ваше.

На прощанье, когда Калерія Ипполитовна вышла провожать Доганскаго въ переднюю, онъ быстро схватилъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ.

— Вы видите предъ собой несчастнаго человѣка, который проситъ пощады,—прошепталъ Доганскій.

— Не вѣрю... ничему не вѣрю!—отвѣтила вслухъ Калерія Ипполитовна, отрицательно покачивая головой.

Она стояла въ передней еще нѣсколько времени послѣ того, какъ шаги Доганскаго уже замерли въ коридорѣ; ее жегъ поцѣлуй этого Іуды, для котораго она еще такъ недавно была готова на все... Недавно!.. Нѣтъ, Боже мой, какъ это было давно, такъ давно, точно Калерія Ипполитовна была совсѣмъ другая женщина, которая могла вѣрить Доганскому, могла его любить. Да, она его когда-то любила и теперь сама не узнавала себя.

— Леренька, что это ты стоишь тамъ?—окликнулъ жену Мостовъ.

— Я?.. Ахъ, отстань, ради Бога...

Пошатываясь, она побрела за перегородку и бросилась на постель, чтобы скрыть душившія ее слезы. Ей было совѣстно передъ простоватымъ мужемъ, который былъ настолько довѣрчивъ и глупъ, что даже обманывать его было скучно, онъ одинъ любилъ ее. Боже мой! Доганскій, навѣрно, все разсказалъ Сусаннѣ, и эта бухарская змѣя теперь торжествуетъ двойную побѣду,—но нѣтъ, она отмститъ за себя, о, она сумѣетъ отмстить за себя и будетъ жить для этого. Дальше думала Калерія Ипполитовна о своей Юленькѣ, и ее заставило снова краснѣть то участіе, которое неизмѣнно высказывалъ къ Юленькѣ Доганскій: это чудовище осмѣливалось считать Юленьку своею дочерью.

„Зачѣмъ однако онъ пріѣзжалъ?“ — спрашивала себя Калерія Ипполитовна въ сотый разъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Меблированныя комнаты Зинаиды Тихоновны Квасовой находились на Вознесенскомъ проспектѣ, между Казанской и Офицерской улицами. Мѣсто было хотя и удаленное отъ главнаго центра, но достаточно бойкое, и Зинаида Тихоновна всѣмъ новымъ жильцамъ считала своимъ долгомъ объяснить, что „это только кажется, что будто далеко, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ рукой подать хоть до чего угодно“.

— По Казанской прошелъ—сейчасъ Невскій,—говорила Зинаида Тихоновна, дѣлая соотвѣтствующій случаю жестъ своею полною бѣлою рукою.—А главное, тіятры близехонько: завернулся по Офицерской—и въ тіятрѣ. Всѣ господа даже очень довольны остаются, потому что здѣсь и пѣшкомъ можно дойти; глядишь, полтина и въ карманѣ. Да-съ...

Впрочемъ, Зинаида Тихоновна была настолько обстоятельная и приличная женщина, что нисколько не навязывалась со своими номерами, какъ, по ея убѣжденію, дѣлали другія содержательницы chambres garnies. Главное, чтобы все было по-благородному; это было величайшею слабостью почтенной Зинаиды Тихоновны, потому что она и себя считала благородной, хотя въ паспортѣ прописана была просто кронштадтскою дѣвицей мѣщанскаго званія. Высокая, полная, съ красивымъ русскимъ лицомъ, Квасова была еще женщина „совсѣмъ въ порѣ“, какъ говорятъ свахи, хотя въ отяжелѣвшей, развалистой походкѣ и общемъ ожирѣніи сказывалась уже пожившая женщина. Одѣвалась она по модѣ и притомъ въ темные цвѣта, умѣла держать себя, но передѣлать свое мѣщанское произношеніе была не въ силахъ и говорила „тіятръ“, „ушедчи“, „пришпехтъ“ и т. д. Въ ранней юности Квасова попала въ Петербургъ цвѣточницей, гдѣ и прошла очень тяжелую школу въ одномъ „заведеніи искусственныхъ цвѣтовъ“ на Большой Садовой. Репутація этой профессіи хорошо извѣстна, и Зинаида Тихоновна еще худенькою, не сложившеюся дѣвочкой-подросткомъ уже познакомилась со всѣми тонкостями грошовыхъ танцклассовъ, маскарадовъ и разныхъ шато де-флеръ, гдѣ, между прочимъ, сошлась съ однимъ ласковымъ старичкомъ, который окончательно устроилъ ея судьбу. Живя съ этимъ обожателемъ, Квасова выровнялась, пополнѣла и понемногу забрала лакомаго грѣховодника въ свои мягкія руки. Эта связь съ нимъ кончилась тѣмъ, что послѣ смерти старичка Зинаида Тихоновна открыла свои меблированныя комнаты и зажила уже вполнѣ честно и благородно, настоящею дамой, и не любила распространяться о своемъ прошломъ.

Но, несмотря на все желаніе быть настоящею дамой, у Зинаиды Тихоновны сохранилось много мѣщанскаго и кромѣ произношенія. Такъ, она не пропускала ни одного аукціона и вообще продажи по случаю, гдѣ накупала всякой дряни, любила иногда побаловаться простою мѣщанскою пищею—щами съ кашей изъ толстой крупы съ коноплянымъ масломъ, рѣдькой и т. д., не прочь была напиться кофе съ какою-нибудь забвенною старушкой прямо въ кухнѣ, любила слушать сплетни своихъ кліентокъ и вообще знала подноготную своего околотка вполнѣ основательно. Особенно проявлялась мѣщанская складка въ характерѣ Зинаиды Тихоновны, когда вопросъ заходилъ о нарядахъ и чисто-женскомъ превосходствѣ. Быть лучше одѣтой, чѣмъ другіе, пользоваться извѣстнымъ почетомъ—это, впрочемъ, недостатки слишкомъ общіе, и Зинаидѣ Тихоновнѣ часто приходилось расплачиваться за нихъ, потому что разные льстивые и покладистые люди постоянно эксплоатировали ее.

— И знаю, что въ глаза мнѣ врутъ, а ужъ сердце у меня такое,—объясняла она, когда ей за ея добро платили самою черною неблагодарностью.— Что же, миленькій, дѣлать, за нами бы чужое не пропадало... Кривдой-то немного проживешь!

За всѣмъ тѣмъ, Зинаида Тихоновна была очень добрая и даже чувствительная женщина, говорившая всѣмъ, что надо жить по совѣсти и по человѣчеству. Особенно хорошо умѣла говорить она слова: „миленькій“ и „голубчикъ“, причемъ даже закатывала свои каріе ласковые глазки.

Въ своихъ меблированныхъ комнатахъ Зинаида Тихоновна ютила всякую родню, благо работы было на всѣхъ, начиная отъ швейцара Артемія и кончая распослѣднимъ кухоннымъ мужикомъ, или, какъ говорила Зинаида Тихоновна кухольный. Горничная Людмила приходилась ей троюродною племянницей, лакей Иванъ, пьяница и грубіянъ, внучатнымъ племянникомъ, упомянутый швейцаръ Артемій, человѣкъ гордый и завистливый, какимъ-то очень мудренымъ родственникомъ и т. д. Отъ этой родни Зинаидѣ Тихоновнѣ доставалось особенно горько, потому что для кого же больше и сдѣлать, какъ не для своей родни, а между тѣмъ эта самая родня поголовно оказывалась самою неблагодарной. Возьметъ Зинаида Тихоновна какого-нибудь родственника прямо съ улицы, обуетъ, одѣнетъ, накормитъ, обогрѣетъ и къ мѣсту пристроитъ, а родственникъ въ отплату начинаетъ разныя пакости учинять: пьянствуетъ, грабитъ, разстраиваетъ жильцовъ и прислугу, распускаетъ самыя невѣроятныя сплетни про Зинаиду Тихоновну и т. д. Замѣчательно было то, что черезъ руки Зинаиды Тихоновны прошли цѣлые десятки такихъ милыхъ родственниковъ, и все-таки она не могла прогнать отъ себя голоднаго и холоднаго человѣка и даже надѣялась, что вотъ этотъ-то и не будетъ такой, какъ другіе, какъ тотъ же швейцаръ Артемій, котораго она собиралась смѣнить за грубость и разныя неподобныя дѣла въ теченіе семи лѣтъ чуть не каждый день, или этотъ горькій пьяница лакей Иванъ, или неблагодарная горничная Людмила. Случалось такъ, что Зинаида Тихоновна даже плакала отъ человѣческой несправедливости, но потомъ опять примирялась со своею судьбой, хотя клялась всѣми святыми, что это ужъ въ послѣдній-распослѣдній разъ, и что ежели да она еще возьметъ хоть одного родственника или родственницу, то пусть у ней, Зинаиды Тихоновны, отсохнетъ рука и нога.

— А я такъ полагаю въ своихъ мысляхъ, Зинаида Тихоновна,—говорила не разъ одна разбитная сваха съ Васильевскаго острова,—что по вашему золотому сердцу прямо быть бы вамъ въ генеральшахъ... Да и теперь-то чѣмъ ты хуже другой генеральши? Какъ надѣнешь соболью шубу да прифрантишься, да какъ павой пройдешь по улицѣ,—графиня, мать моя!..

Иногда, въ минуты душевнаго разслабленія, и сама Зинаида Тихоновна начинала думать на тему, отчего въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться ей генеральшей, но дѣйствительность отрезвляла ее, потому что вѣдь и генералы есть такіе прохвосты, что не радъ жизни будешь. Зинаида Тихоновна наглядѣлась-таки довольно на своемъ вѣку на всякихъ господъ, и у ней выработалось то скептическое отношеніе къ людямъ, какимъ отличаются всѣ столичные обыватели, хотя въ ней этотъ скептицизмъ уживался рядомъ съ чисто-бабьей простотой, поддававшейся на самую грубую лесть, едва сшитую живыми нитками.

Появленіе Мостовыхъ въ меблированныхъ комнатахъ Квасовой произвело нѣкоторую сенсацію, какъ рожденіе ребенка въ большой семьѣ.

— Ужъ не очень-то я люблю пускать къ себѣ женатыхъ, да, видно, дѣлать нечего,—откровенно объяснила Зинаида Тихоновна, когда къ ней пріѣхалъ для предварительныхъ переговоровъ Покатиловъ.—То ли дѣло холостой человѣкъ... А какъ заведутся эти дамы и начнутъ всякій уголъ обнюхивать, да фыркать, какъ кошки... Извините ужъ меня, Романъ Ипполитычъ, я прямо вамъ говорю, потому вы все равно, что свой человѣкъ... Для васъ только и пущаю, потому какъ ваша сестрица.

— Да вѣдь у васъ живетъ же эта дама съ дочерью?

— Урожденная княжна Несмѣлова-Щурская? А это другой разговоръ...

Конечно, она живетъ съ дочерью и сама настоящая дама, только вѣдь это какая дама... этакихъ съ огнемъ поискать! Живетъ, какъ въ кельѣ: все книжку съ дочерью вмѣстѣ читаютъ или на фортепіанахъ разыгрываютъ, да когда-когда развѣ въ тіятръ соберутся.

Явившись осмотрѣть свой номеръ, Калерія Ипполитовна держала себя съ большимъ гономъ. Во-первыхъ, было всего четыре комнаты, во-вторыхъ, окна выходили на сѣверъ, въ-третьихъ, по угламъ отстали обои въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, значитъ, зимой бываетъ сыро, и т. д.

— Но вѣдь мы только пока,—величественно объяснила Калерія Ипполитовна, ревизуя всѣ тонкости.—Романъ, вѣроятно, предупредилъ васъ объ этомъ?

— Да, Романъ Ипполитычъ разсказывали,—отвѣчала Зинаида Тихоновна съ скромнымъ достоинствомъ.—Конечно, гдѣ же вамъ обзаводиться въ столицѣ всѣмъ хозяйствомъ, когда вы и всего-то проживете здѣсь, можетъ-быть, безъ году недѣлю? Заводись, а потомъ все бросай, да и дороговизна нынче на все страшная.

— Мы въ Петербургѣ только на время... Мужъ не совсѣмъ здоровъ, да еще вотъ дочь необходимо воспитывать,—объясняла Калерія Ипполитовна, машинально повторяя свою стереотипную ложь, которая была придумана для знакомыхъ.—Мы у васъ, можетъ-быть, и столъ будемъ брать, если зажимемся дольше, чѣмъ предполагаемъ теперь.

Въ цѣнѣ вышла маленькая размолвка, пока стороны не сошлись на семидесяти рубляхъ за четыре комнаты въ мѣсяцъ, хотя Зинаида Тихоновна клялась, что раньше этотъ номеръ всегда ходилъ по сту рублей.

„Прижимистая ты баба, вижу я,—думала про себя Зинаида Тихоновна,—тоже спускать ежели вашему брату, такъ сама съ кошелемъ находишься“.

— Такъ вы ужъ такъ и знайте, что мы на время,—еще разъ предупредила Калерія Ипполитовна на прощанье.—Конечно, четыре комнаты для насъ маловато, но какъ-нибудь потѣснимся пока. Самое большое, если мы проживемъ до масленицы, чтобы уѣхать отсюда по послѣднему зимнему пути.

— Хорошо, хорошо, какъ знаете, я никого не неволю,—соглашалась на все Зинаида Тихоновна, сдерживая вертѣвшееся на языкѣ ядовитое словечко.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы на время сюда пріѣзжаете!—роптала Зинаида Тихоновна, оставшись одна.—Погоди, матушка, лишній-то жиръ спустишь здѣсь, такъ шелковая будешь. Да я бы еще и не пустила васъ, если бы не Романъ Ипполитычъ просилъ, потому какъ я ихъ давно и очень хорошо знаю: они настоящій баринъ и даже очень много добра дѣлаютъ моему-то капитану. Охъ, ужъ этотъ мнѣ капитанъ, а куда его дѣнешь?..

Зинаида Тихоновна говорила почти правду, потому что имѣла въ виду угодить Покатилову, который покровительствовалъ ташкентскому капитану въ редакціи „Искорокъ“. Высшею похвалой на языкѣ Зинаиды Тихоновны былъ эпитетъ: „добрый“, и ее всего легче ловили разные родственники и кліенты именно на эту удочку. Положеніе капитана Пухова въ меблированныхъ комнатахъ Квасовой было обставлено совершенно исключительными условіями; благодаря этимъ условіямъ, предъ капитаномъ преклонялся даже самъ швейцаръ Артемій, отчаянный „заѣдуга“ и „злыдня“, какъ его величали всѣ жильцы и сама хозяйка. Капитанъ явился въ меблированныя комнаты какъ-то совершенно неожиданно, выбралъ себѣ номеръ и сейчасъ же сдѣлался своимъ человѣкомъ, точно онъ здѣсь всегда жилъ. Онъ рѣдко въ срокъ платилъ за квартиру, грубилъ хозяйкѣ, усчитывалъ прислугу и вообще держалъ себя на

правахъ маленькаго хозяина, и все это ему сходило съ рукъ. Швейцаръ Артемій, изъ отставныхъ солдатъ, весь бѣлый, какъ яблочный червякъ, уважалъ капитана по старой солдатской замашкѣ, какъ офицера, а потомъ—за простоту; сама Зинаида Тихоновна спускала многое капитачу, потому что онъ являлся тѣмъ „мужчиной“, къ которому она могла прибѣгнуть за покровительствомъ и защитой въ критическіе моменты.

— Въ этакомъ-то дѣлѣ безъ мужчины гдѣ же управиться по нашему бабьему положенію,—объясняла Квасова,—а теперь только скажу капитану, да онъ всѣхъ вверхъ дномъ поставитъ... Военная косточка, шутить не любитъ.

За капитаномъ такъ и установилась эта репутація грозы всего заведенія, какъ-то странно уживавшаяся съ капитанскою добротой, и даже прислуга, когда происходили взаимныя недоразумѣнія, всегда послѣднимъ аргументомъ выставляла имя капитана: „Ужо вотъ скажу капитану, такъ онъ тѣ задастъ... Онъ вѣдь не свой братъ, капитанъ-отъ!“. Къ этой угрозѣ прибѣгала даже сама Зинаида Тихоновна, когда хотѣла привести кого-нибудь изъ своихъ жильцовъ въ полное отчаяніе. А главное, она могла постоянно обращаться къ капитану за совѣтами, это было для нея необходимо, какъ воздухъ, потому что „мужчины“ и пр. Капитану приходилось рѣшать даже такіе запутанные вопросы, какъ выборъ матеріи на платье, заготовка овощей, разныя тонкости внутренней политики, истолкованіе сновъ и даже лѣченіе домашними средствами отъ разныхъ недуговъ. Конечно, злые языки изъ такого исключительнаго положенія капитана создавали самыя некрасивыя объясненія. Интимность капитана и Зинаиды Тихоновны трактовалась на тысячи ладовъ, особенно за предѣлами меблированныхъ комнатъ, причемъ всѣ повторяли, что „ничего, капитанъ ловко обдѣлываетъ свою сударушку“ и т. д. Эти слухи доходили и до капитана и каждый разъ приводили его въ бѣшенство, онъ клялся всѣми богами разорвать на части перваго, кто осмѣлится сказать что-нибудь „сумлительное“ про Зинаиду Тихоновну.

Отношенія капитана къ дочери Сусаннѣ Квасова, конечно, знала изъ первыхъ рукъ, и это обстоятельство поднимало въ ея глазахъ капитана на необыкновенную высоту, потому что чего стоило капитану смотрѣть на дочь, какъ всѣ другіе, и онъ катался бы, какъ сыръ въ маслѣ. Мѣщанская душа Зинаиды Тихоновны инстинктивно чувствовала, что есть какая-то другая, высшая мѣра вещей, чѣмъ та, которой руководилась въ жизни даже она, и что есть люди, которые стоятъ выше обычныхъ условій мѣщанскаго счастья. Даже самое слово „свинство“, которое капитанъ любилъ употреблять въ минуты душевныхъ волненій, нагоняло на нее какой-то дѣтскій страхъ, потому что Зинаида Тихоновна чувствовала за собой многое, что̀ подходило подъ это слово, конечно, глядя съ капитанской точки зрѣнія.

— Ужъ и не знаю, какъ мнѣ и быть: пустить-то я пустила Мостовыхъ, а только не по душѣ мнѣ эта самая барыня,—жаловалась Зинаида Тихоновна, призвавъ къ себѣ капитана на стаканъ кофе.—Теперь у насъ, слава Богу, все тихо и мирно, не могу пожаловаться на прочихъ жильцовъ, а тутъ еще неизвѣстно, что̀ будетъ.

Капитанъ крутилъ и дергалъ свои усы, хмурился и наконецъ не вытерпѣлъ; стукнувъ по столу кулакомъ, онъ, по обыкновенію, закричалъ:

— Терпѣть не могу этого притворства!.. Ну, пустила и конецъ дѣлу. Не понравились—прощайте. Кажется, коротко и ясно, такъ нѣтъ, нужно напустить на себя это самое сиротство, нужно стонать да плакать... Тьфу! Мнѣ

Калерія Ипполитовна вотъ гдѣ сидитъ (капитанъ показалъ на затылокъ), а вѣдь я не жалуюсь... Понимаете, не жалуюсь... Такъ-то-съ, сударыня-съ..

— Ужъ пошелъ, порохъ!... Да вѣдь я къ тому сказала, что послѣ этакого вольнаго житья этой Калеріи Ипполитовнѣ, пожалуй, не понравится у насъ; ну, будетъ прислугу разстраивать, да и другихъ жильцовъ на сумлѣніе наведетъ.

— Конечно, гдѣ же имъ такъ жить, какъ на заводахъ?—согласился капитанъ, утишая свой духъ.—Нужно пятнадцать тысячъ годового дохода... да-съ. Министерская квартира, двѣнадцать человѣкъ прислуги... хе-хе!.. Однѣхъ горничныхъ у Калеріи-то Ипполитовны было цѣлыхъ четыре да пятая нянька-старуха. По-княжески жили, однимъ словомъ... А самъ-то Мостовъ ничего, смирнѣе курицы и очень порядочный человѣкъ.

— Его-то я мелькомъ видѣла... Старичкомъ ужъ выглядитъ, а такъ ничего, сбходительный человѣкъ, видно, что съ понятіемъ. Ну, да все это ничего, уладимся какъ-нибудь, а вотъ сонъ нехорошій видѣла, капитанъ, такой особый сонъ, будто бѣгу я на гору, тороплюсь, а гора все растетъ, все растетъ, а другіе всѣ такъ меня обгоняютъ, даже обидно сдѣлалось, а потомъ Романа Ипполитыча видѣла, и тоже какъ будто нехорошо...

— Кровь васъ душитъ, сударыня, вотъ вамъ горы-то и представляются,— коротко рѣшилъ капитанъ.—Это отъ комплекціи случается.

— Тьфу ты, окаянный... и скажетъ только!—отплевывалась Зинаида Тихоновна съ благочестивымъ ужасомъ.—Да что я, развѣ какая-нибудь... Обыкновенно, женщина въ порѣ, не перестарокъ какой... Ужъ только и скажетъ!

Зинаида Тихоновна даже сочла долгомъ обидѣться, хотя шутки капитана каждый разъ заставляли ее пріятно волноваться, потому что, стараясь быть настоящею дамой, Зинаида Тихоновна не могла окончательно отрѣшиться отъ разныхъ бабьихъ слабостей.

Какъ у всѣхъ одинокихъ женщинъ, у Зинаиды Тихоновны была настоящая страсть къ чужимъ дѣламъ, особенно къ разнымъ семейнымъ исторіямъ, а теперь ея вниманію предстояло распутать громадное дѣло, въ которомъ переплетены были имена Мостовыхъ, Доганскихъ, Теплоухова и капитана.

„Изъ-за чего-нибудь да не даромъ Сусанна Антоновна смазала Калерію-то Ипполитовну,—соображала Квасова, увлекаясь представившеюся головоломною задачей.—Конечно, мужчины ничего не понимаютъ въ этихъ дѣлахъ, а ужъ тутъ не просто. Да и Калерія Ипполитовна тоже женщина гордая, не попустится, пожалуй. Это даже хоть до кого доведись“.

Это обстоятельство входило въ число хозяйственныхъ соображеній, когда Зинаида Тихоновна пускала Мостовыхъ въ свои номера.

II.

Когда Мостовы переѣхали на новую квартиру, „короли въ изгнаніи“ отлично знали всю ихъ біографію, конечно, съ необходимыми комментаріями и поэтическими вставками, какія неизбѣжно дѣлаются въ такихъ случаяхъ даже самыми добрыми людьми. Разносчиками этихъ вѣстей главнымъ образомъ служила, конечно, прислуга, а потомъ сама хозяйка.

„Снѣжный генералъ“ Барчаниновъ, одолѣвавшій своими проектами о снѣговыхъ укрѣпленіяхъ редакціи всѣхъ газетъ, журналовъ и спеціальныхъ изданій, узналъ исторію новыхъ жильцовъ, кажется, первый, когда швейцаръ

Артемій принесъ ему вычищенные сапоги. Обыкновенно Артемій держалъ у себя генеральскіе сапоги по недѣлямъ, а тутъ вычистилъ ихъ сейчасъ же, явился въ номеръ къ генералу и торжественно поставилъ ихъ посрединѣ комнаты. Сапоги блестѣли, какъ полированные, а генералъ, пившій съ газетой чай, милостиво кивнулъ вѣрному слугѣ, но Артемій оставался на прежнемъ мѣстѣ и нерѣшительно переминался съ ноги на ногу.

— Ты, любезный, кажется, что-то имѣешь сказать?—предупредилъ его генералъ, складывая газету.

— Да такъ-съ, ваше превосходительство... жильцы у насъ новые,—таинственно доложилъ Артемій, понижая голосъ до шопота.—Симонъ Денисычъ Мостовъ, бывшій главный управляющій на Заозерскихъ заводахъ г. Теплоухова... двѣнадцать тысячъ жалованья получали при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи, двѣнадцать человѣкъ прислуги держали и прочее въ этомъ родѣ. Они, значитъ, съ женой и съ дочерью и прислуга при нихъ, какая-то старушонка. Очень богатые-съ... тысячъ пятьдесятъ одного капиталу имѣютъ, окромѣ разныхъ другихъ предметовъ.

— Ну-съ, и что же изъ этого слѣдуетъ?—внушительно спросилъ генералъ, поднимая свои брови.

— Да ничего-съ, а я только пришелъ доложить вашему превосходительству,—продолжалъ Артемій, дѣлая безнадежно-глупое лицо.—Конечно, Зинаида Тихоновна мнѣ родственница, а я, ваше превосходительство, прямо скажу, что эти жильцы не по насъ... противъ шерсти, значитъ, потому какъ при этакомъ капиталѣ гдѣ же на нихъ угодить...

— Послушай, любезный, ты знаешь, что я не выношу подобныхъ др[illegible],— растягивая слова, проговорилъ генералъ,—потому я прошу тебя, люб[illegible] разъ и навсегда избавить меня отъ подобныхъ разговоровъ. Это не мо[illegible].

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство... Виноватъ... А я тольк[illegible] тому сказалъ, что Зинаида Тихоновна, хоша она мнѣ и родственница, а...

— Убирайся вонъ!—крикнулъ генералъ настолько громко, что Артемій выпятился въ дверь сейчасъ же.

Эта сцена, съ небольшими варіаціями, повторилась въ квартирѣ отставного штыкъ-юнкера Падалко, съ которымъ Артемій разговаривалъ уже совсѣмъ смѣло и подъ пьяную руку часто даже грубилъ.

— Говоришь, у нихъ дочь?—спрашивалъ Падалко, приглаживая свою лысѣвшую голову.— А большая она?

— Да такъ лѣтъ пятнадцать, поди, будетъ, ваше блаародіе,—рапортовалъ Артемій съ тою особенною кривою улыбочкой, съ какой говорилъ о прекрасномъ полѣ.—Того гляди заневѣстится...

— И хорошенькая?

— Ничего-съ... въ настоящей комплекціи, антикъ съ гвоздикой. Вотъ бы вашему блаародію самая подходящая статья, потому пятьдесятъ тысячъ не баранъ чихалъ.

— Ну, братецъ, мнѣ на деньги наплевать,—задумчиво отвѣчалъ Падалко, начиная ходить по комнатѣ.—У меня дѣло на-дняхъ окончательно вырѣшится, а тутъ вѣрныхъ полтораста тысячъ... Понялъ? Я единственный наслѣдникъ послѣ бабушки.

— Ужъ это на что лучше, ваше блаародіе, а все-таки этакой шманкухенъ не скоро сыщешь.

— Ахъ, ты, шельма этакая... Еще и „шманкухенъ“ знаетъ!.. Ха-ха...

Приземистый, сухой, со впалою чахоточною грудью, Падалко вѣчно хо-

дилъ по своему номеру и не выпускалъ изо рта дешевой рижской сигары; за это вѣчное хожденіе онъ былъ извѣстенъ у прислуги подъ названіемъ „маятника“. Лицо у него было круглое, желтое, съ черными безпокойными глазками и съ вытянутыми шильцемъ черными усиками. Двигался онъ вообще необыкновенно быстро, сохраняя старую военную выправку. Богатой родни у него было полъ-Петербурга, но онъ жилъ крайне скромно и почти нигдѣ не бывалъ.

„А чортъ возьми, дѣйствительно лакомый кусочекъ!—думалъ Падалко, обсуждая про себя принесенное Артеміемъ извѣстіе.—Ежели къ полуторастамъ тысячъ моего наслѣдства прибавить невѣсту съ пятьюдесятью тысячами приданаго, это ужъ будетъ цѣлый кушъ“.

Все свободное время Падалко тратилъ на примѣрныя смѣты того, какъ онъ распорядится съ наслѣдствомъ: сто тысячъ въ банкъ, а пятьдесятъ тысячъ на обстановку. Эта обстановка для него заключалась, главнымъ образомъ, въ охотѣ: коллекція ружей всякихъ мастеровъ—Пюрде, Ричардса. Лебеды, Пипера,—потомъ свора собакъ, егеря.

— Да, чортъ возьми, можно было бы лихо поработать: въ Малороссіи стрѣлять дрофъ, на Кавказѣ фазановъ и кабановъ, на Уралѣ оленей и медвѣдей, даже въ Ташкентъ можно будетъ забраться, чтобы устроить охоту на тигра.

Пятьдесятъ тысячъ приданаго будущей невѣсты придали новый блескъ этимъ радужнымъ мечтамъ, и цѣлую ночь Падалко травилъ необыкновенно матераго волка гдѣ-то въ Саратовской губерніи.

Пьяница Иванъ, „отвѣчавшій за лакея“ въ меблированныхъ комнатахъ Зинаиды Тихоновны, разнесъ новость остальнымъ жильцамъ: бывшему заводчику Радлову, двумъ инженерамъ безъ мѣста, комиссіонеру Грибелю и ex-пѣвцу Микучевскому. Рослый и горластый Радловъ, настоящій помѣщичій выкормокъ, держалъ себя ландлордомъ въ меблированныхъ комнатахъ; онъ одѣвался всегда по послѣдней англійской модѣ, носилъ длинные, глухіе сюртуки, цвѣтные галстуки и англійскій проборъ. У Радлова гдѣ-то были какіе-то заводы, но они ушли съ молотка, а онъ теперь „вынашивалъ“, какъ онъ самъ выражался, проектъ соединенія бассейновъ Печоры и Оби линіей желѣзной дороги. Концессія на эту дорогу должна была обогатить его, и это было только „вопросомъ времени“. Два инженера, занимавшіе одну комнату, служили гдѣ-то въ Восточной Сибири, имѣли теплыя мѣстечки, лишились ихъ по какимъ-то интригамъ, и на этомъ основаніи одинъ изъ нихъ хлопоталъ объ отведеніи себѣ участка въ „керосиновомъ раю“, гдѣ-то въ Бакинской области, а другой не зналъ еще, что выбрать: эксплоатацію сферосидеритовъ въ Новороссіи или разработку каменноугольныхъ залежей на Дону. Одѣвались инженеры чисто, хотя до Радлова имъ было далеко, какъ говорилъ Артемій. Комиссіонеръ Грибель, какой-то безродный нѣмецъ, мечталъ о необыкновенномъ магазинѣ-monstre, который долженъ былъ занять весь четыреугольникъ, образуемый Невскимъ, Караванною улицей, Манежною площадью и Малою Садовою. Грибель исправно каждый день отправлялся осматривать этотъ завѣтный пунктъ и на мѣстѣ нынѣшнихъ домовъ видѣлъ громадный дворецъ изъ желѣза и стекла, съ рядами галлерей, съ пневматическими элеваторами, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ тысячами покупателей. Это чудовище должно было заключать въ себѣ все, начиная съ дѣтскихъ игрушекъ и кончая магазиномъ гробовщика. Пѣвецъ Микучевскій, сухой и желчный южанинъ, не задавался никакими химерами и не обманывалъ себя никакими радужными

мечтами, кромѣ того, что никакъ не могъ переварить театральной дирекціи, загораживавшей ему путь къ несомнѣнному успѣху. Эта коллекція „королей въ изгнаніи“ заканчивалась какимъ-то безыменнымъ грекомъ Ляпидусомъ, который неизвѣстно для какихъ цѣлей добивался открыть какую-то театральную газету.

Извѣстіе о новыхъ жильцахъ взбудоражило всю эту разношерстную толпу, отразившись въ каждомъ по-своему. Радловъ долго разсматривалъ свою физіономію въ зеркало и находилъ, что онъ еще не настолько состарился, чтобы не разсчитывать на успѣхъ у женщинъ, а сто тысячъ приданаго этой Мостовой (Иванъ любилъ эту цифру сто, которая врѣзалась въ его пропитанномъ водкой мозгу съ того времени, какъ передъ самою волей баринъ закатилъ ему сто горячихъ) совсѣмъ не лишнее. Микучевскій цѣлый вечеръ вытягивалъ какое-то неимовѣрно высокое do, совсѣмъ неизвѣстное въ канцеляріи театральной дирекціи. Инженеры сначала долго повѣряли другъ другу свои завѣтныя мечты на самыя лакомыя темы и кончили молчаливою ссорой, какъ умѣютъ ссориться только люди, слишкомъ долго прожившіе съ глазу на глазъ въ одной комнатѣ: каждый подозрѣвалъ другого въ тайномъ намѣреніи ухватить кушъ напередъ. Эта размолвка инженеровъ имѣла своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ груды окурковъ, по которымъ прислуга всегда знала степень взаимной дружбы инженеровъ: когда они ссорились, окурки появлялись въ ужасающемъ количествѣ. Грибель и Ляпидусъ, какъ люди пожившіе, взглянули на дѣло трезвѣе другихъ, хотя проклятая цифра сто тысячъ долго не давала имъ спать.

„Только бы мнѣ заполучить концессію“,—думалъ Радловъ, особенно тщательно расчесывая свои рѣдѣвшіе волосы.

— А вотъ мы посмотримъ, что̀ скажетъ дирекція, когда у меня будетъ сто тысячъ!—говорилъ вслухъ Микучевскій, дѣлая перерывъ своихъ неистовыхъ сольфеджій.—Интересно!

Конечно, исторія паденія Мостовыхъ въ Заозерскихъ заводахъ, связь этой исторіи съ выходомъ замужъ дочери капитана Пухова за Доганскаго, наконецъ тайная политика, съ какой явилась въ Петербургъ Калерія Ипполитовна,—все это сдѣлалось извѣстнымъ „королямъ въ изгнаніи“ какими-то невѣдомыми путями, такъ что они и сами затруднились бы объяснить, откуда могли узнать всѣ эти подробности. Но всѣ меблированныя комнаты устраиваются на одну колодку, а „королямъ въ изгнаніи“ и Богъ проститъ заниматься чужими дѣлами больше, чѣмъ своими.

Отдѣльно отъ другихъ въ номерахъ Квасовой держались двое жильцовъ: урожденная княжна Несмѣлова-Щурская съ дочерью Инной и „спорный заводчикъ“ Мансуровъ, извѣстный въ номерахъ подъ именемъ Ильи Ильича или просто барина. Ни Артемій ни пьяница Иванъ не рѣшались заявиться къ нимъ съ подробнымъ рапортомъ о случившемся событіи, предоставивъ эту завидную роль разбитной горничной Людмилѣ. Это была очень бойкая и развязная особа, видѣвшая, по словамъ Артемія, на два аршина подъ землей; она еще была молода. Артемій, въ видѣ особенной любезности, давалъ ей иногда подзатыльники и постоянно ревновалъ ее къ Ильѣ Ильичу, потому что, по его расчетамъ, Людмила оставалась въ комнатѣ барина дольше, чѣмъ было нужно для уборки этой комнаты.

Прибирая комнату Ильи Ильича, Людмила, какъ бы невзначай, проговорила:

— А къ намъ богатая невѣста переѣхала...

Илья Ильичъ въ это время сидѣлъ въ одномъ халатѣ надъ какимъ-то письмомъ и даже не повернулъ головы, что̀ Людмилу задѣло за живое, и, чтобы подзадорить барина, она ему расписала всю подноготную переѣхавшихъ господъ.

— Отстань, — коротко замѣтилъ Мансуровъ, припоминая, гдѣ онъ слышалъ фамилію Мостовыхъ.—Ахъ, да, о нихъ что-то такое разсказывалъ мнѣ Богомоловъ... да, у нихъ еще какая-то вышла исторія съ Морозъ-Доганскимъ,—припоминалъ Илья Ильичъ.

— А какъ женитесь, баринъ, такъ ужъ меня возьмите въ горничныя,— трещала Людмила, обтирая пыль на письменномъ столѣ. — Я буду во всемъ помогать барынѣ.

Урожденная княжна Несмѣлова-Щурская выслушала болтовню горничной съ недовольной миной, но все-таки выслушала и въ заключеніе пожала своими узкими плечами. Это была высокая и костлявая дама, сильно походившая въ своемъ неподвижномъ величіи на замороженную рыбу; узкое, безцвѣтное лицо съ такими же безцвѣтными глазами дѣлало ее старѣе своихъ лѣтъ, хотя она по институтской выправкѣ всегда держалась на стулѣ прямо, какъ стрѣла, и ходила, даже у себя дома, прижавъ локти къ самой таліи. Дочь Инна была самая несчастная, замуштрованная дѣвушка; она, въ качествѣ послѣдняго отпрыска выродившейся аристократической семьи, въ своемъ худенькомъ семнадцатилѣтнемъ тѣлѣ носила цѣлую коллекцію наслѣдственныхъ болѣзней необыкновенно сложнаго характера. Говорили, что у урожденной княжны есть порядочный капиталъ, и что она жмется въ меблированныхъ комнатахъ Зинаиды Тихоновны только по своей скупости.

— Баринъ-то Мостовъ простой, — докладывала Людмила, — а барыня такая карахтерная, говорятъ...

Въ квартирѣ бывшей княжны Людмила являлась единственнымъ живымъ человѣкомъ, потому что, за исключеніемъ нѣсколькихъ парадныхъ выѣздовъ, эта дама нигдѣ не бывала и у ней рѣдко кто появлялся. Поэтому Инна чувствовала особенную симпатію къ Людмилѣ и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мамаши не было дома, она отводила съ ней душу, повѣряя свои тайны.

— Погодите, барышня, не все же вамъ кинарейкой жить, — говорила Людмила, всегда готовая на интриги и подговоры. — Вотъ ужо подвернется женишокъ, тогда еще поживете въ свою волю.

— Я боюсь, Людмила, этихъ мужчинъ, — задумчиво отвѣчала Инна, разсматривая свои тонкіе пальцы. — Они такъ громко стучатъ ногами и такъ хохочутъ, что maman каждый разъ сердится.

Людмила хохотала и шопотомъ разсказывала барышнѣ про всѣхъ жильцовъ что-то такое, что та начинала краснѣть и опускала глаза.

Въ какихъ-нибудь два дня черезъ эту же самую Людмилу Калерія Ипполитовна знала біографію всѣхъ своихъ сосѣдей до мельчайшихъ подробностей, а также и curriculum vitae самой хозяйки, причемъ Людмила не поскупилась на краски.

— Старика, съ которымъ наша Зинаида жила, она отравила, а деньги стариковы взяла себѣ да на нихъ эти самыя меблированныя комнаты и открыла,—разсказывала Людмила, задыхаясь отъ усердія.—А теперь живетъ съ капитаномъ.

— Съ какимъ капитаномъ? — полюбопытствовала Калерія Ипполитовна.

— Да тутъ есть такой заблудящій капитанъ. Антонъ Терентьичъ Пу-

ховъ... Горькая пьяница этотъ капитанъ, Калерія Ипполитовна, а нашей Зинаидѣ подъ самую стать пришелся.

Людмила разсказывала все это съ такимъ глупымъ лицомъ, что никто бы не заподозрѣлъ ее въ преднамѣренной лжи, а между тѣмъ Людмила отлично знала отношенія Мостовыхъ къ Морозъ-Доганскимъ и что Сусанна дочь Пухова. Это извѣстіе для Калеріи Ипполитовны было непріятною неожиданностью, и она едва сдержалась, чтобы сейчасъ же при горничной не проявить своего гнѣва. Такое близкое сосѣдство капитана Пухова ее не особенно смущало, хотя она и не имѣла особеннаго желанія встрѣчаться съ нимъ, но ее взбѣсило поведеніе милаго братца Романа, который отрекомендовалъ именно эти проклятые номера. Эта невольная ошибка доставила Симону Денисычу прескверный вечеръ, одинъ изъ тѣхъ горячихъ вечеровъ, послѣ которыхъ Калерія Ипполитовна ложилась въ постель, какъ сдѣлала и теперь.

— Это все ты... ты...—шептала Калерія Ипполитовна, обвязавъ голову двумя пуховыми платками. —И Романъ тоже хорошъ... ужъ всѣ эти столичные родственники на одинъ покрой! Отлично устроились, нечего сказать... Вотъ когда попали въ настоящую trou, какъ выражается Юрій Петровичъ.

— Леренька, ради Бога, не волнуйся,—умолялъ Мостовъ, чувствуя за собой всѣ вины. —Вѣдь мы наконецъ не обязаны жить у Квасовой, а можемъ всегда перемѣнить квартиру... Притомъ мы, можетъ-быть, проживемъ въ Петербургѣ всего какой-нибудь одинъ мѣсяцъ. У меня есть надежды.

— И онъ еще говоритъ... онъ говоритъ?! —опять стонала Калерія Ипполитовна, воздѣвая руки къ небу. —Ты несчастіе всей моей жизни... ты погубилъ меня... ты... ты... ты...

Одна непріятность, какъ извѣстно, не приходитъ, и слѣдующимъ номеромъ для Калеріи Ипполитовны явился швейцаръ Артемій. Да, въ жизни слишкомъ много самыхъ нелѣпыхъ столкновеній, которыя просто отравляютъ существованіе, хотя въ сущности, если разобрать дѣло серьезно, такъ и говорить не о чемъ. Ну что такое могъ представлять своей особой для такой дамы, какъ Калерія Ипполитовна, какой-нибудь швейцаръ Артемій, а между тѣмъ именно этотъ Артемій сидѣлъ у ней въ мозгу, какъ заноза, она его возненавидѣла съ перваго раза, и его дерзкая рожа отравляла ей каждый выходъ и каждое возвращеніе въ trou. Начать съ того, что Артемій совсѣмъ не считалъ нужнымъ кланяться Калеріи Ипполитовнѣ, не бѣжалъ стремглавъ отворять передъ ней дверей подъѣзда, не помогалъ садиться на извозчика и тому подобное, что дѣлалъ для другихъ жильцовъ. Притомъ онъ всегда такъ дерзко смотрѣлъ ей прямо въ глаза и даже что-то бормоталъ вслѣдъ, такъ что Калерія Ипполитовна, не глядя на этого противнаго человѣка, чувствовала на себѣ его дерзкій взглядъ. Разъ она ясно разслышала, какъ онъ ворчалъ:

— Наѣдетъ всякая шантрапа въ Петербургъ, а сами калошъ не умѣютъ снять въ передней... вонъ какъ наслѣдила по ковру, точно корова!

Дѣйствительно, Калерія Ипполитовна прямо съ извозчика въ калошахъ прошла въ свой номеръ и оставила слѣды грязи на тропинкѣ, покрывавшей лѣстницу. Это было уже слишкомъ. Швейцаръ будетъ дѣлать ей замѣчанія! Бѣшенство Калеріи Ипполитовны увеличивалось особенно сознаніемъ, что она, въ качествѣ благовоспитанной дамы, ужъ совсѣмъ не должна спускаться до гнѣва на какого-то швейцара, а между тѣмъ этотъ гнѣвъ заставлялъ ее даже блѣднѣть. Дѣло въ томъ, что въ нормальномъ состояніи духа Калерія Ипполитовна конечно, игнорировала бы съ высоты своего величія поведеніе

Артемія, но теперь это поведеніе для нея являлось тою каплей, которая переполняла сосудъ: именно собственное фальшивое положеніе никогда еще не выступало для Калеріи Ипполитовны съ такою рѣжущею ясностью, вызывая цѣлый рядъ воспоминаній о собственной прислугѣ въ Заозерскихъ заводахъ. Да что прислуга! Тамъ передъ Калеріей Ипполитовной пресмыкались нижайшими послушниками десятки заводскихъ служащихъ, она умѣла вездѣ себя поставить, и вдругъ какой-нибудь швейцаръ Артемій! Какъ всѣ слишкомъ обиженные люди, она почувствовала жгучее желаніе сорвать свой барскій гнѣвъ именно на этомъ человѣкѣ и обратилась съ жалобой на Артемія къ самой Зинаидѣ Тихоновнѣ.

— Я больше вашего отъ него терплю, — объяснила Зинаида Тихоновна, безпомощно разводя руками, — а что подѣлаешь съ нимъ? Вотъ въ номерахъ Баранцева, гдѣ живетъ вашъ братецъ, есть тоже швейцаръ, Григорій, такъ тотъ еще хуже нашего... Ей-Богу! Благопріятели съ Артеміемъ-то... Сойдутся въ праздникъ, напьются и сейчасъ драку устроятъ. Григорій какъ-то и говоритъ Артемію: „У тебя, Артюшка, кишки синія, такъ я тебѣ ихъ сдѣлаю зелеными“... Едва ихъ тогда водой розлили.

Зинаида Тихоновна въ подтвержденіе своихъ словъ принялась разсказывать такую безконечную исторію объ испорченности и неблагодарности всей вообще петербургской прислуги и своихъ милыхъ родственниковъ въ частности, что Калеріи Ипполитовнѣ пришлось только на все махнуть рукой.

Зато Симонъ Денисычъ былъ въ восторгѣ отъ номеровъ Квасовой и успѣлъ перезнакомиться почти со всѣми жильцами, а съ прислугой былъ на самой короткой ногѣ. Когда Калеріи Ипполитовны не было дома, онъ частенько забѣгалъ въ комнату капитана и тамъ любилъ покалякать о разныхъ разностяхъ и даже научился курить жуковскій табакъ изъ капитанской трубки. Эти мудрецы любили пофилософствовать о разныхъ высшихъ матеріяхъ и часто приходили къ такимъ заключеніямъ, что обоимъ дѣлалось даже немного страшно.

— Я такъ полагаю про себя, Симонъ Денисычъ, — говорилъ нѣсколько разъ капитанъ, — что люди дѣлаютъ сами себѣ все зло, а потомъ сваливаютъ это на другихъ... да-съ. Все отъ себя-съ...

— По-моему, это происходитъ отъ обмана чувствъ, — догадывался Мостовъ съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ. — Въ точныхъ наукахъ это принимается во вниманіе, и при астрономическихъ наблюденіяхъ всегда вводится такъ называемое личное уравненіе, т.-е. дѣлаются приблизительныя вычисленія возможной ошибки, сообразно физіологическимъ особенностямъ каждаго ученаго: у одного сила и скорость ощущеній однѣ, у другого другія и т. д. Если бы такія же личныя уравненія ввести въ нашу обыденную жизнь, что бы тогда получилось... а?..

— Надъ этимъ нужно подумать, чортъ возьми!.. По этимъ личнымъ уравненіямъ, Симонъ Денисычъ, пожалуй, намъ всѣмъ пришлось бы прогуляться въ мѣста не столь отдаленныя.

— Меня этотъ вопросъ очень занимаетъ, капитанъ, потому что необходимо придумать какую-нибудь абсолютную мѣру для взаимныхъ отношеній, чтобы устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ и къ безсознательному злу.

III.

Въ домѣ Доганскихъ Покатиловъ сдѣлался своимъ человѣкомъ съ поразительною быстротой.

— Ну, братъ, ты того... — добродушно замѣтилъ однажды oncle Покатилову, какъ-то пряча глаза. — Право, того...

— Чего?

— Помнишь турецкую пословицу: „прежде, чѣмъ войти, подумай о выходѣ“?

Покатиловъ засмѣялся и тихо проговорилъ:

— Oncle, голубчикъ, мнѣ отсюда *никогда* не выйти... Понимаешь, *никогда!*

— Да вѣдь это ни къ чему не поведетъ, глупый человѣкъ. Ты не знаешь ихъ хорошенько... да и *она* совсѣмъ не такой человѣкъ, какою ты ее представляешь себѣ: это мраморная статуя. Ахъ, молодость, молодость!

Схвативши себя за голову и не слушая дяди, Покатиловъ повторилъ:

— Я не знаю ничего! Я не знаю ничего!

Сближеніе произошло съ такою быстротой, что сама Доганская нѣсколько разъ спрашивала себя, какъ это могло случиться, тѣмъ болѣе, что при ближайшемъ знакомствѣ Покатиловъ ей понравился гораздо меньше, чѣмъ вначалѣ, когда она расплакалась передъ нимъ, какъ дѣвчонка. Покатиловъ былъ не такъ уменъ и проницателенъ, какимъ онъ показался ей въ первый разъ, притомъ въ немъ было что-то такое тяжелое и неискреннее, какъ и въ остальныхъ. По наружности онъ тоже не нравился Доганской, какъ человѣкъ, уже пожившій въ свою долю. Но, вмѣстѣ съ этимъ, она скучала, когда Покатиловъ не показывался нѣсколько дней, и сердилась на него за всякіе пустяки. У него было одно незамѣнимое качество: онъ всегда чутьемъ понималъ всякое настроеніе Доганской и умѣлъ попасть ему въ тонъ. Изучивъ ея вкусы, привычки и слабости, Покатиловъ сумѣлъ окружить свою богиню настоящею атмосферой тѣхъ ничтожныхъ услугъ, какія не забываются избалованными женщинами, хотя въ то же время онъ часто выводилъ ее изъ терпѣнія и даже въ глаза говорилъ очень смѣлыя дерзости. Но, что̀ бы ни говорилъ и что̀ бы ни дѣлалъ Покатиловъ, онъ помнилъ всегда одно золотое правило, что женщины не прощаютъ только одного, скуки.

Доганская не могла теперь сдѣлать шага, чтобы не посовѣтоваться съ Покатиловымъ, который, кажется, зналъ рѣшительно все на свѣтѣ, начиная отъ духовъ ylang-ylang и кончая модными чайными передниками по англійской модѣ. Главное, у Покатилова былъ замѣчательно развитой вкусъ по части дамскихъ нарядовъ и всевозможныхъ обстановокъ, такъ что Доганская не шутя совѣтовалась съ нимъ во многихъ случаяхъ. Покатиловъ выбиралъ ей кружева для утреннихъ костюмовъ, покупалъ мѣховую болгарскую шапочку, самоваръ изъ полированной мѣди съ серебряными выкладками, англійскіе башмаки для гулянья пѣшкомъ и т. д.; онъ зналъ толкъ въ турецкихъ коврахъ, въ кружевахъ, въ разныхъ стиляхъ домашней обстановки и могъ указать рѣшительно все, гдѣ и что̀ найти, такъ что даже самъ oncle, порядочно знавшій Петербургъ, долженъ былъ спасовать.

Покатиловъ умѣлъ приходить и уходить во̀-время и всегда приносилъ съ собой запасъ самыхъ свѣжихъ новостей.

— Вы для насъ, Романъ Ипполитычъ, настоящій кладъ, — нѣсколько разъ фамильярно говорилъ Доганскій. — Скверно только одно: Сюзи влюбится въ васъ, и намъ, пожалуй, придется стрѣляться.

— Нѣтъ, это, кажется, не опасно, — отвѣтила Доганская въ томъ же шутливомъ тонѣ: — Романъ Ипполитычъ не знаетъ самой простой истины, что женщина никогда не полюбитъ человѣка, который слишкомъ угождаетъ ей во всемъ... Тебѣ, Юрій, это хорошо извѣстно, потому что въ свое время ты, кажется, пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ.

— Да, да, совершенно вѣрно, Сюзи... Вотъ, молодой человѣкъ, учитесь, какъ жить на свѣтѣ. Женщина — это вѣчная загадка.

— Вамъ, кажется, не приходится учить другъ друга, — замѣтила Доганская.

Доганскій улыбнулся, посмотрѣлъ на жену и на Покатилова и съ разстановкой проговорилъ:

— Знаете, что̀ мнѣ иногда кажется?.. Однимъ словомъ, когда я возвращаюсь домой слишкомъ поздно, я начинаю громко разговаривать самъ съ собою и стучать ногами съ самой передней.

Доганскій иногда позволялъ себѣ подобныя грубыя шутки, и его лицо принимало непріятное, фальшивое выраженіе, какъ у лошади, которая прижимаетъ уши. Подобныя плоскости коробили Покатилова каждый разъ, но Доганская относилась къ нимъ съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ выслушиваютъ на улицѣ непечатныя слова. Это удивляло Покатилова, и онъ разъ откровенно спросилъ Доганскую:

— Неужели васъ не возмущаютъ подобныя остроты, Сусанна Антоновна?

— Меня?.. Да вѣдь Юрій такой человѣкъ... Однимъ словомъ, мнѣ какъ-то все равно, что̀ бы онъ ни говорилъ, да мы и не поймемъ никогда другъ друга.

Собственно такое равнодушіе нравилось Покатилову, какъ самый вѣрный признакъ того, что Сусанна Антоновна совсѣмъ не любитъ мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему иногда казалось совсѣмъ другое, и онъ начиналъ переживать муки и терзанія всѣхъ безнадежныхъ любовниковъ. Вообще, многое въ поведеніи Доганской для Покатилова представляло загадку: то она относилась къ нему, какъ къ своему человѣку, и часто, когда они разсматривали кружева или матеріи въ магазинахъ, ихъ руки встрѣчались и лица были такъ близко, что Покатиловъ чувствовалъ теплоту дыханія Сусанны, то она начинала вдругъ сторониться отъ него и точно боялась подать руку безъ перчатки.

Ревновать Доганскаго къ его женѣ, пожалуй, не было причины, потому что дома онъ являлся гораздо больше гостемъ, чѣмъ oncle или Теплоуховъ, которые располагались въ квартирѣ Доганскихъ совсѣмъ по-домашнему. Какъ самъ Теплоуховъ, такъ особенно его поведеніе для Покатилова являлись какою-то необъяснимою нелѣпостью, не укладывавшеюся ни въ какія рамки.

Онъ являлся къ Доганскимъ аккуратно каждый день къ завтраку и оставался до вечера, а иногда проводилъ и весь вечеръ. Это былъ замѣчательно молчаливый и скромный субъектъ, на котораго какъ-то никто не обращалъ вниманія, а всѣхъ меньше сама хозяйка. Случалось иногда такъ, что въ теченіе цѣлаго дня Теплоуховъ не произносилъ ни одного слова: молча здоровался, когда пріѣзжалъ, молча завтракалъ, молча сидѣлъ гдѣ-нибудь на диванѣ, прикрывшись газетой или книгой, и молча уѣзжалъ домой. Доганская такъ привыкла къ его молчаливому присутствію, что совсѣмъ не замѣчала его, дѣлая свое ежедневное дѣло: принимала гостей, ѣздила за покупками, играла на роялѣ, ссорилась съ прислугой, капризничала, работала какую-нибудь глупую дамскую работу и т. д. Покатиловъ тоже скоро привыкъ къ нему, хотя замѣтилъ съ перваго раза, что Теплоуховъ все время слѣдитъ за каждымъ шагомъ Доганской съ настойчивостью сумасшедшаго.

— Этотъ Евстафій Платонычъ для меня какъ бѣльмо на глазу, — вырвалось однажды у Доганской въ присутствіи Покатилова. — Если бы вы знали, какъ я иногда ненавижу этого идіота и, вмѣстѣ, какъ я его боюсь!

— Неужели онъ былъ всегда такимъ? — спрашивалъ Покатиловъ.

— Съ перваго дня нашего знакомства... Это просто ужасный человѣкъ!.. А между тѣмъ, что говорятъ о моихъ отношеніяхъ къ Теплоухову... Вотъ можете передать папѣ и Калеріи Ипполитовнѣ, въ качествѣ очевидца, какія наши отношенія.

Покатиловъ не вѣрилъ въ этомъ случаѣ Доганской, и его грызли самыя тяжелыя сомнѣнія относительно той роли, какую „ужасный человѣкъ“ игралъ въ загадочной жизни Доганскихъ. Достаточно сказать только то, что этотъ владѣлецъ банкротившихся Заозерскихъ заводовъ получалъ около трехсотъ тысячъ ежегоднаго дохода и жилъ какъ скряга: не держалъ даже повара и торговался съ извозчиками изъ-за каждаго пятачка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же самый Теплоуховъ кончилъ университетъ, потомъ учился гдѣ-то за границей и вообще былъ очень образованный человѣкъ, постоянно слѣдившій за всѣми выдающимися новостями науки и литературы. Его домашняя библіотека, составленная изъ самыхъ цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій, стоила нѣсколько десятковъ тысячъ. Однажды, когда Покатиловъ по своей фельетонной привычкѣ началъ вкривь и вкось толковать о какомъ-то экономическомъ вопросѣ, Теплоуховъ неожиданно заговорилъ и очень основательно разбилъ огорошеннаго фельетониста по всѣмъ пунктамъ; Доганская посмотрѣла на своего огорченнаго поклонника съ тонкою улыбкой, чѣмъ Покатиловъ былъ окончательно сконфуженъ и неловко замолчалъ, а „ужасный человѣкъ“ опять погрузился въ свою дремоту.

Интимныя собранія въ квартирѣ Доганскихъ, о которыхъ говорилъ еще Брикабракъ, очень интересовали Покатилова, но онъ не получалъ приглашенія принять участіе въ нихъ, между тѣмъ oncle и Нилушка Чвоковъ были давно въ числѣ избранныхъ. Однажды Покатиловъ, желая вывѣдать кое-что отъ oncl'я, стороной завелъ рѣчь объ этихъ собраніяхъ, но oncle расхохотался, какъ сумасшедшій.

— Государственными дѣлами, батенька, занимаемся... да! — разсказывалъ oncle, продолжая хохотать. — Какъ же... Всѣ вѣдь толкуютъ о нашихъ собраніяхъ. Ну, угадай, чѣмъ мы занимаемся?.. Ха-ха... Столы, голубчикъ, вертимъ и насчетъ животнаго магнитизма сеансы устраиваемъ, хотя это величайшій секретъ, но я вполнѣ надѣюсь на твою скромность. Это все Теплоуховъ колобродитъ...

Богомоловъ и Нилушка Чвоковъ бывали у Доганскихъ не особенно часто: у каждаго дѣла было по горло. Нилушка гремѣлъ по ученымъ обществамъ, писалъ газетныя статьи въ защиту протекціонизма и вообще распинался, какъ говорилъ про него oncle; Богомоловъ былъ занятъ мансуровскою опекой, которую взялъ на себя. Мансуровскіе заводы находились въ неоплатномъ долгу у казны, и все это вопіющее дѣло точно заблудилось въ дебряхъ всевозможной канцелярщины, такъ что распутать его являлось героическою задачей. Нужно было спасти хотя что-нибудь отъ грозившаго заводамъ краха, и Богомоловъ лѣзъ изъ кожи, чтобы пробиться сквозь опутавшую его канцелярскую паутину. Самъ Мансуровъ, неглупый и очень добродушный человѣкъ, относился къ своимъ дѣламъ съ какимъ-то непонятнымъ равнодушіемъ, что постоянно выводило Богомолова изъ терпѣнія. Мансуровъ получилъ въ наслѣдство послѣ отца цѣлыхъ пять отлично устроенныхъ заводовъ, но, пока онъ достигалъ совершеннолѣтія, заводы не только потеряли всякую производительность, но при помощи разныхъ опекуновъ и попечителей обросли долгомъ въ пять милліоновъ. Какъ это случилось, гдѣ виноватые,—теперь трудно было

разобрать, а Мансуровъ пользовался очень маленькими средствами, едва достававшими ему на самое скромное существованіе въ меблированныхъ комнатахъ Квасовой. Богомоловъ задыхался въ этомъ дѣлѣ, гдѣ счетъ шелъ на милліоны.

Доганская интересовалась дѣятельностью Чвокова и Богомолова, внимательно слѣдила за газетами и даже раза два, въ сопровожденіи Покатилова, посѣщала техническое общество, въ которомъ шли оживленные дебаты по вопросамъ протекціонизма и Нилушка Чвоковъ являлся настоящимъ героемъ дня. Разъ она читала вмѣстѣ съ Покатиловымъ одну хлесткую статью, написанную Чвоковымъ, и статья, видимо, ей очень понравилась.

— А вы какъ находите?—спросила Доганская Покатилова.

— Эта статья сама по себѣ написана образцово, но Нилушка пересолилъ,—отвѣтилъ Покатиловъ, откладывая газету.

— Именно?

— По-моему, онъ не понялъ своей задачи и слишкомъ откровенно выложилъ все, что у него лежало на душѣ, а это, по меньшей мѣрѣ, не тактично. Все равно, если бы человѣкъ, котораго вы видите въ первый разъ, подробно началъ разсказывать свою біографію... Да и самая исходная точка у Нилушки не вѣрна: съ противниками нужно сражаться ихъ собственнымъ оружіемъ.

— А какъ вы поступили бы на его мѣстѣ?

— Да какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ случаяхъ... Прежде всего, я напечаталъ бы цѣлый рядъ статей въ защиту свободной торговли, но эта защита стоила бы пораженія: во-первыхъ, вы выбиваете противника изъ его позиціи уже однимъ тѣмъ, что по внѣшней формѣ защищаете его дѣло, а во-вторыхъ, въ вашей власти та спеціальная аргументація, которая затушевываетъ самые слабые пункты... Однимъ словомъ, тутъ очень много ходовъ и выходовъ.

— Отчего же вы сейчасъ не приведете въ исполненіе этого плана?

— Очень просто: такая уличная газета, какъ „Искорки“, сама по себѣ не можетъ имѣть значенія, а потомъ, если бы я и повелъ это дѣло, то повелъ бы его отъ своего имени, какъ самостоятельное и отвѣтственное лицо.

Доганская молчала. Они сидѣли вдвоемъ въ ея заново отдѣланномъ будуарѣ, гдѣ все, до мельчайшихъ подробностей, было устроено по указаніямъ Покатилова. Короткій осенній день былъ на исходѣ, и въ окно глядѣла наливавшаяся въ воздухѣ сѣроватая мгла.

— Хотите, я устрою вамъ это дѣло съ газетой?—тихо проговорила Доганская послѣ длинной паузы.—Т.-е., я хочу сказать, что мы затянемъ въ это дѣло Теплоухова.,. Вѣдь все это въ его интересахъ, слѣдовательно онъ долженъ и платить, а потомъ разсчитаетесь съ нимъ какъ-нибудь. Вотъ вамъ и случай, о которомъ вы какъ-то говорили... Какъ видите, у меня память недурная.

Покатиловъ поцѣловалъ у Доганской руку и, не выпуская этой руки, проговорилъ:

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ, Сусанна Антоновна... и отказаться.

— Я не понимаю васъ...

— Дѣло очень просто: какими глазами вы посмотрѣли бы на человѣка, который сдѣлалъ свою карьеру женскими руками?

— А, такъ вы вотъ какъ,—протянула Доганская и вся вспыхнула.

— Да, это мой принципъ, хотя я совсѣмъ не желалъ обидѣть васъ.

— Я понимаю васъ... да!.. Вы стыдитесь въ этомъ дѣлѣ именно моей помощи... кажется, такъ?

— О, нѣтъ, Сусанна Антоновна... Я говорю вообще, и вы меня поймете, безъ сомнѣнія. Мужчина жалокъ, когда онъ пользуется помощью женщины, и я не хочу потерять въ вашихъ глазахъ всякое уваженіе.

— Совершенно напрасно... Вы просто добиваетесь только того, чтобы я васъ упрашивала, да?.. Съ женщинами часто такъ дѣлаютъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я до этого еще не дошелъ и надѣюсь, что не дойду никогда, потому что изъ принципа я уважаю женщину.

— Ваши рыцарскія чувства дѣлаютъ вамъ честь,—сухо отвѣтила Доганская и тяжело замолчала.

По ея неровному дыханію Покатиловъ чувствовалъ, что она разсердилась на него.

— Вы не хотите меня понять, Сусанна Антоновна.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста... Скажите, чтобы подавали огня.

Тонъ, которымъ была сказана послѣдняя фраза, совершенно успокоилъ Покатилова: они понимали другъ друга, и онъ поступилъ какъ нельзя лучше.

IV.

Предложеніе Доганской окончательно лишило Покатилова того душевнаго равновѣсія, которымъ онъ отличался обыкновенно; пронять его чѣмъ-нибудь было вообще довольно трудно.

Началось съ того, что Покатиловъ написалъ скверный фельетонъ для „Искорокъ“. Это было тѣмъ болѣе обидно, что Покатиловъ старался и, противъ обыкновенія, передѣлывалъ статью раза два, пока не плюнулъ на неклеившуюся работу. Брикабракъ только поморщился, когда пробѣжалъ напечатанный покатиловскій фельетонъ: фельетонистъ видимо выдыхался, и, пожалуй, приходилось подумать о другомъ, поважнѣе. А Покатиловъ былъ тутъ же, въ кабинетѣ редакціи, видѣлъ постное выраженіе своего патрона и, по логикѣ всѣхъ неправыхъ людей, разсердился на Брикабрака. Произошла краснорѣчивая нѣмая сцена.

„Да, выдохся,—думалъ Брикабракъ, съ тяжелымъ вздохомъ откладывая несчастный номеръ въ сторону.—Очень ужъ носъ сталъ задирать, а силенки и не хватаетъ“.

Покатилову это жирное редакторское лицо Брикабрака съ его косымъ глазомъ было просто отвратительно, и онъ едва сдержался, чтобы не наговорить дерзостей. Да, онъ написалъ скверный фельетонъ, но онъ просто не можетъ работать въ этомъ кабакѣ; Покатиловъ съ презрѣніемъ оглянулъ весь кабинетъ, письменный столъ, голыя стѣны, часть пріемной, видную въ двери. Нѣтъ, онъ задыхается въ этой кабацкой обстановкѣ, гдѣ его мысль билась, какъ осенняя муха о стекло.

„Именно кабакъ,—съ ожесточеніемъ повторялъ про себя Покатиловъ, и это слово оправдывало его въ собственныхъ глазахъ.—Любая парикмахерская лучше обставлена... да. Убожество, грязь... А тутъ еще изволь потѣшать кабацкихъ завсегдатаевъ!“

Какъ-никакъ, а Покатиловъ считалъ себя служителемъ слова, артистомъ. Чтобы мысль воплотилась въ извѣстныя формы, чтобы въ головѣ создались счастливыя комбинаціи, остроумныя сближенія и вообще вся сложная мозговая работа, для этого, прежде всего, нужна извѣстная обстановка, именно то, что

англичане называютъ комфортомъ. А то вѣчно передъ глазами торчитъ одно и то же кабацкое безобразіе; понятно, что мысль, не получая никакого внѣшняго импульса, отказывается работать, даже больше: это покатиловская мысль не можетъ работать. Сознаніе собственнаго безсилія какъ-то испугало Покатилова: можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ выдохся, какъ думаетъ сейчасъ про него Брикабракъ. Выдохся—это самое страшное слово для каждаго автора, какъ параличъ для здороваго человѣка. Вѣдь это все равно, если балерина вывихнетъ ногу, музыкантъ потеряетъ слухъ, красавица свою молодость, однимъ словомъ, мы вѣжливо говоримъ про такихъ людей, что они „пережили себя“.

— Нѣтъ, чортъ возьми, все это вздоръ!—громко проговорилъ Покатиловъ, начиная бѣгать по кабинету.

— Что̀ вздоръ?—спросилъ Брикабракъ, не поднимая головы отъ какой-то корректуры.

— Да такъ... я про себя... Одна мысль пришла въ голову.

— Гм... Хорошее дѣло; для насъ, журналистовъ, каждая новая мысль капиталъ... А слышали новость?

Брикабракъ принялся разсказывать послѣднюю, поднятую на улицѣ сплетню, но Покатиловъ его совсѣмъ не слушалъ: ему грезилась своя газета. Отъ послѣдней мысли онъ никакъ не могъ отдѣлаться и ходилъ, какъ пьяный. Да, ему стоитъ захотѣть, и у него будетъ своя газета, настоящая большая газета, въ родѣ котлецовскаго „Прогресса“. Счастье само лѣзло къ нему въ руки, и онъ долженъ былъ отказываться отъ него, точно искушаемый пустынникъ. И нужно же было случиться такъ, что предложила газету Сусанна? Предложи это же самое Теплоуховъ или даже Доганскій, Покатиловъ ухватился бы за дѣло обѣими руками, но тутъ замѣшалась Сусанна, и о газетѣ нечего было думать. Въ Покатиловѣ поднимались остатки той хорошей гордости, которая составляетъ основаніе хорошихъ натуръ, хотя эта покатиловская гордость имѣла слишкомъ спеціальное приложеніе: не брать ничего отъ женщины, не быть обязаннымъ женщинѣ ничѣмъ, не чувствовать надъ своею головой этого послѣдняго клейма совсѣмъ павшихъ людей. Притомъ Покатиловъ любилъ Сусанну, а принять изъ ея рукъ газету значило поставить себя въ зависимое и жалкое положеніе. Въ крайнемъ случаѣ приходилось выбирать между газетой и Сусанной, и Покатиловъ выбралъ послѣднее. Да, теперь онъ можетъ смѣло смотрѣть ей въ глаза, онъ свободный человѣкъ, а тогда Покатиловъ чувствовалъ бы на себѣ ошейникъ.

— Сусанна, Сусанна,—шепталъ Покатиловъ, хватаясь въ отчаяніи за голову.—Но ты будешь моя!.. И я хочу быть твоимъ господиномъ, хочу, чтобы ты смотрѣла мнѣ въ глаза съ ласковою покорностью, а это будетъ только тогда, если я буду свободенъ...

Вообще положеніе Покатилова было не изъ красивыхъ, и онъ шлялся по улицамъ безъ всякой цѣли, точно отыскивалъ необходимое рѣшеніе. Разъ онъ какъ-то совсѣмъ машинально забрелъ въ номера Квасовой и только тутъ вспомнилъ, что еще не былъ на новосельѣ у сестры. Калерія Ипполитовна была дома и встрѣтила его съ приличною важностью.

— Благодарю, что не забылъ, милый братецъ.

— А что̀?—разсѣянно спрашивалъ Покатиловъ.—Ахъ, да, ты благодаришь... Вѣроятно, чѣмъ-нибудь недовольна?

Калерія Ипполитовна только хотѣла отпѣть братцу за рекомендованные номера, но Покатиловъ сидѣлъ въ углу дивана съ такимъ убитымъ видомъ, что, вмѣсто вертѣвшейся на языкѣ колкости, она проговорила:

— Ужъ ты здоровъ ли?.. На тебѣ лица нѣтъ, Романъ.

— А все равно... Этакая забота припала!..

— Однако... Maman спрашивала о тебѣ.

— Ну, и можешь сказать maman, что я въ лучшемъ видѣ.

— Да что у тебя такое случилось, въ самомъ дѣлѣ?

— Э, вздоръ... все пустяки.

— Послушай, наконецъ это невѣжливо,—уже по-французски заговорила Калерія Ипполитовна.—Я къ нему съ участіемъ, а онъ свое: „а“ да э“!

— Могу и я показать тебѣ свое участіе... Гдѣ твоя Юленька?

— У maman.

— Напрасно... Maman, хотя и maman, но она испортитъ дѣвочку. Необходимо позаботиться... да... И если хочешь, я могу рекомендовать одну англичанку, которая сдѣлаетъ изъ твоей Юленьки человѣка, а не куклу.

— Хорошо, я подумаю.

— Да тутъ не о чемъ думать. Она занимается у Зоста, извѣстный заводчикъ... Вообще будешь довольна.

Калерія Ипполитовна сразу догадалась, о какой англичанкѣ говорилъ милый братецъ, и сейчасъ же изъявила согласіе познакомиться съ мистрисъ Кэй.

„Выгнать-то ее я всегда могу,—разсуждала про себя Калерія Ипполитовна, проводивъ брата.—А она, говорятъ, дѣйствительно хорошая женщина“.

Вечеръ Покатиловъ проводилъ у Доминика или гдѣ-нибудь въ cabinet particulier одного изъ модныхъ кабачковъ, гдѣ обыкновенно встрѣчался съ Нилушкой Чвоковымъ, заѣзжавшимъ сюда чего-нибудь перекусить, а главное, повидать нужнаго человѣчка. У Нилушки всегда въ запасѣ былъ такой человѣчекъ.

— Ты это что, братъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ?—раза два спрашивалъ Чвоковъ Покатилова.

— Отстань...—грубилъ Покатиловъ.—Не всѣмъ же бѣгать по Петербургу, высунувъ языкъ.

— Нельзя, братику, волка ноги кормятъ.

— Какой волкъ и какія ноги. Другой волкъ не стоитъ прокорма. Впрочемъ, я не про тебя.

— Что же, и мы знаемъ себѣ цѣну. Но, прежде всего, человѣкъ продуктъ извѣстнаго времени, а нынче извѣстно, какіе фрукты произрастаютъ. Что касается меня, такъ я предпочитаю сильный порокъ безсильной добродѣтели, потому что первому открытъ путь къ раскаянію, а вторая можетъ только проливать безсильныя слезы. Поэтому и Господу всегда пріятнѣе одинъ раскаявшійся грѣшникъ, чѣмъ десять никогда не согрѣшившихъ праведниковъ.

— Отлично,—поддакивалъ Покатиловъ съ легкою улыбочкой, задѣвавшей Нилушку за живое.—Это даже отъ философіи оправдывается: все разумно, что существуетъ. Жаль мнѣ тебя, Нилушка, теряешь ты всякій образъ и подобіе Божіе за чечевичную похлебку. И для кого на мелкую монету размѣниваешь себя?

— Что же мнѣ дѣлать... а?—спрашивалъ Нилушка, любившій иногда „сотворить нѣкоторое душевное изліяніе“.—Я живой человѣкъ, прежде всего... человѣкъ живого дѣла, ну, и приходится служить подлецамъ, потому что настоящаго честнаго дѣла у насъ нѣтъ. Книжки ученыя переводить, лекціи читать, благочестивыя передовицы измышлять... хе-хе!.. Нѣтъ, братику, все это вздоръ: книжками да хорошими словами никого не выучишь. Жизнь идетъ

мимо. Нужно дѣло, а его нѣтъ, вотъ и путаешься съ подлецами. Конечно, служить Ваалу нехорошо, но вѣдь не я, такъ найдутся другіе... десятки, цѣлыя сотни найдутся. Положимъ, что это плохое оправданіе и даже очень гнусное, но только сколочу себѣ нѣкоторый кушъ, и тогда шабашъ. Будемъ грѣхи замаливать. Да и то сказать, что я получаю? Гроши... Посмотри, какъ другіе-то рвутъ. Вѣдь смотрѣть не на кого, а что дѣлаютъ!

— Все это великое свинство, какъ говоритъ капитанъ Пуховъ,—замѣчалъ Покатиловъ въ раздумьѣ.—Музыка безъ словъ.

— Что же, я и не думаю оправдывать себя: mea culpa, mea maxima culpa. Но, голубчикъ мой, вѣдь дѣваться-то некуда умному человѣку. Много насъ такихъ ученыхъ подлецовъ развелось. Время такое, братику. Пока умные да честные люди хорошія слова разговаривали, подлецы да дураки успѣли всѣ дѣла передѣлать. Каюсь: повиненъ свинству, но заслуживаю снисхожденія, поелику продѣлываю оное великое свинство не одинъ, а въ самомъ благовоспитанномъ обществѣ. Ей-Богу, иногда кажется, что какая-то фантасмагорія происходитъ, и самъ удивляешься себѣ...

Эти откровенные разговоры вполпьяна происходили подъ шумокъ ресторанной жизни, закипавшей съ двѣнадцати часовъ. Покатиловъ, слушая Нилушку, жадно прислушивался къ смутному гулу, доносившемуся изъ всѣхъ угловъ, точно разыгрывалась какая-нибудь сложная музыкальная пьеса. Вотъ эта молчаливо-почтительная прислуга, понимающая гостей по одному дви- приличная madame, которая такъ важно возсѣдаетъ за своею кон- прихожей, этотъ торопливый гулъ шаговъ, сдержанный смѣхъ, анцузскихъ фразъ, самый воздухъ, вѣчно пропитанный однимъ и евомъ,—вся эта кабацкая обстановка дѣйствовала на Покати- заражающимъ образомъ, безъ чего онъ не могъ жить и работать. Ему необходимо было прислушиваться къ этому лихорадочному пульсу столичной улицы, гдѣ жизнь развертывалась при газовомъ освѣщеніи за мраморными столиками и въ подозрительной тиши отдѣльныхъ кабинетовъ. Тутъ пестрою толпой проходило все, что было интереснаго: дѣльцы высшей пробы, просто дѣльцы, рѣдкіе представители вырождавшихся аристократическихъ фамилій, военные, сомнительные иностранцы, прилично одѣтые жулики, просто ресторанные завсегдатаи и тѣ спеціальныя женщины, которыя, какъ летучія мыши, могутъ жить только по темнымъ угламъ.

Стеариновыя свѣчи въ этой спеціальной атмосферѣ горятъ какимъ-то мутнымъ, бѣлесоватымъ огонькомъ, который нагоняетъ чисто-кабацкую блаженную дремоту. А тутъ еще покаянныя изліянія Нилушки, который за полубутылкой вина могъ просидѣть цѣлую ночь.

— Ну что, какъ ваши заводчики?—спрашиваетъ Покатиловъ, чтобы прекратить Нилушкины слезы.

— А чортъ съ ними... Себя тѣшатъ: облюбуемъ, дескать, самаго ученаго человѣка, пусть распинается. А самимъ рѣшительно все равно, хоть трава не расти... Меня просто поражаетъ эта апатія. Кромѣ того, никто изъ нихъ даже не вѣритъ въ свое дѣло, сами же смѣются, а тутъ заговаривай зубы разнымъ дуракамъ.

— Ну, а какъ Богомоловъ?

— Да что Богомоловъ... сибирскій фруктъ.

Нилушка засмѣялся. Въ послѣднее время Богомоловъ начиналъ забирать большую силу, а это было уже шагомъ къ разрыву двухъ друзей, столкнувшихся на одномъ дѣлѣ. Конечно, у Нилушки не было зависти или страха

къ сопернику, по все-таки онъ начиналъ ежиться, когда Покатиловъ пробовалъ вышучивать его на эту тему.

— Умный человѣкъ этотъ Богомоловъ,—задумчиво говорилъ Покатиловъ, прихлебывая вино изъ своего стакана.

— Т.-е. что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что вотъ этотъ самый Богомоловъ въ одно прекрасное утро спуститъ тебя ко дну со всѣми гегелевскими тріадами и тому подобною ученою конопаткой.

— Ну, ужъ это дудки!—разсердился Нилушка и посмотрѣлъ на своего собесѣдника злыми глазами.—Пожалуй, если хочешь, то Богомоловъ и умный... да. Только весь умъ у него заключается въ томъ, что онъ буквально изъ ничего возникъ, да и теперь у него гроша расколотаго нѣтъ за душой... Впрочемъ, это уже область искусства. Но это все вздоръ: у Богомолова, кромѣ нахальства, ничего нѣтъ...

— Однако ты начинаешь сердиться.

— Вздоръ!.. Если ты хочешь знать, такъ Богомоловъ глупъ, какъ киргизскій баранъ.

— Именно?

— Самая простая вещь: у него нѣтъ никакой ширины взгляда, нѣтъ размаха, этой поэзіи. Однимъ словомъ, въ немъ нѣтъ того, что въ породистыхъ животныхъ называется кровью. Напримѣръ, установилось ходячее мнѣніе, что деньги наживали только въ шестидесятыхъ годахъ, когда шелъ настоящій пиръ горой съ разными концессіями, акціонерными банками, подрядами и тому подобнымъ гешефтмахерствомъ,—и Богомоловъ повторяетъ эту же нелѣпость. Да... Поэтому онъ и примазывается вплотную къ русскимъ заводчикамъ, а это ошибка. Дѣла еще только начинаются, повѣрь мнѣ, и умные люди возсіяютъ почище старыхъ дѣльцовъ. Конечно, и я путаюсь съ заводчиками, пока не подвертывается ничего лучше, а потомъ плюну на нихъ. По-моему, настоящій дѣлецъ не тотъ, кто идетъ на все готовое подбирать крохи, а тотъ, кто самъ создаетъ новое свое дѣло,—вотъ это я понимаю.

— Да гдѣ же эти твои новыя дѣла?

— Сколько угодно: нефть, каменный уголь, соль, сахаръ; ѣшь—не хочу. Вѣдь это нужно дуракомъ круглымъ быть, чтобы ничего не видѣть. Работы по горло. Вотъ гдѣ будутъ настоящіе промышленные короли, если пристегнуть иностранные капиталы. И будетъ все, какъ я тебѣ говорю. Да, кстати, ну что твоя газета?

— Какая газета?

— Твоя газета... „наша“ газета. Мнѣ говорила Сусанна Антоновна о твоемъ великодушіи: отказался... Ахъ, ты, чудакъ! Вотъ ужъ этого я никакъ не пойму. Не ты, такъ другой обдѣлаетъ Теплоухова, не все ли равно?

Покатиловъ былъ непріятно удивленъ этою новостью: значитъ, Нилушка все зналъ отъ Сусанны. А это значило, что слухъ о газетѣ пойдетъ гулять. Зачѣмъ это Сусанна болтаетъ о газетѣ?

— Былъ, кажется, разговоръ о газетѣ, но такъ... шутя, — уклончиво отвѣчалъ Покатиловъ, не желая выдавать себя головой.—Во всякомъ случаѣ, я не придаю ему особеннаго значенія.

— Ну, ужъ ты это врешь, братику!—захохоталъ Нилушка, довольный, что попалъ въ больное мѣсто друга.—Что-нибудь да не такъ... А я на твоемъ мѣстѣ взялъ бы это дѣло и такую бы машину устроилъ... ха-ха!.. И время теперь самое подходящее... вотъ войну обѣщаютъ въ Турціи... газетчикамъ

деньги посылаются. Поработали бы и кромѣ войны. Если ты смущаешься, что тебѣ газету предложила Сусанна Антоновна, то можно устроить такъ, что это сдѣлаетъ самъ Теплоуховъ: это все единственно.

— Оставимъ, пожалуйста, этотъ разговоръ.

V.

Устройство приличной обстановки въ новой квартирѣ на нѣкоторое время отвлекло вниманіе Калеріи Ипполитовны отъ постоянной мысли о собственномъ фальшивомъ положеніи. Нужно было сдѣлать кое-какія прибавки къ мебели, купить ковры, пріобрѣсти два сервиза, рояль на прокатъ для Юленьки и многое другое, что требуется въ ежедневномъ обиходѣ. Въ случаѣ затрудненія Калерія Ипполитовна обращалась къ oncl'ю и таскала старика съ собой по всѣмъ магазинамъ; Симонъ Денисычъ не годился даже для этой цѣли и проводилъ время дома въ обществѣ старой Улитушки или бродилъ по петербургскимъ улицамъ рѣшительно безъ всякой цѣли.

— Ты устрой временную обстановку,—совѣтовалъ oncle, покорно слѣдуя за племянницей.—И дешево и сердито будетъ. Въ этомъ преимущество столичной жизни для вашего брата, провинціаловъ. Вотъ серебро, кажется, необходимо подновить, потомъ экранъ къ камину.

— Да у насъ и камина совсѣмъ нѣтъ.

— Ну, все равно, купи хорошенькую жардиньерку. Это оживляетъ обстановку.

Oncle и безъ того подтолкнулъ Калерію Ипполитовну сдѣлать нѣсколько глупыхъ покупокъ, поэтому на его совѣты она особеннаго вниманія не обращала; совершенно достаточно было и того, что oncle въ совершенствѣ могъ изображать изъ себя то специфическое вьючное животное, которое создано носить дамскія „поноски“, въ формѣ безчисленныхъ картонокъ, коробочекъ, свертковъ и просто бумажныхъ мѣшковъ. Между прочимъ, Калерія Ипполитовна сочла своимъ родственнымъ долгомъ посовѣтоваться съ дядей относительно рекомендованной Романомъ мистрисъ Кэй.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до ея интимной жизни,—предупредила она, давая понять, что ей извѣстно, что за птица эта гувернантка.—Притомъ вѣдь она занимается у Зоста, а это самая лучшая рекомендація.

— Гм... да...—неопредѣленно мычалъ oncle.—Должно-быть, очень приличная особа... хотя, конечно, судить съ перваго раза довольно трудно.

— А ты развѣ тоже ее знаешь?

— Да... я случайно встрѣтился съ ней у Сусанны. Она тамъ занимается англійскимъ языкомъ.

— Съ кѣмъ это?

— Сусанна учится... Такъ, прихоть.

— Это интересно... очень интересно,—въ раздумьѣ повторяла Калерія Ипполитовна, соображая во мгновеніе ока, чѣмъ она можетъ воспользоваться изъ этого неожиданнаго открытія: чрезъ мистрисъ Кэй она можетъ знать рѣшительно все о Сусаннѣ, и притомъ знать изъ первыхъ рукъ.

Это извѣстіе сразу подняло въ глазахъ Калеріи Ипполитовны авторитетъ англичанки, которая, какъ женщина, въ тысячу разъ наблюдательнѣе oncl'я или Романа и можетъ быть ей очень полезна.

Да, рѣшено, Юленька будетъ учиться англійскому языку.

Знакомство съ Бэтси было ускорено. Эта неловкая и застѣнчивая англичанка произвела на Калерію Ипполитовну самое выгодное впечатлѣніе, хотя

опытная дама и заподозрѣла, что будущая наставница Юленьки въ достаточной степени глупа.

„Впрочемъ, это даже хорошо для перваго раза,—рѣшила про себя Калерія Ипполитовна.—Только сначала нужно будетъ ее приручить".

Юленька отнеслась къ своей наставницѣ совершенно равнодушно, точно эти уроки совсѣмъ ея не касались. Но Калерія Ипполитовна послѣ каждаго урока обязательно оставляла Бэтси пить кофе и, отославъ Юленьку подъ конвоемъ Улитушки къ maman, съ самою свѣтскою непринужденностью посвящала ее въ мелочи своей домашней обстановки, даже пускалась въ ту спеціальную откровенность, которая такъ сближаетъ женщинъ. Эта тактика ставила Бэтси въ самое неловкое положеніе, потому что застѣнчивая англичанка совсѣмъ не желала „красть" чужого довѣрія и краснѣла съ самымъ смущеннымъ видомъ, принимая знаки довѣрія Калеріи Ипполитовны. Дѣло кончилось откровеннымъ объясненіемъ.

— Я сдѣлала большую ошибку, что согласилась заниматься въ вашемъ домѣ,—заговорила Бэтси послѣ одного изъ своихъ уроковъ.—Мнѣ не хочется, чтобы вы ошибались на мой счетъ.

Бэтси проговорила это съ легкою краской на лицѣ и съ опущенными глазами, что̀ къ ней такъ шло: она все умѣла дѣлать необыкновенно просто, какъ всѣ чистыя натуры.

— Ахъ, да, вы вотъ о чемъ...—догадалась Калерія Ипполитовна и въ порывѣ чувства даже расцѣловала Бэтси: бѣдная англичаночка была такъ жалка и, вмѣстѣ, такъ хороша, что даже Калерія Ипполитовна смутилась за свою политику.—Послушайте, Бэтси... Вы позволите мнѣ васъ называть такъ? Мое правило, мой другъ, никогда не вмѣшиваться въ чужую жизнь. О вашихъ отношеніяхъ къ Роману я слышала и только отъ души могу пожалѣть васъ. Романъ мой братъ, но я только лучше другихъ знаю его недостатки: это совсѣмъ завертѣвшійся въ петербургскомъ омутѣ человѣкъ, который, вѣроятно, приноситъ не много счастія домой. Да? О, я это подозрѣвала... Еще разъ повторяю: до нашей интимной жизни никому нѣтъ дѣла. По крайней мѣрѣ, я такъ понимаю вещи. Мужчины такъ много позволяютъ себѣ, что обвинять женщину за ошибку или за увлеченіе было бы слишкомъ несправедливо.

— А Julie?.. Учительница всегда должна служить примѣромъ.

— И это пустяки. Юленькѣ еще рано думать объ интимныхъ отношеніяхъ, да и нынче не такое время, чтобы дѣвушекъ воспитывать на институтскій манеръ. Кругомъ и безъ того такъ много дурныхъ примѣровъ: въ романахъ, на сценѣ, въ костюмахъ, въ картинахъ, даже въ музыкѣ. По-моему, образованной дѣвушкѣ не лишнее знать кое-что изъ того, что̀ знаютъ всѣ большіе, потому что такое знаніе предупредитъ лишнія глупости и ошибки.

Бэтси слушала Калерію Ипполитовну со слезами на глазахъ, но внутренно не могла съ ней согласиться: ей казалось, что она уже однимъ своимъ дыханіемъ заражаетъ святыню домашняго очага.

— Нѣтъ, это не такъ,—повторяла Бэтси, отрицательно качая головой.—Дѣвочка будетъ большая и можетъ упрекнуть васъ.

— Но вѣдь я мать Юленьки и могу взять все на свою отвѣтственность,—не унималась Калерія Ипполитовна.—Наконецъ вы занимаетесь въ другихъ домахъ.

— У Зоста я занимаюсь съ мальчиками; это совсѣмъ другое дѣло. Потомъ я занимаюсь съ одною дамой, которую вы, кажется, знаете: m-me Доганская.

— Ахъ, да... я дѣйствительно хорошо знала Сусанну Антоновну,—равнодушно проговорила Калерія Ипполитовна и прибавила:—откровенность за

откровенность, милая Бэтси: Сусанна моя бывшая воспитанница, но мы разошлись съ ней. Это длинная семейная исторія, и я когда-нибудь разскажу ее вамъ, а пока могу сказать одно: я не сержусь на Сусанну... да.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Калерія Ипполитовна разсказала въ краткихъ чертахъ исторію Сусанны и всю вину своего разрыва съ ней свалила на Теплоухова и Богомолова, которые и теперь продолжаютъ въ своихъ собственныхъ видахъ вооружать Сусанну противъ нея.

— Вообще Сусанна сдѣлала большую ошибку своимъ замужествомъ,— закончила Калерія Ипполитовна свой разсказъ. — Вѣдь она не любитъ мужа... да?

— Право, я ничего не знаю объ ихъ отношеніяхъ.

— Да, конечно, судить мужа и жену со стороны слишкомъ трудно, но все-таки есть извѣстные признаки... мелочи, пустяки, которые достаточно говорятъ сами за себя. Впрочемъ, говоря откровенно, я не особенно интересуюсь этимъ предметомъ...

Бэтси, можетъ-быть, и не вдругъ поддалась бы на ласковыя рѣчи Калерии Ипполитовны, но ей было такъ тяжело. Романъ видимо увлекался Деганской и былъ счастливъ только въ ея обществѣ. Конечно, это былъ не первый случай въ длинной исторіи увлеченій Романа, но это не мѣшало Бэтси чувствовать себя глубоко несчастной, и она призывала на помощь всю свою энергію, чтобы сдержать подступавшія къ горлу слезы. Отъ зоркаго глаза Калеріи Ипполитовны не ускользнуло душевное состояніе ея жертвы, и на этотъ разъ она прекратила разговоръ.

— У этого Романа рѣшительно нѣтъ никакихъ родственныхъ чувствъ,— говорила Калерія Ипполитовна за слѣдующимъ кофе.—Былъ у насъ всего два раза, какъ мы въ Петербургѣ. Гдѣ это онъ пропадаетъ, Бэтси?

— Собираетъ матеріалы.

— Около Сусанны?

— Да.

— Скажите?! — пришла въ ужасъ Калерія Ипполитовна.—Впрочемъ, этого слѣдовало ожидать. Сусанна такая женщина, которая не остановится ни передъ чѣмъ. Я не хочу сказать про нее что-нибудь дурное и за себя лично даже совсѣмъ не сержусь, но зачѣмъ она завлекаетъ этого несчастнаго Романа, который готовъ бѣжать за первою попавшеюся на глаза юбкой? Ну, скажите на милость, что такое можетъ представлять своей особой Романъ для Сусанны? Ни выдающейся красоты, ни молодости, ни богатства, ни таланта,—рѣшительно ничего, что могло бы имѣть значеніе для такой женщины.

— Вы въ этомъ случаѣ несправедливы къ m-me Деганской,—вступилась прямодушная Бэтси.—Если кто-нибудь виноватъ, такъ это одинъ Романъ. У него совершенно неорганизованный характеръ.

— Ахъ, нѣтъ и нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ!—горячо сказала Калерія Ипполитовна.—Ужъ если въ чемъ можно, дѣйствительно, винить насъ, женщинъ, такъ именно въ этой несчастной слабости завлекать мужчинъ. И я никогда не повѣрю, чтобы порядочная женщина не сумѣла предупредить извѣстную крайность, когда мужчина теряетъ голову. Повѣрьте, Бэтси, я сама была молода и знаю, что говорю. У каждой женщины въ полномъ распоряженіи тысячи средствъ, чтобы отдѣлаться отъ слишкомъ усердныхъ поклонниковъ. Все это можно сдѣлать почти незамѣтно, подъ рядомъ самыхъ благовидныхъ предлоговъ. Я совсѣмъ не думаю оправдывать Романа, но и Сусанна не права.

— Она не можетъ быть ни правой ни неправой, потому что ничего не

знаетъ о моихъ отношеніяхъ къ Роману,—признавалась Бэтси.—Даже и Романъ не знаетъ, что я занимаюсь съ Доганской. Я сдѣлала эту маленькую ложь, т.-е. не предупредила ихъ, но вѣдь Романъ такъ часто меня обманывалъ.

— И не говорите, голубчикъ... Съ мужчинами всегда нужно держаться очень осторожно, какъ съ нашимъ вѣчнымъ и непримиримымъ врагомъ. Мужчины истинное несчастіе нашей жизни, и мы приносимъ постоянно тысячи жертвъ этимъ безсердечнымъ эгоистамъ.

„О, Бэтси ревнуетъ Романа, и остается только воспользоваться этимъ случаемъ,—думала про себя Калерія Ипполитовна, довольная всею этою исторіей.—Теперь мы будемъ знать каждый шагъ Сусанны Антоновны... Погодите, m-me Доганская, теперь вы сильны, потому что можете дѣлить свою молодость и красоту между мужемъ и любовникомъ, но наступитъ часъ, котораго женщинѣ не прощаютъ. Да... Нельзя изжить вѣкъ, не любя!“

Калерія Ипполитовна имѣла полное основаніе именно такъ думать, потому что сама слишкомъ дорого заплатила за свой чиновничій бракъ. Она никогда не любила мужа и отдалась Доганскому въ порывѣ неудовлетвореннаго чувства. Да, Доганскій... Этотъ невозможный человѣкъ продолжалъ ѣздить къ Мостовымъ, хотя Калерія Ипполитовна отдала Улитушкѣ строгій приказъ не принимать его ни подъ какимъ видомъ. Калерія Ипполитовна просто не могла его видѣть, да у нея и своихъ дѣлъ было по горло съ разными хлопотами у вліятельныхъ лицъ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ своего петербургскаго существованія Калерія Ипполитовна успѣла побывать у всѣхъ своихъ знакомыхъ; кромѣ того, успѣла побывать вездѣ, куда только представлялась какая-нибудь возможность попасть; и все это было продѣлано безъ всякой пользы. Въ счастливыхъ случаяхъ получались одни обѣщанія, не стоившія выѣденнаго яйца по петербургской цѣнѣ. Оставалось послѣднее рѣшительное средство—это старые друзья maman. Князь Юклевскій,—кстати, Улитушка увѣряла, что Романъ былитый князь!—принялъ ее внимательно, но это была такая развалина, и притомъ эта развалина обременена была такою коллекціей необыкновенно сложныхъ болѣзней, что ничего не оставалось, какъ только бѣжать безъ оглядки.

— У васъ тамъ въ Сибири, говорятъ, есть такая ягода облѣпиха...—шамкалъ князь, полулежа въ американскомъ креслѣ со всѣми приспособленіями для умирающихъ.

— Да, князь, есть. Изъ нея дѣлаютъ наливки,—объясняла Калерія Ипполитовна больше при помощи знаковъ, потому что князь до обѣда былъ глухъ, а послѣ обѣда слѣпъ.

— А мнѣ говорили, что это что-то въ родѣ китайскаго жень-шеня...

Баронъ Шебекъ былъ совсѣмъ еще бодрый старичокъ изъ остзейскихъ ландлордовъ, но его звѣзда уже закатилась, о чемъ предупреждали Калерію Ипполитовну, но она все-таки поѣхала къ барону, чтобы убѣдиться своими глазами въ печальной истинѣ. Баронъ понималъ положеніе своей гостьи и долго качалъ сочувственно остзейской головой.

— Какъ здоровье Annette... т.-е. Анны Григорьевны?—справлялся баронъ, прищуривая глаза.

— Благодарю васъ, баронъ, maman пользуется хорошимъ здоровьемъ для своихъ лѣтъ.

Старичокъ какъ-то весь съежился, оглядѣлъ свой кабинетъ и шопотомъ проговорилъ:

— Я долженъ васъ предупредить: для всѣхъ насъ одно спасеніе, это—нефть.

— Какъ нефть, баронъ?

— Да, да, нефть... Передайте это Annette, она объяснитъ вамъ все. Помните только одно: нефть.

Этотъ баронъ Шебекъ черезъ два дня помѣшался: нефть сдѣлалась его idée fixe.

Оставался одинъ Андрей Евгеньичъ. Калерія Ипполитовна отправилась къ нему не безъ нѣкотораго трепета, и Улитушка даже благословила ее вслѣдъ: вѣдь Леренька не чужая была этому Андрею Евгеньичу, что̀ она и сама слыхала отъ mamam, хотя не вѣрила ей, потому что у mamam было такъ много разныхъ приключеній въ ея тревожной молодости, а человѣческая память ограничена.

Андрей Евгеньичъ жилъ на Англійской набережной. Это былъ худенькій, маленькій, живой старичокъ съ ласковыми глазами; онъ сильно бодрился, хотя одна тоненькая ножка Андрея Евгеньича уже не дѣйствовала. Пока Калерія Ипполитовна передавала ему обстоятельства своего настоящаго положенія, Андрей Евгеньичъ внимательно поднималъ и опускалъ свои крошечныя брови и наконецъ въ утѣшеніе своей гостьи проговорилъ:

— Я вполнѣ сочувствую вамъ, моя крошка... Вѣдь я васъ помню еще ребенкомъ, когда носилъ на рукахъ! Да... Я понимаю васъ и сочувствую, потому что у меня у самого большое горе: вы знали, конечно, эту маленькую Фанни, которая танцовала пятнадцать лѣтъ у воды,—эта неблагодарная маленькая особа покинула меня. Положимъ, это въ порядкѣ вещей, но обидно то, что она перемѣнила меня на редактора какой-то грязной, уличной газетки. Да, вотъ въ какое ужасное время мы живемъ.

Событія и лица немножко путались въ лысой головѣ Андрея Евгеньича, и онъ говорилъ о своемъ горѣ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, хотя Калерія Ипполитовна совсѣмъ и не подозрѣвала о существованіи неблагодарной Фанни. Во время разговора старичокъ нѣсколько разъ принимался очень внимательно разсматривать свою гостью и, какъ чувствовала Калерія Ипполитовна, находилъ ее состарившейся. Когда-то Андрей Евгеньичъ очень ухаживалъ за Леренькой, когда она еще не была замужемъ и когда у нея былъ такой свѣжій бюстъ. Чтобы попасть въ тонъ лакомому старичку, Калерія Ипполитовна разсказала не безъ остроумія свою исторію съ Сусанной, хотя и не назвала ея фамиліи.

— Слыхалъ... да, слышалъ что-то такое,—задумчиво повторялъ Андрей Евгеньичъ.—Это вы про Морозъ-Доганскую?.. Мнѣ тутъ разсказывалъ эту исторію одинъ господинъ, онъ тоже изъ Сибири... позвольте, какъ его фамилія?

— Богомоловъ?

— Да, да. И, говорятъ, красавица эта Доганская. Что-то необыкновенное, въ восточномъ вкусѣ...

Богомоловъ успѣлъ предупредить Калерію Ипполитовну, и она уѣхала съ пустыми руками.

„Господи, что̀ же это такое будетъ, наконецъ?—думала она, возвращаясь на свое пепелище.—Вѣдь живутъ же другіе люди?.. Облѣпиха... нефть... Фанни... Нѣтъ, это рѣшительно невозможно!“

VI.

Старая Улитушка была неотлучно при Julie, т.-е. возила ее отъ mamam въ номера Квасовой для уроковъ англійскаго языка, а потомъ обратно, гдѣ и оставалась. Занятая своими дѣлами, Калерія Ипполитовна не обращала вниманія на дочь, которая находилась въ полномъ вѣдѣніи Улитушки. Но эта

описка не имѣла особеннаго значенія, и Julie дѣлала все по-своему. Между прочимъ, она успѣла познакомиться съ Инной, дочерью урожденной княжны Несмѣловой-Щурской. Дѣвочки встрѣтились въ коридорѣ и сначала дичились другъ друга, а потомъ какъ-то сразу сошлись и бѣгали изъ номера Мостовыхъ въ номеръ „урожденной“, обнявшись. Инна была старше Юленьки. Подруги скоро сошлись на „ты“ и при встрѣчахъ перекидывались улыбками и таинственными полуфразами.

— Ну, что твоя бабушка?—спрашивала маленькая Инна, покачиваясь на своихъ сухихъ проволочныхъ ножкахъ, точно синица.

— Бабушка умная...—смѣялась Юленька и начинала шептать на ухо Инѣ что-то такое, что заставляло дѣвочекъ хохотать до слезъ.

— А мнѣ здѣсь такъ надоѣло, такъ надоѣло...—жаловалась Инна, крѣпче прижимаясь своимъ тщедушнымъ тѣльцемъ къ Юленькѣ.—Не съ кѣмъ слова сказать.

— А Людмила?

— Только она одна и есть.

Эта дѣтская дружба очень не по сердцу пришлась старой Улитушкѣ, которая постоянно косилась на „востроногую“ подругу Юленьки и даже жаловалась на нее Калеріи Ипполитовнѣ.

— Что она тебѣ помѣшала?—разсѣянно спрашивала та, не обращая вниманія на брюзжанье старухи.—Дѣвочка какъ дѣвочка... Дай Богъ, чтобъ мы Юленькѣ могли дать такое воспитаніе.

— Востра больно. И съ Людмилкой эта востроногая дружитъ, а развѣ это подходитъ, чтобы настоящая барышня съ лакейкой вязалась? Шепчутся по угламъ, и все одна музыка: хи-хи да ха-ха.

— Вырастутъ большія, будутъ умнѣе.

— Вырастутъ-то вырастутъ, только къ старой кожѣ своего ума не пришьешь... Барышня настоящая должна себя гордо содержать.

Ворчанье Улитушки надоѣдало Калеріи Ипполитовнѣ, и она была рада, когда старуха отправлялась съ Юленькой къ maman. А Улитушка клохтала все больше и больше, хмурилась, охала и вздыхала, какъ загнанная лошадь. Это было наконецъ невыносимо. Однажды Калерія Ипполитовна вернулась откуда-то усталая и недовольная. Улитушка попалась ей на глаза, со своею убитою физіономіей, и это окончательно взорвало Калерію Ипполитовну.

— Что съ тобой дѣлается, Улитушка? Ты точно хоронить насъ всѣхъ собралась.

— Чего хоронить, прежде смерти не умремъ.

— Ну, и отлично. Нечего, значитъ, строить эту вѣчно обиженную физіономію. Понимаешь, это мнѣ непріятно! Хлопочешь, бьешься, устанешь, какъ собака, а пріѣдешь домой отдохнуть—плаксивыя лица, охи да вздохи.

— Какъ не понять, Калерія Ипполитовна! Кому это пріятно, ужъ это что говорить! Только...

Улитушка точно спохватилась, что сболтнула лишнее, и вдругъ замолчала, но Калерія Ипполитовна сейчасъ же ее поймала:

— Ну, что только?.. Что молчишь? Говори!

— Да я давно собиралась вамъ сказать, да все какъ будто сумнѣваюсь... Карахтеръ у васъ ужъ очень скорый.

— Говори толкомъ, ради Бога, я не кусаюсь.

— И говорить нечего,—уныло повторяла Улитушка и, глядя въ уголъ, прибавила:—поѣдемте, Калерія Ипполитовна, изъ этого проклятущаго Петербурха.

— Вотъ тебѣ разъ!.. Куда же это мы поѣдемъ?

— Это ужъ дѣло ваше, а только надо ѣхать по добру, по здорову.

— Ты сегодня, кажется, хочешь изъ меня всѣ жилы вытянуть. Говори скорѣе толкомъ, а то мнѣ некогда переливать съ тобой изъ пустого въ порожнее.

— Я говорю: уѣзжать надо.

Оглядѣвшись кругомъ, Улитушка шопотомъ проговорила:

— Тотъ-то, змѣй-то нашъ, къ маманѣ ѣздитъ.

— Юрій Петровичъ?

— Онъ самый и есть, Морозъ... Недѣли ужъ съ двѣ, какъ повадился. И все съ Юленькой больше: книжки ей читаетъ, учитъ по цифрамъ... Обошелъ маману, несъ!

Калерія Ипполитовна выслушала это извѣстіе съ побѣлѣвшимъ лицомъ и какъ-то тупо смотрѣла на убитое лицо Улитушки. Она чувствовала, что ее что-то душитъ и что у нея дрожатъ колѣни.

— Господи, да что же это такое наконецъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть,—увѣряла самоё себя Калерія Ипполитовна, хватаясь за голову.—Гдѣ же ты раньше-то была? Отчего ты раньше-то ничего не говорила?—накинулась она наконецъ на Улитушку.—Двѣ недѣли... и она молчитъ!

— Васъ же берегла, а теперь сказала, да какой толкъ? Уѣзжать надо отъ грѣха, вотъ что я вамъ скажу. Ужъ на что крѣпка Анна-то Григорьевна, а и тутъ змѣй обошелъ, совсѣмъ окрутилъ.

— Господи!—взмолилась Калерія Ипполитовна, ломая руки.—Всѣ противъ меня... и все! А я еще толкую съ этою дурой... Улита, ты совсѣмъ выжила изъ ума!.. Ты меня погубила... ты... ты...

— Какая ужъ есть,—апатично отвѣчала Улитушка, вздыхая.—Смолоду ума не бывала, а подъ старость остальное растеряла.

Калерія Ипполитовна „на той же ногѣ“ отправилась къ maman. Она была разбита, уничтожена и задыхалась отъ нетерпѣнія. Проклятый извозчикъ точно поклялся никогда не доѣхать до Васильевскаго острова, а извозчичья пролетка такъ жалобно дребезжала по замерзшей мостовой, точно у этого несчастнаго экипажа болѣлъ каждый винтикъ. Вотъ отчего Доганскій пересталъ ѣздить въ номера Квасовой. Вотъ отчего и Юленька такая странная сдѣлалась. Нѣтъ, это невозможно, старая Улитушка что-нибудь перепутала.

„Какъ онъ познакомился съ maman?—думала Калерія Ипполитовна, не замѣчая попадавшихся навстрѣчу экипажей, пѣшеходовъ и улицъ.—И никто цѣлыхъ двѣ недѣли не могъ предупредить меня“.

Вотъ наконецъ и Васильевскій островъ, и безконечныя линіи, и академія художествъ, и какія-то зазимовавшія суда на Невѣ, и вагонъ конножелѣзной дороги, набитый публикой, и опять этотъ несносный извозчикъ, который ползетъ, какъ черепаха.

Маman Анна Григорьевна читала „Подражаніе Христу“ Ѳомы Кемпійскаго, когда къ ней ворвалась, какъ ураганъ, Калерія Ипполитовна. Юленьки не было: она занималась съ Бэтси въ номерахъ Квасовой.

— Ты, кажется, взволнована, mon ange?—съ неестественною кротостью спросила maman, еще находившаяся подъ обаяніемъ душеспасительнаго чтенія.

— Маman, наконецъ, это... гдѣ у васъ вода?—бормотала Калерія Ипполитовна, чувствуя, какъ вся кровь бросилась къ ней въ голову. — Маman, у меня всего одна дочь... въ ней вся моя жизнь, и вы хотите отнять ее у меня. Нѣтъ, вы ее хотите погубить!

— Продолжай, продолжай,— сухо отвѣтила Анна Григорьевна и улыбнулась.

— Я думаю, что мнѣ не нужно объяснять вамъ, въ чемъ дѣло. Кто въ

жизни не дѣлаетъ ошибокъ, а женщинамъ приходится платить за свои ошибки слишкомъ дорогою цѣною, чтобы еще казнить ихъ... Julie еще такая маленькая дѣвочка, и вы точно нарочно стараетесь раскрыть предъ ея дѣтскими глазами печальную истину... Когда Julie будетъ большая, я сама первая все ей разскажу, но теперь... Понимаете ли вы, maman, что вы ее губите? Я мать, я все выстрадала за нее, я и теперь живу только для нея, и никто не имѣетъ права отнять ее у меня. Понимаете, никто!

Разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, т.-е. говорила одна Калерія Ипполитовна, а maman молчала, перебирая и складывая маленькій батистовый платочекъ съ табакеркой. Это равнодушіе maman окончательно взбѣсило Калерію Ипполитовну, и она кончила тѣмъ, что расплакалась самымъ глупѣйшимъ образомъ.

— Рѣшительно не понимаю, изъ-за чего вы такъ волнуетесь, моя милая,— съ ледянящею улыбкой проговорила наконецъ maman, когда Калерія Ипполитовна съ рыданіями повалилась на диванъ.—Могу вамъ сказать, моя милая, только одно, что Юрій Петровичъ прекрасный человѣкъ, да. И онъ такъ любитъ Julie, какъ родную дочь.

— Онъ?! Любитъ?! — кричала Калерія Ипполитовна, захлебываясь слезами. — Если бы онъ дѣйствительно любилъ, то никогда не поставилъ бы несчастную дѣвочку въ положеніе дочери двухъ отцовъ. Онъ любитъ?! Человѣкъ, для котораго ничего нѣтъ святого?.. О, я знаю, для чего это онъ все дѣлаетъ! Да, я все понимаю, maman, и могу только удивляться, maman, что вы, при вашей проницательности, не можете до сихъ поръ разглядѣть Юрія Петровича. Вы, конечно, уже знаете всю исторію съ Сусанной. Такъ знайте же, что эта бухарская змѣя, мало того, что столкнула меня съ мѣста въ Заозерскихъ заводахъ, теперь хочетъ мстить мнѣ въ моей собственной дочери... Такъ умѣютъ ненавидѣть только одни восточныя женщины.

— За что же Сусанна такъ мститъ тебѣ, моя милая?

— За что! Maman, клянусь тебѣ Богомъ, клянусь всѣмъ святымъ, что я не знаю, за что. Кромѣ добра, я рѣшительно ничего не дѣлала ей. Можетъ-быть, я виновата въ томъ, что вырвала ее изъ ужасной казарменной обстановки, воспитывала ее... наконецъ, любила, какъ свою дочь.

— А ты припомни... Есть вещи, которыя даже и не восточныя женщины не умѣютъ прощать. Да... Какъ бы ты, напримѣръ, отнеслась къ любовницѣ своего мужа? И теперь ты ревнуешь Юрія Петровича къ его законной женѣ, да? Въ тебѣ говоритъ оскорбленная женщина, не успѣвшая еще остыть, но при чемъ тутъ Юрій Петровичъ? Мужчины, моя милая, всегда будутъ мужчинами и всегда будутъ правы, потому что... потому что...

— Почему?

— А, ты хочешь знать, почему... такъ узнай: есть извѣстныя требованія „вида“, есть такъ называемая „зоологическая правда“, есть...

— Въ какой благочестивой книгѣ вы, maman, все это вычитали?

— Я знаю, что̀ читаю, а вотъ ты до сихъ поръ еще не понимаешь такой простой истины, что женщина, позволившая мужчинѣ оставить ее, достойна презрѣнія... да-съ. Я, по крайней мѣрѣ, никогда себя не доводила до подобнаго униженія и не могу пожаловаться, чтобы мужчины не занимались мной. А все отчего? Очень просто, моя милая... Съ вами кавалеръ протанцовалъ двѣ кадрили, вы и повисли у него на шеѣ, да еще какъ повисли: „по гробъ вѣрная тебѣ Акулина“... Кому же понравится? Любовь—это совсѣмъ особенная вещь, моя милая, и для домашняго обихода не годится... Время— самый страшный врагъ любви, и мы это отлично понимали и умѣли пользо-

ваться жизнью, а не хныкать. Нынче развернуть газеты нельзя: тамъ повѣсилась, тамъ отравилась, тамъ застрѣлилась, тамъ утопилась,—и все отъ любви!.. Это убивать себя изъ-за любви!.. Ха-ха... Не могу пожаловаться, чтобы въ наше время мало любили мужчины и женщины, но и тѣ и другія всегда понимали, что дѣлаютъ. Бери примѣръ съ меня...

Какъ ни тяжело было Калеріи Ипполитовнѣ, но эта философія maman разсмѣшила ее, и она со слезами на глазахъ проговорила:

— Нынче ужъ другое время и другіе люди, maman... Вы ужъ слишкомъ прямо смотрѣли на вещи; это философія домашнихъ животныхъ.

— И ваше время дрянь, и люди дрянь, и ваша философія дрянь!—воскликнула maman, ударивъ себя маленькимъ кулачкомъ въ высохшую грудь.—Оттого вы всѣ и стрѣляетесь да вѣшаетесь... да. Кому отъ этого польза или удовольствіе?.. Женщина создана для удовольствій!..

— Я, maman, не спорю съ вами и боюсь только одного, что вы съ Юріемъ Петровичемъ будете прививать свою философію Julie... Вѣдь онъ одной вѣры съ вами и тоже увѣренъ, что создань со спеціальною цѣлью срывать цвѣты удовольствія.

— Юрій Петровичъ отличный человѣкъ, моя милая, и онъ не виноватъ, что нынѣшнія женщины такія пюни и плаксы... А относительно Julie я тебѣ вотъ что скажу: назадъ тому сто лѣтъ жила одна танцовщица, m-lle Дематень, еще очень молодая и очень наивная особа. Ее кто-то и спросилъ: что бы она сдѣлала, если бы ее оставилъ ея amant? Она и отвѣтила, со своею наивностью: „я взяла бы сейчасъ же другого amant“... Вотъ женщина съ твердою душой, у которой всѣмъ вамъ слѣдовало бы поучиться, моя любезная.

Калеріи Ипполитовнѣ еще разъ пришлось убѣдиться въ той печальной истинѣ, что разсуждать съ maman о многихъ вещахъ совершенно напрасный трудъ, особенно въ области интимной жизни. Старушка, дѣйствительно, обладала твердою душой, и ея философія являлась только выводомъ и заключеніемъ ея жизни.

Въ самый разгаръ этой горячей семейной сцены въ гостиную вошелъ Романъ. Онъ нѣсколько мгновеній стоялъ въ дверяхъ, а потомъ съ распростертыми объятіями кинулся къ матери.

— Maman... милая... голубушка!—кричалъ онъ, цѣлуя старушку.—Если бы ты знала, какъ я сегодня счастливъ... Дай, я еще разъ тебя поцѣлую...

— Романъ... ты съ ума сошелъ!—барахталась Анна Григорьевна въ сыновнихъ объятіяхъ и даже выронила свой платокъ съ табакеркой.—Калерія, онъ съ ума сошелъ... Онъ меня задушитъ! Калерія, мнѣ дурно...

— Романъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, точно съ цѣпи сорвался,—уговаривала Калерія Ипполитовна, стараясь освободить мать.—Отпусти же, говорятъ тебѣ...

— Да, я сошелъ съ ума отъ счастья,—бормоталъ Романъ и сейчасъ же не только заключилъ въ свои объятія сестру, но и облобызалъ ее съ необыкновенною родственною энергіей.—Леренька, понимаешь ли ты, что значитъ самое слово: счастье?

— Отпусти, ради Бога!—кричала Калерія Ипполитовна и смѣшно барахталась своимъ полнымъ корпусомъ.—Маман... да что же это такое?

Анна Григорьевна успѣла вооружиться объемистымъ твореніемъ Ѳомы Кемпійскаго и только посмѣивалась: этотъ Романъ всегда былъ сумасшедшимъ мальчишкой. Не былъ цѣлый годъ, ворвался и давай душить. Выпустивъ разсердившуюся сестру, Покатиловъ безсильно опустился на кресло и проговорилъ прерывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Маман, Леренька... поздравьте меня: предъ вами редакторъ-издатель

большой литературной и политической газеты „Сѣверное Сіяніе“. Подписная цѣна за годъ 17 цѣлковыхъ, безъ пересылки—15 р. 50 к., подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ...

— Только-то?—удивилась Анна Григорьевна.—Ну, это, мой милый, еще сказка про бѣлаго бычка.

— Кажется, эта исторія лѣтъ пятнадцать тянется,—прибавила Калерія Ипполитовна, приводя въ порядокъ измятое платье.—Впрочемъ, ты могъ бы издавать газету для сумасшедшихъ.

— Нѣтъ, теперь ужъ бѣлый бычокъ попалъ на веревочку,—разсказывалъ Покатиловъ, ероша волосы.—Сколько я хлопоталъ все это время, гдѣ ни перебывалъ, кому ни кланялся, чего ни переговорилъ,—и все-таки добился своего. Теперь буду работать запоемъ, потому что газетное дѣло мое истинное призваніе. Безъ газеты я жалкій человѣкъ, какъ рыба на сухомъ берегу. Да... О, я сумѣю повести дѣло такъ, что Котлецовъ и Брикабракъ утонутъ со своими носовыми платками. У меня и разрѣшеніе на газету здѣсь, въ карманѣ... Хорошо то, что̀ хорошо кончается.

— Позволь, позволь,—остановила его Анна Григорьевна.—Насколько мнѣ не измѣнила память, на газету нужны деньги, и много денегъ?

— Деньги? Ха-ха!.. Maman, я теперь богатъ, какъ моршанскій скопецъ. Леренька, позволь залѣпить еще одну родственную безешку?

Покатиловъ угрожающе поднялся съ кресла, но обѣ женщины скрылись за Ѳомой Кемпійскимъ, приготовившись дать самый отчаянный отпоръ расходившемуся родственному чувству.

— Я начинаю чувствовать даже усталость отъ слишкомъ большого счастья,—заговорилъ Покатиловъ, отступая,—даже точно тошнитъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда объѣшься сладкаго. Знаешь, Леренька, я и твоего Симона теперь пристрою: сдѣлаю его завѣдующимъ всѣмъ внутреннимъ отдѣломъ.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, избавьте насъ отъ этой чести, Романъ Ипполитовичъ,—отвѣтила Калерія Ипполитовна, дѣлая презрительную гримасу.—Пока я жива, Simon никогда не спустится до профессіи газетчика... да. У насъ есть, наконецъ, дочь, мы обязаны беречь свою репутацію для нея...

— Ха-ха!..Ты ужасно сегодня походишь на театральную Марію Стюартъ,—заливался Покатиловъ.—Но все это пустяки... Я не могу сегодня сердиться!.. Maman, Леренька, понимаете ли вы, что̀ такое „своя“ газета?.. Это вѣдь сила, и страшная сила. Наши газетчики только мухъ ловятъ, и мы имъ покажемъ, какъ нужно вести настоящую газету, такую газету, которая не дала бы читателю дохнуть... Да-съ. Прежде всего, идея. Мы всѣ эти предразсудки по-боку: ни протяженно-сложенныхъ передовицъ, которыхъ не читаетъ даже самъ авторъ, ни внутренняго отдѣла съ убійствами и пожарами, ни этой мутной воды подъ именемъ иностранной политики, ни своей газетной грызни,—все къ чорту... Хроника и фельетонъ—этимъ все сказано, и только изрѣдка что-нибудь скучно-серьезно-непонятное, какъ бросаютъ собакѣ кость, чтобы поточить зубы. Черезъ годъ у меня будетъ пятнадцать тысячъ подписчиковъ...

— И эти пятнадцать тысячъ подписчиковъ сговорились, чтобы впередъ дать тебѣ денегъ? Перестань, Романъ, играть въ прятки,—заговорила Калерія Ипполитовна со сдержанною злостью.—Maman, вы можете и не спрашивать Романа, откуда у него деньги...

— Что̀ ты этимъ хочешь сказать, моя милая?—сухо отозвалась Анна Григорьевна и прищурила свои темные глазки.

— А что̀ вы сказали бы, maman, про человѣка, который сталъ бы изда-

вать газету на средства своей любовницы... нѣтъ, хуже: на деньги чужой любовницы? Ха-ха...

— Калерія, ты забываешься!—вскинѣлъ Покатиловъ, но сейчасъ же опустился.

— А... понимаю...—медленно проговорила Анна Григорьевна, обводя дѣтей презрительнымъ взглядомъ.—Въ наше время мужчины разорялись на женщинъ... да, я это понимаю. Романъ, ты молчишь?.. Ужели?.. Но вѣдь такъ можетъ сдѣлать лакей?

— Maman... тутъ недоразумѣніе...—попробовалъ-было защищаться Покатиловъ.

— Я понимаю, что еще мужчина можетъ издержать деньги своей жены, наконецъ своей любовницы...—не унималась старушка.—Но воспользоваться средствами чужой любовницы... Калерія, какъ это называется по-французски?

— Въ Парижѣ такихъ господъ называютъ альфонсами, maman, и еще... еще soutenеur'ами.

Покатиловъ расхохотался. Это было, наконецъ, невозможно,—эти куропатки были невозможны. Онъ взялъ деньги у Сусанны, у которой у самой ничего никогда не было и нѣтъ?!

VII.

Покатиловская газета своимъ появленіемъ была обязана ловкому содѣйствію Нилушки Чвокова, который сумѣлъ затянуть въ это дѣло Теплоухова помимо Сусанны. Все дѣло было сдѣлано въ теченіе одного часа въ собственномъ домѣ Теплоухова, гдѣ были назначены переговоры. Въ громадномъ мрачномъ кабинетѣ, походившемъ на королевскую усыпальницу, сидѣли всего трое: Покатиловъ, Чвоковъ и Теплоуховъ.

— Газета въ нашихъ интересахъ, Евстафій Платонычъ,—распинался Нилушка предъ молчаливымъ магнатомъ.—Намъ безъ того печатное слово обходится не дешево, а тутъ будетъ взаимная услуга, и только.

Послѣ Нилушки говорилъ Покатиловъ, подробно рисуя всю картину сложнаго газетнаго дѣла. Теплоуховъ слушалъ и Нилушку и будущаго редактора молча и въ теченіе всего визита выговорилъ одно слово:

— Хорошо.

Это коротенькое словечко стоило ровно сто тысячъ, потому что Теплоуховъ сейчасъ же выдалъ Покатилову свой чекъ на эту сумму.

— Это дьяволъ, а не человѣкъ,—говорилъ Покатиловъ, когда они возвращались съ Нилушкой къ Борелю.—Я никогда въ жизни своей не чувствовалъ себя такъ скверно... Какое-то особенно подлое чувство, точно что-то воруешь. Ей-Богу... „Хорошо“. Если можно раздавить человѣка, такъ этимъ именно способомъ: точно камнемъ придавилъ. Нѣтъ, это дьяволъ, и я повѣсился бы, если бы остался съ нимъ съ глазу на глазъ двое сутокъ.

Итакъ, своя газета. Эта мысль сводила съ ума Покатилова, и онъ часто думалъ, дѣйствительно ли это такъ? Но эти сомнѣнія исчезали предъ лучезарнымъ свѣтомъ небольшого лоскутка сѣрой бумаги, на которой Теплоуховъ черкнулъ свое имя. Да, сто тысячъ!.. сто тысячъ! Изъ этихъ денегъ Покатиловъ сдѣлаетъ милліонъ и прежде всего разсчитается съ Теплоуховымъ изъ копейки въ копейку. Передъ Покатиловымъ живьемъ вставала картина, когда онъ привезетъ Теплоухову послѣдній долгъ, и какъ Теплоуховъ равнодушно сунетъ деньги въ свой письменный столъ и скажетъ свое одно слово: „хорошо“. Можетъ-быть, и этого не скажетъ, а только кивнетъ головой... А чортъ съ

нимъ!.. Главное, все дѣло обошлось безъ содѣйствія Сусанны, слѣдовательно Покатиловъ могъ считать свою совѣсть чистой.

Первымъ дѣломъ послѣ рѣшенія денежнаго вопроса нужно было развязаться съ „Искорками“. Когда Покатиловъ входилъ въ редакцію своей уличной газетки, на него напало какое-то чувство омерзѣнія: онъ, Покатиловъ, могъ работать въ этой газетной дырѣ?.. Брикабракъ сидѣлъ на своемъ редакторскомъ мѣстѣ и встрѣтилъ фельетониста довольно холодно, что̀ чуть-чуть не разсмѣшило Покатилова до слезъ.

— Ну, что̀ мы дадимъ въ будущее воскресенье?—дѣловымъ тономъ заговорилъ Брикабракъ.

— Въ будущее воскресенье? Семенъ Гаврилычъ, мнѣ нужно давно сказать вамъ одну вещь: если вы мнѣ не уступите театральную хронику, я вынужденъ буду отказаться отъ чести работать въ „Искоркахъ“.

Для чего выкинулъ эту штуку Покатиловъ, онъ самъ не могъ себѣ объяснить, кромѣ развѣ того, чтобы посмотрѣть, какъ Брикабракъ, съ важностью дипломата, откажетъ ему. Такъ и случилось. Семенъ Гаврилычъ поднялъ свои жирныя плечи и хрипло проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, я не могу, Романъ Ипполитовичъ. Вы знаете мой характеръ, а для журналиста характеръ прежде всего.

— Значитъ, мнѣ тоже остается пожалѣть... и проститься съ вами,— отвѣтилъ Покатиловъ съ комическимъ достоинствомъ.

Оглянувъ въ послѣдній разъ кабинетъ редакціи, Покатиловъ церемонно раскланялся съ недоумѣвавшимъ Брикабракомъ и вышелъ. Вотъ и контора редакціи, и секретарскій столъ, и мѣдная рѣшетка, за которой сидѣлъ лысый старичокъ-кассиръ, точно обезьяна въ клѣткѣ. Покатилову вдругъ сдѣлалось какъ-то жаль насиженнаго угла, а потомъ онъ даже покраснѣлъ за свою мальчишескую выходку съ Брикабракомъ. Что̀ же, глупъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, но собственно не злой человѣкъ. Нужно вернуться и пожать руку на прощанье. Это естественное душевное движеніе было заглушено чувствомъ ложнаго стыда, и Покатиловъ, надвинувъ глубже шапку на голову, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Э, все равно,—проговорилъ онъ вслухъ и даже махнулъ рукой.

Пока составъ новой редакціи былъ очень ограниченъ: Покатиловъ завѣдывалъ всѣмъ дѣломъ, Чвоковъ—по части экономическихъ статей, капитанъ Пуховъ былъ возведенъ въ чинъ хроникера, а Водяга временно исправлялъ должность секретаря.

— А какой же у меня будетъ чинъ?—спрашивалъ Чвоковъ у Покатилова.— Надо же какое-нибудь названіе: хранитель тайной печати, мандаринъ второй степени съ павлинымъ перомъ и двумя шариками.

— Можно и чинъ,—соглашался Покатиловъ.—Ты у насъ будешь протодьякономъ. Доволенъ?

— Что̀ же, чинъ изрядный!—смѣялся Нилушка.

Между прочимъ, встрѣтивъ Симона Денисыча на улицѣ, Покатиловъ предложилъ ему мѣсто завѣдующаго внутреннимъ отдѣломъ. Старикъ даже растерялся отъ пріятной неожиданности, и Покатилову сдѣлалось его жаль.

— Я могу... буду стараться,—бормоталъ Мостовъ, крѣпко пожимая руку Вити.—Мнѣ, знаете, до смерти надоѣло шататься по Петрограду безъ всякаго угла... Конечно, Калерія будетъ недовольна, но вѣдь знаете, женщина... Ей трудно освоиться съ новыми взглядами. Какъ хотите, жизнь постепенно обгоняетъ каждаго, и каждый остается въ концѣ концовъ за флагомъ. Вѣдь и капитанъ будетъ у васъ?

— О, да... Онъ будетъ вести хронику.

— Вотъ и отлично. Мы вмѣстѣ. А я буду стараться.

— Извините, мнѣ некогда,—проговорилъ Покатиловъ, прощаясь.—У меня бездна дѣла.

— Понимаю, все понимаю. Такъ мы ужъ съ капитаномъ.

У Покатилова дѣйствительно голова шла кругомъ отъ массы навалившихся на его плечи заботъ, и, главное, вездѣ нужно было поспѣть самому. До перваго января оставался какой-нибудь мѣсяцъ, и въ этотъ короткій срокъ нужно было организовать новую редакцію, найти квартиру, заключить контракты съ типографіей, бумажнымъ фабрикантомъ и такъ далѣе, безъ конца. По одному и тому же дѣлу приходилось ѣздить десять разъ, нѣкоторыя, очень простыя издали операціи вблизи оказались сложными, многое пришлось отложить до болѣе удобнаго момента, вообще день казался Покатилову короткимъ. Это была первая трудовая суета въ покатиловской жизни, и онъ отдался ей всей душой. Вѣдь это и была настоящая жизнь, полная захватывающаго интереса. Покатиловъ чувствовалъ въ себѣ приливъ необыкновенной энергіи. Желая отдохнуть отъ этой дѣловой горячки, Покатиловъ обыкновенно отправлялся къ Доганскимъ.

Странное дѣло! Когда завѣтная цѣль была достигнута, Покатиловъ вдругъ почувствовалъ какую-то странную пустоту, и это чувство особенно преслѣдовало его въ обществѣ Сусанны. Ему чего-то недоставало. Покатиловъ наблюдалъ за Сусанной и упорно подыскивалъ доказательства, что она перемѣнилась къ нему. Да, ему это казалось, и онъ даже придирался къ разнымъ мелочамъ.

— Что съ вами, Романъ Ипполитычъ?—удивлялась иногда Доганская.— Вы совсѣмъ не въ своей тарелкѣ себя чувствуете.

— Да, вѣрно. Мнѣ кажется, Сусанна Антоновна, что съ самаго моего несчастнаго редакторства вы измѣнились ко мнѣ.

— Вотъ эта мило!.. Я измѣнилась?.. И не думала, вы для меня всегда одинъ и тотъ же. Вообще я, кажется, не подавала вамъ повода къ подобнымъ претензіямъ.

— Совершенно вѣрно... Простите. Да, я безумецъ, и смѣшно думать, что вы могли бы когда-нибудь измѣниться по отношенію ко мнѣ: вамъ все равно. О, я понимаю!.. Но вѣдь этотъ безумецъ, Сусанна Антоновна, не нашелъ готовъ отдать за васъ свою жизнь и ничего не требуетъ, кромѣ того, чтобы ему, какъ милость, позволили только дышать время отъ времени одинъ воздухомъ съ вами.

— Скажите, пожалуйста, м-г Покатиловъ, кто далъ вамъ право говорить такимъ тономъ со мной? Я могу только пожалѣть, что нѣкоторыя положенія дѣлаютъ умныхъ людей глупцами. Извините меня за откровенность, но я хотѣла бы уважать васъ попрежнему, и только.

— И только,—повторилъ Покатиловъ.—Да, и только. Этимъ все сказано... Я этого ожидалъ.

Покатиловъ посмотрѣлъ на Доганскую помутившимися глазами, улыбнулся кривою, конвульсивною улыбкой, повернулся и, не простившись, пошелъ къ двери.

Доганская съ улыбкой провожала его до самаго порога, но онъ не оглядывался, и она проговорила:

— М-г Покатиловъ, вернитесь.

Покатиловъ остановился въ дверяхъ и не трогался съ мѣста.

— Я приказываю вамъ вернуться... слышите?

— Зачѣмъ?—глухо спросилъ Покатиловъ, дѣлая перѣпительный шагъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами серьезно,—отвѣтила Доганская и указала ему на стулъ противъ себя.—Садитесь и поговоримте. Разъ и навсегда нужно устранить нѣкоторыя недоразумѣнія.

Въ этой комнатѣ происходилъ тогда роковой разговоръ о газетѣ, и Покатиловъ, со страшнымъ чувствомъ жгучей боли, думалъ, что теперь конецъ всему, и что онъ больше не вернется въ эту комнату. Всему конецъ. У него кружилась голова отъ этой мысли.

— Я васъ уважаю, какъ умнаго человѣка,—сдержанно заговорила Доганская, — но никогда не могла бы полюбить... Я позволяю себѣ эту откровенность, какъ оскорбленная вами женщина. Мнѣ, во всякомъ случаѣ, тяжело говорить все это, хотя я къ вамъ лично ни ненависти ни особенной нѣжности не питаю. Равнодушіе не обидно ни для кого. Но вамъ угодно было отнестись ко мнѣ иначе, и этимъ... этимъ безумiемъ вы губите только-что начатое дѣло, губите наше общее дѣло. Можетъ-быть, я виновата тѣмъ, что отнеслась къ вамъ съ первой нашей встрѣчи, какъ къ брату, съ довѣрiемъ, которое вы перетолковали по-своему. Могу вамъ сказать только одно: я слишкомъ устала жить... мнѣ все надоѣло... я сама себѣ въ тягость.

— Простите меня,—тихо проговорилъ Покатиловъ, протягивая руку.

— О, я не сержусь на васъ, останемтесь попрежнему друзьями,—отвѣтила она, подавая обѣ руки.—Не думаю, чтобы вамъ это было такъ трудно, особенно послѣ тѣхъ жестокихъ словъ, которыя вы говорили пять минутъ назадъ. Впрочемъ, это ужъ такая наша женская доля: намъ всегда повторяютъ, что „вы—первая женщина, которая...“ и т. д. Не правда ли?

Покатиловъ слушалъ эту обвинительную рѣчь съ опущенною головой и чувствовалъ только одно, что Доганская высказываетъ по его адресу гораздо больше, чѣмъ предполагала, и высказываетъ именно то, что у нея наболѣло на душѣ.

— Да, а я все время мучился...—заговорилъ Покатиловъ, продолжая вслухъ то, что думалъ.—Это смѣшно, это нелѣпо, глупо, но это было: я ревновалъ васъ, Сусанна Антоновна, къ Нилу Кузьмичу.

Еще договаривая эту фразу, Покатиловъ чувствовалъ, что говоритъ глупость, но глупое слово было сказано, и Доганская расхохоталась, какъ сумасшедшая. Она иногда умѣла хохотать такъ заразительно-весело, что разсмѣялся бы мертвый, какъ смѣялся теперь Покатиловъ, окончательно потерявшій голову. Этотъ смѣхъ наполнилъ всю комнату, вырвался въ двери и пошелъ гулять по всему дому.

— Боже мой... вы меня хотите уморить, Покатиловъ!—задыхаясь отъ смѣха, повторяла Доганская.—Нилушка Чвоковъ... онъ ревнуетъ меня къ Нилушкѣ Чвокову?!..

Въ дверяхъ гостиной показалась голова Теплоухова, который обладалъ счастливою способностью появляться неожиданно и часто совсѣмъ некстати, какъ въ данномъ случаѣ. Онъ внимательно посмотрѣлъ своими большими, печальными глазами сначала на Доганскую, а потомъ на Покатилова, и по его безжизненному лицу промелькнула какая-то тѣнь улыбки.

— Евстафій Платонычъ, пожалуйста, оставьте насъ однихъ,—махнула ему рукой Доганская, вздрагивая отъ новаго приступа смѣха.—У насъ здѣсь идетъ такой серьезный разговоръ.

Голова покорно скрылась, а Доганская опять хохотала, по-дѣтски откинувъ свою маленькую головку назадъ. Она нѣсколько разъ открывала ротъ, чтобы сказать что-то Покатилову, но вмѣсто словъ вырывался смѣхъ.

— Благодарю васъ, Покатиловъ, вы меня воскресили на сегодняшній

ень,—проговорила она наконецъ, вытирая слезы.—Я хандрила съ утра, и другъ Нилушка... Нѣтъ, это невозможно!..

Покатиловъ тоже смѣялся, какъ смѣется въ зеркалѣ наша тѣнь. Онъ пять былъ счастливъ и доволенъ: она смѣялась, что же можетъ быть лучше того? Онъ готовъ былъ кувыркаться и ходить на головѣ, чтобы вызвать эту рожь смѣха и чтобы она еще разъ повторила: Покатиловъ, а не m-r Покатиловъ, какъ всегда.

— Да, странная вещь—жизнь...—заговорила Доганская послѣ небольшой паузы.—Я, по крайней мѣрѣ, фаталистка, потому что все въ жизни какъ-то держится на чистыхъ случайностяхъ. Садитесь, пожалуйста, вамъ придется долго слушать.

Лицо Доганской приняло вдругъ серьезное выраженіе, и никто не повѣрилъ бы, что это она хохотала пять минутъ назадъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, взять хоть нашу встрѣчу,—продолжала Доганская, расхаживая по комнатѣ,—чистая случайность, а между тѣмъ я чувствую, что намъ не разстаться добромъ... Да... Нилушка Чвоковъ... любовь... Ахъ, Покатиловъ, какое это страшное слово, и какъ я его боюсь, если бы вы знали!.. Видѣли вы сейчасъ голову Евстафія Платоныча и его взглядъ? Вотъ самъ человѣкъ, который любитъ... Конечно, это безуміе, и женщинамъ это безуміе нравится больше всего... Позвольте, что я хотѣла сказать?.. Бѣдный мальчикъ, какъ вы сидите смирно... Мнѣ хотѣлось бы приласкать васъ, но это опасно. У васъ сегодня рѣшительно скверный видъ, г-нъ редакторъ...

— Я слушаю, Сусанна Антоновна. Вы говорили о любви...

— Вѣрно, благодарю васъ. Знаете, есть одна восточная сказка: [illegible] человѣкъ, и этотъ нѣкоторый человѣкъ собиралъ всю жизнь [illegible] ихъ, берегъ пуще глаза и все старался разбогатѣть [illegible] счастливъ. Но нашелся смѣлый воръ, который ночью укралъ [illegible] сокровища, и вчерашній богачъ утромъ проснулся нищимъ. Мы всѣ походимъ на такого богача... Одна ночь—и утромъ однимъ нищимъ больше. Вы меня не понимаете?

— Напротивъ, очень хорошо понимаю...

— И, вѣроятно, считаете себя нищимъ?

— Да, нищимъ, который никогда не былъ богачомъ, но будетъ такимъ, и тѣмъ онъ будетъ богаче, тѣмъ сильнѣе будетъ чувствовать, что онъ именно теперь-то и сдѣлался настоящимъ нищимъ. Это маленькая варіація на вашу же тему.

— Недурно сказано... и, можетъ-быть, правда,—согласилась Доганская, останавливаясь.—Мы сегодня наболтали много лишняго, Покатиловъ, и поэтому теперь поговоримте серьезно. Ну что, какъ ваша газета?.. Вы нынче совсѣмъ не говорите со мной о вашихъ дѣлахъ, а между тѣмъ я прежде всего дѣловой человѣкъ.

— Можетъ-быть, но я сегодня не могу... Прощайте!..

Простившись, Покатиловъ еще разъ вернулся и проговорилъ:

— Вы сегодня, Сусанна Антоновна, безотчетно заставляли меня мучиться, потому что сами переживаете что-то, чего я не знаю, но о чемъ догадываюсь...

Доганская ничего не отвѣтила, а, проводивъ Покатилова глазами, упала всѣмъ тѣломъ на диванъ и тихо зарыдала, какъ плачутъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ глубоко обиженныя дѣти. Она закрыла лицо руками и сама прислушивалась къ своимъ всхлипываніямъ, но осторожное прикосновеніе знакомой руки заставило ее открыть глаза: надъ ней наклонилось блѣдное и встревоженное лицо Теплоухова съ широко раскрытыми глазами.

— Сусанна, что съ тобой?—спрашивалъ онъ, стараясь приподнять вздрагивавшую отъ рыданій Доганскую.—Я, право, не понимаю: то хохотъ, то слезы...

— Вамъ и не понять,—шептала Доганская, даже не пытаясь освободиться отъ обнимавшей ее руки.—Всѣмъ вамъ нужно красивое, молодое тѣло, и только одно тѣло, но вѣдь въ самомъ красивомъ тѣлѣ есть душа. Вотъ этого-то вы никогда и не поймете: ни вы, ни Юрій Петровичъ, никто!..

— Надѣюсь, я еще ни въ чемъ не отказывалъ тебѣ... и не стѣсняю тебя въ твоихъ привычкахъ,—съ трудомъ выговаривалъ Теплоуховъ, потому что говорить для него составляло муку.—Ты пожелала, чтобы этотъ молодой человѣкъ имѣлъ газету... Развѣ я могу въ чемъ-нибудь отказать тебѣ?

— Да вѣдь все это для васъ же дѣлается?!—вскрикнула Доганская, вырываясь изъ объятій Теплоухова.—Развѣ мнѣ нужно эту газету или этого молодого человѣка? Вы эгоистъ и выбрасываете мнѣ деньги, чтобы откупиться отъ новой просьбы.

Теплоуховъ только махнулъ рукой; онъ сегодня слишкомъ много волновался. У него уже чувствовался приступъ той страшной хандры, которую умѣла разгонять одна Сусанна. Но она смотрѣла на него съ такимъ зловѣщимъ огонькомъ въ своихъ перламутровыхъ глазахъ,—вотъ именно въ такіе моменты онъ и любилъ ее больше всего съ безумною страстностью настоящаго сумасшедшаго.

VIII.

Откровенное объясненіе съ maman не улучшило положенія дѣла, и Калерія Ипполитовна только теперь замѣтила, что Юленька въ эти нѣсколько мѣсяцевъ точно переродилась, какъ могутъ перерождаться только дѣвочки, попавшія въ совершенно новую обстановку. Собственно внѣшнихъ рѣзкихъ перемѣнъ не было, но зато появилось много такихъ мелочей, замѣтныхъ только зоркому материнскому глазу, которыя приводили Калерію Ипполитовну въ ужасъ: она, мать, начинала замѣчать, что дѣлается чужой для своей родной дочери. Это чувствовалось въ тысячѣ тѣхъ повседневныхъ пустяковъ, которые даже назвать трудно: Юленька и чай пила не такъ, какъ прежде, и прислугой умѣла распорядиться какъ-то такъ, что та слушалась ее болѣе, чѣмъ Калеріи Ипполитовны, критиковала кушанья, костюмы матери и т. д. И все это дѣлалось такъ тонко, что Калеріи Ипполитовнѣ даже придраться было не къ чему. Болѣе всего Калерію Ипполитовну возмущало то, какъ Юленька смотрѣла на нее и улыбалась: въ этой улыбкѣ мать читала свой смертный приговоръ. Вообще у Юленьки былъ уже свой міръ, куда она никого не пускала, кромѣ тоненькой Инны, и притомъ эта дѣвчонка уже въ совершенствѣ усвоила себѣ ту иронически-равнодушную складку, которой всегда щеголяла grande-maman Анна Григорьевна. Но было въ Юленькѣ и новое, чего Калерія Ипполитовна не могла понять, а только чувствовала. Къ Симону Денисычу дѣвочка относилась съ самою обидною снисходительностью, и это заставляло Калерію Ипполитовна даже краснѣть; она начинала бояться этой дѣвчонки и въ присутствіи мужа избѣгала встрѣчаться въ ней глазами.

Съ другой стороны, у Калеріи Ипполитовны шла большая игра. Черезъ Вѣтси она знала почти все, что дѣлалось у Доганскихъ, и сообразно съ этимъ расположила планъ своихъ дѣйствій. У Сусанны не было знакомыхъ женщинъ, потому что она относилась къ нимъ съ чисто-восточнымъ презрѣніемъ. Точно такъ же она не любила военныхъ, которые напоминали ей несчастное дѣтство. Общество, окружавшее эту загадочную красавицу, состояло

изъ скучныхъ людей: Теплоуховъ, oncle, Нилушка, Богомоловъ, братецъ Романъ, Мансуровъ,—однимъ словомъ, цѣлая коллекція дураковъ, которые могли расшевелить сердце только совсѣмъ глухой и слѣпой женщины. Доганскій былъ на все способенъ и дѣлалъ изъ жены приманку для такихъ идіотовъ, какъ Теплоуховъ, причемъ очень искусно гарантировалъ свое собственное спокойствіе. Калерія Ипполитовна насквозь видѣла эту тонкую игру и рѣшилась воспользоваться оружіемъ своего врага.

— Милочка, нельзя на свѣтѣ прожить безъ маленькой лжи,—любила повторять Калерія Ипполитовна, оставаясь съ Бэтси съ глазу на глазъ.—Нужда заставляетъ... Мнѣ собственно жаль васъ, голубчикъ, вотъ я и придумываю, какъ помочь горю, чтобы Романъ остался съ носомъ въ своихъ ухаживаніяхъ за Сусанной. Вѣдь онъ не злой человѣкъ и можетъ со временемъ исправиться...

Въ одну изъ откровенныхъ бесѣдъ, какія умѣла устраивать Калерія Ипполитовна съ ловкостью провинціальнаго дипломата, Бэтси разсказывала о семействѣ Зоста, гдѣ давала уроки, и между прочимъ назвала старшаго сына Чарльза.

— Развѣ у Зоста есть большой сынъ?—схватилась за это открытіе Калерія Ипполитовна.

— Да, есть... Чарльзу больше двадцати лѣтъ.

— Скажите... И красивый молодой человѣкъ?

— Да... Настоящій англичанинъ: бѣлокурый, съ голубыми глазами, и такое хорошее, открытое лицо.

— Нравится онъ женщинамъ?

— О, очень,—смутилась Бэтси и даже покраснѣла.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, милочка... А, понимаю, онъ ухаживалъ за вами?.. Всѣ мужчины начинаютъ съ этого, да и я на мѣстѣ Чарльза сдѣлала бы то же самое, потому что вы, Бэтси, бываете настоящею красавицей, какъ сейчасъ, напримѣръ.

— Нѣтъ, я знаю Чарльза просто какъ хорошаго молодого человѣка,—точно оправдывалась англичанка.—Да ему и не до меня... Вѣдь онъ участвуетъ постоянно на скачкахъ, и дамы отъ него безъ ума. Чарльзъ самъ скачетъ за жокея... онъ такой смѣлый и ловкій молодой человѣкъ.

— Такъ, отлично,—соображала Калерія Ипполитовна.—Намъ придется, кажется, этимъ воспользоваться, т.-е. ловкостью вашего Чарльза. Вы вотъ что сдѣлайте, голубчикъ: при случаѣ разскажите что-нибудь Сусаннѣ про этого Чарльза, ну, что это совсѣмъ необыкновенный молодой человѣкъ, какъ сейчасъ разсказывали мнѣ. Это нравится женщинамъ... И тоже разскажите Чарльзу про Сусанну: удивительная восточная красавица, выдана какими-то дальними родственниками за стараго мужа,—однимъ словомъ, заинтересуйте его. А потомъ они ужъ сами познакомятся.

— Да Чарльзъ знакомъ съ Доганскимъ и съ вашимъ дядей... По скачкамъ у нихъ какія-то дѣла.

— Тѣмъ лучше... Молодые люди встрѣтятся, сейчасъ же завяжется романъ, и Романъ Ипполитычъ останется съ носомъ.

— Но вѣдь это нечестно!—возмущалась Бэтси.

— Пустяки, голубчикъ... Чѣмъ же мы можемъ защищаться отъ подобныхъ тварей, какъ Сусанна? Это только маленькая военная хитрость; на войнѣ—какъ на войнѣ, говорятъ французы. Ни Сусанна ни Чарльзъ ничего не потеряютъ, а еще будутъ намъ же благодарны...

Бэтси сильно колебалась, а Калерія Ипполитовна не настаивала и обра-

тила весь разговоръ въ шутку. Эта женщина умѣла пользоваться обстоятельствами и постаралась завладѣть довѣрчивою душой одинокой англичанки, которая такъ была несчастлива.

— Ну что̀, какъ наши дѣла?—спрашивала Калерія Ипполитовна каждый разъ, когда Бэтси приходила на урокъ.

— Нѣтъ, я не могу,—отвѣчала гувернантка.—Знаете, я такъ обязана старику Зосту, притомъ это просто нечестно.

— Перестаньте, душечка... Вашъ Чарльзъ не красная дѣвушка, а Сусанна не монахиня. Не теряйте даромъ времени и повѣрьте моей опытности: я не посовѣтую вамъ ничего дурного...

Въ присутствіи Калеріи Ипполитовны англичанка какъ-то терялась, хотя смутно сознавала, что она поддается вліянію этой немножко эксцентричной женщины. Да и какъ было не поддаться, когда Калерія Ипполитовна относилась къ ней съ чисто-родственнымъ участіемъ? Правда, стоило Бэтси выйти на улицу, какъ у ней являлся совсѣмъ другой порядокъ мыслей, и она говорила самой себѣ: „Калерія Ипполитовна, конечно, прекрасная женщина, но я не могу обманывать“.

Возвращаясь съ Вознесенскаго къ себѣ на Моховую, Бэтси всегда была занята этими мыслями и не замѣчала довольно длинной дороги. Она всегда ходила пѣшкомъ, хотя боялась по вечерамъ проходить Невскій, гдѣ всегда попадались такіе ужасные женщины и мужчины. Разъ Бэтси возвращалась отъ Мостовыхъ особенно поздно, и улицы были почти пусты. Бэтси, занятая своими мыслями, торопливо шла по Казанской, гдѣ изрѣдка попадались пьяные мастеровые и всегда несло изъ подвальныхъ этажей чадомъ и дымомъ. Вдали слышался вѣчный гулъ Невскаго, близость котораго дѣлалась замѣтнѣе съ каждымъ шагомъ впередъ. Вотъ и воспитательный домъ и темная глыба Казанскаго собора съ его мрачною колоннадой, а тамъ уже переливается пѣлая полоса яркихъ огней.

— Сударыня-съ...—послышался за спиной Бэтси чей-то [illegible] лосъ, и впередъ выдвинулась какая-то военная шинель.

Бэтси ничего не отвѣтила и только прибавила шагу, но воен[illegible] нель шла уже рядомъ, и Бэтси почувствовала запахъ вина. На [illegible] Невскій былъ въ двухъ шагахъ, такъ что, въ случаѣ опасности, Бэтси могла обратиться за помощью къ полиціи.

— Сударыня-съ, позвольте-съ... на два слова,—продолжала шинель, прикладывая руку къ козырьку.—Какъ порядочный человѣкъ-съ... Мнѣ крайне необходимо переговорить съ вами... да-съ...

— Оставьте меня, пожалуйста, или я позову городового,—отвѣтила наконецъ Бэтси, останавливаясь.

— Не извольте безпокоиться, сударыня-съ,—почтительно отвѣтила шинель, тоже останавливаясь.—У меня у самого дочь... т.-е. была дочь. Да-съ... Мнѣ давно необходимо было переговорить съ вами, m-lle Кэй. Честь имѣю представиться: капитанъ въ отставкѣ Пуховъ. Я и васъ знаю, и Романа Ипполитовича, и Калерію Ипполитовну, и Сусанну...

— Однако что̀ вамъ угодно отъ меня?—сухо спросила Бэтси, которую очень смущалъ сборный костюмъ капитана, его небритая физіономія и больше всего запахъ вина.

— Вы проживаете въ номерахъ Баранцева на Моховой-съ... Такъ вотъ позвольте мнѣ васъ ужъ проводить до мѣста вашего жительства, а дорогой я вамъ постараюсь все изложить подробно-съ. Только вы, пожалуйста, не опасайтесь меня: я съ самыми хорошими намѣреніями, потому что вы

ангелъ-съ... Извините за откровенность, но старику можно позволить, у меня у самого дочь, и вы ее отлично знаете: Сусанна Антоновна, а я Антонъ Терентьичъ Пуховъ... да-съ. Не довѣряете-съ?

— Нѣтъ... т.-е. я, право, не знаю, какъ мнѣ васъ понимать,—смутилась Бэтси, разглядывая сомнительнаго капитана.—Я дѣйствительно занимаюсь съ Сусанной Антоновной...

— И не подозрѣвали, что у нея есть отецъ въ Петербургѣ и притомъ такой непредставительный отецъ-съ? Что жъ дѣлать-съ? Это иногда случается. Чтобы вы не сомнѣвались относительно моей личности-съ, я вамъ разскажу, что вы занимаетесь съ Сусанной англійскимъ языкомъ и съ Юленькой тоже, и что Романъ Ипполитычъ не подозрѣваетъ вашихъ занятій съ Сусанной. Вообще отнюдь не извольте-съ безпокоиться на мой счетъ; я съ самыми благими намѣреніями осмѣлился утруждать васъ своимъ разговоромъ. Что же мы стоимъ, m-me Кэй? Я васъ провожу до вашего жилища и дорогой все изложу, хотя мой разсказъ довольно великъ-съ...

Они перешли Невскій, потомъ повернули въ Михайловскую улицу, чтобы черезъ Михайловскую площадь ближе пройти на Моховую. Бэтси молчала всю дорогу, и говорилъ одинъ капитанъ, подробно излагавшій всю исторію съ „бухарочкой Шурой", а затѣмъ біографію Сусанны.

— Я все-таки не понимаю, что вамъ нужно отъ меня,—проговорила наконецъ Бэтси, когда они по Моховой уже подходили къ номерамъ Баранцева.—Мнѣ кажется, что всѣ эти подробности нисколько не касаются меня... Если я занимаюсь у Догапскихъ и у Мостовыхъ, то это совершенная случайность, и мнѣ до ихъ біографіи рѣшительно нѣтъ никакого дѣла...

Они остановились у подъѣзда номеровъ Баранцева, но капитанъ не думалъ уходить и продолжалъ настаивать, чтобы его выслушали до конца. Въ дверяхъ подъѣзда показался швейцаръ Григорій и, приподнявъ фуражку, ждалъ, когда Бэтси пройдетъ мимо него. Оставаться на тротуарѣ на глазахъ Григорія было неловко, и Бэтси, скрѣпя сердце, пригласила капитана къ себѣ въ квартиру.

— Я только на минутку заверну къ вамъ—говорилъ капитанъ, величественно передавая свою истрепанную шинелишку Григорію.—Мнѣ приходилось бывать здѣсь раза два... у Романа Ипполитыча,—припоминалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ за Бэтси.—Меня и вашъ швейцаръ знаетъ, сударыня-съ...

Очутившись наконецъ въ квартирѣ Бэтси, капитанъ съ удовольствіемъ осмотрѣлъ уютную обстановку и, покручивая усы, терпѣливо ждалъ, пока хозяйка снимала свою шубку; отъ его помощи она отказалась. Бэтси уже раскаивалась, что пригласила въ свое гнѣздышко совершенно незнакомаго человѣка, который Богъ знаетъ что можетъ надѣлать; собравъ все присутствіе духа, она вошла въ комнату со строгимъ и увѣреннымъ лицомъ.

Она указала своему гостю на низкое кресло около дивана, а сама помѣстилась на другомъ такомъ креслѣ; ихъ теперь отдѣлялъ круглый столъ, что немного успокоило Бэтси, потому что капитанъ не бросится же на нее черезъ столъ. Между прочимъ, она успѣла разсмотрѣть капитана при свѣтѣ лампы, и онъ показался ей теперь такимъ старымъ и жалкимъ, а капитанъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, опустивъ голову, и, какъ показалось Бэтси, дремалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

„Онъ еще, пожалуй, уснетъ въ креслѣ",—со страхомъ подумала Бэтси и притворно закашляла.

Эта невинная уловка заставила капитана очнуться, и онъ засмѣялся такою хорошею улыбкой.

— Ахъ, ангельчикъ мой, я дѣйствительно немножко того-съ, задумался,—заговорилъ онъ, поднимая брови.—Да-съ... Только вы не подумайте, что я задремалъ отъ какой-нибудь посторонней причины. Нѣтъ-съ, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ хорошо, очень хорошо-съ... теплота такая разлилась. Старъ я, сударыня, и на меня иногда находитъ этакая задумчивость, даже весьма странная... Сейчасъ вотъ сижу и думаю: точно я видѣлъ когда ваше гнѣздышко,—именно такое оно у васъ и должно быть, я въ этомъ былъ увѣренъ. Подите вотъ, шелъ съ вами и думалъ отъ этомъ... И еще думалъ, сударыня, о томъ-съ, что вотъ, если бы была у меня такая дочь, какъ вы, и пришелъ бы я къ ней вотъ такъ, вечеркомъ, сѣлъ бы вотъ такъ же въ креслице и сталъ бы сидѣть смирно-смирно, какъ ребенокъ, а самъ все смотрѣлъ бы на нее и радовался... да, сударыня, радовался бы, а теперь я долженъ нѣкоторымъ образомъ проливать слезы-съ... Извините, сударыня, что я безпокою васъ своимъ ребячествомъ, но говорю единственно потому, что вижу вашу ангельскую душу... да, вижу-съ!

Этотъ оригинальный приступъ окончательно смутилъ Бэтси: ей вдругъ захотѣлось приласкать этого жалкаго старика, обнять его такъ горячо-горячо и заплакать у него на груди.

„Неужели этотъ жалкій старикъ—отецъ Сусанны?“—думала Бэтси, принимаясь опять разглядывать своего гостя.

— А я знаю, что̀ вы думаете,—засмѣялся капитанъ, закручивая усъ.—Вы думаете, неужели этотъ старичонка отецъ Сусанны Антоновны, да? Ничего, не смущайтесь, сударыня. Дѣйствительно, оно немного странно-съ... Сначала я на нее сердился, а потомъ, т.-е. теперь, мнѣ ея жаль, потому что развѣ счастье въ деньгахъ, въ богатствѣ, въ хорошихъ платьяхъ, въ дорогихъ лошадяхъ? Нѣтъ, сударыня, счастье больше любитъ вотъ такія маленькія комнатки да верхніе этажи. Ну, да все это такъ, между прочимъ, а теперь о главномъ-съ. Пришелъ я къ вамъ, сударыня, вотъ зачѣмъ-съ: напрасно вы такъ сближаетесь съ этою Калеріею Ипполитовной; нехорошая она женщина, да-съ, и добру васъ не научитъ. Я вѣдь въ тѣхъ же номерахъ проживаю и все вижу, что̀ дѣлается: и какъ вы на уроки къ нимъ приходите, и какъ Калерія Ипполитовна около васъ колесомъ ходитъ. Охъ, не ладно, это сударыня, не спроста дѣлается, и поэтому мнѣ жаль васъ, сударыня, отъ души жаль-съ... Давно я хотѣлъ предупредить васъ, сударыня, но все не рѣшался, а сегодня рѣшился: прогòните, такъ прогòните, а я все скажу, что̀ лежитъ на душѣ. Вы еще молоды и неопытны, а мы ужъ старые воробьи, видали всякіе виды. Знаю я и удочку, на какую васъ ловитъ Калерія Ипполитовна, весьма знаю: она пользуется двусмысленнымъ поведеніемъ Романа Ипполитыча и возбуждаетъ въ васъ чувство ревности. Конечно, я многимъ обязанъ Роману Ипполитычу и теперь нахожусь отъ него въ полной зависимости, но всегда скажу и въ глаза и за глаза: нехорошо они поступаютъ съ вами. Мнѣ это тѣмъ болѣе обидно, что источникомъ вашихъ огорченій служитъ теперь моя Сусанна... Она на ложной дорогѣ и вмѣстѣ съ собой губитъ другихъ.

— Послушайте, это неправда,—вступилась поблѣднѣвшая Бэтси.—Все это однѣ догадки и сплетни.

— Тѣмъ хуже, сударыня. Значитъ, нѣтъ правды, нѣтъ истины-съ, а гдѣ нѣтъ правды, тамъ скорбь и унынiе. Я самъ много перенесъ душевныхъ невзгодъ и могу сочувствовать чужому горю, особенно вашему. Вотъ мой совѣтъ: удаляйтесь отъ Калеріи Ипполитовны и не вѣрьте ни одному ея слову. Она не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы достичь своей цѣли.

— Право, вы ошибаетесь, Антонъ... Антонъ...

— Терентьичъ, сударыня.

— Да, извините... Трудно со стороны судить чужую семейную жизнь.

— Но со стороны иногда бываетъ даже виднѣе, какъ человѣкъ идетъ въ яму... и это бываетъ-съ. Я говорю все это собственно изъ сочувствія къ вамъ, потому что вижу вашу ангельскую душу и вижу ваше напрасное горе. Знаете, бываютъ такія положенія, сударыня, когда чужое хорошее да доброе слово дороже золотой горы. Я васъ полюбилъ, какъ родную дочь, нѣтъ, больше, и если вамъ придется ужъ слишкомъ трудно, позовите меня, старика, и поплачемте вмѣстѣ, оно все же легче будетъ. А теперь, сударыня, имѣю честь кланяться... извините за глупый разговоръ-съ.

Капитанъ поднялся и взялъ въ руки свою фуражку. Бэтси крѣпко пожала ему руку и проводила до дверей: у ней въ глазахъ стояли слезы.

IX.

Симонъ Денисычъ принималъ самое дѣятельное участіе въ основаніи новой газеты. Онъ хлопоталъ отъ чистаго сердца, хотя и скрывалъ это отъ жены, „страха ради іудейска“, какъ говорилъ капитанъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было найти подходящую квартиру для редакціи, войти въ соглашеніе съ драпировщиками, обойщиками, мебельщиками, нанять швейцара и посыльнаго, заключить условія относительно объявленій и пріема подписки съ другими газетами и книжными магазинами, подписать нотаріальный контрактъ съ типографіей, гдѣ будетъ печататься газета, прицѣпиться къ бумагѣ разныхъ фабрикантовъ и т. д. Кромѣ всего этого, приходилось вести переговоры съ разными комиссіонерами и факторами и вообще нужными людьми, какіе неизбѣжны въ каждомъ сложномъ коммерческомъ предпріятіи. Однимъ словомъ, старикъ Мостовъ работалъ до седьмого пота, какъ никогда не хлопоталъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ, гдѣ всѣмъ верховодила Леренька.

— Нужно по-американски вести дѣло,—повторялъ Симонъ Денисычъ полюбившуюся ему фразу Покатилова.—Теперь не прежнія времена... Не такъ ли, капитанъ?

— Да,—соглашался задумчиво капитанъ.—Иногда этакъ раздумаешься о газетѣ, чортъ возьми, даже какъ-то не вѣрится.

Капитанъ и Мостовъ дѣйствовали заодно и по-своему помогали нарождающейся газетѣ, исполняя, главнымъ образомъ, порученія Покатилова.

Калерія Ипполитовна встрѣтила появленіе „своей“ газеты, какъ личное оскорбленіе. Она не вѣрила въ возможность этой своей газеты до самаго послѣдняго момента, когда нельзя было уже спорить противъ очевидности имѣющаго совершиться факта.

— Ну, вотъ ты, Леренька, все спорила,—торжествовалъ Симонъ Денисычъ, потирая руки.—Да, своя газета—это такая штука... Я думаю, что Романъ скоро заведетъ свою коляску.

— На деньги Сусанны?

— У ней ничего нѣтъ.

— Все равно, на деньги Теплоухова... Сусанна же и выпроситъ: на газету выпросила—и на коляску выпроситъ. Если бы я была на мѣстѣ Романа, я никогда не поставила бы себя въ такое фальшивое положеніе. Это значитъ губить себя...

— Ахъ, какая ты странная, Леренька!—удивлялся Симонъ Денисычъ, прижимая руки къ груди.—Допустимъ даже, что газета отчасти зависитъ отъ Сусанны... я только предполагаю, не больше. По-моему, все равно:

мужчина или женщина. Это предразсудокъ... Женщина такой же человѣкъ, Лерешка, какъ и мужчина.

— Отлично, я не думаю спорить. Ты вообще такъ защищаешь газету, точно она твоя...

— Гм... Положимъ, что она не моя, но Романъ предлагаетъ мнѣ занятія...

— Ну, и что же ты ему отвѣтилъ?

— Я?.. Я думаю попробовать,—нерѣшительно проговорилъ Мостовъ, испугавшись собственной смѣлости.

— Я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь; дѣлай, какъ знаешь,—рѣшила Калерія Ипполитовна,—но только при одномъ условіи... Никогда мнѣ не говори ни слова про эту гадкую газету Сусанны.

Мостовъ онѣмѣлъ: онъ никакъ не ожидалъ, что побѣда достанется ему такъ дешево. Старикъ со слезами на глазахъ поцѣловалъ руку у жены. Наконецъ-то у него будетъ свое дѣло... Да, будетъ шататься по улицамъ безъ занятій, пора за работу! Симонъ Денисычъ торжествовалъ, хотя боялся въ присутствіи жены обнаружить свою радость. Чтобы чѣмъ-нибудь проявить свое душевное настроеніе, онъ побѣжалъ въ номеръ капитана и расцѣловалъ своего друга.

— Теперь я, какъ птица,— задыхаясь, шепталъ Мостовъ. — Вѣдь я всегда говорилъ, что въ столицѣ будетъ дѣло!.. Да, вотъ и оно... У меня ужъ есть нѣсколько счастливыхъ мыслей, только нужно придать имъ которую форму.

Меблированныя комнаты Квасовой приняли вообще очень близко къ сердцу появленіе новой газеты, потому что Покатиловъ былъ здѣсь почти свой человѣкъ, да и капитанъ тоже. Всѣ эти „короли въ изгнаніи“ сначала точно обрадовались успѣху Покатилова, а потомъ начали завидовать ему. Сомнѣніе, клевета и злословіе не заставили себя ждать, причемъ, конечно, имъ уже было извѣстно, откуда досталъ Покатиловъ денегъ на газету: имя Сусанны не сходило съ языка „королей“. О газетѣ толковали даже швейцаръ Артемій, лакей Иванъ и горничная Людмила, особенно когда изъ номеровъ Баранцева съ Моховой приходилъ швейцаръ Григорій.

— Романъ-то Ипполитычъ, видно, на свою фатеру переѣдетъ,—докладывалъ Григорій съ приличною важностью.

— Ну, а эта англичанка какъ будетъ?—вмѣшивалась Людмила.

— Лизавета Ивановна?.. Что же имъ дѣлать по ихней женской слабости? Видно, одна останется, потому какъ Романъ-то Ипполитычъ даже очень подвержены теперь къ Догапской... Слабость ужъ такая ихняя къ женскому полу, а Лизаветѣ Ивановнѣ слезы.

— А нашъ-то капитанъ зачѣмъ къ вамъ ловадился?

— Такъ... по добротѣ Лизавета Ивановна принимаетъ и, можно сказать, единственно отъ своей доброты барышня себя въ погибель приводитъ. Другая бы плюнула десять разъ.

Все это, конечно, немедленно разносилось по номерамъ, и „короли въ изгнаніи“ принимали эти новости къ свѣдѣнію, каждый дѣлая свои выводы и заключенія. Снѣжный генералъ готовилъ новую статью о снѣговыхъ укрѣпленіяхъ, ex-заводчикъ—какую-то замѣтку о горномъ лыѣ, пѣвецъ Микучевскій—разоблаченіе тайнъ театральной дирекціи, инженеры—тоже, однимъ словомъ, это застоявшееся болото всколыхнулось изъ края въ край и выкинуло изъ себя весь накопившійся въ немъ соръ, дрязги и мелочи, какіе обыкновенно выметаются на улицу.

Зинаида Тихоновна видимо дулась на капитана, а послѣдній выдержи-

валъ характеръ и не подавалъ вида, что замѣчаетъ что-нибудь. Наконецъ она не выдержала и разъ остановила капитана въ коридорѣ:

— Ну, путаникъ, что это вы затѣваете съ Романомъ-то Ипполитычемъ?

— Да вѣдь вы знаете, Зинаида Тихоновна... Романъ Ипполитычъ такой человѣкъ, такой... Такъ и рветъ!.. „Мы, говоритъ, и Котлецова и Брикабрака вровень съ грязью сдѣлаемъ!“ И сдѣлаетъ, Зинаида Тихоновна... Вотъ это какой человѣкъ!.. Конечно, есть свои недостатки и у него, но это дѣло личное и насъ не касается... да.

Это объясненіе заставило Зинаиду Тихоновну только улыбнуться: вретъ капитанъ, все вретъ.

— Нечего тіятры-то представлять,—заявила она съ нахмуреннымъ лицомъ.— Видно, одна у васъ вѣра-то съ Романомъ Ипполитычемъ. Онъ побаловался съ этой аглицкой, а теперь и сбываетъ съ рукъ. Знаемъ мы этихъ благородныхъ-то вашихъ: только слава на нашу сестру-мѣщанку, а природа женская вездѣ на одинъ фасонъ.

— Напрасно вы такъ отзываетесь о мистрисъ Кэй, сударыня,—протестовалъ капитанъ съ огорченнымъ видомъ.—Это хорошая женщина... да. Ну, я былъ у ней раза два, что же изъ этого?.. Вѣдь Симонъ Денисычъ заходитъ же къ вамъ.

— А то изъ этого, что эта ваша аглинкая просто дрянь.

Для капитана ненависть Зинаиды Тихоновны къ Бэтси являлась неразрѣшимою загадкой, потому что сама по себѣ Зинаида Тихоновна была очень добрая женщина, а тутъ точно взбѣленилась, такъ съ ножомъ къ горлу и пристаетъ. Объяснять истинныя причины своихъ визитовъ къ Бэтси капитанъ совсѣмъ не желалъ, потому что, все равно, Зинаида Тихоновна ничего не пойметъ, а только затопчетъ въ грязь дорогое для него имя. Мѣщанство Зинаиды Тихоновны выступило теперь въ самой откровенной формѣ и сильно огорчало капитана.

— Небось, скоро совсѣмъ зазнаетесь съ Романомъ-то Ипполитычемъ,— не унималась Зинаида Тихоновна.—И то нашумѣли своею газетой на цѣлый городъ. На что ужъ мои жильцы, и тѣ куда какъ поднялись: по номерамъ-то точно вездѣ капусту рубятъ. Изъ зависти больше, а по-моему, что же, дай Богъ всякому лишнюю копеечку нажить. Да... А ты, капитанъ, вотъ что скажи-ка своему-то орлу, Роману-то Ипполитычу, такъ и скажи, что необразованная женщина Зинаида Тихоновна велѣла сказать: летать, молъ, умѣешь, да какъ сядешь.

— Что-то мудрено.

— Ужъ онъ пойметъ... Редахтуръ, да не пойметъ!

— Этакій языкъ проклятый у этихъ бабъ!—возмущался капитанъ, отплевываясь.—Хорошая вы женщина, Зинаида Тихоновна, только вотъ достойно удивленія, какъ чужія дѣла васъ интересуютъ.

— Да вѣдь я тебѣ только и сказала... Все молчала, ну, а тутъ не стерпѣла. Всѣ какъ въ трубу трубятъ, что тутъ не въ газетѣ дѣло, а просто Сусанна Антоновна хотѣла супризъ сдѣлать Роману-то Ипполитычу. Что же, всѣ дамы дѣлаютъ супризы. Если бы у меня были лишнія-то денежки, да сдѣлайте милость, я и сама съ превеликимъ бы удовольствіемъ.

Хитрая дама не договорила, а капитанъ не желалъ подвергать искушенію ея откровенность, тѣмъ болѣе, что тутъ было замѣшано имя Сусанны.

— Дѣло вѣрное у насъ,—объяснялъ капитанъ.—Года въ два мы воротимъ весь капиталъ и разсчитаемся съ Теплоуховымъ до послѣдней копеечки. Напрасно вы Сусанну сюда приплетаете.

— Да вѣдь я такъ сказала... Не разберешь этихъ барынь вашихъ: мудрены больно. Вотъ Калерію Ипполитовну взять: раньше-то идетъ мимо, такъ нарочно не замѣчаетъ тебя, а теперь издали кланяется. „Здравствуйте, Зинаида Тихоновна“.—„Здравствуйте, сударыня!“. Оно такъ-то, пожалуй, и лучше будетъ, потому честь безчестья всякому пріятнѣй. Дѣлишки-то у Калеріи Ипполитовны больно плохи, вотъ и пообмякла. Треплется-треплется по городу-то, а домой и привезетъ ни съ чѣмъ пирогъ. Завтраками больше угощаютъ, а ты походи по чужимъ-то дворамъ да каждому дураку покланяйся... Жаль даже въ другой разъ сдѣлается!

О покатиловской газетѣ шептались въ коридорѣ даже Юленька съ княжною Инной. Онѣ знали не меньше большихъ черезъ горничную Людмилу, которая изъ всѣхъ близкихъ людей имѣла на нихъ самое сильное вліяніе.

— Мнѣ нравится твой дядя,—мечтательно повторяла тоненькая Инна, закидывая назадъ свою птичью головку.—У него такая красивая борода, и притомъ онъ одѣвается всегда такъ прилично.

— Ну, ужъ извини, я его терпѣть не могу,—спорила Юленька, сердито сдвигая брови.—Въ немъ есть что-то такое... какъ у приказчиковъ въ гостиномъ дворѣ. Мнѣ гораздо больше нравится вашъ Падалко.

— Эта селедка съ прованскимъ масломъ?.. Да, а у твоего дяди будетъ своя газета... Значитъ, будетъ много-много денегъ. Я тогда выйду за него замужъ.

Калерія Ипполитовна сдѣлалась невольнымъ свидѣтелемъ такой болтовни дѣвочекъ о газетѣ и просто какъ-то потерялась.

— Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ? Даже дѣвочки, и тѣ толкуютъ о своей газетѣ, о которой онѣ могли слышать только отъ прислуги. Это невозможно, наконецъ!

„Начинается популярность Романа Ипполитыча“,—съ горечью думала она, переживая непріятное завистливое чувство.

Сдѣлать выговоръ Юленькѣ она не рѣшалась, чтобы не ронять своего материнскаго достоинства предъ дурачившеюся дѣвчонкой, забравшей подъ руководствомъ matan большую волю, но сократить ее она всегда сумѣетъ и сдѣлаетъ это, когда придетъ время.

Другою непріятностью для Калеріи Ипполитовны было неожиданное появленіе Доганскаго, который свалился, какъ снѣгъ на голову. Онъ былъ любезенъ, предупредителенъ и вообще очень доволенъ, увѣряя, что все идетъ отлично, и что Симонъ Денисычъ не-сегодня-завтра получитъ мѣсто. А пока нужно ждать, терпѣть и не волноваться, потому что въ этомъ весь секретъ жизни. Доганскій даже справился, какъ здоровье Симона Денисыча, и, разсказавъ какой-то анекдотъ, уѣхалъ.

„Что этому человѣку нужно?—опять думала Калерія Ипполитовна, перебирая все, что говорилъ Доганскій.—Съ matan онъ познакомился и можетъ видѣть Юленьку, когда захочетъ. Что же еще ему нужно отъ меня? О, Боже мой, Боже мой!“

Дѣло объяснилось, когда вечеромъ пришла встревоженная и испуганная Бэтси; она бывала у Мостовыхъ только на урокахъ, а тутъ пришла въ неуказанное время. Лицо у нея было такое блѣдное, а глаза красны отъ слезъ.

— Что съ вами, милая?—удивилась Калерія Ипполитовна, цѣлуя встревоженную англичанку.—Ужъ здоровы ли вы?

Бэтси выпила два стакана воды, прежде чѣмъ могла говорить, но Калерія Ипполитовна уже догадалась, что такъ ее встревожило.

— Успокойтесь, голубчикъ,—ласково проговорила она, усаживая гостью на диванъ.—Я догадываюсь, въ чемъ дѣло. Такъ и должно было случиться.

— Вы про что говорите, Калерія Ипполитовна?—удивилась Бэтси.

— Да про то, что Доганская и Чарльзъ наконецъ познакомились... да?

Въ отвѣтъ Бэтси только кивнула головой и закрыла свое лицо руками.

Калеріи Ипполитовнѣ сдѣлалось ея жаль: такая она маленькая и такая беззащитная, да еще эти заплаканные глаза, въ которыхъ стоялъ нѣмой упрекъ.

— Я догадалась объ этомъ отчасти по вашему лицу, а отчасти... — объяснила Калерія Ипполитовна и запнулась.—Однимъ словомъ, у меня былъ Доганскій. Онъ такой странный, хотя и прикидывается веселымъ. О, милая Бэтси, вы совсѣмъ не знаете этихъ людей: они будутъ улыбаться, надѣвая вамъ петлю на шею. Ну, разсказывайте, какъ все это случилось.

— Доганская меня въ послѣднее время часто возила съ собой гулять въ Лѣтній садъ,—разсказывала Бэтси, опуская глаза.—Разъ тамъ встрѣтился Чарльзъ и поклонился мнѣ. Сусанна Антоновна сейчасъ же обратила вниманіе и начала меня разспрашивать. Все и вышло такъ, какъ вы говорили, хотя я не виновата ни въ чемъ... Она сама меня разспрашивала, и Чарльзъ тоже. Я ничего не прибавила отъ себя, рѣшительно ничего. Потомъ мы опять встрѣтились въ Лѣтнемъ саду, и Чарльзъ подошелъ къ намъ. Они сейчасъ же познакомились, и Сусанна Антоновна пригласила его къ себѣ... Мнѣ страшно, Калерія Ипполитовна!..

— Ахъ, какая вы глупенькая, Бэтси!—улыбнулась Калерія Ипполитовна.—Мы-то съ вами при чемъ тутъ?

— Но вѣдь я могла предупредить это знакомство...

— Именно?

— Мнѣ слѣдовало отказаться отъ этихъ прогулокъ въ Лѣтнемъ саду... Нѣтъ, я самый несчастный человѣкъ въ свѣтѣ, и у меня никого нѣтъ, никого!.. Теперь еще эта проклятая газета... Мы совсѣмъ разошлись съ Романомъ Ипполитычемъ.

— Какъ такъ?.. Не можетъ быть!

— То-есть даже не разошлись, а онъ переѣхалъ въ новую квартиру на Невскій, гдѣ будетъ редакція. Онъ предлагалъ и мнѣ переѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но я предпочла остаться одна... Онъ больше не любитъ меня, ему тяжело со мной, а я никого не желаю стѣснять.

Этотъ простой разсказъ окончательно растрогалъ Калерію Ипполитовну. Она опустилась на колѣни передъ Бэтси и поцѣловала у нея руку.

— Что вы, Калерія Ипполитовна... что вы?! — испугалась англичанка, напрасно стараясь поднять обнимавшую ее Калерію Ипполитовну.

— Бэтси, голубчикъ, вы героиня,—шепнула Калерія Ипполитовна со слезами на глазахъ.—Да, настоящая героиня... У васъ душа чистая, и никто этого не понимаетъ, кромѣ меня. Мы, женщины, несчастны даже отъ нашихъ достоинствъ... Я тоже была молода и понимаю васъ. И вы еще мучите себя изъ-за этихъ гадкихъ людей, которые кругомъ... Не знаю, кто это сказалъ, что Богъ создалъ женщину въ минуту Своего гнѣва, но это—великая истина. Да, голубчикъ, я понимаю васъ, и вотъ ужъ вы не одни.

Съ Калеріей Ипполитовной сдѣлался припадокъ мигрени, и Бетси пришлось ухаживать за ней. Англичанка никакъ не ожидала такой сцены, но вспомнила, что Калерія Ипполитовна—родная сестра Романа Ипполитыча, а онъ всегда умѣлъ раскапываться самымъ трогательнымъ образомъ.

X.

Первый номеръ „Сѣвернаго Сіянія“ долженъ былъ выйти перваго января. Въ „Прогрессѣ“ Котлецова и въ „Искоркахъ“ появились уже замѣтки относи-

тельно новой газеты, причемъ дѣло не обошлось, конечно, безъ ядовитаго намека относительно средствъ, на какія будетъ издаваться новая газета.

— Эти господа, кажется, согласились между собой, чтобы сдѣлать мою газету популярной до ея появленія,—замѣтилъ Покатиловъ, когда ему указали на эти замѣтки.—Я считалъ ихъ немножко умнѣе.

Для составленія перваго, пробнаго номера Покатиловъ употребилъ невѣроятныя усилія, чтобы показаться передъ публикой въ самомъ блестящемъ видѣ. Хлопоты съ квартирой, комиссіонерами, объявленіями и сотрудниками были кончены, теперь все вниманіе сосредоточивалось на первомъ номерѣ. Статьи были проредактированы Покатиловымъ самымъ строгимъ образомъ, такъ что Нилушка Чвоковъ даже разсердился, когда увидѣлъ корректуру своей передовицы: весь наборъ былъ исчерченъ поправками Покатилова.

— Это ужъ звѣрство какое-то!—ругался Нилушка, просматривая свою изрѣзанную передовицу.

— Нельзя... первый номеръ,—отвѣчалъ Покатиловъ.—Нельзя же передъ публикой въ халатѣ выйти.

— Мнѣ кажется, что ты ужъ придираешься, Романъ, отъ изобытка усердія... Впрочемъ, мнѣ это все едино: что попъ, что батька.

— Тѣмъ лучше...

Покатиловъ живмя жилъ въ типографіи, куда къ нему всѣ и приходили. Типографія помѣщалась во флигелѣ большого каменнаго дома въ Столярномъ переулкѣ. Нужно было съ грязнаго маленькаго дворика подняться во второй этажъ; громадная зала была заставлена конторками наборщиковъ, одинъ уголокъ залы отгороженъ былъ дощатою перегородкой для фактора. Въ этомъ уголкѣ теперь и сосредоточивалось все. Покатилову нравились эти ободранныя, прокопченыя стѣны, точно заплатанныя разными объявленіями, березовый шкапъ съ собственными изданіями этой типографіи, конторка фактора, исчезавшая подъ кипами дѣловыхъ бумагъ, самъ факторъ, равнодушный сѣденькій старичокъ въ пенснэ, даже запахъ типографской краски, смѣшанный съ запахомъ масла отъ машинъ, и наконецъ тотъ подавленный вѣчный рабочій шумъ, который стоялъ въ этой комнатѣ, точно въ громадномъ ульѣ, гдѣ около ящиковъ со шрифтами наборщики двигались, какъ рабочія пчелы по сотамъ. Печатныя машины помѣщались въ нижнемъ этажѣ, и полъ въ каморкѣ фактора постоянно вздрагивалъ отъ ихъ тяжелой работы, точно тамъ грузно шевелилось какое-то скованное по рукамъ и ногамъ чудовище. Для Покатилова вся эта обстановка работавшей типографіи являлась чѣмъ-то такимъ дорогимъ и близкимъ сердцу, точно самъ онъ являлся только составною частью общаго механизма.

Сообщеніе факторской съ залой происходило при помощи маленькаго окошечка. Въ него Покатиловъ видѣлъ ряды наклоненныхъ головъ наборщиковъ, набиравшихъ съ рукописи, и не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, хотя прежде часто бывалъ въ типографіи и какъ-то совсѣмъ не обращалъ вниманія на спеціально-типографскую музыку. Тогда онъ былъ чужимъ человѣкомъ, наемникомъ, а теперь здѣсь торопливо создавалось свое собственное, кровное дѣло. Подъ шумокъ всей этой сутолоки Покатиловъ перечитывалъ всѣ статьи, дѣлалъ поправки, писалъ свой фельетонъ и чувствовалъ только одно, что сутки сдѣлались точно вдвое короче.

— Вы захвораете, Романъ Ипполитычъ,—уговаривали его капитанъ и Симонъ Денисычъ, прибѣгавшіе въ типографію по десяти разъ въ день.—Такъ нельзя-съ.

— Пустяки... Успѣемъ отдохнуть,—отвѣчалъ Покатиловъ.

Онъ тутъ же и обѣдалъ и чай пилъ. Чвоковъ никакъ не могъ вытащить его „передохнуть“ гдѣ-нибудь у Бореля или Дюссо. Лицо у Покатилова было такое желтое, глаза ввалились; вообще видъ не особенно привлекательный, но теперь было не до наружности. Только иногда, дожидаясь поправленной корректуры, Покатиловъ немного забывался, и его мысль сейчасъ же улетала на Сергіевскую улицу. Нѣтъ, онъ не даромъ взялъ тенлоуховскія деньги, и Сусанна увидитъ наконецъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Да и другіе тоже почувствуютъ, начиная съ Котлецова. Мысль о Сусаннѣ подкрѣпляла и вдохновляла Покатилова въ самые трудные моменты, когда голова отказывалась работать. Онъ не видалъ ея сравнительно давно и явится уже редакторомъ de facto, когда къ ея ногамъ положитъ первый номеръ „Сѣвернаго Сіянія“.

— Ну, братъ, ты того... обалдѣлъ совсѣмъ!—говорилъ Чвоковъ, заѣзжавшій въ типографію провѣдать пріятеля.

— Ничего, отдохнемъ... Вотъ посмотри-ка лучше, какая музыка у насъ получается для перваго раза.

Покатиловъ прочиталъ программу перваго номера, которую Нилушка Чвоковъ выслушалъ очень внимательно, немножко склонивъ свою голову на бокъ.

— Ну что? Какъ ты находишь?—спрашивалъ Покатиловъ, недовольный молчаніемъ друга.

— Что же, хорошо!—уклончиво отвѣтилъ Нилушка, дѣлая какой-то неопредѣлительный жестъ.—Только дѣло въ томъ, что весь номеръ слишкомъ ужъ по-газетному составленъ... Я хочу сказать, что у тебя нѣтъ ни одного литературнаго имени. Слѣдуетъ пригласить кое-кого для вывѣски.

— Да вѣдь это не журналъ, а газета!

— Все-таки... Собственно я врагъ этого популяризированья извѣстными именами, но ничего не подѣлаешь, если публика привыкла къ извѣстнымъ именамъ. Вѣдь въ вашемъ дѣлѣ, какъ и въ нашемъ, все держится на этомъ, чортъ возьми!

— Ну, этого добра мы наберемъ сколько душѣ угодно,—съ улыбкой отвѣтилъ Покатиловъ, вынимая изъ кармана сюртука цѣлую пачку писемъ.—Не угодно ли полюбопытствовать?

Развертывая одно письмо за другимъ, Нилушка Чвоковъ долго перебиралъ ихъ, разбиралъ фамиліи, адресы, первыя строки, которыми они начинались.

— Да тутъ, кажется, всякаго жита будетъ по лопатѣ,—задумчиво проговорилъ Нилушка, возвращая письма назадъ.—Однако я не ожидалъ такого обилія продающихся людей.

— Не людей, а извѣстныхъ именъ,—проговорилъ Покатиловъ съ самодовольною улыбкой.—Чего хочешь, того просишь. Я даже статистику маленькую подвелъ: свои услуги „Сѣверному Сіянію“ предлагаютъ семь извѣстныхъ профессоровъ, пятнадцать извѣстныхъ беллетристовъ, до десятка критиковъ, столько же публицистовъ, политиковъ, шесть штукъ фельетонистовъ, а другимъ, неизвѣстнымъ людямъ и счета нѣтъ. Ха-ха!.. Вся улица высыпала!.. Конечно, настоящіе литературные осетры въ нашу воду не пойдутъ, да и мы не заплачемъ о нихъ. Такъ-то, голубчикъ, мы всесильны... Стоитъ только кличъ кликнуть, и все къ нашимъ услугамъ.

— Да, большое предложеніе.

— Больше ста мужчинъ и около двадцати женскихъ душъ. Вѣдь это силища, какъ ни говори, и нужно только умѣть воспользоваться всѣмъ этимъ

добромъ: тутъ и паука, и искусство, и талантъ, и спеціальныя знанія, и просто газетное жульничество... Все идетъ на улицу, все подлаживается подъ ея вкусы и требованія. Улица всесильна... это тотъ сфинксъ, который говоритъ: разгадай меня, или я тебя пожру. Да, мы ее разгадаемъ, и она дастъ намъ двадцать тысячъ подписчиковъ.

— Гусей по осени считаютъ, Романъ Ипполитычъ.

— Вотъ увидишь. Пріѣзжай на родины...

— Это когда первый номеръ изъ печки выйдетъ?

— Да!

— Хорошо, заверну.

Ночь съ тридцатаго декабря на тридцать первое Покатиловъ совсѣмъ не спалъ. Нужно было подготовить нѣкоторые матеріалы для слѣдующихъ номеровъ и кромѣ того измѣнить кое-что въ первомъ: Покатиловъ пустилъ въ оборотъ нѣсколько извѣстныхъ именъ и теперь возился съ метранпажемъ относительно разверстки статей. Получалось то больше, то меньше листа, притомъ со всѣхъ сторонъ летѣли объявленія, а редакторъ „Сѣвернаго Сіянія“ не желалъ обижать никого изъ этихъ первыхъ, почтившихъ редакцію своимъ лестнымъ довѣріемъ. Весь день тридцать перваго декабря прошелъ въ самыхъ глупыхъ типографскихъ хлопотахъ: запраздничало нѣсколько лучшихъ наборщиковъ, одна скоропечатная машина что-то капризничала, тоже, вѣроятно, по случаю праздниковъ. Покатиловъ горячился, кричалъ, хватался за голову и сто разъ сбѣгалъ внизъ, гдѣ печатался роковой первый номеръ.

Въ восемь часовъ пріѣхалъ Нилушка.

Капитанъ и Симонъ Денисычъ въ почтительномъ молчаніи ждали разрѣшенія всей этой адской сутолоки.

— Скоро ли мы, наконецъ, разрѣшимся нашимъ первенцемъ?—смѣялся Чвоковъ, посасывая дорогую сигарку.

Покатиловъ сидѣлъ въ углу жесткаго диванчика, измученный, желтый, и нервно обкусывалъ кончики усовъ. Его возмущалъ старичокъ-факторъ, который точно замерзъ и едва шевелился.

— Ничего, успѣется,—повторялъ факторъ, посматривая на часы.—Еще только половина девятаго.

— Чортъ возьми, мы въ самомъ дѣлѣ точно собрались на родины,—шутилъ Нилушка, похлопывая Симона Денисыча по плечу.

Это томительное ожиданіе разрѣшилось только въ исходѣ девятаго часа, когда факторъ получилъ наконецъ по слуховой трубѣ изъ нижняго этажа требуемый отвѣтъ. Покатиловъ побѣжалъ-было внизъ, но въ дверяхъ встрѣтился съ улыбавшимся метранпажемъ, который бережно несъ въ рукахъ еще сырой листъ газеты.

— Наконецъ-то мы разродились,—проговорилъ Нилушка, щупая сырой номеръ.—Ура!..

— Вотъ онъ, первенецъ!—шепталъ Симонъ Денисычъ, съ умиленіемъ разглядывая первую страницу.—„Сѣверное Сіяніе“, 1-го января 187... года, ежедневная газета, политическая и литературная. Подписка принимается... да... семнадцать рублей съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской имперіи. Номеръ первый.

— Мнѣ особенно нравится заголовокъ: готическія буквы и прочее,—замѣтилъ капитанъ, покручивая усы.—И бумага хорошая.

— Чортъ знаетъ, когда эти доктора успѣли залѣзть на первую страницу,—удивлялся Нилушка, читая объявленія.—Электролѣчебница, мужское безсиліе, акушерка для секретныхъ беременныхъ, накожныя болѣзни, слабость и послѣд-

ствія молодости... Тьфу, цѣлый букетъ всякихъ гадостей. Какъ клопы за обоями пабились.

Покатиловъ улыбался и молча потиралъ руки. На послѣдней страницѣ номера вытянулись цѣлыхъ два столбца всевозможныхъ объявленій, гдѣ, рядомъ съ наглымъ зазываньемъ присяжныхъ рекламистовъ, съ нѣмымъ отчаяніемъ протягивала руки безконечная столичная нужда. Здѣсь аукціонъ просроченныхъ залоговъ, тамъ продажа по случаю скораго отъѣзда, dame diplomée, предлагающая свои услуги по части новыхъ языковъ, студентъ, не стѣсняющійся разстояніемъ, ищетъ уроки за комнату и столъ, или за одну комнату или столъ; далѣе опять распродажа, подъ ней пріютилось скромное желаніе имѣть квартирку въ три комнаты, по возможности съ садикомъ, а тутъ сплошь пошли студенты, горничныя, дворники, комиссіонеры, бѣлыя кухарки, перемѣшавшись на этой роковой четвертой страницѣ въ одну живую пеструю кучу, которая шевелилась и барахталась, какъ мечется и барахтается выброшенная на берегъ рыба.

— Ну, я усталъ, господа,—заявилъ Покатиловъ, складывая номеръ и пряча его въ карманъ.

— Да, да, пора отдохнуть. Я тебя могу довезти,—предлагалъ Нилушка, надвигая соболью шапку на глаза.—Тебѣ куда?

— Домой, въ редакцію. Ахъ, да, Семенъ Иванычъ,—обратился онъ къ фактору: — когда номеръ будетъ конченъ, предложите наборщикамъ въ мой счетъ...

— Тсс!..—зашипѣлъ испугавшійся старичокъ.—Что вы, Романъ Ипполитычъ! Да мы ихъ и въ недѣлю не соберемъ; знаете, такой особенный народъ-съ.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете.

— Мы это по частямъ устроимъ, Романъ Ипполитычъ: сегодня одни отдохнутъ, завтра—другіе. Оно гораздо даже любопытнѣе выйдетъ.

Въ своей квартирѣ Покатиловъ наскоро умылся и переодѣлся, а потомъ, захвативъ номеръ, сейчасъ же отправился съ нимъ въ Сергіевскую. Онъ нарочно не взялъ извозчика, а пошелъ пѣшкомъ, чтобы освѣжиться послѣ безсонной ночи. Падалъ мягкій липнувшій снѣгъ, застилавшій переливавшеюся сѣткой огни фонарей и освѣщенныя окна въ магазинахъ. На Невскомъ публики было особенно много; всѣ торопились по домамъ, чтобы встрѣтить Новый годъ по своимъ угламъ.

„Что же это я не пригласилъ Нилушку къ Доганскимъ?—думалъ Покатиловъ, шагая по тротуару.—Вмѣстѣ бы и Новый годъ встрѣтили. Ахъ, да, вѣдь ему нельзя!“

Покатиловъ засмѣялся, вспомнивъ, что Нилушка сегодня уѣдетъ встрѣчать Новый годъ къ своей содержанкѣ, которою только-что успѣлъ обзавестись. Смѣшно было то, что Нилушка находилъ нужнымъ скрывать это тонкое обстоятельство, хотя всѣ давно знали о его интимныхъ похожденіяхъ.

Послѣ горѣвшаго огнями Невскаго другія улицы казались совсѣмъ темными, а уличные фонари мигали, какъ слезящіеся старческіе глаза. Вотъ и Симеоновскій мостъ и Моховая. Что-то теперь дѣлаетъ бѣдняжка Бэтси? Въ груди Покатилова шевельнулось тяжелое чувство, и онъ зашагалъ быстрѣе впередъ, точно старался убѣжать отъ самого себя. Широкая Сергіевская совсѣмъ потонула въ мягкомъ зимнемъ сумракѣ. Вереницы настоящихъ барскихъ домовъ глядѣли большими освѣщенными окнами. Эта улица всегда нравилась Покатилову, а теперь въ особенности.

„Отлично!“—вслухъ проговорилъ Покатиловъ, машинально ощупывая карманъ, въ которомъ лежалъ только-что испеченный номеръ своей газеты.

Въ этомъ хорошемъ настроеніи духа Покатиловъ дошелъ до самой квартиры Доганскихъ, сунулъ швейцару красненькую и бойко взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Онъ еще издали услыхалъ голоса разговаривающихъ въ гостиной и смѣхъ Доганской, который заставилъ его вздрогнуть. Остановившись въ дверяхъ гостиной, Покатиловъ увидалъ такую картину: Доганская сидѣла на мягкомъ стеганомъ диванчикѣ, около нея на низкой скамейкѣ помѣщался oncle, а на креслѣ виднѣлась какая-то женская фигура, на которую Покатиловъ не обратилъ вниманія, потому что вынималъ изъ кармана номеръ „своей“ газеты.

— А, это вы, г-нъ редакторъ!—весело проговорила Доганская, издали кивая головой.—Вы что это совсѣмъ насъ забыли?

Покатиловъ торопливо подошелъ къ ней, поцѣловалъ протянутую руку и молча подалъ газету.

— Что это такое?—равнодушно спрашивала Доганская, развертывая мягкій газетный листъ.—Ахъ, газета... поздравляю!

— Вотъ какъ!—пробасилъ oncle.—Сейчасъ изъ печи.

Доганская лѣниво прочитала заголовокъ, свернула листъ и проговорила прежнимъ веселымъ тономъ:

— Позвольте, г-нъ редакторъ! Вы, кажется, не знакомы: Чарльзъ Зостъ, мистрисъ Кэй.

— Мы знакомы,—тихо проговорила по-англійски Бэтси, пока Покатиловъ и Зостъ, съ принужденными улыбками, пожимали другъ другу руки.

Небольшого роста, худощавый, но съ свѣжимъ, блѣднымъ лицомъ, Зостъ выглядѣлъ бы совсѣмъ мальчикомъ, если бы не строго сложенныя губы и не этотъ холодный, увѣренный взглядъ сѣрыхъ, прелестныхъ глазъ. Oncle съ улыбкой наблюдалъ происходившую сцену и въ душѣ даже пожалѣлъ Покатилова: бѣдняга попалъ между двухъ огней.

„Эти женщины точно для того только и созданы, чтобы ставить насъ въ чертовски скверное положеніе!“—сдѣлалъ заключеніе старикъ.

— А мы тутъ разговариваемъ о лошадяхъ,—заговорила Доганская, продолжая прерванную бесѣду.—Вы, г-нъ редакторъ, тоже вѣдь любите этотъ отдѣлъ спорта?

— Да, я люблю спортъ,—бормоталъ Покатиловъ, недоумѣвая, какъ сюда могла затесаться Бэтси.

— У Романа есть слогъ, когда онъ описываетъ скачки,—подтвердилъ oncle, поднимая свои крашеныя брови.—Позвольте мнѣ газету, Сусанна Антоновна.

„Этакая глупая лошадь, англійская лошадь!—со злостью подумалъ Покатиловъ по адресу милаго дядюшки.—Чортъ тянетъ за языкъ... слогъ!“

Первый номеръ „своей“ газеты былъ растоптанъ и уничтоженъ проклятыми англійскими лошадьми, о которыхъ Сусанна болтала все время съ Зостомъ. Въ ушахъ у Покатилова вертѣлись совсѣмъ непонятныя слова: жокеи, тренера, тотализаторъ и еще чортъ знаетъ какая лошадиная галиматья. Однако зачѣмъ здѣсь этотъ „нашъ молодой другъ“, какъ называлъ oncle Зоста, и почему онъ появился вмѣстѣ съ Бэтси? Всѣ эти вопросы перемѣшивались въ головѣ Покатилова, какъ разноцвѣтныя стеклышки въ калейдоскопѣ, и онъ отвѣчалъ Сусаннѣ два раза совсѣмъ невпопадъ. Но она даже не обратила вниманія на это: перламутровые глаза у ней сегодня были совсѣмъ темны, а по лицу бродила разсѣянная улыбка. Покатиловъ понималъ эту лихорадку чувства, которую теперь переживала Сусанна.

— Какой вы сегодня странный, г-нъ редакторъ!—обратилась къ Покатилову Доганская, когда разговоръ о лошадяхъ оборвался.—Точно вы муху проглотили... Будьте же повеселѣе, а то вы нагоните скуку на всѣхъ. Вотъ и Бэтси тоже!

Въ порывѣ чувства Доганская обняла Бэтси и крѣпко ее расцѣловала; эта институтская выходка говорила уже о полномъ умственномъ затмѣніи. Покатиловъ понялъ все и, неловко поднявшись съ кресла, началъ прощаться.

— Куда же это вы?—разсѣянно говорила Сусанна, не замѣчая Покатилова.

— У меня голова болитъ... до свиданія!

Доганская посмотрѣла на него какими-то опьянѣвшими глазами, слишкомъ счастливая, чтобы понимать что-нибудь.

— Эй, дружище, а газету возьми!—остановилъ oncle Покатилова.

Несчастный первенецъ былъ скомканъ самымъ безжалостнымъ образомъ и полетѣлъ куда-то подъ роялъ. Проклятый номеръ!

— Все конечно, все!—шепталъ Покатиловъ, останавливаясь посреди громадной гостиной, едва освѣщенной двумя бра.—И на кого промѣняла: мальчишка... щенокъ!..

Ему сдѣлалось даже гадко, когда онъ вспомнилъ, какъ Сусанна цѣловала Бэтси. Однако какъ Бэтси попала сюда? Подождать ее и проводить до дому? Вниманіе Покатилова было привлечено щелканьемъ бильярдныхъ шаровъ, и онъ машинально побрелъ въ бильярдную, плохо отдавая отчетъ, что дѣлаетъ.

Отворивъ двери, онъ увидѣлъ самого Доганскаго и Теплоухова, которые съ увлеченіемъ доигрывали партію на французскомъ бильярдѣ безъ лузъ. Теплоухов[illegible]лъ шара" со своимъ обычнымъ пришибленнымъ видомъ, а Доганскій [illegible]лся по бильярду во весь ростъ, чтобы достать кіемъ шаръ безъ помощи [illegible]

— Ваша партія!—крикнулъ Доганскій, бросая кій.

[illegible]ъ только сейчасъ замѣтилъ стоявшаго въ дверяхъ Покатилова и улыбнулся ему:

— А! Романъ Иннолитычъ! Вотъ не желаете ли проиграть партію этому господину, который увѣряетъ всѣхъ, что даже не умѣетъ держать кія въ рукахъ! Вы видѣли Сюзи?

— Да, я сейчасъ оттуда.

— Ахъ, она совсѣмъ увлеклась этимъ плутишкой Чарли... Это нашъ новый молодой другъ, Романъ Ипполитычъ, который овладѣлъ сердцемъ бѣдной Сюзи сразу, такъ что я ужъ не знаю, какъ вы теперь будете...

Доганскій самъ же первый громко засмѣялся своей шуткѣ, а у Покатилова сжались кулаки, чтобы раздавить эту холодно улыбавшуюся гадину.

— Такъ вы не желаете попытать счастья... на бильярдѣ?—спрашивалъ Доганскій, какъ ни въ чемъ не бывало, выбирая новый кій.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Ну-съ, такъ ужъ намъ съ Евстафіемъ Платонычемъ, видно, на роду написано играть одну партію за другой.

Бильярдные шары застучали съ новою силой, а Покатиловъ побрелъ назадъ: въ этомъ домѣ въ каждомъ углу шла самая отчаянная игра.

— Вы куда это уходите?—кричалъ вслѣдъ Доганскій.—Оставайтесь встрѣчать Новый годъ!.. по-семейному!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

„Сѣверное Сіяніе“ въ четыре года создало себѣ репутацію бойкой газеты, которую публика брала на расхватъ. Успѣхъ былъ колоссальный, сравнительно съ другими изданіями, и Покатиловъ велъ дѣло твердою рукой. Турецкая война, конечно, много помогла этому успѣху, но главныя причины лежали глубже. Покатиловъ сумѣлъ стряхнуть съ себя обычные газетные предразсудки и создалъ свою собственную публику. Покатиловская газета не принадлежала къ уличной мелкой прессѣ и не гналась за опредѣленной кличкой либеральнаго или консервативнаго изданія.

— Консервативные и либеральные органы имѣютъ значеніе тамъ, гдѣ есть политическая жизнь, партіи и вообще общественная жизнь,—говорилъ Покатиловъ, когда его обвиняли за безпринципность.—А мы можемъ писать только для нашего читателя, въ этомъ—все. Притомъ еще вопросъ, что̀ такое нашъ либерализмъ и консерватизмъ; я хочу сказать, что это—игрушка, въ родѣ тѣхъ машинокъ, на которыхъ китайцы производятъ гимнастику пальцевъ. У меня, кстати, есть цѣлыхъ двѣ такихъ машинки въ моей китайской коллекціи.

Своя газета быстро достигла цѣли: читатель такъ и валилъ, благо на страницахъ „Сѣвернаго Сіянія“ было насыпано всякаго жита по лопатѣ: тутъ и науки немножко, и художества, и политики, и внутренней жизни, а главное, работалъ бойко фельетонъ. Все, что̀ жизнь выкидывала на свою поверхность, появлялось здѣсь въ той спеціальной фельетонной формѣ, которую создала улица. Читатель хваталъ налету эту легкую и удобоваримую пищу, съ жадностью проглатывалъ ее и постепенно усваивалъ себѣ фельетонный способъ мышленія; онъ въ одно прекрасное утро дѣлалъ пріятное открытіе, что знаетъ и политическія тайны разныхъ европейскихъ дворовъ, и послѣднія слова разныхъ наукъ, и всякую злобу дня какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, а главное, все это было такъ просто, легко, понятно. Другія большія газеты наводили тоску своими длиннѣйшими статьями и просто пугали читателя, а тутъ даже какъ-то ужъ очень забавно выходило: онъ, читатель, чувствовалъ между строкъ, что вѣдь совсѣмъ же онъ не глупъ и рѣшительно все понимаетъ. Развернулъ номеръ „Сѣвернаго Сіянія“—и готово, зарядился какъ разъ до слѣдующаго дня.

Столичная улица заражала своимъ дыханіемъ самую далекую провинцію, гдѣ быстро начали входить во вкусъ чисто-уличнаго міросозерцанія. Серьезные журналы и серьезныя газеты казались скучными и смѣшными, и читатель уже своимъ умомъ догадывался, что они работаютъ въ безвоздушномъ пространствѣ, въ своемъ собственномъ міркѣ, который ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣлъ. Вообще читатель вздохнулъ свободнѣе, потому что находилъ разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоразумѣній въ излюбленной газетѣ.

Черезъ два года у Покатилова было уже за десять тысячъ подписчиковъ, а еще черезъ два года онъ расплатился изъ копейки въ копейку съ Теплоуховымъ.

Вышла опять оригинальная сцена въ теплоуховскомъ кабинетѣ. Покатиловъ представилъ всѣ свои счеты и послѣдній банковскій чекъ.

— Мнѣ остается еще разъ поблагодарить васъ, Евстафій Платонычъ,—говорилъ Покатиловъ съ чувствомъ.—Теперь наши расчеты кончены, но я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо!—съ усиліемъ проговорилъ Теплоуховъ всего одно слово, не потрудившись даже посмотрѣть на представленные его вниманію счеты.

Тѣмъ дѣло и кончилось, а въ результатѣ его Покатиловъ очутился обладателемъ своей газеты, которая будетъ приносить ему пятьдесятъ тысячъ годового дохода.

Но странное дѣло: все спорилось въ рукахъ Покатилова, газета шла великолѣпно, его имя уже составляло цѣлый капиталъ, а между тѣмъ въ глубинѣ души у него вѣчно ныло неудовлетворенное чувство. Эти внѣшніе успѣхи точно служили насмѣшкой надъ внутреннею нищетой: тамъ сосала неотступно старая тоска, отъ которой онъ не могъ забыться ни заграницей ни въ чаду уличныхъ похожденій, когда за деньги покупалъ ласки знаменитыхъ красавицъ, сдѣлавшихся célébrités du jour на театральныхъ подмосткахъ, въ циркѣ или модныхъ кабакахъ. Отчасти чтобы разсѣяться, отчасти по старой привычкѣ къ уличному бродяжничеству, Покатиловъ прошелъ всю лѣстницу этихъ запретныхъ плодовъ, которые покупаются бѣшеными деньгами. Въ этихъ темныхъ похожденіяхъ его неизмѣннымъ спутникомъ являлся Бодяга, который былъ своимъ человѣкомъ за кулисами театровъ, въ уборныхъ цирка и въ разныхъ другихъ пріемныхъ sui generis. Знакомство съ наѣздницами, танцовщицами, фигурантками, разными пѣвчими птичками и просто представительницами полусвѣта не могло потушить сосавшей Покатилова тоски: весь этотъ человѣческій соръ, накопившійся по привилегированнымъ угламъ и заугольямъ широкой столичной улицы, въ концѣ концовъ внушалъ только чувство отвращенія и той брезгливости, какая сохраняется даже въ безнадежно погибшихъ людяхъ. Между прочимъ, Покатиловъ переманилъ отъ Брикабрака его Фанни—шаловливую и глупую нѣмку, которая вытянула у Покатилова массу денегъ, постоянно обманывала его и кончила тѣмъ, что Покатиловъ просто выгналъ эту продажную тварь, славившуюся въ средѣ прожигавшей жизнь публики подъ именемъ „губки“.

Домой Покатиловъ нерѣдко возвращался совсѣмъ пьяный, и ему доставляло особенное удовольствіе сильнымъ звонкомъ всполошить спавшаго швейцара. Степенный, сѣдой семеновецъ торопливо выскакивалъ навстрѣчу барину и, почтительно поддерживая подъ локоть, помогалъ добраться до спальни. Иногда пьяному Покатилову казалось, что онъ забрался въ какую-то чужую квартиру. Неужели все это его, его собственность? Квартирой Покатилова теперь завѣдывала старая няня Улитушка, которая раздѣвала его пьянаго и укладывала въ постель. Старуха подолгу иногда смотрѣла на спавшаго воспитанника, вздыхала, качала дряхлою головой и повторяла стереотипную фразу:

— Жениться надо... безпремѣнно жениться. Охъ-хо-хо, согрѣшили мы, грѣшные!

Юленька была большая, и Улитушка поселилась у Покатилова, гдѣ зорко стерегла каждую пушинку съ какою-то собачьей привязанностью къ покатиловскому добру. Своего воспитанника она чуть не боготворила и по-своему извиняла всѣ его недостатки: перебѣсится и за умъ возьмется, всѣ господа смолоду-то на одинъ фасонъ.

„А ужъ какую бы невѣсту приспособили этакому-то орлу,—раздумывала Улитушка,—высокую, да бѣлую, да глазастую, чтобы всего опутала сразу. Охъ, ловкія есть дѣвушки въ этомъ треклятомъ Петербурхѣ!“

За всѣми хлопотами и торопливою газетною работой, у Покатилова оставалось очень много свободнаго времени, и его вѣчно тянуло на Сергіевскую, чтобы еще лишній разъ вернуться оттуда съ сознаніемъ невозможности счастья. У Доганскихъ онъ бывалъ то часто, то рѣдко, иногда провожалъ

Сусанну въ циркъ, куда она любила ѣздить по субботамъ, но разстаться съ этою семьей было выше его силъ. Покатиловъ тысячу разъ давалъ самому себѣ честное слово, что идетъ на Сергіевскую въ послѣдній разъ, но одинъ ласковый взглядъ Сусанны—и честное покатиловское слово таяло, какъ снѣжинка, упавшая въ воду.

Въ четыре года Сусанна сдѣлалась еще лучше, чѣмъ была раньше; въ этой оригинальной красотѣ годы раскрывали только новыя чары. Теплоуховъ бывалъ у Доганскихъ попрежнему и попрежнему молчалъ, какъ пень. Молодой Зостъ сдѣлался своимъ человѣкомъ, хотя держалъ себя съ большимъ тактомъ. Это была холодная, эгоистичная натура, съ тѣмъ особеннымъ закаломъ характера, который неотразимо дѣйствуетъ на женщинъ. Чарльзъ часто бывалъ дерзокъ и грубъ съ Сусанной, но она выносила отъ него все и готова была лизать его руки, какъ собачонка. Для Покатилова все здѣсь составляло неразрѣшимую загадку, и онъ могъ только удивляться, какъ могли переносить всю эту комедію Доганскій и Теплоуховъ, и наконецъ зачѣмъ онъ самъ, Покатиловъ, является въ этотъ проклятый домъ.

Между тѣмъ Сусанна держала себя съ Покатиловымъ, какъ со своимъ человѣкомъ, и за эту опасную близость подвергала его иногда чисто-инквизиторскимъ пыткамъ: она заставляла его редактировать свои записочки къ Чарльзу, заставляла терпѣливо выслушивать свои безконечныя изліянія по поводу удивительныхъ достоинствъ удивительнаго молодого человѣка, повторяла предъ нимъ весь тотъ сумбуръ чувствъ и мыслей, который душилъ ее, и такъ безъ конца. Они вмѣстѣ обманывали Доганскаго и Теплоухова, вмѣстѣ лгали, и Сусаннѣ доставляло особенное удовольствіе ставить и себя и Покатилова въ самыя нелѣпыя и опасныя положенія.

— Если вы меня дѣйствительно любите,—повторяла Сусанна нѣсколько разъ Покатилову,—то для васъ мое счастье должно быть дороже всего... такъ? Вы даже должны меня постоянно благодарить за свое тайное счастье, которое я могла бы разрушить одною минутой снисходительности. Вѣдь всякое счастье заключается въ неудовлетворенномъ желаніи, въ самомъ процессѣ достиженія извѣстной цѣли, и чѣмъ больше препятствій на этомъ тернистомъ пути, тѣмъ выше счастье; вотъ я и хочу сдѣлать васъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ. Жаль, что вы не пишете стиховъ, а то у васъ въ рукахъ всѣ средства сдѣлаться, по меньшей мѣрѣ, вторымъ Гейне. Я не гоню васъ, и пользуйтесь этимъ. Однимъ словомъ, я, кажется, сдѣлала все, чтобы не подвергать испытаніямъ вашъ характеръ, и могу поручиться только за одно: что бы со мной ни было, я никогда не рѣшусь разбить ваше счастье. Ну, перестаньте дѣлать такое глупое, трагическое лицо. Это совсѣмъ ужъ не идетъ умному человѣку, который, прежде всего, долженъ быть философомъ! Не правда ли?

— Совершенно вѣрно, но только черезчуръ великодушно, Сусанна Антоновна. Вы даже пощечину даете, какъ какую-то милостыню.

Въ обществѣ Доганской Покатиловъ никогда не могъ выдерживать характера и быстро переходилъ отъ одного настроенія къ другому: если былъ онъ съ ней одинъ, прикидывался равнодушнымъ, шутилъ, пускался въ откровенность, въ обществѣ Чарльза дѣлался неестественно вѣжливымъ, при Доганскомъ разсказывалъ глупые анекдоты, при Теплоуховѣ напускалъ на себя необыкновенную солидность, а при oncl'ѣ или Нилушкѣ держалъ себя съ преувеличенною фамильярностью и даже позволялъ себѣ нѣкоторыя дерзости. Сусанна все это замѣчала, конечно, и только улыбалась глазами, а въ крайнемъ случаѣ дѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ Покатилова, и послѣдній обязательно надувался, смолкалъ и уходилъ.

— Какой онъ смѣшной, этотъ Покатиловъ!—смѣялась Доганская каждый разъ послѣ такой нѣмой размолвки.—Не правда ли, Николай Григорьевичъ?

— Гм... пожалуй,—соглашался oncle.—Я не желалъ бы быть на его мѣстѣ, Сусанна Антоновна.

— И вы туда же? Вотъ, подумаешь, какое фамильное геройство!

Нѣсколько разъ случалось такъ, что Покатиловъ ловилъ пристальный взглядъ Сусанны, обращенный на него, и она каждый разъ смущалась, какъ пойманный школьникъ. Что значили эти пристальные взгляды? Покатиловъ отлично могъ припомнить день и часъ, когда это было: одинъ разъ они сидѣли въ столовой, когда Нилушка чуть не подрался съ Богомоловымъ, въ другой разъ—въ ложѣ театра, въ третій разъ... О, этотъ третій разъ Покатиловъ никогда не забудетъ: они вдвоемъ возвращались зимой изъ цирка въ парныхъ саняхъ; Доганская цѣлый вечеръ была какая-то задумчивая и грустная, а тутъ вдругъ развеселилась. Онъ помнилъ это лицо, залитое румянцемъ, полузакрытые глаза, которые заставили его вздрогнуть, и эту роковую улыбку. Покатиловъ тихо обнялъ ее, она не сопротивлялась и даже наклонилась къ нему на плечо, а потомъ точно проснулась отъ какого-то волшебнаго сна, отодвинулась и проговорила сурово по-англійски:

— Покатиловъ, вы съ ума сошли!

Къ прежнему обществу, бывавшему у Доганскихъ, прибавилось только нѣсколько смѣшныхъ старичковъ съ громкими именами. Эти старцы обыкновенно пріѣзжали утромъ, и Сусанна принимала ихъ съ неестественною любезностью.

— Наши новые друзья!—коротко рекомендовалъ Доганскій со своею странною улыбкой.—Романъ Ипполитычъ! Всегда помните золотое изреченіе: „Господи, избавь меня отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь“.

Oncle замѣтно постарѣлъ и все поднималъ свои крашеныя брови, когда встрѣчался съ Покатиловымъ.

— Ты что-то хочешь мнѣ сказать?—нѣсколько разъ спрашивалъ его Покатиловъ.—У тебя такой странный видъ!

— Нѣтъ... такъ. Это отъ старости.

За четыре года мужчины всѣ замѣтно постарѣли и удивлялись другъ другу, конечно, за глаза: у Нилушки образовалась лысина, у Богомолова явились два вставныхъ зуба, Доганскій сдѣлался совсѣмъ сѣрый, Покатиловъ пополнѣлъ, и въ его красивыхъ глазахъ все чаще и чаще стало появляться усталое выраженіе. Это еще не была старость, но дѣло уже шло не къ молодости, какъ говорила Улитушка.

Всего удивительнѣе было то, что Покатиловъ часто прямо отъ Доганскихъ отправлялся на Моховую къ Бэтси. Она больше уже не давала уроковъ у Зеста, съ которымъ разошлась изъ-за Чарльза: старикъ узналъ черезъ кого-то, что сынъ познакомился съ Сусанной черезъ Бэтси, и сдѣлалъ гувернанткѣ горячую сцену. Бэтси чувствовала себя виноватой передъ этою семьей и постоянно укоряла себя за сдѣланное преступленіе. Съ Юленькой она тоже не занималась, потому что не могла видѣть Калеріи Ипполитовны. Теперь англичанка занималась переводами изъ англійскихъ газетъ для „Сѣвернаго Сіянія“ и этимъ существовала. Она попрежнему жила въ номерахъ Баранцева и оставалась все такою же чистенькой и щепетильной.

Визиты Покатилова положительно отравляли существованіе Бэтси. Это былъ рѣшительно невозможный человѣкъ, приводившій Бэтси въ отчаяніе: придетъ, сядетъ на диванъ, схватится за голову и по цѣлымъ часамъ надрываетъ душу Бэтси своими жалобами.

— Я дрянной человѣкъ, но это мнѣ дастъ возможность, Бэтси, еще лучше оцѣнить твою чистую душу,—говорилъ невозможный человѣкъ.—Сознаю, что я мучу тебя... а развѣ я самъ не мучусь? Да, я виноватъ, кругомъ виноватъ, но что я получилъ за свою вину? Эта Сусанна совсѣмъ сумасшедшая женщина, Бэтси. Я часто ненавижу и проклинаю ее, но меня неудержимо тянетъ къ ней... Я все ей прощу, все извиню, даже собственное униженіе, хотя у меня часто является желаніе задушить ее. Все равно, я плохо кончу!

Бэтси слушала эту безумную исповѣдь обыкновенно молча и ни однимъ движеніемъ не выдавала своего душевнаго состоянія. Одинъ моментъ душевной слабости, и она опять свяжетъ себя съ этимъ страшнымъ человѣкомъ. Часто ей дѣлалось жаль Покатилова, онъ былъ не злой человѣкъ по душѣ и всегда такъ умѣлъ угодить въ тысячѣ тѣхъ мелочей, которыя особенно цѣнятся женщинами, но Бэтси дѣлала суровое лицо и молчала, какъ убитая.

— Мнѣ иногда снится вотъ эта самая комната,—вслухъ мечталъ Покатиловъ.—Да, снится тихое и хорошее счастье, мнѣ вдругъ дѣлается до слезъ жаль вотъ всѣхъ этихъ мелочей, къ которымъ привыкъ глазъ и съ которыми связано столько хорошихъ воспоминаній. Я даже плачу во снѣ, а настаетъ день, и я опять чувствую себя, какъ пьяница, который не можетъ отказать себѣ въ первой рюмкѣ. Если бы ты знала, Бэтси, что значитъ носить въ душѣ постоянный адъ!

Разъ Покатиловъ вошелъ съ сіяющимъ лицомъ и торжественно заявилъ:

— Ахъ, Бэтси, Бэтси, они уже ссорятся, и онъ больше не любитъ Сусанны. Да, я слышалъ своими ушами, какъ она укоряла его въ чемъ-то, потомъ грозила, затѣмъ плакала,—словомъ, все происходитъ въ надлежащемъ порядкѣ. Мальчикъ образумился...

— Я была бы совсѣмъ счастлива, если бы этотъ мальчикъ образумился,—проговорила Бэтси съ волненіемъ.—Онъ лежитъ на моей совѣсти.

— Да, да, это ты, Бэтси, подвела его, т.-е. устроила все моя любезная сестрица, а ты только разыграла некрасивую роль. Ахъ, Бэтси, я четвертый годъ разыгрываю ту же самую дурацкую роль. На-дняхъ, напримѣръ, Сусанна посылала меня разыскивать Чарльза по всему городу и не велѣла безъ него показываться на глаза... ну, и нашелъ. Притащилъ мальчишку на Сергіевскую чуть не за уши... Скажи, ради Бога, на что это похоже?.. Да вѣдь я первый ни за что не повѣрилъ бы подобной нелѣпости, если бы не продѣлалъ ее собственными руками!

— Я, Романъ Ипполитычъ, могу посовѣтовать вамъ только одно,—говорила Бэтси.—Какъ я слышала, Сусанна начинаетъ обдѣлывать какія-то дѣла...

— Это ты про гнилыхъ старичковъ?

— Да... Собственно, тутъ самъ Доганскій что-то затѣваетъ. Можетъ-быть, я неправда...

— Э, тутъ все можетъ быть, Бэтси! Этого Доганскаго самъ чортъ не разберетъ.

Каждый разъ, когда Покатиловъ уходилъ, Бэтси провожала его печальными глазами: ей было жаль, что онъ погибаетъ. Самые успѣхи для такихъ людей приносятъ только несчастье.

Бѣдной англичаночкѣ приходилось вообще не легко, и она каждый день съ тяжелымъ чувствомъ развертывала свѣжій номеръ „Сѣвернаго Сіянія“, гдѣ печатались и ея переводы изъ иностранныхъ газетъ. Между газетными строчками притаилось и ея одинокое горе, которое она какъ-то связывала съ этою

проклятою газетой. Единственнымъ утѣшеніемъ для нея были приходившіе къ ней газетные старички, какъ Бэтси называла про себя капитана Пухова и Симона Денисыча. Они всегда относились къ ней съ такимъ вниманіемъ и такъ заботились чѣмъ-нибудь угодить или развлечь.

— Вы у насъ, Лизавета Ивановна, на дочернемъ положеніи,—объяснялъ капитанъ со своею обычною галантностью.—Да-съ. Я всегда думаю о васъ въ этомъ направленіи: была у меня дочь, потерялась, а потомъ опять нашлась.

Газетные старички приносили сюда все, что у нихъ накипало на душѣ, и Бэтси знала отлично малѣйшія подробности закулисной жизни „Сѣвернаго Сіянія“ и всѣ тайны номеровъ Квасовой. Разболтавшись, друзья переглядывались и мысленно обвиняли одинъ другого въ невоздержности на языкъ. Черезъ нихъ Бэтси знала все, что дѣлалось въ редакціи. Всего умилительнѣе было то, что и капитанъ и Симонъ Денисычъ считали себя настоящими заправилами газеты и говорили о ней: „мы“.

— Вотъ лѣтомъ намъ хорошо!—объяснялъ Симонъ Денисычъ, попивая кофе.—Тогда ужъ никто не будетъ намъ мѣшать: вся газета въ нашихъ рукахъ. Всѣ разбѣгутся, потому что имъ вѣдь все равно, а мы съ капитаномъ все дѣло орудуемъ...

II.

Можетъ-быть, нигдѣ не идетъ время такъ быстро, какъ въ Петербургѣ, т.-е. идетъ быстро для людей, которые ничего не зарабатываютъ, а проживаютъ свои послѣднія крохи. Время точно существуетъ для того, чтобы напоминать, когда платить за квартиру, когда швеѣ, прачкѣ, горничной, швейцару. Проживающій крохи только удивляется, въ какую прорву плывутъ деньги,—въ руки взять нечего, а между тѣмъ деньги таютъ, какъ вешній снѣгъ. Кажется, лишнихъ денегъ никуда не бросали, наконецъ позволяли себѣ только самое необходимое, даже отказывали во многомъ, и все-таки въ концѣ концовъ дефицитъ растетъ, какъ незаштопанная прорѣха. А праздники? Что можетъ быть хуже для такого проѣдающагося человѣка этихъ проклятыхъ петербургскихъ праздниковъ? Особенно солоно достаются Рождество и Пасха, когда, съ одной стороны, вся публика, какъ угорѣлая, набрасывается на праздничныя покупки, а съ другой—на эту же публику накидывается цѣлая орава голодныхъ ртовъ: проситъ на чаекъ дворникъ, проситъ кухарка, лакей, почтальонъ, пожарные, городовые, разсыльные, капельдинеры, разныя приживалки, кучера,—словомъ, нѣтъ конца-краю этому прошенію, а не дать—неудобно. Эти маленькіе люди сумѣютъ насолить при случаѣ, а главное, непріятно видѣть, какъ они начинаютъ терять къ вашей особѣ всякое уваженіе.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, которыя прожила Калерія Ипполитовна въ номерахъ Квасовой, она испила эту чашу до дна и подъ конецъ даже примирилась со своимъ пассивнымъ положеніемъ, но на сцену выступили новыя злобы, требовавшія новыхъ денегъ, расходовъ и хлопотъ. Иногда Калеріи Ипполитовнѣ начинало казаться, что она только вчера пріѣхала въ этотъ проклятый Петербургъ, такъ эти четыре года были скомканы въ какую-то безобразную массу, точно она все время провела гдѣ-нибудь на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда и все опаздывала взять билетъ, или ее оттирали именно въ тотъ самый моментъ, когда она уже заносила ногу на подножку вагона. А публика пріѣзжала и уѣзжала, предоставляя Калеріи Ипполитовнѣ пріятную обязанность платить „чайки“ за свое толканье среди торопливыхъ людей. Особенно ей тошно дѣлалось передъ Пасхой, когда Петербургъ принимался

самый праздничный видъ и всѣ магазины, лавки и лавчонки были запружены покупающею для праздника публикой. Кромѣ чисто-праздничныхъ покупокъ, это время совпадало съ заготовленіемъ лѣтнихъ костюмовъ, съ наймомъ дачи, съ тяжелыми воспоминаніями о томъ, что когда-то это время такъ же радовало ее, какъ теперь радуетъ всѣхъ другихъ. Въ душѣ поднималась тяжелая и тупая боль, а потомъ дѣлалось какъ-то рѣшительно все равно; это новое состояніе просто пугало Калерію Ипполитовну, и она часто думала про себя, ужъ не сходитъ ли она съ ума. Она и на себя начинала смотрѣть какъ-то издали и со стороны, какъ смотрятъ въ зеркало, когда хотятъ разсмотрѣть себя во весь ростъ. Иногда Калеріи Ипполитовнѣ дѣлалось какъ-то смѣшно, когда она перебирала въ головѣ длинный рядъ перенесенныхъ неудачъ: свои безполезныя хлопоты у вліятельныхъ покровителей, какъ князь Юклевскій, баронъ Шебекъ и Андрей Евгеньичъ, а чего-чего ни дѣлала только Калерія Ипполитовна, чтобы встать на ноги: и на бѣдныхъ жертвовала въ одинъ очень вліятельный аристократическій комитетъ, и съ кружкой ходила собирать пожертвованія въ пользу славянъ, и въ спиритическихъ сеансахъ принимала участіе, наконецъ даже втерлась въ какую-то аристократическую религіозную секту. Все это дѣлалось для того, чтобы, во что бы то ни стало, выбиться изъ своего положенія и войти въ какой-нибудь изъ хорошихъ столичныхъ кружковъ, но всѣ ея усилія оказывались напрасными: сначала дѣло шло какъ будто ничего, въ ней принимали участіе, знакомились, а въ концѣ концовъ она опять чувствовала себя чужою и лишнею и должна была стушевываться незамѣтнымъ образомъ. Если кто дѣйствительно дѣлалъ что-нибудь для нея, такъ это одинъ Доганскій, которому она платила за его услуги самою черною неблагодарностью, а между тѣмъ Доганскій совалъ Симона Денисыча и въ банки, и въ акціонерныя компаніи и въ какія-то промышленныя предпріятія, и даже на биржу. На работу мужа въ „своей“ газетѣ и на свою жизнь въ номерахъ Квасовой Калерія Ипполитовна смотрѣла, какъ на что-то временное и случайное, что̀ только пока, между прочимъ.

Симонъ Денисычъ съ величайшею охотой брался за всякое новое мѣсто и каждый разъ непремѣнно находилъ, что именно это мѣсто точно нарочно для него создано, но проходило два-три мѣсяца, и онъ по-добру, по-здорову долженъ былъ бросать службу. Сначала Калерія Ипполитовна сердилась, дѣлала страшныя сцены, кончавшіяся мигренью, плакала, но потомъ стала относиться къ мужу съ молчаливымъ презрѣніемъ. Въ послѣдній разъ Симонъ Денисычъ потерялъ мѣсто въ какой-то компаніи рыбопромышленниковъ и явился домой съ такимъ убитымъ видомъ, что даже Калеріи Ипполитовнѣ сдѣлалось его жаль.

— Опять неудача?—спросила она, напрасно подыскивая, что̀ бы сказать ему утѣшающее или ласковое.

Этотъ простой вопросъ заставилъ Симона Денисыча совсѣмъ растеряться; онъ посмотрѣлъ на жену какими-то испуганными глазами, провелъ рукой по своей лысинѣ и глухо проговорилъ:

— Старъ я сталъ, Леренька, и... и... и глупъ!

Послѣднее слово онъ выговорилъ съ величайшимъ трудомъ, точно оно засѣло у него въ горлѣ, закрылъ лицо руками и тихо всхлипнулъ.

— Simon, что̀ съ тобой? Ты нездоровъ?—съ участіемъ спрашивала Калерія Ипполитовна, непріятно пораженная этою мелодраматическою сценой.

— Нѣтъ, ничего. А я вотъ что̀ скажу, Леренька: ничего я не понимаю въ нынѣшнихъ дѣлахъ. И люди какіе-то особенные... новые люди, однимъ словомъ. А я не могу, Леренька... нужно кланяться, поддѣлываться, интриго-

вать, торговать совѣстью, вотъ что̀ вездѣ нужно, а я старъ и усталъ. Мнѣ очень тяжело бываетъ иногда, и я часто думаю, какъ хорошо было бы умереть.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать?

— Мнѣ все равно, Леренька. Уѣдемъ куда-нибудь.

— Ну, ужъ это вздоръ! Нужно только потерпѣть и не терять энергіи. Андрей Евгеньичъ недавно былъ у maman и обѣщалъ...

Калерія Ипполитовна, противъ воли растроганная слезами мужа, старалась утѣшить его, какъ ребенка, и принялась повторять въ сотый разъ свои планы и предположенія, въ которые больше и сама не вѣрила. Ей просто хотѣлось успокоить бѣднаго старика, къ которому она чувствовала теперь большую нѣжность, и Симонъ Денисычъ дѣйствительно успокоился, успокоился гораздо скорѣе, чѣмъ предполагала Калерія Ипполитовна. Вышла опять жалкая дѣтская сцена, и теперь Калерію Ипполитовну душила глупая радость мужа, который принялся мечтать вслухъ разныя глупости.

— А у меня есть одинъ проектецъ, Леренька,—говорилъ онъ, бѣгая по комнатѣ маленькими шажками.—Это ужъ послѣдній... Ты только не сердись на меня, Леренька!

— Да говори, пожалуйста, безъ этихъ глупыхъ предисловій.

— Я... то-есть меня приглашаетъ къ себѣ Романъ... это только одно предположеніе, Леренька, и ты, ради Бога, не сердись. У него есть мѣсто завѣдующаго политическимъ отдѣломъ... то-есть я хочу сказать, что я окончательно желаю посвятить себя журналистикѣ. Тебѣ это можетъ показаться немножко страннымъ, но вѣдь такое время, Леренька, нужны люди...

— Что̀ же, и отлично... Я ничего не имѣю противъ твоихъ литературныхъ работъ, только оставь меня въ покоѣ и никогда и ничего не смѣй мнѣ говорить о своей службѣ, какъ и о газетѣ Романа.

Мостовъ принялъ это милостивое разрѣшеніе за чистую монету и горячо поцѣловалъ руку жены, такъ что Калерія Ипполитовна еще разъ съ душевною болью должна была убѣдиться въ глупости своего мужа и окончательно махнула рукой. Конечно, все, что̀ происходило въ семьѣ, всѣ эти неудачи и треволненія оставались строжайшей тайной, и Калерія Ипполитовна оставалась по наружному виду все такою же Калеріей Ипполитовной, которая держала себя всегда съ большимъ гономъ и относилась ко всѣмъ другимъ жильцамъ номеровъ Квасовой свысока. Она также при каждомъ удобномъ случаѣ дѣлала замѣчанія Зинаидѣ Тихоновнѣ, постоянно ссорилась со швейцаромъ Артеміемъ и считала своимъ непремѣннымъ долгомъ повторять всѣмъ и каждому, что они здѣсь только временно и не могутъ поручиться, что не уѣдутъ завтра же, если позволитъ здоровье Симона Денисыча. Свои неудачи она хоронила у себя дома и была увѣрена, что никто даже не подозрѣваетъ горькой истины, а всѣхъ меньше, конечно, жильцы номеровъ Квасовой, эти жалкіе „короли въ изгнаніи“, какъ она называла ихъ про себя, повторяя опредѣленіе капитана.

Но все-таки Калеріи Ипполитовнѣ подчасъ дѣлалось ужасно грустно, именно, когда на нее наваливалось это чувство равнодушія ко всему; и вотъ въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Калерія Ипполитовна какъ-то машинально отправилась съ визитомъ къ Зинаидѣ Тихоновнѣ. Послѣ она сама не могла понять, какъ это могло случиться, но это такъ: она, Калерія Ипполитовна, первая сдѣлала визитъ этой кронштадтской мѣщанкѣ. Зинаида Тихоновна была тоже крайне удивлена появленіемъ Калеріи Ипполитовны въ ея двухъ комнатахъ и не знала, какъ ей принять гостью.

— А я къ вамъ зашла сказать, Зинаида Тихоновна, что мы, во всякомъ

случаѣ, уѣдемъ съ первымъ пароходомъ,—какимъ-то равнодушнымъ тономъ проговорила Калерія Ипполитовна, занимая на диванѣ самое парадное мѣсто.— Мы не пропустимъ этой навигаціи, поэтому необходимо... я сочла долгомъ предупредить васъ относительно квартиры...

— Хорошо, хорошо. У меня есть на примѣтѣ одинъ господинъ,—соглашалась Зинаида Тихоновна, внимательно разсматривая свою гостью, и даже подумала про себя: „Охъ!.. должно-быть, она того... съ мухой!“

Калерія Ипполитовна дѣйствительно держала себя настолько странно, что подозрѣнія Зинаиды Тихоновны имѣли нѣкоторое основаніе. Начать съ того, что пришла она въ такое несообразное время, когда въ гости никто не ходитъ, именно сейчасъ послѣ обѣда, когда Зинаида Тихоновна любила соснуть часокъ-другой, и притомъ просидѣла, не вставая съ мѣста, битыхъ часовъ пять. Принять гостью „по-благородному“ Зинаида Тихоновна, конечно, умѣла и вся разсыпалась въ самомъ политичномъ разговорѣ: пожалѣла капитана, ядовито отозвалась о „своей газетѣ“, наговорила цѣлую кучу о человѣческой неблагодарности, интригахъ и подлости.

— Ужъ не сварить ли кофейку?—предлагала хозяйка, окончательно входя въ свою роль.—Я бы живою рукой...

— Пожалуй,—равнодушно согласилась Калерія Ипполитовна.

— А кстати я вамъ и средство отъ мигрени скажу... Мнѣ одна знакомая чиновница-старушка по секрету его передала... и какое простое средство!.. Докторамъ-то хоть сколько плати, они и способа не скажутъ...

Чтобы удивить гостью вполнѣ, Зинаида Тихоновна вытащила самой необыкновенной формы старинный серебряный кофейникъ, устроенный такъ, что неопытный человѣкъ непремѣнно принялъ бы этотъ кофейникъ за какой-нибудь приборъ для опытовъ по физикѣ. Хитрая штучка, конечно, была пріобрѣтена при случаѣ, о чемъ Зинаида Тихоновна и разсказала, пока возилась съ кофейникомъ. Средство противъ мигрени оказалось очень незамысловатымъ: въ крѣпкій черный кофе опускался кружокъ свѣжаго лимона и вливалась небольшая рюмка коньяку.

— Я иногда сама лѣчусь этимъ средствомъ,—объясняла Зинаида Тихоновна, приготовляя цѣлебный напитокъ.—И отлично дѣйствуетъ: по моей комплекціи въ сонъ вгоняетъ... Для этого случая я всегда финь-шампань держу. Да...

Калерія Ипполитовна нашла, что, дѣйствительно, средство не дурно, и обѣщала непремѣнно его попробовать при первомъ же припадкѣ мигрени.

— А вѣдь я слышу, какъ вы мучаетесь этою самою мигренью,—распиналась Зинаида Тихоновна.—И сколько разъ хотѣла вамъ предложить, да какъ-то все не рѣшалась... Чужіе-то люди, Калерія Ипполитовна, всегда больше пожалѣютъ, чѣмъ свои. Вотъ у васъ и братецъ есть и дядюшка, а много ли вы отъ нихъ вниманія-то видите, а вотъ я всегда васъ жалѣла: все-то вы хлопочете, вездѣ-то вы сами, ну какъ тутъ мигрени не быть? А мужчины это развѣ могутъ понимать? Взять хоть вашего-то братца, Романа Ипполитыча... Конечно, онъ теперь большой человѣкъ и въ капиталѣ скоро будетъ, а вотъ настоящаго родственнаго чувства въ немъ и нѣтъ. Охъ, нехорошо что-то разсказываютъ про Романа-то Ипполитыча, сударыня, хотя, конечно, изъ зависти больше болтаютъ: очень ужъ онъ къ той-то, къ Доганской, то-есть, подверженъ, можно сказать даже, совсѣмъ въ отсутствіе ума впадаетъ. И она имъ тоже вотъ какъ крутитъ: ни настоящаго привѣту ни настоящаго отказу, а такъ... тянетъ только...

— Самъ виноватъ...

— Вотъ ужъ истинную правду сказали, Калерія Ипполитовна, именно самъ виноватъ... А жаль: такой умный человѣкъ и вдругъ точно оступился. Эти мужчины, Калерія Ипполитовна, всѣ на одинъ фасонъ, какъ двугривенные.

Дамы долго просидѣли за кофейникомъ, наговорились, и знакомство завязалось: Калерія Ипполитовна нашла, что Зинаида Тихоновна совсѣмъ не такъ глупа, какъ можно было бы предполагать, а Зинаида Тихоновна сдѣлала пріятное открытіе, что Калерія Ипполитовна совсѣмъ ужъ не такая гордячка, какъ ее прославляли всѣ жильцы, а только держала себя по-настоящему. Отчасти Калерію Ипполитовну тянуло къ Зинаидѣ Тихоновнѣ слѣдующее обстоятельство: уроки Юленьки съ Бэтси кончились, и упрямая англичанка видимо избѣгала бывать у Мостовыхъ, такъ что Калерія Ипполитовна не получала теперь прямыхъ свѣдѣній обо всемъ, что дѣлается у Доганскихъ; между тѣмъ Зинаида Тихоновна знала о нихъ ей одной извѣстными путями рѣшительно все, чѣмъ оставалось только воспользоваться, благо Зинаида Тихоновна была слабенька на язычокъ. Входя въ комнату Зинаиды Тихоновны, Калерія Ипполитовна чувствовала себя точно на телеграфной станціи, соединявшей ее тысячью невидимыхъ проволокъ съ редакціей „Сѣвернаго Сіянія“, съ квартирой Доганскихъ и вообще съ тѣмъ міромъ, который ее такъ интересовалъ. Эти визиты сначала дѣлались подъ разными предлогами: спросить что-нибудь, посовѣтоваться, гдѣ купить хорошихъ нитокъ, а потомъ знакомство повелось уже запросто, причемъ немаловажную роль играло изобрѣтенное старушкой-чиновницей лѣкарство отъ мигрени. Случалось какъ-то такъ, что и хозяйка и гостья страдали припадками этой болѣзни въ одно время, поэтому и лѣчиться вмѣстѣ было веселѣе. Попивая кофе съ коньякомъ, дамы замѣтно краснѣли, дѣлались откровеннѣе и вообще недурно коротали быстротечное время. Калерія Ипполитовна нашла, что это завѣтное средство дѣйствуетъ отлично не только отъ мигрени, но прогоняетъ и то страшное чувство апатіи и равнодушія, которое такъ ее пугало.

— А та, Сусанна-то Антоновна, на всѣ фасоны пошла,—сообщала Зинаида Тихоновна своей пріятельницѣ.

— Какіе фасоны?

— Какъ же... Съ Теплоуховымъ-то у ней того, не совсѣмъ ладно: глупъ онъ свыше мѣры, а тоже не слѣпой. Этотъ англичанинъ тутъ замѣшался... Ну, не сегодня-завтра, а Теплоуховъ ненадеженъ, пожалуй, и сбѣжитъ. Вотъ Доганскій и завелъ новыхъ знакомыхъ, старичковъ разныхъ, которые падки на женскую-то часть...

Разговоръ происходилъ въ описываемое нами время, т.-е. вскорѣ послѣ русско-турецкой войны. Дамы бесѣдовали за кофе. Зинаида Тихоновна за это время замѣтно пополнѣла, Калерія Ипполитовна тоже пополнѣла, но обрюзгла, подбородокъ отвисъ жирною складкой, углы рта опустились, на носу просвѣчивали тоненькія красныя жилки, глаза смотрѣли съ какою-то тупою сосредоточенностью, а въ волосахъ уже серебрилась сѣдина, точно голова была посыпана первымъ осеннимъ снѣгомъ. Обѣ дамы сидѣли въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, какъ люди, приготовившіеся побесѣдовать по душѣ.

— Смотрѣть на нихъ, такъ даже какъ будто ничего не разберешь,—продолжала Зинаида Тихоновна.—Какъ будто и Теплоуховъ на прежнемъ положеніи у Сусанны Антоновны, и какъ будто англичанинъ этотъ сильно касается, и какъ будто англичанинъ-то пошелъ ужъ на удаленіе. Мужское дѣло: свое получилъ вполнѣ—и бѣжать. А мнѣ то удивительно, Калерія Ипполитовна, что развѣ не стало въ Петербургѣ-то красавицъ-женщинъ, каждый годъ однѣхъ

французинокъ сколько навезутъ; такія красивыя мерзавки, а вотъ поди же, Сусанна Антоновна всѣхъ перешибла своею красотой... Невѣроятность какая-то. А эти старички-то почище Теплоухова будутъ, и Сусанна Антоновна черезъ нихъ большія дѣла обдѣлываетъ: за умъ схватилась.

Калерія Ипполитовна торжествовала, слушая болтовню Зинаиды Тихоновны: все выходило такъ, какъ она предполагала. Сусанна увлеклась этимъ мальчишкой и теперь дѣлаетъ одну глупость за другой. О, какъ всѣ женщины похожи въ своихъ слабостяхъ и безъ конца повторяютъ одна другую. Пусть же Сусанна помучится, а когда потеряетъ красоту, ее выгонятъ на улицу, какъ старую клячу. Теперь она теряетъ Теплоухова, а на старичковъ—плохая надежда, да ниже этого женщинѣ и опуститься нельзя; женщина можетъ ошибаться, дѣлать глупости, но служить приманкой для выжившихъ изъ ума развалинъ—нѣтъ, это послѣдняя ступенька возможнаго униженія.

— Чего же Доганскій-то смотритъ?—спрашивала Калерія Ипполитовна.

— Чего ему смотрѣть-то, если онъ самъ подводитъ къ женѣ этихъ старыхъ чертей. Теплоухова потеряла, ошибочка есть съ англичаниномъ, а тутъ ужъ не погнѣвайся, матушка. Разговоры-то у него короткіе, у Юрія Петровича: возьметъ веревку, да и удавитъ. Такой ужъ человѣкъ особенный... Вѣдь онъ Сусанной только и держится. Можетъ, и напрасно это болтаютъ, Калерія Ипполитовна, а только много ихъ, такихъ-то мужей... Да и барышни нынѣшнія, ежели разобрать, тоже мое почтеніе, побольше насъ съ вами знаютъ.

III.

— Я вполнѣ довольна Julie,—съ твердостью повторяла maman Анна Григорьевна.—Эта дѣвушка получила твердое воспитаніе и, надѣюсь, совсѣмъ застрахована отъ тѣхъ глупостей, которыя губятъ другихъ женщинъ. Если бы я знала сотую часть того, что знаетъ Julie, то... ну, да объ этомъ теперь немного поздно толковать!

Юленька за эти четыре года совсѣмъ выросла и превратилась въ настоящую барышню, она „выровнялась“ раньше своихъ лѣтъ, какъ говорила старая Улитушка. Юленька не была красавицей, какъ это она и сама знала, но въ ней было что-то такое „бабушкино“, какъ увѣрялъ oncle: средняго роста, худощавая, но крѣпкая, съ рѣшительными движеніями и задумчивымъ дерзкимъ лицомъ, она умѣла быть замѣтной. Всего лучше у Юленьки были умные, большіе глаза и характерный разрѣзъ рта. Одѣвалась она всегда въ темное, волосы зачесывала гладко, немного по-старушечьи, питала отвращеніе къ бантикамъ и кружевамъ, но имѣла настоящую слабость къ хорошимъ перчаткамъ, обуви и тонкому, дорогому бѣлью. Въ своихъ темныхъ платьяхъ она походила на монахиню, и это придавало ей извѣстный шикъ и тонкую пикантность. По складу характера Юленька была спокойная и серьезная дѣвушка; она по цѣлымъ днямъ лежала съ книгой въ маленькихъ бабушкиныхъ комнатахъ или уѣзжала на „конкѣ“ къ Египетскому мосту, т.-е. къ oncl'ю, и подъ его руководствомъ проходила высшую школу спортсменства. Лошадей она любила до страсти и оставляла ихъ только для новыхъ французскихъ книжекъ, на которыя абонировалась у Мелье. Изъ-за этихъ французскихъ книжекъ у Калеріи Ипполитовны вышла первая исторія съ дочерью. Она застала ее разъ съ томикомъ сочиненій Ришпэна и сдѣлала ей строгій выговоръ.

Юленька выслушала мать совершенно спокойно и самымъ обыкновеннымъ тономъ проговорила:

— Какая у тебя, maman, странная манера [illegible] наставленія...

Можешь успокоиться: я читала много въ этомъ родѣ, какъ, вѣроятно, читала и ты.

— Несчастная! — патетически воскликнула Калерія Ипполитовна и сейчасъ же полетѣла къ maman поблагодарить ее за „твердое“ воспитаніе внучки.

— Мнѣ остается только пожалѣть бѣдную Julie,—язвительно отвѣтила Анна Григорьевна:—она не виновата, что несправедливая судьба послала ей такую глупую мать.

Калерія Ипполитовна, когда дочери исполнилось семнадцать лѣтъ, возымѣла намѣреніе вывозить ее въ свѣтъ, но Юленька воспротивилась этому настолько энергично, что настаивать было безполезно.

— Что я „тамъ“ буду дѣлать?—спрашивала она опѣшившую maman.— Очень интересно разыгрывать изъ себя какую-то западню для довѣрчивыхъ молодыхъ людей въ шестьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ, maman, ради Бога, избавьте меня отъ этой жалкой роли: я не настолько красива, чтобы на меня польстился богатый женихъ, а за бѣднаго я сама не пойду, слѣдовательно нечего напрасно терять время.

— Однако чѣмъ же ты желала бы быть, Julie?—спрашивала нѣсколько разъ Калерія Ипполитовна.

— Я?.. А вотъ чѣмъ: такъ какъ у меня нѣтъ милліоннаго приданаго, то я желала бы быть такою балериной, какъ Радина или Соколова, а еще лучше наѣздницей въ циркѣ.

— Ты говоришь серьезно, Julie?

— Совершенно серьезно, maman.

Всего лучше чувствовала себя Юленька въ холостой квартирѣ отсl'я или когда ходила съ нимъ въ театръ; они обыкновенно занимали ложу только вдвоемъ и проводили время очень весело. Съ Калеріей Ипполитовной Юленька бывала въ театрѣ только по крайней необходимости, когда уже никакъ нельзя было отказаться; она точно стыдилась матери и отца, чего, впрочемъ, и не скрывала, т. е. собственно даже не стыдилась, а относилась къ нимъ какъ-то свысока.

Къ молодымъ людямъ Юленька была болѣе чѣмъ равнодушна и не выказывала ни малѣйшаго стремленія къ пріобрѣтенію „предмета“ на институтскій манеръ. Только одинъ разъ, когда ей было лѣтъ семнадцать, Юленька категорически потребовала отъ отсl'я, чтобы тотъ ей непремѣнно досталъ „студента“. Найти такового было не трудно, и Юленька усердно занималась съ нимъ математикой два мѣсяца, а потомъ соскучилась и дала студенту отставку. Это былъ какой-то медикъ, носившій всклокоченные волосы, длинные сапоги и пледъ, державъ себя порядочнымъ волкомъ и разъ чуть не подрался съ Анной Григорьевной, возымѣвшей благочестивое намѣреніе познакомить этого юношу съ твореніями Ѳомы Кемпійскаго.

Отношенія Юленьки къ Доганскому, который очень часто бывалъ у Анны Григорьевны, носили самый неровный характеръ: то она совсѣмъ не замѣчала этого „стараго друга“, какъ называлъ себя Доганскій, то наблюдала его втихомолку по цѣлымъ часамъ, то, наконецъ, начинала его сторониться и вообще, кажется, только въ присутствіи этого человѣка теряла свое обычное ровное расположеніе духа и дѣлалась такою неестественной, чѣмъ немало огорчала Анну Григорьевну.

Доганскій, конечно, не могъ не замѣчать этого и, въ свою очередь, дѣлался неестественнымъ: старался показать себя умнымъ человѣкомъ, вымучивалъ остроты и даже начиналъ говорить о нравственности.

— Подозрѣваетъ Julie что-нибудь или нѣтъ?—нѣсколько разъ спрашивалъ Доганскій Анну Григорьевну.

— Кажется, подозрѣваетъ, но отъ нея ничего не добьешься: Julie скрытна, какъ обезьяна... Надѣюсь, что при томъ твердомъ воспитаніи, какое мы ей дали, никакое открытіе ея не убьетъ.

— Да, но все-таки... она еще дѣвушка и многаго не можетъ понимать...

— Послушайте, что это вы начинаете сентиментальничать, какъ какая-нибудь выжившая изъ ума старушонка?—обрѣзала Анна Григорьевна своего протежэ.—Вотъ еще новость: дѣвушка!

Разъ весной, въ тотъ промежутокъ, когда столичная публика еще не успѣла разъѣхаться по дачамъ, Юленька каталась съ oncl'емъ верхомъ. День былъ теплый и свѣтлый, и они объѣздили почти всѣ острова. Отъ скорой ѣзды и свѣжаго воздуха Юленька разгорѣлась самымъ здоровымъ румянцемъ и была въ самомъ отличномъ настроеніи духа; ѣздила она отлично, хотя не выдерживала характера и своею горячностью портила лошадь. Oncle былъ записной ѣздокъ и сидѣлъ въ сѣдлѣ, какъ вылитый вмѣстѣ съ лошадью; онъ молодѣлъ въ такія прогулки на десять лѣтъ и испытывалъ истинное наслажденіе, что можетъ передать внучкѣ хотя ничтожную часть своихъ талантовъ.

Лошади устали, и oncle предложилъ проѣхать шагомъ по широкой береговой аллеѣ, которая на Елагиномъ отъ моста ведетъ къ point'у.

— Теперь море великолѣпно.—говорилъ старикъ, снимая шляпу, чтобы вытереть платкомъ потный лобъ.—Кстати посмотримъ, какъ нашъ яхтъ-клубъ отличается: скоро будетъ гонка на гичкахъ, и теперь идутъ экзерциціи.

— Вотъ чего я не понимаю—это удовольствія сидѣть, скорчившись, въ узкой лодчонкѣ и махать руками,—замѣтила Юленька, гладя взмыленную шею фыркавшей лошади.—Скакать на лошади, ѣхать на пароходѣ, даже по желѣзной дорогѣ—все это понятно, но безцѣльно барахтаться вотъ въ этой лужѣ...

Юленька не успѣла докончить фразы, потому что ихъ чуть не смяла показавшаяся изъ боковой аллеи кавалькада: впереди галопомъ скакала Доганская съ Зостомъ, а за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи въ безпорядкѣ слѣдовали самъ Доганскій, Покатиловъ и Теплоуховъ.

Доганская сейчасъ же узнала oncle'я по лошадямъ и сильною рукой осадила своего скакуна какой-то необыкновенной золотой масти; oncle раскланялся съ Доганской и отрекомендовалъ свою внучку, которая пристально разсматривала Сусанну съ ногъ до головы.

— Вотъ вы какая,—какъ-то задумчиво протянула Доганская, долго не выпуская руки Юленьки изъ своей.—А я такъ много слышала о васъ отъ Юрія... мы такъ давно не видались съ вами.

— И мнѣ тоже очень хотѣлось взглянуть на васъ,—засмѣялась Юленька, сдерживая танцовавшую подъ ней лошадь.

— Вотъ и отлично, Юленька... Извините за фамильярность: я такъ привыкла васъ называть про себя. Вы... на pointe? Поѣдемте вмѣстѣ...

Юленька не видала Сусанны лѣтъ семь, т.-е. не видала такъ близко, какъ теперь, и нашла, что это была совсѣмъ другая женщина, ничего общаго не имѣющая съ тою черномазою Сусанной, которая жила у нихъ въ Заозерскомъ заводѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, Юленька почувствовала, что Сусанна красивѣе ея и лучше сидитъ въ сѣдлѣ. На молодого Зоста она не обратила особеннаго вниманія, какъ вообще не интересовалась молодыми людьми.

Дамы поѣхали впереди, и Сусанна заговорила, наклоняясь въ сѣдлѣ къ Юленькѣ:

— Julie, а что вы скажете, если бы я предложила вамъ сейчасъ же отправиться ко мнѣ?.. Я знаю, что это будетъ непріятно вашей maman, но я такъ соскучилась о тебѣ, голубчикъ... Намъ вѣдь нечего дѣлить съ тобой... да?

— Нѣтъ, когда-нибудь въ другой разъ...

— Знаешь, мнѣ ужасно хочется обнять тебя и расцѣловать,—продолжала Сусанна, не слыхавъ отвѣта Юленьки.—Прогонимъ этихъ мужчинъ и поѣдемъ одни, или лучше пусть oncle проводитъ насъ до Сергіевской, а потомъ мы и его спровадимъ.

— Зачѣмъ?—сухо спросила Юленька, выпрямляясь.

— Да такъ... мнѣ нужно васъ... тебя видѣть. Повернемся минуточку на point'ѣ и полетимъ домой, т.-е. ко мнѣ.

Доганская въ своей свѣтло-сѣрой амазонкѣ изъ китайскаго шелка и такого же цвѣта низенькомъ цилиндрѣ съ вуалемъ была очень оригинальна, особенно рядомъ съ очень скромно одѣтою Юленькой. Кавалеры и дамы образовали очень живописную группу на point'ѣ, гдѣ теперь никого не было; Покатиловъ спросилъ Юленьку о здоровьѣ grande-maman и maman просто и показался ей такимъ скучнымъ и вялымъ. Впрочемъ, она его давно не видала.

— Находишь, что я поставѣлъ?—спросилъ Покатиловъ, поймавъ взглядъ племянницы.

— Да... желала бы сказать тебѣ комплиментъ, Романъ, но боюсь обидѣть тебя излишней откровенностью.

— А вотъ я могу быть съ тобой откровеннѣе, Julie,—съ улыбкой отвѣтилъ Покатиловъ, задѣтый немного за живое.—Ты сегодня очень мила...

— Въ присутствіи Сусанны я не могу гордиться и этимъ... да? Не желаете ли что-нибудь передать maman, то-есть моей maman?

Покатиловъ ничего не отвѣтилъ и только съ улыбкой посмотрѣлъ на бравировавшую Юленьку такимъ говорящимъ, измученнымъ взглядомъ, что той стало даже немного неловко.

Къ Сусаннѣ Юленька, однако, не поѣхала, а только пообѣщала быть у ней на-дняхъ, когда она будетъ совершенно одна.

— Это вы смастерили эту „неожиданную“ встрѣчу?—строго спросила Юленька oncl'я, когда они вдвоемъ возвращались съ острововъ.

— То-есть... Что ты хочешь сказать этимъ? Я тутъ не виноватъ ни душой ни тѣломъ. Клянусь тебѣ, что это была совершенная случайность. Ты обѣщала, кажется, Сусаннѣ быть у ней на-дняхъ?

— Да, обѣщала, и вы проводите меня.

Oncle что-то проворчалъ про себя и поднялъ свои могучія плечи.

— Что же тутъ особеннаго?—спрашивала Юленька совершенно спокойно.— Вѣдь я бываю же у тебя... Доганскій бываетъ у grande-maman.

— У меня—это другое дѣло... Собственно, я ничего не имѣю, а просто спросилъ. Нужно сказать твоей maman, по крайней мѣрѣ...

— Ну, это совершенно лишнее!—рѣзко отвѣтила Юленька.—Вы всѣ тутъ перессоритесь между собой, а я буду виновата во всемъ... А какая Сусанна красивая, нѣтъ, красавица... не правда ли?

— Гм... д-да... то-есть въ своемъ родѣ, пожалуй, и красавица.

— Если бы я была мужчиной, я никому не отдала бы такой женщины...

— Д-да.. гм...

А впрочемъ, это слишкомъ глупая и скучная исторія: „онъ“ и „она“... Ты поступилъ благоразумнѣе другихъ, оставшись старымъ холостякомъ.

— Гм... д-да...

Юленька сдержала слово и въ сопровожденіи oncl'я отправилась къ Догапской, которую предупредила о своемъ визитѣ за день. Сусанна встрѣтила гостей въ передней и горячо расцѣловала Юленьку изъ щеки въ щеку; она была одѣта съ тою дорогою простотой, съ какою одѣваются только очень богатыя женщины. Юленька въ своемъ темномъ платьѣ среди богатой обстановки казалась, дѣйствительно, монахиней, но именно это и привело Сусанну въ неподдѣльный восторгъ.

— Oncle! Вы, голубчикъ, отправляйтесь въ бильярдную, васъ ждетъ Евстафій Платонычъ!—выпроваживала Сусанна oncl'я.—А мы съ Юленькой поболтаемъ одни: я не велѣла никого принимать.

— Все это прекрасно!—соглашался oncle, разставляя широко ноги.—Но вы не забывайте, Сусанна Антоновна, что человѣческое терпѣніе имѣетъ свои границы...

— Это вы относительно ѣды... да?.. Ну, отправляйтесь въ буфетъ, тамъ все найдете...

Сусанна принималась нѣсколько разъ обнимать Юленьку и прижимала ея голову къ своей щекѣ. Пока Юленька разглядывала окружавшую ее роскошь, Сусанна безъ устали болтала, какъ умѣютъ болтать женщины, встрѣтившіяся послѣ долгой разлуки. Юленька должна была перемѣнить нѣсколько мѣстъ, потому что Сусанна желала усадить ее самымъ комфортабельнымъ образомъ.

— Я тебя ждала, Julie, съ такимъ нетерпѣніемъ, точно ты мнѣ родная дочь, — шептала Сусанна, сжимая въ своихъ рукахъ руки гостьи. — Это смѣшно для тебя, потому что ты еще ребенокъ... Ахъ, нѣтъ, ты большая, совсѣмъ большая и милая... да?.. Маленькая моя крошечка, какъ ты по-монашески носишь волосы... а?.. И ни одной свѣтлой пуговки во всемъ костюмѣ... Мнѣ это нравится.

— А ты хоть немножечко помнишь меня, Julie?—спрашивала Догапская, не давая гостьѣ сказать ни одного слова.—Да?.. чуть-чуть... когда я жила у васъ приживалкой. Да, я тогда была такая дрянная дѣвчонка и ненавидѣла тебя, потому что завидовала. Я вѣдь злая была?.. А теперь ты большая и я такъ рада видѣть тебя. Что же ты молчишь, голубчикъ?

— Да вы мнѣ слова не даете сказать, поневолѣ замолчишь. Во-первыхъ, я не люблю цѣловаться, во-вторыхъ, вы просто сумасшедшей какой-то выглядите, вонъ какъ накинулись на меня.

— Да-да, какая ты недотрога! Только, пожалуйста, безъ „вы“, милочка. А накинулась я на тебя потому, что у меня почти нѣтъ знакомыхъ женщинъ, съ кѣмъ я могла бы душу отвести.

— Плохую же въ такомъ случаѣ находку ты сдѣлала, Сусанна,—сухо засмѣялась Юленька.—А гдѣ Бэтси? Вѣдь она занималась съ тобой.

— Бэтси бываетъ, но она такая странная, эта Бэтси, хотя я и люблю ее... Да вѣдь ты же, навѣрное, знаешь про меня всю подноготную и поэтому великодушно избавишь отъ нѣкоторыхъ щекотливыхъ объясненій. Oncle страшный и неисправимый болтунъ и, навѣрное, посвятилъ тебя во всѣ мои тайны... да? Ну, тѣмъ лучше, моя хорошая. Ахъ, какъ я боюсь за тебя, Julie: Калерія Ипполитовна узнаетъ, что ты была у меня, и тогда...

— И тогда, какъ теперь, ничего не будетъ.

— Какъ ничего?

— Да такъ.

Сусанна посмотрѣла недовѣрчиво на спокойно улыбавшуюся Юленьку и на минуту задумалась: сухой тонъ непріятно поразилъ ее; это было для нея новостью. Ей хотѣлось имѣть около себя теплую женскую душу, а отъ этой дѣвушки вѣяло такимъ холодомъ.

— Мнѣ давно хотѣлось видѣть тебя,—продолжала Сусанна послѣ небольшой паузы,—видѣть для того только, чтобы сказать тебѣ, что я совсѣмъ не такая дурная женщина.

— А развѣ кто это говоритъ?

— Да... про меня много говорятъ лишняго, и я часто бываю такая несчастная, если бы ты только могла понять такое состояніе, Julie. Нѣтъ, лучше никогда ничего не понимать, а вотъ будь такая холодная и неприступная, какъ теперь... это лучше въ тысячу разъ! Такимъ людямъ только и стоитъ на свѣтѣ жить... Вотъ что, милочка, ты, можетъ-быть, хочешь ѣсть, а я тебя душу своими разговорами.

— Пожалуй...

— Ну, такъ пойдемъ въ столовую и будемъ ужинать часа три. Ты что больше всего любишь?

Сусанна хотѣла сказать Юленькѣ такъ много, о чемъ думала всѣ эти дни, и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, ничего не успѣла сказать, а теперь этотъ глупый ужинъ, къ которому непремѣнно выползутъ дуракъ Теплоуховъ и oncle. Но Теплоуховъ и oncle были уже въ столовой, гдѣ бесѣдовали самымъ мирнымъ образомъ за бутылкой вина.

— Вы не знакомы?—спрашивала Сусанна гостью, показывая глазами на Теплоухова. — Евстафій Платонычъ Теплоуховъ, моя старшая дочь Julie,— отрекомендовала она Юленьку Теплоухову, который молча пожалъ руку „старшей дочери“, чуть-чуть улыбнулся изъ вѣжливости и такъ-таки ничего не сказалъ.

— Мы сегодня будемъ кутить,—говорила Сусанна, усаживаясь рядомъ съ Юленькой.—Господа, вы говорите что-нибудь между собой и оставьте насъ въ покоѣ.

— Вотъ это мило!—возропталъ oncle.

Юленька любила покушать основательно и теперь работала ножомъ и вилкой съ самымъ серьезнымъ видомъ, отвѣчая на сыпавшіеся на нее вопросы Сусанны съ комическимъ лаконизмомъ.

— Да ты какая-то деревянная, Julie?

— Будешь деревянной, когда мѣшаютъ ѣсть!

Oncle хохоталъ отъ души надъ этою сценой, закинувъ свою сѣдую стриженую голову назадъ; Теплоуховъ нѣсколько разъ внимательно вглядывался въ Юленьку и даже, кажется, желалъ принять участіе въ этомъ разговорѣ, но только пожевалъ губами и поправилъ галстукъ. Вообще Юленька держала себя необыкновенно оригинально, и ея присутствіе наполнило столовую настоящимъ весельемъ, какого въ ней давно не было; собственно, Юленька не старалась никого забавлять, не подбирала остроумныхъ словъ, даже не улыбалась, но она какъ-то вся дышала какою-то заразительною и здоровою радостью. То лѣнивая и вялая по цѣлымъ днямъ, то „лихорадочная“, какъ сегодня, Сусанна вдругъ почувствовала, что эта Юленька точно старше ея, и Сусанна улыбалась и старалась держать свою гостью за локоть. Oncle былъ въ восторгѣ отъ внучки и только удивлялся про себя, что онъ никогда еще не видалъ ее въ такомъ настроеніи.

Юленька выпила полбутылки краснаго вина, вытерла губы салфеткой и, переводя духъ, проговорила серьезно:

— Теперь мнѣ остается только поблагодарить m-r Теплоухова за пріятную бесѣду... Что̀ можетъ быть лучше человѣка, который не мѣшаетъ ближнему ѣсть?.. Не правда ли, Сусанна?

— Да! Евстафій Платонычъ—неоцѣненный человѣкъ, хотя и не безъ слабостей,—задумчиво отвѣтила Сусанна, стараясь поближе сѣсть къ гостьѣ.

— Именно?

— Очень любитъ, напримѣръ, играть въ шахматы. Вотъ не желаешь ли, Julie, попытать счастья?

— Я? Съ удовольствіемъ.

Всѣ веселою гурьбой отправились прямо въ будуаръ, гдѣ сейчасъ же и устроилась игра. Теплоуховъ игралъ съ Юленькой, а Сусанна помогала послѣдней. Oncle вдругъ какъ-то присмирѣлъ и сморщился.

„Дуракъ я старый, выжившій изъ ума дуракъ“,—думалъ oncle, тяжело ворочаясь въ креслѣ.

Пока происходилъ шумный ужинъ, въ кабинетѣ хозяина сидѣлъ одинъ старый и дряхлый человѣкъ; онъ придвинулъ кресло къ самой двери и, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, чутко прислушивался къ происходившему въ столовой разговору и улыбался счастливою улыбкой, когда слышался самоувѣренный голосъ Юленьки. Нѣсколько разъ онъ порывался встать и присоединиться къ ужинавшей компаніи, но какой-то инстинктъ заставлялъ его оставаться на томъ же мѣстѣ, чтобы не разогнать единственнаго хорошаго чувства, которое теперь согрѣвало своею теплотою его утомленную, старую душу, полную грѣха и отчаянія.

„Вѣдь это моя дочь... моя!..“—шепталъ старикъ съ блаженною улыбкой, чувствуя въ Юленькѣ частицу самого себя: онъ тоже всегда былъ и смѣлъ, и находчивъ, и полонъ радости жизни.

Читатель, конечно, догадывается, что тотъ старикъ былъ самъ Доганскій.

IV.

Лѣто Доганскіе проводили обыкновенно въ Павловскѣ, гдѣ у нихъ была своя очень красивая дача, выстроенная въ дачно-русскомъ стилѣ, съ шатровою крышей изъ гонта, съ широкою галлереей-крыльцомъ, съ неизбѣжными башенками, вычурною деревянною рѣзьбой, пузатыми колонками и маленькими стрѣльчатыми окошечками. Конечно, вся эта національная городьба была размалевана зелеными, красными, желтыми и синими полосками, звѣздочками, пѣтушками, драконами и тому подобною сказочною премудростью. Лучше всего былъ садъ изъ старыхъ липъ и сиреневыхъ аллей. Рядомъ была дача Теплоухова, походившая на сказочную избушку на курьихъ ножкахъ; это былъ домикъ всего въ три окна, спрятавшійся въ зелени акацій и тополей.

Oncle и Покатиловъ нанимали дачу вмѣстѣ тоже въ Павловскѣ, и Юленька поселилась у нихъ, потому что жить гдѣ-то въ первомъ Парголовѣ, гдѣ Мостовы жили третье лѣто, было слишкомъ скучно. Такимъ образомъ въ Павловскѣ составилась своя очень веселая компанія, и дачное лѣто пошло своимъ чередомъ: концерты, экскурсіи, пикники, а главное—та условная дачная свобода, которая какъ-то сближаетъ людей.

Юленька сдѣлалась полновластною хозяйкой на дачѣ oncle'я и въ то же время являлась душой всего общества; когда она уѣзжала въ Парголово, всѣ чувствовали, что чего-то недостаетъ, начинали придираться другъ къ другу и вообще скучали, какъ умѣютъ скучать на петербургскихъ дачахъ.

Сусанна, кажется, больше всего занята была лошадьми и постоянно ѣздила то верхомъ, то въ шарабанѣ, то въ мудреномъ англійскомъ экипажѣ,

который Покатиловъ называлъ „ящикомъ изъ-подъ свѣчъ“. Особенно любила Сусанна кататься съ oncl'емъ, причемъ они часто встрѣчали Чарльза Зоста, который поджидалъ ихъ обыкновенно верхомъ гдѣ-нибудь въ паркѣ. Этотъ молодой человѣкъ держалъ себя съ чопорнымъ превосходствомъ и могъ промолчать цѣлый вечеръ, когда это требовалось.

— И чортъ его знаетъ, что̀ это за человчкъ!—удивлялся иногда Покатиловъ въ минуту откровенной бесѣды съ oncl'емъ, обыкновенно за бутылкой хорошаго вина гдѣ-нибудь въ тѣнистомъ уголкѣ.—Англійскій недоросль по-нашему, а, поди ты, какой гоноръ на себя напускаетъ. И вѣдь глупъ, какъ пробка, а, навѣрное, такая же жила выйдетъ, какъ родитель. Откуда это у нихъ берется: все Митрофанушка и недоросль, только и заботы, что верхомъ ѣздить да грести весломъ, а глядишь, изъ этакого балбеса такое промышленное дерево произрастетъ... Въ крови это у нихъ, подлецовъ!

— Д-да...—протягивалъ задумчиво oncle, думая о чемъ-то другомъ.— Вотъ что̀, Романъ, ты ничего не замѣчаешь за Julie?

— Ничего, кромѣ того, что дѣвка съ жиру бѣсится... а что̀?

— Да такъ... гм...

— Перестань, пожалуйста, кряхтѣть и говори толкомъ!—сердился Покатиловъ.

— Мнѣ кажется, что Julie тоже начинаетъ быть неравнодушна къ этому Чарльзу. Вотъ человѣкъ, подумаешь, навязался!

Oncle въ сердцахъ даже плюнулъ, а Покатиловъ долго хохоталъ надъ его предположеніемъ, потому что Julie совсѣмъ не того разбора дѣвица, которая стала бы таращить глаза на такихъ набитыхъ дураковъ; это умная дѣвчонка, и еще вопросъ, что̀ у нея на умѣ.

Переселеніе Юленьки въ Павловскъ, конечно, не обошлось безъ семейной исторіи: это была рѣшительная битва, проигранная Калеріей Ипполитовной въ присутствіи maman. О своемъ намѣреніи провести лѣто въ Павловскѣ у oncle'я Юленька предупредила мать сейчасъ послѣ Пасхи, но та не обратила на это особеннаго вниманія, по крайней мѣрѣ, придавала этому заявленію видъ ребяческой выходки.

Разъ, когда Калерія Ипполитовна заѣхала на Васильевскій островъ навѣстить maman, Юленька повторила свое заявленіе. Это было уже совсѣмъ серьезно, и Калерія Ипполитовна даже растерялась немного, но потомъ собрала всю свою энергію и совершенно спокойно проговорила:

— Вотъ и отлично, Julie, что ты подняла этотъ разговоръ въ присутствіи maman. Мы его и обсудимъ втроемъ.

— Отчего же не обсудить?—соглашалась Анна Григорьевна, прищуривая свои темные глазки.—Военный совѣтъ устроимъ, mon ange.

Конечно, у maman были очень оригинальные взгляды на многое, но въ данномъ случаѣ Калерія Ипполитовна смѣло разсчитывала на ея поддержку, потому что на карту ставилась репутація молодой дѣвушки—разъ, а второе—авторитетъ матери.

— Я очень многое позволяла Julie до сихъ поръ и смотрѣла на все сквозь пальцы,—заговорила Калерія Ипполитовна съ театральнымъ спокойствіемъ,—но въ данномъ случаѣ я рѣшительно протестую... Помнишь, Julie, какъ ты отправилась съ oncl'емъ къ Сусаннѣ? Это была очень рѣзкая выходка съ твоей стороны, но я не сказала тебѣ ни слова... не сказала потому, что желала предоставить тебѣ полную свободу одуматься самой. Я понимаю всю безполезность сухихъ наставленій, а также и то, что лучшій совѣтникъ—опытъ. Притомъ я могу относиться пристрастно къ Сусаннѣ,

слѣдовательно была бы пристрастна... Хорошо. Но переселиться въ Павловскъ молоденькой дѣвушкѣ и жить на одной дачѣ съ такими неисправимыми старыми холостяками, какъ oncle и Романъ, по-моему—навсегда погубить свою репутацію. Я боюсь высказать больше, чѣмъ желала бы. Теперь ваше мнѣніе, maman.

— А мое мнѣніе, mon ange, таково, что это предразсудокъ,—отвѣтила Анна Григорьевна и, когда Калерія Ипполитовна сдѣлала испуганное лицо, она повторила:—Да, я это считаю предразсудкомъ. Наша дѣвочка получила такое твердое воспитаніе, что застрахована отъ спеціально-женскихъ глупостей.

— Maman, вы, вѣроятно, ошиблись... вы совсѣмъ не то хотѣли сказать?

— Нѣтъ, милая, я еще не настолько выжила изъ ума,—обидѣлась старушка, начиная бѣгать по комнатѣ.—Да, да!

Калерія Ипполитовна вспылила и, конечно, расплакалась; она укоряла и maman, и дочь, и весь свѣтъ въ неблагодарности, грозила бросить ихъ и уѣхать, куда глаза глядятъ,—однимъ словомъ, устроила семейную сцену по всѣмъ правиламъ искусства.

Анна Григорьевна и Юленька все время молчали и только нерѣдка переглядывались, какъ заговорщики.

Когда наконецъ Калерія Ипполитовна кончила, maman съ обычною ядовитостью сухо замѣтила:

— Тебѣ, милая, остается только пустить въ ходъ родительское проклятіе, какъ это дѣлаютъ разныя солдатки и нуассардки.

— Въ самомъ дѣлѣ, maman, къ чему такія жестокія сцены?—заговорила Юленька совершенно спокойно.—Вы изъ самой простой вещи дѣлаете Богъ знаетъ что. Я вѣдь не прошусь у васъ куда-нибудь на балы, не требую разныхъ тряпокъ, а въ остальномъ, право, лучше предоставить меня самой себѣ. Надѣюсь, что я не изъ тѣхъ кисейныхъ барышенъ, которыя цѣлую жизнь дрожатъ за свою репутацію; я совсѣмъ не желаю изображать изъ себя невѣсту, maman, какъ вамъ уже извѣстно. Мнѣ всего дороже моя свобода—и только. Кажется, желаніе довольно скромное, по крайней мѣрѣ, я такъ понимаю вещи.

— У тебя нѣтъ сердца, Julie,—проговорила Калерія Ипполитовна и махнула рукой.

Въ комнатахъ Квасовой разыгралась та же сцена съ новою силой, причемъ Калерія Ипполитовна явилась въ роли несчастной матери и въ порывѣ чувства даже бросилась передъ Юленькой на колѣни. Но и это было напрасно: у Юленьки сердца все-таки не оказалось.

— Если бы у тебя былъ другой отецъ, ты никогда не смѣла бы такъ разговаривать со мной, негодная дѣвчонка,—перешла Калерія Ипполитовна въ другой тонъ.

— Maman! Я думаю, намъ удобнѣе не касаться этой темы!—отвѣтила невозмутимая Юленька.

— То-есть какой темы? Ну, повтори!

— Объ отцѣ...

Калерія Ипполитовна остолбенѣла и долго не могла опомниться.

— Ага!.. Такъ ты все знаешь,—съ разстановкой говорила Калерія Ипполитовна, хватаясь за голову.—Тебѣ все „это“ объяснили, несчастная... тѣмъ хуже для тебя... Боже мой, Боже мой!.. Теперь я, дѣйствительно, могу быть совершенно спокойной за тебя, потому что тебѣ больше не узнавать ничего не осталось.

— Maman, пожалуйста, прекратимте этотъ разговоръ. Я ничего не знаю и ничего не хочу знать, кромѣ того, что очень люблю васъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочу быть свободна, какъ всякій взрослый человѣкъ... Я, дѣйствительно, дѣвушка безъ сердца, какъ вы говорите, поэтому...

— Поэтому тебя слѣдовало бы посадить въ сумасшедшій домъ, но я предоставляю тебя твоему благоразумію. Ты, дѣйствительно, умнѣе насъ всѣхъ начинаешь жить, и я могу только пожелать тебѣ всякаго успѣха...

Мать и дочь разошлись врагами, и Юленька въ тотъ же день отправилась съ oncl'емъ въ Павловскъ. Дорогой она болтала самымъ беззаботнымъ образомъ, какъ лучшая изъ дочерей. Oncle все присматривался къ ней и наконецъ рѣшился спросить:

— У тебя было объясненіе съ maman?

— Да...

— И что же?

— Да ничего, всякій при своемъ остался.

Юленька немного задумалась и прибавила:

— Я рѣшительно не понимаю подобныхъ женщинъ, какъ maman или Сусанна... Вѣчные нервы, вѣчные вспышки и порывы, да вѣдь это одно уже само по себѣ хуже всякаго несчастья!

— Въ чемъ же, по-твоему, счастье?

— По-моему?.. Очень просто: день прошелъ весело, вотъ и счастье, и главное, чтобы никто не стоялъ надъ тобой, не тянулъ тебя за душу, не говорилъ жалкихъ словъ. Я счастлива, напримѣръ, въ данный моментъ, что сижу, говорю, думаю, какъ хочу, и никому и ни въ чемъ не обязана давать отчета: хорошо—мое, дурно—тоже мое, а я все-таки свободна.

Oncle молча притянулъ за талію къ себѣ внучку, взялъ одною рукой за подбородокъ, нѣсколько времени смотрѣлъ ей въ глаза и горячо поцѣловалъ въ лобъ.

— Ты умнѣе насъ всѣхъ, дѣвочка,—бормоталъ онъ, отвертываясь къ окну вагона, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы.—Мы не люди, а какая-то труха, ну, трухой и умремъ. Какая-то тамъ поэзія, сентименты, нервы... тьфу!.. Если бы въ наше время были такія женщины... ну, да это все равно для тебя...

Oncle вообще сильно привязался къ своей оригинальной внучкѣ и ухаживалъ за ней съ какимъ-то родительскимъ чувствомъ. Смѣшнѣе всего выходило то, что oncle началъ ревновать Юленьку то къ Теплоухову, то къ Зосту, то уже къ самому Доганскому. Этого сѣдого эпикурейца безпокоили еще неизвѣданныя имъ чувства вѣчной тревоги и безпокойства за близкаго человѣка, создававшія въ воображеніи тысячи невозможныхъ и совсѣмъ дикихъ предположеній. Въ первый разъ oncle почувствовалъ это, когда привелъ Юленьку къ Сусаннѣ и когда Юленька сѣла играть съ Теплоуховымъ въ шахматы. Oncl'ю показалось, что Теплоуховъ посмотрѣлъ на эксцентричную дѣвушку съ обиднымъ вниманіемъ. Это была первая капелька горечи, шевельнувшаяся въ душѣ „сѣдого младенца“. Теперь въ Павловскѣ oncle чувствовалъ себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, потому что Юленькѣ опасность грозила со всѣхъ сторонъ, и необходимо было ее предупредить. Даже по ночамъ oncle часто ворочался въ своей постели, перебирая событія дня и отыскивая въ нихъ скрытую бѣду.

„И чортъ меня дернулъ увезти эту дѣвчонку сюда!—ругался oncle.— Калерія была совершенно права!..“

Перебирая въ умѣ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ, oncle только морщился:

народъ былъ все мерзавецъ на мерзавцѣ, если разобрать серьезно, и Доганскій, и Теплоуховъ, и онъ, самъ oncle, никогда не были праведниками, а такіе молодцы, какъ Романъ и Чарльзъ—и подавно. Больше всего oncl'я смущала мысль о томъ, достаточно ли порядочно ихъ общество для молодой дѣвушки. Доганскіе принадлежали къ тому кругу, который находился подъ сомнѣніемъ у настоящихъ порядочныхъ людей: темныя дѣла самого Доганскаго, странная репутація Сусанны, наконецъ, этотъ Теплоуховъ, торчавшій вѣчнымъ бѣльмомъ. Въ сущности, oncle ничего опредѣленнаго не зналъ ни о средствахъ Доганскаго, ни о характерѣ отношеній Теплоухова къ Сусаннѣ; мало этого, онъ, бывая самъ у Доганскихъ изо дня въ день, рѣшительно не зналъ, что̀ за человѣкъ былъ самъ Доганскій.

„Нѣтъ, это дѣло очень серьезное, и необходимо слѣдить за дѣвочкой!— говорилъ oncle самому себѣ и, дѣйствительно, неотступно слѣдовалъ за Юленькой вездѣ, какъ тѣнь, хотя и старался замаскировать свой наблюдательный постъ.— Если эта Сусанна въ самомъ дѣлѣ находится въ связи съ Теплоуховымъ, да еще заманила этого мальчишку Чарльза, да еще Романъ со своею глупостью, ну, это плохіе примѣры для Юленьки!“

Слишкомъ занятый своими планами и намѣреніями, oncle рѣшительно не хотѣлъ замѣчать, что за Julie наблюдаетъ не менѣе его внимательно и самъ Доганскій.

Въ іюнѣ поспѣли ягоды, и вся компанія, группировавшаяся около Доганскихъ, нѣсколько разъ отправлялась къ одному знакомому ягоднику, у котораго были великолѣпныя гряды поспѣвшей клубники. Это было на окраинѣ Павловска, и вся компанія ѣздила туда верхомъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, когда всѣ были заняты собираніемъ ягодъ, въ бороздѣ, гдѣ около одной гряды сошлись Теплоуховъ и Julie, произошло что-то необыкновенное: Юленька была въ малороссійскомъ костюмѣ и, засучивъ рукава выше локтя, бойко собирала ягоды съ кустиковъ и клала ихъ прямо въ ротъ; Теплоуховъ помогалъ ей, и когда она, потянувшись черезъ всю гряду за какою-то необыкновенною ягодой, потеряла равновѣсіе и готова была упасть, Теплоуховъ схватилъ ее за голую руку и помогъ ей встать на ноги. Юленька звонко засмѣялась.

Но въ этотъ моментъ около нихъ точно изъ-подъ земли выросла долговязая фигура Доганскаго; губы у него тряслись, лицо было блѣдно, и онъ задыхавшимся голосомъ едва могъ проговорить:

— Евстафій Платонычъ! Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Они отошли къ изгороди, и Юленька видѣла, что Доганскій наговорилъ Теплоухову что-то такое необыкновенное, что тотъ даже покраснѣлъ, хотя и не возражалъ. Она инстинктивно поняла, что дѣло идетъ о ней, но что̀ могъ говорить Доганскій про нее Теплоухову? Что Теплоуховъ не далъ ей упасть и схватилъ за руку, такъ до этого никому дѣла нѣтъ.

Въ это время къ Юленькѣ подошелъ встревоженный oncle и нѣмымъ взглядомъ спросилъ, что̀ такое случилось.

— Я рѣшительно не понимаю ничего,—сердито отвѣтила Юленька, пожимая плечами.

Вечеромъ все дѣло объяснилось. Послѣ ужина, когда oncle лежалъ уже въ постели и просматривалъ газету, къ нему безъ доклада вошелъ Доганскій; весь онъ былъ ужасно взволнованъ и выпилъ два стакана воды, прежде чѣмъ могъ заговорить.

— Я къ тебѣ по дѣлу!—торопливо заговорилъ Доганскій, шагая около кровати oncl'я.—Будь моимъ секундантомъ.

— Что-о!.. Секундантомъ?.. Да ты, кажется, съ ума сошелъ.

— Нѣтъ, я не сошелъ съ ума, а говорю совершенно серьезно: я буду послѣзавтра драться съ Теплоуховымъ; однимъ секундантомъ будетъ Зостъ, а другимъ—ты.

— Изъ-за Сусанны?—коротко спросилъ oncle.

— Нѣтъ; да это все равно: я долженъ убить этого мерзавца.

— Да въ чемъ же, однако, дѣло? Чортъ знаетъ, что̀ такое!

Доганскій самымъ безсвязнымъ образомъ разсказалъ, что онъ своими глазами видѣлъ, какъ Теплоуховъ давеча схватилъ Юленьку за голый локоть и чуть не уронилъ на гряду, и что онъ этого не можетъ позволить.

— Я предлагалъ Теплоухову извиниться передъ Юленькой сейчасъ же, при всѣхъ!—продолжалъ Доганскій въ прежнемъ волненіи.—Но это животное не хочетъ понимать правилъ приличія, и я долженъ размозжить ему пустую голову!

— Позволь, Юрій Петровичъ, да ты съ какой это стати вступился тутъ?—заговорилъ oncle, поднимаясь съ постели.—Я видѣлъ эту сцену, хотя она происходила и не совсѣмъ такъ, какъ ты объясняешь, но дѣло въ томъ, что Юленька живетъ у меня, наконецъ, она мнѣ внучка, а ты-то при чемъ тутъ? Если кому драться съ Теплоуховымъ, такъ ужъ это мнѣ.

— То-есть какъ же это такъ?—бормоталъ Доганскій.—Ахъ, да ты ничего не знаешь... На кого, по-твоему, походитъ Julie?

— По-моему, на бабушку...

— Пожалуй... а еще?

— Еще?.. На себя, какъ большинство добрыхъ людей.

— А ты не замѣчалъ въ Julie нѣкотораго сходства, особенно когда она смѣется... ну, напримѣръ, со мной?

— Да ты съ ума сошелъ... Съ чего ты это взялъ?

— Нѣтъ, серьезно, ты не замѣчалъ такого сходства?

Oncle почесалъ затылокъ, встряхнулъ головой и издалъ неопредѣленный звукъ, какъ быкъ, упершійся лбомъ въ стѣну.

— Это, значитъ, правда, что̀ разсказывали про тебя и Калерію?—проговорилъ онъ наконецъ съ большимъ трудомъ и, получивъ утвердительный знакъ со стороны Доганскаго, философски замѣтилъ:—А вѣдь, если разобрать, такъ ты порядочный подлецъ, Юрій Петровичъ, какъ и вообще всѣ мы... Чортъ возьми, дѣйствительно, въ дѣвочкѣ есть частица твоей шальной крови, и немалая частица... да, чортъ возьми!.. Теперь я понимаю, какъ я былъ глупъ до сихъ поръ.

— Странное дѣло, я просто не могу жить безъ Julie,—говорилъ Доганскій, посасывая потухшую сигару.—Это какое-то совсѣмъ болѣзненное явленіе. Я давеча готовъ былъ устроить формальное заушеніе Теплоухову. Въ глазахъ потемнѣло даже... Вотъ и толкуй, что̀ значитъ какое-нибудь глупое органическое чувство. Послушай, пойдемъ, пошатаемся, успѣешь выспаться.

— Пожалуй!—согласился oncle, не умѣвшій кому-нибудь отказать.—Кажется, уже свѣтаетъ?

— Тѣмъ лучше!

Oncle одѣлся на скорую руку, захватилъ свой плэдъ, и они отправились прямо въ паркъ.

На дачахъ вездѣ было тихо, только дворники мели улицу, поднимая облака пыли; въ лѣсу было сыро и пахло травой, въ вершинахъ деревьевъ слабо чирикали утреннія птички, откуда-то пахло дымкомъ.

Доганскій, нахлобучивъ шляпу на затылокъ, колотилъ своею палкой по стволамъ березъ и напрасно старался раскурить не хотѣвшую горѣть сигару;

онъ безсвязно говорилъ что-то такое о Julie, о своей любви къ ней, объ ея необыкновенномъ характерѣ, повторялся, хлопалъ oncl'я по плечу и вообще походилъ на человѣка, бѣжавшаго „съ девятой версты“.

— Странно, что я стѣсняюсь въ присутствіи Julie,—объяснялъ Доганскій.—Какъ-то такъ жутко дѣлается и вмѣстѣ хорошо... Именно въ ней есть что-то, чего нѣтъ въ другихъ.

— Да, Julie—философская голова и поучитъ насъ съ тобой, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ. Чертовское этакое спокойствіе... точно самъ дѣлаешься лучше.

Утренній холодъ, однако, давалъ себя чувствовать, и oncle напрасно кутался въ плэдъ; у него даже зубы начинали стучать.

Когда они возвращались домой, солнце ужъ поднималось надъ лѣсомъ въ сверкавшемъ радужными переливами туманѣ, и со стороны Павловска неслась пестрая волна смѣшанныхъ звуковъ, точно невидимый машинистъ завелъ и пустилъ въ ходъ необыкновенно сложную машину.

Въ припадкѣ откровенности oncle разсказалъ Доганскому всѣ сомнѣнія, волновавшія его за послѣднее время, а также и то, какъ онъ ревновалъ Julie къ нему, Доганскому. Доганскій улыбался счастливою улыбкой и молча пожалъ руку oncl'ю.

— Какъ же насчетъ дуэли?—спрашивалъ oncle, когда они подходили къ своимъ дачамъ.

— А ну ее къ чорту!—засмѣялся Доганскій.—Я такъ теперь счастливъ, такъ счастливъ!.. Спасибо, старина!

— Ну, а Теплоуховъ?

— И Теплоухова къ чорту!.. Насъ съ нимъ самъ чортъ связалъ веревочкой,

— Однако... послушай, Юрій Петровичъ, скажи мнѣ откровенно, что этотъ Теплоуховъ... то-есть какія его отношенія къ Сусаннѣ?

Доганскій задумчиво улыбнулся и тихо проговорилъ:

— Есть вещи, о которыхъ не принято говорить.

Пожавъ еще разъ руку oncl'ю, Доганскій усталою походкой направился къ калиткѣ своей дачи, а oncle все стоялъ на одномъ мѣстѣ и переживалъ непріятное чувство.

— Нѣтъ, мы рѣшительно подлецы,—проговорилъ наконецъ oncle и даже плюнулъ.

Старые грѣшники еще разъ раскланялись издали и разбрелись по своимъ гнѣздамъ.

„Это какая-то исторія о благочестивомъ разбойникѣ,—ворчалъ oncle, закрываясь одѣяломъ съ головой.—Охъ, ужъ эти женщины; вездѣ-то онѣ напутаютъ... Чортъ знаетъ, что такое получается!“

V.

Юленька охотно бывала у Сусанны и мало-по-малу забрала надъ ней силу, хотя это и могло показаться очень страннымъ со стороны. Невозмутимый характеръ Юленьки подчинялъ себѣ живую порывами Сусанну, которой необходима была извѣстная поддержка, необходимъ, наконецъ, просто такой человѣкъ, который умѣлъ бы слушать ее и умѣлъ бы противорѣчить. Такое противорѣчіе, какъ диссонансы въ музыкѣ, было необходимо для нея. Раньше, когда не было Юленьки, Сусанна заставляла выслушивать свои тревоги, жалобы и счастливый бредъ Покатилова, но онъ былъ мужчина и не могъ во многомъ понимать ее.

Юленьку особенно интересовали тѣ таинственные визитеры, которые появлялись на дачѣ Догапскихъ въ опредѣленные дни и даже часы и о появленіи которыхъ Сусанна, повидимому, знала впередъ, потому что очень ловко предлагала „своей“ компаніи какую-нибудь прогулку или пикникъ, а сама оставалась дома подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Самъ Доганскій иногда тоже оставался, а чаще отправлялся вмѣстѣ съ другими. Юленька догадывалась, что всѣ другіе знали, кто такіе были эти таинственные незнакомцы, но старались не подать вида и только замѣтно чувствовали себя не по себѣ, особенно Теплоуховъ, который отсиживался у себя на дачѣ или тащился вмѣстѣ съ другими. Установившееся въ кружкѣ равновѣсіе какъ-то вдругъ терялось. Теплоуховъ грызъ ногти, Романъ начиналъ къ кому-нибудь придираться, oncle до одурѣнія сосалъ сигару за сигарой, и только одинъ Доганскій оставался прежнимъ Доганскимъ.

Разъ, оставшись на дачѣ тоже по неожиданной болѣзни, Юленька видѣла, какъ къ дачѣ Доганскихъ подъѣхала карета, а изъ нея вышелъ какой-то прихрамывавшій старичокъ; немного погодя на извозчикѣ пріѣхалъ какой-то странный господинъ, не то купецъ, не то промышленникъ; купецъ побылъ немного и уѣхалъ, а карета стояла часа три. Въ другой разъ пріѣзжалъ уже другой старичокъ и тоже въ каретѣ, потомъ какой-то толстый господинъ въ шелковомъ цилиндрѣ и два инженера въ мундирахъ. Было ясно, что у Сусанны были какія-то важныя дѣла съ этими таинственными посѣтителями, и старички особенно интересовали Юленьку. По всей вѣроятности, это были важныя птицы, если даже Теплоуховъ изгонялся на время ихъ визитовъ. Сусанна послѣ каждаго припадка такой необыкновенно таинственной „болѣзни“ нѣсколько времени казалась усталой и недовольной, капризничала и придиралась, но какъ-то всегда случалось такъ, что въ самую дурную минуту появлялся Чарльзъ, и жизнь текла своимъ чередомъ.

Юленька очень любила слушать павловскую музыку, но oncle всегда неохотно соглашался на такое безобидное и совсѣмъ ужъ невинное удовольствіе и постоянно ворчалъ, если Юленька начинала къ нему приставать. Въ теченіе лѣта компанія въ полномъ составѣ была всего разъ десять, не больше, и это Юленькѣ доставляло настоящее удовольствіе, потому что она любила поглазѣть на собиравшуюся въ концертной залѣ отборную дачную и петербургскую публику. Здѣсь было все видное, что̀ оставалось на лѣто въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Появленіе Сусанны всегда вызывало совершенно особенное движеніе въ этой публикѣ; ее, очевидно, знали, какъ замѣчательную красавицу, которая такъ рѣзко выдѣлялась своею жгучею восточною красотой среди остальныхъ петербургскихъ красавицъ. Юленькѣ нравилось входить въ залу или толкаться среди публики по аллеямъ именно вмѣстѣ съ Сусанной, потому что за ней всегда слѣдовалъ восторженный шопотъ; дѣвушкой иногда овладѣвало нехорошее и тяжелое чувство зависти къ Сусаннѣ, и она начинала мечтать съ открытыми глазами, что этотъ таинственный шопотъ относится не къ Сусаннѣ, а къ ней, Юленькѣ, и что всѣ мужчины оглядываются именно на нее, дѣлаютъ такія глупыя лица, глупо улыбаются и толкаютъ другъ друга локтями.

Разъ, когда Юленька сидѣла рядомъ съ Сусанной на одномъ изъ такихъ концертовъ, осторожный шопотъ, раздавшійся за ихъ спинами, заставилъ ее сначала покраснѣть до ушей.

— Это та?—спрашивалъ одинъ голосъ.

— Да...—лѣниво отвѣтилъ второй.

— Значитъ, къ ней и ѣздитъ этотъ?

Первый голосъ назвалъ одно очень извѣстное имя, и Юленька сейчасъ же поняла, что это извѣстное лицо былъ одинъ изъ старичковъ, ѣздившихъ къ Доганской.

Разговаривавшіе разбирали красоту Сусанны въ совершенно особенныхъ выраженіяхъ, какъ говорятъ о лошадяхъ или о собакахъ, и смѣялись. Собственно имени Сусанны не было произнесено, но Юленька чувствовала, что говорили о ней, потому что вблизи не было другихъ дамъ. У Юленьки даже позеленѣло въ глазахъ; она долго сидѣла неподвижно и боялась повернуть голову, чтобы не встрѣтиться глазами съ шептавшимися мужчинами.

„Такъ вотъ почему oncle такъ несхотно отпускалъ меня на эти концерты,— думала Юленька.—Отчего же онъ не сказалъ мнѣ прямо, обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ? Вотъ глупый человѣкъ!“

Вернувшись изъ концерта, Юленька въ тотъ же вечеръ напала на oncl'я безъ всякихъ церемоній и потребовала категорическихъ объясненій.

— Для чего тебѣ?—упирался oncle.—Просто не желаю, чтобы ты бывала на этихъ концертахъ—и только.

— Не бывала съ Сусанной... да.

— Пожалуй...

— Потому что Сусанна можетъ меня скомпрометировать?

— Вотъ это ты ужъ вздоръ говоришь,—протестовалъ oncle, отмахиваясь обѣими руками.—Откуда ты взяла это?

Юленька засмѣялась и разсказала oncl'ю все, что происходило въ концертѣ.

— Что же, и опять-таки вздоръ,—рѣшилъ oncle.—Бываетъ у Сусанны и этотъ старичокъ, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Она дѣйствительно пользуется извѣстнымъ вліяніемъ, ну, все равно, на кого бы тамъ ни было, и реализуетъ это вліяніе. Если къ ней пріѣзжаютъ, такъ пріѣзжаютъ по дѣламъ; можешь быть спокойна.

— Почему же ты, въ такомъ случаѣ, не желаешь, чтобы я бывала въ обществѣ вмѣстѣ съ Сусанной?

— Ахъ, какая ты глупая дѣвчонка, Julie... Ну, вотъ ты была, наслушалась разныхъ гадостей, что же, это тебѣ доставило удовольствіе? Подальше отъ лишнихъ разговоровъ лучше.

Успокоившись относительно Юленьки, oncle теперь всецѣло былъ занятъ своими лошадьми, которыхъ готовилъ на царскосельскія скачки. Конюшня оставалась въ Петербургѣ, а въ Павловскѣ было только открыто временное отдѣленіе. Старикъ рано утромъ отправлялся къ лошадямъ и проводилъ тамъ все время до завтрака; при немъ чистили лошадей, выводили и проѣзжали. Слабостью oncl'я являлась четырехлѣтняя сѣрая кобыла „Шутка“.

На послѣднія скачки вызвался ѣхать на ней Зостъ, который ѣздилъ порядочно, хотя лошади у него были плохія. Это было очень пріятно oncl'ю, и онъ часто совѣтовался съ молодымъ человѣкомъ. Сусанна тоже была довольна и сшила своими руками Зосту голубую шелковую шапочку.

День скачекъ въ Царскомъ Селѣ заставлялъ всѣхъ волноваться, кромѣ Теплоухова, который остался въ Павловскѣ. Юленька уѣхала на скачки съ oncl'емъ, а Сусанна—съ Покатиловымъ. На скаковомъ кругу они выбрали ложу недалеко отъ тотализатора.

День былъ сѣрый, но не дождливый. Публики собралась масса. Въ серединѣ круга прислуга вываживала лошадей, закрытыхъ попонами. Въ ложѣ сидѣли Покатиловъ, Сусанна и Юленька. Сусанна сегодня была блѣднѣе обыкновеннаго и отыскивала глазами Зоста, который еще не являлся. Это бѣсило Пока-

тилова, и онъ сидѣлъ въ углу ложи съ злымъ лицомъ. Юленька нѣсколько разъ оглядывалась на него и едва улыбалась глазами; ее забавляла разыгрывавшаяся комедія. Oncle нѣсколько разъ появлялся въ ложѣ, вытиралъ лицо платкомъ и торопливо уходилъ; его сѣрая шляпа мелькала то среди гулявшей публики, то у тотализатора, то гдѣ-нибудь въ ложѣ.

„Чортъ бы взялъ всѣ эти дурацкія скачки!“—сердито думалъ Покатиловъ, наблюдая спеціальную публику, собравшуюся въ ипподромѣ со всѣхъ сторонъ.

Покатилову сдѣлалось ужасно скучно; ему давно надоѣла эта улица, вѣдь онъ носилъ ее въ собственной крови. Между прочимъ, онъ узналъ двухъ „королей въ изгнаніи“, корреспондента Бѣгичева, а потомъ цѣлый рядъ женскихъ лицъ полусвѣта.

— Романъ, кто въ той ложѣ, которая отъ насъ налѣво, третья съ краю?—спрашивала Юленька.—Вонъ еще oncle раскланивается.

— Это Мансуровъ, Илья Ильичъ, одинъ изъ вашихъ королей.

— А съ нимъ кто, то-есть какая дама?

Сколько Покатиловъ ни разсматривалъ въ бинокль даму Мансурова, но только пожалъ плечами; это была какая-то новинка.

— Дай мнѣ бинокль!—сердилась Юленька.

— Да вѣдь я видѣлъ ее: худенькая, тоненькая,—объяснялъ Покатиловъ. — Лицо какъ у птицы. Да вонъ къ намъ oncle идетъ, онъ тебѣ разскажетъ.

— Господи, да вѣдь это Инна!—вскрикнула Юленька, опуская бинокль.—Нѣтъ, не можетъ быть. Урожденная никуда ея не пускаетъ, а тутъ вдругъ одна въ ложѣ съ Мансуровымъ.

Подошедшій oncle подтвердилъ, что это дѣйствительно Инна, которую онъ видалъ въ номерахъ Зинаиды Тихоновны.

— Такъ я пойду къ ней сейчасъ,—обрадовалась Юленька, вскакивая.—Вотъ сюрпризъ!

— Гм... да...—неопредѣленно замычалъ oncle и толкнулъ Покатилова локтемъ.

— Julie, можетъ-быть, будетъ лучше, если ты не пойдешь къ нимъ,—замѣтилъ Покатиловъ, понявшій все.

— Это что такое?—удивилась Юленька.

— Такъ. Однимъ словомъ, я объясню тебѣ послѣ,—нашелся наконецъ oncle.—Бѣдняжка компрометируетъ себя, а Илья Ильичъ сидитъ какъ на угольяхъ. Чортъ знаетъ, что такое получается.

Сусанна сдѣлала видъ, что не слыхала этого разговора, и смотрѣла въ противоположную сторону, гдѣ расхаживали два англійскихъ жокея въ цвѣтныхъ жокейскихъ шапочкахъ. Этотъ разговоръ непріятно подѣйствовалъ на нее, точно говорили о какомъ-то очень близкомъ для нея человѣкѣ. Она почувствовала сейчасъ свое фальшивое положеніе и что, можетъ-быть, она тоже компрометируетъ Julie.

— Нѣтъ, я пойду!—сказала Юленька и даже поблѣднѣла отъ охватившаго ее волненія.—Мнѣ все равно, и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ мои личныя дѣла! А ты, дядя, меня проводишь.

— Хорошо, хорошо,—бормоталъ oncle, оглядываясь.—Только у меня полонъ ротъ дѣла: нужно увидать одного жокея, потомъ—на тотализаторъ... Ахъ, вотъ и нашъ Чарльзъ!

Зостъ, дѣйствительно, подходилъ къ ложѣ. Онъ былъ въ своей жокейской шапочкѣ и въ низкихъ жокейскихъ сапогахъ съ желтыми отворотами; лѣтнее

верхнее пальто скрывало остальной костюмъ. Плотно сжатыя губы и легкій румянецъ говорили о томъ волненіи, которое англичанинъ старался подавить въ себѣ.

Подъ шумокъ разговора Юленька ускользнула изъ ложи, и ея шляпка мелькнула уже въ ложѣ Мансурова. Да, это была Инна въ какой-то необыкновенной шляпѣ съ загнутымъ полемъ, съ двумя браслетами, надѣтыми поверхъ перчатки, и въ необыкновенно пестромъ костюмѣ. Она съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываніемъ расцѣловала Юленьку и проговорила:

— Странно, почему твой дядя не сказалъ намъ, что ты здѣсь.

— Онъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ.—отвѣтила Юленька.

— Да? Какъ это мило съ его стороны... Ахъ, виновата, вы незнакомы: Илья Ильичъ Мансуровъ, ха-ха!

— Мы здѣсь сошлись знакомыми незнакомцами,—отвѣтилъ Мансуровъ.

— Да, да. Какъ это все смѣшно!—лепетала Инна, бойко повертывая своимъ носикомъ.—То-есть смѣшно тамъ, у насъ въ номерахъ. Всѣ отлично знаютъ другъ друга и прикидываются незнакомыми. Ахъ, какъ мнѣ весело, Юленька, если бы ты знала!

Мансуровъ видимо смущался и все поглядывалъ на Юленьку какъ-то сбоку, точно не узнавалъ ея.

— Илья Ильичъ! Васъ ждетъ Николай Григорьичъ вонъ тамъ, у трибуны,— проговорила Инна съ дѣтской улыбкой, счастливая, что можетъ распоряжаться такимъ большимъ человѣкомъ.

— Это что же такое?—замѣтила Юленька, указывая на широкую спину удалявшагося Ильи Ильича.

— Это?.. Долго разсказывать, а пока съ тебя будетъ совершенно достаточно, что Илья Ильичъ женатъ и давно хлопочетъ о разводѣ... Говоря правду, если бъ я знала это, то, конечно... Ну, да теперь все равно, онъ такой славный и такъ балуетъ меня! Ахъ, Юленька, если бы ты знала, что было съ maman, когда она получила мое письмо... Вѣдь я бѣжала изъ номеровъ вмѣстѣ съ Людмилой. Чего же, въ самомъ дѣлѣ, ждать? Прокиснешь въ старыхъ дѣвкахъ... Вотъ что: пріѣзжай ко мнѣ. У насъ маленькая-маленькая квартирка, то-есть у меня. Тебя, можетъ-быть, удивляетъ мое легкомысліе, да?

— Право, не знаю, что даже и сказать тебѣ... Во всякомъ случаѣ я за тебя.

— Я это знала!—съ гордостью проговорила Инна, и на глазахъ у ней выступили слезы.—Я всегда, всегда тебя любила, Julie.

Раздавшійся звонокъ заставилъ Юленьку возвратиться въ свою ложу, гдѣ она нашла Романа и Сусанну съ сердитыми лицами. Они смотрѣли въ разныя стороны.

— Ну что, довольна?—сердито спрашивалъ Покатиловъ.

— Да. А васъ, кажется, безпокоитъ мое поведеніе?

— Смотрите, пожалуйста, сейчасъ начнется,—вмѣшалась Сусанна, не оставляя бинокля.

— Вонъ и Чарльзъ,—указывала Юленька.—Какой онъ маленькій отсюда!

Зостъ проѣхалъ шагомъ мимо нихъ и улыбнулся. Жокейскій костюмъ шелъ къ нему. Лошадь поводила ушами и заглядывала на другихъ лошадей, которыхъ приводили подъ уздцы. Чарльзъ подъѣхалъ къ сборному пункту ровнымъ галопомъ.

У Сусанны стоялъ въ глазахъ туманъ, когда толпа замерла и вдали послышался топотъ скачки.

Когда топотъ началъ приближаться, Сусанна взглянула на скакавшихъ

и теперь ясно разсмотрѣла свою голубую шапочку. Кто-то крикнулъ: „Молодецъ Зостъ!“. На второмъ кругѣ Чарльзъ одного за другимъ началъ обходить скакавшихъ и пришелъ къ столбу первымъ. Его встрѣтили аплодисментами и громкими криками; oncle махалъ шляпой, мужчины стучали палками, а дамы лорнировали побѣдителя.

Этотъ успѣхъ совсѣмъ опьянилъ Сусанну, и она жадными глазами слѣдила за голубою шапочкой, мелькавшей въ толпѣ. Но Чарльзъ не пришелъ къ нимъ въ ложу. Что это значило? Сусанна даже покраснѣла и почувствовала себя такою жалкой и несчастной, точно вотъ эта ликующая толпа отняла у нея Чарльза.

— Это его oncle не пустилъ къ намъ,—шопотомъ объяснила Юленька, сжалившись надъ Сусанной.—Вѣдь сейчасъ пойдетъ „Шутка“!

— Нѣтъ! Онъ могъ прійти... онъ долженъ былъ прійти!—шопотомъ же отвѣтила Сусанна.

Скачка кончилась для oncl'я самымъ непріятнымъ эпизодомъ: когда поданъ былъ сигналъ флагомъ, „Шутка“ „закинулась“. Oncle рвалъ на себѣ волосы. Все было потеряно, потому что Чарльзъ сильно натянулъ поводья. Старикъ пришелъ въ ложу красный отъ волненія и только махнулъ рукой

— А гдѣ же Чарльзъ?—спросила Сусанна.

— Онъ уѣхалъ домой... Вѣдь я его предупреждалъ: „Не затягивайте поводьевъ! „Шутка“ этого не любитъ“. Теперь что я буду дѣлать?

— Покатиловъ, вы меня проводите,—сказала Сусанна, поднимаясь.

Покатиловъ повиновался и молча подалъ руку.

Когда они вышли, Юленька захохотала:—Это, наконецъ, смѣшно гоняться за этимъ мальчишкой!

Всю дорогу Сусанна тяжело молчала. У ней осталась еще надежда, что Чарльзъ проѣдетъ на дачу и тамъ дождется ея, но на дачѣ никого не было.

— Вы теперь можете быть довольны,—говорила Сусанна, накидываясь на Покатилова.—Видите, какъ со мной обращаются?

— Успокойтесь, Сусанна Антоновна... Это просто недоразумѣніе,—объяснялъ Покатиловъ.—Хотите, я съѣзжу за Чарльзомъ?

— Вы—идіотъ, Покатиловъ!

— Да... это правда.

Сусанна вдругъ затихла и посмотрѣла на Покатилова тѣмъ бѣглымъ взглядомъ, который его заставлялъ дрожать. Да, онъ чувствовалъ, что теперь она ближе къ нему, чѣмъ когда-нибудь. Они были совсѣмъ одни. Покатиловъ помогъ снять лѣтнюю накидку, уронилъ зонтикъ и опомнился только тогда, когда остался въ комнатѣ одинъ. Сусанна ушла въ спальню. Дверь оставалась раскрытой, и Покатиловъ машинально вошелъ туда. Сусанна стояла передъ зеркаломъ и не повернула головы. Спальня была устроена шатромъ изъ шелковой полосатой матеріи, и въ ней всегда былъ полусвѣтъ. Покатиловъ присѣлъ на низенькій табуретъ и смотрѣлъ на нее полными любви глазами.

— Покатиловъ...

— Я...

— Вы мой единственный другъ, и поэтому я мучаю васъ... да!.. Поймите меня и простите...

Онъ быстро поднялся и сдѣлалъ шагъ къ ней. Счастливый своимъ безумiемъ, онъ смотрѣлъ на нее остановившимися глазами. Потомъ эти чудныя руки обняли его шею, и онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ дыханіе полураскрытыхъ губъ, не смѣя шевельнуться. Но это счастье продолжалось всего одно мгновенье: она точно проснулась и отскочила отъ него.

— Зачѣмъ вы здѣсь... въ моей комнатѣ?—въ ужасѣ шептала Сусанна.— Кто вамъ позволилъ?

Ему страстно захотѣлось убить ее въ этотъ моментъ, чтобы разомъ покончить все. Онъ теперь ненавидѣлъ ее и готовъ былъ на самую отчаянную выходку. Кровь стучала въ вискахъ, руки похолодѣли.

— Вы меня оскорбляете,—тихо проговорила она и закрыла лицо руками.

Онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты такъ тихо, точно боялся кого-то разбудить.

VI.

Въ серединѣ августа, въ тотъ промежуточный моментъ, когда осенній бойкій сезонъ еще не начался и публика переѣзжаетъ съ дачъ, собрался подготовленный Нилушкой и Богомоловымъ „съѣздъ соревнователей“. Для засѣданій этого „съѣзда“ Теплоуховъ предложилъ свой домъ, потому что онъ самъ еще оставался на дачѣ и домъ стоялъ совсѣмъ пустой.

Покатиловъ тоже былъ приглашенъ присутствовать на засѣданіяхъ въ качествѣ представителя прессы, вмѣстѣ съ вездѣсущимъ котлецовскимъ корреспондентомъ Бѣгичевымъ; этого послѣдняго въ видахъ полнаго безпристрастія извѣщеній о работахъ съѣзда настоялъ пригласить Богомоловъ. Сюда же попали какія-то никому неизвѣстныя, сомнительныя личности, въ родѣ проживавшихъ у Квасовой „королей въ изгнаніи“; даже одинъ такой „король“ былъ налицо— это эх-заводчикъ Радловъ.

— Ничего, порядочная окрошка,—говорилъ Покатилову Чвоковъ, оглядывая собравшихся дѣльцовъ.—И народецъ только!.. Еще старики туда-сюда, ну, крѣпостники и только, а вотъ эта новая-то партія... А вѣдь это представители національныхъ богатствъ.

Первое засѣданіе открылось очень эффектною и трескучею рѣчью Чвокова, который объяснилъ собравшимся „спеціалистамъ“ съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія всю важность взятой ими на себя обязанности.

Его воззваніе было встрѣчено одобрительнымъ шопотомъ и даже аплодисментами, и „съѣздъ“ немедленно перешелъ къ очереднымъ занятіямъ. Программа вопросовъ была разработана во всѣхъ подробностяхъ раньше и представляла собой нѣкоторымъ образомъ перлъ, созданный совмѣстными усиліями Нилушки, Богомолова и Доганскаго.

Работы „съѣзда“ шли очень скоро впередъ подъ руководствомъ опытныхъ петербургскихъ дѣльцовъ. Самые щекотливые вопросы были всунуты въ числѣ разныхъ мелочей, чтобы намѣренно сдѣлать ихъ незамѣтными. Но Богомоловъ неожиданно выступилъ противъ плановъ Нилушки, и большинство перешло на его сторону. Чвоковъ вышелъ изъ себя.

Въ самый критическій моментъ разыгравшагося скандала случилось другое событіе, настолько ничтожное, что его замѣтилъ только одинъ Доганскій. Дѣло въ томъ, что Теплоуховъ все время торчалъ въ засѣданіяхъ, а тутъ вдругъ исчезъ. Доганскій все время сторожилъ его, а тутъ какъ-то прозѣвалъ; они вмѣстѣ пріѣзжали изъ Павловска и уѣзжали обратно, а тутъ Теплоуховъ точно провалился. Въ головѣ Доганскаго мелькнуло страшное подозрѣніе, и онъ въ самый разгаръ преній бросился къ швейцару съ вопросомъ, куда дѣвался баринъ.

— Они уѣхали на извозчикѣ,—тупо отвѣтилъ старикъ-швейцаръ.

— Да куда уѣхалъ-то?

— На вокзалъ приказали извозчику...

Сусанна должна была сегодня „заболѣть“, oncle уѣхалъ въ Царское Село покупать новую лошадь, Юленька оставалась на дачѣ совершенно одна,—все это промелькнуло въ головѣ Доганскаго молніей, и онъ сейчасъ же отправился на Павловскій вокзалъ, въ надеждѣ догнать Теплоухова. Но въ тотъ самый моментъ, когда Доганскій выбѣжалъ на платформу, поѣздъ тронулся, до слѣдующаго нужно было ждать два часа.

— Все пропало, все кончено...—шепталъ Доганскій, бѣгая по вокзалу въ страшномъ волненіи.—Ждать два часа... о, это ужасно!.. Послать телеграмму Сусаннѣ? Но это безполезно... у нихъ ужъ все было подготовлено раньше. Какихъ-нибудь пять минутъ... три... даже одна, и все было бы спасено.

Доганскій все-таки послалъ Сусаннѣ телеграмму: „Теплоуховъ скрылся... Смотри за Жюли“. Два часа... два часа душевной пытки и муки, когда голова готова лопнуть отъ напряженія. Проклятое время, проклятыя желѣзныя дороги, проклятая глупость...

Доганскій выпилъ въ буфетѣ нѣсколько рюмокъ коньяку, но вино не дѣйствовало на него, а только увеличивало тяжелое душевное состояніе.

„Можетъ-быть, я ошибся?—начиналъ въ сотый разъ думать Доганскій и самъ смѣялся надъ своею довѣрчивостью.—Нѣтъ! Тутъ ошибки не могло быть... тутъ все было обдумано заранѣе, взвѣшено и теперь приведено въ исполненіе... Я убью этого негодяя...“

Доганскій плохо помнилъ, какъ онъ дождался наконецъ поѣзда, какъ ѣхалъ въ вагонѣ, какъ добрался до своей дачи. У садовой рѣшетки стояли карета и дрожки, значитъ, Сусанна для всѣхъ другихъ была больна, и Доганскій, не заходя домой, сначала прошелъ на дачу oncl'я,—Юленьки не было, потомъ на дачу Теплоухова,—его тоже не было. У Сусанны сидѣлъ прихрамывавшій старичокъ и пилъ кофе. Супруги обмѣнялись взглядами, и у Доганскаго точно что̀ оборвалось въ груди.

— У васъ, кажется, теперь идетъ горячая работа,—шепелявилъ по-французски добродушный старичокъ, ласково улыбаясь одними глазами.—Мы васъ совсѣмъ не ждали.

— Да, я не предполагалъ явиться раньше, но вышелъ одинъ непріятный случай... Сюзи! Ты никого не видала?—обратился Доганскій къ женѣ.

— Julie уѣхала къ матери, въ Парголово.

— Не можетъ быть?!

— Да!..

— А... Евстафій Платонычъ не былъ здѣсь совсѣмъ?..

Было неприлично вести такой разговоръ въ присутствіи посторонняго человѣка, но Доганскому теперь было не до приличій, и онъ, не простившись, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Бѣдняжка, кажется, очень встревоженъ,—прошепелявилъ ласковый старичокъ, прихлебывая кофе.

„Нѣтъ, они должны быть гдѣ-нибудь здѣсь,—думалъ, вѣрнѣе—чувствовалъ Доганскій, и сейчасъ же велѣлъ сѣдлать себѣ лошадь, а въ карманъ брюкъ сунулъ ремингтоновскій револьверъ.—Сначала проѣду въ паркъ... да, а если тамъ никого не встрѣчу, тогда... что̀ тогда?“

Въ паркѣ Доганскій не встрѣтилъ Юленьки. Разбитый и усталый, онъ сейчасъ же, не заходя къ женѣ, отправился на вокзалъ, чтобы немедленно вернуться въ Петербургъ.

„Можетъ-быть, Julie дѣйствительно у матери?—думалъ Доганскій, напрасно стараясь себя успокоить.—Наконецъ, если не тамъ, то она могла уѣхать къ Аннѣ Григорьевнѣ... къ Бэтси... наконецъ, у oncl'я“.

Прежде всего Доганскій бросился къ Аннѣ Григорьевнѣ и упросилъ ее спросить о Юленькѣ телеграммой, въ Парголовѣ ли она или нѣтъ, а самъ отправился къ Бэтси и къ опсl'ю. Юленьки нигдѣ не оказалось.

VII.

Калерія Ипполитовна безвыѣздно проживала все лѣто въ первомъ Парголовѣ, потому что Петербургъ ей надоѣлъ пуще смерти; она желала отдохнуть душой и тѣломъ отъ петербургской сутолоки. Симонъ Денисычъ уѣзжалъ утромъ и пріѣзжалъ вечеромъ, а Калерія Ипполитовна безвыходно сидѣла на своей дачѣ и даже ни разу не бывала ни въ Шуваловскомъ паркѣ ни въ Озеркахъ, хотя то и другое было подъ бокомъ. Въ послѣднее время Калерія Ипполитовна сильно пополнѣла нездоровою брюзглою полнотой, глаза были тусклы, въ волосахъ пробивалась сѣдина, но ей было какъ-то все равно, и она не обращала никакого вниманія на свою наружность. Впрочемъ, Калерія Ипполитовна немного оживлялась, когда пріѣзжала изъ города Зинаида Тихоновна и привозила съ собой обильный запасъ городскихъ новостей вмѣстѣ съ бутылочкой коньяку, которую онѣ и распивали вдвоемъ. Для Симона Денисыча уже не было тайной, что жена пьетъ, и пьетъ нехорошо, большею частью по ночамъ, но что онъ могъ сдѣлать? Совѣтовался съ врачами, уговаривалъ жену—результатовъ никакихъ не получилось.

Зинаида Тихоновна ей одной извѣстными путями успѣла пронюхать о „случаѣ“ съ Юленькой и, конечно, сейчасъ же полетѣла въ Парголово. Въ попыхахъ она даже позабыла захватить съ собой завѣтную бутылочку съ коньякомъ, о чемъ вспомнила уже въ вагонѣ Финляндской желѣзной дороги.

„Охъ, бѣда какая стряслась,—охала Зинаида Тихоновна, поглядывая въ окошко вагона на мелькавшіе по сторонамъ огороды, пашни и дачи.—Ну кто могъ бы подумать, чтобы такая воспитанная дѣвица и подобную глупость допустила съ собой!.. Убьетъ вѣдь мать-то, да и бабушку, какъ узнаютъ!“

Вѣроятно, поэтому Зинаида Тихоновна и торопилась такъ въ Парголово, чтобы первой посмотрѣть, какъ убьетъ Калерію Ипполитовну извѣстіе о „случаѣ“ съ Юленькой.

— Станція Парголово! Поѣздъ стоитъ пять минутъ!—крикнулъ кондукторъ, пробѣгая по платформѣ.

На платформѣ толпилась значительно порѣдѣвшая дачная публика. Зинаида Тихоновна пустилась по берегу озера пѣшкомъ, благо перемахнуть только сосновую горку, тутъ тебѣ и мостовская дача. День былъ осенній, но солнечный, и Зинаида Тихоновна успѣла-таки порядкомъ задохнуться, пока добѣжала до дачи. Но вотъ и дача, т.-е. простая деревенская изба, кое-какъ обнесенная палисадникомъ, съ рѣзнымъ крылечкомъ, съ плохимъ цвѣтникомъ,—однимъ словомъ, настоящая парголовская дача, какія занимаютъ петербургскіе чиновники средней руки.

Еще издали Зинаида Тихоновна замѣтила, что на крылечкѣ какъ будто кто-то сидитъ; когда она подошла къ калиткѣ, оказалось, что на крылечкѣ пили чай: Калерія Ипполитовна, Юленька и Доганскій. Послѣднихъ двоихъ Зинаида Тихоновна совсѣмъ не ожидала встрѣтить здѣсь и сдѣлала невольное движеніе назадъ.

— Заходите, заходите, Зинаида Тихоновна!—окликнула гостью Калерія Ипполитовна, поднимаясь къ ней навстрѣчу.—Что это вы остановились... да вы, кажется, пѣшкомъ?

— Охъ, дайте вздохнуть, Калерія Ипполитовна; горкой-то тутъ совсѣмъ близко, да вотъ комплекція-то моя.

Собственно Зинаида Тихоновна, съ одной стороны, испугалась того, что сидитъ этотъ Доганскій, котораго хотя и знала, но все-таки это настоящій точеный баринъ и какъ разъ осудитъ ее, а съ другой—женскимъ инстинктомъ она почувствовала, что попала „не въ часъ“. Преувеличенная любезность Калеріи Ипполитовны еще больше смутила Зинаиду Тихоновну, и она вошла на крыльцо, красная, какъ морковь.

— Это моя хорошая знакомая,—рекомендовала гостью Калерія Ипполитовна.—А это Юрій Петровичъ Доганскій, котораго вы знаете по слухамъ.

— Какъ не знать... этакихъ-то людей да не знать, помилуйте-съ!—смущенно лепетала Зинаида Тихоновна, усаживаясь на кончикъ садоваго стула.

Юленька смотрѣла на эту сцену слегка прищуренными, улыбающимися глазами, и Зинаида Тихоновна на мгновеніе даже усомнилась, дѣйствительно ли вышелъ какой неподобный случай съ дѣвкой: ужъ очень она себя крѣпко передъ матерью держитъ. Доганскій съ непринужденностью свѣтскаго человѣка продолжалъ разсказывать городской анекдотъ и тоже „ни въ одномъ глазѣ“, какъ есть ничего.

— Юрій Петровичъ, пойдемте въ паркъ,—предложила Юленька, надѣвая темную соломенную шляпу немного дѣтскаго фасона.—Maman, ты пойдешь съ нами?

— Нѣтъ, я останусь, Julie...

Доганскій подалъ руку Юленькѣ, и они отправились по улицѣ прямо къ парку. Оставшіяся на крылечкѣ дамы нѣсколько времени молча прихлебывали кофе, но наконецъ Зинаида Тихоновна не выдержала и, придвинувшись къ Калеріи Ипполитовнѣ, задыхавшимся шопотомъ спросила:

— А вы, сударыня, ничего не знаете?.. А ужъ я какъ торопилась къ вамъ, [illegible] торопилась, точно вотъ на пожаръ!.. Юленька-то давно гоститъ у васъ?

— Нѣтъ, сегодня утромъ пріѣхала вмѣстѣ съ Доганскимъ, то-есть они, [illegible] и встрѣтились только на поѣздѣ.

— Такъ-съ. А телеграмму насчетъ Юленьки отъ мамаши получили четверо дня? Вѣдь телеграмму-то Юрій Петровичъ посылалъ... очень они тогда были обезпокоены, даже совсѣмъ до полнаго отсутствія ума доходили.

— Ничего не понимаю.

Зинаида Тихоновна съ опытностью записной сплетницы предварительно вдоволь намучила Калерію Ипполитовну разными намеками и сумнительными вопросами и, когда довела ее этимъ путемъ до надлежащей степени тревоги, откровенно брякнула всю правду-матку, т.-е. о „случаѣ“ Юленьки съ Теплоуховымъ, о неистовствѣ Доганскаго и т. д. Калерія Ипполитовна слушала ее, блѣдная, какъ полотно, и не могла произнести ни одного слова, такъ что Зинаидѣ Тихоновнѣ сдѣлалось ея даже жаль, и она сейчасъ же постаралась успокоить материнское горе стереотипною фразой:

— Можетъ, это все и неправда, сударыня... мало ли что зря болтаютъ про дѣвушекъ, а я только къ тому, чтобы... вѣдь жаль дѣвушку-то, ежели она по этой части слабость допустила. Право, можетъ-быть, все это напрасно болтаютъ.

Съ Калеріей Ипполитовной сдѣлался настоящій обморокъ, и Зинаида Тихоновна была совершенно счастлива, что могла ухаживать за убитой ея же руками женщиной. Она спрыскивала ее водой, натирала виски одеколономъ и даже сама плакала, вытирая глаза бѣлымъ платкомъ. Одно только огорчало немного Зинаиду Тихоновну, что Калерія Ипполитовна все время молчала, какъ какая-нибудь совершенно безчувственная женщина.

— Ужъ такъ мнѣ стало жаль васъ, сударыня, такъ жаль,—не унималась

Зинаида Тихоновна, складывая мокрый платокъ вчетверо,—даже затряслась вся и чувствую, что какъ есть я настоящая деревенская дура и ничего по-настоящему даже чувствовать не могу.

Пока разыгрывалась эта жестокая сцена, Доганскій и Юленька успѣли нагуляться по парку досыта. Сначала по широкой аллеѣ они прошли на такъ называемый „Парнасъ", довольно высокую горку, съ которой открывался отличный видъ на весь паркъ, на обложившія его съ трехъ сторонъ дачи, на искусственныя озера сейчасъ подъ горкой и на топувшій въ сѣроватой мглѣ Петербургъ. Финляндская желѣзная дорога казалась черною ниточкой, уползавшей въ самый центръ города, гдѣ громадною золотою шапкой круглился куполъ Исакія. Юленька все время опиралась на руку Доганскаго и слѣдила за носками своихъ ботинокъ; они принужденно молчали, какъ люди, которымъ предстояло непріятное объясненіе.

— Здѣсь хорошо,—точно про себя говорила Юленька, подходя къ деревянной загородкѣ, которая на Парнасѣ отдѣляла спускающійся террасами къ озеркамъ обрывъ; на террасахъ теперь торчали почти голые кустики лѣсного шиповника съ продолговатыми красными ягодами.—Вообще осень, по-моему, самое лучшее время года... Что-то такое печальное и умирающее кругомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не хочется такъ жить, какъ осенью.

— Веселая тема для разговора,—замѣтилъ Доганскій, не выносившій похоронныхъ разговоровъ.—Тебѣ теперь остается только сказать, что ты желаешь умереть именно осенью, и чтобы твой гробъ усыпали вотъ этими умирающими жалкими лѣсными цвѣточками.

Юленька ничего не отвѣтила на эту выходку и задумчиво чертила на пескѣ каблукомъ ботинка. Ее даже не удивилъ тонъ, которымъ говорилъ съ ней сегодня Доганскій. Дѣвочкой она часто болтала и дурачилась съ нимъ, особенно когда онъ пріѣзжалъ къ Аннѣ Григорьевнѣ, но, сдѣлавшись взрослою дѣвушкой, Юленька незамѣтно отдалилась отъ этого страннаго человѣка, пугавшаго ее своею привязанностью. Что ему нужно отъ нея? Какое ему дѣло до ея жизни? Юленька любила ставить вопросы ребромъ. Когда она поняла тѣ отношенія, какія связывали ее съ Доганскимъ, она возненавидѣла его, какъ человѣка, который заразилъ ее своею кровью; она со страхомъ чувствовала въ себѣ эту кровь, точно ее медленно точила какая-то роковая и неизлѣчимая болѣзнь, медленно проникавшая весь организмъ и шагъ за шагомъ захватывавшая самый мозгъ. Раньше Доганскій говорилъ Юленькѣ всегда „вы", а сегодняшнее „ты" непріятно рѣзало ея уши, и въ ея оригинальной головкѣ подъ гладко зачесанными волосами зашевелились самыя нехорошія мысли; она чувствовала, какъ въ душѣ поднимается старая ненависть къ этому отвратительному человѣку, и нужно было все присутствіе духа Юленьки, чтобы воздержаться отъ внѣшнихъ проявленій этой ненависти.

— Julie, я давно хочу спросить тебя,—заговорилъ Доганскій, видимо подбирая слова, чтобы лучше выразить свою мысль,—спросить, за что ты меня ненавидишь? Я это чувствую давно и думаю, то-есть стараюсь думать, что я этого не заслужилъ.

— Ненавидятъ только тѣхъ людей, которыхъ могли бы любить, а мнѣ рѣшительно все равно, существуете вы на свѣтѣ или нѣтъ.

Доганскій пожалъ губами, прищурилъ свои безцвѣтные глаза и проговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ты меня потащила въ паркъ?

— Да затѣмъ только, чтобы сказать то, что я сейчасъ сказала, и еще прибавить, что для насъ съ вами самое лучшее держаться подальше, какъ держатся чужіе люди.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ Доганскій, чувствуя, что начинаетъ краснѣть.

— Послушайте, Юрій Петровичъ, я не дѣвочка и понимаю гораздо больше, чѣмъ вы думаете, поэтому „чужихъ“ и „своихъ“ людей вы можете понять въ настоящемъ значеніи этихъ словъ, то-есть поскольку они относятся лично къ намъ съ вами.

— Ты не хочешь понять одного только, Julie, что мнѣ, можетъ-быть, слишкомъ бываетъ тяжело, а теперь въ особенности...

— Кто же въ этомъ виноватъ? Вамъ тяжело, по крайней мѣрѣ, за ваши же собственныя глупости, а, можетъ-быть, есть люди, которымъ приходится это „тяжело“ за чужія глупости...

— Да... Ты въ этомъ случаѣ права. Но зачѣмъ было повторять эти чужія глупости?.. Julie, я съ тобой говорю, какъ съ взрослою дѣвушкой... какъ съ „женщиной“, наконецъ.

Блѣдное лицо Юленьки вспыхнуло, а потомъ помертвѣло опять, и она судорожно схватилась обѣими руками за перила, чтобы не вскрикнуть. На ея мертвомъ, страшномъ лицѣ живы были одни глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ свѣтившимся взглядомъ.

— Послушайте, Юрій Петровичъ, какое вы имѣете право все это мнѣ говорить?—спросила наконецъ Юленька послѣ долгой паузы.

— Ты еще разъ права, Julie: мнѣ это слѣдовало высказать тебѣ немного раньше... Я долженъ былъ тебѣ высказать... Но я не желаю тебя ни въ чемъ обвинять, то-есть я не могу обвинять.

— Меня... обвинять?!..—Юленька захохотала нехорошимъ нервнымъ смѣхомъ.—И это говорите вы... вы... Я, кажется, немного потеряла... Счастье быть дочерью двухъ отцовъ еще не особенно завидно... Я развязываю тотъ роковой узелъ, которымъ вы были всѣ связаны: вамъ возвращаю жену... maman утѣшится тѣмъ, что чрезъ меня можетъ отмстить Сусаннѣ... Сусанна избавится отъ человѣка, который слишкомъ тяготилъ ее... Наконецъ, я получаю опредѣленное общественное положеніе, немножко нелегальное, но пользующееся громадными льготами и преимуществами. Тѣмъ, что вы сдѣлали изъ Сусанны, я никогда не буду, и никто не можетъ меня заставить этимъ сдѣлаться... и еще, наконецъ, получаю блестящую возможность разсчитаться съ вами за все то вниманіе, какимъ имѣла счастье пользоваться. Ну, теперь вы довольны?

— Да... даже слишкомъ доволенъ,—бормоталъ Доганскій, крутя свою голову, точно его облили кипяткомъ.

— И отлично... Теперь намъ остается только возвратиться къ maman,—проговорила Юленька усталымъ голосомъ.—Юрій Петровичъ, дайте же вашу руку, а то я полечу съ горы кувыркомъ... Maman насъ ждетъ навѣрное...

Доганскій машинально подалъ свою руку, и они осторожно начали спускаться съ горы мимо глубокаго оврага, усаженнаго рядами теперь почти совсѣмъ обнаженныхъ сиреней; подъ ногами шелестѣли высохшіе осенью листья, которые какъ-то порывисто перебиралъ набѣгавшій легкій вѣтерокъ, точно онъ напрасно отыскивалъ между ними что-то такое дорогое и забытое, какъ мы роемся иногда въ ящикѣ со старыми письмами. Въ одномъ мѣстѣ Юленька замѣтила топорщившіеся изъ сухой осенней травы какіе-то желтенькіе цвѣточки и попросила своего кавалера сорвать ихъ.

— Это на память...—разсмѣялась она, принимая изъ рукъ Доганскаго небольшой букетъ изъ желтыхъ цвѣточковъ, роняющихъ свои лепестки при каждомъ неосторожномъ движеніи.

Доганскій молчалъ всю дорогу и только чувствовалъ, какъ у него тяжело кружится голова.

— Послушайте, Юрій Петровичъ!—заговорила Юленька, когда они уже выходили изъ парка.—Я васъ должна предупредить: эта дама, которая пріѣхала къ maman при васъ, знаетъ рѣшительно все и теперь явилась сюда съ спеціальною цѣлью разъяснить это все maman... Конечно, будетъ тяжелая семейная сцена, и вамъ лучше всего пройти прямо на вокзалъ, а я что-нибудь скажу подходящее.

— Благодарю васъ... Я еще понимаю, Julie, ненависть, но никакъ не великодушіе, котораго ни отъ кого еще не принималъ. Итакъ, мы разстаемся врагами?

— Гораздо хуже, Юрій Петровичъ, чѣмъ врагами.

Подходя къ дачѣ, онъ принялъ самый беззаботный видъ, съ какимъ являются люди послѣ хорошей прогулки. Калерія Ипполитовна и Зинаида Тихоновна сидѣли попрежнему на крылечкѣ и, очевидно, поджидали ихъ возвращенія. Юленька легко взбѣжала на крылечко и, подавая матери принесенный желтенькій букетикъ, проговорила:

— Это, maman, тебѣ Юрій Петровичъ презентуетъ... на память.

Калерія Ипполитовна дрогнувшею рукой взяла букетъ, поднесла машинально его къ носу и проговорила точно про себя:

— Желтые цвѣты—говорятъ—ядовиты...

— Нѣтъ, maman, они ядовиты только весной и лѣтомъ, а осенью теряютъ всякій ядъ.

„Вотъ такъ дѣвка, настоящая сорви-головушка“,—думала Зинаида Тихоновна, наблюдая, какъ Юленька „рѣзала“ матери.

Несмотря на всѣ усилія Доганскаго, разговоръ какъ-то совсѣмъ не вязался, и получались самыя глупѣйшія паузы, какъ у актеровъ, которые перепутали реплики. Общее неловкое положеніе разрѣшилось совершенно неожиданно: пріѣхалъ Симонъ Денисычъ. Въ другое время на него не обратили бы и вниманія, а теперь встрѣтили съ распростертыми объятіями, какъ избавителя; ему улыбались, внимательно слушали его безконечные разсказы, старались ему угодить. Это общее вниманіе растрогало Симона Денисыча, и онъ никогда не былъ, кажется, такъ счастливъ, какъ сегодня, и нѣсколько разъ повторялъ:

— Господа, что же это вы?.. Говорите же вы что-нибудь?

Отведя Доганскаго въ сторону, Симонъ Денисычъ проговорилъ ему шопотомъ:

— Я сегодня просто безсовѣстно счастливъ... Вотъ что значитъ семейный очагъ, свой уголъ!

VIII.

Поведеніе Инны и Юленьки обратило на себя общее вниманіе. Какъ бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, всего ближе къ сердцу приняли это „семейное несчастіе“ именно тѣ люди, которымъ, кажется, всего меньше было дѣла до этихъ двухъ семей. Особенно досталось Мостовымъ, фамилія которыхъ еще разъ начала циркулировать въ средѣ петроградскихъ знакомыхъ съ необыкновенною быстротой. Густомѣсовы, Берестовскіе, Даниловы, квасовскіе „короли въ изгнаніи“,—всѣ поднялись на ноги. Эти „расхоложенные“ и изувѣченные столичною жизнью люди сочли своимъ долгомъ возстать за попранную нравственность и, конечно, пожалѣть Калерію Ипполитовну: „Бѣдная Калерія Ипполитовна... это такая рѣдкая мать, это, можно сказать, страдалица, и вдругъ единственная дочь... какъ это

вамъ понравится?" Нашлись охотницы, которыя непремѣнно желали на мѣстѣ провѣрить невѣроятное событіе, но это похвальное усердіе кончилось ничѣмъ: ни maman Анна Григорьевна ни Калерія Ипполитовна не принимали подъ предлогомъ болѣзни.

— Да, чортъ возьми... изволь послѣ этого воспитывать дочерей,—говорили благочестивые отцы семействъ, пожимая плечами.—Это чортъ знаетъ, что такое!

Калерія Ипполитовна сдѣлалась больна не на шутку и пролежала въ постели цѣлую недѣлю, причемъ допускала къ себѣ только одну Зинаиду Тихоновну, незамѣтно сдѣлавшуюся ея наперсницей и повѣренной всякихъ тайнъ. Всего сильнѣе боялись, чтобы печальное извѣстіе не убило maman Анну Григорьевну; Доганскій самъ вызвался подготовить ее и послѣ необходимой въ такихъ случаяхъ околесной въ самыхъ осторожныхъ дипломатическихъ выраженіяхъ передалъ суть дѣла. Старушка не плакала и не упала въ обморокъ, а только сухо засмѣялась.

— Вотъ чего я ужъ никакъ не ожидала отъ Julie... да, никакъ не ожидала!—нѣсколько разъ повторила она, дѣлая ручкой энергичный жестъ.—Конечно, Теплоуховъ страшно богатъ, но вѣдь Julie дѣвушка... Я еще понимаю, если замужняя женщина, имѣющая опредѣленное общественное положеніе, позволитъ себѣ, но дѣвушка и съ такимъ твердымъ закаломъ характера... Это, наконецъ, смѣшно...

Странный смѣхъ Анны Григорьевны навелъ даже Доганскаго на сомнѣніе: „Ужъ не тронулась ли старушенція?"—нѣсколько разъ подумалъ онъ, наблюдая Анну Григорьевну.

— Бракъ для дѣвушки все, потому что только онъ даетъ дѣвушкѣ истинную свободу,—философствовала Анна Григорьевна.—Поэтому свѣтъ все извиняетъ замужней женщинѣ. Это—законъ природы. Ахъ, да... дорого я дала бы за то, чтобы посмотрѣть, какъ теперь встрѣтится Julie съ Сусанной?

Анна Григорьевна разсыпалась своимъ мелкимъ ядовитымъ смѣшкомъ, который покоробилъ даже Доганскаго.

— Женщины настолько бываютъ благоразумны въ такихъ случаяхъ, что умѣютъ обходить подобныя встрѣчи,—проговорилъ онъ.

— Да, пожалуй... А твое положеніе, милый мой (Анна Григорьевна говорила Доганскому „ты")—не изъ красивыхъ, по крайней мѣрѣ, я не желала бы быть на твоемъ мѣстѣ. Хи-хи... Ты бываешь, конечно, у Julie?

— Да... иногда.

— Какъ же она тебя встрѣчаетъ?

— Какъ всегда, она меня ненавидитъ.

— А Сусанна?

— Послушайте, Анна Григорьевна, я привыкъ уважать васъ, какъ умную женщину, и могу только удивляться, что вамъ доставляетъ удовольствіе мучить меня, именно мучить—булавочными уколами.

— Ага... я тоже уважаю тебя, Юрій, какъ умнаго человѣка. Однако ты долженъ сказать мнѣ, правда ли, что мой великій человѣкъ вплотную ухаживаетъ за твоею Сусанной?

Великимъ человѣкомъ Анна Григорьевна называла Романа.

— Да, правда,—грубо отвѣтилъ Доганскій.

— Да ты, милый мой, напрасно сердишься на меня... У васъ такія дѣла дѣлаются нынче, что я рѣшительно отказываюсь понимать и сознаю только одно, что мнѣ пора умирать. Кажется, ждать больше нечего...

У Доганскаго всегда было много всякой работы на рукахъ, но теперь у

него голова шла кругомъ: съѣздъ соревнователей кончился скандаломъ, т.-е. отпаденіемъ Нилушки; Теплоуховъ прекратилъ свои визиты къ Сусаннѣ, хотя Доганскій продолжалъ оставаться его повѣреннымъ; наконецъ, Сусанна дѣлала цѣлый рядъ глупостей изъ-за мальчишки Зоста. Положеніе Доганскаго въ обществѣ замѣтно пошатнулось, хотя онъ еще и самъ боялся въ этомъ сознаться. Юленька откровенно объяснила ему, что постарается свести съ нимъ старые счеты. А тутъ еще Богомоловъ, который забралъ большую силу и задался цѣлью непремѣнно оттереть Доганскаго. Словомъ, тучи надвигались разомъ со всѣхъ сторонъ, но Доганскій боялся не ихъ, а того, что у него тамъ, внутри, являлись тяжелая пустота и апатія, не было энергіи, не было прежней самоувѣренности.

Виновница всѣхъ этихъ передрягъ и волненій преспокойнѣйшимъ образомъ устроилась на Литейной, гдѣ у ней была великолѣпная квартира въ десять комнатъ. Какъ въ обстановкѣ всей квартиры, такъ и въ составѣ новыхъ знакомыхъ отлично сказалось все то, чѣмъ была Юленька. Начать съ того, что Юленька совсѣмъ не желала создавать себѣ никакой обстановки и относилась равнодушно ко всевозможнымъ затѣямъ подобнаго рода. Больше всего Юленька была занята своею конюшней и нарядами. Послѣднее удивило всѣхъ знакомыхъ, но, какъ оказалось, Юленька любила и умѣла рядиться. Держала себя она спокойно, какъ всегда, съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма, съ которымъ относилась одинаково ко всѣмъ, не исключая и себя.

Теплоуховъ живмя жилъ въ ея квартирѣ, хотя не измѣнилъ ни на волосъ своей манерѣ держаться молчкомъ въ сторонкѣ, точно какой приживальщикъ изъ дальнихъ родственниковъ. Изъ прежнихъ знакомыхъ у Юленьки чаще другихъ бывали oncle и Доганскій, или „старички“, какъ ихъ называла хозяйка.

Теплоуховъ былъ доволенъ и, кажется, счастливъ, потому что спокойствіе его души рѣшительно ничѣмъ не было нарушено: Julie всегда была такая ровная и невозмутимая, такъ что Теплоуховъ могъ разсчитывать на самое прочное и безоблачное счастье, какое только можетъ дать женщина. Конечно, у Julie были и свои слабости, которыя Теплоуховъ старался предупредить съ изысканною вѣжливостью. На ея четвергахъ стали появляться сомнительныя знаменитости дня. Но въ глазахъ Julie было достаточно уже и такой извѣстности, потому что она сама больше всего жаждала быть именно замѣченной во что бы то ни стало: пусть говорятъ о ней самой, о ея конюшнѣ, о нарядахъ, о четвергахъ,—все равно, только бы выдѣлиться изъ остальной безличной массы.

Oncle за послѣднее время сильно постарѣлъ и осунулся, хотя старался держаться бодро и попрежнему закидывалъ свою голову назадъ. Черезъ него Julie получала извѣстія о своихъ, т.-е. о матери и о бабушкѣ, хотя отъ oncl'я въ такихъ случаяхъ трудно было добиться толку.

— Видѣлъ maman?—спрашивала нѣсколько разъ Julie.

— Видѣлъ,—отвѣчалъ oncle.

— Ну, что же она?

— Ничего... все съ нервами своими возится.

— Нервы... Удивительныя женщины! У нихъ на всякій случай въ жизни найдется соотвѣтствующій нервъ. Ну, а у Сусанны давно ли ты былъ?

— Кажется, третьяго-дня... нѣтъ, вчера.

— И сегодня, вѣроятно, туда же потащишься?

— И не знаю... право... Какіе ты странные вопросы задаешь.

— Очень просто: я завидую и ревную Сусанну. Ахъ, если бы я была такъ же красива, какъ она! Это несправедливо, что однѣмъ женщинамъ природа даетъ все, а другихъ выпускаетъ какими-то сиротами. Какіе глаза у Сусанны:

такъ въ душу и смотрятъ. А когда она разсердится, раздуетъ ноздри, глаза сдѣлаются темные и даже засвѣтятся, какъ у кошки. Вотъ это женщина! Знаешь что? Мать должна быть мнѣ благодарна, потому что черезъ меня Сусанна потеряла все, слѣдовательно наше фамильное оскорбленіе отомщено.

— Калерія и сама говорила это же.

— Ну, вотъ и отлично. Значитъ, у насъ съ ней есть еще надежда когда-нибудь опять сойтись. Я, по крайней мѣрѣ, думаю такъ. Я вѣдь не сержусь на maman, что Юрій Петровичъ считаетъ меня своею дочерью; пусть, для него же хуже. Ну, да это все вздоръ, ты разскажи лучше, что обо мнѣ говорятъ въ городѣ.

— Когда ты была въ театрѣ, всѣмъ бросилось въ глаза твое новое колье изъ сапфировъ. Даже Андрей Евгеньичъ спрашивалъ меня, съ кѣмъ я сидѣлъ въ ложѣ. Баронъ Шебекъ желаетъ съ тобой познакомиться!

— И только?

— Чего же еще тебѣ? Тебя замѣтили, о тебѣ говорятъ... кажется, достаточно. Брикабракъ твои костюмы расписываетъ въ „Искоркахъ“.

— Да, но вѣдь онъ гораздо больше пишетъ о послѣдней актрисѣ. Вотъ счастливыя женщины, которыя могутъ быть постоянно на глазахъ у публики и заставлять говорить о величинѣ своихъ ногъ, какъ о важномъ европейскомъ событіи.

Oncle всегда съ удивленіемъ слушалъ Julie и дѣлалъ какое-то глупое птичье лицо, какъ глухонѣмой. Это всегда сердило Julie, но oncle былъ рѣшительно безнадеженъ и только моргалъ глазами.

— Ну, довольно, теперь отправляйтесь дежурить къ Сусаннѣ,—выпроваживала его Julie, когда онъ ей надоѣдалъ.—Всѣ мужчины любятъ помогать другъ другу нести тяжелое бремя семейнаго счастья... а Юрій Петровичъ, кажется, особенно нуждается въ вашемъ дружескомъ участіи!

Съ Теплоуховымъ Julie держалась совершенно по-своему, ни въ чемъ не повторяя другихъ женщинъ. Этого богача, изучившаго женщинъ всевозможныхъ національностей, трудно было удивить чѣмъ-нибудь новымъ, еще не испытаннымъ имъ, но ни въ комъ Теплоуховъ не находилъ еще такого нетронутаго запаса силъ, какъ въ Julie, начиная съ того, что Julie совсѣмъ не знала, что такое скука, и была такъ же заразительно весела съ глазу на глазъ съ нимъ, Теплоуховымъ, какъ въ самой веселой компаніи.

Изъ удовольствій Julie всему предпочитала циркъ. Обыкновенно Julie отправлялась туда съ Теплоуховымъ и съ oncl'емъ, но Теплоуховъ долженъ былъ брать себѣ кресло, потому что Julie никогда не позволяла ему сидѣть въ ея ложѣ, какъ и въ театрѣ. Онъ иногда появлялся только въ антрактахъ, но и это всегда бѣсило Julie. Разъ, когда Julie сидѣла такимъ образомъ въ циркѣ, она увидала Сусанну, которая сидѣла вмѣстѣ съ Романомъ и Чарльзомъ Зостомъ и, какъ кажется, чувствовала себя очень весело.

— Сейчасъ же ѣдемъ домой,—проговорила Julie, вспыхнувъ до ушей.

Oncle только пожалъ плечами и покорно побрелъ за капризничавшею внучкой: ему столько приходилось всегда выносить отъ женщинъ, что добрый старикъ давно пересталъ удивляться.

Вернувшись домой, Julie разыграла довольно горячую сцену, причемъ досталось и oncl'ю и Теплоухову, такъ что бѣдные старики не знали, куда имъ дѣваться. Это была первая вспышка у этого импровизованнаго семейнаго очага.

— Я отъ васъ требую, m-r Теплоуховъ, чтобы вы завтра же уволили

Доганскаго отъ занимаемой имъ должности,—энергично требовала Julie и даже топнула ногой.—Понимаете!?

— Да... конечно, понимаю...—лепеталъ m-r Теплоуховъ, сильно взволнованный неожиданно разыгравшеюся сценой.—Только нельзя же это вдругъ... Доганскій ведетъ всѣ дѣла... у него все на рукахъ...

— А если я этого хочу?—заявляла Julie.

— Но ты подумай, къ чему все это поведетъ.

— Я ничего не хочу думать, я требую...

— Julie, это только капризъ съ твоей стороны... а Доганскій мнѣ нуженъ.

— Капризъ? Отлично... Такъ и будемъ знать. Когда отъ васъ Сусанна требовала удаленія Симона Денисыча съ заводовъ, вы его вышвырнули на улицу, а для меня не можете пожертвовать Доганскимъ.

Разыгралась настоящая буря, закончившаяся тѣмъ, что Julie заперлась у себя въ спальнѣ. Теплоуховъ былъ совсѣмъ разстроенъ, такъ что oncle долженъ былъ проводить его до самаго дома. Но на утро Julie одумалась и, когда oncle явился къ ней въ качествѣ парламентера, она объявила ему:

— Передайте m-r Теплоухову, что у меня вчера голова болѣла, и я больше ничего не требую отъ него.

Среди вереницы новыхъ знакомыхъ самыми близкими къ Julie была чета Мансуровыхъ. Илья Ильичъ являлся всегда вмѣстѣ съ Инной и сдѣлался въ квартирѣ Julie своимъ человѣкомъ. Ex-заводчикъ совсѣмъ подчинялся своей юной сожительницѣ и покорно слѣдовалъ за ней всюду, какъ тѣнь. Когда никого не было постороннихъ, Теплоуховъ, Мансуровъ, Инна и Julie играли въ винтъ и чувствовали себя необыкновенно хорошо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Покатиловская газета шла попрежнему хорошо, и кругъ читателей все расширялся. Годъ шелъ за годомъ, событія чередовались, но улица, выраженіемъ которой служило „Сѣверное Сіяніе“, оставалась та же. Она требовала только одного: новостей и новостей. Конечно, эта улица не имѣла никакихъ политическихъ убѣжденій и была совершенно индифферентна по части общественныхъ интересовъ, но ей нужно было убить время, и покатиловская газета доставляла всѣ средства къ этому. Просматривая сырые корректурные листы, Покатиловъ часто не могъ удержаться отъ смѣха надъ ловко закругленными фразами своихъ сотрудниковъ. Самъ Покатиловъ рѣдко брался за перо и то для того только, чтобъ его не забыли: репутація и на улицѣ составляла извѣстный капиталъ.

Жилъ Покатиловъ на прежней квартирѣ, хотя больше уже не мечталъ ни о какой обстановкѣ: все шло, какъ попало или какъ хотѣла старая Улитушка.

— Жениться бы надо, Романъ Ипполитычъ,—говорила старуха при всякомъ удобномъ случаѣ.—Что такъ-то задарма мыкаться?.. На генеральской бы дочери женился.

— Подымай выше, женюсь на княжнѣ...

— Что же? Всякія и княжны бываютъ. Другая только будто одно названіе, что княжна... Будетъ около чужихъ-то женъ хороводиться, Романъ Ипполитычъ,

потѣшился, а потомъ и честь пора знать. Тоже и годки твои не малые подходятъ, золотое-то времечко какъ разъ укатится... Покружится человѣкъ, поскачетъ, а потомъ и повернетъ на свое гнѣздо. Такъ отъ Бога поставлено. Дождешься вотъ собачьей старости, такъ тогда развѣ какая мѣщаночка пойдетъ за тебя.

— Ничего, нянька, какъ-нибудь устроимся.

— Это все отъ той бухарской змѣи,—вздыхала про себя горевавшая старушка.—Кругомъ окрутила парня. Этакое приворотное зелье издастся же... Да и не одного окрутила, а всѣхъ. Охъ-хо-хо!.. согрѣшили попы за наши грѣхи!

Свободное время Покатиловъ обыкновенно проводилъ у Доганскихъ, гдѣ, въ виду грозившаго разрыва съ Теплоуховымъ, царило лихорадочное оживленіе. Въ кабинетѣ Доганскаго появлялись все новыя лица, частью дѣльцы, частью просто люди съ громкими аристократическими фамиліями. Строились блестящіе проекты, составлялись планы, смѣты и соображенія, велись горячіе дебаты и замышлялись ходатайства по всевозможнымъ инстанціямъ—кавказская нефть, донецкій каменный уголь, сибирское желѣзо, кокандскіе хлопчатники, хлѣбные элеваторы, табачныя плантаціи,—ничего, кажется, не было упущено изъ вида.

Изъ старыхъ знакомыхъ Богомоловъ не показывался совсѣмъ, oncle завертывалъ очень рѣдко; оставались неизмѣнными только двое: Нилушка и Покатиловъ. Чарльзъ Зостъ то бывалъ часто, то исчезалъ. Сусанна теперь была въ полномъ расцвѣтѣ красоты. Покатиловъ видѣлъ ее въ теченіе пяти лѣтъ чуть не ежедневно и находилъ въ ней постоянно что-нибудь новое, что̀ съ такою мучительною болью заставляло биться его сердце.

— Если вы когда-нибудь выгоните меня,—часто говорилъ ей Покатиловъ,—я уйду на улицу и буду сидѣть гдѣ-нибудь на тумбѣ противъ вашей квартиры.

Она улыбалась и говорила:

— У васъ есть настойчивость, Покатиловъ, но жаль, что вы такъ неудачно распоряжаетесь собой... Вѣдь пять лѣтъ скоро, какъ мы знакомы, и вы все еще не можете образумиться.

— Не могу.

— Пустяки!... Человѣкъ долженъ стоять выше своихъ слабостей, какъ вы сами говорите.

— Да, да... Совершенно вѣрно. Искусство управлять собой—самое трудное; это азбучная истина.

Она опять задумчиво улыбнулась.

— Бэтси любитъ васъ, вы—меня, я—Чарльза, Калерія Ипполитовна любила Юрія,—говорила Сусанна, глядя куда-то въ сторону.—И всѣ одинаково несчастны, кромѣ тѣхъ, кто, какъ Julie, никого не любитъ... Нѣтъ, рѣшительно всякая любовь есть несчастіе и величайшее зло.

Любилъ ли Покатиловъ Сусанну, онъ, пожалуй, затруднился бы теперь и самъ сказать, потому что его теперь увлекалъ уже самый процессъ достиженія цѣли. Да, онъ шелъ къ ней, потому что незамѣтно, шагъ за шагомъ производилъ свои завоеванія въ обстановкѣ тѣхъ комнатъ, гдѣ жила Сусанна, въ ея костюмахъ, въ привычкахъ; даже въ мысляхъ онъ чувствовалъ свое вліяніе. Самая трудность работы увлекала его, и онъ торжествовалъ, когда Сусанна начинала даже говорить его, покатиловскими фразами и въ томъ же тонѣ.

— Послушайте, Покатиловъ, кто изъ насъ здѣсь хозяинъ: вы или я?—спросилъ однажды Доганскій, прищуривая глаза.

— Должно-быть, вы, Юрій Петровичъ.

— Я?.. Ага... Это хорошо. Знаете, я начинаю себя чувствовать какимъ-то гостемъ въ собственной своей квартирѣ, потому что здѣсь всѣмъ распоряжаетесь

вы, другими словами, Сусанна дѣлаетъ все по-вашему. Впрочемъ, мы, кажется, понимаемъ другъ друга...

Они церемонно раскланялись и разошлись. Эта глупая сцена, однако, заставила Покатилова задуматься, точно онъ сдѣлалъ открытіе, что на свѣтѣ существуетъ еще мужъ Сусанны, а не просто Юрій Петровичъ Доганскій, милый и непроницаемый человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за человѣкъ, этотъ Доганскій, котораго Покатиловъ видитъ въ теченіе пяти лѣтъ чуть не каждый день? Покатилову припомнился случай, когда онъ въ полутьмѣ сумерекъ сидѣлъ въ будуарѣ Сусанны на голубомъ шелковомъ диванчикѣ; она сидѣла рядомъ съ нимъ и тихо смѣялась надъ его болтовней. Да, она хорошо умѣла смѣяться, какъ смѣются дѣти, когда ихъ пугаютъ козой. Въ этотъ моментъ въ дверяхъ точно изъ земли выросла долговязая фигура Доганскаго, постояла одно мгновеніе и безмолвно скрылась. Сусанна притихла. На этомъ все дѣло и кончилось. Въ другой разъ Доганскій вошелъ въ комнату какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Покатиловъ съ взволнованнымъ лицомъ крѣпко сжималъ руки Сусанны, но непроницаемый человѣкъ сдѣлалъ только видъ, что ничего не замѣтилъ, и прошагалъ дальше. Покатиловъ чувствовалъ, что если кого онъ въ состояніи убить, такъ это именно Доганскаго.

Отношенія къ Чарльзу Зосту у Сусанны принимали самый острый характеръ; онъ не показывался иногда по мѣсяцу, но потомъ опять возвращался. Сусанна казалась то совсѣмъ равнодушной къ нему, то плакала, жаловалась, капризничала и непремѣнно дѣлала какія-нибудь непріятности Покатилову.

— Сюзи сердится, значитъ, вы кругомъ виноваты,—объяснялъ Доганскій.— А гдѣ мой другъ Чарли? Я соскучился о немъ.

Все это было слишкомъ глупо, и Покатиловъ начиналъ чувствовать, что онъ сходитъ съ ума. Являлось какое-то глухое отвращеніе ко всему. Когда дѣлалось особенно скучно, онъ, по старой привычкѣ, исчезалъ на нѣсколько дней и скитался по разнымъ вертепамъ.

Эти скитанья на время отрезвляли Покатилова, возвращая ему чувство дѣйствительности, то сознаніе равновѣсія душевныхъ силъ, которое теперь колебалось въ немъ. А главное, въ немъ затихала сосавшая его неотступно глухая тоска. Жизнь—сплошная глупость; значитъ, не стоитъ безпокоиться. Собственно нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ интересовъ, нѣтъ ничего серьезнаго, кромѣ вѣчно однихъ и тѣхъ же хорошихъ словъ, которыми большинство людей самымъ добросовѣстнымъ образомъ обманываетъ самихъ себя. Одна улица была права, потому что во всѣхъ положеніяхъ оставалась сама собой и захватывала все шире и шире кругъ дѣйствія. Да, она проникла давно въ раззолоченные салоны неизвѣстно откуда выплывавшихъ милліонеровъ, въ старые барскіе дома. И, прежде всего, она, эта улица, заражала все самое выдающееся, талантливое, красивое, отзывчатое. Стоило ли жить, когда глазъ вездѣ открывалъ таившуюся заразу и душа проникалась безнадежнымъ скептицизмомъ?

Возвращаясь однажды изъ такого путешествія въ свою „кумирню“, Покатиловъ нашелъ дверь не запертой на ключъ, какъ обыкновенно, а въ передней дремавшую Улитушку, которая только замахала руками. Въ кабинетѣ у письменнаго стола, положивъ голову на руки, сидѣла Сусанна.

— Сусанна Антоновна!—тихо вскрикнулъ Покатиловъ, не вѣря собственнымъ глазамъ.

— Я знала, что вы придете...—тихо отвѣтила Доганская, протягивая руку.

Было часовъ десять вечера, и въ кабинетѣ горѣла всего одна свѣчка.

Сусанна сидѣла въ коротенькой собольей шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Лицо у нея было спокойное, и только глаза странно блуждали.

— Я вѣдь давно здѣсь сижу,—продолжала она.—Мнѣ очень нравится вашъ кабинетъ... то-есть, наоборотъ, совсѣмъ не нравится.

Покатиловъ съ какимъ-то благоговѣніемъ поцѣловалъ протянутую холодную руку. Онъ понималъ, что она залетѣла въ его квартиру, какъ ласточка, загнанная бурей, и ему хотѣлось согрѣть эту головку собственнымъ дыханіемъ.

— Мнѣ было тяжело, и я, право, не помню, какъ попала сюда,—смѣялась Сусанна, оглядывая комнату.—Какой, однако, у васъ безпорядокъ... Это нехорошо! Послушайте, гдѣ это вы пропадали?

Онъ засмѣялся и ничего не отвѣтилъ. Ему сдѣлалось вдругъ такъ легко и хорошо. Эти мертвыя стѣны слышали ея голосъ, она дышала этимъ воздухомъ, ея руки касались письменнаго стола, чего же больше и лучше? Потомъ онъ сидѣлъ у ея ногъ и разсказывалъ все, что̀ видѣлъ, что̀ думалъ и что̀ чувствовалъ. Она понимала его, но какая-то упорная мысль пряталась въ сморщенномъ лбѣ и не хотѣла уйти.

— Вы еще придете сюда,—бормоталъ Покатиловъ,—только съ другими мыслями. Да, я счастливъ вашимъ присутствіемъ... я вижу всю вашу душу... И вы знаете, что мнѣ ничего не нужно и что здѣсь вы безопаснѣе, чѣмъ въ своей собственной комнатѣ. Да вы теперь и сами никого и ничего не боитесь.

Она быстро вскочила съ мѣста и посмотрѣла на него большими испуганными глазами, а побѣлѣвшія губы шептали:

— Вы... вы знаете... нѣтъ, „этого“ никто не могъ знать... Вы ошибаетесь!..

— Хорошо... объ этомъ послѣ, а теперь я васъ провожу домой, Сусанна Антоновна.

Доганская повиновалась звуку его голоса и, когда уходила изъ комнаты, незамѣтно сунула на столъ маленькій револьверъ. Онъ поймалъ это движеніе и улыбнулся.

II.

Бэтси попрежнему жила въ своихъ номерахъ на Моховой и попрежнему работала надъ переводами для „Сѣвернаго Сіянія“. Острый періодъ своего горя она уже пережила и теперь относилась къ Покатилову почти равнодушно, хотя его рѣдкіе визиты стоили ей каждый разъ тяжелой душевной борьбы. Попрежнему на Моховую ходили „газетные старички“, чтобы отдохнуть здѣсь отъ понесенныхъ заботъ и треволненій. Съ старческою болтливостью они разсказывали все, что̀ накипало на душѣ, особенно по части своихъ литературныхъ дѣлъ. Симонъ Денисычъ замѣтно постарѣлъ и опустился, хотя ни однимъ словомъ не выдавалъ своего семейнаго горя. Этотъ стоицизмъ очень нравился капитану, который любилъ пускаться въ разныя туманныя аллегоріи на нравственныя темы.

Однажды, когда Бэтси послѣ одного изъ покатиловскихъ визитовъ чувствовала себя особенно скверно, къ ней заявился oncle Николай Григорьевичъ.

— Узнаёте?—спрашивалъ онъ, грузно входя въ маленькую гостиную Бэтси.

— Извините, ахъ, да, теперь я узнала! Какъ вы, однако, измѣнились, Николай Григорьевичъ... ужъ не больны ли вы?

Oncle дѣйствительно сильно опустился за послѣднее время и часто говорилъ, что ему скоро пора ликвидировать свои дѣла; онъ замѣтно началъ горбиться

и потерялъ военную выправку, но одѣвался попрежнему съ маленькою небрежностью. Пріемъ Бэтси заставилъ oncl'я печально улыбнуться.

— Мои шестьдесятъ лѣтъ стоятъ сами по себѣ хорошей болѣзни,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.—Говоря правду, я дѣйствительно боленъ: душа болитъ... Вотъ что, голубушка Лизавета Ивановна, гоните вы меня прямо въ шею, ежели я вамъ мѣшаю; я вѣдь такъ, ни зачѣмъ прибрелъ. Просто хотѣлось отдохнуть въ вашей кельѣ... Знаете, есть такіе медвѣди, которые во-время не залягутъ въ берлогу и бродятъ по лѣсу зимой; ихъ зовутъ „шатунами“. Ну, и люди есть „шатуны“, а изъ нихъ первый—вашъ покорнѣйшій слуга. Только медвѣди-шатуны отличаются превеликою злостью, а я—добрый человѣкъ. Послушайте, что же вы, въ самомъ-то дѣлѣ, церемонитесь со мной? Эйнъ-цвэй-дрэй—и я исчезаю...

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я совсѣмъ не гоню васъ, а, напротивъ, рада...

— Вотъ это не хорошо, Лизавета Ивановна, что вы до сихъ поръ врать не научились: сказали противъ совѣсти и сейчасъ покраснѣли... А это къ вамъ очень идетъ. Вотъ и книжечка тамъ у васъ, и тетрадочки... Послушайте, возьмите меня въ число своихъ учениковъ. Я когда-то порядочно зналъ по-англійски, а теперь начинаю забывать...

Oncle вообще обладалъ способностью располагаться въ чужихъ квартирахъ, какъ у себя дома, а въ кельѣ Бэтси онъ чувствовалъ себя особенно хорошо и безъ всякихъ церемоній попросилъ чего-нибудь поѣсть. Такое поведеніе сначала произвело непріятное впечатлѣніе на немножко чопорную англичанку, но oncle просто подавилъ ее своимъ безграничнымъ добродушіемъ и какою-то особенною, старческою грустью; онъ разсказывалъ ей такіе смѣшные анекдоты и любовался, какъ Бэтси напрасно удерживалась, чтобы не расхохотаться въ присутствіи полузнакомаго человѣка. Для перваго раза они чуть даже не поссорились: oncle сказалъ нѣсколько своихъ обыкновенныхъ комплиментовъ, которые неизмѣнно повторялъ всѣмъ знакомымъ дамамъ, и Бэтси огорчилась не на шутку. Это ужъ окончательно развеселило хандрившаго старика, и келья Бэтси огласилась его раскатистымъ, громогласнымъ хохотомъ.

— Женщина, которая не выноситъ комплиментовъ—величайшая рѣдкость,—заявилъ oncle, вытирая слезы.—Это ужъ ни на что не похоже!.. Всѣ женщины требуютъ, чтобы мы ихъ обманывали на каждомъ шагу... ха-ха!.. Знаете ли вы, Лизавета Ивановна, что такое комплиментъ? Это—ходячая монета, которая открываетъ намъ доступъ одинаково ко всѣмъ женщинамъ, а вы обижаетесь.

— Я думаю, Николай Григорьевичъ, что мы въ этомъ случаѣ никогда не поймемъ другъ друга.

— Радуюсь за васъ, хотя и не имѣлъ дурного умысла, когда машинально повторилъ нѣсколько общепринятыхъ глупостей. Что же вы не гоните меня? Къ вамъ очень идетъ, когда вы сердитесь.

— Послушайте, я дѣйствительно начинаю думать, что вамъ лучше уйти.

— Вотъ какъ! Нѣтъ, я не уйду, Лизавета Ивановна, пока вы меня не простите.

Oncle окончательно вошелъ въ обстановку Бэтси, какъ самый близкій человѣкъ. Сначала Бэтси это было непріятно, а потомъ она начала бояться oncl'я, подозрѣвая его въ какихъ-то дурныхъ замыслахъ. Для нея ясно было только одно, именно, что прежній порядокъ ея жизни нарушался въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и она даже не находила средствъ бороться съ наступающимъ непріятелемъ, быстро завладѣвшимъ всею территоріей. Конечно, и раньше у нея постоянно бывали капитанъ и Симонъ Денисычъ, которыхъ она про себя

называла „газетными старичками“, но они держали себя всегда въ извѣстныхъ границахъ вѣжливости и не позволяли ни малѣйшей выходки, на какую имѣютъ право совсѣмъ близкіе люди: старцы были вѣжливы, внимательны, откровенны до извѣстной степени, и только. А этотъ oncle съ перваго раза началъ величать Бэтси голубушкой. Оставалось только для довершенія скандала газетнымъ старичкамъ встрѣтиться съ oncl'емъ у Бэтси носомъ къ носу, что̀ и не замедлило произойти, когда однажды oncle самымъ безсовѣстнымъ образомъ напросился пить кофе. Бэтси только-что̀ принялась за необходимыя приготовленія къ этой церемоніи, какъ въ коридорѣ послышались знакомые шаги, и въ передней показался капитанъ. Бэтси, проклиная безсовѣстнаго oncl'я, принуждена была познакомить своихъ гостей и чуть не сгорѣла отъ стыда.

— Очень пріятно, очень пріятно,—добродушно басилъ oncle, крѣпко пожимая руки журналиста.—Мы немножко знакомы... Капитанъ, вы не желаете ли кофе? Голубушка Лизавета Ивановна, соблаговолите ужъ намъ, старикамъ, покрѣпче.

Опять „голубушка“! Бэтси возненавидѣла это проклятое слово, которое когда-то такъ любила. Капитанъ въ это время многознаменательно закрутилъ свой бѣлый усъ и уперся глазами въ уголъ. Отъ Бэтси не ускользнуло это движеніе глубокаго удивленія, и она почувствовала себя глубоко несчастной. Впрочемъ, кофе прошелъ самымъ веселымъ образомъ, потому что oncle болталъ за четверыхъ, и капитанъ пересталъ дергать себя за усы.

Однако, когда гости удалились и Бэтси осталась одна, раздумавшись, она горько поплакала, хорошенько сама не зная, о чемъ. Уже въ слѣдующій разъ она непремѣнно выгонитъ этого безсовѣстнаго человѣка вонъ, потому что это, наконецъ, невозможно, рѣшительно невозможно. Еще смѣетъ называть голубушкой, отвратительный человѣкъ!

III.

Поступокъ Юленьки совсѣмъ обезкуражилъ Калерію Ипполитовну. Всѣ предшествовавшія неудачи носили временный характеръ, и зло было поправимо, но настоящее горе являлось безысходнымъ. Какъ это могло случиться? Конечно, Юленька была немножко эксцентричная дѣвушка, это—правда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это такая холодная и расчетливая натура, вылитая grande mère Анна Григорьевна. И вдругъ... Калеріи Ипполитовнѣ начинало казаться, что ея собственныя дѣла совсѣмъ-было поправились и Симону Денисычу уже обѣщали отличное мѣсто на уральскихъ заводахъ, какъ случай съ Юленькой разрушилъ все. Да, теперь ей никуда носа нельзя было показать. Замѣтимъ кстати, что никакого мѣста Симону Денисычу не „выходило“, какъ говорила Улитушка, а все это являлось только плодомъ разстроеннаго воображенія, той idée fixe, которой жили всѣ „короли въ изгнаніи“, ждавшіе непремѣнно „мѣста“. Дальше, такъ какъ по логикѣ Калеріи Ипполитовны, а съ ней вмѣстѣ извѣстнаго большинства, въ каждомъ дѣлѣ непремѣнно долженъ быть личный виновникъ, то она, прежде всего, и принялась разрабатывать эту благодарную тему. Юленька была молода и неопытна, слѣдовательно должна быть та рука, которая толкнула ее въ пропасть. Сначала Калерія Ипполитовна обвиняла во всемъ Бэтси, которая могла имѣть дурное вліяніе на Юленьку уже своею личною безпорядочною жизнью, потомъ эта несчастная встрѣча съ Сусанной и, наконецъ, этотъ примѣръ съ вертушкой Инной,—всѣ виноватые были на-лицо. Калерія Ипполитовна горько плакала, представляя себѣ дочь жертвой, да, именно несчастною жертвой, выкупившей своимъ позоромъ преступленія другихъ.

Всякіе хлопоты по личнымъ дѣламъ были оставлены, потому что теперь не для кого было хлопотать. Калерія Ипполитовна окончательно заперлась въ своихъ номерахъ и свободное время проводила въ обществѣ Зинаиды Тихоновны, которая теперь въ номерѣ Мостовыхъ сдѣлалась своимъ человѣкомъ. Дамы коротали свое время обыкновенно за кофе съ патентованнымъ средствомъ отъ мигрени и разставались съ румянцемъ на щекахъ.

„Короли въ изгнаніи“ знали давно, что Калерія Ипполитовна и Зинаида Тихоновна попиваютъ, и удивлялись, какъ Симонъ Денисычъ не прекратитъ подобнаго безобразія. Швейцаръ Артемій буквально торжествовалъ и нарочно стучалъ ногами, когда проходилъ мимо дверей мостовскаго номера. Знали объ этомъ дворники дома, почтальонъ, лавочникъ, прачка, городовой, стоявшій на углу, швейцаръ Григорій изъ номеровъ Баранцева и т. д.

А героини этой молвы, по свойственной всѣмъ героинямъ разныхъ происшествій близорукости, совсѣмъ не желали ничего ни видѣть ни слышать и продолжали „упражняться въ коньячкахъ“, какъ говорилъ штыкъ-юнкеръ Падалко. Калерія Ипполитовна отводила душу съ Зинаидой Тихоновной и откровенно разсказывала ей исторію своихъ злоключеній. Зинаида Тихоновна слушала съ замиравшимъ сердцемъ, умилялась, качала головой и даже вытирала глаза платкомъ.

— Зачтется это вамъ, Калерія Ипполитовна... все зачтется!—говорила кронштадтская мѣщанская дѣвица и сейчасъ же приводила массу самыхъ неопровержимыхъ фактовъ подобнаго зачета.—Терпи часъ, а царствуй годъ. Настоящая вы мученица, Калерія Ипполитовна, ежели поглядѣть въ источности... А что касается Юліи Семеновны, такъ оно, конечно, материнское сердце, вчужѣ жаль, а тутъ своя кровь... да... И то сказать, бываютъ нехорошіе случаи въ мѣщанскомъ званіи, гдѣ дѣвчонки вертятся безъ призора, а тутъ такія воспитанныя барышни... Нѣтъ, ума не приложу я, Калерія Ипполитовна!..

Въ сущности, изъ нѣкоторыхъ дипломатическихъ соображеній Зинаида Тихоновна не договаривала всего, что думала, потому что хотя, конечно, Калерія Ипполитовна совсѣмъ утихомирилась, а все-таки, неровенъ часъ, скажи ей, а она взбѣленится. Бѣсъ болтливости, однако, такъ и подмывалъ мѣщанскую дѣвицу, и роковое словечко много разъ висѣло у нея на самомъ кончикѣ языка, пока однажды она какъ-то нечаянно выболтала, наконецъ, все на чистоту.

— Гляжу я на васъ, Калерія Ипполитовна, какъ это вы мучаетесь,— брякнула Зинаида Тихоновна „въ откровенность“,—и жаль мнѣ васъ, потому какъ совсѣмъ вы напрасно эту самую муку принимаете на себя... Это я относительно Юліи Симоновны...

— Что вы хотите этимъ сказать, Зинаида Тихоновна?

Разговоръ происходилъ за кофе, и обѣ дамы были уже въ настоящемъ градусѣ. Калерія Ипполитовна сидѣла на диванѣ въ довольно небрежной позѣ съ разстегнутымъ воротомъ домашняго платья. Зинаида Тихоновна помѣщалась въ креслѣ и потягивала кофе съ коньякомъ, заложивъ ногу за ногу

— Ужъ вы меня извините за мою простоту,—тянула Зинаида Тихоновна, придвигаясь вмѣстѣ съ кресломъ къ самому лицу своей собесѣдницы.—Давно я хотѣла сказать вамъ, да все какъ-то не смѣла... Только единственно отъ сожалѣнія къ вамъ говорю, потому не могу видѣть, какъ вы тоскуете да маетесь ежечасно. Конечно, я не ученый человѣкъ, Калерія Ипполитовна, а людей всякихъ, слава Богу, наглядѣлась-таки... да. Даже, можно сказать, черезъ плепорцію наглядѣлась, тоже немало горя да стыда на свою голову приняла, ну, чужое-то горе и понимаешь по своей нотѣ. Теперь взять васъ: конечно,

убиваетесь вы, потому какъ единственная дочь и всякое прочее. Не то думали, какъ растили ее-то. Да... А только я вамъ, Калерія Ипполитовна, такъ скажу, что Юлія Симоновна весьма даже оправдать себя могутъ, потому какъ ужъ такое, значитъ, нынче время пришло, что все перемѣшалось, у кого какая честь. Только отъ своей глупой доброты говорю, Калерія Ипполитовна. Ну, а Юлія Симоновна умныя барышни, надо честь отдать, и сообразили по своему: что-де я дурой-то буду въ дѣвкахъ сидѣть да жениха ждать, возьму свою часть, и конецъ тому дѣлу. Какіе женихи по нынѣшнему времю, Калерія Ипполитовна? Знаемъ мы ихъ: ежели богатый, такъ до зла-горя измотается съ француженками, ну, а потомъ и женится на воспитанной да богатой дѣвицѣ, бѣдный, тотъ околачивается больше около чужихъ женъ да около богатыхъ вдовъ и тоже женится на богатой. Вотъ дѣло-то какое, а хорошія-то дѣвушки сиди да посиди... Это какъ?.. Нашу княжну Инну взять, да мало ли ихъ? Воспитанныя, красивыя, молодыя, а такъ, на мѣщанскій манеръ ушли... Ну, Юлія Симоновна и сообразили: возьму свою часть съ Теплоуховымъ, а потомъ все мое будетъ. Какъ Теплоуховъ умретъ, за любого князя можетъ выйти, да еще честь честью выйдетъ-то, а потомъ черкнетъ за границу или на Кавказъ, и поминай какъ звали. Притомъ, Юлія Симоновна весьма ловкую механику подвели подъ эту самую Сусанну Антоновну... ей-Богу! Попрыгаетъ-попрыгаетъ Юрій-то Петровичъ, а безъ Теплоухова не далеко ускачетъ... да-съ. Вы теперь и подумайте, Калерія Ипполитовна: можетъ, Юлія-то Симоновна поумнѣе насъ съ вами дѣльце сдѣлали, а что она не въ законѣ, такъ это самое пустячное и нестоящее дѣло.

Эти соображенія произвели на Калерію Ипполитовну громадное впечатлѣніе. Сначала она обидѣлась, потомъ заплакала и кончила тѣмъ, что какъ-то вся опустилась. Мѣщанская логика проникла въ глубину сердца и подняла тамъ цѣлый ворохъ дремавшихъ житейскихъ соображеній. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь идетъ на выворотъ, и мораль давно потеряла всякое значеніе на базарѣ житейской суеты. Она, Калерія Ипполитовна, знаетъ вѣдь давно по своему личному опыту все это и обвиняетъ дочь. Если все въ жизни идетъ на выворотъ, что же дѣлать и кого обвинять? Можетъ-быть, дѣйствительно Зинаида Тихоновна права, какъ ни тяжело съ этимъ согласиться. Съ другой стороны, являлась подкупающая мысль: Юленька отмстила и Сусаннѣ и Доганскому. Это тоже вѣрно. Теперь оставалось только ждать, какъ эти ненавистные люди пройдутъ обязательныя ступени своего паденія и кончатъ позоромъ. Да, они должны этимъ кончить, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Чѣмъ дальше думала Калерія Ипполитовна въ этомъ направленіи, тѣмъ больше соглашалась съ Зинаидой Тихоновной относительно „своей части“. Ее смущало теперь только то, какъ посмотритъ Симонъ Денисычъ на эти соображенія, а бѣдный старикъ сильно горевалъ, и Калеріи Ипполитовнѣ было его жаль. Ей хотѣлось его утѣшить, ободрить, поднять духомъ. Сознаніе, что, въ довершеніе всего, Симонъ Денисычъ мучится за чужую дочь, которую считаетъ своей, создавало для Калеріи Ипполитовны цѣлый рядъ тайныхъ мукъ, и она даже начинала думать о смерти. Нѣтъ такой тайны, которая рано или поздно не открылась бы, а тутъ всѣ шансы для этого: Доганскій продолжаетъ преслѣдовать Юленьку своими нѣжностями, Юленька уже давно знаетъ все, maman, Улитушка... Не разъ въ головѣ Калеріи Ипполитовны являлась дикая мысль разсказать все мужу и этимъ снять съ своей души тяжелый камень, но къ чему это могло повести? Мало ли темныхъ дѣлъ сходитъ на нѣтъ только благодаря времени?

Симонъ Денисычъ скоро замѣтилъ на себѣ послѣдствія такого душевнаго состоянія жены. Она сдѣлалась къ нему необыкновенно внимательна, предупреждала всѣ его желанія и вообще совсѣмъ перемѣнилась въ обращеніи, такъ что Симону Денисычу дѣлалось даже совѣстно: сама Леренька и вдругъ ухаживаетъ за нимъ.

Раньше Калерія Ипполитовна дѣлала все по-своему и никогда не совѣтовалась съ мужемъ, а теперь вступала въ длинные переговоры съ нимъ о каждой мелочи.—„Какъ ты думаешь, Simon?.. По-твоему, не лучше ли такъ сдѣлать?“ Ободренный такимъ вниманіемъ, Симонъ Денисычъ совѣтовался съ женой относительно разныхъ сомнительныхъ случаевъ. Вообще начиналась совсѣмъ другая жизнь, удивлявшая обоихъ.

Въ это время и Сусанна переживала самое тревожное время, потому что ея отношенія къ Чарльзу готовы были каждую минуту кончиться кризисомъ, и она въ какомъ-то ужасѣ хваталась за всѣ средства, чтобы удержать молодого человѣка хоть одинъ лишній день. Но стоило имъ остаться однимъ, какъ сейчасъ же вспыхивала самая горячая сцена: Сусанна осыпала своего любимца градомъ упрековъ, а Чарльзъ или упорно отмалчивался, или начиналъ говорить дерзости. За послѣдніе два года изъ юноши Зостъ превратился въ солиднаго молодого человѣка; вытянутое бѣлое лицо было опушено золотистыми баками, небольшіе усы сдѣлали незамѣтнымъ главный недостатокъ—прикрыли короткую верхнюю губу, открывавшую великолѣпные, чисто-англійскіе зубы, которыми Бэтси всегда такъ восхищалась. Зостъ теперь уже серьезно помогалъ отцу въ его занятіяхъ, хотя между ними существовало глухое и сдержанное недовольство, причиной котораго служили отношенія Чарльза къ Сусаннѣ: упрямый старикъ всего одинъ разъ имѣлъ серьезный разговоръ съ сыномъ по этому поводу, не имѣвшій успѣха; поэтому отецъ и сынъ, работая вмѣстѣ, упорно отмалчивались.

— Эта женщина тебя погубитъ!—говорилъ старикъ Зостъ.—Но я тебѣ не дамъ ни гроша, и тогда посмотримъ, какъ она тебя выпроводитъ въ шею... Этого разбора женщины вездѣ одинаковы.

Но ожиданія старика Зоста не сбылись: Чарльзъ никогда не требовалъ лишнихъ денегъ, кромѣ жалованья, и работалъ основательно, хотя не оставлялъ своихъ визитовъ на Сергіевскую улицу.

А между тѣмъ человѣкъ, которому отдавалась Сусанна съ такою беззавѣтностью, давно не любилъ ее, и эта связь продолжалась только въ силу привычки.

— Я сдѣлала ошибку съ первой нашей встрѣчи,—часто повторяла Сусанна ему въ глаза.—Нужно было скрывать свое чувство, нужно было обманывать на каждомъ шагу, унижать и тянуть душу, а я своими руками разбивала собственное счастье... Однимъ словомъ, я должна была поступать съ тобой такъ же, какъ я держу себя со всѣми другими.

Все это Сусанна повторяла Чарльзу въ глаза, хотя молодой человѣкъ съ вполнѣ организованнымъ характеромъ и оставался такимъ же равнодушнымъ точно разговоръ шелъ о комъ-то постороннемъ.

— А!.. я понимаю васъ!—горячилась Сусанна.—Вы жаждете разнообразія, какъ всѣ другіе... вамъ скучно со мной, потому что есть другія женщины, да? И вы ни одну изъ нихъ не полюбите, потому что... потому что вы—животное! Я ненавижу васъ, Чарльзъ.

— Къ чему волноваться?—отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ выдержанный молодой человѣкъ.—Необходимо всегда сохранять свѣтлую голову, а въ критическихъ случаяхъ въ особенности.

— Ты просто глупъ, милый мой!

Когда Чарльзъ вставалъ, чтобы уйти, Сусанна принималась осыпать его самыми безумными ласками, чтобы удержать около себя хоть одинъ лишній часъ.

IV.

Московская промышленная выставка 1882 года привлекла къ себѣ массу публики со всѣхъ концовъ Россіи, особенно изъ Петербурга. „Весь Петербургъ“ имѣлъ своею обязанностью непремѣнно побывать на выставкѣ, представлявшей собою видимый и осязаемый результатъ всего, сдѣланнаго въ нашемъ отечествѣ за третью четверть девятнадцатаго вѣка.

Одинъ изъ петербургскихъ поѣздовъ привезъ на своихъ желѣзныхъ крыльяхъ оригинальную пару, обращавшую на себя общее вниманіе: высокій, рослый, но немного сгорбленный мужчина съ великолѣпною сѣдою бородой вышелъ на платформу съ молоденькою, красивою женщиной не русскаго типа; онъ несъ перекинутый черезъ руку плэдъ и часто раскланивался по сторонамъ съ своими безчисленными знакомыми, улыбаясь блаженною улыбкой совсѣмъ счастливаго человѣка, а она, видимо, конфузилась, потому что была въ немного исключительномъ положеніи, въ какомъ бываютъ замужнія женщины. Мужчины оглядывали оригинальную парочку улыбавшимися глазами, хотя и не знали, что этотъ сѣдобородый мужчина—нашъ старый знакомый oncle, а его спутница—Бэтси, теперь m-me Бередникова и, притомъ, съ самыми несомнѣнными признаками продолженія угасающей фамиліи Бередниковыхъ.

Отыскавъ дилижансъ Лоскутной гостиницы, oncle усадилъ въ него Бэтси и съ удовольствіемъ началъ глазѣть по сторонамъ въ стекла дилижанса.

— Отлично, я всегда такъ любилъ Москву,—повторялъ нѣсколько разъ oncle, называя улицы и даже дома.—Вотъ мы здѣсь и поселимся гдѣ-нибудь, [illegible] -объяснялъ онъ во всеуслышаніе своей женѣ.—То-есть не здѣсь, [illegible]ой или на Лубянкѣ, а въ Москвѣ. Купимъ избушку и заживемъ. [illegible] будетъ не дурно, а?

— Перестань, пожалуйста, болтать,—по-англійски отвѣтила Бэтси, показывая на улыбавшихся спутниковъ по дилижансу.

— Ахъ, какая ты, право... да вѣдь мы не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ. Понимаешь: Москва!

Лоскутная была биткомъ набита пріѣзжими, но oncle отыскалъ-таки себѣ номеръ лучше другихъ и сейчасъ же сообщилъ Бэтси, что онъ на доскѣ съ фамиліями пріѣзжихъ отыскалъ много знакомыхъ.

— То-есть больше все мои знакомые, а изъ твоихъ почти никого нѣтъ,—объяснилъ онъ, распаковывая чемоданы.—Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего. Вотъ что, Николай Григорьевичъ!—серьезно заговорила Бэтси немного капризнымъ тономъ.—Ты меня много обяжешь, если не будешь выискивать этихъ твоихъ петербургскихъ знакомыхъ. Понимаешь?

— Ага! Ну, хорошо, хорошо, голубчикъ. Я вѣдь такъ сказалъ, а собственно чортъ съ ними со всѣми. А въ Лоскутной и Бѣгичевъ съ Котлецовымъ, и Мансуровъ, и Брикабракъ, и Нилушка Чвоковъ. А я буду держать себя incognito. Знаешь, всѣ эти коренные петербуржцы ужасно дѣлаются смѣшными въ Москвѣ, потому что начинаютъ относиться ко всему иронически, съ кондачка, и каждый непремѣнно корчитъ изъ себя какого-то дипломата, по меньшей мѣрѣ.

Бэтси за послѣдній годъ точно помолодѣла и казалась рядомъ съ сѣдою бородой oncl'я просто дѣвочкой. Какъ устроился этотъ странный бракъ?

Бэтси и сама плохо давала себѣ отчетъ и часто смотрѣла удивленными гла
зами на oncl'я, точно спрашивала: „Зачѣмъ онъ здѣсь, въ одной комнат
съ ней?“ Oncle однажды пришелъ въ номера Баранцева на Моховой и объ
явилъ безъ всякихъ приступовъ:

— Послушайте, голубушка Лизавета Ивановна, мнѣ надоѣло жить на свѣт
старымъ нѣмъ, да и вамъ тоже не особенно весело мыкать свое горе одной
Соединимся узами брака и удивимъ міръ злодѣйствомъ. Что такое я—вы видите
я весь передъ вами, а что касается васъ, то я не требую любви или там
какъ это называется. Ей-Богу, проживемъ отлично. Я понимаю, конечно, раз
ницу нашихъ лѣтъ, но вѣдь, голубушка моя, чего на бѣломъ свѣтѣ н
бываетъ?

Сначала Бэтси обидѣлась и даже испугалась этого предложенія, а потом
раздумалась на тему о превратностяхъ человѣческой жизни и согласилась
Свадьба была устроена „на нигилистическій манеръ“, какъ объяснилъ oncle
т.-е. они отправились въ Павловскъ, въ сопровожденіи капитана и Симон
Денисыча, и тамъ обвѣнчались. Бэтси переѣхала къ Египетскому мосту и быстр
передѣлала всю квартиру oncl'я на свой ладъ, такъ что даже самъ oncl
не узналъ своей берлоги и восхищался всякою мелочью. Свои холостыя при
вычки oncle оборвалъ разомъ и даже отпустилъ бороду. Бэтси засвѣжѣла, как
опущенная въ воду верба, но ее безпокоила возможность встрѣчи съ Романом
и она уговорила мужа переселиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что въ Петербург
у oncl'я рѣшительно ничего не было, что могло бы его удерживать

Бэтси знала, что Сусанна не поѣдетъ на выставку, слѣдовательно
Романъ тоже не будетъ въ Москвѣ, поэтому и рѣшилась воспользоваться этим
временемъ, чтобы отыскать себѣ въ московскомъ захолустьѣ скромное гнѣздышк
и потеряться въ немъ навсегда отъ глазъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ
которые всегда напоминали бы ей о тяжеломъ прошломъ.

Въ первый день пріѣзда въ Москву Бэтси чувствовала маленькую уста
лость и поэтому никуда не выходила изъ своего номера; слѣдующіе дни был
заняты осмотромъ выставки и пріисканіемъ квартиры. Выставка очень мал
интересовала Бэтси, и она ѣздила туда, только не желая огорчить мужа.

V.

Новая жизнь Julie сложилась окончательно и отлилась въ опредѣленны
формы; больше не было ни неровностей ни недоразумѣній, потому что Juli
шагъ за шагомъ поработила своего покровителя. Это была долгая и мудрена
работа, требовавшая громаднаго мозгового напряженія и тонкой ювелирной работ
въ исполненіи. Еще немного, и Теплоуховъ будетъ смотрѣть ея глазами, слушат
ея ушами, и жизнь потечетъ вольною, широкою волной. Julie не мечтала из
Теплоухова сдѣлать законнаго мужа и еще меньше того увлекалась разным
романическими бреднями.

Теплоуховъ всѣми зависящими отъ него способами старался сдѣлать вс
чтобы угодить Julie, хотя это было и трудно. Julie была непроницаема
относилась къ своему покровителю какъ-то свысока, какъ относятся къ ребенк
когда его манятъ игрушкой, чтобы заставить выпить горькое лѣкарство. Он
интересовалась всѣми дѣлами Теплоухова, хотя открыто и не высказывал
своихъ мнѣній; по спеціальнымъ вопросамъ она, конечно, ничего и не могл
сказать, но зато произносила самое безапелляціонное рѣшеніе относительн
окружавшихъ Теплоухова людей, льнувшихъ къ его богатству, заискивавшихъ
лгавшихъ и обманывавшихъ.

За послѣдній годъ въ характерѣ Теплоухова произошла рѣзкая перемѣна, которая не могла не броситься въ глаза всѣмъ, знавшимъ его близко: онъ по временамъ дѣлался какъ-то необыкновенно разговорчивъ и сильно увлекался, такъ что его безжизненное, блѣдное лицо покрывалось нестественнымъ лихорадочнымъ румянцемъ и на лбу выступали капли холоднаго пота.

— Ужъ ты здоровъ ли?—иногда спрашивала его Julie, щупая рукой холодный лобъ.—У тебя руки холодныя и глаза такіе лихорадочные.

— Больше, чѣмъ здоровъ!—съ улыбкой отвѣчалъ Теплоуховъ, цѣлуя ощупывавшія его руки.—Это оттого, Julie, что я слишкомъ счастливъ, несправедливо счастливъ. Ты мнѣ подарила свою молодость, и я ожилъ около тебя.

Минуты возбужденія смѣнялись періодами апатіи и какой-то сонливости, когда Теплоуховъ превращался въ настоящую куклу и смотрѣлъ кругомъ мутными и безсмысленными глазами. Julie приписывала эти послѣднія минуты физическаго разслабленія излишествамъ прошлой жизни Теплоухова, а моменты оживленія—своему вліянію. Поѣздка на выставку и пребываніе на ней на время уничтожили припадки апатіи.

— Я никогда такъ не работалъ, какъ теперь!—говорилъ Теплоуховъ, когда оставался съ глазу на глазъ съ Julie.—И всѣмъ этимъ я обязанъ исключительно тебѣ, моя крошка!

На выставку прилетѣла и чета Мансуровыхъ, пріѣхала неизвѣстно зачѣмъ, какъ большинство выставочной публики. Инна попрежнему вездѣ таскала за собой Илью Ильича и удивляла публику разными наивными выходками. Julie всегда была рада присутствію этой оригинальной пары, тѣмъ болѣе, что Илья Ильичъ немножко ухаживалъ за Julie, что̀ она охотно ему позволяла, чтобы поддержать въ Теплоуховѣ должное напряженіе чувствъ. Есть люди, которые родятся, живутъ и умираютъ какъ-то между прочимъ, оставаясь все время незамѣтными. Именно такимъ человѣкомъ былъ Мансуровъ, не отличавшійся ни особенными добродѣтелями ни особенными пороками, а такъ, жившій изо дня въ день, пока живется. Отъ него всегда такъ и вѣяло заматерѣлою лѣнью, такъ что даже невозмутимая Julie удивлялась мансуровскому спокойствію.

Въ самый разгаръ выставки, когда работа кипѣла по всей „линіи“, какъ любилъ выражаться Богомоловъ языкомъ военныхъ реляцій, одно событіе нарушило предвкушаемое имъ торжество, именно: мансуровскіе заводы ушли съ молотка и были куплены старикомъ Зостомъ. Первымъ въ „Славянскій Базаръ“ принесъ это извѣстіе Богомоловъ, который влетѣлъ въ номеръ Julie, какъ бомба, позабывъ всѣ приличія усовершенствованнаго дѣльца.

— Вы слышали?—накинулся онъ на Мансурова, который сидѣлъ въ креслѣ съ стаканомъ кофе въ рукахъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ!—отвѣтилъ Мансуровъ, защищая свой стаканъ рукой.

Julie и Теплоуховъ переглянулись, но Богомоловъ не желалъ ничего замѣчать и, принявъ самую трагическую позу, сообщилъ публикѣ извѣстіе о продажѣ заводовъ Зосту.

— Что̀ же тутъ удивительнаго?—невозмутимо спросилъ Мансуровъ.—Кажется, это въ порядкѣ вещей, что одни покупаютъ то, что̀ другіе продаютъ.

— Я тоже не нахожу ничего особеннаго,—замѣтилъ Теплоуховъ.—Этого можно было давно ожидать...

— Ничего особеннаго?.. Что̀ вы, господа!—взмолился Богомоловъ, обрушиваясь въ кресло.—А почему именно теперь проданы заводы, когда мнѣ нельзя оторваться отъ выставки? Я бьюсь здѣсь въ Москвѣ, а въ Петербургѣ

ужъ успѣли воспользоваться моимъ отсутствіемъ. Потомъ, претендентовъ на покупку было много, а остались они за Зостомъ! Ахъ, господа, господа, какъ это вы не хотите ничего понимать?

— Да тутъ, собственно, и понимать, кажется, нечего,—замѣтилъ Мансуровъ.

— Такъ я же вамъ скажу, господа, что̀ это значитъ: это первый ходъ Нила Кузьмича, который открываетъ имъ свою кампанію противъ насъ, и въ частности этимъ ходомъ онъ хотѣлъ насолить лично мнѣ.

VI.

Богомоловъ на этотъ разъ не ошибся: Нилушка дѣйствительно открылъ кампанію, которую и повелъ по всѣмъ правиламъ искусства. Покупка мансуровскихъ заводовъ Зостомъ была отпразднована очень широко на московскомъ заводѣ одного изъ его камрадовъ, который, какъ и старый Зостъ, выросъ изъ ничего: пріѣхалъ въ Москву изъ Германіи въ одной курточкѣ.

Это было настоящее торжество той партіи, къ которой примкнулъ Нилушка. Были тутъ и знаменитые братья заводчики Госсенбахъ, которые имѣли нѣсколько заводовъ на Уралѣ, въ Финляндіи и въ Сибири и забирали все новую силу, былъ нефтяной король Рейнахъ, были фабриканты Суттофъ, комиссіонеръ Мостихъ и еще много другихъ заграничныхъ камрадовъ. Изъ этой сплоченной и сильной капиталами массы рѣзко выдѣлялся посланный на московскую выставку американскими желѣзозаводчиками агентъ, мистеръ Бруксъ; это былъ типичный янки въ традиціонномъ цилиндрѣ, съ выбритою верхнею губой, съ козлиною бородкой, съ сигарой въ зубахъ и съ руками, засунутыми въ карманы панталонъ.

Гостей набралось человѣкъ шестьдесятъ, и хозяинъ завода сначала показалъ имъ все свое заведеніе, поставленное образцово по всѣмъ статьямъ до послѣднихъ мелочей, а потомъ уже собственно открылся самый пиръ въ длинной, роскошно меблированной готической залѣ. Когда всѣ размѣстились за длиннымъ столомъ, хозяинъ сказалъ первый спичъ въ честь виновника торжества, Зоста.

Десятки рукъ потянулись къ старому Зосту, и онъ не успѣвалъ отвѣчать на сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ поздравленія и рукопожатія.

Конецъ обѣда принялъ довольно некрасивый видъ, какъ это иногда случается въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ; ужасно ѣли, ужасно пили, ужасно кричали. Нилушка хотя и пилъ вмѣстѣ съ другими въ качествѣ ученаго друга, но чувствовалъ себя какъ-то не въ своей тарелкѣ и, улучивъ удобную минуту, незамѣтно удалился съ этого горланившаго торжества; съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и янки Бруксъ, которому очень понравился московскій ученый другъ, что̀ онъ и высказалъ съ чисто-американскою грубою откровенностью.

— Вы куда, профессоръ?—спрашивалъ Бруксъ, когда они очутились уже у „Лоскутной“.

— Во-первыхъ, я не профессоръ, а во-вторыхъ, мнѣ пора домой,—сонно отвѣтилъ Нилушка.

— Э, вздоръ, ѣдемъ куда-нибудь...

— Да куда?

— Въ „Эрмитажъ“... Отлично проведемъ вечеръ.

Нилушка постоялъ, подумалъ и поѣхалъ. Янки развеселился напропалую и болталъ всю дорогу до „Эрмитажа“. Нилушка опомнился только уже въ „Эрмитажѣ“, когда онъ сидѣлъ съ янки за отдѣльнымъ столикомъ подъ развѣсистою липой.

— Знаете, янки, я говорилъ противъ совѣсти...—откровенничалъ окончательно опьяпѣвшій Нилушка, мотая своею головой какъ-то по-телячьи.—Что мнѣ всѣ эти колбасники... а?.. Собственно говоря, хуже намъ не будетъ... промышленность мы двинемъ... да. А то нехорошо, что вмѣсто одного зла мы покупаемъ себѣ другое, можетъ-быть, еще горшее перваго...

— Именно?

— А вотъ...

Нилушка не окончилъ фразы, всталъ изъ-за стола и, пошатываясь, бросился догонять проходившую поодалекѣ парочку. Это былъ Теплоуховъ, гулявшій подъ руку съ Julie.

— Эй! Евстафій Платонычъ!—кричалъ Нилушка, продираясь сквозь толпу и толкая встрѣчныхъ.—Мнѣ необходимо сказать вамъ два слова... всего два слова.

Теплоуховъ повернулъ сморщенное и недовольное лицо и едва кивнулъ головой, но отъ пьянаго Нилушки трудно было отдѣлаться; онъ поздоровался съ Julie и пошелъ рядомъ.

— Мнѣ всего только два слова необходимо вамъ сказать...—повторялъ Нилушка заплетавшимся языкомъ. — Я сейчасъ только вернулся съ похоронъ...

Нилушка засмѣялся пьянымъ, совсѣмъ глупымъ смѣхомъ и качнулся въ сторону; Julie предчувствовала непріятную сцену и замѣтила:

— Не лучше ли, Нилъ Кузьмичъ, сказать ваши два слова завтра?

— Э, барышня, нельзя... очень важныя слова-то... да!.. Сами увидите...

Пошатываясь и улыбаясь, Нилушка довольно безсвязно разсказалъ объ обѣдѣ. Теплоуховъ молчалъ и только какъ-то весь вытянулся, какъ всегда дѣлалъ въ минуту волненія. Рука, на которую опиралась Julie, теперь задрожала и разогнулась разслабленнымъ движеніемъ.

— Вотъ и все!—проговорилъ Нилушка, начиная прощаться.—Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ на всякій случай, потому что не люблю этой игры въ темную... До свиданія, барышня.

— Домой...—слабо проговорилъ Теплоуховъ, когда Нилушка отошелъ.

— Тебѣ дурно?

— Да... Такъ, маленькая слабость. Это со мной бываетъ...

Julie стоило большого труда вывести шатавшагося Теплоухова изъ толпы и усадить въ экипажъ; публика приняла его за пьянаго и проводила насмѣшливыми улыбками и переглядываньемъ.

— Здорово кокнулъ баринъ-то!—замѣтилъ старикъ-купчикъ, когда коляска Теплоухова отъѣхала.—А изъ богатыхъ: вишь, какая коляска... Съ дочерью, надо полагать.

Всю дорогу Теплоуховъ лежалъ въ коляскѣ, откинувшись на стегапую спинку, и Julie съ ужасомъ чувствовала, какъ у ней на рукахъ холодѣетъ это безжизненное тѣло.

„Онъ умираетъ!“—мелькнуло у ней въ головѣ, и она инстинктивно отодвинулась въ свой уголъ.

Въ „Славянскій Базаръ“ Теплоуховъ былъ привезенъ въ безсознательномъ состояніи; его принесли въ номеръ на рукахъ. Поднялась обычная въ такихъ случаяхъ безтолковая суетня и суматоха; Julie послала за Богомоловымъ и за докторомъ и старалась привести въ чувство больного, спрыскивая его холодною водой. Явился докторъ, осмотрѣлъ больного, послушалъ пульсъ и только покачалъ головой.

— Что такое съ нимъ?—спрашивалъ шопотомъ Богомоловъ, наклонялся черезъ плечо доктора.

— Совсѣмъ безнадеженъ!—сухо отвѣтилъ старикъ-докторъ и какъ-то подозрительно осмотрѣлъ Julie съ ногъ до головы.—Очень странный случай, да...—замѣтилъ онъ точно про себя.

Черезъ полчаса безсознательной агоніи Теплоухова не стало. Изъ бокового кармана лѣтней визитки Теплоухова, когда его укладывали на диванъ, выпалъ какой-то футляръ изъ англійской кожи; Богомоловъ поднялъ его и раскрылъ: въ футлярѣ лежала маленькая серебряная спринцовка, какую употребляютъ для впрыскиванія, и флаконъ съ какою-то жидкостью.

— Вотъ посмотрите, что это такое?—показалъ Богомоловъ находку доктору.

— А... — протянулъ многозначительно докторъ. — Это—морфій... очень хорошо.

VII.

Неожиданная смерть Теплоухова прежде всего отразилась на положеніи Доганскаго, который сейчасъ же былъ устраненъ отъ занимаемаго имъ мѣста главноуполномоченнаго. Этимъ фактомъ его судьба рѣшилась окончательно, потому что Доганскій теперь потерялъ всякое значеніе въ томъ исключительномъ мірѣ дѣльцовъ, въ которомъ вращался до сихъ поръ. Прямыхъ наслѣдниковъ послѣ Теплоухова не осталось, но выплыли на свѣтъ Божій какіе-то дальніе родственники, которые и заявили свои права на громадное наслѣдство; были тутъ и двоюродные племянники, и внучатныя племянницы, и еще какіе-то сомнительные родственники, которые очень горячо вступились въ дѣло. Все имущество Теплоухова поступило въ опись, и такъ какъ вопросъ о наслѣдствѣ явился спорнымъ, то назначена была временная опека, которая, прежде всего, и дала отставку Доганскому.

— Сусанна, мнѣ нужно поговорить съ тобой серьезно!—заявилъ Доганскій женѣ, когда получилъ отставку.

Разговоръ происходилъ въ столовой за завтракомъ.

— Я слушаю,—лѣниво отвѣтила Сусанна, чувствовавшая себя не въ духѣ съ самаго утра.

— До сихъ поръ я не вмѣшивался въ твои личныя дѣла,—заговорилъ Доганскій, растягивая слова,—а теперь я долженъ тебя предупредить, что у насъ ничего нѣтъ, кромѣ долговъ. Необходимо принять нѣкоторыя мѣры... я говорю собственно о тебѣ. Ты нынче совсѣмъ не обращаешь вниманія на свою наружность... Впрочемъ, какъ знаешь.

Сусанна ничего не отвѣтила, а только вопросительно съежила плечи, да и что же ей было отвѣчать, когда она сама не знала, что ей дѣлать съ собой? Благодаря мальчишкѣ Зосту, вліятельные старички перестали бывать у Сусанны, а съ ними исчезло и ея вліяніе въ промышленномъ мірѣ. Да и знакомыхъ старыхъ никого не осталось: oncle поселился съ Бэтси въ Москвѣ, Julie жила пока у нихъ, Нилушка бывалъ рѣдко, а Богомоловъ не показывалъ носа со дня смерти Теплоухова. Кромѣ Чарльза Зоста, у Доганскихъ теперь бывалъ одинъ Цохадиловъ, который оставался на прежнемъ положеніи.

— Вы, кажется, хотите разыгрывать роль истиннаго друга, который остается вѣрнымъ даже въ несчастіи?—спрашивала его Сусанна однажды.

— Что же дѣлать, если такая моя судьба.

— Я на вашемъ мѣстѣ давно бросила бы все къ чорту... Охота вамъ впутываться въ чужія дѣла, особенно когда люди тонутъ у-всѣхъ на глазахъ.

Вы просто губите свою репутацію... Кстати, когда-то мы обѣщались быть откровенными: Юрій много беретъ у васъ денегъ?

— Нѣтъ... то-есть, кажется, раза два онъ занималъ по мелочамъ.

— Вотъ и лжете. Я знаю, что онъ начинаетъ васъ сосать. Такъ я васъ покорнѣйше прошу, не давайте ему ни гроша; это безполезно для насъ всѣхъ.

Хотя Сусанна говорила, по своему обыкновенію, очень рѣзко и въ ироническомъ тонѣ, но Покатиловъ почувствовалъ, что она разъ взглянула на него совсѣмъ иначе, какъ не смотрѣла никогда раньше, и этотъ взглядъ ожегъ его, какъ блеснувшій изъ-за тучъ лучъ солнца. Быть-можетъ, онъ ошибся, ему показалось, а въ дѣйствительности Сусанна смотрѣла на него какъ всегда. Всѣ эти вопросы и сомнѣнія мучили Покатилова неотступно нѣсколько дней, и онъ то смѣялся надъ собственною близорукостью, то впадалъ въ обычный холодно-иронический тонъ, но все это не мѣшало ему чувствовать себя счастливымъ какимъ-то безотчетнымъ счастьемъ, въ которомъ грезы и дѣйствительность перемѣшивались.

Доганскій дѣйствительно обратился къ Покатилову и съ немного циничною откровенностью объяснилъ безвыходное положеніе своихъ дѣлъ.

— Я этого такъ боялся,— повторялъ Доганскій, припоминая неожиданную смерть Теплоухова.—Но онъ еще догадался отправиться на тотъ свѣтъ въ самый неудобный моментъ... Я говорилъ съ Сусанной, но она, кажется, не желаетъ ничего понять. Это такой совершенно особенный характеръ, какъ вамъ не безызвѣстно... Вотъ что, Романъ Ипполитычъ, вы вѣдь давно любите Сусанну?

— Да... но странный вопросъ...

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, не обижайтесь; я человѣкъ безъ предразсудковъ и говорю вполнѣ откровенно. Дѣло въ томъ, что необходимо именно теперь поддержать ее, пока минуетъ критическое положеніе, а тамъ все уладится само собой... Мы будемъ вмѣстѣ заботиться о ней. Да?

— Къ вашимъ услугамъ, Юрій Петровичъ.

— Со временемъ я возвращу вамъ все, но теперь мнѣ необходима нѣкоторая поддержка. Надѣюсь, что мы понимаемъ другъ друга.

Новые друзья молча пожали руки другъ другу, и съ этого момента Доганскій безъ всякой церемоніи принялся черпать средства изъ кассы „Сѣвернаго Сіянія“, причемъ поставилъ дѣло такъ, что Покатиловъ же долженъ былъ просить его объ этомъ. Конечно, газета давала большія средства, но при своемъ безалаберномъ хозяйствѣ Покатиловъ едва сводилъ концы съ концами, а теперь уже пришлось лѣзть прямо въ долги, о чемъ никто не долженъ былъ знать, даже самъ Доганскій. Деньги шли на Сусанну, слѣдовательно не могло быть и разговора о томъ, какъ и гдѣ ихъ взять, лишь были бы деньги. Покатиловъ чувствовалъ себя положительно счастливымъ въ тѣ дни, когда вручалъ Доганскому солидные куши денегъ, точно выплачивалъ этимъ какой-то долгъ, давно лежавшій у него на душѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Сусанна помогла ему основать свою газету, а ужъ потомъ онъ понемногу разсчитался съ Теплоуховымъ. Правда, Доганскій тратилъ деньги Богъ знаетъ на ... купилъ пару новыхъ лошадей, принялся заново перестроивать дачу въ Павловскѣ, даже сдѣлалъ довольно крупное пожертвованіе въ одно благотворительное общество,—и все это дѣлалось на покатиловскія деньги, а самъ Покатиловъ не смѣлъ ничего замѣтить, потому что, значитъ, такъ нужно для Сусанны и не ему учить Доганскаго. Иногда, точно въ насмѣшку, Доганскій представлялъ счеты своихъ расходовъ, но Покатиловъ рвалъ ихъ, не глядя.

Въ самый разгаръ этихъ финансовыхъ операцій нагрянулъ Нилушка Чвоковъ, который послѣ выставки на полгода ѣздилъ по дѣламъ за границу и только-что вернулся оттуда; онъ, однако, успѣлъ пронюхать объ отношеніяхъ Доганскаго къ Покатилову и заявился съ самымъ негодующимъ видомъ.

— Вы тутъ всѣ съ ума сошли!—кричалъ Нилушка на Покатилова.—Ну, скажи на милость, на что это похоже? Доганскій, конечно, хорошъ самъ по себѣ, но онъ всегда былъ и останется такимъ, а ты-то какого дурака валяешь, а?.. Губить дѣло, губить себя, и все это изъ-за чего? Одна блажь дурацкая, потому что Доганскаго ужъ не намъ съ тобой спасать! Опомнись, ради Бога, вѣдь ты петлю надѣваешь себѣ на шею!.. Я еще понимаю, когда человѣкъ рискуетъ послѣднею копейкой съ опредѣленною цѣлью, а тутъ даже и цѣли никакой нѣтъ! Чортъ знаетъ, что̀ такое!

— Значитъ, не понимаешь ничего?—спрашивалъ Покатиловъ спокойно.

— Рѣшительно ничего не понимаю!

— Въ такомъ случаѣ лучше поговоримъ о болѣе понятныхъ предметахъ. Ну, какъ ты за границею пожилъ?

— Э!.. э!.. братику, не заговаривай зубовъ! Наплевать мнѣ на эти заграницы, а я пришелъ о дѣлѣ толковать! Я вчера видѣлъ твоихъ векселей тысячъ на пятьдесятъ, что̀ это значитъ?

— Это значитъ только то, что всякому ближе про себя знать.

— И смотрѣть, сложа руки, какъ другой тонетъ?

— И смотрѣть...

— Ну, въ такомъ случаѣ намъ съ тобой дѣйствительно не о чемъ толковать! Къ чужой кожѣ своего ума не пришьешь!

Друзья холодно разстались. Покатиловъ думалъ теперь о новыхъ займахъ, напрягая всѣ силы мозга, потому что деньги были нужны до зарѣза.

Капитанъ и Симонъ Денисычъ хотя ничего не говорили другъ другу, но отлично понимали, зачѣмъ повадился Доганскій къ нимъ въ редакцію; они возненавидѣли этого прогорѣвшаго дѣльца всею душой, но были совершенно безсильны противъ него. Они предчувствовали, какъ корабельныя крысы, что ихъ корабль далъ опасную течь и теперь идетъ ко дну. Оставалось выдерживать характеръ до конца и не подавать никому вида о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Друзья даже избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза, какъ измѣнники, и работали совершенно молча.

Иногда капитанъ заходилъ въ квартиру Мостовыхъ и просиживалъ здѣсь вечеръ за разными семейными разговорами. На столѣ кипитъ самоваръ, Калерія Ипполитовна съ Зинаидой Тихоновной ковыряютъ какую-нибудь дешевую работу, стаканы стынутъ на столѣ, а время идетъ да идетъ.

Однажды, когда зимнимъ вечеромъ вся компанія бесѣдовала самымъ мирнымъ образомъ, послышался звонокъ; горничная открыла дверь, и въ комнату вошелъ Покатиловъ.

— Меня, конечно, не ожидали,—заговорилъ онъ въ шутливомъ тонѣ, здороваясь съ сестрой.— ...лька, Богъ съ тобой, да ты совсѣмъ состарилась, а? Что̀ это съ тобой?

— Ахъ, перестань глупости говорить,—сконфузилась немного Калерія Ипполитовна, но сейчасъ поправилась и прибавила:—Ты такъ давно не бывалъ у насъ, что все тебѣ кажется въ темномъ цвѣтѣ.

— Да, года два, кажется, не былъ,—припоминалъ Покатиловъ, снимая перчатки; онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, очевидно, на пути куда-то.—Впрочемъ, меня трудно обвинять за недостатокъ родственныхъ чувствъ въ

этомъ случаѣ, потому что разъ—у меня все это время было по горло дѣла, а потомъ... Однимъ словомъ, ты меня, Леренька, прогнала тогда въ шею, когда я былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Но я не злопамятенъ, и если не былъ у тебя такъ долго, то совсѣмъ по другимъ причинамъ.

— Наши счеты съ тобой слишкомъ длинны, чтобы повторять ихъ,—проговорила Калерія Ипполитовна.—Хочешь чаю?

— Съ удовольствіемъ.

— Ты, кажется, куда-то ѣдешь?

— Да, по своимъ газетнымъ дѣламъ... Я вамъ, господа, не помѣшалъ?

— Нѣтъ, что вы, Романъ Ипполитычъ, помилуйте!—въ голосъ подхватили капитанъ и Симонъ Денисычъ.—Въ кои-то вѣки собрались.

— А вотъ вы такъ помолодѣли, Романъ Ипполитычъ,—раболѣпнымъ тономъ заговорила Зинаида Тихоновна, непреодолимо тяготѣвшая къ каждому успѣху.—Такой молодецъ, право.

— За меня замужъ пойдете?—спрашивалъ Покатиловъ, прихлебывая чай.—Кажется, вы когда-то были не совсѣмъ равнодушны ко мнѣ.

— Ахъ, какіе вы шутники, Романъ Ипполитычъ!—жеманно отвѣтила Зинаида Тихоновна, очень польщенная вниманіемъ такого большого барина, какимъ былъ въ ея глазахъ Покатиловъ.

Покатилова непріятно поразила обстановка квартиры Мостовыхъ и особенно совсѣмъ состарившаяся сестра, которой можно было теперь дать лѣтъ подъ шестьдесятъ, такъ она обрюзгла и посѣдѣла за послѣдніе три года. Въ номерѣ былъ тотъ особенный безпорядокъ, который является первымъ признакомъ разрушающагося семейнаго очага: разбросанныя вездѣ вещи, пыль на стѣнахъ, сборная чайная посуда, неряшливый костюмъ хозяйки и, главное, вездѣ чувство какой-то тяжелой безвыходной апатіи. Калерія Ипполитовна настолько опустилась, что даже не замѣтила впечатлѣнія, которое произвела на брата ея квартира.

Поболтавъ съ полчаса, Покатиловъ уѣхалъ. Въ комнатѣ долго стояло принужденное молчаніе, потому что каждый объяснялъ этотъ неожиданный визитъ по-своему. Капитанъ и Симонъ Денисычъ какъ-то испуганно переглянулись между собой, но ничего не сказали; Калерія Ипполитовна впала въ свое обычное апатичное состояніе и, кажется, думала совсѣмъ о другомъ.

— На своихъ лошадяхъ пріѣзжалъ,—заговорила неожиданно Зинаида Тихоновна.—Какъ же, и сани у него американскія, съ медвѣжьей полостью. Ужъ такой франтъ, такой франтъ...

Черезъ нѣсколько дней Покатиловъ повторилъ визитъ и уже просидѣлъ на этотъ разъ гораздо дольше; онъ съ намѣреніемъ выбралъ такое время, когда Симонъ Денисычъ былъ въ редакціи и Калерія Ипполитовна была дома одна. Поболтавъ о разныхъ разностяхъ, Покатиловъ съ необходимыми прелюдіями приступилъ къ настоящей цѣли своего посѣщенія.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ, Калерія, по очень важному дѣлу,—заговорилъ онъ съ напускною непринужденностью.—Ты, вѣроятно, уже догадываешься?

— За деньгами?

— Да.

Покатиловъ очень подробно описалъ блестящее положеніе своей газеты и случившійся кризисъ: смерть Теплоухова отразилась на изданіи тѣмъ, что нужно было разомъ выплатить большую сумму очутившемуся безъ дѣла Доганскому, который былъ участникомъ предпріятія вмѣстѣ съ Теплоуховымъ. Теперь недостаетъ какихъ-нибудь тридцати тысячъ, которыя онъ возвратитъ черезъ

полгода. Въ доказательство своихъ словъ Покатиловъ принялся высчитывать свои годовые доходы и расходы и вѣроятныя полученія отъ годовой подписки и розничной продажи. Калерія Ипполитовна выслушала его внимательно и только проговорила:

— Я посовѣтуюсь съ maman... Симонъ Денисычъ ничего не понимаетъ въ этихъ дѣлахъ.

Maman назвала Калерію Ипполитовну дурой, зачѣмъ она тревожитъ ее такими пустяками: дать Роману деньги—все равно, что бросить ихъ въ воду. Но именно такое мнѣніе maman повліяло на Калерію Ипполитовну совершенно въ обратную сторону, какъ часто случается съ такими родственными совѣтами. Да и дѣла „Сѣвернаго Сіянія“ были въ самомъ блестящемъ положеніи, о чемъ говорилъ весь Петербургъ, а это—самая хорошая гарантія, тѣмъ болѣе, что Романъ бралъ деньги подъ вексель съ десятью процентами въ годъ. Послѣднія деньги Мостовыхъ были взяты изъ банка и перешли въ руки Покатилова, а отъ него къ Доганскому, который разсовалъ ихъ въ двѣ недѣли съ небольшимъ.

— Ты, пожалуйста, не болтай объ этомъ никому,—предупреждалъ Покатиловъ сестру.—Пусть останется это между нами.

Калерія Ипполитовна дѣйствительно никому не говорила, даже Симону Денисычу, а тѣмъ болѣе Зинаидѣ Тихоновнѣ, которая тоже, видимо, что-то скрывала отъ Калеріи Ипполитовны.

— Послушай, Леренька, ты берегись Романа!—заговорилъ однажды Симонъ Денисычъ, вернувшись домой изъ редакціи не въ духѣ.

— А что такое случилось?

— Да такъ, собственно, пустяки... Романъ взялъ у Зинаиды Тихоновны пять тысячъ и оставилъ въ залогъ какой-то очень сомнительный вексель съ бланкомъ Доганскаго. Я подозрѣваю, что этотъ вексель—подложный, и Романъ жестоко можетъ поплатиться. Капитанъ это разсказываетъ.

Съ Калеріей Ипполитовной сдѣлалось дурно, но она никому не выдала своей тайны.

VIII.

Oncle нанималъ маленькую квартирку въ пять комнатъ на Поварской. Одна комната служила гостиной и пріемной, въ другой комнатѣ былъ кабинетъ oncl'я, третья была занята Бэтси, четвертая принадлежала Julie, а въ пятой помѣщалась дѣтская, въ которой уже нѣсколько мѣсяцевъ раздавался дѣтскій плачъ юнаго отпрыска возрождавшейся фамиліи Бередниковыхъ.

Послѣ смерти Теплоухова Julie осталась въ Москвѣ и жила у oncl'я. Въ Петербургѣ для нея было слишкомъ много тяжелыхъ воспоминаній, и она ни за что не соглашалась съѣздить туда даже затѣмъ, чтобы привести въ порядокъ свои финансовыя дѣла; денегъ у нея не было, но нужно было устроить остававшуюся квартиру. Это дѣло было, наконецъ, поручено Покатилову, который распродалъ лошадей, экипажи и вообще всю обстановку; эта реализація движимости дала небольшую сумму, единственное наслѣдство Julie послѣ Теплоухова.

Тихо и мирно катилась жизнь въ этихъ пяти комнатахъ, какъ она катится только въ Москвѣ. И Бэтси и Julie отдыхали душой.

— У насъ здѣсь просто киновія какая-то,—говорилъ иногда oncle, щеголявшій теперь въ бухарскомъ халатѣ и въ туфляхъ.

Единственнымъ развлеченіемъ, давшимъ тонъ всей жизни, являлся здѣсь Сергѣй Бередниковъ, который подъ именемъ „великаго человѣка“ наполнялъ

весь домъ: его маленькіе дѣтскіе недуги повергали весь домъ въ уныніе, а дѣтская улыбка заставляла всѣхъ смѣяться. Няни не было, а за ребенкомъ попеременно ухаживали то Бэтси, то Julie. Послѣдняя опять ходила въ своихъ темныхъ платьяхъ и, кажется, привязалась къ „великому человѣку“, какъ къ родному сыну.

Эта тишина неожиданно была нарушена почтальономъ, который принесъ утромъ письмо на имя Julie.

„Отъ кого бы это быть письму? — соображалъ вслухъ oncle, пока Julie торопливо разрывала конвертъ.—Ужъ не заболѣла ли Калерія?“

Julie въ это время успѣла пробѣжать толстый атласный листикъ почтовой бумаги и молча подала письмо oncl'ю, который тоже молча прочиталъ его и значительно поднялъ плечи. Письмо—вѣрнѣе, записка—было отъ Доганскаго, который писалъ Julie, что желаетъ ее видѣть по одному чрезвычайно важному дѣлу и проситъ назначить часъ и мѣсто.

— Я думаю, что лучше ничего не отвѣчать,—замѣтила Julie, поблѣднѣвъ.

— Гм!.. Необходимо подумать,—отвѣтилъ нерѣшительно oncle и еще разъ прочиталъ письмо.

Бэтси тоже должна была прочитать его и высказать свое мнѣніе. Составился семейный совѣтъ, который и порѣшилъ, что Julie назначитъ свиданіе Доганскому завтра утромъ въ квартирѣ oncl'я. Адресъ Доганскаго былъ московскій. Онъ остановился въ неизмѣнномъ „Славянскомъ Базарѣ“; отвѣтъ былъ отправленъ съ посыльнымъ.

Всѣ трое провели самую тревожную ночь и встали утромъ съ недовольными, измятыми лицами. Julie не прикоснулась къ своей чашкѣ чая и все поглядывала въ окно на улицу, гдѣ съ визгомъ катились по снѣгу извозчичьи сани. Что-то будетъ? Всѣ чувствовали, что ожидаетъ какая-то бѣда, но какая? Бэтси скоро ушла въ дѣтскую, oncle курилъ одну сигару за другой и широко вздыхалъ, какъ запаленный коренникъ.

Доганскій пріѣхалъ ровно въ одиннадцать часовъ и вошелъ въ комнату съ увѣреннымъ видомъ дѣлового человѣка; онъ коротко пожалъ руку Julie, обвелъ глазами маленькую пріемную и безъ всякихъ предисловій заговорилъ:

— Я привезъ вамъ, Julie, пренепріятное извѣстіе... Только вы не пугайтесь впередъ, а выслушайте внимательно. Повѣреннымъ отъ опеки надъ имуществомъ Теплоухова назначенъ, какъ вамъ извѣстно, нашъ хорошій общій знакомый Богомоловъ... гм... И этотъ г-нъ Богомоловъ поднимаетъ пренепріятное дѣло... да, дѣло объ отравленіи покойнаго Евстафія Платоныча.

— Какъ объ отравленіи?—вспыхнула Julie, вскакивая съ кресла, на которомъ сидѣла.—Не можетъ быть!

— Могу васъ увѣрить, къ сожалѣнію, что это такъ... Я имѣю самыя вѣрныя извѣстія. Дѣло уже поступило къ судебному слѣдователю, и я пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью именно предупредить васъ. Кромѣ дѣла объ отравленіи, тутъ еще поднимается вопросъ о некрасивой эксплоатаціи Евстафія Платоныча разными темными личностями, и Богомоловъ поставилъ своею задачею представить Евстафія Платоныча слабоумнымъ. Вообще загорается громадное скандальное дѣло, и завтра о немъ будетъ говорить весь Петербургъ.

У Julie предъ глазами завертѣлись красные круги, и она страшно поблѣднѣла; Доганскій бросился за водой и попалъ въ кабинетъ oncl'я, который подслушивалъ происходившій въ пріемной разговоръ у дверей.

— Ахъ, это ты!—удивился Доганскій. — Ради Бога, воды... Съ ней дурно!

Oncle стоялъ передъ Доганскимъ въ халатѣ и, кажется, ничего не понималъ; привезенное извѣстіе ошеломило его, какъ ударъ обуха по головѣ.

— Послушай, какъ же это, неужели всѣхъ насъ на скамью подсудимыхъ?— спрашивалъ oncle, ощупывая свою голову.

Доганскій махнулъ рукой и неистово принялся звонить колокольчикомъ, который схватилъ съ письменнаго стола; прибѣжала горничная и принесла графинъ съ водой. Когда Доганскій выбѣжалъ въ гостиную, около Julie стояла Бэтси и давала ей нюхать какой-то спиртъ.

— Ничего, все прошло,—старалась проговорить спокойно Julie, но голосъ у нея дрожалъ.

Oncle не могъ войти въ гостиную и принять участіе въ происходившей тяжелой сценѣ, потому что уткнулся своею сѣдою головой въ подушку и тихо всхлипывалъ.

— Позоръ!.. позоръ!.. позоръ!..—пересыпалось въ его головѣ это роковое слово, какъ камешекъ въ пустой бутылкѣ.—Всѣхъ посадятъ на скамью подсудимыхъ: и Julie, и Сусанну, и Покатилова, и Доганскаго, и меня, и Бэтси!.. позоръ!.. позоръ!..

— Успокойтесь, ради Бога!—умолялъ Доганскій, удерживая въ своихъ рукахъ холодную, какъ ледъ, руку Julie.—Конечно, непріятность очень крупная, но опасности никакой.

— Да, это относительно отравленія, а другіе въ чемъ обвиняются?

— Другіе... гм... Видите ли, при домовой описи имущества Евстафія Платоныча попали въ руки опеки какія-то компрометирующія всѣхъ насъ бумаги.

— А я тамъ есть?

— Да, но главнымъ образомъ скомпрометированы Сусанна и отчасти Покатиловъ. Вообще очень и очень некрасивая исторія.

— Спасибо, Бэтси, мнѣ теперь совсѣмъ хорошо,—говорила Julie.—Кажется, „великій человѣкъ“ тамъ плачетъ.

Бэтси поняла намекъ и вышла изъ комнаты. Доганскій ходилъ изъ угла въ уголъ, ожидая вопроса; онъ былъ все такой же сѣрый и безцвѣтный, какъ всегда, только ноги уже потеряли прежнюю гибкость и разгибались, какъ палки на шарнирахъ.

— Юрій Петровичъ, мнѣ хочется знать ваше мнѣніе, какъ быть въ этомъ случаѣ?—спросила Julie, опуская глаза.

— Мое мнѣніе?..—задумчиво повторилъ Доганскій фразу Julie.—Во всѣхъ дѣлахъ мое мнѣніе такое, что, во-первыхъ, никогда не поддаваться первому впечатлѣнію, которое всегда обманчиво, и, во-вторыхъ, ждать. Дѣло еще только начинается, и все зависитъ отъ тысячи всевозможныхъ случайностей

— Какъ все это гадко, гадко отъ начала до конца, а потомъ все это вытащатъ на судъ, будутъ копаться въ этой грязи!

— Да, но вѣдь вы обвиняетесь въ отравленіи, а это—нелѣпость!

— А позоръ?

Julie нервно заходила по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— А что Сусанна?—спросила она, останавливаясь передъ Доганскимъ.— Она все знаетъ?

— Да!

— Какъ же она отнеслась къ этому извѣстію? Да говорите же... фу, какой вы несносный человѣкъ!

— Сусанна, кажется, больше всего занята своими личными глупостями

отнеслась къ дѣлу равнодушно, даже и не равнодушно, а какъ-то апатично, на восточный манеръ. Это—невозможная женщина!

— Могу только позавидовать ей отъ души въ этомъ случаѣ! А вы? Вы что̀ думаете, Юрій Петровичъ, то-есть что̀ думаете о себѣ?

— Будемъ ждать...

IX.

Судебное слѣдствіе повелось своимъ порядкомъ, причемъ, конечно, привлечена была къ дѣлу масса свидѣтелей: и Чвоковъ, и Богомоловъ, и oncle, и Чарльзъ Зостъ, и прислуга, и капитанъ Пуховъ, и Мостовы, и Зинаида Тихоновна. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ особенно налегъ на Доганскаго и не давалъ ему покоя новыми допросами, передопросами и очными ставками. Oncle, Бэтси и Julie были вызваны въ Петербургъ.

— Охота изъ-за пустяковъ этакую возню подымать!—нѣсколько разъ точно про себя повторялъ Доганскій.

Онъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни, такъ же хорошо ѣлъ и пилъ, такъ же спалъ, такъ же былъ утонченно вѣжливъ съ женой, такъ же готовъ былъ разсказывать разные комичные случаи, если бы были слушатели.

Квартира Доганскихъ теперь точно была очерчена заколдованнымъ кругомъ, черезъ который не рѣшался никто переступить, за исключеніемъ Покатилова и изрѣдка появлявшагося Чарльза, который собирался уѣзжать въ Англію, гдѣ у него была уже приготовлена невѣста.

Разъ Покатиловъ особенно долго засидѣлся у Сусанны, а потомъ прошелъ въ кабинетъ къ Доганскому, но хозяина тамъ не было, и Покатиловъ отправился въ столовую. Переступивъ порогъ, Покатиловъ отшатнулся въ ужасѣ назадъ: на столѣ въ углу горѣла небольшая лампочка, а на полу лежала распростертая фигура Доганскаго. Покатиловъ наклонился къ нему, взялъ его за руку, но рука была холодная и упала на полъ мертвымъ движеніемъ, какъ разбитая параличомъ.

„Вотъ гдѣ секретъ твоей философіи!—подумалъ Покатиловъ, стараясь разглядѣть посинѣвшее лицо Доганскаго съ стиснутыми зубами.—Да, хорошо бываетъ иногда кончить именно „такъ“.

Къ удивленію Покатилова, извѣстіе о смерти мужа произвело на Сусанну самое потрясающее впечатлѣніе, и она ни за что не хотѣла войти въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, и даже заперлась въ своей спальнѣ, когда явились полиція, докторъ и слѣдователь.

— Что̀ это у него въ рукѣ?—спрашивалъ слѣдователь, указывая на судорожно сжатую лѣвую руку.

Руку разжали, и въ ней оказался медальонъ съ портретомъ Julie.

Доганскій отравилсяціанистымъ кали, что̀ было занесено въ протоколъ, а протоколъ былъ пріобщенъ къ дѣлу.

Въ день процесса подъѣздъ петербургскаго окружнаго суда былъ осажденъ тою спеціальною публикой, которую привлекаютъ громкія и скандальныя дѣла. Особенно много было дамъ. Въ залѣ суда, въ мѣстахъ для публики, происходила настоящая давка. На скамьѣ подсудимыхъ фигурировали трое: Сусанна, Julie и Покатиловъ. Всѣ глаза были прикованы къ этимъ тремъ фигурамъ, одѣтымъ въ черное. Сусанна и Julie старались не смотрѣть на публику и замѣтно волновались, особенно въ началѣ процесса. Покатиловъ держалъ себя совершенно

спокойно и время отъ времени разсматривалъ публику, гдѣ мелькало столько знакомыхъ лицъ.

— Вся улица собралась,—шепталъ онъ, обращаясь къ сидѣвшей неподвижно Сусаннѣ.

Самою интересною частью этого процесса явился допросъ свидѣтелей, прикосновенныхъ къ дѣлу тѣмъ или другимъ путемъ. Первымъ вызванъ былъ Симонъ Денисычъ. Онъ вышелъ сгорбленный, убитый, жалкій. Перекрестные допросы прокурора и защиты объ отношеніяхъ Доганскаго къ его женѣ и дочери покрыли его лицо смертною блѣдностью. Да, бѣдный старикъ только сейчасъ понялъ всю бездну позора, которая окружала его. Онъ какъ-то умоляюще оглянулся назадъ, на публику, потомъ на скамью подсудимыхъ, и наконецъ отказался давать отвѣты: онъ здѣсь потерялъ разомъ и жену и дочь. Калерія Ипполитовна выдержала характеръ и не поддалась на закидываемыя ей удочки. О Доганскомъ она говорила такимъ простымъ тономъ, какъ говорятъ о хорошихъ знакомыхъ. Капитанъ Пуховъ растерялся хуже Симона Денисыча и нѣсколько разъ принимался разсказывать о своей бухарочкѣ, несмотря на предупрежденіе предсѣдателя, что это къ дѣлу не относится. Свое показаніе капитанъ кончилъ защитой дочери.

Эти „отцы“ произвели на публику самое тяжелое впечатлѣніе. За ними слѣдовали самые важные свидѣтели—Богомоловъ и Чвоковъ, которые дали самыя нелѣпыя показанія, какія даются только умными людьми. Богомоловъ прямо началъ съ обвинительнаго тона. Особенно сильно нападалъ онъ на Сусанну и подарилъ публику массой самыхъ пикантныхъ подробностей интимной жизни Доганскихъ. Нилушка Чвоковъ съ своимъ обычнымъ апломбомъ тоже напалъ на Сусанну, стараясь этимъ окольнымъ путемъ возстановить собственную репутацію. Онъ даже впалъ въ нѣкоторое ожесточеніе и горячо высказалъ цѣлый рядъ нравственныхъ принциповъ, чтобы показать всю безнравственность нѣкоторыхъ людей.

— Іуда!..—шепталъ Покатиловъ, сжимая кулаки.

Послѣ этихъ свидѣтелей публику и самихъ подсудимыхъ насмѣшили oncle и Зинаида Тихоновна. Первый, бывая почти ежедневно у Сусанны и Julie, рѣшительно ничего не могъ сказать объ ихъ интимной жизни. Это ужасно возмутило прокурора, и онъ напалъ на oncl'я съ особеннымъ усердіемъ. Oncle кончилъ тѣмъ, что вмѣсто отвѣтовъ началъ глупо улыбаться и разводить руками. Зинаида Тихоновна съ причитаньями и слезами все время требовала свои кровныя пять тысячъ и никакъ не могла понять объясненій предсѣдателя, что объ этомъ будетъ другое дѣло, и тогда это выяснится. Мансуровъ былъ не лучше oncl'я, а Инна вызывала смѣхъ своими наивностями. Чарльзъ Зостъ былъ въ Англіи, гдѣ праздновалъ свою свадьбу.

Сусанна и Julie отказались отъ всякихъ объясненій, но Покатиловъ говорилъ много и постоянно дѣлалъ вопросы свидѣтелямъ, стараясь выгородить Сусанну. Онъ во многихъ случаяхъ жертвовалъ собой, чтобы спасти ее, хотя и сознавалъ полную безполезность этихъ героическихъ усилій. Сусанна переживала свой позоръ какъ-то безучастно, и у нея только чуть вздрагивала лѣвая бровь, когда произносилась фамилія Морозъ-Доганской. Эта аристократическая фамилія давила ее, какъ позорное клеймо.

Все громадное дѣло выплыло во всей своей некрасивой наготѣ. Вопросъ объ отравленіи Теплоухова сошелъ на нѣтъ самъ собой, и оправданіе Julie было внѣ всякаго сомнѣнія. Самую живую сенсацію въ публикѣ произвело чтеніе записной книжки Теплоухова, гдѣ день за днемъ велись всѣ его расходы.

Богомоловъ и Пилушка Чвоковъ только иллюстрировали разными бытовыми подробностями эти мертвыя цифры, причемъ Теплоуховъ выставлялся несчастною жертвой мошеннической эксплоатаціи. Было поставлено на видъ, что Сусанна эксплоатировала не одного Теплоухова, но вопросъ о таинственныхъ старичкахъ былъ замятъ, что она вообще составляла всю душу совершившихся преступленій, и что на одномъ концѣ этой преступной эпопеи лежатъ два трупа, а на другомъ—дѣло о подложномъ векселѣ, напрасно погубленная репутація молодой дѣвушки и готовый погибнуть молодой человѣкъ. Однимъ словомъ, вся тяжесть обвиненія сводилась исключительно на голову одной Сусанны. Она сама желала себѣ полнаго обвиненія, которое избавитъ ее навсегда вотъ отъ этихъ людей, наслаждающихся ея позоромъ.

Собственно судоговореніе не представляло ничего особеннаго, да и публика была уже сильно утомлена. Послѣднее слово говорилъ одинъ Покатиловъ и опять старался выгородить Сусанну. Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ Julie и Покатилову, а Сусанна была осуждена съ лишеніемъ правъ состоянія на ссылку не въ столь отдаленныя мѣста Сибири.

Черезъ мѣсяцъ разбиралось дѣло Покатилова о подложномъ векселѣ, при помощи котораго онъ выманилъ деньги у Зинаиды Тихоновны. На этотъ разъ его осудили. Сейчасъ послѣ этого въ тюремной церкви происходила интересная свадьба: арестантъ Покатиловъ вѣнчался съ арестанткой Морозъ-Доганской. Счастливая парочка отправилась праздновать свой медовый мѣсяцъ въ страну изгнанія.

„Да!.. ихъ, наконецъ, соединила скамья подсудимыхъ!"—задумчиво говорилъ иногда oncle, когда получалъ письма съ сибирскимъ штемпелемъ.

Капитанъ Пуховъ, Julie и Мостовы переѣхали въ Москву.

1886.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ.

Очерки и разсказы.

КТО ХУЖЕ?

I.

Какъ всегда, Куржаковъ вышелъ изъ своей дачи ровно въ восемь часовъ вечера. Цѣлый день онъ провелъ за работой и теперь былъ особенно доволенъ собой. Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни самое главное—выдержка характера, хотя романтики и клеймили это золотое качество простой аккуратностью,—глупое слово и больше ничего. Проходя по своему садику, Куржаковъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что грядка махровыхъ левкоевъ уже распустилась, и въ воздухѣ висѣла тонкая струя раздражающаго аромата. Пожалуй, и это можно назвать аккуратностью, т.-е. что каждый цвѣтокъ распускается въ опредѣленное время.

Дача Куржакова была маленькая, кое-какъ приспособленная къ дачному существованію изъ простой избы. Такихъ дачъ въ окрестностяхъ Петербурга очень много, и всѣ онѣ на одинъ покрой. Куржаковъ живетъ во второмъ Парголовѣ уже третье лѣто и самъ устроилъ свое гнѣздо: изба внутри оклеивалась каждую весну дешевенькими дачными обоями, простое крыльцо было превращено въ маленькую террасу, а кругомъ избы разбитъ хорошенькій цвѣтникъ. Послѣдній стоилъ, пожалуй, дороже всей дачи, но Куржаковъ любилъ цвѣты и позволялъ себѣ это удовольствіе, потому что околачивался именно во второмъ Парголовѣ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, какъ Павловскъ. Въ привилегированныхъ уголкахъ, облюбованныхъ богатой публикой, и дорого и шумно, а Куржаковъ еще только шелъ къ своей цѣли. Оставалось года два—и онъ тогда окончательно станетъ на ноги. Съ однимъ университетскимъ дипломомъ недалеко уплывешь, а вотъ когда будетъ имя, извѣстная популярность, тогда—другое дѣло. Всякое мѣщанство Куржаковъ ненавидѣлъ, какъ и свое родное чиновничество. Есть другая жизнь—жизнь избранныхъ, и онъ войдетъ въ этотъ заколдованный кругъ полноправнымъ членомъ.

— Если вамъ это нравится, то назовите меня, пожалуй, карьеристомъ,— проговорилъ вслухъ Куржаковъ, возражая неизвѣстному противнику.

Солнце уже стояло на горизонтѣ, красное, раздутое, потухающее. Подъ горой, гдѣ съ лязгомъ и тяжелымъ грохотомъ подходилъ теперь поѣздъ Финляндской желѣзной дороги къ маленькой промежуточной станціи, уже стояла настоящая петроградская сырость, а на горѣ, гдѣ въ два ряда раскинулись парголовскія дачки, было и тепло, и сухо, и свѣтло. Вечерній воздухъ уже пріобрѣталъ ту чуткость, которая пугаетъ нервныхъ людей. Надвинувъ свою лѣтнюю сѣрую шляпу на затылокъ, Куржаковъ шелъ мимо дачъ съ безпечнымъ видомъ гуляющаго человѣка. Хорошихъ дачъ было двѣ—три, а на остальныя

онъ посматривалъ съ презрѣніемъ. Развѣ можно такъ жить? Если онъ пока околачивается здѣсь, то вѣдь это только пока, и послѣ онъ будетъ самъ скрывать это обстоятельство. Только неизлѣчимое легкомысліе и безхарактерность могутъ помириться съ существованіемъ такого средняго человѣка, потому что у жизни нужно вырвать все, что она можетъ дать.

Навстрѣчу ему попалось нѣсколько дачницъ, гулявшихъ съ раскрытыми зонтиками. Онъ издали раскланялся съ одной черноглазой дѣвушкой, съ которой третьяго-дня танцовалъ на какомъ-то гуляньи съ благотворительной цѣлью. Что дѣлать, пока приходится довольствоваться такими дешевенькими мѣщанскими удовольствіями,—вѣдь онъ еще не начиналъ жить, а человѣческая природа заявляетъ свои права. Въ другомъ мѣстѣ, проходя мимо новенькой дачки, спрятавшейся за молодыми березками, онъ самъ замедлилъ шаги. На террасѣ мелькнуло бѣлое женское платье. Куржаковъ подошелъ къ рѣшеткѣ и проговорилъ:

— Добрый вечеръ, Елена Антоновна!

— Сегодня будете въ „Розѣ"?—спрашивалъ молодой голосъ.

Сама Елена Антоновна кокетливо спряталась за парусинной драпировкой, и Куржаковъ видѣлъ только бѣлую, точеную руку, которая придерживалась за косякъ террасы.

— Конечно, буду, если будете вы.

— Ахъ, какой вы, Леонидъ Васильичъ!

Послѣднія слова онъ не разслышалъ—они были покрыты дрожью такого молодого женскаго смѣха, отъ котораго у Леонида Васильича заходили круги предъ глазами. Онъ даже молодцовато тряхнулъ своей черноволосой головой [illegible] всей грудью, какъ дышится только въ двадцать пять лѣтъ. [illegible]ьный порывъ сейчасъ же и прошелъ; Куржаковъ даже устыдился [illegible]ности, и этой радости военнаго писарька, которому горничная [illegible]цаніе. Наконецъ, просто-напросто, его могъ замѣтить профессоръ [illegible], который жилъ напротивъ и съ которымъ онъ познакомился всего нѣсколько дней назадъ. Этотъ Нескучаевъ былъ премилый человѣкъ, и вдругъ онъ увидитъ его у рѣшетки дачи Елены Антоновны. Собственно говоря, неприличнаго въ этомъ ничего не было, но всякое амикошонство роняетъ человѣка въ чужихъ глазахъ.

— До свиданія!—уже сухо проговорилъ Куржаковъ, отходя отъ рѣшетки.

По пути онъ замѣтилъ, что и цвѣты въ садикѣ Елены Антоновны сильно помяты и даже не политы. Она очень любила цвѣты и умѣла за ними ухаживать, такъ что ея цвѣтникъ всегда былъ лучше, чѣмъ у него,—и цвѣты свѣжѣе, и распускаются раньше, и цвѣтутъ дольше. Эти цвѣты послужили и предлогомъ мимолетнаго дачнаго знакомства. А теперь они были забыты,—бѣлыя маргаритки лежали своими головками на землѣ, левкои свернулись. Такая небрежность непріятно подѣйствовала на Куржакова: женщина должна быть изящна въ самыхъ своихъ маленькихъ привычкахъ и прихотяхъ.

Елена Антоновна провожала его глазами до угла слѣдующей дачи, попрежнему прячась за маркизой. Почему она спряталась,—это и для нея самой оставалось неизвѣстнымъ. Голова была убрана, бѣлое лѣтнее платье безукоризненно, и вообще ничего такого, что слѣдовало бы прятать, тѣмъ болѣе, что она знала, когда Куржаковъ пойдетъ мимо, и даже поджидала его. Закинувъ свою бѣлокурую головку съ тяжелой косой, она печальными глазами проводила безукоризненнаго молодого человѣка, и, когда его бѣлая пара изъ китайскаго шелка скрылась за угломъ дачи, Елена Антоновна тяжело вздохнула.

— Настоящій комильфо!—проговорила за ея спиной подруга Елены Антоновны, пріѣзжавшая къ ней погостить.

— Ахъ! Какъ ты меня испугала, Шура!

II.

Свою вечернюю прогулку Куржаковъ сдѣлалъ съ обычной методичностью: прошелъ второе Парголово, потомъ третье и затѣмъ свернулъ къ Шуваловскому парку, гдѣ блестѣло небольшое озерко. Между Парголовыми и паркомъ кокетливо прятались въ садахъ и садикахъ уже настоящія дачи, и Леонидъ Васильичъ любилъ здѣсь гулять. Выйдетъ посидѣть за ворота дворникъ—такъ это ужъ настоящій дворникъ, подкатитъ экипажъ—тоже настоящій экипажъ, и вообще обстановка приличная, отъ какой онъ и самъ не отказался бы. Когда ему встрѣчался хорошій экипажъ, катившійся по грунтовой дорожкѣ съ эластическимъ трескомъ, онъ даже улыбался отъ удовольствія: вотъ это—жизнь! По пути онъ иногда соображалъ, какую дачку пріобрѣсти себѣ впослѣдствіи,—трактирно-русскій стиль уже намозолилъ всѣмъ глаза, и гораздо лучше англійскій типъ уютныхъ коттеджей, прятавшихся въ глубинѣ длинныхъ цвѣтниковъ.

Іюньская бѣлая ночь застала Куржакова въ паркѣ. Онъ долго сидѣлъ на скамеечкѣ, съ которой открывался видъ на озеро и дорожки. На озерѣ плавало нѣсколько лодокъ, по дорожкамъ бродила дачная публика. Избранные торопились уже по домамъ, избѣгая ночной сырости, а въ паркѣ оставались счастливыя парочки и любители уединенія, какъ онъ. Полная луна убрала весь лѣсъ своимъ переливавшимся серебромъ, мягкія пятна и блики фантастически мѣшались съ потемнѣвшей зеленью столѣтнихъ сосенъ; въ водѣ дрожала сверкающей зыбью широкая полоса луннаго свѣта. Неизвѣстный молодой голосъ доносился съ озера: онъ пѣлъ знакомую арію, въ которой страстными нотами звенѣла и тоска, и любовь, и что-то такое зовущее и неудовлетворенное. Прислушавшись, Куржаковъ опять вспомнилъ про Елену Антоновну: отчего бы вотъ такъ вдвоемъ съ ней не прокатиться по озеру? Въ немъ вдругъ проснулась жажда чего-то еще не испытаннаго, то безумное чувство, которое захватываетъ, какъ водоворотъ. Нужно пользоваться жизнью, а онъ все только еще ждетъ и готовится...

Подъ этимъ послѣднимъ впечатлѣніемъ Куржаковъ зашагалъ изъ парка къ второму Парголову, чтобы сдѣлать полный кругъ. Онъ быстро прошелъ мимо своей дачи, не освѣщенной ни однимъ огонькомъ, потомъ миновалъ дачу Елены Антоновны, гдѣ теплилось одно окно, и остановился только у загороднаго ресторана „Роза“, который стоялъ въ третьемъ Парголовѣ у подъема съ вокзала желѣзной дороги. Попалось нѣсколько кавалькадъ, возвращавшихся съ прогулки, дачная публика высыпала въ свои садики или бродила по улицѣ пестрой толпой; подъѣздъ „Розы“ былъ освѣщенъ бумажными фонарями. На заборѣ ресторанаго садика Куржаковъ прочиталъ еще разъ знакомую афишу готовившагося дачными любителями спектакля. „Роза“, собственно говоря, былъ дрянной ресторанъ, вѣрнѣе, трактиръ, но въ него привлекала невзыскательную дачную публику танцовальная зала, а потомъ садъ съ отдѣльными бесѣдками. Чопорная публика сюда не заглядывала, и Куржаковъ, если бывалъ, то не заводилъ знакомства съ трактирными завсегдатаями и держался въ сторонѣ.

Теперь онъ прошелъ прямо въ одну изъ бесѣдокъ и велѣлъ лакею подать стаканъ чая. Отдохнуть здѣсь всегда такъ удобно: кругомъ зелень, которая глядитъ на васъ красными глазами садовыхъ фонарей-шаровъ, изъ залы доносятся звуки штраусовскаго вальса, а въ ближайшей бесѣдкѣ кто-то такъ звонко и хорошо смѣется. Конечно, все это устроено на мѣщанскую руку, но

вѣдь дачники могутъ себѣ позволить эти деревенскія дешевенькія развлеченія, особенно у кого есть скучающія барышни и танцующіе молодые люди.

— Кто въ залѣ?—коротко спросилъ Куржаковъ, когда лакей подалъ чай.

— А такъ-съ... интенданты съ барышней, двое газетчиковъ, студенты, кампанія изъ Петербурга.

Лакей взмахнулъ салфеткой и почтительно улыбнулся,—онъ зналъ, кого было нужно барину, и что Елена Антоновна еще „не пришли-съ“. Куржаковъ въ его лакейской систематикѣ былъ отнесенъ въ разрядъ чистой публики, съ которой особое обращеніе.

Стаканъ былъ выпитъ вполовину, когда вальсъ кончился и публика изъ залы направилась въ садъ. На освѣщенномъ экранѣ широко распахнутой стеклянной двери замелькали темные силуэты мужскихъ и женскихъ фигуръ. Въ аллеѣ зашуршали легкіе шаги. Проходившія парочки безцеремонно заглядывали въ бесѣдку, гдѣ сидѣлъ Куржаковъ, на мгновеніе прекращали болтовню и шли дальше.

— А!.. Вы вотъ куда спрятались?—послышался знакомый голосъ, заставившій Куржакова вздрогнуть.—Шура, теперь ты свободна... Кстати, вы не знакомы?..

— Нѣтъ, мы уже были представлены, но Александра Семеновна не обращаетъ на меня никакого вниманія,—пошутилъ Куржаковъ, протягивая руку черноволосой дѣвушкѣ съ бойкими карими глазами.

— Вы сами не хотите меня узнавать и даже не кланяетесь!—жаловалась Шура, нехотя протягивая свою руку.—Я ухожу, Елена... „онъ“ меня ждетъ!

— Иди, иди!..

Елена Антоновна показалась Куржакову сегодня особенно эффектной, хотя она пришла въ своемъ обычномъ барежевомъ платьѣ съ голубой шелковой отдѣлкой и въ лѣтней соломенной шляпѣ съ широко отогнутымъ полемъ. На одной рукѣ болталась лѣтняя накидка изъ суроваго шелка; маленькія мягкія руки въ голубыхъ шелковыхъ перчаткахъ казались больше.

— Я сегодня пришла одна,—заговорила Елена Антоновна, усаживаясь безъ приглашенія за столъ напротивъ Куржакова.—Петрусь уѣхалъ въ городъ и вернется, вѣроятно, съ послѣднимъ поѣздомъ. Если бы не Шура, мнѣ не съ кѣмъ было бы войти въ садъ.

— Отчего вы мнѣ давеча этого не сказали?

Елена Антоновна какъ-то въ упоръ посмотрѣла въ лицо Куржакову и опустила глаза. Лицо у ней было неправильное, съ длиннымъ оваломъ, но зато оно освѣщалось парой такихъ прелестныхъ сѣрыхъ глазъ, ротъ былъ такой свѣжій, и, когда она улыбалась, изъ-за розовыхъ, еще пухлыхъ по-дѣтски губъ показывались два ряда прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ. Какъ у всѣхъ блондинокъ, цвѣтъ лица поражалъ своей молочной бѣлизной, и его портили только крошечныя веснушки, выступавшія у переносицы. Небольшой бѣлый лобъ прятался подъ шелковистыми прядями какихъ-то дѣтскихъ кудряжекъ. Куржаковъ вообще любилъ бѣлокурыхъ женщинъ и теперь даже полюбовался Еленой Антоновной; красавицей ее назвать было нельзя, но иногда она своей дѣтской красотой казалась ему удивительно хорошенькой. Прибавьте къ этому, что она умѣла одѣваться и держала себя съ тѣмъ тактомъ, какъ умѣютъ держать себя женщины только изъ хорошаго общества.

— Могу вамъ предложить чаю?—спрашивалъ Куржаковъ, переживая пріятное волненіе въ этомъ tête-à-tête съ хорошенькой женщиной.

— Нѣтъ, благодарю,—отвѣтила она, точно просыпаясь отъ какой-то надоѣдливой мысли.—А впрочемъ, пожалуй!

Когда она опять посмотрѣла на Куржакова своими дѣтскими глазами, онъ замѣтилъ, что у ней надъ лѣвой бровью крошечное родимое пятно, въ родѣ тѣхъ мушекъ, какія наклеивали себѣ дамы въ прошломъ столѣтіи. И Елена Антоновна славная такая, и родинка миленькая...

III.

— Пойдемте въ залу!..—предлагала Елена Антоновна, отодвигая свою чашку.

— Идемте!..

Она сама подала Куржакову свою теплую голубую ручку и крѣпко оперлась на его выгнутый кренделемъ локоть, такъ что при каждомъ шагѣ ихъ плечи сталкивались. Онъ замѣтилъ, что она такъ граціозно раскачивалась на ходу, и съ удовольствіемъ почувствовалъ чисто-женскую теплоту крѣпко державшейся за него руки. Такъ они шли еще въ первый разъ, можетъ-быть, потому, что Петрусь въ городѣ и они одни. Эта невольная мысль пріятно пощекотала самолюбіе Куржакова, и онъ гордо выпрямился, когда вмѣстѣ съ дамой сталъ подниматься по широкому деревянному крыльцу въ залу. Впрочемъ, можетъ-быть, этимъ путемъ она хотѣла избавиться отъ нечаяннаго tête-à-tête въ бесѣдкѣ и предложила свою руку въ награду за деликатность вообще.

Въ залѣ они заняли самый дальній столикъ. Публики было человѣкъ пятнадцать. Куржаковъ издали раскланялся съ однимъ студентомъ и знакомымъ интендантскимъ чиновникомъ. Въ глубинѣ залы, на деревянной эстрадѣ стоялъ разбитый рояль, и вѣчно подгулявшій таперъ барабанилъ какую-то жестокую польку. По залѣ кружились двѣ пары, вызывая замѣчанія и улыбки размѣстившейся за двумя столами „компаніи изъ Петербурга". Шура танцовала со студентомъ и, дѣлая туръ мимо Елены Антоновны, улыбалась ей счастливой улыбкой. Потомъ студентъ танцующимъ шагомъ подлетѣлъ къ Еленѣ Антоновнѣ. Она мелькомъ взглянула на Куржакова, лѣниво улыбнулась и молча подала свою руку кавалеру. Куржаковъ понялъ, что ему не слѣдовало уступать своихъ обязанностей бойкому студентику, и нетерпѣливо сталъ слѣдить за кружившейся по залѣ парой. Елена Антоновна танцовала совсѣмъ недурно, съ граціей восемнадцатилѣтней дѣвушки. Тяжелая бѣлокурая коса такъ и трепалась у ней на спинѣ, а изъ-подъ платья красиво мелкали носки маленькихъ голубыхъ ботинокъ.

— Нѣтъ, я больше ужъ не уступлю васъ никому!—заявлялъ Куржаковъ, когда Елена Антоновна, раскраснѣвшаяся и съ полуоткрытымъ ртомъ, заняла свое мѣсто у его столика.

— Сами виноваты, — прошептала она, ласково блестя потемнѣвшими глазами.—Мнѣ не хотѣлось...

Она не докончила фразы, закрыла глаза и засмѣялась. Отъ движенія ея вѣера на Куржакова пахнуло модными духами *foin coupé*. Онъ сейчасъ только замѣтилъ приколотую на груди Елены Антоновны бутоньерку съ кустикомъ бѣлыхъ маргаритокъ и почувствовалъ себя такъ весело. Право, какая миленькая эта Елена Антоновна, а Петрусь въ городѣ—не нужно терять дорогого времени.

Вальсируя со своей дамой, Куржаковъ прошепталъ маленькому розовому ушку:

— Одна маргаритка моя—на память о сегодняшнемъ вечерѣ...—Всего одна маргаритка!..

Она вмѣсто отвѣта прижалась къ нему, и маленькая голубая ручка крѣпко сжала его руку. Красивое лицо Куржакова раскраснѣлось отъ дви-

женія, а въ глазахъ летѣло все кругомъ—стѣны залы, эстрада съ роялемъ, стеклянная дверь въ садъ, Шура со своимъ студентомъ. Онъ танцовалъ съ увлеченіемъ, какъ никогда, и ему начинало казаться, что Елена Антоновна совсѣмъ другая женщина, а не та, какую онъ зналъ до сихъ поръ, что онъ такъ давно знакомъ съ ней, и воображеніе договаривало остальное: въ вихрѣ вальса онъ видѣлъ маленькую дачку съ березовымъ садикомъ, задрапированную нарядной террасу, полуосвѣщенное окно и ее, Елену Антоновну, въ бѣломъ пеньюарѣ и съ разсыпавшимися по плечу бѣлокурыми волосами. А главное—этотъ дуракъ Петрусь въ городѣ, слѣдовательно... Его вдругъ охватилъ чувственный порывъ—и онъ крѣпко обнялъ талію своей дамы.

— Довольно... я не могу... —прошептала она, какъ-то вдругъ распускаясь въ его рукахъ въ серединѣ тура, такъ что онъ долженъ былъ довести ее до мѣста.—Здѣсь душно... на воздухъ!

Слѣдившій за ними лакей выжидающе остановился на крыльцѣ, когда они выходили изъ зала.

— Бутылку лимонада и двѣ рюмки коньяку...—шепнулъ ему Куржаковъ на ходу и, обернувшись, прибавилъ:—туда... въ бесѣдку...

Лакей почтительно осклабился и зашагалъ своей развинченной лакейской походкой къ буфету: чистые господа всегда такъ дѣлаютъ... по-благородному, а не то, чтобы спросить прямо графинъ водки.

Она тяжело дышала и машинально обмахивала пылавшее лицо вѣеромъ. Садъ былъ опутанъ бѣлесоватой мглой, и на нихъ глядѣли зеленые и красные фонари, какъ фантастическіе свѣтляки. Отъ схватившаго Куржакова волненія у него пересохло въ горлѣ, и сердце усиленно билось... Послѣдній поѣздъ приходитъ въ двѣнадцать часовъ, а сейчасъ только десять. Каждая минута дорога... Отсюда незамѣтно можно пройти на дачу къ ней, а то даже въ паркъ, и такъ же незамѣтно вернуться. Въ его головѣ мелькнула давешняя картина засыпавшаго озера, и онъ уже видѣлъ себя въ лодкѣ вмѣстѣ съ Еленой Антоновной,—вѣдь она здѣсь, почти въ его рукахъ. Отчего не позволить себѣ маленькій дачный романъ, который забывается героями и героинями при возвращеніи въ городъ, и притомъ это рѣшительно ни къ чему не обязываетъ. Схватить ее, горячо-горячо обнять и расцѣловать все лицо, волосы, шею, розовыя уши и этотъ полураскрытый, точно просящій поцѣлуя ротикъ... Предъ ними цѣлыхъ два часа свободнаго времени, а она такая умненькая и ласковая—не будетъ надоѣдать, какъ другія женщины, и единственнымъ результатомъ всего приключенія останется какая-нибудь засохшая маргаритка.

— Не правда ли, какая прекрасная ночь?—заговорилъ Куржаковъ, наклоняясь къ ея лицу.

— Да... бѣлая ночь...—отвѣтила она какимъ-то притихшимъ голосомъ.—Когда я была молода...

Не докончивъ фразы, она опустила голову и грустно засмѣялась.

— Когда вы были молоды?..—повторилъ реплику Куржаковъ.

— А такъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ, Леонидъ Васильичъ?

— Нескромный вопросъ... Впрочемъ, время вамъ не страшно. Могу вамъ дать двадцать четыре года.

— Нѣтъ, всего двадцать два... Да, когда я была молода, я очень любила такія бѣлыя ночи...

— А теперь?

Она едва замѣтно отодвинулась отъ него и, послѣ короткой паузы, совершенно другимъ тономъ спросила:

— Вы думаете, что мнѣ очень весело сегодня?.. Я танцую, улыбаюсь,

болтаю съ вами глупости, а у самой адъ на душѣ... Васъ я совсѣмъ не знаю, но у женщинъ есть чутье, которое ихъ не обманываетъ: вы порядочный человѣкъ, и вамъ я могу сказать все... Да, все, все, потому что во мнѣ изболѣла вся душа... и я... я...

Въ ея голосѣ вдругъ послышались подступавшія къ горлу слезы, и Куржаковъ проговорилъ:

— Вамъ нужно освѣжиться, Елена Антоновна... Вы взволнованы...

— Ахъ, не то...—какъ-то простонала она.—Вы меня не понимаете...

IV.

Мимо нихъ пробѣжалъ лакей съ лимонадомъ и, какъ зайцы, юркнулъ въ бесѣдку, гдѣ пили чай. Но теперь эта угодливость взбѣсила Куржакова: давешняго розоваго настроенія какъ не бывало, и онъ предчувствовалъ какое-то непріятное объясненіе. Вотъ наткнулся-то, а тотъ дуракъ бѣжитъ сломя голову съ копьякомъ... У Куржакова даже мелькнула малодушная мысль, что, можетъ-быть, Петрусь сюрпризомъ пріѣдетъ съ десятичасовымъ поѣздомъ и выручитъ его изъ неловкаго положенія.

Но она ничего не хотѣла замѣчать и, плотно прижавшись своимъ плечомъ къ его плечу, говорила и говорила, какъ говорятъ люди, сорвавшіеся со своего винта.

— Вѣдь мнѣ всего двадцать два года... я жить хочу...—шептала Елена Антоновна, глотая слезы.—Нѣтъ, я устала жить... Вы, можетъ-быть, читали дѣло Макаруевыхъ?

— Да... бракоразводный процессъ?..

— Да... Такъ я и есть m-me Макаруева, а сейчасъ ношу свою дѣвичью фамилію: Погодина. Боже мой, сколько грязи, униженія вынесла я, прежде чѣмъ вырвалась на волю... да, на волю!

Послѣднюю фразу она произнесла съ особеннымъ удареніемъ и опять грустно засмѣялась. Куржаковъ положительно онѣмѣлъ и не находилъ, что сказать, а она принимала это за молчаливое сочувствіе ея двадцатидвухлѣтнему горю... Онъ, искавшій въ ней матеріалъ для легкой дачной интрижки, наткнулся на раздирательную семейную драму. Этого только недоставало... Да, онъ помнилъ это дѣло Макаруевыхъ: богатый старикъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, долго мучилъ ее своей ревностью, а потомъ начались побои, грязныя сцены, лжесвидѣтели, оргіи. Все это потомъ было вытащено на скамью подсудимыхъ, а отсюда дѣло разлетѣлось по всей Россіи, благодаря прессѣ. Онъ припомнилъ, какъ тогда возмутила его дикая семейная обстановка несчастной молодой жертвы и какъ онъ жалѣлъ ее, а теперь она идетъ съ нимъ подъ-руку.

— Да, я читалъ... помню...—виновато бормоталъ онъ.—Самая грустная картина...

— Но подумали ли вы, какой нечеловѣческой энергіи стоило мнѣ вырваться на волю изъ этого ада?—повторяла Елена Антоновна, продолжая размахивать вѣеромъ.—Я опомнилась только за дверями суда... Меня поздравляли... сдѣлали овацію, впереди была новая жизнь...

Куржаковъ облегченно вздохнулъ:—„Какая-нибудь семейная исторія—и только. Повздорили съ Петрусемъ, и пошла писать губернія, а теперь дамочка ищетъ посторонняго утѣшенія,—нѣтъ, благодарю покорно, не на того напали, Елена Антоновна!“ Онъ именно этими словами и подумалъ, отыскивая глазами Шуру, гулявшую со своимъ студентомъ,—хоть бы ей сдать на руки свою расчувствовавшуюся даму. Конечно, моментъ оставался по-своему удобнымъ—сочувствовать, утѣшать, гипнотизировать тѣми жалкими слезами, какія

такъ любятъ огорченныя женщины, и кончить парковъ или легкой прогулкой къ себѣ на дачу. Вопросъ усложнялся только тѣмъ, что Елена Антоновна могла выгнать Петруся, и тогда извольте съ ней возиться, — нѣтъ, чортъ возьми, гдѣ у него глаза были?.. Эта не изъ такихъ, которыя клюютъ радости жизни по зернышку,—привяжется, такъ не радъ будешь. И потомъ, каковъ темпераментъ—слезы, драматическій шопотъ, нервы... Вообще, какъ-нибудь сбыть ее съ рукъ, и тому дѣлу конецъ, а въ двѣнадцать часовъ подъѣдетъ Петрусь. У него въ головѣ мелькнула даже мысль: ужъ не подманиваетъ ли его Елена Антоновна на удочку сочувствія? Мало ли что бываетъ. Есть очень ловкія особы, да онъ-то не изъ такихъ... Да-съ.

— И когда ни одной души кругомъ... когда пустота душитъ...—задыхавшимся голосомъ говорила Елена Антоновна.—Вѣдь это ужасно... жить страшно!..

„Такъ, такъ... эге, вонъ куда пошло дѣло!.. — повторялъ Куржаковъ про себя, задерживая шаги.—Нѣтъ, голубушка, мы не годимся для трагическихъ ролей...“

А бѣлая ночь попрежнему хороша, попрежнему фантастическія тѣни бродили въ темной листвѣ, и попрежнему захватывающей волной лились звуки штраусовскаго вальса.

— Я вамъ надоѣла?—неожиданно спросила Елена Антоновна, и въ топъ ея голоса прозвучала нотка какого-то дѣтскаго страха.—Впрочемъ, какое кому дѣло до чужого горя... Вы молоды, независимы... ваша жизнь впереди...

— Нѣтъ, помилуйте, Елена Антоновна... Я вхожу въ ваше положеніе и... и...

Онъ опять бормоталъ что-то жалкое и несвязное, подбирая слова, какъ попавшійся школьникъ.

— Значитъ, я не ошиблась въ васъ... благодарю.

„Тьфу... Вотъ чортова баба навязалась!“—уже со злостью думалъ Куржаковъ.

— Послѣ развода съ мужемъ я жила цѣлый годъ одна...—продолжала Елена Антоновна, слишкомъ занятая своимъ горемъ, чтобы замѣчать настроеніе своего кавалера.—А потомъ познакомилась съ Петрусемъ... Онъ такой веселый и, какъ мнѣ казалось, добрый. Мы часто встрѣчались у разныхъ знакомыхъ, а потомъ сошлись... У меня оставались свои маленькія средства, и я открыла модную мастерскую. Петрусь служилъ на желѣзной дорогѣ... А потомъ онъ все бросилъ и переѣхалъ ко мнѣ. Такъ можетъ сдѣлать только послѣдній человѣкъ: жить трудомъ жены... Но этого мало: Петрусь началъ кутить, сошелся съ одной швейкой... о, всего не перескажешь! И все это дѣлалось и дѣлается на моихъ глазахъ... Иногда дѣлалось нарочно, чтобы оскорбить меня. За что? Что я такое сдѣлала? Я, которая всегда искала только своего тихаго семейнаго угла, я, которая готова была отдать все за любимаго человѣка, я, которая умѣла все простить за одно ласковое слово,—я должна видѣть кругомъ только развратъ, пьянство, безобразіе и оскорбленія... Вотъ и сейчасъ, что это за жизнь на дачѣ: переѣхала отдохнуть, успокоиться, а вмѣсто того... Вы думаете, Петрусь пріѣдетъ съ послѣднимъ поѣздомъ, какъ обѣщалъ?

— Навѣрно пріѣдетъ, увѣряю васъ...

Она горько засмѣялась и махнула рукой.

— О, нѣтъ... Онъ вернется только къ утру и какъ всегда—пьяный. Пріѣдетъ на извозчикѣ и потребуетъ денегъ... Денегъ у меня нѣтъ, и онъ подниметъ скандалъ. Крикъ, ругань, неприличныя слова... Стыдно сосѣдей, а дѣваться некуда. Я боюсь, когда все кончится здѣсь въ „Розѣ“ и придется итти домой, чтобы цѣлую ночь ждать... Каждый стукъ колеса заставляетъ вздрагивать, каждый шорохъ... А вѣдь я хорошая женщина: скромная, тру-

дящаяся, любящая... Господи, и такой адъ въ двадцать два года!.. Леонидъ Васильевичъ, пожалѣйте хоть вы меня... я жить хочу... я такъ молода...

Она глухо зарыдала, закрывъ лицо вѣеромъ. Эта изящная женская фигурка, которою Куржаковъ такъ любовался, теперь вздрагивала и сгибалась подъ тяжестью горя. Но что же онъ-то могъ сдѣлать?.. У нихъ идетъ скандалъ, а онъ-то при чемъ тутъ?.. Вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла онъ совсѣмъ не охотникъ. Эта жестокая мысль пронеслась въ головѣ Куржакова такъ же быстро, какъ лѣтними вечерами въ воздухѣ надъ самой вашей головой проносится ночная птица. У Куржакова явилось какое-то злое и нехорошее чувство.

V.

Ресторанъ „Роза" закрывался около двухъ часовъ, и Куржакову пришлось дежурить до конца. Съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ теперь двѣнадцатичасового петербургскаго поѣзда. Изъ залы слышенъ былъ свистокъ. Съ поѣзда пришли въ ресторанъ двѣ новыхъ пары, а Петруся не было.

— Я говорила вамъ...—печально замѣтила Елена Антоновна.—Онъ будетъ утромъ... о, Боже мой, Боже!..

Она какъ-то вся притихла, осунулась и точно сдѣлалась ниже. Куржакову казалось, что эта была совсѣмъ другая женщина и даже совсѣмъ некрасивая. Подъ глазами выступила синева, губы замеклись, воротничокъ на шеѣ съѣхалъ на-бокъ, волосы сбились въ какія-то мочалки. Издали ее можно было принять за немного подгулявшую женщину, и только глаза, эти дѣтскіе, говорившіе глаза смотрѣли съ небывалымъ лихорадочнымъ блескомъ. Востроносая Шура была и красивѣе и лучше, и Куржаковъ удивился, какъ не замѣчалъ этого раньше, хотя видалъ эту Шуру десятки разъ. Вообще, онъ испытывалъ цѣлый рядъ непріятныхъ ощущеній и старался не смотрѣть на свою даму.

— Я вамъ надоѣла...—шептала Елена Антоновна, кусая губы.—Вамъ скучно со мной... ахъ, прежде я была такая веселая!..

Чтобы выдержать свою роль до конца, Куржаковъ принялся что-то разсказывать про себя,—о другихъ онъ не любилъ говорить, какъ всѣ эгоисты и сдержанные люди. Во-первыхъ, нужно же было что-нибудь говорить, а во-вторыхъ—необходимо было отплатить откровенностью за откровенность. Онъ родился на югѣ, кончилъ университетъ въ Петербургѣ и теперь готовился къ диссертаціи. Собственно, дѣло не въ диссертаціи, а въ извѣстномъ имени, въ репутаціи. У него есть кое-какія связи, и нужно ихъ поддерживать, хотя это иногда и скучно. Средства у него крайне ограниченныя, но онъ нетребовательный человѣкъ. Елена Антоновна внимательно слушала его съ широко раскрытыми глазами и по временамъ нервно вздрагивала, какъ долго капризничавшія дѣти. Она ловила только внѣшній звукъ, механическое сочетаніе словъ, а смыслъ исчезалъ.

— Не сходить ли намъ на минутку домой?—проговорила Шура, подходя къ столику подъ-руку со своимъ кавалеромъ.

— Ахъ, пора... да, пора...—испугалась Елена Антоновна, поднимаясь съ мѣста.—Леонидъ Васильевичъ, позвольте васъ поблагодарить...

Куржаковъ предложилъ ей руку, чтобы проводить до дачи. Огни въ залѣ догорали, въ саду слабо мигали всего два фонаря, гдѣ-то методически стучали бильярдные шары, пьяный таперъ спалъ на стулѣ, свѣсивъ красную, грязную руку. Въ залѣ оставалось всего человѣкъ пять.

— Идемте...—повторилъ Куржаковъ, сдерживая невольную радость.

Елена Антоновна подала ему свою руку, но эта маленькая голубая ручка лежала теперь на его рукѣ, какъ мертвая. Выходя изъ залы, Куржаковъ подумалъ, что вѣдь могъ выйти цѣлый скандалъ, если бы Елена Антоновна грохнулась въ обморокъ или разыграла легкую истерику. Дѣло клонилось уже къ тому, и Куржаковъ заставилъ ее выпить лимонадъ съ рюмкой коньяку. Она машинально глотала искрившуюся влагу и подъ конецъ поперхнулась — это вышло очень неизящно, особенно когда Елена Антоновна закашлялась, схватившись за грудь. По лицу у ней бѣжали дѣтскія слезы, шляпа сбилась на бокъ. Въ довершеніе всего, она забыла зонтикъ въ залѣ, и Куржакову пришлось вернуться за нимъ.

— Проклятыя бабы... — бранился онъ, стараясь не глядѣть на совавшагося передъ нимъ лакея. — И тотъ дуракъ, кто съ ними связывается.

Лакей проводилъ глазами „настоящаго барина" и покачалъ головой, — онъ тоже обвинялъ барыню, потому что не получилъ сегодня обычнаго „на чаекъ".

А какая прекрасная ночь стояла тамъ, на улицѣ. Все потонуло въ серебристомъ туманѣ, и небо искрилось и горѣло фосфорическимъ свѣтомъ. Дѣйствительно настоящая бѣлая ночь... Бери книгу и читай. Публика на дачахъ еще не спала, и кое-гдѣ глядѣли красные огоньки. Гуляющихъ, впрочемъ, было мало, потому что всѣ сбились по своимъ угламъ. При лунномъ освѣщеніи всѣ строенія, даже самыя жалкія лачужки, приняли почти красивый видъ, какъ это бываетъ только въ матовомъ стеклѣ камеръ-обскуры. Главную красоту представлялъ общій бѣлесоватый тонъ, точно все было покрыто матовымъ серебромъ. А тамъ внизу, гдѣ подъ горой пролегала желѣзная дорога, разлился густой бѣлый туманъ, точно молочное море.

Шура подъ руку со своимъ студентомъ шагала впереди и нѣсколько разъ вскрикивала, когда изъ-подъ ногъ прыгала лягушка. „Этакая хитрая дѣвчонка... — думалъ со злобой Куржаковъ: — визжитъ, какъ поросенокъ, чтобы лишній разъ прижаться къ этому дураку". Куржаковъ начиналъ ненавидѣть студента, какъ товарища по несчастію — вотъ два дурака, да еще какихъ дурака! Елена Антоновна молчала всю дорогу и некрасиво шаркала ногами, — раньше онъ не замѣчалъ этого. Только уже подходя къ своей дачѣ, она замедлила шаги, и голубая ручка сдѣлала тревожное движеніе.

— Простите меня, — прошептала она, когда Куржаковъ сталъ прощаться. — Съ каждаго будетъ и собственныхъ непріятностей, а я надоѣла вамъ, какъ смертный грѣхъ.

— Помилуйте, — напротивъ, я такъ доволенъ сегодняшнимъ вечеромъ.

Студентъ уже успѣлъ проститься со своей дамой, когда они подошли къ рѣшеткѣ дачи. Елена Антоновна молча пожала ему руку и остановилась.

— Спокойной ночи... — пожелалъ Куржаковъ, облегченно вздохнувъ.

— Прощайте, — донеслось ему вслѣдъ, когда онъ быстро зашагалъ къ себѣ, размахивая палкой.

Но ему пришлось еще вернуться: Елена Антоновна выбѣжала на дорогу уже безъ шляпы, крикнула его и, когда онъ подошелъ, смущенно подала ему бѣлую маргаритку изъ своей бутоньерки.

— На память, — проговорила она, улыбаясь и перекидывая свою косу черезъ плечо. — Не поминайте лихомъ...

Не дождавшись благодарности, она быстро, какъ дѣвушка, скрылась въ своемъ садикѣ, и Куржаковъ слышалъ только, какъ со звономъ захлопнулась гдѣ-то стеклянная дверь. Онъ постоялъ на мѣстѣ, швырнулъ маргаритку прямо на дорогу, плюнулъ и медленно побрелъ на свое поселеніе.

„Вѣдь задастся же такой милый вечерокъ!—думалъ онъ вслухъ, давая волю накипѣвшему негодованію.—Дуракъ и еще разъ дуракъ..." Подходя къ своей дачѣ, онъ немного успокоился, какъ человѣкъ, благополучно избѣжавшій какой-то опасности. Прежнее злое чувство смѣнилось сожалѣніемъ... Въ самомъ дѣлѣ, какая несчастная эта Елена Антоновна. Въ ушахъ еще стояли задыхавшіяся фразы: „Вѣдь я жить хочу... и такъ молода..." Съ другой стороны, ему доставила большое удовольствіе мысль, что онъ до конца остался порядочнымъ человѣкомъ,—другой на его мѣстѣ, конечно, воспользовался бы первымъ настроеніемъ Елены Антоновны и по-своему постарался бы утѣшить ее. Продолженіемъ этихъ мыслей явилась вслухъ сказанная фраза:

— А тѣ подлецы хороши, и мужъ и любовникъ...

Чудная бѣлая ночь начинала тускнѣть. Звѣзды меркли, уступая еще невидимому свѣту, который долженъ подняться съ востока. Въ воздухѣ чувствовалась непріятная, острая свѣжесть. Въ паркѣ звонко куковала кукушка.

VI.

На другой день Куржаковъ проснулся съ легкой тяжестью въ головѣ и непріятнымъ вкусомъ во рту. Свой утренній чай онъ выпилъ на скорую руку, потому что нужно было попасть въ Петербургъ съ восьмичасовымъ поѣздомъ. Въ душѣ у Куржакова оставалось какое-то безсмысленное, непріятное чувство, которое объяснилось, когда онъ припомнилъ вчерашнее приключеніе. При дневномъ свѣтѣ оно ему показалось совсѣмъ инымъ: пустяки, и больше ничего. А онъ еще разсердился вчера на Елену Антоновну и называлъ подлецами совершенно неизвѣстныхъ ему людей,—вотъ что значитъ потерять душевное равновѣсіе и та фантастическая логика, какая охватываетъ ночью. Теперь ему было не жаль Елены Антоновны, какъ не жалѣлъ онъ телеграфныхъ столбовъ, когда-то бывшихъ живыми деревьями. Все вздоръ и еще разъ вздоръ.

Онъ вышелъ съ дачи ровно за 20 минутъ до восьми часовъ, какъ разъ, чтобы поспѣть на вокзалъ ко второму звонку. Ему пришлось итти мимо дачи Елены Антоновны, и онъ еще издали замѣтилъ стоявшія у нея извозчичьи дрожки,—Петрусь, слѣдовательно, явился...

Извозчичья лошадь стояла одна, а извозчика не было, и Куржаковъ подумалъ про себя: „Вѣроятно, начался *question d'argent*, и гражданская парочка задаетъ жестокую перепалку..." Поровнявшись съ дачей, Куржаковъ невольно остановился. На террасѣ происходило какое-то движеніе, и прежде всего выдѣлялась сгорбленная фигура профессора Нескучаева. Очевидно, что тамъ произошло что-то особенное, если понадобился докторъ,—Нескучаевъ имѣлъ каѳедру въ медико-хирургической академіи. Куржаковъ сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по привычной дорогѣ къ вокзалу, но что-то его точно кольнуло и заставило вернуться. Калитка садика была распахнута, и онъ пошелъ къ террасѣ.

— Оставьте насъ,—слышался рѣзкій голосъ Нескучаева, при докторской привычкѣ засучивавшаго рукава бѣлаго лѣтняго кителя.

— Ммогу-у,—отвѣтилъ пьяный голосъ.

Когда Куржаковъ подошелъ, картина объяснилась: на полу террасы лежала Елена Антоновна, по-мертвому раскинувъ руки, а около нея на колѣняхъ ползала Шура,—послѣдняя была въ ночной кофточкѣ и съ разбившимися волосами. Она все старалась поднять голову Елены Антоновны, выкатывавшуюся изъ ея рукъ мертвымъ движеніемъ. Нескучаевъ приникъ ухомъ къ груди Елены Антоновны и свободной рукой старался найти пульсъ на ея рукѣ. Видимо, она не раздѣвалась и лежала въ томъ же барежевомъ голубомъ платьѣ, въ которомъ вчера танцовала съ Куржаковымъ. Когда Куржаковъ взялъ ее

ея лицо, то въ ужасѣ отступилъ—оно смотрѣло на него однимъ глазомъ и точно улыбалось. Одна бровь была приподнята съ выраженіемъ удивленія, и надъ ней Куржаковъ увидалъ знакомую родинку, которой любовался вчера. Покойница точно удивлялась, что вотъ она лежитъ здѣсь и за ней такъ участливо ухаживаютъ совсѣмъ посторонніе лица,—то, чего не дала жизнь, она нашла въ смерти. У Куржакова точно захолонуло на душѣ, и онъ бросился помогать профессору, который молча указалъ ему на корсетъ. Разстегивая пуговицы лифа дрожавшими пальцами, Куржаковъ чувствовалъ еще теплоту живого тѣла, и контрастъ мертваго лица заставилъ его вздрогнуть. Неужели она умерла?..

— Даровая трагедія!—мычалъ Петрусь, сидѣвшій на ступенькахъ террасы. Онъ былъ пьянъ и раскачивался изъ стороны въ сторону.

— Выпроводите вы этого... этого негодяя!—обратился Нескучаевъ къ Куржакову.

— Уйду... самъ, у-уйду...—бормоталъ Петрусь, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

Онъ былъ во фракѣ, въ смятой крахмальной сорочкѣ и безъ галстуха. Молодое лицо съ зеленоватымъ оттѣнкомъ носило слѣды безсонной ночи, глаза были воспаленные, одна рука въ свѣтлой перчаткѣ. Поднявшись, онъ зашагалъ черезъ грядки и комомъ бросился въ извозчичій экипажъ.

— Все кончено...—проговорилъ профессоръ, кончивъ выслушиваніе.—Ціанистый калій отлично сдѣлалъ свое дѣло.

— Она умерла?—спросилъ Куржаковъ, сознавая, что дѣлаетъ глупый вопросъ.

— И недурно умерла.

Эта бѣглая сцена была прервана отчаяннымъ крикомъ Шуры, которая припала головой къ покойницѣ. Профессоръ поморщился, и Куржаковъ смотрѣлъ на удивленное лицо Елены Антоновны и не могъ оторвать отъ него глазъ. Въ одинъ мигъ въ его головѣ пронеслась вся его жизнь и ярко вспыхнули тѣ чувства, о существованіи которыхъ онъ даже не подозрѣвалъ. Онъ былъ отупѣнъ, уничтоженъ... Вотъ тутъ предъ нимъ само лицо смерти, и гдѣ-то неотступный голосъ повторяетъ одно слово: ты виноватъ, ты виноватъ, ты виноватъ... Эти руки вчера тянулись къ нему съ мольбой о помощи, это надрывавшееся сердце искало отвѣта въ другомъ, нѣтъ, простого слова участія, дружбы, братства, а что онъ думалъ въ это время? Куржаковъ показался самому себѣ такимъ гадкимъ, что съ удивленіемъ посмотрѣлъ на профессора, зачѣмъ онъ не гонитъ его, какъ прогналъ Петруся... Страшная нравственная отвѣтственность, которая не предусмотрѣна никакимъ закономъ, пронеслась надъ его головой, какъ буря. Весь вчерашній вечеръ вспыхнулъ въ его воображеніи, какъ яркая картина на экранѣ волшебнаго фонаря, и онъ видѣлъ себя такимъ маленькимъ, самодовольнымъ, гаденькимъ и пошленькимъ.

Точно изъ земли явилась полиція. Кто-то допрашивалъ, кто-то записывалъ, и Куржаковъ слышалъ только спокойный и твердый голосъ Нескучаева, который давалъ какое-то показаніе. Покойницу прикрыли простынею. Около террасы толпились любопытные, и городовой старался отогнать тѣснившихся у крыльца.

— Не напирайте, господа... Извѣстно: отошла.

— Ну, я теперь могу итти,—равнодушно проговорилъ профессоръ, раскуривая папиросу.

Уходя съ террасы, профессоръ взялъ Куржакова за плечо и проговорилъ вполголоса:

— Мертвая не нуждается больше ни въ чьемъ участіи, а вы займитесь живой пріятельницей... гм... Бѣдняжка совсѣмъ растерялась.

1889.

ГУСЬ.

I.

— Папа, повернись въ три четверти... въ профиль...—командовала молодая дѣвушка, и въ ея голосѣ слышались недовольныя нотки.—Ну, теперь en face.

— Послушай, Рита, ты меня муштруешь, какъ пожарную лошадь,—съ легкой обидой въ голосѣ отвѣчалъ небольшого роста сѣдой старичекъ въ военномъ мундирѣ отставного.—Кажется, хорошъ...

— Знаешь, папа, меня всегда возмущаютъ твои короткія ноги... Ну, на что это похоже? Могу только удивляться мамѣ, которая выходила замужъ за такого коротышку... У нея былъ такой великолѣпный ростъ.

— Это ужъ всегда такъ бываетъ, Рита, что маленькіе мужчины женятся на большихъ женщинахъ...

— Пустяки... Вотъ я этого никогда не сдѣлаю, хотя ростомъ меня Богъ и не обидѣлъ.

Дѣвушка выпрямилась и не безъ удовольствія посмотрѣла на себя въ зеркало. Она была дѣйствительно высокаго роста и очень красиво сложена. Особенно хорошо была поставлена маленькая головка. Красавицей Риту назвать было нельзя, но она была пикантна. Въ этомъ блѣдномъ лицѣ съ характернымъ ртомъ, длинными зеленоватыми глазами и мягкимъ, капризнымъ носикомъ было что-то такое, что нравилось мужчинамъ. Рита особенно гордилась своими маленькими ушами, походившими на розовыя раковины. Она уже знала цѣну себѣ, и это ее портило, какъ всякую дѣвушку „нѣсколькихъ сезоновъ“, утратившую прелесть наивности. Отецъ находилъ ее красавицей и благоговѣлъ предъ своимъ идоломъ.—

— Папа, у тебя опять усы желтѣютъ? Кажется, я тебѣ говорилъ, чтобы ты бросилъ свою глупую трубку и курилъ папиросы. А потомъ... Боже мой, опять эта косица за ухомъ! Я убью парикмахера—больше ничего не остается...

— Рита, я сегодня же схожу въ парикмахерскую...

— Хорошо, хорошо. Повернись еще разъ... Ахъ, да, гдѣ у тебя палка?

— Послушай, Рита, это наконецъ глупо.

— Пожалуйста, безъ разговоровъ. Возьми палку и пройди по комнатѣ. Знаешь, какъ ходятъ ревматики... Представь себѣ, что у тебя болитъ нога, которая—предоставляю тебѣ на выборъ.

— Что же мнѣ хромать, когда я совершенно здоровъ?!..

— Ахъ, какой ты... Въ такомъ случаѣ зачѣмъ мы пріѣхали на воды? Я совсѣмъ не желаю, чтобы меня считали больной... А если ты не будешь хромать, всѣ будутъ на насъ пальцами указывать: „вотъ милый папа привезъ на воды милую дочь-невѣсту и вмѣстѣ упражняются въ ловлѣ жениха“. Красиво? А когда ты будешь прихрамывать, всѣ будутъ говорить: „Какая милая

дѣвушка... Какъ она любитъ этого больного коротышку-отца!“ Пожалуйста, не лѣпись и каждое утро дѣлай репетицію съ палкой...

Старикъ съ серьезнымъ лицомъ ходилъ по комнатѣ, стараясь прихрамывать. Дѣвушка съ улыбкой слѣдила за нимъ, а потомъ на ея лицѣ выразилось опять недовольство. Она сѣла на диванъ и съ отчаяніемъ проговорила:

— Господи, что я буду дѣлать съ нимъ?!.. Если бы ты былъ высокаго роста, если бы у тебя была большая сѣдая борода, которая старикамъ придаетъ такой патріархальный видъ, а то... какъ это сказать? Въ тебѣ, папа, есть что-то такое... такое, какъ будто тебя только-что вытащили изъ воды и ты еще не пришелъ съ себя, или забылъ дома носовой платокъ, или не надѣлъ подтяжекъ, или... вообще, у тебя видъ человѣка, сильно подбитаго молью!..

Рита умѣла быть злой и остроумной, и счастливый отецъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Подбитый молью? Ха-ха... Рита, ты меня уморишь.

— Позвольте, милый папаша, пожалуйста, не хохочи такъ... Сейчасъ у тебя на лицѣ явился какое-то дешевое выраженіе...

— Рѣшительно не понимаю, что ты хочешь сказать!

— Очень просто... Богатые люди никогда не хохочутъ, а только улыбаются, они не дѣлаютъ торопливыхъ движеній, и у нихъ на лицѣ написано, что они привыкли быть богатыми. Сдѣлай такое лицо, какъ будто наше имѣніе не заложено въ Дворянскомъ банкѣ и ты потихоньку ссужаешь сосѣдей деньгами. У такихъ коротышекъ бываютъ деньги, потому что имъ больше нечего дѣлать, какъ только копить ихъ для дочери.

Эта сцена происходила въ номерѣ гостиницы Карабанова, гдѣ останавливались богатые паціенты, пріѣзжавшіе на лѣтній сезонъ въ Дубки. Номеръ былъ взятъ хорошій и состоялъ изъ двухъ комнатъ. Сейчасъ на столѣ красовались остатки завтрака. Въ открытое окно такъ и палило наливавшимся лѣтнимъ зноемъ. Иванъ Васильевичъ дома имѣлъ скромную привычку послѣ завтрака подремать на диванѣ съ газетой въ рукахъ, служившей притомъ отъ мухъ и предлогомъ для кейфа, но сейчасъ онъ подозрѣвалъ, что ему сегодня не придется отдохнуть. Рита была одѣта „по-боевому“, какъ онъ выражался про себя, когда дочь одѣвалась для выхода въ свѣтъ. Она умѣла одѣваться съ дорогою простотой. Каждая мелочь костюма была обдумана — и сѣрая шерстяная юбка, и легкая шелковая сѣрая рубашка, и широкій поясъ, и сѣрый зонтикъ. О, какъ она была мила, эта шалунья Рита...

— Мы сейчасъ идемъ въ курзалъ,—заявила Рита тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми.—Я подозрѣваю, что мы сдѣлали большую ошибку, отправившись въ эти Дубки... Сколько я тебѣ говорила, что всѣ порядочные люди ѣдутъ на Кавказъ или Крымъ.

— Да, но, Рита, наши средства заставляютъ насъ быть скромными. А Дубки все-таки приличный курортъ. Если бы ты знала, что тутъ творилось лѣтъ тридцать назадъ...

— Когда ты былъ молодъ? Вотъ я и начинаю догадываться, что ты привезъ меня сюда именно для своихъ воспоминаній... Папа, ты ужаснѣйшій эгоистъ, какихъ въ столѣтіе родится по одному экземпляру. Но это, впрочемъ, все равно, и, какъ мнѣ кажется, исправлять тебя довольно поздно. Да и безполезно, потому что и въ исправленномъ видѣ ты рѣшительно никому не нуженъ.

Провинціальный водолѣчебный курортъ Дубки пережилъ свою славу и теперь погибалъ медленной смертью, не имѣя силъ вынести борьбу съ равнодушіемъ публики. А всего лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ назадъ Дубки тремѣли на

всю Россію. Сюда лѣтомъ съѣзжались помѣщики изъ разныхъ губерній, и сюда же тянуло родовитую знать изъ столицъ. Какъ модное мѣсто, Дубки являлись выставкой невѣстъ, и не одна старушка вздыхаетъ, вспоминая свое время, связанное неразрывно съ Дубками. Въ Дубкахъ состоялись знакомства тысячъ счастливыхъ парочекъ, и нѣсколько поколѣній прошли черезъ этотъ курортъ, дававшій имя,—не быть на сезонѣ въ Дубкахъ равнялось своего рода гражданской смерти. Но—увы!—на свѣтѣ все проходящее... Сначала убили Дубки желѣзныя дороги, открывшія доступъ къ другимъ курортамъ, а потомъ доконала эмансипація. Вывелся тотъ помѣщикъ, который экспонировалъ здѣсь свое гнѣздо, а смѣнившій его чумазый никакихъ водъ не признаетъ. Дешевый желѣзнодорожный тарифъ окончательно убилъ Дубки. Воспоминаніемъ о былой славѣ оставался въ Дубкахъ какой-то необыкновенный памятникъ, стоявшій посреди единственной городской площади. Это былъ чугунный трехгранный обелискъ, оканчивавшійся остреемъ. Памятникъ былъ поставленъ больше ста лѣтъ назадъ, и городскіе мальчишки давно отковыряли золотыя литеры, такъ что оставалось совершенно неизвѣстнымъ, для какой цѣли онъ былъ сооруженъ. Самые древніе старожилы ничего не могли запомнить. Говорили, что памятникъ сооруженъ будто бы въ память Потемкина, который въ Дубкахъ никогда не бывалъ, а по другой версіи—въ память побѣды надъ кѣмъ-то. Сейчасъ около памятника образовался торжокъ. Бабы продавали колачи, горячую печенку, огурцы, гнилыя яблоки и еще какую-то дрянь, прикрытую тряпицами. Среди водяной публики по поводу этого памятника циркулировалъ одинъ анекдотъ. Пріѣхалъ въ Дубки какой-то купецъ и пожелалъ ознакомиться съ достопримѣчательностями города. Его провели къ памятнику, какъ единственной достопримѣчательности. Посмотрѣлъ купецъ и сказалъ:

— Какой же это памятникъ? Тутъ и пищѣ негдѣ сѣсть...

Когда Иванъ Васильевичъ проходилъ съ дочерью въ курзалъ мимо этого памятника, то Рита, конечно, услышала этотъ анекдотъ, переходившій изъ поколѣнія въ поколѣніе.

— Какія глупости!—брезгливо проговорила она.

Иванъ Васильевичъ былъ обиженъ такимъ невниманіемъ да и вообще чувствовалъ себя скверно. Хотѣлось послѣ завтрака отдохнуть, а тутъ тащись въ паркъ. Впрочемъ, у него оставалась слабая надежда на то, что можно будетъ вздремнуть гдѣ-нибудь на садовой скамейкѣ. Потомъ у него стучала въ головѣ обидная фраза: „подбитый молью“. Это онъ-то—Иванъ Васильевичъ Трунинъ—подбитъ молью? О, если бы Рита могла его видѣть всего какихъ-нибудь тридцать лѣтъ назадъ... Хе-хе!.. Да-съ, было и его время. Старикъ даже выпрямился, прищурилъ одинъ глазъ и молодцовато закрутилъ усы.

—Папа!..—многозначительно проговорила Рита, указывая глазами на палку.

— Ахъ, да!..—виновато пробормоталъ расхрабрившійся не во-время старецъ и началъ тяжело опираться на свою палку.

II.

Курортный паркъ поправился Ритѣ: онъ залегъ въ котловинѣ, гдѣ выбивался изъ земли когда-то знаменитый источникъ; была тутъ и центральная аллея, затѣненная столѣтними липами, и нѣсколько уютныхъ площадокъ, и главная площадка передъ зданіемъ курзала, выстроеннымъ въ стилѣ Аракчеева, и цѣлая сѣть второстепенныхъ аллей, тѣнистыхъ уголковъ и просто запущенной зеленой глуши. Иванъ Васильевичъ обрадовался, когда узналъ все это, точно встрѣтилъ хорошаго стараго знакомаго.

— Ахъ, что тутъ только было, Рита!.. Боже мой, что было!.. Вотъ хоть въ это время: всѣ курсовые пили воду и дѣлали обязательную прогулку по солнцу. Вся аллея была залита публикой. И какая публика: гвардейская молодежь, помѣщики, иностранцы, что ни имя, то и цѣлая исторія. Князья, графы, бароны... Былъ даже одинъ французскій виконтъ и какой-то татарскій мурза. А дамы... Нѣтъ такихъ дамъ больше, Рита, да и не будетъ. Посмотрѣть этакъ въ боковую аллею, а тамъ ужъ зонтикъ мелькаетъ и военная фуражка тутъ же... Хо-хо!.. А какіе балы задавались вотъ въ этомъ курзалѣ. Оркестръ военной гвардейской музыки, все убрано цвѣтами... вездѣ огни... Боже мой, и куда что, подумаешь, дѣвалось!

Старикъ остановился и со вздохомъ посмотрѣлъ кругомъ. Аллеи были почти пусты, на площадкахъ — никого. На скамейкахъ кое-гдѣ виднѣлись скорбныя фигуры настоящихъ больныхъ, точно это были тѣни прошлаго, да навстрѣчу попались двѣ блѣднолицыхъ дѣвушки. Рита презрительно посмотрѣла на этихъ несчастныхъ и только пожала плечами. Это не воды, а какая-то богадѣльня. Стоило для этого ѣхать. Нечего сказать, веселенькій пейзажикъ!

Только въ одномъ мѣстѣ на Ивана Васильевича точно пахнуло прошлымъ. Въ одномъ изъ самыхъ тѣнистыхъ уголковъ на скамейкѣ сидѣла красивая старушка въ бѣломъ чепцѣ, а около нея размѣстились три скучающія дѣвицы. Онѣ дѣлали видъ, что внимательно читаютъ желтыя книжки какого-то французскаго изданія. Появленіе Риты съ отцомъ привлекло ихъ пристальное вниманіе, а потомъ всѣ молодыя личики опять наклонились къ книжкамъ. Чуткое ухо Риты поймало какую-то французскую фразу, сказанную старухой, видимо, по ея адресу. Послышался молодой смѣхъ, и Рита сердито оглянулась. Увы!.. она даже не могла понять нанесеннаго оскорбленія, потому что по-французски дальше учебника Марго не шла. На зло этой фамильной группѣ она повернула назадъ и, проходя мимо нихъ, кинула вызывающій взглядъ.

— Папа! Посмотри, тутъ цѣлое гнѣздо спящихъ дѣвъ! — сказала она разсчитанно громкимъ голосомъ.

Иванъ Васильевичъ умоляюще посмотрѣлъ на дочь. Развѣ такъ можно выражаться?

Рита окончательно разсердилась.

— Вечеромъ здѣсь будетъ много публики! — точно оправдывался Иванъ Васильевичъ. — Вотъ увидишь сама!

— Воображаю!..

— Я читалъ въ объявленіи, что каждый день по вечерамъ играетъ музыка и паркъ освѣщается электричествомъ.

Они отправились въ курзалу, гдѣ на широкомъ балконѣ были разставлены бѣлые столики. Въ тѣни навѣса блаженно дремали нѣсколько отставныхъ старичковъ, вооруженныхъ газетами. Иванъ Васильевичъ осмотрѣлъ всѣхъ и не нашелъ ни одного знакомаго, что его опять огорчило. Онъ надѣялся кого-нибудь встрѣтить.

Они присѣли къ одному столику. Иванъ Васильевичъ спросилъ себѣ чаю, Рита ничего не хотѣла и съ озлобленіемъ смотрѣла на главную площадку съ электрическимъ фонаремъ посрединѣ. Какъ все это глупо... Хотя бы одна живая собака показалась. Больные, какъ отравленныя мухи, прятались по аллеямъ. Рита сидѣла и злилась. Ея настроеніе дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на площадку выпорхнули давешнія три дѣвицы. Онѣ громко смѣялись и дѣлали видъ, что имъ ужасно весело.

— Ломушки! — резюмировала Рита свое впечатлѣніе, когда дѣвицы демонстративно прошли подъ самымъ балкономъ. — Вонъ у той, бѣлокурой — заячья губа, а у брюнетки лѣвое плечо подбито ватой!

— [illegible] Рита!
— Развѣ я виновата, папа, что въ Дубкахъ [illegible] уроды?
— Значитъ, и мы тоже [illegible]

Рита не удостоила отвѣта, потому что въ этотъ моментъ появился [illegible] высокій худой [illegible] въ свѣтлой парѣ [illegible] и вѣжливо раскланялся съ гулявшими барышнями.

— Мѣстный водяной докторъ, [illegible] — объяснила Рита, суживая глаза. — Выдаетъ себя холостымъ, а у самого [illegible] жена бѣжала. Однимъ словомъ, [illegible] Танцуетъ [illegible], скверно играетъ въ карты, разсказываетъ анекдоты [illegible]

Офиціантъ подалъ курсовой листокъ, гдѣ были [illegible] для назиданія потомства фамиліи всѣхъ курсовыхъ [illegible] всѣхъ съѣхавшихся на воды паціентовъ. Рита углубилась въ изученіе этого интереснаго документа. Пріѣзжіе были все [illegible] Главный контингентъ составляли чиновники, потомъ купцы и [illegible] дамы. Послѣдняя категорія занимала больше всего мѣста.

— А вотъ и мы, папа!.. — громко читала Рита. — [illegible] подполковникъ въ отставкѣ Трунинъ съ дочерью... Для кого это нужно? Подожди, я сейчасъ найду эту старуху съ ея тремя уродами... „Минеральные номера“... вдова генерала Ивкова, Варвара Сергѣевна, а при ней дѣвицы: Ольга Шелтусова, Надежда Гримъ и Софья Крутова... Папа!.. Это она!.. Я давече слышала, какъ старуха назвала одного урода Олей!

— Генеральша Ивкова? — машинально переспросилъ Иванъ Васильевичъ, прихлебывая чай изъ стакана. — Варвара Сергѣевна?.. Позволь, нѣтъ, этого не можетъ быть!.. Прочитай еще, Рита.

— Вдова генерала Ивкова...

— Боже мой, да вѣдь это — она, Варвара Сергѣевна!.. И я ея не узналъ!.. Да, да, припоминаю... Только та была выше ростомъ и такая субтильная...

— Пріятное воспоминаніе юности?

— Рита, ты сегодня цѣлое утро злишься, какъ осенняя муха! Это, наконецъ, скучно!.. Я сейчасъ пойду къ ней!.. Боже мой!.. Варвара Сергѣевна!.. Именно, Ивкова!.. Да, это былъ цѣлый романъ, который здѣсь когда-то надѣлалъ столько шуму!.. Ей теперь, ну, этакъ подъ шестьдесятъ!.. Такъ, совершенно вѣрно!.. Идемъ, Рита!

— Ни за что на свѣтѣ!.. Я ненавижу эту противную старушонку. Если хочешь, иди одинъ. Меня никто не съѣстъ.

Иванъ Васильевичъ былъ радъ милостивому отпуску и заковылялъ съ балкона. Онъ какъ-то весь встрепенулся и точно сразу помолодѣлъ. Вотъ встрѣча!.. Для этого одного стоило сюда пріѣхать, и онъ точно предчувствовалъ. У Ивана Васильевича даже забилось сердце, когда онъ вдали завидѣлъ бѣлый чепецъ, сидѣвшій одиноко на скамеечкѣ.

Старушка сидѣла и что-то вязала, когда Иванъ Васильевичъ подошелъ къ ней и нерѣшительно проговорилъ:

— Если не ошибаюсь, имѣю честь видѣть Варвару Сергѣевну?

Она спокойно подняла на него глаза и спокойно отвѣтила:

— Если не ошибаюсь въ свою очередь, Иванъ Васильевичъ Трунинъ?

Онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ у ней руку. Старики внимательно осматривали нѣкоторое время другъ друга, дѣлая молчаливый экзаменъ, а потомъ она проговорила:

— Однако, батюшка, и постарѣлъ же ты!.. да-а!..

— А сколько времени прошло, Варвара Сергѣевна?

— Давеча я смотрю, какъ будто что-то знакомое, и еще пошутила со своими барышнями: „Смотрите, говорю, какъ отецъ пасетъ дочь, точно гусь!“ Право, такъ и сказала. Со стороны-то оно даже очень смѣшно смотрѣть... Который годъ дочери-то?

— Да, видно, двадцать!.. — боязливо отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ и даже оглянулся.

— Гм... Что же, въ самой порѣ дѣвушка! Время еще не ушло! —

— А ваши барышни?

— Одна-то, младшая—внучка моя. А двѣ постарше, тѣ—племянницы. Точно вотъ пасу ихъ!.. Охъ, пора всѣмъ замужъ, а жениховъ-то и нѣтъ! Мы ужъ тутъ вторую недѣлю толчемся, и ничего подходящаго! Если бы дѣло было прежде... помнишь? Я ужъ „ты“ буду говорить.

— Пожалуйста!

— Помнишь, что прежде-то было здѣсь?.. Точно въ ульѣ пчелы гудятъ, женихи-то!.. И куда это нынче женихъ дѣвался?.. Барышни сколько угодно, а жениха нѣтъ какъ нѣтъ!.. Даже противно со стороны смотрѣть... Время-то идетъ, а дѣвичій вѣкъ не великъ.

— Да, да!.. удивительно!—соглашался Иванъ Васильевичъ.

— Ну, если изъ провинціи женихъ ушелъ, такъ по крайней мѣрѣ онъ долженъ быть въ столицахъ... Я нынѣшнюю зиму провела въ Москвѣ и—представь себѣ—то же самое: нѣтъ жениха!

Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ подходившими дѣвицами, которыя весело переглянулись, когда узнали „гуся“.

— Рекомендую мою собственную картинную галлерею,—пошутила старушка.—Ужасныя шалуны!

Иванъ Васильевичъ раскланялся и началъ торопиться къ отступленію, вспомнивъ про свою Риту.

— Очень рада, очень рада...—повторяла старушка.—Ты это что прихрамываешь-то, отецъ?

— Да такъ. Самъ не знаю хорошенько, что такое: или старая контузія сказывается, или ревматизмы. Вотъ пріѣхалъ посовѣтоваться съ докторами и полѣчиться. Хотѣлъ ѣхать одинъ, но дочь ни за что не отпустила. Она у меня ужасно добрая... „Какъ ты, папа, поѣдешь одинъ? Я тебя не отпущу одного...“ Ужасно добрая!

Когда Трунинъ ушелъ, старушка покачала головой и замѣтила:

— И соврать-то не сумѣлъ... Говорилъ бы ужъ прямо, что по старой памяти дочь-невѣсту привезъ. Охъ, дѣла, дѣла!.. А дѣвица съ ноготкомъ. Люблю такихъ... Эта сама жениха себѣ найдетъ!

III.

Въ нѣсколько дней Рита изучила свой курортъ до мельчайшихъ подробностей и пришла къ самому печальному заключенію, именно, что Дубки—отставное мѣсто, и съѣхались сюда тоже разные отставные люди.

— Отставныхъ женщинъ еще больше, чѣмъ отставныхъ мужчинъ,—разсуждала она.—Взять хоть эту старушку-генеральшу... Бррр!.. Меня всегда беретъ ужасъ отъ одной мысли, что и я, когда-нибудь могу быть такой же. Ну, кому она нужна, папа? И, вообще, для чего существуетъ на бѣломъ свѣтѣ?.. Я на ея мѣстѣ давно бы отравилась. И что смѣшно, всѣ эти отставныя женщины воображаютъ, что онѣ кому-то нужны... Логика комнатной мухи, одинъ словомъ.

— Старость зависитъ не отъ насъ, Рита...

— Старость бываетъ разная, папа. Есть такіе славные старики, и я даже могу влюбиться въ такого старика, а есть неприличная старость.

Въ качествѣ развлеченія Рита занималась тѣмъ, что придумывала всевозможные способы дразнить старую генералыпу. Варвара Сергѣевна чувствовала каждый разъ, что Рита что-нибудь придумала, когда дѣвушка подходила къ ней съ такимъ покорнымъ и ласковымъ лицомъ. Старушка строго подбирала губы и начинала волноваться, не зная, съ которой стороны будетъ нанесенъ ударъ. Волненіе достигало высшей степени, когда Рита дѣлалась необыкновенно нѣжна съ генеральскими барышнями. Она отлично изучила всѣ больныя мѣста Варвары Сергѣевны и мучила ее съ искусствомъ настоящаго артиста.

— Какая милая эта Соня!—начинала Рита, суживая по-кошачьи глаза.— Если бы я была мужчиной, Варвара Сергѣевна... Я, вообще, удивляюсь, гдѣ у этихъ противныхъ мужчинъ глаза!.. Когда Соня надѣнетъ свое платье съ розовыми полосками и эту шляпу съ бѣлыми перьями... Вы знаете, Варвара Сергѣевна, Шуру Контѣлову?

— Не знаю никакой Шуры...

— Дочь здѣшняго мясника... Онъ что-то такое, вообще, съ мясомъ дѣлаетъ. Да, такъ его дочь Шура. Она была вчера вечеромъ здѣсь на гуляньи... и представьте, у нея шляпа точно такая же, какъ у Сони, только отдѣлка изящнѣе. Просто удивительно, откуда столько вкуса у дочери какого-то мясника!

— Ну, ужъ это извини, шерочка!.. то-есть относительно вкуса. У Сони шляпа прямо отъ m-me Мари!.. Одинъ изъ лучшихъ магазиновъ въ Москвѣ!

— Вы посмотрите сами, Варвара Сергѣевна. Вѣроятно, Шура сегодня опять придетъ въ садъ.

— И не желаю... Понимаешь: не же-ла-ю!.. Это ты нарочно придумаешь, Рита, чтобы меня подразнить... Молода еще, чтобы надъ стариками шутки шутить!

— Нѣтъ, я серьезно, Варвара Сергѣевна. Я люблю купцовъ вообще, потому что у нихъ денегъ много. И сама выйду замужъ непремѣнно за купца. У меня будутъ цѣлыя горы подушекъ, въ каждой комнатѣ лампадки, гдѣ-то внизу поютъ пѣтухи, каждую субботу—баня.

Варвара Сергѣевна не всегда могла выдержать характеръ и принималась спорить съ Ритой самымъ серьезнымъ образомъ. Иванъ Васильевичъ—если случалось ему присутствовать на такомъ даровомъ спектаклѣ—все время чувствовалъ себя на горячихъ угольяхъ.

— Рита, что ты дѣлаешь?—ворчалъ онъ, когда оставался съ дочерью одинъ.— Развѣ можно такъ себя держать?

— Ничего, папа! Я подвинтила старушонку дня на три. Это ей полезно... Кровь полируетъ.

Водяная публика была вся наперечетъ. Какими-то невѣдомыми никому путями сдѣлалась извѣстной біографія чуть не каждаго, а поэтому появленіе новаго лица произвело своего рода сенсацію. Особенно взволновались „водяныя мамаши“, когда въ Дубки пріѣхалъ на собственной тройкѣ какой-то помѣщикъ Поспѣловъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, высокій и плотный, съ замашками, блаженной памяти, ярмарочнаго ремонтера. Онъ остановился въ номерахъ Карабанова и въ нѣсколько дней перезнакомился съ людьми своего круга, въ томъ числѣ съ семьей генеральши Ивковой и Трунины. Съ дамами онъ держалъ себя съ изысканной любезностью джентльмена старой школы. Варвара Сергѣевна обратилась въ архивъ своихъ матримоніальныхъ воспоминаній, и оказалось, что она знала сестру Поспѣлова, у которой въ Дубкахъ разыгрался цѣлый романъ, чуть не кончившійся дуэлью. Поспѣловъ сообщилъ, что сестра уже умерла лѣтъ пять назадъ, что ему не мѣшало вспоминать о ней со слезами на глазахъ. О своемъ

настоящемъ семейномъ положеніи онъ избѣгалъ говорить, но отъ водяныхъ мамашъ было трудно скрыть, что это—старый холостякъ, пріѣхавшій въ Дубки искать счастья. Тревога началась по всей линіи, а самъ Поспѣловъ видимо оказывалъ предпочтеніе семьѣ Ивковыхъ и даже давалъ понять, что изъ всѣхъ дѣвицъ ему больше нравится Оленька. Иванъ Васильевичъ сообщилъ объ этомъ Ритѣ подъ величайшимъ секретомъ.

— Мнѣ это сама Варвара Сергѣевна передавала. Конечно, онъ не первой молодости, но мужчина видный. Я вчера самъ видѣлъ, какъ онъ вдвоемъ гулялъ по аллеѣ съ Оленькой. Что же, дѣвушка хорошая и можетъ сдѣлать выгодную партію.

— Папа, ты говоришь, какъ старушонка!—сердилась Рита.

— Я такъ... къ слову... Конечно, дѣло не мое.

— Совершенно не твое... Ты скоро будешь сплетничать, какъ водяная мамаша.

— Рита!.. Я удивляюсь, какъ ты позволяешь себѣ такъ говорить съ отцомъ?

— Папа, ты знаешь, что откровенность—мое несчастіе.

Въ глубинѣ души Рита чувствовала себя оскорбленной вотъ этимъ самымъ Поспѣловымъ, который ей въ сущности совсѣмъ не нравился. Она рѣшилась мстить. На первомъ же танцовальномъ вечерѣ она была обворожительна и танцовала съ такимъ увлеченіемъ, что бѣдная Оленька осталась совершенно въ тѣни. Поспѣловъ открыто началъ ухаживать за Ритой.

— Вы забываете свою даму!—замѣтила Рита, когда они вышли освѣжиться въ садъ.

— Какую даму!?

— Вы не знаете? Я вамъ ее назову: Оленька! Вы не замѣтили, что у нея глаза красные, какъ у кролика. И все изъ-за васъ!

— Я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать, Вѣра Ивановна.

— Я хочу сказать о вашей жестокости. Теперь поняли? Недаромъ говорятъ про васъ, что будто бы вы судились за двоеженство.

Кавалеръ смутился и не зналъ, въ какомъ тонѣ ему отвѣчать. Очень ужъ смѣлая дѣвица.

— Кто же это могъ сказать?—забормоталъ онъ.—Кажется, я не давалъ никакого повода... да...

— Право, не помню, кто это говорилъ... Ахъ, да, зашелъ разговоръ объ Оленькѣ... Ее жалѣли, и кто-то... Ну, вотъ рѣшительно забыла! Впрочемъ, не стоитъ обращать вниманія на водяныя сплетни.

Поспѣловъ даже не нашелся, что отвѣтить бойкой водяной барышнѣ, больше того, онъ почему-то вообразилъ виновницей водяной сплетни Варвару Сергѣевну, что и далъ ей замѣтить довольно прозрачно. Можно себѣ представить справедливое негодованіе почтенной старушки.

— Да вы за кого меня-то принимаете, государь мой?

— Вотъ вы за кого меня принимаете, Варвара Сергѣевна?

Въ результатѣ получилось то, что Поспѣловъ, гуляя въ паркѣ съ Ритой, только издали раскланивался съ Ивковыми. Рита торжествовала, какъ злое, красивое животное. Впрочемъ, эта продѣлка не прошла ей даромъ.

— Ты что это, дѣвица, точно прячешься отъ меня?—спросила разъ Варвара Сергѣевна, пытливо заглядывая прямо въ глаза Ритѣ.—Нехорошо, другъ мой... А я скучаю безъ тебя. Мои дѣвицы добры, какъ овцы, а поэтому съ ними скучно. Да... А ты—злая.

— Благодарю.

— Я говорю правду...

— Еще разъ благодарю...

— Но ты еще не знаешь, крошка, какъ ты права: нужно быть злымъ, то-есть не злымъ, а злой. Только злыя и пользуются жизнью, а всѣ овцы должны плакать...

— А мужчины?

— На мужчинъ я смотрю, какъ на низшую породу. Развѣ имъ доступны высокія движенія души, деликатныя чувства, вообще тотъ подвигъ, на который всегда готова каждая женщина? Это, вообще, грубое животное и еще того хуже—глупое... Жаль только, что мы, женщины, открываемъ эту истину довольно поздно, когда уже теряемъ всякую силу надъ мужчиной. Самая обыкновенная исторія...

Этотъ разговоръ закончился совершенно неожиданно. Варвара Сергѣевна обняла Риту, крѣпко поцѣловала и расплакалась.

— Что съ вами, Варвара Сергѣевна?—смущенно спрашивала дѣвушка, не выносившая чужихъ слезъ и сама не умѣвшая плакать.

— Ахъ, ты не поймешь... Но я все-таки люблю тебя, злая дѣвчонка, потому что и сама была когда-то такая же. Это и не злость въ собственномъ смыслѣ, а только сознаніе своей молодой силы...

— Но все-таки плакать объ этомъ не стоитъ, Варвара Сергѣевна...

— Старыя слезы некрасивы, душечка, и старыя женщины должны плакать потихоньку отъ всѣхъ, чтобы не надоѣдать. Молодое горе красиво и производитъ выгодное впечатлѣніе на публику...

Старушка чего-то не договорила и улыбалась сквозь слезы, а потомъ проговорила вполголоса:

— А вѣдь это ты придумала про двоеженство Поспѣлова? Да, да, я уже потомъ догадалась... И ты была права, злючка; онъ глупъ, какъ два двоеженца. Потомъ, это ты про меня сказала, что у меня логика комнатной мухи? Ахъ, какъ мило сказано... Дай я тебя поцѣлую, красивое, злое, молодое животное, которое не можетъ не брыкаться, потому что оно умное. А вонъ и мои шерочки съ машерочками идутъ...

Интересный разговоръ оборвался, и на лицѣ Варвары Сергѣевны явилось сторожевое выраженіе, какъ у насѣдки-курицы.

IV.

Иванъ Васильевичъ по-своему не терялъ времени и велъ свою политику. Онъ разными путями вызналъ всю подноготную пріѣхавшихъ въ Дубки больныхъ. Прежде всего эта водяная публика раздѣлена была на двѣ, далеко не равныхъ половины. Большую половину составляли люди совсѣмъ неинтересные, какъ всѣ женщины и женатые, а все вниманіе сосредоточивалось на меньшей половинѣ, составленной изъ предполагаемыхъ жениховъ Риты. Въ записной книжкѣ Ивана Васильевича былъ заведенъ цѣлый женіховскій отдѣлъ, гдѣ значились года каждаго, происхожденіе, общественное положеніе, а подъ рубрикой „особыя примѣты“ заносились удивительныя вещи: „тетка съ материной стороны бѣжала съ казачьимъ офицеромъ“, или—„дѣдушка сидѣлъ полтора года въ сумасшедшемъ домѣ“, или—„въ дѣтствѣ былъ лунатикомъ“. Чѣмъ дальше Иванъ Васильевичъ углублялся въ свои изслѣдованія, тѣмъ труднѣе дѣлалась задача. Говоря откровенно, ни одного жениха, удовлетворявшаго всѣмъ требованіямъ, не было, и Иванъ Васильевичъ съ душевнымъ прискорбіемъ вычеркнулъ уже нѣсколько именъ. Въ концѣ концовъ Иванъ Васильевичъ пришелъ къ убѣжденію, что поѣздка въ Дубки была очень грустной ошибкой, и только печальная необходимость заставляла знакомиться

чуть не со всѣми. Нельзя же было прямо подойти къ жениху и сказать: „Давайте, познакомимтесь...“ Э, тутъ должна быть продѣлана часто настоящая бисмарковская политика. Взять хоть того же Поспѣлова: сначала Иванъ Васильевичъ познакомился съ однимъ старичкомъ-генераломъ, съ которымъ былъ знакомъ Поспѣловъ, а потомъ уже съ нимъ.

„Мы *его* найдемъ...—думалъ иногда Иванъ Васильевичъ, подмигивая въ пространство.—Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Сколько ни вертись, сколько ни скрывайся, а будешь нашъ“.

Ивана Васильевича просто удивляло, до чего хитеръ этотъ воображаемый женихъ Риты. Вѣдь онъ, несомнѣнно, существуетъ гдѣ-нибудь, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ скрываться и хитрить? Ему иногда даже хотѣлось просто крикнуть: „эй, голубчикъ, выходи же поскорѣе, что тутъ ломаться напрасно!“. Огорчало Ивана Васильевича немало и то, что Рита совершенно не понимала его политики и вела себя по обыкновенію сорванцомъ. А того не понимаетъ глупая дѣвчонка, что отецъ хлопочетъ для нея же... Вѣдь вонъ другія дѣвушки выходятъ же замужъ, и еще какъ иногда удачно выходятъ. Послѣдняя мысль просто убивала Ивана Васильевича, и онъ въ каждой водяной дѣвушкѣ начиналъ видѣть конкурентку. Да, прямо изъ-подъ носа женіховъ выхватываютъ. Женщины, вообще, страшно хитры, а вѣдь это ихъ единственный спортъ. Даже старую пріятельницу Варвару Сергѣевну онъ начиналъ подозрѣвать въ разныхъ козняхъ и даже замѣтилъ дочери:

— Рита, ты будь поосторожнѣе съ этой генеральшей... Эти старухи ужасно хитрыя. У нея своихъ три невѣсты на рукахъ и какъ разъ подведетъ... то-есть я не хочу сказать, что мы желали бы ловить жениха и прочее въ этомъ родѣ, а такъ, вообще... Осторожность никогда не мѣшаетъ.

— Она мнѣ очень нравится, папа. Оказывается, что ты за ней когда-то ухаживалъ...

— Я? Гм... Женщины въ этомъ случаѣ убѣждены, что всѣ за ними когда-то ухаживали. Простая любезность... Она была, дѣйствительно, въ свое время очень интересна. Да... Будь съ ней осторожна, Рита.

— Папа, говорятъ, Поспѣловъ у тебя просилъ денегъ?

— Пустяки... Такъ, былъ одинъ серьезный разговоръ... Онъ, вообще, вертопрахъ.

Женская хитрость, вообще, служила неизсякаемымъ источникомъ самыхъ тонкихъ огорченій для Ивана Васильевича. О, онъ, какъ оказывалось, совершенно не зналъ женщинъ и всю жизнь прожилъ довѣрчивымъ дуракомъ. Теперь только онъ начиналъ понимать, что такое женщина по своему существу. Да, это живое воплощеніе всяческой хитрости. Женщина хитритъ, даже когда спитъ. Оказывалось на повѣрку, что Иванъ Васильевичъ цѣлую жизнь прожилъ въ какомъ-то полуснѣ. Попробуйте, угадайте, что думаетъ женщина, когда она такъ мило улыбается вамъ и кажется ангеломъ доброты.

— Нѣтъ, подождите, mesdames!—повторялъ про себя Иванъ Васильевичъ, принимая вызывающую позу.—Мы еще посмотримъ, если на то пошло... Да-съ, посмотримъ.

Иногда нападали на старика моменты малодушія. Время шло, а онъ пока еще рѣшительно ничего не успѣлъ сдѣлать. Такъ и все лѣто пройдетъ, и другое, и третье, и Рита завязнетъ въ старыхъ дѣвушкахъ. Послѣдняя мысль заставляла его холодѣть, и онъ начиналъ себя чувствовать безгранично виноватымъ. Да, *другіе* выдаютъ дочерей замужъ, а у него все какъ-то не клеится. Напримѣръ, Поспѣлову онъ далъ взаймы двѣсти рублей, а тотъ взялъ да уѣхалъ. Конечно, объ этой спинкѣ Иванъ Васильевичъ никому не говорилъ, но все-таки обидно.

Дѣло доходило до смѣшныхъ крайностей. Иванъ Васильевичъ отправлялся на вокзалъ, чтобы первому узнать, кто пріѣхалъ „изъ новенькихъ“, давалъ прислугѣ на чай, чтобы вывѣдать подъ рукой разныя свѣдѣнія, знакомился съ встрѣчнымъ и поперечнымъ и вообще не останавливался ни предъ чѣмъ. Правда, что пока результатовъ не было никакихъ, но это не мѣшало имъ явиться въ любой день. Вѣдь въ этихъ дѣлахъ часто вся жизнь рѣшается какой-нибудь прогулкой въ тѣнистой аллеѣ, удачной мазуркой, веселымъ ужиномъ, а особенно этими импровизированными на скорую руку прогулками куда-нибудь въ рощу, на какое-нибудь озеро. Увлеченный своимъ дѣломъ, Иванъ Васильевичъ былъ увѣренъ, что никто и ничего не замѣчаетъ. Онъ принималъ такой безпечно-добродушный видъ и началъ меньше прихрамывать, увѣряя всѣхъ, что Дубки его исцѣляютъ. Только одна Рита его огорчала попрежнему, потому что совершенно не хотѣла его слушать. Сколько самыхъ остроумныхъ плановъ она за это время разстроила... Иванъ Васильевичъ приписывалъ это вліянію хитрой Варвары Сергѣевны, къ которой началъ относиться съ сдержанной холодностью. О, онъ перехитритъ эту старую интриганку...

— Что это ты, отецъ, носъ отъ меня воротишь?— остановила его она, когда онъ хотѣлъ отдѣлаться поклономъ издали.

— Я?! Помилуйте, Варвара Сергѣевна... Я такъ всегда радъ... да...

— Уже не ври, пожалуйста... Не къ лицу это намъ съ тобой. Пойдемъ-ка, мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить... Дѣльце есть.

— Съ удовольствіемъ...

У Ивана Васильевича явилось непріятное предчувствіе, но спасенья не было. Оставалось повиноваться, тѣмъ болѣе, что спорить и прекословить Варварѣ Сергѣевнѣ было совершенно излишне.

— Ну-ка, давай руку, отецъ... Въ старые-то годы гуливали и подъ ручку. Охъ-хо-хо!.. Забылъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Варвара Сергѣевна.

— Еще ухаживалъ за мной какъ-то... Застрѣлиться хотѣлъ. Забылъ? Ну, да дѣло прошлое, а кто старое помянетъ — тому глазъ вонъ. Было, да прошло и быльемъ поросло.

Они шли по аллеѣ все дальше и дальше. Варвара Сергѣевна съ особеннымъ вниманіемъ разсматривала деревья и точно про себя повторяла:

— Вѣдь вонъ липки-то совсѣмъ маленькія были, а теперь вонъ какъ раскинулись... И дубы тоже. Да... А вонъ и мѣсто, гдѣ стоялъ чугунный диванчикъ... Забылъ, небось?

— Гм... нѣтъ, то-есть да... Какой диванчикъ?

— А такой! Не хитри, отецъ... Я на немъ сидѣла, а ты передо мной на колѣняхъ стоялъ и разныя лукавыя слова наговаривалъ. Увертливъ былъ... Ну, да дѣло прошлое. А, вотъ онъ, диванчикъ-то...

Старушка обрадовалась, точно встрѣтила хорошаго стараго знакомаго. Тотъ самый диванчикъ, только кругомъ разрослась зеленая гуща изъ липъ, акацій и сиреней. Уютное мѣстечко и тогда было, и теперь въ особенности,— настоящее зеленое гнѣздышко. Старушка даже вздохнула. Этакое удобное мѣсто и стоитъ совсѣмъ пустое. А прежде-то, что ни шагъ по парку, то новая парочка. Не теряли напрасно дорогого лѣтняго времени, не то, что нынѣшніе горюны...

— Битъ небитаго ведетъ...—пошутила Варвара Сергѣевна, усаживаясь на диванчикъ.—Охъ, поясницу къ ненастью ломитъ, отецъ... У тебя вотъ ножка играетъ, а у меня поясница. Точно вотъ совсѣмъ чужая сдѣлается... Ну, садись.

Иванъ Васильевичъ покорно присѣлъ на диванчикъ, продолжая ожидать непріятнаго разговора. А старуха все тянула...

— Вотъ что, отецъ... Давно я хочу сказать тебѣ. Да...—начала она наконецъ послѣ нѣкоторой паузы.—Давно я смотрю, какъ ты стараешься для дочери... Ты думаешь, никто ничего и не видитъ? Всѣ, отецъ, видятъ и смѣются... Ты только дѣло портишь своей Ритѣ. Не безпокойся, она и безъ тебя устроится. Ловкая дѣвушка, однимъ словомъ...

— Что же такое дѣлаю, Варвара Сергѣевна?

— А вотъ это самое... Думаешь, добрые-то люди глупѣе тебя. Одинъ ты умный... Смѣшишь людей, Иванъ Васильевичъ. Кто прислугу подкупаетъ? Кто на вокзалъ женіховъ встрѣчать бѣгаетъ? Кто за каждымъ прохвостомъ ухаживаетъ, какъ за именинникомъ? Послушай меня, старуху, и брось все... Не мужское это дѣло, голубчикъ.

V.

Стоялъ уже конецъ іюля. Начали перепадать холодные дождички, напоминавшіе о близившейся осени. Въ паркѣ чувствовалась по временамъ сырость. А когда пробѣгалъ холодный вѣтеръ, деревья такъ грустно шумѣли своею засыхавшею листвой. На музыку по вечерамъ собиралось все меньше и меньше народа.

— Мы завтра уѣзжаемъ, Варвара Сергѣевна,—сообщила Рита.—Я рѣшительно не понимаю, что дѣлается съ папой... Цѣлыхъ двѣ недѣли просидѣлъ въ номерѣ, а теперь вдругъ собрался уѣзжать.

— Ничего, пройдетъ... Это я его навела на грѣхъ.

Варвара Сергѣевна откровенно разсказала свой разговоръ съ Иваномъ Васильевичемъ и прибавила:

— Это вѣдь мы, то-есть женщины, у которыхъ есть взрослыя дочери на рукахъ, по необходимости дѣлаемся общимъ посмѣшищемъ. Помилуйте, какъ же не смѣшно, когда мать заботится о судьбѣ родной дочери—вѣдь очень смѣшно? Вдругъ это мать ищетъ жениха, то-есть выбираетъ человѣка, съ которымъ ея дочь будетъ вѣкъ вѣковать,—ужасно смѣшно... А потомъ эта мать превращается въ тещу, которая еще больше слѣдитъ за счастіемъ дочери. Это ужъ совсѣмъ смѣшно... Ахъ, какъ смѣшно! Мы—жертвы юмористическихъ листковъ и безпощадной карикатуры, а отцы остаются въ сторонѣ, какъ благородные свидѣтели. Вотъ твой отецъ и попробовалъ, какъ *это* легко... Ну, прощай, дѣточка, будь счастива.

Рита сейчасъ же вернулась домой, и ей было обидно за отца, котораго водяныя мамаши прозвали гусемъ. Подъ этимъ настроеніемъ она вошла въ свой номеръ и молча поцѣловала отца. Иванъ Васильевичъ даже смутился отъ этой неожиданной ласки и какъ-то виновато моргалъ глазами.

— Милый ты мой коротышка...—шептала Рита, крѣпко его обнимая.—Я никому не позволю смѣяться надъ тобой... никому! Завтра же уѣзжаемъ изъ этой проклятой ямы...

— Рита... развѣ ты... вообще, что-нибудь слышала?

— Да, я знаю все, папа, и люблю тебя еще больше...

— Ахъ, это Варвара Сергѣевна... Всѣ женщины ужасно хитры, и ты ихъ берегись, Рита.

— Папа, и я вѣдь тоже женщина.

1896.

ВСТРѢЧА.

I.

Анна Ѳедоровна страдала самой мучительной безсонницей и засыпала только утромъ, какъ разъ въ то время, когда мужъ уходилъ на фабрику. Это сердило Иннокентія Сергѣевича, какъ проявленіе неисправимой женской распущенности. Онъ, такой плотный и здоровый, никакъ не могъ понять болѣзненнаго состоянія жены и, когда его спрашивали о здоровьѣ жены, отвѣчалъ съ легкой иронією:

— Ничего, благодарю васъ... По обыкновенію, валяется въ перьяхъ. Однимъ словомъ, баба...

Онъ былъ грубоватъ, какъ грубовата была его некрасиво скроенная, но крѣпко сшитая фигура, широкое скуластое лицо и всякое движеніе. Казалось, что когда онъ просто шелъ по улицѣ, то расталкивалъ обступавшихъ его враговъ лѣвымъ плечомъ, которымъ на ходу подавался немного впередъ. Анна Ѳедоровна любила въ немъ именно эту грубоватую силу, покорившую со своимъ произволомъ и спеціально-домашнимъ деспотизмомъ. Ей даже дѣлалось жаль себя, и она иногда плакала безъ всякой побудительной причины.

Просыпалась Анна Ѳедоровна въ одиннадцать часовъ, когда ей хотѣлось еще немножко поспать—вѣрнѣе, просто понѣжиться въ постели. Но ровно въ двѣнадцать приходилъ съ фабрики мужъ, и необходимо было позаботиться о завтракѣ, вѣрнѣе—встрѣтить его и высидѣть, пока онъ ѣстъ и пьетъ.

Сегодня она проспала, и горничная Маша постучала въ дверь, когда было уже половина двѣнадцатаго.

— Ахъ, что̀ я надѣлала!—спохватилась Анна Ѳедоровна, вскакивая съ постели.

Маша, дѣвушка съ некрасивымъ, точно застывшимъ лицомъ, вошла въ спальню и подала визитную карточку.

— Это отъ кого?—удивилась Анна Ѳедоровна.—Скажи, что Иннокентій Сергѣевичъ на фабрикѣ.

— Спрашиваютъ васъ, барыня...

— Меня?

Спросонья Анна Ѳедоровна не догадалась посмотрѣть карточку и только теперь прочла: Игнатій Павловичъ Руденко. Въ первый моментъ она не могла сообразить, кто это такой, и только потомъ все вспомнила и точно испугалась.

— Ахъ, я сейчасъ, Маша... Проси его въ гостиную. Да... я сейчасъ выйду. Постой... Какой онъ изъ себя: высокій, черноволосый... красивый?

— А кто его знаетъ...—нехотя отвѣтила Маша.

„Сейчасъ“, когда дама одѣвается, не имѣетъ ничего общаго съ общепринятымъ понятіемъ о быстротѣ и хронологіи въ частности а въ данномъ

случаѣ въ особенности, хотя Анна Ѳедоровна и торопилась ужасно, т.-е. по десяти разъ гоняла Машу за одной вещью, забывала тысячу другихъ и на этомъ основаніи сердилась.

— Господи, какая я стала противная и старая,—вслухъ говорила она, стараясь придать своей утренней прическѣ красиво-небрежный видъ.

Изъ зеркала на нее смотрѣло кокетливо улыбавшееся, совсѣмъ еще не старое и очень миловидное лицо съ черными глазами и писаными бровями. Правда, когда-то оно было такое круглое и румяное во всю щеку, а сейчасъ вытянулось, отчего глаза казались больше, а около ушей начинали собираться складки кожи. Румянецъ тоже давно потухъ, и отъ него оставались неровныя пятна, какъ отъ плохо смытыхъ румянъ. Больше всего смущала Анну Ѳедоровну шея, которая, благодаря худобѣ, казалась почти коричневой, и поэтому она драпировала ее высокими рюшами или воротникомъ. Выступавшіе позвонки на спинѣ и впадины на ключицахъ никто не видѣлъ, и эти недочеты преждевременной худобы не принимались во вниманіе. А сейчасъ Аннѣ Ѳедоровнѣ хотѣлось быть именно прежней Анной Ѳедоровной, т.-е. Галей, какъ ее звали дѣвушкой, и она волновалась, точно отправлялась на экзаменъ.

— Кажется, все... — рѣшала она, въ послѣдній разъ оправляя сѣрое шерстяное платье.—Маша, а гость гдѣ?

— Въ гостиной сидитъ...

Вопросъ былъ глупый, и Анна Ѳедоровна посмотрѣла улыбавшимися глазами на Машу, которая и не подозрѣвала, что̀ за человѣкъ сидитъ въ гостиной, какъ не подозрѣваетъ и Иннокентій Сергѣевичъ. Ахъ, онъ скоро вернется съ фабрики и можетъ испортить всю сцену. Эти мужья имѣютъ скверную привычку всегда появляться не во̀-время, точно не могутъ подождать. Что̀ стоило тому же Иннокентію Сергѣевичу проѣздить на рудникъ всего лишнихъ два дня и вернуться, ну, положимъ, завтра? Конечно, въ прошломъ году проѣздилъ же цѣлую лишнюю недѣлю, а нынче пріѣхалъ даже раньше.

Анна Ѳедоровна чувствовала, какъ бьется усиленно ея сердце и въ головѣ мысли путаются, какъ спущенныя съ мотка нитки.

Интересно, какимъ сейчасъ выглядитъ Игнатій Павлычъ?

„А все-таки не забылъ...—не безъ гордости подумала она, что-то припоминая и улыбаясь.—Прежде онъ былъ такой смѣшной...“

Выходя изъ спальни, она вдругъ почувствовала, какъ сердце у нея остановилось и передъ глазами заходили темные круги. Она ухватилась рукой за косякъ двери и прошептала:

— Маша, воды... это сейчасъ пройдетъ...

Съ ней въ послѣднее время обмороки повторялись довольно часто, при каждомъ волненіи, и Маша знала, что̀ нужно ей дѣлать.

II.

Гость, черноволосый, немного сутуловатый господинъ, давно уже выражалъ знаки нетерпѣнія. У него былъ какой-то подержанный видъ, какимъ отличаются „бывалые люди“. Въ темныхъ волосахъ уже серебрилась сѣдина, а глаза были обложены тонкими морщинами. Красивое, южное лицо точно было покрыто налетомъ коричневаго загара.

„Однако Галя заставляетъ себя ждать... — думалъ гость, начиная шагать по гостиной.—Однимъ словомъ, дома, а на этомъ основаніи спитъ до двѣнадцати часовъ. „О, женщины!“—сказалъ Шекспиръ“.

Обстановка гостиной не произвела на гостя особеннаго впечатлѣнія.

Для управителя завода можно было бы и получше. Правда, рояль отличный, ковры, мягкая мебель — ничего себѣ, а олеографіи на стѣнахъ и дрянные цвѣты на окнахъ уже совсѣмъ нехорошо, точно у какого-нибудь волостного писаря или деревенскаго попа. Въ общемъ чувствовалось, что хозяйка мало обращала вниманія на обстановку.

— Да, что-то подозрительно... — вслухъ замѣтилъ гость, поправляя передъ зеркаломъ козлиную темную бородку. — А какъ прежде Галя любила цвѣты... Гм... Да. А она все-таки нейдетъ... Можетъ-быть, изъ важности хочетъ заставить подождать?

Онъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на заводскую площадь, покрытую весенними лужами. Стояла уже половина апрѣля, но въ этихъ медвѣжьихъ мѣстахъ, вмѣсто весны, какая-то слякоть. Что теперь дѣлается на благословенномъ югѣ... Гость даже вздохнулъ и взбилъ вившіеся волосы.

„И это весна... — презрительно думалъ онъ, оглядывая сѣрое небо и тускло вырѣзавшіеся за фабрикой волнистые силуэты горъ.—А у насъ...“

Онъ отвернулся, подошелъ къ роялю и, не садясь, взялъ нѣсколько тихихъ аккордовъ. Потомъ эти пробные звуки перешли въ ласковую южную мелодію, и гость совершенно забылся. Это была импровизація на малороссійскія пѣсни. Да, въ этихъ звукахъ была и весна, и горячее южное солнце, и радость, и цвѣты, и любовь, и тоска...

Онъ даже закрылъ глаза и видѣлъ тихій лѣтній вечеръ, догоравшую зарю, лодку на заснувшей поверхности рѣки и ее, розовую, полную задорнаго веселья и безпричинной молодой радости. Темные глаза любовно смотрѣли въ его глаза, дѣвичій голосъ шепталъ отвѣтныя признанія, и онъ былъ увѣренъ, что такъ будетъ вѣчно,—что жизнь одно сплошное счастье, что гдѣ-то въ воздухѣ протянулась надъ ними благословляющая рука самой судьбы. И вдругъ...

— Позвольте, милостивый государь, отрекомендоваться вамъ, — послышался за спиной мечтателя хриповатый басокъ.

Когда гость обернулся, то увидѣлъ предъ собой плотнаго мужчину съ окладистой бородой, сѣрыми упрямыми глазами и высокимъ лбомъ. Получилось впечатлѣніе чего-то сѣраго и непривѣтливаго.

— Да, Иннокентій Сергѣевичъ Никитинъ, — продолжалъ сѣрый человѣкъ, дѣлая ударенія на словахъ, точно ѣхалъ по мостовой.

— Ахъ, очень радъ... Простите, я немного увлекся, — виновато бормоталъ гость, протягивая руку.—Моя фамилія Руденко. Да... Мнѣ нужно повидать Анну Ѳедоровну...

Хозяинъ смѣрялъ недовѣрчивымъ взглядомъ гостя съ ногъ до головы и довольно грубовато проговорилъ:

— Друзья дѣтства?

— Нѣтъ, т.-е. почти... Мы встрѣчались въ Кіевѣ въ одномъ домѣ.

— Гм... да... Садитесь.

Гость замѣтилъ, что у любезнаго хозяина руки такія мускулистыя и мозолистыя, а сѣрая тужурка покрыта заводской сажей и масляными пятнами. Онъ невольно подумалъ про себя: „Ну, это порядочный медвѣдь“, и пожалѣлъ Галю. Удивительно, что могло ей понравиться въ этомъ безнадежно сѣромъ человѣкѣ?

Въ гостиной воцарилось самое неловкое молчаніе, т.-е. неловкое для гостя. Сѣрый хозяинъ молчалъ, поглядывая на дверь въ столовую, а гость напрасно подыскивалъ тему для разговора.

— А я ѣду на востокъ...—заявилъ наконецъ гость. — Да... Въ Сибирь.

— Именно? Сибирь велика...

— Въ Енисейскъ—виноватъ, въ Красноярскъ. Я все перепутываю названія этихъ городовъ... Нынче какъ-то всѣ ѣдутъ отъ насъ въ Сибирь, ну, и я поѣхалъ.

— И прогоны и подъемныя?

— И прогоны и подъемныя...

— Дѣло хорошее, когда даютъ деньги.

— Какъ вамъ сказать... У меня совсѣмъ мало осталось. Видите ли, нужно было кое-что купить: три сотни настоящихъ гаванскихъ сигаръ, консервы разные... Я даже захватилъ кіевскаго варенья.

— Варенья? Вы, значитъ, женатый человѣкъ?

— Да, т.-е. нѣтъ. Т.-е. жена живетъ отдѣльно...

— Она музыкантша?—спросилъ ни съ того ни съ сего хозяинъ.

— Нѣтъ...

— Можетъ-быть, поетъ?

— Право, не умѣю сказать, поетъ ли она сейчасъ...

— Можетъ-быть, прежде пѣла? Вѣдь у васъ тамъ, на югѣ, всѣ пѣвуны...

Этотъ глупый допросъ былъ прерванъ появленіемъ Анны Ѳедоровны. Она вошла какой-то неестественно-быстрой, театральной походкой и по-театральному протянула руку, которую гость и поцѣловалъ.

— Боже мой, какъ вы измѣнились...—невольно проговорилъ онъ, едва замѣтно задерживая ея руку.—Если бы я васъ встрѣтилъ на улицѣ, то ни за что бы не узналъ.

— А я бы васъ узнала... Вы мало измѣнились.

— О, если бы это была правда,—вздохнулъ гость.—Время безжалостно... Голова сѣдѣетъ, и вообще старюсь.

— А нельзя ли намъ дать позавтракать?—прервалъ хозяинъ. — Извините, господа, я всталъ въ пять часовъ, какъ всегда, и голоденъ, какъ волкъ.

Анна Ѳедоровна вдругъ покраснѣла.

— Завтракъ готовъ, какъ всегда, — проговорила она. — Идемте... Маруся ждетъ.

Имя „Маруся“ заставило гостя улыбнуться,—отъ него такъ и пахнуло южной ласковостью

III.

Въ столовой все уже было готово, и Маруся сидѣла за столомъ. Это была дѣвочка лѣтъ восьми, бѣлокурая и такая же вся сѣрая, какъ отецъ. Она какъ-то не по-дѣтски сурово посмотрѣла на гостя и сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечомъ, когда мать ее поцѣловала. Рядомъ съ ней сидѣла нѣмка-бонна съ какимъ-то овечьимъ убитымъ лицомъ.

— Ну, Маша, какъ дѣла?—спрашивалъ Иннокентій Сергѣевичъ, грузно усаживаясь за столъ.

Онъ намѣренно дѣлалъ удареніе на словѣ „Маша“. Малороссійское полуимя рѣзало его сѣверныя уши, и изъ-за этого у супруговъ происходили бурныя сцены.

— Не хочу я знать никакой Маруси,—горячился Иннокентій Сергѣевичъ.—У меня есть дочь Маша... Марусями зовутъ горничныхъ и телокъ.

— А для меня она Маруся, — спорила Анна Ѳедоровна до слезъ. — Маруся, Маруся...

Анна Ѳедоровна почти во всемъ уступала мужу, но этого слова не могла уступить. Гость замѣтилъ это сразу и улыбнулся. Хозяинъ больше не

обращалъ на него вниманія, за исключеніемъ случаевъ, когда наливалъ себѣ рюмку водки.

— Прикажете и вамъ, Игнатій Павлычъ?

— Нѣтъ, я не пью...

— А какъ же всѣ хохлы пьютъ горилку? Мнѣ одинъ знакомый хохолъ разсказывалъ, какъ она приготовляется: берутъ четверть водки, спускаютъ въ нее четверть фунта листового табаку и ставятъ въ теплое мѣсто.

— Право, я не знаю...—уклончиво отвѣтилъ гость.—Мнѣ не случалось этимъ интересоваться.

— Вы и не ѣдите ничего,—приставалъ хозяинъ.—А когда встанешь въ пять часовъ и наглотаешься заводской сажи, такъ, кажется, съѣлъ бы живую собаку...

„Ты и можешь съѣсть“, — подумалъ гость, наблюдая, какъ у хозяина при ѣдѣ шевелятся уши.

— Живой собакой я васъ угощать не буду,—поправила тяжеловѣсную остроту мужа Анна Ѳедоровна, — а вареники будутъ. Настоящіе *наши* вареники... Я точно знала, что вы пріѣдете, и заказала вареники къ завтраку.

— Вареники—вещь недурная, хотя въ сущности это просто испорченные наши пельмени,—замѣтилъ хозяинъ, замѣтно начиная совѣть.

Онъ съѣлъ свою порцію варениковъ, нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ и проговорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Ты, конечно, займешь гостя, Аня, а я того... Человѣкъ, который встаетъ въ пять часовъ утра, имѣетъ право послѣ завтрака почитать газету.

Протеста не послѣдовало, и онъ грузной походкой направился къ двери. Остановившись въ дверяхъ, онъ проговорилъ:

— А хохлы любятъ горилку... да...

Анна Ѳедоровна первно ощипывала бахромку салфетки, а когда домовладыка удалился, проговорила:

— Мы ежедневно напиваемся два раза: за завтракомъ и вечеромъ, когда играемъ въ карты.

— Вы?—изумился гость.

Она показала ему глазами на дѣвочку, которая разговаривала съ бонной. Гость чувствовалъ себя неловко и за себя и за хозяйку и проговорилъ:

— Какая милая дѣвочка. Вылитый отецъ...

— Да... Только она не ласкова у насъ, какъ другія дѣти. Я хорошо помню себя въ этомъ возрастѣ и была такой привязчивой!.. Ахъ, кстати, я не успѣла еще васъ поблагодарить... Вы не можете себѣ представить, сколько удовольствія доставили вы мнѣ своимъ неожиданнымъ визитомъ.

Гость наклонилъ голову и спросилъ:

— Вы позволите курить?

— О, пожалуйста... Сейчасъ будетъ кофе.

Гость заложилъ ногу на ногу и, раскуривъ папиросу, проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, Гал...

— Маруся, ты можешь итти къ себѣ,—сказала Анна Ѳедоровна дѣвочкѣ, а когда та поднялась съ недовольнымъ лицомъ, прибавила:—Не правда ли, какъ сильно я измѣнилась и... постарѣла? Да?

Послѣднее слово она выговорила съ большимъ трудомъ, точно сознавалась въ какомъ-то преступленіи.

— Если хотите, да...—отвѣтилъ онъ.

— О, я это сама знаю... Потомъ у меня сердце не въ порядкѣ, и я

скоро умру, то-есть опредѣленнаго ничего нѣтъ пока, но я знаю, что скоро умру. Скажу больше, — я знаю даже свою счастливую преемницу и, говоря откровенно, не завидую ей, какъ не завидую и другимъ, такъ называемымъ счастливымъ женщинамъ.

Она засмѣялась нехорошимъ смѣхомъ, отъ котораго у гостя пошли мурашки по спинѣ, и онъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать.

— Это дочь нашего заводскаго врача, котораго вы увидите вечеромъ,— продолжала она съ прежней улыбкой. — Можетъ-быть, и она будетъ... Ее зовутъ Татьяной Алексѣевной. Такая рослая, здоровая и властная дѣвушка. Настоящая сибирячка... Она сумѣетъ быть тѣмъ, чѣмъ я не могла быть, то-есть настоящей хозяйкой.

— Послушайте, Анна Ѳедоровна, ради Бога, оставимте этотъ разговоръ...

— Ахъ, мнѣ все равно!—устало согласилась хозяйка.—Ну, тогда разсказывайте что-нибудь о милой Малороссіи, гдѣ ясныя воды, тихія зори... я постоянно думаю о ней, и меня это убиваетъ. Знаете, есть такая болѣзнь. Она называется ностальгіей... Вотъ вы потомъ ее испытаете сами, не сейчасъ, а потомъ.

Онъ не заставилъ повторять просьбы. Они вдвоемъ вспоминали общихъ знакомыхъ, дорогія мѣста, впечатлѣнія юности.

— Помните Голыненко? Всѣ три барышни вышли замужъ—старшая живетъ въ Одессѣ, средняя въ Саратовѣ, а младшая ѣдетъ съ мужемъ во Владивостокъ. Молодой Кучеренко — помните, студентъ-медикъ, который былъ влюбленъ въ старшую?—сошелъ съ ума и теперь лѣчится за границей. Инженеръ Борщовъ умеръ, докторъ Харченко тоже, учитель греческаго языка Повертай, который хотѣлъ постричься въ монахи, недавно женился на богатой вдовѣ, богачъ Гордѣенко постарѣлъ и т. д., и т. д.

Въ послѣднемъ Иннокентій Сергѣевичъ не ошибся. Въ свое время Руденко пользовался въ студенческихъ кружкахъ большой популярностью, какъ остроумный ораторъ. Женщины имъ увлекались, а въ томъ числѣ и Анна Ѳедоровна, которая и въ Петербургъ на курсы уѣхала по его настоянію. Семья была противъ курсовъ, и ей пришлось испортить много крови, прежде чѣмъ она добилась своего. Руденко доставлялъ ей умныя книжки и вообще развивалъ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время. Эта короткая пора для Анны Ѳедоровны осталась лучшимъ воспоминаніемъ юности, и съ ней неразрывно было связано имя Руденко. Теперь она смотрѣла на бывшаго учителя благодарными глазами, стараясь вызвать потускнѣвшій отъ времени образъ увлекательнаго юноши. Между ними чуть-чуть не разыгрался романъ, но ее во-время унесла волна на сѣверъ, и романъ остался недоконченнымъ, несмотря на самыя горячія клятвы и оживленную переписку. Руденко сильно измѣнился за время, пока Анна Ѳедоровна его не видала, и она въ первую минуту даже не узнала его, хотя изъ вѣжливости и увѣряла, что онъ все такой же. Увы! прежняго Руденко уже не существовало, какъ не существовали поцѣлуи, объятія и клятвы. „Боже мой! — думала она, — неужели все это было, могло быть?“ Она вдругъ почувствовала себя такой старой-старой, такой никому не нужной и лишней, какъ выдернутый по ошибкѣ здоровый зубъ—онъ и цѣлъ, и здоровъ, и въ то же время мертвъ.

Руденко, кажется, понялъ тайный ходъ мыслей хозяйки и спросилъ:

— Дѣло прошлое, Галя... Я, конечно, не сержусь, но, за всѣмъ тѣмъ, все-таки не понимаю, что могло васъ привлечь въ этомъ господинѣ, теперешнемъ вашемъ супругѣ?

— Какъ вамъ сказать...—нѣсколько смутилась Анна Ѳедоровна.

— Вы не обязаны отвѣчать... Вопросъ, въ сущности, излишній, но, говоря откровенно, я немножко васъ ревную и, какъ всѣ ревнивцы, сосредоточиваю свою ревность именно на данномъ лицѣ, хотя это и безразлично по существу дѣла: не все ли равно, кто замѣнилъ меня?

— Вѣдь вы тоже женаты? Можетъ-быть, и въ этомъ я тоже виновата?— отвѣтила она вопросомъ.

— Если хотите, да. Кто знаетъ, что̀ было бы, если бы я *тогда* съ такою довѣрчивостью не отправился въ Питеръ. Восточный поэтъ Гафизъ правъ, когда сказалъ: тотъ не наслѣдуетъ царствія Божія, который выпускаетъ изъ своихъ рукъ полы своей милой. Тутъ и географія и хронологія вмѣстѣ... Да, такъ я часто думалъ о томъ, что̀ было бы, если бы... Мнѣ кажется, что, право, мы недурно прожили бы вмѣстѣ, Галя.

— Неразрѣшимый вопросъ о томъ, чего не было...

— Но могло быть... Виноватъ, я уклоняюсь отъ главнаго вопроса.

— Васъ интересуетъ, почему я сдѣлалась именно m-me Никитиной?

— Да, именно... Когда вы въ газетѣ наталкиваетесь на случай какого-нибудь убійства, самоубійства и вообще смерти, то васъ почему-то непремѣнно интересуетъ вопросъ объ орудіи преступленія, хотя, казалось бы, не все ли равно, какъ и чѣмъ покончилъ съ собою человѣкъ и почему онъ выбралъ именно такое орудіе.

IV.

Иннокентій Сергѣевичъ успѣлъ выспаться и умыться, а въ столовой все еще продолжался разговоръ.

„Охъ, ужъ эти друзья дѣтства! — сердито подумалъ онъ. — И о чемъ только люди могутъ разговаривать столько времени?.. Шалыганъ какой-то и, навѣрно, изъ пѣвуновъ, а баба и уши развѣсила“.

Въ столовую онъ такъ и не пошелъ, а спросилъ себѣ холоднаго квасу, выпилъ пѣлую бутылку и отправился на фабрику.

„Что̀ же, пусть его болтаетъ, — думалъ онъ дорогой, обходя весеннія лужи.—Аня въ послѣднее время скучаетъ и капризничаетъ, а тутъ шалыганъ и утѣшитъ. Кажется, онъ того, изъ бабьихъ пророковъ...“

— Можетъ-быть, вы и правы, то-есть ваше любопытство, но я, при всемъ желаніи, не могу дать вамъ обстоятельнаго отвѣта, потому что все случилось какъ-то само собой. „Онъ“ тогда былъ еще студентомъ... Такой сильный, энергичный, относившійся иронически къ кружковымъ говорунамъ. Вообще, это была совершенно незнакомая для меня сила, властная, покоряющая и—какъ вамъ сказать—гипнотизирующая. Раньше были слова, а тутъ было дѣло. Онъ былъ технологъ и бредилъ своею будущею дѣятельностью. Это были не безформенныя общія мечты, а вполнѣ опредѣленно сложившійся кругозоръ. Тутъ не могло быть мѣста сомнѣніямъ и колебаніямъ. Итти рука объ руку съ такимъ человѣкомъ, знать цѣль жизни и средства къ ея осуществленію, самой быть до извѣстной степени дѣйствующимъ лицомъ—что̀ могло быть заманчивѣе и привлекательнѣе для двадцатилѣтней фантазерки? Мнѣ рисовался далекій сѣверо-востокъ, неистощимыя богатства, плодотворный трудъ.

Она съ трудомъ перевела духъ и прибавила:

— Можетъ-быть, это законъ контрастовъ—кажется, есть и такой законъ? А вѣрнѣе—наша бабья доля... Да, я вышла замужъ и была счастлива до первой поѣздки въ родную Малороссію. Вы знаете мою семью—это настоящее дворянское гнѣздо, со своими традиціями, укладомъ мыслей, предразсудками и гоноромъ. Въ ихъ глазахъ мой бракъ являлся неравной партіей, потому что мужъ по

происхожденію простой мѣщанинъ. Можете себѣ представить, что̀ вышло изъ такой комбинаціи. Они разошлись съ перваго взгляда, съ перваго слова. Это было мое первое горе и горе ничѣмъ непоправимое. Стороны не хотѣли знать другъ друга, и мнѣ пришлось отказаться отъ собственной родной семьи. Нужно быть женщиной, чтобы понять эту бабью трагедію, совершающуюся на каждомъ шагу. Потомъ я очутилась на Уралѣ, у меня родилась дочь... Официальное счастье было налицо, и я забылась на нѣсколько лѣтъ и дошла до того, что мнѣ даже было какъ-то странно думать, что я когда-то жила въ Малороссіи, подъ другимъ небомъ, съ другими людьми, въ другой семьѣ. Свое гнѣздо женщинѣ замѣняетъ весь остальной міръ... Женщину можно приручить къ какой угодно обстановкѣ, въ ней есть какое-то примиряющееся рабское чувство... Вы только подумайте, сколько милліоновъ женщинъ взято было въ плѣнъ въ доброе старое время, и я увѣрена, что онѣ прижились среди враговъ, свили себѣ гнѣзда и забыли родные очаги.

V.

Онъ слушалъ эту страшную исповѣдь больной женщины, опустивъ глаза. Очевидно, она высказывала что-то такое наболѣвшее и выстраданное и все еще не могла подойти къ главному.

— Вамъ, вѣроятно, странно слушать меня?—спросила она, дѣлая передышку. — А между тѣмъ я въ послѣднее время очень часто думаю объ этихъ безвѣстно погибшихъ женщинахъ, уведенныхъ въ плѣнъ. Вѣдь это совсѣмъ не то, что̀ умереть на полѣ сраженія... Благородныя животныя не выносятъ рабства. У меня часто бываютъ нынче галлюцинаціи, и я вижу, какъ меня уводятъ въ плѣнъ. Да, я вижу малороссійскую деревушку, бѣленькія хатки, зарево пожара, убитыхъ мужчинъ и насъ, несчастныхъ невольницъ, которыхъ, какъ стадо барановъ, гонятъ въ степь, чтобы продать на одномъ изъ невольничьихъ рынковъ въ Крыму. Горе такъ велико, что я даже не могу плакать. Отецъ и братья убиты, они счастливы, что не увидятъ моего позора.

Она даже закрыла глаза, точно стараясь вызвать рельефнѣе эту жестокую картину и не замѣчая, что гость уже дѣлаетъ нетерпѣливыя движенія. Онъ совсѣмъ ѣхалъ сюда не затѣмъ... развѣ это Галя? Какая-то психопатка, у которой въ головѣ зайцы прыгаютъ.

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ, къ чему все это я говорю?—спрашивала она и, не дожидаясь отвѣта, торопливо продолжала дальше.—Видите ли, рабство и неволя существуютъ и сейчасъ, только приняли болѣе утонченныя формы... Посмотрите на меня, развѣ я похожу на свободную женщину? О, я сама продалась въ неволю за чечевичную похлебку изъ громкихъ словъ... Это спеціально-интеллигентное рабство... У насъ нѣтъ родины, и мы кочуемъ за своими избранниками по всей необъятной Россіи, причемъ онъ въ большинствѣ случаевъ, какъ мой мужъ, устроится въ концѣ концовъ на своей родинѣ. Съ какой бы радостью я вернулась въ свою милую Малороссію... Маленькая хатка, вишневый садочекъ—и больше ничего не нужно. И я не могу вернуться туда, гдѣ все порвано и сломано... Я умру полонянкой... Какой смѣшной у меня докторъ. Онъ, въ сущности, хорошій и неглупый человѣкъ, но слишкомъ уже вѣритъ въ собственные рецепты. И мое несчастье, что онъ меня старается лѣчить самымъ добросовѣстнымъ образомъ... Чего-чего только я ни наглоталась отъ него, и можно, право, подумать, что онъ задался цѣлью во что бы то ни стало уморить меня, чтобы выдать потомъ свою дочь за моего мужа. Мысль совершенно дикая, но, каюсь, она иногда приходитъ ко мнѣ въ голову... Вѣдь мужъ, по здѣшней логикѣ, занимаетъ блестящее положеніе—онъ получаетъ около шести тысячъ

жалованья, а когда сдѣлается главнымъ управляющимъ, то будетъ получать всѣ пятнадцать. Тутъ легко нажить счастливую соперницу...

Гость упорно молчалъ, напрасно отыскивая благовидный предлогъ для того, чтобы съ честью удрать. И зачѣмъ только нелегкая принесла его въ этотъ домъ сумасшедшихъ!

— Что же вы молчите?—заговорила Анна Ѳедоровна.—Я устала. Говорите что-нибудь. Вѣдь вы женаты?..

— Да.

— Жена бѣжала?..

— Гм... Какъ вамъ сказать... И да и нѣтъ. Вѣрнѣе сказать, мы оба бѣжали, какъ бѣгутъ другъ отъ друга концы лопнувшей струны.

— И вы отъ огорченія бросились искать счастья въ Сибири? Да разсказывайте же о себѣ что-нибудь.... Вы любили жену?.. Вы страдали?.. Вамъ больно вспомнить свое прошлое?.. Боже мой, у васъ, можетъ-быть, остались тамъ... далеко-далеко... дѣти, и вы тоскуете о нихъ святой тоской... Я не имѣю права касаться, можетъ-быть, этого больного мѣста?

— Да, у моей жены есть ребенокъ, но, къ сожалѣнію, онъ не мой.

— Понимаю... Она ушла отъ васъ?..

— Нѣтъ, мы жили вмѣстѣ до послѣдняго времени и очень мало играли въ мужа и жену. Впрочемъ, у меня есть и свой ребенокъ... то-есть онъ собственно не мой... Однимъ словомъ, тутъ цѣлая исторія, даже не романъ, а именно исторія. Откровенность за откровенность.

Онъ прошелся по комнатѣ, поправилъ волосы и заговорилъ уже другимъ тономъ:

— Видите ли, я сошелся съ одной замужней женщиной...

— Несчастный!..

— Позвольте... Она—соломенная вдова и не живетъ съ мужемъ, а у нея былъ романъ съ однимъ инженеромъ... гм... мнѣ и пришлось считаться именно съ этимъ quasi-мужемъ, и дѣло чуть не дошло до дуэли, если бы ея настоящій мужъ не примирилъ насъ... то-есть инженеръ долженъ былъ благородно ретироваться, какъ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Злые языки потомъ увѣрили меня, что все это была одна пустая комедія, и что мой предшественникъ благодаритъ судьбу, пославшую ему въ моемъ лицѣ избавителя.

— А ребенокъ?

— Ребенокъ, какъ ребенокъ... Я, изъ вѣжливости, считаю его своимъ.

— Несчастный!.. несчастный!.. несчастный!.. И вамъ не стыдно все это говорить мнѣ въ глаза?.. мнѣ, порядочной женщинѣ?

Она даже хотѣла разсердиться, но онъ посмотрѣлъ на нее такимъ безпощаднымъ взглядомъ, что гнѣва не послѣдовало.

— И какъ вы просто все разсказываете!..—удивлялась она.—Неужели это вы, тотъ Игнатій Павлычъ, за котораго я когда-то готова была отдать всю жизнь?

— Къ сожалѣнію, тотъ самый... Что дѣлать, если я обманывался въ самомъ себѣ и жестоко за это поплатился. Я совсѣмъ не гожусь для жизни, и сейчасъ меня несетъ въ Сибирь, какъ вѣтеръ несетъ мертвый осенній листъ... Какъ видите, я старался выражаться о себѣ самымъ чувствительнымъ образомъ.

— Несчастный!.. несчастный!..—повторяла она, ломая руки.—А вѣдь я сколько разъ думала о васъ... да... старалась представить себѣ ту счастливую женщину, которую вы любите... рисовала картину семейнаго счастья, вашихъ дѣтей, у которыхъ будутъ такіе же глаза, какіе когда-то были у васъ...

Кончилось тѣмъ, что Анна Ѳедоровна расплакалась и убѣжала къ себѣ въ комнату. Теперь даже и исчезнуть незамѣтно было нельзя.

— Вотъ такъ исторія!—повторялъ про себя Руденко.

Чтобы выиграть время, онъ отправился осматривать фабрику. Неловко же было бы уѣхать, не простившись съ хозяиномъ.

VI.

Вечеромъ, какъ и ожидала Анна Ѳедоровна, собрались обычные партнеры Иннокентія Сергѣевича: докторъ Рукинъ съ дочерью и механикъ Янчевскій. Руденко и тутъ оказался не на высотѣ призванія—онъ не умѣлъ играть въ винтъ.

— Рѣшительно не понимаю, что̀ вы и за человѣкъ!—удивлялся Иннокентій Сергѣевичъ.—Горилки не пьете, въ карты не играете!.. А мы-то надѣялись на васъ, какъ на четвертаго партнера... а то все должны съ болваномъ играть.

Въ послѣдней фразѣ чувствовался какъ будто нѣкоторый обидный намекъ и Руденко въ другое время могъ бы обидѣться, но сейчасъ все его вниманіе было поглощено дочерью доктора, высокой, русоволосой дѣвушкой съ какимъ-то удивительно яснымъ выраженіемъ лица. Она точно вся застыла и не могла проснуться отъ зачаровавшаго ее сна. Лицо было правильное, великорусскаго склада, и смотрѣло такъ просто своими большими, сѣрыми глазами съ поволокой.

„Ясноликая!“—опредѣлилъ ее про себя Руденко.

Анна Ѳедоровна еще къ обѣду вышла успокоенной и такъ хорошо и просто сказала гостю:

— Я на васъ не сержусь, Игнатій Павловичъ! Позабудьте о нашемъ дазешнемъ разговорѣ...

Руденко именно въ этотъ моментъ почувствовалъ себя виноватымъ, и въ немъ проснулась жажда искупленія.

— Анна Ѳедоровна, я буду мстить за васъ!

— Кому?

— А вотъ этой докторской дочери. Я ее поставлю въ самое нелѣпое и смѣшное положеніе... Вотъ увидите!

— Ради Бога, не дѣлайте этого! Я знаю, что у васъ злой языкъ, но бѣдная дѣвушка въ этомъ не виновата.

Этотъ порывъ женскаго великодушія окончательно покорилъ Руденко. Боже!.. какая женщина... какая женщина!.. Если бы онъ встрѣтилъ такую женщину, развѣ онъ мыкался бы по свѣту перекати-полемъ? У него въ головѣ внезапно мелькнула счастливая мысль: „А что̀, если взять и увезти Анну Ѳедоровну, увезти туда, на благословенный югъ? Вѣдь это даже его обязанность, какъ стараго друга. Она умретъ здѣсь, на чужбинѣ, а тамъ поправится, расцвѣтетъ и сдѣлается прежней Галей. Спасти погибающаго человѣка—это настоящій христіанскій подвигъ!“ Отъ мысли до дѣла у Руденко разстоянія не существовало, да и медленность въ этомъ случаѣ являлась преступной. Онъ въ короткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ объяснилъ Аннѣ Ѳедоровнѣ свой планъ.

— Теперь рѣшайте сами!—закончилъ онъ.—Я весь къ вашимъ услугамъ!..

Она посмотрѣла на него печальными глазами и съ больной улыбкой отвѣтила:

— Во-первыхъ, это вамъ не по дорогѣ!.. Вѣдь вы ѣдете не на благословенный югъ, а на сѣверо-востокъ!

— Мнѣ ничего не стоитъ вернуться... О, вы вполнѣ можете положиться на меня. Хотите, я сегодня же переговорю съ вашимъ мужемъ? Объясненіе,

правда, не изъ особенно пріятныхъ, но я для храбрости выпью двѣ рюмки мадеры!

— Ради Бога, не дѣлайте ничего подобнаго!

— Тогда я могу выпить всего одну?

Это былъ совершенный ребенокъ, и Анна Ѳедоровна слѣдила за нимъ все время и тревожилась. Вечеромъ, когда Руденко занялся съ докторской дочерью, она встревожилась еще больше и нѣсколько разъ подсаживалась къ нимъ, чтобы слѣдить за направленіемъ разговора. Но опаснаго ничего не было. Руденко впалъ въ проповѣдническій тонъ добраго стараго времени и, кажется, забылъ о своихъ коварныхъ замыслахъ.

За ужиномъ Анна Ѳедоровна порядкомъ струсила, когда Руденко заразъ выпилъ двѣ рюмки хересу.

— Вотъ хвалю!—поощрилъ хозяинъ.—Это по-нашему!..

Руденко разошелся, разсказывалъ анекдоты и вообще сдѣлался самимъ собой. Докторская барышня смѣялась до слезъ и обращалась съ нимъ почти фамильярно. Послѣ ужина, когда мужчины остались въ столовой за ликерами, Руденко отвелъ въ сторону Анну Ѳедоровну и сообщилъ:

— Знаете, я все устроилъ...

— Именно?..—испугалась Анна Ѳедоровна.

— Все будетъ прекрасно, Галя... Я сейчасъ сдѣлалъ... позвольте... какъ зовутъ барышню?

— Татьяна Львовна...

— Ну, такъ я сдѣлалъ ей предложеніе...

— Вы?!..

— Да, я...

— И что же она?..

— Что говорится въ такихъ случаяхъ: смутилась, опустила глазки... Ахъ, какая это дѣвушка! Какая у нея душа... Я женюсь на ней, увезу на югъ, и вы пріѣдете, Галя, гостить къ намъ. Не правда ли, какъ все это хорошо вышло?

Иннокентій Сергѣевичъ встревоженно прибѣжалъ изъ столовой, когда услышалъ истерическій хохотъ Анны Ѳедоровны. Она никогда такъ не смѣялась.

— Что съ тобой, Аня?

Она только махнула ему рукой, не имѣя силъ выговорить ни одного слова. Иннокентій Сергѣевичъ только пожалъ плечами, покосился на гостя и съ достоинствомъ вернулся на свой постъ. А Анна Ѳедоровна продолжала хохотать и сквозь слезы говорила:

— Какой... какой вы милый... Боже, какъ я васъ узнаю!.. Ахъ, какой милый... Завтра же послѣ завтрака вы уѣзжаете въ Сибирь...

— А если я не согласенъ?

— Да вѣдь вы хотите жениться только для меня, а я вамъ запрещаю... Понимаете? Потомъ вы совершенно забыли, что у васъ есть жена и соломенная вдова въ квадратѣ... Ахъ, милый югъ, милый югъ!.. Вы меня совершенно вылѣчили... Я лѣтъ десять ужъ такъ не смѣялась... Давайте руку: завтра уѣзжаете?

Онъ нахмурилъ брови, а потомъ отвѣтилъ:

— Только для васъ, Галя!.. Это—моя послѣдняя жертва!

1889.

ЗАПОЗДАВШАЯ ВЕСНА.

I.

Марья Павловна слышала, какъ вдали звякнулъ почтовый колокольчикъ, и убѣжала въ садъ съ малодушіемъ шестнадцатилѣтней дѣвушки. Она со страхомъ готовилась къ этому моменту уже цѣлую недѣлю и все-таки не выдержала. Ей сдѣлалось вдругъ ужасно совѣстно за свои пятьдесятъ три года.

Да, за ней бѣжали эти пятьдесятъ три года—для женщины совсѣмъ роковой возрастъ. Она чувствовала, какъ бьется ея сердце, какъ стучитъ кровь въ вискахъ, какъ передъ глазами заходили темныя пятна. Ей вдругъ захотѣлось спрятаться, убѣжать, чтобы унести и сохранить все то, чѣмъ она была полна и чего никто-никто не долженъ былъ даже подозрѣвать. Ей почему-то припомнилось раннее дѣтство, когда нападалъ именно страхъ, какъ молодая гроза ранней весной. Въ груди точно что̀ захолонетъ. И жутко, и хорошо, и охватываетъ какое-то предательское тепло, и глаза ищутъ кого-то, кто спрячетъ, защититъ... А кто теперь защититъ ее? Вотъ эти столѣтнія липы, которыя были свидѣтелями ея молодости, а сейчасъ видятъ ея сѣдины—да, онѣ ее защитятъ. Вѣдь онѣ видѣли цѣлый рядъ поколѣній Лутвинскихъ, онѣ прикрывали своей зеленой тѣнью влюбленныя парочки, и въ ихъ мягкомъ и ласковомъ шопотѣ еще сейчасъ слышались тѣ безумныя молодыя слова, которыя говорились вотъ здѣсь, въ этихъ запущенныхъ аллеяхъ стариннаго барскаго сада. Марья Павловна не отдавала себѣ отчета, куда она бѣжитъ и что̀ дѣлаетъ. Наконецъ она опустилась на ветхую садовую скамейку, закрыла лицо руками и... тихо засмѣялась.

А почтовый колокольчикъ былъ ближе и ближе, точно по землѣ катилась серебристая трель. Марья Павловна знала, что экипажъ спускается подъ гору, когда колокольчикъ замеръ, точно захлебнулся отъ усталости... Вотъ онъ опять вершительно забормоталъ безконечную дорожную чепуху и опять устало замеръ,—экипажъ поднимался въ гору, къ церкви. Марья Павловна замерла, когда колокольчикъ снова залился яркой трелью, точно у нея въ ушахъ. Вотъ уже совсѣмъ близко... Мимо самаго сада точно пронеслась какая-то мѣдная птица, крикнувшая на-лету: „Ѣ-де-де-демъ! Ѣ-де-де-демъ!“. Громкій топотъ тройки лошадей, эластическій трескъ колесъ—все это пронеслось въ ушахъ Маріи Павловны и сейчасъ же замерло: коляска остановилась у подъѣзда усадьбы. Марья Павловна опять закрыла лицо руками, чувствуя, какъ все въ ней замерло и только бьется одно сердце. Теперь она ужъ не улыбалась

Наступила мучительная пауза.

Марья Павловна слышала, какъ хлопали двери, какъ съ террасы зазвенѣли колокольчиками дѣтскіе свѣжіе голоса, какъ зашуршали чьи-то шаги въ сосѣдней аллеѣ. Оставаться въ саду дольше было уже преступленіемъ, а подняться не было силъ.

— Бабушка!.. Бабушка!.. — крикнулъ звонкій дѣтскій голосъ изъ зеленой чащи, и на аллею выпрыгнула дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ.—Бабушка спряталась... Бабушка хотѣла сдѣлать сюрпризъ!.. Тетя Леля, бабушка здѣсь?..

Бѣлое платьице мотылькомъ порхнуло къ Маріѣ Павловнѣ и повисло у нея на шеѣ. Это была прехорошенькая шестилѣтняя дѣвочка съ чудными глазами, похожими на васильки. Она цѣловала Марію Павловну въ щеки, въ лобъ, въ глаза и карабкалась къ ней на колѣни.

— Соня, ты меня задушишь...

— Бабушка, я о тебѣ соскучилась... Ты знаешь, какъ я тебя люблю!.. Милая, хорошая бабушка!.. А съ нами пріѣхалъ офицеръ. Онъ рвалъ дорогой цвѣты и дарилъ ихъ тетѣ Лелѣ, а тетя Леля смѣялась надъ нимъ... Онъ такой славный. Его зовутъ Базиль... У него есть рыжая собака и свой собственный солдатъ, который играетъ на гармоникѣ.

Эта дѣтская болтовня была прервана появленіемъ самой тети Лели, молодой дѣвушки съ строгимъ, красивымъ лицомъ. Въ ея походкѣ и движеніяхъ еще чувствовалась та дѣвичья угловатость, которая характеризуетъ будущую цвѣтущую женщину. Марья Павловна посмотрѣла на дочь, точно на чужую, и поздоровалась съ ней почти сухо.

— Мнѣ немножко нездоровится ..—точно оправдывалась она, принимая привычно-внушительный видъ солидной матери.—Потомъ, я совсѣмъ не ждала васъ...

— Какъ же, мама, не ждала?—удивилась дѣвушка.—Ты сама назначила сегодняшній день...

— Развѣ?

Марья Павловна вопросительно посмотрѣла на дочь и машинально оправила какую-то складку на ея платьѣ. Дѣвушка вдругъ смутилась—она почувствовала, что мать уже все знаетъ, т.-е. что онѣ пріѣхали не одни, а въ сопровожденіи гостя.

— Что же мы тутъ сидимъ...—проговорила Марья Павловна, поднимаясь съ рѣшительнымъ видомъ, точно проснулась отъ тяжелаго сна.—Идемте...

Соня полетѣла впередъ, объявляя зеленымъ почтеннымъ липамъ:—Бабушка идетъ!.. Милая бабушка...

Рядомъ съ дочерью Марья Павловна казалась ниже своего роста. Для своихъ лѣтъ она сохранилась хорошо и шла молодой походкой, представлявшей странный контрастъ съ ея сѣдыми волосами. Ея лицо сохранило еще слѣды недавней красоты, особенно глаза. Больше всего ее молодили сохранившіеся зубы. Черное платье придавало ей немного строгій видъ женщины, примирившейся со своей женской осенью. Леля въ присутствіи матери немного проигрывала, потому что въ выраженіи ея молодого лица выступало что-то недосказанное, почти тупое, особенно когда она задумывалась.

— Бабушка идетъ... Бабушка!..

Если бы маленькая дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ могла знать, какъ она этимъ словомъ рѣзала сейчасъ сердце Маріи Павловны. Какая она бабушка? Развѣ она виновата, что у Вавочки есть дѣти... Это ея личное дѣло.

II.

На большой террасѣ, выходившей въ садъ широкой старинной лѣстницей, Вавочка разговаривала съ привезеннымъ гостемъ, еще очень юнымъ офицеромъ, напрасно старавшимся принять солидный видъ. Вавочка относилась къ нему со снисходительностью старшей сестры; она очень походила на мать,

когда той было тридцать лѣтъ. Такая же высокая, стройная и строгая, съ затаенною ласковостью въ большихъ, сѣрыхъ глазахъ.

— Я немножко робѣю...—откровенно признавался гость, пощипывая усики.

— Будьте осторожны... У васъ одно изъ тѣхъ несчастныхъ лицъ, на которыхъ написана каждая мысль.

Голосъ Вавочки зазвучалъ съ неожиданною нѣжностью, и она посмотрѣла на офицера такими любящими, глубокими глазами. Ей хотѣлось взять его за руку, хотѣлось чувствовать, какъ его рука будетъ отвѣчать на ея пожатіе, какъ въ его лицѣ появится то покорное выраженіе, которое онъ не умѣлъ скрывать при чужихъ.

— Помните, что въ глазахъ maman вы женихъ Лели... Сестра—совсѣмъ дурочка.

Она хотѣла сказать что-то серьезное, но у нея вырвалось невольно:

— Знаете, вы, кажется, уже слишкомъ входите въ свою роль жениха... да. Давешніе цвѣты... однимъ словомъ, этихъ цвѣтовъ было немножко много.

— Ты меня ревнуешь?

— Тсс!..

Вбѣжавшая Соня прервала эту нѣжную сцену, и офицеръ опять принялъ солидный видъ, выпрямившись и надувъ грудь. Припадки Вавочкиной нѣжности и смущали, и радовали, и пугали его.

— Мама, Сергѣй Иванычъ Голубцовъ,—отрекомендовала Вавочка немного усталымъ голосомъ.—Молодой человѣкъ, подающій надежды сдѣлаться совсѣмъ большимъ, начиная съ упрямства. Представь, онъ совсѣмъ не хотѣлъ ѣхать къ намъ.

— Вы, кажется, рѣшились меня погубить съ перваго раза, Варвара Игнатьевна... Марья Павловна можетъ подумать... да, подумать...

— Идемте, господа, обѣдать... Я могу подумать только одно, что вы голодны, а голодные люди дѣлаются несправедливыми поневолѣ.

Обѣдъ былъ сервированъ на террасѣ, и гость впередъ смущался за свой молодой аппетитъ, не оставлявшій его даже въ такую трогательную минуту, какъ сейчасъ, послѣ сцены съ Вавочкой. Потомъ, ему показалось, что эта maman посмотрѣла на него довольно сурово и сейчасъ же перевела свой взглядъ на Вавочку, точно хотѣла прослѣдить таинственную нить, соединявшую ихъ. Онъ едва удержался, чтобы не крякнуть, какъ фельдфебель, завернувшій на даровой обѣдъ къ знакомой кухаркѣ—онъ такъ и подумалъ этимъ грубымъ сравненіемъ.

Всѣ усѣлись за столъ среди неловкаго молчанія, которое было нарушено только появленіемъ двухлѣтняго мальчика въ дѣтскомъ платьицѣ. Вавочка оживилась, подкинула его кверху и подала бабушкѣ, какъ большую куклу. Ребенокъ забавно болталъ полными ножками и весело смѣялся. Офицеръ посмотрѣлъ на него съ затаенною ревностью и наконецъ крякнулъ громче, чѣмъ позволяли приличія.

— Мнѣ немножко нездоровится,—заговорила Марья Павловна, разливая супъ съ важностью солидной матери.—У меня что-то такое... съ сердцемъ...

— Вотъ видишь, мама, какъ я была права, когда совѣтовала тебѣ ѣхать на воды,—замѣтила Вавочка наблюдая сестру, совсѣмъ равнодушно смотрѣвшую на гостя.

Говорили о спектаклѣ какого-то гастролера, пріѣхавшаго въ сосѣдній городъ, потомъ объ общихъ знакомыхъ, потомъ Марья Павловна припомнила, что встрѣчала отца Сергѣя Иваныча еще въ Москвѣ, потомъ объ урожаѣ и

кончили погодой. Когда были поданы цыплята, мимо сада курцъ-галопомъ проѣхалъ какой-то всадникъ на великолѣпной рыжей лошади.

— Аркадій Борисычъ, бабушка!—крикнула Соня, изнемогая отъ желанія соскочить со стула и опрометью броситься въ переднюю.

Марья Павловна только пожала плечами. Послышались увѣренные мужскіе шаги, и въ дверяхъ показался самъ Аркадій Борисычъ, красивый старикъ въ лакированныхъ гетрахъ и щегольской визиткѣ. Онъ подошелъ къ хозяйкѣ, почтительно поцѣловалъ у нея руку и проговорилъ сохранившимся баритономъ:

— Не могъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть васъ, Марья Павловна... Поѣхалъ осмотрѣть свои поля и незамѣтно доѣхалъ до вашей усадьбы.

— Вы точно оправдываетесь, Аркадій Борисычъ,—замѣтила Вавочка, подавая свою руку,—я не хочу сказать больше...

Мужчины раскланялись довольно сухо. Офицеръ почувствовалъ, что этотъ щеголь-старикъ точно начинаетъ давить его своимъ непринужденнымъ изяществомъ. У Марьи Павловны явилось какое-то грустное выраженіе лица.

— Если бы вы мнѣ предложили рюмку водки...—развязно заявилъ гость, оправляя свою выхоленную сѣдую бороду.

Вавочка наблюдала мать и удивлялась, чѣмъ она могла быть недовольна. Аркадій Борисычъ былъ своимъ человѣкомъ у нихъ въ домѣ еще при papa, а послѣ смерти papa помогалъ maman управлять имѣніемъ и сдѣлался еще болѣе своимъ.

Офицеръ упорно слѣдилъ за гостемъ и завидовалъ его развязности. Ему хотѣлось давеча выпить двѣ рюмки, но онъ удержался, а старикъ выпилъ эту вторую. Потомъ онъ ловко завелъ общій разговоръ и даже нѣсколько разъ обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ.

— Ахъ, молодые люди, молодые люди,—заговорилъ Аркадій Борисычъ, дѣлая округленный жестъ.—Какое чудное время стоитъ!.. Я ѣхалъ и любовался. Какъ хорошо кругомъ... До того хорошо, что хочется опять быть молодымъ, счастливымъ и даже... любимымъ.

— Вы, кажется, немного уже запоздали...—замѣтила Марья Павловна съ улыбкой.—Знаете поговорку: кто не женится въ тридцать лѣтъ и не наживетъ милліона въ сорокъ—изъ того ничего не выйдетъ.

— Мнѣ обидно, что эта поговорка относится ко мнѣ, но не могу не согласиться съ ней. Впрочемъ, я на свою судьбу не жалуюсь... Нашего брата, старыхъ холостяковъ, принято вышучивать, и мы это вполнѣ заслужили.

— Кажется, ужъ вамъ-то нельзя пожаловаться,—замѣтила Вавочка, чувствуя на себѣ пристальный взглядъ матери.—Вы и по-сейчасъ пользуетесь вниманіемъ женщинъ...

— Это вниманіе женщинъ — та фальшивая монета, которой приходится намъ утѣшаться, т.-е. старымъ холостякамъ. Обыкновенно мы сами первые начинаемъ этому вѣрить и даже гордимся созданіями собственной фантазіи. Игра въ прятки съ самимъ собой...

Вавочка начинала волноваться, потому что Аркадій Борисычъ захватилъ тонъ разговора, а бѣдный Сергѣй Иванычъ долженъ былъ молчать или отвѣчать на чужія реплики. Для перваго визита позиція самая невыгодная, и по лицу матери Вавочка видѣла, что Сергѣй Иванычъ тонетъ. Она вѣдь, maman, очень умна и сразу видитъ новаго человѣка, чего онъ стоитъ. Марья Павловна уже нѣсколько разъ посмотрѣла на Вавочку суженными глазами,—дескать, нечего сказать, хорошъ твой новый офицеръ. Вавочка начала злиться и отпустила по адресу Аркадія Борисыча нѣсколько тѣхъ колкостей, которыя найдутся въ запасѣ у каждой женщины, какъ шпильки и булавки. Въ отместку

за это maman принялась изводить офицера самымъ изысканнымъ вниманіемъ и заставила его говорить. Бѣдняга принималъ все за чистую монету и непремѣнно хотѣлъ быть остроумнымъ. У Вавочки выступили красныя пятна на лицѣ,—она такъ всегда ненавидѣла эту коварную политику maman. Ей оставалось только отвлекать вниманіе Аркадія Борисыча, чтобы онъ не вмѣшался въ разговоръ maman и не вышутилъ молодого человѣка какимъ-нибудь однимъ словомъ, что̀ обыкновенно дѣлалъ артистически, когда хотѣлъ обрѣзать молодого человѣка, являвшагося соперникомъ по части дамскаго вниманія. Одинъ Сергѣй Иванычъ не желалъ ничего замѣчать и катился впередъ по наклонной плоскости собственной погибели. Онъ закончилъ великолѣпнымъ анекдотомъ, который началъ хихиканьемъ.

— Знаете, Марья Павловна, у меня была знакомая бонна-нѣмка... Хи-хи!.. Этакая деревянная вся, и даже носъ у ней казался деревяннымъ... Хи-хи!.. И представьте себѣ, эта особа вообразила... Она сама призналась мнѣ... Какъ-то при ней зашелъ разговоръ о любви; деревянная нѣмка какъ бухнетъ: „И меня тоже коснулся любофъ...“ Хи-хи...

— Очевидно, это американскій анекдотъ, который прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ?—вмѣшалась Вавочка, испуганная возможностью продолженія анекдота о деревянной нѣмкѣ.

Вавочка боялась даже взглянуть на мать, ожидая смертельнаго удара. Вотъ-вотъ раздастся тотъ обидный смѣхъ, который убиваетъ наповалъ. Но пауза продолжалась слишкомъ долго, и, взглянувъ на мать, Вавочка увидѣла невозможную вещь: maman была смущена и смотрѣла къ себѣ на тарелку. Аркадій Борисычъ каталъ шарики изъ хлѣба и напрасно старался принять разсѣянный видъ. Вавочка даже выпрямилась при видѣ этой картины и вопросительно перевела свой взглядъ опять на maman.

— Вы мнѣ испортили весь анекдотъ, Варвара Игнатьевна,—заявлялъ Сергѣй Иванычъ, принимая паузу на свой счетъ.—Вѣдь нѣмка-то была совсѣмъ старухой, когда ея „коснулся любофъ“...

На эту поправку попробовала улыбнуться только Соня, но мать взяла ее за руку и торопливо увела съ террасы. Вавочка спасалась отъ мысли, которая поразила, какъ громъ... Она поняла, что мать счастлива запоздавшимъ счастіемъ, что она никогда не любила ея отца, что сейчасъ въ домѣ царитъ та атмосфера, которая несетъ въ себѣ заразу, и что все прошлое куда-то ушло, какъ море во время отлива.

III.

Тихая весенняя ночь. Небо усѣяно звѣздами, точно оно расшито серебромъ. Въ зеленой чащѣ сыпались дождемъ трели соловья. Старый садъ сладко дремалъ, убаюканный и мерцающимъ свѣтомъ, и соловьиными трелями, и своими старческими воспоминаніями. Если бы старыя липы могли разсказать все, что̀ онѣ видѣли и слышали!..

Старая усадьба уже заснула. Мерцалъ слабый огонекъ только въ спальнѣ Вавочки. На террасѣ появилась женская тѣнь. Она одно мгновенье постояла въ раздумьѣ, тревожно оглянулась на Вавочку, на Вавочкины окно, быстро спустилась на площадку, гдѣ были куртины цвѣтовъ, и еще быстрѣе скрылась въ боковой аллеѣ. Ей казалось, что вмѣсто ея собственныхъ шаговъ слышится чей-то насмѣшливый хохотъ, а вѣтви липъ стараются ее схватить.

— Боже мой, что̀ я дѣлаю?..

Тѣнь прошла въ дальнюю бесѣдку, и старый садъ опять замеръ.

— Любить въ первый разъ въ пятьдесятъ лѣтъ, ждать, какъ ждутъ

молодые влюбленные, бояться собственной тѣни, переживать мучительныя ночи и чувствовать себя смѣшной, эти мысли наполняли сейчасъ бесѣдку, какъ летучія мыши... А какъ давеча Вавочка посмотрѣла на меня... Она догадалась, несчастная. Ей сдѣлалось стыдно за меня, за себя, за все прошлое. Стыдъ, мука, позоръ безъ словъ, безъ желаній, безъ надежды и безъ оправданія.

И тутъ же счастье... Да, счастье—несправедливое, запоздалое, осеннее счастье. Не она ли обвиняла увлеченіе женщинъ вообще, не она ли смѣялась надъ увлеченіями бальзаковскаго возраста, и вотъ теперь сама платитъ за все дорогой цѣной. Она презирала себя и все-таки чувствовала себя счастливой, молодой, любимой... Господи, да что же это такое наконецъ? Гдѣ воля, гдѣ самолюбіе, гдѣ самое простое женское достоинство?

Соловей пѣлъ, звѣзды ярко горѣли, садъ дремалъ. Онъ оставилъ свою лошадь у старой ветлы, а самъ прокрался, какъ воръ, въ старый садъ. Ему было бы совѣстно, если бы кто-нибудь увидалъ его сейчасъ, но благодѣтельная ночь прикрывала все своимъ материнскимъ крыломъ, какъ черная птица. Вотъ и бесѣдка... Онъ чувствовалъ, что она тутъ, что она затаила дыханіе, что она сейчасъ ненавидитъ его.

— Marie, вы здѣсь?..'

— Вы ведете себя, какъ мальчишка... Я вамъ говорила, чтобы сегодня не пріѣзжали, потому что пріѣдетъ Вавочка. И вы все-таки явились... Какую я пытку вынесла, сидя за обѣдомъ! А тутъ еще этотъ болванъ, Вавочкинъ офицеръ... Я готова была провалиться сквозь землю, убѣжать, не знаю что дѣлать.

— Этотъ несчастный офицеръ уѣхалъ?

— Да... Это идея Вавочки—сдѣлать его женихомъ Лели и самой воспользоваться удобнымъ моментомъ. А я должна была дѣлать видъ, что вѣрю ей и что ничего не замѣчаю.

— Онъ глупъ...

— Это иногда великое счастье...

Опять тишина, опять звѣзды и опять соловей, нарушавшій тишину своей любовью. На террасѣ показалась Вавочка. Она видѣла, какъ по дорогѣ къ усадьбѣ мелькнула знакомая тѣнь. Maman спитъ, Леля спитъ—цѣлый міръ спитъ. Вавочка тѣнью проскользнула къ калиткѣ въ заборѣ и сама отворила ее. Они взялись за руки и пошли въ глубь сада.

— Какой ты ненаходчивый, Serge!..

Онъ широко вздохнулъ, обнялъ ее,—и соловьи могли слышать, какъ раздался поцѣлуй прощенія. Она уже вела его и довела до бесѣдки.

— Тамъ кто-то есть...—шепнула она, прислушиваясь къ тихому разговору, доносившемуся изъ бесѣдки.—Боже мой, что это такое!..

Она схватила его за руку и быстро потащила назадъ. Никто не долженъ былъ знать роковой тайны... О, какъ Вавочка теперь понимала maman: вѣдь она прожила всю жизнь не любя, прожила для дѣтей, а сейчасъ!.. У Вавочки кружилась голова и подкашивались ноги; она несла въ себѣ то же неудовлетворенное чувство и шла по той же дорогѣ.

— Вавочка, ты плачешь?—удивился офицеръ.

— Нѣтъ, я такъ... Ничего.

Черезъ годъ состоялась свадьба. Старичокъ-священникъ благословлялъ на новую жизнь болярина Аркадія и болярыню Марію.

1894.

СЧАСТЛИВАЯ МАТЬ.

I.

Когда Анна Павловна перелистывала какое-нибудь иллюстрированное изданіе, она съ особеннымъ вниманіемъ останавливалась на картинкахъ семейнаго характера,—это такъ отвѣчало ея внутреннему міру, но она улыбалась своей хорошей, задумчивой улыбкой. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо сумѣли подмѣтить и передать неизвѣстные Аннѣ Павловнѣ художники самыя мельчайшія подробности семейнаго счастья: вотъ „Первенецъ“, вотъ „Первая елка“, „Первая непріятность“, „Коля именинникъ“ и цѣлая серія стереотипныхъ картинъ подъ общимъ названіемъ: „Счастливая мать“. Ахъ, какъ много этихъ счастливыхъ матерей, всѣ онѣ такія молодыя, улыбающіяся, какъ сама Анна Павловна, и если что̀ можно поставить имъ въ вину, такъ это развѣ то, что всѣ онѣ до тошноты походятъ другъ на друга, какъ и виновники ихъ улыбающагося счастья, эти пухлые мальчики и дѣвочки въ такихъ забавныхъ распашонкахъ, съ голыми ручками и ножками и невинными дѣтскими глазками.

„Вотъ этотъ „Первенецъ“ ужасно походитъ на моего Мишу, — съ гордостью настоящей счастливой матери думала Анна Павловна, разсматривая какую-нибудь гравюру. — Такой же бутузъ... и локотки въ ямочкахъ, и каждый пухленькій пальчикъ въ суставахъ точно перевязанъ ниткой, а надутыя губки такъ и хочется расцѣловать. Удивительно наблюдательный народъ эти господа художники...“

Мужъ Анны Павловны находилъ всѣ такія картинки ужасно банальными и не упускалъ случая подшутить надъ женой, когда нечаянно заставалъ ее за иллюстраціей. Онъ былъ человѣкъ дѣловой и не выносилъ вообще пустяковъ, а господамъ художникамъ и Богъ велѣлъ заниматься разными бирюльками, благо есть спросъ и на такой товаръ. Да и что̀ необыкновеннаго нашли въ этихъ „первенцахъ“, — самое обыкновенное дѣло, которое должно вызывать какъ разъ обратныя чувства. Съ каждымъ годомъ жить становится труднѣе, и каждый новый пришлецъ въ этотъ лучшій изъ міровъ приноситъ съ собой такую массу заботъ, хлопотъ и непріятностей, что, право, никто во второй разъ не рѣшится родиться. Материнство, конечно, вещь почтенная, но скверно то, что матери любуются сами на себя и требуютъ еще, чтобы другіе любовались на нихъ, тогда какъ изъ сотни этихъ размалеванныхъ „счастливыхъ матерей“ любая половина, нѣтъ — девяносто девять сотыхъ будутъ горько плакать, когда ихъ „первенцы“ сдѣлаются настоящими большими болванами.

Иванъ Борисычъ даже сердился, что̀ очень забавляло Анну Павловну, хотя она и старалась напрасно не раздражать мужа и торопливо переверты-вала номеръ иллюстраціи, когда мужъ заставалъ ее въ этомъ предосудитель-

номъ занятіи. Разъ она все-таки попалась, — Иванъ Борисычъ засталъ ее на самомъ мѣстѣ преступленія.

— Прекрасное занятіе...—иронически замѣтилъ супругъ.—Неужели тебѣ, Аня, не надоѣли еще всѣ эти глупости? Право, пора бросить ребячество, и ты не маленькая...

— А если это мнѣ доставляетъ удовольствіе, Жанъ?..

— А если это твое удовольствіе бѣситъ меня?..

Дѣло происходило послѣ обѣда, когда Иванъ Борисычъ имѣлъ привычку гулять по всѣмъ комнатамъ съ сигарой въ зубахъ, шлепая туфлями и заложивъ руки въ карманы. Анна Павловна надулась, швырнула отъ себя иллюстрацію и сосредоточенно принялась разсматривать пустой уголъ комнаты.

„Скоро ли онъ уберется къ себѣ въ кабинетъ?“—думала она, не желая дѣлать сцены.

— Вотъ ты и разсердилась, — по возможости ласково заговорилъ Иванъ Борисычъ, подсаживаясь на диванъ. — Ну, перестань, дурочка. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ обидно, когда уважаешь человѣка... да... и любишь, а тутъ какая-то дѣтская глупость.

— Вы сегодня лѣвой ногой встали съ постели, Иванъ Борисычъ, и только ищете предлога, чтобы ко всѣмъ придираться; поэтому всего лучше будетъ, если вы уйдете къ себѣ въ кабинетъ, или еще лучше—я уйду въ дѣтскую.

— Я? придираться? Вотъ ты, Аня, всегда такъ...

Анна Павловна съ рѣшительнымъ видомъ поднялась съ дивана, но Иванъ Борисычъ предупредилъ ее и зашлепалъ въ кабинетъ.

— Ухожу, ухожу...—бормоталъ онъ, но въ дверяхъ залы остановился, поднялъ брови и проговорилъ уже дѣловымъ тономъ: — Кстати, я хотѣлъ переговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ... да... И, представь себѣ, оно относится какъ разъ къ твоимъ любимымъ картинкамъ: наша кухарка Матрена готовится сдѣлаться тоже счастливой матерью, такъ... гм... вообще необходимо что-нибудь предпринять...

— Матрена?!..

— Да, что же тутъ удивительнаго? Матрена такая же женщина, *ergo*... Неужели ты ничего не замѣтила, когда она сегодня подавала намъ обѣдъ?

— Не можетъ быть!.. Матрена порядочная дѣвушка и уже въ такихъ годахъ... Вообще вздоръ.

Иванъ Борисычъ только пожалъ плечами и сдѣлалъ шагъ въ кабинетъ, но Анна Павловна остановила его. Она сильно взволновалась, и на лицѣ выступили у нея даже красныя пятна.

— Жанъ, что же дѣлать? — спросила она такимъ тономъ, точно боялась кого-то разбудить.

— Очень просто: отказать и взять другую Матрену...

Анна Павловна закусила губы и опустила свои красивые глаза. Въ ея домѣ, подъ одной съ ней кровлей и такой развратъ — нѣтъ, это ужасно, ужасно, ужасно! И она ничего до сихъ поръ не замѣчала, а Матрена, слѣдовательно, обманывала ее самымъ наглымъ образомъ.

— Жанъ, ты лучше самъ переговори съ ней, — отвѣтила Анна Павловна послѣ короткаго раздумья. — А я рѣшительно не могу больше видѣть эту женщину... Вообще, это ужасно!

— Гм... да. У меня разговоръ будетъ короткій, — самодовольно проговорилъ Иванъ Борисычъ, направляясь черезъ залу въ столовую. — Нельзя же въ самомъ дѣлѣ поощрять...

Когда замерли шаги Ивана Борисыча, спускавшагося изъ столовой по

лѣстницѣ въ кухню, Анна Павловна взволновалась еще больше и даже убѣжала въ дѣтскую, гдѣ въ своей кроваткѣ мирно покоился ея первенецъ Миша. Счастливая мать точно хотѣла защитить свое гнѣздо отъ какой-то страшной бѣды. Навѣрное эта гадкая Матрена разревется, начнетъ причитать и вообще продѣлаетъ цѣлую комедію.

— Ну что?—спрашивала Анна Павловна, когда мужъ вернулся изъ кухни.

— Ничего... У меня живо: сказалъ, и достаточно.

— А что же она: плачетъ?

— Нѣтъ, просто молчитъ, да и что ей говорить, когда доказательства налицо. У насъ не родильный домъ... Я ей безъ околичностей заявилъ, да она и сама не отпиралась: дѣло очевидное.

Когда непріятность устранилась такъ просто, на Анну Павловну напало раздумье. Мужъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ „посмотрѣть въ газету“, т.-е. заснуть съ газетой въ рукахъ; въ дѣтской тишина, Миша спитъ такъ сладко. Анна Павловна попробовала приняться за обычную работу, но какъ-то все у ней валилось изъ рукъ, и она все прислушивалась, что дѣлается тамъ, въ кухнѣ. Если бы Матрена разревѣлась и начала валяться въ ногахъ у барина, это не произвело бы такого впечатлѣнія, какъ молчаніе. Вѣдь думаетъ же о чемъ-нибудь эта несчастная? Анна Павловна съ такой живостью представила себѣ безвыходное положеніе этой Матрены (получился дешевенькій каламбуръ, которымъ Иванъ Борисычъ не успѣлъ еще воспользоваться), что ей вдругъ сдѣлалось совѣстно, точно она, Анна Павловна, въ чемъ-то была виновата передъ Матреной.

Анна Павловна отправилась сейчасъ же въ кабинетъ мужа и, пріотворивъ дверь, спросила:

— Ты ее прогналъ, а она молчитъ!

— Дда... ммолчи-итъ...—въ просоньѣ бормоталъ Иванъ Борисычъ, закрываясь газетой отъ мухъ.—Дурра она... ы-ыгм!..

Послышалось сонное потягиванье, зѣвота и ровное похрапыванье сладко засыпающаго человѣка. Анна Павловна на носкахъ отправилась черезъ залу, притворила дверь въ дѣтскую и съ рѣшительнымъ видомъ подошла къ лѣстницѣ въ кухню.

II.

Матрена связывала какой-то узелъ со своимъ имуществомъ, когда барыня спустилась въ кухню. Она даже не повернула головы на шумъ шаговъ и спокойно продолжала свое бабье занятіе.

— Матрена, ты... ты уходишь...—начала Анна Павловна, чувствуя, что она говоритъ совсѣмъ не то, что нужно.

— Расчетъ получила, стало-быть, и ухожу, — отвѣтила Матрена.

— Куда же ты уходишь?

— А не знаю...

— Развѣ у тебя нѣтъ ни родныхъ ни знакомыхъ?

— Какъ не быть, барыня, да только какъ я имъ на глаза покажусь въ этакомъ видѣ... Ужъ я такъ куда-нибудь...

Отъ волненія Анна Павловна должна была присѣсть на лавку. Спокойствіе Матрены и грубоватый тонъ ея отвѣтовъ нѣсколько расхолодили охватившій ее порывъ, а между тѣмъ она чувствовала такой приливъ нѣжности и просто сгорала отъ желанія утѣшить и приголубить эту несчастную. Покончивъ съ узломъ, Матрена повернулась лицомъ къ барынѣ и внимательно посмотрѣла на нее своими сѣрыми, по-бабьи добрыми глазами. Лицо у Матрены

было некрасивое — скуластое, покрытое веснушками, съ широкимъ ртомъ и приплюснутымъ носомъ; все оно было какое-то плоское. Впрочемъ, сейчасъ съ немъ тѣнью прошло то мягкое выраженіе, которое приноситъ съ собой материнство, и Анна Павловна, внимательно вглядѣвшись, нашла его даже привлекательнымъ. Раньше она какъ-то совсѣмъ не обращала никакого вниманія на эту Матрену: деревенская баба и только, такихъ бабъ милліоны.

— А больше тебѣ некуда итти?..—спросила Анна Павловна, не рѣшаясь назвать отца будущаго ребенка.

Матрена поняла этотъ вопросъ, потупилась и, прикрывая свой широкій ротъ концомъ головного платка, прошептала:

— Кому *такую-то* надо, барыня... Спирька тоже жалѣетъ, а дѣла этимъ не поправишь... Онъ будто изъ сусѣдней деревни, такъ сызмальства знаетъ меня...

— Можетъ-быть, онъ женатый?..

— Какое женатый — такъ болтается... Попалъ въ городъ, нагулялъ дикаго жиру, вотъ и спутался... Онъ добрый, какъ бы я то не сконфузила себя...

— Онъ долженъ жениться на тебѣ, Матрена... Хочешь, я сама переговорю съ нимъ? Это безсовѣстно—бросать тебя въ такомъ положеніи...

Это неожиданное предложеніе даже испугало Матрену, и она замахала руками.

— Что вы, барыня, какъ это можно... Въ такомъ-то видѣ да замужъ: свои-то деревенскіе засмѣютъ Спирьку... Ежели бы не моя неустойка, такъ онъ безпремѣнно женился бы. Самъ говорилъ...

Эта Матрена была безнадежно глупа, и Анна Павловна отказывалась понимать ея логику: онѣ говорили на разныхъ языкахъ.

— Такъ замужъ за этого Спирьку ты не хочешь выходить? — еще разъ переспросила Анна Павловна, начиная терять терпѣніе.

— Да зачѣмъ мнѣ за него замужъ-то итти?—удивлялась въ свою очередь Матрена. — Мы вѣдь не церковные, у насъ дѣвкамъ совсѣмъ свободно, ежели у которой своего стыда нѣтъ... Сводомъ у насъ замужъ выходятъ.

— Ты, значитъ, старовѣрка?

— Нѣтъ, столовѣры особо, а мы особо... Свое согласіе у насъ, и всѣмъ старички заправляютъ. Насчетъ свадебъ то же самое: поставятъ жениха съ невѣстой въ избѣ подъ матицу, старики почитаютъ и попоютъ надъ ними — вотъ и будутъ молодые...

— А дѣти какъ?

— Обнаковенно, какъ и у другихъ...

Вниманіе и ласковые разспросы расшевелили наконецъ Матрену: она смахнула рукой свои деневыя бабьи слезы и завсхлипывала. Анна Павловна, проникнутая участіемъ къ ея горю, подала ей воды, что разсмѣшило Матрену.

— Точно я барышня...—шептала она, глотая слезы.—Охъ, горюшко мое, барыня!.. Жила же раньше-то: другія дѣвки балуютъ, а я все себя соблюдаю... Работала, не покладаючи рукъ, а какъ нагуляла у васъ жиру... Охъ, не знаю, куды и головушку приклонить. И передъ вами-то мнѣ совѣстно... обманула я всѣхъ.

Косые лучи вечерняго солнца уже заглянули въ кухню и разбудили мухъ, дремавшихъ на полкахъ и по стѣнамъ. Гдѣ-то далеко звонили къ вечернѣ. Анна Павловна сознавала, что ей слѣдуетъ уходить и что она ужъ очень разнѣжничалась съ этой Матреной, но ее удерживало какое-то смутное и новое чувство, точно въ Матренѣ она сейчасъ полюбила часть самой себя, полюбила въ ней то хорошее и доброе, что ее сейчасъ наполняло. Собственно говоря, Матрена никогда не возвысится до ея настроенія, но всякое истинно-доброе дѣло хорошо уже само по себѣ и само себѣ лучшая награда.

— Хорошо, я поговорю съ бариномъ, — резюмировала она результатъ своей бесѣды: — можетъ-быть, онъ и оставитъ тебя... Только съ однимъ условіемъ, чтобы впередъ ничего подобнаго уже не повторялось.

Матрена бухнула въ ноги и принялась клясться, что впередъ ни-ни, а Спирькѣ прямо глаза выцарапаетъ, если онъ, путаникъ, близко подойдетъ къ ней.

— Да за воротами не слѣдуетъ торчать каждый вечеръ, — посовѣтовала Анна Павловна.

Поднимаясь изъ кухни въ столовую, Анна Павловна переживала свое хорошее настроеніе еще разъ и только боялась, что Иванъ Борисычъ можетъ заспорить и, пожалуй, даже сдѣлаетъ сцену. Онъ былъ упрямъ, этотъ Иванъ Борисычъ... Она торопливо вошла въ кабинетъ мужа, подсѣла къ нему на диванъ, осторожно сняла съ него раскрытую газету и ласково заговорила:

— Жанъ, видишь ли, въ чемъ дѣло... Я сейчасъ изъ кухни и нахожу, что... что Матрена достаточно уже наказана, и выгонять ее на улицу въ такомъ видѣ просто безчеловѣчно.

— Ну-съ...

— Ты не слушаешь меня?

— Ахъ, оставь, пожалуйста: дѣлай, какъ знаешь. Только меня оставь въ покоѣ.

Странно, что эта слишкомъ дешевая побѣда испортила радужное настроеніе Анны Павловны: она жаждала по меньшей мѣрѣ подвига, а тутъ вдругъ какое-то сонное согласіе и полное безучастіе. Когда она выходила изъ кабинета, Иванъ Борисычъ открылъ глаза и пробормоталъ ей вслѣдъ:

— Сразу двѣ счастливыхъ матери... прекрррасно!..

Что-то кольнуло Анну Павловну — и то, что мужъ ставитъ ее на одну доску съ Матреной, и самый тонъ, какимъ была сказана послѣдняя фраза. Зачѣмъ онъ такъ говорилъ съ ней? Вѣдь дурного она сейчасъ ничего не сдѣлала... Мужъ, вообще, любилъ вышучивать ее, и Анна Павловна въ эти минуты чувствовала, что онъ дѣлается ей чужимъ, и что между ними выростаетъ точно глухая стѣна.

„Онъ злой человѣкъ... — подумала Анна Павловна вслухъ, направляясь въ дѣтскую.—Вѣчная проза и только одна проза".

По дорогѣ въ гостиной она невольно остановилась передъ зеркаломъ. На нее изъ рамы смотрѣло такое молодое и красивое лицо. Свѣтло-русые волосы прихотливыми завитками окаймляли бѣлый лобъ, темные глаза слегка щурились отъ сильнаго свѣта, а розовыя губы съ характернымъ разрѣзомъ сами собой складывались въ счастливую улыбку. Да, она если не красавица, то во всякомъ случаѣ одна изъ очень хорошенькихъ женщинъ, и вдругъ какая-то Матрена съ ея ртомъ до ушей и плоскимъ лицомъ... Анна Павловна улыбнулась сама себѣ и вслухъ проговорила:

— Да, я счастливая мать.

III

... Длинный осенній вечеръ. Въ кухнѣ темно. Матрена управилась и сумерничаетъ одна. На полу возятся двое ребятишекъ—Ванютка, четырехъ лѣтъ, и Марѳутка—двухъ.

— Мамъ... а мамъ? — плаксиво повторяетъ Ванютка.

— Чего тебѣ, постылому? — лѣниво отвѣчаетъ Матрена. — *Ужо* вотъ отецъ придетъ, онъ тѣ задастъ...

Мальчикъ выводитъ плаксивую ноту, какъ потухающій самоваръ, и затихаетъ. Матрена дремлетъ и сквозь дремоту прислушивается, что дѣлается наверху. „Надо-быть, губернанка тоже спитъ, а дѣти одни въ столовой. Охъ,

хо-хо!.. Дѣтушки, дѣтушки...“ Матрена тяжело вздыхаетъ и перевертывается на другой бокъ. Подумаешь, какъ время-то летитъ... Давно ли, кажется, вотъ въ этой самой кухнѣ Анна Павловна ее же, дуру, уговаривала тогда, когда Ванюткой затяжелѣла, — добрая была барыня, до всего понятливая. А тутъ точно что̀ попритчилось у нихъ съ бариномъ: все на перекосыхъ пошло. Вздорили-вздорили, а потомъ Анна Павловна и уѣхала... Что̀ у нихъ вышло — ума не приложишь. Нечего сказать, Иванъ Борисычъ ндравный баринъ, а такъ какъ будто и ничего. Спирька болталъ, что повѣзживалъ онъ къ одной сударкѣ, ну, да барыня-то недогадливая, очень ужъ ввѣрилась въ барина. Обыкновенно, свои дѣти — забота, а отцы-то себѣ гуляютъ. Старшенькому-то барчуку Мишѣ теперь шестой годочекъ пошелъ, а барышнѣ Наташѣ — четвертый. Сынъ да дочь — красныя дѣтки, все равно, какъ и у ней, у Матрены. А какъ она убивалась, Анна-то Павловна, когда уѣзжала отъ мужа: такъ рѣка рѣкой и заливается слезьми, а Иванъ Борисычъ не допустилъ ее проститься съ ними. Извѣстно, всѣ мужики ироды̀ нѣлаются, когда бабы что̀ ни на есть имъ навстрѣчу скажутъ. Ребятишечки-то съ полгода все приставали: гдѣ мама? куда мама уѣхала? Тоже вѣдь несмысленные ребятки, а мать не забыли. Какъ они заголосятъ, Иванъ Борисычъ сейчасъ въ кабинетъ на ключъ. Ну, губернанку нанялъ, а ребятки все свое: гдѣ мама? Охъ, не глядѣлъ бы, кажется, вчужѣ сердце надрывается.

— Мамъ... а мамъ... — приставала Мароутка, цѣпляясь ручонками за материнъ сарафанъ.

— Чего тебѣ?..

— Ванютка меня уби-илъ...

— Вотъ ужо я его, негоднаго!.. — говоритъ Матрена. — Ванютка, мотри, я тебя расчешу... я...

На лѣстницѣ, которая ведетъ изъ столовой въ кухню, слышатся легкіе шаги. „Это баричъ хозяйкомъ спускается,—думаетъ Матрена, поднимаясь:— ишь, испужался темноты-то...“ Она достала огня и зажгла лампочку. На лѣстницѣ дѣйствительно стоялъ Миша, ухватившись худенькими ручонками за притолоку.

— А гдѣ Ваня? — спросилъ мальчикъ. — Пусть онъ идетъ къ намъ... будемъ играть...

— Придетъ, Мишенька, сейчасъ придетъ, — ласково отвѣтила Матрена, обдергивая ситцевую рубашку на своемъ Ванюткѣ и приглаживая ему на головѣ космы своей грубой, зоркой рукой. — Ванютка, а ты у меня мотри, пострѣлъ... Въ прошлый разъ чуть глаза не сверзилъ.

На лѣстницѣ мелькаетъ дѣтское платьице, и тонкій голосокъ Наташи спрашиваетъ:

— А гдѣ Марѳенька?..

„Охъ, родненькіе вы мои, хуже вы сиротъ“, — думаетъ Матрена, обдергивая Марѳеньку, и сейчасъ прибавляетъ вслухъ:

— Сейчасъ, барышня, вотъ только малость поправимся...

Къ барышнѣ Матрена чувствовала какую-то особенную, почти болѣзненную любовь и каждый разъ терялась отъ усердія, чѣмъ бы угодить ей: какой же господскій домъ безъ барышни, а вырастетъ барышня большая— хозяйка будетъ. Да и барышня такая ласковая да привѣтливая,—надо полагать, вся въ мать. Лицомъ-то больше на мать Мишенька походитъ, ну, да мужское дѣло—израстетъ.

Отправивъ дѣтей наверхъ, Матрена подняла въ кухнѣ свою обычную вечернюю возню: выставляла и приставляла какіе-то горшки, гремѣла ухва-

тами, чистила и скребла посуду и десять разъ выскакивала въ сѣни, гдѣ скрипѣла дверь въ чуланъ.

„Баринъ-то въ клубъ уѣхалъ, такъ ребятки одни поужинаютъ, — вслухъ думала Матрена, хлопая дверями. — Губернанка-то больно до макароновъ охоча, а барышня больше уважаетъ манную кашу съ вареньемъ...“

На улицѣ шелъ назойливый осенній дождь, и вода ручьемъ бѣжала съ крыши. Временами поднимался вѣтеръ и гдѣ-то лихорадочно дергалъ отставшую доску. Матренѣ нѣсколько разъ казалось, что кто-то какъ будто постукиваетъ въ ворота; она прислушивалась, но стукъ не повторялся.

„Поди, Спирька опять пьяный приволочется, — думала Матрена и тяжело вздыхала.—Охъ, согрѣшила я съ нимъ, а дѣваться некуда. Ушла бы, куда глаза глядятъ, какъ барыня, да ребятишекъ не на кого покинуть. А Спирька безпремѣнно придетъ, потому видѣлъ, какъ въ субботу я трешницу размѣняла“.

Осторожный стукъ въ окно, выходившее на улицу, заставилъ Матрену вздрогнуть. Прежде Спирька такъ-то знакъ подавалъ выходить на улицу... Припавъ къ стеклу лицомъ, Матрена долго всматривалась въ стоявшую на улицѣ тьму и ничего не могла разобрать. Когда она отвалилась отъ окна, стукъ повторился.

— Ужо отопру ворота,—отвѣтила Матрена.

Кучеръ, отвозившій барина въ клубъ, ушелъ со двора и не вернется раньше полночи, и Матрена оставалась въ своей кухнѣ одна. Она пошла во дворъ и, прежде чѣмъ отодвинуть запоръ, спросила:

— Кто тамъ, хрещеный?

— Это я, Матрена...—отвѣтилъ женскій голосъ.

Матрена не узнала голоса, а только когда пріотворила калитку, то уже по росту узнала барыню Анну Павловну и даже испугалась.

— Я такъ... на минутку...—бормотала Анна Павловна, оглядываясь на извозчика, который ждалъ ее на углу улицы.

— Барина-то нѣтъ дома, а губернанка спитъ,—докладывала шепотомъ Матрена,—такъ я васъ наверхъ проведу...

— Ахъ, нѣтъ... не нужно... Я только одну минутку въ кухнѣ посижу. Дѣти здоровы?

— Слава Богу, всѣ благополучны... Да я вамъ ихъ въ кухню и приведу, барыня.

— Нѣтъ... это неудобно будетъ. Зачѣмъ тревожить ихъ...

— Ахъ, барыня, барыня... голубушка Анна Павловна! И ручки-то у васъ холодныя, а баринъ въ клубѣ, губернанка спитъ, я бы и привела дѣточекъ въ кухню.

Въ теченіе этой сцены Матрена нѣсколько разъ вытирала глаза рукой, а потомъ опять звала барыню наверхъ и удивлялась, что та все толмитъ свое „нѣтъ“ да „нельзя“, точно и словъ другихъ нѣтъ. Въ кухню Матрена вошла первой и осторожно пріотворила дверь на лѣстницу вверхъ.

— Играютъ дѣточки-то въ столовой, — шептала она.—Охъ, барыня, да вы бы хоть дипломатъ-то сняли, а то вода съ васъ такъ и бѣжитъ ручьемъ... обогрѣлись бы малымъ дѣломъ...

Анна Павловна не слушала ея и сѣла на лавку. Зачѣмъ она пришла сюда? Еще дѣти, пожалуй, увидятъ ее... Но было что-то сильнѣе самыхъ разумныхъ мыслей, что̀ привело ее сюда и заставляло сидѣть въ кухнѣ. За эти пять лѣтъ Анна Павловна сильно измѣнилась, похудѣла, а лицо сдѣлалось такое блѣдное и строгое. Вся въ черномъ, она походила на монахиню.

— Голубушка Анна Павловна, сколько у васъ господъ въ дому бывало...— не унималась Матрена:—тоже было попито и поѣдено, а вы имъ на фортуньянахъ разыгрывали... аблакаты, офицеры, генералъ... Неужели они-то ничего не могли для васъ сдѣлать?.. Я все про дѣточекъ-то: вѣдь и мое сердце изболѣлось, глядючи на нихъ. Все бы мать-то поближе имъ, чѣмъ отецъ... Ну, ежели бы барича нельзя взять у отца, такъ хоша бы барышню.

Анна Павловна горько улыбнулась и покачала отрицательно головой: „нѣтъ, нельзя, ничего нельзя...“

— Такъ я сама, барыня, къ генералу пойду,—предлагала Матрена,—паду ему въ ножки и не уйду, пока онъ по-моему не сдѣлаетъ. Генералъ все можетъ... Вѣдь есть же управа и на мужчиновъ, а то накося, Иванъ Борисычъ ухватилъ дѣтей и знать ничего не хочетъ.

Немного успокоившись, Анна Павловна долго разспрашивала про дѣтей и нѣсколько разъ подходила къ лѣстницѣ въ столовую, чтобы хоть послушать дорогіе для ея уха дѣтскіе голоса. Матрена успѣла всплакнуть и сквозь слезы шептала:

— Мой-то идолъ, Спирька-то, тоже хотѣлъ какъ баринъ сдѣлать, да я его живой рукой выворотила... Какъ вы тогда ушли, ну, я съ нимъ законъ и прими, по нашей вѣрѣ законъ, значитъ, у стариковъ. Хорошо... Сперва Спирька-то какъ будто и ничего, а потомъ и учалъ изъ меня жилы тянуть: „жена, что хочу, то и дѣлаю съ тобой“... Извѣстный у нихъ, у идоловъ, разговоръ-то!.. Ну, было у меня накоплено пятьдесятъ рубликовъ—онъ ихъ пропилъ, а потомъ дѣло до сундуковъ дошло... Тоже было нажито... Охъ-хо-хо! Ну, я его обратила напротивъ, а онъ, какъ баринъ: „возьму ребятъ“. Тутъ ужъ моя неустойка передъ нимъ вышла, совсѣмъ я ослабѣла и чуть-было всего добра не лишилась, только мою кровь не троньте. Побѣжала я этакъ вечеркомъ къ аблакату, который въ трактирѣ прошенія пишетъ. Въ ноги ему, такъ и такъ... Взялъ онъ цалковый и говоритъ: „Ступай и молись Богу за твоихъ старичковъ, которые тебя вѣнчали... Не настоящій это законъ и твоихъ дѣтей никто не смѣетъ отнять, а Спирьку въ три шеи“. Вотъ тѣ Христосъ, такъ и сказалъ, а я все по-его сдѣлала. Укрѣпилась, и конецъ тому дѣлу.

— Что же твой Спирька?

— Сперва-то тоже храбрость напустилъ и въ участокъ побѣжалъ, а тамъ ему всю неустойку его и объяснили. Съ Иваномъ Борисычемъ совѣтовался, и баринъ то же самое ему сказалъ...

— Ну, прощай, мнѣ пора уходить,—заговорила Анна Павловна, въ послѣдній разъ глядя на лѣстницу въ столовую.

— Куда вы, барыня?..

— Я? Не знаю... не все ли равно, куда ни итти...

Она простилась и молча пошла изъ кухни. Матрена ее провожала, шлепая по лужамъ дождевой воды. Отворяя калитку, она остановилась и шопотомъ проговорила:

— Барыня, что я вамъ скажу... ужъ извините вы меня на моемъ бабьемъ глупомъ словѣ... Глядѣть-то на васъ сердечушко изболѣлось, а вѣдь дѣло и поправить можно: переходите вы въ нашу вѣру, къ старичкамъ, тогда и ребятокъ-то оборотить можно.

Анна Павловна остановилась и, прислонившись плечомъ къ косяку калитки, тихо заплакала. Господи, какъ ей было тяжело... Если есть счастливыя матери, такъ это скорѣе вотъ такія Матрены, а совсѣмъ не тѣ несчастныя куклы, которыхъ разрисовываютъ господа художники.

1889.

ЗАБЫТЫЙ АЛЬБОМЪ.

I.

Арсеній Павловичъ Елтуховъ умиралъ. Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. „Интеллигентная“ болѣзнь подтачивала его съ аккуратностью часового мастера. Мысли о спасеніи не было уже мѣста. Въ первый моментъ мысль о неизбѣжной смерти точно заморозила всю кровь въ жилахъ. Это былъ даже не страхъ, не отчаяніе и не малодушіе, а что-то совсѣмъ новое, еще не испытанное и роковое. Говоря сравненіемъ, больной точно переправлялся на какой-то таинственный, не изслѣдованный еще материкъ, пока достигъ нѣкотораго совершенства, именно научился смотрѣть на себя со стороны, какъ смотрятъ на чужого человѣка. Это былъ очень мучительный психическій процессъ,—процессъ самоотреченія и потери всѣхъ личныхъ и особенныхъ правъ и преимуществъ. Что-то такое отпадало, что-то такое дѣлалось лишнимъ и ненужнымъ, что-то такое забывалось, какъ забываются при пробужденіи самые яркіе сны, что-то такое уходило все дальше и дальше, и Арсеній Павловичъ постепенно переставалъ чувствовать себя Арсеніемъ Павловичемъ.

Черезъ день, ровно въ одиннадцать часовъ утра, являлся докторъ Зиминъ, восходящее медицинское свѣтило. Это былъ типичный ставленникъ дамъ-патронессъ. „Вы не знаете доктора Зимина? Представьте, какой недавно былъ у него удивительный случай... да. Это нашъ Шарко“... и т. д. Докторъ Зиминъ, цвѣтущій, видный мужчина съ глазами на выкатѣ и атласными руками, самъ охотно вѣрилъ, что онъ немножко Шарко. Итакъ, „каждый черезъ день“ докторъ Зиминъ входилъ въ богатый кабинетъ Елтухова и говорилъ жирнымъ басомъ:

— Ну-съ, какъ мы себя ведемъ?

— Все то же, докторъ,—съ унылымъ озлобленіемъ отвѣчалъ паціентъ.

— Не одобряю, батенька...

Докторъ присаживался на одну минуту въ кресло и сообщалъ какую-нибудь текущую новость, приготовленную за утреннимъ кофе. Онъ ее развозилъ потомъ по всѣмъ своимъ вліятельнымъ паціенткамъ, — другихъ у него не было. Къ Елтухову онъ являлся съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ одолженіе, хотя получалъ за каждый визитъ двадцать пять рублей. Елтуховъ пригласилъ его въ минуту отчаянія, повинуясь инерціи, и теперь ненавидѣлъ его, какъ безнадежно-глупаго человѣка. Увы! „немножко Шарко“ былъ дѣйствительно глупъ...

— Ну-съ, какъ наше сердце?—спрашивалъ онъ по обязанности.—Продолжаетъ шалить?

— Весьма продолжаетъ...

— А мы устроимъ маленькую перкуссію...

Докторъ не хотѣлъ брать даромъ денегъ за визитъ и добросовѣстно мучилъ паціента выстукиваніями и выслушиваніями, причемъ Елтуховъ убѣждался только въ томъ, что докторъ продолжаетъ курить дорогія сигары и моется англійскимъ мыломъ. Этотъ запахъ дорогой сигары оставался еще нѣсколько времени по уходѣ доктора и раздражалъ больного. Елтуховъ такъ любилъ курить дорогія сигары, а сейчасъ ему это было строго запрещено.

— Да, батенька, это баловство нужно оставить, — внушительно совѣтовалъ докторъ.—Сигары въ большомъ количествѣ—ядъ... Я это отлично знаю по самому себѣ. У меня сердце тоже немножко того...

Однимъ изъ секретовъ доктора Зимина было то, что у него были рѣшительно всѣ тѣ болѣзни, которыми страдали его паціенты, исключая только нѣкоторыя, слишкомъ спеціальныя женскія страданія.

— Докторъ, вѣдь все равно я скоро кончу,—говорилъ Елтуховъ, припоминая запахъ докторскихъ сигаръ. — Отчего вы запрещаете мнѣ курить? Это только ускорило бы развязку... Я не маленькій и понимаю свое положеніе.

— Вотъ всѣ больные такъ разсуждаютъ... Я могу только удивляться, зачѣмъ они въ такомъ случаѣ обращаются къ совѣту врачей, когда такъ отлично понимаютъ свое положеніе?

Докторъ умѣлъ быть строгимъ, когда это требовалось, и не вѣрившій ему ни на грошъ Елтуховъ подчинялся не смыслу его словъ, а скорѣе тону, какимъ они были произнесены. Съ постепеннымъ развитіемъ болѣзни у него все усиливалось желаніе подчиниться какой-нибудь другой, болѣе сильной волѣ и этимъ какъ бы сложить съ себя обязанности поступать вполнѣ самостоятельно, какъ было раньше.

Въ сущности, всѣ эти визиты знаменитаго доктора были только жалкою комедіей, не имѣвшей ни малѣйшаго смысла, и по-настоящему давно слѣдовало ему отказать; Елтуховъ даже нѣсколько разъ рѣшался это сдѣлать, по возможности въ безобидной формѣ, и не имѣлъ силы. Его съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе захватывала та роковая инерція, съ какой человѣкъ катится по наклонной плоскости. Когда докторъ уходилъ, Елтуховъ любилъ думать съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ, какъ онъ при встрѣчѣ съ общими добрыми знакомыми говоритъ, придавая лицу „печаль мудреца“:

— Нашъ общій другъ Арсеній Павловичъ мнѣ положительно не нравится... Однимъ словомъ, я не желалъ бы быть на его мѣстѣ, хотя и самъ немножко того; иногда является такая особенная сосущая боль въ области сердца... да.

Елтуховъ ненавидѣлъ и эту печаль мудреца, и запахъ докторскихъ сигаръ, и англійское мыло, и жирный докторскій басокъ, и его атласныя руки, и слова дружескаго участія.

Правда, что за доктора Зимина были всѣ знакомые Елтухова, которые считали своимъ христіанскимъ долгомъ время отъ времени навѣщать его и сидѣли у него въ кабинетѣ, считая драгоцѣнныя минуты собственнаго бытія. Это было похуже даже докторскихъ визитовъ, и у Елтухова являлось желаніе выгнать ихъ всѣхъ разъ навсегда. Онъ, просвѣщенный своею болѣзнью, какъ-то лучше понималъ людей и видѣлъ то, что раньше совершенно ускользало изъ общаго поля пониманія. Вѣдь мозгъ тоже былъ боленъ и, какъ всякое больное мѣсто, реагировалъ съ особенною яркостью на каждое внѣшнее раздраженіе. О, какъ онъ отлично теперь видѣлъ всѣхъ, видѣлъ насквозь и мучился собственною проницательностью.

А этихъ добрыхъ знакомыхъ у Елтухова было достаточно. Были тутъ люди сановные, о прибытіи и отбытіи которыхъ изъ каждой столицы оповѣщается въ газетахъ, и не менѣе извѣстные дѣльцы, о прибытіи и отбытіи которыхъ публика знала безъ газетныхъ аншлаговъ, а больше всего было людей богатыхъ, составлявшихъ свой замкнутый кругъ, къ которому, между прочимъ, принадлежалъ и Елтуховъ. Всѣ они были страшно заняты, вѣчно жили по минутамъ (у доктора Зимина часы были нацѣплены даже на спину кучеру) и вѣчно торопились. Это послѣднее для Елтухова являлось единственнымъ спасеніемъ. Да, онъ выходилъ изъ состава этого заколдованнаго кружка и впередъ чувствовалъ себя мертвымъ. Въ сущности его существованіе совершенно было никому не нужно, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, которые еще нуждались въ его поддержкѣ и, вѣроятно, жалѣли не его, а самихъ себя. Правда, было одно исключеніе... Каждый вечеръ, какъ на службу, являлся высокій, плотный сѣдой старикъ, усаживался плотно въ кресло и принимался его изводить. Это былъ типичный мучитель. Когда-то они вмѣстѣ и дружно работали, считались даже друзьями, и фамиліи Елтухова и Мушенко произносились даже вмѣстѣ, какъ представителей одной фирмы. Когда-то они оказывали другъ другу нѣкоторыя чувствительныя услуги, а теперь каждый считалъ себя обворованнымъ другимъ и отъ души ненавидѣлъ этого другого. Даже для самыхъ близкихъ людей это составляло тайну. Елтуховъ ненавидѣлъ Мушенко, если можно такъ выразиться, колоритнѣе, потому что зналъ его, какъ никто другой. Мушенко являлся типичнымъ предателемъ, что̀ было у него написано на лицѣ, въ каждомъ движеніи, даже въ каждой нотѣ немного слащаваго старческаго тенорка. Елтухову казалось, что онъ лжетъ и кого-то предаетъ, когда просто идетъ по комнатѣ. Каждый шагъ—лишняя ложь.

— Я тебѣ не мѣшаю?— спрашивалъ обыкновенно Мушенко, усаживаясь въ кресло и вытягивая свои длинныя ноги.

— Нѣтъ... Я очень радъ.

— Если надоѣмъ, скажи откровенно. Здоровые люди эгоисты...

Елтуховъ смотрѣлъ на друга тревожными глазами, и у него все время изъ головы не выходила мысль о томъ, скажетъ или не скажетъ вотъ этотъ другъ Мушенко нѣсколько теплыхъ словъ на его могилѣ. Вѣдь слова этой дружеской рѣчи будутъ тѣми гвоздями, которыми заколачиваютъ гробъ... Больной испытывалъ даже ощущеніе какой-то физической боли и закрывалъ отъ усталости глаза.

Мушенко имѣлъ дьявольское терпѣніе просиживать цѣлые часы. Онъ умышленно говорилъ о разныхъ дѣлахъ, которыя для Елтухова болѣе уже не существовали, строилъ планы, дѣлалъ предположенія и умышленно забывалъ, что говоритъ съ умирающимъ человѣкомъ. Иногда Мушенко спохватывался и прибавлялъ:

— Вотъ какъ только ты поправишься... Докторъ Зиминъ говоритъ, что все зависитъ отъ настроенія. Да, какъ только ты поправишься...

Больной только закрывалъ глаза отъ охватывавшей его истомы. Боже мой, если бы только онъ поправился, то счелъ бы первымъ своимъ долгомъ выгнать въ шею этого негодяя. Хорошіе люди всѣ походятъ другъ на друга, а негодяи безконечно разнообразны, и въ этомъ разнообразіи, конечно, первое мѣсто принадлежитъ Мушенко, потому что онъ умѣлъ наслаждаться собственнымъ негодяйствомъ и въ данномъ случаѣ тянулъ жилы еще изъ живого человѣка съ разсчитаннымъ наслажденіемъ. О, какъ ненавидѣлъ его сейчасъ Елтуховъ и чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ...

I

Каждую болѣзнь, особенно изъ „интересныхъ“, столько разъ описывали, за каждой стоитъ цѣлая медицинская литература, и все-таки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ она является новостью, особенно для больного, которому начинаетъ казаться, что именно къ его болѣзни нужно пристроить спеціальную медицинскую академію. Мало того, цѣлый міръ, вся вселенная какъ будто сосредоточивается въ какой-нибудь несчастной зубной боли. Елтуховъ испытывалъ и переживалъ то же самое, что̀ милліоны его предшественниковъ, хотя ему казалось, что онъ одинъ такъ мучится и страдаетъ, и не только одинъ, но самый первый. Есть своя больная психологія, и по этой психологіи онъ въ концѣ концовъ дошелъ до того состоянія, когда больной точно начинаетъ оправдываться передъ собственной болѣзнью и приводитъ тысячи самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ собственной невинности. Конечно, другіе умираютъ отъ порока сердца, потому что слишкомъ много курили дорогихъ сигаръ, но Арсеній Павлычъ Елтуховъ и т. д. Елтуховъ съ мучительнымъ вниманіемъ подбиралъ мельчайшіе признаки, которые говорили въ пользу его пошатнувшагося здоровья, и страстно старался убѣдить самого себя, что они въ общемъ перевѣшиваютъ тотъ минусъ, который увеличивался съ каждымъ новымъ ударомъ сердца. Всего страшнѣе были моменты утренняго пробужденія,—собственно сна, какъ спятъ здоровые люди, не было, а его замѣняло тяжелое забытье. Онъ забывался и подводилъ итогъ самому себѣ, и еще разъ убѣждался, что онъ конченный человѣкъ, и что ждать и надѣяться на что-нибудь неловко и смѣшно, но эта простая и ясная мысль въ теченіе дня какъ-то тускнѣла, расплывалась, и онъ засыпалъ въ своемъ креслѣ съ чѣмъ-то въ родѣ надежды, что завтра вдругъ проснется здоровымъ.

Насколько Елтуховъ понималъ сбивчивыя и противорѣчивыя объясненія докторовъ, у него отчасти было ожирѣніе сердца, отчасти неисправно дѣйствовала какая-то сердечная заслонка, потомъ что-то такое было нехорошее въ сосудахъ, а въ результатѣ онъ не могъ ни ходить, ни сидѣть, ни лежать. Единственной удобной позой оставалось полулежать въ креслѣ съ подушками. Каждое движеніе выкупалось обмороками, сердцебіеніемъ, удушьемъ. Въ концѣ концовъ дѣло сводилось на то, что Елтуховъ былъ старъ, то-есть старъ по-интеллигентному,—ему всего было „подъ шестьдесятъ съ небольшимъ“. Болѣзнь была вполнѣ благопріобрѣтенная, и ее можно было бы предупредить, если бы сдѣлать то-то и то-то и, главное, не дѣлать того-то и того-то, въ свое время, конечно. Это была опять мука—каяться самому себѣ въ содѣянномъ и обвинять въ несодѣянномъ. Какой-то винтъ оставался безъ исполненія...

Ахъ, какія были ужасныя ночи! Весь міръ спитъ, и только одинъ Елтуховъ не можетъ заснуть... Раньше онъ спалъ въ спальнѣ, но въ послѣднее время предпочиталъ оставаться на ночь въ кабинетѣ, гдѣ уже самая обстановка напоминала еще о недавней жизни и больной могъ думать тѣми предметами, которые видѣлъ глазъ. Вотъ къ чему въ концѣ концовъ сводится жизнь: давно ли Елтухову принадлежалъ весь міръ (онъ даже собирался съѣздить въ Америку на выставку), а потомъ горизонтъ быстро началъ суживаться, пока не заключился въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты. Эта была та точка, которую авторъ ставитъ въ концѣ своей книги. Все, что̀ было за предѣлами этой комнаты, точно отпало отъ Елтухова и сдѣлалось чужимъ, какъ книга, написанная на неизвѣстномъ языкѣ. Появлявшіеся изъ этого чужого міра люди только усиливали это чувство.

— Къ чему все это?—спрашивалъ Елтуховъ самого себя, разсматривая свой собственный кабинетъ.—Какой-то дурацкій письменный столъ, который походитъ на бильярдъ, потомъ шкапы съ книгами для кабинетной декораціи потомъ... Рѣшительно ничего не нужно!..

Кабинетъ былъ большой и обставленъ былъ по послѣднему слову кабинетной роскоши. Каждая вещь говорила за себя, и входившій въ кабинетъ въ первый разъ не могъ не чувствовать, что здѣсь пахло тысячами, настоящими тысячами. Все было такъ солидно, дорого и серьезно, до старинныхъ рѣдкихъ офортовъ на стѣнахъ включительно. Кому это нужно? Теперь никому, тѣмъ болѣе, что точно такой же кабинетъ и у Мушенко. и у доктора Зимина, и у всѣхъ другихъ.

Занятый только собой и своею болѣзнью, Елтуховъ какъ-то совсѣмъ не думалъ о другихъ. Да ему, собственно говоря, и не о комъ было думать: съ первою женой онъ развелся, вторая убѣжала отъ него сама, два старшихъ сына отъ перваго брака были на сторонѣ матери и гдѣ-то служили. Вообще получалось „немножко семьи“, семьи по воспоминаніямъ. Но въ богатой квартирѣ Елтухова было еще одно маленькое существо, о которомъ онъ какъ-то не привыкъ думать. Эта была маленькая, болѣзненная дѣвочка Шура, дочь отъ второго брака. Елтуховъ сильно сомнѣвался, что это именно его дочь, но женѣ ребенка не отдавалъ.

— По закону ребенокъ принадлежитъ отцу, — отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы преступной матери.—Да-съ, по закону... Представьте себѣ, есть такой глупый законъ-съ.

Въ богатой квартирѣ Елтухова Шура существовала въ роли какого-то придатка, какъ позволяется существовать шестому пальцу. Отецъ ея не замѣчалъ, и дѣвочка инстинктивно его боялась. Ихъ отношенія ограничивались тѣмъ, что дѣвочка приходила утромъ здороваться. Елтуховъ очень рѣдко завтракалъ и обѣдалъ дома. Но, когда бывали гости, Шура обязана была выходить. Отецъ считалъ своимъ долгомъ рекомендовать ее:

— Моя дочь...

Это дѣлалось въ пику отсутствовавшей матери. Всѣ знакомые, конечно, знали исторію неудачнаго второго брака, и маленькая Шура появлялась въ качествѣ вещественнаго доказательства, что ея отецъ совсѣмъ не намѣренъ отказываться отъ своихъ законныхъ правъ.

При дѣвочкѣ находилась бонна, строгая и добрая старушка-англичанка. Она по-своему любила болѣзненную дѣвочку, но вмѣстѣ съ тѣмъ старалась сдѣлать ее совершенно незамѣтной. Англичанка преклонялась чисто по-англійски предъ авторитетомъ хозяина дома. Самый скверный англійскій домъ все-таки святыня, и бонна внушила Шурѣ мысль объ отцѣ какъ о чемъ-то необыкновенномъ, недоступномъ и „внѣ конкурса“.

— Такъ желаетъ вашъ отецъ, — повторяла она въ критическихъ случаяхъ дѣтской жизни.

Маленькая Шура долго не могла примирить такихъ словъ, какъ этотъ таинственный и всемогущій „вашъ отецъ“ и просто „мой отецъ“. Послѣднее было чѣмъ-то въ родѣ маленькаго святотатства, хотя и допускалось при утренней церемоніи здорованья.

Дѣвочка собственно не жила у отца, а точно пряталась въ своей дѣтской и появлялась, какъ тѣ дѣтскія куколки, которыя выскакиваютъ, когда подавятъ пружинку. У нея и на личикѣ являлось въ этихъ случаяхъ какое-то кукольное выраженіе. Когда отецъ заболѣлъ, дѣвочка окончательно была забыта и являлась здороваться съ отцомъ только по спеціальному при-

глашенію. Ея присутствіе волновало „вашего отца“, а ему запрещено было докторомъ всякое волненіе.

Но дѣтская натура живуча. У дѣтей, какъ у всѣхъ беззащитныхъ животныхъ, есть темные инстинкты, которые приводятъ ихъ къ цѣли, какъ достигаетъ ея живая вода, пробивая себѣ путь черезъ горы, лѣса и всевозможныя, повидимому, непреодолимыя преграды. Такъ было и тутъ. „Вашъ отецъ“ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, и этотъ кабинетъ являлся для Шуры заколдованнымъ царствомъ, къ которому она не смѣла приближаться. Но зато она постепенно завоевала всѣ другія комнаты, которыя раньше являлись запретнымъ плодомъ. Шура теперь знала отлично всю гостиную, залу, столовую, пріемную, второй кабинетъ, гдѣ раньше работали два секретаря, угловую комнату безъ всякаго опредѣленнаго названія и назначенія. Квартира была громадная и обставлена съ показною роскошью. Эти изслѣдованія въ концѣ концовъ привели маленькую Еву все-таки къ запретному плоду, то-есть къ кабинету „вашего отца“. Ее тянула туда какая-то непреодолимая сила. Когда дверь была полуоткрыта, дѣвочка заглядывала въ нее издали, замирая отъ волненія. Отецъ никогда не сказалъ ей ни одного строгаго слова, но она боялась его, потому что не слыхала ни одной отцовской ласки. Ей казалось, что вотъ-вотъ онъ выйдетъ, строго на нее взглянетъ и молча пройдетъ мимо, а она цѣлый день будетъ чувствовать себя виноватой, и вотъ будетъ дѣлать выговоръ.

Шура начала съ опытовъ. Сначала она проходила издали, какъ охотникъ, который съ осторожностью подходитъ къ медвѣжьей берлогѣ. Ее точно толкала какая-то сила къ открытой двери. Съ каждымъ днемъ разстояніе дѣлалось все меньше, пока не наступилъ роковой моментъ, когда дѣвочка рѣшилась заглянуть въ самую дверь. Отецъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и смотрѣлъ на нее съ такимъ удивленіемъ, точно она пришла съ того свѣта. Произошла краснорѣчивая нѣмая сцена, которая говорила выразительнѣе всякихъ словъ.

— Тебѣ что нужно?—сурово спросилъ больной.

Дѣвочка смутилась и убѣжала. Елтухова поразило прежде всего то, что она страшно походитъ именно на него, чего онъ раньше совсѣмъ не замѣчалъ. Да, вылитый его портретъ, никакихъ сомнѣній не могло быть. Это его сильно взволновало, и онъ никакъ не могъ понять, что дѣвочкѣ было нужно. Однако онъ выдержалъ характеръ и не позвалъ ея, потому что былъ увѣренъ, что она придетъ во второй разъ. И она пришла, остановилась опять въ дверяхъ и посмотрѣла на него съ какою-то больною улыбкой.

— Иди сюда...

Дѣвочка подошла и стала смотрѣть на него исподлобья, какъ плохо прирученный звѣрекъ.

— Что тебѣ нужно?—тихо спросилъ онъ, притягивая ее къ себѣ.

— Ничего... Горничная говоритъ, что ты скоро умрешь.

— Горничная глупа, но я дѣйствительно скоро умру... да... Тебѣ будетъ жаль меня, когда я умру?

Дѣвочка посмотрѣла на него, покачала головой и твердо заявила:

— Нѣтъ...

III.

Дѣвочка держала себя съ большимъ тактомъ. На другой день она не пришла въ кабинетъ, точно хотѣла показать, что не желаетъ пользоваться случайной любезностью „вашего отца“. Елтуховъ желалъ ее видѣть, но не

высказывалъ этого, точно боялся уронить свой отцовскій авторитетъ. Онъ былъ увѣренъ, что Шура придетъ, и терпѣливо ждалъ. Сейчасъ терпѣніе для него составляло все. А дѣвочка все не выходила изъ его головы, и онъ думалъ о ней упорно и настойчиво, точно разрѣшалъ какую-то неразрѣшимую задачу. Онъ въ послѣднее время дѣлалъ вообще массу открытій, и появленіе забытой дочери освѣтило для него цѣлую полосу жизни. Да, въ немъ что-то проснулось и защемило... Гдѣ эта бѣглая жена, мать Шуры? Ему стоило закрыть глаза, какъ сейчасъ же видѣлъ ее такой, какой она была дѣвушкой. Высокая, стройная, съ некрасивымъ, но умнымъ и пикантнымъ лицомъ. У нея были какіе-то кошачьи глаза, да и во всемъ было что-то кошачье. Она такъ мило картавила, еще лучше смѣялась, вызывающе и дерзко показывая два ряда мелкихъ кошачьихъ зубовъ. Въ обществѣ она производила впечатлѣніе, оставляя въ тѣни патентованныхъ красавицъ. За Елтухова она вышла замужъ по расчету. Онъ былъ богатъ, имѣлъ выдающееся общественное положеніе и вообще гремѣлъ. О немъ всѣ говорили, его знали, ему завидовали. Правда, что онъ былъ старше ея на тридцать лѣтъ, но въ кошачьей ариѳметикѣ это не имѣло особеннаго значенія.

— Я васъ совсѣмъ не люблю...—заявила она смѣло и откровенно, когда онъ дѣлалъ ей предложеніе.—Такъ и знайте...

— Такъ и запишемъ, Татьяна Сергѣевна... Любовь придумали взбалмошные поэты, а я человѣкъ серьезный. Надѣюсь по крайней мѣрѣ заслужить ваше уваженіе...

Въ свое время Елтуховъ пользовался успѣхомъ у женщинъ, и откровенность невѣсты задѣла немного его гордость. Но онъ сдержалъ себя и затаилъ къ ней недружелюбное чувство. По его глубокому убѣжденію, женщина была существомъ низшаго порядка, на которое нельзя было даже сердиться, не теряя уваженія къ самому себѣ. Ее можно было только тренировать. Но этотъ опытъ тренировки оказался неудачнымъ. Елтуховъ какъ-то размякъ, потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ жены и почувствовалъ, что ихъ раздѣляетъ непроходимая пропасть. Цѣлыхъ два года продолжался домашній адъ, о которомъ даже сейчасъ Елтуховъ не могъ вспомнить безъ стыда. Онъ унижался, вымаливалъ каждый ласковый взглядъ и даже плакалъ, когда она упорно отталкивала его. Боже мой, сколько было продѣлано позорныхъ сценъ!

— Я васъ ненавижу не просто, а всѣмъ своимъ тѣломъ,—заявляла Татьяна Сергѣевна.—У меня непреодолимое физическое отвращеніе къ вамъ...

Родившійся ребенокъ явился какой-то насмѣшкой и не принесъ съ собой ни теплоты ни радости, какъ холодное зимнее солнце. Мать даже не любила ребенка и бѣжала изъ проклятаго дома безъ сожалѣній. Потомъ она опомнилась и начала просить ребенка себѣ, но Елтуховъ былъ неумолимъ. Онъ хоть этимъ путемъ могъ отомстить за свой двухлѣтній позоръ. Раздумывая теперь объ этомъ, Елтуховъ все-таки не могъ рѣшить коренного вопроса, именно, кто изъ нихъ былъ хуже. Вѣрнѣе всего, что оба были хуже. Онъ это даже прочиталъ на личикѣ Шуры, блѣдненькомъ, подернутомъ старческими тѣнями дѣтскомъ личикѣ, смотрѣвшемъ на него съ нѣмымъ укоромъ. Это былъ истинный плодъ ихъ нелѣпаго союза, вещественное доказательство ихъ преступленія, по закону называвшагося бракомъ.

Шура черезъ день пришла въ кабинетъ. На этотъ разъ она держалась уже гораздо смѣлѣе.

— Тебѣ нравится мой кабинетъ?—спрашивалъ Елтуховъ, напрасно стараясь придать голосу ласковое выраженіе.

— Не знаю.

Какъ у всѣхъ заброшенныхъ дѣтей, у Шуры часто встрѣчались совершенно нелѣпые отвѣты, которые въ первое время раздражали Елтухова. Это какая-то идіотка, а не его дочь. Развѣ у него, Елтухова, могла быть такая дочь? Но чѣмъ больше онъ вглядывался въ ребенка, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что это именно его дочь. Ему дѣлалось какъ-то неловко и совѣстно.

А дѣвочка все больше и больше завоевывала кабинетъ „вашего отца". Дѣлала она это не торопясь, но основательно. Ни одна мелочь не ускользнула отъ пристальнаго дѣтскаго вниманія. Шура точно выучила каждую вещь и дѣлала довольно обстоятельные вопросы.

— Папа, а почему вонъ на той картинѣ всѣ женщины голыя?

Этотъ невинный вопросъ заставлялъ Елтухова ежиться, и онъ отвѣчалъ совсѣмъ ужъ глупо:

— Такъ... то-есть ты сейчасъ еще мала и не понимаешь...

— Онѣ, папа, были бѣдныя?—не отставала дѣвочка.—У нихъ не было платья?

— Да, совсѣмъ бѣдныя!—вралъ „вашъ отецъ".

Почти всѣ картины имѣли своимъ сюжетомъ этихъ „совсѣмъ бѣдныхъ" голыхъ женщинъ, что̀ замѣтилъ Елтуховъ только сейчасъ. Когда-то давно въ его кабинетѣ были другія картины, а потомъ ихъ замѣнила эта совсѣмъ голая бѣдность. Послѣ убѣга жены Елтуховъ считалъ себя въ правѣ пользоваться радостями жизни, бросалъ массу денегъ по привилегированнымъ притонамъ и здѣсь окончательно подорвалъ свое здоровье. „Бѣдныя женщины" сдѣлали свое дѣло.

Вопросы дѣвочки дѣлались все настойчивѣй. Она походила на того счастливаго завоевателя, который забрался въ крѣпость и забираетъ все, что̀ попадетъ подъ руку.

— А гдѣ моя мама?—спросила она однажды.

— Мамы нѣтъ.

Дѣвочка недовѣрчиво посмотрѣла на отца и убѣжденно проговорила:

— Ты ее спряталъ въ письменный столъ?

Живой мамы Шура не помнила, а говорила о ея портретѣ. Эти разспросы опять коробили Елтухова, и онъ старался отвлечь вниманіе дѣвочки въ другую сторону. Въ нѣсколько сеансовъ кабинетъ былъ уже выученъ, причемъ всѣ книги оказались совершенно неинтересными, потому что были безъ картинокъ. Все вниманіе въ концѣ концовъ сосредоточивалось на закрытыхъ ящикахъ громаднаго письменнаго стола.

— Папа, что̀ тамъ лежитъ?

— Бумаги.

— Неужели у тебя нѣтъ ни одной игрушки?

— Ни одной.

— И тебѣ не скучно?

— Нѣтъ.

Дѣвочка не повѣрила. Очевидно, „вашъ отецъ" играетъ въ свои игрушки потихоньку отъ нея. Для чего же тогда запирать столъ на ключъ? Елтуховъ понималъ эти мысли, и его забавляла дѣтская логика, не знавшая противорѣчій.

— Виноватъ! Одна игрушка есть! Вотъ возьми ключъ и отвори въ лѣвой тумбѣ нижній ящикъ. Тамъ лежитъ альбомъ въ красной обложкѣ. Ты его достань.

Это былъ старый, совсѣмъ забытый альбомъ. Онъ давно былъ приговоренъ къ уничтоженію, но какъ-то завалялся. Сейчасъ Елтуховъ вспомнилъ о немъ только потому, что въ этомъ альбомѣ были вложены его дѣтскія фотографіи.

Ему хотѣлось сравнить ихъ съ Шурой, чтобы провѣрить фамильное сходство. Дѣвочка съ серьезнымъ лицомъ долго трудилась надъ завѣтнымъ ящикомъ, пока наконецъ достала альбомъ и подала его съ торжествомъ „вашему отцу“. Это былъ очень почтенный альбомъ изъ дешевой кожи, купленный еще въ ту пору, когда Елтуховъ не имѣлъ ничего, кромѣ головы на плечахъ. Съ теченіемъ времени дешевая кожа выцвѣла, растрескалась и проявляла всѣ признаки начинавшагося разрушенія.

— Вотъ это твой папа, когда ему было всего два года!—объяснялъ онъ, показывая порыжѣвшую старую фотографію.

— Развѣ ты былъ маленькимъ?

— Какъ всѣ люди...

Дальше слѣдовали фотографіи, когда „вашему отцу“ было четыре года, потомъ восемь, потомъ двѣнадцать и т. д. Елтуховъ по этимъ портретамъ невольно проходилъ все свое прошлое, позабывъ о первоначальной цѣли, для которой доставался альбомъ. Да, вотъ какимъ былъ онъ, когда учился въ университетѣ, потомъ когда былъ начинающимъ молодымъ человѣкомъ, женихомъ, счастливымъ отцомъ перваго ребенка. Предъ его глазами проходили точно какія-то тѣни далекаго прошлаго. Каждая фотографія отмѣчала какую-нибудь эпоху въ его жизни. Онѣ заканчивались моментомъ, когда Елтуховъ порвалъ всѣ связи съ этимъ прошлымъ и ушелъ навсегда въ другую сферу. Его что-то кольнуло, когда онъ разсматривалъ самого себя въ этомъ прошломъ. Такое худое лицо и такое серьезное выраженіе, а внутри—вѣчная тревога и неутолимая жажда итти впередъ.

Шуру мало интересовало постепенное развитіе „вашего отца“ до его настоящей совершенной формы, и она съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ перелистывала альбомъ. Онъ понялъ, что дѣвочка отыскиваетъ портретъ матери.

— Папа! Отчего тутъ все чужіе?..—спросила она.

— Не чужіе, а мои знакомые.

— Отчего я ихъ не видала? Они не бываютъ у насъ?

— Нѣтъ.

— Они нехорошіе, папа?

— Какъ тебѣ сказать... гм!.. есть и хорошіе.

— А вотъ этотъ дядя въ очкахъ? Онъ—добрый? Его какъ зовутъ?

— Профессоръ Лагутинъ.

— А это?

— Это? Это тоже ученый... Черединъ.

— А это тоже ученый, папа?

Шура указала своимъ пальчикомъ на худенькаго бритаго господина, походившаго на высушенное для гербарія растеніе.

— Нѣтъ, это такъ...

— Папа, онъ хорошій...

— Почему ты думаешь?

— Я вижу.

Худенькій господинъ когда-то былъ лучшимъ другомъ Елтухова, въ первую полосу его жизни, а потомъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ. Елтуховъ только вздохнулъ.

— Ну, довольно, Шура! Я усталъ... Можешь итти къ себѣ...

IV.

Мучительная безсонная ночь... Елтуховъ это предчувствовалъ и нарочно ничего не читалъ днемъ, чтобы оставить это чтеніе на ночь. Кромѣ газетъ

онъ ничего не могъ читать. А тутъ прочитаешь громадный печатный листъ— и голова совершенно свободна отъ всякихъ мыслей. Но сегодня и газеты его раздражали. Печатныя строки были испещрены знакомыми фамиліями. Тутъ были и свои и чужіе, и друзья и враги, и нѣсколько новыхъ, еще никому незнакомыхъ именъ. Эти новыя имена только еще выбивались изъ тьмы неизвѣстности, расчищая себѣ дорогу. Шла отчаянная борьба за существованіе, и его имя также въ свое время появилось на этихъ столбцахъ, пока сдѣлалось извѣстнымъ. Онъ отлично помнилъ этотъ періодъ своей жизни, когда плечомъ пробивался въ заколдованный кругъ излюбленныхъ людей. А вотъ теперь идутъ на смѣну ему другіе неизвѣстные люди, голодные и жадные, готовые на подвигъ и на преступленіе, съ волчьимъ аппетитомъ. Ему показалось, что они уже оттерли его, эти жадные новые люди, что „своя“ газета уже намѣренно игнорируетъ его, что о немъ уже забыли, какъ забываютъ покойника. Это была смерть прежде смерти, и его охватило ужасное чувство заживо похороненнаго человѣка.

— У!.. негодяи!—проговорилъ онъ, швыряя скомканную газету.—Вы рады, что Елтуховъ умираетъ... Вы всѣ рады и думаете, какъ еще недавно думалъ Елтуховъ, что онъ нуженъ и что безъ него остановится самое движеніе земли... Никому вы не нужны... слышите?.. Вы больше всего обманываете самихъ себя!

На письменномъ столѣ только чикали столовые дорогіе часы. Съ улицы доносился изрѣдка грохотъ проѣзжавшей кареты. Гдѣ-то, точно подъ землей, лаяла заблудившаяся уличная собака. Въ окно чуть пробивался желтый свѣтъ газоваго фонаря. Все это было вчера и будетъ то же самое завтра, до заблудившейся собаки включительно. Громадный городъ точно не могъ заснуть сразу и успокаивался слоями. Спали подвалы, чердаки, третьи, четвертые и пятые этажи, а бодрствовали еще только бельэтажи, превращавшіе ночь въ день и день въ ночь. Чего бы онъ, Елтуховъ, не далъ, чтобы заснуть, но сонъ не шелъ... Онъ чувствовалъ только, какъ все тѣло точно наливается тяжелою истомой, голова полна какого-то тумана, а сердце работаетъ съ такимъ трудомъ, точно тамъ что-то съ каждымъ ударомъ обрывается. Елтуховъ зналъ, что скоро ему сдѣлается страшно, безотчетно страшно, когда хочется крикнуть и бѣжать. Но онъ не могъ ни бѣжать ни крикнуть. Вотъ и голова дѣлается холодною, скоро появится холодный потъ... Онъ зналъ, что къ утру все это пройдетъ, что это только припадокъ, и все-таки впередъ переживалъ это ужасное чувство паническаго страха. Ужъ ему-то, кажется, нечего было бояться—и все-таки страшно. Чтобы отвлечь вниманіе, онъ принимался считать, повторять до десяти разъ всю таблицу умноженія, прочиталъ мысленно нѣсколько басенъ и стихотвореній, которыя училъ еще въ гимназіи и которыя оставались въ головѣ, какъ остаются щепы и всякій мусоръ послѣ постройки. Сонъ не шелъ.

— За что... а? За что?—шепталъ Елтуховъ, сжимая кулаки.

Ему хотѣлось сдѣлать кому-то зло, чтобы и этотъ кто-то такъ же мучился, какъ мучится сейчасъ онъ. Въ головѣ противъ желанія мелькали богохульныя слова, недостойные образы, картины поруганія тѣхъ святынь, которымъ служитъ и поклоняется все человѣчество. Вотъ вамъ всѣмъ...

Сколько прошло времени—онъ не интересовался. Не все ли равно? Мучиться придется до самаго утра, когда займется дневной свѣтъ... Днемъ не будетъ страшно. Солнечный свѣтъ производилъ успокаивающее впечатлѣніе. Ахъ, да, нужно думать о еще большихъ мученіяхъ, чтобы парализовать свою сосущую боль. Напримѣръ, что̀ испытали всѣ тѣ, которые подвергались мукамъ святой инквизиціи? Вѣдь въ одной Испаніи было сожжено больше трехъ съ половиною милліоновъ еретиковъ... Предварительно ихъ пытали: рвали живое

тѣло желѣзными клещами, наливали въ раны кипящаго масла, стругали тѣло, дробили кости, вывертывали суставы и потомъ уже въ видѣ милости сжигали. А чего стоитъ каждая европейская война, когда на одномъ перевязочномъ пунктѣ скопляется до пяти тысячъ раненыхъ, когда нѣтъ человѣка, который подалъ бы воды умирающему, и когда врачи стрѣляются изъ отчаянія отъ всѣхъ этихъ ужасовъ! Сотни тысячъ жертвъ, милліоны... А казни добраго стараго времени? Когда Артемію Волынскому вырѣзали языкъ и везли на казнь, и онъ увидѣлъ на эшафотѣ приготовленныя орудія для четвертованія, то онъ задрожалъ отъ ужаса—дрожалъ отъ ужаса человѣкъ, у котораго только-что вырѣзали языкъ. Несчастный Наткуль ползалъ съ отрубленными членами нѣсколько часовъ и молилъ о смерти, какъ о милости. А что испытали тѣ люди, которые были посажены на колъ и мучились по три дня? Ужасъ, ужасъ, ужасъ—вотъ что называется исторіей цивилизаціи. Кроткое ученіе любви зажигало костры для еретиковъ, святая наука затрачиваетъ главныя усилія на изобрѣтеніе новыхъ способовъ, средствъ и орудій для истребленія человѣчества. Что же значитъ, по сравненію съ этимъ неизмѣримымъ и неисчислимымъ зломъ, какой-нибудь порокъ сердца? Это—милость неба, величайшее счастіе...

А нравственныя пытки и муки, отъ которыхъ люди топятся, рѣжутся и стрѣляются?

Елтуховъ, раздумавшись на эти жестокія темы, почувствовалъ даже облегченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что для такого облегченія нужны муки другихъ. Въ самой природѣ человѣка коренится какое-то органическое зло, какъ въ змѣѣ ядъ. И онъ, Елтуховъ, дѣлалъ зло, много зла... Почему-то ему припомнилось старческое личико Шуры, какъ яркое доказательство этой мысли. Бѣдная дѣвочка... Ей въ тысячу разъ лучше бы родиться гдѣ-нибудь въ подвалѣ или на чердакѣ.

Сонъ не шелъ.

Елтуховъ машинально протянулъ руку къ ночному столику, и ему попался давешній альбомъ. Сначала онъ отодвинулъ его, а потомъ взялъ и началъ перелистывать. Съ пожелтѣвшихъ страницъ глядѣли на него точно съ укоризной десятки знакомыхъ лицъ, когда-то дорогихъ и близкихъ. Ахъ, какъ все это было давно. Въ душѣ Елтухова поднялась старая боль, которую не могло стереть никакое время.

— Все отпустится, всякое преступленіе, кромѣ предательства,—говорилъ вотъ этотъ старый другъ съ громадною шевелюрой и строгимъ лицомъ.

Онъ говорилъ это про Елтухова, когда послѣдній перешелъ въ другой лагерь. Да, онъ сдѣлался ренегатомъ и повелъ отчаянную войну со всѣмъ прежнимъ. Вѣдь онъ былъ и уменъ и силенъ, а главное—талантливъ. Правда, что его обидѣли, не оцѣнили по достоинству *тамъ*, и онъ со злобой бросилъ все и всѣхъ и съ еще большею злобой началъ служить новымъ богамъ. Своимъ онъ все-таки не сдѣлался въ этомъ новомъ кругу, а имъ только пользовались для своихъ цѣлей. Эта служебная роль лежала на немъ тяжелымъ гнетомъ, но возврата уже не было.

Если бы ему даже простили все, онъ все равно не вернулся бы изъ гордости, какъ не могъ вернуться падшій ангелъ. На немъ лежало несмываемое пятно отверженности. Новое положеніе дало ему и почетъ, и деньги, и даже уваженіе такихъ людей, которыхъ въ душѣ онъ глубоко презиралъ, какъ другъ Мушенко. Елтуховъ плылъ по теченію, заглушая совѣсть новыми подвигами противъ недавнихъ друзей. Но, что онъ ни дѣлалъ, на него все-таки смотрѣли, какъ на перебѣжчика, и втайнѣ не довѣряли, какъ не вѣрятъ человѣку, который въ жизни украдъ всего одинъ разъ. О, какъ отлично онъ все

это чувствовалъ и проникался затаенною злобой противъ всѣхъ. Чечевичная похлебка оказывалась несладкой. И находились еще люди, которые завидовали ему: тѣ несчастные и ничтожные людишки, которые готовы были заплатить, чтобы повыгоднѣе продать себя.

И вотъ теперь наступилъ день итога. Не нужно было ни лгать, ни обманывать, ни притворяться,—Елтуховъ былъ больше не нуженъ, и его мѣсто заступилъ другой Елтуховъ. Онъ даже зналъ этого alter ego и не завидовалъ ему.

Голова Елтухова слегка кружилась, а онъ все продолжалъ разсматривать забытый альбомъ, вызывая въ памяти давно минувшія сцены и забытыя слова. Да, тамъ были все хорошіе, честные, убѣжденные люди, просто и смѣло служившіе великому дѣлу. Часть ихъ уже сошла со сцены, а нѣкоторые еще оставались, хотя и на обломкахъ своего разбитаго корабля. Они смѣло боролись со стихіей и умирали на своемъ посту, какъ и слѣдуетъ солдату. Даже ихъ смерть являлась возбуждающимъ моментомъ для остававшихся въ живыхъ, вызывая боевую команду: „Сомкнись!“. А его смерть ничего не оставитъ послѣ себя, кромѣ нѣсколькихъ горькихъ улыбокъ и сомнительныхъ сожалѣній.

Муки совѣсти — какая это ужасная вещь, особенно когда это безсильныя муки! Эта внутренняя пытка въ тысячу разъ хуже физическихъ страданій, и Елтуховъ теперь уже не чувствовалъ своей привычной боли, съ которою почти сроднился. Его поразила мысль, что этотъ забытый альбомъ принесла ему его забытая дочь, которая вырастетъ большой и, можетъ-быть, будетъ краснѣть за него... Да, это будетъ непремѣнно. Ахъ, если бы онъ могъ выздоровѣть только для нея. Онъ сейчасъ же уѣхалъ бы куда-нибудь въ глухой европейскій уголокъ и тамъ посвятилъ бы себя дочери. Ребенокъ забылъ бы свой родной языкъ, и на новой родинѣ ее не преслѣдовали бы тѣни прошлаго.

Елтуховъ почувствовалъ странное облегченіе. Боли не существовало, точно какая-то невидимая рука сняла съ него страшную тяжесть, давившую его нѣсколько лѣтъ.

— Завтра же ѣду... — рѣшилъ Елтуховъ, закрывая глаза и чувствуя, какъ его охватываетъ страстно-желанная дремота. — Да, уѣду... непремѣнно...

Когда Шура на другой день вошла въ кабинетъ поздороваться, „ваш отецъ“ лежалъ въ своемъ креслѣ мертвый. Свѣча догорѣла, а на полу валялся старый забытый альбомъ...

1896.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ.

I.

Долина рѣки Имосъ состоитъ изъ ряда горныхъ уступовъ, по которымъ бойко скатывается живая горная вода. Еще издали, когда подходишь къ Имосу, уже чувствуешь близость этой воды, именно чувствуешь, потому что въ ней есть что-то особенное. По крайней мѣрѣ, это послѣднее вѣрно для меня: идешь по лѣсу и вдругъ остановишься — рѣка близко... Трудно отдать отчетъ въ этомъ чувствѣ темнаго органическаго характера, когда еще ухо не въ состояніи различить вѣчнаго шопота горной воды, а глазъ не замѣчаетъ постепенныхъ измѣненій въ окружающемъ лѣсу. Впрочемъ, такихъ рѣкъ, какъ Имосъ, немного — это настоящая горная красавица, бурливая и капризная, которая не можетъ успокоиться даже въ степи, гдѣ катится сильной струей въ плоскихъ и безлѣсныхъ берегахъ.

Мнѣ приходилось бывать на Имосѣ главнымъ образомъ осенью, около сентября, когда первые утренники расцвѣчивали лѣсъ яркими красками. Самымъ красивымъ мѣстомъ были Чингортскіе золотые промыслы, залегшіе на днѣ горнаго узла, гдѣ теченіе Имоса сдавлено перекрещивавшимися горными отрогами. Массивъ составляла гора Усть-Машъ, надвигавшаяся съ сѣвера. Параллельно съ ней тянулась цѣпь лѣсистыхъ горъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Дойкаръ. Между ними образовались сдвиги изъ горныхъ развѣтвленій, а съ юга крутымъ лбомъ врѣзывалась гора Отряхина. Разобраться въ этой путаницѣ можно было только глядя откуда-нибудь сверху, съ одной изъ горныхъ вершинъ, откуда Чингортскіе промыслы представлялись чѣмъ-то въ родѣ глубокой чаши. Рѣка Имосъ сначала огибала Усть-Машъ, потомъ образовала прибой у Отряхиной и, отброшенная сланцевой скалой, разливалась по срединѣ глубокаго лога. Дальше она вырвалась на открытое мѣсто, гдѣ параллельно съ горами Дойкаръ развертывалась роскошная рѣчная долина. Главную красоту всей картины составляли смѣшанныя лѣсныя насажденія: высоты были заняты хвойнымъ лѣсомъ, южные склоны — осинниками и березняками, а ближе къ водѣ поднималась лѣсная гуща изъ черемухъ, липъ, рябинъ, смородины и тальниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки было совсѣмъ не видно, — такъ она зарастала прижавшейся къ водѣ зеленью; въ другихъ она бурно катилась по каменистому дну мимо старыхъ отваловъ, голыхъ кучъ изъ рѣчника и не успѣвшихъ зарасти пріисковыхъ перемывокъ. Въ общемъ вся мѣстность могла поразить непривычнаго человѣка своей суровостью; но, по-моему, въ этомъ и заключалась прелесть этого медвѣжьяго уголка. Даже пріисковая работа не могла ничего сдѣлать здѣсь: все дно горной котловины было изрыто по разнымъ направленіямъ, но всѣ эти ямы, кучи и канавы быстро затягивались свѣжей и молодой зеленью, скрывая нанесенныя человѣкомъ раны.

Осенью лиственный лѣсъ быстро рѣдѣлъ и казался прозрачнымъ, какъ транспарантъ. Чистый горный воздухъ дѣлалъ чудеса перспективы. Отдѣльныя части горной панорамы точно сближались между собой. Общій зеленый тонъ смѣнялся осенними блеклыми красками, точно гобелены. Это была послѣдняя красота короткаго сѣвернаго лѣта. Особенно хороши были березняки со своей яркой, лимонно-желтой листвой и хвойный лѣсъ, горѣвшій кровавыми пятнами тронутыхъ первой холодной ночью осинъ. Зелень сохранялась только у самой рѣки, гдѣ холодъ умѣрялся скрытой теплотой воды, да тамъ наверху, гдѣ зубчатой стѣной рвались въ небо прорѣзныя стрѣлки елей и пихтъ. Предъ вашими глазами развертывалась безконечная гамма этихъ осеннихъ тоновъ умирающей зелени. Подъ ногами мягко шелеститъ облетѣвшій листъ. Трава побурѣла и сдѣлалась жестче. Воздухъ пропитанъ какимъ-то особеннымъ острымъ ароматомъ. Ели и пихты кажутся еще зеленѣе и манятъ своей полированной хвоей въ какой-то сказочный міръ.

Сухая, крѣпкая осень — самое лучшее и поэтическое время въ году, и только однимъ охотникамъ доступна эта поэзія осеннихъ листьевъ. Да, бродить по лѣсу съ ружьемъ въ это время — рѣдкое и единственное удовольствіе. Переживаешь такой приливъ бодраго, хорошаго чувства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глубинѣ души щемитъ та грустная нотка, которая составляетъ отличительную черту сѣвернаго характера. Въ жизни такъ мало красныхъ дней, поэтому поэзія умирающей зелени особенно близка сердцу. Съ представленіемъ объ осени у меня всегда связывается картина именно Чингортскихъ промысловъ, гдѣ это время года является въ такихъ характерныхъ формахъ.

Въ первый разъ на р. Имосъ я попалъ очень давно и притомъ въ серединѣ лѣта. Горы, какъ горы, лѣсъ, горная рѣка — все это вещи самыя обыкновенныя на Уралѣ. Въ слѣдующій разъ мнѣ пришлось побывать прямо на Чингортскихъ промыслахъ и даже по спеціальному приглашенію отъ „общаго знакомаго“, какъ называли Петра Васильевича Вихрева, поселившагося на Имосѣ съ громкимъ титуломъ управляющаго золотыми промыслами. Дорога съ Коренного завода шла все лѣсомъ, давая вѣточки на другіе промыслы, къ озеру Черному и на лѣсные покосы. Затерявшійся въ горахъ полустанокъ служилъ конечнымъ пунктомъ. Оставивъ здѣсь лошадей, я отправился пѣшкомъ: до промысловъ было верстъ пять. Чтобы не терять напрасно времени, я взялъ курсъ прямо лѣсомъ.

— Вы не сбейтесь косогоромъ-то, — объяснялъ мнѣ станціонный смотритель, онъ же и скупщикъ краденаго золота. — Оно какъ разъ уведетъ къ Дойкару... На шелонникъ *) держите. Подъ Дойкаромъ, конечно, промыслы, только тамъ не Петръ Васильичъ, а Игнатій Яковличъ орудуетъ. Значитъ — Низовцевъ Игнатій Яковличъ, они тоже отъ кампаніи... Въ горахъ-то оно обманчиво, какъ разъ заблудиться можно, когда голову обнесетъ... А вы все на шелонникъ, все на шелонникъ держите! Упретесь въ Петра Васильича...

Практическое осуществленіе такихъ указаній не всегда бываетъ удачно: вмѣсто ожидаемаго ложка дорогу загородитъ гора, вмѣсто просѣки точно нарочно вырастаетъ дремучій ельникъ и т. д. На этотъ разъ дѣло обошлось вполнѣ благополучно: держи на шелонникъ — и все тутъ. Прямой и непремѣнно ближайшій путь лѣсомъ часто оказывается очень длиннымъ. День стоялъ отличный, солнечный и свѣтлый, съ крѣпкимъ осеннимъ холодкомъ. Солнце

*) Шелонникъ — юго-западъ.

свѣтило ярко, но въ этомъ осеннемъ свѣтѣ не было уже лѣтней теплоты. По мокрымъ мѣстамъ попадались отдѣльные островки свѣжей зелени; послѣдніе цвѣты напрасно тянулись своими головками къ свѣту, въ которомъ уже не было животворящей силы, какъ лѣтомъ. Холодныя осеннія тѣни бродили въ лѣсу, гдѣ все точно замерло. Эта торжественная тишина сначала пугаетъ, пока ухо не привыкнетъ къ ней. Одни дятлы продолжали свою работу, да гдѣ-то свистнулъ рябчикъ и боязливо замолчалъ... Я шагалъ съ ружьемъ на-перевѣсъ, соображая, какъ бы не промахнуться съ косогорами. Но съ ближайшей крутости открылся видъ на долину Имоса, а промыслы были сейчасъ подъ ногами. У опушки лѣса дымили старательскіе балаганы, дальше шла широкая полоса изрытой земли, а на противоположной сторонѣ надъ самой рѣкой красовалась пріисковая контора — единственный домъ, напоминавшій о возможности жить по-человѣчески. Недалеко попыхивала бѣлыми клубами паровая машина; около нея горбились крыши двухъ казармъ. Въ ямахъ нестрѣли кучки рабочихъ; тутъ же весело курились огоньки и стояли лошади съ таратайками.

Спустившись по крутому откосу горы, черезъ десять минутъ я уже подходилъ къ конторѣ и издали узналъ длинную фигуру Вихрева, который задумчиво шагалъ отъ машины домой.

— А, это вы... очень радъ, батенька,—заговорилъ онъ тономъ человѣка, съ которымъ разстался вчера, хотя мы съ нимъ не видались нѣсколько лѣтъ.— Жаль, что опоздали: дупеля и вальдшнепы улетѣли...

— Вы не охотникъ, такъ для васъ это, кажется, все равно?

— Ниловцевъ говорилъ... Сосѣдъ по промысламъ. А Наталья Павловна будетъ очень рада... да.

Въ длинной фигурѣ Вихрева, походившей на сильно подержанную машину, равнодушіе ко всему, не исключая самого себя, было тѣмъ же, чѣмъ служитъ ключъ въ музыкѣ. Усталое, неподвижное лицо съ красивыми глазами не поражало энергичностью выраженія, и только, когда улыбка открывала длинные лошадиные зубы, являлась какая-то тѣнь мысли. Стриженые усы придавали Вихреву немного солдатскій видъ. Въ длинныхъ охотничьихъ сапогахъ, въ шведской кожаной курткѣ и широкополой шляпѣ онъ походилъ на одного изъ тѣхъ разбойниковъ, какіе на страницахъ „Нивы“ нападаютъ на довѣрчивыхъ путешественниковъ. Вихревъ имѣлъ привычку закладывать руки въ карманы, особенно на ходу, что̀ придавало ему видъ безпечно прогуливающагося человѣка.

— Наталья Павловна будетъ рада...—повторялъ онъ, шагая рядомъ со мною.—Мы здѣсь уже два года живемъ, и мнѣ, право, нравится. Какъ на дачѣ... И Наталья Павловна одобряетъ. По вечерамъ иногда пріѣзжаетъ Ниловцевъ и привозитъ газеты... Вы его полюбите съ перваго раза.

Контора была въ два этажа. Въ нижнемъ помѣщалась собственно контора, а въ верхнемъ—квартира управляющаго. Въ небольшомъ палисадникѣ передъ окнами мелькнуло женское платье.

— Это Журенька со своими цвѣтами возится,—лѣниво объяснилъ Вихревъ, не дожидаясь вопроса.—Вы не помните Журеньку?.. Вылитая мать... Наталья Павловна находитъ у нея сильный темпераментъ.

— Она, кажется, училась въ гимназіи?

— Да... Но изъ шестого класса вышла. Что-то такое... однимъ словомъ—никольное недоразумѣніе. Наталья Павловна сама ѣздила объясняться съ начальницей и наговорила ей дерзостей. Тѣмъ все дѣло и кончилось... Журенька ужъ совсѣмъ большая.

II.

— Журенька, узнаёшь гостя?—крикнулъ Вихревъ еще издали.

Дѣвушка выпрямилась, посмотрѣла равнодушно въ нашу сторону и ничего не отвѣтила. Она даже не сдѣлала того машинальнаго движенія, какимъ при появленіи незнакомаго человѣка поправляются разныя мелочи женскаго туалета. Длинное лицо имѣло въ себѣ много отцовскаго, а немного удивленные глаза придавали ему тотъ телячій видъ, какой иногда бываетъ у дѣвушекъ въ переходномъ возрастѣ. Высокій ростъ, густые каштановые волосы, цвѣтъ лица—все было, какъ слѣдуетъ быть, и Журенька имѣла право назваться видною собой. И руку она подала такъ же деревянно, какъ это дѣлалъ отецъ: видимо хотѣла сказать что-нибудь въ видѣ привѣтствія, но перевела глаза на отца и едва замѣтно улыбнулась.

Наталья Павловна встрѣтила насъ на лѣстницѣ, какъ всегда, одѣтая во все черное и съ гладко зачесанными темными волосами. Это была средняго роста женщина съ дѣвичьею таліей, подвижная и порывистая, съ красивою небрежностью въ движеніяхъ и ласковымъ улыбающимся взглядомъ.

— Вотъ Наталья Павловна...—заговорилъ Вихревъ, какъ судебный приставъ, передавая мою особу съ рукъ на руки женѣ.—А Журенька, кажется, не узнала гостя.

— Какой ты странный, Петръ Васильичъ: Журенька была тогда еще маленькою замарашкой, когда мы жили въ Коренномъ, а потомъ она поступила въ гимназію...

Къ особенностямъ чести Вихревыхъ принадлежало, между прочимъ, и то, что они величали другъ друга полными именами и не выносили интимныхъ полуименъ. То-есть этого хотѣла Наталья Павловна, женщина вообще со странностями, какъ она сама отзывалась о себѣ.

— Какъ же это вы попали къ намъ?—удивилась она, когда мы вошли въ гостиную.

— Очень просто, Наталья Павловна,—объяснилъ за меня Вихревъ:—я ѣду отъ машины, и онъ идетъ, а потомъ мы пошли вмѣстѣ.

— А гдѣ же лошади, экипажъ?

— Ахъ, да, дѣйствительно: гдѣ же у васъ лошади?—спохватился домовладыка.—Оставили на станціи и пѣшкомъ черезъ гору? Очень хорошо... А только этотъ станціонный смотритель кругомъ обираетъ меня: я мою золото, а онъ его скупаетъ. Наталья Павловна пробовала воевать съ нимъ, но безуспѣшно...

Пока происходила эта болтовня первой встрѣчи, хозяйка успѣла показать всю свою квартиру. Домъ, конечно, старый, построенъ еще при казенномъ управленіи промыслами, но жить можно. Правда, по зимамъ въ комнатѣ Журеньки промерзаетъ одинъ уголъ, потомъ печка въ гостиной иногда дымитъ, но для промысловъ такая квартира—настоящая роскошь, какъ хотите. Вонъ въ старыхъ казармахъ для рабочихъ—такъ тамъ совсѣмъ нельзя жить: такая масса блохъ. Хорошо то, что здѣсь положеніе Петра Васильича совсѣмъ независимое, а лѣтомъ какъ на дачѣ. Даже такіе пустяки, какъ возможность Журенькѣ имѣть свой собственный садикъ, уже много значатъ. Положимъ, цвѣты у Журеньки каждое лѣто зябнутъ, какъ говоритъ старикъ-штейгеръ, замѣняющій чиновника особыхъ порученій, и положимъ, что сама Наталья Павловна совсѣмъ не любитъ подобныхъ глупостей, но все-таки работа на свѣжемъ воздухѣ укрѣпляетъ. И т. д., и т. д., и т. д.

Походная обстановка Вихревыхъ мало измѣнилась: та же этажерка для

книгъ, тотъ же продавленный диванъ, та же кипа старыхъ газетъ на стулѣ и тотъ же безпорядокъ. При постоянныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто Петръ Васильичъ не уживался нигдѣ: трудно было сберечь и это, особенно когда приходилось закладывать и эту скудную часть общаго подвижного состава.

Жизнь четы Вихревыхъ представляла со стороны сплошную загадку. Эти вѣчные переѣзды, сидѣнье безъ дѣла по мѣсяцамъ, когда проѣдались послѣднія крохи, наконецъ полная непрактичность и дѣтская довѣрчивость домовладыки—все это могло пустить по міру любую семью, а Вихревы жили да жили. Черезъ полчаса я имѣлъ удовольствіе сидѣть на томъ же диванѣ, на которомъ сидѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, а Наталья Павловна разливала изъ томпаковаго кофейника кофе. Рѣшительно все было по-старому, и я увѣренъ, что если бы Вихревыхъ судьба забросила на луну, то они и тамъ устроились бы такъ же, какъ устраивались вездѣ. Секретъ этой феноменальной живучести заключался въ Натальѣ Павловнѣ, этой удивительной женщинѣ, одной своей спокойной улыбкой побѣждавшей непреодолимыя препятствія. Буквально изъ ничего она съ быстротой перелетной птицы свивала новое гнѣздо и, главное, никогда не утрачивала своего ровнаго расположенія духа. Девяносто девять изъ ста женщинъ въ ея положеніи давно повѣсились бы, а она еще могла сохраниться, какъ женщина, и выглядѣла институткой.

— У насъ здѣсь есть даже общество,—разсказывала она, колеблясь надъ вопросомъ—выпить самой чашку кофе или пожертвовать эту чашку Журенькѣ. Наталья Павловна такъ любила кофе, а запасъ весь истощился.—Да... Часто завертываетъ Низовцевъ, сосѣдъ по промысламъ. Очень образованный молодой человѣкъ, изъ хорошей фамиліи, и попалъ сюда благодаря ошибкамъ молодости. Гдѣ-то тамъ въ Петербургѣ онъ имѣлъ прекрасное мѣсто, впереди была блестящая карьера... но эти баловни женщинъ всегда плохо кончаютъ. Однимъ словомъ, Низовцевъ въ одно прекрасное утро очутился въ нашемъ медвѣжьемъ углу и имѣетъ достаточно свободнаго времени, чтобы одуматься и пріобрѣсти болѣе серьезные взгляды на жизнь.

— Да, онъ подаетъ большія надежды,—вторилъ Вихревъ, машинально повторяя мысли жены.—Его общество особенно полезно для Журеньки, какъ говоритъ Наталья Павловна.

Эта выходка, выдавшая головой интимную семейную политику, заставила хозяйку вспыхнуть до ушей, а Вихревъ испуганно посмотрѣлъ кругомъ, точно отыскивая помощь.

— Вы не подумайте, что мы хотимъ сбыть дочь за него,—съ достоинствомъ поправилась Наталья Павловна.—Нѣтъ, просто дѣвушкѣ въ возрастѣ Журеньки необходимо общество, а въ нашемъ положеніи радъ будешь всякому чурбану... Впрочемъ, Низовцевъ вполнѣ порядочный человѣкъ, какъ вы сами увидите. Да и Журенька такая дѣвушка, которую трудно смутить...

— Однако, Наталья Павловна, ты сама признаёшь за ней сильный темпераментъ?

— Да, но сейчасъ она еще совсѣмъ дѣвчонка, Петръ Васильевичъ. Меня даже безпокоитъ ея апатія—точно деревянная вся... Въ ея годы я понимала уже очень много. На кого больше походитъ, по-вашему, Журенька?—обратилась Наталья Павловна ко мнѣ.—Дѣвчонки всегда походятъ больше на отцовъ... Не правда ли? И это очень печально въ бо[illegible] случаевъ...

— Пожалуйста, безъ комплиментовъ, Наталья П[illegible],—шутилъ Вихревъ, счастливый оживленіемъ жены.

Появленіе Журеньки прекратило этотъ семейный разговоръ. Она присѣла къ нашему столу, выпила свою чашку кофе, „помолчала [illegible] разныхъ предметахъ“

и ушла въ свою комнату, провожаемая счастливымъ взглядомъ Натальи Павловны.

— Мнѣ ее жаль, бѣдняжку...—сдержаннымъ шопотомъ заговорила растроганная мамаша.—Намъ, старикамъ, все равно, гдѣ ни жить, а Журенька такъ молода и еще рѣшительно ничего не видала. Я замѣчаю, что ей иногда страшно скучно съ нами...

— Это пустяки!—спорилъ домовладыка.—Секретъ всякаго счастья заключается въ томъ, чтобы умѣть быть довольнымъ настоящимъ... да. Сыта, одѣта, есть свой уголъ—чего же больше? Не вывозить же намъ ее въ свѣтъ...

Наталья Павловна промолчала и незамѣтно перевела разговоръ на другую тему, какъ это умѣла дѣлать она одна. Прежде всего послѣдовалъ длинный разговоръ о томъ, какъ Петръ Васильичъ остался безъ мѣста, что̀ повторялось слишкомъ часто и что̀ не мѣшало Натальѣ Павловнѣ каждый разъ удивляться, какъ это могло случиться. Ахъ, какъ много было хлопотъ, неудачъ и непріятностей, пока Петру Васильичу предложили мѣсто управляющаго на Чингортскихъ промыслахъ. Но и тутъ затрудненіе: раньше было хотя и плохо, но все-таки жили въ населенныхъ пунктахъ—то въ городѣ, то по заводамъ, а тутъ извольте переѣзжать куда-то въ лѣсъ.

— И вотъ привыкли, совсѣмъ привыкли!—удивлялась Наталья Павловна, обводя глазами комнату,—такъ что даже было бы жаль, если бы пришлось уѣзжать отсюда... Въ самомъ дѣлѣ! Я это часто говорю Петру Васильевичу.

— А развѣ уже есть какія-нибудь недоразумѣнія?—полюбопытствовалъ я.

— Опредѣленнаго пока ничего нѣтъ, но...—уклончиво отвѣчалъ Вихревъ, свертывая папиросу.—Знаете, эта частная служба всегда подвержена тысячѣ всевозможныхъ случайностей. Промыслы принадлежатъ компаніи: пріѣдетъ какой-нибудь компаньонъ, и вдругъ этому компаньону не понравится просто моя физіономія...

— Это можетъ быть вездѣ.

— Нѣтъ, я ужъ знаю... Вотъ и Наталья Павловна то же скажетъ.

По части недоразумѣній и всякихъ случайностей Вихревы были замѣчательные люди: сыръ-боръ загорался изъ ничего. Являлось основательное подозрѣніе, что и на промыслахъ они тоже не прочны, но Наталья Павловна предупредила мой вопросъ:

— Знаете, теперь у насъ большая забота съ Журенькой... Не прежняя пора, чтобы бродить съ мѣста на мѣсто, и приходится мириться съ собственнымъ положеніемъ. Конечно, насколько это терпимо... Можетъ-быть, это просто происходитъ и отъ старости, когда свой теплый уголъ дороже всего.

— Я не согласенъ записываться въ старики!—спорилъ Вихревъ, начиная шагать по комнатѣ.—Вы, Наталья Павловна, какъ знаете, а я не хочу... Да, не хочу, и конецъ дѣлу!

III.

Когда мы покончили обѣдъ, подъ окномъ конторы послышался лошадиный топотъ. Наталья Павловна такъ и подпрыгнула на мѣстѣ, точно уколотая, и тревожно посмотрѣла на Журеньку, которая не шевельнула бровью.

— Это Игнатій Яковличъ... верхомъ...—объявилъ Петръ Васильичъ, выглядывая въ окно.

— О, я угадала по топоту...—отвѣтила Наталья Павловна, оглядываясь на дверь.—У него такая прекрасная лошадь, и потомъ ѣздитъ онъ неподражаемо.

Въ комнату въ это время входилъ средняго роста господинъ въ оотфортахъ, шведской курточкѣ и жокейской шелковой фуражкѣ. Открытое свѣжее лицо съ русой бородой невольно бросалось въ глаза. Не снимая перчатокъ, онъ поздоровался съ дамами, потрепалъ Вихрева по плечу и раскланялся со мной, не дожидаясь офиціальнаго представленія.

— Счастливый къ обѣду...—пошутилъ онъ, кидая взглядъ на развалины нашего пиршества.—Вотъ что̀ значитъ человѣкъ, которому не везетъ рѣшительно ни въ чемъ.

— Я сейчасъ велю подавать...—засуетилась Наталья Павловна.

— Нѣтъ, не безпокойтесь: я уже пообѣдалъ... День отличный, и я вздумалъ прокатиться. Кстати, у насъ былъ когда-то разговоръ о катаньи верхомъ, Евгенія Петровна?

— Я не помню...—равнодушно отвѣтила Журенька и вопросительно посмотрѣла на мать.—Потомъ я боюсь лошадей.

— О, это пустяки!.. Изъ васъ выйдетъ прекрасная амазонка...

Низовцевъ держалъ себя съ увѣренностью человѣка, пользующагося большимъ успѣхомъ у женщинъ. Но замашки настоящаго фата скрывались, благодаря выдержкѣ и привычкамъ хорошаго общества. На меня онъ произвелъ нехорошее впечатлѣніе, и это, видимо, огорчало Наталью Павловну. Разговоръ какъ-то не вязался, и Низовцевъ уѣхалъ, не мѣшая tête-à-tête старыхъ знакомыхъ. На прощанье онъ пригласилъ меня къ себѣ на пріискъ, гдѣ обѣщалъ хорошую охоту.

— Прекрасный человѣкъ,—сдѣлала резюме Наталья Павловна, когда Низовцевъ лихо поскакалъ отъ конторы на своемъ буромъ иноходцѣ.—А ты, Журенька, совсѣмъ не умѣешь держать себя съ посторонними людьми: настоящая поповна... Недоставало только, чтобы ты покраснѣла и убѣжала какъ горничная!

— Мама, я не люблю ѣздить верхомъ...

— Пустяки!.. Каждая дѣвушка должна любить верховую ѣзду, какъ вообще сильныя движенія, а Низовцевъ научилъ бы тебя держаться въ сѣдлѣ какъ слѣдуетъ. Онъ прекрасно ѣздитъ...

— И пусть ѣздитъ, а я не хочу.

— Капризъ?..

— Нѣтъ...

Наталья Павловна обратилась съ нѣмои жалобой во взглядѣ ко мнѣ и замолчала. Журенька надулась и, воспользовавшись наступившей паузой, ушла въ свой цвѣтникъ.

— Это какая-то рыба!—возмущалась Наталья Павловна.—Кто любитъ цвѣты?.. Одни старыя дѣвы.. Меня просто рветъ эта страсть къ цвѣтамъ!.. Недостаетъ только болонки...

— Не слѣдуетъ волноваться изъ пустяковъ, Наталья Павловна,—нерѣшительно замѣтилъ Вихревъ.

Отвѣта не послѣдовало.

Эта чета Вихревыхъ принадлежала къ типу интеллигентныхъ перелетныхъ птицъ. Петръ Васильичъ когда-то былъ въ университетѣ, изъ котораго вышелъ „по независящимъ обстоятельствамъ“. Время было порывистое и говорливое. Петръ Васильичъ, находясь безъ опредѣленныхъ занятій, вращался по старой привычкѣ въ студенческихъ кружкахъ. Между прочимъ, онъ здѣсь познакомился и съ Натальей Павловной, которая бросила родное дворянское гнѣздо для новой жизни съ новыми людьми.

— Чадъ какой-то былъ...—вспоминала она иногда про доброе старое время.—Возьмите того же Петра Васильича: вѣдь двухъ словъ не скажетъ толкомъ, а тогда гремѣлъ, да еще какъ гремѣлъ!.. Это было просто брачное опереніе мысли...

Недостаткомъ Натальи Павловны было то, что она сама первая смѣялась надъ сорвавшимся съ языка острымъ словцомъ, хотя смѣялась очень мило, какъ всѣ хорошіе люди: глаза такъ и вспыхнутъ, а около рта заиграютъ двѣ ямочки.

— Да, у Петра Васильича была тогда такая красивая голова и рѣшительный взглядъ, и женщины имъ увлекались.—Наталья Павловна опять улыбалась и смотрѣла на мужа съ чувствомъ собственности.

За первыми радостями послѣдовала скитальческая жизнь, полная мелкихъ дрязгъ и переворотовъ. Петръ Васильичъ оказался прежде всего лѣнивымъ человѣкомъ, потомъ онъ не умѣлъ поставить себя нигдѣ, и наконецъ неудачи всякаго рода сыпались на его голову, какъ на Макара шишки. Явилась Журенька, за ней еще два ребенка, которые не могли „приспособиться къ обстоятельствамъ“ и выбыли изъ строя „сражавшихся въ борьбѣ за существованіе“. Высокія слова и научные термины были слабостью Натальи Павловны. Кто-то изъ хорошихъ знакомыхъ наговорилъ Вихревымъ про Уралъ съ три короба: и мѣста много, и крайняя нужда въ интеллигентныхъ работникахъ, и непочатые углы, взывающіе о культурѣ. Уѣхали на Уралъ, гдѣ изъ года въ годъ и тянулись, повторяя тѣ же неудачи, разочарованія и ошибки. Наталья Павловна иногда скучала по волжскимъ яблонямъ, дубовымъ рощамъ и соловьямъ, но приходилось мириться съ уральской хвоей и уральскими людьми.

Удивительная была это женщина Наталья Павловна, не замѣчавшая даже, что свой семейный корабль тащитъ она одна. Ужъ очень много было въ ней чисто-женской живучести. Свои личныя дѣла всегда у ней шли какъ-то между прочимъ, и она больше заботилась о другихъ. А этихъ „другихъ“ съ каждымъ годомъ появлялось все больше и больше: одинъ лучше другого, и каждому нужно отыскать занятіе, пристроить, обласкать, успокоить и вообще пролить въ страждущую душу бальзамъ утѣшенія. Результатомъ такой возни являлась самая черная неблагодарность. Наталья Павловна страдала нравственно за свой неудачный выборъ, а потомъ утѣшалась какимъ-нибудь новымъ „сюжетомъ“ до новой непріятности. Правда, знакомые Натальи Павловны очень роптали на нее: сидитъ такой знакомый въ своемъ кабинетѣ и получаетъ письмо Натальи Павловны съ приложеніемъ дѣйствующаго лица, о которомъ такъ мило просятъ похлопотать и вообще посодѣйствовать. Знакомый человѣкъ мысленно ругаетъ Наталью Павловну и посылаетъ ко всѣмъ чертямъ, улыбается и кметъ руку рекомендуемому, потомъ лжетъ и за себя и за него, пока тотъ не устроится, и въ концѣ концовъ, вздохнувъ свободно, говоритъ вслухъ самому себѣ: „Нѣтъ, ужъ, Наталья Павловна, merçi beaucoup, это въ послѣдній разъ... Это ужъ, чортъ знаетъ, что̀ такое! У меня своихъ дѣлъ по-горло... да!“ Наталья Павловна отлично знала человѣческое сердце и съ самымъ покорнымъ видомъ выслушивала отъ такихъ знакомыхъ разныя горькія истины, а потомъ подсылала къ нимъ новыхъ кліентовъ.

— Вамъ бы ужъ лучше прямо богадѣльню устроить, Наталья Павловна! А еще толкуете о разумномъ эгоизмѣ!—ворчитъ кто-нибудь.—Вы сами себѣ противорѣчите и своими рекомендаціями создаете какихъ-то привилегированныхъ людей. Всѣхъ не пристроишь, да и наше время такое... да!

— Вы всегда можете отказаться, Семенъ Семенычъ, и я не буду въ претензіи.

— Да, я хочу тоже быть разумнымъ эгоистомъ.

— Самое лучшее!

— И прекрасно! Я самъ отлично проштудировалъ теорію утилитаризма по Миллю и убѣдился во вредѣ покровительства.

Такова была эта Наталья Павловна, которую настолько всѣ уважали, что совсѣмъ не замѣчали скромнаго существованія главы дома. Петръ Васильичъ умѣлъ остаться въ сторонѣ и покорно несъ свою долю домашняго животнаго. Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ, какъ не былъ и хорошимъ, а такъ... чортъ знаетъ, что такое. Знакомые Натальи Павловны иногда подсмѣивались надъ нимъ, называя въ шутку „общимъ нашимъ знакомымъ“.

Зная давно эту оригинальную чету, я былъ особенно удивленъ тому безпокойному и тревожному настроенію, въ какомъ находилась Наталья Павловна. Причина была налицо: Журенька. Это было еще страннѣе, потому что Наталья Павловна слишкомъ скептически относилась къ брачнымъ комбинаціямъ.

— Помилуйте, дѣвочка въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ ничего не понимаетъ, и вдругъ связать свою судьбу навѣкъ... Всѣ наши законы противъ женщины!

— Однако вы сами выходили замужъ?

— И всегда въ этомъ раскаиваюсь... Замѣтьте: раскаиваюсь, а не жалуюсь.

Мы забыли сказать, что главной особенностью Натальи Павловны было то, что она никогда не плакала. Рѣшительно никогда, какъ никогда не жаловалась на свое положеніе.

Появленіе Низовцева и отношеніе къ нему Натальи Павловны просто ставило меня втупикъ: она такъ и разыгрывала мамашу, жаждущую устроить судьбу дочки. Да и самъ Низовцевъ былъ новымъ человѣкомъ въ ея репертуарѣ: съ такими людьми она прежде не имѣла никакихъ сношеній. Единственнымъ объясненіемъ отчасти могло служить развѣ только то, что, живя въ лѣсу, поневолѣ будешь радъ всякому живому человѣку.

IV.

Пріискъ Козырный, гдѣ жилъ Низовцевъ, находился верстахъ въ пяти отъ Чингортскихъ промысловъ. Нужно было спуститься внизъ по теченію р. Имоса, и налѣво, гдѣ начинался кряжъ Дойкаръ, въ узкой горной лощинѣ залегла золотоносная розсыпь. Издали видно было только высокую трубу паровой машины. Пріискъ былъ открытъ недавно, и производились развѣдки. Широкая русская изба, на живую руку сдѣланная изъ свѣжихъ сосновыхъ бревенъ съ сочившейся изъ нихъ смолой, приткнулась къ горѣ: это и была контора, гдѣ короталъ свои дни Игнатій Яковлевичъ.

Я воспользовался приглашеніемъ Низовцева побывать на охотѣ въ его владѣніяхъ и пришелъ на пріискъ раннимъ утромъ. Хозяинъ встрѣтилъ меня въ небрежномъ утреннемъ костюмѣ, слишкомъ изящномъ для пріисковой бивачной жизни. Дрессированный пойнтеръ кофейной масти выскочилъ на крылечко и съ азартомъ принялся лаять по моему адресу.

— Набобъ, тубо...

Внутренность избы поражала своимъ женскимъ туалетомъ: тутъ было и зеркало, и столикъ съ разными косметиками, и цѣлый ассортиментъ щетокъ и щеточекъ, и походная кровать, прикрытая бѣлоснѣжнымъ покрываломъ, и мраморный умывальникъ со щетками и баночками, и коврики подъ ногами, и ночной столикъ съ букетомъ изъ послѣднихъ осеннихъ цвѣтовъ. Письменный

столъ, заваленный бездѣлушками, альбомами и фотографіями, занималъ простѣнокъ между двумя окнами. Надъ диваномъ на персидскомъ коврѣ было развѣшено разное оружіе: двустволка Лебеды-отца, винтовка, штуцеръ, нѣсколько револьверовъ, неизбѣжный кинжалъ съ серебряной насѣчкой, и даже была рогатина. Впрочемъ, такіе арсеналы служатъ плохой рекомендаціей, какъ всякая реклама или вывѣска, а являются только глупой декораціей. Нѣсколько олеографій дополняли обстановку. Надъ письменнымъ столомъ, на особой полочкѣ, во всю длину простѣнка были разставлены фотографіи въ различныхъ рамочкахъ—все были женщины и все молодыя. Очевидно, эта полочка являлась „памятью сердца“...

— Вы меня извините великодушно!—повторялъ нѣсколько разъ Низовцевъ, скрываясь за драпировкой, отдѣлявшей кровать.—Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Набобъ, кушъ!.. Что Наталья Павловна?.. Кстати, какъ вамъ понравилась эта m-lle Журенька?..

— Я слишкомъ давно ее знаю, съ ранняго дѣтства, чтобы судить какъ дѣвушку...

— Вы правы. Безпристрастнымъ судьей можетъ быть только совершенно посторонній человѣкъ... Въ ней есть задатки, и если бы придать имъ опредѣленную форму, извѣстный шикъ... Женщины, вообще, моя слабость. Мы сегодня отправимся съ вами въ Дойкаръ, гдѣ есть хорошее мѣстечко, и Набобъ поработаетъ отлично!

Изъ-за драпировки Низовцевъ показался въ охотничьихъ лакированныхъ сапогахъ, въ какой-то мудреной жокейской фланелевой курточкѣ и синихъ штанахъ военнаго покроя. Онъ щеголевато выпячивалъ грудь и нѣсколько разъ взмахнулъ руками, какъ гимнастъ, который выходитъ на арену цирка.

— Мы выпьемъ кофе и потомъ отправимся!—проговорилъ онъ, позвонивъ въ колокольчикъ съ письменнаго стола.

На звонокъ явился казачокъ въ синей суконной поддевкѣ, такихъ же шароварахъ и красномъ кушакѣ, точно одинъ изъ членовъ какой-нибудь пѣвческой капеллы à la Славянскій. Получивъ приказаніе барина, онъ повернулся на каблукахъ и неслышно удалился, какъ и слѣдуетъ слугѣ въ порядочномъ домѣ. Черезъ четверть часа мы пили кофе изъ серебрянаго кофейника, причемъ Низовцевъ самъ разливалъ его по китайскимъ чашечкамъ безъ ручекъ.

— Можно, знаете, вездѣ жить, если подтянуть себя и взять въ руки!—философствовалъ онъ, прищуривая глаза.—И нѣтъ такого положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти!

Поймавъ мой нетерпѣливый взглядъ въ окно, онъ быстро закончилъ свою порцію кофе и началъ вооружаться. Мѣсто для конторы было выбрано очень удачно: отъ сѣверо-восточнаго холоднаго вѣтра ее защищала гора, а къ югу, точно широкими воротами, открывался видъ на долину р. Имоса. Вершины Усть-Машъ и Дойкаръ высились съ боковъ. Изъ окна конторы открывался очень милый и оригинальный видъ, хотя самый пріискъ Козырный ничего замѣчательнаго не представлялъ собой: дымила одна машина, да въ разныхъ мѣстахъ сонно копались до двадцати рабочихъ.

— Странное названіе пріиска!—говорилъ я, когда мы наконецъ отправились на охоту.—Это вы придумали?

— Да, да... Набобъ, en avant!.. Видите ли, жизнь наша все-таки въ концѣ концовъ—игра и большею частью очень скверная, а я люблю козырей. Козырь—въ этомъ все...

Меня начинали забавлять эти отвлеченности и аллегоріи, которыя совсѣмъ

ужъ не вязались съ привычками и обстановочкой прогорѣвшаго барина. Впрочемъ, въ такомъ медвѣжьемъ углу философія являлась послѣднимъ утѣшеніемъ.

— Вы не устали ли?—нѣсколько разъ освѣдомлялся Низовцевъ съ изысканной любезностью, когда мы поднимались въ гору.—Мы возьмемъ отличное утро... Вотъ увидите!

Охота дѣйствительно удалась: Набобъ сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ стоекъ на вальдшнеповъ; на одномъ брусничникѣ мы „натакались“ на цѣлый табунъ косачей, начавшихъ уже „грудиться“: самцы съ самцами, молодки съ маткой. Лѣсъ огласился звонкимъ хлопаньемъ нашихъ выстрѣловъ, и можно было разслышать сухой шумъ, съ какимъ летѣла дробь сквозь осеннюю листву, точно мы стрѣляли по бумажнымъ декораціямъ. Были промахи и просто неудачные выстрѣлы, которые мы объясняли другъ другу „крѣпкимъ перомъ“ осенней птицы: извѣстно, что самые мѣткіе выстрѣлы иногда не „ронятъ“ птицы, и есть масса причинъ, почему ваше ружье начинаетъ „живить“ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Въ общемъ мы все-таки могли похвастаться большимъ успѣхомъ и поэтому, выбравъ уютное мѣстечко у молодой еловой заросли, расположились отдохнуть.

— Мы здѣсь можемъ получать королевское удовольствіе ни за грошъ!— говорилъ Низовцевъ, располагаясь на травѣ.—Гдѣ вы найдете такую охоту?.. Я былъ въ Германіи и во Франціи: одна жалость, а не охота. Нагонятъ дичи въ паркахъ и стрѣляютъ ее, какъ въ курятникѣ... А по-моему нѣтъ выше удовольствія, какъ именно охота—этотъ послѣдній остатокъ первобытной поэзіи. Правда, нужно отдать справедливость нашей жестокости, но вѣдь жизнь-то въ общемъ складывается такъ нелѣпо и искусственно, что необходимо встряхнуть нервы. Лучшимъ моментомъ, какъ и вездѣ, является ожиданіе, это особенное чувство, отъ котораго сладко замираетъ сердце въ груди...

На сцену явилась охотничья фляга съ походными серебряными стаканчиками и охотничья закуска. Набобъ улегся на почтительномъ разстояніи, какъ и слѣдуетъ благородному псу; онъ тяжело дышалъ, уткнувшись мордой въ траву. Разложивъ дичь по разрядамъ, Низовцевъ проговорилъ:

— Не правда ли, будетъ хорошій сюрпризъ Натальѣ Павловнѣ?

— Да!

— По-моему, это самый изящный подарокъ, какой только можно сдѣлать женщинѣ. Да!.. А вы давно были въ Петербургѣ?

Послѣ двухъ стаканчиковъ у Низовцева глаза замѣтно сузились и явилась блуждающая самодовольная улыбка. Безъ всякаго вызова съ моей стороны онъ пустился въ личныя воспоминанія и оказался самымъ обыкновеннымъ болтуномъ, который изъ-за краснаго словца выдаетъ самого себя головой. Отъ прежней выдержки, какъ отъ разбитаго яйца, осталась одна скорлупа. Сказался тутъ зудъ, который требуетъ выговориться. „Что ни говорите, а если стоитъ вообще жить, то только въ столицахъ. Да! Все тамъ стягивается: красота, умъ, талантъ, геній“. У Низовцева была хорошая рука, которая помогала ему легко итти по бойкой дорогѣ. Онъ сталъ перечислять по пальцамъ всѣхъ героевъ и героинь громкихъ процессовъ послѣднихъ лѣтъ,—да, онъ былъ лично знакомъ съ ними, и—увы!—они ушли дальше его: кто въ Иркутскѣ, кто въ Красноярскѣ и вообще по разнымъ сибирскимъ глубинамъ. У Низовцева была своя исторія, кончившаяся тоже скамьей подсудимыхъ, но вышло какъ-то глупо: онъ и попался какъ-то бокомъ, по чужому дѣлу, какъ попадаютъ въ лузу бильярда „отъ шара шаромъ“. Это сравненіе очень понравилось Низовцеву, и онъ его повторилъ нѣсколько разъ.

— Вы надѣетесь вернуться въ Петербургъ?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

Низовцевъ точно проснулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня: „Что такое вернуться въ Петербургъ?“

— Нѣтъ, мое время уже ушло:—задумчиво отвѣтилъ онъ.—Вышелъ изъ колеи, обросъ мохомъ, а показаться смѣшнымъ—это хуже смерти... Кстати, вы давно знакомы съ „нашимъ общимъ знакомымъ“?

— Да, порядочно...

— Знаете, мнѣ иногда его жаль... да! Нехорошо, когда мужчина такъ слѣпо подчиняется женщинѣ, даже такой, какъ Наталья Павловна. Я скажу больше: это дурно даже для этой женщины, потому что... какъ это вамъ сказать? Однимъ словомъ—въ каждомъ явленіи и фактѣ долженъ быть извѣстный центръ тяжести, и его отсутствіе служитъ признакомъ разрушенной внутренней связи...

Мы возвращались на пріискъ другой дорогой, черезъ березнякъ, гдѣ земля была усыпана облетѣвшимъ сухимъ листомъ. Небо заволакивала осенняя сѣрая мгла, надвигавшаяся изъ-за Усть-Маша. Порывистый вѣтеръ вырывался откуда-то точно въ отворенное окно и судорожно рвалъ сухой мертвый листъ, кружившійся въ воздухѣ, какъ бумажка. Эти мертвыя движенія, конечно, не могли оживить мертвыхъ красокъ и придать лѣсу живой „зеленый шумъ“.

V.

Осенній вечеръ. Передъ конторой на Шингортскихъ промыслахъ ярко пылаетъ громадный костеръ. Кучеръ Яковъ—у Вихрева есть теперь свой кучеръ и свои лошади—кучеръ Яковъ привезъ съ Имоса нѣсколько сухарины (сухія палыя деревья) изъ лѣсу, хворосту и очень занятъ, чтобъ устроить „ароматное пальмо“. Около костра бѣгаетъ Журенька, счастливая фантастическою картиной. Она въ одномъ ситцевомъ платьѣ, на плечахъ едва накинутъ оренбургскій платокъ изъ козьей шерсти.

— Журенька, ты простудишься!—повторяетъ Наталья Павловна, наблюдая дочь счастливыми глазами.—Теперь земля холодная, а ты въ однихъ прюнелевыхъ ботинкахъ!

— Ничего, мама... Мама, посмотри, какое темное небо, а отъ костра кверху свѣтъ идетъ воронкой.

Журенька очень довольна, и Наталья Павловна очень довольна. Эта послѣдняя точно молодѣетъ въ присутствіи дочери и заискивающе смотритъ на своихъ гостей, т.-е. на насъ, точно хочетъ сказать: „Вѣдь Журенька еще ребенокъ, совершенный ребенокъ... Обрадовалась дурочка огню!“. Мы не можемъ отнестись съ такою дѣтски-чистою радостью къ пылающему костру и сидимъ на длинной скамьѣ, вытянувъ ноги на разостланный коверъ: извѣстный возрастъ требуетъ извѣстныхъ солидныхъ удобствъ. Низовцевъ сидитъ рядомъ съ Натальей Павловной и молча посасываетъ походную англійскую трубочку: онъ врагъ всякихъ „дачныхъ импровизацій“ и постарается не выдать себя.

— Пойдемте въ комнату...—нерѣшительно говоритъ Петръ Васильичъ, поджимая ноги отъ холода.—Можно еще насморкъ получить.

— Вотъ вы всегда такъ... Петръ Васильичъ!—замѣчаетъ укоризненно Наталья Павловна.

— То-есть какъ это „такъ“, Наталья Павловна?

— Никакой поэзіи нѣтъ въ васъ, Петръ Васильичъ... да. Наконецъ, хоть разъ въ жизни нужно же подумать о другихъ...

— Ну, вы наслаждайтесь тутъ поэзіей насморка, а я пойду!—упрямится

домовладыка и своею разбитою, усталою походкой исчезаетъ въ той мглѣ, которая чернымъ кольцомъ охватываетъ освѣщенный костромъ кругъ.

Наталья Павловна разсердилась. Вѣдь она никогда не требовала никакой поэзіи, никогда не жаловалась на свои вѣчныя будни, зачѣмъ же онъ не хочетъ понять, что настоящая минута доставляетъ ей удовольствіе... Да, маленькое удовольствіе, на какое всякій имѣетъ право,—а онъ... „поэзія насморка“. Счастливая минута отлетѣла, и Натальѣ Павловнѣ дѣлается такъ жутко, какъ это бывало въ дѣтствѣ: и обидно, и слезы щиплютъ въ горлѣ, и нѣтъ виноватаго. А ночь такая темная-темная, огонь такъ весело трещитъ, взметая клубы чернаго дыма и цѣлый фейерверкъ искръ. Надъ головами уходитъ кверху колеблющимся столбомъ свѣтъ, какъ труба, по которой летятъ искры: окружающая темнота точно раздается при каждомъ всполохѣ огненныхъ языковъ и сейчасъ же смыкается, когда пламя падаетъ. Яковъ хлестко рубитъ упругую сухарину, отъ которой топоръ отскакиваетъ съ тонкимъ звономъ. Журенька ждетъ момента, чтобы взять свѣжее полѣно и бросить его въ костеръ; взовьется снопъ искръ, а около свѣжаго дерева такъ и затрещатъ тысячи искорокъ. Журенька продолжаетъ быть счастливою, и Натальѣ Павловнѣ дѣлается жаль эту несчастную дѣвочку, для которой воспоминаніе о такомъ вечерѣ, можетъ-быть, на цѣлую жизнь останется самою свѣтлою точкой, какъ это и бываетъ.

Когда костеръ сгорѣлъ до тла, мы вернулись въ контору. Петръ Васильичъ сидѣлъ у стола и подсчитывалъ какую-то объемистую пріисковую книгу. Взглянувъ на него, Низовцевъ едва замѣтно улыбнулся: „Поэзія насморка“... И скажетъ нашъ общій знакомый словечко!

— Евгенія Петровна, хотите партію въ шахматы?—предлагалъ Низовцевъ съ изысканной любезностью.

— Если безъ рокировки, то я согласна...

— Все, что̀ вамъ угодно!

Есть двѣ скучнѣйшихъ вещи на бѣломъ свѣтѣ: шахматы и крокетъ. Для меня лично въ десять разъ пріятнѣе слушать даже двѣ флейты заразъ, чѣмъ присутствовать при одной партіи любой изъ этихъ „игръ“, придуманныхъ скучающимъ человѣчествомъ для еще большей скуки. Однако Наталья Павловна была довольна и посмотрѣла на Низовцева благодарнымъ взглядомъ: она любила, когда онъ игралъ съ Журенькой. Шахматная доска хоть на время образовала желанную парочку, притомъ у Журеньки, когда она обдумывала какой-нибудь мудреный ходъ, на лицѣ являлось такое умное выраженіе.

Когда мы сѣли на диванъ, который былъ настолько далеко отъ игроковъ, что можно было безъ риска разговаривать вполголоса, Наталья Павловна спросила меня въ упоръ:

— Вамъ не нравится Низовцевъ?

— Я слишкомъ мало его знаю.

— Однако мы въ большинствѣ случаевъ руководствуемся нашими первыми впечатлѣніями и по нимъ составляемъ извѣстныя представленія о людяхъ.

— Въ такомъ случаѣ—нѣтъ, не нравится.

— И вамъ не нравится, что я ухаживаю за Низовцевымъ, какъ чиновница, которая хочетъ сбыть съ рукъ заневѣстившуюся дочь?

— Эти вещи трудно судить со стороны, особенно когда онѣ васъ совсѣмъ не касаются.

Мой отвѣтъ заставилъ Наталью Павловну улыбнуться, — я ужъ говорилъ, что она такъ хорошо смѣялась. Это моложавое лицо было еще полно силы и задумчивой прелести, какая сохраняется только у очень сильныхъ и

живучихъ натуръ. Мнѣ правилось, когда Наталья Павловна смотрѣла на кого-нибудь своими довѣрчивыми, серьезными глазами: въ нихъ, или, вѣрнѣе сказать, въ этомъ взглядѣ было столько женской чистоты и сердечности.

— Въ нашихъ дѣтяхъ мы повторяемъ нашу жизнь, — задумчиво говорила Наталья Павловна, принимаясь за какое-то шитье. — Я говорю о женщинахъ. Это все равно какъ тѣ муки, которыя переживаетъ преступникъ, когда на тысячу ладовъ повторяетъ въ своемъ умѣ все одно и то же преступленіе. Вѣдь люди такъ похожи другъ на друга, а въ своихъ ошибкахъ—въ особенности. Недаромъ, по словамъ Гейне, съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная... Теорія полнаго невмѣшательства родителей въ самый критическій моментъ жизни своихъ дѣтей, конечно, имѣетъ много за себя, какъ гарантія отъ самодурства и разныхъ слишкомъ практическихъ расчетовъ, но есть и другая сторона: матери переживаютъ себя еще разъ въ судьбѣ дочерей. Вы не бойтесь, что я буду жаловаться на бабью свою долю и обвинять мужчинъ. Есть вещи хуже! Несправедливость кроется въ извѣстной физической организаціи, въ тѣхъ стихійныхъ силахъ и законахъ, въ которыхъ похоронено библейское проклятіе женщины. Можно забыть о себѣ, можно помириться съ индивидуальной болью, но вѣдь тутъ дѣло идетъ о другомъ человѣкѣ, и сердце изнываетъ во второмъ изданіи, если можно такъ выразиться.

— Вы даже усвоили отвлеченную манеру Низовцева говорить.

— Можетъ-быть... Скажу вамъ откровенно: сначала онъ мнѣ очень не нравился. Да и что могло быть общаго между нами? Лично я уже давно пережила острую пору своего существованія, насмотрѣлась всякихъ людей и имѣю порядочный матеріалъ для сравненія... Да, Низовцевъ мнѣ сначала положительно не понравился и въ особенности потому, что онъ вышелъ изъ среды, слишкомъ мнѣ знакомой по крови: это дворянскій ублюдокъ съ прожигательской складкой. Такіе именно люди сводятъ съ ума извѣстнаго сорта женщинъ, какъ было и въ данномъ случаѣ. Однимъ словомъ — столичный хлыщъ и больше ничего. Но, живя въ лѣсу, не приходится быть особенно разборчивымъ на знакомство. Я имѣла много времени ближе вглядѣться въ этотъ типъ и—знаете... какъ это вамъ сказать?..

— Нашлись оправдательные документы?..

— И такъ и не такъ... Въ сущности, Низовцевъ не глупый и хорошій малый, а настоящая школа поможетъ ему отдѣлаться отъ столичной грязи. Въ результатѣ получился выводъ, что Журенька могла бы быть съ нимъ счастлива... Да, въ немъ есть эта живучесть, та грубая энергія, которая нравится женщинамъ, и потомъ цѣлый рядъ маленькихъ особенностей и привычекъ, созданныхъ извѣстной культурной средой. Какъ мать, я, вѣроятно, создала своего собственнаго Низовцева и живу въ фантастическомъ мірѣ, а дѣйствительность, какъ видите, нейдетъ дальше какой-нибудь партіи въ шахматы.

Наталья Павловна сама засмѣялась и такъ умненько посмотрѣла на игроковъ, сидѣвшихъ съ недовольными, надутыми лицами. Петръ Васильичъ откладывалъ что-то на счетахъ, смѣшивалъ костяжки и безостановочно жегъ одну папиросу за другой.

За ужиномъ, когда была подана холодная дичь, убитая нами наканунѣ, произошла непріятная размолвка между Низовцевымъ и Натальей Павловной. Поводомъ послужило какое-то ничтожное замѣчаніе перваго о женщинахъ. Хозяйка приняла его очень близко къ сердцу и просто-напросто раскапризничалась. Бѣдный Петръ Васильичъ сидѣлъ какъ на угольяхъ и напрасно придумывалъ маленькія хитрости, чтобы обратить все въ шутку. Этого было до-

статочно, чтобы вся энергія обратилась на его голову, и Наталья Павловна все шла дальше и дальше по пути неправды, пока несчастный ужинъ съ холодной дичью не кончился. Журенька присутствовала совершенно равнодушнымъ зрителемъ и на правахъ недоростка вышла изъ-за стола раньше всѣхъ.

Мы разстались очень неловко. Низовцевъ кусалъ бороду. Петръ Васильичъ безмолвно разводилъ руками и теръ свой лобъ.

— Оставайтесь еще на денекъ?—говорила мнѣ Наталья Павловна, дѣлая усиліе непремѣнно быть любезной.

— Благодарю васъ, но мнѣ завтра нужно будетъ уѣхать раннимъ утромъ.

Наталья Павловна повернулась ко всѣмъ намъ троимъ спиной и молча ушла въ свою комнату: мой отвѣтъ былъ послѣдней каплей въ чашѣ сегодняшнихъ огорченій.

— Наталья Павловна, повидимому, не совсѣмъ здорова... — говорилъ Вихревъ, провожая Низовцева по лѣстницѣ со свѣчей въ рукахъ.

VI.

Ровно черезъ годъ мнѣ пришлось завернуть на Чингортскіе промыслы, на этотъ разъ уже „по пути“. Та же мѣстность, такая же крѣпкая осень, та же контора, тѣ же цвѣты, за которыми ухаживала Журенька, точно я только вчера уѣхалъ отсюда. Получалась любопытная иллюзія, точно цѣлый годъ былъ вычеркнутъ изъ поступательнаго движенія рѣки временъ. Я могъ бы сказать, что дѣйствующія лица моего разсказа оставались тѣ же, но это неправда: первое, что встрѣтилъ я въ пріисковой конторѣ, былъ молодой врачъ изъ Коренного завода, Илья Никитичъ Засухинъ. Журенька попрежнему щеголяла въ своихъ ситцевыхъ платьяхъ на манеръ bébé, Низовцевъ попрежнему разыгрывалъ джентльмена, Вихревъ не выпускалъ изо рта папиросъ, а Засухинъ сидѣлъ на продавленномъ историческомъ диванѣ и спорилъ съ Натальей Павловной, спорилъ невозмутимо, методически, доказательно, точно ѣхалъ по желѣзной дорогѣ или прописывалъ рецептъ въ тысячу и одинъ разъ.

— Съ вами невозможно спорить, докторъ! — горячилась Наталья Павловна, причемъ лицо у ней такъ и вспыхивало розовыми пятнами.

— Нѣтъ, вы еще разъ неправы: со мной можно спорить, какъ со спокойнымъ человѣкомъ, который по крайней мѣрѣ даетъ высказаться противнику,—невозмутимо тянулъ докторъ, посматривая на часы.

— Вотъ именно ваше спокойствіе меня и бѣситъ, потому что... потому что—откуда эта непогрѣшимость и... и...

— И самоувѣренность, съ какой говорятъ всѣ слишкомъ ограниченные люди?

— Я васъ не просила договаривать за меня! А если хотите, то прибавьте еще: и самоувѣренность...

— Юпитеръ, ты сердишься, — значитъ, ты не правъ,—отвѣтилъ самоувѣренный докторъ латинской пословицей.

Высокій, плотный, съ большой угловатой головой и широкимъ русскимъ лицомъ, молодой докторъ принадлежалъ къ новому типу невозмутимыхъ молодыхъ людей. Подъ гребенку остриженные волосы, клинышкомъ подровненная русая бородка, большой чистый лобъ, спокойный и увѣренный складъ рта ничего сами по себѣ замѣчательнаго не представляли, какъ и дорожный костюмъ. Расшитая малороссійскимъ узоромъ рубашка плотно охватывала докторскую бѣлую шею; большія акушерскія руки носили ясные слѣды вниманія. Высокіе ботфорты, сѣрая визитка изъ дешеваго сукна и золотые часы дополняли всю

постройку докторской аммуниціи. Онъ отвѣчалъ сдержанно и увѣренно и, видимо, былъ доволенъ, что Журенька слегка раскрытымъ ртомъ ловитъ каждое его слово. Между ними уже установилась извѣстная тонкость пониманія, которая бѣсила Низовцева, кусавшаго бороду.

— Такого человѣка я встрѣчаю еще въ первый разъ въ своей жизни!— обратилась уже ко мнѣ Наталья Павловна. — Столько-то минутъ на обѣдъ, столько-то на чай, на одѣванье, на визитъ къ больному, на споръ съ пріятелемъ... Да вѣдь это не жизнь, а какія-то четыре первыхъ дѣйствія ариѳметики.

— Для маленькихъ людей совершенно достаточно,—соглашался докторъ.

— Это какой-то человѣкъ-часы, какъ я его называю... Ему хоть камни вались съ неба, а столько-то минутъ прошло—нужно итти или ѣхать.

— Совершенно вѣрно, какъ и сейчасъ... Мнѣ остается ровно часъ удовольствія бесѣдовать съ вами, Наталья Павловна.

— Да вѣдь ночь на дворѣ? Хорошій хозяинъ собаки со двора не выгонитъ, а вамъ до Коренного верстъ тридцать ѣхать...

— Привычка, Наталья Павловна. Да и мое время принадлежитъ не мнѣ: я продался заводоуправленію...

— А въ контрактѣ съ заводоуправленіемъ вы выговорили себѣ хоть одну свободную минуту, если доведется умирать?..

— Нѣтъ... Я надѣюсь жить очень долго.

Въ теченіе оставшагося часа докторъ успѣлъ поспорить съ Низовцевымъ, который, какъ ни старался сохранить свою выдержку, но постоянно прорывался и тоже покраснѣлъ, какъ Наталья Павловна. Силы были далеко не равныя, и крѣпкому джентльмену крѣпко бы досталось, если бы не истекъ докторскій часъ. Докторъ первый протянулъ свою акушерскую руку Низовцеву и тѣмъ же топомъ проговорилъ:

— Надѣюсь, что мы, Игнатій Яковлевичъ, докончимъ нашъ споръ въ слѣдующій разъ...

— Къ вашимъ услугамъ, Илья Никитичъ.

По-мужски простившись съ дамами и посовѣтовавъ что-то Петру Васильичу относительно его ревматизма, Засухинъ вышелъ. Журенька подскочила къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ докторская плетенка переѣдетъ черезъ свѣжую пріисковую насыпь.

— Когда же и гдѣ онъ думаетъ доканчивать съ вами свой споръ?— спрашивала Наталья Павловна Низовцева.—Кажется, я не приглашала его...

— Этого разбора молодцы являются безъ приглашеній,—не выдержалъ Низовцевъ, начиная шагать по комнатѣ.

— Папа, смотри, какая славная пристяжка у Ильи Никитича!—крикнула Журенька, распахивая окно.

Петръ Васильичъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ и, потирая лобъ рукой, проговорилъ:

— Да, лошадь того... гм... Отличная грива, да.

— Журенька, затвори окно,—холодно замѣтила Наталья Павловна, кутаясь въ шерстяной платокъ.

— Позвольте и мнѣ проститься....—заговорилъ Низовцевъ.

— Игнатій Яковлевичъ, куда же вы? — взмолилась Наталья Павловна, поднимаясь съ дивана.—Вы давно не играли въ шахматы... Скоро чай будетъ. У меня новое варенье... Вы, кажется, заразились отъ доктора и тоже хотите превратиться въ часы?..

Низовцевъ остался, но изъ этого ничего не вышло. Разговоръ не вязался; Журенька путала ходы и сдержанно зѣвала, отъ чего на глазахъ у нея выступали слезы. Душой общества сдѣлался Петръ Васильичъ, начавшій безконечную повѣсть о своихъ пріисковыхъ дѣлахъ.

— Видѣли вы станціоннаго смотрителя?—спрашивалъ онъ меня, попыхивая папиросой.

— Да...

— Скупаетъ и мое золото и у Игнатія Яковлевича тоже, а какъ его поймаешь? Знаю даже, когда скупаетъ и по какой цѣнѣ, а сдѣлайте у него обыскъ—самъ же въ дуракахъ останешься. Самое глупое положеніе: мы работаемъ, несемъ извѣстную отвѣтственность предъ своими довѣрителями и до извѣстной степени рискуемъ, а смотритель получаетъ съ нашей работы извѣстный лажъ...

— Да вѣдь на пріискахъ вездѣ такъ, Петръ Васильичъ. А съ неизбѣжнымъ зломъ приходится мириться... Платите за золото столько же, сколько платитъ смотритель.

— А если я не могу этого сдѣлать?.. Тогда всѣ работы пойдутъ въ убытокъ, и меня прогонятъ въ шею... Впрочемъ, умные люди такъ дѣлаютъ: я скупаю золото Игнатія Яковлевича, онъ мое, и оба въ выигрышѣ.

— Нужно быть эгоистами, Петръ Васильичъ—въ этомъ весь секретъ жизни,—заговорила Наталья Павловна.—Никакихъ увлеченій, никакихъ чувствъ, одинъ расчетъ вездѣ и во всемъ. Такимъ только людямъ и стоитъ жить въ наше время...

— Это вы, Наталья Павловна, по адресу доктора?—съ улыбкой замѣтилъ Вихревъ.

— Можетъ-быть, и по адресу... Наше время прошло. Мы не умѣли жить, да я и не жалѣю объ этомъ!..

Эти горькія истины говорились по адресу Журеньки, которая едва замѣтно улыбнулась, а потомъ встала и, сославшись на головную боль, ушла въ свою комнату. Низовцевъ тоже уѣхалъ. Наталья Павловна бросила свою работу и напала на насъ съ Петромъ Васильичемъ.

— Хоть бы способъ-то новый придумали!..—говорила она, показывая на двѣ книги, лежавшія на столѣ.—Это еще насъ обманывали умными-то книжками... Цыпъ-цыпъ, курочка!.. И клевали... да. Смотрю—и теперь то же: Илья Никитичъ волокетъ каждый разъ Журенькѣ тѣ же самыя книжки. Имъ говорить не о чемъ, такъ вотъ тебѣ, барышня, книжка... Прежде это дѣлалось какъ-то само собой, такое время особенное было, а нынче одинъ расчетъ.

— Мнѣ кажется, Наталья Павловна...—нерѣшительно заговорилъ домовладыка, напрасно стараясь подбирать самыя необидныя слова.—Мнѣ кажется, Наталья Павловна, что вы напрасно нападаете на доктора... да. По-моему, онъ, право, не дурной человѣкъ... да. И Журенька, если не ошибаюсь, ничего дурного не видитъ... Вообще, солидный человѣкъ.

— Обстоятельный мужчина, аккуратный... Однимъ словомъ—лишняго стакана чая не выпьетъ и всегда будетъ жить только для себя. Понимаете: рыцарь безъ страха и упрека... да! Безотносительно онъ прекрасный человѣкъ, но мнѣ отъ души жаль его будущую жену, если не попадется ему такая же таблица умноженія... Я говорю, какъ женщина, наконецъ—какъ мать!..

— Ну, это совсѣмъ другое дѣло, Наталья Павловна... Я въ эти тонкости вообще не вмѣшиваюсь. О Журенькѣ я иногда думаю и стараюсь представить себѣ будущаго зятя, но совершенно напрасно: это какая-то квадратура круга.

Съ Чингортскихъ промысловъ я уѣхалъ на другой день рано утромъ. Журенька еще спала, но Наталья Павловна вышла изъ своей комнаты проститься. Темные волосы у ней были завязаны на головѣ узломъ: такіе хорошіе, шелковистые волосы; ситцевое матинэ скрывало всю фигуру, оставляя только однѣ руки,—маленькія, крѣпкія, съ бѣлой упругой кожей. Заспанное лицо отдавало какимъ-то дѣтскимъ выраженіемъ: и лѣнь, и спать хочется, и сдержанная зѣвота не даетъ слова сказать.

— Такъ вы того...—бормочетъ Петръ Васильичъ, засовывая въ карманъ моего экипажа бутылку съ какой-то наливкой.—Не забывайте насъ...

— Хорошо. Буду „того“...

Наталья Павловна лѣниво улыбается, закрываетъ ротъ рукой и что-то кричитъ вдогонку, чего я не могу разслышать.

Моя дорога шла по долинѣ р. Имоса, и я въ десятый разъ любуюсь зубчатой стѣной Дойкаръ, синей разорванной глыбой Усть-Машъ, пестрой осиней зеленью и надувшейся отъ осеннихъ дождей рѣкой.

— Эвонъ, какъ баринъ зажариваетъ!..—говоритъ мой кучеръ.

Это былъ Низовцевъ, подскакавшій къ экипажу на своемъ гнѣдомъ взмыленномъ иноходцѣ. Онъ ѣздилъ какъ всѣ манежные ѣздоки и теперь дѣлалъ утреннюю прогулку.

— Что вы такъ скоро уѣзжаете?—говорилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.—Я васъ провожу...

— Дальніе проводы—лишнія слезы...

Низовцевъ весело улыбался, показывая свои зубы, и дразнилъ лошадь.

VII.

Еще прошелъ годъ. Первый снѣгъ выпалъ очень рано, въ ночь на 8-е сентября. И какой снѣгъ: на четверть. Деревья еще не успѣли потерять своей листвы, и налегшій на нихъ снѣгъ ломалъ сучья. Старики говорятъ, что такой ранній снѣгъ къ урожаю. Въ лѣсу теперь рѣдкая по красотѣ картина. Захваченная снѣгомъ зелень продержится долго: осины какъ обрызганы свѣжей кровью, березы ярко-желтаго лимоннаго цвѣта, хвоя такъ и горитъ своей полированной бархатной зеленью.

Въ городѣ грязь и слякоть, какой нѣтъ въ лѣсу. Уныло дребезжатъ своими гитарами извозчики, скрипятъ обозы, еле тащатся почтовыя тройки. Провинціальный городъ осенью получаетъ самый жалкій видъ, какъ попавшая въ воду курица. Отчасти нездоровье, отчасти разныя дѣла удерживали меня въ городѣ, и я только могу любоваться въ окна на большой барскій садъ, который красуется на берегу потемнѣвшаго пруда. Мысль невольно уносится въ горы и перебираетъ разныя воспоминанія, какъ вѣтеръ шевелитъ сухіе осенніе листья. Какъ теперь красиво въ долинѣ р. Имоса и на Чингортскихъ промыслахъ... Но нужно работать, время самое горячее. Глубокая осень какъ-то располагаетъ къ усидчивому труду: сидишь и вытягиваешь свои упряжки. Впереди цѣлая зима, и сколько можно сдѣлать. Можетъ-быть, въ этомъ и заключается секретъ нашей сѣверной выносливости по части работы. Хорошо теперь у себя въ своей комнатѣ, когда по вечерамъ въ печкѣ весело трещитъ огонь, а на дворѣ стоитъ крѣпкій холодокъ, заставляющій птицу грудиться. Изрѣдка завернетъ пріятель поболтать о разныхъ разностяхъ.

— Я вамъ не мѣшаю?—освѣдомился онъ изъ вѣжливости.

— О, нисколько...

— Нѣтъ, вы скажите откровенно, а то я сейчасъ уйду... У меня тоже есть одно срочное дѣло.

Этотъ пріятель, котораго я очень люблю, приходитъ всегда не вò-время, въ самый развалъ работы, какъ и я къ нему. Разыгрываемъ одну и ту же комедію и мѣшаемъ другъ другу самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Впрочемъ, это только кажется, что пріятель помѣшалъ, а въ дѣйствительности каждый радъ отходнуть. Осень располагаетъ къ дружбѣ, какъ заставляетъ птицу собираться стаями.

Сижу и работаю въ своей комнатѣ. На улицѣ темнѣетъ, рѣдкіе пѣшеходы торопливо бѣгутъ по тротуару, и видно только, какъ мелькаютъ мужскія и женскія головы. Сгущающаяся осенняя темнота гонитъ всѣхъ по своимъ угламъ, и величайшее счастье, если есть свой уголъ и есть куда торопиться. Не тороплюсь зажигать лампу, чтобы посумерничать, какъ говорятъ на сѣверѣ: нужно обдумать одну главу и собраться съ мыслями. Въ такія сумерки особенно хорошо думается. Рѣзкій звонокъ заставилъ меня вздрогнуть.

„Вотъ чортъ вò время принесъ гостя...“—думалъ я, отправляясь въ переднюю отворять дверь, и самъ стыжусь своего осенняго эгоизма.

— А я думалъ, что васъ нѣтъ дома..—.говоритъ незнакомый голосъ, и въ темнотѣ чья-то сухая рука ищетъ мою. — Я вамъ не помѣшаю?

— Нѣтъ, я очень радъ...

Пока зажигаю лампу, непріятное чувство заставляетъ меня молчать, а незнакомый господинъ ходитъ по комнатѣ и тоже молчитъ. Я въ темнотѣ рѣшительно не могу его узнать и теряюсь въ догадкахъ.

— Вы, кажется, не узнали меня? — говоритъ незнакомецъ, останавливаясь передъ зажженной лампой.

— Ахъ, это вы, Петръ Васильичъ... Дѣйствительно не узналъ. У васъ точно и голосъ другой...

— Я простудился дорогой, охрипъ... Можно на диванъ присѣсть?

— Сдѣлайте милость...

Въ головѣ мелькаетъ предательская мысль: навѣрно, опять этотъ Вихревъ остался безъ мѣста и заявился съ письмомъ отъ Натальи Павловны. Видно даже по костюму, что дѣла у Вихрева плохи: шведская курточка истрескалась и порыжѣла, грязное дорожное бѣлье въ самомъ плачевномъ состояніи, сапоги худы. Онъ сидитъ на диванѣ, свѣсивъ голову, и крутитъ въ пальцахъ давно потухшую папироску.

— Если я не ошибаюсь, ваши дѣла не въ блестящемъ положеніи... — начинаю я, приступая къ дѣлу.

Вихревъ точно проснулся, посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами и молча махнулъ рукой.

— Хотите чаю, Петръ Васильичъ?..

— Пожалуй... Впрочемъ, все равно.

— Вы давно съ промысловъ?..

— Кажется, уже съ недѣлю... Заѣзжалъ въ Коренной заводъ къ Журенькѣ.

— Она вышла замужъ?

— Да... За этого доктора, помните? Вы, кажется, его встрѣчали...

— Виноватъ: какъ здоровье Натальи Павловны?..

Вихревъ смотритъ на меня и неловко ежится. Но въ это время подаютъ чай, и онъ съ какой-то больной улыбкой говоритъ:

— Какъ у васъ тепло... Дорога такая скверная, а у меня застарѣлый ревматизмъ: каждая косточка ноетъ.

Жалкій видъ гостя поднимаетъ во мнѣ чувство участія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь этотъ Вихревъ самъ по себѣ хорошій человѣкъ. Что за исторія разыгралась у него на промыслахъ? Опять какое-нибудь глупое недоразумѣніе. Въ комнатѣ тихо, и слышно только, какъ Вихревъ стучитъ чайной ложечкой въ стаканѣ.

— Не будетъ съ моей стороны нескромностью, если я спрошу васъ, почему вы разстались съ промыслами? — спрашиваю я стереотипной фразой.

— Нѣтъ, самъ ушелъ — и все тутъ...

— Т.-е. какъ же это сами ушли: можетъ-быть, имѣете что-нибудь въ виду лучшее?..

— Нѣтъ... и не желаю ничего.

— Да вы гдѣ остановились-то?..

— А на постояломъ... Я на время пріѣхалъ въ городъ.

Прекращаю этотъ неловкій допросъ и начинаю чувствовать, что Петръ Васильичъ, кромѣ своихъ обыкновенныхъ неудачъ и недоразумѣній, заполучилъ какую-то экстраординарную бѣду, о которой не можетъ даже говорить. Есть такіе люди, на которыхъ судьба нарочно продѣлываетъ самые сложные эксперименты, точно испытывая человѣческую природу. Мнѣ дѣлается жаль отъ именно этого Петра Васильича: у него ужъ сѣдой волосъ пробивается, а онъ все еще остается взыскующимъ невѣдомаго града. Онъ, видимо, настолько занятъ самимъ собой, что забываетъ отвѣчать на вопросы.

— А развѣ есть какое мѣсто? — спрашиваетъ Вихревъ неожиданно.

— Опредѣленнаго ничего нѣтъ, но можно похлопотать.

— Куда-нибудь на югъ, въ степь...—бормочетъ онъ, осматривая мою комнату, точно видитъ ее первый разъ. — Понимаете: куда Макаръ костей не заноситъ. Да...

— Что это у васъ за фантазія и очень странная фантазія?..

— Фантазія? Нѣтъ, я думаю объ этомъ вотъ три дня и три ночи... Не спится что-то: ну, лежишь и думаешь... Хорошо уѣхать бы далеко, далеко...

— Хотите еще чаю?

— Пожалуй... А впрочемъ, все равно.

Вихревъ выпиваетъ почти залпомъ второй стаканъ, наполняетъ всю комнату табачнымъ дымомъ и начинаетъ прощаться.

— Посидите... Куда вы торопитесь?

— Нѣтъ, нужно, — упрямо повторяетъ онъ, застегивая курточку.

— Какъ здоровье Натальи Павловны? — спрашиваю я во второй разъ, провожая мудренаго гостя въ переднюю.

— Ничего... Ея нѣтъ въ городѣ

Вихревъ уходитъ, а я остаюсь въ недоумѣніи, зачѣмъ онъ приходилъ. Что-то такое, вѣроятно, случилось... Можетъ-быть, человѣкъ изъ деликатности не желалъ навязываться со своими личными дѣлами, и мнѣ дѣлается совѣстно, что я принялъ его немного сухо. Слѣдовало по крайней мѣрѣ пригласить переѣхать съ постоялаго двора: можетъ-быть, онъ нуждается въ деньгахъ и бѣдствуетъ, какъ вполнѣ благородный человѣкъ. Эти мысли волнуютъ меня и не даютъ работать. Набросалъ страницу, перечиталъ и поставилъ крестъ — заколодило, а въ такихъ случаяхъ самое лучшее отложить работу на время.

Вѣтеръ завываетъ въ трубѣ и холодъ, кажется, крѣпчаетъ. Припоминаются стихи Тредьяковскаго о зимѣ, когда „въ шубы лѣзутъ человѣки“. Глупые стихи, и зачѣмъ такія глупости лѣзутъ въ голову? А я-то хорошъ, даже не спросилъ адреса Вихрева, гдѣ онъ остановился. Опять глупо... Впро-

чемъ, онъ не обидчивый человѣкъ и не будетъ въ претензіи. Начинаю вспоминать, когда я познакомился съ Вихревымъ. Однако какъ это было давно, еще въ университетѣ... Товарищи всѣ давно уже пристроились по теплымъ мѣстамъ: врачи, адвокаты, чиновники, педагоги. Одинъ Вихревъ бродитъ по свѣту, какъ вѣчный жидъ, съ какимъ-то волчьимъ паспортомъ... Какъ онъ постарѣлъ, износился и все-таки сохранилъ въ себѣ что-то, чего недостаетъ сытымъ и довольнымъ.

Чего ни передумаешь въ эти безконечные осенніе вечера, когда работа почему-нибудь разстроится и изъ-за печатныхъ страницъ развернутой книги глядятъ на васъ длинныя вереницы знакомыхъ лицъ. Вонъ доктора и технологи жалуются, что нѣтъ мѣстъ, нѣтъ спроса на интеллигентный трудъ, а много ли ихъ, этихъ докторовъ и технологовъ — капля въ морѣ интеллигентнаго пролетаріата. Какъ вотъ эти-то живутъ, кто выплылъ на базаръ житейской суеты съ дипломомъ ученика шестого класса или бывшимъ студентомъ? Вѣдь тутъ большія тысячи ненужныхъ никому людей, кромѣ тѣхъ ловкихъ единицъ, которыя устроятся вездѣ. Опять неотступно лѣзетъ въ голову этотъ Вихревъ, у котораго впереди голодная и холодная старость, если не догадается умереть. А кругомъ мертвый эгоизмъ, ликующая посредственность, легкій хлѣбъ покладистыхъ людей и сытая увѣренность...

VIII.

Вихревъ пришелъ на слѣдующій день. Первое, что̀ меня поразило, это то, что отъ него пахло водкой. Нужно замѣтить, что пьяницей онъ никогда не былъ, а тутъ вдругъ настоящее похмелье кабацкаго завсегдатая. Глаза опухли, лицо было измято, костюмъ въ безпорядкѣ. Усѣвшись на диванъ съ неизмѣнною папиросой, онъ началъ безъ предисловій:

— Пришелъ къ вамъ нарочно сказать, что я дрянь и тряпица..

— Петръ Васильичъ, вамъ нужно успокоиться, отдохнуть...

— Нѣтъ, позвольте! Пьяные люди склонны къ изліяніямъ... Не перебивайте меня, пожалуйста. Я уже сказалъ, что я дрянной человѣкъ?

— Да.

— Мнѣ это было очень трудно выговорить, очень... я цѣлую дорогу повторялъ это слово вслухъ и нарочно торопился, чтобы не потерять послѣднихъ крохъ энергіи. Да.. Помните, когда вы меня вчера спрашивали про Наталью Павловну, я съ напускною небрежностью сначала не отвѣтилъ, а потомъ ужъ совершенно развязно сказалъ, что ея нѣтъ въ городѣ и что она здорова. Такъ?.. Ну, такъ говорятъ только дрянные люди... Пожалуйста, не перебивайте меня. Слушайте: я не знаю, гдѣ Наталья Павловна. Она ушла отъ меня и ушла навсегда...

Мой гость перевелъ духъ и посмотрѣлъ на меня, вѣроятно, желая провѣрить произведенное его словами впечатлѣніе.

— Да, ушла... — повторилъ онъ, зажигая новую папиросу. — Вы догадываетесь, конечно, съ кѣмъ... Я былъ уничтоженъ и раздавленъ. Дайте мнѣ выговорить... Вы думаете, я не понимаю той смѣшной роли, какую разыгрывалъ въ качествѣ мужа своей жены? Очень хорошо понималъ... Меня давило это постоянно, но я умѣлъ сосредоточиться и уйти въ себя. Помните, какъ я къ каждому слову прицѣплялъ: „Наталья Павловна сказала“, „Наталья Павловна говоритъ“... Я унижался сознательно и даже испытывалъ въ своемъ униженіи извѣстное жгучее удовольствіе, потому что всѣ считали меня за дурака, а я понималъ все. Все понималъ-съ... Бываютъ такія властныя натуры

для которыхъ повиновеніе окружающихъ — все. Вотъ такою женщиной и была Наталья Павловна... О, я отлично ее понималъ и вотъ сейчасъ, когда говорю это, люблю ее больше, чѣмъ когда-нибудь. Это болѣзнь воли... По естественному порядку вещей, я долженъ бы былъ ее ненавидѣть, но вѣдь я дрянной человѣкъ и тряпица. Что же вы меня не спрашиваете, съ кѣмъ ушла Наталья Павловна?..

— Я догадываюсь...

— Да, съ нимъ, съ Низовцевымъ... И кто могъ бы это подумать? Никогда... Я не понимаю, что съ нею сдѣлалось, или, вѣрнѣе сказать, слишкомъ поздно понялъ. Слѣдовало бы предпринять нѣкоторыя предварительныя мѣры, откровенно объясниться,—ну, мало ли что... Пустыя и ничтожныя причины иногда много значатъ, а тутъ жизнь въ лѣсу, отсутствіе всякаго общества, и вѣчно предъ глазами этотъ Низовцевъ. Я не могъ понять, что за фантазія была у Натальи Павловны высватывать этому человѣку Журеньку, а потомъ эта ненависть къ Засухину — она просто ненавидѣла и преслѣдовала его. Однимъ словомъ, цѣлый рядъ самыхъ непослѣдовательныхъ поступковъ... Въ послѣднее время, когда Натальѣ Павловнѣ вдругъ показалось, что Журенька обращаетъ больше вниманія на Низовцева, чѣмъ на своего доктора, она возненавидѣла свою любимицу. Это былъ ужасный моментъ, и я былъ увѣренъ, что Наталья Павловна сходитъ съ ума... Да, у ней было что-то такое и въ глазахъ и въ движеніяхъ...

„Представьте себѣ, что все, что я говорилъ вамъ сейчасъ, неправда, — заговорилъ Вихревъ послѣ длинной паузы. — Наталья Павловна ушла, но остальное неправда... Я вотъ что хочу сказать этимъ: это была единственная женщина, — женщина рѣдкой души и ума... Причины бѣды лежали не въ настоящемъ, а въ далекомъ прошломъ. Мы сошлись по взаимному чувству, вѣрнѣе сказать — по потребности въ такомъ чувствѣ, какъ и большинство счастливыхъ парочекъ. Но это было ошибкой: Наталья Павловна была лучше меня, счастливѣе, и нашу связь укрѣпляли родившіяся дѣти, неудачи и та женская гордость, которая такъ упорно держится за призракъ своего перваго чувства. Да, это былъ тяжелый призракъ... А жертвовать собой для такихъ женщинъ, какъ Наталья Павловна, — потребность. Видите, что я понималъ ее, хотя и боялся сознаться самому себѣ. Она всегда была такая чистая душой, откровенная... Помню эпизодъ, когда я хотѣлъ заплатить ей той же монетой и разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своего студенческаго житья,—вѣдь мы всѣ одинаковы и всегда готовы простить себѣ разныя гадости. Бѣдная, что съ ней тогда было... „Неужели всѣ такіе, какимъ былъ ты?—въ ужасѣ спрашивала она меня. — Гдѣ же справедливость?“ Это была тяжелая минута въ нашей жизни, и я часто въ глазахъ Натальи Павловны читалъ эту вѣчную мысль не только о несправедливости соціальной, но и несправедливости самой природы... Каждый новый знакомый вызывалъ въ ней эту реакцію: сначала она шла къ нему съ полной довѣрчивостью, а потомъ вдругъ стихала... Она видѣла въ каждомъ притаившагося врага, — цѣлый строй жизни былъ противъ нея.

„А время шло годъ за годомъ, совершенно незамѣтно затягивая въ мелкіе интересы и суету... Постоянная мысль о кускѣ хлѣба и другихъ людяхъ не давала отдыха. Вѣдь этимъ путемъ изживается не одно неудовлетворенное существованіе. Наталья Павловна никогда не плакала и никогда не жаловалась... Наша фикція семейнаго счастья, вѣроятно, дотянула бы до конца, если бы не Журенька. Когда дѣвочка выросла, она подняла въ Натальѣ

Павловнѣ все то, что̀ въ ней дремало и притаилось. Въ Журенькѣ, незамѣтно для самой себя, она переживала свою вторую молодость... Естественная мысль о счастіи дочери слилась съ неудовлетворенными порывами собственнаго чувства. О, это была длинная исторія внутренней борьбы! Наталья Павловна переживала еще разъ самоё себя. Обыкновенное ровное настроеніе исчезло, явилась апатія или лихорадочное оживленіе... А тутъ присунулся Низовцевъ. Ну скажите, что̀ въ немъ было, въ этомъ человѣкѣ? Выгнанный изъ Петербурга франтъ игралъ на пріискахъ, собственно говоря, самую жалкую роль... Сначала Наталья Павловна такъ къ нему и отнеслась, даже больше: она дала ему почувствовать это. Но потомъ начался крайне сложный душевный процессъ... т.-е. это я стараюсь объяснить себѣ случившееся. Наболѣвшее чувство къ дочери — съ одной стороны, а съ другой... Не знаю, но, можетъ-быть, тутъ откликнулась та среда, изъ которой вышла сама Наталья Павловна. Вѣдь она была изъ стариннаго дворянскаго рода, изъ богатой семьи, помѣшавшейся на этикетѣ и приличіяхъ, и вотъ эта обрядная сторона, какъ мнѣ кажется, отозвалась въ ней, а вѣдь обрядъ переживаетъ самого человѣка: это страшная сила. Да... Ей нравилась надутая и фальшивая выдержка этого Низовцева, его льстиво-рыцарская манера держать себя съ женщинами, аристократическія привычки, извѣстный размахъ въ характерѣ. Вѣдь женщины все прощаютъ, кромѣ посредственности, а предметомъ для сравненія служилъ я... Разувѣрившись въ своей схемѣ жизни, Наталья Павловна незамѣтно для самой себя перешла къ другому порядку мыслей и чувствъ. Это былъ роковой моментъ въ ея жизни... Вы понимаете, что̀ я сейчасъ говорю?..“

— Отчасти, хотя и не могу согласиться...

— Можетъ-быть, я и ошибаюсь, — уныло проговорилъ Вихревъ, охвативъ руками колѣна и начиная раскачиваться на диванѣ. — Потребность подложить подъ всякій фактъ понятныя и разумныя причины переживаетъ все. Но довольно: я уже достаточно надоѣлъ вамъ.

Вихревъ поднялся и началъ прощаться.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу, — говорилъ онъ въ передней, надѣвая проношенныя резиновыя калоши: — русская женщина — трагическій типъ... Въ ней такъ много жизни и такой неистощимый запасъ силъ, а приложенія нѣтъ. Да... А въ данномъ случаѣ въ ней проснулась неудовлетворенная женщина. Она въ дочери переживала свою неизжитую жизнь. Какъ вы думаете, что̀ было бы, если бы Журенька не унаслѣдовала моего рыбьяго темперамента и вышла замужъ за Низовцева?..

1889.

УЧЕНОЕ ГОРЕ.

I.

Какъ всегда, Анна Петровна проснулась раньше мужа. Накинувъ утренній капотъ, она отправилась въ дѣтскую, которая была отъ ихъ спальни черезъ комнату. Съ какимъ-то ребячьимъ удовольствіемъ она шлепала своими туфлями, надѣтыми на босу ногу; мужъ проспитъ еще цѣлый часъ, и она могла позволить себѣ это удовольствіе. Изъ какихъ иногда пустяковъ складывается жизнь!..

Въ дѣтской ее встрѣтила старая нянька Марковна; дѣти уже сидѣли за своими порціями утренняго парного молока и встрѣтили мать довольно равнодушно.

— Что же вы не здороваетесь, бутузы?—съ притворной строгостью проговорила Анна Петровна.—Сережа, что это у тебя лѣвый глазъ красный? Миша, а ты опять крошишь булку?..

Дѣти развеселились и полѣзли къ матери. Старшему, Сережѣ, было четыре года, а младшему шелъ еще только второй. Дѣти были, какъ дѣти: здоровенькія, по-дѣтски полныя и по-дѣтски глупенькія. Анна Петровна, конечно, любила ихъ, но не самообольщалась. Пусть растутъ, какъ всѣ другія дѣти и все будетъ хорошо.

— Мишенька жаловался, что у него животикъ болитъ,—сообщила нянька, оглядываясь на дверь.

— У Миши? животикъ?—повторила Анна Петровна и тоже оглянулась.

— Да ничего, матушка-барыня, не извольте безпокоиться... Ребячьимъ дѣломъ мало ли что приключается. Маслецемъ деревяннымъ натереть, и пройдетъ.

— Конечно, пройдетъ... Я не про это, няня. А что Миша вчера ѣлъ?

— Обыкновенно что: по положенью... Порошокъ этотъ мясной глоталъ, эстрату пилъ...

— Неправда! По глазамъ вижу, что неправда... Зачѣмъ ты меня обманываешь?

— Что же мнѣ обманывать васъ, сударыня? Ну, съѣлъ кочерыжку...

— Ко-че-рыж-ку?—въ ужасѣ прошептала Анна Петровна, опуская безсильно руки.—Ми-ша съѣлъ ко-че-рыж-ку?..

— Ну, съѣлъ ребячьимъ дѣломъ... Недоглядѣла я, а онъ въ кухнѣ самъ добылъ. И какъ это вышло—ума не приложу... Гляжу, а онъ ужъ доѣдаетъ ее, кочерыжку-то, и такъ весело похрустываетъ... Извѣстно, зубки-то молодые, надо побаловать... Не все эту вашу пыль глотать да эстрату пить...

— Да вѣдь я ничего, няня, а если Илья Александрычъ узнаетъ? Достанется намъ съ тобой... Нельзя же обманывать и скрывать...

— Не велика важность, ежели и узнаетъ. Ну, съѣлъ кочерыжку-бѣда!.. Я и сама скажу... Пусть отъ мѣста отказываетъ...

Когда нянька говорила съ барыней, у нея было совсѣмъ другое лицо: такое смышленое и какъ-то здорово-умное. Анна Петровна это замѣчала сама. Какъ это хорошо она называетъ мясной порошокъ „пылью“, а мясной экстрактъ „эстратой“ или микстурой. Умная вообще старуха. Но стоило войти въ дѣтскую барину, какъ Марковна сразу мѣнялась: подбирала губы, начинала глядѣть исподлобья и вообще казалась глупѣе. Старуха не любила барина и,—что̀ не нравилось Аннѣ Петровнѣ,—любила сказать про него какое-нибудь ядовитое словечко за-глаза: „Охъ, ужъ это ученое-то горе наше“, или „завязъ нашъ баринъ въ книжкахъ своихъ, какъ журавль въ болотѣ“.

Хорошее расположеніе духа Анны Петровны, съ которымъ она шла въ дѣтскую, сразу испортилось. Дальше она пошла уже медленнѣе и съ нахмуреннымъ лицомъ... Она была не дурнушка и не красавица, а такъ, середка на половинѣ, какъ говорила Марковна. Сейчасъ ее много скрашивала молодость и та мягкость въ выраженіи лица, въ складѣ всей фигуры и въ каждомъ движеніи, которая дается только материнствомъ. Но это простое женское лицо глядѣло такими хорошими, простыми глазами, которыми можно было сдѣлать счастливымъ неиспорченнаго и тоже простого мужчину.

— Кочерыжка... проклятая кочерыжка!—повторяла про себя Анна Петровна, когда проходила черезъ столовую, чтобы посмотрѣть, все ли въ порядкѣ для утренняго чая.

Столовая была устроена какъ-то не подъ стать всей остальной обстановкѣ: буфетъ слишкомъ великъ, потомъ вездѣ какія-то полочки, да полотенца, да лишняя посуда на каждомъ шагу. Она напоминала не то пріемную доктора, не то аптеку. Столъ дезинфицировался послѣ каждаго обѣда разными мудреными спеціями, и, вѣроятно, отъ нихъ въ столовой утвердился какой-то особенный аптечный воздухъ. Анна Петровна не любила эту комнату, которая ежедневно служила для нея источникомъ тѣхъ мелкихъ и ничтожныхъ огорченій, какими отравляется жизнь.

— Ахъ, опять эта Наташа перепутала!—спохватилась она, переставляя на столѣ подносикъ для хлѣба.—И салфеточки нѣтъ, которою закрывать чайникъ...

Изъ столовой Анна Петровна прошла въ кухню, очень большую и свѣтлую. На особомъ мраморномъ столикѣ была разложена свѣжая провизія, купленная по заказу съ вечера. Кухарка Матрена растопляла плиту, а горничная Наташа обтирала уже кипѣвшій самоваръ. Все было въ порядкѣ, а главное—посуда.

— Все, Матрена?

— Кажись, все, барыня... Комаръ носу не подточитъ. И посуда и провизія...

Анна Петровна все-таки пересмотрѣла провизію до послѣдняго корешка въ супъ, а говядину и цыплятъ даже понюхала.

— Наташа, вы не забудьте форточки,—замѣтила она горничной,—какъ баринъ встанетъ, сейчасъ открыть форточку въ спальнѣ, пока мы пьемъ чай—должна быть отворена форточка въ кабинетѣ у барина, а потомъ—въ столовой и въ залѣ. Когда дѣти пойдутъ гулять, тогда откроете форточку въ дѣтской...

— Слушаю-съ...

Отдавая эти приказанія, Анна Петровна всегда испытывала маленькую неловкость, точно боялась потерять въ глазахъ прислуги надлежащее уваженіе,—вѣдь прислуга знаетъ своихъ господъ насквозь. Такъ было и теперь... Зачѣмъ она заговорила о форточкахъ, когда это Наташа отлично знаетъ и безъ нея?.. Просто сказался чисто-бабій страхъ, что мужъ проснется и начнетъ ворчать, а его раздражали всего больше именно разные пустяки.

Анна Петровна хотѣла уходить изъ кухни, но вспомнила, что мужъ вчера

просилъ нарѣзать ломтиками мяса и высушить его въ печи на „вольномъ жару“, какъ говорила Матрена, а она совершенно забыла объ этомъ. Эта простая мысль привела ее въ отчаяніе. Илья Александровичъ ничего не забывалъ и, какъ только встанетъ, сейчасъ же потребуетъ это проклятое сушеное мясо, чтобъ изъ него при немъ же приготовили мясной порошокъ. Господи, что же это такое: тамъ кочерыжка, а тутъ сушеное мясо... Весь день былъ испорченъ. И какъ было забыть?

Сначала Анна Петровна разсердилась на кухарку, которая знаетъ, что мясной порошокъ весь вышелъ, и не напомнила объ этомъ.

— Вѣдь вы знали объ этомъ, Матрена, и нужно было сказать мнѣ...

— Гдѣ же все упомнить?..—ворчала кухарка.—Мое дѣло вотъ обѣдъ приготовить, провизію принести... Мало ли дѣла наберется тоже!..

— А мясной порошокъ что по-твоему?

— Извѣстно что: лѣкарство...

Развѣ можно разговаривать съ этою сумасшедшей? Анна Петровна махнула на нее рукой и пошла обратно въ столовую. Вѣдь нянька тоже должна была знать, что порошокъ вышелъ, и не позаботилась. Но Анна Петровна не успѣла раскрыть рта, какъ старуха уже накинулась на нее сама.

— Что это, въ самомъ-то дѣлѣ, барыня, аптека, что ли, у насъ?.. Голодомъ дѣтей не моримъ, а это пустое дѣло...

— Какъ ты смѣешь такъ говорить? Ты забываешься... Вотъ Илья Александровичъ встанетъ, такъ я скажу ему... Вы все дѣлаете мнѣ на зло... нарочно, чтобъ отравить утро.

— Никто и ничего не дѣлаетъ, матушка... Я правильно говорю. И въ глаза барину то же самое скажу...

— Это ты со мною такъ разговариваешь, а съ бариномъ не смѣешь!

— А смѣю... Это вы барина боитесь, а мнѣ все равно. Да... Жалованье свое получила, и вся тутъ. Со старухи взять нечего...

— Я знаю, что тебѣ только жалованье свое получить,—укорила Анна Петровна уже со слезами въ голосѣ.—Прислуга, такъ прислуга и есть...

— По господамъ и прислуга... Кабы господа-то...

Тутъ случилось нѣчто ужасное. Анна Петровна вся затряслась, поблѣднѣла и даже замахнулась рукой на няньку, которая взвизгнула, какъ придавленная крыса, и даже присѣла, закрывъ голову руками.

— Батюшки... ой, убиваютъ!..

Въ этотъ критическій моментъ на порогѣ столовой показался самъ Илья Александровичъ, одѣтый въ утренній костюмъ довольно странной формы, такъ что онъ походилъ на одного изъ тѣхъ водолазовъ, какихъ рисуютъ въ дѣтскихъ книжкахъ. Однимъ словомъ, на немъ былъ самый гигіеническій костюмъ изъ сосновой шерсти, хотя цвѣтущее лицо и вся бодрая, молодая фигура меньше всего напоминала ревматизмъ или что-нибудь подобное. На жену Илья Александровичъ даже не взглянулъ, а нянькѣ молча указалъ на дверь.

Боже мой, случаются же такіе проклятые дни!

II.

Илья Александровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, занялъ свое обычное мѣсто у чайнаго стола. Онъ мелькомъ взглянулъ на дѣтей и чуть приподнялъ одну бровь—это означало, что онъ уже замѣтилъ все. Да, все, что можетъ видѣть только наблюдательное, изощренное око врача... Анна Петровна машинально заняла свое мѣсто. Она вся дрожала отъ охватившей ее лихорадки,

грудь тяжело поднималась, а по лицу расходились красныя пятна. Ахъ, какая это мука, когда *онъ* молчитъ, медленно и спокойно измышляя наилучшій въ данномъ случаѣ способъ выматывать изъ нея всѣ жилы... Человѣкъ, поставленный подъ дуло пистолета, вѣроятно, испытываетъ то же, что̀ испытывала сейчасъ Анна Петровна.

— Что̀ это у Сережи какъ будто лѣвый глазъ того?..—медленно протянулъ Илья Александровичъ, стараясь придать своему голосу обычный брюзжащій тонъ.

— Я не знаю,—коротко отвѣтила жена, мелькомъ взглянувъ на присмирѣвшихъ дѣтей.—Можетъ-быть, что-нибудь такъ...

— Какое нелѣпое слово *такъ*... Такъ могутъ выражаться только горничныя. Впрочемъ, что̀ же я удивляюсь?.. Отъ васъ можно ожидать всего, такъ что невольно является вопросъ: въ какой конюшнѣ вы воспитывались?..

Это былъ первый ударъ, и Анна Петровна покорно наклонила голову. Она хотѣла выдержать характеръ. Именно этотъ мертвый тонъ придалъ ей рѣшимость отчаянно защищающагося животнаго... Ну что̀ же, глазъ у Сережи дѣйствительно красный, Миша съѣлъ кочерыжку, а она забыла приготовить мясную муку и чуть-чуть не ударила няньку. Да, все это было. Эти мысли были такъ ярки, точно Анна Петровна ихъ слышала. Она даже подняла глаза и посмотрѣла на мужа, посмотрѣла прямо въ лицо, словно хотѣла разсмотрѣть, какой онъ въ дѣйствительности—старый, молодой, красивый или безобразный. На минуту это рѣшительное настроеніе было нарушено осторожными шагами Наташи, которая открывала форточки въ залѣ—это было привычное движеніе вымуштрованной собаки. Илья Александровичъ тоже насторожился—у него былъ замѣчательный слухъ, уловлявшій малѣйшій шорохъ. Но Наташа дѣйствовала согласно самой строжайшей инструкціи, и оба супруга погрузились съ новымъ ожесточеніемъ въ молчаливую супружескую войну. Илья Александровичъ медленно отхлебывалъ большими глотками свой утренній чай, обмакивая въ него кусочки поджареннаго въ маслѣ бѣлаго хлѣба. Какъ онъ противно ѣлъ и пилъ! Казалось, Анна Петровна только сейчасъ это замѣтила и возненавидѣла это выхоленное, сдержанно-злобное молодое лицо съ тщательно расчесанной бородой, слегка подвитыми шелковистыми усами и совершенно мертвыми, холодными, сѣрыми глазами. Она даже вздрогнула отъ какого-то внутренняго холода, охватившаго ее.

— Англичане даже не разговариваютъ съ прислугой,—отцѣживалъ Илья Александровичъ, точно выдавливалъ изъ себя каждую букву,—потому что они привыкли уважать себя. Да, уважать... Англичанинъ считаетъ позоромъ для себя сказать прислугѣ рѣзкое слово, а не то что вступать съ ней въ рукопашную. Эта русская распущенность не знаетъ никакихъ границъ... Впрочемъ, что̀ это я объясняю; мы говоримъ съ вами, Анна Петровна, на двухъ различныхъ языкахъ. И я не сказалъ бы ничего, повѣрьте, если бы не былъ вынужденъ къ этому присутствіемъ здѣсь третьихъ лицъ, для которыхъ дурной примѣръ матери составляетъ отраву... ядъ...

Голова Анны Петровны наклонилась еще ниже, но потомъ она вдругъ выпрямилась и проговорила:

— Вы забыли прибавить, Илья Александровичъ, вы забыли прибавить, какъ ваши англичане бьютъ своихъ беременныхъ женъ каминными щипцами и дерутся на улицахъ съ извозчиками...

— Ха-ха... Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ послѣдняго номера газеты? Какъ это мило... Вотъ что̀ называется образованной женщиной!.. И какое точное знаніе англійской жизни... Очень мило!..

Сережа и Миша переглянулись, подтолкнули другъ друга и тоже засмѣялись очень некстати, что̀ заставило Илью Александровича сморщить лобъ. Дѣтская веселость такъ же быстро улетѣла, какъ явилась, точно ее сдуло вѣтромъ. Столовая была ярко освѣщена лѣтнимъ солнцемъ, и эта мирная обстановка семейнаго утренняго чая такъ мало соотвѣтствовала внутреннему настроенію враждовавшихъ сторонъ.

— Вы кончили?—спросила сухо Анна Петровна.

— Что̀ кончилъ: чай или разговоръ?

— Вашъ разговоръ я знаю впередъ, я говорю про чай...

— Совершенно излишній вопросъ, потому что вамъ извѣстно, что утромъ я пью всего одинъ стаканъ...

Они молча поднялись, сердито двинули своими стульями и разошлись по своимъ комнатамъ. Въ квартирѣ наступила та тяжелая, давящая тишина, какая бываетъ только при семейныхъ ссорахъ. Дѣти особенно ее чувствовали каждый разъ и теперь потихоньку убрались въ свою дѣтскую, гдѣ старая нянька Марковна сидѣла у окна и заливалась горячими бабьими слезами.

Анна Петровна заперлась въ своей комнатѣ и слышала, какъ мужъ одѣвался, какъ онъ прошелъ черезъ гостиную увѣреннымъ шагомъ, какъ Наташа подала ему въ передней пальто, и какъ онъ многозначительно сказалъ всего только одно слово:

— Форточки...

Форточки были его болѣзнью. Дома онъ постоянно, кажется, только и дѣлалъ, что слѣдилъ, съ упрямствомъ безнадежно помѣшаннаго человѣка, открыта ли та или другая форточка. Отправляясь на службу, онъ обыкновенно завертывалъ на кухню, чтобы осмотрѣть провизію и сдѣлать какое-нибудь наставленіе кухаркѣ. Прислуга была вся женская и единодушно ненавидѣла этого придирчиваго барина съ его форточками, мясными экстрактами и гигіенической обстановкой. Особенно враждебно относилась къ барину старая нянька Марковна. Сегодня Илья Александровичъ настолько былъ взволнованъ, что даже не зашелъ на кухню, чѣмъ поставилъ всѣхъ втупикъ. Какъ теперь быть съ обѣдомъ? Барыня безъ барина ничего не смѣла, а потомъ и пойдетъ переборка: то не такъ, это не такъ.

— Уйду я, куда глаза глядятъ!—ворчала кухарка.—Развѣ это господа? Омморошные какіе-то... А баринъ шильникъ: статочное ли дѣло, чтобы настоящій баринъ сталъ по горшкамъ лазить да все обнюхивать? Не мужское это дѣло...

Въ глубинѣ души кухарка Матрена вынашивала кровное оскорбленіе, потому что всѣ гигіеническія мѣры истолковывала какъ недовѣріе къ ней, кухаркѣ Матренѣ. „За каждымъ кускомъ слѣдятъ, чтобы, грѣшнымъ дѣломъ, не слопала господскаго... Конечно, шильники!.. Креста на нихъ нѣтъ, а туда же: господа!“

Анна Петровна сидѣла въ своей комнатѣ и плакала. Если она чуть не подралась съ Марковной, то, конечно, виноватъ онъ же, Илья Александровичъ, потому что довелъ ее до такого нервнаго состоянія. Развѣ она такая была?.. Да и нянька Марковна любила ее, какъ и она ее, а все случилось именно подъ вліяніемъ гнетущаго раздраженія. И прислуга вся тоже раздражена... Боже мой, какъ Анна Петровна ненавидѣла теперь вотъ эту проклятую гигіену, которой мужъ-докторъ отравляетъ жизнь цѣлому дому. Онъ вѣчно всѣхъ подозрѣваетъ въ чемъ-то, вѣчно подыскивается и брюзжитъ... И это жизнь!.. Цѣлый день проходитъ въ такихъ пустякахъ, о которыхъ стыдно сказать.

Убрать только одну комнату Ильи Александровича—такой подвигъ, отъ котораго руки опускаются. Боже сохрани, если передвинутъ какую-нибудь вещь съ принадлежащаго ей мѣста, позабудутъ вытереть гдѣ-нибудь пыль, не отворятъ вѣ-время форточки—однимъ словомъ, цѣлый рядъ утонченнѣйшихъ домашнихъ пытокъ.

„И такъ до самой смерти!..—въ ужасѣ думала Анна Петровна, перебирая въ умѣ всѣ эти подробности.—Вѣдь живутъ же другіе люди такъ просто, хорошо, скромно!.. А этотъ эгоистъ...“

Вотъ именно это и было то самое слово, котораго недоставало Аннѣ Петровнѣ. Именно эгоистъ и самый скверный эгоистъ. Вся жизнь его построена на заботахъ только о самомъ себѣ, о своемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ и удобствахъ, а что думаютъ и чувствуютъ другіе—до этого нѣтъ дѣла. До замужества Илья Александровичъ нравился Аннѣ Петровнѣ своей увѣренностью, солидностью и убѣжденнымъ тономъ, а подъ этими достоинствами оказался спрятавшимся ничтожный эгоистъ, который дрожитъ за свое здоровье, обнюхиваетъ каждый кусокъ и думаетъ только о себѣ. Всѣ подруги по гимназіи завидовали Аннѣ Петровнѣ, что она сдѣлала такую солидную партію, выйдя замужъ за доктора Могутова, а если бы онѣ знали, какое ничтожество вотъ этотъ самый докторъ Могутовъ! Все время своего замужества Анна Петровна чувствовала на себѣ какой-то страшный гнетъ, точно вольная птица, попавшая въ темную комнату.

— Нѣтъ, такъ нельзя!..—рѣшительно повторяла Анна Петровна.—Это не жизнь, а смерть—подлая, глупая смерть!

Когда Илья Александровичъ вернулся домой къ обѣду, горничная Наташа со страхомъ заявила ему еще въ передней:

— Барыни нѣтъ дома...

— Что-о?

— Онѣ уѣхали...

Илья Александровичъ сначала не повѣрилъ собственнымъ ушамъ, а потомъ круто повернулся на каблукахъ и сказалъ своимъ обычнымъ брезгливымъ тономъ:

— Подавать обѣдать...

Ни въ какія минуты жизни аппетитъ не измѣнялъ ему, и сейчасъ Илья Александровичъ обѣдалъ со своей обычной аккуратностью, точно ничего особеннаго не случилось.

III.

Какое-то особенно хорошее, успокаивающее чувство испытывала Анна Петровна, когда подъѣзжала къ низенькому сѣренькому домику въ четыре окна, входила въ маленькую калитку и по маленькому крылечку поднималась въ низенькую темную переднюю. Когда-то ей казалось здѣсь и душно и тѣсно, а теперь она отдыхала душой именно только въ этомъ сѣренькомъ домикѣ, въ которомъ схоронились ея лучшія дѣтскія воспоминанія. Въ такихъ маленькихъ домикахъ жизнь течетъ такъ просто, какъ маленькій ручеекъ, все кругомъ такъ ясно, душевно и тепло. Сюда, скорѣй въ этотъ маленькій домикъ, въ которомъ никто никого не душитъ и въ которомъ нѣтъ ни одной форточки!

— Мама, я къ тебѣ совсѣмъ...—прошептала она, бросаясь на шею низенькой, маленькой старушкѣ.—Совсѣмъ, мама!.

— Нюта, что ты говоришь? Опомнись...—испуганно повторяла маленькая старушка, дрожащими руками обнимая дочь.—Что такое случилось?

— Будетъ, мама... Довольно!.. Во мнѣ мѣста живого не осталось... Если ты меня выгонишь, я утоплюсь... Буду давать уроки... пойду въ горничныя...

Ахъ, нѣтъ, это ужасно, ужасно!.. Мнѣ нужно успокоиться, отдохнуть... прійти въ себя. Такъ нельзя душить живого человѣка... Если простую бабу мужикъ бьетъ, то это еще ничего—онъ не выматываетъ изъ нея душу. Онъ можетъ опомниться... будетъ просить прощенія... приголубитъ... А тутъ одинъ холодъ и мертвый эгоизмъ. Понимаешь: мертвый...

Маленькія комнаты еще не слыхали ничего подобнаго, и со стѣнъ съ удивленіемъ смотрѣли какіе-то архіереи, генералы—выцвѣтшія фотографіи и преміи „Нивы“. Герани и гортензіи на окнахъ, бѣлыя занавѣски, простенькая дешевая мебель не выражали изумленія только потому, что лишены были этого дара. Все это было такое родное, близкое, свое... А вотъ и крошечная комнатка, въ которой Анна Петровна жила еще гимназисткой, и простенькая желѣзная кровать, на которой она спала дѣвочкой, и столъ, за которымъ она занималась, и этажерка съ ея книжками. Господи, какое счастье жить въ такой комнатѣ, и какъ рѣдко люди цѣнятъ такое счастье, какъ не цѣнятъ своего здоровья и другихъ великихъ благъ.

— Мама, я опять займу свою комнату, какъ тогда...—продолжала Анна Петровна, не давая матери выговорить ни одного слова.—Я ничего дурного не сдѣлала, но я сдѣлала бы, если бы осталась *тамъ*. Нѣтъ, я не могу говорить. Меня душитъ... Вѣдь я тебѣ никогда не жаловалась, ничего не говорила про свою жизнь, чтобы не мучить тебя напрасно, но каждый день для меня являлся пыткой... ужасной медленной пыткой, какъ поджариванье на огнѣ. Я потеряла уваженіе къ самой себѣ, я умѣла только угождать, я была несчастной...

— Успокойся... Воды нужно выпить, Нюта, а потомъ разскажешь.

Вотъ и знакомый графинъ съ знакомой трещиной, и толстый красный стаканъ изъ дешеваго стекла, и эта любящая старческая рука. Выпивъ залпомъ два стакана, Анна Петровна сѣла на жесткій дешевенькій диванъ, обитый линючимъ ситцемъ съ крупными разводами, и по порядку разсказала, что̀ случилось. Старушка-мать стояла предъ ней и рѣшительно ничего не могла понять.

— Ну что̀ же такое, что Миша съѣлъ кочерыжку, а у Сережи глазъ красный? Извѣстно, дѣти... Не велика бѣда, что и мясо позабыла высушить... И только?..

— Нѣтъ, мама, не все... Я чуть не ударила няньку Марковну. Даже замахнулась на нее и страшно закричала.

— Ты?.. чуть не ударила?..

Старушка въ ужасѣ отступила, точно предъ ней выросло изъ земли какое-нибудь чудовище.

— Да, мама, я чуть не ударила... Нянька закричала, а въ это время входитъ Илья Александрычъ!.. Нѣтъ, я не умѣю тебѣ всего разсказать, да и разсказать нельзя... Меня *онъ* довелъ до такого состоянія. Я буду бросаться на людей и кусаться, потому что... потому что дѣлаюсь какъ сумасшедшая. Если человѣка пилить съ утра до ночи недѣли, мѣсяцы, годы, такъ онъ и на стѣну полѣзетъ. Вѣдь я эту няньку Марковну очень люблю, привыкла къ ней.

Старушка не спорила, не возражала, не плакала, а только смотрѣла на дочь и любовно и строго, какъ смотрятъ матери на провинившихся дѣтей. Въ ея глазахъ Анна Петровна была все еще ребенкомъ, нуждавшимся въ уходѣ и призорѣ. Вотъ и сейчасъ: налетѣла порохомъ и думаетъ, что хорошо. Этакого-то мужа, какъ Илья Александрычъ, днемъ съ огнемъ поискать: въ карты не играетъ, вина не пьетъ, по гостямъ не шатается. Конечно, онъ строгъ дома и любитъ порядокъ, такъ это еще не велика бѣда... Всѣ эти тайныя мысли Анна Петровна прочитала на старушечьемъ лицѣ и горько заплакала; у нея уходила изъ-подъ

ногъ послѣдняя почва. Куда же ей итти, куда дѣваться, если родная мать не хочетъ понять ея положенія?

— Родная, успокойся. Потомъ все будетъ видно, Нюта.

— Нѣтъ, вы говорите не то, мама! Вы гордились, что у васъ зять—докторъ Могутовъ, что я сдѣлала такую блестящую партію, что всѣ подруги завидовали мнѣ... да? Еще бы! Такое рѣдкое счастье! А я жалѣю только объ одномъ, что тогда не вышла замужъ за Горкина. Конечно, онъ человѣкъ небогатый, такой же бѣдный почтовый чиновникъ, какъ былъ покойный отецъ, но я съ нимъ была бы счастлива... Ахъ, какъ немного мнѣ нужно, мама! Вотъ такія же маленькія комнатки, простенькая дешевая мебель, ситцевыя платья и хорошее простое счастье... Я жила бы съ одной кухаркой, сама обшивала бы ребятъ, сама стряпала.

— Да вѣдь ты сама замужъ-то выходила!—заговорила наконецъ старушка, выведенная изъ терпѣнія.—Никто не неволилъ!.. А промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья! Ты вотъ о себѣ все думаешь, а какъ же дѣти?

— Возьму себѣ дѣтей. Вѣдь я ихъ родила.

— Ну, это еще дѣло десятое. Разные мужья-то бываютъ, да и законы-то они же писали.

Старушка Анна Александровна въ глубинѣ души была за незыблемое семейное начало, смотрѣла на сегодняшній случай, какъ на вспышку у семейнаго очага, и поэтому отнеслась къ горю дочери съ старческою безучастностью, что̀ для Анны Петровны являлось послѣднею каплей. Она посмотрѣла на мать большими округлившимися глазами и, не сказавъ ни слова, ушла въ свою дѣвичью комнату. Захлопнувъ дверь, она съ рыданіями повалилась на свою кровать. Да, вотъ и поэзія маленькихъ сѣренькихъ домиковъ, маленькихъ комнатъ и маленькихъ старушекъ—тотъ же эгоизмъ, только въ уменьшенномъ масштабѣ! Мысль о дѣтяхъ тревожно шевельнулась въ душѣ молодой женщины и начала развиваться сама собой, какъ спущенная петля вязанья. А что̀, если и въ самомъ дѣлѣ Илья Александрычъ не отдастъ дѣтей? Нѣтъ, это невозможно. Онъ невозможный мужъ, но порядочный человѣкъ.

Анна Петровна въ теченіе нѣсколькихъ часовъ опять пережила свою жизнь, насколько себя помнила. Отецъ—бѣдный почтовый чиновникъ. Семья состояла изъ двухъ дѣтей: старшій братъ Саша и она, Нюта. Трудно было отцу воспитывать дѣтей въ гимназіи, но онъ тянулся изъ послѣднихъ силъ, чтобы „поставить дѣтей на ноги“. Саша кончилъ курсъ, когда Нюта была въ четвертомъ классѣ гимназіи. Онъ уѣхалъ въ университетъ, кончилъ и тамъ курсъ и поѣхалъ на службу въ одну изъ далекихъ окраинъ, гдѣ получалъ полуторное жалованье. Письма отъ него получались рѣдко, а когда отецъ умеръ—онъ началъ высылать матери „жалованье“. Тихо и мирно шла жизнь въ сѣренькомъ домикѣ, когда Нюта училась въ своей гимназіи, но это время было для нея самымъ счастливымъ—впереди были туманныя надежды и розовыя мечты. Когда она уже кончила курсъ, къ нимъ сталъ приходить по вечерамъ молодой почтовый чиновникъ Горкинъ, скромный юноша. Нюта догадалась о цѣли его визитовъ только въ моментъ, когда мать передала ей сдѣланное имъ предложеніе.

— Да вѣдь онъ изъ второго класса гимназіи?—изумилась Нюта.—Грамотно двухъ строкъ не напишетъ. Ахъ, какой глупый! А затѣмъ—я ѣду на курсы.

— Ну, это еще увидимъ!—замѣтила Анна Александровна.—Другое дѣло, ежели бы у Горкина было какое-нибудь состояньишко. А то ни впереди ни назади ничего. Все имущество—мундиръ да гитара. Человѣкъ онъ хорошій, а только вотъ бѣдность-то наша почтовая.

Горкинъ получилъ формальный отказъ. Но онъ этимъ не удовлетворился, нашелъ случай еще разъ видѣться съ Нютой. Онъ былъ ужасно смущенъ.

— Анна Петровна, вамъ извѣстно мое предложеніе... Я знаю, что недостоинъ асъ, что это дерзость съ моей стороны... я получаю маленькое жалованье... о если бы вы знали... если бы могли понять, какъ я люблю васъ. Вѣдь всю жизнь отдамъ вамъ.

— Благодарю. Но мнѣ еще рано выходить замужъ.

— Нѣтъ, не то. Вы выйдете за ученаго мужа, который будетъ получать ольшое жалованье, или за богатаго.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, господинъ Горкинъ. Да и не ваше дѣло судить томъ, за кого я выйду замужъ.

— Ахъ, не то. Я хочу сказать только то, что все можетъ быть. Счастье е въ деньгахъ. Да... а можетъ-быть, когда-нибудь вы вспомните и про меня... да. всегда, Анна Петровна... я всегда буду васъ любить!

Въ заключеніе своего объясненія Горкинъ раскланялся самымъ глупымъ бразомъ, такъ что Нютѣ не было даже его жаль.

Черезъ годъ по окончаніи гимназіи, когда Нюта давала частные уроки и опила деньги, чтобы отправиться на курсы, она случайно познакомилась съ олодымъ врачомъ Могутовымъ, а черезъ полгода вышла за него замужъ. Анна лександровна потомъ разсказывала, что въ день свадьбы вечеромъ Горкинъ се время бродилъ подъ окнами, какъ сумасшедшій. Черезъ годъ онъ женился а купеческой дочери, за которой взялъ богатое приданое. Такъ этотъ маленькій оманъ и закончился ничѣмъ, а вспомнила о немъ Анна Петровна только сейчасъ. хъ, зачѣмъ она тогда такъ легкомысленно отнеслась къ этому бѣдняку-чиновнику, ъ которымъ была бы въ тысячу разъ счастливѣе!

Пока Анна Петровна предавалась этимъ горькимъ думамъ въ своей дѣичьей комнатѣ, на кухнѣ сидѣла старая нянька Марковна и, заливаясь слезами, азсказывала о всемъ случившемся.

— Идолъ вѣдь онъ, Илья-то Александрычъ... Душеньку изо всѣхъ выоталъ. Какъ барыни не будетъ, и мы всѣ разбѣжимся, куда глаза глядятъ: кухарка Матрена, и горничная Наташа, и я. Будетъ ему ученость-то свою адъ бабами показывать... Заморилъ и ребятишекъ-то, идолъ!.. А мнѣ бы Анну етровну хоть однимъ глазкомъ повидать... Виновата я, матушка, нагрубила арынѣ-то! Накипѣло тоже, ну, и нагрубила... Живой человѣкъ: терпитъ-терпитъ прорвется...

IV.

У матери Анна Петровна прожила цѣлую недѣлю, пока велись переговоры съ мужемъ о дѣтяхъ. Илья Александрычъ заявилъ прямо, что не имѣетъ нравственнаго права отдавать дѣтей на вѣрную погибель.

— Вы хотите, чтобы я покончила съ собой?—спросила Анна Петровна съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.—Жить съ вами я не могу и безъ дѣтей оставаться тоже...

Илья Александрычъ посмотрѣлъ на жену прищуренными глазами и продѣдилъ невозмутимо:

— Нельзя ли придумать что-нибудь поновѣе. А то всѣ эти самоубійства сдѣлались слишкомъ шаблонными. Понимаете, номера газеты нельзя развернуть, чтобы не наткнуться на какую-нибудь глупость. А все происходитъ отъ дурныхъ гигіеническихъ условій, при которыхъ люди родятся, воспитываются и живутъ... Нормальный человѣкъ никогда не поставитъ себя въ такое положеніе. Да-съ!

Однимъ словомъ, самоубійцы уже надоѣли публикѣ, какъ ученые мотивы, психопатки и вообще всякая глупость.

— Это ваше послѣднее слово?

— Первое и послѣднее... Понимаете, я не имѣю нравственнаго права подписывать собственнымъ дѣтямъ смертный приговоръ.

Анна Петровна вернулась къ матери ни съ чѣмъ и заперлась въ своей комнатѣ на нѣсколько дней. Анна Александровна со страхомъ видѣла, что дѣло зашло слишкомъ далеко, а главное—ее огорчало то, что дочь стала относиться къ ней почти съ ненавистью. Запрется и сидитъ въ своей комнатѣ. За обѣдомъ или чаемъ двухъ словъ не скажетъ. Такое поведеніе нѣсколько разъ доводило старушку до слезъ. Что она сдѣлала ей? Можетъ-быть, сгоряча и сказала какое-нибудь лишнее слово, но не со зла, а по своей простотѣ. Разъ за обѣдомъ она все высказала дочери. Анна Петровна спокойно посмотрѣла на нее и еще болѣе спокойно отвѣтила:

— Я всѣхъ женщинъ ненавижу, а въ томъ числѣ и себя. Мы самой природой созданы для подчиненія, а которая не желаетъ такого подчиненія, ей остается только умереть. И богатыя и бѣдныя, и красивыя и дурнушки, и умныя и неумныя—всѣ мы одинаковы. Однимъ словомъ, я не виновата, что родилась женщиной.

— Нюта, голубчикъ, что ты говоришь-то?

— Нюты нѣтъ! Она умерла—та Нюта, которая вѣрила въ справедливость, въ совѣсть, въ хорошихъ людей,—въ жизнь вѣрила.

— Это она по дѣтямъ убивается...—объясняла старушка по-своему смыслъ этихъ страшныхъ словъ.

А съ Анной Петровной дѣйствительно творилось что-то неладное. Она уже нѣсколько ночей не спала и все думала-думала: „Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нынче самоубійство сдѣлалось почти неприличнымъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Илья Александрычъ“. Но какимъ убійственнымъ тономъ все это было сказано, съ какимъ самодовольствомъ и сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства! При одной мысли о мужѣ Анну Петровну охватывала холодная дрожь, а глаза округлялись и принимали испуганное выраженіе. И она могла когда-то любить эту бездушную гадину?.. И впереди долгая-долгая жизнь изъ такихъ булавочныхъ уколовъ, эгоизма и тоски. Каждый день такой жизни являлся оскорбленіемъ—и лучше, если бы совсѣмъ не было такихъ дней. Кому они нужны? Лучше умереть свободной, незапятнанной, молодой... впрочемъ, и тутъ препятствіе: и смерть впередъ уже опошлена. Приберутъ какое-нибудь ученое слово и прикроютъ имъ живую душу, какъ могильной плитой: психозъ, неврозъ—мало ли такихъ ничего не значащихъ словъ, которыми люди объясняютъ все, что имъ непонятно.

Страшно было именно одиночество. Мысль работала въ безвоздушномъ пространствѣ, неустанно и неумолчно, за свой счетъ, какъ работаетъ паровая машина, у которой лопнулъ приводъ, соединявшій ее съ двигательными механизмами. Быстро утрачивалось то чувство дѣйствительности, которое уравновѣшиваетъ мозговую дѣятельность.

Прежде у Анны Петровны были и знакомые и друзья, но, благодаря брюзгѣ-мужу, все это давно разстроилось: не до знакомыхъ, когда дома постоянный адъ изъ мелкихъ придирокъ, брюзжанья и гнетущаго состоянія вообще. А теперь, въ трудную минуту, кругомъ никого, кто бы могъ сказать доброе слово, утѣшить, просто „разговорить“—какъ выражалась старая Марковна. Съ матерью Анна Петровна уже не могла говорить просто и откровенно, какъ прежде.

Результатомъ такого душевнаго состоянія было то, что Анна Петровна разъ вечеромъ вышла изъ дому, чтобы немного освѣжиться, и машинально пришла къ рѣкѣ, гдѣ подъ крутымъ берегомъ кучились пароходныя пристани, склады и магазины. Она посидѣла въ скверѣ, гдѣ искали уединенія счастливыя парочки. Какой-то пьяный субъектъ подошелъ къ ней. Это такъ напугало ее, что она бросилась изъ сквера бѣгомъ. Ей казалось, что за ней кто-то гонится. Она бѣжала изо всѣхъ силъ, пока въ темнотѣ не запнулась за какой-то камень и не упала. Поднявшись, она почувствовала, что больно ушибла локоть и что очень холодно. Черезъ дорогу она увидѣла освѣщенныя окна небольшого каменнаго дома, которыя привлекли ея вниманіе. Что-то знакомое мелькнуло въ ея душѣ. Чей это домъ? Такъ какъ домъ выходилъ фасадомъ къ рѣкѣ и набережная въ этомъ мѣстѣ почти всегда была пустая, то окна не были даже закрыты занавѣсями, и съ улицы можно было видѣть все, что̀ тамъ дѣлалось.

— Ахъ, вѣдь это домъ Горкина,—припомнила Анна Петровна,—то-есть той купчихи, на которой онъ женился.

Какая нелѣпая случайность! Мучительное любопытство привело Анну Петровну на тротуаръ, съ котораго она могла разсматривать все, что̀ дѣлалось въ освѣщенныхъ комнатахъ. Вся семья сидѣла за чайнымъ столомъ. Самъ Горкинъ, его жена, обрюзглая бѣлокурая женщина, и двое дѣтей—дѣвочка и мальчикъ. Какъ все у нихъ просто и весело! Аннѣ Петровнѣ казалось, что это она сидитъ у самовара, а это ея дѣти. Да вѣдь она здѣсь хозяйка,—это ея гнѣздо, свитое любовью. Ей вдругъ сдѣлалось такъ легко и хорошо, и она тихо засмѣялась отъ согрѣвшаго ее счастья. Потомъ случилось что-то неожиданное... Она дѣйствительно была въ этой комнатѣ и сидѣла на диванѣ рядомъ съ маленькой дѣвочкой.

— Какое такое право вы имѣете врываться въ чужой домъ?—строго спрашивала ее рыхлая женщина.

— Это—мой домъ! Вы здѣсь—чужая!

Странно, что самъ Горкинъ имѣлъ такой сконфуженный видъ и даже уговаривалъ Анну Петровну уходить. Вотъ нелѣпый человѣкъ! Куда же она пойдетъ? Вотъ бѣлокурая женщина принялась бранить Горкина, кудрявая дѣвочка заплакала, и Анна Петровна очутилась опять на улицѣ, гдѣ было и темно и холодно, а освѣщенный домъ точно уплывалъ отъ нея все дальше и дальше, какъ это бываетъ, когда ѣдешь на пароходѣ. Потомъ онъ превратился въ одну свѣтлую точку, которая отчаянно боролась съ окружавшей ее тьмой. А какъ болѣла ушибленная рука... Потомъ гдѣ-то шумѣла вода, и опять мелькали огни красные, голубые, зеленые, а подъ ногами что-то двигалось такое темное и холодное, и какой-то неясный шопотъ подходилъ все ближе и ближе, окружалъ, давилъ и неудержимо влекъ къ себѣ. Сережа! Миша! Гдѣ вы?

Сторожъ на баржѣ слышалъ сквозь сонъ, что кто-то бросился въ воду и отчаянно крикнулъ, а потомъ все стихло. Утопленницу нашли только черезъ нѣсколько дней; рѣка несла похолодѣвшій трупъ съ заботливостью матери, укачивая своей холодной волной. Докторъ Могутовъ даже не удивился, когда узналъ о такомъ банальномъ самоубійствѣ, а только пожалъ плечами.

— Психозъ!

Этимъ словомъ было сказано все. Только два человѣка сердцемъ понимали разыгравшуюся драму—это Горкинъ и старая нянька Марковна.

— Съѣло мою голубушку наше ученое-то горе!—повторяла старуха, качая своей сѣдой головой.

1892.

ОКОЛО ГОСПОДЪ.

I.

Ночью пала сильная роса, а утро выдалось чудное, и старикъ Евсей торопилъ всѣхъ на покосъ, потому что надо было грести сѣно. Старуха Агаѳья затопила печь еще до свѣту, чтобы накормить мужиковъ горячимъ, а то на покосѣ какая ужъ ѣда. Ей помогала сноха Марья, постоянно отрывавшаяся отъ полугодового ребенка, который мучился животомъ уже вторую недѣлю и не давалъ матери спать по ночамъ. Отъ дневной работы на покосѣ и безсонныхъ ночей Марья едва держалась на ногахъ, но не смѣла жаловаться. Семья была достаточная, могла бы на страду прихватить няньку-подростка, если бы не скупость свекрови Агаѳьи, у которой хранились всѣ деньги и безъ согласія которой никто не могъ въ домѣ ничего дѣлать. Строгая была старуха и никому спуску не давала. Мужа Евсея держала она въ рукахъ, и онъ у себя дома чувствовалъ себя всегда и во всемъ виноватымъ, особенно если возвращался со станціи пьяненькимъ. Попивать старикъ началъ только въ послѣдніе годы, когда семья поднялась на ноги.

Младшій, еще не женатый сынъ Адамъ закладывалъ подъ навѣсомъ лошадь въ телѣгу, когда отца кто-то вызвалъ за ворота.

— Вотъ еще моду придумали, — ворчалъ Евсей, спускаясь съ крыльца.

Старикъ былъ здоровый, но на ходу почему-то покряхтывалъ, теръ себѣ поясницу, шмыгалъ ногами и горбился. Адамъ кончилъ закладку и только хотѣлъ итти въ избу, какъ услышалъ за воротами сердитый голосъ отца и женскій плачъ. На добродушномъ, бѣлобрысомъ лицѣ Адама появилось недоумѣвающе-сердитое выраженіе, и онъ пробормоталъ:

— Вотъ такъ фунтъ... Вѣдь это окаянная Дарёнка прибѣгла жаловаться отцу.

На крылечкѣ показалась Наталья, сестра Адама, и, улыбаясь, показала ему движеніемъ головы на ворота. Адамъ вдругъ разсердился, особенно когда выскочила на крыльцо мать и заговорила:

— Иди-ка сюда, пе-осъ... а?..

— Чего тебѣ? — съ дѣланой грубостью отвѣтилъ Адамъ, толкая въ морду лошадь безъ всякой причины.

— Иди, иди... — повторяла мать, сдерживая голосъ.

Сестра Наталья продолжала улыбаться, закрывая ротъ горстью. Очень ужъ смѣшно попался Адамка... Ужо задастъ ему мамынька и жару и пару. А за воротами женскій плачъ продолжался, и голосъ Евсея все поднимался.

— Ничего я не знаю! — кричалъ старикъ. — Уходи, откуда пришла. Вотъ еще выискалась птица... Да я... Говорятъ: уходи! Вотъ тебѣ и весь сказъ...

Когда Адамъ проходилъ на крыльцѣ мимо матери, она очень больно ударила его по затылку и проговорила:

— Ступай, ступай...

Наталья прыснула и убѣжала въ сѣни, гдѣ снова няньчилась со своимъ ребенкомъ.

— Охъ, Марьюшка, умора... — задыхаясь отъ смѣха, шептала Наталья.— Влопался Адамка-то!.. Дарёнка вотъ какъ воетъ за воротами.

Марья отнеслась ко всему совершенно безучастно, какъ всѣ выбившіеся изъ силъ люди.

Старуха Агаѳья выскочила за ворота и накинулась съ особеннымъ азартомъ на стоявшую у двери дѣвушку, закрывавшую заплаканное лицо заплатаннымъ передникомъ. Спутанные русые волосы вылѣзали у нея изъ-подъ сбившагося на бокъ платка.

— Ты... ты... потаскушка несчастная! — кричала на нее Агаѳья, размахивая руками. — Другая бы постыдилась добрыхъ людей срамить, а ты лѣзешь... Ну, чего тутъ стойшь?! Ступай, откуда пришла....

— Некуда мнѣ итти... — отвѣтила плакавшая дѣвушка, открывая лицо.— Куда я пойду *такая-то*?

— Ну и уходи, коли *такая*!.. — ругалась Агаѳья. — Куды лѣзешь-то?

— Адамка... его дѣло...

Тутъ ужъ Агаѳья не стерпѣла и набросилась на несчастную съ кулаками, такъ что Евсей долженъ былъ ее удержать.

— Погоди, старуха... Ужо я поговорю съ ней, а ты ступай въ избу. У всѣхъ у васъ, у бабъ, одна вѣра-то...

Дарёнка имѣла самый жалкій видъ. Ея скуластое некрасивое лицо, распухшее отъ слезъ, не возбуждало даже сочувствія. Когда Агаѳья ушла, Евсей заговорилъ, подергивая плечами:

— Ты, Дарёнка, значитъ, тово... Ступай домой, однимъ словомъ. Ну, а тамъ какъ-нибудь поговоримъ... Набаловала, ну, значитъ, твой и отвѣтъ. Адамкѣ-то я приспособлю... да. А чей возъ, того и конь... А ужъ я Адамку произведу!.. Я ему кудри-то расчешу...

Агаѳья высунула голову въ окошко и кричала:

— Да ты ее гони, поскуду... Съ *этакими-то* да еще разговоры разговаривать!.. А на Адамку она наговариваетъ... Какой ей Адамка дался!? Да я ее такъ расчешу... Да и матери-то тоже не похвальба... Чего мать-то смотрѣла?..

Напротивъ, черезъ улицу, сосѣди тоже собирались на покосъ и слышали все, что особенно огорчало Агаѳью. Слава-то какая пройдетъ по всей деревнѣ... Глазъ показать никуда нельзя будетъ. И время нашла поскуда Дарёнка, когда прійти. Вотъ разъѣхались бы на покосы добрые люди, ну, тогда и приходи. А Дарёнка продолжала выть за воротами, и Агаѳья слышала, какъ она повторяла:

— Утоплюсь въ Ордежѣ, и дѣлу конецъ... Изъ-за Адамки утоплюсь.

Агаѳья высунулась опять въ окно и крикнула мужу:

— Вретъ, вретъ, все вретъ!.. Не вѣрь ей...

Евсей разсердился и цыкнулъ на жену, а когда Наталья высунула голову за ворота, онъ вытолкалъ ее съ руганью. Наталья полетѣла опять въ сѣни и, запыхавшись, сообщила Марьѣ:

— Рожа-то красная у Дарёнки, и глазъ совсѣмъ не видать...

Марья посмотрѣла на нее и со злобой проговорила:

— А ты чему радуешься?

— Парни теперь проходу ей не дадутъ. А тятька во какъ разстервенился... Ужо задастъ Адамкѣ.

— Такъ ему и надо. Этакъ-то всѣ парни будутъ смѣяться надъ дѣвушками, такъ и житья не будетъ.

— А зачѣмъ она *такая*, Дарёнка-то?

— Дура она, повѣрила Адамкѣ, ну, и вышла такая...

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появившимся въ сѣняхъ дѣдушкой Андронычемъ, который пришелъ съ огорода, гдѣ поправлялъ изгородь. Старикъ былъ еще крѣпкій, хотя ему уже давно было подъ восемьдесятъ. Проходя по двору, онъ слышалъ причитанья Дарёнки и ругань Евсея и понялъ, въ чемъ дѣло. Агаѳья сразу присмирѣла и отошла отъ окна къ своей печи. У нея еще сохранился бабій страхъ къ батюшкѣ-свекру, который въ молодые годы не разъ учивалъ ее, таская за косы. При немъ Агаѳья не смѣла ругать мужа, и Евсей, чтобы угодить отцу, обращался съ ней сурово и даже билъ для прилику. Появленіе дѣдушки заставило Адама только встряхнуть волосами.

„Ну, теперь пойдетъ потѣха, — подумалъ онъ, косясь на старика, продолжавшаго прикидываться ничего не понимающимъ. — Пошла Варвара на расправу...“

Дѣдушка Андронычъ досталъ висѣвшую въ углу старую сѣделку и принялся ее разсматривать, отыскивая изъяны. А за воротами ругань продолжалась, пока Евсей не вышелъ изъ себя. Какъ всѣ безхарактерные, не злые люди, онъ сразу точно вскипѣлъ, схватилъ больно Дарёнку за плечо, повернулъ и такъ толкнулъ въ спину, что она плашмя растянулась на дорогѣ и забыла ужъ на всю улицу. Евсей бросился къ ней съ кулаками, но дѣдушка Андронычъ высунулъ свою сѣдую бороду въ окно и строго остановилъ:

— Оставь, Евсей!.. Нашелъ съ кѣмъ связываться. Ужо въ волостномъ все дѣло разберутъ...

Дарёнка поднялась и, поправляя сбившійся на головѣ платокъ, быстро побѣжала въ свой конецъ улицы.

II.

Извѣстно, что деревнскіе сосѣди самые неумолимые судьи. Стоявшій за воротами сосѣдъ Парфенъ, когда Дарёнка побѣжала домой, громко проговорилъ:

— Тоже простоволосить-то чужихъ дѣвокъ не дѣло...

Изъ окна Парфеновой избы высунулась голова его старухи Митревны и прибавила:

— Ужъ кого колотить, такъ это Адамку... Свою дѣвку растите такъ, чтобы кто надъ ней не посмѣялся, а Дарёнка-та сирота.

— А васъ кто спрашиваетъ?.. — накинулся въ азартѣ Евсей, размахивая руками. — Да я изъ нея, изъ Дарёнки, лучины нащеплю, пусть только носъ покажетъ... Я ее вотъ какъ произведу... Я...

— А ты не очень форцъ-то показывай, — остановилъ его Парфенъ, начиная тоже сердиться. — Не великъ въ перьяхъ-то... И на тебя управа найдется. Ишь какъ расширился... На печи проѣзду скоро не будетъ отъ тебя.

Сосѣди начали переругиваться черезъ улицу, и дѣло чуть не дошло до драки, но дѣдушка Андронычъ позвалъ Евсея въ избу, чему тотъ былъ радъ — самому какъ-то неловко было уходить первому. По дорогѣ Евсей обругалъ

подвернувшуюся подъ руку Наталью, которая чуть не сбила его съ ногъ на крыльцѣ, потомъ досталось отъ него снохѣ Марьѣ, зачѣмъ изнѣживаетъ зря ребенка.

— Я вамъ всѣмъ покажу-у!..

Когда Евсей вошелъ въ избу, Адамъ стоялъ у печки, заложивъ руки за спину. Евсей выхватилъ у отца сѣделку и принялся хлестать сына ременной подпругой съ желѣзной пряжкой на концѣ. Адамъ поворачивался къ отцу спиной и, закрывая лицо одной рукой, кричалъ: „Ой!.. Ой.“. Дѣдушка Андронычъ отошелъ къ окну и сдѣлалъ такой видъ, что ничего особеннаго не случилось. Евсей съ каждымъ ударомъ разгорячался все больше и больше и началъ уже хлестать Адама самой сѣделкой. Онъ былъ блѣденъ и повторялъ какія-то безсмысленныя слова:

— А вотъ тебѣ еще прибавка, пакостнику!.. Не срами отца съ матерью, не озорничай!.. А вотъ еще!.. Шкуру съ тебя всю съ живого спущу!..

Удары сѣделкой, особенно когда приходились по спинѣ жел знными скобками, черезъ которыя пропускался черезсѣдельникъ, дѣлались невыносимыми, и Адамъ стоналъ, скрежеща отъ боли зубами.

— А, не любишь, негодяй?!.. — оралъ Евсей, приходя въ бѣшенство.— Я тебя выучу-у!.. На всю деревню осрамилъ, я тебя произведу!.. Я...

Онъ задохся отъ битья, бросилъ сѣделку въ уголъ и, схвативъ Адама за волосы, потащилъ его, какъ овцу, по полу.

— Тятенька... тятенька... — бормоталъ Адамъ, закрывая лицо обѣими руками.

— Я тебѣ покажу тятеньку!..

Агаѳья, какъ и дѣдушка Андроныч, тоже дѣлала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Она управлялась около истопившейся печки, сердито двигая горшки. Когда взбѣшенный Евсей принялся колотить Адама кулаками прямо по лицу, она бросила ухватъ и накинулась на мужа.

— Да ты никакъ очертѣлъ, Евсей?! По чему бьешь-то парня?.. Этакъ и изувѣчить можно человѣка.

— Не подходи!.. Убью! — рычалъ Евсей. — Тоже выискалась заступница... Не подходи!.. Всѣхъ распатроню.

Схативъ ухватъ, Агаѳья замахнулась имъ на мужа, но Евсей уже не помнилъ себя и, выхвативъ у жены ухватъ, больно ударилъ имъ ее по спинѣ. Раздался визгъ, и въ избу вбѣжала Наталья. Дѣвушка бросилась отцу въ ноги и запричитала:

— Тятенька, ударь меня, а матушку не трогь.

Евсей оттолкнулъ ее ногой и бросился къ женѣ.

— Что вы со мной дѣласте, окаянные?! — кричалъ онъ не своимъ голосомъ, срывая съ головы жены своей повойникъ.

Дѣдушка Андроныч продолжалъ смотрѣть въ окно; онъ былъ доволенъ, что Евсей, поддававшійся обыкновенно женѣ, теперь задастъ ей настоящую выучку. Когда Агаѳья закричала не своимъ голосомъ, онъ обернулся и проговорилъ:

— А ты не трогай морду, Евсей... Ты ее подъ микитки. Бабы живущи.

Адамъ стоялъ у двери, вытирая окровавленное лицо рукавомъ рубахи. Онъ зналъ, что отецъ скоро стихнетъ, и что, когда дѣдушка Андроныч уйдетъ, мать изведетъ его до смерти. Марья, слышавшая изъ сѣней, какая битва шла въ избѣ, съ одной стороны была рада, что свекоръ поучилъ свекровь, а съ другой испугалась,—Агаѳья на ней сорветъ сердце. Адамка и путящаго пожалѣла, а Наталья подкинула хворосту, ну, значитъ, на нее и нападется.

Разбушевавшійся Евсей наконецъ выбился изъ силъ, и въ избѣ водворилась мучительная тишина. Агаѳья тихонько всхлипывала, громыхая ухватами.

— Ну, надо поѣсть, да на покосъ, — проговорилъ дѣдушка, отходя отъ окна. — Будетъ добрыхъ-то людей смѣшить... А съ тобой, Адамка, еще расправа будетъ. Дарёнкина-то мать ужо въ волостное пишется... Вашего брата, охальниковъ, вотъ какъ надо учить.

Адамка все время молчалъ, а когда всѣ сѣли за столъ, вышелъ изъ избы. У него вся спина была избита желѣзными скобками сѣделки, и онъ переминалъ плечами.

— Погоди, я тебѣ покажу, — ворчалъ онъ, припоминая вопившую Дарёнку.—Я тебѣ всю шкуру спущу.

Въ избѣ завтракъ прошелъ молча. Агаѳья осталась у печи и не сѣла за столъ вмѣстѣ съ другими. Евсей исподлобья смотрѣлъ на нее, испытывая съ одной стороны желаніе еще разъ побить ее, а съ другой—страхъ. Пожалуй, вѣдь онъ совсѣмъ напрасно ее обидѣлъ. Виноватъ одинъ Адамка, и заступаться за него матери не слѣдовало. Дѣдушка правильно говоритъ, что его еще надо поучить.

Когда всѣ кончили завтракъ, подъ окномъ послышался стукъ. Это былъ старикъ-сторожъ съ дачи Чадова.

— Тебѣ что? — сурово спросилъ его дѣдушка Андронычъ.

— А лошадь надо барину. Въ городъ собрался.

— Своихъ-то лошадей, видно, жалѣете?

— Чего ихъ жалѣть... Одна расковалась, а другая хромаетъ. Да баринъ нашъ и не любилъ на своихъ лошадяхъ ѣздить. Ужъ такая у него повадка.

Адамъ былъ радъ случаю уйти съ глазъ, но дѣдушка Андронычъ заартачился.

— Некогда намъ, надо кошенину убирать. Такъ и скажи своему барину... Въ поле, молъ, всѣ уѣхали. Вонъ у Мишуткиныхъ кони дома, у Парфена...

— Къ вамъ послалъ баринъ, а мнѣ все одно.

Дѣдушка не любилъ барина Чадова, который поселился около ихъ деревни лѣтъ пять назадъ. Какой-то совсѣмъ несообразный баринъ, какъ есть шалый... Тоже, выдумалъ, когда за лошадью посылать.

— Извѣстно, господа, ничего не понимаютъ... — ворчалъ старикъ. — Какое время-то сейчасъ?.. Крестьяне жалованья не получаютъ, а что заработалъ горбомъ — то и твое. Лошадь ему задолжи, да пошли съ лошадью работника — дня-то и не бывало. До станціи цѣльныхъ десять верстъ... Пусть пѣшкомъ идетъ, коли надо. Пузо-то вонъ какое распустилъ.

Надежда Адама улизнуть съ барномъ была разбита упрямствомъ старика.

Съ покоса вернулись только въ сумерки. Рабочій день прошелъ какъ-то тяжело и вяло. Ребенокъ Марьи точно понималъ, что всѣ сердятся, и особенно блажилъ, за что Агаѳья и взъѣлась на сноху.

— Совсѣмъ испаточила ребенка! — ругалась она. — Съ однимъ-то не можетъ управиться, а какъ другія бабы съ цѣлой оравой ребятъ управляются?

— Мамынька, ежели онъ животомъ мучается... — пробовала оправдываться Марья, но это еще сильнѣе раздражило Агаѳью, и старуха ѣла ее весь день.

Евсей къ концу дня принялъ свой обычный виноватый видъ и угнетенно вздыхалъ, ожидая домашней грозы.

Когда пріѣхали домой и Адамъ распрягалъ лошадь, мать подошла къ нему и спросила:

— Сколько *той-то* денегъ выдавалъ, песъ?

Адамъ замялся.

— Ну, ну, говори!.. — настаивала Агаѳья. — Съ барином Чадовымъ ѣздишь, онъ на водку дастъ... Сколько стравилъ?

— Пустое, мамынька... Два раза по двугривенному давалъ, потомъ рупь— только и всего.

Старуха помолчала. Деньги не велики рубль сорокъ копеекъ, ежели Адамка не вретъ.

— Сегодня изъ-за *той-то* барина пропустили,—разсчитывала она.—Но два рубля платитъ за конецъ.

III.

Деревня Вихры залегла на высокомъ лѣвомъ берегу рѣки Ордежа, въ десяти верстахъ отъ станціи Варшавской желѣзной дороги, Преображенской, которая въ послѣдніе года стала пользоваться большою популярностью, какъ очень красивое дачное мѣсто. Главную красоту составляла именно рѣка Ордежъ, проложившая свое русло въ крутыхъ глинистыхъ берегахъ, покрытыхъ лѣсомъ. Большое удобство этого дачнаго пункта заключается въ томъ, что до Петербурга рукой подать, всего два съ половиной часа ѣзды. Собственно дачникъ появился въ этихъ мѣстахъ давненько, но жилъ какъ-то незамѣтно. Селились какъ-то все нѣмцы, скупая за безцѣнокъ лучшія мѣста. Пріѣдетъ такой нѣмецъ въ соломенной шляпѣ, поѣздитъ, посмотритъ—смотришь, и поселился. Мѣста продавались за безцѣнокъ и помѣщиками Лужскаго уѣзда и крестьянами, а когда она вошла въ цѣну—помѣщикамъ нечего было продавать, а для крестьянъ вышелъ законъ, воспрещавшій отчужденіе земли въ собственность. Оставалась только долгосрочная аренда крестьянскихъ земель, на что господа шли туго. Въ трудную минуту дѣдушка Андронычъ продалъ участокъ земли одному нѣмцу очень дешево и теперь ненавидѣлъ всѣхъ господъ, которые швыряютъ деньги направо и налѣво. Настоящій дачный баринъ пришелъ послѣ, когда нѣмецъ уже захватилъ лучшіе куски по всему Ордежу и по р. Лугѣ.

Сама по себѣ деревня Вихры ничѣмъ не отличалась отъ другихъ русскихъ деревень. Вся стройка сбилась въ одну кучу, точно стадо овецъ. Періодически, благодаря этой скученности и соломеннымъ крышамъ, она выгорала до тла и выстраивалась опять той же кучей. Конечно, въ самой деревнѣ не было не только садика, но ни одного деревца, кругомъ деревни лѣсъ былъ вырубленъ „сколь могъ“. Бѣдные дачники селились въ простыхъ деревенскихъ избахъ, проклинали непролазную грязь узкихъ улицъ и дворовъ и бродили по полямъ и лугамъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Была въ концѣ деревни и разрушившаяся барская усадьба. Баринъ давно умеръ, и наслѣдники судились уже двадцать лѣтъ. Сейчасъ за деревней, стоявшей почему-то въ двухъ верстахъ отъ рѣки, начинались дачныя мѣста, гдѣ жили хитрые дачные нѣмцы. Они жили какъ-то особнякомъ, прижимисто и крѣпко. Деревенскимъ мужикамъ отъ нихъ совсѣмъ было мало поживы. Другое дѣло новые дачники, настоящіе господа, которые покупали у нѣмцевъ участки „за дикую пошлину“ или арендовали землю у крестьянъ. Эти настоящіе господа находились въ вѣчномъ осадномъ положеніи. Съ нихъ наживали не только мужики и бабы, но и деревенская дѣтвора, промышлявшая цвѣтами, ягодами и грибами. Особенно славился баринъ Чадовъ, желѣзнодорожный инженеръ на покоѣ. Отъ него не уходили съ пустыми руками, хотя баринъ и былъ „характерный“.

Съ перваго своего появленія на Преображенской станціи Чадовъ пріобрѣлъ названіе чудного, потому что никогда не платилъ извозчикамъ полную сумму, а всегда убавлялъ нѣсколько копеекъ,—вмѣсто трехъ рублей платилъ два девяносто семь копеекъ, вмѣсто полтинника — сорокъ семь, вмѣсто двадцати—семнадцать и т. д. Сначала съ нимъ рядились и спорили, особенно въ мелкихъ суммахъ, а потомъ бросили. Кому другому, а Павлу Игнатьичу надо уступить. Пусть потѣшится его добрая душенька. А баринъ, дѣйствительно, былъ добрый и только не выносилъ, когда съ нимъ спорили. И вся фигура у него точно была приспособлена для доброты: тучный, съ близорукими глазами на выкатѣ, остриженный всегда подъ гребенку, съ щетинистыми рѣдкими усами, придававшими его физіономіи тюленій видъ, съ короткими, удивительно маленькими ручками, всегда красными и всегда потными, съ развалистою гусиною походкой. Говорилъ удивительно тоненькимъ, жиденькимъ теноркомъ и постоянно улыбался. Все лѣто онъ ходилъ въ русскихъ шелковыхъ рубашкахъ, бархатныхъ шароварахъ и въ простомъ деревенскомъ армякѣ. Любилъ Павелъ Игнатьичъ покушать и выпить и побалагурить. Крестьяне скоро къ нему привыкли, какъ къ своему человѣку.

— Ужъ что Павелъ Игнатьичъ у насъ: душа человѣкъ.

Вѣроятно, на этомъ основаніи Чадовъ иногда ни съ того ни съ сего начиналъ капризничать и куражиться.

— Нашъ баринъ заблажитъ, такъ точно на пень наѣдетъ,—объясняли мужики.

Покупая мѣсто подъ дачу у нѣмца Маузера, Чадовъ чуть не разошелся съ нимъ изъ-за трехъ рублей, потому что вмѣсто десяти тысячъ хотѣлъ заплатить девять тысячъ девятьсотъ девяносто семь рублей. Нѣмецъ тоже былъ упрямый, и они изъ-за трехъ рублей тянули цѣлую зиму, пока Чадовъ не настоялъ на своемъ. Дачу онъ выстроилъ великолѣпную, но одна половина осталась недостроенной.

— Это безобразіе, непремѣнно нынче же нужно достроить,—говорилъ Чадовъ, когда пріѣзжалъ въ гости кто-нибудь изъ знакомыхъ.—Я не выношу этой русской халатности.

Идеаломъ Чадова были англичане, какъ самый стойкій и послѣдовательный народъ, и, вѣроятно, самъ онъ на этомъ основаніи поступалъ какъ разъ наоборотъ.

Посылая за лошадью къ Евсею и получивъ отказъ, Чадовъ разсердился на старика и въ слѣдующіе разы ужъ посылалъ за лошадьми къ другимъ. Евсей хмурился и молчалъ, а старая Агаѳья послала Адама къ капризничавшему барину съ повинной.

— Это все чадовскій сторожъ напуталъ, а ты скажи, что мы, молъ, всегда съ удовольствіемъ.

Адамъ почесывалъ только въ затылкѣ и переминался съ ноги на ногу. Ступай-ка, сама подступись къ Павлу Игнатьевичу, когда на него стихъ нахатится. Еще, пожалуй, и по затылку накладетъ за милую душу,—„за милую душу“ была его любимая поговорка. Хорошо, ежели бы попасть къ нему въ часъ, т.-е. когда Павелъ Игнатьичъ веселый, а бываетъ это чаще всего послѣ обѣда, особенно, когда пріѣзжаютъ городскіе гости и пьютъ заграничныя дорогія вина до самаго утра. Адамъ такъ и сдѣлалъ. Господскій обѣдъ поздній, когда на деревнѣ добрые люди ужинаютъ. Онъ и отправился подъ вечеръ. Не хотѣлось ему, чтобы свои деревенскіе видѣли, какъ онъ къ барину пробирается. Сейчасъ сообразятъ—зачѣмъ, и еще на смѣхъ подымутъ. Поэтому Адамъ сдѣлалъ большой обходъ. Чадовская дача стояла въ сосновомъ лѣсу

на крутомъ берегу Ордежа, и дорога къ ней изъ Вихровъ шла все время полями, но Адамъ сдѣлалъ большой крюкъ—спустился сначала къ рѣкѣ, обошелъ кругомъ громадный поемный лугъ и прошелъ къ дачѣ прямо съ рѣки. Онъ издали прислушался и узналъ голосъ Павла Игнатьевича,—баринъ сидѣлъ съ гостями и былъ веселъ. Время отъ времени онъ заливался своимъ дребезжавшимъ, тоненькимъ смѣшкомъ, точно большой младенецъ.

— Эге, тебя-то и нужно, удалой молодецъ!—крикнулъ Чадовъ еще издали, завидѣвъ Адама у калитки.—Нарочно хотѣлъ посылать за тобой.

На террасѣ сидѣли двое гостей, которыхъ Адамъ не разъ возилъ на станцію. Одинъ худой, высокій, съ большой лысой головой, котораго Чадовъ называлъ „адамовой головой“, а другой изъ отставныхъ военныхъ, съ владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ,—его Чадовъ называлъ Хересомъ, вмѣсто Христофора Евгеньича.

— Ну, иди-ка сюда поближе!—кричалъ Чадовъ и что-то шепнулъ гостямъ.

Хересъ Евгеньичъ откинулъ голову назадъ и захохоталъ. „Адамова голова“ остался безстрастенъ и даже не взглянулъ на Адама. Юркнувшая на террасу горничная въ бѣломъ передникѣ, завидѣвъ Адама, хихикнула въ руку. Чадовъ подозвалъ ее къ себѣ и что-то объяснилъ вполголоса.

— Понимаете? Чтобы все за милую душу... Одна нога здѣсь, другая—тамъ... Понимаете?

Горничная еще разъ хихикнула и хотѣла уходить, но Чадовъ остановилъ ее въ дверяхъ.

— Да смотри, егоза, барынѣ ни слова.

Когда горничная ушла, Чадовъ обратился къ Адаму съ серьезнымъ тономъ:

— Мнѣ съ тобой надо поговорить за милую душу, а пока ступай на кухню и тамъ подожди.

— Я насчетъ того, Палъ Игнатьичъ,—бормоталъ Адамъ, повертывая фуражку въ рукахъ.—Значитъ, была отъ васъ засылка насчетъ лошади...

— Хорошо, хорошо, поговоримъ.

Когда Адамъ отправился въ кухню, на террасѣ раздался дружный хохотъ Чадова и Хереса Евгеньевича, а молчавшій до сихъ поръ „адамова голова“ издалъ какой-то гудящій звукъ, какъ гудитъ влетѣвшій въ комнату шмель, что̀ ужъ совсѣмъ не шло къ его подвижнической фигурѣ.

IV.

Барыня видѣла, какъ Адамъ пробирался въ кухню, и пришла въ страшное негодованіе. Это была худенькая, остроносая, какъ жучокъ, дама, съ рѣшительными движеніями и громкимъ голосомъ. Въ ней самый опытный антропологъ не заподозрѣлъ бы родную сестру „адамовой головы“. Ее звали Анной Ивановной, она получила англійское воспитаніе (почему, между прочимъ, на ней женился Чадовъ) и больше всего на свѣтѣ блюла святость и неприкосновенность своего home, тѣмъ болѣе, что у нея былъ сынъ Ѳедя, котораго она почему-то называла Альфредомъ. Мальчику пошелъ восьмой годъ. Это былъ какой-то восковой ребенокъ, тихій, спокойный, разсудительный. Анна Ивановна считала, что Альфредъ вступилъ въ свой критическій возрастъ, и поэтому страшно перепугалась, когда въ ихъ кухню прошелъ Адамъ, это олицетвореніе разврата, что̀ уже Анна Ивановна знала изъ первыхъ рукъ.

Первымъ ея движеніемъ было сейчасъ же итти на террасу и объясниться съ мужемъ, но тамъ сидѣлъ ея братецъ, который былъ не лучше Адама, какъ

всѣ старые холостяки. Зачѣмъ Адамъ прошелъ именно въ кухню? У Анны Ивановны горѣла голова, и она чувствовала, какъ у нея холодѣютъ глаза,— вѣрный признакъ наступающей мигрени. Павелъ Игнатьичъ, по свойственному ему легкомыслію, затѣялъ какое-нибудь представленіе, и вдругъ Альфредъ сдѣлается его свидѣтелемъ. Развѣ можно поручиться за Павла Игнатьича?

Преодолѣвъ нѣкоторую нерѣшимость, Анна Ивановна почувствовала себя матерью Альфреда, обязанной защищать свое гнѣздо, и вышла на террасу съ вызывающимъ видомъ.

— Этотъ... этотъ...—повторяла она, задыхаясь отъ волненія.

— Ахъ, матушка, оставь,—шепталъ Павелъ Игнатьичъ, закатываясь своимъ тоненькимъ смѣхомъ.—Охъ, не до тебя!.. Братецъ-то твой... адамова голова... Нѣтъ, не могу!.. Убей, зарѣжь, казни, но оставь.

Хересъ тоже заливался неудержимымъ смѣхомъ, поддерживая животъ. Изъ всей компаніи оставался невозмутимымъ одинъ „адамова голова“. Онъ преспокойно раскуривалъ новую сигару и даже не взглянулъ на сестру.

— Да вы тутъ съ ума сошли, господа!—возмущалась Анна Ивановна, накидываясь на брата.

— Нѣтъ, ты спроси братца,—со стономъ прогозорилъ Чадовъ, вытирая слезы.

— Въ чемъ дѣло?—спрашивала Анна Ивановна, принимая строгій видъ.

— Ахъ, ты его спроси!—стоналъ Чадовъ, отмахиваясь обѣими руками.—Нѣтъ, лучше я тебѣ самъ разскажу... Помнишь, у Аркадія была слѣпая собака Веста?

— Никакой собаки я не помню.

— Ну, все равно, была такая собака... ха-ха!.. И что бы, ты думаешь, случилось? Да, случилось... На охотѣ... кажется, на тетеревовъ, Аркадій? Ну, да это все равно... Нѣтъ, Аркадій, ты разскажи лучше самъ. У тебя талантъ...

— Что же тутъ разсказывать?—вяло отозвался „адамова голова“, выпуская тонкую струю дыма.—Дѣло самое простое... Мы поѣхали на тетеревовъ съ Сергѣемъ Павлычемъ... Да. Все шло отлично. А потомъ мы заспорили... Да, заспорили. Гм... Чья собака лучше? Я говорю, что моя Веста выдержитъ стойку, пока я буду курить папиросу до конца. Да... дѣйствительно, она потянула, остановилась... Да... Я закурилъ папиросу... Да... Она стоитъ. Я курю—она стоитъ. И вдругъ какъ сорветъ... Гм... Тетеревъ взлетѣлъ, а я съ досады весь зарядъ бекасинника въ Весту.

— Ну, ну,—поощрялъ Чадовъ, приготовляясь къ хохоту.

— Ну, ничего особеннаго... Веста покаталась въ травѣ, повизжала и поползла ко мнѣ.

— Ну, ну?

— Самая обыкновенная вещь: ползетъ, а сама блѣдная такая.

Чадовъ прямо упалъ головой на столъ и даже задрыгалъ ногами.

— Это и все?—возмутилась Анна Ивановна.—Удивительно, какъ смѣшно, стрѣлять живую собаку... Гадость!

— Нѣтъ, Анюта, ты только подумай: собака идетъ къ Аркадію *блѣдная* такая... Ха-ха!—заливался Чадовъ, хватаясь за животъ.—А возмущаешься совершенно напрасно. Съ бекасинникомъ на тетеревовъ не ходятъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, Аркадій все это придумалъ. Да, виноватъ, у него была еще верховая лошадь, которая улыбалась, какъ барышня... Недурно: блѣдная собака и улыбающаяся лошадь.

Анна Ивановна хотѣла возмутиться еще разъ, но въ этотъ моментъ

горничная подала лампу, и она увидѣла въ темномъ пространствѣ между столбиками террасы бѣлобрысое лицо Адама.

— Опять этотъ... этотъ..—прошептала она, отступая въ ужасѣ.

— Что такое, Анюта?—испугался Чадовъ, оглядываясь.—Ахъ, это ты, Адамъ. Вотъ и отлично. Мы сейчасъ же произведемъ настоящій Соломоновъ судъ. Анюта, я рѣшительно рѣшился сдѣлать доброе дѣло.

Анна Ивановна хотѣла что-то возразить, но въ другомъ пролетѣ террасы показалось лицо Дарьи. Дѣвушка отворачивалась отъ Адама и конфузливо прикрывала нижнюю часть лица передникомъ. Ее смущали посторонніе господа, особенно Хересъ, который такъ и уставился глазами на нее.

— Вотъ и отлично,—повторялъ Чадовъ.—Да, отлично... Ну, дѣти мои, если человѣкъ дѣлаетъ какую-нибудь ошибку, то самъ же и долженъ ее исправить. Такъ? Да, исправить за милую душу... Не правда ли, Адамъ? Итакъ, ты женишься на Дарьѣ, и все будетъ отлично... Дарья слазная дѣвушка, и вы будете счастливы. Свадьба на мой счетъ, и я буду посажёнымъ отцомъ... Что же ты молчишь, Адамъ?

Адамъ повертывалъ въ рукахъ свою шапку и продолжалъ упорно молчать.

— Дарья, а ты что жъ молчишь?

— Ромео и Джульетта.—шепнулъ „адамова голова“ Хересу, который захватилъ ротъ рукой, чтобы не расхохотаться.

— Господа, какъ вамъ не стыдно!—остановила ихъ Анна Ивановна.

Послышались тихія всхлипыванья Дарьи. Чадовъ вообще не выносилъ слезъ, а женскихъ въ особенности и нахмурился. Упорное молчаніе Адама начинало его возмущать, и онъ заговорилъ уже строгимъ тономъ:

— Адамъ, если бы у тебя была взрослая дочь и она очутилась въ *такомъ* положеніи... Да... Что бы ты сдѣлалъ? Да говори же наконецъ... Понимаешь, совсѣмъ взрослая.

— Я насчетъ лошади Палъ Игнатьичъ,—неожиданно отвѣтилъ Адамъ.—Значитъ, какъ вы тогда посылали сторожа Гаврилыча, ну, а мы собрались на покосъ.

— Да ты что дурака-то валяешь?—вскипѣлъ Чадовъ и даже стукнулъ кулакомъ по столу.—Я... я.. я...

Лицо Адама вдругъ исчезло въ темнотѣ, и только было слышно, какъ онъ бѣжалъ по саду къ рѣкѣ, перепрыгивая черезъ куртины.

— Адамка, негодяй!—кричалъ Чадовъ, порываясь броситься вдогонку за нимъ.—Охъ, если бы не моя голщина... Сторожъ, держи его!

Но сторожъ мирно почивалъ, и Чадову отвѣтило только далекое эхо съ рѣки.

— Покушеніе на доброе дѣло съ негодными средствами,— замѣтилъ „адамова голова“, швыряя въ кусты окурокъ сигары.

V.

На террасѣ наступила тяжелая пауза. Чадовъ шагалъ изъ угла въ уголъ, ероша свои волосы. Потомъ онъ остановился и, сдѣлавъ трагическій жестъ, проговорилъ:

— Знаете, что я сдѣлаю? Я изобью негодяя...

Всѣ позабыли о Дарьѣ, которая продолжала стоять у террасы. Когда Чадовъ изъявилъ желаніе бить Адама, она умоляюще проговорила:

— Его ужъ дома-то отецъ вотъ какъ избилъ... Сѣлелкой хлесталъ, хлесталъ, потомъ кулаками... за волосы таскалъ...

— Она ко еще и жалѣетъ его!? — возмутилась Анна Ивановна, поднимаясь съ мѣста.

— Это въ порядкѣ вещей, Анюта,—замѣтилъ „адамова голова“.—Припомни исторію Ромео и Джульетты... Наконецъ нашъ праотецъ Адамъ тоже подалъ не особенно похвальный примѣръ относительно первой дамы.

— Пожалуйста, оставь свои шуточки, — строго замѣтила брату Анна Ивановна.—Вѣдь рѣшительно ничего смѣшного въ этой исторіи нѣтъ... Дарья, вы можете сейчасъ уходить, а завтра утромъ придете ко мнѣ.

Дарья исчезла безшумно, какъ тѣнь. Чадовъ продолжалъ шагать по террасѣ и бормоталъ:

— Вотъ и извольте тутъ придумать что-нибудь. А я этого донъ-Жуана все-таки вздую за милую душу. Спрятался въ кусты, какъ настоящій Адамъ.

Анна Ивановна демонстративно поднялась и, не простившись ни съ кѣмъ, ушла въ комнаты. Проводивъ жену глазами, Чадовъ разставилъ руки и проговорилъ съ гримасой:

— Мы сердимся, у насъ мигрень... нервы... Скажите, пожалуйста, при чемъ я-то тутъ!?

Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь и повторилъ вопросъ. „Адамова голова“ и Хересъ безмолвствовали. Вытянутая фигура перваго напоминала восклицательный знакъ, какъ хозяинъ изображалъ, воздѣтой горѣ рукой, знакъ вопроса.

У Анны Ивановны, дѣйствительно, разыгрались нервы. Лучшимъ средствомъ было раздѣться и лечь въ постель. Она такъ и сдѣлала. Вѣра въ разныя соли, спирты и натиранья давно уже миновала. Вѣдь для каждой больной нервной клѣточки, для каждаго нервнаго больного волокна слѣдовало бы приставить въ качествѣ няньки какого-нибудь медицинскаго профессора, а между тѣмъ иногда стоило перемѣнить положеніе—и боль утихала. Анна Ивановна перекатывала свою голову по подушкѣ, отыскивая то положеніе, когда нервы утихнутъ. Были моменты, когда какъ будто наступало облегченіе и она начинала забываться, но съ террасы доносился дребезжащій смѣхъ Павла Игнатьича, и нервы начинали мучительно ныть съ новой силой. Потомъ Аннѣ Ивановнѣ казалось, что въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спалъ Альфредъ, раздаются подозрительные храпы, какъ при летучемъ крупѣ или дифтеритѣ. Она преодолѣвала дремоту и, шлепая туфлями, шла въ дѣтскую. Тамъ оказывалось все въ порядкѣ—въ кроваткѣ тихо спалъ Альфредъ, на полу такъ же тихо спала старуха-няня Абрамовна, и Анна Ивановна рѣшительно не могла понять, откуда идутъ эти противные звуки больного хрипѣнья.

Мучась мигренью, Анна Ивановна привыкла каждый разъ перебирать свою жизнь, и ей казалось, что вся эта ея женская жизнь какой-то сонъ. Она, напримѣръ, часто думала, что̀ за человѣкъ ея мужъ, и должна была сознаваться самой себѣ, что совсѣмъ его не знаетъ. Да, онъ добръ, онъ джентльменъ, онъ не обманетъ, онъ уменъ, но вѣдь это еще не то, что̀ составляетъ человѣка. Она его любила, хотя онъ былъ и старше ея вдвое. А сегодня, напримѣръ, что̀ это такое было? Съ одной стороны—и желаніе сдѣлать доброе дѣло, а съ другой—какое-то ненужное и неумѣстное шутовство. Зачѣмъ, наконецъ, по цѣлымъ днямъ торчитъ у нихъ этотъ Хересъ, человѣкъ совершенно безцвѣтный, неинтересный и скучный, а между тѣмъ Павелъ Игнатьичъ любилъ его и встрѣчалъ каждый разъ, какъ дорогого гостя. Съ мыслью объ этомъ неинтересномъ Хересѣ Анна Ивановна и заснула тяжелымъ, больнымъ сномъ, а когда проснулась утромъ, то разсердилась на самоё себя, что могла думать о такой ничтожности. Единственное достоинство Хереса заключалось, кажется, въ томъ, что онъ могъ пить ликеры безъ конца.

Послѣ мигрени Анна Ивановна просыпалась въ положеніи человѣка, котораго наканунѣ били. Она даже чувствовала тѣ мѣста, по которымъ ее били — боль оставалась въ шеѣ, ныло одно плечо и т. д. Еще лежа въ постели, она припомнила финалъ вчерашняго дня и снова разсердилась. Къ чему она назначила это свиданіе Дарьѣ? Какая-то чисто-русская жалость охватила ее, когда дѣвушка пожалѣла своего избитаго соблазнителя.

„Я-то къ чему суюсь въ это дѣло? — раздумывала Анна Ивановна.— Мало ли такихъ дѣвушекъ найдется въ каждой деревнѣ?“

Англійская выдержка характера боролась въ душѣ Анны Ивановны съ проявленіемъ чисто-славянской сердечности. А почему вотъ эта самая Дарья не можетъ быть Джульеттой? Вѣдь всѣ люди одинаковы, и, можетъ-быть, вотъ эта самая деревенская дѣвушка чувствуетъ гораздо больше, лучше и чище, чѣмъ идеализированная геніальнымъ драматургомъ Джульетта? Съ другой стороны, раскаиваясь въ своемъ душевномъ порывѣ, вызванномъ шуточками мужа, Анна Ивановна знала отлично, что она не отступитъ и доведетъ дѣло до конца. Конечно, она не будетъ бить негодяя Адама, но...

У нея передъ глазами пронесся цѣлый рядъ спеціально-дачныхъ картинъ, когда эта некрасивая дѣвушка Дарья приносила ягоды, грибы и картофель и какъ-то безучастно относилась къ цѣнѣ, а дачная барыня Анна Ивановна любила поторговаться. Такъ, торговалась для того, чтобъ ее не обманывали ужъ слишкомъ откровенно, и именно Дарья въ этомъ отношеніи представляла исключеніе.

— Какъ положите, барыня,—говорила она, и на ея некрасивомъ лицѣ появлялось какое-то овечье выраженіе.

Когда Анна Ивановна вышла на балконъ, Альфредъ, длинный, худенькій, бѣлокурый мальчикъ, пилъ уже свою утреннюю порцію стерилизованнаго молока,—другого не полагалось, потому что наука уже доказала, что туберкулезъ получается именно черезъ молоко. А кто можетъ поручиться за вихровскихъ коровъ? Около Альфреда стояла низенькая сморщенная старушка Абрамовна, одѣтая, въ цѣляхъ гигіены, какъ сестра милосердія. Анна Ивановна гордилась этой своей русской старушкой-няней, потому что много читала о такихъ преданныхъ старушкахъ-няняхъ и потому, что даже у Пушкина была тоже старушка-няня. Въ этомъ былъ стиль, а стиль—все.

Альфредъ (отецъ называлъ его попросту Ѳедькой) даже не повернулъ головы, когда мать вошла на террасу.

— Ну, какъ ты, мой другъ, сегодня спалъ?—спрашивала Анна Ивановна, глядя на сына такими глазами, какими смотрятъ на рѣдкую фарфоровую чашку, доставшуюся еще отъ бабушки и готовую ежесекундно развалиться.

— Ничего, мама!—равнодушно отвѣтилъ Альфредъ, прожевывая какой-то патентованный сухарикъ изъ шотландской овсянки съ вымороженной кровью.

Боже мой, какъ всегда убивалъ Анну Ивановну вотъ этотъ равнодушный тонъ, какимъ говорилъ ребенокъ. Отецъ приходилъ въ неистовство и кричалъ: „Ѳедька! Да ты хоть разбей что-нибудь, наконецъ, разорви штаны, разбей губу... Понимаешь: будь живымъ человѣкомъ!“

Единственное проявленіе жизни Альфреда заключалось въ томъ, что его неудержимо тянуло въ деревню Вихры, что̀ отравляло лучшія педагогическія намѣренія Анны Ивановны. Она приходила въ ужасъ при одномъ словѣ: деревня. Мужики—пьяницы и буяны, бабы—грязныя и забитыя, а ребята—живой разсадникъ всевозможныхъ дѣтскихъ болѣзней. Каждый деревенскій ребенокъ въ глазахъ Анны Ивановны являлся чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ медицинскихъ препаратовъ, въ которыхъ производится разводка всевозможныхъ зло-

вредныхъ бактерій, кокковъ и микрококковъ. Теоретически она любила всѣхъ дѣтей, а крестьянскихъ въ особенности, но не могла же она жертвовать жизнью своего Альфреда только изъ-за того, что онъ рвался къ деревенской дѣтворѣ, т.-е. къ заразѣ. Альфреда нисколько не интересовала собственная дача, и мальчикъ цѣлые часы простаивалъ у вычурной садовой загородки, съ завистью наблюдая, какъ бѣгаютъ эти счастливыя, бѣдныя дѣти, босыя и грязныя, по полямъ и лугамъ, купаются день денской въ рѣкѣ, ѣдятъ все, что попало подъ руку, и не знаютъ проклятыхъ бульоновъ, шотландской овсянки и патентованныхъ американскихъ галетъ

VI.

По недовольному лицу няни, старавшейся не глядѣть на барыню, Анна Ивановна догадалась, что Дарья пришла и, вѣроятно, ждетъ въ кухнѣ. Выпивъ наскоро чашку кофе, Анна Ивановна отправилась туда. Дарья, дѣйствительно, сидѣла въ кухнѣ, и по ея заплаканному лицу Анна Ивановна поняла, о чемъ она говорила съ кухаркой. Обѣ замолчали, когда барыня вошла.

— Дарья, я хочу съ тобой поговорить,—начала Анна Ивановна, подбирая слова.—Ты, конечно, понимаешь, что поступила нехорошо и сама во всемъ виновата.

Дарья стояла, опустивъ глаза, и молчала.

— Да, сама виновата! — продолжала Анна Ивановна. — А почему *онъ* не хочетъ жениться на тебѣ?

— Онъ-то?.. Адамка?.. Значитъ, боится!—сбивчиво объясняла Дарья.

— Чего же онъ боится?

— А родни... Какъ же, гритъ, я на тебѣ могу жениться, ежели, гритъ, нечестная...

— Да вѣдь онъ самъ виноватъ во всемъ?!—возмутилась Анна Ивановна.— Онъ, вѣроятно, обѣщалъ тебѣ жениться?

— Обнаковенно, барыня, обѣщалъ...

— А ты, дура, и повѣрила!—вступилась кухарка, сердитая пожилая баба. — У нихъ у всѣхъ одинъ разговоръ-то! А теперь и ступай, ищи вѣтра въ полѣ!

— Подожди!—остановила ее Анна Ивановна.—Чего же онъ боится родни? Развѣ они не понимаютъ, что онъ долженъ жениться?

— Какъ не понимаютъ! — уныло отвѣтила Дарья. — У самихъ дочь на возрастѣ. Да и со снохой, значитъ, солдатка, которая за старшимъ сыномъ Николаемъ, тоже не ладно... Сказываютъ, что мѣсяцы не выходятъ... ребенокъ у ней, а мѣсяцы-то и не выходятъ... Все они понимаютъ вотъ какъ!

Кухарка въ обыкновенное время не смѣла вмѣшиваться въ разговоръ при барынѣ, а тутъ считала себя въ правѣ вступиться, потому какъ дѣло самое бабье.

— Постой, Дарья, ты сама-то ничего не понимаешь, а я разскажу. Надо по порядку... Видите ли, барыня, семья-то Адамки строгая, то-есть не то чтобы строгая, а характерная. Одна старуха Агаѳья чего стоитъ, значитъ, мать Адамки. Злю-ущая старуха! Настоящая вѣдьма! Евсей-то самъ ничего, а старуха всѣмъ руководствуетъ. Прежде-то все у нихъ дѣдушка Андронычъ верховодилъ, ну, а теперь, значитъ, Агаѳья силу забрала. Такъ вотъ Агаѳья-то и не возьметъ Дарью въ домъ, потому какъ она не оправдала себя правильной дѣвушкой. Надо прямехонько говорить, хоть до кого доведись. Ну, Адамка и боится матери, что она, значитъ, не приметъ снохи въ домъ... У него-то все, что на себѣ—и весь тутъ.

— Можетъ-быть, можно уговорить старуху?—соображала Анна Ивановна.—Она сама женщина и пойметъ...

— Что вы, что вы, барыня... Ни въ жисть!.. Совсѣмъ вы не понимаете нашихъ деревенскихъ порядковъ... Гдѣ же съ бабой сговоришь!

Изъ этихъ объясненій Анна Ивановна все-таки ничего не поняла и обратилась къ Дарьѣ:

— Что же ты думаешь теперь дѣлать?

Дарья посмотрѣла ей прямо въ глаза и какъ-то по-дѣтски отвѣтила:

— Не знаю.

Въ выраженіи лица Дарьи, въ тонѣ ея голоса, въ безпомощной позѣ было столько неизносимаго бабьяго горя, что Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось совѣстно, зачѣмъ она копается именно въ этомъ горѣ, когда весь вопросъ только въ томъ, чтобъ уничтожить его. Она окончательно была удивлена, когда Дарья заговорила, сбиваясь въ словахъ, что Адамка совсѣмъ добрый, и даже разсказала, какъ онъ ей два раза давалъ по двугривенному, а потомъ далъ цѣлый рубль.

— Вотъ такъ суйма!—прыснула со смѣха кухарка.—Значитъ, коси, не потеряй!

Аннѣ Ивановнѣ необыкновенно живо представилась картина, какой взрывъ веселья произвело бы это финансовое открытіе вчера на террасѣ. Ромео заплатилъ Джульеттѣ рубль сорокъ копеекъ! Павелъ Игнатьичъ хохоталъ бы до слезъ, и Хересъ, и братъ Аркадій...

— Хорошо! Ты иди домой, Дарья,—проговорила она серьезно.—А я подумаю...

Въ голосѣ Анны Ивановны слышались уже рѣшительныя ноты. О, она знала, что нужно сдѣлать... Да, господа, смѣется послѣдній. Такъ нельзя. У Анны Ивановны явился свой планъ дѣйствія. Она дала себѣ слово ничего не говорить мужу, потому что это—такой человѣкъ, на котораго невозможно было положиться. Мало того, еще начнутъ вышучивать, какъ вышучиваютъ все на свѣтѣ.

Русская деревня для Анны Ивановны являлась своего рода сфинксомъ, котораго она и не понимала и боялась. Съ деревянной башенки, гдѣ былъ устроенъ уютный балконъ, она подолгу смотрѣла на галекія крестьянскія постройки, и ей начинало казаться, что тамъ живутъ существа какой-то другой породы, хотя и имѣющія человѣческій обликъ. Да, эти существа родились, плодились, умирали, какъ люди, а жили невидимой, загадочной для нея жизнью. Ее до глубины души возмущало отношеніе крестьянъ къ господамъ въ лицѣ дачниковъ. Не было, кажется, такой хищности, плутни и обмана, которая не допускалась бы по отношенію къ господамъ, чтобы выжать изъ нихъ лишнюю копейку. Отъ деревни такъ и вѣяло чѣмъ-то чужимъ, холоднымъ и отчасти враждебнымъ. Конечно, и дачный сторожъ Гаврилычъ, и кухарка Маланья, и горничная Стеша, и кучеръ Степанъ относились къ господамъ такъ же, прикрывая свои истинныя чувства наружной покорностью и рабьей услужливостью, потому что всѣ получали жалованье, ѣли до отвалу и къ праздникамъ получали подарки. Чадовы жили на своей дачѣ лѣтъ пять, а только теперь въ первый разъ Аннѣ Ивановнѣ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ самымъ больнымъ мѣстомъ деревенской жизни, какъ исторія Дарьи.

Дня черезъ три послѣ своего объясненія съ Дарьей Анна Ивановна сдѣлалась невольною свидѣтельницей разговора кухарки Маланьи и Дарьи. Анна Ивановна сидѣла на террасѣ, докачивая Альфреду матросскую куртку, и разговаривавшія не могли ее видѣть.

— А ты въ воспитательный отдай...—говорила Маланья.

— Н-нѣ-ѣ...—плаксиво, но упрямо отвѣчала Дарья.

— Не ты первая, не ты послѣдняя. Нечѣмъ хвалиться-то... Да и въ деревнѣ тебѣ не жить, все равно. Куда ты съ ребенкомъ-то дѣнешься?

— Н-не знаю...

— Вотъ то-то и есть: не знаю. А въ Питерѣ вашей сестры неочерпаемыя тыщи... Какъ сдала ребенка въ воспитательный, сейчасъ сама—въ кормилки. Жалованья—десять цалковыхъ, потомъ всякаго бѣлья по шести штукъ, два мамошныхъ сарафана, одѣяло, подушка, полусапожки двои. А ежели которые хорошіе господа, такъ наградятъ сверхъ уговора. Меня Богъ миловалъ, а другихъ кормилокъ достаточно наглядѣлась. У нашего барича Ѳеди вотъ какая была кормилка—корова холмогорская. Когда уходила, такъ баринъ ей въ зубы сотенный билетъ... Жиру наѣла—не уколупнешь.

— Н-нѣ-ѣ...—упорно повторяла Дарья.

— Ну, съ тобой, видно, не сговоришь, дѣвка, ежели своего счастья не хочешь понимать!—обидѣлась Маланья.—Дѣло тебѣ говорятъ, тебя же жалѣючи.

Это упрямство Дарьи очень поправилось Аннѣ Ивановнѣ, и она мысленно поставила себя въ ея положеніе. Вѣдь не хватило бы героизма вынести все, что̀ ее ожидаетъ впереди, а эта простая крестьянская дѣвушка вынесетъ.

Изъ разговоровъ съ кухаркой Маланьей Анна Ивановна узнала, что въ Вихрахъ такіе случаи съ дѣвушками раньше почти не случались. Грѣшили иногда солдатки или вдовы, а чтобы дѣвушки—ни-ни.

— Спросите, вонъ, у Гаврилыча!—точно оправдывалась Маланья, защищая цѣломудріе вихровскихъ дѣвушекъ.

— А почему же теперь это случается?

— Да ужъ никакъ случаевъ-то съ десятокъ насчитываютъ.

— Такъ отчего же?

— Отъ господъ, барыня.

— Ну, это ужъ ты вздоръ говоришь. При чемъ тутъ господа?

— А даже очень просто, барыня. Какъ господа наѣхали на дачи, и пошла эта самая легкая жизнь. Какъ же, деньги берутъ съ господъ даромъ, а тутъ прислуга наѣдетъ, наша городская сестра. Вѣдь всякія кухарки и горничныя-то бываютъ, нечего грѣха таить. Тотъ же Адамка... Стыдно и говорить-то. Ну, а потомъ и за своихъ дѣвушекъ принялись. Только городскія-то все съ собой и увезутъ, а деревенскія дома останутся. Вотъ Адамка-то и влопался. Вонъ она какая, Дарья, хоть ты ей колъ на головѣ теши. Не хочу, грить, сдавать ребенка въ воспитательный...

VII.

Наступила осень. Ордежъ разлился отъ дождей и почернѣлъ. Ночи сдѣлались темными, дождь шелъ изо дня въ день, цвѣты въ саду поблекли. Было нѣсколько такихъ холодныхъ утренниковъ, что любимыя георгины Анны Ивановны сразу почернѣли. Однимъ словомъ, все говорило о скоромъ осеннемъ перелетѣ въ городъ.

— Да, пора и даже очень пора,—говорилъ Павелъ Игнатьичъ, мечтая о завтракахъ у Кюба и макао въ своемъ „картофельномъ клубѣ“.—Какъ странно человѣкъ устроенъ: наступаетъ весна—и вдругъ начинаешь ждать чего-то особеннаго, смотришь на барометръ, радуешься первой выставленной рамѣ, испытываешь даже, чортъ возьми, этакое канальское волненіе, а тамъ, думаешь, наступитъ еще лѣто... да!.. А въ результатѣ все-то лѣто выражается въ нѣсколькихъ сыроѣжкахъ, которыя Ѳедька нашелъ въ лѣсу. Но я, видитъ

Богъ, не ропщу... И осенью недурно, а зима—это уже цѣлая замороженная поэма.

Анна Ивановна тоже была рада перебраться въ городъ, конечно, главнымъ образомъ изъ-за Альфреда, которому пора было начинать его курсъ шведской гимнастики. Она не теряла изъ виду Дарьи и познакомилась незамѣтно съ семьей Адама,—какъ-то ѣхала мимо ихъ избы и остановилась, потому что забыла дома молоко для Альфреда. Старая Агаѳья ей не понравилась и дочь Наталья тоже, а солдатка Марья произвела впечатлѣніе совсѣмъ забитой бабенки. Дарью, даже если она выйдетъ замужъ, ожидала незавидная доля.

Передъ своимъ отъѣздомъ съ дачи Анна Ивановна сказала Дарьѣ:

— Ты когда ждешь?

— Около зимняго Николы...—отвѣтила Дарья, краснѣя и сдерживая слезы.

— Хорошо, я тебя не забуду и все устрою.

Чадовъ успѣлъ давно забыть исторію вихровскихъ Ромео и Джульетты, хотя на станцію везъ ихъ въ послѣдній разъ Адамъ. А тутъ еще на станціи встрѣтилъ хорошаго знакомаго, Ноникова, про котораго станціонный буфетчикъ шепнулъ своему пріятелю, волостному писарю:

— Это баринъ, который въ газетахъ ругается...

Ничего нѣтъ печальнѣе, какъ эти дачныя деревни, когда господа уѣдутъ въ городъ и точно увезутъ съ собой всѣ источники жизни. Вихры уже вошли въ свое положеніе дачной деревни. Мужики и бабы и дѣти походили на тѣхъ мухъ, которыя остаются въ пустой квартирѣ и по старой привычкѣ летаютъ и ползаютъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ еще недавно всего было вдоволь. Даже избы, почернѣвшія отъ дождей, точно глубже нахлобучили на себя растрепанныя соломенныя крыши. Каждый день являлся чистымъ убыткомъ, и дѣдушка Андронычъ говорилъ:

— Плохо мужикамъ, охъ, какъ плохо... Легкій-то хлѣбъ, видно, въ городъ уѣхалъ.

Старикъ любилъ поворчать, а въ послѣдніе годы какъ-то озлобился и на господъ и на мужиковъ. Ему не нравилось, что около господъ мужики начали баловаться и отставать отъ настоящей крестьянской работы, а молодые парни совсѣмъ начали отъ рукъ отбиваться, какъ тотъ же Адамка. Прежде рубль-то былъ деньги, а теперь тотъ же рубль—и въ руки взять нечего. И вся ій ищетъ, какъ бы полегче обернуться, да еще обмануть, обставить, кто попроще. Правильные старички вымирали, мужики-середняки еще кое-какъ держались, хотя и ихъ сильно помазывалъ легкій-то хлѣбъ, а что будетъ съ молодятникомъ—и не придумаешь. Въ шерстяныхъ рубахахъ щеголяютъ, лакированные сапоги заводятъ, на гармоніяхъ съ утра до вечера играютъ, пиво пьютъ,—ну, что изъ нихъ потомъ-то будетъ? Послѣ развертныхъ питерскихъ горничныхъ да кухарокъ своя-то деревенская баба деревянною колодой покажется. Сильно скорбѣлъ дѣдушка Андронычъ, и его сѣдая голова походила на старинный, сложенный изъ кондоваго лѣса амбаръ, насыпанный доверху полновѣснымъ зерномъ, которое теперь начали точить мыши и крысы.

Избенка Дарьи стояла въ серединѣ деревни, но среди другихъ избъ казалась калѣкой,—покосилась, вросла въ землю и смотрѣла на улицу слезившимися въ холодную погоду кривыми окошечками. Опытный деревенскій глазъ сразу опредѣлилъ бы, что изба осталась безъ мужика, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Отецъ Дарьи умеръ уже лѣтъ восемь тому назадъ, оставивъ жену Матрену, Дарью и маленькаго сынишку Петра, которому сейчасъ шелъ одиннадцатый годъ. Раньше семья жила ни бѣдно ни богато, а когда умеръ единственный

работникъ—сразу захудала. Сиротство въ деревнѣ ужаснѣе, чѣмъ въ городѣ, гдѣ помогаютъ и незнакомые люди. Семья сразу захудала, все пошло на убыль, все валилось изъ рукъ, и сама Матрена какъ-то потерялась. Гдѣ же одной бабѣ управиться... Вся надежда оставалась на маленькаго Петра, но страшно было и подумать, когда онъ подрастетъ. Дарьѣ было лѣтъ двѣнадцать, но помощи отъ нея было немного. Хорошо еще, что лѣтомъ наѣзжали господа, и Матрена промышляла лукомъ, картофелемъ, яйцами, грибами и ягодами. А зимой приходилось уже прямо голодать...

Сейчасъ семья начала немного подниматься на ноги, но стряслась бѣда съ Дарьей. Матрена подумывала, что лучше бы всего взять въ домъ зятя изъ небогатой семьи или такого же сироту, какъ Дарья. Но вышло иначе. Горе совершенно ошеломило Матрену, и она даже казалась немного тронутой. Роковое извѣстіе принесъ Петръ, котораго ребята на улицѣ начали дразнить сестрой Дарьей. Мальчикъ остервенѣлъ, какъ волчонокъ, сбругалъ сестру нехорошими словами и, въ качествѣ мужика, даже хотѣлъ ее бить. Получилась самая тяжелая картина, но Матрена точно онѣмѣла и только отвертывалась, когда Дарья проходила мимо. Горе было слишкомъ велико, а о томъ, чтобы Дарью взяли снохой въ богатый домъ, нечего было и думать. Одна Агаѳья чего стоила, а тутъ еще старикъ-дѣдушка, дочь Наталья—семья бѣдовая.

О будущемъ Матрена старалась не думать. День прошелъ, и слава Богу. Даже вниманіе чадовской барыни ее нисколько не утѣшало Что же, господа сегодня здѣсь, а потомъ и слѣдъ простылъ. Одного стыда не износить... Дарья лѣтомъ ночей не спала, работала и сколотила рублей двадцать, да Анна Ивановна подарила ей передъ отъѣздомъ три рубля и надавала разныхъ обносочковъ послѣ Альфреда Будетъ ребенокъ—всякая тряпочка пригодится.

Медленно двигалась осень до заморозковъ. Прежде Дарья уходила на молотьбу и зарабатывала копеекъ пятнадцать въ день, а сейчасъ и этого заработка не было Приходилось сидѣть дома за зимней работой, какъ пряжа и тканье.

Незадолго до родовъ пришла старуха Агаѳья и ругалась на цѣлую улицу. Погорячился тогда Евсей и избилъ сына, значитъ, и вышло такъ, какъ будто Адамка впрямь виноватъ. Эта мысль пришла Агаѳьѣ уже потомъ, и она хотѣла выместить на Матренѣ и напрасный оговоръ и свои побои.

— Мало ли по деревнѣ парней и мужиковъ!—кричала она, размахивая руками.— Небойсь, къ Адамкѣ подкинула твоя Дарёнка хвостъ, потому какъ семья справная... Губа-то у ней не дура. А мало ли тутъ разносчиковъ по дачамъ цѣлыное лѣто шляется... Руки-ноги никто не оставилъ. А Адамка простъ... Все на себя сразу принялъ. Дуракъ онъ, и больше ничего... А твоя Дарёнка, потаскуха, еще пошла по господамъ его срамить. Тоже, нашла моду.

— Перестань грѣшить, Агаѳья,—говорила ей въ окно Матрена, задыхаясь отъ волненія.—Видно, Богъ насъ съ тобой разсудитъ...

— Пѣтъ, я на волостной судъ потащу Дарёнку, чтобы впередъ не срамила добрыхъ людей.

Матренѣ пришлось замолчать, потому что общественное мнѣніе Вихровъ было на сторонѣ Агаѳьи. Ежели которая дѣвушка не соблюла и потеряла себя и т. д., пощады тутъ не могло быть.

За нѣсколько дней до родовъ чадовскій сторожъ Гаврилычъ принесъ посылку отъ барыни Анны Ивановны, гдѣ было ея руками приготовлено все дѣтское приданое. Дарья спряталась за печь и долго плакала, а Матрена никакъ не могла понять и объяснить барской жалости.

На второй день послѣ зимняго Николы Дарья родила дѣвочку, которую назвали Епаѳой.

VIII.

Адамъ слышалъ, что у Дарьи родилась дочь, но не показывалъ къ ней глазъ и страшно ругался, когда деревенскіе пріятели поздравляли его „съ прибылью". Дома сестра Наталья допимала.

— Что нейдешь къ своей-то принцессѣ, Адамка?

Мать Агаѳьи слѣдила за Адамомъ въ оба, обшаривала его карманы и боялась, чтобы онъ не стащилъ чего изъ дому своей кралѣ. Тоже, поди, жалѣетъ... Но Адаму нисколько не было жаль Дарьи, а, напротивъ, онъ затаилъ на нее злость и придумывалъ, какъ бы ей отомстить. Агаѳья черезъ знакомыхъ старухъ старалась уговорить Дарью, чтобы она свезла дѣвчонку въ воспитательный, и даже брала на свой счетъ проѣздъ, но Дарья ничего и слышать не хотѣла,

— Точно вотъ на пень наѣхала,—судачили старухи, качая головами и жалѣя Агаѳью.

— Прыть тоже на себя напустила,—ворчала Агаѳья.—Ничего, умыкается скоро...

Передъ Рождествомъ чадовскій сторожъ Гаврилычъ ѣздилъ въ городъ за жалованьемъ къ барину и, вернувшись оттуда, сказалъ, что барыня велѣла Адаму прійти къ ней, когда онъ будетъ въ городѣ. Адамъ выразилъ нѣкоторое сомнѣніе.

— На что я ей понадобился?

— А ужъ тамъ узнаешь... Должно полагать, что-нибудь насчетъ подряда для дачи. Бревна какія-то вывозить...

— Пущай отецъ ѣдетъ...

— Нѣтъ, тебѣ наказывала прійти.

Отецъ Евсей подумалъ, посовѣтовался съ женой и отправилъ въ городъ Адама. Съ бариномъ Чадовымъ нельзя шутить: чего захотѣлъ—вынь да положь.

Чадовы занимали великолѣпную квартиру на Николаевской улицѣ. Адамъ пробрался чернымъ ходомъ и былъ радъ, когда увидѣлъ въ кухнѣ знакомую по дачѣ кухарку Маланью.

— Барыня ужо выйдетъ,—довольно строго проговорила Маланья и кликнула горничную.

Анна Ивановна, дѣйствительно, не заставила себя ждать и встрѣтила Адама строгимъ вопросомъ:

— Ты это что же дѣлаешь, Адамъ?

— А вы наказывали, барыня, вотъ я и пріѣхалъ.

— Нѣтъ, почему ты не хочешь помогать Дарьѣ? Вѣдь твой ребенокъ-то родился, а ты бы хоть десять копеекъ далъ.

Адамъ во-время вспомнилъ мамынькину науку и довольно спокойно отвѣтилъ:

— Бросьте вы это дѣло, барыня... Да и я-то тутъ ни при чемъ. Зря Дарья на меня наговорила...

— Перестань врать-то, Адамка,—перебила его Маланья,—вся деревня знаетъ...

— И жениться не хочешь и помогать воспитывать ребенка тоже,—корила Анна Ивановна.—Развѣ это хорошо?

— Да вѣдь, барыня, на немъ не написано, что онъ мой, ребенокъ-то?

— Хорошо, я не желаю терять попусту слова и спрашиваю тебя въ послѣдній разъ: будешь воспитывать ребенка или нѣтъ?

Адамъ почесалъ въ затылкѣ и съ улыбкой отвѣтилъ:

— Барыня, а какъ же насчетъ торгующихъ по дачамъ разносчиковъ? Прежде всего, что ихняя работа...

Анна Ивановна покраснѣла отъ негодованія, но ее выручила Маланья, которая накинулась на Адамку съ какимъ-то остервенѣніемъ:

— А ты посчитай-ка по мѣсяцамъ-то? Какіе въ апрѣлѣ разносчики по дачамъ... Это твоя мать Агаѳья придумала. Считала бы мѣсяцы-то у своей снохи Марьи.

Сцена получилась тяжелая, глупая и грубая. Дѣло было такъ серьезно, что всякое новое слово являлось лишнимъ. Анна Ивановна повернулась и уже въ дверяхъ сказала Адаму:

— Не безпокойся, мой милый, я уже все устроила... да. У васъ состоятельная семья, а вы относитесь къ Дарьѣ хуже, чѣмъ къ бездомной собакѣ.

— Помилуйте, барыня, да ежели бы я...—заговорилъ Адамъ.

— Довольно, я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло,—рѣшительно заявила Анна Ивановна.—Если вы хотите плутовать и обманывать, такъ я всѣхъ васъ выведу на свѣжую воду.

Когда взбѣшенная барыня ушла, въ кухню вошла горничная Стеша и, глядя на Адама злыми глазами, проговорила:

— Будетъ тебѣ два неполныхъ отъ барыни... Это вѣдь не Павелъ Игнатьичъ.

На Адама напала вдругъ храбрость. Скажите, пожалуйста, что̀ ему какая-то барыня Анна Ивановна? Плевать, и больше ничего.

— Мнѣ? Барыня?... Вотъ вамъ ваша барыня...

Адамъ сдѣлалъ изъ пальцевъ неприличную фигуру и ушелъ, не простившись даже съ Маланьей.

Настоящая русская барыня погорячилась бы, поволновалась, даже поплакала, а потомъ бы все бросила, но, на несчастіе Адама, Анна Ивановна получила англійское воспитаніе и рѣшила довести дѣло до конца. У ней нашлись и знакомый адвокатъ, и знакомый товарищъ прокурора, и знакомый слѣдователь,—однимъ словомъ, все, что̀ только было нужно для дѣла. Маланья и горничная Стеша принимали въ дѣлѣ немалое участіе, и въ концѣ января Анна Ивановна отправилась съ Стешей сама въ Вихры, чтобы уговорить Дарью начать дѣло надлежащимъ судебнымъ порядкомъ. Матрена страшно перепугалась, когда къ ней въ избенку явилась сама чадовская барыня. Когда Анна Ивановна объяснила цѣль своего пріѣзда, старуха взмолилась:

— Охъ, голубушка барыня! Да куда же намъ тягаться съ Евсеевой семьей... Они богатые, всѣ будутъ за нихъ... Они обозлятся и со свѣту насъ сживутъ.

— Ничего, Матрена,—успокаивала Анна Ивановна.—Они будутъ имѣть дѣло со мной. Я ужъ все устроила... Адама присудятъ выдавать на воспитаніе дочери по три рубля въ мѣсяцъ до совершеннолѣтія, т.-е. до семнадцати лѣтъ.

Матрена даже замахала въ ужасѣ руками. Дарья-то вѣдь все-таки виновата, и ей же будутъ за ея вину платить. Эта комбинація никакъ не укладывалась въ ея запуганной головѣ.

Анна Ивановна принялась за дѣло со свойственной ей энергіей и подала отъ имени Дарьи заявленіе прокурору. Адамъ былъ вызванъ повѣсткой къ слѣдователю. Онъ держалъ себя на предварительномъ слѣдствіи самымъ невозможнымъ образомъ, отъ всего отпирался, лгалъ и старался больше всего о томъ, чтобы очернить Дарью. Вызванные деревенскіе свидѣтели были противъ него.

— Что же, дѣло извѣстное, Адамкинъ грѣхъ,—повторяли они.—Только и Дарёнку, вашескородіе, тоже нельзя вполнѣ одобрить. Адамкѣ-то теперь какъ будто и совѣстно жениться на ней, потому какъ семья у нихъ справная, двухъ лошадей держатъ.

Деревенскіе мужики никакъ не могли опредѣлить, что такое „слѣдственникъ", и знали только одно, что судить будетъ Адамку не онъ, а присяжные въ окружномъ судѣ. Не будетъ судить, а допытываетъ, какъ и что. Были показанія и не въ пользу Дарьи, потому что нѣкоторые мужички озлобились на нее: изволь таскаться въ Лугу, проѣзжайся тамъ, да еще на окружный судъ изъ-за нея потащутъ. Не велико кушанье дѣвка, а вонъ какую кутерьму завела. Конечно, всѣ понимали, что кашу заварила Анна Ивановна, и ругали ее на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Дѣлать нечего этимъ барынямъ, вотъ и суются въ чужія дѣла... Да эту самую Дарёнку растерзать мало.

— Надо бы ее въ волости поучить малымъ дѣломъ,—предлагали деревенскіе дипломаты.—Чтобы и другимъ дѣвкамъ было не повадно... а то всѣ дѣвки разведутъ эту самую моду.

— Да ужъ это сдѣлай милость. Житья отъ нихъ никому не будетъ...

— Это баринъ Павелъ Игнатьичъ показалъ дорогу.

— Извѣстно, его работа.

— А самъ въ кусты. Быдто ничего не знаетъ... Все, молъ, моя Анна Ивановна орудуетъ. Тоже хитеръ...

Вся деревня Вихры волновалась. Ничего еще подобнаго не случалось, всей деревнѣ одинъ срамъ изъ-за Дарёнки. И по другимъ деревнямъ дѣвчонки поднимутся—одна овца пошла, и другія за ней пойдутъ.

IX.

Наступилъ май. Вихры оживились. Всѣ ждали появленія дачниковъ, какъ дорогихъ гостей. У каждаго были свои расчеты. Наглухо заколоченныя дачи постепенно начали принимать жилой видъ. Чадовскій сторожъ Гаврилычъ убиралъ садъ, подсыпая песку на дорожки и поправляя газоны. Въ солнечные дни онъ растворялъ всѣ окна и двери настежь, чтобы провѣтрить комнаты. Вѣдь Анна Ивановна пріѣдетъ и сейчасъ потребуетъ, чтобы вездѣ были порядокъ и чистота. Баринъ никогда и ничего не требуетъ, а барыня—очень. На чадовскую дачу завертывали вихровскіе мужики, чтобы поговорить съ Гаврилычемъ. Предполагалось, что онъ долженъ знать все относительно дѣла Адамки, а только до поры до времени скрываетъ. Эти выпытыванья и мужицкая политика сердили Гаврилыча, и онъ ворчалъ:

— Обсудится Адамка на окружномъ, тогда все узнаете.

— Ужъ это извѣстно,—соглашались политичные мужики.—Оно ужъ извѣстно, не похвалятъ Адамку за его лакомство. А все твоя барыня Анна Ивановна смутьянитъ.

— Анна Ивановна?—обижался Гаврилычъ за барыню.—Тоже ей обидно, потому какъ она вполнѣ понимаетъ женское положеніе. Ну, значитъ, и Дарёнку пожалѣла.

— То-то вотъ, пожалѣла.

Мужицкія руки лѣзли въ затылокъ, выскребая оттуда разъясненія непонятнаго вмѣшательства Анны Ивановны въ совершенно чужое дѣло. Ежели бы Павелъ Игнатьичъ, такъ онъ сдѣлалъ бы наоборотъ. Какъ наоборотъ—никто не зналъ, но всѣ въ этомъ были глубоко убѣждены, какъ раньше были убѣждены въ томъ, что все дѣло ведетъ Павелъ Игнатьичъ, прикрываясь женой

Барыня Анна Ивановна пріѣхала въ Вихры раньше обыкновеннаго, потому что врачи прописали Альфреду свѣжій воздухъ. Самъ Чадовъ куда-то уѣхалъ по дѣламъ и не обѣщалъ вернуться раньше іюня. Анна Ивановна явилась съ одной женской прислугой, которая находилась въ томъ же составѣ, т.-е. горничная Стеша и кухарка Маланья. Въ семьѣ прибавилась только гувернантка, очень милая и строгая старушка m-lle Клара, на обязанности которой было говорить съ Альфредомъ по-англійски. Вихровскіе мужички были увѣрены, что теперь узнаютъ все начистоту. Начались подходы къ Маланьѣ и Стешѣ, но тѣ, очевидно, какъ и сторожъ Гаврилычъ, сговорились ничего не разсказывать относительно Адамкина дѣла.

— Въ одномъ домѣ живете, какъ же не знать?—не вѣрили имъ деревенскіе политики.—Промежду себя господа тоже разговариваютъ, не нѣмые...

Анна Ивановна сидѣла больше у себя въ комнатѣ и рѣдко показывалась даже въ садикѣ. Мужички надѣялись перехватить ее какъ-нибудь въ деревнѣ, когда она пойдетъ къ Дарёнкѣ, но и этотъ планъ не осуществился, потому что барыня послала за Дарёнкой и велѣла принести къ себѣ ея дѣвочку. О чемъ онѣ говорили между собой—Дарёнка скрыла.

— Этакая вредная дѣвка,—ругались мужики.—Знаетъ, видно, кошка, чье мясо съѣла... Туда же, молчитъ, какъ зарѣзанная.

— Ничего я не знаю,—отказывалась Дарёнка.—Дѣйствительно, барыня добрѣющая и сама мыла мою Енаѳу... Двѣ рубашонки подарила, кохту, полузапожки...

Всѣ деревенскія недоразумѣнія разрѣшились быстро, когда Адама и Дарёнку вызвали въ судъ. Вся деревня опять волновалась, заинтересованная исходомъ дѣла, а всѣхъ больше, конечно, семья Евсея. Старуха Агаѳья ходила съ заплаканными глазами, Евсей отмалчивался, а говорилъ за всѣхъ дѣдушка Андронычъ, почему-то особенно нападавшій теперь на Адамку.

— Такъ ему и надо, озорнику... У самихъ дѣвка на рукахъ, какъ не витое сѣно. Ежели бы кто нашу Наташку такъ устроилъ, какъ онъ Дарёнку...

Старикъ почему-то былъ увѣренъ, что Адамку „обсудятъ на высидку", что и было правильно,—ежели наблудилъ, ну, и сиди.

Всю семью охватило нервное настроеніе, отражавшееся на всемъ. Агаѳья рвала и метала, срывала сердце на безотвѣтной снохѣ Марьѣ. Доставалось по пути и Наташкѣ.

Адамка вернулся изъ суда поздно ночью. Онъ пришелъ со станціи пѣшкомъ. Шелъ дождь, и Адамка былъ весь въ грязи. Первая услыхала Агаѳья, когда онъ постучался въ окно. Всѣ слышали, какъ онъ вошелъ въ избу, и только дѣдушка Андронычъ спросилъ:

— Ну, на высидку обсудили?

Адамка тряхнулъ головой и мрачно отвѣтилъ:

— Какая высидка, похуже будетъ...

— Ну?

— Тогда барыня Анна Ивановна сказала, что на три рубля обсудятъ... И обсудили.

— Это какъ же: три рубля?

— А каждый мѣсяцъ, до совершеннылхъ лѣтъ, значитъ семнадцать годовъ...

Агаѳья только всплеснула руками и запричитала, какъ по покойникѣ. Мужики молчали, прикидывая въ умѣ, сколько это будетъ. Вся семья собралась вокругъ стола, на которомъ горѣла дешевенькая лампочка.

— Значитъ, это Анна Ивановна благословила тебя тремя-то рублями?—

замѣтилъ Евсей.—Недаромъ столько время молчала... Вотъ и намолчала. Чисто сдѣлала дѣльце...

— Не она обсуждала-то, а присяжные,—объяснилъ Адамъ.

— Ну, это ужъ пустое... Присяжнымъ-то все равно. Такіе же мужики, какъ и мы...

— Были и изъ купцовъ...

— Сколько же это выйдетъ до совершенныхъ лѣтъ? — спрашивала Агаѳья.

Адамка считалъ всю дорогу, и выходило все разное.

— Сумма выйдетъ, — сурово проговорилъ дѣдушка Андронычъ.

Принялись считать.

— По три цалковыхъ въ мѣсяцъ, это значитъ въ годъ-то голенькихъ тридцать шесть рубликовъ, — высчитывалъ Евсей.

— Вотъ какую бы лошадь можно было купить... — со вздохомъ замѣтила Агаѳья. — Или корову хорошую...

— Молчи! — накинулся на нее Евсей. — Въ годъ, значитъ, тридцать шесть рублей, въ два года... да... Тутъ еще лошадь будетъ тебѣ... Охъ, грѣхи, грѣхи!..

— Не можетъ этого быть! — сказалъ дѣдушка Андронычъ. — Ошибка какая-нибудь...

Считали до самаго утра, ссорились и не могли сосчитать. Адамъ учился въ земской школѣ, но успѣлъ перезабыть первыя четыре дѣйствія и путался. Евсей особенно разсердился на него именно за это.

— Чему только учили тебя, дурака?.. Тремъ свиньямъ корму не сумѣешь раздѣлить... Вонъ мать-то хоть лошадями сосчитаетъ: семнадцать годовъ — семнадцать лошадей. Цѣлый табунъ...

Агаѳья обиженно молчала и больше не вмѣшивалась въ мужицкую ариѳметику. Дѣдушка Андронычъ принесъ свою палку и принялся считать по ней, дѣлая ножомъ одному ему извѣстные нарѣзы, какъ на биркахъ у пастуховъ. Время отъ времени онъ взглядывалъ на Адама и только качалъ головой.

— Нѣтъ, не можетъ этого быть! — повторялъ онъ. — Ежели мужички обсуждали, какъ же они не взяли въ толкъ, что у Адамки ничего нѣтъ... Вѣдь заработокъ-то онъ долженъ въ свою семью нести, а не на сторону. Такъ-то вотъ, Евсей, ты тоже подашь на него жалобу въ окружный... Подайте и мнѣ за него, что я его поилъ, кормилъ до совершенныхъ лѣтъ. Значитъ, теперь онъ будетъ работать на Дарёнку, а отну ни его... Это тоже не модель. Легко сказать: три рубля. Нѣтъ, не можетъ этого быть.

Адамъ помолчалъ. Онъ не смѣлъ сѣсть къ столу и стоялъ какъ подсудимый. Евсей обозлился и только съ трудомъ сдерживалъ себя, чтобы опять не избить блуднаго сына. Сноха Марья, лежавшая съ ребенкомъ въ уголкѣ на лавкѣ, все слышала, но въ общій разговоръ не вмѣшивалась. „Такъ вамъ и надо...“ — думала она, дѣлая видъ, что спитъ.

На другой день опять считали и опять ругались. Больше всѣхъ подымалась Агаѳья, которой запали въ голову слова дѣдушки Андроныча. Если платить Дарёнкѣ за воспитаніе, такъ надо платить и ей, Агаѳьѣ. Почему за незаконнаго ребенка нужно платить, а за законнаго не нужно?

— А вотъ я пойду къ Аннѣ Ивановнѣ, — рѣшила она. — Ея рукъ дѣло, ея и отвѣтъ.

Мужики молчали. Но Агаѳья была спора на руку, собралась живо и полетѣла на чадовскую дачу. Анна Ивановна была дома и приняла ее довольно сухо. Когда Агаѳья принялась голосить и кричать, она спокойно замѣтила ей:

— Сейчасъ я съ вами не могу говорить, Агаѳья... Идите на кухню, успокойтесь, и тогда поговоримъ спокойно.

На кухнѣ Агаѳья голосила до хрипоты, пока Маланья не стала ее усовѣщевать.

— Перестань, матка-свѣтъ... А лучше поговори съ барыней нашей ладкомъ, она же тебя и научитъ, что̀ надо дѣлать. А пока что̀, я тебя кофіемъ угощу.

Агаѳья отказалась отъ кофія и долго всхлипывала. Въ дверяхъ появлялась нѣсколько разъ горничная Стеша и смотрѣла на нее улыбающимися глазами.

— Ты чему обрадовалась? — взъѣлась на нее старуха.

— А ты чего пристаешь? — грубо отвѣтила Стеша. — Не споха тебѣ, чтобы измываться надо мной...

— Ты бы и помолчала, дѣвушка, въ добрый часъ. Не дѣвичье дѣло чаши-то бабьи дѣла разбирать.

— Пусть снохи у васъ молчатъ, у старыхъ изъѣдугъ, — огрызалась Стеша. — Всѣхъ бы съѣла, да руки коротки...

Анна Ивановна тоже волновалась, хотя и по другимъ причинамъ. Ей крайне непріятно было объясняться съ этой деревенской фуріей, но и отступать было неудобно. Да, есть обязанности, которыя необходимо исполнять. Она уже знала объ исходѣ процесса Дарьи и знала, зачѣмъ прилетѣла къ ней эта Агаѳья.

— Поблагодарить пришла васъ, барыня, — плаксиво заговорила Агаѳья, когда барыня позвала ее на террасу.

— Не за что, Агаѳья... — спокойно отвѣтила Анна Ивановна, стараясь не раздражаться.

— Какъ не за что? Устропли вы моего Адамку вотъ какъ... До совершенныхъ лѣтъ долженъ теперь стараться...

— Не чужого ребенка будетъ воспитывать...

— Это еще неизвѣстно, барыня. Руки-ноги никто не оставилъ...

— Ну, я не желаю выслушивать твоихъ глупостей. Дѣло было въ судѣ, и тамъ все выяснилось... Адамъ признался самъ.

— Признаешься, когда на окружной поволокутъ.

Анна Ивановна нервно прошлась по террасѣ и въ упоръ спросила, сохраняя холодный тонъ:

— Я не понимаю, что̀ вамъ отъ меня нужно?

Вмѣсто отвѣта Агаѳья кинулась въ ноги и начала умолять, чтобы добрая барыня „ослобонила“ Адамку отъ трехъ рублей. По пути, захлебываясь отъ напора мыслей, она передала слова дѣдушки Андропыча.

— Тогда и мнѣ давайте по три рубля до совершенныхъ лѣтъ Адамки, — причитала она.

— У тебя есть мужъ, который обязанъ воспитывать своихъ дѣтей, — объясняла Анна Ивановна.

Агаѳья рѣшительно не желала ничего понимать, какъ ни объясняла ей Анна Ивановна настоящій смыслъ судебнаго рѣшенія. Агаѳья ушла домой обозленная и узнала только одно, что Адамкѣ придется выплатить Дарёнкѣ „до совершенныхъ лѣтъ“ ея дочери Енаѳы шестьсотъ двѣнадцать рублей. Эта цифра поразила всѣхъ, и дѣдушка Андронычъ долго оставался съ раскрытымъ ртомъ.

— Что-нибудь да не такъ... — бормоталъ онъ. — На шестьсотъ-то рублей ковъ цѣлую избу можно поставить

Судили, рядили, ругались весь день. Евсей съ горя отправился на станцію и тамъ напился. Какой-то незнакомый мужикъ поздравлялъ его съ богоданной, и онъ чуть съ нимъ не подрался. Вернувшись домой, онъ сильно бушевалъ и все хотѣлъ бить жену, такъ что Агаѳья ночевала у сосѣдей. Адамъ тоже исчезъ, и пьяный Евсей напрасно искалъ его по всему дому. Сохранялъ спокойствіе одинъ дѣдушка Андронычъ, который по обыкновенію дѣлалъ такой видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ.

X.

Анна Ивановна находилась въ очень скверномъ настроеніи духа, хотя для этого, повидимому, рѣшительно не было никакихъ уважительныхъ причинъ. Просто хандрила. Случалось это и раньше, но быстро проходило, а сейчасъ хандра, видимо, не желала ее оставлять. Аннѣ Ивановнѣ даже дѣлалось страшно, когда въ голову къ ней настойчиво лѣзли самыя нелѣпыя и совсѣмъ глупыя мысли. Напримѣръ, ей начинало казаться, что она совсѣмъ не любитъ своего ребенка, а только разыгрываетъ распространенную комедію, подъ названіемъ „Мать и дитя“. Она съ упорствомъ помѣшаннаго слѣдила за каждымъ собственнымъ движеніемъ и ловила самоё себя на каждомъ шагу. Иногда Альфредъ казался ей чужимъ ребенкомъ, и она старалась смотрѣть на него чужими глазами. Да, это былъ хилый, безжизненный рахитикъ, характерный продуктъ вырожденія, несчастный наслѣдникъ безконечнаго ряда чьихъ-то безконечныхъ пороковъ. Самое лучшее для такого выродка—умереть. Нагляднымъ противовѣсомъ являлась немытая и нечесанная деревенская дѣтвора. Господи, какія это здоровенныя дѣтишки, точно сколоченныя. Анна Ивановна по цѣлымъ часамъ возилась съ Енаѳой и безъ конца любовалась этимъ крѣпенькимъ дѣтскимъ тѣльцемъ, пухлыми ручками и ножками, каждымъ дѣтскимъ движеніемъ. Да, вотъ изъ этой Енаѳы вырастетъ при самой ужасной обстановкѣ нормальный человѣкъ, а не какая-нибудь нервная дрянь, въ родѣ ея Альфреда.

Съ другой стороны, она часто думала о самой себѣ и своей жизни и открыла здѣсь безконечную пустоту. Что она такое? Для чего она живетъ на свѣтѣ? Вѣдь если она въ одно прекрасное утро умретъ, то этотъ фактъ произведетъ такой же изъянъ въ общей суммѣ жизни, какъ упавшій съ дерева листъ. Даже вопросъ о томъ, любитъ она мужа или не любитъ — оставался открытымъ и точно ненужнымъ. Вѣдь въ такихъ счастливыхъ супружествахъ дѣти появляются на свѣтъ просто отъ скуки, какъ справедливо острилъ братъ Аркадій.

„Неужели я вступаю уже въ бальзаковскій возрастъ?“ — думала Анна Ивановна, припоминая тѣхъ тридцатилѣтнихъ дамъ, которыя впадали въ унылое разочарованіе.

Мысль о собственной ненужности подавляла Анну Ивановну. И тутъ же рядомъ, въ двухъ шагахъ, какая-нибудь деревнюшка Вихры, гдѣ все нужно и гдѣ все настоящее. Тамъ и жили по-настоящему, работали, радовались, горевали. И когда эта настоящая деревня входила въ близкія отношенія съ бариномъ, наступало быстрое нравственное разложеніе, какъ, напримѣръ, во всѣхъ дачныхъ мѣстностяхъ. Крестьянскія дѣти начинали попрошайничать, бабы вымогали, что умѣли, а мужики превращались въ безсовѣстныхъ грабителей, для которыхъ баринъ и барыня являлись неистощимой статьей легкой наживы. Взять хотя ту же Дарью, которую Анна Ивановна, выражаясь по-деревенски, пожалѣла. Сначала все шло какъ будто хорошо, а потомъ началось молчаливое вымогательство. Матрена, мать Дарьи, приходила въ кухню и высиживала здѣсь цѣлые часы, выжидая момента, когда удобнѣе показаться

на глаза барынѣ. Она такъ плаксиво разсказывала о своей вдовьей нищетѣ, и, очевидно, Дарья то же самое повторяла съ ея словъ. Маленькая Енаев являлась однимъ изъ средствъ разжалобить добрую барыню. Однимъ словомъ, на каждомъ шагу чувствовалась какая-то скрытая порча, которую вносил господа помимо собственнаго желанія.

Деревня для Анны Ивановны продолжала оставаться громаднымъ сфинксомъ, котораго она не могла разгадать и который тянулъ ее къ себѣ. Ей такъ хотѣлось, чтобъ ея Альфредъ вмѣшался въ пеструю и шумливую толпу бѣлоголовой деревенской дѣтворы и раздѣлялъ съ ней вмѣстѣ ея кипучую жизнь. Но здѣсь камнемъ преткновенія являлся страхъ заразы, и Альфреду оставалось только смотрѣть съ тихой завистью издали на счастливыхъ деревенскихъ ребятишекъ, которые не знаютъ ни совѣтовъ знаменитыхъ дѣтскихъ врачей, ни шведской гимнастики, ни англійскаго языка.

Обыкновенно Анна Ивановна дожидалась мужа безъ особеннаго нетерпѣнія, а нынче была очень рада, когда онъ вернулся изъ поѣздки раньше назначеннаго срока. Съ нимъ, конечно, пріѣхали и его неизмѣнные друзья — Хересъ и „адамова голова“. Явился еще третій, совершенно неизвѣстный гость, по фамиліи Ершовъ, съ которымъ Чадовъ познакомился гдѣ-то на желѣзной дорогѣ.

— Какъ онъ смѣшно вретъ, Анюта, — объяснялъ онъ женѣ. — Лучше „адамовой головы“. Притомъ завзятый охотникъ.

— У тебя страсть тащить къ намъ въ домъ всякаго встрѣчнаго, — поворчала изъ приличія Анна Ивановна.

— Нѣтъ, ты послушай сама, какъ онъ разсказываетъ и къ каждому слову прибавляетъ: о!.. Ротъ сдѣлаетъ какъ-то воронкой... Ахъ, чуть не забылъ: знаешь, кто меня привезъ со станціи? Мой другъ, негодяй Адамъ...

— Мнѣ эта исторія уже надоѣла, — жаловалась Анна Ивановна. — Прибѣгала сюда его мать и страшно мнѣ нагрубила... Вообще, нехорошіе люди.

— Ну, теперь у нихъ все устроилось.

— Какъ устроилось?

— Хорошенько не могу объяснить, но Адамъ имѣетъ видъ человѣка, котораго совѣсть совершенно спокойна.

Новый гость, среднихъ лѣтъ мужчина, съ сильной просѣдью, ничего особеннаго собой не представлялъ, кромѣ развѣ того, что улыбался какъ-то особенно хорошо, что̀ приводило Чадова въ восторгъ. Его добродушное пирское русское лицо носило на себѣ явные слѣды „неосторожнаго обращенія съ напитками“, какъ формулировалъ Аркадій Иванычъ пьянство, хотя новый гость рѣшительно ничего не пилъ, кромѣ чаю и квасу. Сизый носъ съ красными прожилками, по-пьяному воспаленные глаза и пьяный опухъ лица являлись какой-то насмѣшкой несправедливой судьбы. Какъ жена охотника, Анна Ивановна давно привыкла къ появленію въ домѣ совершенно неизвѣстныхъ лицъ, которыя такъ же исчезали неизвѣстно куда, какъ и появлялись неизвѣстно откуда. Налицо оставались неизмѣнные двое—Хересъ и „адамова голова“, къ которымъ Анна Ивановна такъ привыкла, что даже не замѣчала ихъ присутствія, какъ не замѣчаютъ мебели.

По меню обѣда, который Чадовъ заказывалъ Маланьѣ самъ, Анна Ивановна поняла, что они гдѣ-то кутили.

— Маланья, у насъ нѣтъ рѣдьки? — спрашивалъ Павелъ Игнатьичъ кухарку немного заискивающимъ голосомъ.

— Помилуйте, баринъ, какая теперь рѣдька...

— Ну, хорошо. Квасъ есть? Я тамъ вяленаго судака привезъ... Пом

маешь? Возьми, отвари его... да... Солененькихъ огурчиковъ... Однимъ словомъ, чтобы была хорошая тюря... Потомъ, я тамъ привезъ вяленой воблы, очисти ее и нарѣжь тоненькими ломтиками... понимаешь? А завтра, къ ботвиньѣ, пирогъ изъ малосольной осетрины, по-сибирски...

Маланья знала вкусъ барина и только въ тактъ кивала головой. Баринъ время отъ времени любилъ поѣсть попроще — соленой капусты съ зеленымъ конопляннымъ масломъ, воблы, тюри, рѣдьки съ квасомъ, рыночнаго рубца и т. д.

— Мы люди простые, русскіе, и любимъ русскую ѣду, — объяснялъ Павелъ Игнатьичъ, заставляя и своихъ гостей ѣсть всякую дрянь.

Передъ самымъ обѣдомъ, когда Анна Ивановна приготовляла въ кухнѣ закуску, на садовой террасѣ послышался громкій хохотъ, который всегда ее возмущалъ. Она вышла въ гостиную и черезъ открытую дверь могла все видѣть и слышать. Передъ террасой стоялъ безъ шапки Адамъ и ухмылялся.

— Ну, ну, говори, — поощрялъ его Павелъ Игнатьичъ. — Ахъ, негодяй, негодяй... Ну, такъ кто тебя научалъ-то?

— А стрѣлочникъ на станціи, онъ, значитъ, изъ солдатъ будетъ, — очевидно, повторялъ свой разсказъ Адамъ. — Ну, дома-то меня живьемъ съѣли за три рубля, которые по суду я обязанъ платить Дарёнкѣ... Ну, а стрѣлочникъ и говоритъ: „дураки вы деревенскіе, и больше ничего“.

— Такъ прямо и сказалъ?

— На что прямѣе... Въ лучшемъ видѣ, гритъ, можно утихомирить твою Дарёнку, ежели дѣйствовать съ умомъ. Да... Ты, грить, первый-то мѣсяцъ заплати ей три рубля вполнѣ. Конечно, грить, жаль, а ничего супротивъ закону не подѣлаешь. А второй мѣсяцъ дай ей два семь гривенъ... Ну, а въ третій отвали полтину — и шабашъ. Пусть опять идетъ обсуждаться на окружный судъ...

— Великолѣпно!..

— До совершенныхъ-то лѣтъ, грить, всѣ кишки изъ нея можно такимъ манеромъ вымотать.

Павелъ Игнатьичъ хохоталъ до слезъ, особенно, когда Ершовъ опредѣлилъ, что у Адама лицо настоящаго комика.

— Да, да, именно комикъ!.. — повторялъ Чадовъ, задыхаясь отъ смѣха. — И какъ это я раньше не замѣчалъ... Адамка, ты — комикъ?

— Не могу знать, Палъ Игнатьичъ...

— Ну, а дома тебя одобряютъ теперь? — допрашивалъ „адамова голова“.

— Даже вполнѣ... Дѣдушка Андронычъ больше всѣхъ. Ну, и мать тоже... А отецъ три дня пьянствовалъ на станціи съ радости.

— Очень милое семейство... о! — замѣтилъ Ершовъ.

Аннѣ Ивановнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Она ушла въ свою комнату и заперлась. Когда Стеша пришла объявить, что барыня больна и не выйдетъ къ обѣду, Павелъ Игнатьичъ широко вздохнулъ, поморщился и проговорилъ:

— У насъ нервы... Адамъ, ты можешь уходить.

Но Адамъ не уходилъ, а стоялъ, повертывая шапку въ рукахъ. Господа были въ веселомъ настроеніи, и ему тоже было весело.

— Палъ Игнатьичъ, на часокъ бы слѣдовало съ вашей милости, — проговорилъ онъ наконецъ.—Ужъ, кажется, старались для васъ вполнѣ...

— О, да ты, дѣйствительно, комикъ... Ступай-ка по-добру, по-здорову домой.

Но Адамъ не ушелъ, а долго еще сидѣлъ въ кухнѣ, пока Анна Ивановна не прогнала его. Ей показалось, что, уходя, Адамъ посмотрѣлъ на нее съ презрительной улыбкой.

„Ахъ, негодяй!“ — подумала она, дѣлая видъ, что ничего не замѣтила.

Вечеромъ Анна Ивановна, совершенно неожиданно для самой себя, устроила цѣлый скандалъ. Павелъ Игнатьичъ предчувствовалъ собиравшуюся грозу, когда она показалась на террасѣ усталая, изнеможенная, съ лихорадочно горѣвшими глазами. Веселая компанія съ самого обѣда не поднималась изъ-за стола, потому что сначала пили кофе съ ликерами, потомъ одни ликеры, потомъ квасъ, потомъ опять ликеры. Положимъ, пьяныхъ не было, за исключеніемъ самого хозяина, у котораго языкъ начиналъ заплетаться. Анна Ивановна прервала какой-то, повидимому, очень веселый охотничій разсказъ и брезгливо проговорила:

— Я вамъ мѣшаю, господа?..

Всѣ дружнымъ хоромъ, конечно, заявили, что Анна Ивановна не только не можетъ никому помѣшать, но что всѣ нуждались именно въ ея присутствіи.

— Оставьте, пожалуйста, господа, ваши любезности...

Почему-то Аннѣ Ивановнѣ особенно не понравился сейчасъ братъ Аркадій, и она начала съ него:

— Кажется, у васъ очень веселое настроеніе сохраняется еще отъ разсказа этого Адама?

— Нѣтъ, мы уже позабыли о немъ, — коротко отвѣтилъ „адамова голова“, поднимая брови. — Да и не стоитъ...

— Какъ не стоитъ? — возмутилась Анна Ивановна, вспыхивая. — Если разсуждать такъ, то всякая гадость и подлость — пустяки... Просто, смѣшно даже — и только.

— Анюта, видишь ли, дѣло глупое во всякомъ случаѣ, — вмѣшался Чадовъ, чего не долженъ былъ дѣлать.

— Глупое?!.. — вспылила Анна Ивановна.

Съ этого и началось. Въ лицѣ брата Аркадія и мужа Анна Ивановна отчитала всю компанію, какъ людей пустыхъ и ничтожныхъ, потомъ расплакалась и убѣжала къ себѣ въ комнаты. На террасѣ нѣкоторое время царило неловкое молчаніе. Всѣ стѣснялись, главнымъ образомъ, Ершова, какъ новаго человѣка, но онъ вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, когда вытянулъ трубой губы и произнесъ свое: „о!“.

— А вѣдь, въ сущности, сестра права,—заговорилъ „адамова голова“.— Дѣйствительно, этотъ Адамъ двояковыпуклый негодяй...

Всѣмъ опять сдѣлалось весело, а Павелъ Игнатьичъ, прихлебывая ликеръ, въ тонъ общему настроенію замѣтилъ:

— Господа, я васъ долженъ предупредить, что я выдерживаю курсъ лѣченія. Докторъ посадилъ меня на карлсбадскую воду,—ну, я и пью: стаканъ карлсбадской, да два стакана кабацкой!

XI.

Вся семья Адама, благодаря совѣту стрѣлочника, дѣйствительно успокоилась, а дѣдушка Андронычъ повторялъ:

— Вѣдь я говорилъ, что такъ невозможно... Ежели каждой непутевой дѣвкѣ платить по три рубля въ мѣсяцъ,—что же это будетъ? Ну, ежели Дарёнка опять родитъ, значитъ, ей еще три рубля до совершенныхъ лѣтъ? Никакъ это невозможно!

Агаѳья торжествовала молча. Она совсѣмъ повеселѣла и только для вида ворчала на всѣхъ. Вотъ, поди, Дарёнка съ матерью радуются, что окружный судъ обсудилъ имъ три рубля... Обсудить-то обсудилъ, а только еще надо ихъ получать.

Даже когда Адамку вызвалъ пріѣхавшій въ Вихры земскій начальникъ, никто особенно не тревожился. И самъ Адамъ шелъ на земскую квартиру съ легкимъ сердцемъ. Конечно, земскій вызываетъ изъ-за Дарёнки, чтобъ ей пусто было... Разговоръ у земскаго начальника былъ короткій.

— Ты Адамъ Моревовъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе...

— Ты судился по дѣлу о незаконномъ прижитіи ребенка?

— Точно такъ, обсуждался вполнѣ и обязанъ тремя рублями до совершенныхъ лѣтъ.

Земскій начальникъ, высокій господинъ въ золотыхъ очкахъ, съ военною выправкой, посмотрѣлъ на бойко отвѣчавшаго Адама и, улыбаясь, прибавилъ:

— Видишь ли, это очень хорошо, что ты признаёшь свои обязанности, но дѣло въ томъ... Да, въ томъ, что, кромѣ уплаты денегъ на воспитаніе ребенка, ты присужденъ еще къ церковному покаянію. Именно, я получилъ распоряженіе изъ духовной консисторіи, которая присудила тебя посѣщать церковную службу каждое воскресенье и каждый праздникъ, т.-е. въ субботу ты идешь ко всенощной и возьмешь записку отъ священника, что былъ у службы, а въ воскресенье—у обѣдни. И въ праздники тоже... Понимаешь?

Но Адамъ ничего не понималъ, а только смотрѣлъ на начальство широко раскрытыми глазами.

— Кажется, понятно?—удивлялся земскій начальникъ.—А ты представишь записки священника мнѣ...

— Никакъ невозможно, ваше высокоблагородіе, — рѣшительно заявилъ Адамъ и даже развелъ руками.

— Почему невозможно?—спросилъ земскій начальникъ уже строго и нахмурился,—ему не понравилась развязность Адама.

— Ваше высокоблагородіе, да вѣдь церковь-то отъ насъ за двѣнадцать верстъ... Никакъ невозможно...

— А... Ну, это, братецъ, ужъ не мое дѣло. А консисторія тебя присудила, и ты долженъ исполнить все безпрекословно... Понимаешь, пришелъ ко всенощной или обѣднѣ, до службы покажись священнику и послѣ службы покажись и возьми отъ него записку.

Домой Адамъ возвращался точно въ какомъ туманѣ. Мать испугалась, когда онъ вошелъ въ избу. На парнѣ, какъ говорится, лица не было.

— Опять нагрезилъ что-нибудь?—спросила Агаѳья.

— Никакъ не опять, а похуже того...

— И все изъ-за Даренки?

Когда Адамъ разсказалъ, зачѣмъ земскій начальникъ вызывалъ его къ себѣ, Агаѳья только всплеснула руками.

— Да что же это такое?—шептала она въ ужасѣ.—Откуда такая бѣда прикачнулась?..

Свой разсказъ Адаму пришлось повторить отцу, когда тотъ вернулся со станціи, а потомъ дѣдушкѣ Андронычу. Больше не было ни злобы ни ругани, и Адамъ говорилъ о себѣ, какъ о постороннемъ человѣкѣ.

— Не иначе дѣло, что все это барыня Анна Ивановна придумала,—соображала Агаѳья.—Отъ нея станется...

— Ну, тутъ совсѣмъ не барыней пахнетъ,—рѣшилъ дѣдушка Андронычъ.

Евсей угнетенно молчалъ. Въ его головѣ промелькнула цѣлая вереница спеціально-хозяйственныхъ соображеній. Это духовное покаяніе было похуже трехъ рублей. Сейчасъ Евсей живо сосчиталъ всѣ свои будущіе убытки отъ духовнаго покаянія Адама. Главное, что выпадали лучшіе и самые дорогіе

праздничные дни лѣтомъ, когда господа въ субботу ѣздили на дачу, а въ воскресенье съ дачи. А за каждый конецъ плата уже установилась въ три рубля. Въ хорошую погоду Адамъ успѣвалъ дѣлать въ праздникъ по два конца, значитъ, выѣзжалъ рублей шесть въ одинъ день. И вдругъ такой заработокъ отпадалъ... Господа жили на дачѣ недѣль десять, значитъ, у Адама выпадало десять воскресныхъ дней, да всѣ праздники, которыхъ наберется тоже не меньше десяти. Въ результатѣ получалась самая обидная сумма будущихъ убытковъ.

Прикинувъ все въ умѣ, Евсей заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ:

— А лошади я тебѣ, Адамка, не дамъ. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ... Твой возъ, твоя и пѣсенка. Ходи въ церковь пѣшкомъ.

Евсей, не желая вступать въ пререканія, вышелъ изъ избы. Пусть Агаѳья съ дѣдушкой Андронычемъ толкуютъ, какъ знаютъ. Старикъ все время молчалъ, уткнувшись глазами въ печь. Получалось что-то совсѣмъ несообразное, а придраться не къ чему. Конечно, вотъ какъ негодяю Адаму нужно каяться, а кто же вмѣсто него на станцію будетъ ѣздить? Агаѳья совершенно упала духомъ и молчала. Ея бабій умъ здѣсь кончался, и она рѣшила про себя, что пусть мужики дѣлаютъ, какъ хотятъ.

— Раненько, видно, мы надъ Дарёнкой посмѣялись,—проговорилъ дѣдушка Андронычъ.—Какъ бы она не посмѣялась надъ нами... Вотъ какое дѣло-то выходитъ, Агаѳьюшка. Тутъ думай, не думай, ничего не придумаешь. Какъ рыба въ неводу мы сейчасъ...

Адамъ молчалъ. Да и что онъ могъ сказать? Когда дѣдушка Андронычъ вышелъ изъ избы, Агаѳья съ какимъ-то ожесточеніемъ проговорила:

— А подпалить чадовскую усадьбу—вотъ и весь разговоръ. Будетъ имъ надъ нами мудрить-то... Да. Посмѣялись надъ нашей простотой, и будетъ.

Адамъ продолжалъ молчать, потому что понималъ, что мать говоритъ совершенно пустыя слова со злости. Онъ тоже какъ-то сразу упалъ духомъ, какъ и всѣ другіе. Это былъ моментъ полнаго отчаянія. Когда Адамъ вышелъ за ворота и остановился, соображая, итти ему или не итти къ барину Чадову, игравшіе у избы Парѳена ребятишки принялись кричать:

— Богомолецъ, богомолецъ, Адамка... Адамка, ты въ церковь собрался?

Деревня уже знала объ его духовномъ покаяніи, и теперь не будетъ проходу отъ однихъ ребятишекъ. Когда онъ выходилъ изъ сѣней и встрѣтилъ на лѣстницѣ сноху Марью, ему показалось, что она точно смѣется надъ нимъ, а безголовая Наташка прыснула въ руку и бросилась въ избу, какъ угорѣлая. Всѣмъ было смѣшно.

Постоявъ за воротами и бросивъ въ приставшихъ къ нему ребятъ палкой, Адамъ зашагалъ по направленію чадовской дачи. Его охватило озлобленіе, и онъ не зналъ, зачѣмъ онъ идетъ. Но и на чадовской дачѣ было уже все извѣстно, и кухарка Маланья встрѣтила его улыбкой.

— Зачѣмъ приволокся-то богомолецъ?—ядовито спросила она его.

Выскочила горничная Стеша и такъ же глупо фыркнула, какъ сестра Наташка. Адамъ стоялъ съ самымъ растеряннымъ видомъ и улыбался кривой улыбкой

— Мнѣ бы Палъ Игнатьича повидать,—заявилъ онъ нерѣшительно.

— Въ самый разъ,—огрызнулась Маланья.

Стеша сообразила, что барину будетъ смѣшно поговорить съ богомольцемъ, и побѣжала съ докладомъ.

— Ступай, ступай,—гнала его Маланья изъ кухни.—Господамъ-то все-таки даровая потѣха будетъ. Нашего барина хлѣбомъ не корми, а чтобы только смѣшное было.

На чадовской дачѣ все лѣто толклись гости, но, на счастье Адама, Ершовъ и Хересъ уѣхали, а оставался одинъ „адамова голова". Когда Адамъ показался у террасы, сидѣвшій съ газетой въ рукахъ Чадовъ умоляюще замахалъ на него руками.

— Охъ, уморилъ, негодяй,—шепталъ онъ задыхавшимся голосомъ.—Все былъ негодяй, и вдругъ—богомолецъ!.. О, ха-ха-ха!

Адамъ смотрѣлъ на веселаго барина злыми глазами и молчалъ.

— Такъ церковь-то за двѣнадцать верстъ?—допрашивалъ Чадовъ, вытирая слезы.—И къ каждой службѣ? Аркадій, ты посмотри на него—совершенный комикъ! Ершовъ опредѣлилъ совершенно вѣрно.

„Адамова голова" равнодушно посмотрѣлъ на Адама своими тусклыми глазами, пожевалъ глазами и ничего не сказалъ.

— Ну, такъ какъ, Адамъ?—продолжалъ Чадовъ.

— А вамъ ближе знать, Палъ Игнатьичъ, — проговорилъ Адамъ, сдерживая злобу.—Ловко вы меня устроили, баринъ.

— Я?

— Обнаковенно, ваша работа. Вотъ какъ посмѣялись надо мной, баринъ... Ни взадъ ни впередъ, вотъ какое мое дѣло сейчасъ.

— Дѣйствительно, дѣло особенное, Адамъ... Что же ты думаешь дѣлать?

— Не знаю... Теперь ужъ вы скажите мнѣ, что дѣлать-то.

— Я уже тебѣ говорилъ: женись на Дарьѣ. Человѣкомъ будешь.

Адамъ молчалъ, опустивъ глаза.

— Чѣмъ она хуже другихъ? — продолжалъ Чадовъ.—Я ужъ тебѣ сказалъ, что буду посажёнымъ отцомъ и Дарьѣ все приданое сдѣлаю.

Эта сцена была прервана Анной Ивановной, которая довольно рѣзко остановила мужа:

— Довольно, Павелъ Игнатьичъ... У тебя все шутки на умѣ, а въ этомъ несчастномъ дѣлѣ рѣшительно ничего смѣшного нѣтъ. Адамъ, иди ко мнѣ въ комнату и поговоримъ серьезно.

Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось жаль Адама. Вѣдь, въ сущности, онъ, вѣроятно, совсѣмъ не злой человѣкъ, а поступаетъ нехорошо просто по невѣжеству. Когда Адамъ конфузливо вошелъ въ кабинетъ барыни и остановился у двери, она заговорила съ нимъ серьезно и просто, какъ съ роднымъ.

— Адамъ, я ужъ тебѣ говорила еще зимой, что будетъ, а вышло еще хуже. Но это все равно, и дѣло не въ этомъ. Ты по собственной совѣсти долженъ жениться на Дарьѣ.

— Да я, барыня... что же я?

— Знаю, знаю... Не хочетъ твоя семья.

Адаму пришлось выслушать цѣлую лекцію о долгѣ, чести и совѣсти, изъ которой онъ понялъ только одно, что барыня держитъ свою линію и не отступается. Анна Ивановна взволновалась, и у нея даже явились въ патетическихъ мѣстахъ слезы на глазахъ.

— Я тебя совсѣмъ не желаю заставлять,—объясняла она, стараясь придать голосу кротость.—Изъ этого, все равно, ничего бы не вышло, какъ изъ всякаго принужденія. А ты подумай хорошенько самъ и потомъ приди ко мнѣ, и тогда поговоримъ еще разъ. Да?

— Да я, барыня... Ахъ, Боже мой!.. Со свѣту вѣдь меня сживутъ дома-то.

— Ну, все уладится помаленьку, а главное—совѣсть...

Ласковые уговоры барыни подѣйствовали на Адама, и, возвращаясь домой, онъ встряхивалъ головой и чесалъ въ затылкѣ. Раньше онъ злобился

на Дарью, а теперь ему дѣлалось какъ будто даже ее жаль. Тоже живой человѣкъ, и если бъ не онъ, такъ ничѣмъ не хуже другихъ деревенскихъ дѣвокъ.

„Эхъ, кабы не маменька...“—думалъ Адамъ вслухъ.

Каково было удивленіе Адама, когда отецъ встрѣтилъ его такими словами:

— Ну, Адамъ, будетъ, видно. намъ смѣшить добрыхъ-то людей. Завтра посылаемъ сватовъ къ Дарьѣ... Значитъ, воопче судьба.

Это рѣшеніе состоялось на семейномъ совѣтѣ, какъ мѣра наказанія Адама, а съ другой стороны—какъ средство сохранять ежемѣсячно три рубля и дорогіе прогульные дни.

Въ первую минуту Адамъ не повѣрилъ собственнымъ ушамъ и смотрѣлъ на отца растерянными глазами.

— Нечего глядѣть-то,—дѣловымъ тономъ замѣтилъ Евсей.—Ужъ, видно, такъ все дѣло вышло... Противъ судьбы, какъ противъ воды, не пойдешь. Твой возъ—твоя и пѣсенка.

XII.

Свадьбу сыграли скороспѣлкой, безъ особенныхъ расходовъ. Чадовъ былъ посажёнымъ отцомъ, какъ обѣщалъ. Онъ устроилъ Дарьѣ все приданое и всѣ свадебные расходы принялъ на себя, а послѣ вѣнца подарилъ Адаму двадцать пять рублей. Агаѳья, конечно, узнала объ этихъ деньгахъ и выманила ихъ у простоватаго Адама. Мать Дарьи, Матрена, пробовала вступиться за зятя, но Агаѳья такъ ее отчитала, что старуха едва уплела ноги домой.

„Тоже роденьку Богъ послалъ,—уныло думала она, перебирая въ умѣ полученныя обиды.—Змѣя подколодная эта самая Агаѳья...“

Положеніе молодой снохи въ домѣ получалось самое невозможное. На нее никто не обращалъ вниманія, какъ на забѣжавшую съ улицы кошку, а мужъ Адамъ боялся слово пикнуть. Дарья тоже боялась всѣхъ, а особенно Наташки, которая потихоньку высмѣивала каждый ея шагъ. Было бы лучше, если бъ ее прямо бранили и попрекали каждымъ кускомъ, какъ старшую сноху Марью. Впрочемъ, затаенная злоба всей семьи изливалась на маленькую Енаѳу, которая мѣшала въ домѣ рѣшительно всѣмъ, какъ заноза. Особенно измывалась Агаѳья, возненавидѣвшая дѣвчонку, и не называла ее иначе, какъ змѣенышемъ. Вообще, это была самая тяжелая месть, какую только можно было придумать, и Дарья потихоньку пролила много дешевыхъ бабьихъ слезъ.

А тутъ еще вернулся со службы солдатъ Николай, мужъ Марьи, и теперь въ семьѣ Мореновыхъ сдѣлался адъ. Въ первые дни Марья не выходила изъ синяковъ, и Агаѳья точно радовалась, что сынъ учитъ сноху безъ устали, не то, что безпутный Адамка. Дѣло выходило „изъ-за мѣсяцевъ“, т.-е. дѣвочка Марьи родилась раньше срока, который полагался послѣ побывки мужа. Въ сущности, Марья рѣшительно ни въ чемъ не была виновна, потому что ребенокъ родился раньше двумя мѣсяцами отъ непосильной работы загнанной снохи. Сорвавъ сердце, Николай все-таки опомнился. Въ немъ проснулся хозяйственный мужикъ съ одной стороны, а съ другой—дошли слухи, что на службѣ въ Ригѣ онъ прижилъ съ какой-то нѣмецкой горничной двоихъ дѣтей. Этотъ поворотъ въ поведеніи Николая отразился прежде всего на Адамѣ, на которомъ Николай сосредоточилъ все свое вниманіе.

— Уйду въ городъ и поступлю въ швейцары,—говорилъ Николай матери.—Что я буду на чужіе-то рты работать... Даже совсѣмъ это напрасно.

Агаѳья отлично понимала, куда гнулъ солдатъ, но отмалчивалась. Ей не хотѣлось выдѣлять Адама, чтобы не нарушать дома. Адамка хоть и безпутный, а господа его любили больше другихъ, и онъ со станціи „пустякомъ“

не возвращался. Евсей, тотъ поѣдетъ да съ тѣмъ же и пріѣдетъ домой, да еще наплюкается съ досады.

Изъ затрудненія вывелъ всѣхъ самъ Адамъ, который съ необычной рѣшительностью заявилъ непремѣнное желаніе выдѣлиться изъ семьи. Настойчивость Адама поразила всѣхъ, особенно Агаѳью, которая приписала все сейчасъ же Дарьѣ.

— Дура дурой, а тутъ умѣла научить своего-то дурака,—ругалась она.— Туда же, дѣлиться удумали.

— Я его выдѣлю: дамъ по шеѣ—вотъ и весь выдѣлъ,—ругался Евсей въ свою очередь.

Но Дарья тутъ была ни при чемъ. Она, конечно, была рада такому выдѣлу, но не смѣла даже мечтать о такомъ счастьѣ. Дѣло въ томъ, что Адамъ очень привязался къ своей дѣвочкѣ и не могъ выносить издѣвательства надъ ней матери

— Проживемъ какъ-нибудь,—сказалъ онъ женѣ.—Другіе живутъ, и мы проживемъ.

Ссоры, перекоры и ругань продолжались недѣли двѣ, но Адамъ продолжалъ твердо стоять на своемъ. Ему много помогъ солдатъ Николай, который съ мужицкой политичностью совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣло и отмалчивался.

— Такой хитрущій солдатъ,—сообразила только теперь Агаѳья, начинавшая жалѣть Адама, съ которымъ изъ семьи уходила безотвѣтная рабочая сила.—Ловокъ песъ.. Съ этого не много возьмешь, какъ съ камня лыка драть.

Оставалась надежда на дѣдушку Андроныча, но и тотъ наотрѣзъ отказался судить дѣло.

— Не понимаю я ничего... Старъ сталъ.

Какія были настоящія мысли у старика, Агаѳья такъ и не могла добиться. И впрямь старъ сталъ.

Большую поддержку Адамъ встрѣтилъ совершенно неожиданно у Аппы Ивановны, которая стороной узнала объ его замыслахъ.

— Что же, дѣло хорошее,—одобряла она.—Пока переѣдете къ Матренѣ и поживете тамъ. А потомъ и устроитесь...

— Какъ не устроиться, барыня, — соглашался Адамъ.—Другіе живутъ, не умираютъ.

— Избушку можно поправить, отецъ дастъ лошадь, получишь свою землю.

— Ужъ это извѣстно... какъ у протчіихъ народовъ.

— Дарья-то согласна?

— Да ужъ это обнаковенно... Бабѣ, какъ кошкѣ, первое дѣло—свой уголъ.

Баринъ Чадовъ тоже одобрилъ намѣреніе Адама зажить своимъ домомъ.

— А все изъ-за вашей милости, Палъ Игнатьичъ, — заявилъ Адамъ, ухмыляясь.—Вотъ сколько натерпѣлся... Кабы не ваша вступка, такъ другое бы было, совершенно наоборотъ.

— Что же, самъ будешь благодарить послѣ. Пора и своимъ умомъ жить, Адамъ.

Противъ обыкновенія, Чадовъ говорилъ совершенно серьезно и даже былъ доволенъ, что устроилъ въ жизни хоть одно доброе дѣло.

Раздѣлъ крестьянской земли всегда является тяжелымъ и мучительнымъ, несмотря на самыя лучшія отношенія. На сцену выступаютъ самые непріятные расчеты и эгоистическія соображенія. При выдѣлѣ Адама мать Агаѳья проявляла какое-то неистовство, точно ее грабили. Ей всего было жаль, и она отстаивала каждую пустяковину съ яростью. Добро наживалось годами, а ухо-

дило однимъ днемъ. Евсей отнесся къ дѣлу гораздо проще и добродушнѣе, вспоминая, вѣроятно, собственный выдѣлъ изъ отцовскаго дома. Дѣдушка Андронычъ не вступался совсѣмъ и только повторялъ:

— По-божецки надо ладить, по-божецки. Съ собой ничего не возьмемъ.

Въ концѣ концовъ, когда раздѣлъ состоялся, семья разсталась почти по-хорошему, за исключеніемъ того, что Агаѳья ни за что не согласилась вернуть двадцать пять рублей, которые подарилъ на свадьбу Чадовъ. Въ это дѣло ввязалась Матрена, и старухи сильно повздорили на прощанье.

— Подавитесь вы нашимъ четвертнымъ билетомъ! — ругалась Матрена, теперь уже нисколько не боявшаяся богатой родни.—Тоже надѣлили сынка... Лошадь дали одра, сбруишка рваная, телѣжонка непутящая, и все такъ, а еще называются богатыми.

Расходившуюся старуху Дарья едва уговорила. Она была рада вырваться изъ мужниной семьи въ одной рубахѣ, только бы сдѣлаться самостоятельной хозяйкой, какъ другія настоящія бабы, которыя живутъ своимъ домомъ.

Первые дни обзаведенья у себя дома были омрачены для Адама тѣмъ, что у Матрены въ сущности не было никакого хозяйства, и приходилось обзаводиться заново. Выросшему въ достаточной семьѣ Адаму это показалось особенно горько. Чего ни хватись—ничего нѣтъ. Онъ, конечно, не показывалъ вида, что огорченъ, и крѣпился. А всего больше огорчала его развалившаяся на всѣ четыре угла изба. Онъ долго ходилъ кругомъ нея, осматривалъ каждое бревно и только качалъ головой. Службъ совсѣмъ не было. Матрена сожгла все, разбирая по бревнышку. Гдѣ вдовѣ взять дровъ и на комъ ихъ вывезти изъ лѣсу? И взыскивать не съ кого.

— Ничего, какъ-нибудь.—утѣшалъ Адамъ жену, которая волновалась по меньше его.—Другіе живутъ... Зимой ужо вывезу бревенъ сотню, срубъ поставлю. Печь есть, окна, двери, полы... Немаленьку, годика въ два, все и оборудуемъ.

Но главное зло было впереди, а о немъ никто и не подумалъ. Это былъ маленькій Петрунька, который встрѣтилъ зятя волчонкомъ, мальчикъ ревниво слѣдилъ за каждымъ шагомъ зятя и молча злился. А тутъ еще деревенскіе ребята проходу не даютъ.

— Петька, богатаго зятя вы въ чаю выхлебали... Онъ вамъ обѣдню будетъ служить, богомоленъ!.. А ты будешь дьячкомъ пѣть!..

Петька не разъ дрался съ обидчиками и возвращался домой темнѣе ночи. Потомъ мальчишки объяснили Петькѣ, что зять поправитъ избу, поставитъ новыя службы и выгонитъ его, Петьку, изъ дому. Эти мысли приходили въ голову Петьки и безъ чужихъ наговоровъ. Вотъ какъ богомолецъ обхаживаетъ кругомъ чужую избу. Радешенекъ, что въ чужой домъ забрался. Разъ мальчикъ не вытерпѣлъ и сказалъ Адаму, когда тотъ налаживалъ подъ окномъ какую-то подпорку:

— Чему обрадовался-то, богомолецъ?

— Ахъ, ты!—обругалъ его Адамъ.—Не видишь, что ли, что окно изъ пазовъ вылѣзаетъ? Надо его поправить... не велика радость.

Петька только засмѣялся. Адамъ отлично понялъ все, чего не досказалъ будущій хозяинъ, и у него опустились руки.

Осенью, когда господа собрались переѣзжать съ дачъ, Адамъ пришелъ на дачу Чадова и долго сидѣлъ на кухнѣ у Маланьи.

— Ну что, Адамушка? Обзаводитесь помаленьку? — участливо спрашивала Маланья, принимавшая живое участіе въ судьбѣ налаживавшейся новой семьи.

— Ничего, помаленьку...—уклончиво отвѣтилъ Адамъ.

— Тебѣ, можетъ, барину надо повидать?

— Нѣтъ, мнѣ бы барину одно словечко сказать.

Баринъ былъ дома и позвалъ Адама на террасу, гдѣ пилъ послѣ завтрака кофе.

— Ну, что скажешь, Адамъ?

Адамъ отвѣтилъ не вдругъ, а молча помялся и долго вертѣлъ въ рукахъ рваную шапчонку.

— То-есть никакихъ силовъ нѣтъ, Палъ Игнатьичъ...—проговорилъ онъ наконецъ, точно вытягивая изъ себя слова, какъ бабы поднимаютъ изъ колодца воду ведрами.—Въ пустое мѣсто работаю...

Далѣе слѣдовалъ разсказъ о Петькѣ, который сторожитъ каждый его шагъ.

— Я-то все устрою, а хозяиномъ будетъ Петька!—закончилъ свой разсказъ Адамъ.—Домъ-то все-таки его, какъ я ни старайся. Мальчонка правильно все понимаетъ... Отъ родительскаго дому я отбился, а къ чужому не пристать. Вотъ какое дѣло выходитъ, Палъ Игнатьичъ. Укомплектовали вы меня вполнѣ, можно сказать. Ваша работа!

— Я?—возмутился Чадовъ.—Ахъ, ты, негодяй, негодяй!

— Правильныя слова говорю, Палъ Игнатьичъ!

Чадовъ готовъ былъ вспылить, но почему-то удержался. На него импонирующимъ образомъ подѣйствовалъ главнымъ образомъ тонъ, какимъ говорилъ Адамъ.

— Да, дѣло твое не того!—отвѣтилъ Чадовъ.—Да, случается... гм... надо будетъ подумать.

— А потомъ еще... Палъ Игнатьичъ... по деревнѣ мнѣ проходу не даютъ: „[illegible] богомолецъ!“. Въ другой разъ и обидно!

[illegible] тутъ ужъ я рѣшительно ни при чемъ. А о тебѣ подумаю, за [illegible].

XIII.

Передъ самымъ отъѣздомъ съ дачи Чадовъ послалъ за Адамомъ.

— Стрѣлять умѣешь?—спросилъ онъ, когда Адамъ по своей привычкѣ переминался съ ноги на ногу и глядѣлъ исподлобья.

— Не случалось, Палъ Игнатьичъ. Я и ружья боюсь.

— Ты глупъ, Адамъ!

— Это ужъ какъ вамъ угодно, Палъ Игнатьичъ. Для васъ готовъ стараться завсегда.

— Ну, это все равно... Да... Дѣло въ томъ, что мы арендовали подъ Сиверской охотничью дачу... Да... И ты будешь егеремъ. Понимаешь? Будешь караулить дичь, будешь устраивать облавы, натаскивать собакъ. Однимъ словомъ, дѣла найдется, за милую душу. Согласенъ?

— Какъ вамъ будетъ угодно, Палъ Игнатьичъ.

— Ну, и отлично. Не одинъ будешь служить и присмотришься къ дѣлу. У насъ четыре егеря, ты будешь пятымъ. Можетъ-быть, лучше настоящаго егеря окажешься.

— Ужъ постараюсь, Палъ Игнатьичъ. Въ деревнѣ-то у себя мнѣ окончательно не у чего жить. А какъ же съ Дарьей быть?

— Пока въ деревнѣ останется, а какъ самъ устроишься, тогда и выписать ее можешь. Намъ и баба нужна. Другіе егеря всѣ холостые.

Адамъ только встряхнулъ волосами. Ему было жаль оставлять въ Вихрахъ жену одну. Положимъ, мужняя жена, а все-таки и обидѣть могутъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Чадовъ тутъ же написалъ записку къ главному егерю Софрону Поликарпычу и сказалъ на прощанье:

— Онъ уже знаетъ, что̀ съ тобой дѣлать. За милую душу устроимъ.

Дома Адамъ ничего не сказалъ даже женѣ, а сказалъ только, что Павелъ Игнатьичъ послалъ его на Сиверскую. Дарья, съ тактомъ любящей жены, не стала допытываться, куда и зачѣмъ вышла засылка.

До Сиверской было рукой подать—всего двѣ станціи. Раньше Адаму случалось проѣзжать только мимо, а теперь онъ долженъ былъ выйти здѣсь. Станція очень понравилась Адаму. Кругомъ по деревнямъ и дачамъ господъ лѣтомъ жило видимо-невидимо, и на станціи однихъ извозчиковъ околачивалось близко сотни. Всѣмъ работы хватало. Конечно, сейчасъ, когда господа разъѣхались, станція замерла. Отъ Сиверской Адамъ нанялъ подводу въ охотничій домъ, до котораго считали верстъ двадцать. Дорога шла по шоссе и дѣлалась все глуше и глуше. Охотничій домъ стоялъ въ лѣсу, на берегу рѣчки. Софронъ Поликарпычъ, солидный сѣдой старикъ въ охотничьей сѣрой курткѣ и ботфортахъ, встрѣтилъ Адама довольно сурово.

— Это еще какого сахара Палъ Игнатьичъ прислалъ? Тебѣ съ кнутомъ ѣздить, а не на охоту ходить.

Другіе егеря отнеслись къ Адаму тоже недружелюбно. Одинъ егерь, походившій на цыгана, проговорилъ:

— У насъ не богадѣльня, чтобы всякаго кормиться посылать. У насъ достаточно господъ, окромя Павла Игнатьича, а ежели каждый будетъ посылать своего егеря, такъ цѣлый монастырь выйдетъ.

Этого сердитаго егеря звали Маркычемъ. Сизый носъ обличалъ его пристрастіе къ выпивкѣ. Онъ славился, какъ лучшій дрессировщикъ собакъ и какъ отчаянный смѣльчакъ, ходившій на медвѣдя съ рогатиной одинъ-на-одинъ. Остальные егеря были такъ себѣ, съ бору да съ сосенки. Всѣ жили въ одной избѣ, и только для Софрона Поликарпыча была отгорожена отдѣльная каморка. Пріѣзжавшіе на охоту господа помѣщались въ избѣ рядомъ, гдѣ были устроены три чистыхъ комнаты. Адамъ про себя рѣшилъ, что въ общей егерской ему съ Дарьей мѣста нѣтъ, а если бы Павелъ Игнатьичъ упомѣстилъ его въ господской половинѣ,—дѣло вышло бы въ самый разъ. И егерямъ бы лучше было. Дарья стала бы готовить на всѣхъ, починивала одежду и стирала. Однимъ словомъ, безъ бабы и егерямъ невозможно.

Первые три дня Адамъ чувствовалъ себя чужимъ человѣкомъ въ этой новой обстановкѣ и очень стѣснялся ѣсть хлѣбъ даромъ. Софронъ Поликарпычъ сурово отмалчивался и не давалъ ему никакой работы. У егерей была своя лошадь, и Адамъ очень былъ бы радъ ходить за ней, но Маркычъ не позволялъ и близко подходить къ ней.

— Какъ разъ изведешь живота!—ворчалъ онъ.

Насколько нѣжно Маркычъ относился къ лошади, настолько же былъ свирѣпъ съ собаками-учениками. Адамъ просто не могъ видѣть этой собачьей науки. Особенно было ему жаль одного ирландскаго сеттера, который начиналъ дрожать при одномъ взглядѣ Маркыча. Кормили собакъ плохо, и онѣ смотрѣли на всѣхъ голодными глазами, а по ночамъ выли съ голода.

Сошелся Адамъ раньше другихъ съ Маркычемъ, который таинственно исчезалъ куда-то дня на два и вернулся съ хмельною головною болью. Адамъ ему далъ двадцать копеекъ на опохмелье и точно купилъ его навсегда. Маркычъ сразу сдѣлался точно другимъ человѣкомъ и сообщилъ по секрету, что всѣ остальные егеря—подлецы и воры, а всѣхъ хуже—Софронъ Поликарпычъ.

— Ужо всс узнàешь!—говорилъ онъ, подмигивая.—Около богатыхъ господъ живемъ, а у хлѣба не безъ крохъ. Правдой вѣкъ не проживешь!

Было, вообще, что-то недосказанное, и Адамъ чувствовалъ, что всѣ его какъ будто опасаются и при немъ чего-то не договариваютъ. Войдетъ Адамъ въ избу, и всѣ замолчатъ, что̀ его обижало.

Положеніе Адама сразу улучшилось, когда черезъ недѣлю пріѣхалъ Чадовъ съ „адамовой головой“ на гусиный перелетъ. Адамъ въ первый разъ пошелъ на барскую охоту и цѣлый день таскалъ охотничью сумку и ружье. Чадовъ задыхался на ходу, охалъ и часто садился отдыхать.

— Охъ, смерть моя!—повторялъ онъ, хватаясь за грудь.

„Адамова голова“ былъ легокъ на ногу и вышагивалъ по болоту, какъ журавль. Охота выдалась удачная, — Чадовъ убилъ трехъ гусей, а „адамова голова“ промазалъ. Послѣднее привело Чадова въ какой-то дѣтскій восторгъ, и онъ хохоталъ своимъ тоненькимъ голоскомъ до слезъ.

— Ну что̀, Аркашка? Твои гуси полетѣли умирать?—повторялъ онъ.—Охъ, смерть моя!

Адамъ по-своему былъ радъ за удачу Павла Игнатьича и тоже улыбался, пока „адамова голова“ не накинулся на него.

— А ты чему обрадовался, чучело гороховое?

— Я ничего, Аркадій Иванычъ.

— Молчать, болванъ!

Эта сцена довела веселье Чадова до зенита, и онъ, растянувшись на травѣ, только махалъ короткою, пухлою ручкой.

— Охъ, уморили! Охъ, смерть моя! Аркаша, другъ, довольно! Умираю!

Лицо Чадова надулось какой-то параличною синевой, такъ что Адамъ испугался за него. Вотъ-вотъ барина кондрашка хватитъ, долго ли до грѣха! Человѣкъ рыхлый, закормленный, духъ въ немъ короткій—сразу конецъ!

Вечеромъ господа долго сидѣли за самоваромъ и хвастались по части охоты. Тутъ ужъ очень первенствовалъ „адамова голова“, разсказывавшій самые удивительные случаи изъ своей охотничьей практики. Адамъ стоялъ у двери и старался не смѣяться. Онъ въ первый разъ видѣлъ, какъ настоящіе господа ѣдятъ и пьютъ. У Чадова былъ дорожный погребокъ со всевозможными консервами. Адаму въ первый разъ пришлось откупоривать жестянки съ омарами, шпротами, сардинками и т. д. Изъ любопытства онъ нюхалъ изъ каждой коробки и въ первое время подумалъ, что вся барская ѣда испорчена. А когда дѣло дошло до разныхъ мудреныхъ сыровъ, Адамъ окончательно потерялся. Каждый сыръ такъ вонялъ, что съ души воротило. А тутъ еще „адамова голова“ началъ приставать. Чадовъ быстро захмелѣлъ и только хихикалъ, а „адамова голова“ пилъ рѣшительно безъ всякихъ послѣдствій,—хлопаетъ рюмка за рюмкой, и ни въ одномъ глазу.

— Ну-ка, идолъ, подходи!—приглашалъ онъ Адама, наливая серебряный стаканчикъ джиномъ.—Вотъ тебѣ за твои труды.

Господская водка обожгла Адаму горло, и онъ закашлялся до слезъ.

— А вотъ тебѣ закуска!—предлагалъ „адамова голова“, дѣлая тартинку изъ лимбургскаго сыра.

Адамъ попробовалъ взять въ ротъ господскую закуску, но сейчасъ же выбѣжалъ изъ избы и долго плевался, вытирая ротъ полой своего пальтишка. Ему было обидно, что долговязый чортъ въ глаза смѣется надъ нимъ, а съ другой стороны ему не хотѣлось обижать хохотавшаго Павла Игнатьича, и Адамъ отплевывался уже въ угоду ему.

— Хочешь еще?—предлагалъ „адамова голова“.

— Нѣтъ, ужъ увольте, Аркадій Ивапычъ!—взмолился Адамъ, тепер уже отъ чистаго сердца.—Съ души претъ!

Господа долго потѣшались надъ Адамомъ, заставляя его ѣсть омар сыръ рокфоръ и разныя другія вонючія закуски. А когда дѣло дошло устрицъ, Адамъ отказался наотрѣзъ.

— Да ты попробуй, идолъ!—уговаривалъ „адамова голова“.—Что по-твоему?

— По-нашему, баринъ, это ваше кушанье на манеръ лягушки. похуже лягушки будетъ.

— Да онъ комикъ!—рѣшилъ „адамова голова“.—Ей-Богу, комикъ! По смотри, Павелъ, какая у него рожа! Прямо на сцену... И улыбается углам рта—настоящій комикъ! Ротъ у него, какъ огорѣлаго налима. Ну, Адамъ разскажи, какъ вышло у тебя дѣло съ Дарьей?

— Да вѣдь вы, баринъ, знаете все.

— А ты все-таки разскажи... Что жъ, дѣло житейское. Кто Богу н грѣшенъ.

Адамъ помялся, но второй стаканчикъ джина развязалъ ему языкъ. Он понялъ, что нужно господамъ, и разсказалъ исторію своей женитьбы въ смѣш номъ видѣ.

— Комикъ, рѣшительно комикъ!—восторгался „адамова голова“.—У нег талантъ!

— Просто негодяй!—мямлилъ Чадовъ, икая.—Всѣ егеря негодяи! Адам вѣдь ты негодяй?

— Какъ вамъ будетъ угодно, Палъ Игнатьичъ!

Отъ выпитаго джина у Адама начала кружиться голова, и онъ, как сквозь сонъ, видѣлъ главнаго егеря Софрона Поликарпыча, который какую-то рыбу, потомъ егеря-„цыгана“, который ее жарилъ, засы столомъ Павла Игнатьича, когда рыбу подали,—все точно вертѣлось Адама. Рыбу ѣлъ одинъ Аркадій Ивапычъ, а ему прислуживалъ „цы

— Ты воръ, „цыганъ“?—спрашивалъ „адамова голова“, подавая стаканчикъ джину.

— Для васъ стараемся, Аркадій Ивапычъ! Можно сказать, кожи сво не жалѣемъ.

Когда господа уѣзжали на другой день домой, „цыганъ“ цѣловалъ ру у „адамовой головы“, что удивило Адама. Когда экипажъ съ господами скрыл изъ глазъ, „цыганъ“ съ ожесточеніемъ плюнулъ и проговорилъ:

— Всѣ этому подобные господа—сволочь!

XIV.

Особенное вниманіе, которое Чадовъ проявилъ по отношенію къ Адам для послѣдняго имѣло громадное значеніе. Главный егерь хотя и продолжа не замѣчать его, но это дѣлалось только для видимости, изъ политики. Подв пивъ, „цыганъ“ ругалъ всѣхъ и особенно Софрона Поликарпыча.

— Вотъ я изъ него какъ-нибудь всѣ кишки выпущу!—повторялъ онъ.- Все хватаетъ, всего ему мало! У, идолъ! Вотъ будетъ на облавахъ наживат Усчитай его, попробуй. Тоже другіе господа на водку даютъ всѣмъ егерям а онъ зацѣпитъ одинъ! Я его ужо произведу какъ-нибудь... онъ меня буде помнить!

Въ трезвомъ видѣ „цыганъ“ отличался излишней угодливостью и смот въ глаза Софрону Поликарпычу, какъ дрессированная собака.

— Пропащій я человѣкъ, и больше ничего!—коротко объяснялъ о

Адаму, мучаясь съ похмелья.—Развѣ это жизнь? Конечно, у меня есть жена, въ Питерѣ кухаркой служитъ... одежа у ней всякая, цѣлый сундукъ, потомъ деньжонки откладываетъ въ сберегательную кассу, отъ господъ подарки имѣетъ. Конечно, дѣвчонка у насъ есть, этакъ по восьмому году,—ну, она у тетки живетъ, которая, конечно, за сапожникомъ замужемъ. Я имъ посылаю свой промыселъ: то глухарька, то рыбки, то зайчика. Нельзя, долженъ воспитывать всю семью. Сапожникъ-то мнѣ пріятель, вмѣстѣ по трактирамъ ходимъ. Какъ пріѣду въ городъ, сейчасъ—въ трактиръ. Машина играетъ, уваженіе тебѣ, закуска.

— Почему ты съ женой не живешь?—спрашивалъ Адамъ.

— Я-то?

На этомъ пунктѣ „цыганъ“ какъ-то терялся, начиналъ моргать, безпомощно разводилъ руками и несъ околесную. Оказывалось, что онъ очень любилъ свою жену, хотя и бивалъ подъ пьяную руку. Она и до женитьбы жила горничной у штатскаго генерала съ деревянной ногой. Ну, конечно, гдѣ же на людяхъ дѣвушкѣ соблюсти себя, а тутъ подъ носомъ камердинъ. Ну, конечно, вышелъ бабій грѣхъ, а все-таки Аграфена скопила цѣлыхъ триста рублей. Красивая была дѣвушка, и самъ генералъ приставалъ къ ней и дарилъ подарки. А потомъ, какъ Аграфена вышла замужъ, сейчасъ, напримѣръ, дитё, и сейчасъ, напримѣръ, Аграфена пошла на линію кормилки. Тутъ ужъ была лафа цѣлый годъ. Отъѣлась Аграфена на хозяйскихъ харчахъ, какъ хохмогорская корова, мамошную одежу всю завели ей,—ну, а только черезъ полгода молоко потеряла.

— Моя была проманина,—каялся „цыганъ“.—Не надо было трогать Аграфену, хошь и жена... Ну, конечно, не утерпѣлъ, а она возьми да молоко и потеряй. Я тоже безъ мѣста шлялся... Ну, деньги, которыя накопила Аграфена, и розовые сарафаны, все къ чорту и пошло. Съ горя-то я началъ по трактирамъ шляться...

Подъ пьяную руку „цыганъ“ любилъ разсказывать о женѣ, а о дочери Устѣ говорилъ со слезами на глазахъ.

— Ежели бы не теперешняя моя собачья служба, сейчасъ бы взялъ обѣихъ къ себѣ, и жену и Устю. А всѣ господа — сволочь...

Эти разговоры о семьѣ сильно волновали Адама. Онъ каждый разъ уносился мыслью въ свои родные Вихры, и его сердце начинала сосать тяжелая тоска. Какъ-то перебивается безъ него Дарья, какъ Епаѳа... Адама такъ и тянуло къ родному пепелищу, лучше котораго, конечно, ничего на свѣтѣ не было. Надо бы было послать деньжонокъ домой, но жалованья впередъ никто не платитъ, и приходилось ждать. То ли дѣло въ Вихрахъ: свезъ того же Павла Игнатьича на машину и получай три рубля. Да и сама по себѣ жизнь егеря представлялась Адаму совсѣмъ пустымъ и нестоящимъ дѣломъ. Ни назади, ни впереди, ни около — ничего нѣтъ. Но зиму нужно было пробалтаться въ егеряхъ, а то, все равно, работы не найдешь. По ночамъ Адамъ долго не могъ заснуть, передумывая свою мужицкую думу, и нѣсколько разъ приходилъ въ полное отчаяніе. У него являлась даже мысль бросить все и уйти въ Вихры голодать вмѣстѣ съ Дарьей. Но утромъ мысли въ головѣ Адама мѣнялись, какъ стрѣлки на часахъ. Живутъ же другіе егеря,—ну, и онъ будетъ жить, только бы перетащить какъ-нибудь Дарью.

Верстахъ въ шести отъ охотничьяго дома пряталась въ болотѣ деревушка Горки, гдѣ былъ кабакъ и куда егеря навѣдывались съ особеннымъ удовольствіемъ. „Цыганъ“ за стаканъ водки ходилъ туда, чтобы принести бутылку. И самъ кабатчикъ Ѳомка навѣдывался въ гости къ егерямъ. Это

былъ кривой и сгорбленный мужикъ, считавшій своей обязанностью въ качествѣ кабатчика щеголять въ кумачныхъ рубахахъ. У него были какія-то таинственныя дѣла съ Софрономъ Поликарпычемъ. Они запирались въ каморкѣ и подолгу о чемъ-то шептались.

— Два сапога—пара,—объяснялъ „цыганъ“ съ обычной злостью и начиналъ ругаться, хотя чего-то и не договаривалъ.

— Это у васъ что̀ за птица проявилась? — спросилъ какъ-то Ѳомка, тыкая пальцемъ на Адама.

— Такъ, Палъ Игнатьичъ приспособилъ...—брезгливо объяснялъ Софронъ Поликарпычъ. — Хлѣба не знаетъ куда дѣвать.

— Да-да-а... — протянулъ Ѳомка, оглядывая Адама своимъ единственнымъ окомъ съ ногъ до головы. — Да, воопче...

Другіе егеря переглядывались и улыбались, а Адамъ чувствовалъ себя совершенно чужимъ.

Деревня Горки засѣла въ своемъ болотѣ, точно на зло своему названію. Всѣхъ дворовъ было около полусотни, половина русскихъ, половина чухонскихъ. Жили всѣ одинаково бѣдно и всѣ завидовали другимъ деревнямъ, гдѣ по лѣтамъ жили дачники. Въ Горкахъ никто не желалъ жить. Пріѣдутъ, посмотрятъ и уѣдутъ. Земли было мало, да и та плохая—то болото, то камни. Горкинскіе мужики промышляли въ Питерѣ извозомъ, околачивались около господъ на Сиверской и вообще жили скверно. Адамъ былъ раза два здѣсь, и ему послѣ Вихровъ не понравилось. Какая это деревня, если разобрать,— какъ есть не у чего жить. Какъ жили горкинскіе мужики — являлось неразрѣшимой загадкой даже для нихъ самихъ. Одной изъ доходныхъ статей, между прочимъ, являлась охота, т.-е. облавы, когда требовались десятки загонщиковъ, обкладчики на крупнаго звѣря и т. д. Въ Горкахъ были свои знаменитости по этой части, какъ чухонецъ Кулайне, соперничавшій въ храбрости съ „цыганомъ“

Адамъ съ особеннымъ вниманіемъ присматривался къ Горкамъ, соображая, какъ бы ему упомѣстить здѣсь Дарью. Шесть верстъ не велики, въ недѣлю раза два можно сходить въ гости къ женѣ. Адамъ прицѣнился къ квартирамъ, и дѣло выходило подходящее. Рубля за два въ мѣсяцъ отдавалъ заднюю избу медвѣжатникъ Кулайне. У кабатчика Ѳомки тоже можно было снять на дворѣ избенку.

— Все равно, такъ пустуетъ, — объяснялъ онъ. — А тебѣ бы въ самый разъ. Скучно безъ жены, хоть и считаешься егерь... Д-да.

Ѳомка продолжалъ присматриваться къ Адаму и имѣлъ такой видъ, что все хочетъ что-то сказать и не рѣшается. Между прочимъ, черезъ Ѳомку пришла и вихровская кличка Адама „богомолецъ“. Ѳомка часто ѣздилъ на станцію и тамъ встрѣчалъ вихровскихъ мужиковъ, отъ которыхъ и вызналъ все. Всѣ егеря хохотали надъ Адамомъ до слезъ, особенно Софронъ Поликарпычъ, на время утратившій свою солидность.

— Такъ вотъ ты какой, Адамъ?.. — повторялъ онъ. — Тебѣ бы въ самый разъ въ монастырь итти, а не по нашей волчьей части.

— И вамъ это самое дѣло не вредно, — подзуживалъ Ѳома. — Всѣ ваши грѣхи Адамъ отмолитъ. Ему это за обычай.

Разъ Ѳомка встрѣтилъ Адама на дорогѣ, и они пошли вмѣстѣ. Адаму эта встрѣча была непріятна, потому что Ѳомка постоянно смѣялся надъ нимъ.

— Ну что̀, голубь, каково поживаешь? — покровительственно спрашивалъ Ѳомка. — Сколько жалованья-то получаешь?

— А не знаю... Какъ Палъ Игнатьичъ обозначитъ.

— Однимъ словомъ, все твое жалованье будетъ четыре недѣли въ мѣсяцъ, ятую — спать... На пятнадцать-то рублей не далеко ускочишь.

— Другіе живутъ...

Ѳомка ухмыльнулся и замѣтилъ:

— Какія это деньги, Адамъ... Прежде пятнадцать рублей, дѣйствительно, ыли деньгами, а теперь — наплевать, и только. Вотъ и вся музыка... Другіе-то, ѣйствительно, живутъ, только не на свое жалованье.

Адамъ ничего не понималъ.

— Эхъ, ты...—обругался Ѳомка.—Ничего, какъ есть, не понимаешь!.. Не ойсь, всѣ помалкиваютъ. Народъ прахтикованный... Тотъ же „цыганъ“ съ обой дружитъ, а хлѣбцемъ вмѣстѣ — табачкомъ врозь. Хе, хе... Жаль мнѣ бя, потому какъ ужъ очень ты простъ. Другіе... они, не бойсь, знаютъ свою инію въ лучшемъ видѣ... Что-то я притомился, присядемъ малость перести духъ.

Они присѣли около дороги. Ѳомка досталъ папиросы и угостилъ ими дама. Ѳомка нѣсколько разъ вздохнулъ и все присматривался къ Адаму. отомъ онъ засмѣялся и, хлопнувъ Адама по плечу, проговорилъ:

— Ты на меня не сердись, Адамушка, а ты того... не то, чтобы совсѣмъ уракъ, а около этого самаго. Егеря-то вотъ какъ ловко подъ тебя тѣнь навоатъ... хе, хе!.. А сами боятся... Знаетъ кошка, чье сало съѣла. Понялъ?

Адамъ продолжалъ ничего не понимать. Ѳомка сталъ на колѣни и, кладывая пальцъ за пальцемъ, принялся перечислять, сколько господа арепуютъ кругомъ земли подъ охоту.

— Всю округу господа захватили, — продолжалъ Ѳомка, уставъ считать. — ля собственнаго удовольствія ничего не жалѣютъ... да. А гдѣ же наше, ужицкое? Не понимаешь? Хе, хе... Очень даже просто: въ недѣлю-то я сколько ереправлю дичи въ городъ. Лѣтомъ по дачамъ ее продаю... Понялъ?

— Теперь понялъ!

— На егеря-то никто не подумаетъ насчетъ такихъ дѣловъ. Да и дичинѣ то самое не душевредно... Ей-Богу! Ежели бы ея развелось видимо-невидимо, акъ она другъ дружку бы ѣсть стала. Много ли господа перестрѣляютъ, остальную все равно волки да лисы передушатъ. Такъ я говорю? А рябикъ-то въ Питерѣ на Сѣнной стоитъ гривенъ восемь, а сѣрая куропатка и есь рубль цалковый. Тоже утку возьми, глухаря, тетеревовъ, куликовъ разыхъ, которыхъ господа особенно обожаютъ, — и не сосчитаешь всего добра. А ты поставилъ тутъ силочикъ, въ другомъ мѣстѣ силочикъ, десятка два илочковъ—рубликовъ на пять и заработаешь въ одну недѣлю. Понялъ?

— А ежели поймаютъ?

— Ну, вотъ и вышелъ круглый дуракъ!.. — возмутился Ѳомка. — Кто ойматъ-то? Самъ себя будешь ловить? А у другихъ егерей у самихъ рыльце въ пушку... Одно ремесло-то у всѣхъ. Да... Напримѣрно, у тебя жена — долконъ ты ее воспитывать, али нѣтъ? А птичка Богомъ на потребу человѣку создана, такъ и въ Писаніи сказано. Однимъ словомъ, плодитесь и размножайтесь. Утокъ-то налетитъ къ вамъ на дачу не одна тыща, господа перестрѣляютъ сотни двѣ, а другія осенью и улетятъ домой. Ну, чего ихъ жалѣть? Не ты, такъ другой убьетъ. У волка въ зубѣ — Егорій далъ, такая и оговорка.

Адамъ нерѣшительно улыбался и крутилъ головой. А Ѳомка не унимался и проговорилъ уже шопотомъ:

— Дичина — одно, а тутъ недалеко отъ насъ Ордежъ выбѣгаетъ... ключи, мѣсто быстрое, зимой не замерзаетъ... Ну, тамъ форель — рыба такая — прямо

стадами ходитъ. Положимъ, мѣсто казенное, кругомъ сторожа съ ружьями, а и тутъ у хлѣба не безъ крохъ... Ну, да объ этомъ послѣ. Твой-то „цыганъ“ — ухъ! — ловокъ на это самое дѣло..

XV.

Въ Вихрахъ крестьяне много наживали около господъ, но чѣмъ ближе къ Питеру, тѣмъ нажива шла сильнѣе, пока дѣло не доходило до того, что мужики начинали жить однимъ бариномъ. Свое крестьянское хозяйство распускалось, и вся жизнь сводилась только на то, чтобъ околпачить хорошаго, покладистаго барина, какъ Чадовъ. Адамъ быстро пошелъ именно по этой дорожкѣ и скоро освоился со всѣми способами и пріемами такого околпачиванья. „Правдой вѣкъ не проживешь“, „не я, такъ другой сорветъ“, „господская копеечка дикая“, „у хлѣба не безъ крохъ“, — это былъ цѣлый рядъ оправданій, причемъ и воровство теряло значеніе воровства, а принимало форму дѣйствія, въ юридическомъ смыслѣ безразличнаго.

— Все отъ господъ, — объяснялъ „цыганъ“. — Первые-то воры господа и есть... Откуда у нихъ деньги? Ежели не самъ укралъ, такъ наворовано было родителемъ или дѣдушкой... Музыка извѣстная. Наглядѣлся я на господъ вполнѣ достаточно, когда еще въ доѣзжачихъ служилъ. У насъ въ Тамбовской губерніи баринъ настоящій, природный, не то что здѣшніе господа — все какіе-то нѣмцы да анжинеры. Такъ, съ бору да съ сосенки, а названіе — господа.

За глаза всѣ перебивавшіеся около господъ считали своимъ долгомъ бранить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, точно этимъ выкупали свое мужицкое униженье, подлаживанье и всяческое „подражаніе подъ господъ“. Вѣроятно, на этомъ основаніи и воровство не считалось порокомъ, а чѣмъ-то въ родѣ спорта, кто чище подведетъ и обманетъ барина.

Адамъ скоро понялъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ уже по торной дорожкѣ и даже превзошелъ по части браконьерства другихъ егерей, такъ что Ѳомка только похваливалъ его.

— Изъ тебя будетъ толкъ, Адамка, — хвалилъ кабатчикъ. — Старайся, человѣкомъ будешь...

Первыя деньги, полученныя за воровски убитую дичь, Адамъ переслалъ Дарьѣ и былъ глубоко счастливъ. Въ мѣсяцъ-то можно было и всѣ тридцать рублей заработать. Всѣ егеря работали втихомолку, скрывая другъ отъ друга свои плутни. Адамъ быстро наловчился въ новомъ промыслѣ и утѣшалъ себя только тѣмъ, что все равно, если онъ не украдетъ, то украдутъ другіе, да и птички Божіи, никто ихъ не считалъ. Одно только смущало Адама: другіе господа — наплевать, а когда пріѣзжалъ Чадовъ — ему дѣлалось совѣстно. Ужъ очень хорошій и душевный баринъ, особенно, когда пріѣзжалъ одинъ. Адамъ скоро „привѣсился“ къ Павлу Игнатьичу и выучилъ всѣ его повадки. Если пріѣхалъ въ компаніи — одно, а пріѣхалъ одинъ — другое. Въ послѣднемъ случаѣ онъ бралъ всегда Адама. Закладывали лошадь въ охотничьи сани на высокихъ копыльяхъ и отправлялись стрѣлять съ подъѣзда тетеревъ изъ винтовки. По Адамъ зналъ, что барину тетерева не нужны, а только бы убить время. Для видимости поѣздятъ по тетеревинымъ мѣстамъ, убьетъ Чадовъ штукъ пять, а потомъ и скажетъ:

— Развѣ у огонька, Адамъ, посидимъ?

— Въ лучшемъ видѣ, Палъ Игнатьичъ...

Посидѣть въ лѣсу у огонька для Чадова было высокимъ наслажденіемъ. Они выбирали гдѣ-нибудь громадную ель, Адамъ разгребалъ подъ ней снѣгъ

устраивалъ костеръ. Чадовъ присаживался къ огоньку и проводилъ цѣлые часы въ какомъ-то полуоцѣпенѣломъ состояніи. Сидитъ, смотритъ на огонь и долго молчитъ. Обыкновенно разговорчивый въ компаніи, любившій пошутить и посмѣяться, здѣсь Чадовъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ, и Адаму часто казалось, что баринъ какъ будто немного тронулся умомъ. Сидитъ-сидитъ у огня и вдругъ спроситъ:

— А что, Адамъ, бываетъ тебѣ скучно?

— Даже очень скучно завсегда, Палъ Игнатьичъ, какъ раздумаешься о Дарьѣ.

— Ну, Дарья—это совсѣмъ другое, а такъ... вообще... Просто, скучно... и конецъ. Все у тебя есть, все идетъ хорошо — и вдругъ тоска!.. Случается съ тобой?

Адамъ затруднялся что-нибудь отвѣтить на такой вопросъ, потому что никогда не испытывалъ безпредметной тоски, а тутъ надо еще потрафить барину, угодить въ самую точку. Вѣрный рабъ переминался, чесалъ въ затылкѣ и начиналъ нести что-то безсвязное и ни съ чѣмъ не сообразное.

— У насъ въ Вихрахъ такой случай, Палъ Игнатьичъ, случился съ одной бабой... да... Вотъ такъ-то: скучно да скучно. Мужъ ее и колотилъ не одинъ разъ, и знахарка отчитывала... да... конскимъ потомъ одинъ ее старичекъ отпаивалъ, потому какъ, говорятъ, у ней, у этой самой бабы, бѣлый червь завелся и сосетъ... Тоже вотъ на станціи съ однимъ столяромъ у насъ было... Водкой онъ ошибался... да... Какъ закутитъ, такъ все съ себя до нитки и пропьетъ... А хорошій былъ плотникъ... Тоже вотъ тосковалъ...

Чадовъ совсѣмъ не слушалъ этихъ объясненій, а только слышалъ самый ритмъ словъ и, когда Адамъ умолкалъ, говорилъ:

— Ну, ну, чего остановился? Разсказывай что-нибудь.

— Что разсказывать-то, Палъ Игнатьичъ?

— А что хочешь, то и разсказывай.

Сначала Адамъ стѣснялся зря болтать, а потомъ привыкъ и разсказывалъ, что взбредется въ башку. Чадовъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на огонь, какъ пламя охватывало дрова, какъ густой дымъ набивался въ хвою ели, какъ таялъ и шипѣлъ около костра снѣгъ. Впереди разстилалась какая-нибудь лѣсная поляна, засыпанная ровнымъ слоемъ снѣга. Тихо и безжизненно кругомъ, точно все притаилось и замерло. О жизни говорили только заячьи слѣды на снѣгу да шелуха отъ еловыхъ шишекъ, которая валилась съ елки, благодаря жившимъ въ ней бѣлкамъ. Тоска еще сильнѣе охватывала мудренаго городского барина, и ему хотѣлось плакать.

— Ахъ, какая тоска, Адамъ!.. Такъ какъ плотникъ-то, ну, который пьянствовалъ?

— А въ водѣ его нашли, значитъ, утопился въ Лугѣ...

— Ну тебя... Тоже и разскажешь. А тебѣ не хотѣлось утопиться?

— Что вы, баринъ... Плотникъ-то и крестъ съ себя снялъ, какъ пошелъ топиться.

Когда Чадовъ пріѣзжалъ особенно скучный, Адамъ старался его развеселить и разсказывалъ что-нибудь о мужикахъ, какъ они обманываютъ господъ. Чадовъ хохоталъ тоненькимъ голосомъ, хлопалъ себя коротенькой ручкой по колѣнкѣ и, захлебываясь, повторялъ:

— Ахъ, негодяй, Адамъ... да, негодяй!.. Ну, а ты кого обманываешь?

Этотъ вопросъ сначала сильно смущалъ Адама, и ему казалось, что баринъ все знаетъ и только притворяется, что будто ничего не понимаетъ. У Адама на совѣсти лежало много погубленныхъ имъ птичьихъ жизней.

— Я-то простъ, Палъ Игнатьичъ,—объяснялъ онъ, оправившись. — Изъ-за своей простоты вотъ сюда попалъ.

— А чѣмъ тебѣ худо здѣсь, негодяй?

— Худого нѣтъ, да и хорошаго тоже не много. Какой я есть правильный крестьянинъ, ежели у меня ни кола, ни двора, ни живота? Вотъ ежели бы сколотиться деньжонками, купить лошадку рублей за семьдесятъ, ну, лѣтній экипажъ около того же, ну, и сталъ бы сразу человѣкомъ. Въ Вихрахъ-то мнѣ не жить, потому кличка у меня тамъ, а вотъ на Сиверской можно бы оборотиться. Въ мѣсяцъ-то на худой бы конецъ рублей сорокъ заработалъ... И даже очень просто. Годика бы три поработалъ, глядишь, избушку бы себѣ купилъ, потомъ приспособилъ бы дачку для господъ.

— И всего только нужно полтораста рублей?

— Даже за глаза довольно... Дарья бы ягоды продавала, грибы, ну, по стиркамъ ходила. Она вполнѣ можетъ подражать подъ господъ. Господа-то еще не успѣли бы подумать, что имъ требуется, а моя Дарья ужъ тутъ. Смышлястая баба, однимъ словомъ...

— А ты ее любишь?

Этотъ вопросъ всегда смущалъ Адама. Ему казалось, что Павелъ Игнатьичъ смѣется надъ нимъ.

— Какъ же не любить, ежели родная жена.

— Такъ всего полтораста рублей?—повторялъ Чадовъ, забывая о Дарьѣ.— И на всю жизнь былъ бы счастливъ?

— Всякій человѣкъ, Палъ Игнатьичъ, будетъ счастливъ.

Чадовъ долго смотрѣлъ на добродушное лицо Адама, и ему дѣлалось какъ-то немного совѣстно. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ предложить эти деньги Адаму, но все откладывалъ, какъ вообще откладываются добрыя дѣла.

— Адамъ, а ты хотѣлъ бы быть бариномъ? — спрашивалъ онъ.

Адамъ ухмылялся, чесалъ въ затылкѣ и ничего не могъ отвѣтить.

— Почему же ты завидуешь господамъ? Вѣдь баринъ не надѣнетъ на себя двѣ или три шубы, не съѣстъ двухъ обѣдовъ, не поѣдетъ въ двухъ экипажахъ?.. Потомъ, у барина и настоящаго аппетита никогда не бываетъ, и настоящаго сна тоже. Вотъ я иногда смотрю на тебя и завидую... да, завидую. Если бы хоть одну ночь выспаться по-настоящему, какъ ты спишь... Вѣдь ты не знаешь безсонныхъ ночей, Адамъ? Ахъ, какъ это ужасно... И тоска, тоска, тоска!.. Готовъ убѣжать отъ самого себя, если бъ это было возможно.

По временамъ на Чадова нападала ничѣмъ не объяснимая болтливость, и онъ разсказывалъ откровенно про себя рѣшительно всю подноготную, начиная съ интимныхъ семейныхъ дѣлъ и кончая своей бывшей службой и настоящимъ положеніемъ.

— Если говорить правду, такъ я на Аннѣ Ивановнѣ женился подъ пьяную руку, — разсказывалъ Чадовъ, глядя на огонь. — Да, это было свинство... Она мнѣ совсѣмъ не нравилась. Я люблю бѣлокурыхъ, жирныхъ женщинъ, у которыхъ на затылкѣ вьются золотые волосики. А моя Анна Ивановна всегда была какая-то костлявая и... невкусная. Единственное, что мнѣ въ ней нравилось, такъ это то, что, когда она смѣялась, у нея такъ мило морщился носикъ. Ну, а потомъ я привыкъ къ ней, какъ привыкаешь къ своимъ туфлямъ или халату. Притомъ у Анны Ивановны особенный характеръ... Она какъ-то умѣетъ покорить человѣка, окружить каждый его шагъ такими мелочами, изъ которыхъ не вырвешься. Иногда я ее обижалъ, но она умѣетъ прощать съ достоинствомъ. Въ этомъ весь секретъ непо-

колебимаго вліянія жен [illegible] на мужчину, когда приходится постоянно ее завоевывать. Теперь я [illegible] Она для меня ни красива ни безобразна, ни молода [illegible] ко человѣкъ. Вѣдь это самое главное... Что такое красивая [illegible] рошло ихъ черезъ мои руки... Нѣмки, француженк [illegible] чанки, венгерки... А сколько денегъ на нихъ вы [illegible] считать. Но все это не то, не настоящее, а только одно с [illegible] стыдно вспомнить. Была одна шведочка, такая бѣлокуре [illegible] кіе, какъ васильки, коса тяжелая... Да... Какъ она люб [illegible] лакала... Тогда я былъ молодъ... гм... однимъ словомъ, ты [illegible]

Чадов [illegible] и предавался воспоминаніямъ, точно его уносила волн [illegible] огня напротивъ въ вѣжливости на корточкахъ. Онъ не [illegible] присутствіи барина на обрубокъ дерева или на полѣно.

— [illegible] ишься смерти?

— [illegible] ся, Палъ Игнатьичъ... Всѣ помремъ.

[illegible] амъ... Вообще, скверно. Былъ Палъ Игнатьичъ и вдругъ — н [illegible] на. А для чего жилъ Палъ Игнатьичъ, по-твоему? Елъ, г [illegible] апиталъ... У меня тысячъ четыреста есть. Ну, и что же? [illegible] а умремъ одинаково, за милую душу.

[illegible] не возьмете ничего, Палъ Игнатьичъ, ужъ это дѣло извѣстное.

[illegible] го-то и есть. Ахъ, тоска, тоска, тоска... А все думаешь, что [illegible] пока, а потомъ что-то такое будетъ, что-то новое, радостное [illegible], и что ты проживешь жизнь не даромъ... Да... А въ сущности [illegible] одно свинство, и никому ты и не нуженъ, и никто о тебѣ не по [illegible]..

XVI.

Мысль о женѣ не давала покоя Адаму. Домой въ Вихры ему не удавалось попасть, потому что стояло самое охотничье время и господа наѣзжали часто. Когда кончилась охота „по чернотропу“, начались облавы. Особеннаго дѣла не было, а уйти нельзя.

— Что, братъ, видно, самъ простъ, да привязанъ хвостъ, — подшучивалъ надъ Адамомъ черномазый „цыганъ“. — Такое ужъ наше охотницкое положеніе...

Разъ только баринъ Чадовъ вызвалъ Адама письмомъ въ городъ. Опять дѣла никакого не было, а просто со скуки барину захотѣлось поговорить объ охотѣ: сколько куропаточьихъ выводковъ, сколько тетеревиныхъ, не видать ли лисьихъ слѣдовъ и т. д. Къ удивленію Адама, Анна Ивановна отнеслась къ нему почти враждебно и даже не дала поѣсть, хотя Адамъ просидѣлъ въ кухнѣ нѣсколько часовъ и видѣлъ, сколько всякаго добра варилось, пеклось и жарилось. Хорошо, что кухарка Маланья удобрилась и сунула ему потихоньку остатки какого-то вчерашняго пирога.

— Поди, скучно безъ жены-то, Адамка? — участливо спросила она.

— Вотъ какъ скучно, Маланья... Кажется, все брошу и уйду домой.

— Итти-то тебѣ, горюнъ, не къ чему. Домъ-то у тебя, какъ разбитый горшокъ... Надо обзаводиться новымъ. Ужо около господъ сколотишься деньжонками.

Чадовъ разговаривалъ съ Адамомъ у себя въ кабинетѣ, лежа на диванѣ. Адамъ стоялъ у двери, повертывая въ рукахъ шапку, которая точно помогала ему говорить.

— Ну, такъ какъ, Адамъ?..—тянулъ Чадовъ, не зная, что бы еще спросить.

— Какъ прикажете, Палъ Игнатьичъ...

— А ты хорошо стрѣляешь, Адамъ?

— А не случалось... Главная причина, ружья нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у тебя нѣтъ ружья.

Чадовъ поднялся, снялъ со стѣны бельгійскую двустволку и, оглядываясь на дверь, проговорилъ:

— Это я тебѣ подарю... да... Только, чтобъ Анна Ивановна ничего не знала. Понимаешь? Учись пока стрѣлять... Можетъ-быть, на медвѣдя придется итти, а ты ружья въ руки не умѣешь взять. Ты боишься медвѣдя?

— А чего мнѣ его бояться, когда я его въ глаза не видалъ.

— Совершенно вѣрно. А ты медвѣдя прямо въ лобъ...

— Прямо въ лобъ, Палъ Игнатьичъ...

— Ты нарисуй медвѣдя на стѣнѣ избы и жарь въ него пулей.

Чадовъ прочиталъ цѣлую лекцію, какъ нужно держать ружье, цѣлиться, спускать курокъ, и заставилъ Адама продѣлывать разные охотничьи артикулы, причемъ Адамъ огорчалъ его каждый разъ, когда спускалъ курокъ, потому что зажмуривалъ глаза. Послѣднее раздражало Чадова, и онъ началъ кричать на Адама тонкимъ голосомъ.

— Какой ты охотникъ, Адамъ? Ты хуже бабы... Ну, еще разъ: разъ... два... три!.. Опять, негодяй, глаза зажмурилъ?!.. Ну, еще...

Анна Ивановна застала ихъ за этимъ скромнымъ занятіемъ и, остановившись въ дверяхъ, только покачала головой.

— Неужели вамъ не надоѣла эта дурацкая комедія?—сказала она строго мужу.

Но Чадовъ уже вошелъ въ ражъ и заговорилъ совсѣмъ тонкимъ бабьимъ голосомъ:

— Анюта, пойми: жму-рить глаза... а! Вотъ возьми ружье и попробуй...

— Этого еще недоставало, Павелъ Игнатьичъ... Довольно. Мнѣ противно со стороны смотрѣть и Адама жаль. Испортится онъ окончательно на вашей охотѣ. Какой онъ сейчасъ человѣкъ?—ни мужикъ ни баринъ, а такъ и будетъ болтаться цѣлый вѣкъ около ничего. Не такъ, Адамъ?

— Это вы правильно, Анна Ивановна...—заговорилъ Адамъ, набираясь смѣлости.—Совсѣмъ даже и не человѣкъ... У настоящаго человѣка и земля, и скотина, и разное обзаведенье.

— Вѣдь не вѣкъ же ты будешь егеремъ, Адамъ?

Адамъ переминался съ ноги на ногу, вертя шапку.

— Я считаю всѣхъ егерей дармоѣдами,—быстро заговорила Анна Ивановна, начиная раздражаться.—Не работаютъ, живутъ подачками, подлаживаются къ господамъ... Фу, какая гадость!

— Я, барыня, безпремѣнно лошадь куплю и буду на станцію господъ возить...

— А гдѣ денегъ на лошадь возьмешь?

— Не знаю...

Шапка Адама завертѣлась съ особенной быстротой, перегоняя его мысли.

— Что же, это хорошо, купить лошадь,—вступился Чадовъ.—Какъ ты думаешь, вѣдь я бы могъ тебѣ купить лошадь, Адамъ? И экипажъ и сбрую... Ну, всего какихъ-нибудь полтораста рублей.

— Даже очень просто, Палъ Игнатьичъ... Человѣкомъ бы сдѣлали на всю жизнь.

— Я и самъ думалъ объ [illegible], Адамъ... Могу и не могу. Деньги для меня не велики, а какъ-то нехорошо. Ну, съ какой стати я тебѣ отвалю такой капиталъ! Никакого резона нѣтъ... Самъ же потомъ посмѣялся бы надо мной... „Вотъ, дескать, попался шалый баринъ, у котораго и деньги-то шалыя“. Вѣдь подумалъ бы?

— Послушай, это уже истязаніе, — [illegible] замѣтила Анна Ивановна и прибавила по-русски: — Ну, отправляйся, Адамъ, домой... Довольно глупостей.

Когда Адамъ выходилъ изъ кабинета, Чадонъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Главное — не жмурить, когда спускаешь курокъ. Это самое главное въ жизни...

Кухарка Маланья не утерпѣла и догнала Адама уже на лѣстницѣ.

— Это тебѣ баринъ ружье подарилъ? И баринъ наказывалъ ничего не говорить? Вотъ-вотъ... Добрѣющій у насъ баринъ. А лошадь тебѣ не покупаетъ? Лучше бы лошадь вмѣсто ружья подарилъ... Оно вѣдь, на худой конецъ, рубликовъ пятьдесятъ дадено.

Кухарка Маланья, кажется, знала все на свѣтѣ, хотя и не выходила изъ своей кухни. Адамъ стоялъ передъ ней съ ружьемъ въ рукахъ и не зналъ, что ему отвѣтить пробойной питерской кухаркѣ. Маланьѣ сдѣлалось его жаль, и она заговорила:

— Ахъ, горюнъ, горюнъ... А хочешь, [illegible], какъ добыть лошадь? Вѣрно тебѣ говорю... Хоша и баба кругомъ, а понимать богу вполнѣ. Ты-то вотъ сидишь у себя на кордонѣ да мухъ ловишь, а другіе вотъ какъ стараются...

— Господскую дичь воруютъ? Знаешь...

— Это само собой, у хлѣба не [illegible]. А вотъ вашъ кабатчикъ Ѳомка раза по два на недѣлѣ гоняетъ въ городъ и эту самую рыбу привозитъ, которую господа больше всего уважаютъ. Ну, какъ ее зовутъ-то?

— Ну, форель... Слыхали.

— То-то, слыхали. А твой Ѳомка развѣ самъ пойдетъ воровать рыбу? Нѣ-ѣтъ, не таковскій, чтобы спину подставлять... Наши же егеря воруютъ да ему и сдаютъ, и всѣ таятся друга отъ дружки. Да... Я-то ужъ все поневолѣ должна знать, потому какъ я варю для господъ эту рыбину. Другая рублей семь стоитъ...

— А ежели рыбные сторожа изъ ружей стрѣляютъ? А поймаютъ, сейчасъ къ мировому и на высидку...

— А ты не попадайся, миленькій. Рѣчка-то, сказываютъ, мелкая, а ночи бываютъ темныя — гдѣ тутъ поймать живого человѣка? Какъ наживешь лошадь, тогда и воровать не зачѣмъ будетъ, а не пойманъ — не воръ. Послушайся, Адамушка, моихъ-то бабьихъ словъ.

Адамъ былъ совершенно пораженъ. Бабьи слова попали въ самое больное мѣсто.

XVII.

Къ себѣ на кордонъ Адамъ вернулся въ такомъ веселомъ настроеніи, что строгій егерь Софронъ Поликарповичъ только покачалъ головой.

— Хлѣбнулъ въ городѣ, богомолецъ? — спросилъ онъ.

— Ни-ни, Софронъ Поликарповичъ, — оправдывался, ухмыляясь, Адамъ, — ни капельки... Вотъ баринъ ружье подарилъ. Ужъ такое ружье — прямо на медвѣдя...

Старшій егерь презрительно смѣрилъ Адама съ ногъ до головы и только проворчалъ сквозь зубы:

— Нечего сказать, похожъ на медвѣжатника, какъ свинья на пятиалтынный... У чадовскихъ-то денегъ давно глазъ нѣту.

Подарокъ Адама возбудилъ и зависть и негодованіе всѣхъ егерей, причемъ всѣ считали своимъ долгомъ обругать его и хаяли на всѣ корки ружье.

— Онъ, Палъ-то Игнатьичъ, только хотѣлъ посмѣяться надъ тобой: ружье на рябчиковъ, а онъ тебя на медвѣдя съ нимъ посылаетъ. На медвѣдя-то со штуцеромъ ходятъ, значитъ, цѣлъ въ середкѣ нарѣзной, а у тебя цѣлы гладкіе, для дроби. Заряди-ка пулей—сразу разорветъ, да еще тебѣ полъ скулы отхватитъ по пути.

Но всѣ эти шутки и ругань не производили на Адама никакого впечатлѣнія, потому что еще дорогой онъ сообразилъ, что ружье можно продать, по крайней мѣрѣ, рублей за двадцать. Вотъ тебѣ половина лошади и готова... Да, ружье—пустяки, а вотъ Маланьины слова-то главное. Сейчасъ для Адама совершенно все было ясно и все такъ просто. Ежели бы не Маланья, такъ и остался бы дуракомъ. Адамъ долго не могъ заснуть въ эту ночь и, лежа съ открытыми глазами, все улыбался. Онъ даже подсчиталъ, сколько рыбинъ надо будетъ ему поймать,—ну, этакъ штукъ съ пятьдесятъ. Вотъ тебѣ и вся лошадь. Да штукъ тридцать на экипажъ. Вихры стояли на томъ же Ордежѣ, и Адамъ сызмальства умѣлъ добывать рыбу и удочкой, и на подѣлыники, и мережкой. Конечно, мережкой всего лучше—съ вечера закинулъ, а утромъ получай.

— А егеришки какіе подлецы,—ругался про себя Адамъ, прислушиваясь, какъ храпѣлъ на полу „цыганъ“.—Сами ворують, а мнѣ бы хоть одно словечко...

По пути Адамъ припомнилъ, какъ кабатчикъ Ѳомка обхаживалъ его, а до настоящаго не договорился. Ходитъ кругомъ да около... Конечно, оно не совсѣмъ хорошо воровать господскую дичь и даже грѣшно, только для господъ все это баловство, а ему спасенье. И Дарью бы выписалъ... Сперва бы она пожила пока въ Горкахъ, ну, а потомъ и на Сиверскую бы переѣхали. Временами у Адама являлась смутная мужицкая тоска, что все это легкое житье, безъ настоящей крестьянской работы, какъ будто даже совсѣмъ пустяки, и онъ припоминалъ крутыя слова дѣдушки Андроныча, который ругалъ отбившихся отъ крестьянской работы мужиковъ. Дѣдушка Андронычъ являлся сейчасъ какимъ-то укоромъ, и Адамъ впередъ оправдывался передъ нимъ. Что же, не всѣмъ же землю пахать да сѣно ставить, надо кому-нибудь и господъ со станціи возить.

Проснувшись утромъ, Адамъ сообразилъ, что сдѣлалъ вчера глупость—былъ въ городѣ и на пути не купилъ мережки. Онъ отправился въ Горки къ Ѳомкѣ. Тотъ съ перваго слова его понялъ, не сталъ ни о чемъ разспрашивать, а далъ мережку и проговорилъ:

— Какъ-нибудь сосчитаемся... А только я ничего не знаю и никакой мережки тебѣ не продавалъ.

Всѣ кабатчики умные, какъ замѣчалъ Адамъ и раньше, а Ѳомка, пожалуй, и Маланьѣ носъ утретъ. Безъ слова все понимаетъ. Положимъ, мережка была старая и нужно было ее чинить, зато безъ денегъ взята. Къ себѣ на кордонъ Адамъ не понесъ эту снасть, чтобы не выдавать себя, а спряталъ ее въ лѣсу. Теперь нужно было вызнать все по части рыбы, которая водилась въ самомъ верховьѣ Ордежа, гдѣ рѣка выбивалась изъ-подъ земли тысячами „ройниковъ“, т.-е. выбуривала студеными ключиками, не замерзавшими и зимой. Мѣсто было болотистое, непривѣтливое. Засѣвшая въ самомъ истокѣ деревушка Зарѣчье тоже не отличалась красотой. Земли было мало, крестьяне перебивались кое-

какъ. Конечно, рыба была подъ носомъ, но [illegible] ее нельзя,— сторожа знали наперечетъ всѣхъ мужиковъ и впередъ [illegible] [illegible], кто подверженъ „художеству“ по части запретной рыбки.

Для отвода глазъ Адамъ прикинулся, что ему нужно положить заплатку на прорванный сапогъ.

— А въ Горкахъ не стало [illegible] сапожника?—накинулся на него какой-то большебородый мужикъ.

— Да у нашего сапожника рука болитъ,—совралъ Адамъ.

— Такъ, такъ, знаемъ мы васъ, хахалей. Не бойсь, на облавы такъ изъ Горокъ берете ребятъ, а сапоги лѣзешь чинить къ намъ.

Оглядѣвъ Адама съ ногъ до головы, ядовитый мужикъ неожиданно прибавилъ:

— Да ты [illegible], не рыбу ли пришелъ воровать къ намъ? Смотри, какъ разъ дробью закусишь. У насъ сторожа-то на это самое простоваты.

Сапожникъ оказался неразговорчивымъ, но Адама выручилъ его подмастерье, у котораго болѣла съ похмелья голова. Онъ догналъ Адама въ сѣняхъ и шепнулъ:

— Ты уже приходи ко мнѣ, такъ мы вмѣстѣ такую уху поймаемъ, чертямъ будетъ тошно. Меня-то сторожа знаютъ и близко къ рѣкѣ не подпустятъ, а ты человѣкъ чужой. Я буду стоять на караулѣ, а ты въ это время орудуй съ мережкой. Одному-то ничего не подѣлать...

Для перваго знакомства Адамъ купилъ новому пріятелю полбутылки водки. Его звали Антономъ. Раньше онъ жилъ не хуже другихъ, но помаленьку „потерялъ себя“ у кабацкой стойки и гнилъ въ кабакъ все что только можно. Однимъ словомъ, пропащій человѣкъ...

По уговору они выбрали зимній день потеплѣе. Ворамъ, дуракамъ, [illegible] и дѣтямъ, какъ извѣстно, сопутствуетъ счастье. Ночь выдалась темная, съ легкимъ снѣжкомъ. Егеря часто уходили по ночамъ осматривать свою дачу, и Адамъ воспользовался этимъ предлогомъ. Отъ кордона до Зарѣчья было около двухъ часовъ ходу, и онъ постучалъ въ окно проваленной избенки Антона часа въ три ночи.

— Въ самый разъ!—похвалилъ Антонъ, впуская гостя.—Сейчасъ самый крѣпкій второй сонъ. Сторожа-то на рѣкѣ вотъ какъ спятъ... Ну, дай Богъ.

Антонъ повелъ пріятеля не улицей, а гдѣ-то огородами, потомъ перешли мостъ и побрели берегомъ рѣки прямо по снѣгу. Антонъ нѣсколько разъ останавливался, прислушиваясь къ доносившемуся изъ деревни собачьему лаю. Благодаря сыпавшемуся снѣгу, ничего не видно было въ двухъ шагахъ. Но покрытая льдомъ рѣка казалась совсѣмъ черной.

— Вонъ подъ тѣмъ деревомъ есть омутокъ,— шопотомъ объяснялъ Антонъ.—По зимамъ рыба тамъ и стоитъ. Она сейчасъ смирная, хоть прямо руками бери... Ты орудуй, а я буду караулить. Чуть что̀—я свисну, ну, тогда только убирай ноги.

Адаму случалось по зимамъ не разъ спускаться въ проруби, когда бабы мочили льны, и онъ смѣло направился къ омуту. Закинуть сѣть около омута было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Адамъ зналъ, что спугнутая сонная рыба пойдетъ вверхъ по рѣкѣ, противъ струи, и его расчетъ оправдался... Вода не показалась ему отъ волненія даже холодной. По дрожавшей въ рукѣ веревкѣ онъ почувствовалъ, что добыча попалась изрядная. Дѣйствительно, въ мережкѣ запуталось цѣлыхъ шесть форелей, вѣсившихъ вмѣстѣ больше пуда. Антонъ запрыгалъ отъ восторга. Домой они вернулись бѣгомъ. У Адама стучали зубы.

— Ухъ, студено!—повторялъ онъ, подпрыгивая.

— Ничего, согрѣемся. Ѳомка отвалитъ ужо цѣлый красный билетъ...

Дома Адамъ переодѣлся во все сухое. Роспили цѣлую бутылку водки и сварили похлебку изъ корюшки. Адамъ долго не могъ согрѣться, и потомъ на него напалъ страхъ. А вдругъ рыбаки-сторожа придутъ и накроютъ прямо съ поличнымъ? Захмелѣвшій Антонъ только хохоталъ.

— Нѣ-ѣтъ, теперь, братъ, шабашъ,—повторялъ онъ.—Главная причина, снѣжкомъ-то всѣ слѣды затруситъ... Ха-ха! Тамъ есть одинъ вредный старичонка, тотъ унюхаетъ...

Кабатчикъ Ѳомка, дѣйствительно, далъ за рыбу десять рублей, и Адаму ужасно было жаль отдавать половину Антону.

XVIII.

Первый успѣхъ совершенно опьянилъ Адама. Въ какую-нибудь недѣлю онъ заработалъ около двадцати рублей,—сумма, по его ариѳметикѣ, громадная. Лиха бѣда заключалась въ томъ, что приходилось барыши дѣлить съ пьянчугой Антономъ. Правда, Адамъ, продавая рыбу Ѳомкѣ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ обсчитывалъ своего сотрудника, но все-таки было жаль напрасно травить деньги. Жадность въ Адамѣ все разрасталась, и онъ скоро дошелъ до того, что началъ платить Антону прямо водкой, причемъ разбавлялъ послѣднюю водой чуть не на половину. Работать одному было немыслимо, особенно зимой, когда прямо изъ воды пришлось бы всему мокрому бѣжать до Горокъ верстъ семь. Всѣ надежды Адама были теперь на лѣтнее время.

Рыбные сторожа въ свою очередь тоже не дремали. По слѣдамъ на снѣгу они видѣли, что кто-то воруетъ рыбу, и устраивали засады, но ловкій воръ точно чуялъ носомъ ихъ коварство и увертывался изъ-подъ носа самымъ дерзкимъ образомъ. По пріемамъ воровства сторожа видѣли, что это не своя зарѣченская работа, гдѣ всѣ воры были наперечетъ, а что воръ навязался со стороны. Одинъ воръ, конечно, не Богъ знаетъ сколько выкрадетъ рыбы, но было задѣто самолюбіе. Въ одно прекрасное утро на кордонѣ появился тотъ самый „вредный старичонка“, о которомъ предупреждалъ Антонъ. Его звали Спиридономъ Косымъ. Старикъ дружилъ съ Софрономъ Поликарпычемъ и завернулъ къ нему побаловаться чайкомъ.

Адамъ сразу сообразилъ, зачѣмъ пожаловалъ „вредный старичонка“, и подслушалъ часть разговора.

— А это у васъ что за сахаръ?—спрашивалъ Косой, прихлебывая горячій чай съ блюдечка.—Что-то раньше не видать было...

— Чадовъ приспособилъ,—пренебрежительно отвѣчалъ Софронъ Поликарпычъ, вздыхая.—Такъ, никчемный человѣкъ... Лодырь.

— Такъ, такъ...

Старики пили чай въ отдѣльной каморкѣ старшаго егеря, и Адамъ могъ подслушать только часть разговора, который подъ конецъ перешелъ почти въ шопотъ. Косой, очевидно, на что-то жаловался.

— Неладно у насъ, Софронъ Поликарпычъ... Воръ объявился и совсѣмъ даже отчаянный.

— Мало ли у васъ въ Зарѣчьѣ своихъ воровъ?

— Нѣтъ, это не та работа. Мы ужъ своихъ-то вызнали до тонкости, а этотъ какой-то безстрашный... Только какъ не издохнетъ въ ледяной водѣ. Прямо человѣкъ на отчаянность идетъ и себя не жалѣетъ...

— У хлѣба не безъ крохъ,—уклончиво отвѣчалъ Софронъ Поликарпычъ, сообразившій, куда гнетъ Косой.

— [illegible], а у васъ какъ?

— [illegible] ничего, все въ аккуратѣ. Вотъ облавы [illegible]. Что-то нынче [illegible] мало наѣзжаютъ. Сѣрыхъ куропатокъ много. [illegible] ихъ слѣда [illegible] видѣлъ, а зайца—уйма! Хоть руками лови.

Когда Косой уходилъ домой, Адамъ проводилъ [illegible] до поворота лѣсной дорожки и подумалъ:

„Проваливай, Косой. Не вамъ Адама [illegible]. Ишь, какъ подкинулъ хвостъ, старый колдунъ“.

„Вредный старичонка“ въ свою очередь [illegible], что некому воровать рыбу, кромѣ вотъ этого самаго А[illegible]. Такой ужъ у него вороватый видъ. Эхъ, поймать бы [illegible], чтобы и другимъ было не повадно.

Адамъ и самъ рѣшилъ оставить [illegible]. Пусть сторожа караулятъ вчерашній день. Къ тому [illegible] настоящіе [illegible] морозы и стали наѣзжать господа на облавы. [illegible] господская [illegible] не понравилась Адаму, какъ самое пустое [illegible]. [illegible] важность [illegible] гонять. Чадовъ пріѣзжалъ обыкно[illegible] головой“ и [illegible] другихъ пріятелей—Хереса, Ершова [illegible] рый въ газетахъ [illegible]. Народъ былъ все веселый, и [illegible] охотничій [illegible], причемъ господа напивались, [illegible] шутили другъ [illegible]. Павелъ Игнатьичъ хохоталъ [illegible] голоскомъ и повторялъ: „[illegible], уморили, отцы! На выставку бы [illegible] куда-нибудь!“. Особенно [illegible] всѣхъ Ершовъ, который къ [illegible] слову прибавлялъ „о“, [illegible] или это необыкновенно смѣшнымъ. [illegible] теперь не обращалъ [illegible] никакого вниманія, точно [illegible] не существовало. Адамъ [illegible] бы онъ [illegible] спросилъ про [illegible], повидимому, совсѣмъ [illegible] своемъ подаркѣ. Учитель [illegible] въ цѣль Адамъ, конечно, и [illegible].

Другіе егеря [illegible] къ облавамъ равнодушно, [illegible]. Всѣ разговоры въ свободное время сводились на медвѣжью охоту, [illegible] безконечная тема, и всѣ знали массу интересныхъ случаевъ. Лучше всѣхъ разсказывалъ „цыганъ“, который изъ какого-то мистическаго уваженія называлъ медвѣдя [illegible]ремъ и увѣрялъ, что онъ поумнѣе будетъ всякаго человѣка.

— [illegible] онъ знаетъ все...—разсказывалъ „цыганъ“.—Ты еще не успѣлъ [illegible], а ужъ онъ учуялъ.

[illegible] почти такъ, что медвѣдь позволяетъ себя убивать только изъ [illegible].

Адамъ скоро познакомился съ массой спеціально-охотничьихъ выраженій: какъ лежитъ медвѣдь „на слуху“, какъ „отсѣкаютъ кругъ“ у берлоги, какъ гонятъ медвѣдя въ пяту, и т. д. Всѣ эти подробности его ужасно интересовали, тѣмъ болѣе, что егерю, который находилъ медвѣжью берлогу, полагалась особенная награда.

— Только ты лу[illegible] ищи...—предостерегалъ его „цыганъ“.—Только время напрасно потер[illegible]. У насъ по этой части Кулайне—мастеръ, потому какъ такое слово знаетъ. [illegible], чухны, по этой части мастероваты.

Дѣйствительно, [illegible] на кордонъ пришелъ чухонецъ Кулайне и объявилъ, что „она [illegible]“,—онъ называлъ медвѣдя „она“. Это извѣстіе заставило всѣхъ встре[illegible]. Значитъ, будетъ настоящая пожива. Медвѣжья [illegible]ава—штука не из[illegible]. Однихъ „кричанъ“ нужно было человѣкъ [illegible]ать. Кричанами [illegible] мужики, которыхъ ставятъ съ трехъ сторонъ [illegible]ги и обязанность которыхъ заключается въ томъ, что они должны кричать [illegible] время. Каждый такой загонщикъ вооруженъ толстой дубинкой. Четвертая,

подвѣтренная сторона предоставляется охотникамъ, на которыхъ кричане стараются выгнать звѣря. Кричане и охотники составляютъ кругъ, оцѣпляющій берлогу, и „отсѣчь“ его составляетъ немалое искусство со стороны главнаго егеря.

Всѣ егеря страшно волновались, а больше всѣхъ Адамъ, которому приходилось участвовать въ медвѣжьей облавѣ еще въ первый разъ. Вмѣстѣ съ „цыганомъ“ онъ ходилъ осматривать берлогу, которая была устроена въ глухой еловой чащѣ.

— Вѣдь вотъ сколько разъ по этому самому мѣсту хаживалъ,—ропталъ „цыганъ“,—и слѣдъ медвѣжій какъ-то видѣлъ, а поискать берлогу не хватило толку.

— И у меня тоже...—прибавилъ Адамъ.

— Обоимъ намъ чухна глаза отвелъ, вотъ и только.

На облаву пріѣхалъ Чадовъ со своими пріятелями да еще два офицера. Всѣ были разодѣты какими-то гороховыми шутами, какъ требовалъ охотничій этикетъ: бѣлыя тужурки на мѣху, бѣлыя шапки, какіе-то бѣлые балахоны, оленьи сапоги и т. д. Получался настоящій охотничій маскарадъ, только безъ обычнаго охотничьяго балагурства. Охотники держались серьезно, какъ заговорщики.

— Нехорошо... господа трусятъ...—шепнулъ Адаму „цыганъ“.—А все отъ перваго выстрѣла зависитъ: какъ промахнутъ по звѣрю, онъ безпремѣнно уйдетъ. Вся надежда на Палъ Игнатьича.

День выдался теплый, съ легкимъ снѣжкомъ. Охотники шли на лыжахъ. Адамъ несъ ружье Павла Игнатьича и рогатину. Послѣдняя его интересовала особенно. потому что стоила сорокъ рублей, и Адамъ никакъ не могъ понять, за что только господа деньги платятъ. Чадовъ скоро усталъ и нѣсколько разъ задился отдыхать.

— А ты учился стрѣлять, Адамъ?—вспомнилъ онъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Палъ Игнатьичъ!—совралъ Адамъ безъ малѣйшей запинки.—Каждый разъ прямешенько въ лобъ попадалъ!

Когда уже подходили къ номеру, на который Софронъ Поликарпычъ поставилъ Чадова, послѣдній обратилъ еще разъ свое вниманіе на болтавшееся за спиной Адама ружье. Оно оказалось незаряженнымъ.

— Да ты, негодяй, съ ума сошелъ?!—вспылилъ Чадовъ.—Идешь [illegible] голыми руками на медвѣдя?!

Адамъ только чесалъ въ затылкѣ. Полученные отъ Чадова патроны онъ разрядилъ, а вынутый изъ нихъ порохъ и дробь продалъ Кулайне.

— Ахъ, негодяй, негодяй!—ругался Чадовъ.

„Цыганъ“, боявшійся, чтобы медвѣдь не ушелъ подранкомъ, выбралъ Чадову самое лучшее мѣсто—„на пятѣ“, чего другіе охотники не могли знать. Адамъ остался около Чадова съ рогатиной въ рукахъ и шопотомъ сообщилъ:

— А я его, звѣря, рогатиной прямо по лбу такъ благословлю.

— Ахъ, негодяй, негодяй!—шипѣлъ Чадовъ и даже толкнулъ Адама кулакомъ въ бокъ.

Адамъ отопталъ снѣгъ для барина, прислонилъ лыжи къ соснѣ, у которой онѣ стояли, и подрубилъ нѣсколько сучковъ, чтобы Чадову виднѣе была небольшая узкая полянка, на которую долженъ былъ выйти звѣрь. Кругъ былъ отсѣченъ, и наступила тяжелая пауза. Адамъ замеръ.

— Закрой ротъ, негодяй!—шипѣлъ Чадовъ.—Ахъ, ты, ворона!

Софронъ Поликарпычъ подалъ условный сигналъ, и загонщики подняли страшный крикъ.

У берлоги оставались Кулайпе и „цыганъ“. Они длинными жердями тыкали въ „лазъ“. Послышалось отвѣтное ворчанье, и нѣсколько разъ въ лазу показывалась лобастая медвѣжья голова.

— Матерый звѣрина!—опредѣлилъ „цыганъ“.

Въ этотъ моментъ громадный медвѣдь выскочилъ изъ берлоги и трусцой побѣжалъ прямо на загонщиковъ. По усиленному крику загонщиковъ Чадовъ понялъ, что звѣрь обходитъ кругъ и высматриваетъ, гдѣ лучше прорваться. Это значило, что медвѣдь старый и опытный; молодые бѣгутъ отъ крика и выходятъ прямо на линію охотниковъ.

— Смотри, Адамъ, не робѣй!—предупреждалъ Чадовъ.—Попался старикъ, и съ нимъ будетъ много хлопотъ.

Медвѣдя пришлось ждать долго, почти цѣлый часъ. Онъ обошелъ всю облаву раза три, высматривая мѣсто, гдѣ бы прорваться. Иногда онъ останавливался и нюхалъ воздухъ. Видимо, онъ больше всего боялся окружавшей берлогу чащары, гдѣ могли укрываться охотники.

Звѣрь вышелъ на охотниковъ въ тотъ моментъ, когда его меньше всего ожидали. Адамъ видѣлъ, какъ Чадовъ быстро прицѣлился, грянулъ выстрѣлъ, и что-то страшно зарычало почти надъ самымъ ухомъ. Второй выстрѣлъ, и Адамъ видѣлъ только, какъ что-то громадное бросилось на Павла Игнатьича, точно бросили шубу. Не отдавая себѣ отчета, что̀ дѣлаетъ, Адамъ бросился на медвѣдя и всадилъ ему рогатину въ бокъ. Звѣрь страшно взревѣлъ и бросился на него, стараясь вырвать рогатину.

— Нѣтъ, постой... ты, постой... куда прешь?!—оралъ Адамъ, налегая на рогатину всѣмъ тѣломъ.

Воспользовавшись этимъ моментомъ, Чадовъ успѣлъ заложить новый патронъ и выстрѣлилъ медвѣдю прямо въ ухо. Громадный звѣрь такъ и рухнулъ, какъ подкошенный.

XIX.

Передъ Рождествомъ Адамъ объявился у себя въ Вихрахъ. Онъ былъ въ охотничьей мѣховой тужуркѣ, въ оленьихъ охотничьихъ сапогахъ, въ оленьей шапкѣ съ ушами и съ ружьемъ. Теща Матрена такъ и ахнула, когда увидѣла зятя въ такомъ нарядѣ, но сразу сообразила, въ чемъ дѣло, и сказала:

— Это тебя Палъ Игнатьичъ нарядилъ, Адамъ?

— Онъ самый!

Костюмъ былъ Адаму не впору, но всѣ ему завидовали. Адамъ привезъ всей роднѣ дешевыхъ подарковъ: бабамъ платковъ и ситцу, мужикамъ—кому опояску, кому рукавицы. Брату жены, маленькому Петру, онъ привезъ новую шапку, что̀ особенно тронуло Дарью.

— Видно, недавно разбогатѣлъ, что швыряешь деньгами-то?—замѣтилъ дѣдушка Андронычъ, разсматривая дареную опояску.

— Ничего, дѣдушка, на нашъ вѣкъ хватитъ!—хвастливо отвѣчалъ Адамъ.—Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Дарья была счастлива до слезъ. Подарки ее заняли меньше всѣхъ, и она только смотрѣла на мужа счастливыми, влюбленными глазами. Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, Адамъ досталъ изъ кармана кошелекъ и показалъ женѣ сторублевую бумажку. Дарья ничего не понимала.

— Сотельный билетъ, глупая!—объяснилъ Адамъ.—Понимаешь: цѣлая лошадь въ сбруѣ. Вотъ оно куда пошло!

Это открытіе даже испугало Дарью, и она со страхомъ посмотрѣла на мужа. Адамъ понялъ нѣмой вопросъ и объяснилъ:

— Ты думаешь, я укралъ деньги? Нѣ-ѣ-тъ, братъ... Палъ Игнатьичъ подарилъ, когда я его изъ-подъ медвѣдя вызволилъ... сейчасъ же добылъ деньги изъ кармашка: „На, получай, Адамъ!“. Я ему жисть ухранилъ супротивъ медвѣдя... „Цыганъ“-то бѣжитъ, руками машетъ: „Ай-ай! Ой-ой!“. Баринъ Ершовъ тоже бѣжитъ... „Цыганъ“ на грѣхъ еще упалъ, снѣгъ потому глубокій... Ну, а я медвѣдя какъ поддѣну въ бокъ рогатиной... Барыня Анна Ивановна даже поцѣловала меня и всю одежу подарила. Раньше-то ругалась, а тутъ плачетъ.

Дарья тоже плакала, хотя и не понимала, въ чемъ дѣло, кромѣ того, что и богатые господа даромъ не платятъ по сту рублей. Ей гораздо понятнѣе было то, что изъ Вихровъ она переѣдетъ въ Горки, причемъ съ бабьей проницательностью сейчасъ же выбрала квартиру у Кулайне, а не у кабатчика Ѳомки.

Появленіе Адама въ Вихрахъ, конечно, произвело нѣкоторую сенсацію. И его охотничій костюмъ, и дареное ружье, и подарки — все обсуждалось односельчанами на тысячу ладовъ. Особенно старались сосѣди, какъ Парфенъ съ Митревной.

— Адамкѣ-то Богъ счастья послалъ!—язвила Митревна.—И раньше дешево покупалъ, да только домой не доносилъ, а тутъ... на!.. получайте подарочки... Видно, хозяина въ лавкѣ не было, когда покупалъ!

Въ сущности говоря, всѣ вихровскіе мужики завидовали Адаму, который попалъ на легкій хлѣбъ. Къ нему заходили самые степенные мужики и говорили:

— Ну что, Адамушка, устроился? Мы-то вотъ тутъ по зимамъ матушку-рѣпку поемъ, а ты свой пропиталъ получаешь... Оченно даже превосходно, ежели кто привѣсится около настоящихъ господъ.

Въ деревнѣ тайнъ нѣтъ, и поэтому всѣ знали, что Адамъ увозитъ жену на Сиверскую. Самые проницательные мужики говорили даже о томъ, какую лошадь Адамка купитъ. Своего-то, даденаго родителемъ одра не поведетъ, конечно. Подробно обсуждали, какой экипажъ себѣ купитъ Адамка на Сиверской, какъ онъ легко, вообще, заживетъ, и т. д. Молчалъ одинъ дѣдушка Андронычъ. Адамъ нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ разговоръ, но безполезно. Старикъ, видимо, крѣпился, пока, по-стариковски, не разрѣшился сразу.

— Оченно даже хорошо, Адамушка!—говорилъ старикъ съ обычною ядовитостью.—На что лучше: выплылъ на свѣжую воду, какъ дикій гусь... Свѣтъ все горькое показалось. Тебѣ бы въ самый разъ бариномъ быть!

Старикъ всегда отличался ядовитостью, но тутъ Адама задѣло за живое.

— Дѣдушка, я никому дурного ничего не дѣлаю!—замѣтилъ Адамъ.

— А про себя-то забылъ, милый? Сегодня—Палъ Игнатьичъ, завтра—Палъ Игнатьичъ, послѣзавтра—Палъ Игнатьичъ, а потомъ-то что? И вышелъ ты ни къ шубѣ рукавъ. Охвасталъ себя подарками, а настоящаго-то и нѣтъ. Ну-ка, уколупни баринъ настоящаго крестьянина, когда у него земля и все хозяйство по-настоящему? Вотъ то-то и оно-то!

Адамъ промолчалъ на дѣдушкину обиду. Какую ему землю отецъ выдѣлилъ? Развѣ около такой земли можно воспитываться да еще съ семьей? Съ другой стороны, Адамъ чувствовалъ, что все-таки дѣдушка правъ.

Какъ-то онъ заманилъ старика къ себѣ въ избушку, выставилъ водочки, заказалъ яичницу—вообще, хотѣлъ ублаготворить старичка. Дѣдушка Андронычъ отъ угощенья не отказался, выпилъ рюмочки три, а потомъ и отвѣсилъ:

— Адамка, а вѣдь ты—воръ!

— Какъ воръ, дѣдушка?

— А такъ! Кругомъ воръ, какъ тебя ни поверни. Въ легкую жисть ушелъ... Каковское это дѣло, чтобы медвѣдей ловить? Для господъ подражаешь, да еще съ господами вмѣстяхъ и пропадешь? Э!.. меня-то ты не проведешь. Опоякой хотѣлъ купить? Нѣтъ, еще молодъ, материно молоко на губахъ не обсохло... Дикія-то господскія денежки и мы видали, даже очень видали, только онѣ не къ числу... Какъ прошли, такъ и ушли. Можешь ли это самое дѣло понимать?

— А у чего я здѣсь-то буду жить, дѣдушка? Землишку мнѣ плохую отвели, избы нѣтъ, лошадь—только одно названье, что лошадь.

Адамъ не понималъ хорошенько, почему такъ дѣдушка злобится на него. Вотъ отецъ Евсей молчитъ и братъ Николай тоже. Мать Агаѳья все присматривалась къ Адаму, точно старалась по лицу вызнать, что у него на душѣ, а потомъ какъ-то расплакалась и начала кричать:

— Жалости въ тебѣ нѣтъ никакой, Адамка. Хоть бы ты матери-то четвертной билетъ подарилъ. Жена-то все рукавомъ растрясетъ, а мать надо и пожалѣть. Гдѣ старухѣ взять?

Дѣла Агаѳьи, послѣ выдѣла Адама, дѣйствительно были плохи. Прежде Адамъ отдавалъ ей всѣ деньги, заработанныя на станціи, а солдатъ Николай и не думалъ.

— У меня, мамынька, свое собственное семейство...—коротко объяснилъ онъ. — А васъ долженъ воспитывать вашъ собственный супругъ!

Для пущей ядовитости солдатъ Николай говорилъ матери „вы“, чѣмъ изводилъ ее до слезъ. Съ Адамомъ онъ былъ изысканно-вѣжливъ и называлъ его Адамомъ Евсеичемъ.

— Для чего тебѣ ружье, Адамъ Евсеичъ? Вѣдь ты и стрѣлять не умѣешь. А солдату оно было бы въ самую пору. Вещь, можно сказать, самая военная.

Это ружье засѣло въ головѣ солдата клипомъ, но Адамъ не хотѣлъ его дарить, ссылаясь на то, что егерю нельзя безъ ружья, да и Павелъ Игнатьичъ можетъ спросить, гдѣ ружье.

Всѣ эти родственные подходы и вымогательства не привели ни къ чему. Адамъ и не думалъ раскошеливаться. Не вступался одинъ Евсей, и Адаму почему-то дѣлалось жаль старика.

У себя дома Адамъ больше всего занимался со своей дочерью Енаѳой, которая сильно выросла и начинала понимать кое-что.

— А мы лошадку купимъ, Наѳка...—говорилъ Адамъ, подкидывая дѣвочку.—Хочешь лошадку? И телѣжку купимъ... Будемъ господъ возить, а господа намъ будутъ денежки платить.

Переѣздъ Адама съ семьей печалилъ только старую Матрену, которая оставалась со своей развалившейся избенкой и малышомъ Петрунькой. Старуха потихоньку плакала по ночамъ и просила у Бога смерти.

XX.

Адамъ не представлялъ себѣ, какъ трудно разставаться съ роднымъ гнѣздомъ. Еще съ вечера старуха-теща навела на него тоску своими причитаньями. Она провожала Дарью точно на смерть. А тутъ еще ввязалась мать Агаѳья, когда узнала, что Адамъ отдалъ и лошадь и телѣгу тещѣ, и начала требовать обратно. Матрена и Агаѳья сцѣпились прямо на улицѣ, доставляя даровую потѣху всѣмъ сосѣдямъ.

— Я его прокляну, змѣеныша!—кричала Агаѳья.—Онъ хочетъ посмѣяться надъ родной матерью!

Остальные всѣ хранили молчаніе и не вступались. На станцію повезъ отецъ Евсей, что̀ тоже не понравилось Агаѳьѣ, и она по пути обругала мужа.

— Подладиться хочешь къ сынку? Въ кучера поступилъ къ нему на старости лѣтъ!

У Адама отлегло на душѣ, только когда они выѣхали за околицу. Всѣ молчали. Евсей сидѣлъ на облучкѣ и тяжело вздыхалъ. Дарья потихоньку вытирала слезы. Разговорились только на станціи, гдѣ Адамъ угостилъ отца водкой и пивомъ.

— А ты не слушай бабъ, Адамъ...—говорилъ старикъ.—Не каждое лыко въ строку. Извѣстно, бабы... Пока что̀, поживешь въ егеряхъ, а потомъ видно будетъ. На Сиверской-то по лѣтамъ много господъ наѣзжаетъ, жить можно, ежели лошадь и телѣжка.

— Пріѣзжай, родитель, на святкахъ въ гости...—приглашалъ Адамъ, продолжая жалѣть отца.—Богъ какъ угощу...

— Ужо пріѣду...—соглашался Евсей.—А ты, Адамъ, того... мало ли что̀ бабы болтаютъ... Бабье сердце расходится, такъ и не уйдешь... Агаѳья-то вѣдь тебѣ родная мать, ну, и того... Тоже и дѣдушка... онъ правильно... а того не понимаетъ, что не всякому быть крестьяниномъ. Не таковскія времена! Ну-ка, заработай крестьянствомъ тѣ же три цалковыхъ. Денъ шесть, не разгибаючись, проработаешь за три-то рубля, а тутъ единымъ часомъ получилъ. Всякому это даже очень любопытно

Евсей не успѣлъ высказать все, какъ бы этого хотѣлъ, но Адамъ отлично его понималъ. Въ этомъ простомъ разговорѣ происходила одна изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, которыя рѣшаютъ всю жизнь человѣка. Адамъ навсегда прощался со своимъ крестьянствомъ, и его смутно томила тоска именно по этой настоящей крестьянской жизни, о которой всегда говорилъ дѣдушка Андронычъ. Егерство не Богъ знаетъ какое сладкое житье, но благодаря ему можно было выбиться въ люди.

Они не заѣзжали на кордонъ, проѣхали прямо въ Горки и остановились у чухонца Кулайне. Это было первое путешествіе въ жизни Дарьи, и она радовалась и боялась въ одно и то же время. Квартира помѣщалась въ задней избѣ и состояла, конечно, всего изъ одной комнаты. Дарья сразу вошла въ роль хозяйки и, не отдыхая съ дороги, принялась чистить, мыть и скрести. Маленькая Енаѳа долго присматривалась къ новой обстановкѣ и кончила тѣмъ, что разревѣлась.

— Бабушку вспомнила,—объяснила Дарья, глядя на мужа виноватыми глазами.—Ничего, пріобыкнетъ понемногу..

На кордонѣ положеніе Адама послѣ медвѣжьей облавы сразу измѣнилось. Конечно, человѣку счастье повезло, что звѣрь подмялъ барина, все-таки и Адамъ ловко запустилъ рогатину.

— Посмотрѣть, такъ дуракъ дуракомъ,—ругался Софронъ Поликарпычъ, обиженный успѣхомъ Адама. — А тутъ откуда прыть взялась... Кабы не Адамка, такъ Палъ Игнатьичу карачунъ. „Цыгалу“ бы не добѣжать во̀-время...

Однимъ словомъ, Адамъ вошелъ въ егерскую семью полноправнымъ членомъ и почувствовалъ себя на кордонѣ дома. Случай съ Чадовымъ попалъ даже въ газеты, и пріѣзжавшіе на охоту господа заставляли Адама десятки разъ разсказывать, какъ вышло дѣло.

— А ты не испугался?—спрашивали его.

— Чего пугаться: вижу, звѣрь завалился на Палъ Игнатьича, ну, я его въ бокъ рогатиной. Ну, онъ на меня... башкой вертитъ... пѣна изо рта идетъ...

Всѣхъ больше была довольна, конечно, Анна Ивановна, которая нарочно вызвала Адама въ городъ и расцѣловала его. Адамъ разсчитывалъ, что она подаритъ ему деньконокъ, но барыня подарила только охотничью одежду.

— Деньгъ тебѣ Павелъ Игнатьичъ далъ достаточно,—говорила Анна Ивановна.—Да и куда тебѣ деньги въ лѣсу? Вотъ перевези поскорѣе жену, а то еще научишься пить Всѣ егеря—пьяницы...

Анна Ивановна серьезно боялась за Адама, какъ бы онъ не испортился въ егерской средѣ, и разсчитывала на Дарью, какъ женщину простую, но разумную, которая поддержитъ немного простоватаго мужа. У нея составился цѣлый планъ, какъ устроить эту оригинальную „начинающую“ семью.

Анна Ивановна чувствовала, что она должна что-то сдѣлать для семьи Адама, и что между ея семьей и его семьею возникаетъ какая-то странная связь. Въ самомъ дѣлѣ, не подверниись Адамъ со своей рогатиной или растеряйся—Альфредъ остался бы сиротой. На этомъ послѣднемъ основаніи, по спеціально-женской логикѣ, Анна Ивановна приняла особенное участіе въ судьбѣ маленькой Енаоы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно складывается жизнь, и благодаря какимъ страннымъ случайностямъ происходятъ удивительнѣйшія комбинаціи. Не имѣй они дачи въ Вихрахъ, не будь романа Дарьи, не вляжись въ это дѣло Павелъ Игнатьичъ по своей безхарактерной добротѣ и т. д. и т. д. По своему дѣятельному и энергичному характеру Анна Ивановна сосредоточила все вниманіе на маленькой Енаѳѣ, причемъ рѣшила использовать свои обязанности къ ней при посредствѣ Альфреда. Да, мальчикъ былъ уже въ своемъ критическомъ возрастѣ и долженъ былъ проявить себя въ этомъ дѣлѣ активно. Анна Ивановна всего меньше желала насиловать дѣтскую волю и повела дѣло окольными путями. Но, на ея горе, Альфредъ проявилъ полное равнодушіе ко всему случившемуся и рѣшительно ничего не понималъ.

— Ты помнишь, Альфредъ, маленькую дѣвочку, которую къ намъ на дачу приносила Дарья?

— Помню...

— Папа этой дѣвочки спасъ жизнь твоего папы. Понимаешь, что это значитъ?

— Нѣтъ...

Мать стремилась проявить въ дѣтской душѣ ту дѣятельную любовь, которая въ жизни составляетъ все, но душевный аппаратъ Альфреда работалъ такъ вяло, что ничего не получалось. Приходилось утѣшаться тѣмъ, что мальчикъ вступилъ въ тотъ неблагодарный дѣтскій возрастъ, когда получается перевѣсъ эгоизма. Оставалось выжидать время, когда дѣтская душа проснется.

Обдумывая разныя средства и способы, какъ реализировать свои добрыя чувства по отношенію къ маленькой Енаѳѣ, Анна Ивановна наткнулась на неразрѣшимую соціальную задачу. Для маленькой Енаѳы не было мѣста на пиру жизни... Кажется, чего бы проще взять ее къ себѣ и воспитать, но именно это-то и не было просто. Енаѳа-гимназистка, Енаѳа-курсистка, Енаѳа замужемъ за интеллигентнымъ человѣкомъ — однимъ словомъ, Енаѳа навѣки оторванная отъ родной семьи, я еще вопросъ, болѣе ли счастливая, чѣмъ была бы дома. Главный вопросъ для корректной Анны Ивановны заключался въ томъ, имѣетъ ли она право вырывать Енаѳу изъ ея семьи. Она предлагала этотъ вопросъ мужу, но тотъ пожималъ только плечами и несъ какую-то околесную.

— Я, матушка, плохой спеціалистъ по женскому вопросу, да и вообще

въ нашемъ желѣзнодорожномъ мірѣ пока разработанъ основательно только вопросъ о француженкахъ, которыя кутятъ по отдѣльнымъ кабинетамъ.

— Какъ вамъ не стыдно говорить такія глупости...—возмущалась Анна Ивановна.

— Что же дѣлать... Старъ я сталъ по женскому вопросу.

Можно было бы, конечно, воспитать Енаву въ другомъ направленіи, т.-е. сдѣлать изъ нея бѣлую кухарку, барскую горничную, бѣлошвейку. Но вѣдь это значило уже прямо погубить дѣвочку, втолкнуть ее въ тотъ міръ услужающихъ женщинъ, которыя навсегда оторваны отъ родного угла и вся жизнь которыхъ теряетъ всякій самостоятельный смыслъ, пріурочиваясь къ требовательному барскому обиходу. Въ концѣ концовъ получался такой выводъ, что лучше простой вихровской бабы ничего не придумать.

Перебирая всѣ эти возможности и комбинаціи, Анна Ивановна невольно оглядывалась на собственную жизнь и приходила къ заключенію, что хорошаго въ ней рѣшительно ничего не было. Въ сущности, даже вспоминать по чемъ, а такъ какъ-то шелъ одинъ день за другимъ.

XXI.

Благодаря Дарьѣ, жизнь Адама пошла совсѣмъ по-новому. Она иногда приходила на кордонъ и что-нибудь починивала егерямъ. Особенно хорошо къ ней относился „цыганъ“. Онъ мастерилъ игрушки Енавѣ и вообще сразу вошелъ въ роль друга дома. Изрѣдка онъ приходилъ въ Горки и былъ счастливъ, что можетъ поѣсть настоящихъ щей, настоящаго домашняго хлѣба и запить ѣду домашнимъ квасомъ. Когда пріѣзжали охотники, Дарья готовила ужинъ и вообще прислуживала по своему бабьему дѣлу.

Адамъ время отъ времени воровалъ рыбу, но скрывалъ это отъ жены. Только разъ ночью онъ вернулся весь въ крови и страшно напугалъ Дарью.

— Ничего, пустяки...—оправдывался онъ. — Это меня Спирька Косой угостилъ. Чуть не съ версту за мной гнался, а потомъ какъ запалитъ мнѣ прямо въ спину.

Дарьѣ пришлось выковыривать изъ спины мужа около десятка дробинъ. На его счастье, благодаря полушубку, дробь засѣла не глубоко, и особенныхъ послѣдствій не было. Дарья узнала, что мужъ воруетъ рыбу, и сильно плакала.

— О чемъ ты, глупая, ревешь?—не понималъ Адамъ.—Спина заживетъ, а Спирьку Косого я вотъ какъ еще самъ произведу...

— Да я не о томъ...—хныкала Дарья. — Какая же это жисть, ежели надо воровать. Сегодня укралъ, завтра укралъ, а тамъ и поймаютъ...

— Ну, это еще старуха надвое сказала, поймать-то... А что касаемо воровства, такъ вѣдь всѣ воруютъ. Правдой вѣкъ не проживешь, а я не украду—другой украдетъ. Да это и не воровство, ежели разобрать по-настоящему. Рыбка-то Божья...

Дарья все-таки не понимала и продолжала хныкать. Это непониманіе даже разсердило Адама. Баба такъ баба и есть, ничего ей въ башку не вобьешь.

— Боюсь я до смерти...—повторяла Дарья.—Ужъ лучше уйти отсюда. Вѣдь есть деньги на лошадь, проживемъ какъ-нибудь... Будешь господъ возить...

— Маловато денегъ-то, Дарья, а то бы я и самъ бросилъ. Потерпи маленько...

Адаму было и стыдно передъ женой и обидно, что она ничего не понимаетъ своимъ бабьимъ умомъ. Ужъ, кажется, чего проще, а баба уперлась, какъ коза, и ничего не хочетъ понимать. У Адама даже являлось желаніе побить жену, какъ учатъ бабъ другіе мужики.

О покупкѣ лошади разговоры велись давно, и Адамъ прицѣнивался къ каждой лошади, которую видѣлъ. Лошадь являлась чѣмъ-то въ родѣ недосягаемой мечты, да и Дарья видѣла все спасеніе въ лошади. Какой же мужикъ безъ лошади? Чтобы растравить жену, Адамъ иногда говорилъ:

— Ну, хорошо, ну, будетъ лошадь, а все-таки безъ обмана и съ лошадью не проживешь. Посадилъ непонимающаго барина и бери съ него, что̀ хочешь. Развѣ это не воровство? Бабы господъ обманываютъ и молокомъ, и яйцами, и грибами—музыка одна. Господскія-то денежки несчитанныя... Можетъ, даже ему, барину, лучше, ежели онъ въ другой разъ и переплатитъ. Я его обманулъ, а ему на спасеніе души зачтется.

— А совѣсть?

Адамъ только хохоталъ. Какая тутъ совѣсть?.. Развѣ у господъ есть совѣсть? Тоже и скажетъ Дарья... Это дѣдушка Андронычъ про совѣсть-то любитъ говорить. Въ прежнія времена дѣйствительно, сказываютъ, что была эта самая совѣсть и даже очень, а какъ пошли вездѣ господа—все какъ языкомъ слизнуло.

— А вотъ накажетъ тебя Богъ, Адамка, такъ и узнаешь тогда, какая совѣсть-то бываетъ.

Но и этотъ резонъ не подѣйствовалъ на Адама.

— Очень даже хорошо понимаемъ, что̀ касаемо Бога, — старался онъ что-то объяснить, путаясь въ словахъ.—Такъ вѣдь Богъ-то не для меня одного. Ежели Богъ найдетъ, такъ всѣ кругомъ виноваты, а господа-то побольше насъ... Будь у меня деньги, развѣ я пошелъ бы воровать? А по нуждѣ и Богъ проститъ...

Въ сущности, у Адама достаточно было денегъ, но его охватила жажда наживы. Еще бы этакъ сотенный билетъ сколотить—оно бы въ лучшемъ видѣ. Потомъ и егерская служба ему нравилась. Все-таки не мужикъ-вахлакъ, а въ родѣ чиновника. Адамъ постепенно привыкалъ къ охотничьему бездѣлью, къ барскимъ подачкамъ и вообще къ легкому житью. Браконьерство являлось въ видѣ спорта.

— Господа охотятся, ну, и мы тѣнь подъ нихъ наводимъ,—объяснялъ Адамъ женѣ.—Меня Палъ Игнатьичъ какъ-то спрашивалъ насчетъ дичины и только пальчикомъ погрозилъ... Только одно нехорошо, что у насъ въ членахъ теперь объявился мировой изъ Гатчины. Буде что влопаешься, къ нему потащатъ судиться... Знакомый баринъ, ну, оно какъ будто и совѣстно, когда подумаешь. „Ахъ, это ты, богомолецъ... Нехорошо, милый другъ, воровать чужую рыбу“.

Господа были подѣлены между егерями и почему-то назывались „предметами“. У Адама главнымъ „предметомъ“ былъ Павелъ Игнатьичъ съ его пріятелями. Мировой судья достался „цыгану“, который этимъ былъ крайне недоволенъ.

— Ну, этакого предмета знакомому чорту подаритъ, такъ и назадъ отдастъ,—ворчалъ онъ.—Вотъ у меня раньше было два предмета: одинъ штатскій генералъ, а другой въ томъ родѣ, какъ около полковника. Очень сосредоточенно себя держали и меньше рублевки на водку не давали... Тоже былъ одинъ адвокатъ. Тотъ по трешницѣ дарилъ, ежели потрафить. Главное—надо умѣть уважить характеръ.

Охотничій сезонъ заканчивался тягой вальдшнеповъ, и только потомъ господа иногда пріѣзжали пострѣлять селезней, когда утки разсѣлись по гнѣздамъ, да линялыхъ косачей по чащарѣ. До половины іюля оставалось время совсѣмъ свободное, кромѣ жалованья никакого заработка не было. Именно въ

это свободное время Адамъ опять и занялся ловлей форели, причемъ, точно Дарья напророчила, сразу и попался въ лапы Спиридона Косого. Сторожа отняли, конечно, пойманную рыбу, пребольно избили и составили протоколъ. Когда Адамъ предсталъ передъ судьей, онъ взглянулъ на него, видимо узналъ и только поморщился. На первый разъ дѣло ограничилось штрафомъ въ пятнадцать рублей, причемъ судья предупредилъ, что, въ случаѣ повторенія преступленія, наказаніе будетъ увеличено.

— Я тебѣ говорила...—замѣтила Дарья, когда мужъ вернулся съ судбища, но онъ такъ толкнулъ ее въ бокъ, что она полетѣла въ уголъ.

— Ты еще у меня поговори, чортова кукла,—ругался Адамъ.—Накаркала, ворона.

Первая неудача, вмѣсто того, чтобы образумить Адама, послужила источникомъ для слѣдующихъ приключеній. Адамъ точно сбѣсился и пускался на отчаянность, чтобы только насолить Спирькѣ Косому. Это уже было не простое воровство, а игра въ опасность. Адамъ крадъ рыбу подъ самымъ носомъ вреднаго старичонки. Разъ онъ выкинулъ такую штуку, что всѣ ахнули. Надѣлъ женинъ сарафанъ и среди бѣла дня наловилъ рыбы на глазахъ у всѣхъ. Кто же подумаетъ, что баба рѣшится на такую отчаянность.

Такъ прошло цѣлое лѣто въ самой отчаянной борьбѣ. Дарьѣ не разъ приходилось выковыривать дробь изъ мужниной спины. Зато его репутація, какъ отчаяннаго и безстрашнаго человѣка, утвердилось прочно. Даже Софронъ Поликарпычъ говорилъ:

— Да, у нашего Адамки два ума...

Однако осенью Адамъ опять попалъ подъ протоколъ и опять заплатилъ штрафъ.

— Если вы, Адамъ Мореновъ, попадетесь въ третій разъ, то я васъ посажу на три мѣсяца въ тюрьму,—предупредилъ судья.

Теперь Адама уже трудно было запугать. Что же, три мѣсяца такъ три мѣсяца, а то штрафъ въ двадцать пять рублей. Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Въ какой-нибудь годъ Адамъ сдѣлался неузнаваемымъ. У него, дѣйствительно, явился тотъ второй умъ, о которомъ говорилъ старшій егерь.

Въ концѣ концовъ Адамъ, какъ говорится, доигрался. Дѣло было незадолго до Рождества. Стояли морозы, доходившіе до двадцати пяти градусовъ. Въ расчетѣ, что сторожамъ и въ голову не придетъ мысль о возможности воровства рыбы въ такую погоду, Адамъ смѣло отправился на промыселъ. Ночь выдалась настоящая волчья. Въ водѣ казалось теплѣе, чѣмъ на воздухѣ. Адамъ наловилъ до десятка форелей, завязалъ рыбу въ свою мережку и только хотѣлъ вылѣзать изъ воды, какъ съ берега послышался торжествующій голосъ Спирьки Косого:

— Ну-ка, вылѣзай, Адамушка... Студено тебѣ въ водѣ-то, а мы тебя согрѣемъ.

Адамъ совершенно растерялся и ничего не могъ отвѣтить вредному старичонкѣ. А на берегу собрались уже другіе сторожа. Принесли фонарь.

— Выходи, голубь сизокрылый,—издѣвался Спирька Косой.

— А вотъ и не выйду,—неожиданно отвѣтилъ Адамъ, рѣшившійся дѣйствовать отчаянно.—Не выйду, и конецъ тому дѣлу.

— Не хвастай, идолъ.

При свѣтѣ фонаря можно было разсмотрѣть только одну голову Адама.

— Адамка безпутный, выходи, а то околѣешь...

— И околѣю, а вы за меня отвѣчать будете, ироды.

Сторожа были сконфужены героической рѣшимостью отчаяннаго Адама, постояли минуть десять, поругались и ушли.

XXII.

Холодная ванна обошлась Адаму дорого. Сторожа выпустили его изъ воды и все-таки накрыли. Онъ защищался отчаянно и даже кусался, но сила ломитъ солому. Составленъ былъ протоколъ, рыба отобрана, и Адамъ вернулся домой избитый и продрогшій до костей.

Весь кордонъ ахнулъ, когда узнали, какую отчаянную штуку выкинулъ Адамъ. А онъ лежалъ у себя въ Горкахъ, охваченный страшнымъ жаромъ. Бо́льшую часть дня онъ въ состояніи безпамятства никого не узнавалъ и все бредилъ. Ему казалось, что сторожа преслѣдуютъ его по пятамъ, и что Спирька Косой все цѣлится въ него изъ ружья. Бывали и свѣтлые промежутки, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ Адамъ, къ своему удивленію, увидѣлъ стоявшую надъ нимъ Анну Ивановну. Она случайно узнала о болѣзни Адама и привезла изъ города собственнаго доктора. Дарья стояла у печки и говорила:

— Ужъ вы его, барыня, оставьте... не мучьте... Все равно помретъ.

— И то помру,—спокойно соглашался Адамъ. — Дарья правильно говоритъ...

Докторъ, молодой еще человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, думалъ то же самое, хотя, конечно, и бываютъ удивительные случаи въ медицинской практикѣ. Анна Ивановна была въ отчаяніи и умоляла доктора спасти больного съ спеціально-дамской логикой. Докторъ только пожималъ плечами. Да, конечно, бываютъ удивительные случаи и т. д.

— Будемъ бороться,—уклончиво отвѣчалъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

Анна Ивановна просидѣла въ Горкахъ дней пять и дождалась, когда кризисъ миновалъ. Адамъ былъ спасенъ, и Анна Ивановна плакала отъ радости. Въ порывѣ великодушія она говорила ему:

— Адамъ, когда ты поправишься совсѣмъ, я тебѣ подарю лошадь и телѣгу, и ты будешь жить на Сиверской, о чемъ мечталъ.

Адамъ посмотрѣлъ на жену, криво усмѣхнулся и отвѣтилъ, подбирая слова:

— Нѣтъ, Анна Ивановна... оно не подойдетъ... Испортился я вконецъ около господскаго легкаго хлѣба... Какой же я теперь правильный мужикъ, когда у меня въ башкѣ совсѣмъ наоборотъ? Вѣрно, ужъ на роду написано быть мнѣ егеремъ...

1900.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Очеркъ.

I.

Гаврила Ермолаевъ проснулся рано, какъ всегда. Въ казармѣ было темно и душно. Всѣ еще спали, и онъ, не надѣвая сапогъ, пошелъ къ выходу, чтобы отдышаться свѣжимъ воздухомъ. Казарма, построенная кое-какъ изъ дыряваго барочнаго лѣса, въ холодные дни не держала тепла, а въ жаркіе въ ней накоплялся какой-то промозглый, гнилой духъ, какъ отъ прѣлаго дерева, которое гніетъ отъ сырости. Въ казармѣ жило человѣкъ шестьдесятъ рабочихъ, и всѣ размѣщались на деревянныхъ нарахъ, которыя тянулись около стѣнъ сплошнымъ накатомъ. Въ дальнемъ концѣ казармы помѣщалась громадная русская печь и было отгорожено помѣщеніе для артельной стряпухи.

Гаврилѣ Ермолаеву пришлось итти мимо стряпухиной каморки, и онъ вспомнилъ, что сегодня воскресенье, а она не выстирала ему рубахи, — значитъ, въ церковь нельзя итти.

— Этакая жирная тварь,—обругался про себя Гаврила Ермолаевъ.—И дрыхнетъ до которой поры... Скоро всѣ подымутся, а она спитъ, какъ барыня. Въ деревнѣ-то бабы съ пѣтухами встаютъ и печки ужъ затопили...

Утро было яркое, солнечное, теплое, такъ что Гаврилѣ Ермолаеву пришлось заслонить рукой глаза отъ солнца. По привычкѣ онъ прежде всего оглядѣлъ все небо и обратилъ особенное вниманіе на полуденную сторону, гдѣ кучились грозовыя майскія облака. Гаврилу Ермолаева охватило радостное чувство: въ самый бы разъ прохватить дождичкомъ взявшіяся зелени. И для озимей, для яровыхъ вотъ какъ бы хорошо было. Его широкое русское лицо съ окладистой бородкой песочнаго цвѣта приняло какое-то особенное мягкое, умиленное выраженіе, но оно сейчасъ же смѣнилось другимъ, когда въ головѣ Гаврилы Ермолаева мелькнула мысль, что вѣдь все это ни къ чему. Не все ли равно, будетъ дождь или не будетъ, т.-е. все равно для него лично. Даже наоборотъ: для него и его артели дождь доставляетъ однѣ непріятности — въ рабочую пору мокни, а въ праздники сиди въ казармѣ.

— Ахъ, ты, какая штука выходитъ, братецъ ты мой!—удивлялся Гаврила Ермолаевъ самому себѣ. — Ничего то-есть не надо, какъ барину, — ни тебѣ вёдро ни тебѣ ненастье... Вотъ до чего дошелъ. Охъ, грѣхи, грѣхи...

Гаврила Ермолаевъ думалъ какъ-то тяжело, какъ вообще тяжело двигался. Это былъ мужикъ выше средняго роста, широкій въ кости, сухой и мускулистый. Онъ работалъ по цѣлымъ днямъ, какъ хорошо сложенная машина, не проявляя ни ненужной торопливости ни ненужной затраты энергіи. Такъ же медленно шли и мысли въ его головѣ, прилаженныя одна къ другой, какъ

медленно катится по дорогѣ тяжело нагруженный возъ. Огорченный лично за себя, Гаврила Ермолаевъ началъ думать потомъ о другихъ, которымъ, можетъ-быть, и нуженъ дождь, какъ огородникамъ.

— Конечно, дождь нуженъ...—рѣшалъ онъ, опровергая самого себя: — вонъ капустную разсаду высаживаютъ, разный овощь...

Онъ присѣлъ у двери на завалинку и началъ смотрѣть. Картина была та же, что и вчера и третьяго-дня, но онъ могъ ее разсматривать цѣлыми часами и никакъ не могъ собраться съ тѣми мыслями, которыя она вызывала въ немъ. А этихъ мыслей было достаточно...

Казарма стояла недалеко отъ шоссе, которое слѣва пересѣкало торфяное болото. Направо вытянулась, какъ струна, линія желѣзной дороги, заканчивавшаяся вычурно построеннымъ вокзаломъ. Впереди, между шоссе и чугункой, высилась громадная свалка, куда свозились всѣ городскіе отбросы, снѣгъ и разный мусоръ. Эта свалка, несмотря на вторую половину мая, не растаяла и наполовину, заражая воздухъ міазмами и распространяя тяжелую сырость. Изъ-подъ нея выбивались вонючіе ручейки съ коричневой жижей, а одинъ изъ такихъ ручейковъ протекалъ въ двухъ шагахъ отъ рабочей казармы, распространяя тяжелыя міазмы.

— Откуда только что берется,—недоумѣвалъ Гаврила Ермолаевъ, разглядывая свалку. — Сколько тутъ всякаго добра наворочено, ежели разобрать.

За свалкой тянулось сплошное поле до самаго Петербурга, который брезжился въ вѣчной дымкѣ, точно тамъ что-нибудь горѣло. Можно было разсмотрѣть золотую шапку Исакія, колокольни и цѣлый рядъ вѣчно дымившихъ фабричныхъ трубъ.

— Сколь этого самаго дыма напущено,—удивлялся Гаврила Ермолаевъ, наблюдая фабричныя трубы, и ему начинало казаться, что этимъ дымомъ разносится по вѣтру какое-то напрасно спаленное добро, какъ напрасно пропадало всякое добро въ свалкѣ.

Былъ воскресный день, и свалка не проявляла никакихъ признаковъ жизни. Въ сторону рабочей казармы отъ нея шли капустные огороды, а направо, вдоль линіи желѣзной дороги, вытянулись черной сѣткой безконечныя гряды съ разнымъ овощемъ, парники, погреба и огородныя постройки. По ту сторону свалки начинались ягодные огороды. Однимъ словомъ, не оставалось вершка пустой земли, и только за шоссе на бугрѣ стояла чухонская деревушка, обложенная тощими, плохо обработанными полями и съ крошечнымъ выгономъ, по которому бродилъ заморенный скотъ, напрасно отыскивавшій себѣ кормъ. Трава на торфяникѣ росла жесткая и кислая.

Эта чухонская деревня, наполовину заселенная русскими мужиками, представляла для Гаврилы Ермолаева неразрѣшимую загадку. Ужъ, кажется, кому бы не жить, какъ не этимъ подгороднымъ чухонцамъ и мужикамъ, — все подъ рукой. Земли, конечно, у нихъ мало, такъ зато всякая работа кругомъ. А главное, — всѣ у себя дома. Кто въ извозчикахъ ѣздитъ, кто поденщиной промышляетъ, кто разнымъ ремесломъ — и всѣ голь перекатная. Стройка плохая, пашня не вспахана, а расковыряна, скотина чахлая, сами перебиваются изо дня въ день. Дѣло дошло до того, что дрова покупаютъ въ мелочной лавочкѣ полѣньями, какъ ребята искупаютъ пряники.

— Трактиромъ они ушиблены,—объяснялъ подрядчикъ Иванъ Семеновъ, въ артели у котораго работалъ Гаврила Ермолаевъ. — Что заработаютъ, то и снесутъ въ трактиръ... А бабы дома за самоварами пропиваются, однимъ словомъ, чайники и чайницы. Къ легкому хлѣбу привыкли сызмальства, ну, настоящая-то работа и валится изъ рукъ. Все черезъ пень-колоду идетъ...

Охъ, бѣда съ этими подгородными мужичонками! Развѣ у него лошадь? Лошаденка... Развѣ у него корова? Коровенка... Развѣ у него изба? Избенка... И жену-то нельзя по-настоящему правильной женой назвать, а просто сказать — женёшка. Такъ и живутъ... У волка въ зубѣ — Егорій далъ.

Подрядчикъ Иванъ Семеновъ былъ великій плутъ, но Гаврила Ермолаевъ его уважалъ, какъ смышленаго и ловкаго мужика, который всю жизнь изворачивался со своими дѣлами, какъ блинъ на каленой сковородѣ. Легкое мѣсто держать ту же артель въ шестьдесятъ человѣкъ, которая мостила шоссе въ дачномъ городкѣ. Тоже, человѣкъ — не скотина, всякаго надо знать и со всякимъ нужно имѣть свое обращеніе, и всѣхъ накорми да денежки заплати. Положимъ, харчи были неважныя, но такую ораву все-таки надо было пропитать.

Подрядчикъ Иванъ Семеновъ, бородастый мужикъ съ толстымъ животомъ и вороватымъ выраженіемъ опухшаго лица, на которомъ безпокойно юлили вѣчно искавшіе чего-то темные глазки, въ свою очередь, тоже любилъ Гаврилу Ермолаева, часто разговаривалъ съ нимъ и объяснялъ причины своей симпатіи:

— Первое дѣло, ты у меня непьющій... Разъ!.. А второе, у тебя серьезное на умѣ... Два. Вытебская артель у меня за первый сортъ идетъ, потому какъ люди настоящіе и никакой работы не боятся. Однимъ словомъ, ты у меня, Гаврила Ермолаевъ, какъ коренникъ въ тройкѣ — весь возъ везешь. Конечно, и олончане дѣла не подгадятъ, а только то да не то. Не тотъ коленкоръ... Ну, а ужъ объ остальныхъ прочихъ народахъ не стоитъ и говорить.

— Что же, и другіе ничего,—защищалъ Гаврила Ермолаичъ товарищей по казармѣ. — Люди какъ люди.

— Другіе?!..

Иванъ Семеновъ обязательно впадалъ въ бѣшенство, колотилъ себя въ грудь и выкрикивалъ какимъ-то бабьимъ голосомъ:

— Другіе?!.. Жилы они изъ меня всѣ вытянули... Вѣдь я каторжный для всѣхъ, отвѣчать долженъ за всѣхъ... Другіе?!.. Да я, Боже мой... Не вы для меня работаете, а я для васъ!

Гаврила Ермолаевъ не могъ понять, почему Иванъ Семеновъ умный человѣкъ, а хвалитъ его въ глаза, точно сваха жениха.

II.

Гаврила Ермолаевъ долго сидѣлъ на своей завалинкѣ, любуясь теплымъ весеннимъ утромъ, и незамѣтно его мысли, какъ вода по рѣчному руслу, утекли въ родную витебскую деревню. Охъ, управится ли тамъ старуха со всѣмъ хозяйствомъ... Какъ подняли пары, какъ обсѣялись, какъ всходы... Конечно, въ дому зять остался, мужикъ ничего себѣ, а все-таки настоящаго хозяйскаго глаза нѣтъ. Можетъ, у нихъ тамъ весна выдалась засушливая и суховѣйная, а можетъ, и озими вымокли. Письма изъ деревни получались рѣдко, да и понять изъ нихъ ничего нельзя. Лошадь буланая припадала на правую заднюю ногу — какъ-то она выправилась? Корова-нестрянка по одиннадцатому теленку—тоже старо мѣсто, пожалуй, на нонѣшній годъ и не обгуляется. Овечка должна была объягниться около Ѳоминой недѣли, стараго гусака пожалѣли и осенью не прирѣзали, у телѣги надо заднія колеса поправить, и т. д. и т. д.

Эти хозяйственныя мысли были нарушены появленіемъ стряпухи Спиридоновны, которая тоже вышла отдышаться на вольномъ воздухѣ. Это была рябая толстая баба, здоровая, какъ лошадь. Она одѣвалась на городскую

руку и посила кофты. Гаврила Ермолаичъ почему-то не любилъ ея и сказалъ:

— Подняла мясо-то свое?

Спиридоновна молчала и только громко зѣвнула.

— Какой у насъ сегодня день-то?—не унимался Гаврила Ермолаичъ, припоминая свою рубаху. — Добрые люди въ церковь идутъ, а я безъ рубахи должонъ дома изъ-за тебя сидѣть...

— Отстань, сѣра горючая... Рубаха, рубаха — разорваться мнѣ на васъ? И то похуже другой каторжной... Бьешься-бьешься день-то денской, свѣту Божьяго не видать, готова изъ своей кожи вылѣзти...

— Оно и похоже... Немного у тебя въ кожѣ-то живого мѣста осталось. Того гляди, въ самомъ дѣлѣ лопнешь...

Спиридоновна, привыкшая въ артели отругиваться, накинулась на него съ обычнымъ ей азартомъ:

— Да ты что пристылъ-то ко мнѣ, домовой? Другіе-то спятъ, а ты торчишь на завалинкѣ, какъ сычъ... Не съ родной жены спрашивать-то. Много васъ тутъ оболтовъ... Вотъ уже скажу Ивану Семенову: не хочу больше муку мученицкую принимать черезъ васъ. Ну, чего ты пристылъ-то, сухая мозоль?

— А ты что подворотню-то растворила? Ступай, жалься Ивану Семенову... Тоже нашла, чѣмъ напугать.

Спиридоновна обругала его еще какъ-то, а потомъ плюнула въ его сторону и скрылась въ дверяхъ.

— Колдунъ проклятый...—слышалось ея удалявшееся ворчанье.

У Гаврилы Ермолаева были всегда нелады съ отчаянной артельной стряпухой. Конечно, она работала, какъ двужильная лошадь, а все-таки не настоящая баба, какъ ее ни поверни. И въ годахъ баба, слава Богу, а тутъ еще какой-то двоюродный солдатъ каждый праздникъ приходитъ... да еще огородникъ Петька. На послѣднемъ пунктѣ всѣ мысли Гаврилы Ермолаева кончились. Онъ относился къ бабамъ вообще съ презрѣніемъ, а тутъ и думать-то нехорошо, не то что говорить. Добрые люди въ церковь, поди, собираются, а онъ со стряпухой на свѣжемъ воздухѣ ругается. Распослѣднее дѣло вообще...

Спиридоновна не успокоилась одной руганью. Когда вышли изъ казармы другіе рабочіе и присѣли на завалинку къ Гаврилѣ Ермолаеву, она выскочила и бросила его грязную рубаху.

— Вотъ тебѣ твоя рубаха, змѣй!.. Жилы изъ меня тянешь.

Гаврила Ермолаевъ ничего не отвѣтилъ, поднялъ рубаху и унесъ къ себѣ въ казарму. Выходка Спиридоновны вызвала хохотъ рабочихъ и соотвѣтствовавшія случаю шутки.

— Недаромъ говорится, братцы, что бабье сердце, какъ худой горшокъ, — постоянно дребезжитъ.

— Ужъ баба разстервенится, такъ себя готова съѣсть.

Молодые парни любили подразнить Спиридоновну и не обращали вниманія на тумаки и затрещины, которыми она ихъ награждала. Казарменные остроумцы называли стряпуху скандаръ-баба, и это выходило очень смѣшно, несмотря на частыя повторенія.

Праздники для казармы были самымъ скучнымъ временемъ, и всѣ не знали, куда дѣваться. Часть уходила въ городъ за покупками, причемъ заработанные гроши часто оставались гдѣ-нибудь въ трактирѣ, а покупка откладывалась до слѣдующаго раза. Впрочемъ, такихъ гулякъ было немного,

да и тѣ всѣ были питерскіе, т.-е. отбившіеся отъ своей деревни мужики и „ушибленные трактиромъ“, какъ говорилъ Иванъ Семеновъ. Большинство оставалось въ своей казармѣ, отсыпаясь за цѣлую недѣлю или цѣлый день просиживая на казарменной завалинкѣ. День проходилъ, вообще, скучно, особенно для молодыхъ, которымъ вспоминалась своя деревня съ праздничными хороводами и разными игрищами. Всѣ бродили около казармы, какъ бродятъ по стеклу отравленныя мухи.

Больше всѣхъ скучалъ Гаврила Ермолаевъ, охваченный своими деревенскими думами. Въ праздникъ-то по дому мало ли работы наберется, особенно лѣтомъ, а тутъ сиди да гляди, какъ другіе мотаются безъ всякаго дѣла. Его охватывала настоящая тоска, когда онъ припоминалъ, что срокъ этой городской работы кончится только къ Покрову. Обидно ему было и за сына Петруньку, слабосильнаго, рябого и молчаливаго парня, который, того гляди, собьется на городскую руку. Другой сынъ, Степанъ, былъ на возрастѣ и точно врось въ землю, и его не ушибешь ни легкимъ городскимъ хлѣбомъ ни трактиромъ. Въ артели были еще два племянника, тоже ничего ребята, да человѣкъ пять сосѣдей, а всѣхъ ровно десять человѣкъ.

Снесши рубаху въ казарму, Гаврила Ермолаевъ вернулся въ накинутомъ на плечи, заплатанномъ и коробившемся отъ недавняго дождя полушубкѣ. По деревенской привычкѣ онъ и лѣтомъ любилъ посидѣть въ овчинѣ, — паръ костей не ломитъ. Захвативъ съ собой рваные, порыжѣвшіе безъ мазки сапоги, Гаврила Ермолаевъ долго вертѣлъ ихъ въ рукѣ, выбирая мѣсто, съ котораго лучше было начать починку. На работу вся артель выходила въ лаптяхъ или босикомъ, а сапоги составляли уже предметъ роскоши. Для починки Гаврила Ермолаевъ подобралъ на свалкѣ нѣсколько старыхъ обносковъ и цѣлыхъ лоскутьевъ кожи, но они оказались негодными, потому что развѣзались въ рукахъ, какъ картонъ. Другіе рабочіе наблюдали за работой Гаврилы Ермолаева и только качали головами.

— Ничего не выйдетъ, Гаврила... Одно гнилье.

— Оно точно...—соглашался Гаврила Ермолаевъ, ковыряя сапоги, точно они были виноваты.

Дальше было рѣшительно нечего дѣлать. Почти всѣ рабочіе выползли изъ казармы и разбились на кучки. Въ праздники съ особенной силой сказывалась тяга однодеревенцевъ другъ къ другу. Кое-гдѣ начали ужъ завтракать всухомятку, запивая ржаной хлѣбъ водой. Только одна артель питерскихъ каменщиковъ баловалась чаемъ, который заваривался въ измятомъ и закопченомъ жестяномъ чайникѣ. Изъ-за горячей воды всегда шла жестокая война съ Спиридоновой, которая грызлась изъ-за каждой капли кипятку. Сама она пила потихоньку отъ всѣхъ кофей, добываемый въ городѣ отъ знакомыхъ кухарокъ самымъ таинственнымъ образомъ.

— Что-то Петька-огородникъ нейдетъ? — слышалось уже нѣсколько разъ.

Рабочіе поглядывали на свалку и ждали. Петька каждый праздникъ являлся утромъ въ гости къ Спиридоновнѣ, угощался на ея счетъ, а потомъ ее же ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Это было даровое представленіе для всей казармы.

— Да вонъ онъ, легокъ на поминѣ...

Дѣйствительно, на свалкѣ показалась фигура въ пиджакѣ, въ картузѣ и сапогахъ. Это и былъ лихой огородникъ Петька. Онъ шелъ, слегка пошатываясь и ухарски сдвинувъ картузъ на одно ухо. Для шика онъ пиджакъ не надѣвалъ въ рукава, а посилъ его въ накидку, причемъ всегда подъ мышкой таскалъ гармонику.

— Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ,—замѣтилъ Гаврила Ермолаевъ, недолюбливавшій лихача.

Петька спустился со свалки, перешелъ капустныя гряды, саженыя разсадой, и, не доходя до казармы, заигралъ на гармоникѣ что-то залихватское.

Ну ты, ну ты,
Гдѣ ты, гдѣ ты...

Особенностью Петьки, смущавшей всю казарму, было то, что онъ всегда былъ при часахъ, а въ казармѣ ни у кого часовъ не было. По хохоту рабочихъ Спиридоновна догадалась, какой гость жалуетъ, и обругалась въ пространство.

— Почтеніе честной компаніи!—раскланивался Петька, подходя къ казармамъ. — Каково прыгаете, братцы?

— Ничего... А ты чему обрадовался спозаранку?

— Такая линія подошла... Значитъ, на свои. Кто мнѣ можетъ препятствовать, ежели я самъ по себѣ?

Лицо у Петьки было самое озорническое — круглое, румяное, насмѣшливое, съ безстыжими, выпуклыми, темными глазами... Впрочемъ, онъ былъ парень не злой, а такъ — питерскій забалуй.

— А гдѣ наша любезнующая ярославская скапидарная дама?—спрашивалъ Петька, дѣлая гримасы. — Чуть-чуть не родня: на одномъ солнышкѣ онучи сушили...

— Перестань ты молоть-то,—оговорилъ его Гаврила Ермолаевъ.

— Я? А ежели я всего больше уважаю свой собственный характеръ?.. Вотъ сейчасъ пойду къ любезнующей скапидарной ярославской дамѣ поздравлять...

III.

Дальше начиналось представленіе въ обычномъ порядкѣ. Петька отправлялся къ русской печи, гдѣ возилась съ ухватами Спиридоновна, а за нимъ повалили толпой молодые ребята, довольные даровой потѣхой.

— Съ праздничкомъ, тетушка,—говорилъ Петька, снимая картузъ и держа его на отмашь.

— Какая я тебѣ тетушка, лупоглазый?!..

— А такая, самая близкая родня: троюродная наплевать...

Вся казарма покатилась неистовымъ хохотомъ. Ужъ Петька, ужъ онъ [illegible] колѣнце...

— Ну, Петька, прибавь еще!—поощряли его голоса изъ толпы.

— А ежели она ругается? Только нѣтъ, меня не проведетъ,—продолжалъ Петька, поощренный успѣхомъ. — Это она вамъ, деревенщинѣ, страшна, а я знаю весь секретъ... Любезнующая скапидаръ-дама сердита только снаружи, какъ хорошая, старая рѣдька, а вся середка у нея добрая... Самой себѣ, значитъ, въ убытокъ.

Гаврила Ермолаевъ никогда не присутствовалъ при этихъ сценахъ и не позволялъ принимать въ нихъ участіе своимъ ребятамъ. Онъ зналъ, чѣмъ все кончится: Спиридоновна будетъ ругаться съ Петькой, а потомъ позоветъ его въ свою каморку и тамъ угоститъ водкой. Происходило что-то совершенно непонятное, тѣмъ болѣе, что въ отношеніяхъ Спиридоновны къ Петькѣ рѣшительно ничего не было дурного, да и самъ Петька не былъ дурнымъ человѣкомъ, кромѣ своей дурашливости и болтовни. Такъ, зря болтаетъ парень, чтобы потрезвонить. Покончивъ балагурство, Петька въ каморкѣ Спиридоновны долго

о чемъ-то толковалъ съ ней уже серьезно, и Спиридоновна журила его, какъ путаную головку.

— Угостился?—спрашивали Петьку рабочіе, когда онъ выходилъ.

— Даже выше макушки,—отвѣчалъ Петька, впадая въ балагурство.

Очевидно, у него были какія-то дѣла со Спиридоновной, которыхъ никто не зналъ и которыя онъ покрывалъ своимъ шутовствомъ. Гаврила Ермолаевъ больше всего не любилъ, когда Петька, угостившись за счетъ Спиридоновны, усаживался гдѣ-нибудь на завалинкѣ и принимался разводить свои непутевые разговоры.

— Эхъ, ты, Вытебская губернія, ничего-то не понимаешь,—обыкновенно начиналъ Петька.—Вотъ камень долбить ваше дѣло...

— А ты самъ попробуй, Петька, да подолби...

— Гдѣ ужъ намъ, ярославцамъ! У насъ своя линія, попроще... Мы, значитъ, около свалки стараемся. Кормилица она наша... Вотъ теперь я редиску да салатъ продавалъ, а потомъ пойдетъ огурецъ да ягода, да цвѣтная капуста, да томатъ... купимъ аршавскаго дешеваго овощу, помочимъ въ своей водѣ да за свой господамъ и продаемъ. На нашъ вѣкъ дураковъ хватитъ...

— А хорошо это?—спрашивалъ Гаврила Ермолаевъ:—то-есть обманомъ жить?

— Даже весьма превосходно, Гаврила Ермолаичъ. Еще старики говорили, что правдой вѣка не изживешь... Вѣдь мы не знаемъ, какъ господа-то свои деньги наживаютъ. Можетъ, еще похуже нашего...

— Ихъ грѣхъ—ихъ и отвѣтъ.

— Въ самый разъ, Гаврила Ермолаичъ, Пусть отвѣчаютъ и за насъ, грѣшныхъ... Оно ужъ по пути будетъ.

Съ Петькой было, вообще, трудно разговаривать, потому что на каждое чужое слово у него находилось десять своихъ. Гаврилу Ермолаева удивляло, что и слова-то у него были всѣ какія-то пустыя, какъ дождевые грибы, отъ которыхъ остается одна пыль. И все-таки молодые рабочіе слушали Петьку, разиня ротъ, и втайнѣ всѣ завидовали ему.

— Пустой колосъ голову кверху носитъ,—говорилъ Гаврила Ермолаевъ, напрасно стараясь уронить нараставшій авторитетъ Петьки.

— Старичокъ-то посерживается на меня,—объяснялъ, въ свою очередь, Петька, подмигивая въ сторону Гаврилы Ермолаева.—Однимъ словомъ, деревенщина и никакого понятія, что̀ и къ чему. Никакой настоящей ухватки... Одна темнота.

Петька глубоко презиралъ деревню и ядовито глумился и осмѣивалъ все, что̀ напоминало ее, особенно деревенскую, домашней работы одежду—сермяги изъ домашняго толстаго сукна, холщевыя рубахи, пестрядинные штаны и болѣе всего лапти и онучи.

— Стыдно на васъ смотрѣть-то,—повторялъ Петька.—Просто рвань коричневая и больше ничего...

— Ты хорошъ,—спорилъ съ нимъ Гаврила Ермолаевъ,—совсѣмъ на господскую руку... Щеголь—хвостъ веретеномъ.

Но эти споры не приводили ни къ чему, и Гаврила Ермолаевъ чувствовалъ, что Петька забираетъ надъ нимъ перевѣсъ, и что его, Гаврилы Ермолаева, деревенскія правильныя слова точно мертвѣютъ въ этомъ зараженномъ городской свалкой воздухѣ. Главное, жаль молодыхъ ребятъ, которые еще не вошли въ настоящій разумъ и поддавались Петькинымъ пустымъ словамъ.

До обѣда въ праздники время проходило особенно медленно, точно ему

и конца нѣтъ. Гаврила Ермолаевъ все смотрѣлъ на небо и разсчитывалъ, куда плывутъ дождевыя тучки. Хорошо, ежели бъ въ Витебскую губернію...

Передъ обѣдомъ его разыскала Спиридоновна, которая вела за собой какую-то женщину, одѣтую по-городски.

— Вотъ твои витебскіе, Настя,—коротко объяснила Спиридоновна, тыкая пальцемъ на Гаврилу Ермолаева.

Стряпухѣ было совѣстно за давешнюю свою выходку съ рубахой, и она старалась придать своему голосу нѣкоторую ласковость.

— Вытебскіе будете?—спрашивала незнакомка и, не дожидаясь отвѣта, какимъ-то жалобнымъ голосомъ проговорила:—И я тоже вытебская... Сейчасъ-то въ кухаркахъ при господахъ стою.

Гаврила Ермолаевъ не зналъ, что̀ ему говорить съ этой Настей и что̀ ей отъ него нужно. Но кухарка оказалась разговорчивой и сама разсказала, изъ какого уѣзда и волости. Оказалось, что почти сосѣди. Гаврила Ермолаевъ точно встрепенулся.

— Такъ, такъ, совсѣмъ близко отъ нашей деревни,—радостно повторялъ онъ.—Какъ тебя звать-то? Настасья Лукина? Что-то какъ будто не припомню такой...

— А давно я ушла изъ своей-то деревни, гдѣ же упомнить.

— По какой причинѣ ушла?

Настасья немного смутилась и, оглядѣвшись, прибавила:

— Такъ, бабьимъ дѣломъ...

— Замужъ вышла?

— Около того...

Настасья засмѣялась и прибавила:

— Много насъ такихъ-то... Извѣстно, бабы-дуры.

— Ошибочка вышла?

— Былъ такой грѣхъ... Ну, а сейчасъ, слава Богу, не могу пожаловаться. Живу по господамъ, восемь рублей жалованья, къ празднику подарки, ну, изъ лавочки да отъ мясника перепадаетъ иной разъ. Ничего, слава Богу... Въ банкѣ сберегательномъ на книжкѣ сто сорокъ три рубля лежатъ, одежонка всякая, самоваръ свой купила...

Настасья имѣла сытый видъ, который красилъ ея скуластое лицо съ узкими темными глазками. И говорила она уже совсѣмъ по-городски, настоящими городскими словами.

— Такъ, такъ...—соглашался Гаврила Ермолаевъ, прикидывая въ умѣ все, что̀ говорила Настасья.—Значитъ, на всемъ готовомъ... Потомъ, значитъ, ни дождь тебя не мочитъ ни холодъ не беретъ—сидишь, какъ таракапъ за печкой. Восемь рублей...

Эта цифра заставила его почесать въ затылкѣ. За такую уйму денегъ другая витебская баба на готовыхъ-то харчахъ цѣлый бы годъ работала... Да, кругленькая копеечка. Прикинувъ въ умѣ все, Гаврила Ермолаевъ неожиданно спросилъ:

— Ну, значитъ, все есть, а потомъ что̀?

Этотъ простой вопросъ смутилъ Настасью. Она какъ-то не думала о будущемъ.

— Пока что̀, а тамъ ужъ какъ Богъ...

— Такъ, такъ... Конечно, все отъ Бога. Значитъ, и подарки и господскій харчъ... Тепло, поди, въ кухнѣ-то?

— Жарко до смерти, а не то что тепло... Цѣлый день плита топится.

Потомъ, улыбнувшись, Настасья проговорила жалобнымъ голосомъ:

— А я-то все смотрю на васъ, какъ вы мимо нашей дачи на работу и съ работы ходите. Сразу узнала своихъ вытебскихъ... Бѣдно живете тамъ у себя въ деревнѣ?

— Какъ случится... Есть и богатые мужички.

— Охъ, вотъ какъ я помню нашу-то вытебскую бѣдноту... Сама въ сиротствѣ росла, досыта наголодалась, пока въ возрастъ пришла. Отецъ-то на заработки вотъ такъ же ушелъ да и не воротился домой. Пришла потомъ бумага, что его гдѣ-то на работѣ землей задавило. Напринимались мы горя съ матерью, особенно по зимамъ: избенка нетопленная, со всѣхъ сторонъ дуетъ, одежонки—что на себѣ, а ѣли часто черезъ день... Вотъ, поглядываю на васъ и вспоминаю прежнее. Тоже свое, хоть и голодное и холодное...

Гаврилѣ Ермолаеву хотѣлось еще поговорить со своей витебской бабой, но она заторопилась домой.

— Какъ-нибудь въ другой разъ заверну,—говорила Настасья, прощаясь.— Наша жизнь хоть и хорошая, а все, какъ собака, на привязи сидишь... Народу у насъ въ домѣ-то достаточно. Баринъ одинъ, а около него, какъ около зерна, мякины... Двухъ поваровъ держимъ, швейцара, двухъ лакеевъ, кухоннаго мужика, выѣзднаго кучера, двухъ конюховъ... Вы супротивъ самой нашей дачи работаете.

— Всѣмъ деревни не выберешь, Настасьюшка.

Въ голосѣ Гаврилы Ермолаева слышались ласковыя ноты, что случалось рѣдко.

IV.

Утромъ по праздникамъ приходилъ въ казарму такъ называемый „физикъ“, который околачивался гдѣ-то на свалкѣ, собирая битое стекло. Это былъ типичный золоторотецъ, оборванный, опухшій отъ пьянства и какъ-то по-пьяному нахальный. „Физикъ“ былъ все-таки необходимымъ человѣкомъ, потому что писалъ письма для всей казармы,—изъ шестидесяти рабочихъ грамотныхъ было всего пять человѣкъ, да и тѣ едва умѣли подписать свою фамилію. Учились грамотѣ, а потомъ забыли.

Написать письмо и отправить его, особенно денежное, составляло цѣлую исторію. Чего стоило итти на почту, ждать тамъ очереди и часто возвращаться домой ни съ чѣмъ, потому что пьяный физикъ или адресъ напутаетъ, или сумму отправляемыхъ денегъ поставитъ не ту, или вложитъ въ [illegible] чужое письмо. Сегодня физикъ пришелъ позже обыкновеннаго и [illegible] собой со свалки другого золоторотца, котораго отрекомендовалъ „хи[illegible]“.

— Мы сосѣди,—объяснялъ онъ:—онъ живетъ гдѣ день, гдѣ [illegible] насупротивъ него.

— Однимъ словомъ, Спиридоны-повороты, лишенные столицы,—глумился огородникъ Петька.

Физикъ и химикъ не обращали на насмѣшки никакого вниманія. Оба тряслись со вчерашняго перепоя и ждали опохмелья, чтобы руки не такъ дрожали. Изъ-за этого вышло маленькое недоразумѣніе: одному физику полагалась сороковка водки, а тутъ еще давай сороковку и химику. Рабочіе потолковали и согласились: въ четыре руки работа пойдетъ спорѣе.

— Пишутъ въ два пера, а дѣлежка не спора,—язвилъ огородникъ Петька, считавшій своимъ долгомъ издѣваться надъ золоторотцами каждый разъ.— Господинъ физикъ, позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ вашъ уважаемый пріятель и другъ называется химикомъ?

— А вотъ сейчасъ...—равнодушно отвѣтилъ физикъ, наливая дрожавшей рукой водку.—Химикъ, докажи имъ, что ты дѣйствительно есть настоящій химикъ...

Химикъ взялъ стаканъ водки, опрокинулъ его какъ-то особенно быстро и вмѣсто закуски взялъ щепоть соли и вынюхалъ ее, какъ нюхаютъ табакъ. Этотъ маневръ заслужилъ общее одобреніе, и послышались голоса:

— Что взялъ, Петька? Осрамилъ тебя химикъ.

— Онъ и стекломъ умѣетъ закусывать,—предлагалъ физикъ.

— Ну, ужъ это вы оставьте!—вступилась подвернувшаяся Спиридоновна.—Видывали достаточно, какъ рюмки да стаканы зубами-то разгрызаютъ...

Она отняла стаканъ и утащила его къ себѣ въ каморку. Бутылка была пустая, и золоторотцы приступили къ работѣ. По условію, они за каждое письмо получали по три копейки, конечно, на хозяйской бумагѣ. Оказалось, что химикъ, вызвавшій сначала нѣкоторое подозрѣніе, писалъ и лучше и быстрѣе, что сейчасъ же было оцѣнено по достоинству и поставлено на видъ физику.

— У меня слогъ краснорѣчивѣе,—оправдывался тотъ.

— Да, совсѣмъ другой коленкоръ!—подтвердилъ огородникъ Петька, у котораго явилась счастливая мысль поссорить золоторотцевъ и довести ихъ до драки.

У Петьки былъ цѣлый рядъ выраженій, которыя производили на деревенщину особенное впечатлѣніе, какъ неопровержимое доказательство высшей культуры: „не тотъ коленкоръ“, „неглеже съ отвагой“, „рвань коричневая“, „антикъ съ гвоздикой или англійское съ мыломъ“, и т. д.

Золоторотцы усердно проработали до самаго обѣда, причемъ химикъ написалъ двумя письмами больше, чѣмъ физикъ, слѣдовательно получилъ больше на 6 копеекъ, чѣмъ и воспользовался Петька, чтобы стравить ихъ. Но его планъ не удался благодаря вмѣшательству Спиридоновны, всегда заступавшейся за несчастненькихъ.

— Ужъ съ кого взыскивать-то, прости, Господи!—ворчала она, отталкивая Петьку.—Совѣсти въ тебѣ нѣтъ, лупоглазый...

Спиридоновна какъ-то особенно хорошо и просто умѣла жалѣть этихъ „лишенныхъ столицы“ и потихоньку совала имъ какую-нибудь закуску. Конечно, они отчаянные пропойцы, а какъ ихъ судить, ежели и безъ того ихъ Богъ убилъ... Въ праздники она усаживала физика за артельный столъ, хотя ей за это и доставалось отъ хозяина. Такъ было и сегодня, причемъ опасность хозяйскаго нагоняя поднималась вдвое: два лишнихъ рта. Рабочіе ничего не имѣли, когда съ ними обѣдалъ физикъ, но при случаѣ всю вину сваливали на Спиридоновну. Это было страшное малодушіе со стороны большой артели, вызывавшее въ Спиридоновнѣ еще бо́льшую жалость.

Нѣсколько разъ Спиридоновна съ азартомъ нападала на Гаврилу Ермолаева.

— Ты-то что молчишь? Небось, всѣ вы мастера за кухаркину спину прятаться... Гдѣ васъ надо, такъ вы всѣ языкъ проглотили.

— Оно, конечно, тово...—сбивчиво бормоталъ Гаврила Ермолаевъ, почесывая въ затылкѣ.—Это ты правильно, Спиридоновна... Оно, конечно, по человѣчеству ежели судить...

— То-то правильно, а самъ передъ хозяиномъ въ кусты... Развѣ такіе настоящіе мужики бываютъ, чтобы за бабу прятаться? Экая бѣда, подумаешь, что лишеннаго столицы артель накормила...

— Оно, конечно, Спиридоновна, ежели разсудить... А кто ихъ знаетъ, кто они такіе? Еще чего бы не вышло...

— Какіе такіе? Можетъ получше насъ съ тобой... Такая болѣсть въ человѣка входитъ.

— Отъ себя болѣсть-то. За свои деньги ее покупаютъ въ кабакѣ...

— А ежели ихъ кто-нибудь испортилъ? Развѣ я побѣгу въ кабакъ, ежели у меня все правильно?.. Сосетъ ихъ, сказываютъ, такой бѣлый червякъ,—вотъ и бѣгутъ въ кабакъ. А ты осудилъ—грѣхъ-то и вышелъ на тебѣ.

Гаврила Ермолаевъ только почесывалъ въ затылкѣ и не спорилъ. Причинъ невмѣшательства у него было двѣ: первая—вообще не вмѣшиваться въ чужія дѣла, а вторая—онъ никакъ не могъ понять всѣхъ этихъ лишенныхъ столицы, которые околачивались на свалкѣ. Кто они такіе? откуда? какъ дошли до своего настоящаго положенія? почему не могутъ остепениться и работать, какъ всѣ другіе?

Конечно, и у нихъ въ деревнѣ были свои пропойцы: солдатъ Ефимъ, купецъ Евсеичъ, еще два-три человѣка. Да, они пили, но не доходили до такого униженія и позора, какъ промышлявшіе на свалкѣ золоторотцы, напоминавшіе собой какіе-то человѣческіе отбросы. Ежели повихнулся въ деревнѣ солдатъ, у котораго и хозяйство нарушено, и жена убѣжала, и самъ онъ отвыкъ отъ крестьянской работы,—все это понятно. А тутъ, взять того же физика,—что̀ такое? Самъ себя человѣкъ потерялъ—и все тутъ. Въ душѣ Гаврилы Ермолаева просыпалось тяжелое и недружелюбное чувство ко всѣмъ этимъ потеряннымъ людямъ, которые, вдобавокъ еще, почти всѣ были грамотными. Онъ подолгу наблюдалъ приходившаго въ казарму физика и пробовалъ съ нимъ заговаривать, причемъ получались удивительные результаты,—именно, самъ физикъ нисколько не считалъ себя потеряннымъ человѣкомъ.

— А вотъ брошу пить и другимъ человѣкомъ буду,—увѣренно говорилъ физикъ.

— И брось...

— И брошу... Надоѣло... Думаешь, сладкая наша жизнь?..

— Сами виноваты, что довели себя до этого...

Физикъ какъ-то смѣшно моталъ своей головой, въ которой вѣчно бродили винные пары, и говорилъ:

— Ежели бы я не бросилъ службу... Да... Гордъ я, а тутъ меня начали прижимать по службѣ. Другимъ награда къ Рождеству, а мнѣ нѣтъ ничего... Потомъ, чѣмъ другіе лучше меня?

— Какая служба-то была?

— А такая... По письменной части... Это для васъ мы—золоторотцы, т.-е. пропащіе люди, а вы не понимаете того, что тутъ и купцы, и доктора, и инженеры,—всякаго жита по лопатѣ. Вотъ какая компанія, можно сказать... Отдай все!

— Какіе же вы люди, ежели работать не умѣете? Развѣ это работа—на свалкѣ кости да тряпье да стеклышки подбирать?

Полная нетрудоспособность золоторотцевъ возмущала Гаврилу Ермолаева до глубины души. Какая тутъ работа, когда вся сила пропита по кабакамъ да по трактирамъ?.. А сколько такихъ „лишенныхъ столицы“ брело по шоссе изъ Питера безъ конца-краю!.. Идутъ, выпрашиваютъ милостыню, а гдѣ плохо лежитъ—и скрадутъ что-нибудь. И такихъ пропащихъ людей, какъ сказываютъ, въ Питерѣ большія тысячи. Что̀ же это такое?

V.

Праздничные обѣды въ казармѣ всегда были веселые. Подавались щи съ солониной и крутая пшенная каша съ прогорклымъ саломъ. Иванъ Семеновъ гордился, что его артель ѣстъ убоину, а въ кашѣ ложка стоитъ. Это не то, что у огородника Тихоныча, гдѣ подадутъ пустыхъ щей да картошки—вотъ и весь праздникъ.

И нынче было въ казармѣ, какъ всегда. Рабочіе разсаживались на три стола. Нашлось мѣсто и физику, и химику, и озорнику Петькѣ.

„Ишь, дармоѣды, точно за свое садятся!—подумалъ Гаврила Ермолаевъ, недружелюбно посматривая на золоторотцевъ.—Вотъ ужо придетъ Иванъ Семеновъ, такъ онъ вышибетъ изъ Спиридоновны всѣ потроха“.

Спиридоновна и сама то же думала. Ну, Петька еще увернется какъ-нибудь и физикъ тоже, а химикъ подведетъ навѣрно. Опасенія Спиридоновны оправдались очень скоро, именно, когда въ казармѣ неожиданно появился самъ Иванъ Семеновъ. Онъ вошелъ не тѣмъ ходомъ, черезъ который ходили всѣ рабочіе, а маленькой дверкой около печи. Первымъ увидѣлъ его лихой огородникъ Петька и успѣлъ выскочить на улицу. Физикъ во-время замѣтилъ это и юркнулъ подъ столъ. Одинъ химикъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, потому что всецѣло занятъ былъ ѣдой. Иванъ Семеновъ чутьемъ слышалъ присутствіе чужого человѣка въ казармѣ, поэтому прямо подошелъ къ оторопѣвшему химику, положилъ ему руку на плечо и проговорилъ:

— Это еще что за образъ?

Химикъ совершенно растерялся. Онъ стоялъ передъ подрядчикомъ потный и красный, съ отдувшейся щекой, за которой застрялъ кусокъ подрядчиковой убоины. Рабочіе всѣ притихли. Молодые парни сдерживали смѣхъ, чтобы не выдать лежавшаго подъ столомъ физика. Кое-гдѣ мелькнувшія улыбки взбѣсили Ивана Семенова, и онъ сначала обругалъ всѣхъ, а потомъ накинулся на Спиридоновну.

— Ты это что же смотришь, кувалда? Вотъ имъ смѣшно, какъ ты хозяйское добро травишь всякимъ прощелыгамъ... Обязанъ развѣ я всю свалку кормить? Одинъ такой образъ сколько сожретъ.

Спиридоновна сначала чувствовала себя виноватой и даже хотѣла пустить слезу, а потомъ, когда Иванъ Семеновъ очень уже насѣлъ на нее одну, въ свою очередь разсердилась.

— Да ты что на меня-то накинулся, Иванъ Семеновъ? Кому письмы-то писалъ цѣльное утро вотъ этотъ самый образъ?!.. Небось, всѣ молчатъ и уши прижали... А мнѣ что, не велика корысть, что голоднаго человѣка покормила. Вся тутъ,—нечего съ меня взять!..

— Да ты что подворотню-то растворила?!..—заоралъ Иванъ Семеновъ, топая ногами.—Да я тебя сейчасъ, какъ кошку—за хвостъ да объ стѣну!

— Меня?!.. Руки коротки...—Снявъ передникъ и бросивъ имъ въ хозяина, Спиридоновна проговорила:—Вотъ тебѣ хомутъ и дуга, а я тебѣ не слуга...

— Ай-да Спиридоновна, молодецъ!—послышался въ дверяхъ казармы ласковый старческій тенорокъ.—Хорошо ты разговариваешь съ хозяиномъ... форменно!.. Ахъ, лягушка тебя заклюй!..

Всѣ огляпулись. Въ дверяхъ стоялъ огородникъ Ефимъ Тихонычъ, сѣденькій, благообразный старичокъ, извѣстный у ягодницъ и копорокъ подъ кличкой „пирожника“. Одна нога у Ефима Тихоныча была короче, и онъ ходилъ, опираясь на палку, что придавало ему еще больше старческаго благо-

образія. Съ Иваномъ Семеновымъ онъ состоялъ въ давнишней дружбѣ. Изъ-за спины Ефима Тихоныча выставлялась улыбавшаяся и подмигивавшая рожа Петьки. Иванъ Семеновъ немного смутился, а потомъ топнулъ ногой на Спиридоновну и проговорилъ:

— Брысь подъ печку, скапидаръ!..

Ивану Семеновичу не нравилось вообще, что Тихонычъ ходитъ къ нему въ казармы и точно подглядываетъ. Мало ли что по семейному дѣлу выйдетъ въ другой разъ, какъ сегодня, напримѣръ! А тутъ еще зубоскалъ Петька присунулся.

— Ты чего здѣсь потерялъ, путаникъ?—накинулся онъ на Петьку, здороваясь съ улыбавшимся Ефимомъ Тихонычемъ.

— А мы, значитъ, съ хозяиномъ...—бойко отвѣтилъ Петька, встряхивая головой.—Всякое, значитъ, уваженіе господину хозяину...

Ефимъ Тихонычъ всегда улыбался, поглаживая сѣденькую козлиную бородку.

— Ну, Иванъ Семеновъ, а я къ тебѣ пришелъ,—говорилъ онъ, оглядывая казарму.—Дай, думаю, зайду,—можетъ, хозяинъ дома. Да въ самую пыль и попалъ... А мнѣ какъ разъ до твоей Спиридоновны дѣльце есть.

Прихрамывая, Тихонычъ отправился въ кухонную коморку, гдѣ Спиридоновна сидѣла у стола и голосила.

— Ну, будетъ тебѣ!—ласково проговорилъ старикъ, хлопая ее по жирной спинѣ.—Москва слезамъ не вѣритъ...

— Отстань, пирожникъ!..

— А ты не брыкайся... Дѣло есть.

— Знаемъ твои-то дѣла... Отваливай!

Тихонычъ присѣлъ на лавочку къ окну, оглядѣлъ каморку—это была его привычка все оглядывать,—благочестиво вздохнулъ и, подавая Спиридоновнѣ серебряный рубль, проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— На вотъ тебѣ... На дорогѣ нашелъ.

Спиридоновна сердито посмотрѣла на ласковаго старичка и, не принимая рубля, отвѣтила:

— Видно, Мотька опять дуритъ?

— И не говори!.. Совсѣмъ сбѣсилась дѣвка!.. На стѣну лѣзетъ...

— Ну, а чего смотритъ твоя-то Анѳиса? И укоротила бы... Большую волю далъ Мотькѣ, вотъ она и дуритъ...

— Главное, срамитъ передъ всѣми. Такую тѣнь напустила... И всякія слова выговариваетъ. А что касаемо Анѳисы, такъ она тоже вполнѣ себя круглой дурой обозначила... Пень березовый!

Спиридоновна взяла рубль, вытерла глаза и отвѣтила уже дѣловымъ тономъ:

— Ужо вечеркомъ заверну... Дѣвка-то вонъ какая характерная! Не по себѣ дерево согнулъ...

Тихонычъ продолжалъ угнетенно вздыхать и какъ-то жалостливо моргалъ глазами. Конечно, Спиридоновна утихомиритъ, ежели взялась. Не чета полоротой Анѳисѣ. Со Спиридоновной у него дѣла велись не одинъ годъ, и она его постоянно выручала. Смотрѣть, такъ дерево деревянное, а какъ умѣетъ глупыхъ копорокъ разговорить! Вѣдь совсѣмъ глупыя слова говоритъ, а тѣ ее слушаютъ, какъ овцы.

— А съ Иваномъ Семеновымъ я поговорю,—заискивающе говорилъ Ефимъ Тихонычъ, поднимаясь.—Такъ онъ пыль-то напустилъ зря...

— Змѣй онъ, вотъ что!—опять заголосила Спиридоновна.—Я тутъ какъ двужильная лошадь вытягиваюсь, а онъ убогому человѣку пожалѣлъ корочки... Прямо змѣй.

— Ладно, ладно, я поговорю...

Иванъ Семеновъ очутился въ довольно глупомъ положеніи, пока шли эти переговоры. Когда Тихонычъ вышелъ, онъ сейчасъ же потащилъ его изъ казармы.

— Пойдемъ въ трактиръ, чайку попьемъ,—говорилъ онъ, не глядя на проходившую мимо Спиридоновну.

Когда они отошли шаговъ двадцать, въ казармѣ раздался общій хохотъ.

— Ахъ, подлецы! это они надо мной хохочутъ...—озлился опять Иванъ Семеновъ, повертывая назадъ.

— Оставь, брось!..—говорилъ Тихонычъ, подхватывая его подъ руку.— Это мой Петька какое-нибудь колѣно выкинулъ. Отъ него станется, отъ идола...

Иванъ Семеновъ ошибался. Вся казарма хохотала не надъ нимъ, а надъ вылѣзавшимъ изъ-подъ стола физикомъ. Петька, дѣйствительно, не удержался и выкинулъ колѣнце.

— Изволили на кульерскомъ поѣздѣ пріѣхать, ваше высоко-ничево?—говорилъ онъ, раскланиваясь съ физикомъ.—Значитъ, мы вмѣстѣ ѣхали, только я въ другой вагонъ ушелъ.

Послѣ обѣда наступало самое скучное время. Рабочіе постарше укладывались спать, а молодежь уходила въ городъ погулять и на людей посмотрѣть. Гаврилу Ермолаева самъ по себѣ городъ совершенно не интересовалъ— что же, городъ какъ городъ,—а онъ уходилъ къ желѣзнодорожной станціи и выстаивалъ у желѣзнодорожнаго полотна цѣлые часы въ какомъ-то оцѣпенѣломъ состояніи. Дачные поѣзда неслись мимо него каждые полчаса—одни въ Питеръ, другіе изъ Питера. Въ окна смотрѣла разряженная по-праздничному публика, а Гаврила Ермолаевъ чувствовалъ себя такимъ жалкимъ ничтожествомъ. Сколько каждая машина проволочетъ такихъ господъ—и не сосчитаешь. Всѣ нарядные, всѣ богатые, всѣ счастливые. И откуда только столько богатаго народу берется? И за машину заплати, и извозчику заплати, и за дачу заплати, и въ буфетѣ заплати... Деревенская ариѳметика Гаврилы Ермолаева здѣсь кончалась, какъ онъ ни прикидывалъ въ умѣ и ни старался хоть приблизительно подсчитать летѣвшее мимо него на всѣхъ парахъ богачество. Ему дѣлалось даже какъ-то страшно. Одна машина сколько дровъ сожретъ въ одинъ конецъ...

Нѣсколько разъ Гаврила Ермолаевъ дѣлалъ попытку пробраться на вокзалъ, чтобы посмотрѣть на настоящихъ господъ вблизи; но его гналъ жандармъ.

— Куда прешь, сиволапый?!..

Потомъ уже научилъ его пьяненькій стрѣлочникъ, что нужно итти въ третій классъ,—оттуда никто не прогонитъ. Гаврила Ермолаевъ такъ и дѣлалъ теперь каждый праздникъ. Обойдетъ вокзалъ и черезъ третій классъ выйдетъ на платформу. Сегодня онъ тоже ушелъ туда и сидѣлъ часа три.

— И куда только, подумаешь, народъ ѣдетъ?—заговорилъ онъ съ однимъ мужичкомъ, робѣя и стѣснялся.

— Куда нужно, туда и ѣдутъ,—нехотя отвѣтилъ тотъ, а потомъ оглядѣлъ Гаврилу Ермолаева и прибавилъ:—Не здѣшній будете?

— А мы Витебской губерніи, значитъ...

— Мостовщики или камобойцы?

— Камобойцы...

— Значитъ, все для васъ удивительно?

— Какъ есть ничего не понимаешь...

Мужичокъ засмѣялся и, тряхнувъ головой, прибавилъ:

— Вотъ то-то вы, деревня!.. Поди, думаете, что все господа да все богатые по машинѣ ѣдутъ? А у другого барина только и капиталу, что̀ на себѣ... Видъ на себя господскій принимаетъ—вотъ и вся музыка. И даже сколько угодно... Прямо сказать, прохвосты есть. Одинъ баринъ такъ-то вотъ мнѣ рупь семь гривенъ не заплатилъ да и за дачу тоже. А смотрѣть—баринъ... И цилиндра на немъ, и перчатки, и тросточка, и трухмальная рубаха...

Гаврила Ермолаевъ слушалъ и не вѣрилъ. Одна одежда на барыняхъ чего стоитъ. На каждой кофта, ботинки, платье, — небось, въ лавкѣ-то даромъ ничего не дадутъ... Все купи да купи... У господъ, почитай, у каждаго золотые часы,—и это денегъ стоитъ. И всѣ торопятся, точно на пожаръ. Между прочимъ, Гаврила Ермолаевъ видѣлъ, какъ по платформѣ торопливо пробѣжалъ Ефимъ Тихонычъ: бѣжитъ, а самъ оглядывается. Потомъ въ толпѣ мелькнула красная рожа Спиридоновны. Она нагнала „пирожника“ и что-то шепнула ему.

„Охъ, грѣхи!..—подумалъ Гаврила Ермолаевъ, наслышанный о „пирожникѣ“ и его дѣлахъ.—Недаромъ наша Спиридоновна вертитъ хвостомъ“.

Вечеромъ въ казармѣ все шло своимъ чередомъ. Петька игралъ на гармоникѣ, кто-то плясалъ босикомъ, взбрасывая кверху руками, потомъ тренькала балалайка, потомъ горланили свои деревенскія пѣсни. Праздникъ закончился жестокой дракой озорника Петьки съ „двоюроднымъ солдатомъ“, который приходилъ къ Спиридоновнѣ. Солдатъ былъ гвардеецъ, высокій и сухой въ кости, и почти всегда молчалъ, а Петька его по своему озорству задиралъ. Выведенный изъ терпѣнія „двоюродный солдатъ“ какъ-то необыкновенно ловко схватилъ Петьку, бросилъ его о-земь и пиналъ ногой. Петька отчаянно кричалъ, а солдатъ продолжалъ молчать. Его звали Ильей, и онъ обиралъ Спиридоновну до послѣдней копейки.

Лежа на нарахъ, Гаврила Ермолаевъ думалъ:

„А навѣрно завтра дождичкомъ хватитъ... Вотъ бы хорошо-то!“

VI.

У Спиридоновны были постоянныя дѣла со свалкой, т.-е. съ работавшими на ней золоторотцами, и всевозможнымъ бабьемъ, работавшимъ у самой свалки на огородахъ, гдѣ царилъ хромой „пирожникъ“. У себя дома она цѣлый день вертѣлась колесомъ, потому что вездѣ нужно было управиться и поспѣть одной, и удосуживалась только вечеркомъ, когда старики укладывались спать и около казармы галдѣла одна молодежь. Сегодня она особенно торопилась уйти на огороды къ Аннисѣ, но пришелъ проклятый солдатъ и поднялъ драку съ Петькой. Они дерутся, а худая слава на Спиридоновну. Еще Иванъ Семеновъ узнаетъ. Чтобы избавиться отъ солдата, который послѣ драки пришелъ къ ней въ каморку, она сунула ему полученный отъ „пирожника“ рубль и проговорила:

— На, подавись, ненасытная утроба!

Солдатъ молча взялъ деньги, погрозилъ ей кулакомъ и ушелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ убрался во̀-время, потому что изъ города вернулись подгулявшіе рабочіе и, когда узнали, какъ солдатъ раздѣлалъ огородника Петьку, подняли шумъ.

— Ишь тоже выискался, солдатская кислая шерсть!.. А вы чего смотрѣли, ребята? Въ колья его... Не тронь Петьку у насъ!.. Петька всю казарму веселитъ,—не дадимъ его въ обиду...

Нашлось нѣсколько охотниковъ бѣжать за солдатомъ вдогонку и побить его.

— Подождите слѣдующаго праздника,—уговаривали пьяныхъ серьезные мужики.—Самъ придетъ въ казарму. Тогда видно будетъ...

Досталось отъ галдѣвшихъ рабочихъ и на долю Спиридоновы. Зачѣмъ, старая кожа, двоюроднаго солдата подманиваетъ? Любитъ съ солдатами хороводиться, такъ и подставляй свои бока. Пусть только придетъ, крупа несчастная!.. Спиридоновна слышала, какъ грозятся рабочіе на солдата, и про себя даже радовалась. Охъ, хорошо было бы, ежели бы его поучили, да такъ поучили, чтобы онъ и дорогу въ казарму забылъ!.. Солдаты вообще обижали кухарокъ и горничныхъ, выматывая изъ нихъ послѣдніе гроши. Фасонъ вездѣ былъ одинъ. Сначала все какъ будто и по-хорошему: и такая и сякая, выйду изъ службы—женюсь. Молодыя дѣвушки охотно вѣрили этимъ обѣщаніямъ, да и бабы постарше тоже. За свои лестныя слова солдатъ получалъ угощеніе, потомъ подъ случай прихватывалъ деньжонокъ взаймы, а потомъ ужъ безъ стыда и совѣсти забиралъ и все жалованье, какъ свое. Такъ было и со Спиридоновной, которая ужъ четвертый годъ платила своему солдату „дикую пошлину“.

Подъ этими впечатлѣніями она, накинувъ старую шаль, въ сумерки прибѣжала на свалку къ Анѳисѣ, которую рабочіе въ шутку называли: „копорская мать-честна“. Отъ волненія Спиридоновна расплакалась и разсказала Анѳисѣ всѣ свои бѣды.

— Охъ, и не говори!—жалѣла Анѳиса, качая своей сплющенной на вискахъ, какъ у щуки, головой.—Охъ, много ихъ, иродовъ, развелось!.. Недаромъ молвится, что у каждой бабы седьмая часть солдату принадлежитъ.

— Вотъ ужо моего-то сахара выучатъ...—повторяла Спиридоновна.—Витебскіе смирные, а есть олончане... Тѣ выворотятъ на оборотъ.

Анѳиса была рябая и длинноносая баба со впалой грудью. Она постоянно умирала отъ какой-нибудь болѣзни и работала за четверыхъ, какъ Спиридоновна. Жила она у „пирожника“ уже лѣтъ семь и каждый годъ собиралась отходить, а потомъ смилуется и останется. Со Спиридоновной у нея были свои давнишнія бабьи дѣла, неизсякаемымъ источникомъ которыхъ служила свалка.

У „пирожника“ было около свалки громадное дѣло, выросшее годами. Онъ и свалку арендовалъ и постепенно развелъ подъ ней свои огороды, сначала капустный, потомъ овощный, наконецъ ягодный. Кругомъ свалки кормились сотни людей. На мокромъ мѣстѣ, куда отъ свалки шелъ стокъ, заведены были капустные огороды, дававшіе самую вѣрную прибыль; они выходили къ рабочей казармѣ, и работа на нихъ шла только ранней весной и поздней осенью, а все лѣто было тихо,—капуста сама растетъ на сыромъ мѣстѣ. Овощный огородъ былъ разбитъ уже по ту сторону свалки, гдѣ у „пирожника“ была устроена своя конторка, т.-е. избушка на курьихъ ножкахъ, обставленная со всѣхъ сторонъ какими-то сарайчиками и амбарушками. Овощь любитъ мѣсто посуше, и мѣсто было выбрано для него на окончательно осѣвшей и высохшей старой свалкѣ. Земля была хорошая, хотя овощь и родился годомъ, потому что, какъ говорилъ „пирожникъ“, „такой ужъ климатъ сурьезный“. Годами овощь давалъ большіе барыши, а годами концы съ кон-

цами дай Богъ свести. Еще меньше давалъ дохода ягодный огородъ, который начинался сейчасъ же за овощнымъ; но у Ефима Тихоныча была къ нему какая-то особенная слабость.

— Кормилица моя!—говорилъ Ефимъ Тихонычъ про свою свалку.—Да и другіе протчіе народы около нея же прокормятся. А вотъ ягодка меня ѣстъ,—не могу на нее потрафить. Любезное самое дѣло, кажется, аккуратное, а видно, ягодка-то по выбору кормитъ, не то, что̀ капустка-матушка, которая безъ разбору всѣхъ воспитываетъ.

Около „конторки“ рядами вытянулись парники и гряды со всевозможнымъ овощемъ, кромѣ картофеля, который свалочной жирной земли „не уважалъ“. Отдѣльно горбились изъ земли длинные погреба, гдѣ хранился овощь.

У Анѳисы въ конторкѣ была отгорожена небольшая кухонька, гдѣ она и орудовала. Ефимъ Тихонычъ насчетъ пищи былъ строгъ и не баловалъ рабочихъ.

— Первое дѣло, у меня больше бабы, бабѣ много ѣсть вредно,—объяснялъ онъ.— А вторая причина—работа у меня легкая, не то, что̀ у Ивана Семенова. Капусту-то поливать—не камень долбить.

Рабочіе за-глаза ругали его скаредомъ и подолгу не заживались, кромѣ пяти-шести человѣкъ, какъ лихой разносчикъ Петька, которому и у „скареда“ жилось хорошо, потому что онъ наживалъ на сторонѣ.

— Видѣла нашего-то?—спрашивала Анѳиса, раздувая самоваръ.

— Какъ же, былъ у меня сегодня,—нехотя отвѣчала Спиридоновна.—Рупь подарилъ... А я его, рупь-то, своему проклятущему солдату стравила, только бы уходилъ. Ужъ такъ мнѣ жаль этого самаго рубля, такъ жаль!..

Доканчивая послѣднія слова, Спиридоновна поняла, что сболтнула второпяхъ лишнее. Анѳиса, хоть и глупая, а тоже счетъ деньгамъ вотъ какъ отлично знаетъ. Да и обидно ей, что Ефимъ Тихонычъ стороннимъ куфаркамъ деньги швыряетъ. Чтобы поправиться, Спиридоновна прибавила:

— Еще съ прошлаго года обѣщалъ подарить твой-то скаредъ; ну, а деньги-то и вышли совсѣмъ не къ числу.

Анѳиса только ухмыльнулась. Она страдала недовѣріемъ къ роду человѣческому вообще, а слова-то у Спиридоновны, какъ изъ проткнутаго мѣшка сухой горохъ, сыплются. Угощая гостью, Анѳиса и вида не подала, что знаетъ, зачѣмъ эта птица прилетѣла, и, только выпивъ чашекъ десять чаю, проговорила:

— А у насъ-то, у насъ-то что̀ только и дѣлается, Спиридоновна!..

— Слышала я стороной, что будто у васъ Мотька бунтуется. Какъ-то видѣла ее у тебя-то: бѣлокуренькая такая и веснушки на носу...

— Она самая и есть...

— Ничего, гладкая дѣвушка, какъ огурчикъ. Хоть бы и не въ копоркахъ быть...

— Еще вымостится, дай срокъ, и намъ всѣмъ носъ утретъ. Ужъ дѣвка, однимъ словомъ...

Анѳиса сдѣлала скорбное лицо и прибавила уже шопотомъ:

— Припадочный до бабъ нашъ-то Тихонычъ, даромъ что сѣденькій. Ну, и вышелъ такой грѣхъ... Не впервой это, положимъ, да Мотька-то вонъ какая занозистая оказалась. Такъ на стѣну и лѣзетъ... „Я, гритъ, и до суда дойду, ежели что̀“. Вотъ она какая!..

Спиридоновна молчала, покачивая головой, а когда Анѳиса разсказала все, проговорила:

— Опо, дѣйствительно... Мало ли грѣха по огородамъ бываетъ. Грѣхъ-то не по лѣсу ходить, а по людямъ, да еще добрыми-то людьми какъ вѣникомъ трясетъ. Ужо мнѣ бы поговорить съ Мотькой этой самой...

— Не велико кушанье,—сейчасъ позову. Наши копорки въ сараѣ спятъ... У васъ-то казармы,—все-таки тепло; а у нашего Тихоныча не разгуляешься. „Бабамъ, гритъ, холодъ въ самую пользу“... Угловатый старичонка!.. Такъ я е позову...

Оставшись одна, Спиридоновна раздумалась, припоминая прежніе случаи. Сколько она съ этой самой свалки дѣвокъ въ городъ переправила и людьми дѣлала. А и весь-то разговоръ: десять рублей. Да и тѣ еще получать надо.

Мотька скоро явилась. Это была бѣлокурая плотная дѣвушка съ еще не остывшей деревенской красотой. Она была въ какой-то дурацкой желтой кофтѣ и босая. Переминаясь съ ноги на ногу, она исподлобья смотрѣла на Спиридоновну. Аѳиса политично вышла изъ комнаты. Спиридоновна оглядѣла Мотьку съ ногъ до головы и точно про себя замѣтила:

— Такъ ты и есть Мотька? Какъ есть патретъ...

Мотька молчала. Бѣлокурые спутанные волосы лѣзли ей на глаза, и она ихъ оправляла привычнымъ взмахомъ руки.

— Да, какъ есть патретъ,—думала вслухъ Спиридоновна и прибавила уже ласковымъ тономъ:—Ну, садись рядкомъ, птаха, да поговоримъ ладкомъ...

Стоя въ сѣняхъ и потирая отъ холода одной босой ногой другую, Аѳиса слышала, какъ завыла Мотька и какъ заговаривала ее Спиридоновна, заговаривала ровно, увѣренно и спокойно, точно повторяла хорошо выученный урокъ. Потомъ Мотька совсѣмъ смолкла, а Спиридоновна все говорила и говорила, точно журчалъ ручеекъ.

„Ну и баба! — удивлялась Аѳиса.—Не баба, а, прямо, приворотное зелье. Вонъ какъ зачитала Мотьку...“

Аѳисѣ наконецъ надоѣло стоять въ сѣняхъ, да она и прозябла порядкомъ. Когда она вернулась, то увидѣла, какъ Спиридоновна обнимала сидѣвшую рядомъ съ ней на лавкѣ Мотьку и наговаривала:

— Не ты первая, не ты послѣдняя такая-то, дѣвушка... Охъ, много васъ тутъ по огородамъ околачивается! А потомъ: „Голубушка Спиридоновна, выручи!“. Что же подѣлаешь, и выручаешь... Много хлопотъ, а какъ не выручить! Потомъ этакія-то подобныя дуры Спиридоновну вотъ какъ благодарятъ... Ну, примѣрно, такъ скажемъ, къ Михайлову дню это самое наше дѣло вырѣшится...

Мотька закрыла глаза рукой и всхлипывала.

— Перестань!—уговаривала ее Спиридоновна.—Поговорка такая есть, что безъ стыда лица не износить, а другая, пожалуй, и почище поговорка-то: „Бываетъ и на старуху проруха и на дѣвушку бабій грѣхъ“. Такъ я говорю?

Аѳиса стояла и только удивлялась, откуда это у Спиридоновны слова берутся. Какъ по-писаному, такъ и отчитываетъ.

— Это ежели въ деревнѣ съ дѣвушкой грѣхъ случится,—не унималась Спиридоновна,—ну, хоть въ прорубь головой. Сами деревенскія и отлично это самое дѣло можемъ понимать... А Питеръ великъ, — никто-то тебя не знаетъ, никому-то дѣла до тебя нѣтъ, и все для тебя ужъ готово. Ты еще не подумала, а ужъ тамъ все приготовлено... Прямо изъ родильнаго дому дитя сдадимъ въ воспитательный, въ лучшемъ видѣ, а потомъ я тебя на такое мѣсто кормилкой опредѣлю...

Дальше Спиридоновна по пальцамъ начала выкладывать, сколько кор-

милкѣ полагается у господъ всякаго добра: и мамощные сарафаны, и кокошникъ, и душегрѣй, и полдюжины всякаго бѣлья, и сундукъ, а жалованье само собой. Да еще какъ господа-то будутъ ухаживать: хорошо ли ѣстъ кормилка, да хорошо ли спитъ, да не скучно ли ей. Масленица, а не житье.

— Ну, оболванишься около господъ въ лучшемъ видѣ,—развивала свою мысль Спиридоновна,—а тамъ ужъ скатертью дорога. Одежда всякая выправлена, деньжонки въ рукахъ,—куда хочешь, туда и повернешься. Бога будешь потомъ молить.

Мотька затихла и слушала все, сонно мигая опухшими отъ слезъ вѣками.

VII.

Самыми тяжелыми днями были понедѣльники и вообще дни послѣ праздниковъ. Вся казарма просыпалась позже обыкновеннаго, рабочіе одѣвались долго и нехотя, слышалось кряхтѣнье и оханье, сказывалось вчерашнее похмелье, и корявыя руки долго чесали лохматыя головы. Особенно долго происходило обуванье. Обувь вообще являлась больнымъ мѣстомъ въ жизни всей казармы, особенно для пришлыхъ изъ деревни рабочихъ. Они приходили въ своихъ деревенскихъ лаптяхъ и калишкахъ, и только у рѣдкихъ, какъ у Гаврилы Ермолаева, были сапоги. Для молодыхъ деревенскихъ парней сапоги являлись завѣтной мечтой, какъ для племянниковъ Гаврилы Ермолаева. Впрочемъ, для камобойцевъ сапоги имѣли значеніе только въ праздникъ, а на работу выходили только въ калишкахъ, обертывая ноги толстыми онучами. Послѣднее было необходимо, потому что разбиваемый молотомъ въ мелкую щебенку камень приходилось придерживать ногами. Съ непривычки Мишутка и Спирька часто попадали молотомъ, вмѣсто камня, по ногѣ.

Въ послѣпраздничный день Гаврила Ермолаевъ былъ особенно строгъ и не давалъ своимъ проклажаться безъ пути. Онъ точно хотѣлъ наверстать потерянный ради праздника рабочій день.

— Теперь дядя-звѣздочетъ зарядилъ пилить на цѣлый день,—ворчалъ черноволосый Мишутка.

Племянники боялись дяди и про себя называли его звѣздочетомъ, потому что старикъ постоянно присматривалъ небо—какъ идутъ облака, откуда дуетъ вѣтеръ, гдѣ поманиваетъ дождичкомъ. Но Гаврила Ермолаевъ про себя очень жалѣлъ племянниковъ, которые были еще молоды для тяжелой камобойной работы. „Кость еще въ нихъ была жидкая“,—какъ объяснялъ про себя старикъ дѣтское безсиліе.

Гаврила Ермолаевъ работалъ со своей артелью на городской площади, гдѣ былъ разбитъ небольшой садикъ. Вокругъ зеленой садовой рѣшетки еще съ зимы были заготовлены саженки бутоваго камня, который нужно было разбить въ щебенку. Мѣсто артели выходило какъ разъ противъ богатой дачи, гдѣ жила витебская кухарка Настя. Еще раньше Гаврила Ермолаевъ видѣлъ ее десятки разъ, какъ она, по-городски, накинувъ шаль какъ-то на одно плечо, ходила въ мелочную лавочку и подолгу толковала гдѣ-нибудь на углу съ другими кухарками.

— Этакое кошачье житье этимъ самымъ куфаркамъ!—возмущался Гаврила Ермолаевъ, прикидывая все на свой деревенскій аршинъ.—Тоже работа называется... Ежели бъ деревенскія бабы такъ-то торчали по угламъ, да за это бы имъ еще такое жалованье платили... За восемь-то рублей попробовала бы цѣлую сажень въ щебенку разбить, а тутъ на, получай голенькія денежки! Точно языкомъ слизнетъ свои восемь рубликовъ...

Кухарочное житье являлось для Гаврилы Ермолаева неразрѣшимой загадкой. Помилуйте, восемь-то рублей жалованья извозчикъ получаетъ, а сколько онъ мокнетъ на дождѣ, стынетъ на холоду и живетъ у хозяина, какъ въ арестантскихъ ротахъ! И кормится-то у хозяина кое-какъ, и одежда у него на дождѣ да на солнцѣ тлѣетъ, и въ трактирѣ другой разъ погрѣется со стужи, да онъ же пошли въ деревню въ годъ-то рублей семьдесятъ на худой конецъ. А съ кухарки какой спросъ? Послала къ празднику деревенской роднѣ подарки—и вся тутъ музыка. Съ этого-то житья дикій-то бабій жиръ вотъ какъ заиграетъ...

Камобойная работа тяжелая, но Гаврила Ермолаевъ считалъ ее очень выгодной. За кубическую сажень щебенки подрядчикъ платилъ шестнадцать рублей, а были рабочіе, которые выколачивали ее въ недѣлю. Одинъ олончанинъ вышибалъ такую сажень въ четверо сутокъ, но бѣдняга скоро надорвался и померъ въ больницѣ. Въ артели Гаврилы Ермолаева было пять человѣкъ, трое большихъ мужиковъ и два подростка. Въ день они работали на полсажени, когда побольше, когда поменьше. Въ общемъ получалась порядочная сумма, тѣмъ болѣе, что она шла въ одно гнѣздо. Такихъ денегъ въ деревнѣ и во снѣ не видывали. Самъ Гаврила Ермолаевъ съ сыновьями управлялся съ работой ничего себѣ. Конечно, тяжело, къ вечеру спины не разогнешь, но все-таки ничего. А вотъ племяши—тѣ живо сдали. Сначала какъ будто ничего, бодрились, а потомъ начали хирѣть. Кажется, и ѣда хорошая, а мальчонки на глазахъ хирѣли, особенно Спирька. Гаврила Ермолаевъ наблюдалъ за мальчикомъ и только качалъ головой. Какой-то черный сталъ мальчонка, щеки ввалились, по ночамъ кашляетъ. Оба племянника были дѣти родной сестры Гаврилы Ермолаева, вдовѣвшей четвертый годъ, и онъ боялся, какъ они выдержатъ до осени. Главнымъ образомъ донимала пыль отъ камня, и старые камобойцы говорили, что рѣдкій выдержитъ ее года три-четыре. Приходилось во время работы дышать этой каменной пылью.

Деньги за всю артель Гаврила Ермолаевъ получалъ одинъ, и въ мѣсяцъ приходилось 60—70 рублей. За полгода работы должна была получиться громадная сумма, какой у него еще не бывало въ рукахъ. Младшій, неженатый сынъ Петрунька не входилъ въ эти расчеты. А большакъ Степанъ про себя уже давно все высчиталъ и что-то соображалъ. Хотя семья была дружная, но у Степана были уже свои отдѣльныя мысли, какъ у семейнаго человѣка. Тоже и жена и ребятишки—было о комъ подумать. Разъ Степанъ замѣтилъ отцу:

— А какъ ты думаешь разсчитывать Мишутку со Спирькой?

— А чего ихъ разсчитывать: сыты—и слава Богу...

— А тетка Анисья взъѣстся...

— Ну, дадимъ трешницу ей въ зубы—и все тутъ.

За вычетомъ всѣхъ расходовъ, по вычисленіямъ Степана, должно было очиститься около трехсотъ рублей. Если бы отецъ далъ ему сотню, онъ бы сейчасъ пошелъ въ отдѣлъ. Въ своей-то деревнѣ на сотню вотъ какую избу можно сообразить. Жена Степана давно мечтала о выдѣлѣ, чтобы быть въ дому полной хозяйкой, а не высматривать каждый кусокъ изъ рукъ свекрови. Да и ребятишки, того гляди, подрастутъ. Степанъ зналъ, что на заработанныя деньги отецъ мечтаетъ женить Петруньку, и женилъ бы, если бы впереди у него не было солдатчины. Гаврила Ермолаевъ почему-то считалъ нужнымъ прятать деньги даже отъ сыновей, и Степанъ не зналъ, сколько у него наличныхъ. Старикъ былъ крѣпокъ на деньгу и домой посылалъ самую малость.

Сегодня, въ понедѣльникъ, артель вышла на работу, какъ всегда. Спирька, впрочемъ, жаловался, что у него поясница болитъ и въ ушахъ шумъ; но Гаврила Ермолаевъ прикрикнулъ на него:

— Другіе пьянствуютъ, а у тебя будетъ въ головѣ шумѣть? Вотъ я тебя опохмелю хорошей палкой... Вонъ и кабакъ подъ рукой.

На углу площадки красовался трактиръ „Хива“, который по понедѣльникамъ былъ биткомъ набитъ жаждавшими опохмелиться. Здѣсь было главное пристанище „лишенныхъ столицы“, какъ физикъ и химикъ. Золоторотцы кучками цѣлый день толпились у воротъ, вызывая у Гаврилы Ермолаева цѣлый рядъ ядовитыхъ замѣчаній.

— Отдохнуть собрались, Христовы работнички? То-то утрудились!..

Были и изъ своихъ камобойцевъ такіе, которые раннимъ утромъ бѣжали въ „Хиву“ на починку,—какъ говорилъ Гаврила Ермолаевъ. Старикъ только качалъ головой. Какой же это порядокъ: тутъ тебѣ работа, и тутъ же подъ самымъ носомъ кабакъ! Съ весны какъ будто народъ чего-то стыдился, а чѣмъ ближе къ лѣту, тѣмъ чаще бѣгали въ „Хиву“, какъ скотина на водопой. Нѣкоторые, впрочемъ, еще стѣснялись и объясняли похмелье нутромъ.

— Знаю я васъ,—ворчалъ Гаврила Ермолаевъ.—Вся ваша болѣзнь, что съ похмелья подъ колѣнками вздыхать не даетъ...

Дачный городъ просыпался медленно. Первыми появлялись дворники съ метлами, потомъ выѣзжали заспанные извозчики, потомъ начинали шмыгать по тротуарамъ кухарки и горничныя, выѣзжали молочницы-чухонки, разносчики и т. д. Все приходило въ движеніе; начиналась дневная работа, и спали только дачные господа, поднимавшіеся къ одиннадцати часамъ, когда камобойцы шабашили. Какъ жили эти господа—Гаврила Ермолаевъ рѣшительно не могъ себѣ представить. Откуда деньги берутся, чтобы такъ жить!.. Встанутъ въ одиннадцать часовъ, напьются кофію и поѣдутъ куда-нибудь на службу, а барыни остаются дома. Въ садикѣ на площади появлялись няньки и мамки съ господскими ребятишками и прохлаждались до двѣнадцати часовъ. Этимъ ужъ совсѣмъ было не житье, а масленица. Кухарки еще какъ будто и работали, а эти ужъ прямо безъ всякаго дѣла по саду гуляютъ. И жалованье какое у господъ обираютъ—не выговоришь сразу.

А всѣхъ мудренѣе жилъ баринъ, у котораго дача была напротивъ камобойцевъ. Дача была богатая, баринъ за квартиру платилъ въ годъ шесть тысячъ и жилъ въ ней одинъ, какъ перстъ: ни жены ни дѣтей, а только прислуга—швейцаръ, два лакея, два конюха, выѣздной кучеръ, кухарка и т. д. Самъ баринъ никуда не показывался и сидѣлъ круглый годъ въ своей комнатѣ. На дачу пріѣзжали только доктора—сегодня одинъ, завтра другой, послѣзавтра третій. Домъ стоялъ совсѣмъ мертвый, и только иногда въ окнахъ барскаго кабинета показывалось блѣдное и худое лицо съ рыжеватыми усами. Это и былъ самъ баринъ, скитавшійся въ своей квартирѣ, какъ тѣнь. Камобойцы знали, что баринъ—милліонщикъ и получаетъ въ годъ одного дохода больше шестисотъ тысячъ, что у него есть вездѣ имѣнія: на Волгѣ, подъ Москвой, на Кавказѣ, и что онъ лѣчится вотъ уже пятнадцать лѣтъ. Эти свѣдѣнія получались главнымъ образомъ черезъ кухарку Настю, бѣгавшую въ казарму къ Спиридоновнѣ.

Говорили, что баринъ получалъ дохода въ день близко двухъ тысячъ, чему Гаврила Ермолаевъ при всемъ желаніи не могъ повѣрить. Вѣдь это легко сказать: двѣ тысячи. За двѣ-то тысячи надо сто двадцать пять кубическихъ саженъ щебенки наколотить... Ариѳметика Гаврилы Ермолаева упи

ралась въ эту наглядную несообразность и не двигалась дальше. Таинственный милліонщикъ-баринъ занималъ воображеніе всѣхъ рабочихъ, какъ что-то ни съ чѣмъ несообразное.

Въ это утро кухарка Настя, когда шла изъ мелочной лавки, завернула къ камобойцамъ, чтобы перекинуться словечкомъ. Ее такъ и тянуло къ Гаврилѣ Ермолаеву, воплощавшему въ себѣ деревню.

— А, сахарница,—пошутилъ кто-то изъ камобойцевъ, когда Настя пробиралась межъ камней.—Смотри, ножку не зашиби...

— Отвяжитесь, черти! — огрызалась Настя не безъ кокетства. — Стыда въ васъ нѣту...

Гаврила Ермолаевъ отнесся къ ней тоже довольно сурово и продолжалъ желѣзной балдой разбивать крупный камень.

— Охъ, и тяжелая ваша работа!—пожалѣла Настя.—Нѣтъ ея хуже...

— Ничего, мы люди привычные, — отвѣчалъ Гаврила Ермолаевъ, не оставляя работы.—Вотъ Спирька у меня жалуется...

— И то я смотрю на него: измотался мальчонка на работѣ. Въ чемъ душенька...

— Ничего, зима долгая, отдохнетъ...

— Ужо я какъ-нибудь колачика принесу да вареной говядинки,—участливо говорила Настя.—Малъ еще паренекъ-то...

Гаврила Ермолаевъ чувствовалъ, что Настя завернула не спроста, какъ и оказалось. Поговоривъ ни о чемъ, она указала головой на показавшагося на парадномъ крыльцѣ дачи швейцара и проговорила:

— Вотъ и змѣй нашъ проснулся... Тоже вылѣзъ дышать свѣжимъ воздухомъ. Растерзала бы я его...

— Обижаетъ?..

— Ну, гдѣ ему обидѣть меня, а только слова такія говоритъ... Вечеромъ я, грѣшнымъ дѣломъ, сболтнула, что, молъ, наши вытебскіе камобойцы-то, а онъ тоже вытебскій и навѣрно притащится къ вамъ. Вы ужъ ему, Гаврила Ермолаичъ, не вѣрьте, потому какъ во всемъ городѣ самый вредный человѣкъ...

VIII.

[illegible]йцаръ Арсентичъ, высокій старикъ съ солдатскимъ лицомъ, стоялъ [illegible]дѣ и покуривалъ коротенькую трубочку. Онъ сразу замѣтилъ среди [illegible]ь Настю и только улыбнулся.

— [illegible]ль куда хвостомъ подкинулась!—ворчалъ онъ.—Тоже каппанія, [illegible] сказать...

Онъ дождался, когда Настя пошла домой, и, когда она подходила къ калиткѣ, крикнулъ ей:

— Настасьѣ Ивановнѣ наше нижайшее... Никакъ вы нанялись въ камобойцы поступать? Даже очень превосходно...

— А васъ никто не спрашиваетъ, кажется?—огрызнулась Настя.—Чѣмъ даромъ-то торчать въ дверяхъ, шли бы къ нимъ и подолбили для аппетиту...

— Покорнѣйше благодаримъ... Съ насъ и своей собачьей службы по горло довольно, да и годами мы не вышли.

Старикъ любилъ подразнить разбитную питерскую кухарку просто такъ, отъ-нечего-дѣлать. Все-таки маленькое развлеченіе, а то въ подъѣздѣ торчать идоломъ по цѣлымъ днямъ живому человѣку и надоѣстъ. Впрочемъ, они не всегда ссорились, а бывали и полосы перемирія, когда Настя чинила Арсентичу его бѣлье и вообще приводила въ порядокъ весь швейцарскій гардеробъ.

Правда, что Арсентичъ не считалъ нужнымъ платить Настѣ за эти услуги и разсуждалъ такъ, что баба для того и сотворена, чтобы шить да кроить, чистить, убирать и наводить порядокъ. Взять кошку, и та сидитъ и лапой моется.

Витебскихъ камобойцевъ Арсентичъ видѣлъ давно, и ему хотѣлось съ ними познакомиться и поговорить о деревнѣ, но дѣло все какъ-то не выходило. Самому какъ-то неловко итти къ нимъ и навязываться на знакомство. На что дворникъ Игнатій, кажется, не великъ человѣкъ, а и тотъ брезгуетъ съ мужланами заводить знакомство. А хорошо бы про деревню поговорить, какъ у нихъ тамъ и что. Тоже не прежняя пора, чай, все по-новому, а только вотъ мужички-то все такіе же сѣрые, какъ и прежде.

Воспользовавшись сведеннымъ Настей знакомствомъ, Арсентичъ послѣ нѣкотораго колебанія степенно направился къ камобойцамъ.

— Богъ помочь!—поздоровался онъ.

— Милости просимъ!—пригласилъ кто-то.—Вотъ садись на камушекъ, свѣсь ножки и будешь гость.

— И то присяду... Скоро работу свою кончите?

— Это ужъ какъ подрядчикъ, значитъ, Иванъ Семеновъ.

— Такъ, такъ... Натурально, что все отъ подрядчика

Сначала Арсентичъ чувствовалъ себя немного неловко, и ему казалось, что молодые камобойцы смотрятъ на него улыбающими глазами; а потомъ это прошло. Арсентичъ подсѣлъ къ Гаврилѣ и повелъ серьезный разговоръ.

— То-то я давно смотрю на васъ и все думаю: наши витебскіе!—повторялъ онъ.—Наружность, значитъ, вся витебская... Я вѣдь тоже съ той стороны, только отбился отъ деревни и подверженъ сейчасъ городу вполнѣ. Въ деревнѣ-то у себя совсѣмъ чужой, а здѣсь свой...

Какъ ни старался Арсентичъ подладиться къ своимъ витебскимъ, изъ этого ничего не выходило, а Гаврила Ермолаевъ больше молчалъ, точно опасаясь новаго знакомства. Когда Арсентичъ поднялся уходить, Гаврила Ермолаевъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— Ну, а какъ у тебя баринъ-то?

— Что баринъ? Такой же человѣкъ, какъ и мы съ тобой. И болѣзнь у насъ съ нимъ одна: несваренiе желудка. Такъ, размоложиваетъ себя, и больше ничего.

Такое объясненiе никого не удовлетворило, а Гаврила Ермолаевъ не сталъ разспрашивать. Когда Арсентичъ ушелъ, кто-то сказалъ:

— Тоже двадцать рубликовъ въ мѣсяцъ за свою-то болѣзнь получаетъ. Этакъ бы всякій хворалъ...

— Хвастаетъ и больше ничего!—замѣтилъ кто-то.—Туда же, болѣсть... Тоже какія деньги нужны, чтобы ее нажить.

Хвастовство Арсентича никому не понравилось, но онъ самъ по себѣ всѣхъ интересовалъ, какъ человѣкъ, который вѣчно торчитъ у дверей настоящаго милліонщика.

Арсентичъ пришелъ и на слѣдующій день и былъ уже проще. Гаврила Ермолаевъ сразу опредѣлилъ, что старикъ былъ съ „мухой“. Это открытіе не огорчило Арсентича, и онъ объяснилъ Гаврилѣ Ермолаеву:

— Это вѣдь вамъ удивительно... А постой-ка самъ близко двадцать лѣтъ идоломъ, тогда и узнаешь, какъ человѣка одурь беретъ. У тебя антиресъ—побольше сработать... А мнѣ что: до смерти буду стоять на одномъ мѣстѣ. Тоже живой человѣкъ, и обидно сдѣлается...

Оказалось, что, получая двадцать рублей жалованья и буквально ничего не дѣлая, Арсентичъ былъ еще недоволенъ собственной судьбой.

— Экая невидаль—двадцать рублей!—объяснялъ онъ.—А сколько другіе швейцары получаютъ? Напримѣръ, швейцаръ при клубѣ, при хорошемъ ресторанѣ или у хорошихъ господъ... Кто ни пріѣхалъ—швейцару сейчасъ двугривенный. Это на худой конецъ, а есть господа, которые меньше рублевой бумажки не даютъ.

— За что же это?—недоумѣвалъ Гаврила Ермолаевъ.

— А такое положенье, потому какъ стыдно предъ другими настоящими господами, у которыхъ настоящій форцъ... Кабы я былъ бариномъ, меньше бы рублевой бумажки никому не давалъ, потому уважай меня. Да... У меня есть знакомые петербургскіе швейцары—вотъ тѣ получаютъ. Считай клубнаго швейцара: въ вечеръ сто гостей по гривеннику — десять рубликовъ. А тутъ еще праздничныя, да и по гривеннику даютъ самые прощелыги... Давно бы я бросилъ своего барина, да по человѣчеству жаль его, потому какъ у насъ съ нимъ одна болѣзнь.

Арсентичъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые цѣлую жизнь на что-нибудь жалуются и всѣмъ недовольны. Онъ долго сидѣлъ на камнѣ и высчитывалъ, сколько бы получилъ, если бы былъ швейцаромъ гдѣ-нибудь въ клубѣ или въ ресторанѣ. Другихъ рабочихъ это забавляло, а Гаврила Ермолаевъ хмурился. Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ, чего еще человѣку нужно? Кажется, и сытъ, и одѣтъ, и въ теплѣ сидитъ, и жалованье совсѣмъ даромъ получаетъ...

Съ этого дня Арсентичъ началъ захаживать каждый день. Придетъ, усядется на камушекъ и смотритъ, какъ другіе работаютъ. Гаврила Ермолаевъ замѣтилъ, что къ вечеру Арсентичъ дѣлался краснымъ и начиналъ какъ-то смѣшно мигать.

— Ты бы тово...—замѣтилъ разъ Гаврила Ермолаевъ. — Самый вредъ эта водка...

— А ежели мнѣ нельзя?—оправдывался Арсентичъ. — Такое, значитъ, мое положенье... Стоишь, стоишь, ну, и выпьешь грѣшнымъ дѣломъ со скуки. Я въ томъ родѣ, какъ дворовый песъ...

Выпивши, Арсентичъ непремѣнно начиналъ ругать Настю и по пути всѣхъ услужающихъ бабъ, до артельной стряпухи Спиридоновны включительно, которую называлъ Скапидаровной. Послѣднее вызывало неудержимый смѣхъ всѣхъ камобойцевъ каждый разъ.

— Такъ Скапидаровна?—приставали къ Арсентичу.

— Какъ есть Скапидаровна... А наша Настя—прощелыга.

Старикъ начиналъ перечислять такія подробности кухарочной жизни, что всѣ рабочіе покатывались со смѣха.

— Ай-да дѣдушка... ловко!

Арсентичъ блаженно улыбался и, поощренный успѣхомъ, начиналъ уже придумывать что-нибудь смѣшное. Эти розсказни хмельного старика нисколько не интересовали Гаврилу Ермолаева, и ему даже дѣлалось обидно, зачѣмъ онъ разыгрываетъ шута гороховаго. Вотъ другое дѣло, когда Арсентичъ начиналъ разсказывать про своего барина. Тутъ все было любопытно. Оказывалось, что баринъ держитъ двухъ поваровъ, кухарку и кухоннаго мужика, а самъ ничего ѣсть не можетъ.

— Какая у нашего барина ѣда? Вставятъ ему въ ротъ трубочку да по трубочкѣ и толкаютъ въ горло кашку. При его-то капиталѣ птичьимъ молокомъ можетъ воспитываться.

— Для чего же двухъ поваровъ держите?—не понималъ Гаврила Ермолаевъ.—Кашу-то и Настя могла бы сварить... невелика мудрость.

— Да вѣдь докторская каша-то... значитъ, по рецепту дѣлается, какъ лѣкарство въ аптекѣ.

Дальше оказалось, что баринъ вотъ уже пятый годъ, какъ совсѣмъ не выходитъ изъ комнаты, потому что боится простуды. Вообще, получалось совсѣмъ что-то непонятное и ни съ чѣмъ несообразное.

— Что же онъ дѣлаетъ?—спрашивалъ Гаврила Ермолаевъ.—Деньги, поди, считаетъ?

— Ну, этимъ господа не занимаются. Для этого самаго дѣла, чтобы деньги считать, приставлены вотъ какія персоны: и главный управляющій, и юрисконсультъ, и довѣренный...

— Значитъ, кругомъ обманываютъ барина-то?

— Не безъ грѣха дѣло. У хлѣба не безъ крохъ. Ну, да у насъ про всѣхъ хватитъ, слава Богу.

Таинственный милліонщикъ-баринъ, питавшійся черезъ трубочку, казался Гаврилѣ Ермолаеву какимъ-то миѳическимъ существомъ, о какихъ разсказывается только въ сказкахъ. Даже по ночамъ Гаврила Ермолаевъ часто думалъ о немъ и ничего не могъ понять, что къ чему и какъ. Кажется, человѣку ужъ все дано, а онъ живетъ у себя въ дому, какъ въ лазаретѣ. Самъ Гаврила Ермолаевъ никогда и ничѣмъ не былъ боленъ, поэтому какое-то „несваренiе желудка“ для него являлось неразрѣшимой загадкой.

Разъ вечеромъ выпившій Арсентичъ пришелъ въ казарму и ужиналъ вмѣстѣ съ камобойцами.

— Вотъ это настоящая наша крестьянская пища...—похваливалъ онъ горячія щи изъ солонины.—Не то, что барскіе разносолы.

— А ты кашу, Арсентичъ, попробуй...—угощали рабочіе.—Скапидаровна ужъ для тебя постарается.

— Можно и каши... потому каша не деревянный клинъ... брюха не расколетъ...—шутилъ Арсентичъ.

Послѣ ужина старикъ долго сидѣлъ на завалинкѣ съ Гаврилой Ермолаевымъ и все толковалъ о деревнѣ и деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

— Уйду я въ деревню...—повторялъ онъ.—Что мнѣ городъ?.. Наплевать! Конечно, у меня, примѣрно, трое сапогъ, два сюртука, четыре жилетки, двое штановъ—оно лестно, у кого этой сласти нѣтъ. А вѣдь я двоихъ штановъ не надѣну на себя, Гаврила Ермолаичъ?

— Ужъ это обыкновенно...

— И ѣды у меня настоящей тоже нѣтъ... такъ, для видимости, чего-нибудь похлебаешь... только все это—не настоящее...

— Тяжело покажется въ деревнѣ-то. Отвыкъ ты, Арсентичъ!

— Ничего, опять привыкнемъ помаленьку. Будетъ... наболтались! Какъ-то лежу и думаю: что есть я за человѣкъ? Разбери-ка! И даже совсѣмъ не человѣкъ, а, просто, швейцаръ! Это только со стороны кажется такъ: и харчъ, и тепло, и одѣтъ. А къ чему? Много ли одному-то персоналу нужно? Я такъ думаю, что въ церковные сторожа пойду. Будетъ для своей мамоны работать, пора и о душѣ подумать.

Гаврила Ермолаевъ не вѣрилъ этимъ разговорамъ о деревнѣ, потому-что Арсентичъ былъ вдвойнѣ ушибленный человѣкъ—и городомъ ушибся и кабакомъ. Такъ пустыя слова разговариваетъ.

Одного не зналъ деревенскій человѣкъ Гаврила Ермолаевъ, что въ словахъ

Арсентича было много правды: деревенская душа, дѣйствительно, тосковала на чужой сторонѣ, и что поэтому къ нему такъ и льнули и кухарка Настя и швейцаръ Арсентичъ. Кстати, Арсентичъ ругалъ Спиридоновну только за-глаза, а на людяхъ оказывалъ ей всякое почтеніе. Спиридоновна, конечно, знала, какъ пьяный Арсентичъ золотитъ ее подъ пьяную руку, но не ставила каждое слово въ строку, да и брань, особенно заочная, на воротѣ не вытетъ. Спиридоновна даже называла Арсентича кумомъ.

— Ну, кумъ—большая родня, садись ужинать.

— И то, кума, поужинаемъ...—соглашался Арсентичъ.

IX.

А блѣдный баринъ продолжалъ каждое утро появляться у окна и подолгу наблюдалъ за камобойцами. Свои ночи онъ проводилъ безъ сна, сидя въ какомъ-то мудреномъ креслѣ, въ которомъ для каждаго положенія было устроено спеціальное приспособленіе. Это кресло было заказано по особымъ рисункамъ въ Англіи и стоило чуть не тысячу рублей; но и въ этомъ мудреномъ креслѣ баринъ не находилъ того простого сна, какимъ спали у него на глазахъ камобойцы. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда рабочіе появлялись на площади и начинали долбить желѣзными молотами камень. Иногда подъ этотъ клекотъ мѣрныхъ ударовъ у него являлось желаніе заснуть, и онъ почти испытывалъ блаженное состояніе засыпающаго человѣка, прислушиваясь къ этимъ ударамъ. Ахъ, какіе они счастливые, вотъ эти камобойцы, которые могли такъ крѣпко спать прямо на голой землѣ, положивъ въ головы камень. Въ восемь часовъ они дѣлали передышку, вынимали что-то изъ грязныхъ узелковъ и ѣли съ такимъ завиднымъ аппетитомъ. Боже мой, чего бы онъ ни далъ, если бы хоть разъ испытать вотъ именно такой аппетитъ!

Чѣмъ былъ боленъ блѣдный баринъ, не могли опредѣлить никакія медицинскія свѣтила. Всѣ послѣднія слова науки были испытаны, всѣ средства, способы и методы примѣнены, а больной блѣдный баринъ продолжалъ оставаться въ прежнемъ положеніи. Его жизнь была размѣрена по всевозможнымъ графамъ, клѣточкамъ и схемамъ. Десятки разъ измѣрялась ежедневно температура, дѣятельность сердца провѣрялась сфигмографомъ, всѣ выдѣленія подвергались самому точному и сложному анализу, за цѣлый рядъ лѣтъ велся спеціальный журналъ паденія и повышенія въ вѣсѣ, заносилось въ другой журналъ количество дыханій и т. д. Каждое новое открытіе медицинской науки примѣнялось немедленно и служило источникомъ новыхъ мученій. И все было напрасно... Неизвѣстная болѣзнь упорно противостояла противъ всѣхъ ухищреній, и блѣдный баринъ изо дня въ день переживалъ самое мучительное состояніе.

Всего мучительнѣе были ночи, когда все кругомъ засыпало и водворялась тишина. Время тянулось такъ медленно. А въ это время спали и камобойцы, и лишенные столицы, и нищіе, и тѣ несчастные счастливцы, которые не знали, чѣмъ будутъ сыты завтра. И какъ онъ радовался, когда ночное небо дѣлалось сѣрымъ, на востокѣ появлялись отбѣли и недавно безжизненное небо загоралось наливавшимся розовымъ свѣтомъ. Онъ боялся этого молчанія ночи, боялся ея молчаливой темноты и былъ счастливъ, когда начиналось пробужденіе. Намученное воображеніе точно хваталось за каждый живой звукъ и за каждую живую краску. Никто въ городѣ не зналъ такъ хорошо этого момента пробужденія. Когда рабочіе появлялись на площади—это былъ уже день, живой рабочій день, и блѣдный человѣкъ начиналъ чувствовать, что и

онъ тоже какъ будто начинаетъ жить какой-то отраженной жизнью. Въ бинокль онъ изучилъ лицо каждаго камобойца, зналъ наперечетъ всѣхъ пропойцъ, томившихся вѣчной жаждой у гостепріимныхъ дверей „Хивы“, выучилъ часы, когда появлялись разносщики, смѣнялись на углу городовые и т. д. и т. д.

Нѣтъ такого скверпаго положенія, у котораго не было бы еще худшаго. У блѣднаго барина бывали совсѣмъ скверные дни, о чемъ зналъ только жившій постоянно при немъ докторъ. Вотъ именно въ одинъ изъ такихъ скверныхъ дней, когда былъ созванъ экстренный консиліумъ, блѣдный баринъ съ утра стоялъ у своего окна и смотрѣлъ на площадь. Онъ держался за косякъ, когда подъѣзжалъ экипажъ съ какой-нибудь медицинской знаменитостью. О, онъ зналъ хорошо ихъ всѣхъ, зналъ впередъ, что они скажутъ, и былъ убѣжденъ, что изъ этого рѣшительно ничего не выйдетъ. На такихъ консиліумахъ съѣхавшіеся коллеги какъ-то забывали о больномъ, отстаивая свое мнѣніе, и онъ это чувствовалъ. Такъ было и сегодня.

Воспользовавшись моментомъ, когда ученые мужи забыли о немъ, блѣдный баринъ послалъ за Арсентичемъ. Старикъ прибѣжалъ съ встревоженнымъ лицомъ. Баринъ вызывалъ его чрезвычайно рѣдко. Посмотрѣвъ на вѣрнаго слугу, онъ проговорилъ:

— Вчера ты, кажется, былъ пьянъ, Арсентичъ?

— Помилуйте, баринъ, да я... кажется ужъ... стараюсь.

— А отчего у тебя носъ красный и глаза мутные? Ну, да это все равно.

Баринъ подвелъ Арсентича къ окну, показалъ на камобойцевъ и проговорилъ:

— Ты видишь этихъ людей?

— Точно такъ, баринъ.

— Я видѣлъ, какъ ты ходилъ къ нимъ. Что они сейчасъ дѣлаютъ?

— А закусываютъ, баринъ.

— И, вѣроятно, что-нибудь очень вкусное?

— Ржаной хлѣбецъ закусываютъ.

Блѣдному барину ужасно понравилось и самое слово: „ржаной хлѣбецъ“, и тонъ, какимъ Арсентичъ это проговорилъ. Получалось что-то необыкновенно вкусное. Оглянувшись, онъ проговорилъ:

— Арсентичъ, иди сейчасъ же къ камобойцамъ... да... вонъ видишь, высокій старикъ на камнѣ сидитъ и такъ аппетитно закусываетъ?

— Точно такъ-съ... Гаврила Ермолаевъ.

— Купи у него ломоть хлѣба... да... и принеси соли... въ тряпочкѣ, какъ у него.

— Слушаю-съ, с-сею минуту...

— А это отдай ему.

Баринъ какъ-то конфузливо сунулъ въ руку Арсентича десятирублевую ассигнацію и проговорилъ:

— Да чтобы никто тебя не видалъ.

— Не безпокойтесь... въ лучшемъ видѣ...

Старикъ безъ шапки побѣжалъ на площадь. Гаврила Ермолаевъ былъ удивленъ, когда Арсентичъ попросилъ у него ломоть чернаго хлѣба и соли въ тряпочкѣ, и удивился еще больше, когда Арсентичъ заплатилъ ему рубль.

— За что же это... рубль-то?

— А ты бери, когда даютъ.

— Не стало, развѣ, у васъ хлѣба-то?

— Ничего ты не понимаешь... Барину захотѣлось отвѣдать вашего мужицкаго хлѣбца—вотъ и весь разговоръ. Вонъ онъ стоитъ и въ окошко поглядываетъ. Значитъ... для аппетиту.

Возвращаясь, Арсентичъ обругалъ самого себя, что второпяхъ далъ маху и отвалилъ мужлану цѣлый рубль. Положимъ, онъ нажилъ девять рублей, а все-таки за-глаза было бы дать двугривенный. Проворонилъ восемь гривенъ... Ахъ, старый дуракъ!

Баринъ едва дождался „ржаного хлѣбца“ и взялъ его дрожащими отъ волненія руками.

— Покушайте, баринъ, во здравіе...—говорилъ Арсентичъ.—Вотъ даже какъ будетъ превосходно. Недаромъ и пословица говорится: „Ржаной хлѣбушко московскому колачу дѣдушка“.

Баринъ, однако, не сразу рѣшился отвѣдать этого „дѣдушки“ и долго и внимательно разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Въ это время у Арсентича явился новый планъ, чтобы наверстать восемь гривенъ. Старикъ, оглядѣвшись, проговорилъ какимъ-то сипомъ:

— Баринъ... а я вамъ изъ казармы отъ камобойцевъ штецъ горяченькихъ принесу. Тоже превосходно будетъ. Кухарка у меня тамъ знакомая, Спиридоновной звать. Она ужъ вотъ какъ можетъ потрафить подъ господскій аппетитъ. Прямо сказать—стрѣла, а не баба.

Эта мысль очень понравилась блѣдному барину, и онъ проговорилъ какъ-то по-дѣтски:

— Только въ горшкѣ принеси... понимаешь?.. и чтобы крашеная деревянная ложка...

— Да ужъ я постараюсь...

Въ этотъ моментъ послышались шаги, и Арсентичъ исчезъ.

— Можно къ вамъ?—спрашивалъ за дверями докторскій голосъ.

— Я сейчасъ...—испуганно отвѣтилъ блѣдный баринъ, пряча ломоть хлѣба въ футляръ съ электрической машиной.

Полученныя совершенно даромъ деньги нарушили душевное равновѣсіе Арсентьича. „Ежели за ломоть хлѣба баринъ отвалилъ красненькую, такъ за горшокъ щей, пожалуй, и весь четвертной билетъ можно сорвать... да еще крутой пшенной каши горшокъ... да деревянная ложка...“ Ариѳметика Арсентича дошла чуть не до ста рублей.

Когда доктора уѣхали, онъ сейчасъ же полетѣлъ въ казарму, пока рабочіе не слопали всѣхъ щей. Дорогой у него явился новый планъ, именно, вылѣчить барина. И даже очень просто... Развѣ доктора могутъ что-нибудь понимать? Только и умѣютъ драть деньги... Заграничному-то доктору пять тысячъ по условію было дадено, да на барскій счетъ дорога туда и обратно, да харчи, да подвода, да еще благодарность. А можетъ, и средство-то самое простое: похлебаетъ горяченькихъ штецъ, закуситъ ржаного хлѣбца—вотъ и начнетъ поманивать каждый день на ѣду. А будетъ ѣда—будетъ и сонъ. А вылѣчится баринъ—и наградитъ его, Арсентича, по-барски. Что ему стоитъ тыщу рублей отвалить—плевое дѣло. „На!.. Арсентичъ... за милую душу...“ Арсентичъ даже слышалъ собственный отвѣтъ: „Помилуйте, баринъ, для чего мнѣ ваши тысячи... Я такъ, по человѣчеству пожалѣлъ васъ, а не то, чтобы изъ-за денегъ. Упаси, Боже...“. Благодаря своему швейцарскому одиночеству и потайному запою, у Арсентича часто разыгрывалась фантазія, и онъ видѣлъ радужные сны наяву.

Горшокъ горячихъ щей и горшокъ съ кашей появились въ швейцарской, и Арсентичъ, выждавъ, когда докторъ отправился завтракать въ столовую, пробрался къ барину въ кабинетъ. Пока баринъ разсматривалъ принесенные горшки и новенькую деревянную ложку, Арсентичъ торопливо говорилъ:

— Вѣдь какіе случаи бываютъ, баринъ... Ей-Богу!.. У меня былъ знакомый чиновникъ, и заболи у него, грѣшнымъ дѣломъ, нога... Да... Ну, онъ сейчасъ въ клинику. Дѣло въ Питерѣ было. Доктора осмотрѣли его и говорятъ: „У васъ на ногѣ растяженіе связокъ“. Ну, положили его, ногу забинтовали и прочее. Лежитъ мой чиновникъ недѣлю, лежитъ другую, третью... всѣ шесть недѣль вылежалъ, а легче все нѣтъ. Только на его счастье назначили новаго фершала, ну, тотъ и пожалѣлъ моего чиновника. „Вы, гритъ, давно лежите? Шесть недѣль? Очень напрасно... И еще шесть недѣль пролежите, а толку не будетъ. Вы, гритъ, выпишитесь изъ клиники, а я васъ на дому живой рукой вылѣчу“. И что же бы вы думали! Дѣйствительно, выписался мой чиновникъ изъ клиники, приходитъ къ нему фершалъ на домъ, осмотрѣлъ его и говоритъ; „А раскройте-ка ротъ?“ Тотъ какъ раскрылъ ротъ, фершалъ и говоритъ: „Да никакого растяженія связокъ у васъ нѣтъ, а просто у васъ растетъ зубъ мудрости“... Ей-Богу, баринъ! Въ два дня фершалъ поставилъ чиновника на ноги.

Увлекшись своимъ разсказомъ, Арсентичъ совсѣмъ не слыхалъ, какъ въ дверяхъ появился докторъ. Онъ спокойно выслушалъ Арсентича до конца, а потомъ вытолкалъ его изъ кабинета.

— Онъ мнѣ принесъ какую-то ужасную гадость...—жаловался блѣдный баринъ, боявшійся своего доктора.

Арсентичъ едва не лишился мѣста.

— Я тебѣ покажу такой зубъ мудрости!—говорилъ докторъ, грозя внушительно пальцемъ.—Понимаешь?

Арсентичъ поникъ головой. Онъ понималъ только одно, что доктора рѣшили залѣчить барина вконецъ.

X.

Камобойцы работали уже мѣсяца три и помаленьку прижились въ своемъ новомъ положеніи, какъ приживались и всѣ другіе — огородники, копорки, тряпичники. Выходило такъ, что свалка точно соединяла всѣхъ. Мало-по-малу все, что ютилось около нея, перезнакомилось между собой, и завязались извѣстныя отношенія. По вечерамъ, когда копорки поливали капусту, слышались далеко ихъ пѣсни, а на ягодникѣ пѣли еще лучше.

— Экъ ихъ взяло... — ворчалъ Гаврила Ермолаевъ. — Не знай о чемъ воютъ.

Молодые рабочіе думали иначе. Которые были побойчѣе, пробовали заходить на огороды; но оттуда ихъ неистово гнали огородники, да и бабы поднимали на смѣхъ.

— Ахъ, вы, лапотники несчастные! Ступайте къ своимъ лапотницамъ!

Вопросъ объ обуви для пришлыхъ рабочихъ являлся роковымъ, особенно для молодыхъ. Въ городѣ-то всѣ въ сапогахъ ходятъ, самые распослѣдніе люди. Изъ-за сапогъ у Гаврилы Ермолаева вышла цѣлая исторія. Смирный и послушный парень Петрунька вдругъ забунтовалъ: подавай ему сапоги— и конецъ дѣлу! Да еще сапоги непремѣнно съ наборомъ, какъ у зеленщика Петьки.

— Я тебѣ покажу такіе сапоги съ наборомъ, что до свѣжихъ вѣни.

ковъ не забудешь!—оралъ разсвирѣпѣвшій Гаврила Ермолаевъ.—Съ жиру бѣситесь!

Старикъ неистово ругался и даже хотѣлъ побить непокорнаго сына, но вѣ-время остановился, потому что не встрѣтилъ поддержки со стороны большака Степана, на которую разсчитывалъ. Степанъ молчалъ, дѣлая политичный видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Сколько Гаврила Ермолаевъ ни бунтовалъ, а пришлось уступить, и онъ выбросилъ непокорному сыну цѣлыхъ три рубля.

— На!.. подавись!..—ворчалъ онъ.—Вотъ надѣнешь новые сапоги, да въ трактиръ... Окромя трактира куды тебѣ въ сапогахъ итти?

Это случайное предсказаніе оказалось вѣрнымъ. Петрунька, дѣйствительно, забрался въ новыхъ сапогахъ въ трактиръ, вмѣстѣ съ большакомъ Степаномъ.

— Родитель-то ловко всѣ наши денежки обираетъ!—жаловался Степанъ.—На него, выходитъ, работаемъ! Другіе то все сами получаютъ, а только мы одни каторжные...

Петрунька молчалъ. Онъ былъ счастливъ, что добился наконецъ желанныхъ сапогъ, и о большемъ не мечталъ. Въ немъ еще сохранился страхъ къ отцу, воспитанный съ дѣтства. Гаврила Ермолаевъ строго держалъ семью и никому повадки не давалъ. Слова Степана даже испугали Петруньку. Чего добраго, если Степанъ поднимется, вся семья можетъ нарушиться.

Обстоятельный и трезвый мужикъ Степанъ точно раскололся. Онъ спросилъ водки, а потомъ пива. Петрунька окончательно испугался, потому что все это вышло изъ-за его сапогъ.

— Нѣтъ, будетъ! Шабашъ...—повторялъ захмелѣвшій Степанъ, дѣлая невѣрные жесты руками.—А гдѣ мое? Родителя мы должны почитать... да... А гдѣ мои деньги? Хе-хе... это тоже не модель. Мнѣ чужого не надо, а мое не тронь... Будемъ говорить правильно. Не одни мы работаемъ... Вонъ какую взбучу поднялъ родитель изъ-за сапоговъ. Сапоги—плевать, а надо и уваженіе сдѣлать...

Дѣло было въ праздникъ. Въ „Хивѣ“ были и другіе рабочіе изъ казармы, которые слышали, что говорилъ Степанъ, и всѣ были на его сторонѣ.

— Это въ допрежнія времена было, Степанъ, чтобы родители верховодили всѣмъ, а теперь и на родителей узда есть... Позвольте, съ какой стати мои кровныя денежки забрать? Можетъ, у меня своя семья есть... жена тамъ...

— Вотъ, вотъ!..—поддакивалъ Степанъ.

Гаврила Ермолаевъ видѣлъ, что Степанъ вернулся вечеромъ въ казарму навеселѣ, но ничего не сказалъ, хотя и былъ огорченъ до глубины души. Петрунька имѣлъ виноватый видъ и сейчасъ же завалился спать. Степанъ долго сидѣлъ на завалинкѣ, гдѣ зеленщикъ Петька игралъ на гармоникѣ, и все сердился, пока не пришла Спиридоновна и не увела его спать.

— Иди, иди, непутевый!—уговаривала она.—Съ чего намокъ-то? Совсѣмъ это непохоже для тебя... Иди, Степанушка, проспись!

Этотъ ласковый бабій уговоръ подѣйствовалъ на Степана какъ-то изнемогающе, и Степанъ неожиданно для самого себя расплакался.

— Ахъ, Спиридоновна... Да ежели бы... а-ахъ!..

— Ну, ну, иди!.. Мало ли что бываетъ, да только не всякій бы видѣлъ и слышалъ.

— Ахъ, Спиридоновна...

Артельная кухарка уже давно замѣтила начинавшіеся нелады въ семьѣ Гаврилы Ермолаева, чего еще никто не подозрѣвалъ. Петрунькины сапоги явились только поводомъ, чтобы все накопившееся вылилось наружу разомъ. Спиридоновнѣ со стороны было больно смотрѣть на этотъ нараставшій семейный разладъ, а главное, ей жаль было справнаго мужика Степана. Тоже вѣдь своя семья есть, ну человѣкъ и думаетъ. Старикъ-то строжится ужъ очень и на деньги крѣпокъ даже черезъ мѣру. Мысли Степана Спиридоновнѣ были и ясны, и близки, и пришлись къ сердцу. Поди-ка, жена-то вотъ какъ тамъ его ждетъ въ своей деревнѣ, всѣ дни по пальцамъ пересчитала.

Гаврила Ермолаевъ видѣлъ, какъ Спиридовна уговаривала Степана, и притворялся, что спитъ. И что только сдѣлалось съ мужикомъ? Вотъ тебѣ и надежный сынъ... Въ довольно смутной формѣ Гаврила Ермолаевъ начиналъ догадываться, о чемъ молчитъ Степанъ, но отгонялъ эту мысль отъ себя. Онъ-то для кого старается на старости лѣтъ?

Гаврилѣ Ермолаеву не спалось всю ночь. Онъ все думалъ и передумывалъ о Степанѣ, что попритчилось съ мужикомъ, пока не рѣшилъ, что это дѣло не спроста, и что Степанъ дѣйствуетъ по чьему-нибудь стороннему наущенію. Мало ли добрыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ, какъ разъ доброму научатъ... И зеленщикъ Петька, и Спиридоновна, и швейцаръ Арсентичъ, и физикъ съ химикомъ—мало ли ихъ наберется, ежели всѣхъ сосчитать! Вотъ мужикъ и задурилъ...

— Охъ, проклятая чужая сторона!—ругался про себя Гаврила Ермолаевъ, перебравъ всѣхъ виноватыхъ.—Чтобы ей ни дна ни покрышки!

Наутро Степанъ поднялся съ головной болью и не сразу могъ сообразить, какъ и что вышло. Кабы не Спиридоновна, такъ, пожалуй, и съ отцомъ бы поругался. Степану было и совѣстно и какъ-то обидно. Конечно, нехорошо пить водку и пиво въ „Хивѣ“, а тоже нехорошо и деньги забирать за чужую работу. Нѣту такого указу, хотя и родной отецъ.

Передъ уходомъ на работу Спиридоновна поманила Степана къ себѣ въ каморку и, подавая рюмку водки, проговорила:

— Вотъ опохмелься, чтобы не сосало; а въ „Хиву“ не ходи и съ отцомъ не ссорься.

— Не хочу...—наотрѣзъ отказался Степанъ.—Такъ, была одна глупость, а тебѣ спасибо на добромъ словѣ. Ужо изъ деревни гостинца пришлю, а здѣсь у самого ничего нѣтъ.

— Ладно, ладно, не надо мнѣ вашихъ гостинцевъ,—обидѣлась Спиридоновна.—И безъ нихъ проживемъ...

Вся семья работала попрежнему, но не было прежняго духа въ этой работѣ. Выходило то, да не то, и надъ головами работавшихъ точно носилось что-то недосказанное. Гаврила Ермолаевъ и обыкновенно не отличался особенной разговорчивостью, а тутъ и совсѣмъ замолчалъ. По цѣлымъ днямъ онъ не говорилъ со своими ни одного слова. Когда приходилъ къ камобойцамъ пьяный Арсентичъ, старикъ встрѣчалъ его довольно сурово.

— Чего тебѣ тутъ задарма торчать-то? Шелъ бы въ „Хиву“,—тамъ вашего брата достаточно всякихъ народовъ... Одно у всѣхъ ремесло.

Арсентичъ не понималъ, что эти слова относились къ Степану, обидѣлся и пересталъ ходить.

— Мужикъ, такъ мужикъ и есть,—ворчалъ онъ,—никакого обращенія не понимаетъ... Только напрасно тогда ему рубль стравилъ.

Настя тоже пробовала завернуть раза два, но поняла раньше Арсентича,

что теперь не время, и больше не показывалась. Малышъ Спирька продолжалъ хирѣть, и Гаврила Ермолаевъ разъ купилъ ему колачъ и сказалъ:

— На, поѣшь колачика... Можетъ, и полегчаетъ.

Издержанныя на колачъ три копейки являлись уже большой жертвой, но Гаврила Ермолаевъ хотѣлъ показать Степану и Петрункѣ, что для родни ничего не жалѣетъ.

— Не въ трактиръ деньги дадены,—ворчалъ онъ такъ, чтобы сыновья слышали.

Какъ отецъ и сынъ ни старались избѣжать столкновенія, но оно произошло именно изъ-за этой трехкопеечной булки. Степанъ слышалъ, что сказалъ отецъ о трактирѣ, и неожиданно для всѣхъ отвѣтилъ:

— Что же трактиръ? Ежели которые на свои деньги выпьютъ, такъ не велика бѣда... И даже очень просто!..

Работавшая артель продолжала свое дѣло, хотя всѣ и понимали, что будетъ гроза.

— Какія это свои-то деньги бываютъ, любопытно бы поглядѣть,—отвѣтилъ Гаврила Ермолаевъ.

— А вотъ такія...—отвѣтилъ Степанъ съ прорвавшейся грубостью въ голосѣ,—тѣ самыя, которыя ты къ себѣ въ карманъ кладешь.

— А ты у меня считалъ въ карманѣ?

— Считать не считалъ, а около того... Однимъ словомъ, родитель, надо намъ раздѣлиться—и все тутъ.

Молоты камобойцевъ замерли въ ожиданіи отвѣта Гаврилы Ермолаева. Старикъ поднялся и, приложивъ руку къ груди, проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— Да ты, Степанъ, съ кѣмъ разговариваешь-то?..

— А съ тобой... Вотъ ты Спирькѣ купилъ хоть колачикъ, а намъ съ Петрункой и того нѣтъ. Вотъ это самое...

Гаврила Ермолаевъ поблѣднѣлъ. У него передъ глазами заходили круги. Ежели спустить Степану, такъ съ остальными ужъ совсѣмъ никакого сладу не будетъ вконецъ.

Степанъ тоже поднялся. Отецъ и сынъ стояли другъ противъ друга съ тяжелыми молотами въ рукахъ, блѣдные, задыхающіеся. Гаврила Ермолаевъ сдѣлалъ впередъ первый шагъ.

— Родитель, оставь!..—глухо проговорилъ Степанъ.—Не прежняя пора... Тебѣ дѣло говорятъ.

— Ты... ты... ты...—какъ-то зарычалъ Гаврила Ермолаевъ и бросился на Степана.

Онъ сбилъ его съ ногъ и принялся таскать за волосы. Степанъ не сопротивлялся, а только защищалъ лицо руками и повторялъ:

— А все-таки... отдай мои деньги! Отдай... отдай!..

Сидѣвшій на крылечкѣ швейцаръ Арсентичъ видѣлъ эту спену и бросился разнимать, хотя билъ одинъ Гаврила Ермолаевъ.

— Братцы, перестаньте!—кричалъ Арсентичъ.—Ахъ, нехорошо!.. Баринъ-то вонъ у окна стоитъ и все видитъ. Ахъ, нехорошо!..

Гаврила Ермолаевъ опомнился и оставилъ валявшагося на землѣ Степана. Послѣдній, поднимаясь съ земли и оправляя сбившуюся рубаху, съ чисто-отцовскимъ упрямствомъ проговорилъ:

— А ты, родитель, деньги-то все-таки отдай!..

XI.

Въ этомъ семейномъ раздорѣ самое живое участіе приняли Настя и Спиридоновна. Настя видѣла драку и разсказывала о ней съ надлежащими прикрасами.

— Охъ, и глядѣть-то была одна страсть... Стоятъ одинъ противъ другого, трясутся, а въ рукахъ тяжеленные молота,—вотъ-вотъ который котораго треснетъ. Хорошо еще, что подвернулся во-время нашъ Арсентичъ и разнялъ.

— Извѣстно, мужики разстервенятся и себя не помнятъ,—прибавляла отъ себя Спиридоновна, качая головой.—Наглядѣлась я на ихнія-то драки достаточно... Воскресенья не проходитъ у насъ безъ драки. Напьются, и сейчасъ драка.

Спиридоновна отъ души жалѣла Степана и уговаривала его не вздорить съ отцомъ.

— Часъ терпѣть—вѣкъ жить, Степанушка. А вернетесь въ деревню, все и наладится по-хорошему. Въ деревнѣ-то нечего будетъ дѣлить... Петровъ день на дворѣ, а тамъ послѣ Успенья и до Покрова рукой подать.

Степанъ выслушивалъ эти уговоры молча и ничего не отвѣчалъ. Мужицкая обида тяжелая и камнемъ садится на самое дно. За что его билъ отецъ? У Степана была теперь одна мысль: какъ только вернутся домой—сейчасъ раздѣлъ. И жена вотъ какъ будетъ рада. А то этому конца-края не будетъ. Поработано было на родительскій домъ вполнѣ достаточно. Не прежняя пора, чтобы до смерти вытягиваться въ чужую кожу,—пора и своимъ умомъ жить.

Настя, со своей стороны, уговаривала Петруньку.

— Все дѣло изъ-за твоихъ сапоговъ вышло,—напѣвала она.—Ишь щеголь какой выискался... Изъ-за тебя и Степанъ поднялся на дыбы.

— Степанъ самъ по себѣ,—оправдывался Петрунька.—Онъ и меня подбиваетъ.

— Ну, это онъ напрасно. Твое дѣло еще совсѣмъ не велико... Что отецъ хочетъ, то съ тобой и дѣлаетъ. Не великъ ты еще въ перьяхъ и изъ родительской воли не долженъ выходить.

Гаврила Ермолаевъ видѣлъ, какъ бабы шушукаются съ его сыновьями, и рѣшилъ, что это ихъ дѣло. Извѣстно, баба всегда смуту такую разведетъ, что святыхъ вонъ выноси. Старикъ особенно озлобился на Спиридоновну, которая растравляла Степана у всѣхъ на глазахъ. У Гаврилы Ермолаева сердце кипѣло на проклятущихъ разстройщицъ бабешекъ, и онъ отворачивался, когда мимо проходила Спиридоновна. Такъ бы ее и саданулъ кулакомъ въ жирный бокъ. На, чувствуй!.. Но этимъ дѣло не ограничилось. Бабье коварство пошло дальше. Какъ-то въ казарму завернулъ подрядчикъ Иванъ Семеновъ. По обыкновенію, онъ поругался со Спиридоновной, потомъ обругалъ по пути еще человѣкъ трехъ и подъ конецъ обратился къ Гаврилѣ Ермолаеву:

— Мнѣ съ тобой поговорить надо, милый человѣкъ.

„Ну, такъ и есть: натравили бабешки Ивана Семенова“,—подумалъ Гаврила Ермолаевъ, знавшій впередъ, о чемъ Иванъ Семеновъ поведетъ свой разговоръ.

— Да, такъ, значитъ, того,—мялся Иванъ Семеновъ, пмыгая глазами по сторонамъ.—Вообще, Гаврила Ермолаевъ, я вполнѣ на тебя надѣялся, а ты какъ себя оправдалъ? Можно сказать, даже совсѣмъ подвелъ... Я-то тебя въ примѣръ всѣмъ другимъ ставилъ. Вотъ, молъ, какой обстоятельный человѣкъ

Гаврила Ермолаевъ, вполнѣ правиль[illegible]да... А ты драку завелъ прямо на площади. Хорошо еще, что городовой не [illegible]идалъ, а то сейчасъ протоколъ, въ полицію, къ судьѣ, на высидку... Это какъ по-твоему?

— Грѣхъ попуталъ, Иванъ Семеновъ.

— То-то грѣхъ... Вѣдь здѣсь не деревня, чтобы на улицѣ драться. Да и грѣхъ-то ванъ въ карманѣ. Жадность васъ одолѣваетъ... А того не думаете, что деньги тоже къ рукамъ. Охъ, умѣючи надо съ ними дѣло имѣть. Кажется, чего проще: получилъ деньги, положилъ въ карманъ—и все тутъ. Нѣ-ѣтъ, милый человѣкъ... Другая денежка-то вотъ какая зубастая попадется. Пожалуй, вотъ какую дыру въ карманѣ-то проѣстъ... Такъ-то, милый человѣкъ!

Въ отвѣтъ на это мягкое увѣщаніе Гаврила Ермолаевъ понесъ прямо какую-то ахинею, такъ что Иванъ Семеновъ не могъ ничего разобрать. Оказалось, что всему виной Спиридоновна. Иванъ Семеновъ только руками развелъ.

— Ну, это ужъ ты напрасно, Гаврила Ермолаевъ. Не таковскій твой Степанъ, чтобы его Спиридоновна могла сбить.

— Она, Иванъ Семеновъ! Съ мѣста не сойти... Она и сейчасъ его растравляетъ.

— Перестань грѣшить... Какая тамъ Спиридоновна! Прямо изъ-за денегъ вздорите... Извѣстная модель. Не вы первые. Какъ попали деньги въ руки—и пошла музыка.

Очевидно, Спиридоновна ловко заговорила зубы Ивану Семенову. Какъ по-писаному ея бабьи слова говорятъ... Охъ, и навяжется же такая баба!.. И что ей, подумаешь, надо? Дались всѣмъ его деньги. Вотъ и Ивану Семенову припала о нихъ забота. Гаврила Ермолаевъ не замѣчалъ, какъ мысль о деньгахъ завладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ ихъ накопленія. Онъ ихъ пряталъ обыкновенно за пазухой, въ холщевомъ кошелѣ. А часть, которая шла на мелкіе расходы, хранилась подъ онучей. Гаврила Ермолаевъ почти каждый день пересчитывалъ свое богатство, причемъ постоянно путался въ счетахъ и впадалъ въ тяжелое уныніе. Дѣло въ томъ, что онъ съ грѣхомъ пополамъ умѣлъ считать до пятидесяти, да больше денегъ у него и на рукахъ никогда не бывало. А тутъ давно перевалило за сотню, и ариѳметика Гаврилы Ермолаева становилась втупикъ. У него послѣ пятидесяти было довольно смутное представленіе о „сотельномъ билетѣ“, по такого онъ никогда не видалъ. Забравшись куда-нибудь въ поле, или въ канаву у линіи желѣзной дороги, старикъ осторожно вынималъ свой кошель и принимался раскладывать деньги кучками, по тридцати рублей каждая. Такихъ кучекъ получалось пять да еще остатокъ,—вотъ и изволь тутъ разсчитать, сколько выйдетъ всего.

Разъ, когда Гаврила Ермолаевъ углубился въ свою бухгалтерію у полотна желѣзной дороги, надъ его головой кто-то проговорилъ:

— Богъ на помочь, старичокъ!

Это былъ физикъ, шлявшійся по полотну неизвѣстно зачѣмъ. Гаврила Ермолаевъ сначала испугался, а потомъ разсердился.

— Проваливай своей дорогой!..

— Не бойся, не съѣмъ, — отвѣчалъ физикъ, усаживаясь на откосѣ желѣзнодорожнаго полотна.—Ишь, сколько денегъ накопилъ, вотъ и боишься... А я ничего не боюсь, потому какъ ничего у меня нѣтъ.

— Уходи, говорятъ!..

— А вотъ и не уйду... Какое такое полное право ты имѣешь мнѣ указывать? Гдѣ хочу, тамъ и сижу...

Разговаривать съ прощелыгой было нечего, и Гаврила Ермолаевъ принялся торопливо собирать свою казну, а физикъ сидѣлъ на откосѣ и посмѣивался.

— И считать-то не умѣешь, сиволапый!..

— Сосчитаемъ, не безпокойся. Не твоя забота... Да иди ты своей дорогой, ради Христа! Усѣлся, какъ сычъ, и таращитъ глаза...

Эта встрѣча произвела на Гаврилу Ермолаева непріятное впечатлѣніе до послѣдней степени. Разболтаетъ теперь золоторотецъ всѣмъ про него, какъ онъ въ канавѣ считалъ деньги. Того гляди, еще украдутъ... Просыпаясь ночью, Гаврила Ермолаевъ прежде всего ощупывалъ свой кошель и трепеталъ за его цѣлость. Ему начало казаться, что нѣкоторые рабочіе изъ безпутныхъ начинаютъ слѣдить за нимъ, куда онъ прячетъ деньги. Хорошо, что на нарахъ по одну сторону съ нимъ спалъ Степанъ, а по другую Петрунька. Подозрительность Гаврилы Ермолаева росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ капитала.

Передъ Петровымъ днемъ Иванъ Семеновъ разсчитывалъ рабочихъ. Гаврилѣ Ермолаеву пришлось получить около семидесяти рублей. Вечеромъ рабочіе пошли въ баню. Гаврила Ермолаевъ изъ скупости ходилъ въ баню только черезъ двѣ недѣли. Зачѣмъ даромъ деньги тратить, когда домой пріѣдутъ къ Покрову и даромъ всѣ отмоются; а тутъ плати за каждаго по пятачку,—за пятерыхъ цѣлый четвертакъ и выскочитъ. Но наканунѣ Петрова дня какъ-то было неловко не итти въ баню. Гаврила Ермолаевъ передъ баней каждый разъ пряталъ свой кошель съ деньгами гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, какъ сдѣлалъ и сейчасъ; но лиха бѣда вышла въ томъ, что онъ не успѣлъ спрятать сегодняшнюю получку въ кошель, а завернулъ ее въ бумагу съ деньгами на расходы.

Помылись въ банѣ, поужинали. Гаврила Ермолаевъ досталъ свой кошель, но уже начало темнѣть, и онъ не успѣлъ вложить въ него полученныя деньги—въ полѣ было темно, а въ казармѣ неудобно. Укладываясь спать, онъ сунулъ деньги въ бумагѣ подъ изголовье, завернувъ ихъ въ онучу, какъ дѣлалъ это каждый день. Молодые рабочіе еще долго галдѣли около казармы, гдѣ-то далеко слышалась пьяная пѣсня, и пиликала гармоника.

— Охъ, Господи, и праздника-то не знаютъ!—сокрушался Гаврила Ермолаевъ, ощупывая свой кошель.—То-то народецъ, подумаешь... Добрые люди въ церкви Богу молятся, а они пѣсни горланятъ.

Рано утромъ, когда вся еще казарма спала, Степанъ былъ разбуженъ отцомъ. Гаврила Ермолаевъ сидѣлъ на нарѣ блѣдный и растерянный и, оглядѣвшись кругомъ, шопотомъ сказалъ:

— У меня деньги... украли...

Степанъ вскочилъ, какъ встрепаный, и смотрѣлъ на отца ничего не понимавшими глазами.

— Какъ украли?..—спросилъ онъ тоже шопотомъ.

— А такъ... Я ихъ въ онучу завертывалъ и подъ изголовье пряталъ, ну, и украли.

— Да вѣдь кошель-то на тебѣ?

— То другое... Кошель цѣлъ.

У Степана отлегло на душѣ. Значитъ, не всѣ деньги украдены. Они вышли изъ казармы, и Гаврила Ермолаевъ подробно разсказалъ, какъ вышло

все дѣло, т.-е. какъ онъ вчера получилъ расчетъ отъ Ивана Семенова и не успѣлъ изъ-за бани положить деньги въ кошель. Они вмѣстѣ сходили на то мѣсто, гдѣ Гаврила Ермолаевъ пряталъ деньги,—тамъ ничего не было; потомъ обыскали свою нару до послѣдней соломинки—тоже ничего. Старикъ какъ-то совсѣмъ растерялся и только теперь объяснилъ Степану, что изъ онучи взяты деньги не всѣ, а только четвертной билетъ да рублевая бумажка.

— Какъ же это такъ...—недоумѣвалъ Степанъ.—Ужъ если бы воръ, такъ онъ все бы взялъ... Какъ будто не похоже на вора, родитель. Не обронилъ ли ты ихъ какъ-нибудь самъ гдѣ по дорогѣ?

Они обошли по дорогѣ, осмотрѣли всю казарму—нигдѣ ничего не было. Гаврила Ермолаевъ былъ въ полномъ отчаяніи.

— Окромя меня съ Петрунькой некому взять,—рѣшительно заявилъ Степанъ.

— Ахъ, Господи, да развѣ я говорю про васъ?..—взмолился старикъ.—Такъ, грѣхъ вышелъ... У вора-то сто дорогъ, а у обокраденнаго одна. Вотъ все о моихъ-то деньгахъ говорили... Иванъ Семеновъ еще меня корилъ...

Вдругъ Гаврила Ермолаевъ вспомнилъ, какъ его накрылъ физикъ, когда онъ деньги считалъ.

— Его рукъ дѣло,—заявилъ онъ, разсказавъ все подробно.—Некому больше... Выслѣдилъ песъ, а чтобы слѣды запутать—выкралъ только двѣ бумажки. Не простой человѣкъ воровалъ... Онъ вчера тутъ въ казармѣ вертѣлся вечеромъ. Его дѣло!..

Степанъ сомнѣвался. Гдѣ ему, физику, такую штуку отколоть!.. Смысловъ не хватитъ.

— А мы вотъ что сдѣлаемъ, родитель,—предлагалъ Степанъ.—Никому, значитъ, ни гу-гу... Даже чтобы Петрунька ничего не зналъ. Воръ-то не иначе, какъ изъ своей казармы,—ну, онъ и скажется самъ... Только выждать время...

— Охъ, сдѣлалъ меня съ праздникомъ добрый человѣкъ!—стоналъ Гаврила Ермолаевъ, ничего не понимая.—Безъ ножа зарѣзалъ...

Эта потеря денегъ Гаврилой Ермолаевымъ послужила къ тому, что между нимъ и Степаномъ возстановился полный миръ. Степанъ, охваченный такою же жадностью, какъ и отецъ, совершенно забылъ нанесенную ему обиду.

XII.

Какъ Гаврила Ермолаевъ и Степанъ ни выслѣживали, а воръ не желалъ себя обнаружить, проявляя удивительную хитрость.

— Ну, и хитеръ песъ!—возмущался Гаврила Ермолаевъ.

— Ничего, не уйдетъ нашихъ рукъ!—увѣренно повторялъ Степанъ.—Некуда ему дѣться... Не мѣшокъ съ деньгами—не потеряется.

Гаврила Ермолаевъ передумалъ на всѣхъ и при каждомъ новомъ подозрѣніи повторялъ: „Некому больше, какъ такому-то“. Былъ даже заподозрѣнъ Петрунька, и отецъ слѣдилъ за его поведеніемъ недѣли двѣ, а потомъ устыдился и махнулъ рукой. Куда же Петрунькѣ на такое дѣло пуститься—и ума не хватитъ, да и совѣсть тоже не дозволитъ. Думалъ Гаврила Ермолаевъ и на родныхъ племянниковъ,—несмышленыши еще могли по ребячьей глупости созорничать. Въ концѣ концовъ всѣ подозрѣнія сводились все-таки на физика, который одинъ видѣлъ, какъ Гаврила Ермолаевъ считалъ деньги.

— Некому, окромя его, сквернавца!—увѣрялъ самого себя Гаврила Ермолаевъ.—Работать не работаетъ, а пьянъ каждый день. Откуда у него деньги? Погоди, песъ, доберусь я до тебя!..

Когда физикъ приходилъ въ казарму, у Гаврилы Ермолаева чесались руки. Вѣдь всего-то одинъ разъ ударить гнуса—и сейчасъ духъ вонъ. И другимъ было бы неповадно. Ежели бы въ деревнѣ случилось такое дѣло, такъ тамъ своимъ средствіемъ допытали бы правду-матку. А тутъ сиди да смотри, какъ онъ у тебя передъ глазами пьяное вино ходитъ.

Потеря денегъ отравила Гаврилѣ Ермолаеву все существованіе. Украденные двадцать шесть рублей представлялись ему не просто двадцатью шестью рублями, а въ образной формѣ: на двадцать-то шесть рублей въ деревнѣ можно было купить самолучшую корову, лошадь-середнячка, цѣлый десятокъ овецъ и т. д. Разсчитывая впередъ свой мѣсячный заработокъ у Ивана Семенова, Гаврила Ермолаевъ не досчитывалъ именно этихъ двадцати шести рублей. Онъ усиленно напустился на работу и морилъ всю артель, но полученныя лишнія деньги все-таки не могли покрыть пропавшихъ, хоть бы заработали и на пятьдесятъ рублей больше. Потомъ у Гаврилы Ермолаева явился страхъ, какъ бы не выкрали у него и остальныхъ. Онъ часто просыпался по ночамъ, и ему все казалось, что кто-то подкрадывается къ его завѣтному кошелю. Да, это былъ невидимый и неуловимый воръ, который придетъ и возьметъ...

А тутъ еще вся жизнь въ казармѣ пошла какъ-то навыворотъ. Съ весны жили всѣ люди, какъ люди, тихо и смирно, а начали получать деньги, отъѣлись на хозяйскихъ харчахъ, и явилось разное баловство. Которые по трактирамъ начали чай распивать, которые сильно ушибались по праздникамъ въ „Хивѣ“, которые на городскую руку принялись обряжать себя: и сапоги съ наборомъ, и красныя рубахи изъ кумача, и суконныя фуражки. Рядились, конечно, главнымъ образомъ молодые парни, чтобы не отстать отъ щеголей, ярославскихъ огородниковъ, въ родѣ шалаго Петьки. Появились и гармоники и балалайки. Однимъ словомъ, всѣ точно ошалѣли. По праздникамъ завели моду покупать ситникъ, а Петрунька вытрѣбовалъ у отца какъ-то цѣлый пятакъ на французскую булку.

— Да ты въ умѣ ли?—ругался Гаврила Ермолаевъ.—Это которыя барыни ѣдятъ колачи, а ты еще рыломъ не вышелъ.

Поругался-поругался, а пятакъ пришлось выдать. Развѣ прежде Петрунька смѣлъ пикнуть, а тутъ совсѣмъ просто говоритъ: „Давай пятакъ!“.

— На, подавись этимъ самымъ пятакомъ,—ругался старикъ, выдавая деньги.—Ужо, выворотимся въ деревню, такъ я тебѣ покажу такого колача...

А Петрунька взялъ пятакъ и хоть бы ухомъ повелъ. Потомъ ему понадобилась кумачная рубаха, какъ у другихъ щеголей. Даже заводилъ рѣчь о спинжакѣ. Тутъ уже Гаврила Ермолаевъ не вытерпѣлъ и задалъ Петрунькѣ здоровую вытряску.

Побитый Петруха, вмѣсто покорности, долго ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Тоже драться-то не указано, хоть и отецъ...

— Ты у меня еще поговори, щенокъ!—рычалъ Гаврила Ермолаевъ.—Я тебѣ укажу... Погоди, вотъ выворотимся въ деревню, такъ я тебѣ покажу спинжакъ.

Въ другихъ артеляхъ происходило то же самое. Молодые парни на глазахъ отбивались отъ рукъ. Старшіе пробовали учить, но никакая деревенская наука не помогала. А тутъ еще Спиридоновна зудитъ: „Эка бѣда, что парню хочется быть не хуже другихъ протчіихъ! Тоже молодое дѣло, и погулять охота; а въ лаптяхъ да въ зипунахъ немного разгуляешься. Старики-то сво

прожили, а молодымъ еще жить надо. А кто попалъ въ городъ—матушка-деревня прощай!"

Старики сходились вмѣстѣ и жаловались другъ другу на непокорную молодежь.

— Нагуляли комариная жиру—вотъ онъ и играетъ. Недаромъ говорится: середка сыта—концы говорятъ.

У нѣкоторыхъ парней завелись шашни съ чухонками изъ Сампо, другіе по вечерамъ въ праздники уходили по ту сторону свалки, гдѣ собирались копорки съ огородовъ и ягодника. Изъ казармы слышны были звонкія дѣвичьи пѣсни за-полночь.

— Экъ ихъ взяло!..—ворчалъ Гаврила Ермолаевъ.—Совсѣмъ никакого стыда... Дерутъ горло за-полночь. Охъ, грѣхи, грѣхи!..

На этомъ дѣло не кончилось. Въ одинъ прекрасный вечеръ двѣ копорки съ огорода Ефима Тихоныча явились въ казарму, конечно, подъ предводительствомъ отчаяннаго огородника Петьки.

— Двѣ моихъ любезнующихъ племянницы, Дарья Панталоновна и Марья Панталоновна,—рекомендовалъ онъ ихъ высыпавшимъ изъ казармы рабочимъ.—Издали-то онѣ не совсѣмъ патретомъ вышли, а зато—чѣмъ ближе, тѣмъ хуже...

Вся казарма такъ и грохнула отъ смѣха, а копорки обидѣлись и даже хотѣли уйти. Ихъ выручила Спиридоновна, накинувшаяся на Петьку.

— Чего ты конфузишь дѣвушекъ, лодырь?!.. Можетъ, получше тебя будутъ разъ десять, а ты зубы моешь...

Копорки, дѣйствительно, сконфуженно жались другъ къ другу и закрывали рты рукой. Кто-то изъ толпы поддержалъ Спиридоновну. Въ самомъ дѣлѣ, чего Петька зря куражится надъ дѣвушками? Люди въ гости пришли, а ихъ же на-смѣхъ поднимаютъ. Рябая и курносая Дарья оказалась посмѣлѣе и заявила:

— Мы и уйдемъ, коли что...

— Не уходите, дѣвоньки! Садитесь, гостями будете... А Петьку мы единымъ духомъ сократимъ. Забалуй онъ у насъ.. пустыя-то слова изъ него какъ сухой горохъ изъ дыряваго мѣшка сыпются!

Тутъ ужъ Петька обидѣлся и чуть не подрался, пока Спиридоновна не увела его къ себѣ для усмиренія.

Въ разгаръ этой сцены явился Гаврила Ермолаевъ, уходившій поглазѣть на господъ у станціи. Онъ съ яростью набросился на дѣвушекъ и вытолкалъ ихъ изъ казармы.

— Это еще что за мода?!.. Ступайте, откуда пришли... Плохо васъ учитъ Ефимъ-то Тихонычъ. И носу сюда не показывайте! Разорву какъ кошекъ и отвѣчать не буду!

Старики пристали къ Гаврилѣ Ермолаеву, и гостьи были прогнаны самымъ невѣжливымъ образомъ. Когда на шумъ выскочила Спиридоновна, все уже было кончено. Гаврила Ермолаевъ гналъ копорокъ хворостиной, какъ утокъ, а онѣ ругались и плевали на него.

— Сбѣсился идолъ-то!—ругалась въ свою очередь Спиридоновна.—Вѣдь хуже будетъ, когда парни побѣгутъ на огороды... Извѣстно, живое къ живому и льнетъ. Драки съ огородниками не оберешься... Ахъ, идолъ, идолъ!..

XIII.

Лѣто прошло. Начались холодные осенніе дожди, вѣтеръ и холодные утренники. На Гаврилу Ермолаева по временамъ нападала страшная тоска.

Онъ подолгу наблюдалъ сѣрое хмурое небо и качалъ головой. Какъ-то управились бабы съ покосомъ, не вылегла ли рожь, не появился ли какой-нибудь гнусъ, не осыпался ли овесъ,—гдѣ же бабамъ за всѣмъ углядѣть? Особенно волновали старика грачи, которые были и здѣсь такіе же, какъ въ деревнѣ. Умная и хозяйственная птица грачъ. Небось, все около пашни проживается. Гдѣ червячокъ, гдѣ козявка, гдѣ зернышко—вотъ и сыта Божья тваринка. Молодые грачи уже подросли и начали грудиться въ стаи, значитъ, дѣло пошло къ отлету. Старики-то вотъ какъ молодыхъ учатъ: снимется одна стайка, другая, третья, слетятся вмѣстѣ и всѣмъ войскомъ начнутъ крутить, точно солдаты на ученьи. Вотъ ударятъ заморозки, и потянутъ грачиныя стаи въ теплую сторону, къ теплому морю. Птица, а Господь умудрилъ... Тоже, видно, на чужой-то сторонѣ не сладко.

Хозяйственное сердце Гаврилы наполнялось чисто-домашней тоской, а до Покрова оставалось еще пять недѣль. Бывали дни, когда ему хотѣлось бросить все и уйти домой. Городской-то работы не переработаешь, хоть вылѣзи изъ своей кожи. Да и такъ сказать: одинъ ушелъ, а десять рукъ тянутся къ мѣсту. Лѣтомъ мужикъ вездѣ въ цѣнѣ, вездѣ работа, а къ осени цѣна ему расколотый грошъ.

По вечерамъ, когда смеркалось, рабочіе любили раскладывать передъ казармой костеръ. Хорошо было посидѣть около живого огонька... А всѣхъ больше это любилъ Гаврила Ермолаевъ. Надѣнетъ свой полушубокъ, подсядетъ къ огоньку и сидитъ, пока все не перегоритъ въ уголья. Въ вольномъ огонькѣ чувствовалось что-то такое родное, свое деревенское. Но, о чемъ бы ни думалъ Гаврила Ермолаевъ, его мысли въ концѣ концовъ возвращались къ вору, похитившему кровные 26 рублей. Гдѣ онъ? Съ кѣмъ радуется? Мучитъ ли его совѣсть? Въ минуту такого тяжелаго раздумья, когда Гаврила Ермолаевъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, къ нему подошла кухарка Настя и, положивъ руку на плечо, проговорила:

— Одинъ сидишь-то?

Старикъ разсердился на глупый вопросъ и отвѣтилъ довольно грубо:

— Возьми глаза въ зубы и посмотри!..

Удивительный народъ эти бабешки: вѣдь видитъ, что одинъ сидитъ, а надо спрашивать. Настя тоже подсѣла къ огоньку и понесла уже совсѣмъ околесную. Это окончательно взбѣсило старика.

— Ну, чего мелешь-то безъ пути?—огрызнулся онъ.

— А ты не сердись!..—ласково отвѣтила Настя.—Съ бабы какой взыскъ. У ней и мысли-то въ головѣ мечутся, какъ мыши въ пустомъ овинѣ. Скучно дома-то, вотъ и прибѣжала посмотрѣть, какъ наши вытебскіе...

Бабью природу Гаврила Ермолаевъ зналъ хорошо и сразу понялъ, что Настя присунулась къ огоньку не спроста.

— Домой, поди, скоро собиретесь?—спрашивала она унылымъ голосомъ, по-бабьи подпирая щеку.

— Какъ Богъ приведетъ...

Настя помолчала и прибавила:

— А ужъ оно лучше... Балуется народъ въ городѣ. Вездѣ соблазнъ... Мотается нынче народъ вотъ какъ!..

— Всяко бываетъ...

Настя вздохнула и проговорила уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— А Петруньку-то нынче женить будете?

— Петруньку? А кто за него въ солдаты пойдетъ?

— И солдаты случаются женатые...

— Ну, это ужъ не порядокъ... Солдатка по-нашему, по-деревенскому, какъ изба безъ крыши. Ничего, подождетъ...

— Такъ-то оно такъ... По осенямъ въ деревняхъ много свадебъ играютъ.

Помолчавъ немного, Настя прибавила:

— А ты бы того, Гаврила Ермолаевъ, приглядывалъ за Петрунькой-то...

— Ну?

— Балуется паренекъ...

— Ну?..

— Мнѣ-то дѣла до этого нѣтъ, а такъ, отъ огородниковъ слышала. Старичокъ одинъ сказывалъ...

— Ну?!..

Помявшись для приличія, Настя разсказала, что Петрунька балуется на огородахъ съ копорками.

— Ну?!!

— А больше ничего,—отвѣтила Настя.—Надо смотрѣть за паренькомъ-то... Деньгами, слышь, такъ и соритъ.

— Деньгами?!

У Гаврилы Ермолаева мурашки пошли по спинѣ отъ этого Настасьинаго наговора. Прежде всего, онъ возненавидѣлъ Настю. „Ей-то какая печаль? Доносчику первая палка...“ Разсердившійся старикъ попросту прогналъ ее.

— Да ты никакъ бѣлены объѣлся? — обидѣлась Настя, поднимаясь.— Тебѣ же добра желала...

— Ладно, проваливай!.. Знаемъ мы это самое ваше бабье добро очень даже превосходно.

Настя ушла, а Гаврила Ермолаевъ остался въ какомъ-то ошеломленномъ состояніи. Откуда могли быть у Петруньки деньги? Какой огородникъ наговорилъ Настѣ? Сгоряча Гаврила Ермолаевъ позабылъ спросить его имя. Во всякомъ случаѣ, въ его душу закралось страшное подозрѣніе. Неужели Петрунька выкралъ деньги?

По тяжелой мужицкой политикѣ, Гаврила Ермолаевъ ни слова не сказалъ даже большаку Степану и началъ слѣдить за Петрунькой самъ. Ему было и тяжело, и совѣстно, и больно.

„Кому повѣрилъ-то...—корилъ самого себя Гаврила Ермолаевъ.—Баба наболтала...“

Почти три ночи не спалъ Гаврила Ермолаевъ, выслѣживая Петруньку. Парень былъ тише воды, ниже травы. Только разъ Гаврилѣ Ермолаеву показалось, что отъ него пахнетъ водкой. Этого еще недоставало!..

— Погоди, песъ, не уйдешь!—рѣшилъ старикъ.

Онъ пустился на хитрости. Было воскресенье. Старики ложились спать вечеромъ рано, и Гаврила Ермолаевъ тоже легъ пораньше, жалуясь, что ему что-то неможется. Онъ притворился, что спитъ, и видѣлъ, какъ Петрунька нѣсколько разъ приходилъ въ казарму и наблюдалъ его, а потомъ исчезъ.

Было уже совсѣмъ темно. Гаврила Ермолаевъ вышелъ изъ казармы. Петруньки нигдѣ не было. Нахлобучивъ рваную шапчонку, онъ побрелъ къ свалкѣ. Обыкновенно сюда онъ никогда не ходилъ, потому что не любилъ озорныхъ огородниковъ и копорскихъ пѣсенъ. Теперь онъ шагалъ въ темнотѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу. Въ грязномъ, ржавомъ ручейкѣ, который сочился изъ свалки, онъ чуть не провалился по колѣно. Надо было пройти капустные огороды, потомъ обогнуть свалку, а тамъ уже брезжила огоньками контора Ефима Тихоныча. Отдѣльно, по-деревенски—на отшибѣ, стояла копорская

казарма, т.-е. простой сарай, кое-какъ сколоченный изъ стараго, дыряваго барочнаго лѣса. Два маленькихъ оконца здѣсь тоже свѣтились, и Гаврила Ермолаевъ рѣшилъ, что Петрунькѣ негдѣ быть, какъ здѣсь.

— Погоди, песъ, я тебя произведу!—ворчалъ старикъ, шагая черезъ грядки повявшей отъ холода клубники.

Конерская казарма стояла въ какомъ-то озерѣ грязи, и къ ней былъ устроенъ проходъ по дощечкамъ. Гаврила Ермолаевъ, не обращая вниманія, пробрался къ одному изъ оконъ и припалъ глазомъ къ запотѣвшему стеклу. Внутри казармы онъ увидѣлъ длинный столъ, кругомъ котораго размѣстились конюрки живой стѣной. На одномъ концѣ стола сидѣлъ огородникъ Петька, а на другомъ Петрунька. Петька что-то наигрывалъ на своей гармоніи, кто-то изъ конюрокъ ему подтягивалъ, но, видимо, дѣло не клеилось. Слышался звонкій дѣвичій смѣхъ, визгливые голоса и галдѣнье.

Черезъ минуту вся казарма онѣпенѣла, когда въ дверяхъ показалась высокая фигура Гаврилы Ермолаева.

— Наше вамъ сорокъ одно съ кисточкой, пятиалтынный съ дырочкой...—пробористалъ бахвалъ Петька и замолкъ.

— Домой!..—сурово проговорилъ Гаврила Ермолаевъ, не глядя на Петруньку.—Будетъ...

Петрунька покорно поднялся и, слегка пошатываясь и вынужденно улыбаясь, пошелъ за отцомъ.

XIV.

Отецъ и сынъ нѣкоторое время шагали молча. Въ темнотѣ слышно было, какъ чавкала грязь подъ тяжелыми сапогами. Гаврила Ермолаевъ тяжело дышалъ. Когда они обогнули свалку и огоньки конторы Ефима Тихоныча исчезли, старикъ, шедшій впереди, быстро обернулся и со всего размаха ударилъ Петруньку по лицу.

— Сказывай: ты укралъ деньги?

Петрунька, какъ котенокъ, полетѣлъ прямо въ грязь. Отецъ схватилъ его за волосы и потащилъ, повторяя задыхавшимся отъ бѣшенства голосомъ:

— Ты?!.. А... ты... ты... ты?!..

Петрунька молчалъ и закрывалъ лицо руками. Разсвирѣпѣвшій Гаврила Ермолаевъ началъ пинать его ногами, а Петрунька продолжалъ молчать, точно мертвый. Потомъ старикъ пустилъ его впередъ и время отъ времени давалъ подзатыльники. Когда подошли къ казармѣ, Гаврила Ермолаевъ вызвалъ Степана и сказалъ:

— Вотъ онъ нашъ-то воръ... А я на другихъ грѣшилъ!..

Степанъ молча принялся бить Петруньку.

— Хорошенько его, пса!—поощрялъ Гаврила Ермолаевъ.

Избитый въ лоскъ Петрунька не могъ уже подняться съ земли и только молчалъ.

— Ну, сегодня будетъ...—рѣшилъ старикъ, оттаскивая разсвирѣпѣвшаго Степана.—Утро вечера мудренѣе...

У Степана кружилась голова, и онъ ничего не понималъ. Гаврила Ермолаевъ тутъ же раздѣлъ Петруньку и произвелъ обыскъ. За голенищемъ сапога съ наборомъ онъ нашелъ кошелекъ, въ которомъ оказалось всего три рубля и нѣсколько мѣдяковъ.

— Куды дѣлъ остальныя деньги?

— Прогулялъ...—сознался Петрунька.

Его еще побили и стащили въ казарму. Гаврила Ермолаевъ былъ со-

вершенно убитъ роковымъ открытіемъ. Что̀ ему было дѣлать съ Петрунькой? Дома прямо бы свелъ въ волость и попросилъ отодрать, а здѣсь ступай, жалуйся городскому судьѣ, теряй время, срами себя, да еще судья опредѣлитъ Петруньку на высидку мѣсяца на три. Одинъ убытокъ, да еще срамъ... А такъ оставить тоже нельзя. Дай повадку, парень и совсѣмъ пропадетъ. Старикъ продумалъ всю ночь, какъ ему быть, и только къ утру рѣшилъ, что пока надо дѣло это совсѣмъ оставить, а произвести настоящую расправу, когда вернутся къ себѣ въ деревню. Степанъ соображалъ другое: какъ воротить деньги, хоть часть. Пропить такую уйму Петрунька не могъ, значитъ, надарилъ подарковъ своимъ копоркамъ — ну, значитъ, надо будетъ по горячему слѣду всѣ эти подарки отобрать. Свои-то бабы еще спасибо скажутъ.

Когда утромъ старикъ и Степанъ проснулись, Петруньки и слѣдъ простылъ. Оба растерялись. Еще не сдѣлалъ бы чего надъ собой съ большого ума!

— Негдѣ ему быть, окромя копорокъ,—рѣшилъ Степанъ.—Вотъ пойду и приведу его...

Тяжело было Гаврилѣ Ермолаеву выходить на работу съ одними малышами. А тутъ еще пріѣхалъ Иванъ Семеновъ. Подрядчикъ посмотрѣлъ на работы, поругался, а потомъ отозвалъ Гаврилу Ермолаева въ сторону и сказалъ:

— Вотъ что̀, старикъ... да... Слышалъ я, что у васъ въ семьѣ неладно. Что̀ подѣлаешь: грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ, всѣми нами, грѣшными, какъ вѣникомъ трясетъ. Да... такъ ты бы того, не очень ужъ налегайте на Петруньку. Да и изъ избы соръ тоже нехорошо выносить... Понимаешь? Вѣдь теперь, что̀ ни случись въ вашей казармѣ, сейчасъ всѣ на Петруньку... Ну, случился грѣхъ, и надо бы его износить про себя, а не ославлять парня... Вѣдь ему еще вѣкъ жить. Такъ-то, старикъ... И Степана попридержи. Нѣтъ тяжелѣе ссоры, какъ между родными братьями. Остуда на всю жизнь... Вѣдь не тебя деньги-то нажили.

Совсѣмъ правильныя слова говорилъ Иванъ Семеновъ, только пришлись они послѣ времени. Теперь уже вся свалка знала, что Петрунька у отца деньги укралъ. Гаврила Ермолаевъ только чесалъ въ затылкѣ. Дѣло получилось совсѣмъ дрянь. Теперь всѣ будутъ пальцами тыкать: „вотъ, дескать, хороша семейка, когда родной сынъ у родного отца деньги воруетъ!“

Степанъ вернулся со свалки ни съ чѣмъ и только напрасно потерялъ рабочее утро.

— Гдѣ-нибудь у копорокъ спрятался, — сурово объяснилъ онъ. — Да я его, все равно, разыщу. Живой человѣкъ не иголка...

Гаврила Ермолаевъ ничего не отвѣтилъ. Ему вдругъ стало жаль Петруньки. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ пропадетъ малый. Только ославили парня напрасно. Правильно говорилъ Иванъ Семеновъ.

Петрунька не пришелъ и на другой день и на третій. Вся казарма знала, что онъ скрывается у копорокъ, и что у него есть какая-то Панька, съ которой онъ спутался и для которой у отца и деньги выкралъ. Молодые рабочіе были за Петруньку. Развѣ это воровство, ежели отецъ всѣ деньги за работу себѣ отбираетъ? Просто терпѣлъ, терпѣлъ, да и взялъ. Своя рука— владыка... Спиридоновна и Настя, конечно, приняли въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе и тоже были на сторонѣ Петруньки, причемъ Настя каялась со слезами, что по бабьей глупости подвела парня. А тутъ еще отчаянный Петька проходу не давалъ и дразнилъ кухарокъ за ихъ долгій бабій языкъ.

— То-то обрадовались чужой бѣдѣ, мокроносыя!.. Вѣдь прямо сказано: пашелъ—молчи, потерялъ—молчи...

Когда прошло три дня, Гаврила Ермолаевъ рѣшилъ, что пойдетъ на огороды самъ и добудетъ Петруньку. Такъ дѣла нельзя было оставить... О своемъ намѣреніи Степану онъ ничего не сказалъ. Очень ужъ крутъ сердцемъ Степанъ и все дѣло могъ испортить. Петрунька просто боится, да и стыдно въ свою казарму воромъ показаться.

Дѣло было въ субботу. Послѣ обѣда Гаврила Ермолаевъ сказалъ, что ему неможется, и остался въ казармѣ. На работу ушелъ Степанъ съ племянниками. Онъ, кажется, догадался, въ чемъ дѣло, но не подалъ никакого вида. Пусть отецъ дѣлаетъ, какъ хочетъ.

Гаврила Ермолаевъ отправился на огороды, чтобы повидать стряпку Анѳису, которая должна была знать все дѣло до тонкости. Ужъ эти бабы все вызнаютъ, а тутъ какъ не знать, когда все подъ носомъ. Къ несчастью старикъ наткнулся прямо на Ефима Тихоныча, который сидѣлъ на крылечкѣ своей конторы и ругательски ругалъ Анѳису. Гаврила Ермолаевъ хотѣлъ даже повернуть назадъ, но было уже поздно. Ефимъ Тихонычъ его замѣтилъ и поманилъ пальцемъ.

— Иди-ка, иди сюды, другъ милый!.. Петруньку пришелъ искать?

— Около того, Ефимъ Тихонычъ...

— Садись-ка рядкомъ да поговоримъ ладкомъ! — пригласилъ его боговоязненный старичокъ и прибавилъ другимъ тономъ, обращаясь къ Анѳисѣ:— А ты брысь, подкопенная мышь! Ну, старичокъ, знаю, знаю твое дѣльце... Похвалиться нечѣмъ. У меня Петрунька околачивается, вотъ тутъ, около конорокъ... Охъ, согрѣшилъ я, грѣшный, съ вами!.. Вотъ и Степанъ его тоже искалъ, а какъ онъ пойдетъ къ вамъ въ казарму, когда вся рожа у парня, какъ чугунная. Очень ужъ вы постарались со Степаномъ-то... Вчужѣ парня жаль.

Это нравоученіе обозлило Гаврилу Ермолаева, точно Ефимъ Тихонычъ надъ нимъ же издѣвается.

— Чужія-то дѣла легко разбирать,—отвѣтилъ онъ довольно грубо.—Тебы вотъ лучше смотрѣлъ построже за своими конорками, Ефимъ Тихонычъ. Отъ нихъ и весь грѣхъ вышелъ...

— Такъ, такъ, милъ человѣкъ...—невозмутимо отвѣтилъ Ефимъ Тихонычъ и даже зѣвнулъ. — Конорки мои, значитъ, по-твоему, и грѣхъ мой. Оченно даже хорошо... Сказать-то все можно. Ты усмотри по нонѣшнимъ временамъ за родной дочерью, а тутъ ихъ до сотни набирается. Гдѣ жъ уберечься дѣвушкѣ на людяхъ? Тоже суди на волка, суди и по волку. Одобрять—не одобряю, а и винить не могу...

Гаврила Ермолаевъ еще больше обозлился этими елейными словами и отвѣтилъ:

— Самъ первый ты дѣвушникъ, недаромъ пирожникомъ-то зовутъ. Ни одной не пропустишь. Тоже слыхали про тебя вполнѣ достаточно.

Ефимъ Тихонычъ не сморгнулъ глазомъ, а только сузилъ глаза, зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Такъ, такъ, даже весьма пріятный разговоръ выходитъ,—началъ онъ лѣниво растягивая слова. — Такъ, оно дѣйствительно... Дѣвушникъ первый говоришь? Это я-то?.. Хе-хе... Ахъ, деревня, деревня, ничего-то ты не понимаешь, матушка-деревня!

— Даже весьма можемъ понимать касаемо этого самаго дѣла, когда изъ дѣвушекъ бабъ дѣлаютъ... Пришла къ тебѣ на огородъ дѣвушка, а ушла—н

баба, ни дѣвка, ни мужняя жена... Очень просто. Каковъ, видно, попъ, таковъ и приходъ.

— Такъ, такъ, форменно, милъ человѣкъ... Это ужъ завсегда такъ бываетъ: на своемъ молочкѣ обжегся—на чужую воду дуетъ... Да... Охъ, грѣхи, грѣхи!.. Ты погляди-ка на меня хорошенько: курицы не обидимъ. Да... Не понимаешь? Ну, такъ, видно, приходится своими словами сказать: благодѣтель я... Ко мнѣ какія дѣвушки изъ деревни приходятъ: грязныя, рваныя, босоногія и никакого то-есть обращенія. Стоитъ передъ тобой дура дурой и ногу ногой чешетъ. У меня такое положенье: первое дѣло, Аѳиса всѣхъ въ баню ведетъ, потому какъ я нечистоты не выношу. Ну, поживетъ, поработаетъ и всѣ перышки расправитъ... Какъ же, и юбочка новая, и кофточка новая, и полусапожки новые, и платочекъ, и сережки, и фартушекъ... Такъ. Теперь будемъ говорить такъ: обозвалъ ты меня дѣвушникомъ. Можетъ-быть, случается и такой грѣхъ... А только это самое дѣло тоже надо понимать. Къ осени, дѣйствительно, нѣкоторыя дѣвушки и затяжелѣютъ, ну и, конечно, по своей деревенской глупости ревмя ревутъ, руки на себя наложить грозятся и разное такое прочее. Мало ли мужиковъ у меня на огородѣ, да еще со стороны наберутся, какъ твой Петрунька. Ну, а кто грѣхъ-то дѣвичій развязываетъ? Да все я же... Моя Аѳиса да ваша Спиридоновна десятками ихъ предоставляютъ въ родильные дома, а тамъ разродится — сейчасъ младенца, напримѣръ, въ воспитательный, а ее въ кормилки. Ты какъ это самое дѣло понимаешь? Ужъ самая плохая кормилка и та десять рубликовъ жалованья будетъ получать, да всю ею одежу выправятъ: три сарафана — на, шесть рубашекъ — на, шесть паръ чулокъ, шесть платковъ, мамошный снарядъ, подушка, одѣяло, сундукъ — на... Да всего и не сосчитаешь. А тутъ еще подарки къ праздникамъ да особое награжденіе, ежели угодила господамъ. Какъ это по-твоему, пустяки? А кто все устроилъ?.. Имъ всѣмъ и Бога не замолить за Ефима Тихоныча, прямо будемъ говорить. Домой выворотится, значитъ, къ себѣ въ деревню, да ее женихи облѣпятъ, какъ мухи медъ... У такой-то крали жениховъ, какъ на черемухѣ цвѣту... Постой, куда ты?..

Гаврила Ермолаевъ поднялся, махнулъ рукой и, не простившись съ богобоязненнымъ старцемъ, зашагалъ домой. Если раньше онъ ничего не понималъ, то теперь все сдѣлалось ясно.

Черезъ три дня Гаврила Ермолаевъ съ двумя сыновьями и племянниками собрался домой. Иванъ Семеновъ понималъ, въ чемъ дѣло, и особенно не удерживалъ.

— Не доработалъ ты у меня до срока, Гаврила Ермолаевъ. Ну, да Богъ съ тобой!.. Ужо, приходи на слѣдующее лѣто.

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Семеновъ, ослобони!—сурово отвѣтилъ Гаврила Ермолаевъ. — Спасибо за хлѣбъ-соль, а памъ на чужой-то сторонѣ не рука. Будетъ... Тутъ у васъ и голову потеряешь!

1899.

ВЪ УСЛУЖЕНІИ.

Очеркъ.

I.

Аксинья просыпалась въ семь часовъ, и ей хотѣлось еще спать. Сквозь сонъ она слышала, какъ въ столовой били часы шесть, но торопиться ей было некуда. Господа поднимались только къ девяти часамъ. Иногда Аксиньѣ дѣлалось совѣстно, что она такъ безсовѣстно дрыхнетъ, и ей припоминалась недавняя скитальческая жизнь несчастной „копорки“. Небось, тамъ вставала въ пять часовъ, а то и въ четыре, если погода хорошая. Потомъ цѣлый день работаешь, не разгибая спины, а ужъ объ ѣдѣ и говорить нечего—такъ, что̀ Богъ пошлетъ. На хозяйскихъ харчахъ, за такой рабочій день Аксинья получала двугривенный и была счастлива. Настоящая жизнь ей казалась какой-то сказкой, однимъ изъ тѣхъ хорошихъ сновъ, которые не сбываются, и она со страхомъ думала, что все это благополучіе можетъ разлетѣться, какъ дымъ. Аксинья вздыхала и даже закрывала глаза отъ страха, какъ курица, надъ которой мелькнула широкая тѣнь ястреба.

Господа у Аксиньи были хорошіе, больше—какіе-то удивительные. Ничего подобнаго она себѣ представить не могла и смотрѣла на нихъ, какъ дѣти смотрятъ въ балаганахъ на восковыхъ манекеновъ. Его звали Петромъ Васильевичемъ, ее—Ксеніей Александровной. Фамиліи господъ Аксинья никакъ не могла запомнить, да и не понимала, для чего существуетъ какая-то фамилія. Петръ Васильевичъ вставалъ раньше—часовъ въ девять, цѣлый часъ мылся, разсматривалъ себя въ зеркало, полоскалъ горло, чистилъ ногти, выстригалъ волосы въ носу—вообще чередился, какъ невѣста передъ вѣнцомъ. Барыня поднималась часомъ позже и мылась цѣлыхъ два часа, какъ утка. Аксиньѣ дѣлалось смѣшно до слезъ, что̀ выдѣлывала надъ собой барыня. Баринъ въ это время пилъ молоко съ какой-то заграничной водой и читалъ газеты. Вмѣстѣ сходились они только къ двѣнадцати часамъ, когда былъ готовъ кофе.

— Луша!..—кричала барыня, какъ только просыпалась.

Луша была горничная-подростокъ. Аксинья боялась этой юркой и нахальной дѣвчонки, которая знала все на свѣтѣ и постоянно ее донимала. Барыня не могла жить безъ этой Луши и цѣлый день звала ее: „Луша, подай это“, „Луша, подай то“, „Луша, отвори форточку“, „Луша, найди мой платокъ“—и такъ безъ конца. Луша умѣла потрафить барынѣ во всемъ и на этомъ основаніи часто прикидывалась, что не слышитъ, какъ ее зовутъ, а то и прямо грубила.

— Какая ты безстрашная, Лушка!—удивлялась Аксинья.

— Молчи, копорка!—огрызалась Луша.—Деревня, деревня и есть. Ничего ты не понимаешь!

Луша была городская—дочь швейцара, и на этомъ основаніи презирала всякую деревенскую бабу. Она была такая худенькая, вертлявая, съ бѣленькимъ, востроносымъ личикомъ. Одѣвалась она въ платье, носила корсетъ и кокетничала своимъ накрахмаленнымъ бѣлымъ передникомъ. Аксинья подозрѣвала, что Луша утаиваетъ у барыни сдачу, воруетъ сахаръ и вѣчно что-то прячетъ по разнымъ угламъ. У барыни терялись носовые платки, шпилекъ выходило столько, какъ будто у нея было двѣ головы, исчезла однажды черепаховая гребенка и т. д. Аксинья боялась до смерти, какъ бы господа не подумали на нее, и боялась еще больше Луши, которой ничего не стоило оговорить кого угодно. Себя Аксинья чувствовала на мѣстѣ не прочной, точно жила по милости. Она плохо готовила и стѣснялась, что у нея нѣтъ ничего—ни платьевъ, ни фартуковъ, ни городскихъ ботинокъ, ни шубы. Все еще надо было постепенно заводить, а тамъ—въ деревню посылай. Аксинья невольно завидовала Лушѣ, у которой все было, да еще барыня надаритъ—то старое платье отдастъ, то ночную кофту, то свои башмаки.

— Счастлива ты, Лушка!—говорила Аксинья.—Вонъ сколько у тебя всякаго добра, какъ барыня одѣваешься.

— Нечего сказать, очень счастлива. Вертишься цѣлый день, какъ сорока на колу. Тѣ подай, тѣ принеси... тьфу!

— Грѣшно тебѣ, Лушка! У воды безъ хлѣба не сиживала? Чего тебѣ надо: сыта, одѣта, сидишь въ теплѣ, никто тебя не бьетъ!

— Ахъ, ты, копорка несчастная! — удивлялась Луша.—Ты думаешь, я такъ и буду весь свой вѣкъ въ горничныхъ болтаться?

Аксинья только качала головой и называла про себя Лушу отчаянной. Конечно, отчаянная. Вонъ какъ съ барыней разговариваетъ. Конечно, барыня ее любитъ, а все-таки... Тяжелая деревенская логика не могла уложить въ головѣ буйное поведеніе отчаянной питерской горничной. По-деревенски, Аксинья всего боялась.

Утромъ барыня, прежде чѣмъ выйти въ столовую, кричала Лушу разъ сто и гоняла ее то за холодной водой, то за теплой разъ по десяти. Потомъ надѣвала пестрый шелковый капотъ и выходила усталая, съ красными пятнами на лицѣ. Она всегда ходила такой развалистой, тяжелой походкой, какъ женщины ходятъ послѣ родовъ. Баринъ выходилъ къ ней въ гостиную и какъ-то виновато спрашивалъ:

— Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь, Ксенія?

Она хмурилась и нехотя отвѣчала:

— Да такъ... Ничего особеннаго.

Утромъ барыня всегда точно сердилась, а баринъ ухаживалъ за ней, какъ за тяжело больной. За кофе они мало разговаривали. Баринъ торопился на службу и уходилъ изъ дому въ часъ ровно. Барыня провожала его до дверей, клала обѣ руки на плечи и подставляла щеку для прощальнаго поцѣлуя.

— Ты вѣчно торопишься, Pierre...—лѣниво говорила она.

— Что дѣлать... служба!—оправдывался баринъ.

Баринъ уходилъ, и слышно было, какъ онъ торопливо спускался по лѣстницѣ. Барыня стояла нѣсколько времени въ передней, зѣвала и лѣниво возвращалась въ столовую, куда должна была явиться Аксинья за приказаніями относительно обѣда. Это былъ интересный моментъ. Барыня нѣсколько времени съ нѣмымъ отчаяніемъ смотрѣла на кухарку и еще съ большимъ отчаяніемъ спрашивала:

— Ну, что мы съ тобой будемъ сегодня дѣлать, Аксинья?

— Не знаю, барыня!

— Ахъ, ради Бога, не говори ты этого проклятаго слова: „не знаю". Я этого не выношу... Понимаешь?

— Супъ съ корешьями... биштексу...—начинаетъ перечислять Аксинья такимъ тономъ, какимъ читаютъ въ церкви поминанья.

— Опять супъ?—съ отчаяніемъ спрашивала барыня.—Луша, принеси Молоховецъ... Это невозможно—каждый день супъ.

Заказъ обѣда продолжался цѣлый часъ, такъ что Аксинью прошибалъ даже потъ. Барыня по книгѣ перебирала сотни кушаній, выбирала, а потомъ приходила въ отчаяніе и начинала снова выбирать. Это была настоящая пытка. Луша откуда-нибудь изъ-за косяка двери дѣлала Аксиньѣ гримасы и передразнивала барыню. Заказъ кончался тѣмъ, что барыня говорила съ отчаяніемъ:

— Дѣлай, что хочешь... Не все ли равно.

— А съ вермишелью, барыня?

— Отлично!

— А на второе—коклеты съ горошкомъ.

— Превосходно!

Самый трудный моментъ въ барскомъ домѣ этимъ заканчивался, и барыня уходила въ гостиную отдыхать.

— Ну, засѣла теперь ворона на гнѣздо!—объясняла Луша.—Теперь до самаго вечера будетъ барина ждать. Только всей и работы. Чучело гороховое, а не барыня. Она и говорить-то по-своему не умѣетъ, а возьметъ книжку, вычитаетъ что-нибудь, а потомъ барину за обѣдомъ и разсказываетъ...

У Луши кипѣла какая-то неукротимая ненависть къ барынѣ, точно она была ей соперницей. Аксинья, напротивъ, постоянно защищала ее. Что же, барыня добрая, а только, надо полагать, чѣмъ-нибудь больна.

— Онѣ всѣ такія, эти питерскія барыни!—спорила Луша.—И у всѣхъ одно ремесло: сидятъ, какъ кикиморы, и цѣлы дни ждутъ мужей или любовниковъ. Насмотрѣлась я достаточно, недаромъ пять мѣстовъ перемѣнила.

Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ съ Лушей Аксинья иногда сама начинала думать: „Экое житье кошачье этимъ барынямъ...". А потомъ ей дѣлалось совѣстно. „Что же, живутъ, какъ всѣ господа. Тоже, вотъ, купчиху другую взять или попадью — умирать не надо". Все-таки Аксинья и Луша относились къ барину съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ барынѣ. Онъ свое мужское дѣло дѣлаетъ, на службу каждый день ходитъ, жалованье получаетъ и о женѣ вотъ какъ заботится, впору хорошему гусю такъ-то. Луша даже находила, что барыня не стоила барина.

— Навѣрно, онъ моложе ея...—увѣряла она.—И красивый... Бородка бѣлокурая, усы, а глаза каріе. Я больше всего люблю, чтобы у мужчины были каріе глаза. Нѣтъ ничего пріятнѣе. Вонъ въ парикмахерской одинъ подмастерье есть, такъ глаза у него точно шилья. Такъ наскрозь и смотрятъ.

Аксинья въ теченіе двухъ мѣсяцевъ вызнала жизнь всего дома, выходившаго пятью этажами на Офицерскую. Да и какъ не узнать, когда прислуга разсказываетъ всю подноготную. Вездѣ одно и то же. Мужья день денской на службѣ, а жены сидятъ дома и цѣлые дни ихъ ждутъ. Хорошо еще, если есть дѣти, такъ будто мать при дѣтяхъ состоитъ, а въ сущности одна видимость—съ дѣтьми мамки да няньки, да бонны, да гувернантки, а мать только гостямъ ихъ показываетъ, да иногда погулять выведетъ. Были и злющія

барыни, настоящія вѣдьмы, и Аксинья особенно цѣнила свою Ксенію Александровну, которая никогда худого слова не скажетъ.

— Какая она Ксенія!—возмущалась Луша.—Такая же Аксинья, какъ и ты. Зацѣпила барина, вотъ и лежитъ цѣлые дни да жретъ.

II.

Когда утромъ Аксинья бѣжала въ булочную или въ сливочную, на дворѣ ее встрѣчалъ второй дворникъ Уваръ и каждый разъ говорилъ одно и то же:

— А мнѣ за тебя отвѣчать доведется, Аксинья!

— Ты развѣ попъ, чтобы за другихъ отвѣчать?

— Попъ не попъ, а сказалъ тогда твоимъ господамъ, что ты изъ одной со мной деревни.

— Ну, какъ-нибудь замолишь... Ужъ больно грѣхъ-то великъ!

Уваръ былъ степенный мужикъ съ окладистой черной бородой и самой приличной лысиной. Онъ любилъ ходить въ церковь, часто сокрушался о своихъ дворницкихъ грѣхахъ и вздыхалъ, когда мимо него пробѣгала какая-нибудь шустрая кухарчонка. Уваръ жилъ въ подвалѣ при собственной женѣ, но эта собственная жена была чѣмъ-то постоянно больна и рѣдко показывалась на дворѣ. Выходило такъ, что Уваръ какъ будто и не женатъ. Аксинья чувствовала къ нему особенную благодарность, потому что онъ ее опредѣлилъ на мѣсто. И вышло это какъ-то шутя. Идетъ она по улицѣ и разыскиваетъ свою однодеревенскую кухарку, которая жила гдѣ-то на Офицерской. Уваръ стоялъ за воротами и остановилъ ее.

— Тебѣ кого, умница?

— А Матрену, изъ нашей деревни.

— Знаю! Грива на лѣвую сторону, а правое ухо порото?

Она хотѣла итти дальше отъ зубоскала, но Уваръ ее остановилъ.

— Да ты постой, гладкая. Тутъ вашихъ Матренъ до Москвы не перевѣшать. А ты—изъ копорокъ? Такъ?

Дворникъ пристально оглядѣлъ ее съ ногъ до головы, что-то прикинулъ въ умѣ и широко вздохнулъ. „Эхъ, дѣвка хороша, а на огородахъ пропадетъ ни за грошъ“. Уваръ еще разъ вздохнулъ и потомъ тряхнулъ головой и прибавилъ:

— А хошь, я тебя на мѣсто опредѣлю? Всю жисть благодарить будешь...

Аксинья посмотрѣла на него довольно недовѣрчиво, но дворникъ былъ степенный и въ годахъ.

— Ты вотъ что, умница...—началъ объяснять Уваръ, оглядываясь.—Знаешь поговорку: „ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами“? Поняла? Я вотъ тебѣ дамъ записку, а ты вечеромъ и приходи съ ней сюда. Поняла? И спроси второго дворника Увара. Поняла? Будто ты съ одной деревни со мной, и будто тебя сродственники прислали ко мнѣ. Поняла? Значитъ, какъ я состою при собственной супругѣ, такъ оно—тово. Поняла? И больше ничего.

— Ужо приду.

Она пошла, но дворникъ ее вернулъ, сунулъ гривенникъ и наставительно замѣтилъ:

— На пятачокъ въ баню сходишь, а на пятачокъ поѣшь. Поняла?

Аксинья пришла вечеромъ. Уваръ ее привелъ къ себѣ въ подвалъ, гдѣ жила собственная жена, и долго читалъ собственную записку. Потомъ онъ въ отчаяніи проговорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Ужъ правду сказано, что деревенская родня, какъ зубная боль...

— Опять насчетъ мѣста? — полюбопытствовала жена.

— Около того... Ну, куда я съ ней дѣнусь? Вѣдь она по-городскому-то ступить не умѣетъ. Сидѣли бы у себя въ деревнѣ, а то лѣзутъ въ городъ. Вотъ, перво-наперво, больничныя деньги надо платить, потомъ — прописка, потомъ—полировка насчетъ одежи.

Уваръ даже выругался, подавленный этими неизмѣримыми величинами. Аксинья разсматривала его жену, худую и болѣзненную женщину, страдавшую водянкой, и не знала, что̀ ей говорить.

— Ужо̀ приди завтра утромъ...—рѣшилъ Уваръ.—Утро вечера мудренѣе.

Онъ догналъ ее на улицѣ, сунулъ двугривенный и проговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Это тебѣ на постоялый, а завтра будешь на мѣстѣ. Одна тутъ кухарчонка изъ пятаго номера плохо себя оправдала, такъ я поговорю съ господами.

Послѣднее ловкій дворникъ устроилъ въ тотъ же вечеръ, когда принесъ въ пятый номеръ дрова. Ксенія Александровна только-что отказала своей кухаркѣ и была рада, что такъ легко нашлась новая.

— Главная причина, барыня, что прямо изъ деревни...—объяснялъ Уваръ, встряхивая головой.—Значитъ, безъ поддѣлки... все настоящее... какъ есть. Конечно, она сперва-то ничего не знаетъ, а потомъ живой рукой оботрется. Не всѣ природными кухарками родятся... Ну, насчетъ тамъ сдачи будьте вполнѣ надежны и всякое прочее. Наша, деревенская... Прямо отъ пня...

Уваръ отлично зналъ барыню и попалъ въ самое слабое мѣсто. Ксенія Александровна всю жизнь страдала отъ женской прислуги и была довольна, что получитъ наконецъ нетронутое городской цивилизаціей дитя природы. И наружность Аксиньи ей понравилась. Такая здоровая дѣвушка, прелесть, и по-деревенски почти красавица.

Съ этого момента и началась легкая жизнь Аксиньи. Ей трудно было первыя двѣ недѣли, пока привыкала къ мудренымъ господскимъ словамъ и научилась готовить первыя кушанья. Барыня сама все ей показывала и не сердилась, когда случались маленькія и большія кухонныя неудачи.

Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ главнымъ совѣтникомъ являлся все-таки Уваръ. Онъ зналъ, кажется, все на свѣтѣ и охотно помогалъ Аксиньѣ, начиная съ выбора ситца на первое платье и кончая отношеніями къ близкимъ и роднымъ.

— Ты по-деревенски какъ разъ хватишь желтаго или зеленаго ситцу!—училъ Уваръ.—А это совсѣмъ не модель. Розовенькій съ цвѣточками—еще можно. А лучше всего господа уважаютъ сѣрые колера, да оно и не такъ марко. Поняла?

Самымъ труднымъ являлся вопросъ о ботинкахъ, за которые нужно было заплатить сразу пять рублей. Такихъ денегъ Аксинья еще не держала въ рукахъ и пришла въ ужасъ.

— Ничего, привыкнешь!— объяснялъ Уваръ.— Ботинки—самая первая статья для настоящей кухарки. Поняла? Потомъ надо передники. Тоже, хоша ты и баба, а свою форму должна соблюдать.

Что̀ огорчало Аксинью, такъ это то, что Уваръ запретилъ всякія сношенія со своей артелью копорокъ.

— Ни-ни, чтобы ни одна и не заглянула къ тебѣ!—грозилъ всевѣдущій дворникъ.— На всю жизнь осрамишься, если узнаютъ, что въ копоркахъ

была. Другія-то кухарки проходу не дадутъ... Да и отъ господъ уваженія сразу не будетъ.

— Лушка и безъ того меня копоркой навеличиваетъ.

— Это она со злости, а настоящаго все-таки ничего не знаетъ. Ты это вотъ какъ должна чувствовать... Тоже вотъ чулки надо, носовыхъ платковъ купи два, уши вымой—однимъ словомъ, полировка вполнѣ. Потомъ надо будетъ оборудовать дипломатъ къ осени, а зимой—теплое пальто. Я уже все это прикину, что̀ и къ чему. Сундучишко надобно завести.

Всего обиднѣе Аксиньѣ было отстать отъ своей артели, съ которой она вышла изъ деревни. И обидно и совѣстно. Она часто вспоминала старостиху Таисью, которая ее взяла на поруки у матери, а теперь она не смѣетъ ее даже чаемъ напоить. Очень даже нехорошо и предъ другими дѣвушками-копорками. То-то бѣдныя колотятся теперь на огородахъ: встань въ пять часовъ, спать—въ девять, хозяйскіе харчи тощіе—вотъ какъ намаются за лѣто. Аксинья боялась встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ на улицѣ и постоянно оглядывалась, когда бѣгала въ лавочку. Застыдятъ товарки, и Аксинья нѣсколько разъ поплакала про себя. Вторымъ больнымъ мѣстомъ была своя деревня. Аксинья хотѣла съ перваго же жалованья послать матери три рубля, но Уваръ строго ей запретилъ:

— И моды такой не заводи. Поняла? Ишь милліонщица какая выискалась... Сперва обзаведи все на себя, а тамъ и посылай. Сами деревенскіе и отлично можемъ все это дѣло понимать. Мать-то—вдова? Ну, обнакновенно. Съ братомъ, значитъ, живетъ?

— Нѣтъ, у дяди, а братъ—пьяница. Въ третьемъ году погорѣли отъ мо̀лоньи, такъ онъ послѣднюю коровенку пропилъ.

— Такъ, такъ... Извѣстная музыка. Вотъ они съ тебя и потянутъ жаренымъ и варенымъ. Вотъ какія письма будутъ писать, и въ каждомъ письмѣ какая-нибудь новая бѣда. Знаемъ—что̀ у насъ въ Тверской губерніи, что̀ у васъ въ Новгородской—церемонія одна. Вотъ ты учись говорить по-питерски, а то по-деревенски лопочешь: „нэ“ да „оны“. А на деревню не напасешься... Конечно, родительницѣ обязательно должна помогать, да только сама-то сперва на ноги стань, чтобы все въ аккуратѣ. Правильно тебѣ говорю. Родительницѣ-то будетъ лучше, когда ты сама себѣ вполнѣ понимать будешь...

Раздумавшись, Аксинья не могла не согласиться, что Уваръ былъ правъ кругомъ. А все-таки жаль и обидно. Ботинки-то можно бы и въ три рубля купить, а три выслать матери. Мало ли какъ другія кухарки щеголяютъ или отчаянныя Лушки. Аксинья просыпалась даже ночью и думала о своихъ ботинкахъ. Деревенская логика не укладывалась съ городской. А тутъ еще Луша вертится подъ носомъ и осмѣиваетъ каждый шагъ. Бѣсъ какой-то, а не дѣвка. Даже барыня и та заступалась иногда за Аксинью. Слушаетъ-слушаетъ и скажетъ:

— Какъ вамъ не совѣстно, Луша?

— А ежели она суща копорка, барыня?

— Глупости! И копорки—такіе же люди, какъ мы съ вами!

— Ну, ужъ это извините, барыня. Дослужилась я у васъ, что съ копоркой вровень сровняли... Низко вы меня понимаете.

— Перестань болтать вздоръ! Я этого не могу выносить!

Луша отводила душу потомъ, устраивая какую-нибудь каверзу Аксиньѣ съ ловкостью обезьяны.

III.

Отношенія Увара къ новой кухаркѣ, конечно, были замѣчены всѣми остальными кухарками, такъ что Аксинья чувствовала себя неловко, когда встрѣчалась съ прислугой гдѣ-нибудь въ мясной.

— Ну что, племянница?—здоровались съ ней.

— Какая я вамъ племянница далась?

— А такая... Потому какъ ты къ Увару въ племянницы опредѣлилась. Барыня-то думаетъ, что кухарку напяла, а вышла дворницкая племянница. Увару удовольствіе, а господа платятъ жалованье.

— Отстаньте!

— Чего отставать-то? Не ты первая. Раньше у него вотъ такая же племянница въ одиннадцатомъ номерѣ жила, да господа прогнали, потому что она оказалась съ прибылью.

Аксинья не знала, куда ей дѣваться отъ такихъ разговоровъ. А кухарки такъ и пристаютъ, точно осы. И въ мясной лавкѣ и въ мелочной приказчики начали ее звать племянницей. Аксинья даже плакала, но ничего не могла подѣлать. Отчаянныя эти питерскія кухарки,—имъ все равно. Только и дѣла, что зубы скалить. Всѣ косточки другъ другу перемоютъ. Удивляло Аксинью, между прочимъ, то, что Луша, которую она считала самой отчаянной изъ всей прислуги, не приставала къ ней и никогда не называла племянницей. Происходило это оттого, что Луша презирала всякую прислугу, а въ особенности женскую.

— Стала я связываться съ какими-то кувалдами!—коротко объясняла она.

Луша дружила главнымъ образомъ со швеями, о чемъ-то съ ними шепталась и вообще чувствовала себя въ ихъ обществѣ своей. Въ сущности, она не была злой, какъ убѣждалась Аксинья, и вотъ въ то же время могла устроить какую угодно каверзу.

Самому Увару Аксинья ничего не говорила. Ничего дурного отъ него она до сихъ поръ еще не видала, а только одно хорошее. Онъ не приставалъ къ ней, не позволялъ даже тѣхъ шутокъ, безъ которыхъ дворники не пропускаютъ мимо ни одной кухарки. Вообще былъ хорошій, степенный мужикъ, и Аксинья его жалѣла. Мужикъ еще въ полной порѣ, а жена больна. Только разъ Уваръ сказалъ ей:

— А ты не слушай, Аксиньюшка, что болтаютъ другіе протчіе. Насъ это не касаемо. Ежели бы была наша такая слабость, такъ сдѣлай милость, этого бабьяго сословія сколько угодно. Только мы себя не такъ понимаемъ... Намъ пустяковъ совсѣмъ даже не нужно. Наплевать... Ежели по душамъ, такъ это опять другая статья.

— Какъ это по душамъ-то?

— А такъ, глупая... Когда ничего не жаль—вотъ и вышло по душамъ. Значитъ, милъ сердечный другъ, и кончено. Въ лучшемъ видѣ.

Аксинья теперь отлично понимала, что значатъ эти слова, понимала, потому что сама начала переживать что-то новое, особенное и хорошее, какъ человѣкъ, который согрѣвается въ теплой комнатѣ. Раньше всѣ помыслы были сосредоточены на одномъ кускѣ хлѣба. Давила страшная деревенская бѣдность. А теперь Аксинья начала думать, что вотъ живутъ же на бѣломъ свѣтѣ другіе люди. Какъ-то умѣютъ устроиться. Смутно являлась мысль о своемъ углѣ, но Аксинья гнала эту мысль, какъ тайное преступленіе. Ей нравилось, напримѣръ, издали наблюдать, какъ работаетъ Уваръ,—не торопясь, степенно, съ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ настоящему мужику. Съ такимъ-то мужи-

комъ и бабѣ не житье, а масленица. Онъ и позаботится обо всемъ, и защититъ, и побережетъ. Однимъ словомъ, настоящій мужикъ, не охальникъ и не озорникъ.

Странно, что вмѣстѣ съ тѣмъ Аксинья какъ-то начала бояться Увара; чѣмъ больше онъ ей нравился, тѣмъ больше она начинала его бояться. Разъ ей показалось, что онъ хотѣлъ ее обнять, и она даже отскочила отъ него. Вѣдь другіе и не это позволяли, особенно огородники-ярославцы, но то было другое. Аксиньѣ хотѣлось уважать Увара, какъ хорошаго человѣка, и она боялась потерять это уваженіе къ нему. Всѣ эти мысли проходили въ ея головѣ неоформленными массами, какъ застилаютъ ясное небо безформенныя осеннія облака.

— Нѣтъ, онъ хорошій,—увѣряла Аксинья самоё себя, точно отъ этого сама дѣлалась лучше.

Вспоминая по пути свое прошлое—деревенскія посидѣлки, лѣтніе хороводы, страдную пору и всѣ моменты, когда дѣвки и парни пользуются чистодеревенской свободой, Аксинья даже краснѣла. Ей хотѣлось забыть деревенскую грубость и зоологическую откровенность и жить „по душамъ“, какъ говорилъ Уваръ. Человѣкъ, который надѣваетъ чистое, свѣжее бѣлье, приблизительно переживаетъ такое же ощущеніе, точно въ этомъ свѣжемъ бѣльѣ онъ и самъ сдѣлается чище и лучше.

Всѣ эти дѣвичьи страхи оборвались совершенно неожиданно. Господа хотѣли провести лѣто въ городѣ, но появилась холера, и они сейчасъ же рѣшили переѣхать на дачу въ Павловскъ.

— Какая тамъ холера,—ворчала Луша.—Это все наша вычитываетъ въ газетахъ, а баринъ ей вѣритъ.

Луша по вечерамъ все чаще и чаще исчезала изъ дому и раза два приходила только подъ самое утро. Аксиньѣ приходилось скрывать ея отсутствіе, и ей совѣстно было говорить барынѣ, что Луша ушла въ больницу навѣстить двоюродную сестру, что у нея заболѣла тетка и т. д.

Сборы на дачу произошли съ необыкновенной быстротой. Ксенія Александровна каждое утро со страхомъ брала въ руки газету и приходила въ ужасъ. Холера надвигалась съ юга, какъ лѣтняя грозовая туча. Холерные бюллетени Ксенія Александровна выучивала наизусть и приставала съ ними къ мужу, какъ осенняя муха.

— Pierre, холера уже въ Курскѣ... Было два случая.

— Что жъ изъ этого?—равнодушно спрашивалъ Петръ Васильевичъ.

— Какъ что? Черезъ нѣсколько дней она будетъ въ Москвѣ, а тамъ по Николаевской дорогѣ черезъ день будетъ у насъ. Нѣтъ, это ужасно, ужасно, ужасно... Нужно принять мѣры.

— Что же, можно...—равнодушно соглашался Петръ Васильевичъ.—Да, примемъ мѣры.

— Я не выношу запаха карболки и хлора. У меня есть какое-то предчувствіе, Pierre. Это смѣшно, но вѣдь наука еще въ младенческомъ состояніи и со временемъ будетъ считаться вотъ съ этими предчувствіями. Повѣрь мнѣ, что будетъ такъ!..

Нанимать дачу ѣздилъ Петръ Васильевичъ и, когда пріѣхалъ, получилъ отъ жены сильную головомойку. Ей все не нравилось, до помойной ямы включительно. Садикъ при дачѣ напоминалъ давно небритую бороду, отъ оконъ дуло, печи дымили, сосѣди—какіе-то гостинодворскіе купцы, которые о гигіенѣ понятія не имѣли. Аксинья могла только удивляться ангельскому терпѣнію барина. На пятый день послѣ переѣзда на дачу получена была телеграмма, что холера появилась въ Петербургѣ.

— Я говорила...—повторяла Ксенія Александровна упавшимъ голосомъ.— Вотъ и смѣйся надъ предчувствіями.

Луша дулась дня три и тоже находила все нехорошимъ. Развѣ такія дачи бываютъ у настоящихъ господъ? Курятникъ какой-то. Впрочемъ, она быстро успокоилась, потому что по вечерамъ начала пропадать въ паркѣ и возвращалась домой съ букетомъ цвѣтовъ. Разъ Аксинья замѣтила, что Луша какъ будто не совсѣмъ въ умѣ. Она улыбалась, что-то бормотала и кому-то грозила кулакомъ.

— Лушенька, Христосъ съ тобой, да ты пьяная?!—ахнула Аксинья.

— Молчи, копорка... Ничего ты не понимаешь. Да...

— Распослѣднее это дѣло, Луша, когда баба запьетъ.

— Э, все равно. Живи веселѣе—скорѣе повѣсятъ. Что мнѣ господа—наплевать. Да... Захочу—хоть завтра буду сама барыней.

Луша сидѣла на кровати у Аксиньи, не снимая люстриновой накидки и шляпы. Она носила перчатки и ходила съ зонтикомъ. Аксинья смотрѣла на нее и жалѣла ее хорошей, бабьей жалостью. Такая-то она тоненькая да блѣдная, а по лицу румяпецъ пятнами. Глаза совсѣмъ пьяные и улыбка, и языкъ заплетается.

— Ахъ, Луша, Луша, нехорошо!

— Молчи, копорка. Дуры мы, вотъ что. Все бережемся, все боимся, а для чего, спрашивается? Кому это нужно? Гдѣ это наши суженые-ряженые? Да изъ нашего брата бабъ хоть огородъ городи... да.

— Не всѣмъ замужъ выходить. У всякой своя судьба...

— Судьба?! Ха-ха... Тьфу! Вотъ тебѣ и вся твоя судьба...

Раскачиваясь и закрывая глаза, Луша мурлыкала модный въ то время романсъ

Паулина, бойся увлеченья!
Паулина, дѣвица Паулина...

Луша путала слова и мотивъ и улыбалась счастливой улыбкой.

— Съ *тѣмъ* кончено...—бормотала она.—Помнишь, изъ парикмахерской? Ну его... Всю зиму обѣщалъ свезти въ Нѣмецкій клубъ и надулъ. Да.. А здѣсь кавалеровъ хоть отбавляй. Съ какимъ я гусарскимъ писаремъ познакомилась. Аксинья, ты—копорка и ничего не понимаешь. Первое дѣло, деликатное обращеніе. „Мудмуазель, позвольте шеколаду?“ Вотъ какъ... И на Петербургъ наплевать. Да... Переѣду въ Царское, гдѣ гвардейскіе полки стоятъ!.. Все красавцы, на подборъ, какъ молочные зубы. Распослѣдняя кухарченка и та какъ живетъ въ Царскомъ—умирать не надо. Почему я не могу быть барыней? Шиньонъ вотъ куплю, рукава расфуфырю..

— Ложись спать, отчаянная.

Лушѣ вдругъ сдѣлалось грустно. Она начала бранить какого-то „измѣнщика“, а потомъ обняла Аксинью и заплакала.

— Ахъ, Аксинья, Аксинья, пропала моя голова!

Кончилась эта сцена тѣмъ, что Луша стала просить три рубля, а такъ какъ такихъ денегъ у Аксиньи не оказалось, то она ее обругала и ткнула зонтикомъ въ бокъ.

Господа въ это время были заняты холерой. Ксенія Александровна боялась выходить въ паркъ — вѣдь самый воздухъ насыщенъ холерными запятыми! И даже сдачу, которую Аксинья приносила изъ лавочки, клала въ мѣдную кастрюлю и велѣла прокаливать въ духовомъ шкапу. Она была окружена холерными запятыми, которыя видѣла даже во снѣ.

IV.

Дачная привольная жизнь пришлась Аксиньѣ совсѣмъ по душѣ. Она теперь могла видѣть, какъ живутъ настоящіе господа. Всѣ жили одинаково: мужья утромъ уѣзжали на службу, жены заказывали обѣдъ и потомъ цѣлый день ждали возвращенія мужей, нагруженныхъ городскими покупками, какъ верблюды. Луша ненавидѣла всѣхъ барынь и разсказывала про нихъ ужасныя вещи.

— Дармоѣдки онѣ всѣ и всѣ прикидываются больными,—увѣряла Луша.—Вонъ паша теперь постоянно въ нервахъ валяется... А дураки-мужья всему вѣрятъ.

Раньше Аксинья смотрѣла на господъ чуть не съ благоговѣніемъ, какъ на особую породу людей, а сейчасъ она начинала соглашаться съ Лушей. Что же, конечно, Ксенія Александровна добрая, это вѣрно, а опять то сказать, съ чего ей злиться? Сыта, одѣта, обута, никакой работы—этакъ-то и всякій будетъ добрымъ. Разъ Аксинья даже нагрубила барынѣ. Это случилось въ самый критическій моментъ, именно, когда барыня заказывала обѣдъ.

— Что это съ тобой, Аксинья?—изумилась Ксенія Александровна.

Аксинья молчала, закусивъ губы. Это разстроило барыню на цѣлый день. Вечеромъ она жаловалась мужу и нюхала какую-то соль. Петръ Васильевичъ прошелъ въ кухню и съ дѣланой строгостью проговорилъ:

— Аксинья, мнѣ не нравится ваше поведеніе. Смотрите, если повторится что-нибудь подобное въ слѣдующій разъ...

Баринъ не докончилъ угрозы, махнулъ рукой и ушелъ сконфуженный. Аксинья ничего не поняла изъ его словъ, но страшно перепугалась—баринъ еще никогда не говорилъ съ ней.

— Ахъ, ты, копорка несчастная!—смѣялась Луша.—А ты бы сказала барину, что, молъ, я въ нервахъ... У насъ не барыня, а какая-то холера. Сдѣлай милость, не стало ихняго брата... Хочешь, хоть завтра же опредѣлю на мѣсто въ Царское? И сама туда же уйду... Вотъ гдѣ житье прислугѣ... А главное—кавалеры на подборъ. Ей-Богу, уйдемъ... Меня ужъ зовутъ.

Аксинью тоже сманивали на другое мѣсто. Утромъ, когда она ходила въ зеленную, то каждый разъ встрѣчала старушку, гулявшую съ костылемъ. Эта старушка разъ остановила ее и начала разспрашивать, у кого она служитъ, сколько получаетъ жалованья, довольна ли своими господами.

— Если не нравится, такъ я тебя съ удовольствіемъ возьму,—прибавила она.—И еще полтину жалованья прибавлю.

— Нѣ...—по-деревенски отвѣтила Аксинья.

— Какъ знаешь. Я тебѣ же добра желаю...

Луша постоянно роптала на своихъ господъ, которые живутъ, какъ кикиморы. У другихъ господъ постоянно гости, значитъ, на чай сколько перепадетъ, а у этихъ только и бываетъ одинъ рыжій докторъ, который ничего не даетъ. Впрочемъ, разъ, одѣваясь въ передней, онъ внимательно посмотрѣлъ на Лушу, которая подавала пальто, и та подумала, что вотъ онъ разступится, но докторъ, вмѣсто того, чтобы дать на чай, проговорилъ:

— Покажи-ка языкъ... У тебя нездоровый цвѣтъ лица.

Луша позеленѣла отъ злости и ругала рыжаго доктора два дня. Вотъ сквалыжина. Что она—собака какая-нибудь, чтобы показывать языкъ? Проклятый докторъ однако устроилъ ей еще бо́льшую непріятность. Лушу позвала барыня и спросила:

— Луша, вы серьезно нездоровы, т.-е. вы...

У Луши показались слезы на глазахъ. Она начала клясться и божиться, что знать ничего не знаетъ.

— Перестаньте, докторъ знаетъ...

— Ей-Богу, барыня! Вотъ сейчасъ провалиться.

— Мнѣ жаль васъ, Луша. Такая молодая дѣвушка и такъ дурно себя ведетъ... Я думала лучше о васъ.

Послѣ этого разговора Луша вдругъ присмирѣла. Проклятый рыжій докторъ угадалъ... Она теперь ходила съ заплаканными глазами и начала замѣтно полнѣть. По ночамъ на нее нападалъ страхъ, она будила Аксинью и говорила:

— Аксинья, мнѣ страшно...

— Перестань, глупая.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты ничего не понимаешь... Я скоро умру.

— Всѣ помремъ.

— Нѣтъ, вы будете жить, а я умру. Сама виновата... Знаешь, есть въ городѣ одна акушерка, которая барынямъ вытравляетъ. Я къ ней пойду.

— Нѣтъ, это ужъ совсѣмъ грѣшно.

— Грѣшно?

— И прощенья не будетъ. Надо терпѣть...

— Куда же я съ ребенкомъ?

— Какъ-нибудь устроишься. Ребенка можно на воспитаніе отдать, а сама въ мамки пойдешь. Не ты первая... А травить младенца грѣшно.

Луша имѣла самыя смутныя представленія о томъ, что̀ грѣшно и что̀ не грѣшно, а деревенская Аксинья знала это твердо, и Луша слушала ее. Теперь Аксинья оказывалась и знающѣе и разсудительнѣе, чѣмъ она, развратная питерская горничная. Луша не имѣла понятія о материнствѣ и, когда гдѣ-нибудь на улицѣ встрѣчала беременную женщину, со страхомъ обходила ее подальше. Аксинья знала все. Недаромъ она съ шести лѣтъ жила въ деревенскихъ нянькахъ. У нея былъ цѣлый репертуаръ дѣтскихъ болѣзней и разныхъ домашнихъ средствъ.

— Больше всего ребята мрутъ отъ живота и отъ горлышка,—объясняла она тономъ спеціалистки. — Много ли ему надо, ребенку! Однова дыхнулъ и готовъ. Матери-то какъ убиваются...

— А зачѣмъ онѣ убиваются?

— Тоже жаль, глупая. Ничего-то ты не понимаешь, а еще городская.

— Отлично понимаю. Это тѣ убиваются, у которыхъ мужья есть! А тутъ слава Богу, если помретъ...

— Да вѣдь младенчикъ не виноватъ! Въ немъ тоже душа... Можетъ, незаконная-то мать еще побольше убивается, да только никто не пожалѣетъ. Подлецы эти мужчины.

Самымъ больнымъ мѣстомъ Луши былъ вопросъ объ отцѣ. Она откровенно призналась Аксиньѣ, что не знаетъ, который изъ двухъ отецъ—парикмахерскій подмастерье или гусарскій писарь.

— Родится младенецъ, тогда и видно будетъ,—успокоивала Аксинья.

Луша страшно тосковала и въ минуты отчаянія увѣряла, что утопится. Вмѣстѣ съ этимъ у нея проявлялась какая-то отчаянная нѣжность къ предполагаемому отцу № 2-й. Она подарила ему тросточку, потомъ два галстука, потомъ украла серебряную ложечку тоже для него, потомъ купила серебряную цѣпочку. Ея мечтой было подарить ему серебряный портсигаръ, какой былъ у Петра Васильевича, но пока стащить не рѣшалась.

Аксинья отъ души жалѣла глупую питерскую горничную, а у самой

бѣда висѣла надъ головой. Какъ-то вечеромъ дачный дворникъ вызвалъ ее за ворота. Тамъ на лавочкѣ сидѣлъ Уваръ. Аксинья сильно смутилась, когда онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы.

— Ничего, есть окончательная полировка,—спокойно проговорилъ онъ, здороваясь за руку. — Значитъ, вполнѣ на линіи теперь... Вонъ какое лицо нагуляла, скоро мѣста въ кожѣ не останется. Пріѣхалъ провѣдать... Душно въ городѣ-то, я и того, махнулъ въ Павловскъ. Какъ живешь-можешь?

— Ничего, слава Богу... Вотъ холеры все боимся.

— Пустое... Это для дохтуровъ да для господъ холера, а простое званіе никакой холеры не знаетъ.

— У насъ барыня деньги въ кастрюлѣ жаритъ. Сказываетъ, что эта самая холера въ воздухѣ летаетъ, какъ муха.

— Опять пустое... А ты вотъ что, Аксиньюшка, ужо выходи въ паркъ, какъ стемнѣетъ. Поняла? Надо мнѣ тебѣ одно словечко сказать...

— Ужъ не знаю... А господа вдругъ хватятся...

— Скажи, что изъ деревни дядя пріѣхалъ. Бываетъ и свиньѣ праздникъ...

Уваръ зашелъ и на дачу къ господамъ, чтобы сказать, что въ городѣ все благополучно, и что онъ каждое утро и каждый вечеръ осматриваетъ парадную и черную двери ихъ квартиры. Ксенія Александровна дала ему рубль на водку и велѣла напоить на кухнѣ чаемъ.

— Честь завсегда лучше безчестья, — разсуждалъ Уваръ, сидя въ кухнѣ.—Экое житье этимъ женскимъ услужающимъ... Даромъ надышетесь здѣсь вольнымъ-то воздухомъ. Луша, вы какъ будто маненько въ полноту приходите. Въ самый разъ дѣвушкѣ... Вонъ Аксинья-то какая стала, не защипнешь.

Луша страшно смутилась и убѣжала. Уваръ посидѣлъ и ушелъ. Аксиньѣ не хотѣлось итти въ паркъ, но потомъ она рѣшила, что вѣдь не съѣстъ же онъ ее. Она еще ни разу не отпрашивалась со двора, и барыня ее отпустила безъ словъ.

— Дядя изъ деревни...—повторяла Аксинья.

— Я тебя не удерживаю.

Уваръ ждалъ въ назначенномъ мѣстѣ. Начинало уже темниться. Аксинья сильно трусила, когда шла на это свиданіе, и остановилась, не доходя до скамейки, на которой сидѣлъ Уваръ. Онъ самъ подошелъ къ ней и взялъ за руку.

— Иди, чего остановилась, какъ телка.

Аксинья вся дрожала. Ей хотѣлось убѣжать. Онъ привелъ ее на скамейку, посадилъ и сѣлъ рядомъ.

— Скучно мнѣ, Аксиньюшка...

Она молчала, тяжело дыша.

— Вотъ какъ скучно... Ахъ, Боже мой!.. И все думаю о тебѣ... Ну, что ты мнѣ такое?.. И назвать нечѣмъ, а я все думаю... Эхъ, Аксинья, Аксинья...

Раньше Аксинья и боялась Увара и какъ-то жалѣла его, а тутъ вдругъ разсердилась.

— Я не такая, Уваръ, чтобъ мнѣ такія слова говорить... Съ чего ты это взялъ? У тебя родная жена есть, и ступай къ ней...

Онъ неожиданно схватилъ ее за талію, но она съ силой вырвалась отъ него и убѣжала домой.

V.

Черезъ недѣлю Уваръ опять пріѣхалъ, но уже утромъ. Онъ теперь не вызывалъ Аксиньи, а сидѣлъ на лавочкѣ за воротами и терпѣливо ждалъ. Аксинья страшно испугалась, когда Луша, бѣгавшая въ лавочку, сообщила ей объ этомъ.

— Что же онъ дѣлаетъ тамъ?—спрашивала она, замирая отъ страха.

— А ничего... Сидитъ, какъ идолъ.

— Про меня не спрашивалъ?

— Нѣтъ... Поздоровался со мной и больше ничего. Ты-то чего испугалась?

Луша смотрѣла такими испытующими глазами, что Аксинья невольно смутилась.

— У насъ ничего не было...—виновато оправдывалась она.—Чудной онъ какой-то.

— Такъ, такъ...—недовѣрчиво соглашалась Луша.—А ты его все-таки поберегайся. Нехорошо онъ смотритъ...

— Какъ нехорошо?

— А такъ... Ласково такъ, спокойно, а это хуже всего. Я ужъ знаю этихъ подлецовъ мужчинъ... Который кричитъ или лѣзетъ драться—это ничего, а вотъ такіе тихонькіе—настоящій ядъ. Чортъ его знаетъ, что у него на умѣ... Недаромъ же человѣкъ во второй разъ пріѣхалъ...

Это разъясненіе еще сильнѣе встревожило Аксинью, и она цѣлый день просидѣла въ кухнѣ, пока Уваръ не уѣхалъ домой. Лушу очень интересовала эта исторія, и она десять разъ выскакивала посмотрѣть, какъ сидитъ за воротами Уваръ.

— Я его только теперь разсмотрѣла хорошенько,—сообщала она свои наблюденія.—Онъ ничего, хоть и въ годахъ. Старики-то понадежнѣе будутъ... Напрасно ты рыло воротишь отъ него.

— Видѣть его не могу,—повторяла Аксинья.

Черезъ недѣлю Уваръ опять появился. Это было вечеромъ, когда Аксинья бѣжала въ булочную. Онъ поздоровался съ ней и проговорилъ:

— Что это ты прячешься отъ меня, Аксинья? Не бойсь, не укушу...

— Нечего мнѣ прятаться... А зачѣмъ ты пріѣзжаешь—дѣло твое.

— Оно самое...

Уваръ смотрѣлъ на нее какими-то странными улыбавшимися глазами, и у нея захолонуло на сердцѣ отъ этого взгляда.

— Ну, какъ ты, Аксиньюшка?—спросилъ онъ какимъ-то придавленнымъ голосомъ.

— А все такъ же...

— Только и всего?

— Только и всего...

— Оченно даже немного. Такъ-съ... Ну, инъ до свиданія. Въ воскресенье опять пріѣду... Скучно мнѣ.

Аксинья опять разсердилась. Вотъ навязался-то человѣкъ... И что ему только надобно, оморошному? Не стало другихъ кухарокъ. А тутъ еще Луша поддразниваетъ, чего раньше никогда не дѣлала.

— Какъ настоящій практикованный кавалеръ—сидитъ и ждетъ! Ужо подарокъ какой-нибудь привезетъ...

— Не таковская я, чтобы подарки брать,—сердилась Аксинья.—Стыда у человѣка нѣтъ—вотъ и шляется. Какъ пріѣду въ городъ, такъ и разскажу все женѣ.

— А не разскажешь...—подзадоривала Луша.—Это ты только такъ храбришься, а дойдетъ до дѣла, такъ и спразднуешь трусу. Скажи ему, чтобы онъ за мной ухаживалъ. Мнѣ-то заодно терпѣть... Кто ни попъ, тотъ и батька.

Въ воскресенье Уваръ, дѣйствительно, пріѣхалъ. Онъ уходилъ куда-то съ дачнымъ дворникомъ и вернулся навеселѣ. Дачный дворникъ долго игралъ на гармоникѣ, а Уваръ слушалъ и отмахивался рукой, точно отгонялъ невидимую муху.

— Это, кажется, нашъ Уваръ?—спросила Аксинью барыня, поднимая брови.

— Онъ, барыня...

— Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Не знаю.

— Странно. А впрочемъ... Аксинья, ты видишь, до чего довело Лушу ея легкомысліе, и берегись.

— Помилуйте, барыня,—обидѣлась Аксинья.—Сейчасъ провалиться, ничего не знаю... Съ мѣста не сойти.

— Хорошо, хорошо. Луша говорила то же самое. Считаю долгомъ на всякій случай тебя предупредить, что у меня не воспитательный домъ... Удивляюсь, какъ Увару не стыдно. Кажется, человѣкъ степенный, женатый... Да, такъ не забывай, что я тебя впередъ предупредила.

Она позвала Увара и прочитала ему нотацію. Дворникъ слушалъ внимательно, встряхивалъ головой, вертѣлъ въ рукахъ суконную фуражку и вздыхалъ.

— Ужъ вы меня извините, сударыня,—отвѣтилъ онъ съ мягкимъ упорствомъ тронутаго человѣка,—а только я не подверженъ разнымъ пустякамъ. У меня главное, чтобы по душамъ.

Ксенія Александровна ничего не поняла, кромѣ того, что разыгрывался какой-то тяжелый мужицкій романъ, и что Уваръ что-то такое сдѣлаетъ, чего она не знаетъ. Впрочемъ, на дачахъ вся прислуга держала себя какъ-то странно и невозможно.

Уваръ больше не появлялся до самаго переѣзда съ дачи. Господа боялись холеры и прожили на дачѣ до сентября, когда начались дожди и холода. Аксинья за лѣто окончательно вошла въ роль настоящей кухарки. Она уже умѣла брать чаи съ лавочниковъ, недодавала барынѣ сдачи и вообще научилась получать тѣ безгрѣшные доходы, которыми пользовались всѣ другія кухарки. Благодаря этому она „выправила“ себѣ на осень дипломатъ, резиновыя калоши и теплый платокъ. На своихъ господъ она начала смотрѣть, какъ на статью дохода и больше ничего.

— Не стало ихъ, господъ,—разсуждала она.—Слава Богу, проживемъ... Главное было сдѣлано, т.-е. экипировка. Съ шубой можно было и подождать. Да и господа могутъ помочь, въ случаѣ чего,—для нихъ же будетъ трепаться въ городѣ по лавкамъ.

Переѣздъ съ дачи былъ все-таки непріятенъ какъ Аксиньѣ, такъ и Лушѣ. Первая побаивалась Увара, а вторая стыдилась показаться въ своемъ настоящемъ видѣ. Раньше она относилась ко всякой прислугѣ свысока, и теперь всѣ вымещятъ ей ея дѣвичью гордость.

— Утоплюсь...—повторяла Луша, ломая въ отчаяніи руки.—Глазъ никуда показать нельзя будетъ. Засмѣютъ...

Въ минуту отчаянія Луша откровенно высказала свои опасенія барынѣ, и та пришла тоже въ недоумѣніе.

— Какъ же намъ быть,—недоумѣвала вслухъ Ксенія Александровна.—Право, Луша, я не знаю, что дѣлать...

Луша горько плакала тоже ничего не знала. Выручила ихъ Аксинья, которая предложила самую разумную мѣру:

— Пусть пока дома посидитъ. Дома-то никто не видитъ, а я ужъ за нее буду по лавочкамъ бѣгать.

Въ послѣднемъ у Аксиньи былъ уже свой расчетъ: тѣмъ больше лавочекъ, тѣмъ больше доходъ. Она теперь постоянно думала о деньгахъ и все начинала мѣрять только деньгами.

Какъ ни скрывала свое положеніе Луша, но прислуга всего громаднаго дома сразу поняла, въ чемъ дѣло. Произошло нѣсколько непріятныхъ сценъ, которыя возмутили Ксенію Александровну до глубины души. Обиднѣй всего ей казалось, что Лушу травили больше всего именно женщины, которымъ, казалось бы, естественнѣе было ее защищать. Сказывалось какое-то возмутительное и тупое озлобленіе. Эта травля Луши закончилась тѣмъ, что барыня приняла Лушу окончательно подъ свое покровительство, т.-е. прежде всего обратилась къ мужу.

— Что же я могу сдѣлать?—мямлилъ Петръ Васильевичъ.

— Что сдѣлать? А еще мужчина... Каждый пѣтухъ умѣетъ защищать свою курицу. Стыдитесь.

— Да, но пѣтухъ защищаетъ только свою курицу.

— Но вѣдь вы должны же стоять хоть немного выше пѣтуха. Угнетать женщину умѣете. Если бы я была женой дворника Увара, такъ онъ сумѣлъ бы защитить меня.

Матушка, вѣдь дѣло идетъ о Лушѣ?!

Я тоже женщина, какъ и Луша, и оскорблена, какъ женщина.

— Гм... Знаешь что, я поговорю вотъ съ этимъ самымъ Уваромъ.

Это былъ самый позорный отвѣтъ, какой только могъ дать Петръ Васильевичъ, и Ксенія Александровна не безъ трагизма проговорила:

— Я васъ презираю, несчастный!

Произошла крупная супружеская сцена, и Петръ Васильевичъ проклиналъ всю женскую прислугу, какая только существовала и существуетъ.

Это заступничество Ксеніи Александровны закончилось совершенно неожиданно. У Петра Васильевича пропалъ портсигаръ. Стоилъ онъ недорого, но имѣлъ значеніе, какъ подарокъ. Искали по всему дому и ничего не нашли. Господа не высказывали подозрѣнія ни на кого, но это не мѣшало Аксиньѣ страшно волноваться. Она опять разсуждала по-деревенски: кому же украсть портсигаръ, какъ не прислугѣ? Дальше слѣдовалъ уже самъ собой такой выводъ: за Лушу барыня заступается, слѣдовательно все подозрѣніе падетъ на нее. Аксинья была убѣждена, что украла портсигаръ именно Луша, съ цѣлью подарить его своему писарю. Она стала слѣдить за ней и въ одно прекрасное утро заявила барынѣ:

— Барыня, хоть вы думаете на меня, а украла портсигаръ Луша. Она его подарила своему писарю, а писарь написалъ ей благодарность въ письмѣ. Я показывала письмо Увару... Тамъ все прописано.

Было предъявлено письмо, которое Аксинья стащила у Луши изъ ея сундука. Дѣло было ясно, какъ день. Ксенія Александровна совершенно растерялась, что ей дѣлать и какъ быть. Не тащить же беременную дѣвушку изъ-за такихъ пустяковъ въ судъ и погубить ее этимъ навсегда, а затѣмъ огласка дѣла поставила бы и саму Ксенію Александровну въ неловкое и смѣшное положеніе. Она такъ защищала Лушу, ссорилась изъ-за нея съ мужемъ, и вдругъ...

— Чортъ съ нимъ и съ портсигаромъ!—рѣшила наконецъ Ксенія Але-

ксандровна, махнувъ рукой.—А ты, Аксинья, молчи... Понимаешь? Есть такая особенная болѣзнь, клептомания, которой иногда страдаютъ беременныя женщины.

Рѣшеніе было найдено, и Ксенія Александровна увѣрила самоё себя въ немъ настолько, что даже не сказала ничего Лушѣ и не велѣла говорить Аксиньѣ.

VI.

Это ничтожное по существу происшествіе имѣло для Аксиньи рѣшающее значеніе. Ея деревенскія понятія о нравственности подвергались сильному испытанію, а больше всего пострадали понятія о правѣ собственности. Что, въ самомъ дѣлѣ, господамъ значитъ портсигаръ, за который заплачено тридцать рублей? Наплевать, только и всего. Шальныя деньги у господъ. А можетъ, и сами они приворовываютъ гдѣ-нибудь на службѣ.

— Конечно, воруютъ,—подтвердилъ Уваръ.—А то какъ же иначе? Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь домовъ каменныхъ. Теперь возьми такъ: домъ у насъ генеральскій, а генералъ въ Севастополѣ поставлялъ солдатскіе сухари. Что такое сухарь? Сущіе пустяки, а на пустякахъ вонъ какой домище генералъ-то схлопалъ. Потомъ подрядчикъ, который строилъ домъ, наворовалъ у генерала любую половину и выстроилъ деревянный домикъ на Пескахъ. Такъ я говорю? Старшій дворникъ у насъ воруетъ во всемъ—и отъ уборки снѣгу, и отъ дровъ, и отъ ремонту и прочаго—ступай, усчитай его. А промежду прочимъ, у него ужъ въ деревнѣ новая изба поставлена. Генеральскій кучеръ воруетъ овесъ, лакей воруетъ табакъ, горничныя тащатъ сахаръ. И не пересчитаешь! Гдѣ же господамъ взять, чтобы такую уйму воровъ ублаготворить? Значитъ, и они должны по-своему тоже воровать. Только господа все образованные и не потащатъ овсомъ тамъ или дровами, а умственно украдутъ. Казна-матушка все стерпитъ... А тебѣ портсигаръ втемяшился. Петръ-то Васильичъ тыщи четыре жалованья получаетъ на службѣ, да еще доходы имѣетъ.

Получался какой-то безвыходный кругъ, и голова у Аксиньи шла кругомъ. Въ деревнѣ оттого и бѣдно живутъ, что воровать не умѣютъ, да и не у кого воровать.

„Дура я набитая и больше ничего“,—рѣшила она про себя.

Уваръ больше не приставалъ къ ней и былъ прежнимъ Уваромъ. Аксиньѣ иногда опять дѣлалось жаль его, и она останавливалась поболтать съ нимъ гдѣ-нибудь въ воротахъ. Когда кухарки начинали дразнить ее племянницей, она огрызалась съ нахальствомъ травленой собаки.

— Какая я ему племянница, когда выхожу за него замужъ. Вотъ только сперва пусть жена помретъ.

Кухарки только качали головами. Не спроста копорка зубы показываетъ... Вонъ какую рожу наѣла и одежу въ полгода справила. У этой станется, а Уваръ, конечно, мужикъ серьезный, да только у всѣхъ мужчинъ одна промашка. Глядишь, и надурилъ. Подъ старость-то еще паче дурятъ.

Самъ Уваръ попрежнему вздыхалъ, почесывалъ въ затылкѣ и только встряхивалъ волосами, когда мимо него проходила Аксинья, по-деревенски накинувъ платокъ на одно плечо. Впрочемъ, она быстро усвоила всю городскую повадку, и Уваръ только удивлялся, какъ это простая копорка можетъ такъ скоро отполироваться и выйти на полную липію. Но это спокойное настроеніе Увара быстро нарушилось, когда въ швейцары на генеральскую лѣстницу поступилъ солдатъ Семеновскаго полка Архиповъ. Это былъ рослый молодецъ съ какимъ-то точно обрубленнымъ лицомъ. Онъ щеголялъ шейной серебряной цѣпочкой, двумя медалями и черными усами. Уваръ

сразу его не взлюбилъ, какъ дармоѣда. Положимъ, что всѣ швейцары дармоѣды и живутъ подъ парадными лѣстницами, какъ коты, но этотъ былъ дармоѣдъ на особицу. Торчитъ цѣлый день на подъѣздѣ, какъ идолъ, отворяетъ господамъ двери, кланяется и собираетъ гривенники.

— Вотъ ужъ истинно кошачье житье!—возмущался Уваръ.—Этакій лобъ, а всей работы почистить дверной приборъ да дверь отворять господамъ. Ему бы работать, а онъ идолъ идоломъ стоитъ...

На этого швейцара Аксинья обратила вниманіе благодаря тому же Увару. Онъ ей не нравился, потому что не пропускалъ случая сказать что-нибудь непріятное.

— Эй, ты, толстопятая, куда пошлепала?

Аксинья обыкновенно не отвѣчала на такія любезности и обругивалась, какъ умѣла. Швейцаръ донималъ всѣхъ кухарокъ, и обижаться не стоило. Уваръ вдругъ приревновалъ ее къ этому швейцару.

— Да ты съ ума сошелъ, Уваръ?—обидѣлась Аксинья.—Охальникъ онъ, твой швейцаръ, и больше ничего. Проходу не даетъ.

— Сказывай...—не вѣрилъ Уваръ.—А сама зачѣмъ на него глаза таращишь?

— И не думала...

— Такъ, такъ... Одно у васъ, бабъ, ремесло. Тьфу! Ужо вотъ я съ него сажень дровъ наколю...

— Да ты никакъ сбѣсился, Уваръ?

— Я-то? А даже очень просто.

Уваръ былъ увѣренъ, что Аксинья заигрываетъ съ проклятымъ дармоѣдомъ, и на этомъ основаніи напился въ совершенно неуказанное время. Въ пьяномъ видѣ онъ началъ ругаться со швейцаромъ и даже полѣзъ въ драку, закончившуюся для него самымъ печальнымъ пораженіемъ. Гвардеецъ такъ его ударилъ „противъ печенки“, что Уваръ чуть не умеръ на мѣстѣ. Эта неудача только больше озлобила Увара.

— Погоди, я тебѣ пропишу перцеазра съ горошкомъ, идолъ!—произнесъ Уваръ.—Будешь меня помнить...

Эта драка обошлась Увару дорого, потому что онъ сразу потерялъ во мнѣніи всего дома. Всѣ знали, что драка вышла изъ-за племянницы. Кухарки изъ всѣхъ квартиръ торжествовали, радуясь скандалу, и ждали дальнѣйшихъ поступковъ ошалѣвшаго дворника.

Уваръ служилъ въ домѣ пятнадцать лѣтъ и пользовался особенной довѣренностью старшаго дворника Луки Иваныча, который страдалъ сочленовнымъ ревматизмомъ и показывался на дворѣ только въ хорошую погоду. Лука Иванычъ призвалъ къ себѣ Увара и прочиталъ ему самую строгую нотацію.

— Ты это что же, Уваръ? А? Какъ ты самого себя понимаешь, а еще вторымъ дворникомъ считаешься? Напился—развѣ это полагается? Подрался—развѣ это полагается? А изъ-за чего? Ну, говори?

Что было говорить Увару? Онъ переминался съ ноги на ногу, вертѣлъ въ рукахъ свою дворницкую шапку съ мѣдной бляхой и наконецъ проговорилъ:

— Пропащій я человѣкъ, Лука Иванычъ...

— Что-о?

— Говорю, пропащій. Развѣ я не понимаю, какой долженъ быть второй дворникъ. Однимъ словомъ, шабашъ. Разсчитайте меня, и конецъ тому дѣлу. Не могу, Лука Иванычъ...

Старшій дворникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Увара и наконецъ

сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ принялся усовѣщевать Увара по-отечески, обходя вопросъ объ Аксиньѣ. Но Уваръ самъ заговорилъ о ней.

— Что̀ грѣха таить, Лука Иванычъ, виноватъ. Обошла она меня, значитъ, Аксинья...

— Можетъ, чѣмъ поила?

— Разъ пилъ чай на дачѣ, только *это* вышло еще до дачи. Разсчитайте, Лука Иванычъ... Уѣду въ деревню къ себѣ,ну, *оно* и пройдетъ на свѣжемъ воздухѣ.

Лука Иванычъ думалъ два дня, а потомъ далъ Увару отпускъ на три недѣли. Онъ искренно жалѣлъ своего помощника и затаилъ ненависть къ Аксиньѣ, изъ-за которой вышло все дѣло. Ужъ гдѣ баба завяжется, самъ чортъ не развяжетъ. Да и новаго швейцара тоже надо бы въ шею прогнать, хотя онъ и не виноватъ. Старикъ былъ осторожный и любилъ выждать время. Разъ, встрѣтивъ Аксинью на дворѣ, онъ однако не вытерпѣлъ.

— Ты, умница, того... да... Убиралась бы по-добру, по-здорову.

— За что это, Лука Иванычъ?

— А вотъ за это самое.

Аксинья поняла, о чемъ шла рѣчь, и порядочно струхнула. Въ свою очередь, она накинулась на швейцара, который, по ея мнѣнію, былъ во всемъ виноватъ.

— Изъ-за тебя на меня Лука Иванычъ взъѣлся, дармоѣдъ.

— Помалчивай ужъ лучше, пока сама цѣла.

— Я бы всѣ глаза тебѣ выцарапала, оморошному.

Аксинью больше всего злило то, что ее всѣ подозрѣвали въ близкихъ отношеніяхъ къ Увару, а намеки швейцара доводили до бѣшенства. Она не могла пройти мимо, чтобы не обругать его.

— Скапидаръ, а не дѣвка!—удивлялся швейцаръ, не ожидавшій такого натиска отъ простой кухарки.

Всѣ другія кухарки уступали ему, а эта сама такъ и лѣзетъ въ драку. Стоя на парадномъ, швейцаръ придумывалъ самыя обидныя словечки, чтобы осрамить Аксинью, но остроуміе на этотъ разъ какъ-то его оставило. Швейцаръ началъ не въ шутку злиться и разъ вечеромъ, схвативъ Аксинью за плечо, проговорилъ:

— Ты у меня еще поговори, такъ я изъ тебя двухъ кухарокъ сдѣлаю—разорву пополамъ.

— Руки коротки...

Когда Аксинья утромъ посмотрѣла на свое плечо, на немъ точно была отпечатана синей краской лапа швейцара.

— Ишь, подлецъ, какъ ухватилъ!—удивлялась она, точно дѣло шло о комъ-то постороннемъ.—Какъ есть медвѣдь.

Когда Уваръ вернулся изъ деревни, не выждавъ срока, онъ узналъ въ тотъ же вечеръ, что его подозрѣнія оправдались вполнѣ. Аксинья окончательно сдружилась со швейцаромъ и бѣгала къ нему по ночамъ. Это извѣстіе убило его, онъ напился и пьяный пришелъ къ Лукѣ Иванычу.

— Теперь ужъ мнѣ ее даромъ не надо...—объяснилъ онъ заплетавшимся языкомъ.—Я-то хотѣлъ по душамъ, а она вотъ какъ себя оправдала.

— Нестоящій предметъ, Уваръ. Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать... А ты вотъ брось лучше водку. Пропадешь ни за грошъ.

— И то пропадаю. Все одно, Лука Иванычъ... И здѣсь тошно и въ деревнѣ тошно. Эхъ, жисть!

— А ты бы сходилъ въ церковь, отслужилъ молебенъ—дурь-то и соскочитъ. Вѣрно тебѣ говорю.

Уваръ боялся встрѣтиться съ Аксиньей и прятался, когда она проходила дворомъ. У него что-то такъ и накипало въ сердцѣ, тяжелое и мучительное. Онъ представлялъ себѣ самыя обидныя картины счастья Аксиньи и мучился вдвойнѣ. А если бы она пришла къ нему и сама попросила прощенія... Увару даже дѣлалось страшно за себя—вѣдь онъ бы простилъ ее, пожалуй, повѣрилъ бы лукавымъ бабьимъ слезамъ и свалялъ бы вообще самаго послѣдняго дурака.

VII.

Въ теченіе какого-нибудь года Аксинья сдѣлалась неузнаваемой, а близкое знакомство со швейцаромъ довершило эту метаморфозу. Она теперь уже безъ зазрѣнія тащила у барина папиросы и табакъ, а у барыни чай, сахаръ и кофе, и все это, какъ крыса, тащила подъ лѣстницу къ своему швейцару. Швейцаръ не зналъ, что это краденое, и потому все принималъ. Въ немъ еще сохранялась солдатская честность.

— Ты у господъ, Аксинья, ничего не бери,—строго говорилъ онъ.—Чтобы, понимаешь, ни-ни!

— У нихъ не убудетъ,—уклончиво отвѣчала Аксинья.—Не я, такъ Лушка украдетъ для своего писаря. Она портсигаръ у барина украла.

— Это не наше дѣло.

У Ксеніи Александровны начали быстро пропадать разныя вещи: двѣ рубашки, двѣ ночныхъ кофты, двѣ наволочки. Пропадали вещи и раньше, но не въ такомъ количествѣ. Когда барыня начинала говорить о своихъ потеряхъ, Аксинья повторяла одну и ту же фразу:

— Барыня, ужъ вы лучше обыщите меня! Кому же больше украсть, кромѣ меня!

Это говорилось съ разсчитаннымъ ехидствомъ,—Аксинья никогда не ссылалась на Лушу, какъ на завѣдомую воровку. Лучшаго маневра Аксинья не могла придумать, и барыня опять утѣшалась своей клептоманіей. Только когда у нея пропали кольцо и золотая брошь, она накинулась на Лушу съ небывалой строгостью и высказала, что знаетъ, гдѣ находится потерявшійся портсигаръ Петра Васильевича. Луша обомлѣла отъ этого двойного сюрприза, тѣмъ болѣе, что ни кольца ни броши она не брала. Потомъ она начала клясться и плакать, но Ксенія Александровна уже не вѣрила ей.

— Меня удивляетъ, Луша, какъ вы можете еще говорить...—говорила барыня, стараясь сдержать раздраженіе.—Мнѣ совѣстно за васъ!

— Ей-Богу, не я!—божилась Луша.

— Обыщите меня!—предложила Аксинья.—Некому больше...

— Я вамъ обѣимъ откажу отъ мѣста!—рѣшила барыня.

Когда эта сцена закончилась и барыня ушла, Луша накинулась на Аксинью.

— Это ты меня подвела кругомъ, змѣя. Все знаю. Ты и письмо стащила у меня, и брошку съ кольцомъ ты же украла.

— Воръ у вора, видно, дубинку укралъ.

Луша страшно неистовствовала и закончила предсказаніемъ:

— Погоди, вотъ, копорка, зарѣжетъ тебя Уваръ!.. Да... возьметъ и зарѣжетъ, какъ курицу.

— И пусть рѣжетъ. Никого я не боюсь!

Теперь ужъ наступила очередь Луши удивляться отчаянности Аксиньи. Откуда, подумаешь, что̀ берется. Давно ли всего боялась, а теперь вонъ какъ поговариваетъ.

Положеніе Луши было совсѣмъ критическое. Приближались роды, нужно было уходить, а у нея ничего не было скоплено про черный день. Все

жалованье уходило на наряды, а потомъ на угощеніе писаря. Выручила Ксенія Александровна, которая сама предложила свою помощь.

— Я васъ опредѣлю въ родильный домъ...—заявила она.—Денегъ у васъ нѣтъ, и я заплачу, что̀ слѣдуетъ. Потомъ сочтемся.

Дѣйствительно, Ксенія Александровна сама отправилась въ родильный домъ, заплатила впередъ за роженицу деньги и сама же отвезла туда Лушу, когда настало̀ время. Вернувшись оттуда, она не нашла у себя на туалетномъ столикѣ золотыхъ часовъ, которые Петръ Васильевичъ подарилъ ей къ свадьбѣ. У бѣдной дамы опустились руки. Что̀ же это такое? Ксенія Александровна даже заплакала.

— За что?..—спрашивала она Петра Васильевича.

— Что̀ такое случилось?—недоумѣвалъ по обыкновенію тотъ.—Часы?.. Гм!.. Кто же ихъ могъ украсть? Странно!..

Аксинья на этотъ разъ не просила себя обыскать, а съ причитаньями и воемъ накинулась на барыню же. Барыня окончательно опѣшила.

— Что̀ съ тобой, Аксинья? Кажется, тебя никто ни въ чемъ не подозрѣваетъ.

— Вамъ-то хорошо такъ говорить, барыня!—голосила Аксинья.—Чего вамъ сто̀итъ купить себѣ десять новыхъ часовъ. Взяли, цѣлый магазинъ купили и на себя повѣсили, а я-то все-таки въ воровкахъ осталась. Вотъ до чего я дожила у васъ. На другое мѣсто и не возьмутъ. Всѣ будутъ говорить: „Ты, Аксинья, у барыни золотые часы украла!“

Точно въ подтвержденіе этихъ словъ, явился Лука Иванычъ, таинственно вызвалъ Петра Васильевича и заявилъ:

— Ваше высокоблагородіе, какъ хотите, а вашу куфарку я предоставлю въ полицію. Ужъ это вы какъ хотите, а въ домѣ порядокъ... Самая лукавая тварь эта ваша Аксинья, а тамъ разберутъ. Да... Тамъ у змѣи ноги найдутъ, не то что часы.

Какимъ образомъ Лука Иванычъ узналъ о пропавшихъ часахъ—для Петра Васильевича и Ксеніи Александровны осталось навсегда тайной. Кажется, тайны просачивались сквозь самыя стѣны. Супругамъ пришлось чуть не оправдываться передъ старшимъ дворникомъ. Лука Иванычъ мягко, но упорно стоялъ на своемъ.

— Вѣдь мы ничего не требуемъ, Лука Иванычъ!—говорилъ Петръ Васильевичъ, начиная горячиться.—Часы мои, слѣдовательно я могу съ ними дѣлать, что̀ хочу. Такъ? Представьте себѣ, что я ихъ подарилъ. Вѣдь я имѣю право распорядиться своей вещью?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, кто же согласится дарить женины золотые часы кухаркѣ? И мнѣ въ глаза смѣяться будутъ. Нѣтъ, ужъ вы позвольте... Я ее, слякоть, сейчасъ предоставлю въ участокъ.

Баринъ вдругъ разгорячился, какъ иногда случается съ очень скромными и добродушными людьми.

— Лука Иванычъ! Я не желаю больше говорить объ этомъ! Понимаете? Какое вамъ дѣло до моихъ часовъ? Я ихъ въ ступѣ могу истолочь, выброшу въ форточку!

— Позвольте, господинъ!—обидѣлся Лука Иванычъ, въ свою очередь, тоже начиная горячиться.—У меня, напримѣрно, цѣлый домъ на отвѣтственности. Такъ? Я за всѣхъ долженъ отвѣчать. Такъ?

— Пустяки!

— А вотъ и нѣтъ! Теперь всѣ кухарки вызнаютъ, напримѣрно, что Аксинья украла совершенно безвредно золотые часы у господъ, такъ онѣ у меня цѣлый домъ по кирпичику разворуютъ. Нѣтъ, ужъ вы позвольте...

— Вы болтаете глупости!

Петръ Васильевичъ окончательно взбѣсился, затопалъ ногами и выгналъ Луку Иваныча въ шею.

— Вонъ! Негодяй!—кричалъ онъ изъ передней на лѣстницу.—Я хозяинъ въ своей квартирѣ, и никто не имѣетъ права... да... права... вторгаться въ мою квартиру! Я... я... я...

Съ Ксеніей Александровной сдѣлалась настоящая истерика, и Петру Васильевичу пришлось на колѣняхъ вымаливать у нея прощенія. Потомъ Ксенія Александровна была больна цѣлую недѣлю, потомъ Петру Васильевичу было ужасно совѣстно проходить по парадной лѣстницѣ мимо швейцара, который, конечно, все зналъ, потомъ у Петра Васильевича явилось что-то въ родѣ злобы по отношенію къ Аксиньѣ, однимъ словомъ, неисчислимый рядъ послѣдствій. Швейцаръ, дѣйствительно, злился на полоротыхъ господъ, которые держатъ зазнамыхъ воровокъ, какъ Луша, а честная прислуга, какъ Аксинья, получай мараль. Относительно Луки Иваныча швейцаръ злился еще больше и клялся Аксиньѣ, что переломаетъ всѣ ребра старому змѣю. Обиженный Лука Иванычъ накинулся на Увара и на немъ сорвалъ расходившееся сердце.

— Это твоя работа, непутевая голова! Ишь какую племянницу подсунулъ. Заварилъ кашу, самъ и расхлебывай. Чтобы и духу не было этой Аксиньи! Понимаешь? Достаточно я терпѣлъ отъ васъ... да... всѣхъ прогоню. О, Господи, согрѣшилъ я съ вами!

Уваръ виновато моргалъ глазами, вертѣлъ въ рукахъ фуражку и встряхивалъ головой.

— До старости дожилъ, а такого сраму не видывалъ. Петръ-то Васильевичъ какъ зарычалъ на меня, точно левъ изъ Зоологическаго сада. Въ шею меня выгналъ. А все изъ-за кого? Такъ слышишь, чтобъ и духу этой Аксиньи не было, а то я всѣхъ растерзаю.

Черезъ два дня Петръ Васильевичъ позвалъ Луку Иваныча и извинился передъ нимъ. Его, дѣйствительно, мучила совѣсть, что онъ обидѣлъ совсѣмъ почтеннаго старика. Въ свою очередь, Лука Иванычъ ни слова не сказалъ про Аксинью, точно дѣлая уступку.

Разрѣшилась эта глупая исторія уже окончательно глупымъ образомъ. Луша родила мертваго ребенка и лежала больная. Раньше она ненавидѣла этого имѣющаго быть ребенка, хотѣла его вытравить, а теперь оплакивала его самымъ неутѣшнымъ образомъ. Аксинья бѣгала ее провѣдывать каждый день, позабывъ всякую вражду. Черезъ недѣлю Луша умерла, о чемъ Аксинья и сообщила барынѣ, заливаясь слезами.

— Вотъ ты все ссорилась съ ней!—попрекнула Ксенія Александровна.

— Барыня! А ежели она, дѣйствительно, украла часы?

— Перестань болтать!

— Ей-Богу, украла... Милосердная сестра у ней подъ подушкой ихъ нашла. Луша-то въ болѣзни все руку подъ подушки прятала, ну, думали, такъ это она, а тутъ часы-то и оказались.

Ксенія Александровна отправилась въ родильный домъ, чтобы получить свои злополучные часы.

— Вы приводитесь ей наслѣдницей?—пытливо спросила сестра милосердія.

— Нѣтъ.

— Тогда нельзя.

— Да вѣдь часы мои!? Покойная взяла ихъ у меня, говоря проще, стащила потихоньку, то-есть украла.

— Все-таки нельзя. Нужно заявить въ полицію.

Пришлось окончательно махнуть рукой на часы. Лука Иванычъ опять приходилъ и совѣтовалъ непремѣнно начать уголовное дѣло.

— Ну, ужъ извините!—спорилъ Петръ Васильевичъ.—Теперь все кончено! А вотъ зачѣмъ вы Аксинью напрасно обвиняли?

— И не напрасно... Не украла, такъ все одно—украдетъ.

VIII.

Уваръ бросилъ пить и сдѣлался прежнимъ дворникомъ, аккуратнымъ, обстоятельнымъ и солиднымъ. Лука Иванычъ наблюдалъ за нимъ и былъ доволенъ.

— Давно бы такъ-то, Уваръ!

— Навожденіе было, Лука Иванычъ. Не иначе это самое дѣло. Бываютъ такія самыя вредныя женщины, которыя поглядятъ на человѣка и испортятъ. А теперь я, слава Богу, въ аккуратѣ вполнѣ и опять самъ себя могу понимать.

По воскресеньямъ Уваръ уходилъ въ церковь и возвращался оттуда съ умиленнымъ лицомъ. Теперь ужъ онъ не боялся встрѣчъ съ Аксиньей, а разъ даже самъ остановилъ ее.

— Здравствуй, племянница!

— Здравствуй, Уваръ...—недовѣрчиво отвѣтила она.

— На свадьбу-то позовешь меня?

Аксинья вдругъ покраснѣла, закрылась по-деревенски рукой и убѣжала. Уваръ стоялъ нѣсколько времени, съ метелкой въ рукахъ, неподвижно, точно стараясь что-то припомнить, а потомъ широко вздохнулъ.

„Гладкая дѣвка, нечего сказать...—думалъ онъ.—Совсѣмъ на отличку. Хоть бы и не швейцару впору“.

Наступала уже весна. Дворники скалывали ледъ на мостовой, чистили дворы—работы было по горло. Опять ждали холеры, и два раза приходила санитарная комиссія осматривать генеральскій домъ. Лука Иванычъ страшно обижался и говорилъ:

— Совѣсти въ нихъ нѣтъ, вотъ что... Вѣдь у насъ хозяинъ-то не купецъ, а полный генералъ. Ходятъ, нюхаютъ... Извѣстно, живые люди живутъ. Пожалуйста, нюхай...

Господа Аксиньи изъ страха холеры собрались на дачу рано. Ксенія Александровна, вмѣсто Луши, взяла дѣвочку-подростка изъ „шпитонокъ“ и учила ее грамотѣ. Она рѣшилась воспитать изъ нея образцовую прислугу, которая должна уважать самоё себя. Вѣдь въ этомъ вся суть. Вопросъ о прислугѣ обсуждался съ разныхъ сторонъ, и Петръ Васильевичъ доходилъ до абсурда, требуя восьмичасового труда, послѣ котораго прислуга должна быть совершенно свободна.

— Наша прислуга—послѣднее воспоминаніе рабства!—объяснялъ онъ.—Ты подумай только, что Аксинья цѣлую жизнь должна провести у плиты. И мы еще требуемъ отъ нашей прислуги преданности, честности, уваженія и чуть не геройства!

Ксенія Александровна соглашалась вплоть до того пункта, когда Петръ Васильевичъ начиналъ обвинять русскихъ барынь, которыя не въ состояніи шагу ступить безъ прислуги и прямо изводятъ ее своею требовательностью.

— Вѣдь наша Аксинья такой же человѣкъ, какъ и мы съ тобой. У нея есть потребность въ обществѣ, въ обмѣнѣ мыслей, въ самостоятельной жизни. Посмотри, какъ обставлена прислуга гдѣ-нибудь за границей, а особенно въ Америкѣ. Наши же русскія барыни за границей привыкаютъ дѣлать все сами и не помыкаютъ горничными.

— Ты забываешь, Pierre, что заграничная прислуга развитая, культурная, и одна горничная сдѣлаетъ столько, сколько не сдѣлаютъ у насъ пять.

— Опять мы же виноваты. Наша прислуга разсуждаетъ совершенно правильно: хоть разорвись на господской работѣ, а день денской все равно горчи въ кухнѣ или въ людской. Такъ нельзя. Я считаю это безчеловѣчнымъ и обвиняю, главнымъ образомъ, нашихъ барынь.

— Прибавь къ этому, что мужья этихъ барынь умѣютъ только требовать, великодушно предоставляя всѣ домашнія дрязги женамъ. Вѣдь это—если говорить—тоже остатокъ рабства и очень колоритнаго рабства.

Увлекшись, Петръ Васильевичъ высказывалъ иногда больше, чѣмъ слѣдовало, и потомъ вымаливалъ себѣ прощеніе. Ксенія Александровна считала себя очень доброй женщиной и, поломавшись и покапризничавши, великодушно прощала.

Аксинья, которая пострадала изъ-за исторіи съ часами, пользовалась теперь особенными преимуществами. На этомъ основаніи она стащила у барыни при переѣздѣ двѣ простыни, два полотенца, старую шерстяную юбку и совсѣмъ ненужную ей бездѣлушку съ камина—бронзоваго японца, обнимавшаго журавля. Она всѣ краденыя вещи прятала въ сундукъ и, при отъѣздѣ на дачу, передала его на храненіе швейцару. Лука Иванычъ только и ждалъ этого момента. Онъ былъ старымъ политикомъ и зналъ человѣческую душу. Когда Аксинья на возу уѣхала въ Павловскъ, старикъ проводилъ ее за ворота и долго стоялъ у подъѣзда. Швейцаръ стоялъ въ дверяхъ подъѣзда и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ старшаго дворника. Онъ продолжалъ сердиться на стараго змѣя.

— Хорошо теперь на дачѣ...—заговорилъ Лука Иванычъ.—Воздухъ вольный, сады, разная птица тебѣ поетъ.

— Кому хорошо, кому худо...—довольно сухо отвѣтилъ швейцаръ.

— Оно конечно. Вонъ Аксиньѣ, поди, какъ не хотѣлось уѣзжать-то. Давѣ, гляжу, волокетъ она свой сундучишко... Откуда это бабы только наберутъ всякаго хламу. Вѣдь пришла сюда-то полуголая, а тутъ цѣлый сундукъ. Къ тебѣ, видно, поставила?

— Да, ко мнѣ.

Такъ, такъ. А то можно было и на квартирѣ у господъ оставить. Никто бы не взялъ.

Простоватый солдатъ только потомъ сообразилъ, что хитрый змѣй не спроста спрашивалъ его про Аксиньинъ сундукъ, а онъ сдуру и сказалъ, что сундукъ у него. Эхъ, не надо бы было говорить... Чортъ его знаетъ, что въ этомъ сундукѣ покладено.

Лука Иванычъ приходилъ теперь каждый вечеръ посидѣть у параднаго крыльца и былъ необыкновенно ласковъ со швейцаромъ. О сундукѣ онъ, впрочемъ, не вспоминалъ, а говорилъ больше на отвлеченныя темы—о человѣческой неблагодарности, о женской злобѣ, объ испорченности всего человѣческаго рода и т. п. Швейцаръ былъ слабъ по этой части и понималъ только одно, что змѣй не спроста подкидываетъ къ нему свой лисій хвостъ.

Уваръ былъ радъ, что Аксинья уѣхала на дачу. Теперь она не мозолила ему глазъ своимъ присутствіемъ. У него, вмѣстѣ съ весной, опять явилось что-то въ родѣ надежды. Притомъ выходило и такое дѣло. Аксинья-то уѣхала, а швейцару нельзя отлучиться отъ своихъ дверей. Вотъ и стой тутъ идоломъ. Уваръ злорадствовалъ про себя, вспоминая, какія ревнивыя картины онъ переживалъ изъ-за этого дармоѣда.

„Стой, братъ, у дверей-то!—думалъ онъ.—А сударка тамъ на дачѣ свое

наслажденіе найдетъ. Сдѣлай милость, сколько угодно... А потомъ пріѣдетъ сюда: на, получай, что̀ осталось".

Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ мыслей явилось желаніе съѣздить въ Павловскъ и посмотрѣть Аксинью. Оно пришло какъ-то вдругъ и сразу охватило Увара, какъ горячій паръ. Потомъ ему сдѣлалось какъ-то обидно, и что-то такое опять заныло у него на душѣ. Уваръ по ночамъ долго ворочался на своей постели, вздыхалъ, что-то шепталъ и утромъ просыпался съ головной болью, точно послѣ жестокаго похмелья.

Потомъ Уваръ вдругъ исчезъ, исчезъ безъ спроса, чего раньше съ нимъ никогда не случалось. Лука Иванычъ рѣшительно не зналъ, что̀ и подумать. Прошелъ цѣлый день—Уваръ не показывался.

„Ужъ не запилъ ли опять грѣшнымъ дѣломъ?—соображалъ старикъ, перебирая возможныя причины.—Очень даже просто... Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ! Ну, и задамъ я ему жару и перцу, только пусть свои безстыжіе глаза покажетъ".

Прошла цѣлая ночь—Уваръ не показывался. Лука Иванычъ произвелъ дознаніе. Оказалось, что Уваръ утромъ носилъ дрова по той лѣстницѣ, гдѣ жила господа Аксиньи, и послѣднюю вязанку, ни съ того ни съ сего, свалилъ къ ихъ двери. Потомъ видѣли, какъ онъ ушелъ со двора—надѣлъ новую фуражку безъ бляхи и ушелъ. Даже бѣлаго фартука не снялъ.

„Ну, и задамъ же я ему!—сердился Лука Иванычъ.—А ежели онъ надъ собой что̀ сдѣлаетъ?"

Эта мысль сразу озадачила Луку Иваныча. Надо будетъ, на всякій случай, подать заявленіе въ участокъ. Такъ и такъ, пропалъ подручный дворникъ. Потомъ у Луки Иваныча явилось смутное подозрѣніе, что тутъ дѣло не чисто, и что опять проклятая Аксинья что-нибудь замутила.

„Вотъ я и ее по пути зацѣплю!—соображалъ старикъ.—Господъ-то нѣтъ, такъ заступаться будетъ некому. Въ самый разъ объявиться околоточному насчетъ сундука... Тамъ разберутъ..."

Лука Иванычъ пріодѣлся, замоталъ шею черной шелковой косынкой, намаслилъ волосы и, перекрестившись, отправился въ участокъ. На дорогѣ онъ остановился поговорить съ швейцаромъ.

— Бережешь сундучокъ-то Аксиньи?

— Берегу. А тебѣ какая печаль?

— Ничего, я такъ. Крѣпче, молъ, береги.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ швейцаръ его окликнулъ:

— Лука Иванычъ! Вонъ твой Уваръ идетъ!

Дѣйствительно, по тротуару шелъ Уваръ. Первое, что̀ бросилось Лукѣ Иванычу въ глаза—это то, что онъ былъ совершенно трезвый. Идетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну-ка, иди сюда, иди!—позвалъ его Лука Иванычъ.

Уваръ подошелъ, что-то хотѣлъ сказать, но только скривилъ губы, а потомъ бухнулся въ ноги Лукѣ Иванычу.

— Лука Иванычъ! Вяжи меня!

— Да ты очумѣлъ?

— Вяжи... шабашъ... Значитъ, порѣшилъ Аксинью... тамъ... на дачѣ. Терпѣнья моего не стало!

Въ доказательство Уваръ вытащилъ изъ кармана окровавленный финляндскій ножъ и подалъ его Лукѣ Иванычу.

— Вотъ онъ самый!..—хотѣлъ объяснить что-то Уваръ, путаясь и улыбаясь больной улыбкой.—Архиповъ! Вяжи меня! Теперь ужъ все равно!

1897.

ИМЕНИННИКЪ.

Романъ.

I.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ бойкомъ провинціальномъ городѣ Моховѣ было открыто первое земское собраніе. Въ числѣ другихъ, рвавшихся посмотрѣть хоть однимъ глазкомъ на проявившееся невиданное чудо, всегда можно было встрѣтить старика Пружинкина, который являлся на каждое засѣданіе, какъ на службу. Земство помѣстилось въ реставрированномъ зданіи упраздненной школы кантонистовъ. Это былъ необыкновенно мрачный старинный домъ съ казарменнымъ николаевскимъ фронтономъ и громадными голыми окнами, глядѣвшими на улицу, какъ глаза безъ вѣкъ. Теперь все было подчищено, и стѣны выкрашены скромной сѣрой краской. На фронтонѣ красовался гербъ Моховской губерніи: щитъ съ золотой бочкой въ синемъ полѣ и съ эмблемами „горорытства“—въ красномъ.

— Расчудесно!..—умилялся Пружинкинъ каждый разъ, когда съ улицы входилъ на земскій дворъ, и нѣсколько мгновеній любовался блестѣвшимъ свѣжей позолотой гербомъ.—Первое дѣло, что форменно...

Только-что отдѣланный подъѣздъ, съ каменными широкими ступенями, зеленой желѣзной рѣшеткой и желтой, „раздѣланной подъ дубъ“ дверью, буквально осаждался моховской публикой, такъ что сторожъ Михеичъ выбивался изъ силъ, напрасно стараясь водворить хоть какой-нибудь порядокъ.

— Нѣту мѣстовъ, господа!.. — выкрикивалъ Михеичъ, выставляя свою солдатскую физіономію въ полуотворенную дверь.

Разъ хлынувшая къ дверямъ публика чуть не оторвала Михеичу его высунутую голову: онъ застрялъ въ притворѣ. Въ виду такого осаднаго положенія Пружинкинъ, во-первыхъ, являлся раньше другихъ, а потомъ заручился надлежащей протекціей въ лицѣ Михеича. Публику пускали по билетамъ, и Михеичъ успѣвалъ заблаговременно „выправить“ такой билетикъ для своего благопріятеля.

— Что-то намъ сегодня Павелъ Васильевичъ скажутъ?.. — говорилъ Пружинкинъ, степенно раздѣваясь въ передней. — Ужъ словечко выговорятъ, ровно гвоздь заколотятъ...

— Всѣхъ подъ голикъ загналъ...—самодовольно отвѣчалъ Михеичъ, принимая платье.

Осеннее пальто Пружинкина попадало на деревянную вѣшалку, подъ нимъ установлялись въ порядкѣ глубокія калоши, а зонтъ прятался въ рукавъ пальто вмѣстѣ съ гаруснымъ синимъ шарфомъ. Все это было, конечно, пустяки, но на Пружинкина они производили каждый разъ самое хорошее впе-

чатлѣніе, и онъ проходилъ въ залу съ улыбающимся довольнымъ лицомъ, приглаживая одной ладонью свои сѣдые волосы, другой—застегивая длинно-полый суконный сюртукъ. Окладистая сѣдая борода придавала ему необыкновенно степенный видъ, а небольшіе сѣрые глаза смотрѣли умненько и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушно. Издали его можно было принять за церковнаго старосту.

Усѣвшись во второмъ ряду стульевъ, у окошечка, Пружинкинъ замиралъ на своемъ мѣстѣ до конца засѣданія, подавленный массой совершенно новыхъ для него впечатлѣній. Мѣста для публики отдѣлялись отъ залы собранія массивной деревянной рѣшеткой; около стѣнъ полукругомъ шли сидѣнья гласныхъ, а въ глубинѣ стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Пахло непросохшей еще краской, олифой и свѣжимъ деревомъ. Гласные торжественно занимали свои мѣста, предсѣдатель изъ „акцизныхъ генераловъ“ звонилъ, секретарь начиналъ читать докладъ: все это было тако ново и такъ умиляло мѣщанское сердце Пружинкина.

— Нѣтъ, ужъ теперь шабашъ... Конецъ темнотѣ!..—шепталъ онъ, охваченный неиспытанными еще чувствами.—Нѣтъ, не старыя времена... кончено!.. Постой, братъ...

Широкое и благообразное лицо Пружинкина даже краснѣло отъ волненія, и онъ начиналъ поправлять туго намотанную на шеѣ шолковую косынку, которая его душила, какъ удавка. Кромѣ торжественной обстановки, его занимали больше всего гласные: не угодно ли?—самые простые мужики и мѣщане, а сидятъ рядомъ съ чиновниками и дворянами. И каждый свой собственный голосъ можетъ подать: не хочу, и всему дѣлу конецъ. Много было гласныхъ отъ города, а остальные набрались со всего уѣзда. Да, онъ былъ счастливъ, этотъ мѣщанинъ Пружинкинъ, захваченный общей волной: вѣдь вотъ тутъ, сейчасъ за рѣшеткой, начиналось уже то хорошее, новое, къ которому онъ прилѣпился всѣмъ своимъ мѣщанскимъ сердцемъ. Всѣ дѣла откроются передъ публикой, и все пойдетъ „на-чистоту“, а не по чиновничьимъ ямамъ и берлогамъ.

Героемъ дня являлся Павелъ Васильевичъ Сажинъ, простой гласный, успѣвшій въ какихъ-нибудь двѣ недѣли завоевать общее вниманіе, такъ что публика встрѣчала его появленіе одобрительнымъ шопотомъ. Это былъ худой, высокій господинъ съ длиннымъ безжизненнымъ лицомъ и вялыми движеніями. Въ засѣданія онъ являлся въ какомъ-то гороховомъ пиджакѣ и пестромъ галстукѣ; держалъ себя очень разсѣянно и со стороны могъ показаться просто чудакомъ. Но зато говорилъ Сажинъ замѣчательно хорошо: просто, находчиво, остроумно, съ тѣмъ захватывающимъ огонькомъ, который дѣйствовалъ на его слушателей неотразимо. Въ залѣ наступала каждый разъ мертвая тишина, когда Сажинъ поднимался со своего мѣста. Падкая до всякой новинки провинціальная публика валила валомъ въ собраніе, чтобы только послушать Сажина, и смотрѣла на него, какъ на рѣдкаго звѣря. Во [illegible] случаѣ, тутъ было много пустого любопытства, но Пружинкинъ [illegible] влюбился въ Сажина,—мы не находимъ другого выраженія для того, что переживалъ Пружинкинъ. Сажинъ говорилъ именно то, о чемъ давно думалъ добродушный обыватель, и какъ говорилъ? Просто, ясно, убѣдительно. Нельзя больше жить по-старому, нужно все перемѣнить, и Пружинкину казалось, что это онъ самъ высказываетъ въ собраніи свои задушевныя мысли. Положимъ, что его никто не призывалъ, не просилъ, не выбиралъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ, что теперь и у него будетъ свое дѣло.

— Расчудесно, Павелъ Васильевичъ...—одобрительно шепталъ Пружинкинъ, раскачивая головою въ тактъ сажинской рѣчи.—Такъ ихъ всѣхъ и нужно, Павелъ Васильевичъ... Пусть восчувствуютъ!..

Увлекшись, Пружинкинъ вытягивалъ шею, шевелилъ губами и смущенно улыбался, когда Сажинъ смотрѣлъ въ его сторону. Собственно говоря, рѣчь шла о самыхъ прозаическихъ предметахъ: устройство вентиляціи въ земской больницѣ, поправка тракта, разъѣздныя деньги становымъ приставамъ, раскладка повинностей, фельдшерскіе пункты и т. д. Но для Пружинкина изъ-за этихъ пустяковъ вырастало то *новое*, до котораго Павелъ Васильевичъ непремѣнно дойдетъ,—онъ все разберетъ, „достигнетъ настоящаго“. Сначала больницы да школы, а потомъ пойдетъ и настоящее.

Когда Сажинъ былъ въ ударѣ, Пружинкинъ любилъ наблюдать слушавшую публику и по выраженію лицъ провѣрять свои собственныя впечатлѣнія. Пружинкинъ зналъ въ лицо почти весь городъ: вонъ совѣтникъ казенной палаты, лысый и тугой на ухо старикъ; рядомъ съ нимъ соборный протопопъ съ елейнымъ выраженіемъ скуластаго лица, молодой столоначальникъ акцизнаго управленія, много купцовъ, какіе-то гимназистики, а въ первомъ ряду дамы: жена прокурора, генеральша Мѣшкова, чиновничьи дочери. Всѣ сидятъ и слушаютъ одного Павла Васильевича. Однажды публика устроила Сажину неожиданную овацію—аплодировали, стучали ногами, махали платками. Пружинкинъ какъ-то весь застылъ отъ восторга, а потомъ быстро отвернулся къ стѣнѣ, чтобы скрыть свои непрошенныя мѣщанскія слезы. У старика мелькнула ужаснувшая его своей грандіозностью мысль: что же дальше-то будетъ, если ужъ и теперь вся публика, какъ одинъ человѣкъ, все поняла?..

Въ первомъ ряду стульевъ особенное вниманіе Пружинкина привлекла на себя молодая красивая дѣвушка, сидѣвшая рядомъ съ генеральшей Мѣшковой. Это была Анна Ивановна Злобина, которую онъ зналъ еще маленькой дѣвочкой. Теперь она была совсѣмъ большая, какъ есть невѣста, и такъ умно посматривала кругомъ своими большими темными глалами. И одѣвалась она простенько, не то, что генеральша: сѣренькое шерстяное платье, осенняя поярковая шляпка, какой-нибудь галстучекъ—и все тутъ, даромъ что самая богатая невѣста въ городѣ. „Злобинская барышня“ слушала Сажина съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, и это особенно нравилось Пружинкину. Другіе кривляются да пересмѣиваются съ кавалерами, а эта сидитъ, какъ пришитая, да еще въ книжку все записываетъ: чиркъ-чиркъ карандашомъ.

„Разступилась, видно, Марѳа-то Петровна: пустила дочку послушать, какъ умные люди говорятъ,—думалъ Пружинкинъ, приноминая строгіе порядки злобинской жизни.—По-прежнему-то сидѣть бы тебѣ, красная дѣвица, за пяльцами да выглядывать изъ-за косячка, не проѣдетъ ли суженый-ряженый: только всего твоего дѣвичьяго и ремесла было, а теперь на-поди... Вонъ ужъ оно куда хватило!..“

Издали Пружинкинъ нѣсколько разъ раскланивался съ Анной Ивановной, но [illegible] къ ней и поговорить старикъ никакъ не рѣшался. Первое дѣло, съ ней [illegible] ѣзжаетъ эта генеральша Мѣшкова, красивая маленькая дама съ русыми кудряжками, а потомъ непремѣнно появится точно изъ-подъ земли докторъ Вер[illegible]повъ, плотный черноволосый мужчина въ золотыхъ очкахъ, или кто другой изъ кавалеровъ. Иногда къ дамамъ подходилъ самъ Павелъ Васильевичъ, и Пружинкинъ видѣлъ, какъ ласково улыбалась ему генеральша, а злобинская барышня опускала глаза, и лицо у нея вспыхивало яркимъ румянцемъ.

Послѣ сдѣланной Сажину оваціи Пружинкинъ не вытерпѣлъ и, догнавъ Анну Ивановну въ передней, гдѣ Михеичъ подавалъ ей осеннее пальто, проговорилъ:

— Расчудесно Павелъ Васильевичъ говорятъ...

— Да, отлично...—какъ-то нерѣшительно отвѣтила Анна Ивановна, не узнавая Пружинкина съ перваго раза.—Извините, Егоръ Андреичъ, я васъ не узнала сразу,—поправилась она, протягивая руку въ перчаткѣ:—вы насъ что-то совсѣмъ забыли, и мама спрашивала про васъ нѣсколько разъ.

— Приду-съ, непремѣнно приду-съ, Анна Ивановна... А то все какъ-то некогда было: дѣла-съ. Конецъ темнотѣ, Анна Ивановна...

Дѣвушка быстро вскинула глаза на Пружинкина и такъ хорошо улыбнулась, что у старика даже на душѣ захолонуло отъ удовольствія. Онъ безъ шапки выскочилъ на подъѣздъ кликнуть злобинскаго кучера; Анна Ивановна весело кивнула ему головой и хотѣла что-то сказать, но въ это время ее догналъ Сажинъ, застегивавшій пальто на ходу. Генеральша Мѣшкова, улыбающаяся и розовая, какъ ребенокъ, шла подъ руку съ Анной Ивановной, и Пружинкинъ вѣжливо отскочилъ въ сторону, чтобы дать дорогу. Въ присутствіи Сажина его каждый разъ охватывало то радостное волненіе, которое испытываютъ всѣ влюбленные.

— Намъ по дорогѣ, mesdames, — говорилъ Сажинъ, помогая дамамъ сѣсть въ экипажъ.—А гдѣ нашъ докторъ?..

— Здѣсь, здѣсь...—свѣжимъ [illegible] ся докторъ, протискиваясь сквозь толпу.

[illegible] съ Анной Ивановной, а [illegible] самого владѣльца и доктора [illegible] крылечкѣ безъ шапки все время, [illegible] не скрылись изъ виду, и улыбался въ пространство, какъ человѣкъ, который еще хорошенько не проснулся. Обыкновенно Пружинкинъ каждый разъ дожидался Сажина въ передней и раскланивался съ нимъ издали. Сажинъ рѣдко замѣчалъ эту скромную мѣщанскую фигуру, но это нисколько не огорчало Пружинкина: онъ выбѣгалъ и еще разъ кланялся.

II.

Моховъ, небольшой красивый городъ, раскинулся по холмистымъ берегамъ небольшой рѣчки Наземки. Съ запада подходилъ къ нему столѣтній сосновый боръ, въ которомъ прятались казенныя дачи губернскаго начальства. Издали получалась довольно пестрая картина, которая вблизи естественнымъ путемъ распадалась на самыя обыкновенныя составныя части всѣхъ нашихъ городовъ: зеленыя колокольни, плохой гостиный дворъ, общественныя зданія, дрянненькій театръ, разныя купеческія строенія и мѣщанскія лачуги. Возвращаясь изъ земства домой, Пружинкинъ сначала проходилъ по самой фешенебельной Консисторской улицѣ, на которой стоялъ губернаторскій домъ, разныя палаты и рядъ „колоніальныхъ“ магазиновъ; потомъ поворачивалъ направо и по каменному мосту черезъ р. Наземку попадалъ на тонувшій въ непролазной грязи Черный рынокъ, гдѣ буквально не было ни прохода ни проѣзда, и тонувшихъ лошадей вытаскивали изъ грязи за хвосты. Черный рынокъ узкой, старинной улицей Мукосѣевкой соединялся съ большимъ предмѣстьемъ Дрекольный-Мысъ, Теребиловка то жъ. Первое названіе происходило, по всей вѣроятности, отъ того, что Наземка здѣсь образовала что-то въ родѣ полуострова, а „теребиловками“ у насъ называютъ обыкновенно всѣ предмѣстья.

Особенностью этой Теребиловки было то, что она залегала въ верховьяхъ Наземки и такимъ образомъ господствовала надъ городомъ; по крайней мѣрѣ она рѣшительно отравляла воду въ рѣкѣ, потому что теребиловцы сваливали въ нее всѣ нечистоты, мочили кожу и всякую дрянь. Перепутанныя узкія

улицы были уставлены самымъ незавидным мѣщанскимъ „жительствомъ“: кабаками, веселыми заведеніями и просто лачугами. Ютившееся здѣсь оголтѣлое мѣщанство пользовалось самой незавидной репутаціей, но Пружинкинъ любилъ эти отверженныя мѣста той „непонятной и странной любовью“, которая органически связываетъ человѣка съ родиной. Да, онъ родился въ одной изъ этихъ лачугъ, босоногимъ мальчишкой бѣгалъ по этимъ грязнымъ улицамъ и зналъ всѣхъ и каждаго.

— Егоръ Андреичъ, наше вамъ!..—говорили встрѣчавшіеся теребиловцы, раскланиваясь со старикомъ.—Какъ Господь носитъ?..

— Ничего, прыгаемъ помаленьку... Ты куда это, Макаръ, сапоги-то потащилъ?.. А-ахъ, нехорошо: жена послѣ родовъ не успѣла оправиться, а ты изъ кабака не выходишь...

— Егоръ Андреичъ, голубчикъ... Бож-же мой!.. Да развѣ я не понимаю въ своихъ мысляхъ... Тоже и у насъ совѣсть...

Иногда, слишкомъ занятый какими-нибудь особенно важными соображеніями, Пружинкинъ шелъ по улицѣ, разговаривая вслухъ и размахивая руками. Теребиловцы [illegible] сторонились, чтобы не помѣшать старику, который, навѣрно, опять [illegible] штуку“. Изъ этого можно было заключить, что мѣ[illegible]ствовали самыя нѣжныя и любовныя отношенія [illegible] человѣкъ, къ которому шли за разъясненіемъ [illegible] Андреичъ, опять [illegible] Андреичъ, какъ же [illegible], оказала себя очень фальшиво [illegible] и удерживали за рукавъ.

Избушка, въ которой жилъ Пружинкинъ, была не лучше [illegible] теребиловскаго жительства: крыша прогнила, у одного окна недоставало ставни, ворота покосились. „Ужѣ вотъ какъ-нибудь надо поорудовать надъ избенкой“,—часто задумывался Пружинкинъ и прикидывалъ въ умѣ, какъ и что̀ нужно будетъ поправить, починить и вообще привести въ надлежащій хозяйственный порядокъ. Но годъ шелъ за годомъ, а избушка разваливалась все сильнѣе, потерявъ всякую надежду на помощь хозяина, которому вѣчно было некогда. Небольшой дворикъ былъ огороженъ со всѣхъ сторонъ разными пристройками: амбары, амбарушки, навѣсы и т. д., хотя все хозяйство заключалось въ десяткѣ гусей, въ старой козѣ и черной безхвостой собакѣ Орликѣ. Внутренность самой избы поражала своимъ печальнымъ видомъ: полъ покосился, потолокъ тоже, обои на стѣнахъ висѣли клочьями, въ осѣвшія двери и окна дуло, а по зимамъ всѣ четыре угла прорастали сплошнымъ куржакомъ. Двуспальная деревянная кровать стояла у самой двери; русская печь была цѣломудренно закрыта ветхой ситцевой занавѣской. Всѣмъ хозяйствомъ Пружинкина завѣдывала глухая старуха Акимовна, его дальняя родственница, которая по цѣлымъ днямъ лежала на покоѣ.

Живымъ мѣстомъ въ избушкѣ была та стѣнка, которая шла отъ кровати къ наружному углу; здѣсь въ величайшемъ порядкѣ были развѣшаны: ружье, скрипка, разныя охотничьи принадлежности, плохая олеографія, изображавшая голую красавицу, нѣсколько фотографій; у стѣны стоялъ небольшой березовый письменный столъ, заваленный дѣловыми бумагами и „законами“, какъ Пружинкинъ называлъ свою походную юридическую библіотеку. Старинное клеенчатое кресло, вытертый коверъ у стола, три стула и полочка съ разными рѣдкостями дополняли всю обстановку.

— Все-таки свой уголъ...—самодовольно повторялъ Пружинкинъ, при-

нимая посѣтителей въ своей избушкѣ.—Первое дѣло, что я знать никого не хочу; самъ большой, самъ меньшой.

Стоило Пружинкину показаться только въ избушкѣ, какъ сейчасъ же появлялся кто-нибудь изъ его безчисленныхъ кліентовъ. Собственно онъ для Теребиловки составлялъ все: и юрисконсультъ, и комиссіонеръ, и — главное — тотъ „нужный человѣкъ“, безъ котораго хоть пропадай. Въ сношеніяхъ Теребиловки съ городомъ возникала цѣлая масса недоразумѣній, и Пружинкинъ являлся примиряющимъ элементомъ. Если случалась въ городѣ крупная кража, убійство, подкинутый „младенецъ“, виноватыхъ искали въ Теребиловкѣ; если человѣкъ терялъ въ городѣ „занятіе“, онъ отправлялся въ Теребиловку, гдѣ всѣмъ находился уголъ. Кромѣ исконныхъ обывателей, составлявшихъ главное ядро, здѣсь ютились всѣ отбросы и тотъ человѣческій хламъ, который создастъ бойкая городская жизнь,—прислуга безъ мѣстъ, спившаяся съ кругу, „первые“ кучера, отставные солдаты, мелкіе чиновники, просто пропащіе люди, которыми хоть прудъ пруди. Теребиловка открывала гостепріимныя объятія всѣмъ обездоленнымъ и обиженнымъ и въ награду за свою терпимость получила репутацію гнѣзда жуликовъ и воришекъ. Эта послѣдняя репутація всегда крупно обижала Пружинкина, хотя онъ и не отрицалъ факта, что теребиловцы воруютъ и даже весьма воруютъ.

— Это точно-съ, есть такой грѣхъ-съ...—смущенно повторялъ онъ и прибавлялъ не безъ достоинства:—Только нужно и то сказать—суди на волка, суди и по волку. Первое дѣло, всякій человѣкъ кушать хочетъ, а, напримѣръ, ни работы, ни занятія, ни ремесла—бываетъ всяко-съ...

Эта снисходительность имѣла подкладкой свои высшія соображенія, какъ мы увидимъ ниже. Прежде всего, Пружинкинъ былъ общественный человѣкъ, и въ этомъ заключался главный источникъ всѣхъ его житейскихъ неудачъ. Жить только для себя, въ свое брюхо—онъ не могъ и считалъ свои теперешнія „дѣла“ за пустики, которыми занимался такъ *пока*, въ ожиданіи того настоящаго, къ которому тянетъ всей душой. Смыслъ жизни являлся для него лично только въ общественной дѣятельности, но, какъ на грѣхъ, именно въ этомъ направленіи онъ какъ-то не могъ приспособиться, несмотря на самые великолѣпные проекты. Какъ характерную черту, можно отмѣтить ту особенность, что всѣ мысли Пружинкина имѣли основаніемъ именно Теребиловку, которая засѣла въ его мозгу со всѣми своими злоключеніями, напастями и собственными грѣхами. Устроить костяной заводъ, общественную гвоздарку, канатную фабрику, разныя мастерскія—вотъ надъ этимъ слѣдуетъ хлопотать. Будетъ у людей кусокъ хлѣба, и воровать перестанутъ. Проектовъ у Пружинкина было достаточное количество; онъ излагалъ ихъ письменно, обращался за содѣйствіемъ къ богатымъ купцамъ, чиновникамъ и доходилъ до самаго губернатора, но всѣ эти хожденія и хлопоты постигала одна и та же участь: Пружинкинъ нигдѣ не встрѣчалъ сочувствія, и проекты возвращались къ нему съ болѣе или менѣе обидными примѣчаніями.

— Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, такъ жить, чтобы, напримѣръ, воровствомъ хлѣбъ добывать,—доказывалъ огорченный старикъ безчувственнымъ богачамъ.—Да и какое это воровство! Прямо себѣ въ убытокъ воруютъ, хоть тѣ же теребиловцы... Самое невыгодное занятіе-съ. Второе — причина та, что народъ глупъ и никакъ не пойметъ своей собственной пользы. Все какъ-то по-ребячьи у нихъ, и нужно образованнымъ людямъ эту самую темноту корѣшить... Нельзя же такъ жить, закрывши глаза.

Такъ прошелъ не одинъ десятокъ лѣтъ, и вдругъ открывается земство, гдѣ избранные люди начинаютъ говорить то самое, что раньше думалъ онъ,

мѣщанинъ Пружинкинъ, убиваясь въ своей лачугѣ надъ разными проектами. Домой изъ собранія Пружинкинъ возвращался въ какомъ-то туманѣ, и у него просто захватывало духъ отъ кружившихся въ головѣ мыслей. А Сажинъ-то? Точно онъ былъ у него на душѣ: изъ точки въ точку говоритъ то самое, что̀ Пружинкинъ думалъ своимъ собственнымъ умомъ. Старикъ забросилъ свои личныя дѣла и всецѣло отдался пересмотру своихъ бумагъ, гдѣ нашелъ много совсѣмъ готоваго.

— У насъ съ Егоромъ Андреичемъ что-то не ладно!—порѣшили теребиловцы, наблюдая задумавшагося старика.—Какъ бы онъ того... на чердакѣ не повихнуло бы. Ежели который человѣкъ надъ своими мыслями начнетъ задумываться—тутъ ему и конецъ!

Встрѣча съ Анной Ивановной и овація Сажину довели Пружинкина до такого первнаго состоянія, что онъ не только не могъ ничего дѣлать, но просто нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, „настоящее“ уже было тутъ, у всѣхъ на глазахъ... Кто онъ такой, хоть взять того же Сажина—купеческій сынъ, получилъ образованіе въ университетѣ, ѣздилъ куда-то за границу, ну, что̀ же изъ этого? Мало ли умныхъ и образованныхъ людей изъ купечества въ томъ же Моховѣ, да толку изъ этого мало: умны для себя, а другимъ отъ этого ни тепло ни холодно. Никто бы и не зналъ, что есть на свѣтѣ какой-то Павелъ Васильичъ Сажинъ, а тутъ на-поди, всѣхъ постановилъ и всѣхъ удивилъ! Про Анну Ивановну и говорить нечего: дѣвушка изъ такой семьи, а тоже вотъ любопытно, какъ и что̀ на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. Отцы-то только и думали, какъ бы нажить капиталы разными правдами и неправдами, да все въ свое брюхо, а дѣтки ужъ новое думаютъ...

Пружинкинъ просыпался даже по ночамъ и снова передумывалъ все то, что̀ залегло ему въ душу. Хорошо, какъ ни поверни! Въ избушкѣ темно; Орликъ похрапываетъ у печки, на стѣнѣ тикаютъ часы съ кукушкой, а съ улицы несутся и пьяная пѣсня, и отчаянный далекій крикъ погибающаго человѣка, и шлепанье пьяныхъ ногъ по грязи. Теребиловка не знала покоя и ночью, когда кабаки свѣтились въ темнотѣ, какъ волчьи глаза, а по веселымъ притонамъ надрывалась доморощенная музыка.—„Вишь, темнота-то наша какъ подымается!—думалъ Пружинкинъ и даже улыбался.—Погодите, пришелъ конецъ! Будетъ ужъ вамъ свою дурь показывать!“ Засыпая, старикъ видѣлъ свою Теребиловку обновленной и счастливой: чистыя улицы, уютные домики, здоровыя и довольныя дѣти, и всякій при своемъ дѣлѣ... Попыхиваютъ паровыя машины, дымятъ фабричныя трубы, и никто больше не считаетъ теребиловцевъ за жуликовъ и отчаянныхъ всровъ.

Завернувшій къ Пружинкину фельдшеръ Сушковъ удивился той перемѣнѣ, которую нашелъ въ старинномъ благопріятелѣ. Нужно сказать, что для Теребиловки этотъ маленькій медицинскій человѣкъ въ одномъ своемъ лицѣ представлялъ всю медицинскую науку, а главное—онъ умѣлъ пользовать своими средствами.

— Да ужъ ты здоровъ ли, Егоръ Андреичъ?—спрашивалъ участливо Сушковъ, закуривая копеечную сигарку.

— Ничего, здоровъ, слава Богу.

Сушковъ былъ коротенькій, толстенькій человѣкъ, извѣстный въ Теребиловкѣ подъ фамильярной кличкой „Чалко“: „Вонъ Чалко поѣхалъ къ Митрюхинымъ молодайку выправлять!“, „Гли-ка, ребя, у Чалки новая шуба!“ и т. д. Добродушное и глуповатое лицо Чалки производило успокаивающее впечатлѣніе на больныхъ однимъ своимъ появленіемъ, а потомъ онъ такъ

хорошо умѣлъ говорить: „Ничего, какъ-нибудь...". Теперь Чалко смотрѣлъ на Пружинкина своими мышиными глазами и покачивалъ головой.

— Ничего ты не понимаешь, Чалко!—отвѣтилъ наконецъ Пружинкинъ.— Ну, похудѣлъ, что жъ изъ этого?.. Дѣла-то какія... ахъ, какія дѣла!

— Подъ ложечкой у тебя не давитъ?—допытывалъ Чалко.—Можно касторки принять... Да ты чего остребенился-то? Я вѣдь и уйду... Съ этой Теребиловкой дохнуть некогда: семь избитыхъ бабъ отъ праздника осталось, трое тифозныхъ, ребятишекъ человѣкъ пятнадцать, двѣ бѣлыхъ горячки... А лѣкарства не на что купить ни одной душѣ! Ну, какъ я тутъ буду поворачиваться?

— Погоди, Чалко! Все устроится!—говорилъ Пружинкинъ, смягченный наивностью Чалки.—Говорю: погоди!

Обыкновенно Чалко завертывалъ къ Пружинкину „на одинъ секундъ", плевалъ на полъ, сыпалъ пепелъ, куда попало, жаловался на теребиловцевъ и отправлялся дальше.

— Такъ ты того, въ самомъ дѣлѣ... хины можно приспособить,—заговорилъ Чалко на прощанье.—Большая перемѣна, и колера прежняго нѣтъ.

Пружинкинъ только махнулъ рукой на безтолковаго пріятеля, который рѣшительно ничего не понималъ.

III.

У Пружинкина давно созрѣла мысль отправиться къ Сажину и предложить ему свои услуги, но онъ выжидалъ окончанія сессіи. Теперь Павлу Васильичу было не до него. Когда наконецъ сессія кончилась, на Пружинкина нашелъ какой-то нерѣшительный стихъ: а если Павелъ Васильичъ, не говоря худого слова, поворотитъ его назадъ? Угнетаемый этими сомнѣніями, старикъ рѣшился предварительно завернуть къ Злобинымъ и тамъ подъ рукой развѣдать: что и какъ. Къ Злобинымъ прежде онъ хаживалъ частенько, а теперь, кстати, Анна Ивановна закинула словечко, чтобы онъ побывалъ.

Пріодѣвшись въ свой обычный выходной костюмъ, Пружинкинъ отправился наконецъ въ городъ. Злобинскій одноэтажный деревянный домъ стоялъ на углу Консисторской улицы и Московскаго переулка, на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Большимъ садомъ онъ точно сростался съ двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ Сажина, который выходилъ фронтомъ въ Гаврушковскую улицу. Пружинкину больше нравился злобинскій домъ, выстроенный по-старинному— съ мезониномъ, пристройками, сѣнями, переходами и разными потаенными каморками. Днемъ онъ такъ привѣтливо смотрѣлъ на улицу своими небольшими окнами съ тюлевыми занавѣсками, а на ночь всѣ окна затворялись на ставни тяжелыми желѣзными болтами. Нынче такихъ хорошихъ домовъ не строятъ, чтобы каждый гвоздь сидѣлъ барином, а прочныя бревна „не знали вѣку". Передъ домомъ были деревянные тротуары; посыпанный желтымъ песочкомъ дворъ всегда держался „подъ метелку", а привѣтливыя крылечки точно манили прохожихъ завернуть въ старое крѣпкое гнѣздо, полное до краевъ тѣмъ туго сколоченнымъ довольствомъ, которому нѣтъ износу. Пружинкинъ любилъ по пути, даже безъ всякаго дѣла, завернуть сюда, испытывая безотчетное удовольствіе. Когда еще былъ живъ самъ старикъ Злобинъ, онъ часто бывалъ въ этомъ домѣ по своимъ безконечнымъ дѣламъ, а теперь ходилъ къ Марѳѣ Петровнѣ, нагружавшей его самыми разнообразными порученіями.

На этотъ разъ Пружинкинъ шелъ въ злобинскій домъ съ особеннымъ удовольствіемъ, точно онъ сдѣлался ему роднымъ,—вѣдь и въ этомъ рас-

кольничьемъ гнѣздѣ бьется теперь та же мысль, которая ему, мѣщанину Пружинкину, не даетъ спать. День выдался свѣтлый, солнечный, съ тѣмъ особеннымъ крѣпкимъ холодкомъ, какой бываетъ въ началѣ октября. Сентябрьская грязь смерзлась, и экипажи бойко катились по гладкому накату. Въ богатыхъ домахъ вездѣ уже были вставлены зимнія рамы, а въ голыхъ вѣтвяхъ березъ стаями перелетали дрозды-рябинники. Даже Черный рынокъ и тотъ точно повеселѣлъ, скованный первыми заморозками. На пути изъ Теребиловки Пружинкинъ встрѣтилъ много знакомыхъ и очень галантно раскланивался, приподнимая свой стеганый картузъ съ большимъ козыремъ: ѣхалъ куда-то протодьяконъ на своей рыжей лошадкѣ, потомъ попался секретарь канцеляріи губернатора, два писца изъ судебной палаты, нѣсколько красоловъ и т. д. На каменномъ мосту, горбившемся черезъ р. Наземку неуклюжей и тяжелой аркой, встрѣтилась Анна Ивановна. Она ѣхала въ осенней шубейкѣ, опушенной сѣрымъ барашкомъ, и въ такой же барашковой шапочкѣ.

— Мама дома,—крикнула дѣвушка, наклоняясь съ дрожекъ.—Заходите къ намъ, Егоръ Андреичъ. У меня есть дѣло къ вамъ...

— Преотлично, Анна Ивановна...

Экипажъ съ трескомъ повернулъ на Черный рынокъ, а Пружинкинъ черезъ десять минутъ входилъ уже на широкій дворъ злобинскаго дома, раздумывая, какое такое дѣло могло быть у Анны Ивановны. Обогнувъ „паратнее“, Пружинкинъ направился къ знакомому заднему крылечку, гдѣ былъ ходъ къ „самой“. Дорогу ему пересѣкла горничная Агаша, краснощекая и глазастая дѣвушка, летѣвшая черезъ дворъ въ одномъ платьѣ съ какимъ-то необыкновенно экстреннымъ порученіемъ. Въ полутемной и низенькой передней, гдѣ цѣлая стѣна была увѣшана верхнимъ носильнымъ платьемъ, Пружинкинъ раздѣлся со своей обычной степенностью и поставилъ сучковатую палку на свое мѣсто въ уголокъ. Здѣсь уже начинался тотъ характерный запахъ, который стоялъ въ злобинскомъ домѣ испоконъ вѣку: пахло мятой, мускусомъ, ладаномъ и старомодными цвѣтами, въ родѣ гераней, жасмина и мускуса. Горничная успѣла уже вернуться и пронеслась мимо Пружинкина, какъ вѣтеръ, чтобы оповѣстить „самоё“.

— Ишь, стрѣла, бѣсъ въ ногахъ-то сидитъ!—добродушно пошутилъ старикъ, направляясь изъ передней по узенькой тропинкѣ въ столовую.

— Гдѣ запалъ? Что давно не видать?—послышался ворчливый голосъ Марѳы Петровны, которая шла навстрѣчу гостю съ засученными рукавами раскольничьей рубашки: она оторвалась отъ какого-то спѣшнаго дѣла.

— Нельзя-съ, Марѳа Петровна, свой интересъ...—бормоталъ Пружинкинъ, раскланиваясь.—У всякаго свои дѣла-съ.

— Знаемъ мы твои дѣла: дыру въ горсти ловить? Ну, иди, дѣлецъ, ко мнѣ въ каморку. А я ужъ хотѣла посылать за тобой... Цесарка у меня извелась, славная такая была цесарка.

— Что же, это весьма возможно-съ. У меня даже на примѣтѣ: какъ на заказъ для васъ, Марѳа Петровна. У дьякона, который овдовѣлъ въ третьемъ годѣ... И дьяконъ отличный-съ, съ настоящимъ поведеніемъ.

Марѳа Петровна была худенькая, небольшого роста старушка съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ и живыми темными глазами. Ходила она какой-то особенной, дробной походкой, одѣвалась въ шелковые сарафаны, на головѣ носила „сороку“ и говорила грубымъ голосомъ, непріятно прищуривая глаза. Сморщенное желтое лицо съ прямымъ носомъ и густыми бровями имѣло немного птичій отпечатокъ, особенно когда Марѳа Петровна быстро поворачи-

вала головой. Въ обращеніи она отличалась большой рѣзкостью, но въ городѣ ее всѣ очень любили, какъ женщину умную и дѣятельную. Непріятной чертой въ ея характерѣ являлась чисто-раскольничья хитрость. Ей нельзя было вѣрить. Когда ее ловили на словѣ, Марѳа Петровна принимала скромный загнанный видъ, обиженно вздыхала и повторяла свою любимую поговорку: „Нельзя, миленькіе! Правдой вѣка не проживешь. И меня словами-то добрые люди обманываютъ, какъ курицу пустымъ зерномъ“. Въ своемъ раскольничьемъ кругу старуха Злобина пользовалась большимъ авторитетомъ, хотя, какъ гласила молва, она занималась ростовщичествомъ, выдавая деньги подъ двойные векселя и за двойные проценты. Старикъ Злобинъ умеръ уже лѣтъ пять, но Марѳа Петровна вела всѣ дѣла и стояла въ своемъ купеческомъ званіи твердо. У нея была и торговля, и своя мельница, и разный другой промыселъ. По раскольничьимъ старинымъ домамъ немало такихъ дѣловыхъ старухъ, которыя ворочаютъ милліонными дѣлами. Рука объ руку съ хищническими инстинктами въ Марѳѣ Петровнѣ укрывались и потайная милостыня, и воспитаніе круглыхъ сиротъ, какъ горничная Агаша, и крупныя пожертвованія на дѣла своей поморской секты. Подъ старинной „сорокой“ укладывались эти „двойныя мысли“ самымъ мирнымъ образомъ, и Марѳа Петровна умѣла отлично примирять требованія совѣсти и высшей справедливости съ самыми безжалостными операціями и заурядным объѣториваньемъ. Въ старухѣ—прежде всего—былъ характеръ, увѣренность, извѣстная убѣжденность, что̀, взятое вмѣстѣ, обезоруживало самыхъ заклятыхъ ея враговъ.

— Такъ ты, смотри, добудь мнѣ цесарку, да не захвастывай цѣной,— говорила Марѳа Петровна, усаживая гостя въ своей комнатѣ на деревянный стулъ.—У меня свои деньги-то, не краденыя.

— Сейчасъ Анну Ивановну встрѣтилъ...—проговорилъ Пружинкинъ вмѣсто отвѣта и, разгладивъ бороду, прибавилъ:—Одно украшеніе, можно сказать-съ, а не дѣвица. Шубка-то новенькая у Анны Ивановны?

Марѳа Петровна быстро взглянула на Пружинкина своими прищуренными глазами и ничего не отвѣтила.

Каморка у нея была маленькая, съ однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ, какъ всевидящее око. У внутренней стѣны стояла простая деревянная кровать, покрытая ситцевымъ одѣяломъ: Марѳа Петровна, искушая свою плоть, спала на голыхъ доскахъ. Въ переднемъ углу помѣщался цѣлый иконостасъ изъ образовъ стариннаго письма съ неугасимой лампадой передъ ними. Въ изголовьѣ кровати привинченъ былъ къ стѣнѣ несгораемый желѣзный шкапъ. На большомъ столѣ, у противоположной стѣны, и на полкахъ надъ ними были разложены всевозможныя вещи, точно въ ссудной кассѣ: мѣшочки, свертки матерій, обрѣзки мѣха, мѣдная посуда, желѣзныя и деревянныя шкатулочки, склянки, банки, ящички — однимъ словомъ, полная хозяйственная лабораторія. На окнѣ, въ уголкѣ, скромно стояла грошовая чернильница съ пожелтѣвшимъ гусинымъ перомъ, которымъ Пружинкинъ сочинялъ векселя, условія и предъявленія ко взысканію. Марѳа Петровна, надѣвъ мѣдныя очки на самый кончикъ носа, съ трудомъ могла подписать свою фамилію. Эту невзрачную каморку-кладовую отлично знали самые богатые моховскіе коммерсанты, являвшіеся сюда со слезными просьбами объ отсрочкахъ, бланкахъ и новыхъ займахъ. Пружинкинъ игралъ въ этихъ сдѣлкахъ не послѣднюю роль, получалъ деньги и хранилъ непоколебимое никакими соблазнами молчаніе. Онъ вполнѣ подчинялся авторитету старухи и никогда не задумывался надъ мыслью, что она эксплоатируетъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

— А у насъ теперь дѣло такъ и кипитъ, — объяснялъ Пружинкинъ послѣ необходимыхъ предварительныхъ пустяковъ.—Настоящее колесо пошло, Марѳа Петровна.

— Это ты насчетъ земства?

— О Павлѣ Васильичѣ собственно... И откуда такой необнаковенный человѣкъ, подумаешь, взялся? Мальчонкой еще, можно сказать, ихъ знавалъ, когда въ гимназіи происходили... да-съ. И вотъ жилъ-жилъ человѣкъ, у всѣхъ на глазахъ жилъ, а никому въ умъ не вошло, какая въ немъ, въ Павлѣ-то Васильичѣ, силища. Всѣхъ кругомъ окружилъ... златоустъ!

— Краснобай!—грубо отвѣтила Марѳа Петровна и нахмурилась.

— Нѣтъ-съ, Марѳа Петровна, ужъ вы позвольте-съ... Это дѣло даже совсѣмъ особенное-съ. Вотъ Анна Ивановна дѣвицы, а и онѣ весьма чувствуютъ... Сердце радуется со стороны глядѣть.

— Н-но-о?

— Совершенно вѣрно-съ! Какъ же-съ, сижу я, напримѣръ, въ собраніи, а Анна Ивановна съ генеральшей Мѣшковой передо мной сидятъ, и Павелъ Васильичъ съ нимъ разговариваютъ... Да... Нынче и женскій полъ, Марѳа Петровна, своего достигаетъ, даже дѣвица, которая, можно сказать, чувствуетъ себя въ полной формѣ...

— Ума своего не хватаетъ, такъ и ходитъ слушать чужія глупости!— съ сердцемъ проговорила старуха.—Вотъ и вся твоя Анна Ивановна! Краснобайничать Павелъ Васильичъ мастеръ, да толку изъ этого никакого не выйдетъ.

— Почему же это толку не будетъ?—обидѣлся Пружинкинъ, подбирая ноги подъ стулъ.

— А потому... Летать твой Павелъ Васильичъ летаетъ, а садиться не умѣетъ. Изъ-за чего онъ языкъ-то треплетъ? Ежели бы чинъ какой заслужилъ, медаль на шею, ну, хоть бы свѣтлыя пуговицы, а то вѣдь совсѣмъ зря болтается. Да и просто ужъ очень у васъ все: поговорилъ, поболталъ, а оно все и сдѣлается само, какъ по-писаному.

— Позвольте, Марѳа Петровна! Сама генеральша Мѣшкова ѣздитъ... соборный протопопъ... два столоначальника... жена прокурора...

— И ѣздятъ смотрѣть, какъ на именинника!

— Это кто же именинникъ-то?

— А все онъ же, Павелъ Васильичъ твой...

Пружинкинъ былъ огорченъ. Мѣткое слово попало ему прямо въ сердце. И вѣдь скажетъ же эта Марѳа Петровна...

— Что? Не поглянулось?—злорадствовала старуха и даже сама засмѣялась, что съ ней случалось не часто.—Не любите правды-то? Вотъ еще какой-то докторъ навязался... Книжки гражданской печати возитъ Аннѣ Ивановнѣ... какъ же... А всему этому дѣлу главная заводчица—эта генеральша Мѣшкова. Въ ней вся причина. Собрала около себя разныхъ пустомель и утѣшается. Все вѣдь я знаю...

Огорченный Пружинкинъ чуть-было не поссорился съ озлобившейся старухой, но въ самый критическій моментъ въ комнату вошла Анна Ивановна и потушила бурю однимъ своимъ появленіемъ.

— Легка на поминѣ...—ворчала Марѳа Петровна, съ ожесточеніемъ перешвыривая по столу какіе-то подозрительные узлы, какіе попадаютъ въ полицію съ краденными вещами и разными вещественными доказательствами.

— Что такое случилось?—спросила дѣвушка, останавливаясь въ дверяхъ.

— А такъ-съ... Сущіе пустяки-съ, Анна Ивановна, — бормоталъ Пружинкинъ, поднимаясь со стула.

— Не виляй хвостомъ-то, старый грѣховодникъ!—не унималась вошедшая въ азартъ старуха.—Всѣ вы заодно...

Анна Ивановна поняла, въ чемъ дѣло, и улыбнулась своей хорошей улыбкой. Она была такая свѣжая сегодня и смотрѣла на мать такимъ вызывающе-снисходительнымъ взглядомъ.

— Пойдемте ко мнѣ, мы здѣсь мѣшаемъ мамѣ,—спокойно проговорила она.—У меня есть дѣло.

— Могу-съ, Анна Ивановна... Для васъ все могу-съ, — обрадовался Пружинкинъ такой счастливой развязкѣ.

IV.

„Ай да барышня! Какъ она мамыньку-то свою поворачиваетъ!“—думалъ Пружинкинъ, идя вслѣдъ за Анной Ивановной.

Въ злобинскомъ домѣ всѣ комнаты были маленькія и теплыя, съ дешевенькими обоями, придававшими имъ такой уютный домашній видъ. Изъ комнаты Маріи Петровны они по темному коридорчику прошли въ гостиную со старинной, точно опухшей мебелью, и Анна Ивановна на мгновеніе остановилась въ нерѣшительности. Но потомъ она прямо пошла изъ гостиной въ свою комнату, выходившую двумя окнами въ садъ.

— Вотъ садитесь здѣсь, Егоръ Андреичъ,—сказала она дѣловымъ тономъ, указывая на стулъ около письменнаго стола.

Пружинкинъ молча занялъ кончикъ стула, что̀ дѣлалъ по свойственной ему вѣжливости, и внимательно оглядѣлъ всю комнату. Письменный столъ помѣщался между окнами; въ углу—этажерка съ книгами, на полу—коверъ; у внутренней стѣны, за низенькой ситцевой ширмочкой, пряталась длинная и узкая желѣзная кровать. Гардеробъ и мраморный умывальникъ скрывались за большой старинной печкой, дамскій рабочій столикъ и швейная машина, небольшой синій диванчикъ и круглый столикъ передъ нимъ дополняли обстановку. На письменномъ столѣ въ бархатныхъ рамкахъ стояло нѣсколько фотографій, чернильница, кучка книгъ и какія-то тетрадки.

— Пречудесно!—вслухъ подумалъ Пружинкинъ и прибавилъ:—Извините меня, Анна Ивановна, на простомъ словѣ: какъ это вы съ мамынькой-то, то-есть ужъ очень какъ будто просто. Строгость у васъ прежде была въ дому еще отъ покойнаго родителя, а тутъ вдругъ...

— Мы съ мамою постоянно воюемъ...—съ улыбкой отвѣтила Анна Ивановна, поправляя сбившіяся на выпуклый бѣлый лобъ пряди мягкихъ и шелковистыхъ русыхъ волосъ.—Да и я ужъ большая, Егоръ Андреичъ.

— Такъ-съ, это вы вѣрно-съ... А вѣдь я васъ, Анна Ивановна, еще совсѣмъ ребеночкомъ зналъ, когда вы изволили около стульчиковъ учиться ходить. Да, много время прошло. Тятенька-то вашъ, Иванъ Карпычъ—не тѣмъ будь помянуть—карахтерный былъ человѣкъ, какъ и Василій Аѳимычъ Сажинъ. Помните старика?

— Не совсѣмъ... Помню только, что всегда боялась его, когда онъ приходилъ къ намъ.

— Старинные были люди-съ, крѣпкіе... и... и..—При послѣднихъ словахъ Пружинкинъ осторожно оглянулся и прибавилъ вполголоса:—Конечно, по-человѣчеству оно жаль всякаго человѣка, Анна Ивановна, а только по-ихнему, по-старинному-то никакъ невозможно-съ! Теперь ужъ другое-съ... Вотъ вы и въ гимназіи выучились, и книжки у васъ, и въ собраніи

бываете-съ. Да-съ! Взять даже пустяки: пришелъ человѣкъ, и вы его прямо въ свою комнатку... Господи!.. да при живности-то Ивана Карпыча развѣ это возможно было? У нихъ въ дому-то всѣ шопотомъ говорили!

Анна Ивановна смотрѣла на своего гостя удивленными глазами и точно боялась ему повѣрить на-слово: онъ угадалъ ея собственныя мысли, съ которыми она привела его въ свою комнату, чтобы отвоевать у матери еще крошечный уголокъ домашней свободы. Она была въ томъ же сѣромъ платьѣ, въ которомъ ходила въ земскія собранія, а добавленіемъ служилъ только широкій кожаный поясъ, который она любила носить дома. Назвать красавицей Анну Ивановну было нельзя, но это неправильное и характерное лицо было полно своеобразной прелести: чистый, развитой лобъ, небольшой русскій носъ, строгая складка въ разрѣзѣ рта, мясистый и съ ямочкой посрединѣ подбородокъ и простой, глубокій взглядъ темныхъ большихъ глазъ придавали ей типичный видъ раскольничьей красоты, сохраняющейся только въ старинныхъ семьяхъ. Смущенная этимъ неожиданнымъ разговоромъ Пружинкина, дѣвушка послѣ неловкой паузы проговорила:

— Мнѣ нужно было поговорить съ вами, Егоръ Андреичъ, относительно школы, которую мы думаемъ открывать въ Дрекольномъ-Мысу.

— Въ Теребиловкѣ?

— Да.

— То есть это въ какомъ же смыслѣ открывать школу, Анна Ивановна?

— Въ самомъ обыкновенномъ: населенія въ нашей Теребиловкѣ больше двухъ тысячъ, и ни одной школы. У насъ составился небольшой кружокъ...

— Анна Ивановна, голубчикъ...

— Прежде всего, вопросъ заключается въ квартирѣ. На первый разъ будетъ достаточно, если найдется помѣщеніе человѣкъ на тридцать. Вы, надѣюсь, не откажете намъ въ своемъ содѣйствіи?

— Анна Ивановна, да я для васъ изъ земли вырою за одно ваше словечко: ужъ очень хорошее ваше слово-то! Всякій о себѣ хлопочетъ, о своемъ кармапѣ, а другіе-то всѣ пропадай пропадомъ! Такъ-съ? Ахъ, ты, Господи, вотъ до чего я дожилъ!

Старикъ ужасно взволновался и только разводилъ руками, не зная, какъ ему высказать тѣснившіяся въ его головѣ мысли. Дѣвушка смотрѣла на него и не могла себѣ объяснить этого волненія, вызваннаго такой ничтожной причиной. Лицо у Пружинкина покраснѣло, и онъ нѣсколько разъ принимался поправлять душившую его косынку.

— Я передъ вами въ томъ родѣ, какъ бываетъ человѣкъ въ отсутствіи ума,—бормоталъ онъ довольно безсвязно. — А что дорого: вотъ вы сидите, Анна Ивановна, въ этой самой комнатѣ—и сыто, и одѣто, и пригрѣто, и никакой заботушки... Такъ бы и вѣкъ свѣковали, а у васъ ужъ другое на умѣ. Чужія слезы и до васъ дошли... Теперь взять хоть нашу Теребиловку: непокрытое мѣсто, а также живые люди. Глупость ихнюю жаль... темноту эту самую. А ежели бы вы, да я, да другой-третій стали эту темноту, напримѣръ, достигать?.. Умныхъ людей много, а вотъ надо прійти къ глупымъ-то людямъ съ кротостью, съ ласковымъ словомъ... съ чистотой.

У Пружинкина въ голосѣ стояли слезы. Онъ самъ плохо помнилъ, что, разсказывалъ Аннѣ Ивановнѣ: объ избитыхъ женщинахъ, которыхъ лѣчилъ Чалко, о несчастныхъ дѣтяхъ, вырастающихъ на улицѣ, какъ бездомныя собаки, о той жизни, гдѣ нужно добывать кусокъ хлѣба воровствомъ; нако-

нецъ о своихъ проектахъ, съ которыми онъ толкался по богатымъ мужикамъ. Анна Ивановна слушала его, опустивъ голову. Она теперь понимала то, что онъ хотѣлъ высказать, и сама заразилась его волненіемъ.

— Все я къ Павлу Васильичу думаю толкнуться, — говорилъ Пружинкинъ на прощанье.—Есть у меня до него дѣльце, только боюсь помѣшать...

— Отчего же? Онъ будетъ вамъ радъ... Даже, если хотите, я могу съ нимъ переговорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анна Ивановна!.. Это какой человѣкъ?.. Ему теперь впору со своими дѣлами управиться, а мы ужъ потомъ... Большому кораблю большое и плаваніе, а мы около бережка. Беречь надо Павла-то Васильича,— такихъ людей больше и нѣтъ...

Когда Пружинкинъ ушелъ, Анна Ивановна долго сидѣла у письменнаго стола, охваченная совершенно новымъ для нея чувствомъ, точно больной, на котораго пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Она не замѣтила даже, какъ въ комнату вошла Марѳа Петровна, остановилась въ дверяхъ и долго смотрѣла на нее, не говоря ни слова.

— Ну, доченька, хочешь быть ты умнѣе матери, видно... — заговорила старуха своимъ грубымъ голосомъ.

— Что такое, мама?

— А такое... Какой же это порядокъ въ дому, ежели ты къ себѣ въ комнату силомъ будешь мужчинъ затаскивать? Погоди, вотъ снерва видь замужъ, тогда и своя воля будетъ...

— Будетъ, мама, я ужъ это слыхала.

— А развѣ такъ разговариваютъ съ матерью? Я стою передъ тобой, а ты сидишь, какъ принцесса. Еще образованная называешься. Кабы живъ былъ отецъ-то, такъ не посмотрѣлъ бы на тебя, а взялъ бы за косу...

Произошла грубая домашняя сцена. Марѳа Петровна раскричалась и даже топала ногами, а потомъ быстро перешла въ слезливое настроеніе и принялась причитать, что къ ней ужъ совсѣмъ не шло. Дѣвушка молчала, не возражая ни одного слова. Лицо было совсѣмъ блѣдное, руки похолодѣли.

— Что же ты молчишь, какъ пень? — наступала Марѳа Петровна съ новымъ приливомъ энергіи. — Думаешь, и управы на тебя не найду: силомъ замужъ выдамъ!.. въ мѣшкѣ обвѣнчаю!.. О чемъ тутъ съ Пружинкинымъ-то шепталась?.. Какія-такія у васъ дѣла могутъ быть?.. У того, дурака, и смолоду ума не бывало... Ну, чего молчишь?..

— Да вѣдь вы, мама, слыхали нашъ разговоръ...

Марѳа Петровна плюнула и, хлопнувъ дверью, ушла. Она дѣйствительно подслушивала весь разговоръ въ замочную скважину, подкравшись къ дверямъ въ однихъ чулкахъ. По раскольничьей политикѣ, самому Пружинкину она и виду не показала, а распрощалась съ нимъ даже съ особенной нѣжностью. Анна Ивановна была свидѣтельницей всей этой обыденной лжи и переживала одиноко какое-то тупое чувство гнетущей тоски. Грубая сцена, послѣдовавшая за этимъ, служила только необходимымъ дополненіемъ, и она ждала ея. За внѣшнимъ благообразіемъ и суровыми добродѣтелями, въ злобинскомъ домѣ весь укладъ жизни держался всецѣло на самодурствѣ и лжи. Даже то добро, которое выходило изъ этого дома, неизбѣжно пропитывалось этими основными началами. Взятая въ домъ круглая сирота Агаша каждый день проходила черезъ кругъ самой утонченной домашней пытки, причемъ Марѳа Петровна не оставляла живого мѣста въ ея душѣ. Унижать другого, заставлять его постоянно чувствовать свое безотвѣтное ничтожество и вообще выматывать душу разными пустяками—все это составляло неизбѣжный обиходъ жизни въ

злобинскомъ домѣ и изо дня въ день проходило предъ глазами Анны Ивановны. Дѣвушка старалась не думать о матери, чтобы не поднимать въ душѣ чувства отвращенія. Наученная горькимъ опытомъ, Агаша въ присутствіи Маріы Петровны дѣлала оторопѣло-безотвѣтное лицо, научилась льстить и лгать—однимъ словомъ, входила быстро въ этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода. Но Агаша въ одно прекрасное утро могла уйти изъ дому и сейчасъ же нашла бы себѣ другое мѣсто и кусокъ хлѣба, а „барышня“ была лишена и этого утѣшенія, да она и не хотѣла уходить. Бѣжать отъ зла—слишкомъ простое средство.

Воспоминаніе объ отцѣ у Анны Ивановны ограничивалось чувствомъ непреодолимаго страха, которымъ скованъ былъ весь домъ. Старикъ Злобинъ являлся здѣсь чѣмъ-то въ родѣ завоевателя и неумолимаго судьи, предъ которымъ все трепетало. Анна Ивановна отлично помнила то чувство, какое переживала еще маленькой дѣвочкой въ присутствіи отца: она чувствовала себя такой виноватой и несчастной даже въ тѣ рѣдкіе моменты, когда отецъ хотѣлъ ее приласкать. Это же чувство страха и собачьяго смиренія воспитывалось по раскольничьимъ молельнямъ, куда женщины являлись, повязанныя платочками, и прятались за деревянной перегородкой. Суровые старики-начетчики и еще болѣе строгія наставницы поддерживали это угнетенное настроеніе и давили своимъ авторитетомъ уже всю общину. Какъ изъ этой обстановки Анна Ивановна могла попасть въ женскую гимназію, она хорошенько не могла себѣ объяснить даже сейчасъ. Отецъ пріѣхалъ откуда-то съ ярмарки, разссорился съ женой и на-зло ей отдалъ дочь учиться. Въ гимназіи было много бѣдныхъ дѣвочекъ и просто сиротъ, но какъ завидовала имъ Анна Ивановна, хотя, наученная домашнимъ искусомъ, сумѣла сдерживать въ себѣ всѣ порывы и проявленія каболѣвшаго чувства. Тамъ, въ кругу другихъ дѣтей, она въ первый разъ узнала, что есть другая жизнь, и что можно жить на свѣтѣ безъ страха. Въ душѣ маленькой дѣвочки выросъ такимъ образомъ свой завѣтный уголокъ, въ которомъ она прятала свои дѣтскія мечты.

Къ этимъ воспоминаніямъ остается только добавить характерный эпизодъ смерти Ивана Карповича, о которомъ Марѳа Петровна особенно любила разсказывать всѣмъ своимъ знакомымъ, чтобы вызвать въ нихъ участіе къ покойнику. У Злобина былъ приказчикъ на мельницѣ, который укралъ какихъ-то два несчастныхъ мѣшка муки. Иванъ Карповичъ сейчасъ же полетѣлъ на мельницу и произвелъ собственноручную расправу.

— Могутный былъ человѣкъ изъ себя,—разсказывала Марѳа Петровна:— ну, билъ-билъ приказчика, разгорѣлся и сейчасъ два ковша воды со льдомъ выпилъ... Умаялся, сердечный, до смерти и въ землю отъ проклятаго приказчика ушелъ: застудился отъ воды-то.

Къ этому Марѳа Петровна могла бы добавить, какъ Иванъ Карповичъ волочилъ ее по всему двору за волосы и нѣсколько разъ принимался топтать ногами. Можетъ-быть, теперь она на другихъ вымещала все то, что получила сама, какъ это и бываетъ. Лично для Анны Ивановны гнетъ матери былъ гораздо хуже отцовскаго страха: послѣдній дѣйствовалъ съ передышками, и въ минуты затишья самые загнанные и несчастные могли дышать свободно, а Марѳа Петровна давила послѣдовательно, какъ давитъ стальная пружина или наваленный камень. Кончить курсъ Марѳа Петровна дочери не позволила и взяла ее изъ пятаго класса, чтобы пріучить къ „домашности“. Дѣвушка опять попала въ четыре стѣны, и только счастливый случай вывелъ ее на свѣжій воздухъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Настоящее сосредоточивалось въ неунимавшейся мелкой домашней войнѣ,

гдѣ силы враждовавшихъ сторонъ истощались на мелочахъ и пустякахъ. Аннѣ Ивановнѣ стоило нечеловѣческихъ усилій, чтобы выйти изъ положенія цѣпной собаки, и каждый свободный шагъ покупался самой тяжелой цѣной. Но и въ этой жизни было свое свѣтлое и хорошее, что придавало дѣвушкѣ силы и открывало будущее впереди. Въ городѣ она пользовалась репутаціей одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ, и Марѳа Петровна со слезами на глазахъ повторяла:

— Одна вѣдь у меня дочь... Какъ зѣница ока. Для кого я хлопочу да бьюсь, какъ рыба объ ледъ?

V.

У подъѣзда сажинскаго дома постоянно стояли экипажи, такъ что швейцаръ Семенычъ, выходившій на тротуаръ закурить съ кучерами „цыгарку“, не безъ основанія жаловался:

— Всѣ пятки я отколотилъ себѣ съ этимъ земствомъ!..

Конечно, это говорилось только такъ, для форса, а въ дѣйствительности Семенычъ былъ очень доволенъ той выдающейся ролью, какую теперь игралъ его баринъ, и по-своему пользовался обстоятельствами: однихъ посѣтителей вѣжливо приглашалъ прямо наверхъ, другихъ просилъ обождать, а третьимъ съ лакейской грубостью кричалъ: „Куда пре-ошь?!“, и захлопывалъ дверь подъ самымъ носомъ. Въ результатѣ такой дѣятельности получались двугривенные и пятиалтынные, обильно сыпавшіеся въ карманъ Семеныча.

— Мы теперь въ предсѣдатели земской управы поступили...—хвасталъ онъ, когда по вечерамъ былъ уже „съ мухой“ и усиленно мигалъ красными опухшими вѣками...

Скромные посѣтители, запуганные Семенычемъ, попадая наверхъ, гдѣ была пріемная, испытывали самое пріятное изумленіе. Сажинъ принималъ всѣхъ одинаково, съ утонченной вѣжливостью, и самый маленькій человѣкъ въ его присутствіи забывалъ свое ничтожность. Пріемная помѣщалась въ большой залѣ со старинной мебелью краснаго дерева и раскрашеннымъ потолкомъ. Стѣны были голы, кромѣ той, гдѣ висѣла плохая копія брюлловскаго „Послѣдняго дня Помпеи“. Изъ пріемной одна дверь вела въ кабинетъ хозяина, другая въ гостиную, а третья въ коридоръ, изъ котораго, смотря по надобности, можно было попасть въ библіотеку, гдѣ стоялъ бильярдъ, столовую, спальню и запасную комнатку, не имѣвшую опредѣленнаго назначенія и служившую, по провинціальному обычаю, пріютомъ „заночевавшаго“ гостя. Сажинскій домъ славился гостепріимствомъ, даже при отцѣ Павла Васильевича, который не отличался особенной мягкостью характера.

Прежде всего нужно сказать, что Сажинъ былъ не женатъ, хотя уже близился къ критическому возрасту. Поэтому въ обстановкѣ всего дома чувствовалась извѣстная пустота и недостатокъ настоящей жизни. Всѣмъ хозяйствомъ заправляла старушка-экономка Василиса Ивановна, очень степенная и даже сердитая особа, которая держала двухъ горничныхъ, кухарку и дворника въ ежовыхъ рукавицахъ. Кучеръ и швейцаръ Семенычъ раньше тоже находились подъ ея игомъ, но, попавъ въ земство, заняли до нѣкоторой степени независимое положеніе. Василиса Ивановна жила въ нижнемъ этажѣ, въ уютныхъ низенькихъ комнаткахъ, и рѣдко поднималась наверхъ, чтобы не видѣть этой холостой пустоты, рѣзавшей ея сердце. Завѣтной мыслью старушки было, чтобы Павелъ Васильевичъ женился, не годъ шелъ за годомъ, а громадный сажинскій домъ все стоялъ безъ хозяйки. „Уйдетъ, видно, сажинскій родъ на переводъ“,—печально думала Василиса Ивановна, когда по

вечерамъ въ своей гостиной вязала какой-то безконечный чулокъ. Ее пугала водворявшаяся въ домѣ вечерняя тишина, когда Павелъ Васильевичъ уѣзжалъ въ театръ или куда-нибудь въ гости. Дѣловая суета, внесенная въ домъ событіями послѣдняго времени, не особенно радовала старушку, и она не причисляла себя къ земству, какъ дѣлалъ Семенычъ.

— Оно, конечно, хорошо, что̀ и говорить, да только...—Василиса Ивановна не договаривала, что̀ „только“, и углублялась въ свой чулокъ, точно хотѣла увязать въ него свою упорную старушечью мысль.

Утро у Сажина уходило какъ-то между рукъ: на письма, газеты и скучную возню съ посѣтителями. Послѣ легкаго завтрака онъ уѣзжалъ въ управу и возвращался домой только къ пяти часамъ, когда его ждалъ уже готовый обѣдъ и кто-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ, являвшихся запросто. Ихъ было всего трое: артиллерійскій офицеръ Бѣлошеевъ, чиновникъ контрольной палаты Куткевичъ и библіотекарь Щипцовъ. Докторъ Вертеповъ въ этотъ счетъ не шелъ, потому что былъ просто своимъ человѣкомъ и располагался здѣсь, какъ у себя дома. Всѣ были ужасно заняты, и самымъ удобнымъ временемъ для бесѣдъ служило время обѣда. На обязанности Щипцова было сообщать послѣднія журнальныя новости; Куткевичъ слѣдилъ за администраціей, а Бѣлошеевъ, въ качествѣ „ученаго друга“, имѣлъ полное право отмалчиваться. Самымъ главнымъ членомъ кружка являлся Вертеповъ, давшій обществу хлесткую кличку „молодого Мохова“. Всѣ очень уважали другъ друга, и время проходило очень весело, благо матеріала для самыхъ оживленныхъ бесѣдъ было совершенно достаточно. Въ сажинской столовой доставалось и ветхозавѣтнымъ моховскимъ чиновникамъ, и полиціи, и самому губернатору. Каждая чиновничья плутня, послѣдняя консисторская взятка, не тѣмъ кромѣшной совершенная полицейская порка—все отдавалось здѣсь, какъ въ резонаторѣ, а затѣмъ въ столичныя газеты летѣли бойкія корреспонденціи.

— Намъ нужно свою газету, господа!..—провозгласилъ однажды докторъ Вертеповъ въ столовой. — А редакторомъ будетъ Щипцовъ... У него бойкое перо, и дѣло пойдетъ. Тогда мы всѣхъ подтянемъ...

Щипцовъ, хромой и самолюбивый господинъ съ умнымъ лицомъ и окладистой бородой, открылъ въ Моховѣ, года два назадъ, публичную библіотеку, и за нимъ сразу установилась почему-то репутація самаго опаснаго человѣка. Можетъ-быть, это объяснялось нѣкоторой таинственностью, съ какой онъ дѣлалъ самыя обыкновенныя вещи, а потомъ благодаря его рѣзкимъ выходкамъ и интеллигентной физіономіи. Что̀ ни говорите, а внѣшность имѣетъ громадное значеніе, а въ то время полнаго разгрома всякихъ авторитетовъ она играла первую роль. Предложеніе издавать газету Щипцовъ принялъ довольно сдержанно и далъ, между прочимъ, понять, что это было его давнишнимъ желаніемъ, но что онъ выжидалъ времени.

Куткевичъ былъ „изъ пострадавшихъ“ въ какой-то исторіи, о которой никто хорошенько ничего не зналъ, но это обстоятельство придавало ему большой вѣсъ, и онъ умѣлъ пользоваться своей репутаціей. Его бѣлокурая голова, откинутая назадъ, очень нравилась моховскимъ дамамъ, особенно когда онъ декламировалъ некрасовскіе стихи на благотворительныхъ спектакляхъ. Рядомъ съ небрежно одѣтымъ Щипцовымъ онъ являлся просто щеголемъ. Смѣлые сѣрые глаза и неопредѣленная улыбка тонкихъ губъ придавали ему въ самыхъ горячихъ спорахъ неуязвимый видъ.

Послѣдній членъ „молодого Мохова“, Бѣлошеевъ, былъ рыхлый и плечистый господинъ съ близорукими глазами и странной привычкой постоянно облизывать губы. Про него говорили, что онъ пишетъ какое-то необыкновенно ученое сочиненіе,

и такъ какъ это было горячее время всевозможныхъ общественныхъ вопросовъ, то явилось само собой убѣжденіе, что Бѣлошеевъ пишетъ „соціальную вещь“.

За обѣдомъ всего больше говорили докторъ Вертеповъ и самъ хозяинъ. Остальные слушали и удивлялись. Да и было чему удивляться, начиная съ того, что Моховъ распался на цѣлый рядъ партій: старая чиновничья, губернаторская, купеческая, земская; даже была партія клубная, или каперъ-наумская, какъ ее окрестили мѣстные остряки. „Молодой Моховъ“ стоялъ внѣ этихъ партій, или, вѣрнѣе сказать, старался такъ поставить себя.

— Прежде всего нужно создать общественное мнѣніе, ту почву, на которой можно стоять твердо,—ораторствовалъ Сажинъ, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ собственнымъ словамъ.—Потомъ слѣдующая задача—организовать провинціальное печатное слово... Это — великая сила!.. Этимъ путемъ мы не только будемъ всецѣло владѣть земствомъ, но и подготовимъ дорогу новому суду, который не за горами.

Сажинъ вѣрилъ въ себя и въ свою миссію. Его безжизненное лицо оживлялось, зеленоватые глаза блестѣли, и онъ любилъ разсуждать, шагая по комнатѣ и заложивъ руки въ карманы брюкъ. Легко доставшійся успѣхъ, говоря правду, вскружилъ ему голову. Раньше онъ былъ простымъ партикулярнымъ человѣкомъ, до котораго никому не было дѣла, а теперь онъ стоялъ на виду у всѣхъ, и каждое его удачное слово облетало весь городъ. Гласные благоговѣли предъ нимъ, дамы встрѣчали признательными улыбками и ухаживали за нимъ, какъ за божкомъ.

Оставаясь одинъ и перебирая въ умѣ воспоминанія недавняго времени, Сажинъ увлекался самъ своими успѣхами. Онъ любилъ думать на эту тему и откладывалъ въ письменный столъ корреспонденціи, гдѣ говорили о немъ. Сажина узнаетъ вся Россія... Въ немъ нарастала земская сила и заключались надежды будущаго. Моховъ былъ захваченъ волной движенія шестидесятыхъ годовъ и еще договаривалъ то, что въ столицахъ уже начали забывать. Всѣ жили тихо и мирно, получали двадцатаго числа жалованье, торговали, судились по старымъ судамъ, скучали, сплетничали, играли въ карточники—и вдругъ всѣ точно съ ума сошли. Щипцовъ открылъ первую публичную библіотеку; новыя книжки журналовъ шли нарасхватъ, въ гостиныхъ вездѣ велись умные разговоры, и всѣ смотрѣли впередъ такъ бодро и увѣренно, ожидая, что вотъ-вотъ случится что-то такое, совсѣмъ особенное, чего раньше не было и не могло быть. Открытіе моховскаго земства совпало съ моментомъ наибольшаго напряженія общественной мысли, давая хоть какой-нибудь выходъ застоявшимся силамъ, и Сажинъ сдѣлался первымъ земскимъ человѣкомъ. Его встрѣчали вездѣ съ распростертыми объятіями, заискивали передъ нимъ и даже льстили безъ всякой побудительной причины.

Кончивъ курсъ въ университетѣ, Сажинъ года два жилъ безъ всякаго дѣла въ Моховѣ, а потомъ уѣхалъ за границу тоже безъ всякой цѣли. Онъ побывалъ въ университетскихъ городахъ Германіи, объѣхалъ Францію, пожилъ въ Швейцаріи и Италіи, а затѣмъ вернулся черезъ три года опять въ Моховъ. Домой его призывали разныя хозяйственныя дѣла. Послѣ отца Сажину досталось большое состояніе и торговля. Послѣднюю онъ ликвидировалъ и жилъ на проценты съ капитала. Но это было временно, пока,—и Сажинъ перебиралъ разныя предпріятія, куда бы онъ могъ вложить свои деньги. Юридическое образованіе въ этомъ случаѣ давало ему не много. Сажинъ-старикъ наживалъ деньги по грошамъ, пока не добрался до крупной желѣзной торговли. Это былъ умный и даже начитанный по-своему человѣкъ, но жилъ онъ не по-людски—послѣднія десять лѣтъ онъ выходилъ изъ дому только по

дѣламъ. По своему происхожденію старикъ принадлежалъ тоже къ ѳедосѣевской сектѣ, какъ и семья Злобиныхъ, но, потерявъ жену довольно рано, началъ сторониться отъ всѣхъ и кончилъ полнымъ отчужденіемъ. Въ своемъ домѣ онъ бродилъ по пустымъ комнатамъ, какъ тѣнь, читалъ газеты и развлекался только слабостью къ дорогимъ курамъ. Василиса Ивановна, какъ говорили, имѣла на него большое вліяніе, хотя замѣнить жены и не могла. Когда-то она мечтала попасть наверхъ въ качествѣ законной жены, но эти надежды не сбылись, и даже въ своей духовной неблагодарный старикъ оставилъ экономкѣ, точно въ насмѣшку, самую ничтожную сумму, хотя она въ послѣднее время ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ. Старикъ боялся смерти, капризничалъ и напрасно искалъ утѣшенія въ ночныхъ бесѣдахъ съ разными наставницами и начетчиками.

Перебирая отцовскія бумаги, Сажинъ сдѣлалъ открытіе, что старикъ страдалъ самой модной болѣзнью, именно міровой скорбью. Подчеркнутыя мѣста и замѣтки на поляхъ книгъ, а затѣмъ разные отрывки въ записной книжкѣ, которые заносилъ старикъ время отъ времени, убѣдили его въ этомъ окончательно. Цѣлыхъ десять лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ выбаливала проснувшаяся душа, и свѣтлымъ лучомъ въ этой живой смерти являлась только мысль о женѣ, которую Василій Аѳимовичъ любилъ неумиравшею любовью. Можетъ-быть, если бы она была жива, это чувство стерлось и замѣнилось бы простой привычкой, но преждевременная смерть жены усилила прерванное чувство и довело его до экзальтаціи. Особенно увлекался старикъ мистическими книгами, въ которыхъ говорилось о тайномъ сродствѣ душъ, о жизни за гробомъ, о разныхъ необыкновенныхъ случаяхъ, когда являлись души умершихъ людей, и т. д. Василиса Ивановна терпѣть не могла этихъ проклятыхъ книгъ и была глубоко убѣждена, что именно онѣ помѣшали ей сдѣлаться женой Василія Аѳимыча. Сажинъ-сынъ догадывался объ отношеніяхъ отца къ экономкѣ, но всегда держалъ себя съ ней очень внимательно.

Теперь, когда по вечерамъ никого изъ постороннихъ не было, Сажинъ спускался пить чай къ Василисѣ Ивановнѣ и любилъ съ ней болтать о разныхъ разностяхъ.

— Кто вамъ больше нравится: Щипцовъ или Бѣлошеевъ?—спрашивалъ онъ, чтобы пошутить.

— Оба лучше...—сердилась Василиса Ивановна.—Нигилисты какіе-то!..

— Однако какія страшныя слова вы знаете, Василиса Ивановна.

Чтобы не остаться въ долгу, старушка очень ловко заводила разговоръ о женитьбѣ, что всегда сердила Сажина.

— Я не понимаю, Василиса Ивановна, что вамъ-то за охота женить меня?—удивлялся онъ. — Если женюсь, такъ, пожалуй, жена-то и выживетъ васъ же изъ дому...

— А я и уйду... Много ли мнѣ нужно?..

— Такъ о чемъ же вы безпокоитесь?

— Объ васъ безпокоюсь, потому что это не порядокъ... Живой о живомъ и думаетъ, и какая польза отъ старыхъ-то холостяковъ: живутъ только добрымъ людямъ на-смѣхъ.

Завѣтной мечтой старушки было женить Павла Васильевича на Аннушкѣ Злобиной, хотя она этого прямо и не высказывала. Въ ней говорила теперь та неудовлетворенная жажда жизни, которая стремится дожить неиспытанныя радости въ другихъ. Доказательствомъ особенной чистоты побужденій Василисы Ивановны служило то, что Марѳа Петровна относилась къ ней очень

нехорошо, какъ къ „наложницѣ“ старика Сажина, и не упускала удобнаго случая очень ядовито пройтись на ея счетъ. Когда вскрыли завѣщаніе послѣ Василія Аѳиимыча, Марѳа Петровна первая не только оправдала его подачку экономкѣ, но обрадовалась этому совершенно искренно, какъ законному возмездію блудницѣ.

VI.

Вопросъ о газетѣ быстро подвигался впередъ. Сажинъ велъ усиленные переговоры со Щипцовымъ, который, для сохраненія авторитетности, порядочно ломался. Эти соглашенія обыкновенно происходили за завтракомъ въ сажинскомъ домѣ. Разъ, когда они такимъ образомъ сидѣли съ глазу на глазъ въ столовой, Сажинъ совсѣмъ взбѣсился и довольно рѣзко замѣтилъ:

— Наконецъ я васъ не понимаю, Антонъ Ѳедоровичъ, не понимаю, что вамъ собственно нужно отъ меня!.. Вы тянете, не договариваете и, видимо, чего-то домогаетесь... Лучше всего дѣла вести прямо, особенно намъ, людямъ однихъ взглядовъ и убѣжденій. Съ своей стороны, кажется, я сдѣлалъ рѣшительно все, что отъ меня зависѣло: взялся выхлопотать самъ разрѣшеніе издавать газету, открываю вамъ неограниченный кредитъ и предоставляю наконецъ право, если вы этого пожелаете, со временемъ купить все изданіе по частямъ: что я еще могу сдѣлать?

Щипцовъ выслушалъ эту реплику, не шевельнувъ бровью, а Сажина бѣсило больше всего именно это деревянное спокойствіе.

— Видите ли, Павелъ Васильевичъ, тутъ есть одно обстоятельство... гм...— тянулъ Щипцовъ съ видомъ человѣка, поднимающаго громадную тяжесть.—Вы упустили изъ виду пустяки... то-есть пустяки съ вашей точки зрѣнія. Я говорю о томъ чувствѣ нравственной зависимости, въ которую поставитъ меня, по отношенію къ вамъ, матеріальная сторона дѣла. Да... Теперь я совершенно независимый человѣкъ, вольная птица, а тогда я буду думать каждый день: моя газета издается на деньги Сажина. Согласитесь, что это кого угодно убьетъ!

— Но вѣдь вы ничѣмъ не связаны и всегда можете бросить газету?

— А трудъ, который я въ нее вложу?

По характеру Щипцовъ принадлежалъ къ тѣмъ невозможнымъ людямъ, которые будутъ съ вами соглашаться, будутъ принимать ваши доводы, и въ моментъ, когда вы считаете дѣло законченнымъ, они непремѣнно скажутъ: „Такъ-то оно такъ, а все-таки...“. Приходится начинать снова сказку о бѣломъ бочкѣ или махнуть на все рукой. Но Сажинъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы развязаться со Щипцовымъ этимъ простымъ способомъ. Въ городѣ уже говорили о газетѣ, да и передъ своими пріятелями Сажину было бы неловко, хотя политику Щипцова онъ и началъ предугадывать.

— Я полагаю, что намъ вообще это дѣло необходимо рѣшить такъ или иначе, — стараясь сдержать себя, заговорилъ Сажинъ.—Конечно, газету имѣть пріятно, но, въ виду такой нравственной пытки, какую она будетъ составлять для васъ... Однимъ словомъ, я желалъ бы вопросъ рѣшить сейчасъ же.

— Палъ Васильичъ, васъ спрашиваетъ одинъ человѣкъ! — доложилъ Семенычъ, останавливаясь въ дверяхъ съ недовольнымъ видомъ.

— Да кто такой? Говори, пожалуйста, толкомъ.

— Такъ-съ... изъ мѣщанскаго званія. Съ бумагой, говоритъ, пришелъ...

Всякое величіе тяжело, и Сажинъ начиналъ испытывать это на соб-

ственной кожѣ. Ему хотѣлось кончить проклятый разговоръ со Щипцовымъ, но и „человѣкъ съ бумагой“ имѣлъ право на его вниманіе. Нельзя было выпроводить его въ шею, какъ это дѣлаютъ квартальные и консисторскіе секретари. Прежде всего необходимо стоять на высотѣ своего положенія.

— Ничего, я васъ подожду... — проговорилъ Щипцовъ, выигрывавшій время.

Сажинъ торопливо прошелъ въ переднюю, гдѣ „человѣкомъ съ бумагой“ оказался нашъ старый знакомый Пружинкинъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—довольно сухо спросилъ Сажинъ.

— Я-съ... Вотъ-съ, изволите ли видѣть Павелъ Васильичъ... — бормоталъ Пружинкинъ, торопливо развертывая трубочку съ бумагами. — Извините, пожалуйста... но зѣлъ, ежели человѣкъ ждетъ нѣсколько лѣтъ и терпитъ...

Солидный видъ старика произвелъ на Сажина успокаивающее впечатлѣніе, и онъ пригласилъ его въ пріемную

— Садитесь, пожалуйста, — предложилъ онъ уже другимъ тономъ, указывая на кресло.

— Ничего-съ, постоимъ-съ. Павелъ Васильичъ, — заговорилъ Пружинкинъ уже смѣлѣе и очень внимательно оглядѣлъ комнату.—Бывалъ я здѣсь, когда еще вашъ папенька здравствовали Карахтерный были человѣкъ-съ!

Сажинъ изъ принципа всѣхъ принималъ одинаково, и въ его домѣ всѣ были равны. У старика Сажина по цѣлымъ часамъ Пружинкину приходилось выжидать гдѣ-нибудь въ кухнѣ или въ передней, а тутъ съ перваго слова „пожалуйте“, и Павелъ Васильевичъ даже своими собственными руками придвинулъ кресло. Пока Сажинъ перелистывалъ бумаги, Пружинкинъ нѣмѣлъ отъ восторга: онъ сидитъ въ креслѣ и Павелъ Васильевичъ сидитъ въ креслѣ, сидитъ и просматриваетъ его бумаги. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился, нѣсколько разъ пробѣжалъ глазами по одной строчкѣ и черезъ бумаги внимательно посмотрѣлъ на Пружинкина. Это невольное движеніе заставило послѣдняго вытянуться, точно въ него прицѣлились.

— Что же вамъ собственно нужно отъ меня?—спросилъ Сажинъ, складывая бумаги на столъ.

— Мнѣ-съ? Мнѣ ничего-съ не нужно. Павелъ Васильичъ, а только осчастливьте взглянуть... потому какъ было сижено и весьма думано.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Пружинкинъ даже ударилъ себя кулакомъ въ грудь и опять вдругъ замеръ, а Сажинъ опять взялся за бумаги.

— Я вашего папеньку, Василія Аѳимыча, можно сказать, весьма хорошо зналъ и вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ нѣсколько разъ бывалъ,— заговорилъ Пружинкинъ, оправляясь отъ своего столбняка.—Мебель будто у васъ теперь другая, вотъ образа нѣтъ въ переднемъ углу... Какъ же, все помню!

— Очень радъ... но позвольте...

— Карахтерные были старички...—не слушалъ Пружинкинъ, умиленный воспоминаніями.—У нихъ весь домъ былъ на запорѣ, въ томъ родѣ, какъ крѣпость, и ужъ никого не пустятъ безъ своего глазу-съ. Тоже вотъ слабость была къ воробьямъ. Напримѣръ, у нихъ на грядкѣ въ огородѣ горохъ-съ былъ посаженъ, а воробьямъ это, конечно, любопытно Ну, а Василій Аѳимычъ соорудили чучелу да шнурочекъ и провели отъ чучелы къ себѣ въ кабинетъ. Бывало, молятся, псалтирь вслухъ читаютъ, а сами глазкомъ въ огородъ и сейчасъ чучелу тряхнутъ за шнурокъ-съ.

— Извините, я занятъ.

— Виноватъ-съ, заболтался, Павелъ Васильичъ. Вы только мои бумажки прочитайте, потому какъ теперь нужно темноту достигать, и все ужъ по-настоящему-съ.

— Хорошо, я прочитаю, а вы какъ-нибудь зайдете, — обрадовался Сажинъ поводу отвязаться.—У васъ какіе-то проекты... да?

— Да-съ... Обо всемъ есть, потому какъ всякій обязанъ свою лепту, напримѣръ... А прежде всего, конечно, навозъ, Павелъ Васильичъ! Помилуйте, вѣдь скоро дохнуть будетъ нельзя: со всѣхъ сторонъ Моховъ-то обложили навозомъ, а отъ этого выдѣляется амміакъ, однимъ словомъ, всякій вредъ-съ. Между тѣмъ въ навозѣ мы теряемъ цѣлое богатство: приготовлять муки, выдѣлывать селитру, да мало ли что?

— Это, видите ли, относится къ городу, а не къ земству.

— Точно такъ-съ, но я къ слову сказалъ. А какъ вы относительно полиціи полагаете, Павелъ Васильичъ? Напримѣръ, зачѣмъ свое звѣрство показывать?.. Если живого человѣка по скулѣ или въ самое причинное мѣсто... Главное, зачѣмъ же уродовать человѣка?

— Вы собственно чѣмъ занимаетесь?—спрашивалъ Сажинъ, провожая разговаривавшаго гостя до передней.

— А такъ, Павелъ Васильичъ, разными дѣлами-съ... Марѳа Петровна меня весьма знаютъ... Марѳа Петровна Злобина. Сусѣди еще съ вами будутъ. И Василиса Ивановна навѣрно помнятъ, потому какъ я къ Василію Аноимычу тоже захаживалъ.

Пружинкинъ, раскланиваясь, допятился-было до самыхъ дверей, но еще разъ вернулся и проговорилъ съ какой-то дѣтской наивностью:

— Павелъ Васильичъ! Какой вамъ Господь талантъ открылъ: такъ до самаго сердца проникаете, когда эту темноту начнете тѣснить. Преотлично...

Эта послѣдняя выходка окончательно разсмѣшила Сажина, и онъ вернулся въ столовую къ Щипцову съ улыбавшимся лицомъ, повторяя: „Первое дѣло—навозъ!“. Щипцовъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и нахмурился.

— Удивительные люди на Руси бываютъ!—заговорилъ Сажинъ, позабывъ о газетѣ.—Это ужъ не первый такой прожектёръ ко мнѣ является... Простой мѣщанинъ, какой-то Пружинкинъ, а, видимо, человѣкъ изъ кожи лѣзетъ. Путь и костяной заводъ, и фабрикація канатовъ изъ крапивы, и приготовленіе искусственныхъ туковъ, а въ концѣ концовъ непремѣнно человѣкъ кончитъ perpetuum mobile, какъ всѣ наши самоучки. Уморилъ онъ меня. „Первое дѣло—навозъ!“ Ха-ха-ха! А на видъ такой степенный человѣкъ и можетъ говорить складно.

— Чему же вы такъ радуетесь?—спрашивалъ Щипцовъ, ероша бороду.—Мало ли на свѣтѣ дураковъ!

— Нѣтъ, это не то. Человѣку некуда дѣвать свои силы, нѣтъ выхода, отъ и являются разныя иллюзіи и несбыточныя желанія. Можетъ-быть, изъ того же Пружинкина вышелъ бы полезный человѣкъ, если бы пристроить его къ дѣлу, а теперь онъ будетъ только мечтать.

Вопросъ о газетѣ и на этотъ разъ остался недоконченнымъ. Щипцовъ скоро ушелъ, разсерженный легкомысліемъ „премьера“, какъ онъ называлъ про себя Сажина и находилъ это слово очень колкимъ. Черезъ нѣсколько минутъ Пружинкинъ явился за отвѣтомъ и въ передней вступилъ съ Семенычемъ въ настоящее ратоборство.

— Куды прё-ошь?! — кричалъ швейцаръ, стараясь загородить дорогу наверхъ.—Этакъ всякій будетъ приходить! Надо и честь знать!

— Это не твое дѣло, хамъ!—ругался Пружинкинъ, стараясь оттолкнуть Семеныча.—Не къ тебѣ пришелъ! Погоди, вотъ я объясню Павлу Васильичу, какъ ты двугривенные собираешь!

У Семеныча отъ этой угрозы опустились руки. Онъ почувствовалъ себя кровно обиженнымъ и только могъ проговорить:

— Вотъ еще язва-то навязалась. А?!

Пружинкинъ успѣлъ въ это время взбѣжать наверхъ и уже нѣсколько разъ внушительно кашлянулъ въ передней. Онъ опять замеръ, заслышавъ шаги Сажина, который вынесъ ему въ переднюю всѣ бумаги.

— Вы затрогиваете вопросы общественнаго характера,—объяснялъ онъ торопливо, — но необходимо подождать. Не наступило еще время. Повѣрьте, что я первый сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть.

— Такъ-съ, Павелъ Васильичъ... А какъ же, напримѣръ, Теребиловка?

— Когда очередь дойдетъ до вашей Теребиловки, тогда мы поговоримъ съ вами объ этомъ, а теперь земству до себя только впору!

— Это совершенно вѣрно-съ, Павелъ Васильичъ! И относительно навоза тоже?

— Да, и навозу придется подождать!

Несмотря на такой неблагопріятный оборотъ дѣла, Пружинкинъ явился къ Сажину въ третій разъ, причемъ онъ проникъ въ домъ черезъ „половину“ Василисы Ивановны и такимъ образомъ очень ловко обошелъ Семеныча. Онъ явился съ какимъ-то частнымъ извѣстіемъ, касавшимся земства, но Сажина эта навязчивость взбѣсила. Его время не принадлежало ему, а этотъ сумасшедшій начинаетъ эксплоатировать его вѣжливость. Необходимо было разомъ покончить это дѣло, и, выслушивая болтовню Пружинкина, Сажинъ перебиралъ въ умѣ разные способы вѣжливо прогонять людей, притомъ выгонять такъ, чтобы они потеряли всякую охоту явиться въ другой разъ. Сажинъ даже раскрылъ ротъ, но въ этотъ моментъ его осѣнила счастливая мысль, и онъ съ улыбкой проговорилъ:

— Подождите одну минуточку... Я сейчасъ.

— Могу-съ, Павелъ Васильичъ!

Въ своемъ кабинетѣ Сажинъ съ улыбкой набросалъ своимъ размашистымъ почеркомъ дѣлое письмо и, заключивъ его въ узенькій, плотный конвертъ, вернулся въ пріемную.

— Вотъ вамъ письмо, господинъ Пружинкинъ!—проговорилъ онъ, подавая письмо.—Съ нимъ вы отправитесь къ Софьѣ Сергѣевнѣ Мѣшковой.

— Къ генеральшѣ? Слышалъ и знаю-съ ихъ, то-есть по видимости. Онѣ съ Анной Ивановной еще школу хотятъ въ Теребиловкѣ открывать, и я имъ квартиру подыскалъ.

— Вотъ и прекрасно! А Софья Сергѣевна уже скажетъ вамъ, что дѣлать...

— Покорно васъ благодарю, Павелъ Васильичъ. Я живой ногой къ ихъ превосходительству оберну.

Заручившись письмомъ отъ самого Павла Васильича, Пружинкинъ спустился внизъ къ Василисѣ Ивановнѣ, одѣлся, но на улицу вышелъ не дворомъ, а черезъ подъѣздъ. Семенычъ былъ взятъ непріятелемъ съ тыла и опять растерялся.

— Что взялъ, хамово отродье?—торжествовалъ Пружинкинъ, помахивая письмомъ у Семеныча подъ носомъ.—Отъ самого Павла Васильича!

Ничего не знавшій старикъ заплакалъ бы отъ огорченія, если бы прочиталъ то, что писалъ Сажинъ генеральшѣ:

„Посылаю вамъ, въ видѣ сюрприза, одного изъ одолѣвающихъ меня сумасшедшихъ. Найдите средство избавить меня отъ него или его отъ меня, а то я попалъ въ самое дурацкое осадное положеніе. Въ вашихъ маленькихъ рукахъ тысячи средствъ сдѣлать самаго опаснаго человѣка безвреднымъ, и въ то же время вашъ зоологическій садъ обогатится еще однимъ интереснымъ экземпляромъ. Можетъ-быть, предъявитель будетъ вамъ даже полезенъ".

VII.

Генеральша жила на Монастырской набережной, въ двухъ шагахъ отъ городского сада, упиравшагося своими липовыми аллеями прямо въ рѣку Наземку. Одноэтажный каменный домикъ поглядывалъ на улицу своими пятью окнами съ такимъ сытымъ довольствомъ, какъ только-что пообѣдавшій человѣкъ.

На обитыхъ зеленой клеенкой дверяхъ подъѣзда бѣлѣли двѣ визитныя карточки: „Софья Сергѣевна Мѣшкова" и „Владиміръ Аркадьевичъ Хановъ". Пружинкинъ, если бы пришелъ безъ письма, то постарался бы проникнуть въ домъ какимъ-нибудь заднимъ ходомъ, но теперь онъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени офиціальнымъ лицомъ и позвонилъ. Гдѣ-то точно подъ землей раздался дребезжащій серебристый звукъ, и Пружинкинъ испугался собственной смѣлости. Выскочившая на звонокъ франтиха-горничная сердито оглядѣла гостя съ ногъ до головы и остановилась въ выжидающей позѣ.

— Ангельчикъ, генеральша дома? — умиленно заговорилъ Пружинкинъ и, показывая уголокъ письма, прибавилъ:—Отъ Павла Васильича письмецо... въ собственныя руки ихъ превосходительства.

— Подождите,—отвѣтилъ ангельчикъ и скрылся.

Пружинкинъ, не торопясь, раздѣлся въ большой и свѣтлой прихожей, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и прокашлялся. Скоро послышались легкіе, короткіе шажки, и въ залѣ показалась сама Софья Сергѣевна, одѣтая въ какое-то ослѣпительно-бѣлое матинэ. Пружинкинъ шаркнулъ ножкой и, вступивъ въ залу, очень галантно раскланялся.

— Отъ Павла Васильича... въ собственныя руки-съ...—бормоталъ онъ, пока генеральша нетерпѣливо рвала конвертъ своими маленькими ручками.

Пробѣжавъ письмо глазами, она замѣтно покраснѣла, закусила нижнюю розовую губку и молча попросила Пружинкина слѣдовать за ней.

— Дарьица, ты подашь намъ кофе въ гостиную, — лѣниво проговорила Софья Сергѣевна, по пути поправляя передъ зеркаломъ кое-какъ собранные узломъ волосы.—Извините, господинъ Пружинкинъ, я не знаю, какъ васъ по имени-отчеству.

— Егоръ Андреевичъ, ваше превосходительство, — отвѣтилъ Пружинкинъ, выступая по паркету съ такой осторожностью, точно онъ шелъ по стеклу.

Дарьица сердито прошумѣла своими накрахмаленными юбками и остановилась въ дверяхъ гостиной, чтобы еще разъ посмотрѣть на страннаго гостя, котораго барыня вела прямо въ гостиную. Генеральша только-что успѣла подняться съ постели, и отъ всей ея маленькой фигурки такъ и вѣяло непроснувшейся лѣнивой красотой. Это была очень изящная маленькая женщина съ очень милой грѣзовской головкой, обрамленной какими-то дѣтскими кудряжками, эффектно оттѣнявшими бѣлизну ея точеной шеи. Маленькія уши красиво прятались въ шелковой волнѣ волосъ, какъ двѣ розовыхъ раковины. Руки и ноги генеральши Софьи Сергѣевны, по отзывамъ настоящихъ знатоковъ, были верхомъ совершенства, а голубые, большіе, безхарактерные

глаза смотрѣли изъ темной бахромы рѣсницъ съ беззащитной наивностью. Одѣвалась она всегда къ лицу, и если бы не чисто-женская полнота, то ее можно бы принять въ тридцать лѣтъ за дѣвочку-подростка. Близкіе знакомые называли Софью Сергѣевну „грѣзовской генеральшей“. Перечисленіемъ указанныхъ выше достоинствъ мы пока и ограничимся, тѣмъ болѣе, что и сама Софья Сергѣевна въ описываемое нами время даже стыдилась своихъ маленькихъ женскихъ преимуществъ: быть красивой куклой, игрушкой и забавой въ рукахъ мужчины, по меньшей мѣрѣ гнусно, какъ чистосердечно увѣряла сама генеральша. Къ недостаткамъ Софьи Сергѣевны — увы, людей безъ недостатковъ нѣтъ! — между прочимъ, относили ея институтскую привычку закатывать глаза и вообще дѣлать тѣ маленькія „движенія“, которыя такъ недавно признавались неотъемлемымъ признакомъ женственности.

Квартира Софьи Сергѣевны была обставлена довольно безпорядочно, а большая зала, гдѣ стоялъ рояль, даже поражала своей пустотою. Въ маленькой гостиной оставалась обитая голубымъ шелкомъ дорогая мебель, но тутъ же торчали простые вѣнскіе стулья и самый топорный шкапъ съ книгами. Сама хозяйка въ окружавшемъ ее безпорядкѣ являлась пріятнымъ диссонансомъ.

— Садитесь вотъ сюда, Егоръ Андреевичъ, и побесѣдуемъ, — говорила Софья Сергѣевна, усаживая гостя въ голубое кресло.—Я очень рада съ вами познакомиться.

— Отъ Анны Ивановны наслышанъ былъ довольно о васъ, ваше превосходительство...—бормоталъ старикъ.

— Вы знаете Нюту!?

— Помилуйте, даже весьма хорошо! Я и квартиру для школы въ Теребиловкѣ оборудовалъ, ваше превосходительство, а Анну Ивановну еще младенцемъ на рукахъ нашивалъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы будемъ съ вами совсѣмъ друзьями,—съ веселой улыбкой говорила Софья Сергѣевна, показывая глазами появившейся съ кофе Дарьицѣ, чтобы она подавала сначала гостю.

— Дарьица, Владимиръ Аркадьевичъ спитъ?

— Нѣтъ, проснулись и...—Горничная не договорила, а генеральша чуть замѣтно нахмурилась.

Пружинкинъ два раза обжегся горячимъ кофе и готовъ былъ то же самое сдѣлать въ третій, чтобы вызвать ласково-снисходительную улыбку генеральши нѣжившейся теперь на диванѣ, какъ только-что разбуженный котенокъ. Она дѣлая крошечные глотки изъ китайской чашечки, внимательно разспросила его о занятіяхъ, о Теребиловкѣ, о Павлѣ Васильевичѣ, еще разъ о занятіяхъ и заключила этотъ допросъ словами:

— У меня къ вамъ тоже будетъ дѣло, Егоръ Андреевичъ, и, можетъ-быть, даже не одно. Вы вѣдь не откажетесь помогать мнѣ?

— Я-съ? Ваше превосходительство, да я не то что помогать, я буду прямо вашимъ рабомъ!

Этотъ отвѣтъ очень понравился Софьѣ Сергѣевнѣ, и она посмотрѣла на Пружинкина уже совсѣмъ ласково, какъ умѣютъ это дѣлать женщины, которыя сознаютъ собственную силу. Вошедшій въ гостиную толстый старикъ не далъ ей докончить начатую фразу.

— Ma petite, вы сегодня восхитительны, какъ никогда, — хрипло проговорилъ вошедшій, прикладываясь къ ручкѣ.

— Скверно то, что этотъ комплиментъ повторяется каждый день.

— Но солнце тоже поднимается каждый день!

— Позвольте познакомить васъ, господа: мой дядя Владиміръ Аркадьевичъ, Егоръ Андреевичъ Пружинкинъ...—отрекомендовала генеральша, поднимаясь съ мѣста.

Старикъ щелкнулъ каблуками и отвѣсилъ Пружинкину низкій поклонъ. Его хитрые и злые глаза на время скрылись въ улыбкѣ, расплывшейся по жирному, опухшему лицу.

— Еще сынъ народа, если не ошибаюсь?—проговорилъ Хановъ, пожимая руку Пружинкина съ особенной нѣжностью.

— Изъ Теребиловки-съ, Владиміръ Аркадьевичъ.

— Господа, вы тутъ побесѣдуете пока, а мнѣ нужно одѣться,—говорила генеральша и сдѣлала дядѣ глазами выразительный знакъ.

— Хорошо, хорошо, мы тутъ познакомимся,—отвѣтилъ Хановъ, усаживаясь въ кресло. — Да вотъ что, ma petite, нельзя ли послать намъ того... коньячку... Съ кофе это превосходно выйдетъ для перваго раза.

Софья Сергѣевна только пожала плечами и вышла, а Хановъ откинулся на спинку кресла и захохоталъ. Это былъ средняго роста, плотный и заплывшій жиромъ старикъ съ короткими руками и вросшей въ плечи большой головой. Широкое скуластое лицо, съ открытымъ лбомъ и прямымъ носомъ, принадлежало къ тому разряду лицъ, которыя не забываются. Рѣдѣвшіе на головѣ волосы онъ стригъ подъ гребенку и носилъ бороду, которую подкрашивалъ какимъ-то рыжимъ составомъ. Длинные, пожелтѣвшіе отъ табаку усы и крѣпкіе, широкіе зубы дополняли общій видъ „ляли“. Сѣрая осенняя пара сидѣла на немъ довольно небрежно, но съ тѣмъ шикомъ, какъ умѣютъ одѣваться застарѣлые щеголи. Въ городѣ Хановъ слылъ за поврежденнаго, который выкидывалъ время отъ времени совершенно невозможныя штуки. Пружинкинъ, конечно, слыхалъ о немъ и даже зналъ его въ лицо, поэтому переживалъ теперь, оставшись съ глазу на глазъ, непріятное безпокойство, точно Софья Сергѣевна унесла съ собой его радостное настроеніе. Такъ они просидѣли другъ противъ друга минутъ пять, не проронивъ ни одного слова. На всякій случай Пружинкинъ взялъ въ руки свой картузъ и нерѣшительно кашлянулъ. Когда Хановъ вскидывалъ на него свои волчьи глаза, старикъ потуплялся и начиналъ смотрѣть куда-нибудь въ сторону

— Изъ мѣщанскаго званія?—хрипло спросилъ Хановъ, показывая зубы.

— Точно такъ-съ... изъ Теребиловки.

— Значитъ, по воровской части промышляете?

— Зачѣмъ же, Владиміръ Аркадьевичъ... Не все воры и въ Теребиловкѣ!

— Можетъ-быть, прежде воровали, если теперь считаете невыгоднымъ?

— Не случалось...

— Ну, зачѣмъ скромничать, другъ мой? Кстати, рыжихъ женщинъ вы любите? У насъ до Дарьины жила такая, рыженькая Пашина... очень миленькая дѣвчонка, только Соня ее выдворила. У женщинъ, знаете, всегда свои необъяснимые капризы и странности. Я выражаюсь вѣжливо, потому что нынче и у васъ въ Теребиловкѣ женская эмансипація завелась.

— Какъ вы изволили выразиться?

— Респирація, то-есть оккупація или проституція... ха-ха! Ахъ, ты, лѣсоворъ, лѣсоворъ! Ученыхъ словъ не понимаешь, а лѣзешь съ своимъ мѣщанскимъ званіемъ въ салонъ къ Софьѣ Сергѣевнѣ, гдѣ колобродятся самые умные люди. Ну, зачѣмъ ты сюда-то залѣзъ, сынъ народа?

Разговоръ принималъ довольно острую форму, и Пружинкинымъ овладѣла малодушная мысль спастись бѣгствомъ, но въ этотъ критическій моментъ Софья Сергѣевна вернулась, одѣтая въ простенькое темное шерстяное платье

и въ такомъ же кожаномъ поясѣ, какой носила Анна Ивановна. По выраженію лица Пружинкина и по вертящемуся въ его рукахъ картузу она поняла все.

— А мы тутъ такъ пріятно провели время съ господиномъ Пружинкинымъ,—предупредилъ ее Хановъ.—Да, очень... И представьте себѣ, ma petite, какой это развитой субъектъ и, entre nous, съ этакимъ народнымъ запахомъ... виноватъ, я хотѣлъ сказать: духомъ. Не правда ли, господинъ Пружинкинъ?

— Да-съ, точно, былъ такой разговоръ, Владимиръ Аркадьевичъ!

— Вотъ что, Владимиръ Аркадьевичъ: пріѣхала Прасковья Львовна, и я думаю, что тебѣ остается одно средство спасенія—бѣжать...— проговорила генеральша, заглянувъ въ окно на стукъ подъѣхавшаго экипажа.— И, кажется, не одна.

Хановъ сдѣлалъ безпокойное движеніе, но въ залѣ уже послышались шаги, и въ гостиную вошла сама Прасковья Львовна, одѣтая въ мужской костюмъ: бархатные шаровары и канаусовую голубую рубашку. Бѣлокурые жиденькіе волосы были острижены, какъ стригутъ мальчиковъ-подростковъ; правильный прямой носъ осѣданъ черепаховымъ пенснэ. Мужской костюмъ скрадывалъ ея высокій ростъ и развитыя формы. За ней, развалистой лѣнивой походкой, шла черноволосая, румяная и ужасно толстая дѣвушка съ совершенно круглымъ лицомъ.

— А, пріятный мужчина, бѣгающій за горничными!—обратилась Прасковья Львовна прямо къ Ханову.—Ну что, какъ ваши дѣла? Мнѣ разсказывали, что вы занимаетесь нынче расписываньемъ разныхъ неприличныхъ словъ по заборамъ, мимо которыхъ ходятъ гимназистки... Вы остаетесь себѣ вѣрны, милый мужчина!.. Для оправданія своихъ гадостей вамъ остается только прикидываться блаженненькимъ и дурачкомъ.

Не обращая вниманія на съежившагося Ханова, Прасковья Львовна расцѣловала генеральшу („лизаться“ было ея слабостью, несмотря на мужской костюмъ и напускную грубость) и крѣпко, по-мужски пожала руку Пружинкина, который только шаркнулъ ножкой и крякнулъ.

— Докторша Глюкозова,—отрекомендовалась она сама, залѣзая на диванъ и указывая на свою спутницу:—а это—барышня Клейнгаузъ. По-русски это значитъ: маленькая избушка... Ничего, дѣвка славная, хоть и съ дурацкой нѣмецкой фамиліей.

Клейнгаузъ не проронила ни одного слова и только улыбалась, точно стѣснялась своимъ пышущимъ здоровьемъ. „Вотъ такъ избушка,—подумалъ Пружинкинъ, соображая, что ему теперь самое время уйти.—Цѣлая хоромина... Ай да барышня!“

— Вы куда это собрались, Егоръ Андреевичъ?—остановила генеральша, когда Пружинкинъ поднялся.—Нѣтъ, нѣтъ, я васъ не отпущу... оставайтесь завтракать съ нами. Анна Ивановна будетъ... У насъ все свои, и никто не долженъ стѣсняться.

— А вы водку пьете?—спросила Глюкозова, въ упоръ глядя на Пружинкина.

— Нѣтъ-съ, я къ этому не подверженъ-съ...

— Ну, такъ мы съ Владимиромъ Аркадьевичемъ черкнемъ... Онъ только на это и годится.

— Эмансипація... пространія... аккомодація!..—бормоталъ Хановъ съ какимъ-то дурацкимъ видомъ.

„Вотъ такъ дама... ловко!..—думалъ Пружинкинъ, наблюдая униженнаго притѣснителя.—Безъ ножа зарѣзала мужика...“

VIII.

Пружинкинъ еще разъ попробовалъ отказаться отъ завтрака, но генеральша взяла его подъ руку и увела въ столовую.

— Вотъ сюда садитесь, — указывала она ему мѣсто рядомъ съ собой.— Вѣдь вы у Злобиныхъ, навѣрно, не отказываетесь?..

— Да, то-есть нѣтъ-съ... Случалось, еще когда Иванъ Карпычъ были въ живности.

— Этотъ сынъ народа просто глупъ!..—ворчалъ Хановъ, усаживаясь рядомъ съ Клейнгаузъ.

— Если вы опять будете доставать ногами вашу сосѣдку, какъ это вы дѣлали въ прошлый разъ,—предупреждала его m-me Глюкозова, дѣлая выразительный жестъ,—я надеру вамъ уши!.. Понимаете?..

— Аккомодація... субординація!..

Подававшая блюдо съ холодной телятиной Дарьица вся покраснѣла отъ душившаго ее смѣха, а Хановъ, ободренный ея вниманіемъ, придвинулъ незамѣтно стулъ, такъ что его жирное плечо навалилось на плечо Клейнгаузъ. Дѣвушка взглянула на него черезъ очки, но Прасковья Львовна уже тащила шалуна прямо за ухо и посадила рядомъ съ Пружинкинымъ.

— Вы мнѣ напоминаете одно животное, о которомъ за столомъ говорить не принято,—бранилась Прасковья Львовна, наливая себѣ рюмку водки.

— А мнѣ-то!—просилъ ее Хановъ.

— Вамъ еще рано, а то налижетесь прежде времени... Я сегодня намѣрена наслаждаться музыкой и пѣніемъ.

Генеральша не обращала никакого вниманія на эти сцены и продолжала заниматься Пружинкинымъ, который ее заинтересовалъ, какъ интересовало вообще все новое. Этотъ старикъ, вышедшій изъ глубины настоящей народной среды, являлся просто находкой, и Софья Сергѣевна улыбалась, припоминая остроумное письмо Сажина. Ей нравилось, какъ Пружинкинъ смущался, обдергивалъ рукава и неумѣло держалъ вилку. Прасковья Львовна замѣтно покраснѣла послѣ второй рюмки и серьезно занялась „печальной необходимостью наполнять желудокъ“. Клейнгаузъ пила воду стаканъ за стаканомъ и еще сильнѣе краснѣла, чувствуя на себѣ пристальный, дикій взглядъ Ханова, который самодовольно улыбался, пользуясь отсутствіемъ надзора своей гонительницы.

Къ концу завтрака съ шумомъ явились два „нигилиста“—Петровъ и Ефимовъ, одѣтые въ косоворотки изъ дешевенькаго ситца, въ высокіе сапоги и сомнительные пиджаки. Оба нечесаные, съ ногтями въ траурѣ и странной привычкой жать руки до боли. За ними пришелъ учитель гимназіи Курносовъ, рыжій господинъ съ какими-то остановившимися бѣлыми глазами, и молоденькая дѣвушка, по фамиліи Володина. Эта послѣдняя была некрасива и сгорблена, съ тонкой шеей, выдающимися лопатками и криво сидѣвшимъ воротничкомъ, но на ея болѣзненномъ сѣромъ лицѣ время отъ времени появлялась такая милая и симпатичная улыбка. Пружинкина удивляло, какъ всѣ эти гости держали себя просто, точно пришли къ себѣ домой, и на него не обращали никакого вниманія, будто онъ каждый день сидѣлъ за этимъ столомъ. Мужчины сейчасъ же закурили самодѣльныя вертушки изъ дешеваго табаку и надымили до того, что Пружинкинъ закашлялся, какъ попавшій въ овинъ теленокъ.

— Нигилисты проклятые!—громко ругался Хановъ, уже не боявшійся больше Прасковьи Львовны.—Изъ эпохи кринолиновъ мы попали прямо въ исторію цивилизаціи Моховскаго уѣзда... съ дымомъ махорки.

— Вы не любите табачнаго дыма, ветхозавѣтный человѣкъ?—обратился къ нему Курносовъ.—Не такъ воспитаны...

— Да, какъ вы не любите французскаго языка, господинъ нигилистъ,—огрызался Хановъ.—Прострація... ассимиляція...

— Господа, какъ вы думаете, кто положилъ въ карманъ верхняго пальто Володиной неприличныя фотографіи?—спрашивалъ Ефимовъ, въ упоръ глядя на съежившагося Ханова.—Такихъ господъ бьютъ...

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!—возмутился Хановъ, вскакивая съ мѣста.

— На ворѣ шапка горитъ...—прибавилъ Петровъ,—помѣщичьи вожделѣнія сказываются у разслабленнаго старца.

— Послушайте, господа, я предлагаю перейти въ залу,—заявила генеральша, ласково обнимая покраснѣвшую остаткомъ крови Володину.—Я думаю, что это будетъ удобнѣе...

Гости не слушали хозяйки и очень энергично занялись остатками завтрака, такъ что генеральшѣ пришлось самой уйти изъ столовой. За ней послѣдовали Пружинкинъ и обѣ дѣвушки. Прасковья Львовна подсѣла къ Курносову и принялась шептать ему что-то на ухо; Хановъ продолжалъ ругаться съ нигилистами, называя ихъ санкюлотами и „базарчиками“: послѣднее слово онъ производилъ отъ фамиліи Базарова. Пружинкинъ опять началъ хрощаться, но генеральша опять его не пустила и заставила сѣсть въ гостиной на то же голубое кресло.

— Вы вотъ что̀ мнѣ объясните, Егоръ Андреевичъ,—говорила она, расхаживая по комнатѣ маленькими граціозными шажками,—откуда у насъ явились умные люди?..

— Это точно-съ, ваше превосходительство... весьма достойно удивленія-съ.

— Обратите вниманіе: стоялъ глухой губернскій городъ, и вдругъ... Я ужъ не говорю о такихъ людяхъ, какъ Сажинъ,—такія головы являются столѣтіями,—а возьмите Ефимова, Петрова, Курносова; наконецъ Прасковья Львовна, наши дѣвицы: Клейнгаузъ, Володина, раскольница... Мы называемъ раскольницей Анну Ивановну.

— А вы забыли, Софья Сергѣевна, доктора Вертепова?—замѣтила Клейнгаузъ,—это тоже голова... Щипцовъ, Бѣлошеевъ, Куткевичъ...

— Что̀ касается доктора...—тянула генеральша, дѣлая легкую гримасу,—мнѣ кажется, что докторъ очень много думаетъ о себѣ, и, кромѣ того, онъ рисуется... Увѣряю васъ, я сама видѣла это на послѣднемъ земскомъ собраніи, а для мыслящаго реалиста, по меньшей мѣрѣ, смѣшно... Конечно, Петровъ и Ефимовъ немножко эксцентричны, но зато какой искренній народъ. Вы незнакомы съ ними, Егоръ Андреевичъ?

— Я-съ... Не случалось раньше встрѣчаться, а, кажется, слышалъ-съ гдѣ-то.

— Это совсѣмъ новые люди, которые отказались отъ всего,—убѣжденно продолжала Софья Сергѣевна, въ тонъ своей рѣчи похлопывая рукой по столу.—Петровъ работаетъ въ кузницѣ, Ефимовъ заводитъ мелочную торговлю на Черномъ рынкѣ, чтобы устроить конкуренцію нашимъ кулакамъ. Не правда ли, какая оригинальная идея?.. И вообще, если разобрать нашихъ людей, откуда они вышли, получаются удивительныя комбинаціи: вотъ Клейнгаузъ, напримѣръ, дочь простого вестфальскаго нѣмца-столяра, Володина—дочь квартальнаго... Вѣдь удивительно, Егоръ Андреевичъ?

— Конецъ темнотѣ, ваше превосходительство!—восторженно отвѣтилъ Пружинкинъ.

— Послушайте, зачѣмъ вы величаете меня превосходительствомъ?—ласково выговаривала Софья Сергѣевна.—Во-первыхъ, всѣ люди равны, а во-

вторыхъ... и надъ вами и надо мной будутъ смѣяться, потому что разные эти чины—самый глупый предразсудокъ. Вы, пожалуйста, постарайтесь забыть, что мой мужъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника!..

— Это невозможно-съ, ваше... то-есть Софья Сергѣевна.

— Генеральшей я остаюсь только для одной Маріи Петровны, потому что это нужно пока... Да вонъ легка на поминѣ и наша раскольница.

Въ гостиную, дѣйствительно, входила Анна Ивановна, розовая съ холоду, въ своей мѣховой шапочкѣ на головѣ. Замѣтивъ Пружинкина, она остановилась и вопросительно взглянула на Софью Сергѣевну.

— Что это вы такъ поздно, крошка?..—заговорила генеральша.—А у меня новый гость, котораго вы знаете...

— Очень рада...—отвѣтила Анна Ивановна, здороваясь со всѣми.—Я къ вамъ заѣхала на минуточку.

— Старуха опять капризничаетъ?—освѣдомилась Софья Сергѣевна.—Придется, видно, мнѣ опять ѣхать и укрощать ее.

— Мнѣ сегодня вечеромъ не удастся пріѣхать къ вамъ...—продолжала Анна Ивановна, торопливо роняя слова.—Курносовъ будетъ читать?

— Да, сегодня ботаника... Я не понимаю, что это дѣлается съ Маріей Петровной: ужъ разъ пустила, такъ къ чему еще эти новыя церемоніи?..—негодовала генеральша, обращаясь ко всѣмъ.

— Вы не знаете ихъ, Маріи-то Петровны, ваше... гм...—вступился-было Пружинкинъ и замялся.—Весьма карахтерныя женщины...

— И пусть будетъ „карахтерная“ для себя, а насъ оставитъ въ покоѣ!

— Я думаю, что это не интересно,—замѣтила Анна Ивановна,—слишкомъ старая исторія... Притомъ это касается больше всего меня.

— Позвольте, раскольница, мы тоже не можемъ допустить угнетенія свободной личности... Это противоестественно!..

Анна Ивановна какъ-то безсильно посмотрѣла на Пружинкина и неловко замолчала. Генеральшу потребовали въ столовую, гдѣ поднялся порядочный гвалтъ, и непріятный разговоръ прекратился самъ собой. Анна Ивановна заговорила о новой теребиловской школѣ и отрекомендовала Володину, какъ будущую учительницу, а про себя замѣтила вскользь, что будетъ помогать по возможности. Толстая Клейнгаузъ начала разспрашивать о квартирѣ для школы, потомъ принялась настаивать на особенной важности воскресныхъ классовъ, гдѣ могли бы учиться большіе.

— Сейчасъ Хановъ будетъ пѣть... тш!..—предупредила появившаяся въ дверяхъ Прасковья Львовна.

Въ залѣ уже слышались пробные сильные аккорды, которые брала умѣлая мужская рука. Хановъ игралъ по слуху съ эффектными взмахами рукъ, какъ играли старинные піанисты. Подъ свой аккомпаниментъ онъ сначала спѣлъ: „Ça ira...“, а потомъ громовой руладой перешелъ къ „Allons, enfants de la patrie...“. Сильный надтреснутый голосъ бралъ могучія ноты съ захватывающей энергіей, и Анна Ивановна каждый разъ чувствовала, какъ отъ этого пѣнія у нея по спинѣ пробѣгала жгучая холодная струйка, заставлявшая ее вздрагивать. Въ окна уже смотрѣли быстрыя зимнія сумерки, но никто не думалъ объ огнѣ. Прасковья Львовна стояла у окна спиной къ публикѣ и глотала слезы—послѣ двухъ рюмокъ она дѣлалась особенно чувствительной и всегда сердилась на свою бабью нервность. Послышавшіеся дружные аплодисменты заставили Пружинкина непріятно вздрогнуть. Клейнгаузъ подсѣла къ нему и переводила вполголоса пропѣтую фразу.

— Вѣдь это подлость: такъ хорошо пѣть и быть такимъ мерзавцемъ!..—

бранилась Прасковья Львовна, ударивъ Ханова по плечу.—Вѣдь нужно чувствовать, чтобы такъ пѣть... Да, чувствовать!..

— Я и чувствую, эмансипація...—хрипло отвѣчалъ Хановъ.—Только видите ли, госпожа эмансипація, я пою о великомъ народѣ, о святыхъ людяхъ, а вы всѣ—чирки и недоноски... Васъ всѣхъ еще нужно много и долго бить, чтобы получился настоящій esprit fort.

Мужчины подхватили Ханова подъ руки и увели въ столовую, гдѣ его уже ожидала налитая рюмка водки. Генеральша ходила по залѣ съ Анной Ивановной и вполголоса разсказывала, какое отрадное впечатлѣніе произвелъ на нее Пружинкинъ и какъ она полюбила его съ перваго раза.

— Намъ именно такихъ людей и нужно, раскольница!—повторяла Софья Сергѣевна съ разгорѣвшимся лицомъ.—Вѣдь вы его давно знаете?..

Анна Ивановна тоже была рада и въ короткихъ словахъ передала, что̀ такое Пружинкинъ, и, между прочимъ, что онъ человѣкъ не отъ міра сего, и что Марѳа Петровна его сильно эксплоатируетъ.

— Кстати, съ какимъ смѣшнымъ письмомъ послалъ его ко мнѣ Павелъ Васильевичъ,—не утерпѣла генеральша и передала Аннѣ Ивановнѣ письмо.—Это только я вамъ показываю, голубчикъ, и никому другому...

Пробѣжавъ письмо, дѣвушка молча возвратила его и какъ-то сбоку посмотрѣла на генеральшу.

— Не правда ли, какъ забавно написано?—спрашивала Софья Сергѣевна.

— Признаться, я этого не нахожу... Я считала Павла Васильевича... нѣсколько другимъ человѣкомъ. Чувствуется какая-то неискренность, фальшь...

— Да вѣдь онъ писалъ это наскоро, притомъ былъ увѣренъ, что его не выдадутъ... Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ заваленъ дѣлами, и его же одолѣваютъ разные ненужные люди. Поймите, раскольница, и поставьте себя на его мѣсто!..

— Я знаю только то, что на его мѣстѣ никогда не позволила бы себѣ подобной выходки.

Генеральша очень огорчилась и капризно надула свои розовыя губки. Она ожидала совсѣмъ не такого эффекта, и эта раскольница просто придирается къ ней.

— Я вѣчно попадусь въ исторію со своей довѣрчивостью!..—говорила она, когда Анна Ивановна стала прощаться.—Мнѣ нельзя давать интимныхъ порученій.

Анна Ивановна предложила Пружинкину довезти его до Чернаго рынка,—ей нужно было заѣхать въ какую-то лавку. Старикъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ и разбитымъ. Ему сдѣлалось какъ-то просто больно, какъ человѣку, хлебнувшему лишняго.

— Вамъ не понравилось у генеральши, Егоръ Андреевичъ?—спрашивала Анна Ивановна, когда они уже подъѣзжали къ рынку.

— Не то, чтобъ не понравилось, Анна Ивановна... Можетъ-быть, я не понимаю, старъ сталъ...

Дѣвушка сдержанно замолчала, точно она боялась, что Пружинкинъ скажетъ сейчасъ то, о чемъ она боялась думать даже одна.

— Это вамъ съ перваго раза немного дико показалось,—заговорила она, когда экипажъ остановился,—но тутъ были прекрасные люди, какъ Прасковья Львовна или Курносовъ... Наконецъ сама Софья Сергѣевна такая добрая душа.

— Ужъ это что̀ говорить, Анна Ивановна: добры, можно сказать, свыше всякой мѣры... Ихнее дѣло, конечно, а мнѣ удивительно, какъ это Марѳа-то Петровна допустила васъ въ такую компанію?

Въ отвѣтъ на эти слова Анна Ивановна только улыбнулась.

IX.

Знакомство генеральши съ Марьей Петровной состоялось довольно оригинальнымъ образомъ.

Въ Моховѣ генералъ Мѣшковъ былъ пріѣзжимъ человѣкомъ; онъ явился откуда-то изъ внутреннихъ губерній. Можетъ-быть, онъ уѣхалъ изъ родныхъ мѣстъ отчасти потому, что женился старикомъ на молоденькой эксцентричной дѣвушкѣ, не имѣвшей ни роду ни племени. Такой неравный бракъ въ ласкающемъ родномъ углу могъ сдѣлаться источникомъ тѣхъ мелкихъ непріятностей, которыя отравляютъ жизнь даже дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Самъ генералъ былъ человѣкъ аккуратный, дѣловой и добрый, желавшій кончить свои дни самымъ мирнымъ образомъ. Въ Моховѣ никого изъ старыхъ знакомыхъ не было, значитъ, некому было поднимать всю генеральскую подноготную и допытываться, что и какъ. Эти расчеты оправдались, и моховскій beau monde встрѣтилъ генеральскую чету, какъ комбинацію очень оригинальную, и только. Софья Сергѣевна отлично одѣвалась, окружила себя избраннымъ обществомъ, позволяла немного ухаживать за собой, но оставалась примѣрной женой и, показываясь въ обществѣ съ мужемъ, поражала всѣхъ своимъ счастливымъ, улыбающимся видомъ. Мужъ относился къ ней, какъ къ ребенку, и снисходительно дежурилъ въ театрѣ и клубѣ, когда Софья Сергѣевна хотѣла веселиться.

Но у генерала случились какія-то непріятности по службѣ, потомъ онъ самъ прибавилъ себѣ простуду, провожая жену въ театръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что старикъ слегъ въ постель, вылежалъ столько времени, сколько полагалось, выпилъ аккуратно всѣ лѣкарства, какими отравляютъ послѣдніе дни умирающихъ, и въ назначенный докторами день умеръ такъ же аккуратно, какъ и жилъ.

— Sophie... берегись... ты еще такъ молода...—были послѣднія слова умиравшаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который силился сказать плакавшей женѣ еще что-то, шевелилъ языкомъ, дергалъ рукой и наконецъ безсильно закрылъ глаза навсегда.

Лѣчилъ старика докторъ Глюкозовъ, добродушный и молчаливый господинъ; онъ присутствовалъ при этой сценѣ и невольно подумалъ: „Да, скверно умирать, когда остается такая молодая жена... Гм! Все можетъ быть...“ Софья Сергѣевна рыдала, какъ ребенокъ, потерявшій отца, а утѣшалъ ее одинъ докторъ Глюкозовъ, потому что ни родныхъ ни особенно близкихъ знакомыхъ въ Моховѣ у генерала не было.

— Бываетъ, Софья Сергѣевна... да...—говорилъ докторъ, отпаивая генеральшу холодной водой,—такъ ужъ наша жизнь устроилась... гм... да... Послушайте, я пошлю къ вамъ жену, а то одной вамъ оставаться въ такомъ горѣ какъ-то неловко.

Явившись на свой постъ, Прасковья Львовна сначала отнеслась къ „аристократкѣ“ свысока, но потомъ забыла свою демократическую роль и вошла въ положеніе молоденькой красавицы-вдовушки. Выждавъ время, она объяснила довольно грубо, что, собственно говоря, тутъ и убиваться не о чемъ: этотъ бракъ былъ самымъ несправедливымъ соціальнымъ явленіемъ, а въ физіологическомъ отношеніи онъ былъ преступленіемъ... Нѣтъ любви, нѣтъ и брака, а старикъ, женившійся на ребенкѣ,—это отвратительно! Тронутая этимъ участіемъ и грубоватой откровенностью, Софья Сергѣевна должна была согласиться, что Прасковья Львовна права, и разсказала свою несложную исторію. Она была незаконной дочерью одного волжскаго помѣщика, который держалъ

у себя цѣлый крѣпостной гаремъ. Мать умерла послѣ родовъ, а ее выкормила какая-то отставная „метресса“. Помѣщикъ-султанъ, желая отвязаться отъ мозолившей глаза дѣвчонки, отдалъ ее въ одинъ изъ тѣхъ пансіоновъ, гдѣ воспитываются забытыя всѣми дѣти и гдѣ устраиваются такіе неравные браки, какъ и въ данномъ случаѣ: шестнадцати лѣтъ Софья Сергѣевна вышла за старика, которому было пятьдесятъ съ хвостикомъ.

— Хороши эти негодяи-мужчины, нечего сказать!—возмущалась Прасковья Львовна,—и папенька хорошъ, а муженекъ еще лучше... О, мерзавцы!..

На мужа перенесла Софья Сергѣевна тѣ неиспытанныя чувства, которыми освѣщается дѣтство, и, когда его не стало, она почувствовала извѣстную пустоту и плакала о добромъ старикѣ, который оставилъ ей порядочное состояніе. Потихоньку же отъ Прасковьи Львовны генеральша выписала себѣ папашу, которымъ былъ, какъ читатель догадывается, уже знакомый намъ Хановъ. Старикъ къ этому времени успѣлъ промотаться до зла-горя, и помощь прилетѣла къ нему въ самую злосчастную минуту. Онъ явился въ Моховъ и поселился у дочери подъ именемъ „дяди“. Небольшія карманныя деньги Хановъ проигрывалъ въ клубѣ, а черезъ годъ Софьѣ Сергѣевнѣ предъявили цѣлый букетъ векселей, выданныхъ милымъ папашей. Вотъ по этому дѣлу ей и пришлось въ первый разъ отправиться къ Маѳѣ Петровнѣ, которая при случаѣ скупала дешевые „векселька“.

Произошла интересная сцена, когда генеральша заявила желаніе выкупить у Маѳы Петровны хановскіе векселя.

— Для чего же ихъ вамъ, ваше превосходительство?—удивлялась хитрая старуха.

— Да такъ... Не хочу обманывать людей, которые довѣряли дядѣ,—объяснила Софья Сергѣевна:—теперь его знаютъ, и въ другой разъ это не повторится. Я уже предупредила кого слѣдуетъ...

— Такъ, такъ... Что же, дѣло хорошее, ваше превосходительство.

Маѳа Петровна никакъ не могла постичь тѣхъ дочернихъ чувствъ, приливъ которыхъ нахлынулъ на грѣзовскую генеральшу: она имѣла полное право не выкупать векселей, а дѣлала это, чтобы чувствовать себя хорошей дочерью. Это было въ ея характерѣ.

Въ результатѣ получилось то, что генеральша сразу очаровала неприступную старуху, мѣрившую людей и весь міръ на мѣдныя деньги. Прежде всего Маѳу Петровну поразило генеральское благородство: ни за что ни про что выбросила ей цѣлыхъ три тысячи, да еще ее же благодаритъ. Потомъ, вѣдь Софья Сергѣевна — настоящая, заправская генеральша, а какъ просто себя держитъ. Расчувствовавшаяся старуха пожалѣла ея раннее вдовство и по пути разсказала трогательную исторію смерти Ивана Карповича. Однимъ словомъ, произошло то необъяснимое сближеніе противоположныхъ натуръ, которое встрѣчается иногда. Софья Сергѣевна даже заѣхала разъ напиться чаю совсѣмъ запросто и здѣсь познакомилась съ Анной Ивановной.

— Ужъ вы извините насъ, ваше превосходительство,—рекомендовала Маѳа Петровна свою дочь,—мы люди простые...

Генеральша расцѣловала Анну Ивановну и развеселилась какъ-то ужъ совсѣмъ по-дѣтски. Ей нравилась у Злобиныхъ именно та семейная обстановка, которой она не испытала. Такія славныя маленькія комнатки, такіе смѣшные цвѣты на окнахъ, такая милая горничная Агаша, такія смѣшныя старинныя чашечки, въ какихъ подавали чай, и такая милая старушка Маѳа Петровна, которая даже краснѣла отъ удовольствія, когда Софья Сергѣевна принималась

ее цѣловать. Анна Ивановна долго дичились и какъ-то недовѣрчиво отнеслась къ новой знакомой, пока Софья Сергѣевна не побѣдила ее своей дѣтской искренностью.

— Этакая приворотная гривенка эта генеральша!—разсуждала Марѳа Петровна сама съ собою.—И ловка, надо ей честь отдать...

Вообще Софья Сергѣевна быстро завоевала расположеніе недовѣрчивой раскольницы-старухи, трудно сходившейся съ людьми. Эта оригинальная связь потомъ окрѣпла и развилась въ прочное и хорошее чувство. Марѳа Петровна откладывала каждый кусочекъ получше, приговаривая: „ужо вотъ пріѣдетъ наша-то генеральша, такъ побаловать ее“; надѣвала свои лучшіе сарафаны, когда ждала эту гостью, и не могла сдѣлать только одного—это самой съѣздить къ генеральшѣ въ гости, какъ та ни звала ее къ себѣ. Были моменты, когда старуха уже соглашалась, даже надѣвала самый тяжелый сарафанъ и шелковую рубашку съ узкими длинными рукавами, но потомъ ее охватывало прежнее чувство робости, и она только повторяла: „Гдѣ ужъ намъ, мужичкамъ, съ настоящими господами водиться... Какіе-то у нихъ тамъ паркеты, пожалуй, еще упадешь!“

— Я удивляюсь, мама, что̀ вы особенное нашли въ Софьѣ Сергѣевнѣ?—спрашивала Анна Ивановна, не понимая происходившаго.

— Какъ что̀ такое?—удивлялась въ свою очередь Марѳа Петровна.—Да вѣдь кто такая Софья-то Сергѣевна: босоножка какая-то, изъ милости въ пансіонѣ выучилась. Можетъ, и обѣдала не каждый день, а теперь генеральша. Вотъ тебѣ и „особенное“! Небось, вотъ ты и богатая невѣста, а генеральшей не сдѣлаешься. Да и мало ли другихъ дѣвокъ по богатымъ домамъ висиѣтъ, а вотъ Софья Сергѣевна вышла заправская генеральша. Вонъ она, какъ въ комнату-то зайдетъ—пава, да и только, и всякому свое умѣетъ сказать, а при случаѣ и строгость на себя напуститъ... да, генеральшѣ все можно!..

— Какъ это все, мама?..

— А такъ... Простой человѣкъ всего оберегись, чтобы тебя не осмѣяли, а генеральшѣ плевать: къ ней же и придутъ. За спиной-то и про царя разные пустяки болтаютъ.

— Значитъ, и тебѣ, мама, хотѣлось бы быть генеральшей?

— Ну, теперь-то я устарѣла немножко, а ежели бы раньше... Развѣ такъ бы я стала жить да скалдырничать? Ничего, ты, голубушка, не понимаешь...

Это странное тяготѣніе Марѳы Петровны послужило къ тому, что Анна Ивановна могла бывать довольно часто въ салонѣ Софьи Сергѣевны. Правда, старуха сильно ежилась и по цѣлымъ часамъ пилила дочь, какъ уголовную преступницу, но стоило генеральшѣ пріѣхать въ злобинскій домъ—и вся городьба разлеталась прахомъ.

— Сняла ты съ меня голову, ваше превосходительство!..—выговаривала Марѳа Петровна, покачивая снятой головой,—она уже говорила съ генеральшей на *ты*.—Хочу разсердиться на тебя, а сердца и нѣтъ... Смотри, одна у меня дочь.

— Вы меня обижаете, Марѳа Петровна, — капризно отвѣчала Софья Сергѣевна,—точно Анна Ивановна ѣдетъ Богъ знаетъ куда... Вы должны меня благодарить, а то я же и пресмыкаюсь предъ вами. Конечно, я люблю вашу раскольницу, иначе...

— Вотъ мужчины у тебя въ дому бываютъ... Оно какъ будто тово... Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ-то, у мужика.

Генеральша заливалась своимъ дѣтскимъ смѣхомъ надъ этими разсужде-

піями, а Марѳа Петровна, чтобы еще больше угодить ей, начинала говорить совсѣмъ грубо, какъ говорила съ зависимыми людьми, и даже читала наставленія. Въ ея старыхъ глазахъ Софья Сергѣевна была какимъ-то особеннымъ существомъ, къ которому обыкновенная раскольничья мѣрка никакъ не прикладывалась и которое могло позволять себѣ все. Смотрѣть,—такъ вертушка эта самая генеральша, а со старымъ мужемъ цѣлыхъ десять лѣтъ прожила, и комаръ носу не подточитъ. Овдовѣла—сейчасъ и заблудящаго своего отца выписала, а у самой ни сучка ни задоринки.

Бывая у генеральши, Анна Ивановна встрѣтилась съ тѣми умными людьми, о которыхъ генеральша разсказывала Пружинкину; Клейнгаузъ и Володину она знала еще по гимназіи. Тамъ читали и обсуждали новыя книги, тамъ велись горячіе споры, и Анна Ивановна каждый разъ увозила домой что-нибудь новое, чего она не знала раньше. Въ злобинскій домъ, какъ весеннія птицы, налетѣли всевозможныя хорошія книжки „гражданской печати“ и принесли съ собой новыя пѣсни. Анна Ивановна не принадлежала къ числу увлекающихся восторженныхъ натуръ, но подъ ея наружнымъ спокойствіемъ скрывалась усиленная работа развивавшейся мысли. Свѣтлое и доброе настроеніе смѣнялось припадками малодушія и слабости. Вѣра въ лучшее и въ себя разъѣдалась тысячью мелочныхъ фактовъ, которые роковой чертой отдѣляли дѣйствительность отъ новаго фантастическаго міра. Если умные люди, окружавшіе генеральшу, рѣзко нападали на недостатки общественнаго строя, на дореформенные порядки и „ветхаго человѣка“ вообще, то Анна Ивановна переносила всю эту рознь на свою внутреннюю жизнь и старалась провѣрять каждый свой шагъ. Отзывчивое молодое сердце теперь болѣло вдвойнѣ за царившіе подъ родной кровлей хищные инстинкты, хитрость, ложь и самодурство, за добровольное униженіе домашней челяди и бѣдныхъ родственниковъ, наконецъ за свое безправное и безполезное существованіе.

Вернувшись отъ генеральши домой въ тотъ вечеръ, когда Анна Ивановна встрѣтила тамъ Пружинкина, она почувствовала себя безотчетно-скверно: это письмо Сажина, потомъ смѣхъ Софьи Сергѣевны и глупая роль, навязанная недогадливому старику. Въ результатѣ получалось что-то очень некрасивое, напоминавшее подходцы и выверты Марѳы Петровны.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь... да, конечно, я ошибаюсь!..—увѣряла Анна Ивановна сама себя, расхаживая по комнатѣ.

Съ Сажинымъ Анна Ивановна хорошо познакомилась у генеральши года за два до его земской славы, когда онъ особенно еще не выдѣлялся изъ среды другихъ знакомыхъ и даже уступалъ такимъ полезнымъ спеціалистамъ, какъ Курносовъ, который читалъ въ салонѣ курсъ естественныхъ наукъ. Въ случаѣ споровъ, когда Сажинъ разбивалъ всѣхъ, его называли софистомъ. Съ Анной Ивановной держался онъ просто, какъ и съ другими, хотя ихъ и сближала общая ѳедосѣевская среда и старинное знакомство домами. Было нѣсколько такихъ случаевъ, когда Сажинъ увлекался какимъ-нибудь разговоромъ съ раскольницей, но въ самомъ интересномъ мѣстѣ непремѣнно являлась Софья Сергѣевна, и Сажинъ сейчасъ же переходилъ въ свой обычный, шутливый тонъ. Дѣвушкѣ казалось, что Софья Сергѣевна дѣлалась въ его присутствіи неестественной и смотрѣла на него болѣзненно-пристальнымъ взглядомъ. Впрочемъ, когда о Сажинѣ заговорила цѣлая губернія, всѣ дамы волновались въ его присутствіи, не исключая самой Прасковьи Львовны.

Эти воспоминанія и послѣдовавшая земская слава Сажина, которая въ салонѣ генеральши была встрѣчена самымъ горячимъ сочувствіемъ, теперь совсѣмъ не вязались въ головѣ Анны Ивановны съ послѣдними впечатлѣніями.

Получался неясный диссонансъ, который сильно ее огорчалъ, и дѣвушка никакъ не могла отдѣлаться отъ преслѣдовавшаго ее молчаливаго отъ смущенія Пружинкина, который вышелъ изъ салона генеральши такимъ печальнымъ и растерянным.

X.

Открытіе первой школы въ Теребиловкѣ было назначено въ воскресенье послѣ Крещенья. Школа открывалась на частныя средства, съ небольшимъ пособіемъ отъ земства. Всѣ хлопоты по устройству помѣщенія взялъ на себя Пружинкинъ и постарался не ударить лицомъ въ грязь. Новая школа стояла на углу Малой и Большой Дрекольной улицъ, гдѣ прежде былъ кабакъ. Большой старый домъ былъ прилично отдѣланъ снаружи; стѣны внутри оклеены дешевенькими обоями, поставлена новая школьная мебель, въ окнахъ появились жестяные вентиляторы, а надъ крылечкомъ блестѣла простая бѣлая вывѣска: „Начальная школа“. Каждый гвоздь, каждая мелочь были обдуманы сотню разъ. Внутри школа дѣлилась на четыре комнаты: передняя, изъ передней направо—мужское отдѣленіе, налѣво—женское, а между ними пріютилась маленькая учительская комнатка, которую Пружинкинъ облаживалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что въ числѣ учительницъ будутъ Анна Ивановна и генеральша.

Въ день открытія Пружинкинъ съ ранняго утра не находилъ себѣ мѣста отъ волненія, хотя все было въ исправности. Онъ десять разъ обошелъ всѣ комнаты, пощупалъ каждую вещь и постоянно выскакивалъ на крыльцо, около котораго толпились любопытные теребиловцы. Шелъ легкій снѣжокъ, и Пружинкинъ былъ очень доволенъ: хорошая примѣта.

— Барышни будутъ учить!..—объяснилъ онъ съ крыльца собравшейся публикѣ.—Въ будни ребятишки будутъ ходить, а въ праздники большіе... Поняли? Прежде водку сюда ходили пить, а теперь пора ума набираться... Конецъ, видно, пришелъ вашей темнотѣ!

Теребиловцевъ больше всего смущало то, что будутъ учить „барышни“. Что-нибудь да не такъ!.. Объясненія Пружинкина только затемняли вопросъ. Но послѣ обѣдни, дѣйствительно, пріѣхали господа и барышни. Былъ отслуженъ молебенъ и сейчасъ же открыты классы. Генеральша, Анна Ивановна, Клейнгаузъ, Володина и Прасковья Львовна отбивали другъ у друга работу. Сажинъ сказалъ коротенькую прочувствованную рѣчь, въ которой объяснилъ всю важность именно начальной школы и потомъ значеніе перваго „общественнаго почина“. Народу въ комнатахъ набралось много, а съ улицы все напирали, и начиналась уже давка. Докторъ Вертеповъ брезгливо нюхалъ воздухъ, дамы сбились въ одну кучу и смотрѣли на теребиловскій „народъ“ съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ невольнаго страха. Молодой священникъ съ короткими волосами и безъ бороды сидѣлъ съ Сажинымъ въ учительской. Пружинкинъ выбивался изъ силъ, выталкивая ротозѣевъ за дверь и разсаживая будущихъ учениковъ на парты. Мужское отдѣленіе было совсѣмъ полно, а въ женскомъ столпились дѣвочки-подростки; бабъ и взрослыхъ дѣвушекъ не было.

— Я буду заниматься въ мужскомъ отдѣленіи, — заявила Прасковья Львовна въ учительской.—Вы, Володина, со мной будете, а съ бабами пусть остальные возятся...

— А я куда?—спрашивала Софья Сергѣевна, безпомощно разводя руками:—лучше будетъ, кажется, если я останусь тоже въ мужскомъ отдѣленіи...

Не правда ли, отецъ Евграфъ?..—обратилась она за разрѣшеніемъ къ священнику.

— Я совѣтую заняться съ мужчинами: они развитѣе,—посовѣтовалъ батюшка, разглаживая свою несуществующую бородку.

— Вы сначала займетесь въ мужскомъ, а потомъ перейдете въ женское,—совѣтовалъ Сажинъ,—нужно пользоваться указаніемъ опыта...

— По-моему, вы будете только мѣшать другимъ, Софья Сергѣевна,—пошутилъ Вертеповъ, дразнившій генеральшу съ утра.

Генеральша вдругъ разсердилась... Сегодня точно всѣ сговорились, чтобы ее бѣсить: утромъ она бранилась съ Ефимовымъ и Петровымъ, которые наотрѣзъ отказались заниматься въ школѣ, потому что одна грамота является паліативнымъ средствомъ; теперь этотъ докторъ пристаетъ къ ней со своими глупыми шуточками. На-зло всѣмъ она ушла въ женское отдѣленіе къ Аннѣ Ивановнѣ. Человѣкъ пятнадцать дѣвочекъ сидѣли за партами съ какими-то убитыми лицами и только переглядывались, когда учительницы предлагали имъ вопросы. Посидѣвъ здѣсь съ четверть часа, Софья Сергѣевна вдругъ почувствовала себя такой лишней и никому не нужной... Она тихонько вышла въ переднюю, надѣла свою шубу и тихонько вышла на крыльцо, гдѣ Пружинкинъ унималъ галдѣвшую толпу.

— Куда это вы, ваше превосходительство? — удивился старикъ, угадавшій по выраженію лица генеральши, что дѣло не ладно: — какъ же это такъ-съ?..

— Домой, Егоръ Андреевичъ... Здѣсь и безъ меня обойдутся,—съ ласковой улыбкой печально отвѣтила Софья Сергѣевна. Она была тронута вниманіемъ Пружинкина.—Такія глупыя женщины должны сидѣть дома...

— Ваше превосходительство... какъ же это такъ-съ?

Кучеръ подалъ лошадь, и генеральша легко порхнула въ сани. Пружинкинъ едва успѣлъ застегнуть мѣховую полость. Проводивъ глазами сани, старикъ покачалъ головой и, вернувшись въ школу, покашливаньемъ вызвалъ Анну Ивановну въ переднюю.

— Софья-то Сергѣевна уѣхали...—шопотомъ сообщилъ онъ, разводя руками,—весьма огорчены-съ...

— Чѣмъ?

— Не могу знать-съ, Анна Ивановна, только дѣло не ладно-съ... Потихоньку собрались—и сейчасъ домой.

Къ нимъ подошелъ Сажинъ, провожавшій о. Евграфа.

— Это вы, Павелъ Васильевичъ, чѣмъ-нибудь огорчили Софью Сергѣевну?..—заговорила Анна Ивановна съ удивившей Сажина смѣлостью.— Она уѣхала.

— Я? Позвольте... Можно объяснить все гораздо проще,—отвѣтилъ Сажинъ довольно развязно.—Софья Сергѣевна немножко капризничаетъ... Впрочемъ, я сейчасъ могу заѣхать къ ней и постараюсь разъяснить дѣло. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, особенно страшнаго ничего не случилось.

Аннѣ Ивановнѣ не понравился тонъ, какимъ все это говорилось, и она простилась съ Сажинымъ довольно холодно. Отецъ Евграфъ былъ свидѣтелемъ этой маленькой сцены, но отнесся къ ней совершенно безучастно, какъ и ко всему остальному. Онъ намоталъ на шею толстый, вязаный изъ красной шерсти шарфъ, запахнулъ потертую бѣличью шубу и неторопливо пошелъ за Сажинымъ, который предложилъ увезти его въ городъ. Докторъ Вертеповъ уѣхалъ за ними на своей лошади.

Первый день новой школы сошелъ почти неудачно. Учительницы устали и были недовольны собой. Когда пробило три часа, онѣ были рады, что все кончилось. Прасковья Львовна устало зѣвала, а бодрѣе всѣхъ оказалась Володина. Теребиловцы возвращались изъ школы, нагруженные новыми тетрадками и дешевенькими школьными книжками. Дѣвочки по дорогѣ разбирали всѣ мелочи въ костюмахъ учительницъ и были вообще довольны. Провожая учительницъ, Пружинкинъ съ особенною нѣжностью посмотрѣлъ на сѣрое лицо Володиной. „Вотъ эта возъ повезетъ, — думалъ онъ, — да развѣ еще Анна Ивановна, ежели мамынька пуститъ“. Въ общемъ старикъ былъ, какъ и другіе, не совсѣмъ доволенъ, хотя и не могъ дать отчета самому себѣ, чѣмъ именно: все шло какъ будто хорошо, и какъ будто чего-то недостаетъ.

Къ своему удивленію, когда Анна Ивановна вечеромъ пріѣхала къ генеральшѣ, она нашла ее веселой и довольной; Сажинъ сидѣлъ въ гостиной съ Прасковьей Львовной, и его голосъ слышенъ былъ въ передней.

— У меня давеча въ этой школѣ такъ голова разболѣлась,—объясняла Софья Сергѣевна, предупреждая вопросъ,—вѣроятно, отъ спертаго воздуха.

Когда Сажинъ появлялся въ салонѣ генеральши, это было настоящимъ торжествомъ. Всѣ ухаживали за нимъ, а дамы преслѣдовали тѣмъ вниманіемъ, которое самымъ умнымъ людямъ кружитъ голову. Это идолопоклонство всегда дѣйствовало на Анну Ивановну самымъ непріятнымъ образомъ, и ей становилось какъ-то совѣстно, особенно когда Софья Сергѣевна заглядывала прямо въ ротъ своему божку, какъ это дѣлаютъ оставшіяся безъ гувернантки дѣти.

— А тѣ гуси, Ефимовъ и Петровъ, и носу не показываютъ,—говорила Софья Сергѣевна, когда всѣ сидѣли въ гостиной.

— Что же, они совершенно правы,—вступился Сажинъ, вытягивая подъ столомъ свои длинныя ноги,—первоначальное образованіе само по себѣ...

— Вѣдь онъ противъ эмансипаціи женщинъ!—перебила его Прасковья Львовна, очевидно, продолжая прерванный разговоръ.

— Нѣтъ, вы меня просто не хотите понять,—съ шутливой увѣренностью возражалъ Сажинъ:—я не врагъ ни эмансипаціи ни образованія—объ этомъ даже странно говорить въ наше время. Я говорю не о принципѣ... но есть нѣкоторыя практическія противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, немного странно ратовать за женскій трудъ, когда русская баба работаетъ какъ разъ вдвое больше русскаго мужика... Если дѣло идетъ о ничтожной кучкѣ женщинъ привилегированнаго класса, то для этого не стоитъ огородъ городить. Остается, правда, наше tiers état—мелкое чиновничество, прасолы, купцы, попы и мѣщане, но и тутъ дѣло сведется какъ разъ не въ пользу женскаго свободнаго труда. Могу сослаться въ этомъ случаѣ на краснорѣчивый примѣръ изъ практики фабричнаго труда. Здѣсь мертвой петлей затянутъ не только мужской трудъ, но женскій и дѣтскій, а въ общей суммѣ вся семья зарабатываетъ едва столько, чтобы не умереть съ голоду. Дешевый женскій трудъ является здѣсь страшнымъ конкурентомъ и обездоливаетъ какъ себя, такъ и мужчину. То же самое будетъ съ эмансипаціей поповенъ и мѣщанокъ. Теперь самый крошечный человѣкъ изъ этого круга можетъ, напримѣръ, жениться, разсчитывая исключительно на свою личную трудоспособность, а когда женскій трудъ подорветъ его заработную плату, онъ можетъ жениться только при томъ условіи, чтобы и жена была работница. Въ результатѣ такая пара заработаетъ какъ разъ столько, сколько раньше мужчина зарабатывалъ одинъ, и въ выигрышѣ останутся тѣ же капиталисты.

— Вы забываете, Павелъ Васильевичъ, что не всѣ дѣвушки выходятъ

замужъ!—азартно спорила Прасковья Львовна, — потомъ остаются вдовы съ семьями на рукахъ... А самое главное: трудъ дастъ женщинѣ независимость и нравственную крѣпость.

— Ваши вдовы и Христовы невѣсты все равно будутъ сидѣть голодныя, а нравственное удовлетвореніе, конечно, вещь очень почтенная...

— Это возмутительно!.. Онъ разсуждаетъ, какъ плантаторъ!.. какъ чиновникъ!.. какъ старый крѣпостникъ!..—возмущалась генеральша.

— Значитъ, никакого выхода для привилегированной женщины нѣтъ?—спрашивала Анна Ивановна.

— Нѣтъ, я этого не говорилъ... Выходъ долженъ быть, но я спорю только противъ скороспѣлыхъ построеній. Не слѣдуетъ увлекаться, игнорируя всю путаницу общественнаго строя.

— Это онъ зубы начинаетъ заговаривать!—объясняла Прасковья Львовна, бросая папиросу на полъ:—всѣ мужчины одинаковы... По-моему, Владиміръ Аркадьевичъ гораздо васъ послѣдовательнѣе: онъ прямо проповѣдуетъ мусульманство. И есть свой резонъ: у мусульманъ нѣтъ старыхъ дѣвъ и нѣтъ проституціи...

Когда у генеральши бывалъ Сажинъ, Хановъ рѣдко показывался, а если приходилъ, то усаживался куда-нибудь подальше въ темный уголъ и здѣсь хихикалъ. Теперь онъ вышелъ изъ своей комнаты уже послѣ разговора, и Сажинъ, чтобы повернуть все въ шутку, обратился къ нему за разрѣшеніемъ спора.

Я стою за воинскую повинность для женщинъ, — отвѣтилъ Хановъ съ серьезнымъ видомъ:—но прежде всего костюмъ... Это самая великая задача нашего девятнадцатаго вѣка: костюмъ дѣлаетъ нашу женщину, а не женщина костюмъ. Чтобы поставить вопросъ на раціональную почву, нужно произвести вторую великую революцію.

Часовъ около восьми пришли Володина и Клейнгаузъ, а потомъ Курносовъ, спорили о фребелевской системѣ воспитанія, которой противопоставляли родную бурсу. Потомъ заставляли Ханова спѣть: „Спится мнѣ, младешенькѣ, дремлется!..“. Сажинъ долго разговаривалъ съ Анной Ивановной, разспрашивалъ ее про войну съ Марѳой Петровной.

— По-моему, нужно прежде всего установить свою домашнюю маленькую правду,—развивала дѣвушка свои мысли,—внѣшнія формы придутъ сами...

— Маленькую правду?—задумчиво повторялъ Сажинъ и смотрѣлъ Аннѣ Ивановнѣ въ глаза:—это недурно сказано... Да, я согласенъ съ вами... Намъ всѣмъ именно этой маленькой правды и недостаетъ.

Послѣ ужина Прасковья Львовна поѣхала проводить Анну Ивановну. Она сердилась сегодня весь вечеръ и жгла одну папиросу за другой.

— Это возмутительно!—ворчала она, усаживаясь въ злобинскія сани.

— Что возмутительно?..

— Да бабы возмутительны!.. Всѣ раскисли... Вы замѣчаете, что всѣ онѣ влюблены въ этого Павла Васильевича? Увѣряю васъ... Толстуха Клейнгаузъ такъ и покраснѣетъ, какъ свекла, когда съ ней заговоритъ нашъ идолъ. И генеральша тоже... Даже Володина, и та зеленѣетъ еще больше... Ха-ха!..

— Я не замѣчаю, Прасковья Львовна... Вамъ просто показалось!..

— Мнѣ?.. Нѣтъ, голубчикъ, стара я стала, чтобы блазнило... Кстати, вы не замѣчаете, голубчикъ, что этотъ плутишка-божокъ немножко ухаживаетъ за вами?.. Есть грѣхъ... гм...

— Перестаньте, Прасковья Львовна!.. Мнѣ совѣстно...

— Э, матушка, дѣло самое житейское!.. Отчего это Вертеповъ не былъ?.. А тѣ прощелыги хороши: школа—паліативъ... Еще и слово какое мудреное придумали... да.

Этотъ разговоръ заставилъ Анну Ивановну покраснѣть, и она была рада, что почью этого не было видно. Холодный вѣтеръ жегъ ей лицо; по сторонамъ мигали желтыми точками фонари, въ одномъ мѣстѣ дорогу загородилъ цѣлый обозъ. Анна Ивановна завезла свою спутницу въ городскую больницу, гдѣ у Глюкозовыхъ была казенная квартира. Выходя изъ саней, Прасковья Львовна зѣвнула и лѣниво проговорила:

— У меня сегодня отъ этой школы поясницу такъ и ломитъ...

Несмотря на свои рѣзкія выходки, докторша Глюкозова была добрѣйшая и глубоко честная душа, и Анна Ивановна очень ее любила, какъ и всѣ другіе. Чтобы отогнать отъ себя впечатлѣніе послѣдняго разговора съ Прасковьей Львовной, Анна Ивановна всю дорогу думала о новой школѣ и радовалась за Володину, которая съ перваго раза оказалась такой хорошей учительницей.

XI.

Въ серединѣ Великаго поста у Маѳы Петровны были всегда большія хлопоты съ рыбой: дѣлалась заготовка на цѣлый годъ. Осетрина, нельмина, максуны и судаки заливались впрокъ, причемъ „головня“, хвосты и „ребровина“ шли „людямъ“. Эту операцію старуха всегда производила собственноручно: кучеръ рубилъ мерзлую рыбу, кухарка дѣлала засолъ, Агаша выдирала икру и клей, а сама Маѳа Петровна сортировала отдѣльные куски, бранилась и тыкала мерзлой рыбой кухарку и Агашу прямо въ лицо. Сознаніе, что она дѣлаетъ настоящее хозяйственное дѣло, придавало старухѣ необыкновенную энергію.

— Куда это Пружинкинъ запропастился? — нѣсколько разъ вспоминала Маѳа Петровна, останавливаясь въ кухнѣ передъ громаднымъ столомъ, заваленнымъ всевозможной рыбой: — онъ хорошо осетровую икру дѣлалъ, или тоже вотъ рыбій клей мнѣ всегда сушилъ.

— Онъ теперь у генеральши дюетъ и почуетъ...—наушничала ехидно Агаша.

— Самая ему кампанія!..

Наиболѣе трогательный моментъ наступалъ тогда, когда кадочки съ рыбой устаназливали въ погребъ и сверху накладывали „гнётъ“—чуть крышка искривилась или кадушка дала течь, хоть бросай все. Тронутую „душкомъ“ рыбу приходилось „травить прислугѣ“. Нынче, какъ и всегда, Маѳа Петровна свирѣпствовала въ погребѣ собственноручно и успѣла обругать разъ десять кучера, ставившаго кадочки. Когда нужно было класть гнётъ, прибѣжала Агаша и заявила, что пришелъ Павелъ Васильевичъ и спрашиваетъ „самоё“.

— Въ самую пору пришелъ, именинникъ...—ворчала Маѳа Петровна, отправляясь въ горницы:—теперь рыбой отъ меня вонлетъ на всю улицу. А еще умный человѣкъ называется...

Нужно было пріодѣться, вымыть руки, поправить голову, а кучеръ тамъ какъ повернетъ гнётъ на кадушкѣ—вотъ тебѣ и соленая рыба! Гостя принимала Анна Ивановна, а Маѳа Петровна велѣла Агашѣ подслушивать въ дверь, о чемъ они будутъ говорить. Этотъ визитъ очень польстилъ старухѣ, и притомъ она сейчасъ же сдѣлала ему соотвѣтствующее истолкованіе: „Итъ,

какой любопытный сталъ до старухъ, несъ... Раньше, небось, лѣтъ съ восемь и глазъ не показывалъ!“ Въ гостиную она вошла честь-честью, съ низкимъ поклономъ и разными раскольничьими приговорами.

— Давненько тебя не видать что-то, Павелъ Васильичъ!..—говорила Марѳа Петровна, неловко усаживаясь въ кресло.—Съ покойничкомъ-родителемъ хлѣбъ-соль важивали, а вотъ ты какъ будто даже зазнался... Пожалуй, этакъ ужъ совсѣмъ и на улицѣ не будешь узнавать.

— Виноватъ, Марѳа Петровна...

— И то виноватъ, а побранить некому. Наслушилъ ты, Павелъ Васильевичъ, всю губернію... Губернаторъ-то, сказываютъ, злится на тебя!..

— Нѣтъ, губернаторъ не можетъ очень сердиться...—объяснялъ Сажинъ съ серьезнымъ лицомъ.—Помните, у моего отца въ огородѣ на грядкѣ стояло чучело, которое онъ потряхивалъ за шнурокъ? Такъ и нашъ губернаторъ: тряхнутъ его, онъ и замашетъ руками, затрясетъ головой, а самъ по себѣ все-таки ничего не можетъ сдѣлать.

— Ишь ты, востеръ больно!.. Этакого человѣка да съ чучелой сравнялъ... Охъ, не сносить тебѣ головы, Павелъ Васильичъ!

Анна Ивановна, по раскольничьему этикету, посидѣла немножко и ушла въ свою комнату, какъ это и слѣдуетъ барышнѣ. Марѳа Петровна осталась этимъ очень довольна и разговорилась съ Сажинымъ очень весело, не стѣсняясь выраженіями.

— А я ужъ хотѣла совсѣмъ разсердиться на тебя, что забылъ старуху, да все какъ-то некогда!..—язвила Марѳа Петровна,—а ты вотъ и пришелъ.. Знаешь поговорку: честь завсегда лучше безчестья. Можетъ, еще вамъ въ земство-то и мы, старухи, понадобимся на какую-нибудь причину.

Сажинъ старался отшучиваться въ томъ же тонѣ, но подъ конецъ спасовалъ передъ ядовитой старухой и неловко замолчалъ.

— А я тебѣ вотъ что скажу, Павелъ Васильичъ,—говорила Марѳа Петровна на прощанье:—чего твоя-то Василиса Ивановна смотритъ?.. Земство—земствомъ, а первымъ дѣломъ тебя женить надо, чтобы телячью-то бодрость оставилъ. Всѣ вы на словахъ-то, какъ гуси на водѣ, а настоящаго чтобы дѣла—и нѣту. Поди, вотъ, не знаешь, что добрые люди сейчасъ рыбу впрокъ солятъ?

— Нѣтъ, это Василиса Ивановна знаетъ...

— Такъ, такъ!.. Деньги только задаромъ съ Василисой-то Ивановной переводите... Да вотъ еще что я тебѣ скажу: пріѣзжалъ какъ-то съ генеральшей этотъ дохтуръ, котораго ты выписалъ въ земство. Ну, поглядѣла я на него: вертоватъ паренекъ...

— Нѣтъ, онъ славный,—защищалъ Сажинъ товарища,—мы съ нимъ вмѣстѣ въ университетѣ были, хорошій и надежный человѣкъ вообще...

— Такъ... Это хорошо, когда надежные люди все у тебя кружатся. А ты бы все-таки самъ рыбки-то присолилъ, оно надежнѣе: лѣто придетъ, сейчасъ ботвиньица съ соленой рыбкой и на столѣ. Вотъ Софья Сергѣевна любитъ ее; бываетъ по времю и у меня, такая ласковая бабочка—какъ пріѣдетъ, такъ и обойдетъ старуху. Надо бы въ другой разъ словечко покруче выговорить ей, а у меня сердце не поднимается на нее. Теперь разобрать, какую она себѣ компанію подобрала?.. Ровно въ городѣ и людей не стало... Отъ ея-то ума и мнѣ немало горя.

Простилась съ гостемъ Марѳа Петровна очень дружелюбно и даже пригласила какъ-нибудь завернуть лѣтомъ, когда въ Петровки добрые люди бот-

винью будутъ ѣсть. Анна Ивановна такъ и не показалась, а Сажинъ уѣхалъ недовольный, что Марѳа Петровна позволяетъ себѣ ужъ слишкомъ много. Ему не слѣдовало дѣлать этого визита, который старуха, навѣрно, перетолкуетъ по-своему. Эти „ветхіе люди“ не понимаютъ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній... Сажинъ пріѣзжалъ собственно только затѣмъ, чтобы подарить Аннѣ Ивановнѣ первый номеръ своей газеты „Моховскій Листокъ“. Первое мѣсто въ газетѣ было отведено, конечно, земству, причѣмъ Щипцовъ постарался и разгромилъ всѣ партіи. Сажину въ номерѣ принадлежала только одна замѣтка объ открытіи первой начальной школы въ Теребиловкѣ. Онъ теперь припоминалъ счастливое выраженіе лица дѣвушки, когда она просматривала номеръ, и какъ она улыбнулась, пробѣгая замѣтку о школѣ.

— Это вы писали о школѣ?—спросила она, свертывая номеръ трубочкой.

— Почему это вы думаете?

— Да такъ... замѣтно по языку, и есть нѣсколько вашихъ любимыхъ выраженій.

Это подстрекнуло самолюбіе Сажина, и онъ былъ совсѣмъ счастливъ, что у него есть наконецъ своя газета, въ которой можно сказать свое слово. Куткевичъ готовилъ рядъ передовыхъ статей о профессіональномъ образованіи. Бѣлошеевъ обѣщалъ какой-то трактатъ по „философіи неравенства“; затѣмъ въ редакцію явились новые люди, существованіе которыхъ въ глухомъ провинціальномъ городѣ трудно было бы даже предполагать: какой-то отставной подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Окуневъ; потомъ отставной архиваріусъ какого-то „сосредоточеннаго архива“ Корольковъ и т. д. Даже о. Евграфъ и тотъ обѣщалъ статейку: „Черты неумытнаго споспѣшествованія благому начинанію“. Однимъ словомъ, газета съ первыхъ же шаговъ явилась связующимъ началомъ, организовавшимъ общественное мнѣніе.

„Почему это старуха такъ нападаетъ на Вертепова? — раздумывалъ Сажинъ, возвращаясь домой пѣшкомъ и припоминая фельетонъ доктора въ „Листкѣ“:—у этихъ непосредственныхъ натуръ есть свое чутье...“

По странной ассоціаціи идей, онъ припомнилъ, что грѣзовская генеральша называетъ Анну Ивановну „недотрогой“,—дѣйствительно, недотрога. Зачѣмъ она вышла и скрылась?.. Сажинъ опять припомнилъ выраженіе лица дѣвушки, когда она просматривала газету, и улыбнулся. Какое у нея милое лицо, когда она задумывается. Недѣли черезъ двѣ Сажинъ опять явился въ злобинскій домъ. Это вышло какъ-то совсѣмъ случайно: онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, вышелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ и опомнился только тогда, когда взялся за ручку звонка. Ему припомнился послѣдній непріятный разговоръ со старухой, но возвращаться было уже поздно. На его счастье, Марѳы Петровны дома не оказалось: она уѣхала въ свою молельню.

— Барышня дома...—лукаво говорила Агаша, стаскивая шубу съ гостя.

— Ага...—отвѣтилъ Сажинъ и сунулъ бойкой дѣвушкѣ кредитку.

Анна Ивановна сильно смутилась и вышла къ гостю съ серьезнымъ лицомъ, но онъ, кажется, не хотѣлъ замѣчать настроенія молодой хозяйки и прошелъ изъ залы безъ приглашенія прямо въ гостиную, какъ свой человѣкъ въ домѣ.

— А я, знаете, зашелъ отдохнуть къ вамъ, Анна Ивановна,—разсѣянно объяснялъ Сажинъ, перекладывая свою шапку на третье мѣсто,—усталъ... однимъ словомъ, я начинаю стариться и хандрю, какъ всѣ старики.

— Можетъ-быть, случилось что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего особеннаго... Просто усталъ! Знаете, на всякаго нападаютъ такіе моменты безсилія, а тутъ еще эта война мышей и лягушекъ... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за удовольствіе вести препирательства и сражаться съ какими-то волостными писарями, кабатчиками и вообще головоногими!..

— Да, но вѣдь вы работаете не для этихъ людей, а для извѣстнаго дѣла...—нерѣшительно замѣтила Анна Ивановна, чтобы сказать что-нибудь.

Этотъ неожиданный визитъ поставилъ дѣвушку въ самое неловкое положеніе, и она начинала сердиться, что Сажинъ не хочетъ это понять. Что̀ подумаетъ Марѳа Петровна, когда вернется изъ молельни?.. Анна Ивановна чутко прислушивалась къ каждому шороху и впередъ переживала непріятное объясненіе съ матерью. Въ окна смотрѣло уже апрѣльское солнце, гдѣ-то трещали неугомонныя канарейки; въ отворенной двери показалась пестрая копка, посмотрѣла большими зелеными глазами на гостя и на хозяйку, облизала ротъ и ушла назадъ.

— Какъ у васъ славно въ этихъ комнатахъ,—говорилъ Сажинъ, оглядывая обстановку, точно былъ здѣсь въ первый разъ:—мнѣ онѣ напоминаютъ дѣтство, когда отецъ таскалъ меня по молельнямъ... У васъ и воздухъ какой-то церковный... Виноватъ, я не отвѣтилъ на вашъ вопросъ. Дѣло—хорошая вещь въ принципѣ, только на практикѣ оно распадается на разныхъ Петровъ Ивановичей и Ивановъ Петровичей, сильныхъ уже простой численностью. Извольте карабкаться и перелѣзать черезъ этотъ тынъ!.. А тутъ еще приходится считаться съ микроскопическими самолюбіями, желаніемъ непремѣнно отстоять свое мнѣніе и разными другими каверзами. Помните, Гейне сказалъ, что самая ужасная изъ всѣхъ войнъ—это война съ клопомъ?.. Лично я меньше всего желаю разыгрывать роль какого-то героя, но согласитесь, что эта мелюзга отравитъ жизнь кому угодно... Вы мнѣ позволите закурить сигару?..

— Пожалуйста...

— А что̀ ваша маленькая правда?—уже съ улыбкой спрашивалъ Сажинъ, пуская струйку синяго дыма.

Въ своихъ разговорахъ съ Анной Ивановной онъ часто возвращался къ этой темѣ и незамѣтно входилъ въ подробности ея жизни. Его все интересовало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это любопытство было проникнуто такой задушевностью и простотой, точно онъ говорилъ съ сестрой, встрѣтившись послѣ долгой разлуки. Иногда онъ давалъ совѣты, иногда возмущался домашней политикой Марѳы Петровны и даже предлагалъ переговорить съ ней, что такъ жить нельзя и что теперь совсѣмъ другія условія. Сейчасъ, по выраженію лица Сажина, Анна Ивановна видѣла, что ему хочется заговорить именно на эту тему и что онъ не рѣшается. Между ними уже установилась извѣстная тонкость пониманія, которая не требовала словъ.

Когда Сажинъ ушелъ, Анна Ивановна пошла въ свою комнату и, отворяя дверь гостиной, кого-то больно ударила половинкой по головѣ: это была Марѳа Петровна, въ однихъ чулкахъ подслушивавшая у двери.

— Мама, развѣ вы были дома?—удивилась Анна Ивановна:—отчего вы не вышли къ Павлу Васильевичу?

— Ладно, ладно... Не твое дѣло мать учить. Чуть было глазъ не вышибла.

— Я просто не могу понять, мама, какъ ваша голова очутилась у самой ручки?

— Убирайся!..

Марѳа Петровна, охая, побрела въ свою каморку и по дорогѣ бормотала:

— Ишь, краснобай... небось, даже не спросилъ, какъ, молъ, Марѳа Петровна поживаетъ, точно я имъ кошка какая въ дому. Надо ужо крестомъ потереть лобъ-то, а то какъ разъ шишка вскочитъ... тьфу!.. И примѣта нехорошая...

Въ сущности Марѳа Петровна была очень довольна и по-своему перетолковала сажинскіе визиты.

„Что же, отъ своей судьбы не уйдешь:—размышляла она, перебирая свои узлы въ каморкѣ:—только вотъ, что Софья Сергѣевна скажетъ?.. Охъ-хо-хо!.. Согрѣшили мы, грѣшныя...“

Анна Ивановна была удивлена, что обыкновенныхъ непріятныхъ объясненій съ матерью не послѣдовало и она могла оставаться въ своей комнатѣ совершенно одна, охваченная нахлынувшей волной того счастья, которое даже пугаетъ.

XII.

— Ты, Пружинкинъ, дуракъ... — съ особеннымъ чувствомъ говорилъ Хановъ, наслаждаясь послѣобѣденнымъ кейфомъ.

— Позвольте-съ, въ какомъ это смыслѣ дуракъ?—спросилъ Пружинкинъ, уже успѣвшій привыкнуть къ рѣзкимъ выходкамъ повихнувшагося старика.

— Во всякомъ... начиная съ того, что ты меня считаешь сумасшедшимъ.

— Дѣйствительно, Владиміръ Аркадьичъ, у васъ есть свой стихъ: все говорите, какъ слѣдуетъ, а потомъ и накатитъ отсутствіе ума... Такъ полагаю, что это отъ вашей прежней развратности происходитъ. Силы-то прежней ужъ не стало въ васъ, а свинство остается...

Хановъ любилъ, когда его бранили, и хохоталъ настоящимъ сумасшедшимъ хохотомъ, какъ и сейчасъ. Слова Пружинкина пріятно щекотали его притупившіеся нервы, вызывая воспоминанія о прошломъ, когда онъ могъ кутить и развратничать напропалую.

— И все-таки дуракъ...—продолжалъ Хановъ, повертываясь на спину—онъ лежалъ на кушеткѣ въ гостиной Софьи Сергѣевны.—Знаешь ли ты, что такое женщины?.. Нѣтъ, тебѣ твоимъ мужицкимъ умомъ этого и не понять, а у меня настоящая дворянская плоть. Что сіе значитъ? А значитъ сіе то, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ родъ Хановыхъ пользовался особыми преимуществами по части безобразія и къ женскому полу имѣлъ большое прилежаніе... Да! Это нужно чувствовать, а умъ, какъ холопъ, идетъ туда, куда его посылаютъ. Такъ что же такое женщина?.. До двѣнадцати лѣтъ она нахально любопытна, въ шестнадцать недотрога—это лучшая пора, когда ею нужно пользоваться... Потомъ она ловитъ жениховъ и любовниковъ. Впрочемъ, ты меня не поймешь своимъ мочальнымъ умомъ, а я скажу тебѣ загадку: кого считаютъ простой и глупенькой, та всѣхъ перехитрила, умная остается въ дурахъ; мужчина сначала съ глупенькой цвѣточки рветъ, потому что очень ужъ это просто и безопасно, а потомъ доберется и до умной... ха-ха!..

Такіе разговоры съ притчами, загадками и дикими выходками происходили въ квартирѣ Мѣшковой довольно часто, когда Пружинкинъ дежурилъ здѣсь въ ожиданіи Софьи Сергѣевны. Генеральша окончательно завладѣла старикомъ и сумѣла настолько его обезвредить, что ему дохнуть было некогда: и то нужно, и это нужно, и пятое-десятое. Пружинкинъ въ пылу

усердія не замѣчалъ, что, исполняя порученія генеральши, онъ безъ отдыха вертится, какъ бѣлка въ колесѣ.

— Рабъ вашъ, Софья Сергѣевна... совершенный рабъ-съ!—восторженно признавался онъ, когда генеральша протягивала ему свою бѣленькую ручку.

Эта послѣдняя церемонія, конечно, продѣлывалась съ глазу на глазъ. Ни Петровъ, ни Ефимовъ, ни Курносовъ даже не подозрѣвали о существованіи такой формы рабства. Они третировали Пружинкина свысока, хотя, въ свою очередь, не брезгали пользоваться его мѣщанскими услугами.

— Старику движеніе необходимо,—объясняли нигилисты,—это полируетъ кровь и придаетъ живость воображенію.

Пружинкинъ не замѣчалъ ничего, счастливый своимъ рабствомъ. Что онъ такое, въ самомъ дѣлѣ? Червь, козявка, пыль,—а съ какими людьми сообщеніе имѣетъ!.. Генеральшу даже провожалъ два раза въ театръ и въ саняхъ съ ней рядкомъ ѣхалъ. И красивая эта Софья Сергѣевна, невпримѣръ другимъ барынямъ, особенно когда пріодѣнется: все на ней точно приклеено, и каждая штучка на своемъ мѣстѣ,—оборочки, рюшечки, бантики, ленточки, какъ цвѣтики на кустѣ. Весьма хорошо-съ... И сама генеральша всегда такая веселая да свѣжая, какъ птица. Конечно, къ умнымъ людямъ она большое пристрастіе имѣетъ и даже позволяетъ имъ дерзкія слова говорить... Но здѣсь мысли Пружинкина совпадали съ генеральской философіей Маремы Петровны: охотку тѣшить, не бѣда платить.

Въ теченіе зимы Пружинкинъ вошелъ окончательно во всѣ распорядки генеральской жизни. Софья Сергѣевна отказалась отъ большого свѣта и его соблазновъ, погрузившись съ головой въ мірокъ умныхъ людей. Про нее ходили по городу слухи и очень некрасивые разсказы, но она не обращала вниманія на это неизбѣжное дополненіе всякаго провинціальнаго существованія. Ей нравилось жить такъ, какъ она жила. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ умныхъ моховскихъ людей, Софья Сергѣевна открыла существованіе новыхъ: гимназисты Коврижко и Оконцевъ, семинаристы—четыре брата Поповыхъ и т. д. Попадались и среди гимназистокъ „очень развитые экземпляры“, но про себя Софья Сергѣевна все-таки отдавала преимущество мужчинамъ. Да, она часто бывала несправедлива и добродушно каялась въ своихъ недостаткахъ: была пристрастна къ людямъ, любила плотно покушать, немножко кокетничала, носила слишкомъ тонкое бѣлье, а на шеѣ какую-то ладонку, держала двухъ горничныхъ, плакала отъ любимыхъ шопеновскихъ вальсовъ, была не прочь смастерить бракъ по любви и т. д. За глаза ее бранили ея же знакомые и разсказывали пикантные анекдоты, но вслѣдъ затѣмъ шли къ ней же, потому что Софья Сергѣевна самой природой была создана съ нарочитой цѣлью угощать другихъ, поить, кормить и вообще устраивать разныя маленькія одолженія. Въ уплату, какъ это водится на бѣломъ свѣтѣ, она получала самую черную неблагодарность и горькія истины.

— Вы насъ извините: мы люди прямые,—говорили Петровъ и Ефимовъ послѣ эпизода со школой:—въ васъ одно прекраснодушіе и пустота... Вы держите двухъ горничныхъ, у васъ гнусныя привычки къ роскоши, вы вообще живете паразитомъ на здоровомъ народномъ тѣлѣ.

— Неправда: у меня сейчасъ одна горничная, Дарьица, а Пашицѣ я отказала!..—отчаянно защищалась генеральша.

— Это все равно... А этого дармоѣда, Ханова, для чего вы кормите?..

Побѣжденная грѣзовская генеральша—ее всегда побѣждали—грустно умолкала, потому что въ этомъ единственномъ случаѣ считала себя совер-

шенно правой. Ее защищала одна Прасковья Львовна, чувствовавшая къ ея беззащитной красотѣ самую непростительную слабость, и Софья Сергѣевна платила докторшѣ самой восторженной нѣжностью, почему Прасковья Львовна даже часто оставалась ночевать у генеральши. Съ глазу на глазъ онѣ говорили на ты: „Ты, Сонька, въ сущности, самая пустая бабенка“... Въ минуты душевнаго разслабленія Прасковья Львовна съ большимъ паѳосомъ говорила о несправедливости къ женщинѣ самой природы. Да, природа несправедлива, отпуская мимолетную красоту за такую длинную лѣстницу испытаній, житейской горечи и разочарованій. Какъ хотите, а женщина связана по рукамъ и ногамъ уже своими физическими особенностями и сравнительной слабостью. Возьмите весь тотъ ужасъ положенія женщины у дикарей и нашихъ инородцевъ, гдѣ она является нечистымъ скотомъ, одно прикосновеніе котораго оскверняетъ. Полуцивилизованныя расы сдѣлали изъ женщины вьючное животное и самку-производительницу. Древнія европейскія цивилизаціи создали культъ только красивой женщины. Прогрессъ, конечно, сдѣлалъ большой шагъ впередъ, но женщина все-таки остается женщиной, и самыя лучшія, святыя чувства идутъ къ ней въ душу на собственную погибель. „Подлецъ“-мужчина дѣлаетъ уступки только изъ вѣжливости, а умъ и образованіе раскрываютъ предъ ней страницу за страницей неисчислимыхъ страданій и вѣчно неудовлетворенной жажды жизни. Выхода нѣтъ, и Прасковья Львовна со слезами на глазахъ говорила:

— Если бы у меня родилась дочь, я ее задушила бы, какъ это дѣлаютъ дикари. Природа нахально несправедлива, и, дѣйствительно, Богъ въ минуту гнѣва сотворилъ первую женщину... Птицы и низшія животныя, къ своему счастью, не знаютъ нашихъ преимуществъ. Каждая хорошенькая женщина дѣлаетъ своей красивой рожицей несчастными сотни другихъ женщинъ, родившихся въ обыкновенномъ человѣческомъ видѣ, какъ имѣютъ право родиться одни мужчины.

Послѣ такихъ разговоровъ Софья Сергѣевна вставала на другой день съ опухшими красными глазами и грустила до обѣда. Пружинкинъ обвинялъ Прасковью Львовну въ дурномъ вліяніи на генеральшу и старался придумать какое-нибудь развлеченіе. Софья Сергѣевна утѣшалась скоро и входила въ свою обычную колею.

Чему удивлялся Пружинкинъ, такъ это недостатку времени—некогда, и конецъ дѣлу! Проекты лежали въ забросѣ, а Моховъ со всѣхъ сторонъ обкладывался навозомъ все плотнѣе и плотнѣе. Старику некогда было даже завернуть къ Маѳѣ Петровнѣ, чтобы принять на свою повинную голову необходимую грозу. Разъ только встрѣтилъ онъ старуху на Черномъ рынкѣ, и она его остановила:

— Послушай, Егоръ Андреичъ, да ты, кажется, рехнулся?

— Приду, Маѳа Петровна, непремѣнно приду... Вотъ только чуточку опростаюсь!..

— Ты посмотри на себя-то: какой у тебя видъ!..

— Какой-съ, Маѳа Петровна?..

— А такой... Точно съ печи упалъ.

Маѳа Петровна даже погрозила ему пальцемъ, а Пружинкинъ обманулъ ее и на этотъ разъ не пришелъ. Тутъ школа, тамъ генеральша—хоть не дыши. Надо бы къ Павлу Васильевичу завернуть и поговорить насчетъ навоза, но и подумать некогда. Свободнаго времени едва удалось урвать на собственныя именины, которыя Пружинкинъ справлялъ 23 апрѣля на Егора-

запрягальника. Изъ гостей въ избушкѣ Пружинкина налицо былъ одинъ неизмѣнный Чалко, усиленно плевавшій на полъ. На письменномъ столѣ красовался именинный пирогъ съ соленой осетриной, графинчикъ съ водкой, бутылка рябиновки, мадера и нѣсколько тарелокъ съ разными закусками—рыжики въ уксусѣ, копчушка, огурцы. Самъ Пружинкинъ никакого вина не пилъ, и, въ виду этого печальнаго обстоятельства, Чалко выпивалъ по двѣ рюмки за разъ.

— У меня натура особенная...—объяснялъ онъ, набивая ротъ закуской:—теперь одному человѣку одно, другому—другое, а третьему...

Оглушительный лай Орлика на дворѣ заставилъ Пружинкина подскочить къ окну. У его воротъ остановилась щегольская пролетка Софьи Сергѣевны, и сама она, Софья Сергѣевна, своей собственной персоной шла по двору, прямо въ избушку, а за ней—Анна Ивановна. Чалко подавился остановившимся въ горлѣ рыжикомъ и хотѣлъ спрятать свою „особенную“ фигуру за печкой, но Пружинкинъ его удержалъ:

— Перестань дичиться! Ты такой же гость. Это генеральша съ злобинской барышней.

Старикъ выскочилъ встрѣчать нежданныхъ гостей въ сѣни, застегивая по дорогѣ свой сюртукъ и жилетъ.

— Ваше превосходительство, вотъ, можно сказать, осчастливили...—бормоталъ онъ, распахивая двери.

Чалко, со слезами на глазахъ отъ душившей его перхоты, униженно раскланялся съ дамами и по необъяснимой причинѣ спряталъ свою шапку подъ печку, какъ предметъ весьма недостойный, компрометирующій высокихъ посѣтительницъ однимъ своимъ видомъ.

— Мы пріѣхали васъ поздравить, Егоръ Андреичъ,—говорила Софья Сергѣевна, снимая пальто.

— Ваше превосходительство... да я... ахъ, Боже мой... Анна Ивановна, позвольте пальтецо принять.

Когда дамы взглядывали въ сторону Чалки, онъ судорожно закрывалъ ротъ и начиналъ пятиться къ дверямъ.

— Позвольте представить вамъ моего пріятеля: фельдшеръ Сушковъ,—отрекомендовалъ Пружинкинъ своего гостя.—Онъ у насъ въ Теребиловкѣ за всю медико-хирургическую академію отвѣчаетъ...

— Очень пріятно...—протянула генеральша, подавая Чалкѣ свою ручку, и милостиво улыбнулась:—очень пріятно!..

Анна Ивановна въ это время успѣла положить на окно два таинственныхъ свертка и потомъ занялась разговоромъ съ Чалкой: давно ли онъ лѣчитъ въ Теребиловкѣ, сколько у него больныхъ, какія болѣзни преобладаютъ въ школьномъ возрастѣ и т. д. Чалко сначала говорилъ только „да-съ“ и „нѣтъ-съ“, но потомъ оправился и началъ говорить почти толково. Генеральша въ это время успѣла осмотрѣть избушку, приласкала Орлика и объявила мимоходомъ, что не прочь закусить.

— Что же это я дуракомъ стою предъ вашимъ превосходительствомъ?—возмущался Пружинкинъ, кидаясь за занавѣску, чтобы подать тарелки и ножи съ вилками.

Вернувшись съ необходимыми снарядами, онъ проговорилъ:

— Ужъ если на то пошло, ваше превосходительство, такъ не откажите чести именинника... настоящимъ образомъ поздравить...

Раскрасневшійся старикъ налилъ двѣ рюмки мадеры. Анна Ивановна отка-

залась, но генеральша, счастливая своимъ милостивымъ присутствіемъ въ избенкѣ, „пригубила“ рюмку и, сдѣлавши маленькій глотокъ, закашлялась.

— Осчастливили на вѣкъ жизни...—бормоталъ Пружинкинъ, пока дамы ѣли по куску именинаго пирога.

Гостьи посидѣли съ полчаса, поболтали о разныхъ разностяхъ и уѣхали. Пружинкинъ проводилъ ихъ до воротъ и вернулся въ избушку съ восторженнымъ лицомъ.

— Изъ которой рюмки генеральша пила?..—спрашивалъ онъ, недовѣрчиво разсматривая двѣ полныхъ рюмки.

— Вотъ изъ этой...—пояснилъ Чалко, указывая на рюмку съ золотыми разводами:—еще поперхнулась...

— Да, братъ... это называются: люди! Не погнушались старикомъ...

— Надо развернуть гостинцы-то...—посовѣтывалъ Чалко, мучимый любопытствомъ.

— Какіе гостинцы?..

— А на окно барышня положила...

Гостинцы были развернуты дрожавшими руками; въ одномъ сверткѣ были двѣ книжки съ надписью: „отъ Анны Злобиной“; въ другомъ—вышитыя шерстями и шелкомъ туфли со вложенною въ нихъ записочкой: „Отъ генеральши. Собственная работа“. Пружинкинъ поцѣловалъ и книги и туфли и положилъ ихъ на письменный столъ, рядомъ съ пирогомъ.

— Удостоился...—шепталъ онъ:—собственными ручками генеральша вышивала... Нѣтъ, Чалко, позволь: что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?..

„Особенная натура“ безмолвствовала, потому что требовался новый зарядъ изъ двухъ рюмокъ. Пружинкинъ нѣсколько разъ принимался разсматривать подарки, перекладывая ихъ съ мѣста на мѣсто, и наконецъ въ какомъ-то отчаяніи проговорилъ:

— Чалко, которая по-твоему лучше: генеральша или Анна Ивановна?..

Чалко вытаращилъ глаза и только развелъ руками: обѣ хороши... Но Пружинкина это не удовлетворило. По его мнѣнію, которая-нибудь изъ двухъ должна же быть лучше, а сдѣлать выборъ самому было выше его силъ. Въ подтвержденіе своей мысли, что обѣ хороши, Чалко еще разъ выпилъ двѣ рюмки.

Туфли генеральши съ этихъ поръ красовались постоянно на письменномъ столѣ Пружинкина, а недопитая рюмка хранилась въ особой коробочкѣ изъ-подъ сигаръ, прибитой къ стѣнѣ. Книжки Анны Ивановны были поставлены въ числѣ другихъ рѣдкостей на полочку, оклеенную по этому случаю золотой бумагой.

XIII.

Теребиловская школа для Анны Ивановны являлась своего рода Америкой, гдѣ она дѣлала постоянныя открытія, хотя могла заниматься въ ней только урывками, когда позволяли время и обстоятельства. Первый пылъ увлеченья школьнымъ дѣломъ въ теченіе перваго же полугода замѣтно поутихъ. Первой отстала отъ школы генеральша, за ней Прасковья Львовна. Послѣдняя объяснила свое отступленіе недостаткомъ педагогической подготовки и вообще педагогическихъ способностей, а первая не пыталась даже оправдывать себя. Такимъ образомъ въ школѣ занимались только Клейнгаузъ и Володина: первая въ женскомъ отдѣленіи, вторая — въ мужскомъ. Школа шла понемногу впередъ, причемъ основной силой являлась Володина. Эта сѣрая, невидная

дѣвушка съ чахоточной грудью обнаружила большую настойчивость, умѣнье вести дѣло, а главное—тотъ особенный педагогическій тактъ, которому нельзя выучиться.

— Это святая дѣвушка!—восторженно отзывалась о ней генеральша:— ей цѣны нѣтъ... Вотъ какихъ женщинъ намъ нужно.

На нѣкоторое время Володина сдѣлалась даже героиней дня, что̀ ее сильно конфузило, какъ невольную конкурентку Клейнгаузъ. Неумѣренные восторги и похвалы вслухъ сдѣлали наконецъ то, что обѣ дѣвушки замѣтно охладѣли другъ къ другу: Клейнгаузъ была обижена, Володина чувствовала себя въ фальшивомъ положеніи. Анна Ивановна особенно внимательно присматривалась къ этой школьной знаменитости и чувствовала лично, по отношенію къ себѣ, тоже какой-то скрытый антоганизмъ со стороны Володиной, что̀ ее очень огорчало. Онѣ вмѣстѣ занимались, встрѣчались въ салонѣ генеральши и все-таки мало знали другъ друга.

— Что̀ это, Володина какъ будто дуется на меня? — спрашивала Анна Ивановна Прасковью Львовну.

— Володина?

— Да... Можетъ-быть, мнѣ это такъ кажется, или я просто не понимаю людей.

— Ахъ, голубчикъ, какъ вы просты! — удивлялась Прасковья Львовна, покачивая своей стриженой головою.—Что̀ вы такое, если разобрать серьезно: богатая и красивая дѣвушка, которой пришла блажь заниматься въ народной школѣ и которая не-сегодня-завтра выберетъ себѣ любого жениха. Извините, я выражаюсь откровенно... да. А Володина бѣдная, некрасивая дѣвушка, у которой эта школа, можетъ-быть, единственный ресурсъ въ жизни и больше ничего. Понимаете вы? ровно ничего! Вѣдь это страшно, когда вамъ двадцать лѣтъ, и когда вамъ мозолитъ глаза какая-то богатая раскольница... Люди, очень хорошіе сами по себѣ, часто могутъ быть несправедливы къ другимъ, какъ и въ данномъ случаѣ.

Это откровенное объясненіе обидѣло Анну Ивановну, тѣмъ болѣе, что отъ своего богатства она, кромѣ зла, пока еще ничего не видѣла. Если она не занималась въ школѣ на ряду съ Володиной, то опять этому мѣшали разныя семейныя обстоятельства и просто дрязги, о какихъ не говорятъ. Достаточно сказать одно то, что каждый урокъ въ школѣ стоилъ Аннѣ Ивановнѣ большихъ непріятностей. Мареа Петровна придиралась къ ней, пилила походя и дѣлала тѣ мелочныя, жалкія сцены, о которыхъ даже говорить не хочется. Волей обстоятельствъ дѣвушка сдѣлалась тоже отступницей отъ школы, и это постоянно ее угнетало, а тутъ еще—столзшая нѣмымъ упрекомъ Володина. Иногда Аннѣ Ивановнѣ хотѣлось открыть душу этой сѣрой дѣвушкѣ, но ее удерживалъ ложный стыдъ: какъ она отнесется къ этой исповѣди и не оттолкнетъ ли ее съ ея избалованной блажью? Можетъ-быть, Володина совсѣмъ не желаетъ съ ней сходиться изъ законнаго самолюбія всѣхъ бѣдныхъ людей, зарабатывающихъ свой кусокъ хлѣба тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ?

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Анна Ивановна каждый разъ ѣхала въ школу съ тяжелымъ сердцемъ и забывала свои личныя невзгоды только тогда, когда начинала заниматься. Она помогала Клейнгаузъ въ женскомъ отдѣленіи, и это опять имѣло свои неудобства. Клейнгаузъ могла подумать: „развѣ я занимаюсь хуже Володиной, если ко мнѣ является помощница?..“ Но Клейнгаузъ была слишкомъ толста, чтобы безпокоиться такими соображеніями, и относилась къ Аннѣ Ивановнѣ какъ-то равнодушно. Женское отдѣленіе нра-

вилось Аннѣ Ивановнѣ больше, а бойкихъ теребиловскихъ мальчишекъ она просто боялась: какъ это Володина умѣетъ справляться съ такими сорванцами? Среди учениць Анна Ивановна чувствовала себя совершенно свободно и входила душой въ тотъ теребиловскій міръ, который стоялъ за этими босоножками. Черезъ нихъ она училась понимать невѣдомую для нея жизнь окраины и приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что вотъ изъ этихъ дѣтскихъ лицъ, еще полныхъ утренней свѣжести, выйдутъ впослѣдствіи отчаянныя теребиловскія бабы и еще болѣе отчаянныя дѣвицы, пользовавшіяся въ Моховѣ настолько плохой репутаціей, что изъ Теребиловки совсѣмъ даже не брали женской прислуги. Раскрывалась какая-то ужасная жизнь, причемъ люди служили только мертвымъ выраженіемъ для извѣстныхъ „желѣзныхъ законовъ“ всего уклада общественной жизни.

На этой почвѣ Анна Ивановна особенно хорошо поняла Пружинкина и его „темноту“. Она его полюбила, какъ и несбыточность пружинкинскихъ мечтаній. Зло слишкомъ было велико, чтобы могла быть организована настоящая реальная помощь. Даже безотвѣтный Чалко, и тотъ начиналъ казаться Аннѣ Ивановнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ первый разъ, когда она познакомилась съ нимъ на именинахъ Пружинкина. Мысленно она рисовала себѣ всѣхъ этихъ больныхъ, лежавшихъ по теребиловскимъ избушкамъ и въ лицѣ Чалки имѣвшихъ единственную помощь. Онъ, этотъ простой фельдшеръ, являлся предъ ней великимъ человѣкомъ. Когда встрѣчался на дорогѣ экипажъ Чалки, Анна Ивановна очень вѣжливо раскланивалась съ его хозяиномъ и нѣсколько разъ пыталась вступить въ разговоръ, хотя не особенно успѣшно.

— Напрасно вы безпокоитесь, Анна Ивановна,—объяснилъ Пружинкинъ по этому поводу.—Такой онъ человѣкъ... т.-е. Чалко... лишенъ всякой словесности, а только онъ добрый и не фыркаетъ на больныхъ.

Ученицы тоже называли фельдшера Чалкой, и въ этой кличкѣ чувствовалась ихъ органическая связь со своимъ фельдшеромъ.

Да, Теребиловка являлась для Мохова чѣмъ-то въ родѣ помойной ямы, а самъ, въ большихъ каменныхъ домахъ, шла своя привилегированная жизнь, свои интересы и свои мысли. При одномъ имени Теребиловки мужчины иронически улыбались и пожимали плечами, а дамы приходили въ ужасъ и отмахивались руками.

Возвращаясь домой, дѣвушка думала о Теребиловкѣ, которая своимъ грѣшнымъ существованіемъ начинала отравлять ей даже тотъ покой и удобства, какими она пользовалась. Каждый день садиться за столъ и ѣсть свои разносолы, когда тамъ нѣтъ хлѣба у дѣтей, нѣтъ лѣкарства больнымъ... И помочь теребиловцамъ нельзя: нужно было воспитать совсѣмъ другихъ людей, т.-е. измѣнить въ основаніи весь строй городской жизни, создавшій, какъ свое неизбѣжное слѣдствіе, Теребиловку. Прежде люди успокаивались благотворительностью и нищенскими подачками, но эту систему поправленія теребиловскаго зла даже Пружинкинъ называлъ паліативной мѣрой. Скажемъ въ скобкахъ, что старикъ, какъ всѣ самоучки, питалъ большое пристрастіе къ ученымъ иностраннымъ словечкамъ и частенько употреблялъ ихъ несовсѣмъ кстати. Въ данный моментъ всякая благотворительность была особенно въ загонѣ, и всѣ говорили, что зло устранимо только съ устраненіемъ причинъ—все остальное составляетъ бирюльки и дамскую блажь.

Въ этомъ упорствѣ мысли богатой невѣсты сказывались неудовлетворенные позывы къ другой жизни и широкой дѣятельности. Дѣвушка вносила сюда всю страстность пробудившагося сознанія и съ мучительной болью на-

талкивалась на разраставшіяся препятствія. Минуты просвѣтлѣнія и вѣры въ себя смѣнялись полной безнадежностью и апатіей человѣка, заживо похороненнаго въ четырехъ стѣнахъ. Въ Аннѣ Ивановнѣ сказывалась чисто-раскольничья энергія, выработанная рядомъ поколѣній.

Въ одну изъ такихъ скверныхъ минутъ Анна Ивановна однажды сидѣла въ учительской каморкѣ теребиловской школы и перебирала ученическія тетради. Осторожные шаги вошедшаго о. Евграфа заставили ее оторваться отъ работы. Она по особенной антипатіи, воспитанной съ дѣтства къ православному духовенству, относилась къ о. Евграфу съ полнымъ пренебреженіемъ: всѣ попы, молъ, взяточники и попрошайки, которые дерутъ съ живого и съ мертваго. Если о. Евграфа терпѣли въ школѣ, то только потому, что нельзя же было обойтись безъ законоучителя. Даже отношенія Пружинкина къ этому попу возмущали Анну Ивановну: старикъ дѣлалъ глупое лицо, подходилъ подъ благословеніе и бѣжалъ отворять двери. Что-то такое нехорошее было въ этихъ отношеніяхъ — подобострастное и унижающее, хотя Пружинкинъ нѣсколько разъ говорилъ Аннѣ Ивановнѣ:

— Я и попа особеннаго приспособилъ для школы-съ...

Въ чемъ состояла эта особенность о. Евграфа, Анна Ивановна совсѣмъ не желала разузнавать. Она кланялась ему издали и старалась по возможности избѣгать, какъ хотѣла сдѣлать и теперь.

— Вы это куда же такъ заторопились, Анна Ивановна?—заговорилъ о. Евграфъ.—Можно предположить, что этому невольной виной послужилъ я...

— Нѣтъ, я кончила...—твердо отвѣчала дѣвушка и, только солгавъ, поняла, что поступила нехорошо.

О. Евграфъ неловко замолчалъ, крякнулъ и какъ-то смущенно потупилъ глаза. Онъ былъ въ своей будничной, выцвѣтшей люстриновой рясѣ, которая у ворота совсѣмъ засалилась отъ падавшихъ на плечи волосъ.

— У васъ, батюшка, сегодня въ которомъ отдѣленіи урокъ?—спросила Анна Ивановна, чтобы загладить свою необдуманную ложь.

— Въ мужскомъ... Сейчасъ напутствовалъ умирающаго, — совершенно просто проговорилъ онъ, усаживаясь на стулъ.—Бѣдность и нищета... И что же: такъ спокойно умираетъ. Простилась со всѣми, благословила ребятишекъ... Даже, знаете, со стороны неловко смотрѣть: и живой человѣкъ и какъ будто не живой.

— Не о чемъ жалѣть, вотъ и умираетъ спокойно.

— Вы думаете?

— Кажется, ясно...

О. Евграфъ немного поморщился, пожевалъ губами и въ другомъ тонѣ заговорилъ:

— Нѣтъ, тутъ другое, сударыня. Конечно, есть умные и очень богатые люди, однимъ словомъ, князи міра сего, но есть и совѣсть... Теперь вотъ вы, напримѣръ, такъ полагаете: будетъ у всѣхъ хлѣбъ, будетъ кровъ, будетъ необходимое одѣяніе, однимъ словомъ, насущныя земныя блага, и сейчасъ будутъ всѣ счастливы?.. Не такъ ли, сударыня?

— Положимъ, что такъ...

— И въ этомъ вы видите цѣль своей дѣятельности, а просвѣщеніе косвенно или прямо ведетъ къ тому же. Если человѣкъ сытъ, онъ не пойдетъ воровать; если у человѣка тепло и уютно, онъ не пойдетъ въ праздничное время по кабакамъ—другими словами, сытая и довольная жизнь сама устранитъ всякія преступленія. Такъ гласитъ наука о цивилизаціи и такъ говоритъ

г. Бокль... Прогрессируютъ научныя истины, а нравственность одна и та же отъ самыхъ глубокихъ временъ, и ни одной іоты никто еще не прибавилъ въ ея кодексъ. Не правда ли?..

— Не совсѣмъ такъ, но я не спорю.

— Хорошо-съ... Отчего же теперь въ хорошихъ домахъ, гдѣ и сыто и одѣто—отчего туда вкрадывается скорбь и льются напрасныя слезы? Человѣкъ нажилъ рубль—ему ужъ нужно нажить два; онъ, этотъ человѣкъ, нажившій два рубля, для наживы третьяго давитъ своего сосѣда, и если поучился грамотѣ, то называетъ свой поступокъ „борьбой за существованіе“. Слабый гибнетъ, а сильный торжествуетъ... Ни правды ни неправды нѣтъ, а есть борьба за существованіе, половой подборъ и полная невмѣняемость, ибо каждый, при данныхъ обстоятельствахъ, обстановкѣ, воспитаніи, темпераментѣ и расположеніи духа, и поступитъ иначе не могъ. Докторъ Круповъ называетъ всѣхъ людей сумасшедшими... да?

— Что же изъ этого всего слѣдуетъ?.. — спрашивала Анна Ивановна, удивленная начитанностью батюшки, который зналъ даже г. Бокля и доктора Крупова.

— А слѣдуетъ то, съ чего мы начали: бѣдная и простая женщина умираетъ со спокойной совѣстью, а мы будемъ думать, что если у всѣхъ будетъ тепло, то и хорошо. Внѣшнее еще не даетъ внутренняго, и, можетъ-быть, мы идемъ помогать людямъ, у которыхъ намъ самимъ слѣдовало бы просить помощи... Есть своя философія нищеты и злоключеній.

— Слѣдовательно, по-вашему, бѣдные счастливѣе насъ, богатыхъ, и мы не должны выводить ихъ изъ этого блаженнаго состоянія?..

— Нѣтъ, я этого еще не сказалъ... Полагаю только, что одно развитіе умственное, какъ утверждаетъ г. Бокль, еще не дѣлаетъ *всего* человѣка. Вы, напримѣръ, образованная и воспитанная дѣвушка, больше всего смущены тѣмъ, что настоящія слова говоритъ человѣкъ, одѣтый въ рясу. Васъ уже отталкиваетъ одна внѣшность, съ которой въ своемъ умѣ вы соединили извѣстныя мысли. Точно такъ и въ другихъ случаяхъ жизни вы будете руководствоваться указаніемъ этой мысли, которая, какъ обоюдоострый ножъ, можетъ служить и на великую пользу и на великій вредъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ кончившимся урокомъ, и Анна Ивановна была рада случаю отвязаться отъ попа-іезуита, какъ она назвала его про себя. Зачѣмъ онъ присталъ къ ней? По его словамъ, не нужно даже учить дѣтей... Теперь въ школѣ одной непріятностью больше. За разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній Анна Ивановна иногда обращалась къ Прасковьѣ Львовнѣ, какъ сдѣлала и теперь. Та даже расхохоталась.

— Это отецъ-то Евграфъ іезуитъ?—повторяла она, хлопая себя по бедрамъ, какъ торговка. — Ну, матушка, попала пальцемъ въ небо... Я не особенно поповъ жалую, а этотъ—исключеніе: философъ какой-то и чудакъ. Онъ часто у моего супруга бываетъ, потому что они вмѣстѣ учились въ бурсѣ. Однако, чортъ возьми, дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть, какъ это вы объяснялись въ учительской... и поняли одинъ другого.

XIV.

Лѣто прошло очень весело. Салонъ грѣзовской генеральши и „молодой Моховъ“ соединились на время для общихъ развлеченій. Устраивались пикники, поѣздки въ лѣсъ и другія parties de plaisir. Было нѣсколько спектаклей съ благотворительной цѣлью, гулянья въ городскомъ саду съ неизбѣжными

аллегри, дававшими моховскимъ красавицамъ случай показать себя. Софья Сергѣевна тоже не отказывалась съ благотворительной цѣлью повертѣться на открытой эстрадѣ, гдѣ моховская публика осаждала ее. Она являлась какъ бы примиряющимъ элементомъ, и всѣ партіи на время смѣшивались въ одну безразличную кучку. Моховскій губернаторъ, прихрамывающій на лѣвую ногу, особенно ухаживалъ за хорошенькой вдовушкой и говорилъ ей тѣ любезности и комплименты, какіе были въ ходу полвѣка назадъ. По своей наружности, онъ ничѣмъ не отличался, особенно когда надѣвалъ партикулярный костюмъ: высокій, плотный старикъ съ свѣжимъ лицомъ и большимъ носомъ,—вотъ и все. Лѣтомъ губернаторъ любилъ ходить попросту, въ парѣ изъ китайскаго шелка и немного фантастической „крылаткѣ“.

— Мы васъ подозрѣваемъ, наша дорогая Софья Сергѣевна,—говорилъ обыкновенно губернаторъ и сладко прищуривалъ одинъ глазъ, какъ пообѣдавшій старый котъ.—Да... Вы устраиваете у себя очагъ революціи.

— Представьте, а я и не подозрѣвала, что это такъ опасно!—кокетничала генеральша.

— Но вы сами по себѣ опаснѣе всякой революціи...

Губернаторская свита, состоявшая изъ разныхъ совѣтниковъ и чиновниковъ особыхъ порученій, расцвѣтала одной улыбкой: начальство изволитъ шутить... Прибавимъ отъ себя, что это очень льстило суетнымъ чувствамъ Софьи Сергѣевны, и она принимала самыя обворожительныя позы, по-институтски прижимая локотки къ таліи. Старикъ-губернаторъ пользовался репутаціей большого ловеласа, и поэтому всѣ чиновники старались изо всѣхъ силъ ухаживать за дамами, что̀ зачислялось имъ въ исполненіе ихъ прямыхъ обязанностей. Сажинъ обыкновенно появлялся тоже на эстрадѣ, гдѣ царила Софья Сергѣевна, и это служило поводомъ къ очень пикантнымъ сценамъ.

— Мы всѣ вращаемся около васъ, Софья Сергѣевна, какъ отдѣльныя созвѣздія около центральнаго свѣтила,—сказалъ однажды губернаторъ въ присутствіи Сажина, который сидѣлъ у рулетки молча.—Есть въ вашей орбитѣ даже кометы...

— Ваше превосходительство, по-моему, самая маленькая комета лучше тѣхъ подозрительныхъ планетъ, которыя свѣтятъ чужимъ свѣтомъ,—отвѣтилъ Сажинъ, парируя ударъ.

— Но солнце все-таки остается солнцемъ, не правда ли? А самая темная планета можетъ гордиться, что и на нее упалъ золотой солнечный лучъ...

Собственно говоря, времена были самыя либеральныя, и предержащая власть даже снисходительно заигрывала съ протестовавшими элементами. Притомъ губернаторъ отъ природы былъ добродушный малый и больше всего на свѣтѣ интересовался театральными дѣлами, гдѣ у него велись легкія интрижки. Это было въ порядкѣ вещей, когда вылетѣвшая на сцену оперетка увлекала и сановныя головы. За моховскимъ губернаторомъ даже установилась спеціальная кличка опереточнаго губернатора, и онъ первый аплодировалъ изъ своей ложи, когда въ „Пѣвчихъ птичкахъ“ губернаторскій кучеръ кричалъ изъ-за газеты: „Vive le gouverneur!“. Либерализмъ этого моховскаго губернатора простирался до того, что онъ подавалъ руку даже Щипцову, когда тотъ сдѣлался редакторомъ „Моховскаго Листка“, и милостиво выслушивалъ скабрёзные анекдоты Ханова, когда тотъ являлся на гулянье въ своемъ официальномъ званіи „дяди“.

— Какъ гнусно коверкается наша генеральша!—возмущались нигилисты, попивая пиво гдѣ-нибудь за отдѣльнымъ столикомъ.—Пропащая бабенка.

Съ нигилистами сидѣлъ обыкновенно Курносовъ и мрачно наблюдалъ публику своими бѣлыми глазами. Докторъ Вертеповъ, по свойственному фельетонистамъ легкомыслію, перебѣгалъ отъ одной партіи къ другой и разносилъ городскія вѣсти. „Милый докторъ“ пользовался особенной популярностью въ дамскомъ обществѣ.

Въ качествѣ излюбленнаго земскаго человѣка, Сажинъ пользовался особеннымъ вниманіемъ публики, и это послѣднее непріятно его стѣсняло. Сидя на эстрадѣ, онъ долго выжидалъ удобнаго момента, чтобы скрыться въ публику незамѣтно и, не встрѣчаясь со знакомыми, добраться до того мѣста, гдѣ гуляла Анна Ивановна съ Глюкозовой или Клейнгаузъ. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ ея обществѣ. Прасковья Львовна подъ какимъ-нибудь предлогомъ исчезала, и Сажинъ вдвоемъ съ Анной Ивановной уходили куда-нибудь въ уединенную аллею, разговаривая о своихъ дѣлахъ. Между ними уже успѣла установиться извѣстная короткость отношеній, и Анна Ивановна больше не стѣснялась своего кавалера. Ей дѣлалось скучно, когда его не было. Сажинъ попрежнему держалъ себя съ подкупающей простотой и незамѣтно вошелъ въ мірокъ сдержанной, серьезной дѣвушки. Онъ интересовался ея гимназическими воспоминаніями, семейной обстановкой, школой, планами будущаго и въ то же время разсказывалъ о себѣ, какъ слушалъ лекціи съ докторомъ Вертеповымъ въ университетѣ, какъ путешествовалъ за границей, и повѣрялъ ей свои задушевныя мечты и желанія. Иногда Анна Ивановна удивлялась самой себѣ, какъ она могла разсказывать Сажину все то, что имѣло такой исключительно личный интересъ, но это не мѣшало быть разговорамъ задушевнѣе, и дѣвушка начала жить только отъ одной такой встрѣчи до другой. Она не пыталась даже дать себѣ отчетъ въ томъ увлекающемъ и манящемъ чувствѣ, которое такъ неудержимо тянуло ее впередъ.

Плохая военная музыка изъ захолустныхъ горнистовъ зудила надоѣвшій всѣмъ персидскій маршъ; сквозь просвѣты липъ косыми лучами рѣзало воздухъ закатывавшееся солнце, а они шли по любимой липовой аллеѣ, гдѣ было совсѣмъ пусто.

— Не правда ли, въ нашей судьбѣ есть много общаго?—говорилъ Сажинъ, дѣлая вольтъ своею тростью. — Взять хоть семьи, изъ которыхъ мы вышли... Это такая мелкая и несчастная жизнь, придавленная собственными плутнями. Помню, какъ въ первый разъ мальчикомъ я попалъ на исповѣдь къ какому-то начетчику,—вотъ было ужасное впечатлѣніе! Я припомнилъ этотъ случай, какъ лучшую характеристику нашихъ нравовъ, хотя собственно раскольничья среда гораздо лучше и выше по своему развитію.

Сажинъ неловко замолчалъ, припомнивъ, что раскольничья неприличная исповѣдь всей своей тяжестью обрушивается главнымъ образомъ на женщинъ и несчастныя дѣвушки выходятъ отъ исповѣдниковъ съ заплаканными и испуганными лицами. Этотъ намекъ заставилъ Анну Ивановну вспыхнуть: съ ней чуть не сдѣлался обморокъ въ первый разъ послѣ исповѣди, а потомъ она всегда съ ужасомъ думала объ этомъ испытаніи.

— Да, вотъ даже и такая обстановка не въ состояніи заглушить въ людяхъ лучшіе инстинкты и порядокъ извѣстныхъ идей...—продолжалъ Сажинъ, стараясь поправиться.—Меня больше всего радуютъ наши русскія женщины. Вѣдь въ нихъ все наше будущее, потому что онѣ сдѣляются воспитательницами будущихъ поколѣній. Какъ хотите, а первыя дѣтскія впечатлѣнія— это святая святыхъ человѣческой души. Будущее свѣтло, и стоитъ жить. Не правда ли?

Она ничего не отвѣчала, наблюдая кривую линію, которую оставлялъ на пескѣ дорожки ея волочившійся по землѣ зонтикъ. Звуки доносившейся музыки замирали. Впереди аллея дѣлалась свѣтлѣе. Узорчатыя тѣни прихотливо бродили подъ деревьями, обрисовывая силуэты сучьевъ и скученной листвы. Отдѣльныя солнечныя пятна, пронизывавшія листву, точно приковывали эти тѣни къ землѣ золотыми гвоздями. Онъ взялъ ее за руку; она повиновалась и шла попрежнему молча.

— Не правда ли, какой сегодня отличный вечеръ?—шопотомъ проговорилъ онъ, чувствуя, что у него пересохло въ горлѣ.

— Да...

Онъ тихо засмѣялся, а она взглянула на него потемнѣвшими счастливыми глазами. Глупая и банальная фраза говорила имъ о другомъ, что̀ понимается и чувствуется безъ словъ. Звуки музыки едва доносились. Аллея кончилась, и нужно было возвращаться. Зачѣмъ такія счастливыя аллеи всегда слишкомъ коротки и не продолжаются до безконечности, какъ это дѣлаютъ въ гимназическихъ учебникахъ всѣ параллельныя линіи! На поворотѣ Анна Ивановна вдругъ выдернула свою руку изъ руки Сажина и сдѣлала торопливое движеніе. Изъ боковой аллеи къ нимъ навстрѣчу шли подъ ручку Пружинкинъ и Хановъ. Послѣдній былъ сильно пьянъ и выдѣлывалъ ногами вензеля.

— Владимиръ Аркадьичъ... вы этакъ маленечко попрямѣе держите свою личность...—уговаривалъ Пружинкинъ, замѣтивъ подходившихъ Сажина и Анну Ивановну.—Нехорошо-съ... Владимиръ Аркадьичъ! Ей Богу-съ! Только конфузите Софью Сергѣевну!

— Я... что̀-о такое-е?..—мычалъ Хановъ, не узнавая проходившаго Сажина.—Да... я... э... э... кто это прошелъ? Она въ брачномъ опереніи?

— Пойдемте, сударь...—напрасно тащилъ Пружинкинъ пьянаго старика.

Но съ Хановымъ трудно было сладить. Онъ остановилъ Сажина, протеръ глаза и улыбнулся.

— Удивительный Павелъ Васильевичъ...—бормоталъ онъ, сильно накреняясь на бокъ.—Э... э... вонъ оно куда пошло!.. Нѣ-ѣ-тъ... позвольте-съ!.. Я къ вамъ, м-л-ст-вый с-дарь, секундантовъ...

— Пожалуйста, оставьте!—сухо отвѣтилъ Сажинъ, отталкивая пьяницу.—Вы забываетесь!

— Я? Слышишь, Пружинкинъ? Забываетесь!

— Ради Христа, пойдемте своей дорогой!—уговаривалъ его Пружинкинъ,

Но Хановъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая глазами догонявшаго Анну Ивановну Сажина, и своимъ хриплымъ голосомъ пѣлъ:

Мой совѣтъ, до обрученья
Две-е-рь не отво-о-ряй!..
Ха-ха-ха!..

Сажинъ былъ взбѣшенъ и жалѣлъ, что не далъ пощечины этому старому мерзавцу, который испортилъ своимъ появленіемъ всю поэзію чуднаго вечера. Анна Ивановна шла молча, блѣдная, съ опущенными глазами. Музыка больше не играла, и съ каждымъ шагомъ впередъ все увеличивался приливавшій шумъ гуляющей толпы. Въ вершинѣ старой березы каркнула ворона. Аннѣ Ивановнѣ вдругъ сдѣлалось страшно, какъ это иногда случается въ дѣтствѣ—безотчетно страшно. Ей захотѣлось вернуться, чтобы уйти отъ всѣхъ. Онъ угадалъ ея мысль, но, не желая компрометировать дѣвушку, твердой походкой

направился впередъ, къ центральной площадкѣ, надъ которой, какъ крылья подстрѣленной птицы, неподвижно висѣли полинялые пестрые флаги и публика сбилась кучками за отдѣльными столиками.

— Когда мы увидимся, Анна Ивановна?—спросилъ Сажинъ, дѣлая усиліе надъ собой.

— Когда хотите. Впрочемъ, я не знаю, что говорю...—тихо отвѣтила дѣвушка и пошла навстрѣчу показавшейся впереди Прасковьѣ Львовнѣ.

Докторша сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ Сажина, который неловко постарался уйти въ толпу, гдѣ опять наткнулся на Ханова, который, къ счастью, не узналъ его. Зато навязался Вертеповъ, который непремѣнно хотѣлъ затащить Сажина на эстраду Софьи Сергѣевны.

— Представь себѣ, она меня прогнала!—жаловался онъ со своей обычной развязностью.—Такъ-таки прямо и прогнала, да еще прибавила, что вообще ненавидитъ меня. Рѣшительно, не пон-ни-маю!

На эстраду къ генеральшѣ Сажинъ не пошелъ: тамъ сидѣлъ губернаторъ. При выходѣ изъ сада онъ встрѣтился съ Куткевичемъ и Бѣлошеевымъ, которые о чемъ-то оживленно спорили. Сажинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ, и прошелъ мимо. Онъ былъ доволенъ, что такъ счастливо выбрался изъ сада и могъ остаться совершенно одинъ. Какое это счастье быть одному, когда никто не мѣшаетъ ни одной вашей мысли. Быстрыя лѣтнія сумерки окутывали городъ темнымъ покровомъ. Въ домахъ зажигались огни. На тротуарахъ попадались таинственныя парочки, искавшія уединенія. Отъ городского сада, выходившаго на Наземку, Сажину нужно было сначала пройти по шоссированной набережной, а потомъ повернуть въ Консисторскую. Онъ шелъ бодрой, веселой походкой, помахивая палкой. На поворотѣ съ набережной его обогналъ злобинскій экипажъ—онъ узналъ и лошадь, и кучера, и Анну Ивановну, которую провожала Прасковья Львовна. Сажинъ остановился, проводилъ глазами экипажъ и почувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Не вернуться ли ему опять въ садъ? Нѣтъ, тамъ опять начнутъ приставать къ нему. Сажинъ пошелъ прямо домой и очень былъ доволенъ, что у Василисы Ивановны еще горѣлъ огонь. Онъ прошелъ прямо къ ней и попросилъ чаю.

— Можно и чаю...—отвѣтила старушка и пытливо посмотрѣла на неожиданнаго гостя.

— Вы что это, Василиса Ивановна, все дома сидите?—спрашивалъ Сажинъ, когда отхлебывалъ изъ стакана горячій душистый чай.

— А... такъ. Куда мнѣ ходить-то?

Старушка печально вздохнула. Сажинъ посидѣлъ съ ней, старался разсказать что-то смѣшное, а потомъ ушелъ къ себѣ наверхъ. Какъ это тяжело, когда человѣку даже итти некуда и никому до него нѣтъ дѣла... вѣдь это живая смерть! И сколько такихъ людей дотягиваетъ свой вѣкъ по печальной необходимости, а онъ, Сажинъ, еще такъ полонъ жизни, и будущее для него открыто. Да, онъ будетъ счастливъ, какъ никто другой, и счастливъ уже теперь, потому что вотъ сейчасъ чувствуетъ въ себѣ біеніе этого необъятнаго чувства, которое творитъ чудеса.

Увлеченный внутреннимъ радостнымъ настроеніемъ, Сажинъ даже попробовалъ что-то запѣть, но потомъ самъ засмѣялся отъ фальшивой рулады: у него былъ хорошій, свѣжій голосъ и полное отсутствіе музыкальнаго слуха. Въ кабинетѣ на столѣ лежалъ знакомый сѣрый конвертъ съ тонкимъ почеркомъ Софьи Сергѣевны. Сажинъ поморщился и, разорвавъ непрочитанное письмо

на четыре части, бросилъ его въ корзину. Ему припомнилась встрѣча въ саду съ пьянымъ Хановымъ, потомъ широкая губернаторская спина, наклоненная къ Софьѣ Сергѣевнѣ.

— Какъ все это, однако, глупо!—вслухъ проговорилъ Сажинъ, проводя рукой по лбу, точно онъ хотѣлъ стереть какія-то тяжелыя воспоминанія.

Ни читать ни писать онъ сегодня не могъ и поэтому бродилъ по пустымъ комнатамъ, разсматривая обстановку, точно онъ вернулся въ свою квартиру изъ какого-то очень далекаго путешествія. Да, было порядочно-таки пусто, и вездѣ такой безпорядокъ. Изъ его кабинета окно выходило въ садъ, который сростался со злобинскимъ садомъ. Сажинъ распахнулъ раму и, заложивъ руки за спину, долго смотрѣлъ туда, гдѣ, какъ свѣтляки въ травѣ, теплились два пятна—это горѣлъ огонь въ комнатѣ Анны Ивановны. Что-то она теперь дѣлаетъ? Сцена въ саду встала передъ нимъ живьемъ: она его тоже любитъ и, можетъ-быть, думаетъ сейчасъ о немъ. О, милая, милая дѣвушка! Стоитъ жить для одной тебя! Да... жить серьезно, работать, приносить пользу другимъ и такъ дойти рука объ руку до могилы. Ему припомнились первыя встрѣчи съ Анной Ивановной у генеральши, потомъ въ земскомъ собраніи, въ школѣ, опять у генеральши... Да... онъ полюбилъ ее съ перваго раза и только не могъ дать себѣ отчета въ собственномъ чувствѣ. А она? Неужели и она переживаетъ то же, что чувствуетъ сейчасъ онъ? Какая отличная ночь, и какъ тяжело сидѣть теперь одной Василисѣ Ивановнѣ, которой даже итти некуда!

Эти любовныя грёзы и воспоминанія омрачались какой-то тайной мыслью, и Сажинъ опять проводилъ рукой по лбу, широко, всей грудью вбирая свѣжій ночной воздухъ.

— Да... бываетъ очень скверная „маленькая правда“...—думалъ онъ, заглядывая въ стоявшую подъ столомъ корзину съ бумагами, гдѣ валялось разорванное письмо генеральши.

XV.

Отношенія между Анной Ивановной и генеральшей вдругъ измѣнились какъ-то безъ всякой видимой причины, что непріятно поразило дѣвушку. Софья Сергѣевна видимо тяготилась ея присутствіемъ въ своемъ салонѣ, а къ Маріѣ Петровнѣ совсѣмъ не заглядывала уже цѣлый мѣсяцъ.

— Что я такое сдѣлала?—спрашивала дѣвушка Прасковью Львовну.

— Э... глупости!—уклончиво отвѣчала докторша и начинала бранить Сажина.

Выходило самое фальшивое положеніе, и Анна Ивановна провела конецъ лѣта у себя дома. Она была слишкомъ счастлива, чтобы обращать вниманіе на все, что дѣлалось кругомъ. Сажинъ бывалъ въ злобинскомъ домѣ почти каждый день. Мароа Петровна встрѣчала его радушно, но какъ-то странно: она точно сердилась на него. Но онъ медлилъ предложеніемъ просто потому, что слишкомъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Да и къ чему эти глупыя формальности, когда они не говорили другъ другу о своей любви—имъ было слишкомъ хорошо безъ словъ. Читать вмѣстѣ, бродить по аллеямъ запущеннаго злобинскаго сада и мечтать о будущемъ—что могло быть лучше? Она сама опиралась на его руку и прижималась головой къ его плечу. Такой славный былъ этотъ злобинскій садъ, особенно по угламъ, гдѣ зелеными шатрами раскинулись черемухи и рябины. Песокъ на дорожкахъ давно проросъ зеленой травой, неподрѣзанныя акаціи хватали своими мягкими вѣтками прямо

за лицо; пахло левкоями и резедой. По вечерамъ Марѳа Петровна любила напиться чайку на садовой террасѣ, обмахиваясь платочкомъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ (стоялъ уже августъ), когда Марѳа Петровна ушла въ комнаты по своимъ хозяйскимъ дѣламъ, а бойкая Агаша съ лукаво потупленными глазами убирала чайную посуду—они сидѣли на этой террасѣ и говорили о наступающей сессіи осеннихъ земскихъ собраній, о школѣ и другихъ занятіяхъ, какія приходятъ вмѣстѣ съ осенью.

— Да... скоро зима!—съ какой-то грустью замѣтила Анна Ивановна.

— Изъ моего кабинета черезъ садъ видно, какъ горитъ въ вашей комнатѣ огонь...—проговорилъ Сажинъ.—Вы, должно-быть, долго занимаетесь по вечерамъ?

— Какъ случится.

Анна Ивановна такъ хорошо покраснѣла и опустила глаза. Она изъ своего окна тоже наблюдала огонь въ сажинскомъ кабинетѣ и знала, когда онъ дома и занятъ. Эти два огонька служили имъ маяками.

Убиравшая посуду Агаша засмотрѣлась на садовую калитку со стороны двора и уронила чашку, которая разбилась съ жалобнымъ звономъ, какъ лопнувшая струна.

— Скажи, что я разбила.. —проговорила Анна Ивановна, желая спасти Агашу отъ непріятностей.

— Нѣтъ! Пусть буду я виноватъ!—вступился Сажинъ.

Но Агаша даже не обратила вниманія на это великодушіе и продолжала какъ-то растерянно смотрѣть на калитку. По двору въ садъ шла торопливыми маленькими шажками Софья Сергѣевна, одѣтая въ амазонку и черный цилиндръ съ откинутой назадъ длинной синей вуалью. Она небрежно поддерживала одной рукой волочившійся по землѣ шлейфъ и смотрѣла прямо на террасу. Анна Ивановна побѣжала къ ней навстрѣчу, а Сажинъ поднялся съ садоваго кресла и нетерпѣливо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по террасѣ.

— Я, кажется, вамъ помѣшала?—говорила Софья Сергѣевна, крѣпко пожимая руку Анны Ивановны.

— Какъ вамъ не стыдно говорить такія вещи?—вспыхнувъ, проговорила дѣвушка.

— Ну, виновата, голубчикъ! Не всякое лыко въ строку!

Съ Сажинымъ она поздоровалась издали легкимъ кивкомъ головы и руки не подала. Сажинъ отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ и только пробарабанилъ по ручкѣ кресла какой-то лихорадочный маршъ. Анна Ивановна съ недоумѣніемъ смотрѣла на нихъ и чувствовала себя въ самомъ глупомъ положеніи. Генеральша замѣтно старалась подавить свое волненіе, и на щекахъ у нея румянецъ выступилъ пятнами. Она болтала и смѣялась, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ молчавшаго Сажина, который то вытягивалъ свои длинныя ноги, то подбиралъ ихъ и какъ-то глупо смотрѣлъ въ сторону, гдѣ у садовой стѣны уже съ часъ сѣрый котенокъ сторожилъ воробья. Среди разговора генеральша какъ-то бѣгло вглядывалась въ выраженіе лица Анны Ивановны и нѣсколько разъ ударила маленькимъ хлыстомъ по валику диванчика.

— До свиданія, Анна Ивановна!—неожиданно проговорилъ Сажинъ, поднимаясь съ мѣста.

— Куда же это вы, Павелъ Васильевичъ?

— Извините... мнѣ некогда!

— Зачѣмъ вы его удерживаете, крошка?—съ улыбкой замѣтила Софья

Сергѣевна, не отвѣчая на поклонъ Сажина.—Развѣ не видите, что онъ бѣжитъ? Ха-ха-ха! Да... нашъ великій человѣкъ бѣжитъ.

— Я не понимаю, Софья Сергѣевна, что̀ все это значитъ?—спрашивала Анна Ивановна, съ трудомъ переводя духъ.

Генеральша провожала глазами уходившаго Сажина и только чуть замѣтно покачивала своей головкой, точно каждый сажинскій шагъ отдавался въ ея сердцѣ. Наступила неловкая пауза. Потомъ генеральша обняла Анну Ивановну за талію и ласково повела съ террасы въ садъ. Она задыхалась, и прежній румянецъ смѣнился смертельной блѣдностью. Агаша собрала перемытую посуду на поднось и съ сердитымъ лицомъ потащила все въ комнаты: ей было жаль Сажина, который дарилъ ей деньги, когда былъ въ духѣ.

— Что̀ такое случилось? — спрашивала Анна Ивановна, предчувствуя бѣду.

— Да... онъ бѣжалъ!—повторяла Софья Сергѣевна какъ во снѣ, не отвѣчая на вопросъ.—Великій человѣкъ бѣжалъ! Анненька, вы его любите?—неожиданно, какъ-то въ упоръ, спросила она, останавливаясь.—Впрочемъ, къ чему такой вопросъ? Ваши глаза, голубчикъ, отвѣчаютъ за васъ! Нѣтъ... все это слишкомъ гадко, чтобы напрасно смущать вашу чистую душу. Будетъ... довольно!

Голосъ маленькой генеральши дрогнулъ, и она быстро закрыла свое лицо платкомъ. Другой рукой она безсильно схватилась за грудь, точно хотѣла удержать рвавшіяся слезы.

— Вотъ здѣсь его письма...—бормотала она, путаясь рукой въ складкахъ амазонки.—Прочтите. Можетъ-быть, это откроетъ вамъ глаза на то, что̀ мы, женщины, узнаёмъ слишкомъ поздно.

Въ рукахъ Анны Ивановны очутилась цѣлая связка смятыхъ писемъ, по которымъ она сейчасъ же узнала сажинскій почеркъ. Да, это были его письма, полныя любви и желаній, еще не успѣвшія остыть отъ согрѣвавшаго ихъ безумнаго огня. „Моя маленькая фея“... „хорошенькій ребенокъ“... „крошка Зося“...—вотъ эпитеты, которые зарябили теперь въ глазахъ Анны Ивановны, точно она читала свой смертный приговоръ.

— Я вѣрю вамъ, Софья Сергѣевна, и благодарю...—прошептала дѣвушка, возвращая недочитанныя письма и напрасно стараясь овладѣть собой.—Да... это былъ сонъ... страшный сонъ! Вы меня спасли отъ послѣдней, непоправимой ошибки.

Генеральша рыдала, закрывъ лицо обѣими руками и тяжело вздрагивая всѣмъ маленькимъ тѣломъ. Потомъ она начала ломать руки и, бросивъ хлыстъ въ траву, въ ужасѣ проговорила:

— Я не должна была этого дѣлать... не должна! Все равно, прошлаго не воротишь, а зачѣмъ я разбила ваше счастье? Онъ не злой человѣкъ и, повидимому, любитъ васъ. Голубчикъ, позабудьте все, что̀ я говорила, и эти проклятыя письма!

— Софья Сергѣевна! Предоставьте это моей совѣсти!

— Нѣтъ, нѣтъ! Это—вычитанная фраза! Жизнь полна ошибокъ, и нужно умѣть жертвовать собой! Я не выдержала характера до конца... потомъ это бѣгство! Не правда ли, какъ онъ возмутительно держалъ себя сегодня?

Въ пылу охватившаго ее раскаянія, генеральша цѣловала руки Анны Ивановны и даже сдѣлала попытку опуститься передъ ней на колѣни.

— Вамъ гадко на меня смотрѣть?—спрашивала она, опять принимаясь ломать свои руки.—Да... я глупая, гадкая женщина... я позволила увлечь

себя этими разговорами! Аннѣнька, забудьте нынѣшній день, а я уѣду отсюда, чтобы не мозолить вамъ глазъ!

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь вамъ нужно успокоиться...— уговаривала Анна Ивановна, поддерживая грёзовскую генеральшу подъ руку.— Теперь я ничего не понимаю.

Софья Сергѣевна тащилась по дорожкѣ разслабленной походкою, убитая и несчастная: она то подбирала, то роняла свой шлейфъ, потеряла мокрый отъ слезъ платокъ и время отъ времени всхлипывала, какъ это дѣлаютъ капризныя дѣти.

— Конечно, нехорошо, когда дѣвушка дѣлаетъ партію...—разсуждала она, тяжело дыша.—Это возмутительно, какъ было и со мной. Но вѣдь еще хуже покупать ласки и поцѣлуи женщины цѣной своей популярности. О, это слишкомъ низко, въ тысячу разъ хуже того, какъ продаютъ себя кисейныя барышни старикамъ. А потомъ, этотъ обманъ, мелкій и трусливый обманъ, которому нѣтъ названія. Я понимаю, что онъ въ тысячу разъ умнѣе меня. За что же я любила эту голову? Можетъ-быть, онъ лучше меня, но это еще не даетъ права обманывать глупенькую, довѣрчивую женщину. А онъ еще увѣрялъ меня и клялся, что такъ меня любитъ.

Въ это время у воротъ происходила другая сцена. Пружинкинъ сидѣлъ на скамеечкѣ, приткнутой къ калиткѣ, и держалъ въ поводу двухъ верховыхъ лошадей. Онъ провожалъ генеральшу въ качествѣ грума. Въ пріотворенную половинку дверей подъѣзда выставлялась голова Марѳы Петровны.

— Ты это что, голубчикъ, на старости-то лѣтъ въ конюха записался?— спрашивала голова изъ подъѣзда.—Арапомъ за генеральшей ѣздишь?

— Ахъ, какая вы, право, Марѳа Петровна!—оправдывался Пружинкинъ, вытирая лицо платкомъ.—Какъ же Софья Сергѣевна однѣ поѣдутъ? Подпруга лопнетъ... лошадь испугается.... попросили меня проводить, ну, я и поѣхалъ, потому—отчего не проводить, ежели дама проситъ? Это ужъ такъ принято у образованныхъ людей.

— Перестань дурака валять!—сурово оборвала Марѳа Петровна и совсѣмъ другимъ тономъ прибавила:—А видѣлъ, какъ именинникъ-то пострѣлялъ изъ саду? Ловко его, надо полагать, твоя-то генеральша приняла! Ну, да таковскій, у самого въ зубахъ не завязнетъ; отъѣстся отъ семи волковъ! Бабенку-то жаль, совсѣмъ понапрасну только ее окружилъ! Она хоть и заправская генеральша, прямо сказать, а оно и съ генеральшами то же бываетъ, какъ съ самыми провалющими бабами. Курицу—кормомъ, а нашу сестру-бабу словами обманываютъ.

— Не наше это дѣло, Марѳа Петровна-съ!

Прибѣжавшая впопыхахъ Агаша предупредила, что генеральша идетъ по двору, и хитрая старуха опять спряталась за дверь. Она посмотрѣла, какъ Софья Сергѣевна, при помощи Пружинкина, легко вскочила въ сѣдло, натянула поводья и курцъ-галопомъ поскакала вдоль улицы, точно хотѣла улетѣть отъ самой себя. „Нечего сказать, прыткая бабенка“,—подумала Марѳа Петровна, затворила подъѣздъ и спросила вытянувшуюся Агашу, гдѣ барышня.

— Онѣ ушли къ себѣ въ комнату и дверь на ключъ заперли. Генеральша въ саду очень плакали.

— Дура! Тебя кто объ этомъ спрашиваетъ?

Обругавъ горничную еще разъ, старуха поплелась на свою половину. По пути она прислушивалась у дверей въ комнату дочери, гдѣ было тихо, какъ въ могилѣ, покачала головой и пошла дальше.

„Лишнее, видно, сболтнуло ихъ-то превосходительство!—думала она, пробираясь по коридорчику.—Оно, конечно, со всякимъ грѣхъ можетъ быть Охъ-хо-хо! Горе душамъ нашимъ! Только съ холостого человѣка непокрытому мѣсту—вдовѣ нечего взять: прилетѣлъ, какъ вѣтеръ, поигралъ и былъ таковъ!“

Анна Ивановна слышала, какъ подходила мать къ двери, и даже затаила дыханіе,—ей и безъ того было слишкомъ тяжело. Да... теперь все погибло и навсегда... самое чистое и дорогое чувство разбито.... возврата нѣтъ. Ей было даже страшно думать о томъ счастливомъ обманѣ, какимъ она жила часъ назадъ. Потомъ ей начинало казаться, что все это былъ одинъ сонъ, и что ничего подобнаго не могло случиться,—вѣдь она такъ вѣрила въ этого человѣка, котораго выбрало ея сердце. И тутъ обманъ—самый худшій изъ всѣхъ обмановъ. Въ душѣ дѣвушки проносился быстрый рядъ самыхъ ревнивыхъ картинъ: какъ онъ писалъ свои письма „маленькой феѣ“, какъ цѣловалъ это улыбавшееся, счастливое дѣтское лицо, какъ говорилъ свои остроты для одной „крошки Зоси“ и какъ уходилъ домой, довольный и счастливый дешевой побѣдой.

— О, какъ это гадко... какъ это ничтожно...—стонала дѣвушка, пряча голову въ подушки.

Осенняя ночь уже обложила городъ свинцовыми облаками. Моховъ засыпалъ, улицы пустѣли, Злобинскій садъ не видалъ уже двухъ огоньковъ, привѣтливо глядѣвшихъ черезъ него другъ на друга. Сажинъ не заходилъ домой и долго бродилъ по городу, не зная, куда дѣваться. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ квартирѣ генеральши, но не рѣшался позвонить. Развѣ она—эта грёзовская головка—любила его... могла любить, а между тѣмъ изъ-за минутной вспышки отравила всю жизнь двоимъ. Можетъ-быть, она удержалась! Вспомнивъ покрытое пятнами лицо Софіи Сергѣевны и какъ она била своимъ хлыстомъ по дивану, онъ понималъ, что все потеряно и что возврата нѣтъ. Онъ видѣлъ, какъ живую, эту дѣвушку, глядѣвшую на него съ нѣмымъ укоромъ, и ему дѣлалось совѣстно за нее. Домой онъ вернулся только въ полночь, и Семенычъ передалъ ему маленькій конвертъ безъ адреса. Онъ прошелъ въ столовую и, при свѣтѣ стеариноваго огарка, прочиталъ:

„Вы понимаете мои чувства и мое положеніе, Павелъ Васильевичъ, поэтому, надѣюсь, избавите меня отъ ненужныхъ встрѣчъ. У меня въ душѣ остается еще настолько уваженія къ вамъ, что вы не унизите себя жалкими объясненіями и оправданіями. Прощайте навсегда. А. З—а“.

И только... Ни жалобъ, ни слезъ, ни кривлянья—все кончилось такъ же просто, какъ и началось. Сажинъ почувствовалъ себя въ положеніи того человѣка, который неожиданно попалъ въ темную комнату и въ ушахъ котораго еще стоитъ звонъ повернувшагося въ замкѣ ключа—выхода нѣтъ. Схвативъ себя за голову, Сажинъ глухо зарыдалъ...

XVI.

Въ салонѣ генеральши Мѣшковой произошла маленькая революція. Сажинъ и Анна Ивановна, конечно, больше не показывались, и это внесло замѣтную пустоту въ господствовавшій составъ постоянныхъ посѣтителей. Всѣ чувствовали, что чего-то недостаетъ, и бранили Сажина, какъ главнаго виновника. Особенно неистовствовала Прасковья Львовна, огорченная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, какъ она выражалась.

— Мнѣ всегда этотъ Сажинъ казался подозрительнымъ...—говорила она въ интимномъ кружкѣ.—Помилуйте, такъ могутъ дѣлать какіе-нибудь юнкера или парикмахеры.

— Это подлецъ!—провозглашалъ откровенно Хановъ, счастливый случившимся скандаломъ.—Порядочный человѣкъ такъ не сдѣлаетъ: стянулъ двѣ-три безешки, и тягу... Притомъ разыгрывать изъ себя узурпатора, диктатора, моховскаго Гамбетту...

Сама Софья Сергѣевна ничего не говорила про Сажина и раза два даже попробовала его защищать, хотя это вызвало настоящую бурю негодованія. Курносовъ, Ефимовъ, Петровъ—всѣ были противъ Сажина, и каждый прибавлялъ въ общее настроеніе что-нибудь свое: это краснобай и эгоистъ, самолюбивый болтунъ и т. д. Однимъ словомъ, салонъ рѣшился дать отпоръ и только выжидалъ время. Все-таки за Сажина была громадная партія, и во главѣ „молодой Моховъ“, хотя докторъ Вертеповъ уже обнаруживалъ нѣкоторые признаки несомнѣннаго ренегатства. Такъ, онъ въ салонѣ началъ появляться чаще обыкновеннаго и очень умненько вышучивалъ Сажина въ третьемъ лицѣ.

— Право, я нахожу, что этотъ Вертеповъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ я думала раньше,—объясняла Прасковья Львовна.—Конечно, онъ вертоватъ, но это ужъ такая живая натура!..

Софья Сергѣевна увѣряла всѣхъ, что она терпѣть его не можетъ, и если не выгоняетъ изъ салона, то только по своей безхарактерности. Дѣйствительно, было два случая, когда она наговорила Вертепову очень непріятныхъ вещей.

Печальнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго былъ одинъ Пружинкинъ, который никого не обвинялъ, а только скорбѣлъ за всѣхъ. Да, старику было тяжело, и онъ чувствовалъ себя здѣсь уже чужимъ человѣкомъ, которому остается только уйти незамѣтнымъ образомъ.

— Ты устрой какую-нибудь пакость, вотъ хоть съ Прасковьей Львовной,—совѣтовалъ ему Хановъ,—а потомъ и въ подворотню, какъ Павелъ Васильевичъ... Въ самомъ дѣлѣ: умныхъ словъ ты много теперь знаешь и можешь показать свою прыть въ качествѣ сына народа. Прежде мы просто развратничали, а нынче обманулъ бабу или дѣвку, которая подъ силу, и сейчасъ: „мнѣ ваши убѣжденія, сударыня, не нравятся“... Я вотъ давно хочу добраться до убѣжденій этой толстухи Клейнгаузъ.

Пружинкинъ ничего не возражалъ злорадствовавшему крѣпостнику и только грустно вздыхалъ: нужно было уходить... Онъ такъ и сдѣлалъ... На прощанье Софья Сергѣевна крѣпко пожала ему руку, хотѣла что-то сказать, но вся поблѣднѣла и только махнула рукой.

— Эхъ, ваше превосходительство... ваше превосходительство...—бормоталъ старикъ со слезами на глазахъ.—Какъ же теперь Теребиловка?

Софья Сергѣевна ничего не могла сказать относительно Теребиловки и попросила Пружинкина не забывать ея. Когда онъ уже вышелъ въ переднюю, она его вернула и порывисто проговорила:

— Если увидите Павла Васильевича, скажите ему, чтобы онъ берегся не своихъ враговъ, а друзей.

— Хорошо-съ, ваше превосходительство...

Пружинкинъ опять очутился въ своей избушкѣ и находилъ утѣшеніе только въ обществѣ Чалки, который завертывалъ теперь къ нему каждое утро. Вышитыя генеральшей туфли были убраны со стола, бережно завернуты въ старый номеръ „Моховскаго Листка“ и попали въ ящикъ конторки, гдѣ хранились разныя другія рѣдкости.

— Ты какъ будто не въ себѣ?—освѣдомлялся иногда Чалко.—Можно средствіе запустить... Кровь у тебя сгустилась.

Фельдшеръ не понималъ сосавшей Пружинкина тоски, мѣряя всѣхъ на свой аршинъ. Да, старикъ сильно тосковалъ и не имѣлъ духа завернуть къ Павлу Васильевичу. Онъ не то, чтобы обвинялъ его, а просто испытывалъ неловкое совѣстливое чувство при одной встрѣчѣ съ недавнимъ кумиромъ. Все шло отлично, а тутъ всѣ точно въ яму провалились... Даже въ школѣ Пружинкинъ чувствовалъ себя чужимъ человѣкомъ и подозрѣвалъ учительницъ, особенно Володину, что онѣ смотрятъ на него какъ-то подозрительно. То, да не то... Свои теребиловскія дѣла, конечно, отнимали много времени, но все-таки выдавалась свободная минутка, и Пружинкина одолѣвала своя домашняя тоска.

Въ одинъ изъ такихъ пароксизмовъ старикъ не выдержалъ и, скрѣпя сердце, отправился къ Маѳѣ Петровнѣ. Давненько онъ не бывалъ въ злобинскомъ домѣ, и его тянуло провѣдать Анну Ивановну: что она и какъ?

— Милости просимъ, дорогой гостенекъ,—встрѣтила его Маѳа Петровна, ядовито прищуривая глазки.—Что запалъ?..

— Нездоровилось, Маѳа Петровна...

— Такъ... Доигрался, видно, до самаго нельзя?..

Пружинкинъ имѣлъ самый жалкій видъ и скромненько усѣлся на самый кончикъ стула. Въ злобинскомъ домѣ все было по-старому и стоялъ тотъ же воздухъ, пропитанный ароматомъ старинныхъ спецій. Та же Агаша оторопѣло металась по малѣйшему знаку, тѣ же свертки въ комодѣ „самой“, тотъ же грубый голосъ у Маѳы Петровны. На улицѣ стояла зимняя вьюга, а здѣсь было такъ тепло и уютно, какъ въ теплицѣ—злобинскій домъ и походилъ на теплицу.

— Разсказывай, чего молчишь?..—приставала Маѳа Петровна:—вмѣстѣ хороводился...

— Это точно-съ, вышла маленькая ошибочка, хотя Павелъ Васильевичъ оказали Аннѣ Ивановнѣ большой преферансъ...

— Да, ославили дѣвку на весь городъ, а теперь я, видно, выкручивайся, какъ знаешь. Ну, да у меня короткіе разговоры: есть кое-кто на примѣтѣ. Не глянулся мнѣ вашъ именинникъ: пустой колосъ голову кверху носитъ. Мы помоложе найдемъ...

— Ужъ это что говорить: свято мѣсто не будетъ пусто. Ежели насчетъ жениховъ, такъ это даже весьма просто... Первыя невѣсты въ городѣ, помилуйте.

— Нѣтъ, меня въ слѣпоту какую привели тогда!—сердилась Маѳа Петровна.—Точно вотъ ни глазъ ни ушей не стало... А все это твоя верченая генеральша: кругомъ окружила старуху. Вострая бабенка, надо чести приписать, а я и ослабѣла для нея...

— А какъ здоровье Анны Ивановны?..—рѣшился наконецъ спросить Пружинкинъ послѣ предварительныхъ переговоровъ.

— Кто ее знаетъ: сидитъ у себя, какъ схимница... И то, думаю, не попритчилось бы чего съ дѣвкой. Своя кровь: жаль...

— Пройдетъ-съ, когда время настанетъ.

— Все пройдетъ, да время-то дорого. Годки у Анны-то Ивановны тоже не маленькіе, какъ разъ зачичеревѣетъ въ дѣвкахъ... Всему роду поношеніе.

Потолковали о томъ, о семъ, а дѣвушка такъ и не показалась. Пружинкинъ только потомъ догадался, что Маѳа Петровна боялась его и не пустила къ дочери: она его приняла за „переметную суму“, сажинскаго посланца, можетъ-

быть, приходившаго съ „прелестными рѣчами“. Причины необъяснимой непріязни къ Сажину у старухи заключались въ самомъ обыкновенномъ житейскомъ расчетѣ: ей хотѣлось взять зятя въ домъ, притомъ такого человѣка, надъ которымъ можно „началить“, а съ этого немного возьмешь... Остаться одной на старости лѣтъ въ своихъ хоромахъ ей совсѣмъ не хотѣлось. По раскольничьимъ домамъ такъ и дѣлали: примутъ „влазня“ и ломаются надъ нимъ до своей смерти, а потомъ влазень вымѣщаетъ на женѣ накопившіяся униженія; другой причиной было отчасти то, что Сажинъ совсѣмъ „отшатился“ отъ своей секты и живетъ басурманомъ.

Анна Ивановна, дѣйствительно, сидѣла въ своей комнатѣ, какъ въ кельѣ, ошеломленная всѣмъ случившимся. Она выѣзжала изрѣдка только въ театръ, а потомъ опять погружалась въ свое одиночество. Время ползло предательски медленно, не заглушая старой тоски. Тѣ же книжки и тетрадки на столѣ составляли единственное развлеченіе, и дѣвушка все глубже уходила въ свой внутренній міръ. Разъ она сама вызвалась ѣхать съ матерью въ молельню: ей сдѣлалось, просто, тошно въ своей тюрьмѣ.

— Никакъ дѣвка за умъ взялась!..—обрадовалась Марѳа Петровна и даже перекрестилась.—Устрой, Господи, все на пользу...

Это было въ Великій постъ. Молельня помѣщалась въ разрушавшейся старой часовнѣ, которую консисторія не позволяла ремонтировать. Все было здѣсь такъ же, какъ и раньше, низко и темно. Предъ образами стариннаго письма теплились неугасимыя лампады и тускло горѣли дымившія свѣчи. Мужчины приходили въ длинныхъ полукафтаньяхъ, женщины—повязанныя старинными шелковыми платками и въ сарафанахъ, какъ и Анна Ивановна. Были тутъ и богатые и бѣдные, съ приторно-умиленными лицами и вкрадчивымъ шопотомъ. Прежде эта молельня напоминала Аннѣ Ивановнѣ почему-то похороны, но теперь ей нравилась царившая здѣсь молитвенная тишина, нарушаемая только гнусливымъ раскольничьимъ пѣніемъ. Духъ времени проникъ и сюда: отъ старой перегородки, наглухо отдѣлявшей мужскую половину отъ женской, осталось всего лишь нѣсколько досокъ. Женщины входили неслышными шагами, истово раскланивались на всѣ стороны и клали „начàлъ“. Исправлявшій обязанность наставника сѣдобородый старикъ кадилъ предъ образами такой же „кацеей“, какая была у Марѳы Петровны дома. Анна Ивановна залюбовалась двумя красавицами-сестрами изъ старинной семьи Корягиныхъ. Онѣ пришли со своей бабушкой, которая подошла къ Марѳѣ Петровнѣ и шопотомъ о чемъ-то разговаривала съ ней, показывая глазами на Анну Ивановну.

— Твоя дочь-то будетъ?—спрашивала старуха Марѳу Петровну

— Моя...

— Славная дѣвушка. А какъ звать?.. Что же, хорошее имя... Прежде въ нашемъ роду три Аннушки было.

Грустная раскольничья служба теперь нравилась Аннѣ Ивановнѣ, совпадая съ ея личнымъ настроеніемъ. Да и кто счастливъ изъ собравшихся здѣсь, особенно изъ женщинъ? Дѣвушка внимательно вслушивалась въ слова читавшейся службы, и на нее дѣйствовало успокаивающимъ образомъ это послѣднее пристанище отъ золъ и напастей бурнаго житейскаго моря. Молодость проходитъ скоро, да и какая это молодость!.. что же остается?.. Ей дѣлалось страшно за будущее, именно за ту страшную рознь, которая отдѣляла дѣйствительность отъ того, къ чему тянуло душой.

Однажды, когда Анна Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, дверь неслышно отворилась, и въ нее неслышно вошла та самая старуха Корягина,

которую она встрѣчала въ молельнѣ. По старому раскольничьему обычаю, напоминавшему Востокъ, она оставляла свои башмаки въ передней и какъ дома, такъ и въ гостяхъ ходила въ однихъ чулкахъ, какъ было и теперь. Присмотрѣвъ изъ-подъ руки образъ, не мазанный ли, она помолилась и довольно безцеремонно подсѣла къ столу.

— А я вотъ въ гости къ тебѣ пришла, умница...—спокойно говорила старуха, оглядывая Анну Ивановну съ ногъ до головы испытующимъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Очень рада..

Этотъ визитъ продолжался всего съ четверть часа, но Анна Ивановна вся сгорѣла отъ стыда: старуха такъ нахально разсматривала ее и даже, подъ предлогомъ посмотрѣть матерію на платьѣ, пощупала руки и ноги, точно сомнѣвалась, что онѣ настоящія. Такъ же внимательно она осмотрѣла всю комнату, сходила за ширмы и даже заглянула подъ кровать. Старое сморщенное лицо сто разъ впивалось въ нее слезившимися темными глазами, вѣрнымъ взглядомъ оцѣнивая всѣ „статьи“. Догадавшись, зачѣмъ прилетѣла эта птица, дѣвушка замолчала и отвѣчала на вопросы очень сдержанно.

— Славная у тебя комнатка, дѣвица, только вотъ книжки гражданской печати зачѣмъ?..—ворчливо повторяла Корягина.

— Это ужъ мое дѣло.

— Такъ, такъ... У всякаго свое дѣло. Ну, да это пройдетъ... Не первая ты, дѣвица, съ гражданской-то печатью. У насъ такъ-ту, въ третьемъ году, парня у Селянкиныхъ женили, такъ невѣста-то тоже была съ гражданской печатью, а потомъ ничего, прошло. Совсѣмъ славная бабочка вышла...

Когда нахальная старуха ушла, Анна Ивановна отправилась къ матери и заявила очень рѣшительно, чтобы ее избавили на будущее время отъ такихъ непрошенныхъ визитовъ.

— Чего она тебѣ помѣшала, Домна-то Ермолаевна?—удивлялась Марѳа Петровна.—Не очень фыркай... Можетъ, и пригодится когда. Старуха-то очень хотѣла на тебя посмотрѣть...

— Если вы будете подводить такихъ свахъ, я запрусь на ключъ...

— Ишь, прытка больно!.. Что же, безчестья тутъ нѣтъ: худой женихъ хорошему дорогу показываетъ... А тебѣ будетъ дурить-то.

Явилась и другая старуха, изъ той же породы раскольничьихъ свахъ, но Анна Ивановна подъ какимъ-то предлогомъ выпроводила ее въ гостиную, а сама заперлась на ключъ. Марѳа Петровна долго стучалась къ ней въ дверь и получила въ отвѣтъ:

— Мама, оставьте меня въ покоѣ...

— Доченька, рожденіе мое, да вѣдь я тебѣ же добра желаю!—плакалась у двери Марѳа Петровна, а потомъ быстро перешла въ рѣшительный тонъ:—Говорятъ тебѣ, выкинь дурь изъ головы, а то я по-свойски раздѣлаюсь... У меня есть хорошая ременная лѣстовка...

Отвѣта не послѣдовало.

XVII.

Сажинъ былъ выбранъ на второе трехлѣтіе предсѣдателемъ земской управы и весь ушелъ въ свою земскую работу. Теперь онъ поднялся до зенита своей земской славы и почувствовалъ подъ ногами твердую почву. Одно его имя составляло уже нѣкоторый цензъ. Провинціальная публика преклонялась предъ нимъ, хотя исторія съ маленькой генеральшей не была еще забыта

при всякомъ удобномъ случаѣ выплывала на свѣжую воду. Работа унесла съ собой личныя непріятности, и Сажинъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, хотя по временамъ на него находили моменты глухой тоски, и онъ задумывался о томъ, что можно было бы устроить жизнь нѣсколько иначе.

За это недолгое время „молодой Моховъ“ успѣлъ разстроиться, какъ и салонъ Софьи Сергѣевны. Докторъ Вертеповъ, со свойственной ему живостью характера, перекочевалъ подъ крылышко грёзовской генеральши и, какъ гласила неугомонная молва, пользовался здѣсь всѣми правами и преимуществами, закономъ не предусмотрѣнными. За нимъ послѣдовалъ Куткевичъ, который разошелся съ Сажинымъ безъ всякой видимой причины. Налицо оказались: Бѣлошеевъ, круглый и, вдобавокъ, очень самолюбивый дуракъ, и Щипцовъ, давно надоѣвшій Сажину своимъ гражданскимъ нытьемъ и какими-то неясными для него подходцами. Выходило такъ, что около Сажина образовалась пустота, которой онъ не подозрѣвалъ до послѣдняго рѣшительнаго шага.

Партіи такъ перепутались и сплелись между собой, что, по мѣткому опредѣленію самого Сажина, налицо оставалось всего двѣ — „старонавозная“ и „новонавозная“. Дольше другихъ стояла клубная, или „капернаумская“ партія, но и та примкнула къ старонавозной. Эти клички образовались сами самой изъ затянувшихся старыхъ санитарныхъ вопросовъ: противники Сажина не хотѣли ихъ признавать, а онъ тянулъ въ сторону санитарныхъ комитетовъ. Его главными сторонниками были члены докторской партіи, очень вліятельной и сильной, выступавшей съ широкой программой. Сажинъ былъ душой подвигавшагося впередъ дѣла, и побѣда была не за горами.

Но въ моментъ наибольшаго напряженія силъ боровшихся сторонъ слу[illegible] совсѣмъ неожиданное препятствіе. Это было въ срединѣ трехлѣтія, [illegible] были отвоеваны первые опыты. Въ качествѣ отвѣтственнаго земскаго [illegible]а, Сажинъ потребовалъ строгой отчетности и земскаго контроля надъ [illegible]ностью врачей. Этого было достаточно, чтобы поднять на ноги десятокъ мелкихъ провинціальныхъ самолюбій,—и вспыхнуло жестокое междоусобіе въ средѣ новонавозной партіи. Въ самомъ дѣлѣ, все шло отлично, земство работало, и вдругъ... Врачи обидѣлись недовѣріемъ земства, Сажинъ доказывалъ, что это нравственная обязанность—давать отчетъ въ каждомъ земскомъ грошѣ. Всего интереснѣе было то, что козломъ отпущенія явился теперь Сажинъ, противъ котораго были обѣ партіи—и старонавозная и новонавозная. Въ столичныя газеты полетѣли обличительныя корреспонденціи, посыпались сплетни и пересуды, и недавній земскій божокъ былъ втоптанъ въ такую грязь, изъ какой трудно было вылѣзти. Его обвиняли во взяточничествѣ, въ диктаторствѣ, во всевозможныхъ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ—однимъ словомъ, все болото заколыхалось. Сначала Сажинъ пробовалъ защищаться, но и у него опустились руки, когда во главѣ оппозиціи онъ увидѣлъ своего университетскаго товарища Вертепова, котораго онъ самъ выписалъ въ моховское земство, и старика Глюкозова, пользовавшагося безупречной репутаціей честнаго и хорошаго человѣка. Клевета, тайная и явная, подтасовка фактовъ, придирки и всяческія неправды теперь посыпались на голову Сажина, какъ раньше сыпались похвалы и восторги, точно общество хотѣло вознаградить себя за излишній расходъ хорошихъ чувствъ.

Выдвинуты были впередъ либеральные принципы, общественная совѣсть, отвѣтственность предъ плательщиками: надвигавшаяся докторская клика била теперь Сажина его же собственнымъ оружіемъ, и онъ наконецъ увидѣлъ, что онъ—одинъ. Его недавніе союзники не погнушались

брататься съ кабатчиками и волостными писарями: à la guerre, comme à la guerre.

Душой этого движенія сдѣлался салонъ Софьи Сергѣевны, гдѣ царилъ теперь докторъ Вертеповъ, работавшій рука объ руку съ Прасковьей Львовной, которая приняла самое дѣятельное участіе въ кипѣвшей свалкѣ. Всего трагичнѣе было то, что противъ Сажина выступили люди, которыхъ онъ искренно уважалъ, какъ чета Глюкозовыхъ, и что именно эти люди теперь лѣзли на него съ пѣной у рта. За собой онъ не зналъ никакой крупной вины и старался только объ одномъ—вести все дѣло спокойно. Рѣшительный моментъ наступилъ въ осеннюю сессію, пятую въ его земской службѣ. Да, это было горячее время. Охлажденіе къ земскимъ дѣламъ смѣнилось самымъ неистовымъ любопытствомъ, и публику опять пришлось пускать по билетамъ. Михеичъ не зналъ, что ему дѣлать на его отвѣтственномъ посту. Публика нѣсколько разъ чуть не раздавила его въ дверяхъ.

— Милостивые господа... невозможно!..—оралъ онъ, защищая грудью осаждаемый пунктъ.—Мѣстовъ нѣту, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ. Нѣтъ мѣстовъ...

До послѣдняго момента Сажинъ оставался спокоенъ и равнодушно смотрѣлъ на ряды своихъ враговъ. Онъ даже былъ увѣренъ въ собственномъ успѣхѣ и очень развязно разговаривалъ съ нейтральными единицами. А изъ публики на него смотрѣли десятки злыхъ глазъ: тутъ былъ и докторъ Вертеповъ, и Куткевичъ, и Хановъ, и Прасковья Львовна, сидѣвшая рядомъ съ Софьей Сергѣевной, и Курносовъ, и Петровъ, и Ефимовъ. Передъ тѣмъ, какъ подняться къ своему пюпитру, Сажинъ тревожно обвелъ эту публику еще разъ глазами и успокоился—Анны Ивановны не было, а у окна на своемъ обычномъ посту сидѣлъ одинъ Пружинкинъ, превратившійся, какъ охотничья собака, въ одно вниманіе. Предсѣдательствовалъ тотъ же „акцизный генералъ“, какъ и въ первую сессію. Когда Сажинъ сталъ на свое мѣсто, ему бросился въ глаза только-что вышедшій изъ типографскаго станка номеръ „Моховскаго Листка“ съ длинной поэмой на первой страницѣ. Услужливая рука не только подсунула этотъ номеръ, но и подчеркнула краснымъ карандашомъ названіе: „Именинникъ“. У Сажина зарябило въ глазахъ отъ этой пріятной неожиданности: его тащили въ грязь въ его собственной газетѣ, и Щипцовъ нанесъ послѣдній роковой ударъ. Въ стихахъ говорилось о немъ не только какъ объ общественномъ дѣятелѣ, но была поднята изъ могилы вся исторія съ грѣзовской генеральшей, подкрашенная и разбавленная самыми пикантными подробностями. Въ публикѣ уже мелькали номера „Моховскаго Листка“, и Сажинъ на мгновеніе растерялся. Впрочемъ, это было одно мгновеніе,—то малодушіе, которое испытываетъ обойденный съ тылу звѣрь.

„А, такъ вы вотъ какъ...“—думалъ Сажинъ, оглядывая собраніе.

Онъ теперь только понялъ, что всякая борьба напрасна: всѣ были противъ него. Его нужно было выжить, и только тогда всѣ успокоятся. Это было стихійное, массовое чувство, дѣйствовавшее тѣмъ заразительнѣе, что для него не хватало серьезныхъ причинъ, недостатокъ которыхъ замѣнялся слѣпымъ азартомъ. Оставалось только умереть съ честью. Земская битва продолжалась ровно 10 дней. Сажинъ никогда еще не говорилъ такъ увлекательно и дѣлалъ въ своемъ родѣ чудеса, но его слова и задушевныя чувства уже не производили прежняго впечатлѣнія и отскакивали, какъ горохъ отъ стѣны. Серьезныя обвиненія пали сами собой. Оставалось нѣсколько мелкихъ, чисто-хозяйственныхъ промаховъ и недочетовъ, какіе возможны въ каждомъ дѣлѣ; за нихъ и ухва

тились. Старонавозники и новонавозники торжествовали: красный звѣрь былъ обложенъ именно этими мелочами и пустяками. Развязавшись съ сессіей, Сажинъ добровольно отказался отъ предсѣдательскаго кресла и по-пути вышелъ изъ гласныхъ. Публика торжествовала, счастливая низложеніемъ „диктатора“ и еще не предвидя того времени, когда ей придется горько пожалѣть объ удаленіи Сажиныхъ изъ состава земства, когда „черныя сотни“ кулаковъ и маклаковъ вытѣснятъ изъ многихъ земствъ всякое участіе представителей интеллигенціи.

Домой Сажинъ принесъ горькое чувство несправедливой и ничѣмъ незаслуженной обиды. Лично онъ могъ быть даже нехорошимъ человѣкомъ, но, какъ земскій дѣятель, онъ считалъ себя безупречнымъ. Оплеванный, разбитый нравственно, онъ могъ сказать только одно: за что же?.. Отвѣта не было и не могло быть. За нимъ стояла глухая ненависть и навсегда погибшая репутація.

— Они придутъ еще ко мнѣ!..—говорилъ онъ иногда самому себѣ и сжималъ кулаки.—Они дорого заплатятъ за этотъ coup d'état.

Но это были дѣтскія мечты, и въ слѣдующую минуту Сажинъ сознавалъ, что никто къ нему не придетъ и земство отлично обойдется безъ него. Ему оставалось отсиживаться дома въ обществѣ Василисы Ивановны и Семеныча. Съ „молодымъ Моховымъ“ все было покончено, а для новыхъ знакомствъ и связей у него не было силъ. Наступили тяжелые дни полнаго одиночества и бездѣлья. Послѣднее было особенно тяжело послѣ пятилѣтней горячки. Вмѣсто живыхъ людей оставались книги и газеты. Сажинъ шагалъ теперь по пустымъ комнатамъ, какъ зачумленный, и почти никто не заглядывалъ къ нему изъ недавнихъ друзей и почитателей.

Въ одинъ изъ скверныхъ октябрьскихъ вечеровъ, когда шелъ мокрый снѣгъ, Сажинъ сидѣлъ въ гостиной Василисы Ивановны, гдѣ теперь любилъ пить чай. Самоваръ добродушно ворчитъ на столѣ, Василиса Ивановна пощелкиваетъ спицами, на стѣнкѣ почикиваютъ старинные часы, и время идетъ какъ будто скорѣе. За остывавшимъ стаканомъ чая Сажинъ разспрашивалъ старушку про старину, какъ жили прежніе люди, про разную дальнюю родню, про общихъ знакомыхъ и разные необыкновенные случаи моховской исторіи. Ему нравилось погружаться съ головой въ этотъ маленькій міръ маленькихъ людишекъ съ его маленькими интересами, напастями и радостями. Они сидѣли и теперь, разговаривая о старинѣ.

— Такъ лучше было прежде-то?—спрашивалъ Сажинъ уже въ третій разъ, не замѣчая этого повторенія.

— Конечно, лучше, а то какъ же?.. Нынче вотъ суеты больше, потому что начальство ослабѣло и страхъ въ народѣ уменьшился...

Въ маленькой передней въ это время послышалось предупредительное покашливанье, и въ комнату вошелъ Пружинкинъ.

— Ну и погода,—говорилъ онъ, здороваясь.—Настоящій послѣдній день Помпеи...

Сажинъ обрадовался появленію стараго знакомаго,—все-таки свѣжій человѣкъ. Они весело допили чай у Василисы Ивановны, а потомъ Пружинкинъ заявилъ, что онъ завернулъ собственно къ Павлу Васильевичу „по одному дѣльцу“.

— Пойдемте ко мнѣ,—предлагалъ Сажинъ, обрадовавшись случаю перекинуться живымъ словомъ.—Я теперь совершенно свободенъ... Вы, вѣроятно, насчетъ навоза?

— Ахъ, Павелъ Васильичъ, Павелъ Васильичъ...—шепталъ Пружинкинъ, когда они по узкой и темной лѣстницѣ поднимались изъ половины Василисы Ивановны наверхъ въ столовую.

Сажинъ провелъ гостя прямо въ кабинетъ и усадилъ въ кресло.

— Такъ первое дѣло: навозъ? — говорилъ онъ съ улыбкой.

— Навозъ навозомъ, Павелъ Васильичъ, а я къ вамъ пришелъ по особенному дѣльцу, — политично тянулъ Пружинкинъ разглаживая свою бороду. —Былъ я тогда въ собраніи, когда сверлили васъ... Ничего, Павелъ Васильичъ, потерпите: призовутъ-съ!.. Въ ногахъ будутъ валяться... Ужъ попомните мое глупое слово-съ.

— Если будутъ валяться въ ногахъ, такъ я, пожалуй, и пойду...

— Непремѣнно-съ!.. Теперь на наше земство и не глядѣли бы: какъ пѣтухъ съ отрубленной головой мечется, а толку все нѣтъ... Славный у васъ кабинетецъ, Павелъ Васильичъ... Только вотъ обои надо бы перемѣнить: запустить, напримѣръ, подъ дубовую доску, или въ томъ родѣ, какъ подъ бересту выкрасить. Видѣлъ я у одного барина этакъ же берестой раздѣлано.

— Можно и подъ бересту...

Нехитрыя рѣчи отозвались въ душѣ Сажина, какъ эхо собственныхъ мыслей, и онъ вдругъ почувствовалъ себя хорошо, какъ давно съ нимъ не бывало. Одно присутствіе Пружинкина уже дѣйствовало на него успокаивающимъ образомъ, хотя онъ припомнилъ случай какъ выпроводилъ его тогда къ Софьѣ Сергѣевнѣ съ просьбой „обезпредить". Даже отступленія и болтовня Пружинкина теперь нравились Сажину. Конечно, этотъ мѣщанинъ — неисправимый мечтатель, но, право, въ немъ есть что-то такое...

— Оставайтесь ужинать, Егоръ Андреевичъ, — предложилъ Сажинъ, когда Пружинкинъ взялся-было за шапку.

— Покорно благодарю, Павелъ Васильичъ...

За ужиномъ старикъ окончательно разговорился и по пути разсказалъ всѣ городскія новости, хотя особеннаго интереса ничего и не было. Потомъ онъ досталъ изъ кармана захваченныя на случай бумаги и посвятилъ Сажина въ свои проекты еще разъ.

— Кровью вѣдь все добыто!.. — азартно повторялъ старикъ, колотя себя въ грудь кулакомъ. — Было посижено и было подумано...

— Хорошо, хорошо... Я все прочитаю, теперь у меня двадцать четыре часа свободнаго времени.

— Эхъ, Павелъ Васильичъ, Павелъ Васильичъ!.. Ну, да что тутъ толковать: все равно призовутъ-съ...

XVIII.

Русское время, въ противность англійскому, какъ извѣстно, составляющему деньги, является въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ прямымъ дефицитомъ, особенно въ провинціи, гдѣ его даже убивать хорошенько не научились, какъ въ столицахъ. Тянется, тянется, и конца ему нѣтъ... Именно такъ было съ Сажинымъ, который опускался на своихъ глазахъ. Свои личныя дѣла онъ забросилъ и проживалъ родительскіе капиталы день за днемъ. Этотъ недостатокъ заботы о насущномъ кускѣ хлѣба даже огорчалъ его: не было даже обыкновенной необходимости для всѣхъ — работать. Онъ велъ ту странную жизнь, какъ это бываетъ только на святой Руси: отшельникъ не отшельникъ, а что-то въ этомъ родѣ. Отсиживаться въ четырехъ стѣнахъ — это оригинальная особенность всѣхъ русскихъ „чудаковъ", какихъ немало является въ каждомъ городѣ.

Скоро около Сажина набрался небольшой кружокъ такихъ же выкинутыхъ за бортъ людей. Въ одно прекрасное утро заявился о. Евграфъ, занятый изобрѣтеніемъ вѣчнаго двигателя. Это былъ начитанный человѣкъ съ ориги-

нальной складкой сомнѣвающагося ума; но у него „недоставало одного винта“, какъ объяснялъ Пружинкинъ. Онъ вошелъ въ сажинскій домъ своимъ человѣкомъ. За нимъ явились: отставной подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Окуневъ, высокій и сгорбленный старикъ съ желчнымъ лицомъ и голымъ черепомъ; потомъ неизмѣнный спутникъ Окунева, отставной архиваріусъ сосредоточеннаго архива Корольковъ, низенькій, толстенькій, улыбающійся человѣкъ съ близорукими глазами и мыслью, разсѣянно витавшій въ какихъ-то невозможныхъ архивныхъ сферахъ. Окуневъ отлично зналъ высшую математику, игралъ почти на всѣхъ инструментахъ и ничего не дѣлалъ; это былъ гордый неудачникъ, ушедшій въ себя. Голый черепъ, нависшія брови и большіе рыжіе усы придавали ему видъ заговорщика. Корольковъ тоже былъ неудачникомъ, но робкимъ и застѣнчивымъ, точно созданнымъ самою природой со спеціальной цѣлью служить дополненіемъ Окунева. Вмѣстѣ они составляли великолѣпную пару. Замѣчательно то, что и рѣшительный Окуневъ и смиренный Корольковъ погибли однимъ способомъ: дорогу имъ загородилъ всего одинъ „человѣкъ“, черезъ котораго они никакъ не могли перелѣзть и должны были выйти изъ фронта. Предъ Окуневымъ открывалась блестящая карьера образованнаго моряка, но онъ наткнулся на ставшаго ему поперекъ горла капитана и принужденъ былъ бросить все. Служилъ гдѣ-то командиромъ волжскаго парохода, потомъ въ какой-то промышленной компаніи, и кончилъ тѣмъ, что бросилъ все и закупорился навсегда въ Моховѣ. Все время уходило на музыку и высшую математику, причемъ Окуневъ доискивался математическихъ законовъ въ царствѣ гармоніи и писалъ обширный трактатъ на эту тему, скрывая работу отъ всѣхъ, даже отъ Королькова, жившаго въ его квартирѣ и на его средства. Этотъ послѣдній отлично кончилъ университетскій курсъ и славился, какъ полиглотъ. Впереди была каѳедра, но попался закулисный университетскій человѣкъ, который предвосхитилъ профессуру, и Корольковъ навсегда утонулъ въ глухомъ провинціальномъ болотѣ, гдѣ постепенно превратился въ настоящую архивную крысу. Онъ собиралъ рукописи, старыя книги, монеты, рылся по архивамъ и время отъ времени въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ печаталъ свои замѣтки. Его знанія на провинціальномъ рынкѣ не имѣли рѣшительно никакой цѣны, и только столичные археологи обращались къ нему иногда за разными справками и совѣтами. Пріобрѣтя, по случаю, китайскую книгу, онъ выучился китайскому языку и сдѣлалъ переводъ двухъ статеекъ.

Эти никому ненужные люди приходили къ Сажину каждый вечеръ и помогали вмѣстѣ убивать ненавистное время. Иногда Окуневъ садился за старинный виртовскій рояль и разыгрывалъ на немъ свои композиціи на разныя суровыя темы; иногда завязывался горячій споръ по такимъ мудреным вопросамъ, какіе они только могли общими усиліями придумать. Если все это надоѣдало, садились играть въ карты — и за зеленымъ столомъ время замѣтно сокращалось.

Самымъ отчаяннымъ спорщикомъ оказался о. Евграфъ, нападавшій на музыку съ особеннымъ озлобленіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это замѣчательно, что самые глухіе и мертвые моменты новѣйшей исторіи намѣчены наивысшимъ развитіемъ музыкальнаго творчества, — говорилъ о. Евграфъ, повторяя свою излюбленную мысль. — Оно понятно, потому что для такого творчества не нужно ни высшаго развитія ума, ни чувства, поставленнаго на высоту общей творческой мысли, ни настоящаго таланта. Музыканты эксплоатируютъ низшій порядокъ человѣческихъ инстинктовъ, вообще первичныя субъективныя ощущенія... Пластика

создала неувядаемую античную красоту, статуи Каповы; живопись послѣднихъ дней создаетъ величайшія эпопеи, какъ ташкентская выставка Верещагина, и вообще захватываетъ шире и шире область чисто-соціальныхъ явленій, а музыка повторяетъ вѣчно одно и то же на разные лады, какъ сказка про бѣлаго бычка. Мало этого, она своими убаюкивающими аккордами усыпляетъ послѣдніе проблески человѣческаго сознанія, и г. Бокль говоритъ...

— Что же, по-моему, это совершенно вѣрно, — поддерживалъ Сажинъ.

— Вѣрно? — возмущался Окуневъ, начиная бѣгать по комнатѣ. — Вы, господа, ничего не понимаете... Музыка — это высшее проявленіе мысли и чувства. Она уводитъ насъ въ тотъ необъятный внутренній міръ, который важнѣе всѣхъ историческихъ событій, взятыхъ вмѣстѣ и порознь, важнѣе вашихъ войнъ, соціальныхъ комбинацій и всякихъ злобъ дня... Да, только она одна удовлетворяетъ вѣчно неудовлетворенную жажду человѣческаго сознанія и всѣ тѣ позывы и инстинкты, которые не находятъ себѣ другой формы выраженія.

— Это ужъ область ясновидѣній и магнитизма... Джонъ Стюартъ Милль говоритъ, что музыка развилась отъ акцента и таковымъ останется.

— А Джонъ Стюартъ Милль ничего не говоритъ, что нужно ѣсть постное по средамъ и пятницамъ и соблюдать посты? — иронизировалъ Окуневъ.

— Г. Бокль весьма ясно и доказательно указываетъ на это, когда говоритъ о вліяніи пищи на характеръ и направленіе мысли отдѣльныхъ національностей. Естественныя науки развиваютъ эту идею уже въ подробностяхъ, какъ г. Молешоттъ. Наука только подтверждаетъ то, что происходитъ на практикѣ. Постная ѣда—и постныя мысли происходятъ... Ваша музыка будущаго будетъ вся построена на пищеваренiи: что съѣлъ, то и сыгралъ.

Замѣчательно то, что всѣ эти господа ничего не говорили о настоящемъ и даже не желали читать газетъ. Можетъ-быть, они не хотѣли этимъ тревожить свои наболѣвшія мѣста или уже окончательно отрѣшились отъ „современной дѣйствительности“, какъ говорилъ о. Евграфъ. Единственнымъ слушателемъ умныхъ разговоровъ былъ Пружинкинъ, счастливый тѣмъ, что опять попалъ въ настоящую компанію. Онъ вообще благоговѣлъ предъ всякимъ знаніемъ и сидѣлъ съ раскрытымъ ртомъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ.

— Расчудесно... — умилялся онъ. — Ай да о. Евграфъ, какіе выверты оказываетъ Окуневу.

Роль Пружинкина окончательно опредѣлилась: онъ являлся здѣсь единственнымъ звеномъ, соединявшимъ ненужныхъ людей съ современной дѣйствительностью. Онъ приносилъ свѣжія газеты и письма, онъ узнавалъ, какъ и что дѣлается въ Моховѣ; онъ же хлопоталъ по разнымъ дѣламъ — вынималъ деньги изъ банковъ Сажину, отыскивалъ для него токарный станокъ, сдавалъ почту и т. д.

— Переѣзжайте ко мнѣ, Егоръ Андреевичъ, — предлагалъ однажды Сажинъ. — Въ нижнемъ этажѣ найдется комнатка, а мнѣ веселѣе.

— Нѣтъ-съ, Павелъ Васильичъ... Какъ это можно! — сконфузился Пружинкинъ, тронутый до глубины души. — А вдругъ васъ призовутъ?.. Тогда я куда дѣнусь: свое гнѣздышко разорю и новое долженъ бросить... Потомъ я ужъ къ Теребиловкѣ весьма привыкъ. Куда эта темнота безъ меня дѣнется и то надо и это надо, а ума ни у кого нѣтъ...

— А если вздумаете, такъ переѣзжайте. И Василисѣ Ивановнѣ веселѣе будетъ...

Въ своемъ кружкѣ всѣ ненужные люди называли Пружинкина „Пятницей“, что очень ихъ забавляло. Дѣйствительно, они жили, какъ на необи-

такомъ островѣ Робинзона, и Пружинкинъ ухаживалъ за ними, какъ нянька за дѣтьми.

Разъ зимой Пружинкинъ пришелъ въ особенно грустномъ настроеніи и все вздыхалъ. Съ нимъ это иногда случалось, и Сажинъ не обратилъ вниманія, лежа съ газетой на диванѣ.

— Павелъ Васильичъ... — тихо окликнулъ его Пружинкинъ и осторожно посмотрѣлъ кругомъ — нѣтъ ли кого лишняго.

— Что прикажете, Егоръ Андреевичъ?..—отвѣтилъ Сажинъ, не поворачивая головы.

— А вѣдь неладно, Павелъ Васильичъ...

— Вы нездоровы?..

— Нѣтъ, я-то слава Богу, а вотъ Аннѣ Ивановнѣ Господь судьбу послалъ...

Сажинъ бросилъ газету, сѣлъ на диванъ и смотрѣлъ прямо въ глаза Пружинкину, какъ человѣкъ, который никакъ не можетъ проснуться.

— Да-съ, можно сказать, что даже сама она нашла судьбу-то...

— Какую судьбу? Ахъ, да, вышла замужъ...

— Точно такъ-съ, хотя и не совсѣмъ правильно, то-есть не въ полной формѣ. Убѣгомъ-съ. Марѳа-то Петровна рветъ и мечетъ, какъ левъ. Два раза проклинала...

У Сажина не хватило духа спросить, съ кѣмъ убѣжала Анна Ивановна, а Пружинкинъ тянулъ изъ него душу подробностями. По его встревоженному лицу Сажинъ видѣлъ, что старикъ очень огорченъ и жалѣетъ.

— Марѳа-то Петровна свое хотѣла взять и ужъ женишка приспособила изъ своихъ, ѳедосѣевскихъ. Такой парнище несообразный, и глаза навыкатѣ... Ну, и свахи эти одолѣли, какъ осеннія мухи. Анна Ивановна терпѣла всю эту музыку, а сама и виду не показываетъ. Безотвѣтная такая сдѣлалась и только кой-когда къ Прасковьѣ Львовнѣ съѣздитъ... А тутъ вдругъ точно выстрѣлила: съ Куткевичемъ и убѣжала.

— Съ Куткевичемъ? — крикнулъ Сажинъ, вскакивая. — Не можетъ быть...

— Ужъ будьте спокойны... И повѣнчались гдѣ-то въ деревнѣ. Видно, Прасковья Львовна всю музыку оборудовала... А теперь дѣло на миръ идетъ, Прасковья же Львовна и къ Марѳѣ Петровнѣ съ декларацiей ѣздила: такъ и такъ, дѣло прошлое, не воротишь. Ну, старуха обыкновенно на нее медвѣдицей кинулась сначала, ногами топала, а потомъ и смякла... Куткевичъ три раза самъ пріѣзжалъ къ тещѣ, она его не приняла. Конечно, такъ это: для характеру дѣлается у нихъ, а Куткевичъ обойдетъ ее...

Это извѣстіе подняло въ душѣ Сажина давно похороненное чувство, и онъ никакъ не ожидалъ такой живучести. Сколько времени прошло, и съ какой болью онъ переживалъ снова свою неудачную любовь? Да, она отвернулась отъ него, но это не мѣшало ему попрежнему любить, больше, чѣмъ тогда. Онъ опять видѣлъ Анну Ивановну, какъ живую, и смертельная тоска охватила его душу. Люди, которымъ приходилось умирать нѣсколько разъ, знаютъ это уничтожающее чувство. Тѣнь любимой женщины прошла по всѣмъ сажинскимъ комнатамъ и своимъ грустнымъ появленіемъ освѣтила царившую здѣсь пустоту. Вѣдь этотъ домъ принадлежалъ ей, она незримо царила въ немъ даже тогда, когда самъ Сажинъ забылъ палившее его чувство. Теперь онъ съ мучительной болью перебиралъ свои воспоминанія и еще разъ переживалъ старое горе. Какъ она хорошо улыбалась, когда что-нибудь слушала, какъ ласково шептала свои первыя признанія, а потомъ эта роковая сцена въ саду — и все кончено... Точно порвалась струна, когда мелодія только

начиналась. Сквозь призму прошедшихъ годовъ Сажинъ старался безпристрастно взглянуть на самого себя и свои отношенія и приходилъ къ невольному заключенію, что онъ былъ виноватъ вдвойнѣ, нѣтъ — безъ счету виноватъ! Неужели это былъ онъ, спустившійся до интимныхъ отношеній съ женщиной, которой не любилъ, и въ то же время осмѣливался протягивать свою нечистую руку къ другой женщинѣ, отдавшейся ему со всей чистотой своей нетронутой души?.. Все послѣдовавшее затѣмъ, какъ оно ни вышло дико, служило только продолженіемъ заслуженной кары...

И вотъ въ результатѣ, вмѣсто настоящей полной жизни, — жалкій призракъ и прозябаніе. Сначала Сажинъ въ своей земской неудачѣ обвинялъ другихъ, но, всмотрѣвшись глубже, онъ началъ приходить къ убѣжденію, что тутъ кроется что-то другое. Первое острое чувство несправедливой обиды само въ себѣ несло извѣстное нравственное удовлетвореніе, но оно замѣнялось другимъ, неяснымъ и расплывающимся, отъ котораго опускались руки. Развѣ Сажинъ не могъ найти себѣ другихъ занятій, какъ Окуневъ или Корольковъ; въ немъ не было даже недостатка энергіи и желанія работать, но подъ этимъ лежало смутное сознаніе безполезности такой работы. Личная неудача встрѣтилась съ общественной подъ острымъ угломъ, и некуда было итти дальше... Это были двѣ стороны одной и той же медали.

— Дѣйствительно, именинникъ! — шепталъ Сажинъ, хватаясь за голову.

Онъ теперь часто подходилъ къ тому окну, изъ котораго виденъ былъ злобинскій садъ. Черезъ сѣтку голыхъ сучьевъ, по вечерамъ, онъ наблюдалъ одинокую свѣтлую точку, глядѣвшую на него изъ глубины сада, какъ кошачій глазъ — это горѣлъ огонь въ каморкѣ Мареы Петровны, а комната Анны Ивановны стояла пустая. Разъ вечеромъ, подойдя къ окну и машинально взглянувъ по знакомому направленію, Сажинъ вздрогнулъ, точно отъ электрическаго тока: огонь показался и въ другихъ окнахъ... Что это значило?.. Ему сдѣлалось опять больно, больно за чужое счастье, которое дѣлало еще темнѣе окружавшую его пустоту. Да, теперь все кончено... Но какая-то сила непреодолимо тянула его опять къ окну, и онъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на освѣщенный злобинскій домъ, похоронившій въ своихъ стѣнахъ его счастье.

XIX.

Прошло пять лѣтъ. Наступилъ конецъ семидесятыхъ годовъ. Въ Моховѣ за это время успѣло много воды утечь, и даже сама грёзовская генеральша утратила свой прежній привлекательный видъ — обрюзгла, растолстѣла и сдѣлалась точно еще ниже ростомъ. Въ ея салонѣ изъ старыхъ друзей оставался одинъ докторъ Вертеповъ, который, скажемъ кстати, находился въ большомъ загонѣ. Софья Сергѣевна держала его въ черномъ тѣлѣ, вмѣстѣ съ Хановымъ, лежавшимъ безъ движенія второй годъ. Старика разбилъ параличъ. Скучно было въ квартирѣ генеральши, и она любила теперь говорить:

— Въ жизни, по-моему, есть только одна вещь, для которой стоитъ жить, если вообще стоитъ жить... Это — искусство! Все остальное... Позвольте, давно ли у насъ въ Моховѣ существовала цѣлая плеяда умныхъ людей: Курносовъ, Ефимовъ, Петровъ, наконецъ „молодой Моховъ“, — и куда все это дѣвалось? Точно сквозь землю провалилось, а еще сколько было людей, подававшихъ надежды: три брата Поповыхъ, Огрызко... И что же: Курносовъ женился на Клейнгаузъ и живетъ настоящимъ буржуа, Петровъ поступилъ въ акцизное вѣдотство, Ефимовъ гдѣ-то тюремнымъ смотрителемъ... Вообще, чортъ знаетъ что такое!..

— Да, если разобрать, то... гм!.. собственно говоря... — бормоталъ Вертеповъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Ужъ вы-то молчали бы лучше! — обрывала его Софья Сергѣевна и даже топала ногами. — Туда же...

Докторъ Вертеповъ скромно умолкалъ и начиналъ посвистывать. Это было для него единственной уловкой спасенія — свистомъ онъ успокаивалъ Софью Сергѣевну, какъ египетскіе фокусники — очковыхъ змѣй. Жилось ему порядочно скверно, но онъ не имѣлъ силъ сбросить съ себя ярмо и покорно тащилъ житейскій возъ. Онъ даже не роптalъ на свою судьбу, но вотъ это проклятое искусство... У Софьи Сергѣевны сдѣлалось какой-то страстью приглашать разныхъ заѣзжихъ артистовъ, особенно музыкантовъ; потомъ навязался какой-то кудрявый блейтистъ изъ мѣстнаго оркестра, съ которымъ Софья Сергѣевна сочиняла дуэты. На обязанности Вертепова было знакомиться съ господами артистами, а потомъ приглашать ихъ въ салонъ. Если они артачились или отказывались новетонами, на голову Вертепова сыпался градъ упрековъ, и у Софьи Сергѣевны начинались „нервы“. Чтобы гарантировать себя отъ этихъ непріятностей и разрушить вліяніе флейты, онъ придумалъ занятія магнитизмомъ: столоверченіе, кассы, отгадываніе мыслей „черезъ вліяніе“ и т. д. Эта выдумка ему удалась, и по вечерамъ въ салонѣ водворялась всевозможная чертовщина, а Вертеповъ игралъ роль оракула и не безъ пользы пустилъ въ ходъ свои медицинскія знанія — онъ управлялъ сеансами, выбиралъ самыхъ нѣжныхъ субъектовъ и вообще продѣлывалъ всѣ фокусы, какіе успѣвалъ вычитать гдѣ-нибудь въ газетахъ.

Хановъ не могъ принимать участія даже въ этихъ невинныхъ развлеченіяхъ и лежалъ въ своей комнатѣ, забытый всѣми. Лицо у него перекосило, ротъ былъ на боку, а правый глазъ точно хотѣлъ выскочить изъ своей орбиты. Вообще вся правая сторона была поражена окончательно. По цѣлымъ часамъ больной старикъ взывалъ на всѣ лады: „Дарьица!.. Дарьица! ангельчикъ!“. Дарьица сто разъ проходила мимо и не желала замѣчать валявшагося безъ призора старика. Чтобы вызвать ее, онъ пускался на хитрость и начиналъ стонать. Дарьица появлялась въ дверяхъ, и стоны увеличивались. Когда она подходила, чтобы поправить подушку или перевернуть больного на другой бокъ, онъ кидался на нее и старался схватить зубами. Однажды такимъ образомъ онъ вырвалъ цѣлый бокъ крахмальной юбки у Дарьицы, франтившей попрежнему. Отъ скуки Хановъ начиналъ ругаться самымъ непозволительнымъ образомъ, и тогда являлся докторъ Вертеповъ, чтобы завязать сумасшедшему ротъ платкомъ.

Вообще много воды утекло. Не было и стараго опереточнаго губернатора, котораго замѣнилъ новый, почти молодой человѣкъ, подававшій большія административныя надежды. Онъ мало знался съ публикой и не заигрывалъ въ популярность, ограничиваясь однимъ внушительнымъ видомъ: знаемъ, что знаемъ. Были новые совѣтники въ палатахъ, тоже солидные молодые люди; а остались такими же, минуя духъ времени, одни чиновники особыхъ порученій: немного хлыщи и дамскіе угодники, не падающіе духомъ. Докторская „партія“ отпраздновала свои именины еще скорѣе Сажина, повторивъ въ общихъ чертахъ его исторію. Кабатчики и волостные писаря пересилили, и докторская партія вылетѣла изъ земства „съ бенгальскимъ огнемъ“, какъ говорилъ Пружинкинъ. Волостные писаря окончательно воцарились въ земствѣ, и даже предсѣдателемъ земской управы сдѣлался самый вороватый писарь, возсѣдавшій во главѣ трехъ членовъ управы, тоже изъ писарей. Единственнымъ утѣшеніемъ для Моховскаго земства могло служить то, что писаря воз-

сіяли во всѣхъ земствахъ, представляя собою страшную, все парастущую силу. Дѣло получало новый серьезный оборотъ, и даже Сажинъ началъ сомнѣваться въ обновляющей силѣ той или другой формы. Какая бы форма ни была, а люди, молъ, остаются тѣ же... Конечно, это былъ очень печальный выводъ, но онъ получался въ органической связи съ его настоящимъ душевнымъ состояніемъ.

Острая боль перваго впечатлѣнія давно миновала, а вмѣстѣ съ ней растаяло и желаніе отомстить своимъ врагамъ, о чемъ Сажинъ любилъ думать въ своемъ единочествѣ. Нѣсколько лѣтъ сидѣнья не у дѣлъ—хорошая школа для внутренней работы. Сначала Сажинъ радовался злоключеніямъ докторской партіи, изъ слова въ слово повторявшей его ошибки и быстро потерявшей почву подъ ногами, но и это прошло. Явились новыя соображенія, и—прежде всего—нужно было стать выше обстоятельствъ.

— Призовутъ, Павелъ Васильичъ,—продолжалъ увѣрять одинъ только Пружинкинъ, все еще не терявшій надежды.—Помилуйте, куда же они безъ васъ-то?.. Вотъ ужъ доктора слетѣли, а писаря сами себя за носъ уведутъ изъ земства. Большому чорту большая и яма...

У Сажина не было духа разувѣрять вѣровавшаго старика: „блаженъ, кто вѣруетъ“... Онъ шагалъ по своимъ комнатамъ, запустилъ всѣ дѣла до невозможности, и не далеко уже было время, когда ему серьезно придется думать о своихъ личныхъ дѣлахъ. Наступленіе этого момента даже радовало Сажина: можетъ-быть, этотъ внѣшній толчокъ выведетъ его изъ апатіи... Ни въ чиновники ни на общественную службу онъ больше не пойдетъ, а постепенно подыщетъ какія-нибудь частныя занятія. Личная предпріимчивость—это все, и тогда не будетъ роковой зависимости отъ толпы. Публика такъ же скоро позабыла Сажина, какъ и возвела его въ герои: къ чорту эту публику!..

Пружинкинъ по-своему объяснялъ настроеніе Сажина и даже удивлялся его ловкости: и виду не подаетъ, а самъ мотаетъ да мотаетъ себѣ на усъ. Когда призовутъ, тогда Павелъ Васильичъ ужъ всего за разъ себя и покажутъ... Очень политично, а писаря пусть пока повеселятся. Черезъ Пружинкина Сажинъ зналъ кое-что и про жизнь въ злобинскомъ домѣ.

— Помирилась старуха-то,—докладывалъ таинственно старикъ черезъ полгода послѣ свадьбы.—Сильно сначала фыркала Марѳа Петровна и слышать ничего не хотѣла, а потомъ утихомирилась... Ловокъ и этотъ самый баринъ Куткевичъ. Онъ потихоньку да полегоньку и взялъ старуху прямо за рога. Ни шуму ни крику, а однимъ словомъ убилъ Марѳу Петровну: „милая маменька“... Сегодня милая маменька, завтра милая маменька—ей ужъ, Марѳѣ-то Петровнѣ, дѣваться и некуда, чтобы, значитъ, характеръ свой обнаружить. Чуть она ротъ растворитъ, чтобы обругать, а зятекъ ей „милую маменьку“ въ зубы. Послѣ-то сама Марѳа Петровна мнѣ говорила: „Точно вотъ онъ изъ нашей вѣры, зятишко-то... Больно ужъ хитеръ“. Нашла коса на камень.

— А что Анна Ивановна?..

— Анна Ивановна?.. Не разберешь ее, хотя, конечно, дѣло ихнее женское: жена предъ мужемъ всегда виновата... Изстари поговорка недаромъ ведется. Тоже вотъ и ребеночекъ у ей... Со старухой-то у нихъ по-прежнему, только Куткевичъ и миритъ. Да про Анну Ивановну не вдругъ скажешь, что у нея на умѣ: тихая вода стойтъ до время.

Лѣтомъ въ злобинскомъ саду по цѣлымъ днямъ гуляла наряженная въ позументы кормилица, носившая ребенка въ шелковомъ одѣялѣ. Сажинъ часто

наблюдалъ ее изъ своего окна въ бинокль, и сердце заныло у него отъ старой боли. Въ душѣ поднималось непріятное чувство вотъ къ этому ребенку, который мозолилъ ему глаза своимъ невиннымъ присутствіемъ. Въ садъ часто выходила Марѳа Петровна и по цѣлымъ часамъ возилась съ внучкомъ,—ребенка звали Борисомъ. Сама Анна Ивановна почти не показывалась—она все прихварывала. На другой годъ кормилицу смѣнила нянька, которая водила за руку что-то такое маленькое и безпомощное, барахтавшееся въ пескѣ, какъ тараканъ. Когда выходилъ самъ Куткевичъ, Сажинъ торопливо отходилъ отъ окна—онъ не могъ даже издали видѣть этого человѣка, хотя лично не могъ сказать про него ничего дурного.

Когда ребенку было уже два года, явился Пружинкинъ и объявилъ, что маленькому Борѣ „захватило горлышко“, а черезъ три дня его не стало. Сажинъ видѣлъ изъ своего окна огни погребальныхъ свѣчъ, и ему дѣлалось грустно не за ребенка, а за мать. Было что-то несправедливо-глупое въ этой маленькой, ежедневно повторяющейся на глазахъ у всѣхъ исторіи: родился зачѣмъ-то маленькій человѣкъ, пожилъ два года и также неизвѣстно зачѣмъ умеръ...

— Какъ лебедь убивается Анна Ивановна,—докладывалъ Пружинкинъ, покачивая головой.—Точно даже застыла вся, потому—только всего и свѣту въ окнѣ было... Не любитъ она своего благовѣрнаго муженька

— Почему вы такъ думаете?

— А такъ-съ... Со стороны-то оно всегда замѣтнѣе. Можетъ, и сама Анна Ивановна этого не знаетъ, а оно ужъ видно: нѣтъ, и все тутъ!

Это открытіе Сажинъ предчувствовалъ, зная Куткевича, какъ самаго обыкновеннаго карьериста, зная и то, какъ состоялся бракъ. Анна Ивановна кинулась къ первому человѣку подъ давленіемъ своихъ личныхъ неудачъ и домашнихъ непріятностей, какъ нерѣдко заключаются брачныя пары. Эти интересы, связывавшіе Сажина съ злобинскимъ домомъ, давали его личному существованію хоть какой-нибудь призрачный интересъ, и онъ съ невольнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на своихъ новыхъ друзей, у которыхъ не было даже и этого: о. Евграфъ вдовствовалъ, Корольковъ и Окуневъ никогда не были женаты. Въ теченіе пятилѣтняго знакомства не было упомянуто ни одного женскаго имени этими анахоретами, а Окуневъ морщился, когда Василиса Ивановна поднималась наверхъ.

— Ужъ и компанія...—ворчала старушка у себя въ гостиной, когда ее навѣщалъ Пружинкинъ.—Какіе-то оглашенные!..

— Совсѣмъ особенные люди-съ, Василиса Ивановна,—объяснялъ Пружинкинъ.—А отъ женщинъ можетъ происходить большой вредъ... т.-е. не отъ всѣхъ женщинъ, Василиса Ивановна, а только оно бываетъ.

— Что же, по-твоему, монахами жить?.. Этакъ и родъ человѣческій переведется начисто, некому будетъ и Богу молиться... Нашъ-то Павелъ Васильичъ на кого похожъ, а все отчего?.. Какъ бы послушался меня тогда, женился на Аннушкѣ Злобиной—не то было бы. Жена-то не дала бы киснуть...

— Это вы вѣрно-съ, а только у всякаго свой терминъ, Василиса Ивановна. Вотъ я, слава Богу, и вѣкъ свѣковалъ, а ничего, не плачусь. Это ужъ кому какое терпѣніе...

— А кому отъ твоего терпѣнія польза?..

— Тутъ опять свое разсужденіе, Василиса Ивановна. Ежели я, напримѣръ, негодящій человѣкъ, такъ и жена ничего не подѣлаетъ, а тамъ совсѣмъ другое... Тогда эта генеральша подвернулась, на ея душѣ грѣхъ, а то настоящій преферансъ выходилъ у Павла-то Васильича къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Мудрили бы вы съ Павломъ Васильичемъ меньше, оно бы и лучше вышло.

XX.

Прасковья Львовна часто бывала въ злобинскомъ домѣ и каждый разъ ссорилась съ Куткевичемъ или съ Маріей Петровной. Послѣдняя особенно умѣла обидѣть докторшу какимъ-нибудь ядовитымъ раскольничьимъ словечкомъ, въ родѣ того, что, молъ, нехорошо это, Прасковья Львовна, когда курица „вспоетъ по-пѣтушиному". Куткевичъ защищалъ маменьку, а Прасковья Львовна начинала ихъ ругать буржуа и ретроградами.

— Я удивляюсь, удивляюсь и удивляюсь!..—кричала Прасковья Львовна, потрясая кулаками.—И если бы я только могла подозрѣвать тогда, что изъ Куткевича выйдетъ такая свинья... вамъ, Куткевичъ, не видать бы Анны Ивановны, какъ своихъ ушей. Для чего было огородъ городить?..

Въ обращеніи докторша всегда отличалась большой рѣзкостью, а Куткевича она преслѣдовала и никогда иначе не называла, какъ по фамиліи.

— Вся бѣда женщинъ вообще и васъ, уважаемая Прасковья Львовна, въ частности заключается въ томъ,—отвѣчалъ неизмѣнно спокойнымъ тономъ Куткевичъ, умѣвшій выдержать характеръ,—что вы въ мужчинахъ все желаете видѣть не простыхъ, обыкновенныхъ людей, а какихъ-то героевъ. Да... А геройство, согласитесь, не обязательно даже по уголовному кодексу.

— А зачѣмъ умныя слова говорили?—наступала Прасковья Львовна.—У, постылый человѣкъ...

— Такое было умное время, когда всѣ говорили умными словами.

— А зачѣмъ притворялись, что сочувствуете равноправности женщинъ? Э, да что съ вами говорить: всѣ вы, мужчинишки, не стоите мѣднаго гроша... Не стоите, не стоите!..

— Это доказываетъ только дурной вкусъ нашихъ женщинъ, которыя дѣлаютъ такой неудачный выборъ, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ же зависитъ вполнѣ произведеніе Шекспировъ, Ньютоновъ, Боклей...

— Такъ и произойдетъ впослѣдствіи, когда будетъ изъ чего выбирать, а теперь на безрыбьѣ и ракъ рыба.

— Скверно то, что вамъ придется немного подождать этихъ героевъ, Прасковья Львовна.

— И подождемъ.

Анна Ивановна обыкновенно уходила отъ подобныхъ сценъ и потомъ чувствовала себя скверно. Прасковья Львовна отыскивала ее и торжественно заявляла:

— А я все-таки отчитала г. Куткевича... да. Я ему высказала все... да. Пусть поломаетъ свою пустую голову—это полезная гимнастика для него.

— Къ чему всѣ эти нелѣпыя сцены?—удивлялась Анна Ивановна, пожимая плечами.—Мертвыхъ не лѣчатъ...

— Ахъ, матушка, сама я все это знаю, а только накипитъ и не вытерпишь... Притомъ, я не могу видѣть этого Куткевича: мерзавецъ!.. Бываютъ большіе подлецы, но у тѣхъ все-таки есть извѣстная сила, умъ, наконецъ энергія, а вотъ это мелкое, ничтожное, гаденькое... Я понимаю, что женщина можетъ простить рѣшительно все любимому человѣку, кромѣ ничтожества. Гдѣ у меня тогда были глаза, когда я устраивала вашъ несчастный бракъ?

— Послушайте, вы не имѣете права такъ выражаться, потому что все-таки г. Куткевичъ—мой мужъ...

— А мнѣ это все равно! Да и что такое мужъ?.. Совершенная случай-

ность. Вѣдь это ужасно: каждый день, каждый часъ чувствовать за собой это ничтожество, которое будетъ васъ преслѣдовать, какъ собственная тѣнь. Тутъ даже природа не виновата, а сами люди...

Прасковья Львовна любила говорить на тему о „подлецѣ“, причемъ иносказательный тонъ нимало не скрывалъ, о комъ шла рѣчь. Нужно замѣтить, что это понятіе о подлецѣ у Прасковьи Львовны сложилось длиннымъ опытомъ, и она съ логикою всѣхъ ошибающихся людей вносила въ него всѣ свои личныя неудачи и разочарованія. Конечно, подлецъ—кажется, ясно? Растолстѣлъ, обрюзгъ, каждый вечеръ шатается въ клубъ играть въ карты,—и это тотъ самый Куткевичъ, который былъ однимъ изъ членовъ „молодого Мохова“, а главное—мужъ раскольницы... Прасковья Львовна постоянно ошибалась въ людяхъ, и съ годами каждая новая ошибка отдавалась въ ея душѣ все больнѣй, развивая мизантропію. У нея сказывалась вѣчная жажда горячихъ привязанностей, и, конечно, ей приходилось дорого платить за это удовольствіе. Послѣдней привязанностью являлась Анна Ивановна, и Прасковья Львовна непремѣнно старалась завладѣть ею, какъ дѣлаютъ всѣ любящіе люди. Она являлась въ злобинскій домъ почти каждый день и располагалась здѣсь по-домашнему, внося съ собой извѣстную грубоватую энергію и освѣжающее чувство. Анна Ивановна любила ее по-своему, сдержанно и молча. Онѣ вмѣстѣ читали, спорили, волновались по поводу разныхъ проклятыхъ вопросовъ и снова читали. Практической, настоящей жизни не было, да она сама по себѣ слишкомъ была тяжела, и приходилось удовлетворяться тѣмъ міромъ, который смотрѣлъ на нихъ съ печатныхъ страницъ. Такъ много живетъ людей на Руси, живетъ и умираетъ, унося въ могилу неудовлетворенную вѣру во что-то лучшее и справедливое, что̀ не достанется и дѣтямъ ихъ дѣтей.

Замужество Анны Ивановны мало измѣнило ея собственное положеніе, и даже,—въ чемъ она боялась окончательно сознаться,—это положеніе измѣнилось не въ лучшую сторону, начиная съ того, что ея любимая и единственная комната была превращена Маѳой Петровной въ парадную спальню. Выходя замужъ, Анна Ивановна думала получить извѣстную свободу, а вмѣсто того привела въ отцовскій домъ жалкаго тупеядца, который въ двѣ недѣли подчинился авторитету Маѳы Петровны. Это было приличное ничтожество съ тѣмъ особеннымъ самолюбіемъ, какое свойственно людямъ этого разбора—нужно же было хоть чѣмъ-нибудь замѣнить внутреннюю пустоту. Характеръ точно также замѣнялся мелкимъ упрямствомъ, какъ у обезьяны. Аннѣ Ивановнѣ дѣлалось даже какъ-то страшно, когда мужъ неожиданно входилъ въ комнату въ моменты такого раздумья, и она разсматривала его удивленными глазами, какъ посторонняго. Неужели этотъ человѣкъ могъ быть членомъ „молодого Мохова“? Послѣднее составляло неразрѣшимую загадку, и Анна Ивановна начинала думать, что она относится къ мужу пристрастно. Ей было непріятно смотрѣть, какъ онъ ѣстъ, какъ обращается съ прислугой, какъ старается попасть въ тонъ Маѳѣ Петровнѣ.

— Ежели бы мнѣ дѣлать зятя на заказъ, такъ и не придумать бы лучше,—въ глаза Куткевичу говорила хитрая старуха.

— Милая маменька, вы преувеличиваете мои достоинства, какъ вашего зятя...

— Ну, ужъ это я знаю сама про себя, милый затюшка!.. Тоже насмотрѣлась на своемъ вѣку на добрыхъ людей, какъ нашу сестру, бабу, зятья-то увѣчать. Вонъ у Аѳонинныхъ непремѣнно своей вѣры захотѣли зятя, а онъ пріѣдетъ домой пьяный и кричитъ: „не хочу въ ворота, разбирай за-

боръ!..“ Смертный бой у нихъ въ дому стоитъ... На своего покойника я не могу пожаловаться, а тоже, бывало, всю душеньку вымотаетъ.

Старый героическій режимъ въ злобинскомъ домѣ смѣнился неустоявшейся новой формой. Къ раскольничьей обстановкѣ прилѣпилась кой-какая новая мебель, старинные цвѣты уступили мѣсто экзотическимъ растеніямъ, явился кабинетъ г. Куткевича—и только. Не стало даже той прежней цѣльности, какая придавала злобинскому дому характерный видъ истаго раскольничьяго гнѣзда. Этого диссонанса не желалъ замѣчать одинъ г. Куткевичъ, быстро успокоившійся на лаврахъ дешево доставшагося благополучія. Онъ вообще былъ доволенъ и чувствовалъ себя отлично. Свою контрольную службу онъ бросилъ, потому что не желалъ быть чиновникомъ. Это сдѣлано было даже изъ принципа, хотя Марѳа Петровна и не могла согласиться съ зятемъ, который промѣнялъ мундиръ и чины „на собачью земскую службу“. Но и въ земствѣ г. Куткевичъ удержался недолго, не желая мириться съ возсіявшими писарями и кабатчиками. Сейчасъ онъ просто отдыхалъ, выжидая случая баллотироваться въ мировые судьи. Новый судъ пришелъ уже въ Моховъ и „требовалъ рукъ“.

Проѣдаться на женинъ счетъ и ничего не дѣлать—мало-по-малу входило въ modus vivendi. Въ Моховѣ было нѣсколько такихъ тупеядцевъ, которые держали себя въ обществѣ съ большимъ гономъ и отлично усвоили одинъ и тотъ же озабоченно-торжественный, дѣловой видъ. Въ клубъ или въ театръ они являлись съ высоко поднятой головой и презрѣніе порядочныхъ людей старались замаскировать нахальствомъ или пренебреженіемъ. Собственно говоря, ничего новаго и поражающаго въ этомъ не было, богатыя невѣсты дѣлили общую участь, и сколоченные всякими неправдами родительскіе капиталы шли на оперенie „павлиновъ“, какъ называли остряки этихъ мужей своихъ женъ. Чтобы вознаградить себя чѣмъ-нибудь, павлины показывались во всемъ своемъ блескѣ дома, гдѣ ихъ не видѣлъ сторонній глазъ. Въ результатѣ получались маленькіе тираны и трутни, вѣчно охорашивавшіеся и капризничавшіе. Особенно доставалось отъ нихъ прислугѣ, выносившей на своихъ плечахъ непризнанное величіе. Нужно сказать, что изъ павлиновъ г. Куткевичъ былъ лучшимъ, хотя и ломался надъ одной горничной Агашей.

Первый ребенокъ внесъ на короткое время новую струю въ жизнь злобинскаго дома. Его лепетъ примирилъ, повидимому, нараставшее глухое недовольство между супругами, но и это счастье лопнуло, какъ мыльный пузырь, оставивъ послѣ себя мучительную пустоту. Анна Ивановна не плакала, не убивалась, а только вдругъ притихла и еще сильнѣе затаилась—горе ушло внутрь и залегло тяжелымъ камнемъ навсегда. Зато г. Куткевичъ плакалъ и, вообще, прекрасно вошелъ въ роль неутѣшнаго отца.

— Это наконецъ гнусно!—возмущалась Прасковья Львовна, особенно возненавидѣвшая г. Куткевича съ этого момента.—Что такое отецъ ребенка? Случайность и въ большинствѣ случаевъ очень печальная случайность—не больше. Я понимаю материнское горе, потому что для матери ребенокъ—все. Да... Но бываютъ случаи, когда...

Прасковья Львовна не рѣшилась выговорить вертѣвшееся на языкѣ слово и только посмотрѣла на Анну Ивановну, которая ходила по комнатѣ съ заложенными за спину руками. Горе сдѣлало ее еще лучше, смягчивъ слишкомъ серьезное выраженіе лица, какъ первый холодъ придаетъ чарующую прелесть осеннему ландшафту. Глаза смотрѣли мягче, дѣвичья свѣжесть замѣнилась задумчивой, ласковой женской красотой.

— Вы что-то хотѣли сказать, Прасковья Львовна?—проговорила Анна Ивановна, останавливаясь.—Пожалуйста, не стѣсняйтесь...

— Нѣтъ, я такъ...

— Вы хотѣли меня утѣшить?

— Конечно... Я глубоко убѣждена въ томъ, что хотѣла сейчасъ въ зать, голубчикъ. Мнѣ жаль вашего Бори, но... но, можетъ-быть, онъ сдѣла даже хорошо, что догадался во-время уйти со сцены за кулисы.

— Что вы хотите сказать... я не понимаю...—сдавленнымъ голосомъ спросила Анна Ивановна и поблѣднѣла.—Чѣмъ ребенокъ виноватъ?

— Можетъ-быть, это и жестокая мысль, голубчикъ, но она жестоко вѣрна. Любили ли вы мужа, когда родился Боря?..

— Нѣтъ... т.-е. я совсѣмъ не знаю, что такое любить. Это слишкомъ банальное и опошленное слово, но мнѣ кажется, что я все-таки уважаю мужа... Иначе это было бы нечестно. Т.-е. я хочу сказать, что наши идеалы вообще недостижимая мечта, и приходится мириться съ нѣкоторыми недостатками...

— Нѣтъ, не то, голубчикъ! Когда человѣкъ забываетъ себя, тогда онъ отдаетъ всю душу другому—вотъ это истинное чувство, а все остальное только сдѣлка съ совѣстью.

— Да вѣдь такъ нельзя же любить цѣлую жизнь?.. Всякое чувство имѣетъ свой естественный предѣлъ...

— Вотъ эти предѣлы на нашихъ дѣтяхъ и сказываются... Вѣдь это ужасно видѣть въ собственномъ ребенкѣ, какъ въ немъ сказываются черты постылаго человѣка, его характеръ, недостатки. Помните, какъ Боря по-отцовски закидывалъ свою головку?.. У него были отцовскія тонкія губы и что-то такое мышиное, прячущееся, въ глазахъ... Голубчикъ, простите меня за мою грубость!..

— Вы несправедливы...

— Да, потому что слишкомъ жестоко утѣшаю васъ... Да. И вотъ вашъ Боря подрастаетъ, и съ каждымъ годомъ въ немъ все сильнѣе стала бы сказываться чужая кровь... Можно ли придумать что-нибудь ужаснѣе?.. А это—наказаніе за наши грѣхи, и самое страшное наказаніе, которое будетъ стоять предъ глазами матери вѣчнымъ упрекомъ... Тутъ не можетъ быть пощады, и женщина-мать расплачивается за каждую свою фальшивую улыбку, за каждую вынужденную ласку. Эти несчастныя дѣти, какъ поздніе цыплята, кончаютъ очень скверно: худосочіемъ, наслѣдственными болѣзнями, и вообще расплачиваются за грѣхъ своихъ родителей. Умереть во-время—это даже счастье...

— Нѣтъ, вы все таки ошибаетесь!..

— Ахъ, какъ я желала бы ошибиться не только въ этомъ случаѣ, но и во многихъ другихъ.

— И это, можетъ-быть, счастье особаго рода?..—съ горькой улыбкой спрашивала Анна Ивановна, чувствовавшая, что какъ-то начинаетъ бояться вотъ этой самой Прасковьи Львовны.

— Если хотите, то и счастье...

А г. Куткевичъ съ важностью лежалъ въ это время въ своемъ кабинетѣ и кейфовалъ съ сигарой въ зубахъ. Онъ не безпокоился за жену, приписывая ея странности неуклюжему еще чувству, взбудораженному недавними бредными объ эмансипаціи, женскомъ трудѣ и тому подобныхъ глупостяхъ. Время сгладитъ все, и г. Куткевичъ только улыбался, прочитывая въ газетахъ извѣстія о новыхъ вѣяніяхъ ренегатства, поголовнаго воровства и

вообще тяготѣнія вернуться назадъ, къ дореформеннымъ порядкамъ добраго стараго времени.

XXI.

Анна Ивановна почти не выѣзжала и время отъ времени бывала только въ театрѣ, чтобы посмотрѣть новую пьесу. Жизнь ея сосредоточивалась въ своихъ четырехъ стѣнахъ, и самымъ большимъ развлеченіемъ было то, когда завертывала Володина. Эта дѣвушка оставалась все такой же сѣрой и все такъ же занималась въ теребиловской школѣ. Она приходила вечеромъ, усталая и грустно-серьезная, и Аннѣ Ивановнѣ доставляло удовольствіе ухаживать за этой, убивавшейся на работѣ, труженицей. Да, все кругомъ давно измѣнилось; недавніе герои Мохова, поддавшіеся вѣянію шестидесятыхъ годовъ, какъ-то исчезли, а Володина оставалась все тою же, какою была десять лѣтъ назадъ. Теребиловская школа давно пережила періодъ своей популярности и была забыта. Земское пособіе больше не выдавалось, и школа существовала изо дня въ день на частныя средства, добываемыя подпиской, концертами и любительскими спектаклями. Анна Ивановна отдавала сюда все, что̀ могла тратить на наряды и удовольствія, а генеральша и Прасковья Львовна одолѣвали моховскую публику подписками и спектаклями.

Сближеніе Анны Ивановны съ Володиной произошло незамѣтно, благодаря именно теребиловской школѣ, причемъ связующимъ живымъ звеномъ являлся Пружинкинъ. Женщины сошлись и такъ пріятно проводили вечера за чтеніемъ и хорошими разговорами. Въ Володиной жила несокрушимая вѣра въ свое дѣло, и она относилась ко всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ относятся доктора къ эпидеміямъ или обыкновенные люди къ погодѣ: нужно выждать время. Именно эта вѣра всегда успокаивающимъ образомъ дѣйствовала на Анну Ивановну, и она чувствовала себя хорошо въ присутствіи Володиной, которая сдѣлалась для нея необходимою. Она посылала за ней свою лошадь и выбѣгала встрѣчать въ переднюю. Эта привязанность возбуждала въ Прасковьѣ Львовнѣ ревнивое чувство, обнаруживавшееся разными придирками.

— Зачѣмъ вы бываете у генеральши, Володина?—часто приставала Прасковья Львовна.

— А что̀ такое?

— И вы спрашиваете?.. Было время, когда я сама увлекалась этой женщиной, но теперь... Одинъ Вертеповъ чего стоитъ! Помилуйте, вертятъ столы, распѣваютъ душетеребительные романсы, и вообще свинство... да.

— Я этого не нахожу,—невозмутимо отвѣчала Володина.—Софья Сергѣевна осталась той же Софьей Сергѣевной, какою мы всѣ знали ее тогда, а въ ея личныя дѣла я не вмѣшиваюсь.

— Вы вообще миритесь со всѣмъ и всѣми. Напримѣръ, Курносовъ: растолстѣлъ, добился инспекторства и теперь донимаетъ ребятишекъ разной канцелярщиной. Представьте себѣ, онъ является въ орденахъ!.. А Ефимовъ и Петровъ?!

— Это все частные случаи, Прасковья Львовна! Будутъ другіе люди и сдѣлаютъ свое дѣло. Вся наша ошибка въ томъ, что мы навязываемъ другимъ то, чего въ нихъ нѣтъ, а потомъ плачемся. Лично для меня достаточно, если разъ я убѣдилась, что это—хорошо, а то—нѣтъ, и слѣдовательно должна сообразно съ этимъ затрачивать свои силы.

Несмотря на эти маленькія разногласія, въ общемъ всѣ трое составляли

коллективное цѣлое, представляя маленькій островокъ, устоявшій отъ общаго крушенія. Спеціально-женская консервативная сила дѣлала здѣсь свое хорошее дѣло, сохраняя устойчивое равновѣсіе. Какъ бы въ доказательство своихъ убѣжденій, Володина время отъ времени приводила въ злобинскій домъ то курсистку-бестужевку, то остановившуюся проѣздомъ въ Моховѣ женщину-врача, то какого-нибудь необыкновеннаго учителя или интеллигентнаго рабочаго. Вѣдь это было то же самое, но въ другой формѣ, и въ свою очередь должно уступить со временемъ чему-нибудь новому, болѣе пригодному и цѣлесообразному. Важно то, что истинное и плодотворное общественное движеніе никогда не умираетъ, а только мѣняетъ форму.

Однажды въ мартѣ мѣсяцѣ, когда на улицѣ мела весенняя вьюга, въ злобинскій домъ толкнулся Пружинкинъ. Дѣло было вечеромъ, и старикъ, по обыкновенію, предварительно завернулъ къ Маѳѣ Петровнѣ, поговорилъ о разныхъ пустякахъ, а потомъ послалъ Агашу узнать, можно ли будетъ видѣть „барышню“. У Анны Ивановны сидѣли Володина и Прасковья Львовна; поэтому она просила провести Пружинкина прямо въ гостиную. Старикъ вошелъ съ озабоченнымъ лицомъ и, поздоровавшись съ дамами, вполголоса проговорилъ:

— А мнѣ, Анна Ивановна, словечко-съ одно нужно бы вамъ сказать.

— Говорите... у меня секретовъ нѣтъ.

— Такъ-съ...

Пружинкинъ осторожно оглянулся и прежнимъ полголосомъ проговорилъ:

— Павелъ Васильичъ умираютъ...

Въ первый моментъ Анна Ивановна не поняла даже рокового смысла этой роковой фразы и какъ-то по-дѣтски спросила:

— То-есть какъ это умираетъ?

— А такъ-съ, обнакновеннымъ образомъ: воспаленіе легкаго и прочее такое. Ужасъ, какъ разгасило... Можно сказать, безъ памяти лежатъ третьи сутки!

— Кто же его лѣчитъ?—вмѣшалась Прасковья Львовна съ особенной энергіей, какъ заслышавшій трубу боевой конь.

— Какъ же, лѣчимъ-съ... я и Чалко.

— Какой Чалко?

— Ну, фельдшеръ нашъ.

— А доктора почему не приглашаете?

— Да ужъ такъ... Отъ смерти не вылѣчишь, да и самъ Павелъ Васильичъ не пожелали-съ.

— Вздоръ!

— Ужъ это какъ вамъ будетъ угодно-съ, а Чалко отлично все знаетъ.

Вытерши лицо платкомъ, Пружинкинъ посмотрѣлъ на Анну Ивановну какимъ-то безпомощнымъ взглядомъ, а потомъ, точно въ свое оправданіе, прибавилъ:

— И Окуневъ и Корольковъ то же самое говорятъ-съ.

— Глупости!—ругалась Прасковья Львовна.—У васъ тамъ и о. Евграфъ тоже въ доктора попадетъ... Развѣ такъ можно? Ну, гдѣ у васъ умъ, Егоръ Андреевичъ? Притомъ, можно ли слушать бредъ больного! Да я сама сейчасъ же отправлюсь къ Сажину и все устрою.

Прасковья Львовна взялась уже было за шляпку, но Анна Ивановна ее остановила.

— Нужно подумать, а потомъ уже предпринимать что-нибудь. Лучше всего обратиться къ Глюкозову, а потомъ...

Анна Ивановна не договорила, что̀ потомъ, и только опустила глаза. Пружинкинъ отвернулся, чтобы вытереть непрошенную слезу. Володина наблюдала происходившую сцену со своимъ обычнымъ спокойствіемъ и только внимательно посмотрѣла на свои худыя руки.

Всѣ эти годы о Сажинѣ въ злобинскомъ домѣ не было сказано двухъ словъ, точно онъ не существовалъ, а теперь одно это имя произвело сильное волненіе. Пружинкинъ едва „опнулся“ и сейчасъ же отправился на свой постъ. Его не удерживали. Анна Ивановна проводила старика до передней и вернулась съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Изъ понятной деликатности, я никогда не говорила о немъ при васъ, голубчикъ,—встрѣтила его Прасковья Львовна.—По теперь уже дѣло прошлое, а, право, будетъ жаль, если нашъ именинникъ такъ глупо умретъ.

— Это геніальный человѣкъ!—заявила Володина.

— Конечно, у него были свои слабости и недостатки, но, если сравнить Сажина съ другими...—вслухъ думала Прасковья Львовна, надѣвая шляпку задомъ напередъ.—Обратите вниманіе, какъ онъ живетъ: вѣдь нужно выдержку, чтобы похоронить себя заживо въ четырехъ стѣнахъ Да, да! Въ немъ было всегда что-то такое особенное. Помните, какъ онъ тогда вышелъ изъ земства? Онъ одинъ зналъ, что̀ будетъ дальше. Ему негдѣ было развернуться и показать себя въ настоящую величину. Понимаете: негдѣ! Бродить по колѣна въ обыкновенныхъ глупостяхъ—это надоѣстъ кому угодно, и онъ выбралъ лучшее. Я отлично знаю и Окунева и Королькова: это все трагическіе русскіе люди, какъ и нашъ именинникъ. Имъ некуда дѣваться, негдѣ приложить свои силы. Нужно быть жалкой посредственностью, чтобы мириться со всякой гадостью. Наконецъ, въ немъ сказалось слишкомъ серьезное и глубокое чувство—я въ этомъ убѣждена.

— Неужели онъ умретъ?—спрашивала Володина.

— Прасковья Львовна, нельзя ли будетъ пригласить къ больному вашего мужа?—спрашивала Анна Ивановна, не слыхавшая этихъ разсужденій.

— Это я сейчасъ устрою. Они тогда были врагами, но это пустяки. Я прикажу мужу сейчасъ же ѣхать. Смерть всѣхъ примиритъ.

Послѣднее слово заставило Анну Ивановну вздрогнуть: неужели смерть? И такъ неожиданно! Что̀ такое смерть? Ахъ, да, какъ умиралъ Боря... цвѣты... похоронное пѣніе... волны ладана... погребальныя свѣчи... Да, нужно доктора, а потомъ кто будетъ заботиться о больномъ? Вѣдь уходъ прежде всего, а въ сажинскомъ домѣ всего одна женщина. По воспоминаніямъ дѣтства, Анна Ивановна относилась къ сажинской экономкѣ съ брезгливымъ недовѣріемъ, безсознательно усвоивъ взглядъ матери.

— Нужно его спасти!—провозгласила Прасковья Львовна, дѣлая энергичный жестъ.—Мы были такъ несправедливы... да! Я первая сознаюсь въ этомъ... Помните, Володина, какъ Сажинъ черезъ Пружинкина посылалъ деньги въ школу, а мы возвратили ихъ ему?

Анна Ивановна была рада, когда ея друзья наконецъ ушли. Ей необходимо было остаться одной, чтобы сообразить что-то, одуматься. Она запомнила, какъ Пружинкинъ глоталъ слезы и что-то хотѣлъ ей сказать въ передней, но только махнулъ рукой и выбѣжалъ въ двери. Какой хорошій старикъ этотъ Пружинкинъ и какъ беззавѣтно онъ любитъ Павла Васильевича... Какое-то неизвѣданное чувство овладѣло душой, и Анна Ивановна никакъ не могла успокоиться. Она выпила два стакана холодной воды, хотѣла дочитать начатую книгу, но строчки прыгали и неизвѣстныя страницы застила-

лись туманомъ. „Павелъ Васильевичъ умираютъ-съ!“ — неотступно стучала въ головѣ Анны Ивановны одна и та же фраза, заставляя ее вздрагивать. Онъ умираетъ безпомощный, одинокій, оставленный всѣми и забытый.

За вечернимъ чаемъ Марѳа Петровна нѣсколько разъ взглядывала на дочь своимъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ и беззвучно жевала сухими губами. Анна Ивановна два раза роняла чайную ложку, опрокинула на столъ свою чашку и вообще имѣла самый безпокойный видъ. Она была рада, что мужъ разсказывалъ все время Марѳѣ Петровнѣ о какомъ-то скандалѣ въ клубѣ, а сама думала: гдѣ теперь докторъ Глюкозовъ? Можетъ-быть, онъ уѣхалъ по больнымъ, и Сажинъ попрежнему остается на попеченіи одного Чалки.

— Ты, кажется, сегодня не совсѣмъ здорова?—освѣдомился Куткевичъ, когда Анна Ивановна два раза отвѣтила ему невпопадъ.

— Да. У меня голова болитъ.

Когда Анна Ивановна торопливо вышла изъ столовой, Марѳа Петровна проводила ее прищуренными глазами и строго покачала головой, но Куткевичъ ничего не желалъ замѣчать и благодушествовалъ, развалившись въ креслѣ.

Мужъ всегда говорилъ Аннѣ Ивановнѣ „ты“, но сейчасъ это маленькое слово обидно рѣзнуло ее по уху. „Ты, кажется, сегодня не совсѣмъ здорова?“ А кому какое дѣло до ея здоровья, до всего, что̀ касалось ея? Она ждала только момента, когда останется одна, совсѣмъ одна; вѣдь это великое счастье—быть одной. Въ восемь часовъ Куткевичъ уѣзжалъ въ клубъ, и Анна Ивановна съ какимъ-то страхомъ думала о томъ, какъ онъ непремѣнно отыщетъ ее, чтобы поцѣловать въ лобъ, какъ всегда дѣлалъ при выходѣ изъ дому. Изъ бывшей своей комнаты она посмотрѣла черезъ голый садъ на сажинскій домъ: въ кабинетѣ Сажина свѣтился слабый огонекъ. Какъ давно не смотрѣла она въ эту сторону, и какъ больно отозвались въ душѣ эти двѣ свѣтлыя точки, глядѣвшія на нее. Спускались сѣрыя сумерки, и мокрыми хлопьями падалъ послѣдній снѣгъ. Верхушки березъ были затканы вороньими гнѣздами. Гдѣ-то далеко прозвонилъ запоздалый колоколъ, оставившій въ воздухѣ долгій, умирающій звукъ. Послышавшіеся осторожные шаги заставили Анну Ивановну вздрогнуть—это шелъ мужъ прощаться.

— Я вернусь, Annette, около часа!—говорилъ онъ, шаркая ногами.

Послѣдовалъ обычный супружескій поцѣлуй, какъ нечать на казенной бумагѣ, и Анна Ивановна вздохнула свободно. Что̀ же дальше? Да, гдѣ теперь докторъ Глюкозовъ, и отчего Прасковья Львовна не ѣдетъ сообщить, какъ все устроилось? Въ душѣ Анны Ивановны защемило такое нѣжное и хорошее чувство къ больному, но потомъ она вдругъ вся похолодѣла отъ нахлынувшихъ воспоминаній. Вотъ онъ изъ этого сада такъ постыдно бѣжалъ тогда отъ генеральши. Онъ погубилъ ея жизнь, какъ и свою. Припавъ мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ самому стеклу, Анна Ивановна опять смотрѣла въ потемнѣвшій садъ, на двигавшуюся сѣтку падавшаго снѣга, на потонувшія вдали двѣ свѣтлыя точки. Вѣдь такъ же темно и въ жизни, и такъ же изъ невѣдомой глубины манятъ къ себѣ блуждающіе огоньки.

XXII.

На старинныхъ часахъ съ кукушкой пробило девять часовъ. Прасковьи Львовны все не было.

— Ты куда это собралась, на ночь глядя?—окликнула Марѳа Петровна, настигнувъ Анну Ивановну въ передней, когда она надѣвала пальто.

— Мнѣ нужно къ Прасковьѣ Львовнѣ, — спокойно отвѣтила Анна Ивановна.—Лошадь вернулась изъ клуба?

Ей было душно въ комнатахъ. Холодный воздухъ сразу оживилъ ее, и она съ удовольствіемъ дохнула всей грудью. Мокрый снѣгъ покрывалъ все кругомъ бѣлымъ саваномъ. Когда кучеръ подалъ, Анна Ивановна проговорила:

— Къ Прасковьѣ Львовнѣ!

Выѣхавъ изъ воротъ, Анна Ивановна задумалась—ей вдругъ не захотѣлось ѣхать къ Глюкозовымъ. Кучеру было приказано ѣхать на Консисторскую и остановиться на углу Гаврушковскаго переулка. Снѣгъ все шелъ колебавшимися въ воздухѣ крупными хлопьями. Пѣшеходовъ не было видно, и глухо дребезжали одни извозчичьи разбитые экипажи. Анной Ивановной вдругъ овладѣло такое хорошее и радостное чувство, какого она еще никогда не испытывала.

— Ты подождешь меня здѣсь...—твердо проговорила она кучеру, выходя изъ экипажа.

— Слушаю-съ...—отвѣтилъ старикъ-кучеръ, жившій у Злобиныхъ лѣтъ двадцать.

Анна Ивановна торопливо пошла по мокрому тротуару, прямо къ сажинскому дому, до котораго отъ угла было шаговъ двѣсти. Прежнее бодрое чувство усилилось отъ ходьбы и какого-то дѣтскаго чувства полной свободы. Фонари едва мигали, и въ темнотѣ ея никто не узнаетъ. У подъѣзда она позвонила твердой рукой и вышедшему на звонокъ Семенычу проговорила коротко:

— Проведи меня къ Василисѣ Ивановнѣ.

— Онѣ чай кушаютъ-съ!—докладывалъ Семенычъ, почтительно забѣгая по коридору впередъ бочкомъ.—Вотъ сюда направо!

Въ распахнутую Семенычемъ дверь на Анну Ивановну пахнуло знакомымъ воздухомъ, какой застаивается въ такихъ маленькихъ комнаткахъ. На шумъ показалась сама Василиса Ивановна, повязанная темненькимъ платочкомъ. Увидѣвъ Анну Ивановну въ шубѣ, покрытую хлопьями снѣга, старушка сдѣлала шагъ назадъ и всплеснула молча руками. Семенычъ помогъ гостьѣ снять шубу и, сдѣлавъ налѣво кругомъ, удалился.

— Анна Ивановна Злобина...—отрекомендовалась гостья, входя въ гостиную.

Василиса Ивановна узнала ее по какому-то инстинкту и, махнувъ рукой, тихо заплакала. Она поняла, зачѣмъ пришла эта поздняя гостья. Въ гостиной на столѣ стоялъ остывшій самоваръ, въ углу теплилась лампадка. На особомъ столикѣ кучкой стояли какіе-то пузырьки съ лѣкарствами. Аннѣ Ивановнѣ хотѣлось что-нибудь сказать плакавшей старушкѣ, но она чувствовала, что голова у нея кружится и что-то давитъ горло.

— Анна Ивановна... голубушка...—шептала Василиса Ивановна, не вытирая катившихся слезъ.—Вотъ какъ Господь привелъ свидѣться!

— Докторъ былъ?

— Заѣзжалъ, а тамъ теперь фершелъ. Плохъ Павелъ-то Васильичъ, всего разварило. Ахъ, Господи, да какъ это вы-то, моя голубушка... Докторъ и слушалъ и стукалъ, а лѣкарства не далъ... А какъ Павелъ-то Васильичъ тосковалъ въ послѣднее время!

Василиса Ивановна задушевно и горько выговаривала все, что у нея накипѣло на душѣ, и вытирала передникомъ катившіяся по сморщенному лицу слезы. Старое представленіе о „сажинской наложницѣ“ исчезло само

собой, и Анна Ивановна, поддаваясь безотчетному чувству, поцѣловала убивавшуюся старушку—ей хотѣлось утѣшить ее и приласкать.

— Матушка, Анна Ивановна! Не осудите старуху на глупомъ словѣ: думала я объ васъ не одинъ годъ и ждала... только не судилъ Богъ по-моему, какъ я загадывала. Теперь-то ужъ все можно сказать: не къ чему таиться! Былъ грѣхъ... Хотѣлось мнѣ послужить вамъ на старости лѣтъ, порадоваться... А вы-то вотъ какъ пришли къ намъ!

Сначала Анна Ивановна не поняла смысла этихъ безсвязныхъ рѣчей, а потомъ съ грустной улыбкой проговорила:

— Зачѣмъ, Василиса Ивановна, вы говорите это?

— Сердце выболѣло, голубушка... Да и Павелъ Васильичъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ,—оно ужъ все заодно.

— Докторъ сказалъ?

— Нѣтъ, докторъ молчитъ, а у меня душа ноетъ... чувствую...

Присѣвъ на диванъ, Анна Ивановна подробно разспросила про болѣзнь Сажина и все время всматривалась въ лицо Василисы Ивановны, въ которомъ чувствовалось что-то такое знакомое и близкое. Да, эта старушка понимала ее—понимала, что̀ привело ее сюда и что̀ она сейчасъ чувствуетъ. То, что̀, казалось, было похоронено навѣки и скрыто отъ всѣхъ глазъ, вырвалось наружу вотъ здѣсь, въ этой маленькой комнаткѣ.

— Можно будетъ мнѣ взглянуть на больного?—тихо спросила Анна Ивановна послѣ длинной паузы.

— Можно, можно, моя голубушка... Я провожу васъ...

Онѣ поднялись по узкой лѣсенкѣ прямо въ столовую, гдѣ горѣла лампа и было совсѣмъ пусто. Проходя по коридору, Анна Ивановна въ отворенную дверь увидала Окунева и о. Евграфа, споривших въ полголоса о чемъ-то. Бильярдъ служилъ имъ вмѣсто классной доски, и Окуневъ, отложивъ мѣломъ по зеленому сукну двѣ параллельныя линіи, шопотомъ говорилъ:

— Понимаете: одиннадцатая теорема Эвклида—это исходный пунктъ новой математики... да. Центръ внѣ окружности... тѣло, ограниченное выпуклыми поверхностями, обращенными внутрь...

— Какъ поврежденные...—прошептала Василиса Ивановна.—Все у нихъ тары да бары.

Окуневъ замѣтилъ Анну Ивановну, прищурилъ глаза и даже фыркнулъ носомъ—появленіе неизвѣстной женщины нарушило его математическія соображенія. Въ залѣ было совсѣмъ темно, и только въ пріотворенную дверь кабинета выползала широкая полоса зеленоватаго свѣта. Стеариновая свѣча, защищенная зеленымъ шелковымъ абажуромъ, стояла на письменномъ столѣ. У внутренней стѣны на кровати бѣлѣла неподвижная масса, а около нея въ двухъ креслахъ, другъ противъ друга, сидѣли Чалко и Пружинкинъ. Больной тяжело дышалъ, и слышно было, какъ что-то хрипѣло и клокотало у него въ груди. Появленіе Анны Ивановны заставило Пружинкина вскочить, точно въ дверяхъ стояло привидѣніе. Чалко тоже сдѣлалъ движеніе всѣмъ корпусомъ и неловко заерзалъ въ креслѣ, а потомъ около стѣнки благополучно выбрался въ залу и только тамъ вздохнулъ свободнѣе, какъ человѣкъ, благополучно отдѣлавшійся отъ большой опасности.

— Плохъ-съ...—говорилъ Пружинкинъ движеніемъ головы и рукъ.

Анна Ивановна заняла мѣсто Чалки у изголовья больного, который лежалъ съ закрытыми глазами. Лицо было багрово-красное, сквозь запекшіяся губы вылетала съ сухимъ свистомъ горячая струя воздуха, грудь быстро поднималась. Ею вдругъ овладѣло невыразимое чувство жалости къ этому

безпомощному человѣку, сгоравшему лихорадочнымъ огнемъ. Вотъ эта голова, изъ которой фонтаномъ била живая, искрившаяся огнемъ мысль; вотъ эти воспаленные, потухающіе глаза, эти безсильныя руки съ напружившимися жилами и грудь, задыхавшаяся отъ недостатка воздуха... Анна Ивановна инстинктивно набрала всей грудью воздуха, точно хотѣла помочь дыханію больного, поправила резиновый мѣшокъ со льдомъ, скатившійся на подушку, и, приложивъ руку къ горѣвшему лбу, прислушивалась къ этой молчаливой борьбѣ жизни и смерти. Да, все кончено, и нѣтъ больше мѣста для обыденныхъ расчетовъ и соображеній.

— Плохо-съ...—прошепталъ голосъ Пружинкина надъ самымъ ухомъ Анны Ивановны.

Василиса Ивановна стояла попрежнему въ дверяхъ и наблюдала происходившую сцену. Она видѣла, какъ больной тяжело раскрылъ глаза и быстрымъ испуганнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на наклонившееся надъ нимъ лицо—онъ узналъ ее и что-то хотѣлъ сказать, но изъ груди вырвалось всего одно слово:

— Прощайте... прощайте...

— Мы будемъ еще жить... долго жить...—шептала Анна Ивановна, поправляя прилипшіе ко лбу его волосы.

— Нѣтъ... кончено...

Больной хотѣлъ сказать еще что-то, сдѣлалъ безпокойное движеніе головой и безсильно закрылъ глаза, погрузившись въ прежнее полузабытье. Пружинкинъ и Василиса Ивановна вышли изъ комнаты. Глаза больного опять раскрылись и съ тревогой искали дорогого лица, но оно уже наклонилось и шептало о жизни, о прощеніи, о будущемъ. Жизнь, молодая и полная силъ, была тутъ, рядомъ, и чья-то маленькая ласковая рука опять лежала на горѣвшей головѣ.

— Прощайте... благодарю...

— Нѣтъ, вы должны жить...

Въ столовой Анну Ивановну ожидали подробные разсказы о результатахъ докторскаго діагноза: поражено правое легкое, но есть надежда на благополучный исходъ. Знакомые неотлучно дежурятъ при больномъ и ужъ постараются поднять его на ноги. Въ дверяхъ столовой на мгновеніе показались рыжіе усы Окунева, и Анна Ивановна почувствовала на себѣ пристальный взглядъ тайнаго врага. Но ей было не до того—нужно было уходить... Какъ во снѣ, она сошла по лѣстницѣ внизъ, простилась съ Василисой Ивановной и, когда стала надѣвать шубу, почувствовала, какъ Пружинкинъ поцѣловалъ у нея руку.

— Ангелъ прилетѣлъ... нашъ ангелъ...—шепталъ старикъ.

Василиса Ивановна убѣжала въ свою спальню и, упавъ на кровать, плакала съ тяжелыми всхлипываньями. Да, она, эта желанная гостья, приходила—закрыть ему глаза... На улицѣ шелъ тотъ же снѣгъ и такъ же печально мигали рѣдкіе фонари, когда Анна Ивановна торопливо шла по тротуару къ своему экипажу. За ней шелъ Пружинкинъ и повторялъ:

— Какъ же это, Анна Ивановна, дома-то?.. Ахъ, ты, Господи, еще непріятность выйдетъ.

— Идите, Егоръ Андреевичъ, назадъ, а то еще простудитесь...—спокойно отвѣчала Анна Ивановна, чувствуя себя необыкновенно легко.

— Нѣтъ... дома-то Марѳа Петровна?

— Ничего... пустяки.

Кучеръ сдѣлалъ видъ, что ничего особеннаго не замѣтилъ, и только нерѣшительно повернулъ голову, ожидая приказанія ѣхать къ Глюкозовымъ.

— Домой!—коротко отвѣтила Анна Ивановна на этотъ нѣмой вопросъ.

У нея мелькнула малодушная мысль внушить кучеру, что они-де ѣздили къ Прасковьѣ Львовнѣ, но этотъ обманъ оттолкнулъ ее. Къ чему? Глюкозова могла заѣхать къ нимъ въ это время, и обманъ раскрылся бы самъ собой. Притомъ ей рѣшительно все равно: да, она была въ сажинскомъ домѣ, что же изъ этого?.. Прежнее хорошее чувство овладѣло ей, и она удивлялась, какъ все это вышло само собой. Вѣдь она выѣхала изъ дому съ намѣреніемъ ѣхать къ Прасковьѣ Львовнѣ. Нѣтъ, она должна была видѣть его, и онъ не умретъ...

Глюкозова, дѣйствительно, заѣзжала къ Злобинымъ, и Марѳа Петровна встрѣтила дочь въ передней—она знала все черезъ Агашу, которую посылала до сажинскаго дома.

— Гдѣ ты была, голубушка?—какъ-то зашипѣла старуха.

— У Сажина!—коротко отвѣтила Анна Ивановна и даже улыбнулась.

— Вотъ какъ!

— Да... такъ. Можете донести объ этомъ по принадлежности: мнѣ все равно.

Спокойный тонъ испугалъ Марѳу Петровну, и она даже отшатнулась отъ дочери, какъ отъ сумасшедшей. Анна Ивановна вызывающимъ взглядомъ смотрѣла на мать и опять улыбалась.

— Хорошо... хорошо... голубушка!—забормотала старуха, размахивая руками.—Ужо посмотримъ, какъ будешь съ мужемъ-то разговаривать. Ишь, какую прыть напустила!

— Это ужъ мое дѣло, а вы не рѣшитесь ему ничего сказать... по привычкѣ всѣхъ обманывать... Да и мнѣ все равно: говорите... жалуйтесь. Прислуга знаетъ и разболтаетъ все безъ васъ, такъ что вамъ не о чемъ заботиться.

— Да ты въ своемъ ли умѣ? Какія ты слова говоришь матери?

Но Анна Ивановна не слыхала этихъ возгласовъ—она думала о томъ, что Василиса Ивановна отлично знаетъ не только ея прошлое, но и настоящее. Да, это ясно изъ того участія, съ какимъ она отнеслась къ ней. Изъ своей комнаты Анна Ивановна опять долго смотрѣла черезъ садъ на свѣтившіяся окна сажинскаго дома и теперь отлично представляла себѣ всю обстановку. Ей дѣлалось жутко и хорошо, когда она перебирала въ умѣ подробности этого визита: какъ задушевно и тепло встрѣтили ее всѣ, точно хозяйку дома... Вѣдь она могла быть хозяйкой этихъ пустыхъ комнатъ, въ которыхъ жизнь совсѣмъ замерла, и, можетъ-быть, тамъ кипѣла бы теперь другая жизнь. Недаромъ плакала Василиса Ивановна.

XXIII.

Первые теплые дни въ Моховѣ устанавливались только въ концѣ мая. Въ городскомъ саду, опушенномъ первой весенней зеленью, по утрамъ можно было встрѣтить каждый день Сажина, который гулялъ здѣсь въ обществѣ Пружинкина или кого-нибудь изъ своихъ друзей послѣдней формаціи. Онъ только-что успѣлъ подняться съ постели и ходилъ, опираясь на палку. Лицо вытянулось и поблѣднѣло, глаза казались больше.

— Ничего-съ, все форменно будетъ, Павелъ Васильевичъ,—говорилъ Пружинкинъ, поддерживая Сажина за локоть.—Другая болѣзнь намъ же на пользу, говоритъ Чалко. Кровь полируется.

Сажинъ задумчиво улыбался и не спорилъ. Онъ переживалъ то хорошее чувство, какое приносится выздоровленіемъ, и съ каждымъ днемъ испытывалъ новый приливъ силъ. Теперь онъ съ удовольствіемъ выслушивалъ болтовню

Пружинкина, толковалъ съ нимъ о его проектахъ и теребиловскихъ злобахъ дня, спорилъ съ Окуневымъ о математической точкѣ, которую невозможно „ни изобразить ни представить въ воображеніи“. Но эти моменты оживленія иногда смѣнялись тяжелымъ раздумьемъ, находившимъ на него безъ всякой видимой причины. Сажинъ не слыхалъ вопросовъ, забывалъ своихъ собесѣдниковъ и только теръ рукой сморщенный лобъ, точно стараясь что-то припомнить. Да, онъ смутно, какъ во снѣ, видѣлъ молодое женское лицо, которое наклонялось надъ его изголовьемъ, и не рѣшался спросить Пружинкина или Василису Ивановну: было это галлюцинаціей или... Отъ этого вопроса его удерживала мысль: „а если ничего подобнаго не было, тогда онъ будетъ лишенъ возможности даже думать на эту тему, заставлявшую его переживать такія хорошія минуты“.

Разъ, когда Сажинъ и Окуневъ гуляли на большой липовой аллеѣ, въ глубинѣ этой аллеи показалась женская фигура. Окуневъ тяжело замолчалъ и нахмурился, точно предчувствуя опасность, которая приближалась къ нимъ такой граціозной и легкой походкой.

— Вотъ чортъ несетъ...—ворчалъ онъ, дергая себя за усы.—А впрочемъ, до свиданья, Павелъ Васильичъ.

— Куда это вы?—удивился Сажинъ.

— Нужно...

Круто повернувшись, Окуневъ сердито зашагалъ къ выходу—онъ узналъ Анну Ивановну и спасался самымъ постыднымъ бѣгствомъ, какъ искушаемый бѣсомъ пустынникъ. А она уже подходила къ Сажину и первая протянула ему руку.

— Какъ я рада, что вижу васъ здоровымъ...—проговорила она, [illegible] дывая зонтикъ.

— А я... нѣтъ, я въ неоплатномъ долгу у васъ, Анна Ива[illegible]

— Ничего, какъ-нибудь сосчитаемся... Нехорошо то, что мн[illegible] и пришлось васъ отыскивать. Да, я васъ искала... чтобы высказать много[illegible]

Изумленіе Сажина смѣнилось томительнымъ и сладкимъ чувст[illegible] онъ могъ смотрѣть на нее, могъ слушать звукъ этого голоса, а тамъ хоть умереть... Вѣдь онъ не видалъ ея много лѣтъ и теперь находилъ, что она въ десять разъ лучше того, чѣмъ была. Изъ-подъ широкополой лѣтней шляпки на него смотрѣло свѣжее и молодое лицо, полное какой-то тревоги и ожиданія,—это лицо наклонялось надъ нимъ тогда, въ чемъ онъ больше не сомнѣвался. Она шла рядомъ съ нимъ по той же аллеѣ, гдѣ они гуляли когда-то подъ звуки музыки, и такъ же хорошо смотрѣла на него.

— Вы, можетъ-быть, устали?—спрашивала она притихшимъ голосомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ...

— Да, такъ мнѣ необходимо было видѣть васъ, чтобы сказать все... Скажите, почему вы похоронили себя на пять лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ? Неужели достаточно было одной неудачи, чтобы бросить все?.. Писаря и кабатчики гораздо выдержаннѣе и теперь завладѣли всѣмъ.

— Имъ, значитъ, и книги въ руки...

— Вы говорите это такъ спокойно... Значитъ, все, что было раньше, все это говорилось и дѣлалось какъ-то такъ, безъ всякаго основанія. Можетъ-быть, дѣлалось изъ самаго непростительнаго эгоизма.

Сажинъ горько улыбался и не отвѣчалъ, наблюдая золотыя полоски свѣта, бродившія въ зелени молодой травы и по песку дорожки.

— А было время, когда на васъ молились, когда ожидали отъ васъ очень многаго...—продолжала Анна Ивановна.—А теперь?..

— Мнѣ трудно говорить на ходу... Сядемте,—тихо отвѣтилъ Сажинъ.

Они сѣли на зеленой скамьѣ. Анна Ивановна чертила на пескѣ зонтикомъ параболы. Сажинъ нѣсколько разъ съ трудомъ перевелъ духъ и послѣ длинной паузы началъ:

— Вы правы, и я то же самое передумалъ много разъ... Знаете, когда меня выкинули изъ земства, я, конечно, обвинилъ всѣхъ другихъ и былъ глубоко убѣжденъ, что меня рано или поздно призовутъ. Да...

Съ перерывами и паузами Сажинъ передалъ содержаніе того внутренняго процесса, какой онъ пережилъ за все это время своего добровольнаго затворничества. Сначала онъ заперся изъ гордости, потомъ наступилъ періодъ сомнѣнія, и наконецъ сложилось новое міросозерцаніе, если можно примѣнить здѣсь это громкое слово.

— Въ самомъ дѣлѣ, вглядываясь въ Пружинкина, я увидѣлъ въ немъ своего двойника,—говорилъ Сажинъ, начиная увлекаться.—Та же непрактичность, та же дѣтская вѣра въ несбыточное... Въ немъ только больше цѣльности и крови. Дальше явились уже абсурды: на Руси нѣтъ даже подлецовъ въ чистомъ видѣ, а все это такъ, какъ-то зря... Въ большинствѣ случаевъ, сами по себѣ, это—очень милые и безвредные люди, если отнять отъ нихъ полосу спеціальнаго помѣшательства. Какой-нибудь консисторскій повытчикъ, полицейскій зубокрушитель, просто маленькій семейный тиранъ—всѣ они люди, какъ люди.

— Остается только перенести все это на нашихъ хорошихъ людей?..

— Къ сожалѣнію, да!.. Нѣтъ почвы подъ ногами и не за что ухватиться, когда въ самомъ себѣ чувствуешь эту роковую раздвоенность. Посмотрите, сколько на Руси толпится совершенно ненужныхъ людей, и притомъ это не какіе-нибудь обсѣвки, а самые способные и талантливые... Это наше спеціально-русское явленіе.

— Трагическіе люди, какъ называетъ Прасковья Львовна...

— Именно... хотя, по-моему, вѣрнѣе было бы назвать ихъ именинниками. Это очень мѣткое слово, лично для меня имѣвшее роковое значеніе... У насъ въ каждомъ дѣлѣ такъ: сначала именины, а потомъ тяжелое похмелье.

— Вы несправедливы...—тихо заговорила Анна Ивановна, дѣлая порывистое движеніе.—Да, несправедливы. Все это мертвыя выкладки, оторванныя отъ жизни. Всякій можетъ ошибаться и падать, но, за вычетомъ этихъ ошибокъ, остается то доброе и вѣчное, къ чему хорошіе люди всегда стремились душой и будутъ стремиться. И поэтому стòитъ жить... да, стòитъ.

Голосъ у нея дрогнулъ и порвался. Сажинъ молчалъ, подавленный тѣмъ, что̀ шевельнулось у него въ глубинѣ души,—передъ нимъ развертывалась широкой лентой та же аллея, по которой они когда-то гуляли подъ руку...

— Стòитъ жить... да!..—повторила Анна Ивановна задыхающимся голосомъ.—Что̀ же вы молчите, дрянной эгоистъ?..

— Анна Ивановна, что̀ вы дѣлаете...—прошепталъ Сажинъ, опуская голову.—Знаете, я такъ недавно увѣренъ былъ въ своей смерти и даже желалъ ея... Зачѣмъ вы тогда приходили и зачѣмъ теперь говорите все это?.. У меня кружится голова...

— Я хочу спасти васъ... да, спасти. Страшно ничтожество, страшна пустота... Одинъ часъ счастья лучше десятковъ лѣтъ гнилой, проклятой жизни. Я хочу видѣть васъ такимъ, какимъ знала тогда...

Она придвинулась къ нему и взяла его за руку. Сажинъ чувствовалъ, какъ эта маленькая рука дрожала.

— Анна Ивановна...

Послышался неопредѣленный сухой смѣхъ, а когда онъ взглянулъ ей въ лицо—оно отвѣтило ему восторженной, счастливой улыбкой. Большіе темные глаза такъ и горѣли, ротъ былъ полуоткрытъ.

— Мнѣ подъ тридцать лѣтъ, а я еще не начинала жить...—шептала она со слезами въ голосѣ.—Я никого не обвиняю, но мнѣ хочется жить... день, часъ жить—это все равно. Пять лѣтъ идетъ моя пытка... нѣтъ, казнь. Я поддавалась иллюзіямъ своего курятника, наконецъ просто плыла по теченію, а это ужасно... Да, ужасно! И весь ужасъ своего положенія я поняла только тогда, когда услышала о вашей болѣзни... Вѣдь достаточно нѣсколькихъ дней, чтобы человѣка не стало—для чего же тогда жить?... Я не знала, что иду тогда къ вамъ, и приняла, какъ не знала этого сегодня... Есть вещи сильнѣе насъ. У меня нѣтъ больше силъ... я задыхаюсь...

Она сорвала шляпку съ головы и хотѣла еще что-то сказать, но Сажинъ привлекъ ее къ себѣ и по-отечески поцѣловалъ въ лобъ. У него кружилась голова отъ прилива безумія, а она прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ, точно хотѣла прирасти.

— Да, стоитъ жить...—шопотомъ повторялъ Сажинъ.

— Завтра вы придете сюда ровно въ одиннадцать часовъ... нѣтъ, лучше въ часъ. Что же вы молчите?.. А то я могу пройти къ вамъ въ домъ... Испугались, Павелъ Васильевичъ?.. Мнѣ все равно и нисколько не страшно... Придете?..

— Да...

— Нѣтъ, повторяйте за мной: я приду завтра въ часъ въ городской садъ и буду здѣсь терпѣливо ждать васъ, Анна Ивановна, вотъ въ этой самой алле..

— Я приду завтра въ часъ...

— Довольно... вѣрю...

Въ боковой аллеѣ, на скамейкѣ, сидѣла Прасковья Львовна и самым скромнымъ образомъ занималась отчасти ботаникой, отчасти минералогіей и даже зоологіей. Кругомъ нея валялись разорванные въ мелкіе клочья листочки сирени, скрученная въ развивавшуюся спираль трава, а зонтикъ ковырялъ въ пескѣ и нѣсколько разъ гонялся неудачно за пролетавшей мимо зеленой мухой. Все это, взятое вмѣстѣ, доказывало только нетерпѣніе Прасковьи Львовны, которая не умѣла ждать. Она пришла въ садъ вмѣстѣ съ Анной Ивановной и время отъ времени сквозь листву аллеи наблюдала сидѣвшую далеко отъ нея парочку. Однако они совсѣмъ забыли объ ея существованіи, и Прасковья Львовна сгорала желаніемъ выйти изъ своей засады.

— Помилуйте, да въ это время можно, по крайней мѣрѣ, десять разъ исповѣдаться!..—ворчала она, поднимаясь съ мѣста.

Въ самый рѣшительный моментъ, когда Прасковья Львовна хотѣла уже итти, она взглянула направо и тамъ, въ другой боковой аллеѣ, увидѣла мужскую фигуру, которая очень внимательно наблюдала ее сквозь рѣдкую весеннюю зелень. Прасковья Львовна даже присѣла со страху,—ей показалось, что это былъ г. Куткевичъ. Въ слѣдующій моментъ она смотрѣла бродившаго по аллеѣ Окунева и ругалась вслухъ.

— Вотъ еще скотина!.. Вѣдь ушелъ изъ сада, а тутъ точно изъ-подъ земли выросъ...

Они стали наблюдать другъ друга и со сдержанной злобой дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. Это нѣсколько развлекло Прасковью Львовну, и она съ новымъ ожесточеніемъ принялась рвать траву и даже бросала камешками въ воображаемаго непріятеля. Когда показалась Анна Ивановна, Прасковья Львовна пошла къ ней навстрѣчу и на ходу говорила:

— Что же вы это со мной-то дѣлаете, голубчикъ?.. Вѣдь я тутъ могла умереть напрасной смертью... Битый часъ сидѣла, какъ лягушка.

Анна Ивановна, вмѣсто отвѣта, горячо расцѣловала Прасковью Львовну и, закрывъ глаза, нѣсколько секундъ безмолвно ее обнимала.

— Значитъ, хорошо, что я не выкатила къ вамъ?—спрашивала Прасковья Львовна, растроганная этой нѣжностью.

— Да, хорошо... Впрочемъ, я не знаю, что говорю...

— А меня такъ и подмывало... Я все сказала бы именинику, рѣшительно все!.. А тутъ еще навязался Окуневъ: бродитъ вонъ по той аллеѣ, какъ волкъ...

— Какой Окуневъ?..

— Ахъ, Боже мой... Да тотъ самый, который давеча съ Сажинымъ! Ну, ужъ въ слѣдующій разъ, благодарю покорно, я не буду разыгрывать Марту... И я подозрѣваю, что этотъ Окуневъ ужасно глупъ!..

Анна Ивановна не понимала ни одного слова изъ этой болтовни и шла изъ сада, крѣпко опираясь на руку своей дуэньи.

— Ну, что онъ?—спрашивала ее Прасковья Львовна въ третій разъ.

— Кто?

— Ахъ, Господи!.. Вы меня сегодня возмущаете, голубчикъ.

— Виновата: стоитъ жить...

XXIV.

Въ кабинетѣ Сажина произошло маленькое недоразумѣніе. Сейчасъ послѣ [illegible]инъ выразилъ нѣкоторое безпокойство и два раза посмотрѣлъ на часы.

— [illegible]юда, вы меня извините...—говорилъ онъ, отыскивая шляпу.— [illegible]димо сходить по дѣлу. Всего на часъ, много на два...

— Пожалуйста...—брякнулъ Окуневъ, стараясь не смотрѣть на вертѣвшаго головой Пружинкина.

Вышла неловкая сцена, точно Сажинъ хотѣлъ скрыться отъ своихъ друзей потихоньку. Пружинкинъ не могъ понять, какъ это Павелъ Васильевичъ пойдетъ одинъ. Окуневъ молчалъ и только закручивалъ свои рыжіе усы.

— Во всякомъ случаѣ, я скоро вернусь...—говорилъ Сажинъ, по пути разсматривая свою фигуру въ зеркалѣ.

Друзья такъ и остались при собственномъ недоумѣніи, а Сажинъ торопливо шагалъ по направленію къ городскому саду: онъ боялся опоздать и еще разъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось полчаса. День былъ солнечный, и Сажинъ сильно задыхался. Но вотъ и садъ, обыкновенно пустой въ это время. Пробѣжавъ центральную площадку, Сажинъ въ завѣтной липовой аллеѣ носомъ къ носу встрѣтился съ Прасковьей Львовной, которая видимо его поджидала.

— Вы аккуратны, какъ гимназистъ...—встрѣтила она его, протягивая руку.—Ну, здравствуйте. Что вы такъ дико смотрите на меня?.. Не бойтесь, не продамъ... Я пришла сюда на свиданіе по порученію извѣстной вамъ особы, которая послала мнѣ записку... Позвольте, гдѣ она у меня?

Въ карманѣ нигдѣ записки не оказалось, и Сажинъ растерянно смотрѣлъ, какъ Прасковья Львовна ощупывала себя. Онъ не ожидалъ именно этой встрѣчи и не зналъ, какъ себя держать съ недавнимъ врагомъ.

— Ахъ, какая проклятая память!—вскричала она, дѣлая энергическій жестъ.—Оставила въ своей комнатѣ на столикѣ... Да, теперь отлично помню. Но это все равно—эта особа просила вамъ передать, что она сегодня не можетъ пріѣхать, и еще... позвольте... что она такое пишетъ? Послушайте, будетъ

самое лучшее, если мы поѣдемъ сейчасъ же ко мнѣ... это послужитъ кстати доказательствомъ, что вы не сердитесь на меня. Не правда ли?..

— Было бы удобнѣе, если бы вы постарались припомнить...—настаивалъ Сажинъ.

— Помню, что есть что-то такое, но эти записочки пишутся такими экивоками, что мудреца сведутъ съ ума... Вѣрно одно, что дѣло идетъ о васъ.

Не дожидаясь согласія, Прасковья Львовна подхватила Сажина подъ руку и потащила изъ сада. Онъ не сопротивлялся и покорно выслушивалъ сыпавшуюся на него болтовню.

— Во-первыхъ, я не только не сержусь на васъ, но даже считаю себя виноватой предъ вами,—объясняла Прасковья Львовна на ходу.—Въ сущности, мы всѣ одинаково виноваты... Но вы-то хороши, милый человѣкъ!.. Хоть бы одно слово все время... Ну, скажите откровенно, легко женщинѣ первой прійти на свиданіе, первой протянуть руку и первой начать объясненія?.. Да... А вы именно поставили такъ ту особу, о которой я говорю...

— Позвольте, мы, кажется, не понимаемъ другъ друга, Прасковья Львовна?

— Не притворяйтесь, пожалуйста... О чемъ вы могли вчера толковать битый часъ?.. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла, а только поставьте себя въ положеніе женщины, которая даже въ такомъ исключительномъ случаѣ должна принимать на себя починъ...

— Все-таки я не понимаю, для чего вы все это говорите, Прасковья Львовна?—удивлялся Сажинъ, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— И вы спрашиваете?.. Вы, значитъ, не хотите видѣть той великой въ своей чистотѣ женской души, которая жертвуетъ всѣмъ для... ахъ, для этого нѣтъ словъ, а можно только чувствовать.

Они взяли перваго попавшагося на глаза извозчика и отправились на окраину, гдѣ желтой однообразной полосой тянулась казенная больница. На правомъ крылѣ помѣщалась квартира Глюкозовыхъ, и уже издали пахнуло специфической лѣкарственной струей. Прасковья Львовна нетерпѣливо дернула за ручку звонка и съ самымъ торжественнымъ видомъ вошла въ переднюю. Что̀ поразило Сажина, такъ это голосъ о. Евграфа, доносившійся изъ кабинета—онъ о чемъ-то по обыкновенію спорилъ.

— Сюда...—коротко пригласила Прасковья Львовна гостя въ небольшую залу, въ которой Сажинъ успѣлъ замѣтить уголъ рояля.

Когда-то онъ бывалъ здѣсь, но теперь совсѣмъ забылъ обстановку. Въ залѣ, на сѣромъ диванчикѣ, обитомъ выцвѣтшимъ репсомъ, сидѣла Анна Ивановна. Она смущенно поднялась при появленіи Сажина и молча протянула ему руку.

— А я не утерпѣла: соврала...—каялась Прасковья Львовна, довольная своей выдумкой.—Хотѣла испытать его чувства. Да и что̀ за свиданья въ городскомъ саду, куда бѣгаютъ одни гимназисты... Можно попасть въ очень непріятную исторію.

— У васъ неистощимая фантазія, Прасковья Львовна...—проговорилъ Сажинъ, прислушиваясь къ голосамъ въ кабинетѣ.

— Хорошо, хорошо... Я не буду вамъ мѣшать и скромно удаляюсь.

Исполнить это благочестивое намѣреніе ей помѣшалъ умоляющій взглядъ Анны Ивановны, которая еще не проронила ни одного слова. Сажинъ тоже чувствовалъ себя неловко, что̀ уже окончательно возмутило Прасковью Львовну.

— Что̀ же, прикажете мнѣ за васъ объясняться?—бранилась она, размахивая руками.—По-моему, господа, прежде всего вамъ нужно куда-нибудь уѣхать... Да, да. Не спорьте: въ Крымъ, на Кавказъ, въ Италію. Путешествія

имѣютъ глубокій философскій смыслъ... Да и необходимо встряхнуться отъ домашней паутины. Послушайте, Павелъ Васильевичъ, что вы смотрите на меня такими глазами? Анюта сегодня объяснилась съ г. Куткевичемъ... Все кончено.

Однимъ словомъ, языкъ Прасковьи Львовны выговаривалъ все, что давило Сажина цѣлую ночь и о чемъ онъ не рѣшился бы спросить Анну Ивановну. Все вышло какъ-то само собой... На лицѣ Анны Ивановны онъ прочиталъ свой приговоръ и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Ну, дѣти мои, обнимитесь же...—шептала Прасковья Львовна, напрасно стараясь сдержать душившія ее слезы.

Но они и не думали обниматься, слишкомъ счастливые налетѣвшимъ вихремъ. Въ дверяхъ залы въ это время появился о. Евграфъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ на взволнованную Прасковью Львовну: кажется, ничего особеннаго не случилось? Недоумѣніе о. Евграфа послужило развязкой общаго напряженнаго состоянія, тѣмъ болѣе, что о. Евграфъ въ своей святой простотѣ не подозрѣвалъ даже ничего особеннаго въ этомъ появленіи Сажина именно здѣсь, у Глюкозовыхъ, и во встрѣчѣ его съ Анной Ивановной. Вошелъ и самъ докторъ Глюкозовъ, высокій и плотный господинъ съ серьезнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Сажинъ первый протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Мы теперь постараемся быть совсѣмъ здоровыми людьми, докторъ...

— О. да... Это самое непремѣнное условіе общаго благосостоянія,— подтвердилъ о. Евграфъ.—Mens sana in corpore sano.

Такимъ образомъ состоялось примиреніе, и докторъ Глюкозовъ объяснилъ появленіе Сажина именно этимъ обстоятельствомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу праздныхъ и подозрительныхъ людей. Отецъ Евграфъ торжествовалъ, [illegible] общимъ мирнымъ настроеніемъ.

За обѣдомъ толковали о земскихъ дѣлахъ, и Сажинъ говорилъ съ небывалымъ одушевленіемъ. Онъ очень коротко и остроумно представилъ пройденный моховскимъ земствомъ опытъ и тѣ поправки, которыя необходимо внести.

— Да, эти писаря и кабатчики ужъ слишкомъ...—соглашался Глюкозовъ.— Дѣйствительно, нужно что-нибудь такое... да. Во всякомъ случаѣ, это сила, съ которой приходится считаться...

Анна Ивановна почти не принимала участія въ общемъ разговорѣ, точно боялась проснуться отъ охватившаго ее счастливаго сна. Ей было непріятно, что Прасковья Львовна осыпала ее всевозможными знаками участія: заглядывала ей въ глаза, ловила подъ столомъ ея руку и жала съ институтскимъ азартомъ, и т. д. Голосъ Сажина отдавался у нея въ ушахъ, какъ призывный звукъ... Да, она его любитъ и всегда любила... Подъ конецъ обѣда, когда Прасковья Львовна не преминула сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ о „подлецѣ“, Анна Ивановна вдругъ поблѣднѣла—ей нужно было возвращаться домой... Сажинъ понялъ это движеніе и смотрѣлъ на нее такимъ хорошимъ, полнымъ сочувствія взглядомъ. Да, онъ болѣлъ душой за нее и раздѣлялъ ея тревогу.

Послѣ обѣда мужчины ушли въ кабинетъ курить, а дамы остались въ гостиной.

— Ну что, голубчикъ?..—шептала Прасковья Львовна, обнимая свою задушевную гостью.—А онъ любитъ васъ... Вотъ и разгадка его сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ. Вы теперь счастливы?..

— Да...

Сажинъ вошелъ въ гостиную и сѣлъ на кресло около Анны Ивановны.

Присутствіе Прасковьи Львовны его стѣсняло, но онъ преодолѣлъ себя и заговорилъ:

— Анна Ивановна, сейчасъ необходимо обдумать, что̀ дѣлать... Я не хочу подставлять васъ подъ обухъ. Самое лучшее, какъ мнѣ кажется, уѣхать изъ Мохова на время...

— Нѣтъ, я не согласна бѣжать...—отвѣтила спокойно Анна Ивановна, опуская глаза.—Мужъ уже знаетъ, что я ухожу, мать тоже.

— Что̀ же она?—вступилась Прасковья Львовна.

— Обыкновенная исторія: упреки, брань, угрозы... Мужъ грозитъ не выдавать вида на жительство, а мать проклинаетъ впередъ. Но это все равно... Было бы странно ожидать отъ нихъ чего-нибудь другого. Я ухожу изъ дому, а не бѣгу. Мои личныя отношенія никого не касаются...

— Подлецы, подобные г. Куткевичу, обыкновенно хватаются въ такихъ случаяхъ за единственное средство: отнимать у матери дѣтей,—говорила Прасковья Львовна,—но у васъ, къ счастью, нѣтъ этой петли... Г. Куткевичъ можетъ грозить только тѣмъ, что по этапу вытребуетъ васъ на мѣсто жительства...

Счастье имѣло свою тѣнь, но Анна Ивановна съ истинно-женскимъ героизмомъ шла навстрѣчу опасности съ открытымъ лицомъ. Она была даже рада этому случаю, точно хотѣла купить дорогой цѣной свободу. Приходилось начинать жить снова, а для этого она чувствовала въ себѣ достаточно силы.

— Относительно подробностей мы договоримся въ слѣдующій разъ, а сегодня я не могу,—сказала она на прощанье Сажину.

Онъ хотѣлъ ее проводить, но она запретила съ печальной улыбкой:—послѣ, послѣ, а теперь не до того.

Когда она ушла, Прасковья Львовна строго взглянула на Сажина и заговорила:

— Вотъ она, русская женщина... Смотрите и казнитесь.

Сажинъ вернулся въ гостиную и, сидя въ креслѣ, ничего не замѣчалъ, что̀ дѣлалось кругомъ. Ему было и жутко и хорошо. Онъ сравнивалъ себя съ нею и мучился угрызеніями совѣсти. Что̀ онъ такое?.. Можетъ ли онъ вознаградить хоть сотой долей за это налетѣвшее счастье? Въ ней каждое движеніе такъ просто и естественно, какъ въ растеніи: нѣтъ ни одной фальшивой ноты или вынужденнаго штриха, а онъ полонъ мучительной раздвоенности и сомнѣній. Каждый шагъ впередъ выкупался внутреннимъ разладомъ и разными побочными внушеніями. Не было этой цѣльности и крѣпости чувства. И теперь, когда замеръ шумъ ея шаговъ, Сажинъ вдругъ почувствовалъ поднимавшееся въ глубинѣ души знакомое чувство, и его душой овладѣлъ страхъ... Какъ она посмотритъ на него, когда первый пылъ страсти минуетъ?

— Что̀ же вы молчите, Павелъ Васильевичъ?—спрашивала его Прасковья Львовна, принимая вызывающую позу.—Вы недовольны? Вамъ мало этого?..

— Я?.. Что̀ я хочу?..—спрашивалъ Сажинъ въ свою очередь и горько усмѣхнулся.

— О чемъ вы еще думаете?..

Онъ не понималъ ея вопроса и смотрѣлъ куда-то въ пространство.

— Думали ли вы о томъ, что намъ, женщинамъ, некого любить?..—говорила Прасковья Львовна, краснѣя отъ волненія.—Некого!.. Въ другомъ мы любимъ наше неудовлетворенное чувство, потому что въ наши руки любимый человѣкъ поступаетъ инвалидомъ... Женщина отдаетъ все и получаетъ плату стертой монетой, вышедшей изъ употребленія. Въ этомъ — величайшее и непоправимое зло...

— Что же дѣлать?...

— Ахъ, я сама не знаю...

Сажинъ отвернулся. Потомъ онъ быстро поднялся, какъ-то неловко сунулъ холодную руку своей собесѣдницѣ и, пошатываясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Прасковья Львовна проводила его глазами, пока Сажинъ дошелъ до угла—онъ шелъ съ опущенной головой, какой-то разслабленной, колеблющейся походкой.

XXV.

Въ злобинскомъ домѣ происходила та скрытая семейная драма, какими полно наше тревожное время. Анна Ивановна наотрѣзъ объявила мужу, что жить съ нимъ не будетъ и навсегда уходитъ изъ дому. Это извѣстіе спачала ошеломило Марѳу Петровну, а потомъ она приняла сторону зятя и напала на дочь съ особеннымъ раскольничьимъ ожесточеніемъ, и даже бросалась на нее съ кулаками. Самъ г. Куткевичъ пробовалъ нѣсколько тоновъ: уговаривалъ жену, грозилъ ей и даже плакалъ.

— Понимаете ли вы, что я жить не могу больше съ вами...—коротко объяснила Анна Ивановна.—У насъ противоположные вкусы, потребности и мысли.

— Ты влюблена въ кого-нибудь?..—догадывался г. Куткевичъ.

— Это мое дѣло... Въ качествѣ оскорбленнаго мужа, вы можете меня стрѣлять, рѣзать и водворять на мѣсто жительства этапнымъ путемъ... Мы никогда не понимали другъ друга и не поймемъ...

— Я тебя лишу наслѣдства,—кричала Марѳа Петровна.

— Мнѣ ничего не нужно.

— Прокляну!..

— Это дѣло ваше.

— Куда же ты уходишь?..

— Я?.. Въ народныя учительницы.

За Анной Ивановной, конечно, слѣдили, караулили ея каждый шагъ и донимали по мелочамъ; но она была спокойна, какъ всегда, и только въ крайнихъ случаяхъ запиралась на ключъ въ своей комнатѣ или уходила къ Прасковьѣ Львовнѣ. Имя Сажина скоро всплыло наружу и стало повторяться на всѣ лады, особенно Марѳой Петровной, которая впадала въ какое-то бѣшеное состояніе. Г. Куткевичъ принялъ огорченный видъ напрасной жертвы и запирался въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, въ качествѣ обиженнаго, напивался пьянымъ. Къ женѣ онъ сталъ относиться съ затаенной злобой, хотя ѣлъ попрежнему прекрасно. Вся эта комедія вызывала въ душѣ Анны Ивановны гадливое чувство и органическое отвращеніе, которое не знаетъ пощады. Она удивлялась самой себѣ, что могла жить въ этой обстановкѣ, гдѣ все—фальшь, ложь и обманъ.

— Мама, вы напрасно огорчаетесь,—говорила она матери:—г. Куткевичъ останется съ вами и будетъ полезенъ въ вашихъ дѣлахъ. Можете даже открыть ссудную кассу...

— И будемъ жить, а ты ступай къ *тому*...

Завертывавшій на минутку Пружинкинъ имѣлъ самый жалкій видъ и покорно выслушивалъ ядовитую брань Марѳы Петровны, сыпавшуюся на него градомъ. Улучивъ минутку, онъ шопотомъ докладывалъ Аннѣ Ивановнѣ:

— А Павелъ-то Васильевичъ все сбираются куда-то... Книжки свои укладываютъ, бумаги сбираютъ, настоящее землетрясеніе. И Окунева съ Корольковымъ порѣшили-съ... Тѣ было по-старому къ нему, а у Павла Васильевича ужъ свое на умѣ. Встрепенулись, какъ орелъ...

О сути дѣла Пружинкинъ ничего не зналъ, хотя имѣлъ всѣ основанія догадываться. Онъ съ особенной пытливостью останавливался на выраженіи лица Анны Ивановны и угнетенно вздыхалъ, придавленный своими тайными „теребиловскими“ соображеніями. У старика даже навертывались слезы при мысли, что вотъ Павелъ Васильевичъ—возьмутъ да и уѣдутъ...

Но домашнія непріятности и передряги не такъ страшили Анну Ивановну, какъ встрѣча съ Сажинымъ. Ею овладѣвалъ непреодолимый страхъ за него, и она успокоивалась только въ его присутствіи. Порывъ энергіи, подхватившій его, смѣнялся иногда припадками малодушія и сомнѣній. Разъ, когда они сидѣли вдвоемъ въ гостиной Глюкозовыхъ, Сажинъ взялъ Анну Ивановну за руку и проговорилъ:

— Знаете, какое у меня общее чувство?.. Мнѣ кажется, что все это творится во снѣ... На самого себя я начинаю смотрѣть какъ-то со стороны. Да... Иногда дѣлается даже неловко.

— Я испытываю нѣчто подобное...

— И вамъ не бываетъ страшно?..

— Нѣтъ... т.-е. какъ сказать...

— Понимаю: у васъ есть достаточное количество отрезвляющихъ обстоятельствъ... Приходится отстаивать себя, а у меня вся работа происходитъ внутри и не имѣетъ никакого внѣшняго регулятора. Такъ, я недавно сижу у себя въ кабинетѣ, задумался, и вдругъ вижу и васъ и себя: это не галлюцинація, а что-то неуловимо тонкое. И я увѣренъ, что дѣйствительно видѣлъ самого себя... Вотъ этотъ взглядъ со стороны и перепугалъ меня... Въ самомъ дѣлѣ, то чувство, которое соединяетъ людей—святое чувство, и его можно провести чрезъ всю органическую природу. И мнѣ казалось, что я вижу вашу душу со всей чистотой помысловъ, со здоровой честностью и могучимъ чувствомъ. Да... Дальше мнѣ казалось, что вы, дѣлая рѣшительный житейскій шагъ, не отдаете себѣ отчета въ немъ. Всякій человѣкъ имѣетъ право дышать, свободно двигаться и любить... Но жизнь сложилась для васъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ, заставляя нарастать неудовлетворенное чувство съ болѣзненной силой. Вотъ гдѣ разгадка того, что вы пришли тогда ко мнѣ, больному, а потомъ въ садъ... однимъ словомъ, вы обманываете самоё себя и обманываете совершенно серьезно.

— Это фантазія, конечно?

— Дайте мнѣ кончить. Такъ вотъ все это я и видѣлъ, и мнѣ сдѣлалось страшно, что можетъ наступить день, когда вы проснетесь и увидите свою послѣднюю ошибку. Позвольте, позвольте... Прасковья Львовна говоритъ то же самое, но только въ болѣе общихъ чертахъ. Хорошо... Мнѣ сдѣлалось тяжело, и тяжело не за себя, а за васъ. Признаюсь, что потомъ явились соображенія эгоистическаго склада: я опять одинъ, брошенный, забытый и т. д.

— Вы просто больны, Павелъ Васильевичъ...

— Ахъ, не прерывайте!..—замѣтилъ Сажинъ и даже поморщился,—онъ и сейчасъ говорилъ о себѣ и Аннѣ Ивановнѣ, какъ о чемъ-то постороннемъ и далекомъ.—Мнѣ сдѣлалось жаль себя... Только человѣкъ началъ подниматься на ноги, и вдругъ барометръ падаетъ—спасенія нѣтъ. Хорошо... Но тутъ мнѣ пришла такая мысль, которая заставила похолодѣть. Мнѣ показалось, что я, тотъ другой, поддался этому чувству и увлекся. Но въ немъ, въ я, котораго я наблюдалъ,—*онъ не любитъ* васъ... Я видѣлъ ужаснувшую меня пустоту: ему нечѣмъ было отвѣтить на святое и могучее чувство. Притча о погибшей и возвращенной овцѣ хороша, но здѣсь она неумѣстна. Да, именно

здѣсь нуженъ высокій подъемъ всѣхъ силъ, а главное—чистая, великая въ своей простотѣ душа... Я не умѣю передать вамъ все это въ той мѣрѣ, какъ видѣлъ тогда, но я ужаснулся, точно совершалъ святотатство... Сами люди исчезли изъ поля зрѣнія, а оставалось то общее и великое, что было до насъ и что переживетъ всѣхъ насъ. А я, наблюдавшій все это, сознавалъ, что еще никогда такъ не любилъ васъ, какъ въ этотъ моментъ, потому что чувствовалъ самого себя лучшимъ, чѣмъ былъ прежде, и готовъ былъ молиться на васъ... Не правда ли, какъ все это походитъ на горячечный бредъ: и любитъ, и не любитъ, и какой-то нелѣпый страхъ...

Такой разговоръ повторился, и Анна Ивановна убѣдилась, что эти разсужденія составляютъ только признакъ общаго ненормальнаго состоянія. Сажину нуженъ былъ отдыхъ и покой прежде всего, а потомъ все это пройдетъ. Прасковья Львовна замѣчала то же самое и торопила отъѣздомъ—куда?—это рѣшительно все равно. Сажинъ не возражалъ противъ такого рѣшенія и соглашался на все. Онъ чувствовалъ себя несправедливо-счастливымъ и покорялся. Встрѣчи и разговоры съ Анной Ивановной попрежнему происходили у Глюкозовыхъ. Она приходила сюда, такая счастливая, ласковая, и встрѣчала Сажина такимъ покорнымъ взглядомъ...

— Что это они какіе странные?—спрашивалъ жену докторъ Глюкозовъ, обратившій наконецъ вниманіе на своихъ гостей.

— А кто ихъ разберетъ...—уклончиво отвѣчала Прасковья Львовна, слишкомъ занятая своими собственными дѣлами, чтобы обращать еще вниманіе на мужа.

— Можно со стороны подумать, что они влюблены.

— Я этого не замѣчаю.

Впрочемъ, сомнѣвавшагося доктора успокоилъ о. Евграфъ, который тоже ничего особеннаго не замѣчалъ, какъ и Прасковья Львовна.

Назначенъ былъ и день отъѣзда. Вида на жительство Куткевичъ женѣ не выдалъ, поэтому Сажинъ рѣшилъ провести первое время у одного стараго знакомаго, который жилъ въ Пятигорскѣ, а тамъ начать процессъ. Это обстоятельство придало ему силъ, какъ всякая борьба. О, онъ добьется своего, и Анна Ивановна будетъ свободна!.. Бодрое и хорошее настроеніе не оставляло его до послѣдняго момента.

Наканунѣ отъѣзда Окуневъ и Корольковъ сидѣли въ кабинетѣ Сажина за полночь и толковали о разныхъ постороннихъ матеріяхъ. Сажинъ говорилъ съ оживленіемъ и строилъ планы будущаго. Пружинкинъ скромно слушалъ его, сидя въ уголкѣ, и тяжело вздыхалъ.

— Я уѣзжаю не надолго, самое большее на годъ,—повторялъ Сажинъ нѣсколько разъ съ особенной увѣренностью.—А потомъ обязательно вернусь сюда... Необходимо встряхнуться.

— Такія комбинаціи есть даже въ механикѣ,—философствовалъ Окуневъ, шагая по кабинету.

По плану отъѣзда, Сажинъ и Анна Ивановна должны были явиться утромъ къ Глюкозовымъ, гдѣ ихъ уже будутъ ждать лошади. Прасковья Львовна почти не спала всю ночь, ожидая этого момента, и встала чуть-свѣтъ. День выдался сѣренькій, съ накрапывавшимъ дождемъ—для отъѣзда примѣта хорошая. Къ восьми часамъ она испытывала лихорадку и для успокоенія выпила даже рюмку коньяку. Въ девять ровно пріѣхала Анна Ивановна, уходившая навсегда изъ родительскаго гнѣзда, въ чемъ была.

— Гдѣ Павелъ Васильевичъ?—кинулась къ ней Прасковья Львовна.

— Я столько же знаю, какъ и вы...

— Однако это странно!..

Анна Ивановна присѣла въ гостиной, не снимая шляпы и перчатокъ, а Прасковья Львовна послала какого-то больничнаго солдата къ Сажину узнать, что̀ и какъ. Но этого посланца предупредилъ Пружинкинъ, летѣвшій въ больницу на извозчикѣ. На старикѣ лица не было.

— Что̀ случилось?..

Онъ не могъ говорить отъ волненія и молча подалъ Аннѣ Ивановнѣ узенькій конвертъ съ запиской. Сажинъ писалъ:

„Въ послѣдній разъ простите меня, дорогая Аня... Схожу со сцены, потому что такъ нужно. Когда-нибудь вы поймете меня... Я тамъ, откуда нѣтъ возврата. Вашъ „именинникъ“.

Сажинъ въ это утро застрѣлился. Онъ совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ путь и даже одѣлся по-дорожному, а потомъ присѣлъ къ столу, написалъ записку и попросилъ Пружинкина свезти ее Аннѣ Ивановнѣ сейчасъ же. Когда Пружинкинъ надѣвалъ въ передней калоши, въ сажинскомъ кабинетѣ раздался роковой выстрѣлъ...

— Эхъ, Павелъ Васильичъ, Павелъ Васильичъ, немножко бы подождать!..—повторялъ нѣсколько дней неутѣшный Пружинкинъ, оплакивавшій своего патрона искренними слезами.—Эхъ, Павелъ Васильичъ...

Чрезъ годъ избушка Пружинкина на Дрекольной улицѣ была снесена, а на ея мѣстѣ выросъ небольшой полукаменный флигелекъ въ три окна. Въ нижнемъ этажѣ поселился самъ Пружинкинъ съ глухой Акимовной и состарившимся Орликомъ, а вверху Анна Ивановна съ Володиной—обѣ были преподавательницами въ теребиловской школѣ. О. Евграфъ, навѣщавшій „учительшъ“, задумчиво замѣчалъ:

— Что̀ же? Могій вмѣстити да вмѣститъ!..

1888.

НЕ ТО...

Повѣсть.

I.

— Прекрасная картина: дама съ кошечкой! — какимъ-то шипящимъ, выцвѣтшимъ голосомъ повторялъ маленькій, сѣденькій старичокъ, походившій на сѣдого ежа.—Умиляюсь, Леонида Гавриловна... Кстати, дама съ кошечкой читаетъ книжку съ чувствительными стихами.

„Дама съ кошечкой“ черезъ плечо презрительно взглянула на ядовитаго старичка и опять углубилась въ чтеніе лежавшей на столѣ книги. Этотъ взглядъ заставилъ старичка съежиться, и онъ какъ-то по-дѣтски хихикнулъ себѣ въ кулачокъ. Они сидѣли на небольшой террасѣ, выходившей въ старый тѣнистый садъ пузатыми колонками quasi-русскаго стиля и крутой деревянной лѣсенкой съ раскрашенными перилами. Двѣ стеариновыхъ свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ освѣщали только столъ, за которымъ сидѣла „дама съ кошечкой“, а дальше разсѣянный свѣтъ точно замиралъ въ мягкомъ сумракѣ лѣтней ночи, окутывавшей и садъ, и террасу, и бѣлесоватую полоску воды, проглядывавшую въ концѣ главной аллеи. Гдѣ-то нерѣшительно посвистывалъ соловей, точно музыкантъ, настраивавшій свой инструментъ для концерта. Пахло сиренью, акаціей и свѣжей травой. Со своего кресла-качалки сердитый старичокъ-ежъ видѣлъ клочокъ неопредѣленнаго, сѣро-сине-фіолетоваго неба, съ мигавшей на немъ парой бойкихъ звѣздочекъ, а съ другой стороны, въ отворенную дверь, ярко освѣщенную столовую. Центръ его поля зрѣнія занимала „дама съ кошечкой“, хотя она и сидѣла къ нему въ три четверти, какъ говорятъ фотографы.

— Въ сущности, если разобрать серьезно, такъ вся наша жизнь... — началъ опять старикъ, отчеканивая слова и хлопая сухой, сморщенной ладонью по ручкѣ кресла. — Леонида Гавриловна, вы, вѣроятно, думаете, что живете или, по крайней мѣрѣ, жили, какъ изъ вѣжливости думаютъ дамы вашего возраста? Успокойтесь: это только скверная иллюзія... Живетъ вотъ котъ, который ѣстъ и спитъ до одурѣнія, живетъ цѣпная собака, лошадь, а всѣ мы, человѣки, только притворяемся, что живемъ. Это „насъ возвышающій обманъ“ — не больше того... Да!.. Въ сущности вы, напримѣръ, платите вотъ за этотъ домъ, на террасѣ котораго мы сейчасъ имѣемъ удовольствіе бесѣдовать, платите по книжкамъ мяснику, въ мелочную лавочку, дровянику и каждый день ложитесь спать съ мыслью, гдѣ бы завтра призанять денегъ. Эта комедія жизни логически закончится платой за визитъ доктору, который и васъ и меня отправитъ на тотъ свѣтъ. Развѣ это жизнь, Леонида Гавриловна? Это подлогъ, дама съ кошечкой, а не жизнь, и мы родимся на бѣлый свѣтъ злостными банкротами...

— Если бы все это не повторялось вами каждый день, Ефимъ Иванычъ, то я назвала бы вашу мысль остроумной, — грубовато отвѣтила Леонида Гавриловна, раскуривая папиросу и по-мужски закладывая ногу на ногу, — повторяться для умнаго мужчины то же самое, что̀ бѣлила и румяна для перезрѣлой красавицы...

— Пріасходно, дама съ кошечкой!.. — прошипѣлъ Ефимъ Иванычъ, — для пущей язвительности онъ коверкалъ слова и, находя это очень остроумнымъ, самъ первый заливался сухимъ, дребезжащимъ смѣхомъ, — пріасходно, Леонида Гавриловна... Вотъ вы и стишки чувствительные читаете кстати. Самое подходящее занятіе... Жизни нѣтъ, такъ будемъ ее изъ книжки вычитывать.

Леонидѣ Гавриловнѣ было подъ пятьдесятъ, но для этого рокового возраста она сохранилась замѣчательно. Если что̀ ее портило, такъ это излишняя полнота и нѣкоторая небрежность въ костюмѣ. Впрочемъ, теперь, при колеблющемся освѣщеніи, она казалась гораздо моложе, и Ефимъ Иванычъ, пристально вглядываясь въ крупныя, характерныя черты ея лица, точно старался припомнить что-то такое хорошее, но не могъ и только жевалъ сухими, тонкими губами. Въ своей лѣтней парѣ изъ китайскаго шелка онъ казался еще меньше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, особенно, когда горбился и подгибалъ свои короткія ножки подъ качалку. Остриженные подъ гребенку сѣдые, жесткіе волосы придавали ему какой-то колючій видъ. Странный былъ человѣкъ этотъ Ефимъ Иванычъ, являвшійся почти каждый день къ Леонидѣ Гавриловнѣ, чтобы подразнить ее. Это доставляло ему какое-то обидное удовольствіе. Языкъ Ефима Ивановича жегъ, какъ крапива, а мозгъ точно былъ утыканъ булавками. Сама Леонида Гавриловна не только терпѣла его присутствіе, но даже скучала безъ него, потому что въ своемъ одиночествѣ рада была всякому живому существу. Вѣдь одиночество такая страшная вещь, особенно для людей, жизнь которыхъ въ прошломъ, въ воспоминаніяхъ, переливающихся въ мозгу, какъ китайскія тѣни на экранѣ волшебнаго фонаря. Поддразниванья Ефима Иваныча даже нравились Леонидѣ Гавриловнѣ, потому что вызывали такое щемящее и ноющее чувство, которое служило острой приправой къ скучающему одиночеству. Такимъ образомъ Ефимъ Иванычъ являлся каждый вечеръ, усаживался въ „свою“ качалку и наблюдалъ за Леонидой Гавриловной, которая не обращала на него, повидимому, никакого вниманія и въ его присутствіи продолжала свою безыменную женскую работу: кроила, шила, вязала, ухаживала за цвѣтами, возилась съ любимымъ старымъ котомъ, который постоянно лежалъ у нея на колѣняхъ, и вообще пополняла свой женскій день механизмомъ работы. Сегодняшній вечеръ походилъ на всѣ другіе вечера.

— Ну-съ, что̀ же говоритъ вашъ разслабленный поэтикъ? — спрашиваетъ Ефимъ Иванычъ послѣ длинной паузы, — т.-е. поэтъ, съ позволенія сказать...

— Это Надсонъ, — отвѣтила коротко Леонида Гавриловна и прочла съ аффектаціей старинныхъ чтецовъ:

Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ.
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!..

— Ха-ха! Сладенькое чиликанье моднаго поэтика?.. — язвилъ Ефимъ Иванычъ, заливаясь своимъ ядовитымъ смѣшкомъ. — Исцѣляющіе звуки... душистый вѣнокъ... однимъ словомъ, все на своемъ мѣстѣ, а вмѣстѣ это называется поэзіей! Ха-ха...

— А что же по-вашему?

— По-моему? По-моему, милая моя дама съ кошечкой, это нытье, сапоги въ смятку и вообще галиматья. Да-съ... Что-то такое худосочное, больничное и, вообще, противное здоровому человѣку. Плачутъ только женщины—въ этомъ ихъ главная сила, а поэтъ долженъ возбуждать во мнѣ высокія чувства, поднимать духъ... Что жить скверно—я знаю и безъ него. Истинная поэзія не должна знать слезъ... По-моему вотъ гдѣ поэзія: законъ Мальтуса, законъ борьбы за существованіе, теорія утилитаризма, но для такихъ вещей еще не родилось поэтовъ. Ваши поэты — поэты человѣческаго вырожденія и существуютъ они только для такихъ же выродившихся человѣковъ и человѣчицъ. Посмотрите на лѣсного звѣря или лѣсную птицу — каждый экземпляръ въ своемъ родѣ совершенство, какъ выразитель господствующаго типа, наиболѣе приспособившагося къ существованію при наличности данныхъ условій. Тамъ все бодро, свѣжо, красиво, и только одинъ человѣкъ хнычетъ; потому что онъ извратилъ всѣ основныя требованія природы и поддерживаетъ свое гнилое существованіе искусственными средствами. Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ этихъ „исцѣляющихъ звуковъ“ и „душистыхъ вѣнковъ“... Хи-хи!..

— Неправда!.. Поэтъ говоритъ мнѣ то, что я сама пережила и перестрадала, и я люблю его именно за это. Это не вырожденіе, а откликъ живого человѣка на то, чѣмъ вы болѣете и страдаете... Мнѣ доставляетъ наслажденіе перечитывать вотъ именно такія наболѣвшія строфы.

— Точь-въ-точь, какъ во времена карамзинской „Бѣдной Лизы“... Сентиментализмъ! Хе-хе...

— Такъ можетъ разсуждать только такой узкій эгоистъ, какъ вы... Да!.. Вы извращаете великія поученія, факты и клевещете на самую жизнь, на человѣческую природу, потому что вы еще разъ эгоистъ.

— Пріасходно!.. Вамъ не нравятся мои слова? Всякая трезвая мысль для васъ является личнымъ оскорбленіемъ, и вы будете вѣчно *жить* въ сумеркахъ собственной нездоровой фантазіи.

Это уже взбѣсило Леониду Гавриловну, такъ что она швырнула книгу и прогнала кота. Ефимъ Иванычъ продолжалъ ехидно улыбаться, счастливый вызваннымъ эффектомъ.

— А вы, вы что такое представляете своей особой? — уже съ азартомъ накинулась на него Леонида Гавриловна. — Вы — дрянной человѣкъ, и, если хотите знать, я искренно презираю васъ. Да!.. Вѣдь я жила, любила, дѣлала, можетъ-быть, ошибки, страдала и радовалась и дала жизнь другимъ... За каждою женщиной остается будущее, купленное муками материнства, а вотъ вы... Гдѣ тѣ женщины, которыхъ вы любили? Что я говорю: *любили*... Развѣ могли вы когда-нибудь хотя приблизительно почувствовать смыслъ этого святого слова? Ваша любовь — это легкія интрижки и еще болѣе легкіе цвѣты удовольствій, о которыхъ вамъ самимъ стыдно сейчасъ вспоминать... Я удивляюсь только одному, какъ вамъ не стыдно смотрѣть прямо въ глаза мнѣ, матери семейства? Въ жизни природы вы были карманнымъ воришкой, таскавшимъ чужіе носовые платки, — вотъ ваша любовь, ваша жизнь, вашъ эгоизмъ, и вотъ почему вы никогда не поймете настоящей поэзіи, и вотъ почему я глубоко презираю васъ, несчастный!

— Это называется изъ пушки по воробью, Леонида Гавриловна...

Взбѣшенная этимъ разговоромъ, Леонида Гавриловна, съ выступившими на лицѣ красными пятнами и горѣвшими глазами, хотѣла сказать кавалеру еще какую-то крупную дерзость и уже раскрыла ротъ, какъ въ этотъ критическій моментъ, точно у нея въ самомъ ухѣ, дрогнулъ и замеръ почтовый

колокольчикъ. Дорожный тяжелый экипажъ съ грохотомъ подкатился къ крыльцу, и въ отвѣтъ по всему дому захлопали двери, точно влетѣла какая-то фантастическая птица-вѣщунья съ деревянными крыльями. Раздались молодые, легкіе шаги, мелькнули двѣ тѣни, и на террасу ворвались молодой человѣкъ и молодая дѣвушка.

— Мамочка... милая!..

— Нина!.. Вадя!..

Ефимъ Иванычъ поднялся съ кресла и отвернулся лицомъ въ садъ, чтобы не видѣть этой нѣжной сцены встрѣчи. Онъ даже фукнулъ носомъ, какъ старый котъ, на котораго брызнули холодною водой. Поздоровавшись съ молодыми людьми довольно сухо, онъ отыскалъ свою соломенную шляпу и какъ-то неловко началъ прощаться.

— Ефимъ Иванычъ, куда вы бѣжите? — заговорила дѣвушка, ухвативъ его за рукавъ. — Неужели мы съ Вадей такъ напугали васъ?..

— Нѣтъ, мнѣ, барышня Ниночка, пора домой... Не въ пору гость хуже татарина. Адью, monsieur et mesdames...

Круто повернувшись на каблукахъ, Ефимъ Иванычъ маленькими шажками спустился съ террасы въ садъ и по широкой центральной аллеѣ направился въ сгустившуюся молочную мглу весенней душистой ночи. „Барышня Ниночка“ удивленными глазами проводила убѣгавшаго друга дома, а потомъ вопросительно посмотрѣла на мать, почему она, мама, не сказала ни одного слова, чтобы удержать старика? Леонида Гавриловна чутьемъ поняла охватившее дочь чувство молодой, хорошей жалости и сухо отвѣтила на ея нѣмой вопросъ:

— Пусть его уходитъ...

— Мамочка, и тебѣ его не жаль?

— Нисколько: это эгоистъ.

А „эгоистъ“ быстро шагалъ по аллеѣ, размахивая своею камышевою палкой, и повторялъ вслухъ съ особеннымъ ожесточеніемъ:

— Пріасходно!.. Красныя дѣтки пріѣхали... А мы не желаемъ быть лишними, чортъ возьми!

Онъ не чувствовалъ охватывавшей его душистой весенней мглы, не слышалъ громкихъ соловьиныхъ поцѣлуевъ, которыми отдавалъ старый садъ, не видѣлъ взвѣшенной въ воздухѣ серебристой пыли луннаго свѣта и быстро шагалъ впередъ, точно хотѣлъ скрыться отъ самого себя, только бы не слышать и не чувствовать этой глупой радости, которая гналась за нимъ молодымъ смѣхомъ и радостными, молодыми голосами.

— Мама, милая, дорогая!.. — повторяла Нина въ сотый разъ, обнимая мать и покрывая поцѣлуями ея лицо, шею и руки. — Какъ я соскучилась о тебѣ, родная...

— Нина, ты меня задушишь... — какимъ-то упавшимъ голосомъ отвѣчала Леонида Гавриловна, слабо защищаясь. — А ты что же, Вадимъ?

— Я?.. Я ничего, мама...

— Ты, кажется, и не поздоровался со мной?

— Ахъ, мама, какія ты вещи говоришь: я знаю свои обязанности и проявилъ сыновнія чувства довольно ярко... Наконецъ одна Нина тебя задушитъ.

Этотъ сухо-ироническій отвѣтъ подѣйствовалъ на Леониду Гавриловну непріятно, — она, какъ большинство матерей, любила сына больше, чѣмъ дочь, и теперь была немного обижена.

— Впрочемъ, я забыла, что ты уже совсѣмъ большой мужчина... —

отвѣтила она съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ. — А всѣ большіе мужчины... Ну, однимъ словомъ, объ этомъ въ другой разъ.

II.

Изъ сада Ефимъ Иванычъ вышелъ прямо въ переулокъ, узкій и кривой, какіе сохраняются только по глухимъ провинціальнымъ городкамъ. До его холостой квартиры было около версты, что по провинціальной ариѳметикѣ составляло очень большое разстояніе.

— Красныя дѣтки пріѣхали... — повторялъ старикъ вслухъ, размахивая палкой, точно расчищалъ передъ собой дорогу отъ обступившихъ его призраковъ. — Семейная радость... хи, хи!..

Уѣздный городокъ Смольскъ, стоявшій на сплавной хлѣбной рѣкѣ Смолкѣ, давно уже спалъ, и только кой-гдѣ мелькали еще запоздалые огоньки — въ домѣ у соборнаго протопопа, въ аптекѣ, у адвоката Биряева, у купца Егорова. Ефимъ Иванычъ тысячу разъ проходилъ по этой дорогѣ и отлично зналъ каждый камешекъ, каждый переулокъ, каждый заборъ. Онъ отъ души всегда ненавидѣлъ свое родное захолустье, а судьба точно въ насмѣшку устроила такъ, что Ефиму Иванычу въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ привелось жить все время и, вѣроятно, приведется кончить здѣсь же и дни живота. Эта мысль убивала его, и старикъ впадалъ иногда даже въ трагическое настроеніе.

— Помилуйте, развѣ это не трагедія: цѣлую жизнь прожить въ какомъ-то лягушатникѣ? — возмущался онъ. — Да... И не видѣть ничего — рѣшительно ничего. Между тѣмъ гдѣ-то люди живутъ настоящею жизнью, гдѣ-то постоянно свѣтитъ солнце... э, да что тутъ говорить. Это настоящая трагедія, когда свѣтъ сходится клиномъ вотъ именно въ такой мурьѣ. Прожить двадцать лѣтъ на одной улицѣ и тутъ же умереть...

Этотъ ропотъ имѣлъ основанія, какъ увидимъ ниже. Сейчасъ Ефиму Иванычу особенно грустно было возвращаться подъ свою смоковницу, и онъ даже остановился на углу одной улицы, раздумывая, гдѣ бы провести остатокъ вечера. Просто взять и зайти въ первый попавшійся домъ „на огонекъ“, благо онъ зналъ всѣхъ въ Смольскѣ и его всѣ знали. А то зайти въ трактиръ, гдѣ поютъ арфистки... Послѣдняя мысль просто устыдила Ефима Иваныча своимъ безобразіемъ, и онъ какою-то виноватою походкой побрелъ къ своему пепелищу. Низенькій деревянный домикъ въ три окна глядѣлъ на улицу съ такимъ добродушіемъ. Ефимъ Иванычъ медленно подошелъ по деревянному тротуару къ своей калиткѣ и началъ стучаться, — цѣлыхъ десять лѣтъ Ефимъ Иванычъ собирался завести звонокъ, да такъ и не могъ собраться.

— Умерли вы, что ли? — закричалъ онъ, когда на дворѣ послышалось шлепанье босыхъ ногъ.

Калитку отворилъ заспанный кучеръ Ѳедька, глупый малый, котораго Ефимъ Иванычъ собирался прогнать съ глазъ долой ровно десять лѣтъ, какъ и устроить звонокъ. Обругавъ вѣрнаго раба, Ефимъ Иванычъ вошелъ на крыльцо, нащупывая поручни лѣстницы, знакомую стѣну и обитую зеленою клеенкой дверь. Онъ долго не могъ попасть ключомъ въ замокъ и еще разъ обругался. Въ передней было темно, и это ничтожное обстоятельство возмущало Ефима Иваныча каждый разъ. Ну, что стоило купить стѣнную лампочку и заставлять Ѳедьку зажигать ее каждый вечеръ? Подъ столомъ въ передней послышались нерѣшительная возня и удары хвостомъ по деревянному полу, — это зажирѣвшій старый сеттеръ Трезоръ выражалъ дружескія чувства. Прежде онъ прыгалъ на грудь, скакалъ по мебели, а теперь состарился, оглохъ, поглупѣлъ и едва шевелился.

„Неужели и я такой же буду?“ — въ ужасѣ подумалъ старикъ, чиркая спичкой.

Квартира Ефима Иваныча состояла изъ трехъ комнатъ — гостиная, кабинетъ и спальня. Изъ передней вторая дверь вела въ кухню, гдѣ обиталъ Ѳедька съ кухаркой Лукерьей. Обстановка комнатъ была самая простая, на провинціальный ладъ, за исключеніемъ кабинета, гдѣ шелъ рядъ шкаповъ съ книгами, полки съ книгами, столы и стулья, заваленные книгами. Старинный большой письменный столъ составлялъ главный центръ всей этой обстановки, его душу, — двадцать лѣтъ Ефимъ Иванычъ проработалъ за нимъ и свыкся настолько, что не могъ даже себя представить безъ своего письменнаго стола. На полу сложены были кипы газетъ, папки съ разными бумагами и картоны съ вырѣзками изъ газетъ, объявленіями и всевозможными брошюрами.

По обычаю, на отдѣльномъ столикѣ въ гостиной Лукерья приготовила холодный ужинъ, но Ефимъ Иванычъ не прикоснулся къ нему, а машинально прошелъ къ своему столу и сѣлъ въ рабочее кресло. На столѣ предъ его носомъ лежала начатая вчера статья о земскомъ хозяйствѣ въ Смольскомъ уѣздѣ, — она теперь почему-то непріятно подѣйствовала на Ефима Иваныча, и онъ сердито сунулъ нѣсколько написанныхъ листовъ въ ближайшую папку, гдѣ хранились недоконченныя статьи.

— Къ чему? — вслухъ спросилъ самого себя Ефимъ Иванычъ и разсмѣялся своимъ сухимъ смѣхомъ. — А вѣдь Леонида Гавриловна сказала правду: гдѣ тѣ женщины, которыхъ я любилъ?

Ему, по ассоціаціи идей, припомнилась знаменитая фраза изъ „Фру-фру“: „пѣтъ женщины“... Да, ея не было, и мертвымъ холодомъ вѣяло отъ этихъ стѣнъ и отъ всей этой печатной и писаной бумаги, представлявшихъ собой фикцію жизни. Въ сущности, ко всѣмъ *бабамъ* Ефимъ Иванычъ относился съ легкимъ оттѣнкомъ холостого презрѣнія, но въ тяжелыя минуты своей холостой хандры онъ сознавалъ, чего ему недоставало для полноты жизни, и начиналъ злиться, какъ было и сейчасъ. Всю-то жизнь онъ положилъ вотъ на эту писаную бумагу...

Кое-какъ раздѣвшись, Ефимъ Иванычъ улегся на диванѣ въ кабинетѣ и началъ дремать съ открытыми глазами. Иногда достаточно ничтожнаго факта, чтобы вызвать цѣлую вереницу непрошенныхъ видѣній, какъ было и сейчасъ. Пріѣздъ „красныхъ дѣтокъ“, нарушившій обычный вечеръ, вызвалъ это тяжелое душевное настроеніе Ефима Иваныча. Чужая радость отозвалась въ душѣ старика глухою, застарѣлою болью.

Онъ лежалъ и видѣлъ себя молодымъ, совсѣмъ молодымъ, когда еще слушалъ лекціи въ казанскомъ университетѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Хорошее было время, кругомъ хорошіе люди, и самого себя Ефимъ Чакушинъ чувствовалъ тоже хорошимъ человѣкомъ. Такое уже было общественное настроеніе, когда хотѣлось вѣрить всему хорошему. Сынъ бѣднаго уѣзднаго врача, Ефимъ Чакушинъ мечталъ о міровыхъ вопросахъ, о правдѣ жизни и лютой борьбѣ съ господствующимъ зломъ. Тогда о себѣ, о своемъ счастьѣ, о своемъ положеніи мало заботились, потому что интересы жизни лежали внѣ отдѣльной личности. Чакушинъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета, когда по одной студенческой исторіи долженъ былъ оставить alma mater. Это былъ первый житейскій ударъ, слѣдствія котораго распространились на всю послѣдующую жизнь. Что такое дипломъ — пустая формальность, не больше, и не всѣмъ же жить на бѣломъ свѣтѣ съ университетскими дипломами. Чакушинъ попробовалъ служить тамъ и сямъ, но вездѣ

его преслѣдовали неудачи, и онъ кончилъ тѣмъ, что вернулся въ родной городъ, гдѣ и поселился. Движеніе изъ столицъ и университетскихъ центровъ по радіусамъ разошлось тогда по провинціи, и въ сферу его дѣйствія попалъ между прочимъ Смольскъ, гдѣ открывалось земство, устраивались школы и т. д.

Странная и какая-то роковая эта тяга къ себѣ домой, въ родныя мѣста, какъ проявленіе чего-то такого, что̀ стоитъ выше насъ и что̀ владѣетъ нами. Съ мыслью о родинѣ всегда связано представленіе, что именно тамъ хорошо, тамъ тепло и уютно, а все остальное нехорошо уже тѣмъ, что оно чужое. Именно съ этими чувствами Чакушинъ въѣзжалъ въ Смольскъ, гдѣ у него никого и родныхъ не оставалось. Въ самомъ дѣлѣ, послужить родинѣ, приложить здѣсь свои силы и знанія — что̀ можетъ быть лучше, чище и выше? Отъ отца оставался тотъ самый домишко, въ которомъ Чакушинъ жилъ и сейчасъ, и въ немъ онъ пережилъ и свое хорошее время, какъ теперь короталъ старческое лихолѣтіе. Господи, чѣмъ онъ только ни былъ, гдѣ ни служилъ и за что ни брался? И такъ до старости, до сѣдыхъ волосъ, до старческаго брюзжанья и злости, а когда-то и Ефимъ Иванычъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, былъ душой компаніи, весельчакомъ и балагуромъ. Послѣдовательно онъ служилъ въ земствѣ, инспекторомъ народныхъ училищъ, предсѣдателемъ мѣстнаго статистическаго комитета, агентомъ страхового общества, членомъ городской управы, мировымъ судьей — вездѣ его любили, вездѣ онъ быстро дѣлался своимъ человѣкомъ и вездѣ долженъ былъ бросать службу по какой-нибудь исторіи, которую самъ создавалъ и которая въ концѣ концовъ обрушивалась всею тяжестью на его же голову. Все время онъ слѣдилъ за литературой и запоемъ читалъ газеты, посылая время отъ времени въ разныя изданія свои корреспонденціи, замѣтки и маленькія статейки. За недосугомъ онъ не могъ создать ничего капитальнаго, а несъ на себѣ развѣдочную мелкую службу для текущей прессы и постепенно сдѣлался мѣстнымъ корреспондентомъ, обличителемъ и горюномъ, какъ его называли въ насмѣшку близкіе люди. Во всякомъ случаѣ, это былъ интересный типъ, созданный послѣдними тремя десятилѣтіями и неизвѣстный раньше. Теперь Чакушинъ былъ только корреспондентомъ и больше ничего, а поэтому вмѣсто „горюна“ его враги называли его уже прямо „бѣльмомъ“.

— А что̀ же, это для меня самое подходящее названіе! — соглашался Ефимъ Иванычъ. — Такъ до смерти и останусь „бѣльмомъ“...

Но все это была внѣшняя сторона, та скорлупа, подъ которой остается человѣкъ для себя, со своими личными чувствами, горемъ и радостями.

По пріѣздѣ въ Смольскъ, Ефимъ Иванычъ на первомъ же, кажется, выходѣ въ свѣтъ, въ кружокъ своихъ близкихъ единомышленниковъ, познакомился съ Леонидой Гавриловной, тогда еще молоденькою дѣвушкой, извѣстной въ кружкѣ подъ именемъ „цвѣтущей Ленушки“. Это была милая русская дѣвушка изъ мелкой чиновничьей семьи, такая простая, искренняя и вообще хорошая — такъ и назвалъ ее Ефимъ Иванычъ въ первую же встрѣчу. Его поразила въ цвѣтущей Ленушкѣ необыкновенная чистота русскаго типа — эти большіе сѣрые глаза, бѣлый большой лобъ, овалъ лица, тяжелая русая коса и немного лѣнивыя движенія. Но и здѣсь Ефима Иваныча постигла жестокая неудача: сердце Ленушки уже принадлежало другому счастливцу. Ефимъ Иванычъ приходилъ въ отчаяніе, рвалъ на себѣ волосы и даже хотѣлъ застрѣлиться. Ленушка вышла за военнаго врача Горбылева, который оказался большимъ негодяемъ, — пьянствовалъ, развратничалъ, а главное, совсѣмъ не раздѣлялъ хорошихъ увлеченій жены и даже смѣялся надъ ними. Результатомъ этого супружества явились дѣти — сынъ Вадимъ и дочь Нина,

и затѣмъ супруги, послѣ пятилѣтняго супружества, разошлись. Все это происходило на глазахъ Ефима Иваныча, и онъ вдвойнѣ болѣлъ и за свою несложившуюся жизнь и за свою первую любовь.

Ахъ, какъ страдалъ Ефимъ Иванычъ, страдалъ издали, какъ многіе хорошіе люди, которые стѣсняются даже высказать свое участіе. Леонида Гавриловна въ это время занималась въ народной школѣ и оставалась все такой же ясною и свѣтлою — всю любовь, всѣ непріятныя чувства и женскую нѣжность она перенесла теперь на своихъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ занималась запоемъ. Ефимъ Иванычъ часто бывалъ у нея, принималъ довольно живое участіе въ судьбѣ дѣтей и выжидалъ терпѣливо случая, когда уляжется горе цвѣтущей Ленушки. Но его и на этотъ разъ предупредили— выискался такой человѣкъ, который сразу завладѣлъ еще не остывшимъ сердцемъ соломенной вдовушки. Это былъ земскій статистикъ, пріѣхавшій въ Смольскъ изъ столицы. Ленушка съ нимъ и уѣхала изъ Смольска, а черезъ пять лѣтъ вернулась: второй опытъ супружества оказался неудачнѣе перваго, такъ что она даже пробовала отравиться. На сценѣ опять появился все тотъ же Ефимъ Иванычъ, но это былъ уже озлобленный и тяжелый человѣкъ, который слишкомъ много пережилъ, чтобы шутить и улыбаться попрежнему. Разъ, въ откровенную минуту, онъ признался Леонидѣ Гавриловнѣ:

— Эхъ, Леонида Гавриловна, если бы вы тогда..

— Что тогда?..

— Однимъ словомъ, я разсчитывалъ, что вдвоемъ мы прожили бы недурно.

Леонида Гавриловна съ удивленіемъ посмотрѣла на него и только покачала головой.

— Все къ лучшему, Ефимъ Иванычъ, — замѣтила она. — Вотъ мы теперь остаемся съ вами друзьями, а тогда еще неизвѣстно... У васъ, по крайней мѣрѣ, теперь нѣтъ тяжелыхъ воспоминаній и позднихъ сожалѣній. А какъ я ненавижу самоё себя иногда, если бы вы только знали...

Ефимъ Иванычъ грустно поникъ головой. Леонида Гавриловна разсуждала съ чисто-женскимъ эгоизмомъ и заднимъ числомъ дула на чужую горячую воду. Драматизмъ положенія для Ефима Иваныча усложнялся дѣтьми, которыя говорили ему о пережитыхъ радостяхъ не имъ, а другимъ, о неиспытанномъ счастьѣ и волненіяхъ. Онъ и любилъ ихъ, какъ дѣтей Ленушки, и точно ненавидѣлъ, какъ представителей фамиліи Горбылева. Это двойное чувство оскорбляло его и доставляло новыя мученія. Въ заключеніе, Ленушка на его глазахъ состарилась... Да, этотъ роковой процессъ совершался на его глазахъ и разрушалъ каждый день одну иллюзію за другой. А впереди больше не оставалось *ничего* — это было ужасное слово, которое давило, какъ могильная плита.

Ежедневныя посѣщенія Леониды Гавриловны давали исходъ наболѣвшему чувству. Ефимъ Иванычъ, подъ видомъ своихъ сарказмовъ и ядовитыхъ выходокъ, пряталъ многое, о чемъ Леонида Гавриловна, можетъ-быть, и не догадывалась. Появленіе „красныхъ дѣтокъ“ явилось только лишней каплей этихъ тяжелыхъ испытаній, напоминало о далекомъ прошломъ, объ его несбывшихся надеждахъ и непережитыхъ радостяхъ.

— Пріасходно... — шепталъ старикъ, лежа у себя на диванѣ. — Что же, я никому не желаю мѣшать и никому не мѣшалъ!

III.

Въ первую минуту, когда Леонида Гавриловна увидѣла дѣтей, ее охватилъ страхъ, тотъ инстинктивный страхъ, когда человѣкъ не рѣшается при-

знаться самому себѣ, что онъ боится. Шумная радость перваго свиданія хотя на время избавляла ее отъ страшнаго призрака, который все больше и больше отдѣлялъ ее отъ дѣтей, по мѣрѣ ихъ роста. Сейчасъ она старалась быть счастлива счастіемъ насѣдки. Сынъ Вадимъ сильно похудѣлъ, но вмѣстѣ и возмужалъ, — юношеская полнота исчезла вмѣстѣ съ молодымъ пушкомъ усовъ и бороды. Теперь это былъ почти настоящій мужчина, съ настоящими усами и настоящею бородой. Онъ держалъ себя тоже какъ большой человѣкъ, т.-е. больше молчалъ, предоставляя Нинѣ проявлять нѣжныя родственныя чувства. Вадимъ лицомъ напоминалъ мать и для мужчины былъ почти красавецъ. Зато Нина выросла дурнушкой и, какъ показалось матери, еще больше подурнѣла за этотъ годъ, потому что сильно пополнѣла, — она отъ матери унаслѣдовала только цвѣтущее здоровье. Все время, пока пили чай, Нина щебетала, какъ птица, которую выпустили полетать въ комнатѣ, пока чистятъ клѣтку.

— А я не ждала васъ такъ рано, — говорила Леонида Гавриловна, съ тайной материнской грустью поглядывая на дурнушку-дочь.

— А мы нынче раньше кончили, мама... т.-е. кончила я со своей консерваторіей, — отвѣчала Нина. — А Вадимъ отложилъ свои экзамены до осени. У нихъ тамъ что-то опять вышло въ Петровской академіи...

— Ничего не вышло: это ты придумываешь, — сумрачно отвѣтилъ Вадимъ, закуривая новую папироску.

— Ну, объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить, — тактично замѣтила Леонида Гавриловна, поднимая брови.

Ниночка принялась разсказывать, какъ они ѣхали: сначала по желѣзной дорогѣ, въ третьемъ классѣ, а потомъ на пароходѣ, во второмъ. На пароходѣ вмѣстѣ съ ними ѣхалъ Сережа Бизяевъ, — онъ бросилъ университетъ и теперь сотрудничаетъ въ какомъ-то уличномъ листкѣ.

— Мама, у Сережи талантъ... ей-Богу! — наивно увѣряла Нина. — Ему платятъ большія деньги за его статьи... очень большія деньги!.. Онъ такимъ франтомъ ѣдетъ, особенно по сравненію съ Вадимомъ...

— Набитый дуракъ, — процѣдилъ сквозь зубы Вадимъ. — И газета дрянь, и статьи Сережи сплошная глупость. Просто кувыркается передъ публикой за мѣдный пятачокъ...

— Вотъ и врешь! — спорила Нина; лицо у нея вдругъ покрылось красными пятнами. — Дуракамъ такихъ денегъ не платятъ, а Сережа зарабатываетъ, мама, что-то около пяти тысячъ...

— Не можетъ быть! — изумилась Леонида Гавриловна и вопросительно посмотрѣла на сына. — Пять тысячъ...

— Да, что-то около этого, — небрежно отвѣтилъ Вадимъ на нѣмой вопросъ.

— Да, да... И все такой же скромный, — продолжала Нина. — Потомъ на пароходѣ мы познакомились съ однимъ купчикомъ, мама... Знаешь торговца хлѣбомъ Егорова, — его сынъ. И представь себѣ, онъ совсѣмъ не глупый, хотя и безъ всякаго образованія... да, совсѣмъ порядочный...

— Прибавь, что онъ ухаживалъ за тобой, — замѣтилъ Вадимъ съ покровительственною улыбкой. — Конечно, отъ скуки...

Нина совсѣмъ покраснѣла, встрѣтивъ любящій материнскій взглядъ, — вѣдь за ней никто и никогда не ухаживалъ, какъ за другими дѣвушками.

— Зовутъ его Сосипатромъ Ефимычемъ, мама, — продолжала Нина послѣ паузы. — Такое смѣшное имя... А онъ простой, этотъ Сосипатръ Ефимычъ, и все разсказываетъ про свою торговлю, какъ они живутъ у себя дома, какъ обманываютъ крестьянъ, покупателей, другъ друга.

— Ничего и смѣшного нѣтъ: кулачье гнѣздо, — авторитетно замѣтилъ Вадимъ и прибавилъ: — этотъ Егоровъ просто соврасъ и купеческій оболтусъ...

— Нѣтъ, въ немъ есть что-то такое, — спорила Нина. — Мама, милая, вотъ интересно будетъ посмотрѣть, какъ встрѣтятся Сережа и Ефимъ Иванычъ... ха-ха!.. Оба писатели... А Сережа ужасно походитъ на своего отца и такой же застѣнчивый, а пишетъ бойко и остроумно.

И за ужиномъ Нина разсказывала все время про Сережу и молодого купчика, и сама первая смѣялась, когда успѣвала сказать какое-нибудь смѣшное словечко. Леонида Гавриловна слушала ее со вниманіемъ, — право, совсѣмъ славная эта „барышня Ниночка“. Ей даже захотѣлось поцѣловать дурнушку-дочь, но она стѣснялась сына, серьезнаго не по лѣтамъ, да и *телячьи нѣжности* въ ихъ семьѣ какъ-то были не приняты.

— Ну, дѣти, на сегодня достаточно: идите спать, — проговорила она своимъ обычнымъ материнскимъ тономъ, какъ говорила имъ маленькимъ, и сконфузилась. — Утро вечера мудренѣе...

Вадимъ и Нина переглянулись и улыбнулись: мать принимаетъ ихъ за маленькихъ.

— Зачѣмъ ты, мама, отпустила Ефима Иваныча? — говорила Нина на прощанье, потягиваясь и зѣвая.—Онъ такой славный, и я соскучилась о немъ...

— Скверный эгоистъ,—сурово отвѣтила Леонида Гавриловна.

Леонида Гавриловна провела не менѣе тревожную ночь, чѣмъ Ефимъ Иванычъ.

Неожиданный пріѣздъ дѣтей взволновалъ ее и поднялъ цѣлую тучу полузабытыхъ воспоминаній. Она лежала въ своей постели до бѣлаго свѣта съ открытыми глазами, еще разъ переживая свое прошлое. Ей было душно, и она распахнула окно спальни, выходившее въ садъ. Соловей пѣлъ всю ночь, и такъ сильно пахло сиренью, что у Леониды Гавриловны закружилась голова. Она такъ и задремала у окна, почему-то думая о Сережѣ Бизяевѣ, о молодомъ купчикѣ Егоровѣ, о которыхъ разсказывала Нина. Свои мысли точно задернуло дымомъ.

Пробужденіе Леониды Гавриловны тоже было необычно: ее кто-то обнялъ, крѣпко и горячо обнялъ, и чье-то горячее лицо прижалось къ ея лицу. Она даже вскрикнула спросонья.

— Мама, миленькая, это я...

— Ахъ, Нина, какъ ты меня напугала!..

— Миленькая мамочка, я вышла въ садъ прогуляться—я нынче рано встаю—и вдругъ вижу тебя въ окнѣ. Мнѣ такъ захотѣлось обнять тебя, крѣпко-крѣпко обнять... Вотъ такъ!

Сильныя руки такъ крѣпко обхватили шею Леониды Гавриловны, и она начала смѣшно барахтаться, напрасно стараясь вырваться изъ объятій Нины.

— Сумасшедшая, ты меня задушишь!..

— Ахъ, мама, какъ я тебя люблю, если бы ты знала... Мама, ты пока умоешься, а потомъ я принесу тебѣ чаю. Понимаешь, какая трогательная картина: мать, пьющая чай съ дочерью. Нѣтъ, это какъ-то нескладно выходитъ: „чай съ дочерью“. Лучше такъ: „дочь, пьющая чай съ матерью...“ Опять глупо! Просто: въ гостяхъ у матери. Мамочка, миленькая, не сердись на мою болтовню: мнѣ ужасно весело, и потомъ я такъ соскучилась о тебѣ.

Леонида Гавриловна не привыкла, чтобы дѣти ухаживали за ней, поэтому чувствовала себя точно виноватой передъ кѣмъ-то. Въ самомъ дѣлѣ, она больше любила Вадима, а дочь ей напоминала перваго мужа, да и сама по себѣ Нина была такая некрасивая. Можетъ-быть, это было простое физи-

ческое отвращеніе, которое иногда появляется въ семьяхъ въ самыхъ ужасныхъ формахъ. Все это Леонида Гавриловна передумала, пока умывалась, и ей припомнились разные мелкіе случаи изъ дѣтской жизни, когда она была несправедлива къ Ниночкѣ, а вѣдь дѣти чувствуютъ такую несправедливость съ болѣзненною яркостью. Ребенокъ тянется къ любящей рукѣ, какъ растеніе къ свѣту. И вотъ теперь точно въ наказаніе эта нелюбимая Нина ласкается къ матери, говоритъ ласковыя слова, а баловень-сынъ и вниманія не обращаетъ. Эта горькая мысль отравила пробужденіе Леониды Гавриловны.

— А вотъ и чай,—громко заявила Нина, появляясь съ подносомъ въ дверяхъ.—Тебѣ, мама, какихъ сливокъ: вареныхъ или сырыхъ?

— Не лучше ли въ столовой, Нина?

— Нѣтъ, здѣсь, потому что здѣсь намъ никто не помѣшаетъ, моя милая, моя родная. А тамъ можетъ Вадимъ прійти—онъ рано встаетъ, какъ и я,—или Ефимъ Иванычъ. Какъ онъ смѣшно вчера убѣгалъ, мама?

— Съ чего ты взяла, что Ефимъ Иванычъ придетъ рано утромъ?

— Да такъ, языкъ сболтнулъ... Я его даже во снѣ видѣла: такой старый-старый и такой жалкій. Если старыя дѣвы смѣшны, то старые холостяки просто жалки. А что же ты сухарей не берешь, мама? Можетъ-быть, ты любишь тѣ маленькія кругленькія булочки, которыя лежатъ въ корзинкѣ въ буфетѣ? Ну, не буду, не буду больше приставать!..

За первою же чашкой чая Нина успѣла повторить матери все то, о чемъ разсказывала вчера вечеромъ. Леонида Гавриловна любила въ дочери задумчивое настроеніе, которое скрадывало ея некрасивость, и намѣренно дѣлала паузы, наблюдая ее. Въ ея душѣ поднималось такое радостное и вмѣстѣ горькое чувство.

— Мамочка, мнѣ кажется... — нерѣшительно заговорила Нина, — мнѣ кажется, что ты иногда жалѣешь меня. Да? Я это чувствую, и мнѣ дѣлается такъ тяжело-тяжело... Я видѣла у тебя Надсона, у него есть прекрасное стихотвореніе:

Бѣдный ребенокъ,—она некрасива!..
То-то и въ школѣ и дома она
Такъ не смѣла, такъ всегда молчалива.
Ахъ, красота—это страшная сила!..

— Не всѣмъ же быть красавицами, Нина...

— Нѣтъ, мама, это просто несправедливо! Да... И знаешь, какой со мной случай былъ нынче дорогой. Я уже тебѣ разсказывала про Егорова. Онъ, представь себѣ, много читалъ, хотя и безъ всякаго порядка. Хорошо. Я и спрашиваю его (хотѣла испытать), читалъ ли онъ тотъ извѣстный романъ, который въ ваше время, мама, произвелъ такую сенсацію. И представь себѣ, мама, онъ читалъ... Я и спрашиваю его: „а какъ вамъ нравится Вѣра Павловна?“ Онъ засмѣялся—понялъ, что я его экзаменую—и говоритъ: „вамъ правду сказать?“—„Конечно, правду“. Онъ посмотрѣлъ на меня такъ умненько и говоритъ: „Весьма читалъ я вашу Вѣру Павловну и по своей глупости не понялъ“.—„Чего не поняли?“—„А вотъ этого самаго: ежели, сказать къ примѣру, эту бы самую Вѣру Павловну вѣспой обезобразило (такъ, мама, и говоритъ: „вѣспой“), такъ что бы тогда было? Всѣ ихніе разговоры около красоты держатся, а нѣтъ этой самой красоты—нѣтъ и умныхъ разговоровъ“. Знаешь, мама, я даже растерялась и не знаю, что ему сказать, а онъ умненько такъ смотритъ на меня и опять улыбается. Не договорилъ, однимъ словомъ...

— По-своему, по-купечески онъ правъ, Нина. У нихъ все по-своему...

Нина замолчала и старалась не смотрѣть на мать. Она тоже чего-то не договаривала.

— Мама, онъ не только по-купечески правъ, а правъ вообще,—тихо заговорила Нина съ подавленнымъ вздохомъ. — Счастье существуетъ только для хорошенькихъ женщинъ... Никакой умъ, никакой талантъ не сдѣлаетъ дурнушку счастливой,—это тоже вѣрно, что̀ тамъ ни говори. Если даже такая дурнушка выходитъ замужъ, то ее преслѣдуетъ печать безобразія въ собственныхъ дѣтяхъ. Это ужасно, мама!.. Мнѣ теперь опротивѣла музыка, которою я раньше такъ увлекалась, потому что она тоже говоритъ только о счастьѣ и красотѣ. Это несправедливо, мама, т.-е. несправедлива природа, которая однимъ даетъ все, а другимъ ничего. А люди еще усиливаютъ эту несправедливость...

Замѣтивъ, что ея слова производятъ на мать непріятное впечатлѣніе, Нина сразу перемѣнила тонъ и даже весело засмѣялась.

— Какая ты странная, Нина!—удивлялась Леонида Гавриловна.—Никакъ я тебя не пойму...

— Да и понимать нечего, милюсенькая мамулечка!.. Плевать мнѣ и на красоту и на красавицъ. Изживемъ вѣкъ не хуже другихъ... Знаешь, что̀ я тебѣ скажу, мама?.. Вѣдь это мы, цивилизованные люди, не умѣемъ жить, а посмотри на мужиковъ—тамъ цѣнится не красивая кукла, а женщина-работница, мать здоровыхъ дѣтей. Вотъ я и пойду въ деревню замужъ... Меня и то одинъ мужикъ на желѣзной дорогѣ похвалилъ: „Вотъ такъ дѣвка,—говоритъ,—хоть сейчасъ на ней воду вози!“ Это онъ насчетъ моего здоровья... А помнишь, мама, у Некрасова: „Что̀ ни дѣвка, то малина!“ Вотъ это настоящая, здоровая поэзія здороваго рабочаго человѣка... Тутъ и жизнь, и смыслъ, и здоровое счастіе.

IV.

Чакушинъ просидѣлъ дома безвыходно цѣлыхъ два дня. Онъ все время ужасно злился, что̀ должны были чувствовать и кучеръ Ѳедька, и кухарка Лукерья, и собака Трезоръ. Особенно тяжело ему было по вечерамъ,—его такъ и тянуло къ Леонидѣ Гавриловнѣ, но какая-то непонятная гордость удерживала дома. Что̀ онъ пойдетъ дѣлать туда? Старикъ шипѣлъ, злился и строчилъ одну корреспонденцію за другой, причемъ всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ—и земству, и городскому управленію, и торговой депутаціи, и санитарному комитету, и мѣстной газетѣ „Смольскій Листокъ“. Правда, на третій день Чакушинъ получилъ коротенькую записочку отъ Леониды Гавриловны („Куда вы пропали, сумасшедшій человѣкъ? Если желаете осчастливить насъ своимъ посѣщеніемъ, то мы будемъ готовиться къ торжественному пріему“ и т. д.), но отвѣтомъ не удостоилъ.

— Что̀ прикажете отвѣтить господамъ? — спрашивала горничная, принесшая записку.

— Скажи: пріасходно.

Эта записка взбѣсила старика окончательно, такъ что онъ даже плюнулъ вслѣдъ горничной. Въ самомъ дѣлѣ, за кого они его принимаютъ? Поманили пальчикомъ, Ефимъ Иванычъ и побѣжалъ пѣтушкомъ... Въ озлобленіи старикъ даже пнулъ ногой ни въ чемъ неповиннаго Трезора, а когда вошла Лукерья спрашивать „насчетъ обѣду“, онъ неистово затопалъ на нее ногами и выгналъ вонъ. Собственно прислуга ни въ грошъ не ставила своего барина, и Лукерья помирала со смѣху, когда вернулась въ кухню.

— Какъ индѣйскій пѣтухъ кинулся на меня! — разсказывала она. — Ножками топчетъ, ручки кулачками сдѣлалъ, головка трясется. Напугалъ до смерти. Ха-ха...

Лукерья и Ѳедька долго помирали со смѣху, а баринъ шагалъ у себя по кабинету, какъ часовой, и все ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Къ обѣду онъ едва притронулся, а вечеромъ велѣлъ подать стаканъ чаю прямо въ кабинетъ. Работа, какъ извѣстно, лучшее утѣшеніе во всѣхъ житейскихъ горестяхъ, и Ефимъ Иванычъ писалъ безъ устали, до того, что правая рука отекла. Онъ дѣлалъ легкія передышки, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ стукъ въ окно заставилъ его вздрогнуть. Когда онъ взглянулъ, то увидѣлъ въ окнѣ одинъ шелковый дамскій зонтикъ.

— Ефимъ Иванычъ...

Это была Нина, улыбающаяся, свѣжая и почти красивая.

— Я за вами, Ефимъ Иванычъ: одѣвайтесь сейчасъ и идемте къ намъ. На что это похоже: убѣжали тогда и носу не показываете... Я это принимаю лично на свой счетъ...

— Работа, барышня Ниночка... старческіе недуги... вообще свинство.

— Хорошо, одѣвайтесь, а я васъ за воротами подожду.

Ефимъ Иванычъ взмолился и едва выговорилъ себѣ право прійти черезъ часъ, ссылаясь на спѣшное окончаніе какой-то важной работы. Врать онъ не умѣлъ, и Нина это чувствовала по тону его голоса, по неловко бѣгавшимъ взглядамъ и каждому движенію.

— Хорошо...—коротко согласилась она.—Если вы измѣните слову, данному женщинѣ, то...

— ... то пошлите мнѣ шелковый шнурокъ, и я повѣшусь на немъ, какъ дѣлаютъ всѣ порядочные люди въ Турціи.

— Черезъ часъ,—слышите?..

Когда-то Ефимъ Иванычъ занимался съ маленькою Ниной—училъ ее читать и писать, а поэтому сохранилъ къ ней болѣе теплыя чувства, чѣмъ къ Вадиму. Сама Леонида Гавриловна не умѣла учить своихъ собственныхъ дѣтей и ужасно горячилась.

Черезъ часъ Чакушинъ подходилъ къ дому Леониды Гавриловны,—для сокращенія пути онъ пользовался садовою калиткой, никогда не запиравшейся. Еще издали онъ заслышалъ громкій говоръ молодыхъ голосовъ и какой-то неестественный смѣхъ Нины. Завидѣвъ его, она бѣгомъ отправилась къ нему навстрѣчу, какъ дѣлала это маленькою дѣвочкой.

— У васъ гости?—хмуро спрашивалъ Чакушинъ, останавливаясь.

— Сережа Бизяевъ, потомъ Егоровъ...

— Это еще что за фруктъ?

— А сынъ извѣстнаго купца Егорова. Мы съ нимъ на пароходѣ познакомились... Очень интересный молодой человѣкъ.

— Соврасъ?

— Вѣроятно, есть и это.

Леонида Гавриловна встрѣтила Ефима Иваныча довольно сухо, такъ что послѣдній мысленно покаялся, зачѣмъ согласился на любезное приглашеніе Нины. Онъ какимъ-то ежомъ посмотрѣлъ на притихшую молодую публику и, сдѣлавъ общій поклонъ, проговорилъ официальнымъ тономъ:

— Имѣю честь представиться: Ефимъ Чакушинъ.

— Что это какой у васъ сегодня видъ: точно вы муху проглотили?— язвительно замѣтила Леонида Гавриловна.

— Позвольте представиться, потому какъ много наслышаны про васъ, Ефимъ Иванычъ...—заговорилъ бѣлобрысый молодой человѣкъ, вѣ-время прерывая ядовитую реплику Чакушина.—Меня зовутъ Сосипатръ Ефимычъ Егоровъ. Какъ-то не приходилось встрѣчаться раньше...

Къ Чакушину протянулась пухлая, бѣлая рука, украшенная кольцами, и онъ брезгливо протянулъ свою руку.

— Страннаго въ этомъ ничего нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, саркастически разглядывая „субъекта“:—въ трактирахъ я не бываю, по ярмаркамъ не ѣзжу, хлѣба не скупаю...

— Однимъ словомъ, разныхъ приходовъ,—весело подхватилъ Егоровъ, стараясь не замѣчать непріятнаго тона.—А что̀ касаемое трактировъ, такъ это точно-съ, есть такой грѣхъ... При нашей дикости это первое дѣло въ трактиръ, особливо, ежели тамъ приспособлены арфянки. Такое ужъ колесо заведено, Ефимъ Иванычъ: у васъ свое удовольствіе, а у насъ свое.

Средняго роста, коренастый и плотный, молодой купчикъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ купчиковъ — ни наружностью ни манерами. Что-то такое рыхлое и приторное было въ этомъ полномъ лицѣ, особенно когда оно улыбалось съ галантерейною слащавостью. Одѣтъ онъ былъ вполнѣ прилично, безъ излишней пестроты, какъ одѣваются богатые провинціалы. Вообще, приличный молодой человѣкъ, какъ Ефимъ Иванычъ ни оглядывалъ его. Сережа Бизяевъ походилъ на мальчика, такой розовый, съ удивительно бѣлою кожей на шеѣ и на рукахъ. Онъ сидѣлъ за Вадимомъ и какъ-то по-дѣтски выглядывалъ на Ефима Иваныча, котораго почему-то боялся съ дѣтства. Сейчасъ ему было какъ-то совѣстно и за свою лѣтнюю пару изъ шелка, и за выхоленныя руки, и за свой румянецъ, и за ту развязность, съ какой Егоровъ рекомендовался Ефиму Иванычу. Свое личное впечатлѣніе онъ провѣрялъ по лицу Нины, которая улыбалась ему одними глазами.

— Что̀ же, пріасходно! — неожиданно проговорилъ Ефимъ Иванычъ, прерывая Егорова.

— Т.-е. въ какомъ же это смыслѣ превосходно?—спрашивалъ купчикъ, нимало не смутившись.

— А то, что прежде купцы могли только обманывать да безобразничать, а вотъ вы купецъ съ разговоромъ... Меня это радуетъ.

Егоровъ засмѣялся и, прищурившись, обвелъ публику своими безцвѣтными глазами.

— Очень ядовито-съ для перваго знакомства,—проговорилъ онъ совершенно другимъ тономъ.—По-нашему это называется: оптомъ дешевле. Обругали все купеческое сословіе за-разъ, и достаточно... А между прочимъ-съ, Ефимъ Иванычъ, могу вамъ сказать, что вы даже весьма его мало понимаете, т.-е. нашу-то купеческую-то черноту. Что̀ тамъ говорить про обманъ да безобразіе—это цвѣточки... Вы вотъ всю жизть книжки читали да газету писали, гдѣ же вамъ все знать, значитъ, то самое, что̀ ни въ какой книгѣ не пропечатано. И даже весьма не знаете, могу васъ увѣрить-съ...

— Сосипатръ Ефимычъ, бросьте вы свой купеческій жаргонъ,—обратилась къ нему Нина,—и говорите по-человѣчески... Вѣдь это вы нарочно поддразниваете Ефима Иваныча и напускаете на себя.

— Что̀ же, можно и по-другому,—какъ-то просто согласился Егоровъ и, придвинувшись къ Чакушину, заговорилъ:—Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами, Ефимъ Иванычъ, а вы меня хотѣли поставить сразу въ неловкое положеніе. Но это пустяки...

— А что̀ же не пустяки, по-вашему?—въ свою очередь другимъ тономъ

спрашивалъ Ефимъ Иванычъ, внимательно вглядываясь въ странпаго купеческаго „совраса“.

— А не пустяки то, что мы готовы сдѣлать несправедливость каждую минуту, и нисколько намъ не совѣстно...

— Ого!—изумился Чакушинъ.

Всѣ смотрѣли теперь на Егорова съ невольнымъ страхомъ, что̀ онъ скажетъ испытанному спорщику. Вадимъ и Сережа переглянулись, сдерживая улыбку.

— Вотъ вы о купечествѣ заговорили, Ефимъ Иванычъ, а сами видѣли его только издали,—продолжалъ Егоровъ спокойно и увѣренно.—Вы знаете, кто живетъ сейчасъ на Руси? Купецъ... Не смѣшивайте старыхъ купцовъ и нынѣшнихъ, а затѣмъ купцы тѣ же люди, какъ и всѣ другіе, слѣдовательно между нами есть и хорошіе, и дурные, и средніе. Да... У насъ вѣдь только три сословія: мужикъ, купецъ да баринъ. Мужикъ въ темнотѣ своей остается всю жизнь, баринъ ищетъ благороднаго да легкаго хлѣба, а живетъ одинъ купецъ. Вѣдь у него ни земли, ни ученаго диплома, ни выгодной службы, живи своей собственной смекалкой. Вотъ онъ и живетъ... Посмотрите-ка, какъ онъ работаетъ, какъ рискуетъ, какъ изворачивается, приспособляется, вылетаетъ въ трубу и опять на ноги. Никто такъ не знаетъ Россіи, какъ купецъ, и нѣтъ такого уголка, котораго бы онъ не обнюхалъ и не обшарилъ. Денегъ у него мало, пути сообщенія его губятъ, плохой кредитъ, медленные обороты капитала, волокита разная, а вѣдь онъ выворачивается... И чугунка гремитъ, и пароходъ по рѣкѣ съ баржей бѣжитъ, и фабрика дымитъ, и храмъ Божій красуется, и мало ли еще чего дѣлается купеческой рукой. А вы вотъ этого и не видите, Ефимъ Иванычъ, а только одинъ обманъ да безобразіе. А господа, настоящіе господа, позвольте васъ спросить, не обманываютъ и не безобразничаютъ?.. Еще похуже купцовъ, только вся разница въ томъ, что купецъ все дѣлаетъ въ свою голову, на свои собственныя деньги, а господа и безобразничаютъ на чужія...

— Браво!—крикнула первой Леонида Гавриловна, и ее поддержала молодежь дружнымъ смѣхомъ.

— А что̀ же, вѣдь дѣйствительно того... вы совершенно правы!—неожиданно проговорилъ Чакушинъ и, протягивая руку Егорову, прибавилъ:—очень и очень радъ познакомиться, г. Егоровъ.

Нина горѣвшими глазами смотрѣла на мать, провѣряя по выраженію ея лица общее настроеніе: странный купчикъ сдѣлался сразу своимъ въ этой компаніи. Онъ выросъ такъ же неожиданно, какъ молодой зубъ. Всѣ сразу оживились, заговорили и почувствовали себя легче, точно вотъ этотъ новый человѣкъ снялъ какую-то невѣдомую тяжесть. Молчалъ одинъ Сережа и внимательно слушалъ; его розовое лицо дѣлалось умнымъ именно въ такіе моменты, какъ у Нины въ минуты раздумья. Чакушинъ совсѣмъ разошелся и, хлопая Егорова по плечу, повторялъ:

— Пріасходно: сила, паровая машина, черноземъ... такъ, ваше степенство?

— Именно, паровая машина,—соглашался Егоровъ, улыбаясь:—она бываетъ несправедлива только тогда, когда плохо работаетъ, а сама по себѣ она машина и больше ничего. А другое, напримѣръ, воздушный шаръ: взлетитъ онъ высоко, а толку отъ этого на расколотый грошъ: никому ни тепло ни холодно.

— Ха-ха!—заливался Чакушинъ,—это вы по нашему адресу, ваше степенство?.. Недурно сказано.

— Ужъ это какъ вамъ угодно, Ефимъ Иванычъ.

Хорошее общее настроеніе все-таки было нарушено неожиданною выходкой Ефима Иваныча противъ Сережи,—онъ безъ всякаго повода напалъ на него, какъ на сотрудника уличной газеты.

— Въ наше время молодежь думала о другомъ въ ваши года, молодой человѣкъ. Да-съ... Чистоту свою блюла и идеалы создавала, о нескверномъ житіи думала, а вы что?.. Вотъ я гроши получаю, хотя тысячу разъ больше вашего знаю, а душу свою ни за какія тысячи не продамъ. Да-съ... Мнѣ жаль васъ, жаль живого и по-своему способнаго человѣка.

Леонида Гавриловна, противъ обыкновенія, почти все время молчала, занятая своими собственными мыслями. Все, что происходило сейчасъ, служило выраженіемъ чего-то недоказаннаго, что можно было чувствовать только между строкъ. И Ефимъ Иванычъ, и Сережа, и Егоровъ сошлись здѣсь не даромъ. Ее это и радовало и пугало, и въ то же время она старалась не выдать себя, чувствуя наблюдавшій ее взглядъ дочери.

IV.

Большой двухъэтажный каменный домъ присяжнаго повѣреннаго Бизяева стоялъ на углу Соборной площади. Онъ былъ купленъ еще въ золотое время введенія въ Смольскѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, когда пріѣхавшій сюда новый адвокатъ Бизяевъ наживалъ десятки тысячъ. Однихъ векселей сколько протестовалось, и боявшіеся незнакомыхъ порядковъ купцы платили налетѣвшимъ адвокатамъ дикую пошлину. Но — увы!—золотое время прокатилось, а купцы научились сами протестовать векселя, и адвокатскіе гонорары понизились. Явилась конкуренція въ молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ ихъ помощникахъ и просто въ ходатаяхъ по дѣламъ. Адвокатъ Бизяевъ, плотный, высокій и вообще массивный мужчина, съ красивымъ лицомъ и замѣчательно сохранившимся цвѣтомъ кожи, считался лучшимъ адвокатомъ въ Смольскѣ. Этотъ солидный человѣкъ рѣдко гдѣ показывался, потому что находился подъ домашнимъ игомъ у своей тщедушной и некрасивой жены Анны Ѳедоровны, бывшей вдобавокъ старше его лѣтъ на пять. У себя дома адвокатъ Бизяевъ рѣшительно не имѣлъ никакого значенія, а когда выходилъ изъ дому, то Анна Ѳедоровна выдавала ему на извозчика и мелочи по расчету изъ копейки въ копейку. Въ адвокатскомъ домѣ все держалось и жило именно этими копеечными расчетами, и Анна Ѳедоровна дребезжала съ утра до ночи, разсчитывая, высчитывая и пересчитывая всѣ расходы и приходы. Когда приходилъ кліентъ и когда нужно было назначить размѣръ гонорара, Бизяевъ извинялся и выходилъ въ сосѣднюю комнату, чтобы посовѣтоваться съ женой. Когда пріѣзжалъ на каникулы сынъ, Анна Ѳедоровна, кое-какъ поздоровавшись, производила сейчасъ же самую строгую ревизію его имущества и путевыхъ расходовъ. Такъ же точно было и въ этотъ разъ, хотя Сережа пріѣхалъ домой уже вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ. Производя слѣдствіе имущества сына, Анна Ѳедоровна сдѣлала открытіе, которое заставило ее онѣмѣть. Это прочемъ, общая странность всѣхъ матерей, которыя никакъ не хотятъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ большихъ людей, имѣющихъ право поступать, какъ поступаютъ большіе люди. Однимъ словомъ, Анна Ѳедоровна нашла въ бумагахъ сына ни больше ни меньше, какъ любовную записку, написанную неизвѣстною женскою рукой.

— Это что такое?—строго спросила она, показывая записку,—а?

— Это... это, maman, записка,—пролепеталъ Сережа виноватымъ голосомъ, какъ пойманный школьникъ.—Да, записка.

— Вижу, что записка... И даже подписана: „Твоя Н—ина“.

— Да, подписана...

Сережа весь покраснѣлъ вмѣстѣ съ шеей и не зналъ, куда дѣвать свои виноватые глаза. Мать смотрѣла на него съ такимъ изумленіемъ, точно Сережа кого-нибудь отравилъ, а потомъ рухнулась на ближайшій стулъ и залилась слезами.

— Вотъ... благодарность... вотъ результаты нашихъ заботъ, огорченій, слезъ... — шептала она, заламывая руки. — Достаточно было явиться какой-то негодяйкѣ, и все пошло прахомъ!.. „Твоя Н—ина...“ Ха-ха!.. А ты ей пишешь, вѣроятно: „Твой Сергѣй...“ До чего я дожила? Боже мой, Боже!.. Все погибло, все пропало... Для чего наконецъ я жила?

Послѣ слезъ, просьбъ и материнскихъ увѣщаній Анна Ѳедоровна приступила къ главному, именно, кто была авторъ записки. Но тутъ розовый Сережа оказалъ самое непонятное упрямство и только отрицательно качалъ головой.

— Такъ ты не желаешь сказать, кто она?—наступала она на сына въ припадкѣ чисто-материнской ярости.—Не желаешь?

— Я не имѣю права, maman...

— Да вѣдь я-то мать, а не чужая. Ты это забылъ, Сережа?.. Да, мать... твоя мать. А она тебѣ чужая... да, чужая. Она хочетъ отнять тебя у семьи, такъ это ей не удастся. Такъ пусть и знаетъ... Какая-нибудь шлюха, проходимка...

— Maman...

— Молчать! Я знаю все, если хочешь... Это нигилистячье отродье, m-lle Горбылева. А ты думалъ, что мать дура и ничего не пойметъ...

Сережа уже не краснѣлъ, а только отрицательно покачалъ головой. Истощивъ всѣ способы, Анна Ѳедоровна обратилась къ послѣднему средству и принялась уговаривать Сережу ласково и нѣжно, но и это было безуспѣшно.

— А, такъ ты вотъ какъ,—проговорила она въ заключеніе и прибавила:—но я въ моемъ собственномъ домѣ разврата не потерплю. Да...

Эта сцена закончилась въ кабинетѣ мужа. Анна Ѳедоровна обрушилась на своего супруга всею тяжестью материнскаго горя.

— Вотъ достойный плодъ вашего собственнаго развратнаго поведенія!— гремѣла она, простирая худыя руки.—Да... Сынъ пошелъ по дорожкѣ своего папаши. Да и чего другого можно было ожидать?..

— Аня, Анечка, успокойся, — бормоталъ Бизяевъ. — Не слѣдуетъ такъ волноваться изъ-за всякаго пустяка... Молодой человѣкъ... Однимъ словомъ, мало ли что бываетъ въ юности.

— Значитъ, вы открыто покровительствуете разврату родного сына? И это въ моемъ домѣ... А мнѣ совѣтуете успокоиться, какъ сумасшедшей?!.. О, чудовище разврата!.. извергъ!..

Съ Анной Ѳедоровной сдѣлалась истерика. Бизяевъ совершенно растерялся и въ довершеніе бѣды облилъ ее какимъ-то спиртомъ. Этотъ скромный человѣкъ дома постоянно находился въ подозрѣніи относительно нравственности, и ни одного выхода въ свѣтъ супруговъ не обходилось безъ скандала. Анна Ѳедоровна ревновала мужа даже къ кухаркамъ, не говоря уже о его клієнткахъ. Несчастный человѣкъ вѣчно оправдывался въ несдѣланныхъ никогда преступленіяхъ, а это вело къ новымъ сценамъ. Даже окна въ его кабинетѣ были заставлены непроницаемыми ширмочками, чтобы онъ не могъ въ окно переглядываться съ проходившими по тротуару женщинами. Кончено, въ концѣ концовъ Бизяевъ и самъ началъ подозрѣвать себя въ разныхъ дурныхъ похожденіяхъ.

Когда Анна Ѳедоровна пришла въ себя, она изрекла слѣдующій приговоръ:

— Ты сегодня же отправишься къ Горбылевой... понимаешь? И объяснишь ей прямо, что намъ все извѣстно... что Сережа еще мальчикъ и нехорошо пользоваться его неопытностью, что наконецъ я не желаю имѣть своею дочерью это нигилистячье отродье. Понимаешь? Такъ и скажи... Конечно, я приму свои мѣры, но пусть эти нигилистки знаютъ, что я ихъ знать не хочу... И притомъ эта Нина такая рожа, что на огородъ чучеломъ поставить, а Сережа красавецъ. Понимаешь? Такъ и скажи... Да самъ-то, самъ-то не дѣлай сладкихъ глазъ, когда будешь разговаривать съ нигилистками... Тебѣ вѣдь все равно; только была бы юбка. Да... Не кокетничай и не заигрывай.

Бывали у Бизяева щекотливыя порученія и непріятныя передѣлки, но такого случая еще не подвертывалось. Грозила двойная непріятность: съ одной стороны, непріятное объясненіе съ дамой, а съ другой, предвидѣлись еще домашнія сцены изъ-за этого объясненія. Анна Ѳедоровна будетъ точить его и ѣсть цѣлую недѣлю.

— Подождать бы, Аня...—пробовалъ онъ заявить.

— Нѣтъ, сейчасъ же... Слышишь!..

Бизяевъ такъ привыкъ повиноваться женѣ, что и самъ наконецъ повѣрилъ, что нужно итти и объясниться. У Бизяевыхъ были свои лошади, но самъ владыка ходилъ пѣшкомъ или ѣздилъ на извозчикахъ, а на своихъ лошадяхъ выѣзжала только сама Анна Ѳедоровна. Такъ же было и теперь. Бизяевъ выбралъ для перваго визита послѣобѣденное время, въ надеждѣ застать Леониду Гавриловну одну, — онъ ее видалъ раза два, но сейчасъ плохо помнилъ, какая она. Въ Смольскѣ ее всѣ называли просто нигилисткой. Когда Бизяевъ былъ уже совсѣмъ близко къ цѣли своего посѣщенія, имъ вдругъ овладѣла почти дѣтская нерѣшительность. Что онъ будетъ говорить по такому казусному дѣлу? Храбрости ему придала только мысль о женѣ: возложенное порученіе нужно исполнить свято.

Леонида Гавриловна послѣобѣденное время проводила на террасѣ, гдѣ Бизяевъ и нашелъ ее. Она встрѣтила его довольно сурово и нѣсколько разъ оглядѣла съ ногъ до головы самымъ подозрительнымъ образомъ.

— Я къ вамъ, Леонида Гавриловна, по одному дѣлу... да...—тянулъ Бизяевъ, повертывая лѣтнюю соломенную шляпу въ рукахъ.

— По дѣлу!—удивилась Леонида Гавриловна.—У меня въ судѣ, насколько помню, никакихъ дѣлъ нѣтъ... Впрочемъ, говорите.

— Нѣтъ, зачѣмъ судебное... Вѣрнѣе: домашнее дѣло. Во всякомъ случаѣ, этотъ разговоръ долженъ остаться между нами.

Леонида Гавриловна видѣла Бизяева-отца вблизи еще въ первый разъ и находила, что это совсѣмъ не такой человѣкъ, какого она себѣ представляла по разсказамъ. Онъ даже ей нравился своей мужской неловкостью,— такой массивный мужчина и конфузится.

— Я къ вашимъ услугамъ,—проговорила она уже смягченнымъ тономъ и даже придвинула свое кресло ближе, чтобы удобнѣе слушать.

Спокойный, увѣренный тонъ хозяйки въ свою очередь ободрилъ Бизяева, и онъ въ первый разъ прямо въ глаза посмотрѣлъ на Леониду Гавриловну. Она тоже ему понравилась,—женщина еще хоть куда, несмотря на свои роковые года.

— Ну-съ, я жду,—проговорила Леонида Гавриловна, заинтригованная таинственнымъ приступомъ.

Бизяевъ выпрямился, откашлялся, посмотрѣлъ на дверь въ столовую и заговорилъ:

— Вы извините меня, Леонида Гавриловна... Можетъ-быть, вамъ покажется страннымъ моя миссія...

— Послушайте, да будетъ вамъ жилы-то изъ меня тянуть! Ну, въ чемъ дѣло?..

— Видите ли, я... т.-е. моя жена... вообще, мы... однимъ словомъ...

Дальше Бизяевъ окончательно подавился, покраснѣлъ и безъ всякихъ предисловій подалъ роковую записку. Леонида Гавриловна пробѣжала ее, вся вспыхнула и покраснѣла въ свою очередь.

— Что же вы хотите отъ меня?—глухо прошептала она, машинально перечитывая записку.

— Я, т.-е. жена... Видите ли, дѣло въ томъ, что все это крайне неудобно, — бормоталъ Бизяевъ уже совершенно безпомощно. — Поставьте себя на наше мѣсто, т.-е. на мѣсто родителей... Конечно, съ другой стороны, молодые люди... увлеченіе... Если предупредить во-время...

— Я знаю только то, что вы заставляете меня краснѣть, какъ мать и какъ женщину!—рѣзко оборвала его Леонида Гавриловна. — Но еще больше мнѣ стыдно за васъ, потому что вы баба... Нѣтъ, хуже бабы! Да... Вѣдь вы сами не пошли бы съ подобнымъ нелѣпымъ объясненіемъ, я въ этомъ увѣрена. Васъ подослала ваша жена, и это самое худшее... Такъ вы и передайте ей, что подобныя записки больше всего компрометируютъ дѣвушку, а ужъ никакъ не вашего Сережу. Если хотите знать, такъ я сама первая не желаю этого брака. Да, не желаю... Я не для вашего Сережи растила дочь, да онъ и не стоитъ ея.

— Позвольте, Леонида Гавриловна...

Но Леонида Гавриловна уже разошлась, и удержать ее не было никакой возможности. Сгоряча она изъ оборонительнаго положенія перешла въ наступательное и высказала Бизяеву все, что знала про его семейную жизнь. А знала она гораздо больше, чѣмъ онъ могъ когда-нибудь предполагать. Онъ слушалъ съ опущенною головой и не возражалъ ни одного слова, потому что все было правда.

— Если я позволяю себѣ все это говорить, то потому только, что отъ души жалѣю васъ, — продолжала Леонида Гавриловна. — По натурѣ вы, вѣроятно, не злой и не дурной человѣкъ, но дѣлаетесь хуже всякаго дурного... У васъ полная атрофія воли, и вы играете въ жизни самую унизительную роль. Вы только подумайте о сегодняшнемъ своемъ поступкѣ: вы изъ простой вѣжливости, изъ чувства простой деликатности не должны были дѣлать того, что сдѣлали. Во мнѣ вы оскорбили мать. Я краснѣю теперь за васъ, милостивый государь. А что касается этой несчастной записки, то...

— Могу сказать только одно, Леонида Гавриловна: вы правы... Я имѣлъ несчастіе думать до сихъ поръ, что о моихъ домашнихъ дѣлахъ зналъ только я одинъ. Да... Обвинять женщину вообще, жену въ частности, по-моему, очень некрасиво для мужчины: это оскорбительнѣе даже того, что вы сейчасъ мнѣ высказали. Однимъ словомъ, въ своемъ положеніи виноватъ одинъ я... Но, съ другой стороны, и вы позволяете себѣ слишкомъ много. Да... Мало ли что вы могли знать про то, что касается меня одного, но это еще не даетъ вамъ права вмѣшиваться въ мою семейную жизнь.

— Я и не вмѣшивалась, пока вы сами не вызвали меня на это. Да, сами... Вашъ сегодняшній поступокъ я хотѣла только объяснить въ вашу же пользу. Ни васъ ни вашей жены я не имѣла до сихъ поръ чести знать лично, а Сережа бывалъ у насъ еще гимназистомъ, когда учился вмѣстѣ съ моимъ сыномъ Вадимомъ. Онъ у насъ бывалъ въ домѣ запросто, какъ свой человѣкъ.

Полагаю, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ... Что произошло потомъ и какъ произошло—я знаю столько же, какъ и вы. Повліять на дочь въ ту или другую сторону—въ этомъ, кажется, сейчасъ вопросъ? Да?.. Но я скажу вамъ откровенно, что сама я столько пережила и такъ неудачно сложилась моя личная жизнь, что брать на себя отвѣтственность за будущность дочери мнѣ просто страшно. Мнѣ кажется, что стоитъ мнѣ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы сдѣлать молодыхъ людей несчастными. У меня даже есть относительно этого что-то въ родѣ предчувствія, какъ это ни странно говорить. Я старалась воспитывать дѣтей по своимъ идеямъ и въ большинствѣ случаевъ не достигла желаемыхъ результатовъ. Видите, какъ я откровенна... Можетъ-быть, это происходило оттого, что мнѣ недоставало мужского авторитета. Впрочемъ, къ чему я все это говорю?

— Нѣтъ, говорите...

— Дочь я, конечно, люблю и знаю ея главные недостатки, какъ невѣсты: она некрасива и бѣдна. А вѣдь это все въ глазахъ вашей жены... Но, съ другой стороны, я сама не желаю этого брака, потому что въ характерѣ Сережи много вашихъ, отцовскихъ чертъ: онъ безхарактерный человѣкъ, а для мужчины это синонимъ человѣка погибшаго. Мой жизненный опытъ привелъ меня къ заключенію, что равноправность, конечно, хороша, но твердая воля должна преобладать въ мужчинѣ. Онъ даже можетъ заблуждаться, можетъ быть немного деспотомъ, но на своемъ семейномъ кораблѣ онъ все-таки долженъ быть капитаномъ, и, разъ жена потеряла къ нему свое женское уваженіе — потеряно все. Вѣроятно, васъ удивляетъ слышать такія мысли отъ *нигилистки?* Но я такъ много думала объ этомъ, и вотъ почему вашъ Сережа не годится въ мужья моей дочери, дѣвушкѣ немного экспансивной, но съ характеромъ. Да, я не желаю, чтобы они повторили вашу жизнь: преобладаніе еще не дѣлаетъ женщину счастливой...

Они сидѣли и разговаривали самымъ мирнымъ образомъ, какъ хорошіе старые знакомые. Леонида Гавриловна увлеклась общими вопросами и развивала занимавшіе ее вопросы воспитанія, нравственности и счастія. Бизяевъ слушалъ ее съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, и все, что говорила Леонида Гавриловна, служило новымъ обвиненіемъ противъ него. Онъ съ глухою болью сознавалъ, какъ по-свински прожилъ почти всю жизнь и что можно вѣдь было бы прожить нѣсколько иначе. Несмотря на свое покаянное настроеніе, онъ чувствовалъ себя сейчасъ точно лучше и бодрѣе, и ему хотѣлось сидѣть здѣсь, на террасѣ, хотѣлось, чтобы Леонида Гавриловна говорила. „Она хорошая“, думалъ онъ, опуская глаза. Но по привычкѣ онъ взглянулъ на часы и ужаснулся: дѣловой визитъ продолжался уже цѣлыхъ два часа. Бизяевъ поднялся такой смущенный и неловко началъ прощаться.

— Послушайте, да вѣдь я должна была сердиться на васъ, — проговорила съ печальною улыбкой Леонида Гавриловна.

— Лежачаго не бьютъ...

— И это говоритъ мужчина?.. Стыдитесь... Какъ это странно: мужчинѣ все дано, и какъ рѣдко онъ можетъ воспользоваться этимъ. Природа точно мститъ ему и самыхъ хорошихъ мужчинъ отдаетъ въ руки дурнымъ женщинамъ.

— И наоборотъ... Необходимо извѣстное равновѣсіе, Леонида Гавриловна, а природа самая экономная хозяйка.

Она молча протянула ему руку и отвернулась къ окну. Почему-то ей теперь бросились въ глаза необыкновенно бѣлая шея Бизяева и его бѣлыя руки, точно у женщины. Онъ постоялъ, еще разъ поклонился и быстро вышелъ, точно хотѣлъ убѣжать отъ чего-то. А Леонида Гавриловна стояла у

окна и смотрѣла въ садъ, на деревья, на куртины съ цвѣтами и по необъяснимой ассоціаціи припоминала странный афоризмъ, что „деревья счастливы уже тѣмъ, что не знаютъ скуки“.

Какъ это ни странно, но Леонида Гавриловна какъ-то совсѣмъ не могла сейчасъ сосредоточиться на мысли о дочери.

V.

Открытіе Анны Ѳедоровны имѣло такія послѣдствія, которыхъ она не могла предугадать. Во-первыхъ, ее поразилъ слишкомъ затянувшійся визитъ мужа и вообще странное настроеніе, въ какомъ онъ вернулся домой.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ?—встрѣтила она его по обыкновенію.

Но онъ только посмотрѣлъ на нее непонимающими глазами и даже улыбнулся. Затѣмъ онъ довольно безсвязно передалъ свой разговоръ съ „нигилисткой“ и, по малодушію, привралъ: какъ онъ наступилъ на „нигилистку“, какъ „нигилистка“ смутилась и т. д. Въ послѣдніе годы врать вошло уже у него въ привычку, потому что этимъ путемъ онъ избавлялся отъ разныхъ семейныхъ непріятностей, какъ было и теперь. Затѣмъ, когда Анна Ѳедоровна успокоилась, Бизяеву вдругъ сдѣлалось совѣстно за собственное вранье. Для чего онъ это сдѣлалъ, когда и безъ того онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ? Въ концѣ концовъ онъ почувствовалъ себя обычно скверно и невольно вспомнилъ о томъ, какъ онъ легко себя чувствовалъ тамъ, на террасѣ. Анна Ѳедоровна не обратила особеннаго вниманія на мужа по той простой причинѣ, что была всецѣло поглощена своимъ Сережей, котораго пилила съ утра до ночи. Сережа даже поблѣднѣлъ отъ этой пытки и старался незамѣтно куда-нибудь скрыться изъ дома. Онъ поддавался матери, но не могъ рѣшиться на серьезное объясненіе съ Ниной: ему было жаль и матери и Нины. Съ другой стороны, являлась предательская мысль о томъ, какъ бы только дотянуть до осени, а тамъ онъ уѣдетъ, и всему конецъ. Отецъ молчалъ, какъ всегда, и только нѣсколько разъ пытливо посмотрѣлъ на сына. У Горбылевыхъ Сережа старался бывать только при чужихъ или когда дома Вадимъ, чтобы не встрѣчаться съ Ниной съ глазу на глазъ.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Сережа какъ-то странно сошелся съ Егоровымъ. Этотъ купчикъ затащилъ его къ себѣ въ домъ и принялся душить виномъ.

— Живи веселѣе, скорѣе повѣсятъ, — повторялъ Егоровъ, похлопывая гостя по плечу.—Такъ-то, Сергѣй Леонидычъ...

Купеческій домъ былъ устроенъ, какъ всѣ купеческіе дома: богато и неудобно. Самъ старикъ Егоровъ жилъ въ нижнемъ этажѣ, а сынъ занималъ верхній, т.-е. у него была спальня, она же и комната жены, а остальныя комнаты оставались парадно-необитаемыми. Дорогіе обои, шелковая мебель, драпировки, ковры—все было нагромождено съ чисто-купеческимъ безвкусіемъ, и добавленіемъ къ этой меблировкѣ служила жена Егорова-сына, еще молодая женщина, но какая-то совсѣмъ безцвѣтная и точно пришибленная.

— Наша супруга...—съ какимъ-то презрѣніемъ отрекомендовалъ Сережѣ жену Егоровъ.—Женщина вполнѣ допотопная.

Сережа сразу почувствовалъ себя неловко: Егоровъ издѣвался надъ женой при незнакомомъ человѣкѣ. Вообще, во всей обстановкѣ этой жизни было что-то такое тяжелое и фальшивое, какъ и самъ Егоровъ, на людяхъ бывшій совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Сережѣ казалось, что этотъ нахалъ-купчикъ и на него смотритъ съ какимъ-то презрѣніемъ, хотя прямо и не высказывается. Нѣсколько разъ онъ точно что-то хотѣлъ спросить Сережу и удерживался.

— Пи-са-тель...—повторялъ Егоровъ съ особеннымъ удареніемъ и улыбался.—Что же, хорошее дѣло. Просвѣщайте темную массу, вносите свѣтъ знанія, а мы будемъ учиться... Знаніе—сила. Такъ вѣдь, Сергѣй Леонидычъ?

Странно, что Сережа чувствовалъ себя мальчикомъ именно передъ Егоровымъ, чего не испытывалъ даже въ присутствіи самого Ефима Иваныча, котораго тотъ же Егоровъ побаивался. Дѣло въ томъ, что Сережа отлично понималъ Ефима Иваныча, а у Егорова для него многое было непонятно, именно то, чего онъ не могъ высказать ему, Сережѣ, и что, видимо, его занимало больше всего. Разъ они зашли вмѣстѣ въ трактиръ съ арфистками, гдѣ Егоровъ былъ совершенно какъ дома. Купчикъ сразу преобразился.

— Ну, Сергѣй Леонидычъ, тряхнемъ...—повторилъ онъ, потирая руки отъ удовольствія. — Фараоны пусть поютъ, а мы холодненькаго закажемъ. Такъ вѣдь я говорю?..

Сережа тоже былъ въ настроеніи, а тутъ гремитъ хоръ, и кружится голова, и все точно несется куда-то. Немалое удовольствіе Сережѣ доставляла мысль, что за все заплатитъ Егоровъ — въ немъ уже сказывалась материнская жадность. А Егоровъ похлопывалъ его по плечу и все пилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ красное вино, водку, пиво, шампанское и опять водку. Въ отдѣльномъ номерѣ, гдѣ они сидѣли, появились скоро и арфистки, приходившія просить денегъ на поты. Егоровъ съ какимъ-то остервенѣніемъ заставлялъ ихъ пить вмѣстѣ съ собой, а потомъ выгонялъ.

— Развѣ это люди, Сережа? — говорилъ онъ, взмахивая рукой. — Это все товаръ... А вотъ дорого то, чего ни на какія деньги не купишь. Да. А есть такіе люди и даже весьма есть.

— Конечно, есть, — лѣниво соглашался Сережа.

— И люди есть, и свою душу не повернешь, Сережа. Ее-то ужъ не купишь. Нѣтъ, братъ, шалишь... Тутъ скидки не будетъ, а заплати сполна, да еще и съ процентами. Ужъ это, братъ, вѣрно... Вотъ отчего я, женатый человѣкъ, съ арфянками путаюсь! Изъ дому-то точно сквознымъ вѣтромъ дуетъ... Эхъ, да ничего ты, Сережа, не поймешь!.. Такъ это подкатитъ подъ душу, такъ тошно сдѣлается, точно вотъ взялъ бы да самого себя и разорвалъ. Вотъ и сейчасъ, сижу я здѣсь, скверно мнѣ, а домой итти и того хуже...

— Зачѣмъ же вы женились, если не любили жены?

— Ахъ, это совсѣмъ другая статья... Какая тамъ любовь! И другіе такъ же... А скверно то, что я видѣть не могу жены: такъ у меня и закипитъ... Она молчитъ, боится меня, а мнѣ это еще тошнѣе. И вѣдь самому мнѣ страшно дѣлается, Сережа...

— Чего же страшно, Сосипатръ Ефимычъ?

— Чего страшно? — повторилъ Егоровъ вопросъ и такъ улыбнулся, что у Сережи мурашки по спинѣ побѣжали. — Себя я боюсь... да. Въ башкѣ точно туманъ заходитъ, всего затрясетъ... Эхъ, да что тутъ говорить! Эй, эѳіопское племя, нажаривай...

Эти посѣщенія трактира стали повторяться, и каждый разъ пьяный Егоровъ непремѣнно возвращался къ своей обычной темѣ о тошной жизни и даже плакалъ. Встрѣчаясь у Горбылевыхъ, Егоровъ и Сережа держали себя, какъ шапочные знакомые, не подавая никакого вида относительно своего сближенія. Сережа понималъ только одно, что у Егорова лежитъ что-то тяжелое на душѣ, чего онъ никогда не выскажетъ, а будетъ только ходить кругомъ да около. Впрочемъ, Леонида Гавриловна поглядывала на нихъ довольно испытующе, но тоже молчала. Она, вообще, въ послѣднее время сдѣлалась такою печальной и неразговорчивой.

Несмотря на свое упорное желаніе избѣжать объясненій съ Ниной, или, по крайней мѣрѣ, отдалить по возможности моментъ такихъ объясненій, Сережа попался самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ городскомъ театрѣ давали любительскій спектакль, и въ антрактѣ публика гуляла въ садикѣ, разбитомъ около театра. Вотъ здѣсь Сережа и Нина встрѣтились. Оба почувствовали себя очень неловко.

— Вы, можетъ-быть, думаете, что я васъ ловлю?—заговорила первой Нина, когда они шли въ дальній конецъ аллеи.

— Нѣтъ, я этого не думаю...—съ едва замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ отвѣчалъ Сережа.—Я лично очень радъ васъ видѣть, тѣмъ болѣе, что мы какъ-то нынче совсѣмъ не встрѣчаемся.

— Какъ не встрѣчаемся? По крайней мѣрѣ десятки разъ видѣлись...

— Да... при постороннихъ. Вы понимаете, о чемъ я говорю.

— Я уже забыла...

Нина сухо засмѣялась и сдѣлала крутой поворотъ. Зонтикъ въ ея рукахъ сдѣлалъ какое-то судорожное движеніе, точно подшибленное крыло птицы. Сережа испытывалъ тяжелое состояніе накоплявшагося озлобленія,— онъ только ждалъ предлога, чтобы поднять ссору. Раньше они часто такъ ссорились, но сейчасъ Нина сдержалась.

— Вы, вѣроятно, уже предчувствуете непріятное объясненіе...—заговорила она простымъ тономъ, какимъ говорятъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.—Да? Такъ этого объясненія не будетъ... Вы знаете, что дѣлаете, и я тоже знаю, что должна сдѣлать. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, когда вы уѣзжаете отсюда...

— Пока я еще не знаю самъ, но постараюсь это сдѣлать поскорѣе... чтобы доставить вамъ удовольствіе.

Колкость прошла незамѣченной, и Сережа почувствовалъ, какъ въ немъ уже начинается упадокъ озлобленія. Онъ всегда переживалъ мучительное состояніе, когда терялъ надъ собой волевой контроль...

— Мы разстанемся друзьями, Сереж... Сергѣй Леонидычъ,—веселымъ голосомъ проговорила Нина.—У васъ своя дорога, у меня своя. Помните, какъ прежде мы ссорились? Больше этого не будетъ...

— Зачѣмъ же вы сейчасъ говорите съ такимъ раздраженіемъ?

— Я? Нѣтъ, это вы раздражаетесь... и я не понимаю...

Ссора готова была вспыхнуть, но дѣвушка опомнилась и принужденно засмѣялась...

— Не правда ли, какіе мы оба смѣшные?—заговорила она.—Встрѣтились—и говорить не о чемъ... Что же могло быть впереди? Однимъ словомъ, кончилось бы тѣмъ, что вы бы спились съ горя и начали бы шататься по трактирамъ, какъ Егоровъ. Несчастные мужья всегда такъ дѣлаютъ...

Сережа чувствовалъ, какъ покраснѣлъ въ темнотѣ.—это былъ ударъ прямо по лицу.

— Кстати, вы, вѣроятно, знаете, какой сюрпризъ устроила ваша maman моей maman? Я это узнала только недавно и очень жалѣла...

— О чемъ?

— Да вообще... Я не желаю ставить никого въ фальшивое положеніе, тѣмъ болѣе, что... Впрочемъ, звонокъ. Идемте...

Она сама взяла его подъ руку и быстрыми шагами повела по аллеѣ къ освѣщенному входу въ театръ. Онъ только чувствовалъ ея неровное дыханіе и то, что этою сценой было кончено все. Неужели такъ быстро и такъ просто?.. Ни слезъ, ни жалобъ, ни упрековъ, ни жалкихъ бабьихъ словъ...

У самаго подъѣзда Нина замедлила шаги, точно хотѣла что-то сказать Сережѣ, но въ дверяхъ показалась приземистая фигура Егорова, и дѣвушка быстро освободила свою руку. Егоровъ посмотрѣлъ на „счастливую парочку“ прищуренными глазами и едва замѣтно улыбнулся.

— Какая превосходная погода, Нина Петровна,—заговорилъ онъ, галантно раскланиваясь.—Можно сказать, что одно великолѣпіе...

Дѣвушка посмотрѣла на него удивленными глазами: какъ онъ могъ такъ спокойно говорить въ такую минуту?.. У нея кружилась голова, а земля уходила изъ-подъ ногъ. Для чего этотъ болванъ торчитъ на подъѣздѣ, для чего звонокъ, приглашающій публику въ театръ, для чего эта безтолковая суета кругомъ, когда у нея и темно и пусто на душѣ? Она оглянулась, отыскивая глазами Сережу, но его уже не было. „Бѣжалъ...“—мелькнуло въ головѣ Нины обидное слово.

— Вы въ какихъ мѣстахъ?—спрашивалъ Егоровъ.—Въ ложѣ-съ?

— Нѣтъ, въ партерѣ... т.-е. въ ложѣ.

— Такъ-съ...

Публика съ безтолковою торопливостью столпилась у входа, прижавъ Нину къ стѣнѣ. Она какъ-то безпомощно покорилась этой живой волнѣ и опять видѣла все то же пухлое лицо Егорова, которое сейчасъ вызывало въ ней какое-то неопредѣленное досадное чувство. Что ему нужно? Что онъ уставился на нее, точно никогда не видалъ?.. Ахъ, да, нужно итти въ театръ: дѣйствіе уже началось. Она, пошатываясь, вошла въ партеръ и едва отыскала свое кресло. Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее, что страшное горе выступаетъ у нея въ выраженіи лица, въ каждомъ движеніи, и она старалась принять равнодушный видъ, какъ всѣ другіе, и упорно смотрѣла на сцену ничего не видѣвшими глазами. Всего больше она боялась взглянуть направо, гдѣ въ третьей ложѣ отъ сцены сидѣлъ Сережа. Она чувствовала, какъ онъ время отъ времени смотрѣлъ на нее, прикрывъ глаза биноклемъ, и это страшно ее смущало. Просидѣть такъ цѣлое дѣйствіе, вѣдь это цѣлая пытка! Зачѣмъ она сейчасъ же не ушла домой?.. И ушла бы, если бы не встрѣтился Егоровъ. Даже въ такую минуту человѣкъ не можетъ избавиться отъ общепринятой фальши: она не хотѣла выдать своего настроенія передъ чужимъ человѣкомъ. А въ головѣ безъ конца идетъ послѣдній разговоръ съ Сережей... Да, послѣдній. Ничего особеннаго не было высказано, но и онъ и она это чувствовали. Мысль съ болѣзненною настойчивостью возсоздавала все то, что было понятно безъ словъ и что скрывалось за самыми обыкновенными фразами, въ интонаціи голоса, въ выраженіи глазъ. Наступалъ тотъ моментъ, когда человѣкъ признаётся самому себѣ, что все потеряно и дальше итти некуда. Съ другой стороны, въ дѣвушкѣ проснулось гордое чувство: да, она несчастна, но никто, никто не долженъ былъ этого знать. А меньше всѣхъ Сережа... Это было немного мстительное чувство, и дѣвушка все старалась взглянуть на себя со стороны, какъ посторонній человѣкъ. Что такое Сережа?.. И хорошаго-то въ немъ ничего нѣтъ, если разобрать серьезно... Рѣшительно ничего. А Ефимъ Иванычъ относится къ нему какъ къ мальчишкѣ.

— Нина Петровна...—раздался надъ ея ухомъ знакомый голосъ.

— Ай! Что?..

Дѣйствіе кончилось и публика уже наполовину вышла изъ театра, а передъ Ниной стоялъ Егоровъ и улыбался. Она прочитала въ его глазахъ, что онъ все видитъ и все понимаетъ, и ей вдругъ сдѣлалось гадко.

— Я васъ провожу, Нина Петровна,—предлагалъ Егоровъ.

— Куда?

— Домой...

— Развѣ спектакль кончился?

— Нѣтъ, но вамъ пора домой...

Въ его голосѣ послышались задушевныя ноты, и Нина повиновалась. Ей даже было пріятно, что она можетъ ни о чемъ не думать, подчиняясь чужой волѣ. А какая сильная рука, на которую она сейчасъ опиралась... Въ физической силѣ мужчины есть неотразимая прелесть.

Изъ театра они пошли пѣшкомъ. Егоровъ подавленно молчалъ. Ночь была мѣсячная. Городъ уже спалъ, и чѣмъ дальше они шли отъ центра, тѣмъ сильнѣе былъ этотъ сонъ.

— Ефимъ Иванычъ орудуетъ...—замѣтилъ Егоровъ, когда они проходили мимо домика Чакушина: въ его кабинетѣ виднѣлся свѣтъ.—Надо полагать, корреспонденціи свои пишетъ. А знаете что, Нина Петровна: этотъ самый Ефимъ Иванычъ единственный человѣкъ, которому я завидую...

— Вотъ это странно...

— Даже нисколько. Весьма онъ утвердился на своей точкѣ и больше знать ничего не хочетъ... Отлично. Увѣренность въ немъ... Сиди да разбирай, что хорошо, что нехорошо, а самъ этакъ въ сторонкѣ остается.

— Нашли чему завидовать...

— А то какъ же? Вотъ и вы сейчасъ, ежели раздумаетесь, то же самое скажете... Эхъ, Нина Петровна, мудрено на бѣломъ свѣтѣ жить!.. За другого бы человѣка душу свою отдалъ, а онъ и не замѣчаетъ... Нѣтъ, хуже: онъ, другой-то, о какомъ-нибудь нестоящемъ третьемъ человѣкѣ сокрушается. И ничего не подѣлаешь...

— Ничего не подѣлаешь...

— Отчего же это?

— Не знаю...

Егоровъ опять замолчалъ. Они уже подходили къ калиткѣ сада. Сквозь листву деревьевъ чуть брезжилъ свѣтъ на террасѣ. Егоровъ остановился.

— Что же вы, проводите до террасы,—замѣтила Нина равнодушно.— Тамъ чаю напьемся....

— Нѣтъ, благодарю покорно, Нина Петровна...

— Какой-то вы странный сегодня, Сосипатръ Ефимовичъ: никакъ васъ не поймешь.

— А вотъ я не вѣрю, что вы меня не понимаете. Притворство одно... И даже очень понимаете, Нина Петровна!

— Вотъ какъ!..

Вмѣсто отвѣта Егоровъ схватилъ дѣвушку за талію, привлекъ ее къ себѣ однимъ движеніемъ и съ какимъ-то изступленіемъ началъ цѣловать. Нина сопротивлялась, не издавая ни одного звука, но онъ былъ сильнѣе ея.

— Не любишь... не любишь...—шепталъ онъ.

— Нѣтъ...—шопотомъ же отвѣтила она.

Желѣзныя руки распались сами собой отъ этого маленькаго слова, дѣвушка отбѣжала нѣсколько шаговъ и остановилась.

— Вы... вы, кажется, приняли меня за... за арфистку,—проговорила она и засмѣялась.—Прощайте...

Егоровъ сдѣлалъ движеніе догнать ее и даже поднялъ кверху руки, точно хотѣлъ ее ударить, но опомнился и только замычалъ. Она не бѣжала отъ него, а шла своею увѣренною походкой. Онъ постоялъ, проводилъ ее глазами и погрозилъ вслѣдъ кулакомъ.

VI.

Между матерью и дочерью установились неловкія, натянутыя отношенія. Со стороны могло показаться, что Леонида Гавриловна точно ревнуетъ Нину. Впрочемъ, онѣ между собой теперь говорили мало и больше о такихъ предметахъ, которые совсѣмъ не касались личныхъ отношеній. Нина окончательно не понимала мать и только чувствовала, что та все время въ какомъ-то враждебномъ настроеніи. Свое личное горе дѣвушка скрывала отъ всѣхъ посторонникъ и близкихъ глазъ, какъ человѣкъ бережетъ больную руку или свѣжую рану. Ее удивляло только одно, именно, что время отъ времени въ ихъ домѣ появлялся гостемъ отецъ Бизяевъ, старавшійся приходить тогда, когда Леонида Гавриловна оставалась одна. Эти визиты тщательно скрывались отъ Анны Ѳедоровны, и въ душу Нины закралось страшное подозрѣніе относительно значенія этихъ таинственныхъ визитовъ. Ефимъ Иванычъ тоже хмурился, фукалъ носомъ и не упускалъ случая сказать Леонидѣ Гавриловнѣ какую-нибудь колкость; онъ дѣлалъ исключеніе только для Нины, къ которой относился съ преувеличенною внимательностью, какъ къ больному ребенку.

— Барышня Ниночка, о чемъ вы думаете?—спрашивалъ онъ ее иногда, глядя такимъ испытующимъ взглядомъ.

— О чемъ я думаю, Ефимъ Иванычъ? А вотъ о чемъ: отчего я не настоящая барышня—такая бѣленькая, такая наивная, такая безпомощная, такая кроткая. Вѣдь въ этомъ есть своя поэзія, т.-е. въ такой кисейной барышнѣ, которая не знаетъ даже, какъ вода кипитъ. Если бы я была мужчиной, я влюбилась бы именно въ такую барышню, чтобы она была моя вся, смотрѣла моими глазами, слышала моими ушами, думала моими мыслями. И она была бы счастлива своею безпомощною зависимостью, какъ комнатная собачка, и я тоже.

— Пріисходно... Кто же вамъ мѣшаетъ превратиться именно въ такую барышню-овечку?

— Не умѣю притворяться, Ефимъ Иванычъ. А впрочемъ, я болтаю ужасныя глупости.

Близилась осень, которая должна была разрѣшить все. Вадимъ какъ-то проговорился за обѣдомъ, что оставляетъ свою академію и поступаетъ управляющимъ въ какое-то имѣніе. Сережа тоже собрался уѣзжать въ столицу, чтобы продолжать свою газетную лямку,—онъ отдохнулъ и успѣлъ соскучиться.

— Эхъ, молодость: всѣ торопятся, всѣ куда-то ѣдутъ...—говорилъ однажды Ефимъ Иванычъ, проводя рукой по своей сѣдой щетинѣ.—А вотъ нашему брату и ѣхать некуда да и ждать нечего.

Вы—эгоистъ, Ефимъ Иванычъ,—шутила Нина,—потому что думаете только о себѣ. Вы пожили въ свою долю, и завидовать другимъ нехорошо. Мама совершенно справедливо называетъ васъ эгоистомъ.

— Что же, я согласенъ, барышня Ниночка, такъ эгоистомъ останусь до конца.

Сережа и Егоровъ бывали попрежнему и попрежнему вмѣстѣ. Нина замѣчала одно, что Сережа находится подъ вліяніемъ этого мудренаго купчика, но никакихъ объясненій не желала имѣть съ нимъ. Дерзость Егорова, однако, продолжалась: ему не только не было совѣстно за сцену въ саду, но онъ еще вызывающе поглядывалъ на Нину, точно желалъ добиться отъ нея другого отвѣта. Онъ производилъ впечатлѣніе сумасшедшаго человѣка, и дѣвушка какъ-то инстинктивно стала его бояться.

— А вы скоро убьете жену, Сосипатръ Ефимычъ?—спросила однажды Нина отчаяннаго купчика.

— Когда вы меня полюбите, тогда и убью.

— Вотъ поэтому я васъ никогда и не полюблю. Да...

Сердиться по-настоящему на Егорова она не могла, потому что это былъ совершенно особенный человѣкъ, не походившій на всѣхъ остальныхъ. Въ немъ была какая-то сила и особенная энергія, которая невольно привлекала своей цѣльностью. О сценѣ въ саду Нина не разсказала никому, даже матери, которая всегда повторяла, что зависитъ отъ женщины, какъ съ ней держатъ себя мужчины. Въ данномъ случаѣ дѣвушка рѣшительно не могла обвинить самоё себя въ чемъ-нибудь, а сердиться на Егорова не стоило. Но все это пустяки, а главное оставалось. Нина старалась не думать о Сережѣ и не могла. Она знала его съ дѣтства, когда онъ еще бывалъ у нихъ гимназистомъ. Такой былъ скромный и серьезный мальчикъ, которымъ учителя не могли нахвалиться. Затѣмъ, вторично они встрѣтились въ Москвѣ, т.-е. Сережа самъ разыскалъ ихъ. Онъ былъ радъ видѣть земляковъ и сталъ ходить чуть не каждый день. Придетъ, сядетъ и слушаетъ, какъ Нина проходитъ свои консерваторскіе уроки.

— И вамъ не скучно?—удивлялась дѣвушка, наблюдая друга дѣтства.

— Нисколько...

Въ награду за такое терпѣніе Нина исполняла какую-нибудь любимую пьесу, и Сережа дѣлался окончательно счастливымъ. Они цѣлые вечера проводили въ умныхъ разговорахъ или что-нибудь читали вмѣстѣ. Сережа оставилъ университетъ со второго курса, но продолжалъ интересоваться разными вопросами и читалъ очень много. Газетная работа оставляла ему достаточно свободнаго времени. Сколько было пережито хорошихъ минутъ, какія даются только молодостью. А затѣмъ само собой случилось то, что̀ дѣлаетъ изъ мужчины и женщины одно цѣлое. До этого момента Нина умѣла видѣть и понимать недостатки и достоинства Сережи, а потомъ все это исчезло, подавленное [illegible]мъ чувствомъ,—больной человѣкъ теряетъ ощущеніе всего тѣла, а чувствуетъ только одно больное мѣсто. Да, они мечтали о своей будущей жизни, [illegible]ой и трудовой, причемъ не будетъ ничего похожаго на то, какъ живутъ [illegible]іе, тѣ другіе, которые отравляютъ жизнь другъ другу. Въ проектѣ предполагалось жить гдѣ-нибудь недалеко отъ Москвы, какъ живутъ англичане, чтобы совмѣстить удобства дешевой деревенской жизни съ преимуществами столицы. Сережа могъ работать и въ деревнѣ, а Нина занялась бы хозяйствомъ въ широкомъ смыслѣ. Все было обдумано, распланировано и разсчитано впередъ. Съ этими мыслями и чувствами молодые люди явились въ Смольскъ, чтобы повидаться въ послѣдній разъ передъ самостоятельною жизнью съ родными. Что̀ сдѣлалось съ Сережей—Нина не могла никакъ понять, а чувствовала только жгучее оскорбленіе, какое испытываетъ одна женщина, утрачивающая любовь мужчины. Въ долгіе часы одинокаго раздумья она обсуждала этотъ роковой вопросъ со всѣхъ сторонъ и ничего не могла придумать. У нея даже не было соперницы, а просто Сережа разлюбилъ ее. Его увлеченіе было простою вспышкой молодого чувства, а для нея въ этомъ заключалось все. Онъ въ ея глазахъ, какъ въ глазахъ каждой искренне любящей женщины, не былъ ни хорошъ ни дуренъ и не могъ быть сравниваемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, потому что, по простой логикѣ, вѣдь другого Сережи не могло быть. О, она умѣла любить и отдавалась вся, и теперь отказалась отъ него тоже потому, что слишкомъ его любила и не могла помириться на какомъ-нибудь компромиссѣ. Все или ничего—выбора

не существовало. И все это переживать каждый день, каждый часъ и думать, что найдется другая женщина, которая займетъ ея мѣсто, будетъ радоваться ея радостями, а она остается одна, одна, одна. Нѣтъ, это было что-то такое ужасное, подавляющее и громадное!

Перебирая свои воспоминанія, Нина не находила ничего, въ чемъ бы могла упрекнуть самоё себя, и въ ней поднималось оскорбленное чувство, мѣшавшее ей объясниться съ Сережей подробно. Пусть онъ самъ придетъ, пусть самъ первый заговоритъ. Какъ онъ не можетъ понять такой простой вещи, что она женщина и что ей неудобно напрашиваться на объясненія. Если бы онъ дѣйствительно любилъ, то все это давно сдѣлалъ бы по инстинкту, изъ чувства деликатности. Всѣ эти мысли и чувства поднимались вихремъ, какъ только дѣвушка оставалась одна.

А время летѣло. Стоялъ конецъ іюля, а въ началѣ августа Сережа уѣзжалъ въ Москву. Погода стояла холодная и дождливая. Черезъ Вадима Нина знала, что Сережа уѣзжаетъ на-дняхъ, и чѣмъ ближе наступалъ роковой срокъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвало ею какое-то невыносимое безпокойство. Она запиралась по цѣлымъ днямъ въ своей комнатѣ и не показывалась, когда приходили посторонніе, какъ Ефимъ Иванычъ, Егоровъ или отецъ Бизяевъ. Однажды вечеромъ ей особенно было тяжело. Назойливый дождь шелъ съ утра. Деревья въ саду уныло шумѣли. Нина лежала на кушеткѣ съ раскрытою книгой и смотрѣла въ пространство. На нее по вечерамъ находило что-то въ родѣ столбняка, какъ было и сейчасъ.

„А что, если онъ уѣдетъ завтра, а я его больше не увижу?—мелькнуло у нея въ головѣ.—Вѣдь онъ можетъ уѣхать каждую минуту...“

Жгучее чувство охватило ее. Она быстро надѣла непромокаемое пальто, накинула на голову простой платокъ и пошла въ садъ. Что она сдѣлаетъ—ей было еще не ясно, но она знала только одно, что должна увидѣть Сережу сейчасъ же и сказать ему все. Да, все... Что онъ дѣлаетъ?.. Вѣдь онъ не понимаетъ, что убиваетъ въ ней душу. Конечно, не понимаетъ, а иначе никогда не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Она не замѣтила, какъ прошла весь садъ, какъ потомъ шла по грязной и темной улицѣ, какъ очутилась на площади противъ бизяевскаго дома. Комната Сережи была въ мезонинѣ, но сейчасъ окна оставались неосвѣщенными, значитъ, его не было дома. Дѣвушку охватило такое отчаяніе, точно этими темными окнами глядѣла на нее сама смерть.

— Куда?—шептала она.—Нѣтъ, я его увижу... Сережа, милый...

Она взяла перваго попавшагося на глаза извозчика и велѣла ѣхать къ дому Егорова. Дремавшій у воротъ на лавочкѣ дворникъ объяснилъ ей, что Сосипатра Ефимыча дома нѣтъ.

— А гдѣ онъ, вы не знаете?

— Не могу знать, барышня...

Слово „барышня“ привело Нину немного въ себя: дворникъ, вѣроятно, принялъ ее за одну изъ тѣхъ особъ, съ которыми Егоровъ безобразничалъ по трактирамъ. Ахъ, да, они теперь въ трактирѣ, тамъ, гдѣ поютъ арфистки.

— Въ „Якорь“!—крикнула она извозчику.

Трактиръ съ арфистками былъ ярко освѣщенъ, что его рѣзко выдѣляло изъ среды другихъ обывательскихъ построекъ. Нина велѣла извозчику остановится у тротуара и послала его за швейцаромъ. Она только теперь почувствовала, что ноги у нея совсѣмъ мокрыя и голова тоже. Швейцаръ подошелъ къ экипажу неохотно и подозрительно посмотрѣлъ на нее.

— Егоровъ у васъ, т.-е. въ трактирѣ?

— Какой Егоровъ?

— Ахъ, какой вы... Ну, Сосипатръ Ефимычъ...

— Какъ будто не примѣчалъ... Раньше они бывали, это точно-съ, а сейчасъ ихъ нѣтъ.

— Вы обманываете... Онъ здѣсь, я знаю. Только мнѣ нужно не его, а молодого человѣка, который съ нимъ. Сынъ адвоката Бизяева... знаете?

Рублевая бумажка, сунутая швейцару, не потребовала дальнѣйшихъ объясненій. Пять минутъ, которыя пришлось ждать, показались Нинѣ вѣчностью. Но вотъ на подъѣздѣ показался знакомый силуэтъ, и она рванулась къ нему, какъ птица.

— Сережа!.. милый, родной!..

Онъ въ первое мгновеніе не узналъ ея и даже попятился. Платокъ на головѣ у нея сбился, и спутанные, мокрые отъ дождя волосы падали на глаза.

— Что вамъ нужно отъ меня?—сухо спросилъ онъ, дѣлая шагъ назадъ.

Она не поняла, что онъ сказалъ, но ее убилъ самый тонъ, какимъ была сказана эта мертвая фраза. На нее точно пахнуло холодомъ смерти, и она безпомощно посмотрѣла кругомъ, инстинктивно отыскивая поддержки.

— Я... я больше не могу, Сережа... Это невозможно! Ахъ, какъ я измучилась... Вѣдь вся жизнь, цѣлая жизнь разбита... Что я сдѣлала? Чѣмъ я заслужила такое безчеловѣчное отношеніе?.. Я ждала, что ты самъ придешь и объяснишь все откровенно... Вѣдь я понимаю, что нельзя заставить себя любить... Боже мой, какъ я измучилась!..

Дѣвушка чувствовала, что говоритъ совсѣмъ не то, что нужно сказать и о чемъ она думала послѣднія недѣли, а онъ посмотрѣлъ на нее и былъ возмущенъ обстановкой самой сцены: объясненіе на улицѣ, ночью, при извозчикѣ... Она просто хотѣла сдѣлать ему скандалъ, какъ самая простая баба, которая будетъ ревѣть на цѣлую улицу. Въ послѣдній разъ въ театрѣ ему было ее жаль, а теперь онъ ненавидѣлъ ее и молчалъ.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь?—шептала она, схватывая его руку.—Гдѣ я отыскиваю тебя?! Грязный вертепъ... пьяная компанія... Нѣтъ, не то: ты свободенъ...

— Полагаю, что я не обязанъ никому давать отчетовъ въ своемъ поведеніи,—сухо отвѣтилъ онъ, отнимая руку.

— И это все?.. это послѣднее слово?—застонала она, чувствуя, какъ земля точно уходитъ изъ-подъ ногъ, а въ груди нѣтъ воздуха.—Сережа... Сережа...

Дальше все подернулось какимъ-то туманомъ. Нина какъ во снѣ помнила, что чья-то сильная рука поднимала ее съ тротуара, та же рука поправляла ей волосы и платокъ на головѣ, а изъ отвореннаго окна трактира неслась дикая пьяная пѣсня:

Я надѣну платье бѣло,
Чтобы сердце не болѣло.

— Нина Петровна, голубушка, опомнитесь... Богъ съ вами!—шепталъ ей незнакомый голосъ.—Я васъ довезу домой...

— Нѣтъ, я не хочу домой...

Та же сильная рука усадила ее на извозчика, и дѣвушка безсильно покорялась, потому что ей было все равно. Кто-то сѣлъ съ ней рядомъ, и опять незнакомый голосъ заговорилъ:

— Ахъ, барышня... Плевое это самое дѣло: не стоитъ. Да развѣ онъ можетъ что-нибудь понимать?..

Это былъ Егоровъ. Онъ сидѣлъ безъ шапки, какъ выскочилъ изъ трактира на крикъ. Нина узнала его, когда экипажъ медленно тащился мимо фонаря.

— Куда вы меня везете?

— Не бойтесь... Пальцемъ не трону, родная. Ахъ, Боже мой... Звѣрь я, пьяный звѣрь, а только и я понимаю... Простите меня, Нина Петровна... Помните, тамъ въ саду... Убить меня мало за мое звѣрство, а все-таки я чувствую. Голубушка, не убивайтесь...

Извозчикъ остановился около дома Ефима Иваныча. Егоровъ помогъ Нинѣ выйти и такъ дернулъ звонокъ, что Ѳедька выскочилъ, какъ встрепаный.

— Ефимъ Ивановичъ дома?

— Дома...

— Вотъ проводи барышню, болванъ...

Егоровъ подождалъ, пока дѣвушка дошла до подъѣзда, вскочилъ на извозчика и крикнулъ:

— Валяй въ „Якорь“, чортова кукла!..

Ефимъ Иванычъ встрѣтилъ гостью въ передней. Онъ растерялся, когда узналъ Нину.

— Ниночка-барышня... откуда?—бормоталъ онъ, помогая снимать мокрое пальто.

— Не знаю... ничего не знаю...—шептала она, хватаясь рукой за стѣну.

Онъ провелъ ее къ себѣ въ кабинетъ, усадилъ на кушетку и остановился. Дальше онъ не зналъ, что̀ дѣлать. Нина смотрѣла на него остановившимся непонимающими глазами и тоже молчала. Она была блѣдна, какъ полотно.

— Что̀ съ вами, милая барышня? Нѣтъ, это глупый вопросъ: я все понимаю... Боже мой, вѣдь у васъ ноги совсѣмъ мокрыя... Вы простудитесь. Гдѣ-то у меня былъ коньякъ...

— Ничего мнѣ не нужно...

— Ну, это ужъ мое дѣло!.. Погода адская... А мы сейчасъ чайку напьемся. Я тутъ сидѣлъ и строчилъ, вдругъ слышу—отчаянный звонокъ... Опять глупо... Такъ мы сейчасъ будемъ чай пить... Вы съ сухарями или съ булкой?.. Съ коньякомъ это отлично выйдетъ... Да позвольте, я ботинки сниму...

Нина сначала инстинктивно спрятала ноги, а потомъ пассивно отдалась въ эти маленькія, старческія, безсильныя руки, которыя тащили съ нея мокрыя ботинки. Она смотрѣла на сѣдую голову Ефима Иваныча и въ первый разъ заплакала.

— Меня Егоровъ привезъ къ вамъ...—шептала она, глотая слезы.—Онъ меня поднялъ и привезъ.

— И отлично сдѣлалъ! Онъ умная каналья... да.

Появился самоваръ и чай съ коньякомъ. Нина глотала горячую жидкость съ чувствомъ отвращенія,—глотала только потому, чтобы не огорчить вотъ этого хорошаго старика, который ухаживалъ за ней, какъ за ребенкомъ.

— А вы помните, барышня Ниночка, какъ я ухаживалъ за вами, когда вы еще были такая маленькая? Горло у васъ болѣло. Леонида Гавриловна тогда бѣгала по урокамъ, а я дежурилъ около васъ. Маленькая такая кроватка стояла, а въ кроваткѣ—маленькая больная дѣвочка.

— Да... помню... Вы тогда еще мнѣ зайчика подарили.

— Вотъ, вотъ... Давайте, закроемъ ноги пледомъ или надѣньте мои

туфли. Нѣтъ, лучше пледъ. Нужно согрѣться и возстановить теплоту... Знаете, организмъ требуетъ извѣстнаго равновѣсія. Я еще прибавлю коньяку... Отличное средство.

Старикъ выбился изъ силъ, ухаживая за гостьей, и все смотрѣлъ ей въ лицо, точно старался что-то узнать въ немъ—такое близкое-близкое, что его пугало и радовало. Наконецъ онъ проговорилъ:

Знаете, барышня Ниночка, а вѣдь вы ужасно походите на мать. Да... я раньше этого не замѣчалъ.

Нина поморщилась: она знала, что Ефимъ Иванычъ былъ когда-то безнадежно влюбленъ въ мать, и ей это было непріятно сейчасъ думать. Но это продолжалось всего одну минуту, а затѣмъ она разсказала Ефиму Иванычу все, что съ ней было сегодня и что было раньше. Онъ слушалъ ее внимательно, опустивъ глаза, и только время отъ времени проводилъ рукой по волосамъ.

— Мнѣ вѣдь не слѣдовало этого дѣлать, Ефимъ Иванычъ...—шептала она упавшимъ голосомъ.—Я поступила безтактно, какъ послѣдняя баба... Я понимаю, что мой поступокъ вызвалъ въ немъ одно отвращеніе... Да... Человѣкъ, который потерялъ гордость, и не заслуживаетъ ничего другого. Ахъ, какъ я любила его!

— О такихъ людяхъ и говорить-то не стоитъ...—сурово замѣтилъ Ефимъ Иванычъ, шагая по комнатѣ.—Что такое этотъ Сережа? Дрянь во всѣхъ отношеніяхъ—и больше ничего

— Нѣтъ, вы его не знаете, Ефимъ Иванычъ. Онъ хорошій, только безхарактерный.

— Послушайте, барышня Ниночка, я кое-что видѣлъ на своемъ вѣку, и повѣрьте моимъ сѣдымъ волосамъ, что я въ данномъ случаѣ больше, чѣмъ правъ. Человѣкъ, который ставитъ въ такое положеніе дѣвушку, мерзавецъ! Да. И я удивляюсь только одному, что женщины любятъ именно такихъ мерзавцевъ. Отчего вы не полюбили настоящаго хорошаго человѣка, а вотъ такого выродка? Какая-то продажная тварь... газетная тля... Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ... Да... поговоримъ... А теперь—наплевать! Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся, и не такое горе изнашивается.

— Какой вы добрый, Ефимъ Иванычъ!

Эти слова заставили старика покраснѣть.

— Я-то добрый?—зашипѣлъ онъ.—Ха-ха-ха! Вы думаете, мнѣ жаль васъ вотъ сейчасъ? Да нисколько! Развѣ есть хоть одна женщина, которая не находилась хоть разъ въ вашемъ положеніи,—это неизлѣчимо-больныя существа, которыя гонятся за призраками собственной фантазіи. И такъ всегда будетъ и всегда... Это—смертный приговоръ вашей женской природѣ! А потомъ вы же утѣшитесь какими-нибудь жалкими стишонками. Для этого существуютъ спеціальные поэты. Вы понимаете, что мнѣ просто обидно за человѣческую природу, за разумное созданіе.

— А вы все-таки... добрый!

Черезъ часъ Ефимъ Иванычъ отвезъ успокоенную дѣвушку домой. Онъ проводилъ ее черезъ садъ до ея комнаты, а самъ пошелъ на террасу, гдѣ виднѣлся огонекъ. Старикъ принялъ довольно равнодушный видъ, поднимаясь по лѣстницѣ; а когда поднялъ глаза, то увидѣлъ прежде всего адвоката Бизяева, который смущенно поднялся съ мѣста. Леонида Гавриловна сидѣла на своемъ мѣстѣ съ книгой въ рукахъ.

— Ахъ, вы здѣсь...—протянулъ Ефимъ Иванычъ, улыбнулся, махнулъ рукой и погрузился назадъ.

Леонида Гавриловна не издала ни одного звука, а только закрыла глаза.

VII.

Чакушинъ прервалъ интересный разговоръ. На террасѣ нѣкоторое время царило неловкое молчаніе. Леонида Гавриловна сдѣлала видъ, что не придала особеннаго звученія странному появленію Ефима Иваныча. Бизяевъ сидѣлъ совершенно неподвижно, какъ человѣкъ, который боится, чтобы не спугнуть что-то такое дорогое и рѣдкое.

— Странный человѣкъ этотъ Ефимъ Иванычъ!—проговорилъ наконецъ Бизяевъ, нарушая молчаніе.

— Вы находите?—сухо проговорила Леонида Гавриловна, прищуривъ глаза.—Онъ эгоистъ.

— Вотъ именно. Мнѣ это почему-то всегда казалось, хотя я, кромѣ хорошаго, ничего о немъ не слышалъ. Знаете, настоящій эгоизмъ проявляется часто въ неуловимыхъ формахъ. Особенно рѣзко это выражается въ женщинахъ. Я дѣлю женщинъ на двѣ неравныхъ категоріи: эгоистокъ pur sang и женщинъ, которыя никогда лично для себя не жили.

— Вѣдь есть и мужчины такіе?

— Очень рѣдко. Я говорю про послѣдній случай. Да. Это даже хорошо въ мужчинѣ, то-есть—эгоизмъ, потому что женщинѣ доставляетъ удовольствіе покоряться болѣе сильной волѣ. И нѣтъ ничего хуже, какъ видѣть женщину-деспота. Къ сожалѣнію, въ семьяхъ это послѣднее встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ можно было бы предполагать, потому что дѣвушки выбираютъ себѣ именно такихъ податливыхъ мужей.

— Это доказываетъ только то, что нынѣшнія дѣвушки стали умнѣе, чѣмъ были мы въ свое время.

— Не думаю, Леонида Гавриловна, что деспотизмъ можетъ сдѣлать кого-нибудь счастливымъ.

Онъ горько улыбнулся и посмотрѣлъ на хозяйку такимъ долгимъ и хорошимъ взглядомъ. Леонида Гавриловна, вмѣсто отвѣта, достала часы и молча показала глазами на стрѣлку, показывавшую одиннадцать.

— Вы меня гоните?—тихо спросилъ онъ.

— И даже очень гоню... въ вашихъ же собственныхъ интересахъ, Леонидъ Евгеньевичъ. Вамъ достанется за сегодняшнее отсутствіе изъ дому да еще въ такое непоказанное время.

— Охъ, какъ достанется!—вздохнувъ, проговорилъ Бизяевъ.—Знаете, у меня, когда я возвращаюсь домой, такое ощущеніе, что я будто виноватъ, виноватъ неопредѣленно, но весь виноватъ, виноватъ каждымъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ, дыханіемъ. Я даже начинаю вѣрить въ собственную виновность, а затѣмъ... презираю себя. Это—ужасное чувство! Вотъ и сейчасъ, развѣ хорошо то, что я говорю про себя?

— Въ принципѣ, пожалуй, и нехорошо, а на практикѣ иногда бываетъ потребность высказаться, подѣлиться своими мыслями, наконецъ, просто услышать ихъ высказанными вслухъ, при дневномъ свѣтѣ. А все-таки вамъ пора...

— Ухожу... ухожу...

Бизяевъ почти всегда собирался уходить по нѣскольку разъ и снова оставался, точно его задерживала какая-то возраставшая сила. Потомъ онъ точно спохватывался, молча пожималъ руку и почти убѣгалъ. Онъ и сейчасъ сдѣлалъ такъ же, но Леонида Гавриловна его остановила уже на лѣсенкѣ въ садъ.

— Послушайте, Леонидъ Евгеньевичъ! Мы съ вами не договорились до главнаго, именно, въ какомъ положеніи дѣла нашего молодого поколѣнія? Матери узнаютъ новости этого рода послѣдними, какъ обманутые мужья... Можетъ-быть, вы что-нибудь знаете?

— Я знаю двѣ вещи: на-дняхъ Сережа уѣзжаетъ въ Москву, а затѣмъ... затѣмъ... это негодный мальчишка, насколько я успѣлъ присмотрѣться къ нему, такъ что ваша дочь немного потеряетъ въ немъ. Я скажу больше: это—тихонькій негодяй. Вообще, я не обольщаю себя относительно его, какъ вы видите.

— И для меня это небольшое утѣшеніе! Прощайте!

Когда Бизяевъ шелъ домой, его неотступно преслѣдовалъ вопросъ, почему Ефимъ Ивапычъ позволилъ себѣ такую дерзкую выходку. Онъ только теперь въ надлежащей мѣрѣ оцѣнилъ ее, потому что она относилась столько же къ нему, какъ и къ хозяйкѣ дома. „Да... это дерзкій, выживающій изъ ума старикъ, котораго все-таки слѣдовало бы проучить...“

„Въ самомъ дѣлѣ, за кого онъ принимаетъ меня?—думалъ Бизяевъ, спотыкаясь въ темнотѣ.—Что я? Ухаживатель, любовникъ? Нѣтъ, его необходимо проучить...“

Дальше Бизяевъ рисовалъ во всѣхъ подробностяхъ сцену самаго объясненія съ желчнымъ корреспондентомъ и то, какъ онъ доведетъ его въ концѣ концовъ до сознанія неприличія его поступка.

„Онъ—порядочный человѣкъ!—разсуждалъ Бизяевъ вслухъ, жестикулируя въ темнотѣ, какъ будто стоялъ за своимъ адвокатскимъ пюпитромъ предъ невидимыми присяжными засѣдателями.—Да... честный, а честный человѣкъ всегда сознаётся въ сдѣланной ошибкѣ!“

— Позвольте... чортъ возьми!—послышался въ темнотѣ голосъ.—Этакъ можно и задавить живого человѣка!

Бизяевъ, дѣйствительно, столкнулся на тротуарѣ, недалеко отъ своего дома, съ Ефимомъ Иванычемъ, который прогуливался въ темнотѣ. Нѣсколько мгновеній они стояли молча.

— Это вы?

— А это вы?

По молчаливому соглашенію они пошли рядомъ, даже нога въ ногу. Темнота мѣшала имъ видѣть другъ друга, и это значительно облегчило назрѣвавшее объясненіе. Послѣ довольно длинной паузы Бизяевъ началъ первый и довольно обстоятельно изложилъ ходъ своихъ мыслей, нарушенныхъ на мгновеніе этою встрѣчей. Ефимъ Иванычъ выслушалъ его до конца и только нѣсколько разъ, уже по привычкѣ, фукнулъ носомъ.

— Ну-съ, и что же-съ?—сухо спросилъ онъ.—Если вы находите естественнымъ и понятнымъ свое собственное поведеніе, то и я такъ же могу относиться къ собственной персонѣ... Впрочемъ, если вы непремѣнно этого желаете, то я согласенъ признать за собой нѣкоторую виновность, хотя... однимъ словомъ, это васъ не касается. А вотъ вы своему Сережѣ скажите, чтобы онъ убирался отсюда по добру, по здорову... да... Такъ что я очень кстати встрѣтилъ васъ.

— Онъ уѣзжаетъ на-дняхъ, но я не совсѣмъ понимаю вашъ угрожающій тонъ.

— Никакого тона нѣтъ, а просто, если я его встрѣчу гдѣ-нибудь, то убью, какъ собаку, и больше ничего. Теперь поняли? Представьте себѣ, что у васъ есть взрослая дѣвушка-дочь, и что находится такой мерзавецъ,

который... однимъ словомъ, долгъ порядочнаго мужчины убить такого негодяя, какъ убиваютъ бѣшеную собаку.

Ефимъ Иванычъ настолько разгорячился, что даже показалъ при помощи своей палки, какъ это дѣлаютъ,—они стояли теперь у фонаря, и при этомъ скудномъ освѣщеніи Бизяевъ могъ видѣть отчетливо всѣ воинственныя эволюціи Ефима Иваныча.

— Вы согласны со мной? Да?—приставалъ къ нему расходившійся старикъ.

„Онъ, кажется, немного того... хватилъ!“—невольно подумалъ Бизяевъ, наблюдая своего неистовствовавшаго собесѣдника.

Они пошли дальше, причемъ Бизяевъ, подхвативъ Ефима Иваныча подъ руку, передалъ свой послѣдній разговоръ о Сережѣ съ Леонидой Гавриловной.

— Вы можете ее спросить...—повторилъ Бизяевъ съ особенною настойчивостью.

Когда они поровнялись съ домомъ Бизяева, Ефимъ Иванычъ замедлилъ шаги, но Бизяевъ не остановился, и они пошли дальше.

— Зайдемте ко мнѣ!—предложилъ Ефимъ Иванычъ.

— Зайдемте!—храбро согласился Бизяевъ, рѣшившій про себя, что семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Но рѣшимость оставила его у самой калитки домика Ефима Иваныча. Когда на звонокъ залаялъ Трезоръ и появился кучеръ Ѳедька, Бизяевъ началъ быстро прощаться.

— Куда же вы?—удивлялся Ефимъ Иванычъ.

— На свою полочку...—съ горькою улыбкой отвѣтилъ адвокатъ.—Мнѣ сегодня достанется отъ жены, потому что я проходилъ лишнихъ три часа. Можетъ-быть, придется соврать, что̀ успѣю придумать дорогой. Вы, старые холостяки, этого не поймете.

„Какой странный человѣкъ!“—невольно подумалъ Ефимъ Иванычъ, когда Бизяевъ скрылся въ темнотѣ.

А Бизяевъ шагалъ къ своему дому и рѣшительно ничего не могъ придумать въ свое оправданіе. Сказать, что ѣздилъ куда-нибудь по дѣлу, былъ въ засѣданіи городской думы, въ клубѣ—все равно, Анна Ѳедоровна не повѣритъ и допытается правды. Именно допытается, какъ это умѣла дѣлать она одна. И это называется жизнью... Бизяевъ впередъ отчетливо представлялъ себѣ грозную супругу, которая встрѣчаетъ его упреками, слезами, жалобами и сценой. И такъ каждый разъ. Человѣкомъ—какъ всѣ другіе люди—онъ чувствовалъ себя только внѣ дома, особенно, когда бывалъ у Леониды Гавриловны, гдѣ отдыхалъ душой. Сколько разъ у него являлась предательская мысль о томъ, чтобы разойтись съ женой, какъ это дѣлаютъ другіе. Онъ отдалъ бы съ удовольствіемъ все, что̀ имѣлъ, половину своихъ доходовъ, но только не переживать бы этихъ подлыхъ моментовъ какого-то собачьяго униженія. Что̀ было всего скверпѣе, такъ это то, что Анна Ѳедоровна бросила бы его по первому слову и нѣсколько разъ дѣлала какія-то отчаянныя попытки къ этому, но его схватывала каждый разъ смертная жалость къ ней, въ которой онъ видѣлъ и мать своихъ дѣтей, и вѣрнаго друга, и неизбѣжную судьбу. Вѣдь у каждаго человѣка есть своя судьба, неизбѣжная и роковая... Дальше Бизяевъ видѣлъ себя гдѣ-то въ номерахъ, на положеніи соломеннаго вдовца, и ему дѣлалось жаль всѣхъ тѣхъ мелочей и пустяковъ, которыми обставленъ былъ ежедневный обиходъ его жизни. Все это пріобрѣталось съ такимъ трудомъ, и все это вдругъ бросить? Нѣтъ, невозможно!

„Подлая я дрянь и больше ничего!“—говорилъ онъ себѣ вслухъ.

Уже входя въ переднюю, Бизяевъ придумалъ фортель: онъ раньше не хотѣлъ тревожить материнскаго сердца Анны Ѳедоровны разсказомъ о Сережиныхъ художествахъ, а теперь рѣшился пожертвовать имъ, чтобы хотя на время спасти свою собственную шкуру. Выгораживая себя, Бизяевъ переиначилъ событія въ такомъ порядкѣ, что будто бы сначала онъ встрѣтилъ Ефима Иваныча, жаждавшаго Сережиной крови, а потомъ уже направился къ Леонидѣ Гавриловнѣ для подробныхъ объясненій, и что добился своего.

— Теперь это дѣло можно считать конченнымъ!—храбро вралъ Бизяевъ, удивляясь собственной изобрѣтательности.—Да... я ей высказалъ все откровенно и заставилъ ее согласиться.

— Съ чѣмъ согласиться-то?—спросила Анна Ѳедоровна, испытующе глядя на супруга.

— Вообще... эта дѣвушка, поведеніе которой компрометируетъ нашего Сережу. Сережа еще мальчикъ и очень довѣрчивый... да! Нельзя же заставлять человѣка жениться насильно. Однимъ словомъ, я сказалъ ей все и въ очень жесткой формѣ.

Бизяевъ тяжело перевелъ духъ; онъ говорилъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ за десять минутъ до этого рокового объясненія, и удивлялся, какъ все это вышло. Анна Ѳедоровна выслушала его съ поразительнымъ терпѣніемъ,— у нея въ головѣ засѣлъ Ефимъ Иванычъ, отыскивавшій по городу Сережу съ револьверомъ въ рукахъ. Мужу она все-таки не вѣрила, а потому проговорила съ внушительною разстановкой:

— Хорошо! Съ тобой я еще переговорю лично о твоемъ поведеніи, а что касается Сережи... Однимъ словомъ, я завтра сама съѣзжу къ этой нигилисткѣ и дѣйствительно разъясню все.

Подобнаго исхода своей дипломатіи Бизяевъ совершенно не ожидалъ и опѣшилъ окончательно. Вѣдь это будетъ ужасно, если Анна Ѳедоровна сама ринется къ Леонидѣ Гавриловнѣ и произведетъ тамъ скандалъ. И все это надѣлалъ онъ своимъ безсовѣстнымъ враньемъ.

Но все-таки сегодняшній день былъ спасенъ, и Бизяевъ испытывалъ какую-то малодушную радость. До завтра онъ былъ застрахованъ отъ семейнаго ненастья, а завтра нужно будетъ что-нибудь придумать.

„Господи, до чего можетъ дойти человѣкъ!—въ ужасѣ думалъ Бизяевъ, когда раздѣвался въ своемъ кабинетѣ.—Повѣсить меня мало“.

Дальше онъ разсмѣялся, представляя себѣ сцену, какъ встрѣтятся двѣ „бабы“—онъ про себя такъ называлъ жену и Леониду Гавриловну. Пусть ихъ поцапаются, если дѣло ужъ пошло на то.

Съ этими коварными мыслями адвокатъ Бизяевъ и заснулъ тревожнымъ и мучительнымъ сномъ. Онъ всю ночь видѣлъ Ефима Иваныча, который гонялся уже не за Сережей, а за нимъ съ громаднымъ ножомъ въ рукахъ. Потомъ Ефимъ Иванычъ превратился въ башибузука, а этотъ послѣдній въ Анну Ѳедоровну, а Анна Ѳедоровна все повторяла ему:

— Иди, иди сюда! Я поговорю съ тобой, мой милый! А гдѣ ты пропадалъ вчера цѣлый вечеръ? Не обманывай! Я все знаю.

VIII.

Намѣреніе Анны Ѳедоровны отправиться къ „нигилисткѣ“ осуществилось только черезъ двѣ недѣли, потому что, разъ, ей нужно было отправить Сережу въ Москву, а второе—послѣ отъѣзда сына она слегла на нѣсколько

дней въ постель. Нервы у нея дѣйствительно разыгрались не на шутку, но и лежа въ постели эта энергичная мамаша не оставляла своего намѣренія и впередъ приготовлялась къ жестокой схваткѣ съ „нигилисткой“. Какъ опытный игрокъ, она обдумала всѣ возможныя комбинаціи предстоящаго объясненія и впередъ выдвинула всѣ оправдательные мотивы, которые „нигилистка“ только могла придумать. Тутъ были и діалоги, и монологи, и лирическія отступленія, и тѣ ядовитыя словечки, которыя только могутъ зародиться въ одномъ женскомъ мозгу.

Наконецъ наступилъ и рѣшительный день. Самъ Бизяевъ ужасно волновался все время и напрасно дѣлалъ попытки уговорить жену отказаться отъ этого путешествія.

— Ты опять захвораешь...—мямлилъ онъ.—Наконецъ, она можетъ наговорить тебѣ дерзостей... Отъ подобныхъ женщинъ нужно ожидать всего.

Но Анна Ѳедоровна была непреклонна, и уговоры мужа производили на нее обратное дѣйствіе, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Она отправилась, конечно, на своихъ лошадяхъ и даже въ коляскѣ, точно на свадьбу. Изъ дома Анна Ѳедоровна выѣзжала крайне рѣдко и теперь испытывала даже удовольствіе прогулки, благо стоялъ такой чудный и крѣпкій осенній денекъ. Листья на деревьяхъ уже прихвачены были двумя холодными утренниками, и все пестрѣло увядающими осенними красками. Въ Смольскѣ почти у каждаго дома былъ свой садъ, особенно въ центральныхъ улицахъ.

Но вотъ и деревянный одноэтажный домъ, въ которомъ свила себѣ гнѣздо „нигилистка“. Анна Ѳедоровна позвонила у деревяннаго подъѣзда. Показалась горничная.

— По дѣлу...—коротко замѣтила гостья, передавая свою визитную карточку.

Горничная провела ее въ гостиную и просила подождать. Обстановка была очень скромная, и Анна Ѳедоровна подозрительно осматривала каждую вещь, точно все здѣсь дышало измѣной и злодѣйскими замыслами. Простенькіе обои, простенькая мебель, нѣсколько гравюръ на стѣнахъ, шкапъ съ книгами (это въ гостиной-то?), тощій коврикъ, тощія занавѣски на окнахъ—и только. Что было хорошо, такъ цвѣты—фикусы, бегоніи, пальмы и даже араукаріи. Въ сосѣдней комнатѣ, куда скрылась горничная, кажется, шло какое-то оживленное объясненіе, какъ догадалась Анна Ѳедоровна по обрывку долетѣвшей до нея фразы. Потомъ все стихло, послышались увѣренные шаги, и на порогѣ показалась Леонида Гавриловна. Что поразило Анну Ѳедоровну, такъ это то, что лицо „нигилистки“ носило на себѣ явные слѣды самыхъ обыкновенныхъ женскихъ слезъ,—именно этого она никакъ не предвидѣла.

— М-me Бизяева?—коротко спросила хозяйка и, не подавая руки, пригласила гостью садиться.—Я догадываюсь о цѣли вашего визита и, чтобы не затруднять васъ неловкимъ и для васъ и для меня объясненіемъ, скажу прямо, что вы напрасно себя затрудняли...

— Именно?

— Да очень просто: моя дочь выходитъ замужъ. Вы этого, вѣроятно, не ждали? Можете теперь успокоиться.

Анна Ѳедоровна совершенно растерялась, потому что именно такого оборота дѣла она уже окончательно не ожидала. Произошла неловкая пауза. Леонида Гавриловна сидѣла у стола и смотрѣла на гостью безучастными

глазами. Въ этотъ моментъ дверь ея комнаты пріотворилась, и на порогѣ показался Ефимъ Иванычъ. Онъ принялъ паузу за то, что гостья уже уѣхала, и теперь смотрѣлъ на нее съ откровеннымъ любопытствомъ. Въ свою очередь Анна Ѳедоровна узнала его и въ ужасѣ отодвинула свое кресло: предполагаемый убійца Сережи стоялъ въ двухъ шагахъ. Леонида Гавриловна объяснила себѣ молчаніе гостьи недовѣріемъ къ своимъ словамъ и проговорила, указывая на Ефима Иваныча

— Рекомендую: мой будущій зять

— Очень пріятно...—бормотала Анна Ѳедоровна.—Я слышала такъ много хорошаго о т-г Чакушинѣ... Очень пріятно!

Черезъ пять минутъ коляска возвращалась, а дожидавшійся ея возвращенія Бизяевъ облегченно вздохнулъ: значитъ, Леонида Гавриловна не приняла, и тому дѣлу конецъ. Можно себѣ представить его изумленіе, когда Анна Ѳедоровна разсказала все.

— Что же это такое?—изумился онъ, разводя руками.

Потомъ онъ подумалъ, что вотъ бы какъ слѣдовало сорвать женѣ, а не плести ахинею, какъ сдѣлалъ онъ. Эхъ, и тутъ не догадался.

Визитъ Анны Ѳедоровны совпалъ для Леониды Гавриловны съ самымъ критическимъ моментомъ. Именно, къ завтраку явился Ефимъ Иванычъ, въ послѣднее время рѣдко показывавшійся. Онъ держалъ себя какъ-то странно и даже казался смущеннымъ, что уже окончательно удивило Леониду Гавриловну. Онъ посидѣлъ съ полчаса настоящимъ гостемъ и все ерошилъ свою сѣдую щетину.

— Барышня Ниночка вамъ ничего не говорила?—спросилъ онъ въ заключеніе и еще больше смутился.

— Глупый вопросъ!—обрѣзала его Леонида Гавриловна по своей привычкѣ.—Мало ли о чемъ мы говоримъ съ ней!

— Да... гм... то-есть... я хотѣлъ, видите ли, спросить, что не говорила ли она чего-нибудь обо мнѣ?

— Не помню. Кажется, нѣтъ. А что случилось?

Путаясь и подбирая слова, Ефимъ Иванычъ началъ такъ издалека, что даже вспотѣлъ.

— Вамъ, можетъ-быть, холодной воды?—иронически спросила любезная хозяйка.

— Воды? Зачѣмъ воды?—повторялъ Ефимъ Иванычъ, не понимая, что дѣлается и что онъ городитъ самъ.

Появленіе Нины разрѣшило, наконецъ, эту сцену.

— Да вотъ пусть она сама говоритъ...—закончилъ Ефимъ Иванычъ, начиная бѣгать по комнатѣ.

— Мама, я выхожу замужъ...—очень рѣшительно начала Нина.—Тебя, быть-можетъ, удивитъ мой выборъ, но я много и серьезно думала, и другого рѣшенія не можетъ быть. Однимъ словомъ, я выхожу замужъ за Ефима Иваныча, котораго очень люблю... да.

Леонида Гавриловна поднялась, какъ ужаленная, и нѣсколько времени смотрѣла то на дочь, то на Ефима Иваныча, а потомъ горько засмѣялась.

— Могу сказать только одно, что вижу предъ собой двухъ сумасшедшихъ,—проговорила она.—Если ты, Нина, по своей неопытности можешь дѣлать глупости, то Ефиму Иванычу просто совѣстно. Мнѣ стыдно слушать подобныя глупости, господа. Что же вы молчите? Впрочемъ, вамъ и говорить нечего...

— Нѣтъ, есть что сказать,—вступилась Нина.—Ты находишь Ефима Иваныча для меня старымъ...

Ефимъ Иванычъ весь съежился и даже закрылъ глаза.

— Но вѣдь я-то все вижу и понимаю,—продолжала Нина.—Конечно, о безумной любви здѣсь не могло быть и рѣчи, о той любви, которая описывается въ стихахъ... Достаточно глубокаго уваженія къ мужу, который прежде всего долженъ быть другомъ, опорой и покровителемъ. Любовь можетъ пройти, мама, а мужъ-другъ не измѣнитъ и не обманетъ...

Нина сдѣлала шагъ къ матери, но та умоляющимъ взглядомъ остановила ее. Наступила тяжелая пауза, которая и была нарушена звонкомъ Анны Ѳедоровны. Леонида Гавриловна какъ разъ въ это время неожиданно расплакалась, но собрала всѣ свои силы и вышла къ гостьѣ.

— Что же вы молчали, Ефимъ Иванычъ?—ласково укоряла Нина.— Мнѣ же и пришлось говорить...

— Ахъ, я совсѣмъ растерялся...—конфузливо признался Ефимъ Иванычъ, ероша волосы.—Могу сказать, положеніе!

Дѣвушка въ волненіи прошлась по комнатѣ и, остановившись подъ носомъ Ефима Иваныча, глухо проговорила:

— Я понимаю: вы были влюблены въ maman, какъ я въ Сережу.

Теперь Ефимъ Иванычъ соскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ,—Нина попала въ самое больное мѣсто.

Когда Леонида Гавриловна вернулась, проводивъ Анну Ѳедоровну, она нашла жениха и невѣсту довольно надутыми, и ей вдругъ сдѣлалось такъ жаль дочь, какъ жалѣла ее, когда она маленькою безпомощною дѣвочкой бывала больна. Леонида Гавриловна знакомъ попросила Нину выйти,—она чувствовала, что опять расплачется. Ефимъ Иванычъ бѣгалъ по комнатѣ и немилосердно ерошилъ волосы. Онъ былъ такъ же жалокъ, какъ бываетъ жалокъ попавшійся въ капканъ звѣрь.

— Вы понимаете, Ефимъ Иванычъ, что Нина безумствуетъ съ отчаянія,—начала тихо Леонида Гавриловна.—Что же васъ ожидаетъ впереди, несчастный человѣкъ?.. Вы въ два съ половиной раза старше ея и будете никуда негодною развалиной, когда она только еще начнетъ жить полной жизнью. Я не договариваю того, что вы должны сами отлично понимать...

— А если я ее люблю? Я буду за ней ухаживать, какъ нянька... буду беречь... и повѣрьте, что сумѣю устранить свою особу, когда это будетъ нужно.

— Это нужно сдѣлать сейчасъ!—подхватила Леонида Гавриловна.—Вы ее любите и сдѣлаете это... Во всей этой исторіи я считаю виноватой только одну себя, потому что недостаточно любила Нину... не умѣла любить. Да... Я сознаю свою вину и хочу ее поправить. Меня отдѣляла отъ дѣтей несчастная тѣнь ихъ отца: я въ нихъ чуяла враждебную мнѣ кровь, чуяла ненавистнаго человѣка и... и...

Леонида Гавриловна точно захлебнулась послѣдними словами, безсильно опустилась на стулъ и зарыдала, громко, безутѣшно, искренне, какъ никогда не плакала о самой себѣ.

— Надо мной тяготѣетъ какое-то проклятіе...—шептала она, закрывая лицо руками.—Да... Есть такіе люди, которымъ не слѣдуетъ родиться на бѣлый свѣтъ. А между тѣмъ никогда и ничего я не дѣлала съ какимъ-нибудь эгоистическимъ расчетомъ, лично для себя... И вотъ теперь начинается кара въ родныхъ дѣтяхъ... Я даже не подозрѣвала, что до такой степени люблю

Нину... Вы этого, все равно, не поймете и убирайтесь вонъ!.. Вы... вы всегда были эгоистомъ...

Ефимъ Иванычъ вышелъ въ гостиную, изъ гостиной въ переднюю, изъ передней на улицу и тутъ только сообразилъ, что безъ шапки итти нехорошо. Когда онъ вернулся въ гостиную, Леонида Гавриловна позвала его, еще разъ обругала и опять выгнала.

— Эгоистъ отвратительный!..

На подъѣздѣ Ефима Иваныча догнала Нина. Она была совсѣмъ одѣта. Взявъ его подъ руку, она пошла рядомъ.

— Я къ вамъ, Ефимъ Иванычъ...—шептала она, прижимаясь къ нему плечомъ.—Т.-е. къ себѣ... Здѣсь я чужая.

Она тихо засмѣялась, прижимая его руку и заглядывая ему въ глаза. У Ефима Иваныча мурашки бѣжали по спинѣ отъ этихъ неиспытанныхъ ласкъ, а въ глазахъ прыгали какія-то необыкновенныя геометрическія фигуры.

Леонида Гавриловна увидѣла ихъ въ окно, бросилась къ двери, чтобы остановить, но только застонала и, пошатываясь, вернулась въ свою комнату. Она плохо сознавала, что̀ дѣлается кругомъ, и только мысль о дочери сверлила ей мозгъ. Да, она не любила этой дурнушки, она была несправедлива къ ней, она не умѣла угадать ея настроенія, уговорить, успокоить и удержать отъ послѣдней глупости, которую дѣлаетъ женщина. Дальше ее возмущало органически то, что человѣкъ, когда-то любившій ее, женится на ея дочери: это было чувство не ревности, а того органическаго отвращенія, которое мѣшаетъ вамъ ѣсть живую рыбу. Странно, что Леонида Гавриловна думала теперь о дочери, какъ думаютъ о покойникахъ, и обвиняла себя въ фиктивныхъ преступленіяхъ.

Опять цѣлую ночь не спала Леонида Гавриловна, какъ въ день пріѣзда дѣтей, и все думала. Ей пришла въ голову мысль о томъ, что вотъ, если бы Вадимъ былъ дома (онъ уже уѣхалъ на службу), то она могла бы посовѣтоваться съ нимъ, какъ съ мужчиной, что̀ дѣлать и какъ быть.

— Конечно, этотъ дикій порывъ пройдетъ,—разсуждала она,—а потомъ не останется даже того похмелья, которымъ сопровождается даже обманутая любовь!.. Нина хочетъ этимъ путемъ отомстить своему Сережѣ и жестоко ошибется...

Мысль о Ефимѣ Иванычѣ поднимала въ ней всю кровь, и про себя Леонида Гавриловна ругала „эгоиста“ новыми словами. Вѣдь это правда, что старики сходятъ съ ума и чѣмъ старше, тѣмъ быстрѣе. Нужно не имѣть капли здраваго смысла, чтобы дойти до подобной нелѣпости... Но что̀ ни думала она и какъ ни бранила Ефима Иваныча, а въ окончательномъ выводѣ получался все таки одинъ и тотъ же выводъ, именно, что виновата главнымъ образомъ все-таки она, какъ плохая мать. Взять хоть нынѣшнее лѣто. Оно началось съ того, что Нина такъ тепло и хорошо отнеслась къ ней. Дошло дѣло даже до изліяній, а потомъ опять наступили дружески-холодныя отношенія благодаря этому Сережѣ. Леонида Гавриловна стѣснялась вызывать дочь на откровенность по такому щекотливому обстоятельству, а Нина могла принять это за безучастность. Эта натянутость закончилась вполнѣ эффектно.

IX.

Женитьба Чакушина произвела въ Смольскѣ сенсацію, такъ что „молодые“ сдѣлались предметомъ общаго вниманія на цѣлыхъ двѣ недѣли. Скучающая провинціальная публика ухватилась за этотъ случай съ восторгомъ, обсуждая его на всѣ лады, какъ умѣютъ это дѣлать только люди, безусловно

праздные и поэтому свободные. Общее вниманіе подогрѣвалось еще много тѣмъ, что „молодые“ почти никуда не показывались, а сидѣли больше дома. Единственное удовольствіе, которое они себѣ позволяли, это—поѣздки на своей лошади въ пригородныя деревни. Утромъ уѣдутъ, а вечеромъ вернутся. Нина любила ѣздить безъ кучера и сама правила лошадью. Это былъ маленькій гнѣдой иноходецъ, упрямый, какъ оселъ, но умѣвшій бѣгать въ минуту хорошаго расположенія съ замѣчательною быстротой. Нина каждый день ходила въ конюшню къ своему любимцу, кормила его и ухаживала.

— Онъ положительно все понимаетъ.—увѣряла она мужа.—А упрямится бѣжать по-настоящему каждый разъ потому, что бережетъ себя...

Другимъ любимцемъ молодой хозяйки былъ старый Трезоръ, который теперь провожалъ ее на улицѣ, какъ и подобаетъ вѣрному псу. Поѣздки по деревнямъ, когда выпалъ первый снѣжокъ, сдѣлались настоящимъ праздникомъ. Нина всегда оживлялась на свѣжемъ воздухѣ и болтала всю дорогу. Любимою темой для разговоровъ была мысль о томъ, чтобы со временемъ купить свою землю, десятинъ сорокъ, построить свой домикъ (много ли двоимъ нужно?) и заняться своимъ хозяйствомъ: сѣять хлѣбъ, разводить овощи, завести пчельникъ, овецъ, коровъ и такъ далѣе. Городъ для нихъ представлялся чѣмъ-то чужимъ и почти враждебнымъ.

— Я буду отличною деревенскою бабой,—увѣряла Нина.—У меня талантъ... Буду сама косить и жать и ходить за коровами.

— Все это отлично, но у тебя есть одинъ маленькій недостатокъ,—резонировалъ Ефимъ Иванычъ:—ты всегда куда-то торопишься, а такіе люди рѣдко доводятъ что-нибудь до конца... Это мое личное наблюденіе, которое можетъ быть и ошибочнымъ.

— А вотъ увидите...

Нина говорила мужу всегда „вы“, а онъ иногда „вы“, иногда „ты“, смотря по расположенію духа.

Въ этихъ поѣздкахъ они облюбовали себѣ деревушку Вахрамеевку, стоявшую на пригоркѣ, надъ рѣчкой Вахрамейкой. Отъ города до нея было всего верстъ двадцать, и дорога сначала шла лѣсомъ, а потомъ заливными лугами. За Вахрамеевкой пестрой скатертью разстилались уже однѣ пашни. Избъ до сотни разсыпалось по угору въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. На лучшемъ мѣстѣ, на крутомъ мысу, стояла новая пятистѣнная изба вдовы Левонтьихи, у которой они и останавливались. Это былъ настоящій крестьянскій „дворъ“, не распавшійся даже со смертью старика, мужа Левонтьихи. Теперь „большила“ одна старуха, подъ началомъ у которой состояли два женатыхъ сына и незамужняя дочь. Левонтьиха была крѣпкая старуха и пользовалась въ своей деревнѣ репутаціей бѣдовой бабы, у которой никакое дѣло отъ рукъ не отобьется.

— Милости просимъ, гостеньки дорогіе,—встрѣчала она Чакушиныхъ каждый разъ съ низкимъ поклономъ.

Какимъ ржанымъ хлѣбомъ она угощала городскихъ гостей, какимъ молокомъ—ничего лучшаго Нина не желала. Это былъ одинъ восторгъ... Между прочимъ, она познакомилась со всею обстановкой крестьянскаго хозяйства, и не было въ домѣ такого угла, котораго бы она не осмотрѣла. Ей все нужно было видѣть и все знать: какъ бабы обряжаютъ скотину, какъ мочатъ льны, какъ ставятъ на зиму „кроснà“ и т. д.

— Изъ молодыхъ да ранняя,—удивлялась Левонтьиха.—Ничего, посмотри, какъ крестьяне живутъ... Городскимъ-то все любопытно.

Когда бабы освоились съ Ниной, то сами, въ свою очередь, начали ее допрашивать обо всемъ, а главное, о Ефимѣ Иванычѣ, котораго сначала приняли за „родителя“, что̀ ужасно смѣшило Нину. Сама старуха вызнавала все очень политично, сторонкой.

— Конечно, глупые мы люди, не за обычай у насъ, чтобы молодыя дѣвки за стариковъ замужъ выходили,—тянула она.—Рано у насъ женятъ молодыхъ ребятъ, чтобы не баловали...

— А все-таки женятся и старики, какъ мой мужъ?—допытывала Нина.

— Бываетъ... Вдовцы, которые дѣтные остаются, такъ женятся, ежели капиталъ позволяетъ. Тоже вѣдь жену надо кормить...

— На комъ же женятся такіе вдовцы?

— А на солдаткахъ, али тоже на вдовахъ.

— А на дѣвушкахъ?

— Бываетъ и такъ, ежели дѣвушка съ ошибочкой... Всячина бываетъ и по деревнямъ. Балуется понѣ народъ...

Нина грустно покраснѣла. Она въ глазахъ Левонтьихи была именно такой „дѣвушкой съ ошибочкой“, которая пошла за старика, чтобы прикрыть какой-нибудь дѣвичій грѣхъ. Деревенская логика безжалостна и смотритъ на вещи слишкомъ откровенно. Все это подѣйствовало на Нину какъ-то раздражающе, поднимая улегшееся прошлое. Зато Ефимъ Иванычъ былъ въ восторгѣ отъ деревни и въ ней одной видѣлъ все свое спасеніе. Жизнь получала новый яркій смыслъ... А главное, Нина найдетъ здѣсь приложеніе своимъ силамъ и не будетъ испытывать скуки—этого главнаго бича городской жизни.

— Я могу продать свой городской домишко,—соображалъ онъ:—дадутъ за него тысячи полторы или двѣ... А потомъ у меня есть два выигрышныхъ билета... Ну, одинъ словомъ, тысячи двѣ наберемъ, чтобы купить землю, а потомъ ее заложимъ и на эти деньги выстроимъ все хозяйство.

— Нѣтъ, зачѣмъ продавать домъ,—протестовала Нина съ дѣловымъ видомъ настоящей хозяйки,—это нашъ уголъ на всякій случай... Мало ли что̀ можетъ быть. Лучше будемъ во всемъ себѣ отказывать и копить деньги... Вы заработаете около тысячи рублей въ годъ, я буду давать уроки музыки—вотъ и деньги.

На этомъ практическомъ пути прежде всего нужно было отказаться отъ гнѣдого иноходца и кучера Ѳедьки, которые въ общей сложности стоили около двухсотъ рублей въ годъ. Нина готова была пожертвовать этимъ единственнымъ удовольствіемъ, чтобы поскорѣе добиться цѣли, но Ефимъ Иванычъ протестовалъ: онъ самъ привыкъ держать свою лошадь, а затѣмъ ему хотѣлось доставить женѣ это ничтожное развлеченіе. Гнѣдко остался въ конюшнѣ и продолжалъ ѣсть овесъ съ большимъ аппетитомъ.

— А на чемъ мы стали бы ѣздить въ Вахрамеевку? — спрашивалъ Ефимъ Иванычъ.

— На извозчикѣ... Это гораздо дешевле.

— Оно дешевле-то дешевле, да только совсѣмъ не то. Да...

Ефимъ Иванычъ былъ счастливъ, настолько счастливъ, что даже боялся объ этомъ думать, точно открытая мысль могла спугнуть это запоздавшее счастіе. Его огорчало только одно, именно, что онъ не могъ быть вполнѣ откровеннымъ съ женой: многаго она не должна была знать. Мало ли черныхъ мыслей у такихъ стариковъ, какимъ былъ онъ, и въ свое время Нина сама переживетъ ихъ, платя неизбѣжную дань возрасту. Такъ, у Ефима Иваныча

уже не было молодой впечатлительности, не было той жизнерадостности, которой безсознательно счастлива молодость, а затѣмъ выдвигался цѣлый рядъ воспоминаній, начиная съ того, что въ своей женѣ Ефимъ Иванычъ любилъ свою молодость, свое неизжитое чувство, свою скрытую любовь къ Леонидѣ Гавриловнѣ. А затѣмъ Ефимъ Иванычъ чаще и чаще началъ задумываться о своей старости, о тѣхъ черныхъ дняхъ, когда человѣку въ удѣлъ остаются „трудъ и болѣзнь“. Да, сейчасъ онъ былъ здоровъ, могъ работать, но въ такіе годы не слѣдуетъ забывать, что существуютъ и параличи, и старческіе ревматизмы, и тому подобные спутники рокового возраста.

Первая семейная тѣнь налетѣла совершенно неожиданно и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ трудно было бы ее предполагать. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Вахрамеевку они остались ночевать у Левонтьихи, потому что запоздали, а Нина боялась волковъ. Ноябрьскій день коротокъ, и сумерки спустились очень рано, въ половинѣ пятаго. Нина была въ восторгѣ, что проведетъ первую зимнюю ночь въ настоящей деревнѣ. Имъ отвели на ночлегъ всю чистую половину большой избы, полную сосноваго запаха. Они напились чаю и сидѣли около стола въ самомъ хорошемъ настроеніи, болтая о своей будущей деревенской жизни. Но въ разгаръ этой бесѣды послышался ожесточенный лай деревенскихъ собакъ, а затѣмъ къ избѣ подъѣхали охотничьи сани на высокихъ копыльяхъ. Вышелъ какой-то человѣкъ въ полушубкѣ и постучалъ дуломъ ружья въ окно хозяйской половины.

— Охотники... — равнодушно замѣтила Нина, разглядывая въ окно стоявшій на дорогѣ оригинальный экипажъ.—Вѣроятно, просятся ночевать.

Переговоры велись довольно долго, а потомъ охотники были пущены на ночлегъ. Ефимъ Иванычъ долго вслушивался въ происходившій за дверью разговоръ и, поморщившись, сказалъ:

— А вѣдь это, знаешь, кто?.. Егоровъ...

— Не можетъ быть!..—обрадовалась Нина.—Позовемъ его пить чай вмѣстѣ съ нами...

Не дожидаясь согласія мужа, она вышла въ сосѣднюю избу и нашла Егорова за столомъ,—онъ сидѣлъ въ нагольномъ полушубкѣ и только-что налилъ изъ походной фляги серебряный стаканчикъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ рябой и невзрачный приказчикъ.

— Здравствуйте, Сосипатръ Ефимовичъ...

Егоровъ былъ настолько изумленъ, что расплескалъ водку и поставилъ стаканчикъ на столъ.

— Какъ же это такъ-съ, Нина Петровна-съ...—бормоталъ онъ смущенно, поглядывая на свой полушубокъ.—Вполнѣ неожиданность...

Она не дала ему опомниться и потащила въ свою комнату. Что ее удивило, такъ это холодный пріемъ, оказанный гостю Ефимомъ Иванычемъ. Онъ точно весь съежился, какъ дѣлалъ это раньше. Егоровъ тоже чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Все это возмущало Нину, и она отказывалась понимать поведеніе мужа.

— Какая же здѣсь охота, Сосипатръ Ефимычъ?—спрашивала Нина, чтобы какъ-нибудь поддержать разговоръ.

— А всякая, Нина Петровна... Сейчасъ мы на косачей выѣхали,—лихое дѣло по первому снѣжку. Птица довольно глупая: разсядется по деревьямъ, хоть руками ее бери. Подъѣдешь это на саночкахъ и изъ винтовки... Любезное дѣло, Нина Петровна, эта охота! Встряхнешься, точно весь помолодѣешь...

— И напьешься кстати,—ядовито прибавилъ Ефимъ Иванычъ.—еще любезнѣе...

— Бываетъ-съ и такъ...—согласился Егоровъ и посмотрѣлъ на Ефима Иваныча дерзкими глазами.—Когда въ человѣкѣ кровь заходитъ—надо же ее унять чѣмъ-нибудь, а тутъ такъ умаешься, что ни папы ни мамы, какъ говорится.

— Ну, такую охоту можно въ первомъ трактирѣ найти,—еще ядовитѣе замѣтилъ Ефимъ Иванычъ.—Не все ли равно, гдѣ ни бить баклуши.

— Нѣтъ-съ, ужъ это вы „ахъ, оставьте“, сударь. Вы о баклушахъ и понятія не имѣете... А промежду прочимъ, пустой и нестоящій разговоръ...

Чтобы наказать нелюбезность мужа, Нина проговорила:

— Отчего вы къ намъ въ городѣ никогда не зайдете, Сосипатръ Ефимычъ? Я всегда буду рада васъ видѣть у себя...

— Очень благодаренъ, Нина Петровна, но все какъ-то время не выдавалось. По осенямъ мы въ разъѣздахъ: скупаемъ хлѣбъ, потомъ въ Москву... Вотъ только-что успѣлъ вернуться изъ Первопрестольной-съ. И даже имѣю вамъ передать поклонъ-съ отъ Сергѣя Леонидыча-съ...

Нина разомъ поблѣднѣла, какъ полотно, и смотрѣла на Егорова широко раскрытыми глазами. Ефимъ Иванычъ тоже поблѣднѣлъ отъ бѣшенства и уже сдѣлалъ шагъ къ нахалу, какъ Егоровъ совершенно спокойнымъ топомъ прибавилъ:

— Сергѣй Леонидычъ, можно сказать, вступилъ въ законный бракъ... Я и въ шаферахъ былъ-съ. На одной арфисткѣ женились. Въ трактирѣ она пѣла. А впрочемъ, до свиданія-съ...

Это неожиданное извѣстіе совершенно ошеломило супруговъ. Наступило тяжелое молчаніе, когда Егоровъ вышелъ.

— Что же, этого нужно было ожидать,—проговорилъ Ефимъ Иванычъ, точно оправдываясь.

— Вы рады?—тихо спросила Нина, глотая слезы.—Да?.. А сейчасъ какъ вы встрѣтили Егорова?.. Соперникъ... ха-ха!..

— Нина...

— Не говорите со мной ничего: такъ поступаютъ только дрянные люди. Вы дѣлаете смѣшнымъ и себя и меня... А впрочемъ, все равно!..

Цѣлыхъ три дня продолжался домашній адъ, и Ефимъ Иванычъ не зналъ, какъ успокоить жену. Онъ по-своему объяснилъ ея настроеніе и крѣпился.

X.

Послѣ выхода дочери замужъ Леонида Гавриловна почувствовала какое-то угнетающее одиночество. Раньше хоть Ефимъ Иванычъ приходилъ по вечерамъ коротать время, а теперь онъ показывался только изрѣдка и никогда одинъ. Леонидѣ Гавриловнѣ даже казалось, что Нина ревнуетъ его къ ней. Это ее и возмущало и огорчало до глубины души, а между тѣмъ не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ настроеніемъ. Правда, пріѣзжалъ зимой Вадимъ, но онъ показался ей такимъ чужимъ и такимъ натянутымъ. Онъ всегда держалъ себя большимъ эгоистомъ и говорилъ только о своихъ дѣлахъ. Откуда такой эгоизмъ? Чужой человѣкъ—Егоровъ относился къ ней лучше. Леонида Гавриловна это чувствовала и была рада, когда этотъ „блудный сынъ россійской коммерціи“, какъ называлъ его Ефимъ Иванычъ, заходилъ къ ней.

— Каково живете-можете?—спрашивалъ Егоровъ, обрушиваясь на стулъ безъ приглашенія.—А я соскучился... Дай, думаю, провѣдаю, какъ Нина Петровна поживаютъ-съ?..

— Ничего, живетъ...

— Умный человѣкъ Ефимъ Иванычъ. Весьма уважаю...

— Я нынче плохо разбираю, кто уменъ, кто пѣтъ...

— А только обидѣлись на меня Ефимъ Иванычъ, когда я имъ про женитьбу Сережи сблаговѣстилъ. Даже изъ лица измѣнились, а я обыкновенно слуру сболтнулъ... Мнѣ-то какое дѣло?.. Самъ хуже всѣхъ... Смотрѣть-то на себя тошно въ другой разъ, Леонида Гавриловна. Ей-Богу... Подойду къ зеркалу, посмотрю и плюну прямо въ морду себѣ.

— Что ужъ сокрушаетесь: не хуже другихъ.

— Да ужъ я-то больше знаю про себя, каковъ я есть сахаръ... Жену теперь извожу который годъ, безобразничаю, а на душѣ ночь темная. Эхъ, Леонида Гавриловна, не стоитъ жить на бѣломъ свѣтѣ!.. Сколько это въ человѣкѣ одного звѣрства... Когда на охотѣ идешь по лѣсу, такъ всякій звѣрь, всякая птица, всякая козявка отъ тебя прячется. Значитъ, хорошъ человѣкъ...

Между прочимъ, Егоровъ разсказывалъ Леонидѣ Гавриловнѣ вполнѣ откровенно о своихъ трактирныхъ похожденіяхъ, о ярмарочномъ разливномъ морѣ, о кутящей братіи... Это была грязная изнанка жизни, въ которой потонулъ несчастный розовый Сережа.

— Для чего вы мнѣ разсказываете про эти гадости?—спросила Егорова однажды Леонида Гавриловна.

Онъ посмотрѣлъ на нее и улыбнулся своею умною улыбкой.

— А догадайтесь.

— Хотите исповѣдаться и показнить себя?

— Есть и это, потому какъ весьма васъ уважаю...

— Ну, а еще почему?

— Жалѣю васъ, Леонида Гавриловна... Вотъ вы, можетъ-быть, иногда считаете себя несчастною женщиной, а я вамъ хочу показать, что несчастные тѣ, у кого совѣсть нечиста,—кто насильничаетъ, кто звѣрство свое тѣшитъ. Думаете, легко грѣшной-то душѣ? Честнымъ людямъ у насъ, пожалуй, и дѣлать нечего. Вотъ они и сидятъ по своимъ угламъ... Совѣсть-то не зальешь виномъ, не запоешь пѣснями!

Удивительный былъ человѣкъ этотъ Егоровъ, и Леонида Гавриловна никакъ не могла его понять, что онъ такое. Одно было несомнѣнно, что онъ принадлежитъ къ разряду тропутыхъ людей и что-то держилъ на умѣ.

Другимъ гостемъ Леониды Гавриловны былъ Бизяевъ, который долго не показывался послѣ отъѣзда Сережи. Леонида Гавриловна записала его давно въ разрядъ психопатовъ. Бизяевъ приходилъ и разсказывалъ о себѣ всю подноготную,—не жаловался, не рисовался, а говорилъ о себѣ, какъ о посторонемъ человѣкѣ.

— Тошный вы человѣкъ, ежели разобрать,—говорила иногда Леонида Гавриловна, когда ей надоѣдало слушать.—Мало васъ строжитъ ваша Анна Ѳедоровна... Я васъ не такъ бы держала.

— А знаете, что самое скверное: зачѣмъ она жертву изъ себя разыгрываетъ? Лицо сдѣлаетъ постное...

— Бить васъ надо, вотъ что, чтобы не ныли...

Разъ, когда такъ сидѣлъ и нылъ Бизяевъ, неожиданно явилась Нина.

— Ты одна?—удивилась Леонида Гавриловна.

— Да... а что? Ефимъ Иванычъ занятъ срочною работой, ему совсѣмъ некогда...

Нина была въ такомъ разсѣянномъ настроеніи, что даже позабыла поздороваться съ Бизяевымъ, который привсталъ и остался съ протянутою рукой.

— Нина, что же ты не поздороваешься съ Леонидомъ Евгеньичемъ?..—замѣтила Леонида Гавриловна, пожимая плечами.

— Ахъ, виновата...—такъ же разсѣянно извинилась Нина, протягивая руку Бизяеву.—Мнѣ показалось, что я поздоровалась съ вами.

— Что-нибудь случилось?—спрашивала Леонида Гавриловна.

— Нѣтъ, особеннаго ничего...—уклончиво отвѣтила Нина и какъ-то вопросительно посмотрѣла на Бизяева.—Просто я давно не видалась съ тобой, мама, и пришла провѣдать. Отчего ты такъ рѣдко бываешь у насъ?

— Да все какъ-то такъ...—въ свою очередь уклончиво отвѣтила Леонида Гавриловна.—Состарилась, тяжело подниматься съ насиженнаго мѣста.

Разговоръ завязался ни о чемъ, потому что мѣшалъ Бизяевъ, а онъ и не думалъ уходить. Нина горѣла нетерпѣніемъ поговорить съ матерью съ глазу на глазъ и опять посмотрѣла на гостя такими глазами, точно хотѣла его выгнать. Леонида Гавриловна видѣла это нетерпѣніе и нарочно ничего не предпринимала, чтобы помучить дочь,—у нея явилось именно такое желаніе. А Бизяевъ сидѣлъ и разсказывалъ какое-то удивительное дѣло изъ своей уголовной практики.

— Это интересно...—поощряла его Леонида Гавриловна, съ улыбкой наблюдая Нину, кусавшую отъ нетерпѣнія губы.

Это вниманіе настолько воодушевило Бизяева, что онъ даже началъ жестикулировать, а Леонида Гавриловна хохотала, довольная комедіей. Потомъ, помучивъ Нину цѣлый часъ, она оборвала оратора на половинѣ разсказа:

— Ну, на сегодня довольно, Леонидъ Евгеньичъ... Окончательно вы уморите меня въ слѣдующій разъ, а теперь вамъ пора домой. Понимаете, что это значитъ?..

Бизяевъ только поднялъ брови и, смущенный, началъ быстро и неловко прощаться. Нина проводила его печальными глазами и отвернулась къ окну. Сегодня она была такая блѣдная, и глаза казались совсѣмъ большими.

— Я догадываюсь, что у тебя случилось какое-нибудь недоразумѣніе съ мужемъ!—заговорила Леонида Гавриловна, дѣлая удареніе на словѣ „мужъ“.—Что же, въ семейной жизни это неизбѣжная вещь, съ которой необходимо примириться впередъ...

Нина отрицательно покачала головой. Леонида Гавриловна пожала плечами и замолчала, хотя это безмолвное отрицаніе ее заинтриговало больше, чѣмъ она сама могла ожидать.

— Можетъ-быть, письмо?—спросила Леонида Гавриловна послѣ длинной паузы.

Этотъ вопросъ заставилъ Нину горько улыбнуться. Она посмотрѣла на мать прищуренными глазами и заговорила неровнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Твои вопросы, мама, доказываютъ только то, что ты меня не любишь и никогда не любила. Да... Одна любовь все видитъ и все понимаетъ...

— Можетъ-быть, ты хотѣла сказать не это?—спросила ее Леонида Гавриловна дрогнувшимъ голосомъ, чувствуя, какъ вся кровь бросилась ей въ голову,—ты не обдумала того, что сейчасъ вырвалось у тебя...

— Къ сожалѣнію, это не мѣшаетъ моимъ словамъ быть горькою истиной,

мама... Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало такъ говорить, но вѣдь у меня никого нѣтъ, съ кѣмъ я могла бы сказать слово.

— А мужъ?

Нина горько улыбнулась и опустила голову. Мать не хотѣла ее понимать, и это отозвалось въ ея душѣ глухой болью. Она собрала всѣ силы, чтобы не расплакаться.

— Если бы я была матерью и если бы моя дочь вышла замужъ,—заговорила она дѣланно-спокойнымъ голосомъ,—я догадалась бы, что и она въ свое время можетъ сдѣлаться матерью.

У Леониды Гавриловны опустились руки и даже раскрылся отъ изумленія ротъ; она хотѣла что-то сказать, но, какъ это иногда бываетъ, мысль не воплотилась въ свою звуковую оболочку, а такъ и осталась въ мозгу голой мыслью. Нина можетъ сдѣлаться матерью—вѣрнѣе, Ефимъ Иванычъ будетъ отцомъ, нѣтъ, это что-то такое дикое и нелѣпое, что рѣшительно ни съ чѣмъ не вязалось. Онъ еще могъ быть мужемъ, нянькой, но отцомъ... Въ другое время она громко расхохоталась бы, а теперь смотрѣла на дочь и повторяла:

— Ты... ты ошибаешься!..

— О, нѣтъ, мама... Я была у женщины-врача: третій мѣсяцъ.

— Ефимъ Иванычъ знаетъ?

— Пока нѣтъ. Вѣдь онъ младенецъ, мама, и мнѣ его иногда дѣлается просто жаль. А лично меня это открытіе испугало... Я не боюсь того, чего боятся всѣ другія женщины, то-есть болѣзни и смерти, а мнѣ просто страшно. Я сама не умѣю объяснить, мама, что со мною дѣлается, но я точно вся другая стала... Ефимъ Иванычъ во всякомъ случаѣ не пойметъ моего настроенія, и я думала...

Леонида Гавриловна горячо обняла дочь и со слезами на глазахъ прошептала:

— Дѣточка моя, прости меня... Когда ты сдѣлаешься матерью, можетъ-быть, поймешь меня. Нѣтъ, сохрани тебя Богъ отъ того, что переживала я. Забудь мои слова, теперь нужно думать и говорить о другомъ... Да, я была, можетъ-быть, и несправедлива къ тебѣ, но это еще не значитъ, что я не люблю тебя. Впрочемъ, все это одни слова.

— Мама, милая, родная!..

— Пожалуйста, никому не говори объ этомъ, это наша тайна... Въ дѣтяхъ единственное преимущество женщины передъ мужчиной, которое стоитъ всѣхъ другихъ.

„Тайна“ Нины яркимъ свѣтомъ озарила одиночество Леониды Гавриловны, точно она сама помолодѣла на двадцать лѣтъ. Передъ ней уже брезжило будущее, опредѣленное и ясное. Было для чего жить и стоило жить... Она теперь каждый день ѣздила въ чакушинскій домъ, чѣмъ первое время немало смущала Ефима Иваныча.

— Ну, здравствуйте, гадкій эгоистъ!—здоровалась она съ нимъ.—Все строчите?.. Принимайте тещу, какъ слѣдуетъ.

Ефимъ Иванычъ не видалъ еще ее такою веселой и смутно догадывался, что между матерью и дочерью что-то произошло, а что—онъ не могъ опредѣлить. Женщины для него всегда составляли неразрѣшимую загадку. А Леонида Гавриловна осмотрѣла во всѣхъ подробностяхъ весь домъ, произвела строгую ревизію, причемъ кухаркѣ Лукерьѣ сильно досталось, и вообще проявила себя вполнѣ тещей. Она даже перевезла часть своей мебели и устроила комнату Нинѣ со всѣми удобствами.

— Для чего это?—удивился Ефимъ Иванычъ. — Вѣдь жили же мы раньше... и ничего.

— Ничего вы не понимаете, эгоистъ.

Сохранить тайну удалось не дольше мѣсяца.

Когда Ефимъ Иванычъ узналъ все, онъ пробѣжалъ по комнатѣ нѣсколько разъ и, разставивъ руки, проговорилъ свое любимое словечко:

— Пріасходно!

XI.

Жизнь Ефима Иваныча пошла по совершенно новой колеѣ, выдвинувъ на сцену такіе интересы, заботы и тревоги, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, или думалъ, что они существуютъ для другихъ, какъ мы представляемъ себѣ смерть. Кажется, чего проще, что у женатаго человѣка будутъ дѣти, а между тѣмъ эта болѣе чѣмъ простая мысль повергала Ефима Иваныча въ несказанное удивленіе: вдругъ у него, Ефима Иваныча, будетъ сынъ или дочь... Въ его программѣ жизни такой комбинаціи не было предусмотрѣно, и Ефимъ Иванычъ никакъ не могъ представить себя отцомъ семейства. Неужели онъ будетъ такъ же глупо радоваться, какъ другіе отцы, и еще болѣе глупо воображать, что его ребенокъ единственный по своимъ достоинствамъ экземпляръ, что такихъ еще дѣтей не было и не будетъ?.. Эта родительская радость всегда возмущала Ефима Иваныча со стороны, а теперь приходилось выступать дѣйствующимъ лицомъ. Да, въ домикъ Ефима Иваныча готовился войти таинственный гость, въ ожиданіи котораго все должно было перемѣниться.

— Что же вы-то ничего не дѣлаете?—нападала на него Леонида Гавриловна, пылавшая энергіей и воодушевленіемъ.

— Что же я буду дѣлать?—смиренно спрашивалъ Ефимъ Иванычъ, чувствовавшій себя предъ кѣмъ-то очень виноватымъ.

— Ахъ, ничего вы не понимаете... Только не мѣшайтесь, ради Бога, а то вѣчно подъ руки лѣзете.

Когда Леонида Гавриловна бранилась, Ефимъ Иванычъ еще выносилъ, но онъ чувствовалъ, что она иногда такъ любовно смотритъ на него, и это послѣднее приводило его въ бѣшенство. Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже... Вечеромъ, когда Ефимъ Иванычъ щелкалъ у себя въ кабинетѣ, Леонида Гавриловна нѣсколько разъ проходила мимо, о чемъ-то вздыхала, а потомъ подсаживалась къ столу и заводила самый бабій разговоръ.

— Если родится мальчикъ, мы назовемъ его Юріемъ...—думала она вслухъ.—Я вамъ не мѣшаю? Юрій—прекрасное русское имя. Развѣ оно вамъ не нравится?

— Нѣтъ, очень нравится... Я люблю русскія имена.

— И Нина тоже... А если дѣвочка, то назовемъ Ириной. Я желала бы, чтобы непремѣнно родилась дѣвочка... Безъ дѣвочки какая же семья—пусто, холодно, голо. Сынъ вырастетъ, и только его и видѣли...

Это слово „вырастетъ“ опять задѣвало Ефима Иваныча за живое: вѣдь знаетъ Леонида Гавриловна, что онъ старъ и что, по всей вѣроятности, не доживетъ до того момента, когда сынъ или дочь вырастутъ,—знаетъ и говоритъ. Даже не со зла говоритъ, а просто такъ, бабій стихъ накатился. А между тѣмъ вотъ это именно слово его и коробило, рисуя очень печальную перспективу его семейныхъ радостей: ну, протянетъ онъ много-много десять лѣтъ, а тамъ и отставка... Хорошо еще, если во-время успѣетъ умереть, а

если захватитъ безсильная жалкая старость, когда человѣкъ въ тягость и себѣ и другимъ? Нѣтъ, лучше не думать на такія проклятыя темы, а будетъ то, что̀ будетъ.

— Пріисходно...—повторялъ онъ, шагая по своему кабинету.

А воображеніе продолжало работать упорно въ одномъ направленіи. Ефимъ Иванычъ видѣлъ молодую вдову съ ребенкомъ на рукахъ, видѣлъ окружавшую ее все тѣснѣе бѣдность, а затѣмъ ребенокъ безъ воспитанія и призора, мать озлобленная, на всю жизнь несчастная женщина... Вообще, отраднаго было впереди немного, и Ефимъ Иванычъ долженъ былъ сознаться самому себѣ, какую глупость онъ сдѣлалъ своею запоздалою женитьбой, потому что онъ не предвидѣлъ именно того, что̀ слѣдовало предвидѣть. Возмущало Ефима Иваныча и то, что сама Нина точно не желала понимать своего положенія, поддаваясь вліянію окружавшихъ ее женщинъ. Въ общемъ, она была спокойнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать: мысль о ребенкѣ поглощала ее, выражаясь въ тысячѣ такихъ мелочей, о которыхъ Ефимъ Иванычъ не имѣлъ никакого представленія. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ завести съ женой какой-нибудь серьезный разговоръ на одну изъ излюбленныхъ общественныхъ темъ; Нина его слушала, а потомъ прерывала неожиданнымъ вопросомъ:

— Я думаю пригласить въ крестные Егорова... Ты какъ полагаешь?

— Почему именно Егорова?

— Мнѣ такъ хочется... Видишь ли, онъ такъ хорошо ко мнѣ относится.

Спорить съ Ниной сейчасъ было невозможно, потому что она начинала капризничать, плакала и дѣлала сцены, а поэтому Ефимъ Иванычъ долженъ былъ впередъ соглашаться на все. Ну что̀ же, Егоровъ, такъ Егоровъ—пусть будетъ крестнымъ. Фунтъ чаю принесетъ на крестины, а потомъ крестникъ будетъ носить ему именинные пироги.

Но и это все еще ничего и со всѣмъ этимъ можно было примириться. Окончательно выводила изъ себя Ефима Иваныча новая гостья, именно акушерка Карнаухова, которую въ одно прекрасное утро привела съ собой Леонида Гавриловна. Это была высокая, здоровенная и безобразная баба, которая держала себя съ развязностью какого-нибудь фокусника. Въ Смольскѣ она знала всѣхъ и все и приносила съ собой цѣлый ворохъ всевозможныхъ сплетенъ, которыми отравляла, кажется, самый воздухъ. Къ Ефиму Иванычу эта особа относилась свысока и позволяла себѣ по его адресу такія откровенныя шуточки, какихъ онъ не выносилъ.

— А, виновникъ торжества...—здоровалась она съ нимъ, по-мужски сжимая его маленькую руку.—Нехорошо, молодой человѣкъ, такъ поступать съ нами, бѣдными женщинами! Впрочемъ, всѣ мужчины одинаковы: это такіе эгоисты, тираны, изверги.

Энергичная женщина сама же первая и смѣялась своимъ милымъ шуточкамъ, показывая гнилые зубы. Ефимъ Иванычъ избѣгалъ съ ней встрѣчаться, хотя это и оказывалось рѣшительно невозможнымъ на пространствѣ нѣсколькихъ комнатъ. Приходилось сдѣлать видъ, что это его не касалось, и даже Ефимъ Иванычъ самъ хихихалъ притворнымъ смѣхомъ. Бабы окончательно его одолѣвали. Неожиданнымъ утѣшителемъ явился для него докторъ-акушеръ, нѣмецъ Клюгеръ, въ присутствіи котораго m-me Карнаухова сразу присмирѣла. Нѣмецъ говорилъ ей „ты“ и третировалъ на каждомъ шагу, какъ это умѣютъ дѣлать только доктора со своими фельдшерами, фельдшерицами и сидѣлками. Въ Смольскѣ этотъ Клюгеръ славился, какъ въ своемъ родѣ зна-

менитость. Раньше Ефимъ Иванычъ стѣснялся его приглашать, потому что года три тому назадъ очень ядовито прошелся на его счетъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій.

— О, старый зло я запоминалъ,—говорилъ Клюгеръ, пожимая руку Ефиму Иванычу.—Весьма запоминалъ... Не плевай колодца, будешь напиваться.

— Я по-своему былъ правъ, Карлъ Карловичъ...—оправдывался Ефимъ Иванычъ, дѣлая жалкое лицо.—Это доказываетъ только то, что вы нѣсколько иначе смотрите на вещи, чѣмъ я.

— О, совсѣмъ другой, совсѣмъ другой... Я ѣмъ свой хлѣбъ, вы будетъ ѣшь свой. Мы оба ѣдимъ хлѣбъ... Я старый зло позабывалъ.

Въ заключеніе Клюгеръ добродушно похлопалъ Ефима Иваныча по плечу и даже лукаво подмигнулъ. Вообще, онъ оказывался очень милымъ человѣкомъ, за исключеніемъ того, что рѣшительно не выносилъ присутствія Карнауховой, которую преслѣдовалъ по пятамъ.

Однимъ словомъ, въ жизнь домика Ефима Иваныча одинъ за другимъ врывались внѣшніе элементы и властно занимали свое мѣсто, вытѣсняя старые порядки.

Въ этихъ мелочахъ и новыхъ заботахъ время летѣло съ поразительною быстротой. Наступалъ рѣшительный моментъ. Ефимъ Иванычъ слѣдилъ за женой и находилъ, что она съ какою-то фатальной покорностью отдается судьбѣ. Роды наступили скорѣе, чѣмъ это предполагалъ Клюгеръ. Ефимъ Иванычъ весь побѣлѣлъ, когда начались приступы родовыхъ болей, и Нина совершенно упала духомъ. Она металась на постели такая жалкая, испуганная, съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ. Ефимъ Иванычъ не зналъ, куда ему дѣваться, и только закрывалъ въ ужасѣ глаза. Пріѣхавшая Леонида Гавриловна послала его за Клюгеромъ.

— Что же вы сами-то не могли догадаться!—кричала она, раздѣваясь въ передней.—Несчастный человѣкъ!.. Да заверните сначала къ Карнауховой: она нужнѣе.

Ефимъ Иванычъ выскочилъ на подъѣздъ безъ шапки и потомъ уже спохватился. Карнаухову онъ встрѣтилъ на дорогѣ, полетѣлъ къ Клюгеру, котораго, къ счастію, засталъ дома.

— Докторъ, голубчикъ, ради Бога, спасите!..

— Э, ничево!.. Это бываетъ...

Какъ онъ медленно одѣвался, этотъ проклятый нѣмецъ, какъ искалъ свой платокъ, какъ надѣвалъ калоши,—прошла цѣлая вѣчность, прежде чѣмъ сѣли на извозчика. Дорогой нѣмецъ разсказывалъ какую-то политическую новость, о какой-то рѣчи Бисмарка въ рейхстагѣ, а Ефимъ Иванычъ не понималъ ничего: слова теперь были для него пустымъ звукомъ. Вотъ и домикъ... Что-то тамъ дѣлается?..

— Э, ничево...—тянулъ нѣмецъ, медленно вваливаясь въ переднюю.—Это бываетъ...

Ихъ встрѣтила торжествующая m-me Карнаухова: все кончилось, и больная не нуждалась въ помощи доктора. Изъ приличія онъ все-таки прошелъ въ спальню, что-то такое разспрашивалъ, пошутилъ надъ больной, лежавшей съ закрытыми глазами, и похвалилъ новорожденнаго. Это былъ мальчикъ, т.-е. сейчасъ просто кусокъ корчившагося и пищавшаго мяса. Ефимъ Иванычъ отнесся къ новорожденному почти враждебно, занятый только мыслью о матери, которая взглянула на него такимъ измученнымъ взглядомъ.

— Э, малышикъ здоровый...—замѣтилъ Клюгеръ, чтобы сказать что-нибудь.

Леонида Гавриловна нянчилась съ ребенкомъ, имѣя такой дѣловой видъ Она больше не обращала на Ефима Иваныча никакого вниманія, поглощенная своею новою ролью бабушки. Больная съ удивленіемъ смотрѣла кругомъ, какъ раздавленный человѣкъ, у котораго прошли острыя боли. Она даже улыбнулась, только теперь замѣтивъ страдальческое выраженіе лица Ефима Иваныча. Онъ не замѣчалъ, какъ по его лицу катились слезы...

Дальше пошло такъ, какъ идетъ вездѣ. На девятый день Нинѣ позволили оставить постель. Когда она подошла къ зеркалу, то не узнала себя: некрасивое лицо сдѣлалось почти красивымъ мягкостью своего выраженія и какою-то особенною глубиной взгляда. А главное, на душѣ было такъ хорошо и полно, точно начиналась новая жизнь.

Да это и была новая жизнь, которая размѣрялась сначала днями, потомъ недѣлями, мѣсяцами, по мѣрѣ того, какъ росъ маленькій человѣкъ, заполонившій своею особой весь домъ. Ефимъ Иванычъ торжествовалъ, наблюдая настроеніе жены; ребенокъ сдѣлалъ ее счастливой... Имя ему было дано по желанію бабушки—Юрій.

— Знаешь, *она* меня ревнуетъ къ Юркѣ...—сообщала Нина мужу.—Да... И какъ это смѣшно! Посмотри, съ какимъ видомъ она беретъ его изъ моихъ рукъ, точно хочетъ утащить.

Леонида Гавриловна, дѣйствительно, привязалась къ ребенку съ болѣзненной страстью, какъ всѣ бабушки, еще не исчерпавшія свою женскую энергію, которую онѣ переносятъ на внучатъ. Она теперь почти все время проводила здѣсь и точно обижалась, когда Нина брала ребенка кормить. Ей казалось, что Нина все дѣлаетъ не такъ, и что ребенокъ въ ея рукахъ терпитъ большія непріятности.

Крещеніе Юрки явилось громаднымъ событіемъ. Ефимъ Иванычъ надѣялся, что Нина забудетъ свою фантазію пригласить въ крестные Егорова, но она настояла на этомъ съ мягкимъ упорствомъ, которое удивило даже Леониду Гавриловну.

— Я могу только удивляться тебѣ, Нина,—замѣтила она, пожимая плечами.—Егоровъ, положимъ, особенный человѣкъ, но какой же онъ крестный отецъ?..

— Мама, оставимте этотъ разговоръ,—мягко настаивала Нина.—Могу же я что-нибудь пожелать?.. Ужъ вамъ-то, кажется, должно быть все равно.

— Мнѣ все равно? Ты ошибаешься...

— Я говорю о религіи... Егоровъ, можетъ-быть, и погибшій человѣкъ, но онъ вѣритъ въ Бога, и для него обрядъ не будетъ пустой формальностью, какъ для нашихъ другихъ знакомыхъ.

Собственно, знакомыхъ подходящихъ и не было, потому что Леонида Гавриловна давно уже вела слишкомъ замкнутую жизнь. Нину поддержалъ Ефимъ Иванычъ, желавшій угодить женѣ.

Егоровъ, приглашенный для такого случая, выказалъ и умѣлость и даже серьезность.

— Что же, окрестимъ... Дѣло житейское-съ,—повторялъ онъ, поглядывая на Нину.—Однимъ гражданиномъ будетъ больше... Законное дѣло.

Крестилъ молодой приходскій священникъ, высокій и чахоточный. Онъ ужасно стѣснялся Ефима Иваныча, въ которомъ видѣлъ прежде всего грознаго корреспондента. Егорова батюшка огорчилъ, потому что наотрѣзъ отказался пить. Кумой была, конечно, Леонида Гавриловна.

XII.

Тѣ неровности въ отношеніяхъ, которыя Ефимъ Иванычъ замѣчалъ за женой въ послѣднее время, совершенно исчезли вмѣстѣ съ материнствомъ. Нина сейчасъ находилась въ такомъ хорошемъ, ровномъ настроеніи, когда человѣкъ ничего не желаетъ лучшаго. Жизнь потекла день за днемъ, какъ она идетъ въ счастливыхъ семьяхъ. Ефимъ Иванычъ работалъ съ особеннымъ жаромъ и успѣвалъ сдѣлать столько, что самъ удивлялся. Онъ ушелъ съ головой въ свою скорлупку, изъ которой на время былъ вышибленъ. Нина ему помогала, просматривая разныя спеціальныя изданія, дѣлая вырѣзки изъ газетъ и переписывая. Она успѣвала въ то же время ухаживать за ребенкомъ, который выросталъ не по днямъ, а по часамъ, какъ увѣряла бабушка. Первая дѣтская улыбка сдѣлала настоящій праздникъ, и Леонида Гавриловна даже расплакалась отъ радости.

— Какая ты нервная, мама...—удивлялась Нина.

— Вѣроятно, потому, что на мою долю жизнь отпустила такъ мало улыбокъ,—задумчиво отвѣчала Леонида Гавриловна.—Скажу больше: у меня выработался какой-то вѣчный страхъ, который я скрываю отъ всѣхъ. Ты не замѣчала? Видишь, какъ я умѣю притворяться... Страхъ безотчетный, въ родѣ того, который нападаетъ на человѣка въ темнотѣ. Мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ разразится какая-нибудь гроза... Юрка улыбнулся, и мнѣ страшно.

— Тебѣ нужно лѣчиться, родная... Посовѣтуйся съ докторомъ. А то и на меня ты тоску нагонишь.

— Ахъ, если бы былъ такой докторъ, который могъ бы убивать воспоминанія, Нина! И странное дѣло,—у этихъ воспоминаній есть своя таинственная жизнь: они то какъ будто исчезаютъ, то проявляются рельефнѣе, а то захватываютъ всего и переходятъ въ галлюцинаціи. Хотѣлось бы большинство изъ нихъ вырвать, какъ сорную траву. Есть такой моментъ, вѣроятно, у каждаго, когда начинаешь жить воспоминаніями... Это не зависитъ отъ возраста и отъ личныхъ желаній. Впрочемъ, что я тебѣ говорю: ты еще молода, и тебѣ далеко до грустныхъ воспоминаній!..

Тихо и мирно текла жизнь въ чакушинскомъ домикѣ, сосредоточившись около маленькаго существа, которое всѣхъ согрѣвало своимъ дѣтскимъ лепетомъ, улыбками и озарявшимися сознаніемъ взглядами чистыхъ дѣтскихъ глазъ. Это былъ тотъ путеводный блуждающій огонекъ, который велъ впередъ заблудившихся въ жизненномъ лѣсу. Изъ знакомыхъ время отъ времени появлялся только Егоровъ, который держалъ себя съ такимъ тактомъ, что Ефимъ Иванычъ пересталъ хмуриться, а даже улыбался, когда въ комнату вваливалось его сыромятное степенство. Отъ одного только не могли отучить крестнаго, именно, чтобы онъ не носилъ подарковъ: Егоровъ вѣчно тащилъ съ собою что-нибудь—игрушки, сласти, колясочку для катанья.

— Ничего этого не нужно, Сосипатръ Ефимычъ,—уговаривала Нина,—Юрка рѣшительно ничего не понимаетъ...

— Онъ-то не понимаетъ. да я понимаю все, Нина Петровна. Ужъ это оставьте: характеръ у насъ такой, купеческій. А вашего Юрку я даже весьма люблю. Знатный мальчуга выйдетъ. Только вѣдь испортите: приметесь учить, въ гимназіи морить, и выйдетъ отшибленный человѣкъ...

— Я его торговать посажу,—шутила Нина.

— Что же, дѣло хорошее, и напрасно господа презираютъ эту самую торговлю. Вотъ въ Америкѣ всѣ—коммерсанты. Да-съ, наше-то безобразіе не

отъ торговли, а отъ того, что сами-то мы всѣ помеломъ писаны... Интереса у насъ никакого нѣтъ. Еще вотъ нужда кого давитъ, такъ тотъ бьется, а какъ выбился изъ этой самой нужды—и пропалъ. Ужъ повѣрьте мнѣ...

Любимою темой для разговоровъ опять была Вахрамеевка и деревенская жизнь, которая теперь осмысливалась существованіемъ Юрки.

— Что же, хорошо и въ деревнѣ,—соглашался Егоровъ, знавшій деревню лучше всѣхъ.—Только вѣдь и въ деревнѣ такіе же люди, какъ въ городѣ... А что касается желанія господъ жить въ деревнѣ, такъ лучше и не надо. Главное, воздухъ чистый, и денегъ дѣвать некуда... правильно. А ежели разобрать, такъ и жить-то совсѣмъ не стоитъ... Себя обманываешь, а не живешь.

Послѣднее заключеніе вызывало всегда страстный отпоръ со стороны Ефима Иваныча, который горѣлъ всякими интересами и злобами дня.

— Вы, ваша сыромятность, зарылись въ навозѣ, вотъ и не стало интереса!—выкрикивалъ онъ съ ажитированными движеніями всего тѣла.—Попросту это называется свинствомъ... да. Сколько дѣла кругомъ, а вамъ жизнь надоѣла. А впрочемъ, такимъ людямъ самое лучшее...

— Повѣситься?—добавлялъ Егоровъ.

— Да, вообще, устранить себя тѣмъ или другимъ способомъ. Если бы вы, коммерсантъ Егоровъ, вмѣсто того, чтобы облапошивать почтеннѣйшую публику, въ чемъ заключается ваша провиденціальная роль,—если бы вы взяли револьверъ и застрѣлились, то вѣдь это было бы просто смѣшно.

— Даже весьма смѣшно...—соглашался Егоровъ.—Нестоящій разговора предметъ, Ефимъ Иванычъ. Всякій человѣкъ по-своему съ ума сходитъ, да еще считаетъ, что онъ-то и есть, который умнѣе всѣхъ.

— Будетъ вамъ, господа,—прерывала подобные споры Леонида Гавриловна,—нашли тему...

Такъ прошла цѣлая зима, тихо, въ работѣ, безъ всякихъ происшествій. Юрка уже сидѣлъ давно и даже дѣлалъ первыя попытки хожденія около стульевъ. Нина съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидала наступленія весны, чтобы переѣхать въ Вахрамеевку. Ей уже рисовались картины того, какъ она будетъ вывозить въ колясочкѣ своего Юрку, какъ будетъ съ нимъ гулять по полямъ и лугамъ, и какъ быстро вырастетъ мальчикъ на лонѣ матери-природы. А зима запирала въ комнатѣ, гдѣ нельзя было повернуться. Сколько велось хорошихъ разговоровъ на эту тему!

— Скорѣе бы весна,—повторяла Нина, взметывая Юрку къ потолку.

Ребенокъ взмахивалъ ручонками и говорилъ на своемъ воляпюкѣ, что весной все будетъ отлично. Вѣдь онъ все понималъ, рѣшительно все, въ чемъ начиналъ убѣждаться даже Ефимъ Иванычъ. На эту тему происходили самые трогательные супружескіе разговоры. Относительно квартиры на лѣто устроено было все еще зимой. Сначала въ Вахрамеевку съѣздилъ Ефимъ Иванычъ одинъ и договорился съ Левонтьихой, а потомъ ѣздила Нина, чтобы вымѣрить „дачу“ и распланировать меблировку. Левонтьиха уступала всю переднюю избу, а сама на лѣто перебиралась всей семьей въ заднюю.

— Упокоимъ васъ, вотъ какъ упокоимъ!—увѣряла Левонтьиха, всѣми силами старавшаяся угодить городскимъ господамъ.—Въ ниточку вытянусь... Что бы вамъ прошлое-то лѣто пріѣхать: всласть бы погуляли.

— Да какъ-то такъ время прошло, бабушка: межъ пальцевъ. Все собирались, да такъ и не собрались.

Такъ какъ героемъ лѣтняго сезона являлся Юрка, то и приготовленія

къ лѣтнему сезону приняли довольно сложный характеръ. Нужно было впередъ все предусмотрѣть, взвѣсить и обсудить. Но въ самый разгаръ этихъ сборовъ случилось неожиданное происшествіе, которое перевернуло все вверхъ дномъ. Недѣли за двѣ до отъѣзда „въ окончательной формѣ", какъ говорилъ Ефимъ Ивапычъ, зашелъ Егоровъ. Нина была дома совершенно одна. Онъ бывалъ у Чакушиныхъ нерѣдко, и въ такомъ визитѣ ничего особеннаго не было, хотя Нинѣ какъ-то не случалось оставаться съ нимъ одной

— Вы уѣзжаете скоро?—разсѣянно спрашивалъ онъ такимъ тономъ, когда думаютъ о чемъ-нибудь другомъ.—Что же,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Сначала Нина не поняла смысла послѣдней фразы, а потомъ вдругъ поблѣднѣла и съ какимъ-то ужасомъ посмотрѣла на Егорова, точно боялась прочитать на его лицѣ свой смертный приговоръ.

— *Онъ* здѣсь?—прошептала она, опускаясь на ближайшій стулъ.—Да? Говорите же, ради Бога...

— Да, здѣсь... Совсѣмъ очертѣлъ, ужъ извините за словечко. Отъ прежняго Сережи и тѣни не осталось...

— Вы его видѣли? своими глазами?.. Онъ измѣнился, говорите?.. Ахъ, что я говорю... Мнѣ-то какое дѣло! Все давно убито, похоронено и забыто... Нѣтъ, я не то говорю. Вы его видѣли? Онъ спрашивалъ обо мнѣ? Нѣтъ, не говорите... не нужно...

— Да вы не того, Нина Петровна... Эхъ, языкъ проклятый: продалъ. Ну что жъ изъ того, что пріѣхалъ, а потомъ уѣдетъ: вотъ и весь разговоръ. Не стоитъ онъ мизинца вашего, Нина Петровна... Жену давно бросилъ, теперь по трактирамъ колируетъ. Человѣческій образъ потерялъ... Однимъ словомъ, въ родѣ меня, только я-то чувствую свое полное безобразіе, а онъ... Ѣду я по Проломной, а онъ навстрѣчу. Смѣется... Одѣтъ чистенько, а глаза красные, и весь образъ въ большомъ подозрѣніи. Знакомое намъ дѣло... Поговорили: то, се. Ну, о васъ этакъ стороной спрашиваетъ и опять смѣется. Такъ бы я его въ морду... Удивительное это дѣло, Нина Петровна, какъ на свѣтѣ бываетъ: нестоящаго человѣка любятъ всегда, а стоящій-то пропадаетъ... И пропадаетъ онъ отъ этой самой причины, что нестоящій. Это и съ женщинами и съ мужчинами одинаково случается...

— Вы хотите меня утѣшить, Сосипатръ Ефимычъ?..

— Нѣтъ, я такъ, къ слову... Однако я засидѣлся у васъ. Прощайте...

Нина не удерживала его и машинально протянула руку. Егоровъ задержалъ ее въ своей рукѣ, быстро поцѣловалъ, чего никогда не дѣлалъ, и почти выбѣжалъ изъ комнаты. Откуда-то съ лѣстницы донеслась послѣдняя фраза:

— Прощайте... Можетъ, скоро увидимся!

Нина была въ такомъ настроеніи, что все это промелькнуло передъ ней точно во снѣ; послѣ ей казалось, что послѣднюю фразу она сама придумала. Ее сейчасъ охватило одно ощущеніе, ощущеніе какого-то холода и мертвой пустоты, которая душила ее. Въ слѣдующій моментъ у нея явилась мысль, зачѣмъ она здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ все для нея чужое. Какой ужасный смыслъ въ одномъ этомъ словѣ: чужое... Нина съ ужасомъ оглядывала эти стѣны, мебель и вся дрожала, какъ человѣкъ, поставленный подъ дуло пистолета. А въ головѣ вихремъ проносились безсвязныя мысли, вѣрнѣе сказать— клочья мыслей, точно тамъ произошелъ взрывъ. Пошатываясь, она вошла въ дѣтскую и съ новымъ ужасомъ замѣтила, что и здѣсь все чужое, заглянула въ кроватку, гдѣ спалъ Юрка, и отшатнулась... Это былъ чужой ребенокъ, она обманывала себя ложнымъ чувствомъ материнства и не могла его любить.

Развѣ такъ любятъ дѣтей? Развѣ думаютъ объ этомъ, когда любятъ?.. Она стояла надъ дѣтскою кроваткой и холодѣла каждою каплей крови, какъ преступникъ, подведенный къ плахѣ. Этотъ несчастный ребенокъ былъ ея казнью, а она радовалась...

— Боже мой, я схожу съ ума!—мелькнуло у нея въ головѣ.

Она машинально одѣлась, вышла на улицу и, взявъ перваго извозчика, отправилась прямо къ матери. На счастіе, Леонида Гавриловна была дома. Разстроенный видъ дочери ее перепугалъ.

— Нина, на тебѣ лица нѣтъ! Голубушка, что̀ случилось?..

Нина вся дрожала и только смотрѣла на мать молящими, страшными глазами. Леонида Гавриловна дала ей выпить холодной воды и какого-то спирта, перебирая въ умѣ всевозможные случаи разныхъ несчастій. Когда Нина расплакалась, она вздохнула свободнѣе: сколько горя изнашивается вотъ этими дешевыми бабьими слезами.

— Мама, родная, милая...—шептала Нина, ломая руки.—Со мной было что-то ужасное, такое, чего я не умѣю тебѣ передать. Я сходила съ ума и сама это чувствовала... да...

— У тебя нервы... Не слѣдуетъ себя распускать, тѣмъ болѣе, что у тебя на рукахъ ребенокъ. Нужно умѣть забывать о себѣ: это величайшій секретъ жизни, который достигается только долгимъ опытомъ. Я, кажется, начинаю догадываться о причинахъ твоего сумасшествія, потому что мой неизмѣнный кавалеръ, папа-Бизяевъ, вотъ уже нѣсколько дней, какъ глазъ не кажетъ... Что-нибудь опять хитритъ.

Успокоившись нѣсколько, Нина разсказала по порядку все, что̀ случилось. Леонида Гавриловна выслушала ее съ опущенными глазами и ничего не отвѣчала, какъ опытный исповѣдникъ, который даетъ кающемуся собраться съ силами.

— И только?—спросила она.

— Только... Мама, вѣдь я уважаю Ефима Иваныча, и онъ даже не долженъ *этого* подозрѣвать. Зачѣмъ напрасно его мучить?.. Я успокоюсь, и все пойдетъ по-старому... Только вотъ Юрка... Ахъ, какое это ужасное чувство, мама: чужой, совсѣмъ чужой!.. Я чувствовала, что умирала... душа умирала...

Въ этотъ моментъ ворвался Ефимъ Иванычъ, перепуганный, блѣдный. Онъ облегченно вздохнулъ, когда увидѣлъ жену.

— Что̀ же это ты дѣлаешь, Нина?—заговорилъ онъ.—Пріѣзжаю домой, тебя нѣтъ... Жду часъ, жду другой,—нѣтъ. Меня точно охватило какое-то скверное предчувствіе... Едва доѣхалъ сюда.

— Это я виновата, что задержала ее,—выручила Леонида Гавриловна.

— Кажется, это первый случай въ вашей жизни, Леонида Гавриловна, что вы признали себя виноватой,—ядовито замѣтилъ Чакушинъ и прибавилъ совершенно другимъ тономъ:—представьте себѣ, ѣду сюда... Поровнялся съ домомъ Егорова, а тамъ толпа народа. Что̀ такое? Оказывается...

— Онъ застрѣлился?!—крикнула Нина, вскакивая.

— Нѣтъ, отравился...

Съ Ниной сдѣлалось дурно. Леонида Гавриловна махнула Ефиму Иванычу рукой, чтобы онъ уходилъ. Слезы, истерическій смѣхъ и опять слезы.

— Господи, да что̀ же это такое?—взмолилась Леонида Гавриловна, ломая руки.—Да ты влюблена въ него была, что ли?..

— Ахъ, мама, не то... Совсѣмъ не то!..

XIII.

Весенній яркій день. Ликующимъ свѣтомъ залито все кругомъ, и какъ-то ярче выступаетъ убожество провинціальнаго города, когда стаялъ послѣдній снѣгъ и выступили наружу всѣ ямы, дыры и прорѣхи. Хороши одни сады, а особенно садъ при домѣ, въ которомъ живетъ Леонида Гавриловна. Она и квартиру эту нанимаетъ только для сада. Какая жизнь начинаетъ развертываться въ немъ съ первымъ весеннимъ лучомъ. Вѣтви березъ и тополей набухаютъ, почки наливаются, пробивается зелеными усиками первая травка,— гдѣ-то невидимо и беззвучно творится тайна обновленія. Прилетѣли грачи, скворцы, синицы, точно желанные гости на праздникъ. Леонида Гавриловна сама приводитъ въ порядокъ садовыя дорожки, цвѣточныя клумбы, садовую террасу. А солнце, этотъ источникъ жизни, такъ и припекаетъ... Опять можно проводить цѣлые дни на террасѣ съ книгой въ рукѣ. Нынѣшняя весна особенно дорога Леонидѣ Гавриловнѣ, потому что въ свой садъ она вывезла въ новенькой колясочкѣ Юрку. У Ефима Иваныча нѣтъ сада, и она воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы перетащить ребенка къ себѣ хоть на время.

Итакъ, яркій весенній день. Леонида Гавриловна сидитъ на своей террасѣ, а около нея въ своей колясочкѣ спитъ Юрка. Свѣжій воздухъ нагналъ на ребенка крѣпкій сонъ, и Леонида Гавриловна чутко прислушивается къ его ровному дыханію. Напротивъ у стола сидитъ Вадимъ. Онъ пріѣхалъ въ Смольскъ съ первымъ пароходомъ, но появленіе сына не вызвало въ душѣ Леониды Гавриловны прежней восторженной радости, хотя она и не видала его очень долго. Разсматривая его, она видитъ только, какъ онъ сильно возмужалъ за это время, обросъ бородой и пріобрѣлъ самоувѣренный мужской тонъ. Мать нѣсколько разъ вглядывается въ него прищуренными глазами и находитъ, что для мужчины Вадимъ почти красавецъ и, навѣрно, пользуется большимъ успѣхомъ у женщинъ, хотя и важничаетъ, какъ молодой пѣтухъ. Онъ живетъ въ Смольскѣ уже нѣсколько дней, ему, видимо, нужно что-то сказать матери, но онъ все не можетъ выбрать удобнаго времени для такого разговора, а Леонида Гавриловна сама его не начинаетъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, кажется, всѣхъ свелъ съ ума,—иронизируетъ Вадимъ, показывая глазами на Юркину колясочку.—Всѣ эти дни я только и слышу разговоры о немъ...

— Тебя это удивляетъ, потому что ты, къ сожалѣнію, не можешь помнить того времени, когда самъ былъ такимъ же героемъ, какъ сейчасъ Юрка.

— О чемъ же тутъ жалѣть, мутерхенъ?.. Ребенокъ какъ ребенокъ, и больше ничего... Какой-то статистикъ, у котораго оказалось много лишняго времени, высчиталъ, что на земномъ шарѣ въ каждую секунду родится по одному человѣку...

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

— Особеннаго ничего...

Неловкая пауза и скрытое раздраженіе безъ всякаго повода. Вадимъ закуриваетъ папироску съ разсчитанной медленностью.

— Впрочемъ, я разсуждаю въ этомъ случаѣ немножко пристрастно,— тянетъ онъ, подбирая слова,—именно, какъ завистливый конкурентъ... Нужно тебѣ сказать, мутерхенъ, что я тоже сочеталъ себя узами Гименея вотъ уже больше года и тоже осчастливленъ, но только барышней, а не молодымъ человѣкомъ.

— Пріятная новость...

— Если я тебѣ ничего не писалъ обо всемъ этомъ, то просто изъ чувства деликатности, чтобы не взволновать твоего женскаго любопытства.

— Благодарю за откровенность, но не завидую твоей женѣ.

— Ей и трудно завидовать, потому что она умерла.

— Я ее понимаю...

Опять пауза, мучительная и обидная. Леонида Гавриловна подавляетъ тяжелый вздохъ, догадываясь, о чемъ пойдетъ рѣчь. Вадимъ раскуриваетъ вторую папироску, дѣлаетъ нѣсколько туровъ по террасѣ и останавливается въ нерѣшительности, но Леонида Гавриловна предупреждаетъ его.

— Тебѣ нужно избавиться отъ твоей барышни, чтобы осчастливить новую женщину?.. Что же, я съ удовольствіемъ возьму твою барышню, которая у меня найдетъ все то, чего не получала дома... Можешь быть спокоенъ.

Вадимъ закусилъ губу и посмотрѣлъ на мать злыми, прищуренными глазами.

— Да, я женюсь и на этотъ разъ на богатой молодой дѣвушкѣ... Ребенокъ былъ бы лишнимъ.

— Что же, ты уже успѣлъ полюбить эту богатую молодую дѣвушку?

Этотъ вопросъ разсмѣшилъ молодого человѣка.

— Мутерхенъ, мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ и собьемся на терминологіи... У меня ужъ такъ устроена голова, что я просто не понимаю многихъ мудреныхъ словъ, которыя для тебя, можетъ-быть, составляли и составляютъ все.

— Меня ты можешь оставить въ покоѣ, дорогой мой... Я до конца буду вѣрить мудренымъ хорошимъ словамъ: это неизлѣчимая болѣзнь. И самое лучшее, если мы оставимъ дальнѣйшій разговоръ.

На бѣду въ этотъ моментъ пріѣхала Нина. Вадимъ встрѣтилъ ее ироническою улыбкой, которую замѣтила только Леонида Гавриловна.

— Опять отложили отъѣздъ?—спросила она.

— Какой отъѣздъ?—удивилась Нина.—Ахъ, да, въ Вахрамеевку... Мнѣ что-то нездоровится... Какъ-нибудь на-дняхъ... Что Юрка?

— Какъ видишь, блаженствуетъ.

Нина присѣла къ колясочкѣ и долго смотрѣла на спавшаго ребенка. Вадимъ смотрѣлъ на нее и опять улыбался.

— Нина, сейчасъ можно написать картину,—заговорилъ онъ,—и послать въ „Ниву“ съ подписью: „Счастливая мать“.

Она не поняла насмѣшки и только посмотрѣла на него разсѣяннымъ взглядомъ, а потомъ обратилась къ матери:

— Мама, какъ ты думаешь, брать намъ въ Вахрамеевку Юркину кроватку? Вѣдь онъ можетъ спать въ колясочкѣ.

— Глупости говоришь,—рѣзко замѣтила Леонида Гавриловна.—Пока Юрка катается въ своей коляскѣ, кроватка провѣтривается, и наоборотъ. Нельзя ребенка держать въ одной колясочкѣ...

— Я это подтверждаю,—прибавилъ Вадимъ.—А что подѣлываетъ Ефимъ Иванычъ?

— Онъ отправился куда-то по дѣламъ... Кажется, въ земскую управу или въ думу,—не помню хорошенько. А что?..

— Да такъ... Я всегда завидую людямъ, которые такъ работаютъ.

Послышался звонокъ, и на террасу вошелъ Бизяевъ-отецъ. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь Вадима и Нину именно въ эту пору и ужасно смутился. Неловко поздоровавшись, онъ заговорилъ еще болѣе неловко о погодѣ.

— А что̀ Сережа?—перебилъ его Вадимъ.

— Уѣхалъ, вчера уѣхалъ,—отвѣтилъ Бизяевъ и облегченно вздохнулъ.—Знаете, у него тамъ свои дѣла, а здѣсь только время терялъ.

— Странно, что онъ даже не зашелъ къ намъ,—замѣтилъ Вадимъ, вызывающе глядя на мать.—Вотъ и вѣрь послѣ этого въ дружбу и разныя высокія чувства.

Леонида Гавриловна постаралась замять разговоръ и все смотрѣла на Нину, которая сидѣла неподвижно у стола, точно мертвая. Въ лицѣ ни кровинки, глаза какіе-то потухшіе. Бизяевъ посидѣлъ съ полчаса и началъ прощаться. Леонида Гавриловна притронулась къ рукѣ Нины и проговорила

— Что̀ съ тобой, Нина? Какая ты странная...

— Я?—удивилась Нина и даже разсмѣялась.—Ахъ, не то, мама... М-г Бизяевъ, вы меня довезете?.. Намъ по пути...

— Съ удовольствіемъ...

— А какъ же Юрка?—спрашивала Леонида Гавриловна.—Нина, ты не пріѣдешь?..

— Мама, я скоро вернусь: я дома забыла одну вещь...

Въ дверяхъ Нина остановилась, посмотрѣла на мать и на колясочку, въ которой спалъ Юрка, и быстрыми шагами пошла въ столовую.

— Для чего ты разстроилъ ее?—накинулась Леонида Гавриловна на Вадима съ особеннымъ ожесточеніемъ.—Тебѣ доставляетъ удовольствіе дразнить ее?..

— Я, кажется, ничего не сказалъ такого...

— Довольно!.. Говоря откровенно, хотя ты и мой сынъ, я имѣла ошибку думать о тебѣ лучше. Да, я думала о тебѣ лучше, Вадимъ... Жизнь слишкомъ часто обманываетъ насъ, и я не желаю тебѣ только одного, чтобы ты ошибся въ своихъ собственныхъ дѣтяхъ, когда они сдѣлаются большими. Это послѣднее горе, которое уносится только въ могилу...

Произошла довольно горячая сцена, разрѣшившаяся слезами Леониды Гавриловны. Закрывъ лицо руками, она повторяла:

— Въ тебѣ сейчасъ, Вадимъ, я вижу твоего отца, а въ немъ было несчастіе всей моей жизни... Я думала, что оно умерло вмѣстѣ съ нимъ, но оно живо... оно здѣсь... Это самая страшная кара для женщины!..

Въ этотъ моментъ вбѣжала горничная и, путаясь, заявила, что Вадима Петровича спрашиваетъ какой-то господинъ по очень спѣшному дѣлу.

— Вотъ тебѣ разъ...—протянулъ молодой человѣкъ, довольный, что этимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ заканчивается тяжелая семейная сцена. — Кто бы это могъ быть?..

Когда онъ вошелъ въ гостиную, то въ дверяхъ передней къ своему изумленію увидѣлъ Бизяева, перепуганнаго, блѣднаго. Онъ не могъ даже говорить, а прямо потащилъ за собой Вадима.

— Что̀ такое случилось?..

— Леонидѣ Гавриловнѣ,—бормоталъ Бизяевъ,—не нужно ничего говорить сейчасъ... Подготовьте... Ахъ, Боже мой, какой ужасъ! И вѣдь все сейчасъ случилось, сію минуту...

Въ рукахъ у Бизяева оказался смятый конвертъ съ короткимъ адресомъ: *Мамѣ*. Вадимъ взялъ его почти силой.

— Одну минуту подождите...—умолялъ Бизяевъ.—Подъѣзжаемъ мы къ дому, т.-е. я подвезъ Нину Петровну. Дорогой она даже смѣялась и разсказывала что-то такое про Егорова. Помните, купеческій сынокъ, который не-

давно отравился?.. Хорошо... Подъѣхали... Нина Петровна и проситъ подождать одну минуточку, чтобы написать записку Леонидѣ Гавриловнѣ. Потомъ сама выноситъ конвертъ... Только я отъѣхалъ, какъ слышу выстрѣлъ... другой выстрѣлъ... Вернулся, а она уже готова. Я сюда съ конвертомъ... На дорогѣ встрѣчаю Ефима Иваныча, а онъ уже по моему лицу догадался, что случилось что-то... Нѣтъ, я ему самъ сказалъ, что ѣду отъ нихъ... Однимъ словомъ, Богъ знаетъ что̀ такое!..

Прошла весна, прошло лѣто, наступила осень. Каждый вечеръ Ефимъ Ивановичъ отправлялся къ Леонидѣ Гавриловнѣ, сгорбленный, разбитый, молчаливый, точно его придавила какая-то невидимая рука. Онъ шелъ туда не гостемъ, а какъ домой, потому что тамъ у него оставалась послѣдняя ниточка жизни. Молча раздѣвался онъ въ передней, молча проходилъ въ дѣтскую, гдѣ стояли двѣ кроватки, и просиживалъ здѣсь вечеръ, пока Леонида Гавриловна укладывала дѣтей спать. Ихъ было двое: мальчикъ Юрка и дѣвочка Надежда. Всѣ интересы, всѣ мысли и чувства сосредоточивались только на этихъ дѣтяхъ, а разговоровъ о себѣ больше не существовало, да и не могло быть.

— Вотъ что̀, Леонида Гавриловна,—проговорилъ разъ Ефимъ Иванычъ:—я становлюсь старъ, и мнѣ тяжело ходить къ вамъ такъ далеко, особенно теперь, осенью... Переѣзжайте-ка ко мнѣ. Какъ вы находите подобную мысль?..

Леонида Гавриловна горько заплакала. Она сама нѣсколько разъ думала объ этомъ, но ее удерживалъ страхъ жить тамъ, гдѣ застрѣлилась Нина, а поэтому она сама предложила Ефиму Иванычу свой домъ продать и переселиться къ ней.

— Начнемъ нашу жизнь снова,—шептала она сквозь слезы.—Не для себя жизнь, конечно, а вотъ для этихъ сиротъ.

Ефимъ Иванычъ переселился... Вообще, въ немъ проявилась полная покорность и даже умѣнье повиноваться. Разъ передъ Рождествомъ, когда они засидѣлись въ столовой, онъ сказалъ:

— У васъ сохранилось письмо Нины? То письмо, послѣднее?.. Я его читалъ тогда, но оно совершенно вылетѣло у меня изъ головы.

Леонида Гавриловна принесла смятый листокъ почтовой бумаги, на которомъ твердой рукой было написано:

„Мама, родная, прости меня... Я умираю, потому что не въ состояніи больше выносить своей душевной пытки... Это ужасно, и этого никто не пойметъ... Изъ жизни вышло совсѣмъ не то, чего я ожидала. Ты одна только поймешь меня... Твоя Нина“.

Ефимъ Иванычъ внимательно перечиталъ роковой листокъ и спросилъ:

— И вы поняли все?

— Очень хорошо: у всѣхъ въ жизни есть свое „не то“, а это уже дѣло характера примириться съ нимъ, какъ это дѣлали всю жизнь мы съ вами, или покончить разомъ, какъ сдѣлала Нина. Я не оправдываю ея, но понимаю.

1891.

ПОДЪ ЛИПОЙ.

Разсказъ.

I.

— Анна Павловна?..

Отвѣта не послѣдовало.

— Анна Павловна, урожденная Чегенева?..

Молчаніе.

— Анна Павловна, по мужу фрау фонъ-Краузе? Ci-devant барышня изъ сельца Стожары? Любимая дочь Павла Порфирыча Чегенева, знаменитаго драгунскаго штабъ-ротмистра? Аннушка, Анюшка, Анна, Нюрка, Нюшка, Annette... Тьфу!..

Этотъ разговоръ происходилъ въ запущенномъ садикѣ, который, какъ давно не бритая борода, обложилъ запущенную барскую усадьбу. Чегеневъ, типичный, крѣпкій старикъ, сидѣлъ на своей любимой скамейкѣ „подъ липой“. Несмотря на свои сѣдые волосы, онъ сохранился замѣчательно хорошо—жилистый, сухой, костистый. Лицо и шея были точно налиты кровью, сохраняя старый военный загаръ. Онъ былъ бы совсѣмъ красивъ, если бы не гнилые зубы и слезившіеся глаза, блестѣвшіе какой-то дѣтской синевой и по-дѣтски капризные. Бороду Чегеневъ отпустилъ сравнительно недавно и холилъ ее съ особенной нѣжностью, подстригая на разные лады, до à la Эдуардъ VII включительно. Анна Павловна, цвѣтущая молодая женщина, лежала съ книгой въ рукѣ въ гамакѣ, заслоненная отъ отца цвѣтущей шпалерой сиреней. Лицомъ она походила на отца — такой же прямой носъ, красивой лѣпки лобъ, породистый овалъ лица, чудные волосы каштановаго цвѣта. Только въ сѣрыхъ глазахъ сказывалась разница,—въ нихъ не было ничего капризнаго, какъ у отца, и смотрѣли они такъ просто, съ затаенной ласковостью, какъ это бываетъ только у очень здоровыхъ женщинъ.

— Что тебѣ нужно, папа?—откликнулась наконецъ она, когда отецъ началъ сердиться.—Прерывать въ самомъ интересномъ мѣстѣ...

— Я желаю сообщить тебѣ новость: время—деньги,—отвѣтилъ Чегеневъ и засмѣялся безъ всякой побудительной причины.—Это я говорилъ тебѣ всегда, Анна Павловна...

Анна Павловна съ трудомъ выбралась изъ своего гамака, оправила платье и лѣнивыми шагами пошла къ отцу. Когда она остановилась въ тѣни липы, точно осыпанная огневымъ золотомъ пробивавшихся сквозь листву солнечныхъ лучей, отецъ невольно залюбовался ею. Какой чудный ростъ,

какая чудная фигура... Старикъ поднялся и хотѣлъ ее обнять, но Анна Павловна отстранила его протянутыя руки.

— Папа, ты знаешь, что я не люблю ни объятій ни поцѣлуевъ, вообще разныхъ нѣжностей.

— Хорошо, хорошо...—какъ-то виновато забормоталъ старикъ, продолжая любоваться ею.—Именно такая дочь и должна быть у штабъ-ротмистра Чегенева. Даже есть своя кавалерійская посадка въ фигурѣ... Молодецъ, Анна Павловна! Вотъ, садись рядомъ и потолкуемъ о дѣлѣ... Время—деньги.

По этому приступу Анна Павловна начала догадываться, въ чемъ дѣло, и на ея бѣломъ лбу всплыла легкая морщинка.

— Догадываюсь, что ты меня погонишь въ городъ,—заговорила она.—Опять къ этому Мокину...

— Анна Павловна, вы угадали... Именно къ этому Мокину... Нужно выхлопотать отсрочку по закладной.

— Я думаю, что лучше было бы тебѣ съѣздить самому, а я ничего не понимаю въ вашихъ дѣлахъ.

— Зато Арсеній Лукичъ все отлично понимаютъ и для тебя все сдѣлаютъ. Ихъ степенство очень уважаютъ, когда къ нимъ въ банкъ пріѣзжаетъ сама Анна Павловна.

— Папа, ты знаешь, что я не люблю такихъ шутокъ...

— Чѣмъ же я виноватъ, если ты ему нравишься? Видѣла, какъ онъ третьяго-дня прокатилъ мимо насъ на своемъ ворономъ?.. Чудо, а не конь. И верхомъ онъ недурно ѣздитъ, хоть и купецъ первой гильдіи... да. Любому джентльмену впору такъ держаться въ сѣдлѣ. Вообще, мужчина—молодецъ.

— Меня это нисколько не интересуетъ.

— А ты вникни въ корень вещей. Купецъ—теперь все... Безъ него дышать нельзя. А какой у него аппетитъ... Даже не аппетитъ, а жоръ, какъ говорятъ рыболовы про рыбу. Да, такъ ты поѣдешь къ Мокину и того... все устроишь. Вѣдь тебѣ только стоитъ посмотрѣть на него ласково.

— Папа, опять?

— Ну, не буду, не буду, недотрога-царевна. Вѣдь я ничего не говорю про твоего мужа, что онъ негодяй и упрямая нѣмецкая скотина, и что купецъ Мокинъ въ тысячу разъ его умнѣе и лучше.

Анна Павловна демонстративно поднялась.

— Аня, прости, не буду,—какъ-то плаксиво заговорилъ Чегеневъ.—Такъ, съ языка сорвалось... Мнѣ просто жаль тебя... Это тебя любезная тетушка Александра Ивановна устроила тогда. Въ сущности вѣдь я даже люблю твоего нѣмца, чортъ его возьми, хоть онъ и могъ бы быть лучше, т.-е. выручить меня и не заставлять тебя ѣздить къ Мокину. Нѣтъ ничего хуже униженія для порядочнаго человѣка.

Эта сцена была прервана раздавшимся на террасѣ звономъ колокольчика. Чегеневъ встрепенулся,—онъ любилъ поѣсть, и это составляло для него въ деревенской глуши единственное развлеченіе.

— Евгенія Ивановна приглашаютъ кушать,—проговорилъ онъ, облизывая губы.—Сегодня у насъ утка съ груздями... Марка высокая въ эстетическомъ смыслѣ.

Евгенія Ивановна, жена Чегенева, обрюзгшая, полная дама въ домашнемъ капотѣ, казалась старше своихъ лѣтъ. Она всегда была чѣмъ-нибудь встревожена и всегда ждала какой-нибудь бѣды. А вдругъ Павелъ Порфирычъ

захвораетъ? А вдругъ продадутъ имѣнье за долги, или сгоритъ усадьба? Кромѣ обычныхъ напастей и бѣдъ, присвоенныхъ обыкновеннымъ людямъ, у нея былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ страховъ, неразрывно связанныхъ съ той фамиліей, которую она носила. Чегеневы—древній дворянскій родъ, который велъ свое происхожденіе отъ самого Довмонта; что для другихъ не имѣло ровно никакого значенія, для Чегеневыхъ являлось несмываемымъ позоромъ, какъ, напримѣръ, самое простое знакомство съ людьми низшаго происхожденія. Евгенія Ивановна строго блюла завѣты, обычаи и правила стараго дворянскаго круга.

На террасѣ сидѣла еще младшая дочь, Ольга Павловна, худенькая и некрасивая, казавшаяся, какъ и мать, тоже старше своихъ лѣтъ. Она имѣла такой жалкій, убитый видъ, какой принимаютъ въ богатыхъ домахъ дальнія родственницы и разныя приживалки. Ольга Павловна и была на положеніи такой приживалки подъ родительскимъ кровомъ. Она прямо съ институтской скамьи, противъ воли родителей, вышла замужъ за какого-то артиста, который бросилъ ее черезъ два года. Несчастная и разбитая, Ольга Павловна вернулась домой съ Шурикомъ, годовалымъ красавцемъ-мальчикомъ. Сначала ее приняли очень сурово, а потомъ смирились. Бабушка простила все непослушной дочери ради внучка, въ которомъ души не чаяла, причемъ совершенно отстранила мать отъ вопросовъ воспитанія. Павелъ Порфирычъ утѣшался тѣмъ, что мужъ Ольги Павловны былъ дворянинъ, хотя и промѣнялъ свое первородство на чечевичную похлебку искусства.

— Лихой штабъ-ротмистръ выйдетъ,—увѣрялъ онъ, любуясь внукомъ.— Сейчасъ видно...

Ольга Павловна скиталась въ родномъ гнѣздѣ, какъ тѣнь, никогда не показывалась при гостяхъ и вообще избѣгала встрѣчъ даже съ родными.

II.

Появленіе Павла Порфирыча всегда сопровождалось особеннымъ шумомъ, который онъ точно носилъ съ собой. Онъ все дѣлалъ какъ-то шумно: сморкался, шаркалъ ногами, двигалъ стуломъ и т. д. Сегодня его прибытіе къ завтраку было особенно шумно. Кормить было слабостью Евгеніи Ивановны, и она волновалась за каждый завтракъ и обѣдъ, точно держала экзаменъ передъ собственной семьей. Чегеневъ любилъ покушать и относился къ каждому кушанью съ той строгостью, съ какой прокуроръ относится къ своему подсудимому, особенно когда былъ не въ духѣ, какъ сегодня. Евгенія Ивановна послѣднее уже предчувствовала и умоляющими глазами посмотрѣла на Анну Павловну, которая одна не боялась отца и умѣла говорить съ нимъ.

— Ну-съ, чѣмъ вы насъ угостите сегодня, Евгенія Ивановна?—говорилъ Павелъ Порфирычъ, шаркая подъ столомъ ногами и шумно выпуская струю воздуха носомъ.

Обращеніе къ женѣ на „вы“ тоже не обѣщало ничего добраго, и Евгенія Ивановна еще разъ посмотрѣла на Анну Павловну, которая только пожала плечами и улыбнулась своей лѣнивой улыбкой.

На столѣ уже все было готово,—Павелъ Порфирычъ не умѣлъ ждать. Онъ выпилъ свой положенный серебряный стаканчикъ листовки и обратилъ благосклонное вниманіе на редиску, только-что снятую съ гряды. Но старые зубы работали плохо, и Чегеневъ разсердился.

— Точно такую же редиску подаютъ, Евгенія Ивановна, у вашей милой

сестрицы, баронессы Александры Ивановны фонъ-Книге,—замѣтилъ Павелъ Порфирычъ, швыряя провинившуюся редиску въ садъ.

Переходъ къ баронессѣ фонъ-Книге тоже не предвѣщалъ ничего добраго, и Анна Павловна отвѣтила за мать:

— Ни Александра Ивановна ни редиска нисколько не виноваты, что у тебя, папа, скверные зубы...

Евгенія Ивановна вся замерла отъ такой дерзости, ожидая бури. Павелъ Порфирычъ, дѣйствительно, какъ-то даже посинѣлъ, сдвинулъ брови и даже вытянулъ губы, чтобы сказать отвѣтную дерзость, но во-время опомнился и съ дѣланой улыбкой проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, ядовитое дитя мое, ты на этотъ разъ права... Притомъ я похвастался, что знаю вкусъ редиски баронессы. Я счетомъ, кажется, былъ у нея два раза. Первый разъ она меня встрѣтила фразой: „Ахъ, какъ жаль, Поль, мы только-что позавтракали!..“ Очень мило, не правда ли? А въ другой разъ встрѣчная фраза была измѣнена: „Надѣюсь, Поль, что ты уже пообѣдалъ?“ Ха-ха... Баронесса считаетъ кринки молока и выдаетъ сахаръ кусочками... Вообще, говоря между нами, сквалыга порядочная, хотя я и люблю ее... Премилый вообще экземплярчикъ... А впрочемъ, не мое дѣло, тѣмъ болѣе, что она не моя сестра, а Евгеніи Ивановны, и могу пожалѣть только тебя, что Богъ наградилъ тебя такой теткой...

— И въ этомъ никто не виноватъ, папа,—отвѣтила Анна Павловна, аппетитно закусывая редиской.—Т.-е. я хочу сказать, что у каждаго свой характеръ.

Евгенія Ивановна продолжала волноваться и успокоилась только тогда, когда подали бифштексъ, румяный и сочный, какъ любилъ Павелъ Порфирычъ. Дѣйствительно, Чегеневъ „сосредоточился“ на этомъ бифштексѣ и отдалъ ему надлежащую честь. Онъ ѣлъ много, съ причмокиваніемъ, набирая воздухъ и закрывая глаза. Анна Павловна не любила въ такіе моменты смотрѣть на отца, напоминавшаго плотоядное животное. Одна Ольга Павловна оставалась равнодушной ко всему и смотрѣла въ свою тарелку какими-то пустыми глазами.

— Оля, что же ты ничего не ѣшь?—ворчала Евгенія Ивановна.

— Ахъ, виновата, мама...

— Да, такъ того, Анна Павловна...—проговорилъ Павелъ Порфирычъ, отодвигая отъ себя тарелку съ объѣдками бифштекса.—Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у каждаго свой характеръ... да... Вотъ, напримѣръ, я сейчасъ ѣлъ бифштексъ. Кажется, чего проще? А между тѣмъ это анахронизмъ,—и я, и бифштексъ, и то, что я его сейчасъ ѣлъ. Обратись къ статистикѣ, и ты тамъ найдешь подлую графу, гдѣ прямо сказано, что Павлу Чегеневу, яко дармоѣду и тунеядцу, никакого бифштекса не полагается, и если онъ, т.-е. Павелъ Чегеневъ, съѣдаетъ бифштексъ, то это—соціальная несправедливость.

— Папа, я докончу за тебя,—прервала его Анна Павловна.—Сейчасъ бифштексъ принадлежитъ купцу... Да?

— О, Анна Павловна, я могу только гордиться вашей понятливостью... Совершенно вѣрно!.. Все принадлежитъ Арсенію Лукичу Мокину. Онъ знаетъ отлично толкъ въ хорошемъ винѣ, въ хорошихъ сигарахъ, въ лошадяхъ и въ женщинахъ... Я какъ-то былъ у него въ его Плезирѣ. Чудный уголокъ... А чего стоилъ князю Рахманову его дворецъ? Все въ стилѣ, все идейно, сочно, выпукло... Князь умѣлъ пожить и ничего не жалѣлъ для собственнаго

удовольствія. Недаромъ дворецъ въ Плезирѣ выстроенъ самимъ Растрелли... Да, я былъ тамъ, гдѣ сейчасъ поселилось почтенное семейство коммерсантовъ Мокиныхъ. Его мать, очень почтенная старушка, которая ходитъ въ темныхъ платочкахъ, сама показывала всѣ комнаты и съ гордостью повторила нѣсколько разъ: „У насъ, батюшка Павелъ Порфирычъ, все подъ „растрели“. Купецъ Мокинъ слопалъ рахмановскій Плезиръ, какъ со временемъ слопаетъ и насъ. Вотъ и эту усадьбишку слопаетъ, и нашу липу, подъ которой выросло пять поколѣній Чегеневыхъ, и будетъ сидѣть вотъ на этой террасѣ и ѣсть свой собственный заработанный бифштексъ. Да, все только вопросъ времени—не больше...

Отъ этихъ словъ у Евгеніи Ивановны навернулись слезы на глазахъ, и она напрасно старалась ихъ скрыть. Павелъ Порфирычъ былъ сегодня рѣшительно не въ духѣ...

Конечно, Павелъ Порфирычъ говорилъ все это такъ, чтобы сорвать сердце, и самъ не вѣрилъ собственнымъ словамъ, но все-таки отъ нихъ оставался въ душѣ горькій осадокъ. За послѣдніе годы у старика начали появляться какіе-то дѣтскіе капризы, и онъ даже плакалъ отъ какого-то безсильнаго озлобленія.

— Да, его степенство Арсеній Лукичъ купитъ нашу усадьбу съ вольныхъ торговъ,—продолжалъ Павелъ Порфирычъ.—И будетъ Арсеній Лукичъ сидѣть подъ тѣнью фамильной чегеневской липы со своей супругой.

— Папа, ты начинаешь повторяться,—замѣтила строго Анна Павловна.—А это всегда скучно...

— А ты поѣдешь завтра въ городъ?—отвѣтилъ вопросомъ Павелъ Порфирычъ, заглядывая въ лицо дочери.

— Ну да, конечно, поѣду... Для чего еще говорить объ этомъ и отравлять себѣ существованіе?

Евгенія Ивановна знала, о какой поѣздкѣ говорилъ мужъ, и строго подобрала губы. Охъ, ужъ эти поѣздки Анны Павловны... Выпрашивать, клянчить, унижаться... Анна Павловна поняла тайную мысль матери и отвѣтила на нее совершенно просто и спокойно:

— Мама, ты, пожалуйста, не волнуйся... Все будетъ устроено съ соблюденіемъ всѣхъ приличій.

— Молодецъ, Аннушка!—похвалилъ Чегеневъ, раскуривая коротенькую трубочку.—Главное: приличія. Нужно показать... да... показать...

Что и кому слѣдовало показать—осталось неизвѣстнымъ, а Павелъ Порфирычъ на время исчезъ въ дыму своей трубки.

Завтракъ кончился. Павелъ Порфирычъ отправился въ свой кабинетъ „посмотрѣть въ газету, какъ живутъ эти подлецы-иностранцы“. По его упрощенной логикѣ вся заграница представляла собой скопище всевозможныхъ негодяевъ.

Анна Павловна долго ходила въ тѣни родовой липы и скучала. Впрочемъ, она обладала талантомъ „красиво скучать“, какъ говорилъ про нее отецъ. На нее находили временами полосы какого-то тяжелаго раздумья и безотчетной тоски.

„И это жизнь?!“—повторяла она про себя.

Къ своему мужу она относилась, какъ паціенты относятся къ доктору, т.-е. какъ къ чему-то неизбѣжному, что приходилось переносить и терпѣть. Сейчасъ, т.-е. лѣто, она проводила въ имѣніи отца и была рада, что цѣлыхъ два мѣсяца не увидитъ мужа.

III.

Рано утромъ на другой день старый кучеръ Егорычъ, изъ отставныхъ солдатъ, торжественно выкатилъ изъ каретника старинный дорожный экипажъ и долго ходилъ кругомъ него, встряхивая головой.

— Ну и музыка,—ворчалъ онъ.—Вся разъѣхалась...

Старый экипажъ походилъ на стараго человѣка: кожа фордека порыжѣла, облупилась и сморщилась, колеса хлябали, деревянная обшивка расщелялась, при каждомъ движеніи этотъ ветеранъ точно жаловался каждой гайкой. Потомъ Егорычъ вывелъ пару старыхъ лошадей и чистилъ ихъ съ такимъ усердіемъ, точно хотѣлъ содрать съ нихъ кожу.

— Два сапога—пара,—ворчалъ Егорычъ, кучерскимъ глазомъ осматривая еще разъ экипажъ и лошадей.

Онъ, по правдѣ, могъ бы прибавить къ этой парѣ еще третій сапогъ, т.-е. самого себя. Сгорбленный, сморщенный, желтый, съ потухшими глазами,—онъ походилъ не на живого человѣка, а скорѣе на старый футляръ, въ которомъ когда-то жилъ человѣкъ. Евгенія Ивановна уже десять лѣтъ тому назадъ рѣшила, что пора Егорычу отказать, но Павелъ Порфирычъ отстаивалъ стараго воина съ ожесточеніемъ.

— Онъ подъ венгерца ходилъ, замирялъ Польшу,—нельзя такому человѣку отказывать. Потомъ, какой онъ богомольный и всѣ посты соблюдаетъ.

— Рухлядь какая-то,—ворчала Евгенія Ивановна.—Тебѣ онъ нуженъ только для того, чтобы про войну разговаривать...

Когда на крыльцѣ показалась въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ Анна Павловна, вся дорожная археологія лихо подкатила къ ея услугамъ. Егорычъ молодцовато выпрямился и такъ натянулъ вожжи, точно старыя лошади могли разнести экипажъ въ щепы.

— Анюта, такъ ты того...—повторялъ Павелъ Парфирычъ съ немного виноватымъ видомъ.—Значитъ, вообще...

„Вотъ такъ у насъ барыня Анна Павловна,—думалъ Егорычъ, любуясь красавицей-барыней. — Можно сказать, что прямо всему міру на украшеніе такую красоту вырастили...“

Чтобы чѣмъ-нибудь выразить свои чувства, Егорычъ безъ всякой видимой причины ударилъ хлыстомъ пристяжку. Старый конь былъ огорченъ до глубины души, поджалъ уши и брыкнулъ ногой въ оглоблю.

Анна Павловна любила ѣздить, потому что дорогой такъ хорошо думается. Она съ довольной улыбкой помѣстилась въ экипажъ и казалась еще моложе и красивѣе въ этой развалинѣ. Экипажъ торжественно покатился изъ усадьбы, а потомъ по пыльной улицѣ села Чегеневки. Бабы и мужики съ удивленіемъ смотрѣли на экипажъ, провожая его разными замѣчаніями.

Миновали Чегеневку. По сторонамъ дороги кое-гдѣ топорщился чахлый лѣсокъ-карандашникъ, а потомъ развернулись безконечной камчатной скатертью поля съ квадратами назрѣвавшей пшеницы, черныхъ паровъ и поемныхъ луговъ по берегу блестѣвшей вдали красавицы Волги. Налѣво крутымъ мысомъ вдавался въ Волгу рахмановскій Плезиръ со своими бѣлыми башнями и бѣлымъ поясомъ построекъ. Это прогорѣвшее дворянское гнѣздо было выстроено по типу знаменитаго Тріанона и какъ-то рѣзало глазъ своей вычурностью среди блѣднаго и бѣднаго волжскаго пейзажа, расплывавшагося точно въ недосказанныхъ линіяхъ и краскахъ. Отъ Чегеневки до Плезира было не больше семи верстъ, но сейчасъ ихъ раздѣляли цѣлыя столѣтія.

Мокины пробовали знакомиться съ Чегеневыми, но встрѣтили въ лицѣ Евгеніи Ивановны такой холодный и сухой пріемъ, что этимъ все и закончилось. На правомъ берегу Волги, верстахъ въ трехъ отъ Плезира, въ сосновомъ бору пряталась усадьба баронессы Александры Ивановны фонъ-Книгге, выстроенная безъ всякихъ вычуръ и затѣй, но уютно, крѣпко и какъ-то по-нѣмецки сыто. Анна Павловна только вздохнула, взглянувъ въ баронскую сторону, и отвернулась.

До города было всего двѣнадцать верстъ, но лошади утомились уже на полдорогѣ и едва тащились. Впрочемъ, Анна Павловна ничего не замѣчала, отдавшись спеціально-дорожному раздумью. Она точно экзаменовала самое себя, перебирая отдѣльные эпизоды своей жизни. Вотъ она красивый, рослый подростокъ, когда ее конфузили пристальные взгляды незнакомыхъ мужчинъ. Она чувствовала, что ею любуются, и это ее волновало въ тѣ годы, когда дѣвочки, по увѣренію мамашъ, еще ничего не понимаютъ. Потомъ цѣлыхъ восемь лѣтъ въ институтѣ,—скучныхъ, утомительныхъ до одурѣнія восемь молодыхъ лѣтъ, несмотря на то, что всѣ ее любили и по-институтски „обожали“ за красоту. Когда она уѣзжала въ институтъ, чегеневская семья слыла богатой, а когда вернулась домой—отъ богатства не осталось и слѣда. Павелъ Порфирычъ жестоко проигрался въ карты, и только благодаря невѣроятнымъ усиліямъ Евгеніи Ивановны удалось сохранить заложенное и перезаложенное имѣніе.

Она вырвалась изъ институтской неволи, удивительно красивая, полная томящей жажды жизни. Именно въ этотъ критическій моментъ обратила на нее свое благосклонное вниманіе тетка-баронесса.

— Тебѣ дома нечего дѣлать,—коротко и рѣзко объяснила она.—Ничего не высидишь въ своемъ вороньемъ гнѣздѣ. Да... А я тебя могу устроить.

Анна Павловна очутилась подъ крылышкомъ тетки, женщины властной и до крайности скупой. Въ домѣ баронессы всѣ голодали, до любимаго моиса Бобика включительно. Зиму баронесса проводила въ Петербургѣ. У нея на рукахъ были три дочери, которыхъ нужно было устроить. Анна Павловна прошла всю школу мыканья по баламъ, концертамъ и первымъ представленіямъ. Вездѣ ее встрѣчали съ восторгомъ, но она скоро поняла, что приличной партіи въ этомъ кругу она не составитъ. У нея не было приданаго... Пройдя полный курсъ горькаго дѣвичьяго опыта, она была рада, что вышла наконецъ замужъ за сомнительнаго нѣмца фонъ-Краузе. Павелъ Порфирычъ взбѣсился, когда увидѣлъ ея визитную карточму: „М-me Адольфъ фонъ-Краузе“.

— Это безобразіе,—ругался старикъ.—У собаки и у той есть свое собачье имя...

Въ этихъ воспоминаніяхъ время пролетѣло незамѣтно, и Анна Павловна удивилась, когда впереди обрисовались силуэты городскихъ церквей. Городъ Учанъ принадлежалъ къ самымъ старинымъ, о чемъ свидѣтельствовали его старинные соборы и два старинныхъ монастыря. Сейчасъ онъ находился въ ожиданіи желѣзной дороги, которая должна была соединить его со всѣмъ міромъ. Кучеръ Егорычъ подтянулся на своихъ козлахъ и для поощренія ударилъ лошадей хлыстомъ съ особеннымъ ожесточеніемъ.

Скоро экипажъ загромыхалъ по скверной мостовой, жалуясь каждой гайкой и каждымъ винтомъ, пока не остановился на соборной площади у подъѣзда учанскаго банка. Сѣденькій старичокъ-швейцаръ съ подобострастною угодливостью помогъ Аннѣ Павловнѣ выйти изъ экипажа,—онъ зналъ ее еще чегеневской барышней,—и привѣтливо проговорилъ:

— Пожалуйте, Анна Павловна... Вамъ-съ Арсенія Лукича? Они-съ въ правленіи... Позвольте смахнуть пыль-съ съ платьица.

Анна Павловна была въ учанскомъ банкѣ уже не въ первый разъ, и ее знали всѣ служащіе. Когда она проходила мимо проволочныхъ рѣшетокъ, отдѣлявшихъ, какъ въ зоологическомъ саду, банковскихъ человѣковъ отъ публики, ее провожали десятки глазъ и восторженный шопотъ. А „самъ“ Арсеній Лукичъ встрѣтилъ ее въ дверяхъ своего директорскаго кабинета.

Это былъ плечистый, высокій мужчина, остриженный подъ гребенку. Одѣвался онъ безукоризненно. Купеческое происхожденіе выдавала только массивная золотая цѣпочка съ десяткомъ какихъ-то жетоновъ и брелоковъ. Лицо было некрасивое, но характерное, съ умными, темными глазами.

— А я васъ поджидалъ, Анна Павловна,—заговорилъ онъ красивымъ баритономъ, почтительно ожидая, когда кліентка первая протянетъ руку.

— Вы очень любезны,—отвѣтила Анна Павловна, бросая взглядъ на сидѣвшаго въ глубокомъ креслѣ сѣденькаго банковскаго старца.

— Не угодно ли присѣсть?—предложилъ Мокинъ, подвигая кресло.

Онъ быстро просмотрѣлъ поданныя Анной Павловной бумаги, сложилъ ихъ и положилъ подъ прессъ.

— Если вы позволите, Анна Павловна, я самъ привезу вамъ бумаги на дняхъ, чтобы не заставлять васъ ждать...

— Очень благодарна, Арсеній Лукичъ...

Прощаясь, Мокинъ, съ намѣреніемъ или случайно, задержалъ ея руку въ своей. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него своими чудными глазами, что̀ его смутило, какъ школьника.

— Да, я привезу самъ...—виновато бормоталъ онъ, провожая гостью до двери.

IV.

Анна Павловна умѣла не только красиво скучать, но умѣла и чувствовать себя красивой.

Возвращаясь изъ города домой, Анна Павловна улыбалась, что̀ случалось съ ней не часто. Она припоминала, съ какимъ испуганнымъ видомъ ее встрѣтилъ Мокинъ и какъ онъ испугался, задержавъ ея руку. Онъ точно боялся ея, и сознаніе своей женской силы заставляло ее улыбаться. Резюме этого настроенія явилось довольно странное и совершенно неожиданное.

— Къ чему?—проговорила вслухъ Анна Павловна.

— А?—откликнулся Егорычъ.

Анна Павловна опять разсмѣялась. Старикъ какъ-то смѣшно выживалъ изъ ума, и у него на лицѣ точно разрасталось недоумѣвающе-испуганное выраженіе.

Дальше мысли Анны Павловны шли въ такомъ порядкѣ: мама будетъ недовольна, когда Мокинъ пріѣдетъ къ нимъ, папа будетъ придумывать по его адресу что-нибудь ядовитое и т. д. Но развѣ она могла ему отказать? Вѣдь это съ его стороны было просто любезностью. Она припомнила, что онъ бывалъ у нихъ въ домѣ разъ пять и все какъ-то неудачно. Между мамой и этимъ банковскимъ гостемъ установились какія-то враждебныя отношенія, т.-е. мама ненавидѣла его—и ненавидѣла рѣшительно безъ малѣйшаго основанія,—а онъ это чувствовалъ.

— Молодецъ, Анна Павловна,—похвалилъ Павелъ Порфирычъ, когда узналъ о результатахъ поѣздки.—Вотъ какого осетра зацѣпила... ха-ха!.. Пусть пріѣзжаетъ, мы его примемъ честь-честью.

Евгенія Ивановна ничего не сказала и только строго поджала губы. Ей сдѣлалось какъ-то больно за свое дворянское гнѣздо, и она нахохлилась, какъ курица, увидавшая ястреба. Впрочемъ, Анна Павловна меньше всего походила на беззащитнаго цыпленка.

Аннѣ Павловнѣ плохо спалось ночь, несмотря на здоровую усталость послѣ экспедиціи въ городъ. Она долго лежала съ открытыми глазами и почему-то все время думала о Мокинѣ. Онъ былъ и некрасивъ, и грубоватъ, и какъ-то по-купечески съ ней слащавъ, какъ приказчикъ въ модномъ магазинѣ, но у него было что-то такое особенное въ глазахъ, когда онъ смотрѣлъ на нее—тревожное и счастливое, и полное какой-то недосказанной силы. Такіе именно мужчины умѣютъ любить, какъ ей казалось. По аналогіи она припомнила своего мужа—чистенькаго, аккуратнаго, прилизаннаго и вылощеннаго, для котораго она даже не была красивой женщиной. Онъ слишкомъ привыкъ къ ней, слишкомъ былъ въ ней увѣренъ и слишкомъ занятъ собственной драгоцѣнной особой. Красивыхъ женщинъ у себя дома нѣтъ. Онѣ даже и дѣлаются красивыми только за стѣнами этого дома, когда начинаютъ чувствовать освѣжающее и опьяняющее вниманіе постороннихъ глазъ, когда онѣ начинаютъ чувствовать себя женщинами. Именно такое чувство переживала сейчасъ Анна Павловна, ворочаясь въ своей постели.

Въ Чегеневкѣ дни походили одинъ на другой, какъ дождевыя капли. Анна Павловна проснулась утромъ свѣжая и спокойная, напилась кофе и отправилась къ своему гамаку съ французскимъ романомъ въ рукахъ. Русская литература въ чегеневской усадьбѣ находилась въ большомъ подозрѣніи. Утромъ прошелъ теплый лѣтній дождь, освѣжившій зелень. На садовыхъ дорожкахъ, зараставшихъ зелеными клочьями явившейся сюда безъ всякаго приглашенія травы, свѣтлѣли полосы дождевой воды. Пахло горьковатымъ ароматомъ березы, левкоями и гнилымъ деревомъ. На одной изъ аллей на Анну Павловну набѣжалъ пятилѣтній Шурикъ и чуть не сбилъ ее съ ногъ

— Шурка, безсовѣстный!..—выбранила его Анна Павловна подбирая юбку, чтобы перешагнуть черезъ лужу дождевой воды.

Шурикъ громко расхохотался и показалъ ей языкъ.

— Уходи, скверный мальчишка!..

Въ отвѣтъ Шурикъ забѣжалъ сбоку и хлопнулъ ногой въ лужу. Въ результатѣ получилось то, что юбка Анны Павловны покрылась пятнами грязи.

— Злой мальчишка, я нарву тебѣ уши...

Злой мальчишка еще разъ показалъ тетѣ Анѣ языкъ и бросился въ мокрые отъ дождя кусты, какъ заяцъ. Анна Павловна сначала разсердилась, а потомъ разсмѣялась. Этакій сорванецъ-мальчишка... Она только теперь замѣтила стоявшую на поворотѣ дорожки сестру, которая, очевидно, наблюдала за происходившей сценой. Анна Павловна пошла къ ней, чтобы пожаловаться, но Ольга Павловна посмотрѣла на нее такимъ встревоженнымъ взглядомъ, что она вмѣсто жалобы проговорила:

— Какой прелестный мальчуганъ!.. Какая ты, Оля, счастливая...

Ольга Павловна покраснѣла, и у ней на глазахъ выступили слезы.

— Ахъ, Оля, не обижайся, что я тебя назвала счастливой,—спохватилась Анна Павловна и горячо поцѣловала сестру.—Право, счастье не внѣ насъ, а счастье... да, счастье... какъ бы тебѣ это сказать?

На этотъ разъ Ольгѣ Павловнѣ такъ и не пришлось узнать, въ чемъ заключается счастье. Вниманіе сестры точно ее испугало. Она считала Анну Павловну эгоисткой, безчувственной, и старалась избѣгать ея. Анна Павловна

тоже удивилась собственному приливу нѣжности и смотрѣла на сестру немного виноватыми глазами. Бѣдняжка такъ страдала, а она не обращала на нее никогда вниманія, точно это былъ какой-то манекенъ или совсѣмъ чужой, незнакомый человѣкъ.

Сестры обнялись и долго гуляли по самой широкой аллеѣ, спускавшейся къ фамильной липѣ. Анна Павловна продолжала стараться быть доброй, что̀ волновало Ольгу Павловну все больше и больше.

— Оля, ты считаешь себя несчастной,—говорила Анна Павловна.—И совершенно напрасно... Представь себѣ, что есть много людей, которые даже не могутъ быть несчастными, потому что не испытали счастья. А ты была счастлива...

— Къ чему ты все это говоришь, Аня?

— Къ чему? Вотъ этого я ужъ сама не знаю... Такъ, бываютъ иногда разныя мысли. Я какъ-то не привыкла думать о себѣ, вѣрнѣе сказать—смотрю на себя со стороны, какъ въ театрѣ изъ ложи смотрятъ на артистовъ.

— У тебя счастливый характеръ, Аня...

— Можетъ-быть... А вѣрнѣе—никакого характера. День прошелъ,—и слава Богу...

— При твоей молодости и красотѣ?

— Молодость пройдетъ, а красота—вещь условная. Пока отъ послѣдней кромѣ непріятностей ничего не имѣла... Да и мужчины всѣ до одного гадкіе. Они смотрятъ на насъ, какъ на лошадей, и говорятъ, какъ о лошадяхъ. Не могу забыть, какъ на одномъ балу я иду мимо двухъ молодыхъ людей и слышу: „Давай держать пари, что у нея чудныя икры...“. Гадость!.. И гадость главнымъ образомъ потому, что ее дѣлаютъ люди, вѣроятно, порядочные сами по себѣ, которые полѣзутъ на стѣну, если то же самое скажутъ про ихъ сестру или невѣсту. Ну, я устала, полежимъ въ гамакѣ... Я люблю понѣжиться.

Раскачиваясь въ гамакѣ, сестры предались воспоминаніямъ, причемъ сдѣлали открытіе, что до сихъ поръ совсѣмъ не понимали другъ друга. На Ольгу Павловну напала необычная для нея откровенность.

— Какъ я тебѣ завидовала, Аня, съ самаго ранняго дѣтства, потому что слишкомъ рано поняла, что на всю жизнь останусь неисправимой дурнушкой... Это—ужасное чувство, несправедливое, ожесточающее... А ты росла рядомъ со мной, красивая до конца ногтей... Меня не любилъ даже родной отецъ, а мама только жалѣла, какъ жалѣютъ безнадежно-больныхъ. Потомъ нахлынувшая на меня ураганомъ любовь... Потомъ... Боже мой, сколько я пережила, Аня!.. Представь себѣ только, что ты чувствуешь каждой каплей крови, что богъ, которому ты молишься, ненавидитъ тебя, хуже,—ты для него не существуешь... Нелюбимая жена... Все темно кругомъ, холодно, обидно... Вѣроятно, только заживо погребенные испытываютъ нѣчто подобное.

V.

За вечернимъ чаемъ, когда всѣ сидѣли на садовой террасѣ, Павелъ Порфирычъ разошелся и наговорилъ Аннѣ Павловнѣ много колкостей по адресу Мокина.

— Господинъ буржуй осчастливитъ насъ своимъ посѣщеніемъ... да,—бормоталъ онъ, причмокивая, точно смаковалъ каждое свое слово.—Не буржуа, за которымъ стоитъ цѣлая культура, а именно—буржуй Арсеній Лукичъ. Кстати присмотритъ и нашу усадьбу, чтобы перехватить ее потомъ съ торговъ... гм... да...

— Папа, я хлопотала для тебя же,—спокойно отвѣчала Анна Павловна.— А со стороны Арсенія Лукича это просто вѣжливость...

— Ха-ха!.. Вѣжливость!—хохоталъ Павелъ Порфирычъ, откидывая голову назадъ.—А ручку онъ у тебя цѣловалъ? Нѣтъ? Ну, это глупо съ его стороны...

Евгенія Ивановна не принимала участія въ этомъ непріятномъ разговорѣ, но про себя соглашалась на этотъ разъ съ мужемъ. Она замѣтила, что Анна Павловна волнуется съ утра, а къ чаю принарядилась. И косу распустила по-дѣвичьи, и кофточку шелковую надѣла—женскіе глаза не обманываютъ, когда дѣло идетъ о тѣхъ мелочахъ, которыя совершенно незамѣтны для мужского глаза. Не было сомнѣнія, что Анна Павловна ждала мокинскаго визита и по-своему приготовилась встрѣтить его.

— Да-съ...—тянулъ Павелъ Порфирычъ.—Пыхнетъ господинъ буржуй на тысячномъ рысакѣ въ чегеневскую усадьбу или пріѣдетъ верхомъ на своемъ гнѣдомъ... Ахъ, какая лошадь! Настоящая выводная изъ Англіи, дорогихъ кровей, а на ней Арсеній Лукичъ... А у Анны Павловны сердечко ударитъ тревогу...

— Папа?!..

Анна Павловна неожиданно расплакалась и убѣжала въ садъ.

— Вотъ тебѣ разъ...—удивился Павелъ Порфирычъ, разводя руками.— Никакъ сонъ-то вышелъ въ руку...

— Папа, ты не имѣешь права оскорблять Аню,—вступилась Ольга Павловна.—Она такая хорошая... да...

У Ольги Павловны тряслись губы отъ охватившаго ее волненія. Павелъ Порфирычъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и еще разъ развелъ руками. Заговорила Ольга Павловна—удивительно... Какая муха ее укусила? Павелъ Порфирычъ никогда не замѣчалъ дурнушки-дочери, а тутъ цѣлый бунтъ.

— И въ самомъ-то дѣлѣ, что ты присталъ къ Анѣ?—поддержала Евгенія Ивановна.—Не женское это дѣло по банкамъ-то разъѣзжать... Да я бы ни въ жисть, а только Аня ужъ такая смѣлая уродилась. Для насъ же она хлопотала, а ты довелъ ее до слезъ. Что жъ изъ того, что пріѣдетъ Мокинъ? Пріѣхалъ, посидѣлъ, поговорилъ о дѣлѣ и уѣхалъ... Это съ его стороны даже очень вѣжливо, хотя онъ и купецъ. Не все же одной Анѣ трепаться по банкамъ...

Павелъ Порфирычъ весь посинѣлъ и только хотѣлъ разсердиться, какъ послышался звонъ дорожнаго колокольчика, и у чегеневской усадьбы остановилась дорожная таратайка, заложенная парой мужицкихъ лошаденокъ. Это и былъ Мокинъ. Анна Павловна первая узнала его и торопливой походкой пошла встрѣчать его къ самой калиткѣ. Послѣднее было противъ правилъ, но она сдѣлала это на зло отцу. Она даже не стѣснялась своихъ заплаканныхъ глазъ, которые придавали сейчасъ ея улыбавшемуся лицу особенную прелесть, какъ орошенные росой цвѣты. Съ женской чуткостью она поняла и оцѣнила, почему Мокинъ пріѣхалъ не на тысячномъ рысакѣ, какъ обыкновенно,—онъ не желалъ конфузить убогой чегеневской упряжки.

Мокинъ выскочилъ изъ своей таратайки съ несвойственной легкостью для его массивной фигуры и вопросительно посмотрѣлъ на заплаканное, улыбавшееся лицо Анны Павловны.

— Не обращайте на меня вниманія,—отвѣтила она на этотъ нѣмой вопросъ.—У меня сегодня нервы...

Она засмѣялась совсѣмъ весело и крѣпко, по-мужски пожала руку гостя.

— Можетъ-быть, я не во-время, Анна Павловна?—спросилъ Мокинъ, понижая голосъ.

— О, нѣтъ, папа будетъ очень радъ васъ видѣть... Вы такъ любезны, Арсеній Лукичъ.

Она повела его прямо на террасу. Мокинъ былъ немного удивленъ, когда старикъ Чегеневъ встрѣтилъ его съ преувеличеннымъ вниманіемъ, а Евгенія Ивановна не проявила обычной сухости. Даже безотвѣтная Ольга Павловна, и та сегодня смотрѣла на него такими добрыми глазами. Мокинъ выпилъ два стакана чая, причемъ успѣлъ разсказать послѣднія городскія новости. Онъ держалъ себя непринужденно и съ достоинствомъ. Павелъ Порфирычъ попробовалъ-было поглумиться надъ буржуями, но Анна Павловна безъ церемоніи перебила его. На минуту пробѣжала черная кошка, а потомъ все исправилось. Даже Евгенія Ивановна что-то такое припомнила о томъ, какъ жили прежде.

— Да, дѣйствительно, бывали случаи,—соглашался Мокинъ.—Наша губернія вся дворянская... Всѣ жили хорошо.

— Было да сплыло,—угрюмо замѣтилъ Павелъ Порфирычъ, посасывая свою трубку.—А теперь...

— А теперь другіе люди, папа, которыхъ ты не совсѣмъ понимаешь,—еще разъ перебила отца Анна Павловна, что̀ было верхомъ невоспитанности.

Мокинъ понялъ, что грозитъ разыграться непріятная сцена, поднялся и проговорилъ:

— А я къ вамъ, Павелъ Порфирычъ, по дѣлу-съ..

— Хорошо, хорошо... Идемте въ кабинетъ.

Когда мужчины вышли, Евгенія Ивановна накинулась на Анну Павловну съ необычной для нея энергіей:

— Какъ ты говоришь съ отцомъ, Аня?!.. Да еще при постороннемъ человѣкѣ... Я согласна, что онъ иногда бываетъ неправъ, но ты забываешь, что онъ все-таки твой отецъ. Да, отецъ...

— Мама, и отцы бываютъ разные...

— Аня, ты съ кѣмъ разговариваешь?!.. Ты забываешь, что я твоя мать... да!..

— Мама, успокойтесь и не волнуйтесь... Я только хотѣла предупредить какую-нибудь дикую выходку папы

— Ты хочешь учить отца!?.

Ольга Павловна не хотѣла слушать этого спора и ушла въ садъ. Анна Павловна раскраснѣлась и старалась не смотрѣть на мать. Но та разошлась и не могла удержать потока материнскаго краснорѣчія.

— Ты—гордячка и никого не любишь. Ты и своего мужа не любишь... Вотъ попомни мое слово, что Богъ тебя накажетъ.

— И безъ того, мама, Богъ меня достаточно наказалъ... Развѣ я живу? Развѣ это жизнь? Развѣ мужъ меня любитъ? День прошелъ—и слава Богу. Вотъ и вся моя жизнь...

— Что̀ ты говоришь, Аня? Ты совсѣмъ безстрашная сдѣлалась... Тебѣ надо лѣчиться.

Анна Павловна только встряхнула волосами и засмѣялась. Она, дѣйствительно, сейчасъ чувствовала себя безстрашной. Да и чего ей было бояться, когда на душѣ было такъ холодно и безотрадно? Странно, что выдержанная и разсудительная по натурѣ Анна Павловна сейчасъ разсердилась на мать.

А тутъ еще изъ раскрытаго окна кабинета началъ доноситься хриплый смѣхъ Павла Порфирыча.

„Папа что-нибудь выкинетъ“,—съ тоской думала Анна Павловна.

Въ кабинетѣ, дѣйствительно, происходила довольно непріятная сцена. Павелъ Порфирычъ принялъ отъ Мокина бумаги, небрежно просмотрѣлъ ихъ и проговорилъ:

— Очень хорошо, т.-е. очень благодаренъ Арсеній Лукичъ. Только одно маленькое замѣчаніе: вы поступаете не по-коммерчески, т.-е. слишкомъ довѣряетесь мнѣ. А вдругъ я возьму да и надую васъ? Ха-ха... И даже очень просто.

— Вы шутите, Павелъ Порфирычъ,—точно оправдывался Мокинъ.—Я вполнѣ довѣряю вамъ...

— Довѣряете? Знаете, голубчикъ, я, какъ старый и опытный человѣкъ, скажу вамъ, что даже и самому себѣ не всегда можно вѣрить... да. А потомъ... Да, потомъ... Гм... Есть область великодушія, которая не всегда умѣстна. Я лично очень вамъ благодаренъ, но не желалъ бы пользоваться именно вашимъ великодушіемъ. У меня ничего нѣтъ, какъ вамъ извѣстно, но не все мѣряется на свѣтѣ капиталомъ...

Мокинъ вышелъ изъ кабинета съ красными пятнами на лицѣ и наскоро сталъ прощаться. Павелъ Порфирычъ стоялъ въ дверяхъ и улыбающимися глазами смотрѣлъ на Анну Павловну.

VI.

Прощанье вышло какое-то неловкое, и гость вышелъ съ террасы сконфуженный. Анна Павловна провожала его и, когда онъ хотѣлъ повернуть къ калиткѣ, она остановила его.

— Васъ, Арсеній Лукичъ, папа оскорбилъ?—тихо спросила она.

— Да, т.-е. нѣтъ, Анна Павловна. Вашъ папа не можетъ меня оскорбить.

На словѣ „вашъ“ онъ сдѣлалъ удареніе.

— Папа вспыльчивый человѣкъ и иногда можетъ сказать что-нибудь лишнее, но онъ по душѣ очень добрый человѣкъ.

— Онъ былъ правъ, Анна Павловна...

Послѣднее Мокинъ проговорилъ съ немного больною улыбкою и посмотрѣлъ на Анну Павловну такими хорошими глазами.

— Пойдемте вонъ въ ту аллею, гдѣ липа,—предложила она.—Мнѣ хочется поговорить съ вами... Вы не обижаетесь на меня?

— На васъ?..

Онъ не договорилъ, и они пошли къ липѣ. Анна Павловна выбрала мѣсто на скамейкѣ такъ, что ихъ было видно съ террасы.

— Обидѣть лично меня трудно, Анна Павловна,—заговорилъ онъ, набирая воздухъ полною грудью.—А вотъ за васъ мнѣ обидно. Я не имѣю никакого права такъ говорить, но ужъ такъ само собою вырвалось. Да вѣдь я отлично понимаю, какъ вамъ тяжело пріѣзжать къ намъ въ банкъ и видѣть меня. Да, именно меня... А мнѣ это и больно и обидно.

— Относительно себя, Арсеній Лукичъ, вы ошибаетесь...

— О, нѣтъ!.. Я это чувствую какъ-то всѣмъ тѣломъ...

Онъ немного помолчалъ, опять набралъ воздуха и заговорилъ уже другимъ тономъ:

— А я вѣдь ждалъ васъ, Анна Павловна... Даже къ окну нѣсколько разъ подходилъ и выглядывалъ на улицу. Знаю, что Павелъ Порфирычъ самъ не поѣдетъ, а пошлетъ васъ. И мнѣ впередъ дѣлалось больно за васъ...

— Благодарю, Арсеній Лукичъ, за участіе. Вы правы, что особеннаго удовольствія въ такихъ поѣздкахъ нѣтъ, но я разсчитывала именно на ваше вниманіе, а потому ѣхала почти съ легкимъ сердцемъ.

— Знаете, я самъ хотѣлъ пріѣхать къ вамъ за бумагами, но это значило навязываться... Павелъ Порфирычъ вотъ какъ меня отчиталъ и за то, что я сдѣлалъ.

Мокинъ самымъ добродушнымъ тономъ передалъ содержаніе только-что происходившей въ кабинетѣ сцены и прибавилъ:

— И Павелъ Порфирычъ правъ, Анна Павловна... Нужно быть звѣремъ, нужно выматывать душу изъ живого человѣка, нужно быть вообще несправедливымъ, чтобы почувствовали вашу силу и... полюбили васъ. Вѣдь и страхъ и любовь, какъ ни странно, чувства одного порядка, а великодушіе—состояніе безразличія, почему оно и обидно.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, Арсеній Лукичъ...

Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и проговорилъ съ горькой улыбкой:

— Вотъ моя жена—она боится меня, потому что любитъ.

— А вы?—невольно вырвалось у Анны Павловны, и она покраснѣла за неумѣстность своего вопроса.

Вмѣсто отвѣта онъ быстро поднялся и началъ прощаться. Она, пожимая ему руку, проговорила:

— Пріѣзжайте какъ-нибудь... поговорить. Я всегда дома и буду рада васъ видѣть. У насъ страшная скука, предупреждаю впередъ...

Мокинъ вопросительно посмотрѣлъ на террасу и отвѣтилъ съ грустной нотой въ голосѣ:

— Вы слишкомъ добры, Анна Павловна...

На террасу онъ не зашелъ, а раскланялся издали. Павелъ Порфирычъ хрипло захохоталъ, когда за гостемъ хлопнула калитка и задребезжали дорожные колокольчики. Анна Павловна прошлась по аллеѣ, постояла на поворотѣ любимой дорожки и быстрыми шагами пошла къ террасѣ.

— Анна Павловна...—останавливалъ ее Павелъ Порфирычъ.

Но она не слышала его словъ и молча прошла въ свою комнату, гдѣ и заперлась.

— Мы сердимся, чортъ возьми!..—резюмировалъ Павелъ Порфирычъ эту непочтительную выходку.—Понимаемъ...

— Оставьте ее въ покоѣ,—ворчала Евгенія Ивановна,—это она отъ скуки бѣсится... Женщина молодая, здоровая, ну, понятное дѣло, ей и скучно.

Анна Павловна испугалась...

Это было ровно черезъ три дня послѣ визита Мокина. Она послѣ обѣда, когда старики улеглись спать, лежала съ книгой въ рукахъ въ своемъ гамакѣ и полудремала. Было жарко. Гдѣ-то гудѣли комары. Сонно чиликала въ вершинѣ вѣковой липы какая-то безыменная птичка. Пахло левкоями и резедой. Она очнулась отъ своего забытья, когда ее накрыла какая-то широкая тѣнь. Анна Павловна даже вскрикнула отъ испуга. Передъ ней стоялъ Мокинъ. По щегольскимъ лакированнымъ ботфортамъ она догадалась, что онъ пріѣхалъ верхомъ. Взглянувъ ему въ лицо, Анна Павловна серьезно испугалась. Ей въ первый моментъ показалось, что онъ пьянъ, а потомъ—что онъ сошелъ съ ума. Бываетъ такое неуловимое выраженіе лица, когда внутренній человѣкъ точно отсутствуетъ. Именно такими пустыми глазами Мокинъ и смотрѣлъ на Анну Павловну.

— Я... т.-е. я ѣхалъ мимо и увидѣлъ васъ...—заговорилъ онъ, неловко роняя слова.—Если я мѣшаю, то могу уѣхать... Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Я такъ... ѣхалъ мимо...

Онъ говорилъ съ трудомъ, говорилъ совсѣмъ не тѣми словами, какими долженъ былъ говорить.

— Идите подъ липу, а я сейчасъ приду...—отвѣтила Анна Павловна, не рѣшаясь при гостѣ вылѣзать изъ гамака.

Онъ покорно зашагалъ къ липѣ, сбивая по дорогѣ своимъ хлыстомъ головки полевыхъ цвѣтовъ, выбивавшихся по краямъ газона.

Выбравшись изъ гамака, Анна Павловна боковой аллеей, чтобы онъ не видѣлъ ее въ домашнемъ костюмѣ, быстро прошла къ себѣ въ комнату, чтобы переодѣться, и дорогой повторяла про себя фразу:

— Какъ онъ смѣлъ такъ ворваться въ садъ? Какъ онъ смѣлъ?

Его могла замѣтить прислуга, которая могла подумать не вѣсть что. Наконецъ онъ просто компрометируетъ ее своей безтактностью. Развѣ можно врываться въ домъ безъ всякаго доклада? Положимъ, что она сама его приглашала, что съ дороги, дѣйствительно, можно было видѣть ее въ гамакѣ, что... Мысли въ головѣ Анны Павловны путались, и она чувствовала, какъ усиленно бьется ея сердце. У нея явилась даже предательская мысль: а что если взять да и не выйти къ нему? Послать горничную сказать, что у барыни разболѣлась съ испуга голова. Руки Анны Павловны дрожали, и поэтому крючки, пуговицы и тесемки плохо ея слушались. Въ зеркалѣ отражалось блѣдное, взволнованное лицо.

„Ахъ, какая противная... Что онъ подумаетъ обо мнѣ?“

Въ открытое окно видна была часть небольшой площадки передъ дубомъ. Мокинъ сидѣлъ на скамьѣ, вытянувъ ноги. Около него бѣсенкомъ вертѣлся Шурикъ и, видимо, ему очень надоѣдалъ, потому что лѣзъ къ нему на колѣни и даже дѣлалъ попытку забраться на его спину верхомъ. Лицо Мокина виднѣлось въ полуоборотъ, онъ улыбался и что-то такое объяснялъ назойливому шалуну, чего послѣдній не желалъ понимать. Анна Павловна почему-то спряталась за косякъ и наблюдала эту нѣмую для нея сцену. Шурикъ хотя и приставалъ къ незнакомому для него дядѣ, но по его движеніямъ и выраженію лица Анна Павловна поняла, что ребенокъ относится къ нему совершенно иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, потому что чувствуетъ къ немъ настоящаго мужчину. Вѣдь всѣ эти банальныя картины, изображающія „мать и дитя“, въ сущности только красивая ложь, и ребенокъ инстинктивно поддается обаянію мужской силы. Сцена подъ липой закончилась тѣмъ, что Мокинъ вытянулъ правую руку, поставилъ на нее шалуна и обнесъ кругомъ липы. Картина получилась восхитительная, и Анна Павловна почувствовала, какъ на нее пахнуло какимъ-то неиспытаннымъ еще теплом.

„Ахъ, какой онъ все-таки добрый...“—думала она, выходя изъ своей комнаты.

Съ террасы она увидѣла прятавшуюся за кустомъ сирени Ольгу Павловну, которая со страхомъ наблюдала происходившую подъ липой сцену, счастливая и гордая своимъ красавцемъ-сыномъ. Замѣтивъ сестру, она послала по адресу Мокина воздушный поцѣлуй, какъ влюбленная институтка.

VII.

И все-таки было страшно... Именно съ такимъ чувствомъ Анна Павловна шла подъ родовую липу, гдѣ ее ждалъ Мокинъ, не отдавая себѣ отчета

объ его причинѣ. Просто какъ-то жутко чувствовалось, какъ въ ранней юности передъ экзаменомъ. Онъ поднялся навстрѣчу и смотрѣлъ на нее точно оттаявшими глазами. Шурикъ показалъ тетѣ Аннѣ языкъ, попрыгалъ на одной ножкѣ и убѣжалъ. Они еще разъ поздоровались.

— Вы, Анна Павловна, вѣроятно, приняли меня за сумасшедшаго?— заговорилъ онъ, оглядываясь.—Я ворвался въ вашъ садъ безъ доклада, какъ настоящій сумасшедшій...

— Это пустяки, Арсеній Лукичъ... Я очень рада васъ видѣть и сама васъ приглашала. Садитесь...

Наступила неловкая пауза. Анна Павловна еще болѣе неловко откашлялась. Онъ продолжалъ стоять, нѣмой отъ счастья видѣть ее, чувствовать ея присутствіе. У него кружилась голова и немного дрожали руки.

— Я слишкомъ скоро воспользовался вашимъ приглашеніемъ, Анна Павловна,—быстро заговорилъ онъ, съ ужасомъ вспомнивъ, что время быстро мчится, а въ его распоряженіи всего нѣсколько минутъ, можетъ-быть, послѣднихъ минутъ.—Да... Ахъ, какъ мнѣ много нужно сказать вамъ... У меня въ душѣ цѣлый адъ... Вы не обидитесь, если я буду говорить откровенно все, что̀ меня давитъ сейчасъ?

— Я слушаю...—отвѣтила Анна Павловна съ несвойственной ей покорностью.

— Впередъ прошу у васъ прощенія... да...

Онъ сдѣлалъ паузу, тряхнулъ головой и сѣлъ рядомъ съ Анной Павловной настолько близко, что та постаралась немного отодвинуться. Она опять начала бояться этого сумасшедшаго и опять чувствовала, какъ бьется сердце въ ея груди.

— Я помню такой же лѣтній солнечный день, Анна Павловна... Это было лѣтъ десять тому назадъ, можетъ-быть, немного больше... Я ѣхалъ верхомъ мимо вашей усадьбы и въ первый разъ увидѣлъ васъ... Вы тогда только-что кончили институтъ... Помню лѣтнее барежевое платье на васъ... соломенную англійскую шляпу... Вы стояли у калитки и ѣли вишни изъ деревянной плетеной коробки, выложенной внутри широкими кленовыми листьями... Да, я все помню, до мельчайшихъ подробностей; даже какъ у васъ чудные волосы собраны были въ тяжелую косу... Меня точно что̀ ударило... Я остановилъ лошадь и имѣлъ дерзость раскланяться съ вами, хотя и не былъ знакомъ.

— Ахъ, да, я помню... Я страшно разсердилась тогда на васъ.

— О, я былъ глупъ, хотя и кончилъ только-что университетъ. Я не понималъ, что это была роковая встрѣча... для меня, конечно... что это былъ рѣшающій моментъ въ моей жизни... что... Ради Бога, не сердитесь на меня: я долженъ все это вамъ сказать.

Онъ тяжело вздохнулъ, собираясь съ мыслями. Она не знала, что̀ дѣлать. Если это было приступомъ къ объясненію въ любви, то ей по правиламъ приличія слѣдовало или прекратить этотъ разговоръ, или встать и уйти. Но она не сдѣлала ни того ни другого, переживая какое-то мучительное любопытство, какое испытываютъ дѣти, когда, рискуя жизнью, заглядываютъ въ глубокій колодецъ, къ которому имъ строго запрещено даже подходить близко.

— Вы не бойтесь, Анна Павловна, что я буду вамъ объясняться въ любви,—отвѣтилъ онъ на ея тайную мысль.—Да, такъ я васъ увидѣлъ, и вся моя остальная жизнь была освѣщена этимъ видѣніемъ—именно видѣніемъ. Можетъ-быть, это сказано риторично, но это такъ. Я всегда думалъ о

васъ и выискивалъ всевозможные случаи, чтобы видѣть васъ хоть издали. Я зналъ, когда и куда вы выѣзжаете, зналъ кругъ вашихъ знакомыхъ, даже ваши привычки и недостатки. Разъ у нашихъ общихъ знакомыхъ меня представили вамъ, и вы, конечно, обратили на меня столько же вниманія, какъ на верстовой столбъ. Я слѣдилъ за вами, когда вы жили у вашей тетки, когда выѣзжали на балы, когда знакомились съ людьми, съ которыми могли сдѣлать партію... О, я какъ тѣнь преслѣдовалъ васъ, и мнѣ доставляло какое-то мучительное наслажденіе, что вы, конечно, ничего не подозрѣваете, а если бы узнали, то съ презрѣніемъ отвернулись бы отъ меня... Есть наслажденіе даже въ несчастіяхъ.

Аннѣ Павловнѣ не разъ случалось выслушивать объясненія въ любви—покорныя, жалкія, властныя, дерзкія, безнадежныя,—но ни разу ея сердце не откликнулось на нихъ. А здѣсь объясненіе въ любви даже безъ любви и съ неизвѣстнымъ концомъ. Что ему нужно отъ нея? Къ чему онъ все это говоритъ? Родовая липа въ первый еще разъ слушала такія объясненія и тихотихо шептала своими мягкими, сквозившими солнцемъ листьями. И Аннѣ Павловнѣ начинало казаться, что она точно не она, и что вмѣсто Мокина съ ней разговариваетъ кто-то совершенно другой, кого она не должна слушать.

— А чего мнѣ стоило ваше замужество?—продолжалъ неизвѣстный человѣкъ, скрывавшійся подъ маской Мокина.—О, это было ужасно... Я плакалъ, какъ ребенокъ, точно хоронилъ васъ заживо. У меня даже не было чувства ревности, потому что вы всегда стояли на недосягаемой для меня высотѣ, какъ идеалъ женщины. Мнѣ страшно даже сейчасъ вспомнить о тѣхъ безсонныхъ ночахъ, которыя были полны вами... Вѣдь я говорилъ съ вами... Мнѣ казалось, что вы тутъ, около меня, что вы слышите невысказанныя мной слова и такъ хорошо жалѣете меня... Я дошелъ до галлюцинацій... Это чудное душевное состояніе... Я наяву видѣлъ васъ въ тѣни сумерокъ, даже въ облакахъ, слышалъ вашъ голосъ, ваши шаги, чувствовалъ даже теплоту вашей руки... Наконецъ я испугался, что схожу съ ума, и уѣхалъ въ монастырь, чтобы отмолить свою душу отъ васъ. Вы бывали въ Боровскомъ монастырѣ? У меня тамъ есть знакомый старичокъ-монахъ. Я у него прожилъ недѣли двѣ, пока успокоился и пришелъ въ себя. Онъ ухаживалъ за мной, какъ за больнымъ. Да, я открылъ ему всю душу... И только тогда я понялъ, что любовь—пошлое и нелѣпое слово, и что она сводится къ физическому обладанію другимъ лицомъ, и что въ этомъ именно обладаніи исчезаетъ вся поэзія, весь миражъ, все святое... У меня точно отросли крылья, пока я жилъ въ монастырѣ, и я началъ смотрѣть на все совершенно другими глазами, и главное—я понялъ, что нужно сдѣлаться другимъ человѣкомъ...

Анна Павловна слушала эту странную исповѣдь, опустивъ голову. Она тоже почувствовала въ себѣ другого человѣка, и ей сдѣлалось страшно... Хотѣлось убѣжать, спрятаться, выплакаться... Онъ понялъ ея настроеніе и отвѣтилъ на ея мысль:

— Я васъ не задержу, Анна Павловна... Ради Бога, имѣйте еще немного терпѣнія.

Она неожиданно взяла его за руку и прошептала:

— Я ничего подобнаго не испытала... Я даже не подозрѣвала, что такъ можно думать и чувствовать... У меня не было своей жизни... Я жила, какъ подёнка, однимъ сегодняшнимъ днемъ... красивая, молодая, пустая и глупая подёнка.., И зачѣмъ вы говорили все это? Зачѣмъ вы будили меня къ невозможной для меня жизни? Вѣдь у меня нѣтъ воли, а одна красивая [illegible]...

Она продолжала держать его руку, точно искала защиты отъ самой себя. Ей было и жутко и хорошо...

— Я подхожу къ самому непріятному вопросу...—заговорилъ онъ вполголоса.—Послѣ своей поѣздки въ монастырь я ровно черезъ годъ женился... Почему—не могу дать отчета. Вышло какъ-то само собой. Жаловаться на свою жену я не имѣю ни малѣйшаго права... Она хорошая, добрая женщина... У меня есть двое дѣтей... Однимъ словомъ, есть все то, что называется полной чашей. На службѣ мнѣ повезло, я занимаю директорское мѣсто, у меня есть капиталъ... Но я бываю самимъ собой, только пока сижу въ своемъ банкѣ, а домой возвращаюсь чужимъ человѣкомъ... Вы поймите весь ужасъ моего положенія... Вѣдь жена не виновата, что у меня каждое движеніе фальшивое, каждая мысль фальшивая, когда я у себя дома. Мнѣ обидно и за нее и за дѣтей, но если я не могу сдѣлаться другимъ, т.-е. не быть самимъ собой!

— И все это изъ-за меня?

— Да, изъ-за васъ!.. Былъ небольшой промежутокъ, когда я какъ будто начиналъ забывать васъ, а потомъ старое вернулось съ новой силой. Есть вещи, которыя не знаютъ благодати забвенія...

— Милый, хорошій...—шептала она.—Ахъ, что я говорю!.. Простите, я хотѣла сказать совсѣмъ не то... я сама не знаю, что говорю... Мнѣ жаль васъ, вашу жену, жаль себя...

Старая липа въ ужасѣ шептала что-то строгое и непонятное.

VIII.

Ольга Павловна пряталась въ сосѣдней аллеѣ и... подслушивала. Она понимала, какъ это нехорошо, но не могла удержаться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ хорошо говорилъ, а потомъ—что ему отвѣтитъ безчувственная Аня? Неожиданный отвѣтъ Анны Павловны заставилъ ее оцѣпенѣть. Ей показалось, что она ослышалась.

„Она сошла съ ума...“—рѣшила Ольга Павловна въ ужасѣ.

Дальше Ольга Павловна окончательно убѣдилась въ этомъ, именно, когда Анна Павловна взяла подъ руку Мокина и повела его въ глухую аллею, гдѣ пряталась въ кустахъ сирени и акацій бесѣдка. Она подкралась, какъ ящерица, настолько близко, что могла слышать влюбленный шопотъ и поцѣлуи... Анна Павловна и плакала, и тихо смѣялась, и шептала самыя безумныя слова. Все это было до того страшно, что Ольга Павловна бросилась бѣжать, по пути схватила на руки Шурика и втащила его на террасу, гдѣ сидѣла Евгенія Ивановна, раскладывавшая пасьянсъ.

— Что это такое?!..—слышался голосъ Павла Порфирыча, который шелъ изъ кабинета въ халатѣ.

— Что такое?—испуганно спрашивала Евгенія Ивановна, боявшаяся всего на свѣтѣ.

— А!.. лошадь?!.. Это мокинская лошадь... Значитъ, онъ здѣсь. Очень мило: ворваться въ чужой домъ безъ доклада... Это ужъ нахальство. Я его убью...

Нахальство Мокина проявилось въ самой яркой формѣ, когда онъ прошелъ по саду къ калиткѣ и раскланялся съ сидѣвшими на террасѣ издали. Анна Павловна не провожала его, а быстро прошла въ свою комнату и заперлась на ключъ.

— Это что такое?!..—рычалъ Павелъ Порфирычъ, вскакивая.

Евгенія Ивановна едва его удержала и сама бросилась къ дочери.

— Аня, что ты надѣлала?!..—говорила старушка, толкая запертую дверь.—Отвори, безстыдница...

— Не могу, мама... Оставьте меня.

— Зачѣмъ былъ Мокинъ?

— Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ... по одному дѣлу... Оставьте меня, мама, ради Бога. Я не могу къ вамъ выйти...

— Ахъ, безстрашная!.. Вотъ придетъ отецъ и задастъ тебѣ!

— Пусть приходитъ... Я никого не боюсь...

Евгенія Ивановна пробовала говорить самыя страшныя слова, пробовала плакать—ничто не дѣйствовало.

Что Анна Павловна дѣлала ночью—осталось неизвѣстнымъ, а утромъ, когда проснулся Павелъ Порфирычъ, ея уже не было. Она велѣла рано утромъ Егорычу заложить лошадей и уѣхала. Передъ отъѣздомъ она простилась только съ матерью, которой сказала всего одну фразу:

— Потомъ все узнаете, мама...

Это „потомъ“ скоро объяснилось, когда въ чегеневскую усадьбу пріѣхала сама баронесса Александра Ивановна. Она ничего особеннаго не сказала кромѣ того, что завтра пріѣдетъ мужъ Анны Павловны, котораго она вызвала срочной телеграммой. Павелъ Порфирычъ не любилъ баронессу и даже прятался отъ нея.

— Ну, пусть ее...—ворчалъ онъ, выкуривая одну трубку за другой.—Хоть и баронесса, а все-таки баба.

Баронесса прожила два дня, появился фонъ-Краузе. Это былъ безупречно приличный господинъ съ дѣловой складкой. Но пріѣздѣ онъ цѣлыхъ два часа приводилъ свою особу въ порядокъ: мылся, брился, чистился, охорашивался. Старика Чегенева это взбѣсило до послѣдней степени. Такой моментъ, а онъ только чистится! Другой не знаю что надѣлалъ бы... Наконецъ г. фонъ-Краузе показался на террасѣ съ грустно-дѣловымъ видомъ. Баронесса дошла до того, что даже подставила ему стулъ. Г. фонъ-Краузе вынулъ изъ кармана щеточку и долго разглаживалъ ею свои усы.

— Мы здѣсь всѣ свои и можемъ поговорить откровенно,—начала баронесса, когда г. фонъ-Краузе спряталъ свою щеточку въ карманъ жилета.—Да, мы въ своей семьѣ...

Этого было совершенно достаточно, чтобы Павелъ Порфирычъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Въ своей семьѣ?!.. Ха-ха... Хороша семья! Посмотрите на г. фонъ-Краузе!.. Я на его мѣстѣ бросился бы за женой и убилъ ее и похитителя, а онъ щеточкой усы расправляетъ... Если бы я имѣлъ несчастіе быть женой этого господина, то давно бы... Анна Павловна—молодецъ!

Штабъ-ротмистръ Чегеневъ не договорилъ, что бы онъ сдѣлалъ, а только плюнулъ и убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ.

ПРОѢЗЖІЙ ЧОРТЪ.

Разсказъ.

I.

— И что̀ только будетъ!?—повторялъ казакъ Терентій, мотая головой.

— И какъ только жить будемъ?!..—отвѣчалъ бывшій атаманъ Амфилъ.—То-есть ни взадъ ни впередъ... Нѣту ходу—и кончено.

Казаки были старые, дюжіе. У атамана Амфила была повреждена турецкой пулей лѣвая скула, чѣмъ онъ немало гордился. Даже красные носы, обличавшіе крайне неосторожное обращеніе съ напитками, придавали имъ извѣстную солидность. Какой же казакъ не любитъ выпить? Сейчасъ казаки сидѣли въ задней избѣ, гдѣ Терентій по зимамъ держалъ телятъ и ягнятъ и гдѣ поэтому воздухъ не отличался особенной чистотой. Но послѣднее обстоятельство сейчасъ не существовало, потому что подъ столомъ стояла цѣлая четверть водки, и казаки время отъ времени выпивали по стаканчику, оглядываясь на дверь.

— И только что̀ дѣлается съ бабами передъ праздникомъ,—ворчалъ Амфилъ.—Моя Матрена совсѣмъ озвѣрѣла... Приступу къ ней никакого нѣтъ. Рветъ и мечетъ...

— И моя Агаѳья не лучше... Ну, сочельникъ, ну, завтра Рождество, а мы чѣмъ виноваты? Прямо давеча прогнала изъ передней избы, хоть на улицѣ ночуй. Я даже разсердился, а тутъ подъ руку въ сѣняхъ четверть водки попалась... Думаю, позову кума Амфила и разочнемъ четверть въ лучшемъ видѣ, потому какъ вино къ празднику припасено...

— Ужъ это извѣстное дѣло.

Станичныя казачки, дѣйствительно, орудовали въ сочельникъ съ особеннымъ ожесточеніемъ—мыли, скребли, чистили, прибирали и охорашивали. Казаки выгонялись безъ всякаго сожалѣнія прямо на улицу и уныло бродили по ставицѣ, какъ заблудившаяся скотина. Казакъ Терентій совершенно случайно стащилъ у жены четвертную бутыль водки и пригласилъ по этому случаю кума Амфила. Но незаконно пріобрѣтенная водка не давала веселья, а, наоборотъ, нагоняла самыя грустныя размышленія. Говорили о возраставшей на нее дороговизнѣ, о непочтеніи молодыхъ казаковъ къ старшимъ, о томъ, что съ каждымъ годомъ жить дѣлается все труднѣе. Кажется, и земли достаточно, и золотые промысла подъ рукой, только работай, и служба супротивъ прежняго куда легче, а вотъ прежде-то казаки куда лучше жили. Положимъ, денегъ было меньше, а жили лучше. На что, кажется, скотина, а и то лучше велась, потому что травы были лучше. Въ урожайные годы, бывало, свиней пшеницей откармливали.

Станица Уметъ затерялась въ степной глуши Оренбургской губерніи и, дѣйствительно, особеннаго великолѣпія собою не представляла, особенно

по зимамъ, когда ее заносило саженнымъ снѣгомъ. Мало того, съ каждымъ годомъ станица дѣлалась хуже, и народъ бѣднѣлъ на глазахъ, пропиваясь до нитки на золотыхъ промыслахъ. Что̀ казаки ни заработаютъ, то и пропьютъ, да еще своего домашняго добра прихватятъ.

— Отрыгнулось намъ это самое золото совсѣмъ наоборотъ,—жаловался Амфилъ.—Хозяева-то на промыслахъ богатѣютъ, а мы бѣднѣемъ.

— Черезъ золото вся бѣда выходитъ... Теперь все изъ дому-то на промысла волокутъ—и хлѣбъ, и сѣно, и скотину, а деньги на пропой души.

— Ужъ это что̀ говорить... Эта самая водка, ежели разобрать...

Терентій почесалъ въ затылкѣ и неожиданно прибавилъ:

— А помнишь, когда вышла дешевая акцизная водка, проѣзжалъ черезъ Уметъ одинъ баринъ...

— Мало ли господъ проѣзжало...

— Нѣтъ, онъ еще у тебя останавливался тогда... Ну, изъ-за котораго разссорились тогда Михайла Кочетъ и Лука Першинъ?

— Ахъ, да... Помню даже очень хорошо. Черный изъ себя, глаза такіе вострые...

— Ну, такъ онъ, помнишь, какъ тогда сказалъ намъ: „Ну, казачки, какъ ведро выпьете, такъ рупь шесть гривенъ и въ карманѣ“... да. Потому откупная водка стоила шесть рубликовъ ведерко, а дешевая акцизная вышла на четыре рубля сорокъ копеекъ.

— И правильно сказалъ, шутъ его побери.

— Посмѣялся надъ нами, дураками.

— Еще вотъ какъ посмѣялся-то. Лучше не надо... А какъ онъ разссорилъ Луку съ Михайлой,—сколько время прошло, а старики никакъ не могутъ помириться. И изъ-за чего все дѣло вышло—плюнуть не стоитъ. Помнишь, Амфилъ, какъ онъ тогда училъ, какъ водку пить „на шарапъ“? Собралось тогда у тебя въ избѣ, какъ сейчасъ помню, семь человѣкъ... Еще покойникъ дьячокъ Гаврилычъ былъ... Ну, онъ сосчиталъ насъ всѣхъ, отобралъ шесть рюмокъ и говоритъ: „Теперь милости просимъ, казачки“... Шестеро-то выпьютъ, а седьмому и не хватаетъ. Ну, сначала это даже забавно выходило, а потомъ и пошла музыка... Михайла-то съ Лукой за одну рюмку уцѣпились и чуть не подрались. Такъ съ тѣхъ поръ промежду ними и не стало согласія. Все насупротивъ другъ дружкѣ дѣлаютъ... Батюшка отецъ Геннадій разовъ съ пять хотѣлъ ихъ замирить—куды, еще хуже того. Такъ оба на стѣну и лѣзутъ, какъ чумные быки. Одной рюмкой ушибъ баринъ обоихъ...

— Ужъ это что̀ говорить. Другое слово-то хуже ножа... Мудреный баринъ-то оказался.

По этому поводу казаки еще выпили. Прожевывая корочку чернаго хлѣба, Терентій обратилъ вниманіе, что на столѣ оказался третій стаканчикъ. Онъ отлично помнилъ, что было всего два, а тутъ вдругъ третій появился. У старика даже мурашки по спинѣ пробѣжали; только заговорили о мудреномъ барипѣ, какъ на столѣ сейчасъ лишній стаканчикъ объявился. Нагнувшись къ уху Амфила, Терентій прошепталъ:

— Видѣлъ?

— Что̀?

— А стаканчикъ?

— Ну?

— Два было стаканчика, а откуда третій взялся?

Амфилъ протеръ глаза и нѣсколько разъ посмотрѣлъ то на кума Те-

рентій, то на стаканъ. Получалась, понятно, чертовщина... А кумъ Терентій, дрожа отъ страха, сообразилъ все.

— Мы только помянули „его“, а онъ и стаканчикъ подсунулъ,—объяснялъ онъ.

Кумъ Амфилъ только замычалъ, какъ припертый къ стѣнѣ быкъ. Потомъ Терентій хлопнулъ себя по лбу и проговорилъ уже громко:

— Дураки мы, кумъ, вотъ что...

— Ну?

— Тогдашній-то баринъ, который училъ насъ водку пить „на шарапъ“, былъ даже совсѣмъ не баринъ, а просто проѣзжающій чортъ... да!.. Поди слыхалъ, какъ онъ по всей Сибири объѣзжаетъ и добрыхъ людей смущаетъ? Вотъ онъ самый и былъ тогда у насъ въ Уметѣ...

— Ишь-о?

— Вѣрно тебѣ говорю!.. Гдѣ ужъ онъ проѣхалъ—добру не бывать. Однимъ словомъ: проѣзжающій чортъ.

I.

Счастливая мысль кума Терентія очень понравилась Амфилу, и онъ даже хлопнулъ себя по ляжкамъ. Ну, конечно, проѣзжающій чортъ... Кажется, ясно. Его работа. Недаромъ старики говорили, что именно этотъ проѣзжающій чортъ свяжетъ всю Сибирь желѣзной проволокой, потомъ пуститъ по проволокѣ огонь, потомъ приспособитъ чугунку,—тогда и конецъ всему. Очень даже просто...

— То-то у меня тогда двѣ телушки околѣли,—соображалъ онъ вслухъ.—Потомъ жеребенокъ палъ... А ему стоило только поглядѣть—и конецъ дѣлу.

Мысли Терентія неслись уже дальше. Вотъ и стаканчикъ подсунутъ проѣзжающимъ чортомъ, какъ только вспомнили о немъ. Покачавъ головой, кумъ Терентій неожиданно для самого себя сказалъ:

— А знаешь что, кумъ Амфилъ?

— Ну?

— Возьмемъ да и помиримъ Михайлу съ Лукой, прямо на зло проѣзжающему чорту. Вѣдь они не знаютъ, почему ссорятся, а какъ мы имъ скажемъ—сейчасъ и очухаются.

— А что бы ты думалъ, кумъ Терентій? Въ самый даже разъ... Ты ступай за Лукой, а я приведу Михайлу. Будто такъ, вообще... Понялъ? Дѣло, молъ, есть... А какъ сойдутся здѣсь вмѣстѣ, мы имъ все и объяснимъ. Имъ ужъ некуда будетъ дѣваться... Мирись—и конецъ тому дѣлу. Будетъ грѣшить да добрыхъ людей смѣшить.

Кумъ Терентій припряталъ четверть за печку, оглядѣлся и только махнулъ рукой на стоявшій на столѣ третій стаканчикъ. А ну его...

Кумовья отправились и черезъ полчаса вернулись въ сопровожденіи Михайлы Кочета и Луки Першина. Тоже дюжіе были казаки, обложенные благообразной сѣдиной. Когда они входили въ заднюю избу, то натолкнулись на Агаѳью, которая вертѣла въ рукахъ остававшійся на столѣ стаканчикъ и нѣсколько разъ обнюхивала его, какъ кошка. Кумъ Терентій чуть не покатился со смѣху. Вотъ дура баба—такъ и вцѣпилась въ чортовъ стаканчикъ. Понюхай, матушка, чѣмъ проѣзжающій чортъ пахнетъ... Михайла и Лука старались не смотрѣть другъ на друга, хотя оба и предчувствовали, что попали въ какую-то засаду.

— Что, унюхала водку?—пошутилъ кумъ Терентій надъ женой.—Проваливай по своимъ бабьимъ дѣламъ, а насъ оставь.

Когда Агаѳья вышла, кумовья достали изъ кармановъ свои стаканчики, поставили на столъ и захохотали. Однимъ словомъ, дура баба... Потомъ Терентій приперъ дверь на крюкъ, досталъ изъ-за печи росчатую четверть и поставилъ на столъ.

— Ну, говори, кумъ Терентій,—говорилъ Амфилъ, когда кумъ Терентій немного замялся.

— И скажу...—храбро отвѣтилъ онъ.—Думаешь, не скажу? А вотъ возьму и скажу все... Э, братъ, я первый все сообразилъ. Меня, братъ, не проведешь... А вы, Михайла и Лука, слушайте, потому какъ оказали себя непонимающими.

Нужно отдать полную справедливость куму Терентію, что онъ повелъ дѣло необыкновенно ловко и даже сдѣлался краснорѣчивымъ, насколько краснорѣчіе доступно оренбургскому казаку. Онъ приплелъ и о. Геннадія, и сочельника, и покойнаго дьячка Гаврилыча, а когда началъ объяснять, кто такой былъ баринъ, который училъ пить „на шарàпъ“, кумъ Амфилъ даже позавидовалъ ему. Угораздитъ же человѣка такъ складно да ловко говорить, точно береста на огнѣ изворачивается... Михайла Кочетъ и Лука Першинъ все время смотрѣли въ разныя стороны, а когда дѣло дошло до проѣзжающаго чорта—въ первый разъ послѣ сорокалѣтней ссоры взглянули другъ на друга. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего они ссорились? Именно, что проѣзжающій чортъ попуталъ...

— Поняли теперь, какихъ вы дураковъ валяли?—обратился къ нимъ кумъ Терентій въ заключеніе.—Ну, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, а вы поцѣлуйтесь... Пусть проѣзжающій чортъ порадуется. Будетъ ему надъ нами тѣшиться...

Михайла Кочетъ и Лука Першинъ подошли другъ къ другу и поцѣловались. Чтобы скрѣпить примиреніе навсегда, кумъ Терентій налилъ стаканчики водкой и только тутъ вспомнилъ, что одинъ стаканчикъ отъ проѣзжаго чорта.

— Кумъ Амфилъ, какъ же быть?—спрашивалъ онъ.

Всѣ начали разсматривать стаканчики, но никакой разницы не нашли,—всѣ три стаканчика были совершенно одинаковы. Кумъ Терентій долго чесалъ въ затылкѣ, не зная, какъ ему быть. Ясно было одно, именно, что проѣзжающій чортъ перепуталъ стаканчики на общій соблазнъ. Но, съ другой стороны, время было дорого, и кумъ Терентій рѣшилъ, что пусть его стаканчикъ будетъ самый вредный. Онъ подалъ по стаканчику Михайлѣ и Лукѣ и выпилъ съ ними.

— Будьте здоровы, не ссорьтесь...—говорилъ онъ, вытирая губы рукавомъ рубахи.—Ну, а теперь выпьемъ по второй.

Выпили еще по стаканчику, причемъ кумъ Терентій совершенно забылъ объ Амфилѣ. Выходило опять „на шарàпъ“. Когда стаканчики были налиты и выпиты въ третій разъ, бывшій атаманъ надѣлъ шапку и пошелъ къ двери.

— Кумъ, постой, куда ты?—спохватился Терентій.

— А домой.. Спасибо на пріятномъ угощеньи. По-нашему это называется: проѣзжайте почаще мимо, безъ васъ веселѣе.

— Кумъ, Богъ съ тобой...

Но кумъ Амфилъ уже шагалъ по двору. Терентій совершенно растерялся и стоялъ посреди избы, раздвинувъ руки.

— Вотъ онъ какъ отрынулся, проѣзжающій-то чортъ,—шепнулъ Михайла Кочетъ Лукѣ Першину.

Съ этихъ поръ кумъ Терентій и кумъ Амфилъ перестали узнавать другъ друга и взводили другъ на друга всякія небылицы, такъ что о. Геннадій совершенно напрасно старался примирить ихъ.

Оглавленіе

X тома.

стр.

Бурный потокъ (На улицѣ). Романъ 3

Осенніе листья.

Очерки и разсказы.

Кто хуже 174
Гусь 187
Встрѣча 199
Запоздавшая весна 210
Счастливая мать 216
Забытый альбомъ 224
Осенніе листья 236
Ученое горе 259

Около господъ.

Около господъ 270
На чужой сторонѣ 330
Въ услуженіи 374

Именинникъ. Романъ 398
Не то. Повѣсть 497
Подъ липой 555
Проѣзжій чортъ 574

BINDING LIST JUN 15 1950

494378
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собрание сочинений ... [П.В.Быков]
v.10. [Translit: Polnoe sobranie sochineny
[P.V.Bykov]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED